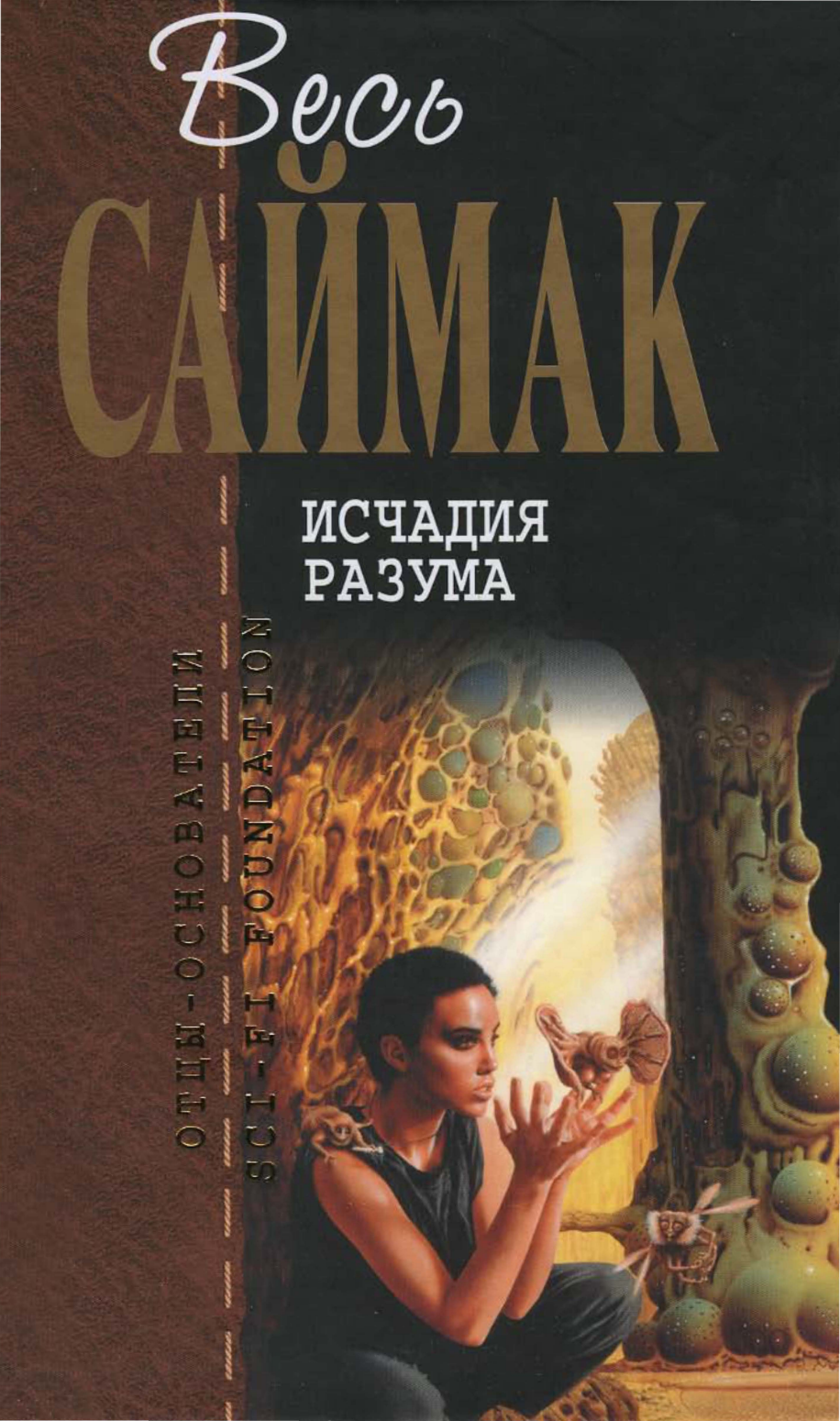
Весь

САЙМАК

ИСЧАДИЯ РАЗУМА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

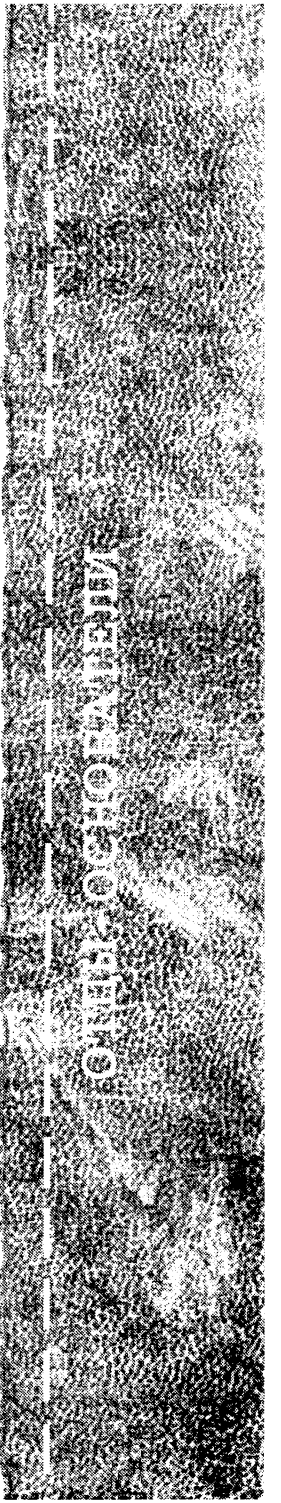
Весь

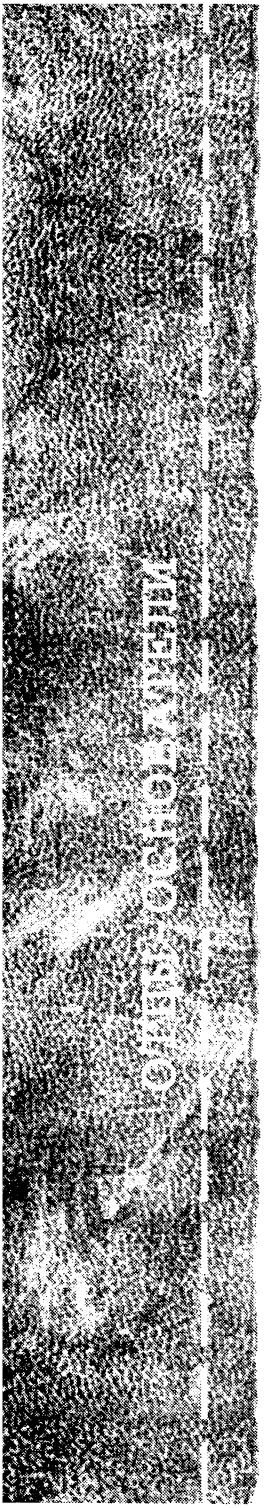
САЙМАК

Весь

САЙМАК

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ
ПОЧТИ КАК ЛЮДИ
ИГРУШКА СУДЬБЫ
ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ
ИСЧАДИЯ РАЗУМА

Клиффорд

САЙМАК

ИСЧАДИЯ РАЗУМА

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
ДОМИНО
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
С 12

CLIFFORD D. SIMAK

OUT OF THEIR MIND
© 1969 by Clifford D. Simak

MASTODONIA
© 1978 by Clifford D. Simak

SPECIAL DELIVERANCE
© 1982 by Clifford D. Simak

HIGHWAY TO ETERNITY
© 1986 by Clifford D. Simak

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Саймак К.

С 12 Исчадия разума: Фантастические романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2006. — 864 с. — (Отцы-основатели. Весь Саймак).

ISBN 5-699-09365-6

Попасть в весьма отдаленное прошлое Земли прямо с парковки машин возле своего дома... Очутиться в альтернативном мире, бросив монетку в игровой автомат либо просто зайдя за угол... Нет ничего невозможного для героев четырех романов выдающегося мастера-фантаста Клиффорда Саймака, вошедших в этот сборник.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

© Перевод. А. Александрова, О. Битов, К. Кафиева, 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005
© ООО «Издательство «Домино», 2005

ISBN 5-699-09365-6

ИСЧАДИЯ РАЗУМА

А я все вспоминал давнего своего друга и слова, что он сказал мне в последний раз, когда я его видел. Это было за два дня до того, как его убили — убили прямо на шоссе, и во время катастрофы автомобилей там было не меньше, чем всегда, а его машина превратилась в искореженную груду металла, и следы покрышек рассказывали, как это случилось, как он врезался в другую машину, внезапно вывернувшую со своей полосы ему наперерез. Все было ясно, кроме одного: та, другая, машина бесследно исчезла.

Я пытался выбросить загадку из головы и думать о чем-нибудь еще, но проходили часы, бесконечная бетонная лента разматывалась мне навстречу, мимо мелькали весенние сельские пейзажи, а память нет-нет да и возвращала меня к последнему вечеру, когда мы с ним виделись.

Он сидел в огромном кресле, которое, казалось, того и гляди, поглотит его, засосет в глубину своих красно-желтых узоров,— сморщенный гном, перекатывающий в ладонях стаканчик бренди и посматривающий на меня снизу вверх.

— Сдается мне,— говорил он,— что мы в осаде. Нас обложили наши собственные фантазии. Все наши вымыслы, все уроды, каких мы напридумали со времен, когда первобытный человек сидел, скорчившись, у костра и вглядывался в черноту ночи за порогом пещеры. И воображал, что может таиться там во тьме. И ведь, конечно, знал про себя, что там на самом деле. Кому как не ему было знать — ведь он был охотник, собиратель трав, первопроходец в царстве дикой природы. У него были глаза, чтобы видеть, и нос, чтобы ощущать запахи, и уши, чтобы слышать,— и все эти чувства, скорее всего, были куда острее, чем у нас сегодня. Он помнил наперечет все и всех, кто и что может прятаться во тьме. Помнил, знал назубок и все-таки не доверял себе, не доверял своим

чувствам. И его крохотный мозг, при всей своей примитивности, без устали лепил новые формы и образы, измышлял иные виды жизни, иные угрозы...

— И ты думаешь, мы не лучше? — спросил я.

— Разумеется,— ответил он.— Наши вымыслы на другой манер, но не лучше...

Сквозь открытые двери в комнату залетал ветерок и приносил слабый аромат весенних цветов. И еще отдаленный рокот самолета, совершавшего круг над Потомаком перед тем, как приземлиться на другом берегу.

— Мы теперь придумываем другое,— продолжал он.— Тут есть о чем еще поразмыслить. Мы, пожалуй, не придумываем нынче таких страшилищ, как в пещерные времена. Те были страшилищами во плоти, а нынешних, каких мы вызываем к жизни сегодня, можно бы назвать умственными...

У меня осталось подозрение, что он был готов развить свою диковинную концепцию и сказать больше, гораздо больше, но как раз в эту минуту в комнату ввалился Филип Фримен, его племянник. Филип, сотрудник госдепартамента, горел нетерпением поведать странную и забавную историю про одного высокопоставленного чудака, пожаловавшего в Вашингтон с визитом, а потом разговор перешел на какие-то иные темы, и о том, что люди попали в осаду, уже не упоминалось.

...Впереди замаячил указатель, предупреждавший о съезде на Старую военную дорогу, и я сбросил газ, чтобы вписаться в поворот, а как только очутился на старой дороге, пришлось тормознуть еще решительнее. Я проехал несколько сот миль, не сбавляя ниже восьмидесяти, и теперь сорок казались черепашьей скоростью — но для такой дороги, как эта, и сорок было слишком много.

Я, честно сказать, давно забыл, что на свете есть такие дороги. Когда-то покрытие было гудроновым, но на многих участках гудрон потрескался, наверное, по весне, когда таял снег, потом трещины залатали каменной крошкой, а она с годами стерлась в порошок, в тонкую белую пыль. Дорога была узкой изначально и еще сузилась оттого, что с обеих сторон обросла густыми кустами, кусты сжимали ее как изгородь, всползали на обочины, и машина словно плыла в тени листвы по извилистой мелководной канаве.

Шоссе шло вдоль гребня, а Старая военная дорога с места в карьер нырнула вниз меж холмами — такой я и представлял ее себе по памяти, хоть и не помнил, чтоб уклон был таким крутым и начинался сразу же, едва я съехал с верхней бетонки. А впрочем, бетонку, по которой я только что мчался, перестроили и превратили в шоссе лишь несколько лет назад.

Другой мир, сказал я себе, и это, конечно же, было именно то, чего я искал. Правда, я не ждал, что другой мир охватит меня так внезапно, что для этого будет довольно просто-напросто свернуть с шоссе. Да и попал ли я в другой мир? Не вернее ли, что мир здесь не столь уж и отличен, однако воображение сделало его другим и я увидел его таким в силу самовнушения: предвкушал, что увижу другой мир, вот и увидел.

Неужели и вправду Пайлот Ноб нисколько не изменился? — задал я себе вопрос. Казалось почти невероятным, чтобы городишко мог измениться. Судьба не давала ему случая измениться. Все эти годы он лежал вдали от больших событий, они не затрагивали его, обходили вниманием, так зачем ему было меняться? Но вопрос, признался я себе, вовсе не в том, сильно ли изменился Пайлот Ноб, а в том, насколько изменился я сам...

И почему, задал я себе еще вопрос, человек так тоскует по прошлому? Ведь знает же он — знает даже тогда, когда тоскует,— что осенней листве никогда уже не пламенеть так ярко, как однажды утром тридцать лет назад, что ручьям никогда больше не бывать такими чистыми, холодными и глубокими, какими они помнятся с детства, что по большей части картинки такого рода остаются и останутся привилегией тех, кому от роду лет десять.

Наверняка можно бы выбрать добрую сотню мест, и притом более комфортабельных, где я точно так же обрел бы свободу от треска телефона, где мне точно так же не пришлось бы вязать узелки на память и клятвенно обещать во что бы то ни стало поспеть к определенному сроку, где не надо было бы спешить на встречи с важными шишками, представляться умным и хорошо информированным и приноравливаться к сложным привычкам окружающих, к тому же усложняющимся день ото дня. Есть сотня других мест, где нашлось бы время думать и писать, где позволительно не бриться, если не хочется, где

можно одеваться кое-как и ни одна живая душа этого не заметит, где можно, если вздумается, удариться в лень или в беспечность, можно не слушать новостей, можно не играть ни в ученость, ни в остроумие, а вместо этого предаться беззлобным сплетням, не имеющим ровно никакого значения.

Сотня других мест — и все же, когда я принимал решение, у меня, в сущности, не было и тени сомнения в том, куда я еду. Может статься, я чуть-чуть дурачил себя, но это само по себе доставляло мне удовольствие. Я бежал домой, но не признавался себе, что бегу домой. Ведь знал же я, знал на протяжении всех долгих бетонных миль, что такого места, какое мне рисовалось, нет и никогда не было, что годы сыграли со мной шутку, обратив реальность в набор обольстительных иллюзий из тех, что одолевают каждого из нас, едва вспоминается юность.

День клонился к вечеру уже, когда я свернул с шоссе, а теперь дорога проваливалась все глубже меж холмами, и временами ее застилала тяжкая тьма. Сквозь густеющие сумерки поодаль, в укромных долинках, светились мягкие белые шары фруктовых деревьев в цвету, а порывами до меня долетал и аромат их цветения — очевидно, они росли не только поодаль, но и много ближе, просто были скрыты от глаз. И хотя вечер только вступал в свои права, мне казалось, что я улавливаю еще и странное благоухание тумана, поднимающегося с сочных лугов по берегам извилистых речушек.

Годами я твердил себе, что помню местность, где очутился сейчас, наизусть, что она впечатана мне в душу с детства и стоит только попасть на старую дорогу, как я найду Пайлот Ноб безошибочно, по чутью. Однако теперь у меня возникло подозрение, что я заблуждался. Потому что мне до сих пор не случилось узнать ни одного конкретного дерева, ни одного камушка. Общие контуры местности — да, они были точно такими, как помнилось, но ничего более определенного, чтобы я мог ткнуть пальцем и воскликнуть: вот, наконец-то я понял, где нахожусь,— ничего подобного не попадалось. Это раздражало, а пожалуй, и унижало, и я поневоле усомнился: та ли это дорога, что ведет в Пайлот Ноб?

Дорога была скверной, много хуже, чем я ожидал. Я отказывался понимать, почему ее довели до подобного состояния. Ну ладно, резкие повороты, повторяющие изгибы холмов, еще

можно простить. А выбоины? А участки, утонувшие в пыли? И давным-давно следовало бы сделать что-то с каменными мостиками, где двум машинам не разминуться. Впрочем, встречных машин и не было. Похоже, что я был на дороге совершенно один.

Темнота сгущалась, и пришлось включить фары. Как еще раньше пришлось сбросить газ и порой ползти со скоростью не более двадцати миль. Иначе эти резкие повороты появлялись перед носом слишком стремительно, и я не чувствовал себя в безопасности.

Пайлот Ноб, уж это заведомо, не мог быть очень далеко — максимум миль сорок от точки, где я свернул с шоссе, а я с тех пор проехал по крайней мере половину этого расстояния, никак не меньше. Можно бы сказать поточнее, если бы засечь пробег в момент поворота, но я, к несчастью, не догадался.

А дорога становилась не лучше, а хуже и вдруг сделалась еще хуже, чем когда бы то ни было. Машина шла на подъем по теснине, зажатой меж холмами, и с обеих сторон к дороге припадали массивные валуны — лучи фар то и дело скользили по их бокам. Да и погода переменилась. На небе уже загорались было редкие звездочки, а теперь они пропали, и до меня донеслось бормотанье грома, отдаленное, но многократно отраженное склонами.

Неужели я прозевал какую-нибудь развилку? Что, если в темноте нечаянно свернул на дорогу, ведущую обратно на гребень? Но как ни старался, я не мог припомнить, чтобы дорога раздваивалась. С той минуты, как я свернул с шоссе, передо мной лежала одна и только одна дорога. Правда, время от времени к ней подбегали проселки с окрестных ферм, но именно проселки, и всегда под прямым или примерно под прямым углом.

Одолев очередной крутой поворот, я приметил справа кучку низких строений с единственным слабо освещенным окном. Я снял ногу с акселератора и пододвинул к педали тормоза, почти решившись остановиться и спросить, правильно ли еду. Но почему-то — право, не берусь объяснить почему — передумал и поехал дальше. Ведь если понадобится, я всегда найду местечко, чтоб развернуться и подать назад. Или попадется какая-нибудь другая ферма, где можно будет притормозить и справиться о дороге.

Вон, пожалуйста, впереди, не больше мили отсюда, на склоне холма распласталась еще одна кучка строений, и там тоже светится единственное окошко, почти в точности как то, которое я только что миновал.

На какую-то долю секунды, будто завороженный этим окошком и падавшим из него слабым лучиком, я отвел глаза от дороги, а когда вновь посмотрел вперед, увидел прямо в конусе света от фар нечто несущееся мне навстречу. В следующую долю секунды я, наверное, окаменел — мозг наотрез отказывался принять на веру то, о чем доложили чувства: навстречу пер динозавр.

Я не знаток динозавров и не желаю им становиться — на свете есть столько вещей, вызывающих у меня больший интерес. Но как-то летом я ездил в Монтану и провел неделю с палеонтологами, которые, задыхаясь от радости (и заливаясь потом), раскрывали, по собственному их выражению, кладбище костей и выкапывали бог весть чем примечательные останки и осколки существ и событий, живших и бывших шестьдесят миллионов лет назад. И как раз при мне они обнаружили скелет трицератопса почти безупречной сохранности и пришли в великое возбуждение, поскольку находки трицератопсов вообще-то не редкость, скелетов хоть отбавляй, но у этого были какие-то мелкие отличия от всех без исключения найденных прежде.

И вот он самый, трицератопс, мчится прямо на меня по дороге — не ископаемый скелет, а гора живого мяса. Голову наклонил, выставил вперед, как два копья, рога над глазами, а позади рогов блестящий костный щит. Мчится целеустремленно, громада тела, кажется, заполнила собой всю дорогу и уже набрала порядочную скорость. Разумеется, у такой зверюги хватит силы, да и просто веса раскатать автомобиль в металлический блин.

Я отчаянно крутанул баранку, не вполне сознавая, что делаю, но, по-видимому, осознав, что бездействовать нельзя. Возможно, я надеялся, что машина избежит тарана, если вкатится на склон чуть повыше, а может, думал даже, что сумею развернуться и пуститься наутек.

Машина дернулась и пошла юзом, конус света от фар соскользнул с дороги и завяз в путанице каменных осыпей и кустов крутогорья. Динозавра я больше не видел, но думал,

что вот-вот раздастся страшный удар и в машину врежется его огромная бронированная голова.

Задние колеса заносило, пока они не сползли в кювет, а дорога была такая узкая, что передние колеса оказались на противоположной ее стороне. Машина поднялась на дыбы, меня откинуло на спинку сиденья, а ветровое стекло смотрело теперь прямо в небо. Двигатель заглох, фары потускнели, и я ощутил себя подсадной уткой, выставленной на дорогу в ожидании той секунды, когда старик трицератопс подденет меня рогами.

Дожидаться этой секунды я не стал. Я распахнул дверцу, кубарем выкатился наружу и кинулся вверх по склону, натыкаясь на валуны и отскакивая, как мячик, от кустов. С мгновения на мгновение сзади на меня обрушится грохот, и... Но ничего не было.

Я споткнулся о камень, свалился в чащобу и основательно исцарапался, а с дороги все не доносилось ни звука. Странно, очень странно: трицератопс должен был бы уже сто раз наткнуться на машину, даже если бы брел вперевалочку, не спеша.

Кое-как выкарабкавшись из кустов, я съежился на открытом склоне. Отблеск автомобильных огней, хоть и слабый, отраженный холмами, освещал дорогу в обоих направлениях футов на сто. Дорога была пуста, динозавра не было и в помине. Разумеется, он все равно может, должен рыскать где-то невдалеке. Чем занимаются динозавры, предоставленные самим себе? В одном я был уверен — я видел его ясно как днем, видел собственными глазами и узнал без ошибки. Может, он затаился во тьме и решил поохотиться на меня? Хотя в идее, что такая громоздкая тварь способна затаиться, сквозило что-то абсурдное. Трицератопсы не созданы для того, чтобы таиться и прятаться.

И все равно я дрожал, припав к земле. По-над холмами погромыхивал гром, в свежем вечернем воздухе можно было различить аромат цветущих яблонь.

Но это же смехотворно! — воскликнул я про себя, прибегая к давнему проверенному психологическому приему. Не было там никакого динозавра и быть не могло. Ну откуда ему взяться среди холмов моего детства, в каких-то двадцати милях от милого родного городишки Пайлот Ноб! У меня просто разыг-

ралось воображение. Увидел что-то непривычное и принял за динозавра.

Однако что с психологическими приемами, что без, я видел его, и, черт меня возьми, видел ясно. Я будто видел его до сих пор — блестящая складчатая шкура и глазенки как раскаленные угли, отражающие свет фар. Я не знал, что произошло и как это объяснить (потому что встретить трицератопса на сельской дороге через шестьдесят миллионов лет после того, как подох последний из их породы, конечно же, немыслимо),— но принять за истину, что его там не было, я тоже не мог.

Поднявшись на нетвердые ноги, я начал осторожно красться назад к машине по усыпавшим склон шатким и острым камням, которые так и норовили выскользнуть из-под подошв. Гром гремел все сильнее. Холмы к западу от долины, куда должна бы вывести петляющая дорога, то и дело озарялись вспышками молний. Гроза быстро надвигалась, подступая ближе и ближе.

Машина застряла поперек дороги, задние колеса в кювете, кузов всего на дюйм-другой приподнят над полотном. Я залез на сиденье, выключил свет и нажал на стартер. Но когда я сделал попытку тронуться, машина не шелохнулась. Задние колеса прокручивались с воем, потоки грязи пополам с мелкими камешками барабанили изнутри по крыльям. Я попытался подать немного назад, чтобы тронуться с разгона,— колеса продолжали вертеться вхолостую. И дураку было понятно, что завяз я прочно.

Я заглушил мотор и вылез, постоял немного, вылавливая в паузах меж раскатами грома хоть какой-нибудь звук, намекающий на большого зверя, который притаился во тьме. И не расслышал ровным счетом ничего.

Тогда я пошел пешком, по правде говоря, не слишком смело — да что там, по-прежнему перепуганный до смерти, готовый сорваться и бежать сломя голову при малейшем шевелении в темноте, при малейшем шорохе.

Впереди была ферма, та, что я приметил раньше. Свет все так же лился из единственного окошка, остальная часть дома тонула в потемках. Яркой синей вспышкой полыхнула молния, и я увидел, что это не дом, а домик, крохотная развалюха, прижатая к земле, с перекошенной под ветром, дико накренившейся трубой. Выше домика на склоне расположился

ветхий амбар, навалившийся по-пьяному на одинокую копну сена, а за амбаром — навес для скота на отесанных столбах. При свете молнии он показался странным сооружением из белых отполированных костей. Позади домика высилась исполинская поленница, а рядом с ней — допотопный авторыдван, опирающийся задом не на колеса, а на доску поперек козел.

Единственной вспышки оказалось довольно, чтобы я признал этот домик. Не этот конкретный домик, конечно, но тип жилища, к которому он принадлежал. Когда я мальчишкой бегал по окрестностям Пайлот Ноба, я видел таких немало — нищенские наделы (трудновато было назвать их фермами), где семьи, утратившие всякую надежду на лучшее, надрывались год за годом, лишь бы сохранить на плечах какую-то одежонку, а на столе — еду. Такие наделы были в этих краях двадцать лет назад и вот сохранились до сих пор, а значит, тут ничего не изменилось. Что бы ни происходило во внешнем мире, здешние люди, теперь я убедился, жили так же или почти так же, как повелось от века.

Путь озарили новые вспышки, с их помощью я вскарабкался по тропке к освещенному окошку и наконец добрался до дверей. Поднялся по шатким ступенькам на крыльцо, постучал.

Даже и ждать не пришлось. Дверь отворилась почти мгновенно. Словно жильцы поджидали меня, словно предвидели встречу.

Тот, кто открыл мне, был плотен и седоват. На голове у него была шляпа, а в зубах — трубка. Зубы, сжимавшие трубку, изрядно пожелтели, а глаза, выглядывавшие из-под большой черной шляпы с нависшими полями, прежде были голубыми, да вылиняли.

— Ну входи, входи,— бросил он.— Не пялься без толку. А то гроза грянет, шкуру промочишь.

Я переступил порог, а он притворил дверь. Это оказалась кухня. Дородная тетка — голова крупная, тело еще крупнее, одета в бесформенное платье-балахон, а волосы повязаны тряпкой — стояла у плиты, где пылали дрова, и готовила ужин. Колченогий стол был готов к трапезе, то есть накрыт клеенкой, а на середину выставлен керосиновый фонарь.

— Извините, что беспокою вас,— вымолвил я,— но моя машина завязла на дороге, не сдвинуть. И кроме того, я, наверное, заблудился...

— Дороги тут путаные,— ответил мужчина.— Для тех, понятно, кто не привык. Иная вьется, вьется, а потом, глядишь, никуда и не приведет. А ты куда путь держишь, незнакомец?

— В Пайлот Ноб.

Он глубокомысленно кивнул.

— Выходит, ты не туда заехал. Тут, немного ниже, надо было в другую сторону поворачивать.

— Мне подумалось,— сказал я,— не согласитесь ли вы запрячь лошадь и вытянуть меня обратно на дорогу? Машину занесло, задние колеса попали в кювет. Я более чем охотно заплачу вам за ваши хлопоты...

— Слышь, незнакомец, присядь-ка,— перебил он, вытаскивая стул из-под стола.— Мы как раз собирались поесть, еды хватит на троих. Сделай милость, составь нам компанию.

— А как же машина? Я, признаться, спешу...

Он качнул головой:

— Ничего не выйдет. Сегодня по крайней мере. Лошадей-то нет на конюшне, пасутся где-то, может, наверху на холмах. Не сможешь ты заплатить мне столько, и никто не сможет, чтобы я потопал их искать, когда вот-вот хлынет дождь и вокруг полно гремучих змей.

— Но гремучие змеи,— возразил я глуповато и невпопад,— по ночам не выползают...

— Вот что я тебе скажу, сынок,— заявил он.— Про гремучих змей никто ничего наверняка не знает.

— Извините, я не представился,— сказал я.— Меня зовут Хортон Смит.

Мне, по правде говоря, надоело, что он обращается ко мне «незнакомец» или «сынок». Но женщина вдруг отпрянула от плиты, впрочем, не выпуская огромной вилки из рук, и обернулась.

— Смит! — воскликнула она радостно.— Но ведь наша фамилия тоже Смит! Мы случайно не родственники?

— Да нет, мать,— откликнулся мужчина.— Смитов на свете пруд пруди. Если чья-то фамилия Смит, то вовсе не обязательно, что он нам родня. Но,— добавил он,— сдается мне, что с однофамильцем не грех и выпить по маленькой.

Пошарив под столом, он вытащил объемистую банку. И достал с полки над головой пару стаканов.

— По виду ты вроде горожанин,— изрек он,— хотя доводилось слышать, что среди вас тоже есть не дураки выпить. Не

скажу, что эту штуку можно назвать первосортным пойлом, но гнали ее из кукурузы без всяких примесей, и уж точно, что ты не отравишься. Только не глотай сразу помногу, а то дух перехватит. Зато после третьего-четвертого глотка можешь больше не трусить, потому как приспособишься. Кто бы что ни говорил, а в такую ночку нет ничего приятнее, чем присосаться к банке с самогоном. Я добыл эту у старого Джо Хопкинса. Джо гонит пойло у себя на острове, там на реке...— Он уже приподнял банку, намереваясь разлить содержимое по стаканам, как вдруг на лице его мелькнул испуг и он смерил меня проницательным взглядом: — Слышь, а ты часом не из налоговых инспекторов?

— Нет,— заверил я его,— не из налоговых.

Он вернулся к прерванному занятию и наполнил стаканы.

— С ними ничего наперед не знаешь. Подкрадутся исподтишка, и не раскусишь. В прежние времена их было видать за милю, а теперь наловчились. Могут переодеться и выдать себя за кого угодно.— Он подпихнул один стакан по столу в мою сторону.— Мистер Смит, мне жаль, что я не могу услужить тебе. По крайней мере, сейчас не могу. Не сегодня, когда вот-вот начнется гроза. А утром я с полным удовольствием запрягу и вытащу твою машину из беды.

— Но она торчит поперек дороги и мешает движению.

— Мистер,— подала голос женщина от плиты,— пусть это вас не тревожит. Эта дорога никуда не ведет. Перевалит за холм, дойдет до заброшенного дома и исчезнет.

— Говорят,— вставил мужчина,— там в доме водятся привидения.

— Может, у вас есть телефон? Я бы мог позвонить...

— Нет у нас телефона,— отозвалась женщина.

— Никогда не мог понять,— заявил мужчина,— на что людям телефон. Все время брякает. Кто-то звонит просто от нечего делать. А человеку не остается ни одной спокойной минуты.

— Телефоны денег стоят,— заметила женщина.

— Я мог бы спуститься по дороге пешком,— не унимался я.— Там ниже есть еще одна ферма. Может, у них...

Хозяин ожесточенно затряс головой:

— Давай бери стакан и отхлебни чуток. И не думай пройтись по этой дороге пешком, если дорожишь жизнью. Не в моих

привычках говорить о соседях дурно, но никому не дозволено держать свору таких свирепых псов. Конечно, они стерегут дом и отгоняют лисиц, но жизнь человека не стоит ни гроша, если он напорется на них в темноте...

Я поднял стакан и пригубил спиртное. Оно было дрянь дрянью, но внутри будто зажегся маленький костерок.

— Никуда вам неохота идти,— заметила хозяйка в мой адрес.— Дождь начинается...

Я отхлебнул еще глоток, и вкус самогона определенно улучшился. Он был вдвое слаще, чем в первый раз, и костер разгорелся сильнее.

— Устраивайтесь поудобнее, мистер Смит,— сказала хозяйка.— Я собираюсь подавать на стол. Отец, дай-ка ему тарелку и чашку.

— Но я же...

— Ерунда,— перебил хозяин,— ты ведь не откажешься с нами поужинать, не правда ли? Старуха сготовила похлебку из свиной грудинки с зеленью, и на пробу похлебка была хороша. Никто на свете не варит такую похлебку лучше. Я тут сидел и пускал слюнки, поджидая, покуда она поспеет...— Он взглянул на меня пристально и задумчиво.— Держу пари, тебе вовек не доводилось пробовать настоящей свиной грудинки. Это не городская еда.

— Ошибаетесь,— ответил я.— Доводилось, только много лет назад.

Скажу по совести, я был голоден, и свиная грудинка представлялась мне чудом из чудес.

— Давай,— сказал хозяин,— приканчивай свой стакан. Тебя проберет до пяток.

Я прикончил самогон, а он полез на полку, достал оттуда тарелку и чашку, а из ящика — вилку, ножик и ложку и освободил мне место за столом. Женщина подала еду, водрузив кастрюлю в центре стола.

— Ну вот, мистер,— сказала она,— пододвиньте стул поближе к тарелке. А ты, отец, вынь-ка трубку изо рта.— И пояснила для меня: — Довольно и того, что он никогда не снимает шляпу, даже спит в ней, но не переваривaю, когда он сидит за столом и норовит засунуть вилку в рот, не разжимая зубов, чтоб не выпустить трубку.— Она опустилась на свое место и вновь обратилась ко мне: — Действуйте, лезьте в кастрюлю и

накладывайте сколько хотите. Это не ресторан, но у нас чисто и еды вдосталь, и надеюсь, вам придется по вкусу...

Еда оказалась очень вкусной и сытной, и ее действительно было вдосталь — словно, подумалось мне, они заранее предвидели, что к ужину пожалует кто-то третий.

В разгар ужина начался дождь. Он перешел в ливень, плотные полосы хлестали по шаткому домику с таким шумом, что приходилось повышать голос, чтобы расслышать друг друга.

— Ничего нет лучше свиной грудинки,— заявил хозяин, как только скорость, с какой он поглощал еду, начала снижаться,— ну, может, кроме опоссума. Возьмешь опоссума, сготовишь его с молодой картошкой — и уж поверь, лезет в глотку ну как по маслу. Мы, бывало, частенько его готовили, да вот уж не упомню, когда в последний раз. Чтоб добыть опоссума, нужен пес, а как наш Пастор состарился и издох, у меня не хватило духу завести другую собаку. Честно, я любил эту псину и хотел было заменить его, да не смог.

Хозяйка смахнула слезу.

— Он был самый лучший пес из всех, какие у нас жили,— сказала она.— Прямо член семьи. Спал под плитой, там иной раз такая жара, что у него шкура чуть не дымилась, а ему хоть бы хны. Наверно, ему нравилось, когда жарко. Может, кому подумается, что Пастор — странная кличка для собаки, но он же был в точности как пастор. И вел себя как пастор, всегда серьезный, а то вроде печальный, но с достоинством...

— Ну это пока не учует опоссума,— вставил хозяин.— А как учует, просто сходит с ума от ярости.

— Не подумайте, что мы какие-нибудь безбожники,— добавила женщина.— Но вот не было для него другой клички, хоть плачь. Он выглядел как пастор, вот и все.

Мы покончили с едой, и хозяин, засунув трубку обратно в рот, опять потянулся за банкой.

— Спасибо,— сказал я,— больше не буду. Мне надо идти. Если вы разрешите взять пару поленьев из поленницы, я попробую подсунуть их под колеса...

— Не советую,— заявил хозяин.— В такую бурю никак не советую. Да это же скандал, за это в тюрьму сажать надо, если я соглашусь выпустить тебя в такую погоду. Ты останешься здесь, в тепле и уюте, мы с тобой маленечко выпьем, а уж поутру начнешь со свежими силами. Правда, у нас нет второй

кровати, но ты можешь прилечь на кушетке. Устроишься как следует, заснешь за милую душу. А утром спозаранку лошади заявятся домой, мы их запряжем и вытянем тебя из канавы...

— Даже не предлагайте,— запротестовал я.— Я и так причинил вам столько беспокойства...

— Это ведь прямо счастье, что ты заглянул к нам,— ответил он.— Новый человек, с которым можно потолковать, такое выпадает нечасто. Мы с матерью по вечерам сидим и глядим друг на друга. Молча сидим. Мы уже столько лет говорим друг с другом, что давно выговорились.— Он наполнил мой стакан и вновь подпихнул его ко мне через стол.— Бери смелее и будь благодарен судьбе, что в такую ночь у тебя есть крыша над головой. И не желаю больше даже слышать о том, что ты уйдешь отсюда раньше утра.

Я поднял стакан и сделал добрый долгий глоток, и должен признать, что идея не выходить наружу в грозовую ночь приобрела известную привлекательность.

— В конце-то концов,— продолжал хозяин,— если у меня не осталось пса и я не могу поохотиться на опоссума, в этом тоже есть свое преимущество. Мне точно не хватает старины Пастора. Но когда нет собаки, у человека остается больше времени посидеть. Ты еще молод и не способен это понять, но это же самое ценное время в жизни. Сидишь и думаешь, сидишь и мечтаешь, и становишься лучше, чем был. Большинство подонков, что попадаются нынче на каждом шагу, стали такими оттого, что у них не находилось времени посидеть. Они все торопятся, все бегут и воображают, что бегут к какой-то цели, а на самом деле бегут от самих себя.

— По-моему, это правда,— откликнулся я, имея в виду себя самого.— По-моему, это самая настоящая правда.

Я хлебнул самогона, и это было так замечательно, что я хлебнул еще.

— Эй, парень,— обратился ко мне хозяин,— ну-ка тяни сюда свой стакан. А то, гляжу, у тебя там почти ничего не осталось.

Я подчинился. Банка булькнула, и стакан был опять полнехонек.

— Вот мы сидим,— разглагольствовал он,— устроились, как тараканы за печкой, и ни черта нет у нас никаких дел, кроме как сидеть, и пить помаленьку, и болтать по-дружески, и на-

плевать нам, сколько времени прошло и который час. Время,— добавил он поучительно,— наш лучший друг, если мы умеем им распорядиться, и наш худший враг, если мы позволяем ему распоряжаться нами. Большинство из тех, кто живет по часам, несчастные существа. Если живешь по солнцу, тогда другое дело.

Я понимал, что тут что-то неладно. Я чувствовал привкус какой-то неладности. Словно я был знаком с этой парой когда-то раньше, словно встречал их где-то годы назад и вот-вот непременно вспомню снова, вспомню, кто они, что за люди и где мы познакомились. Но как я ни шарил в памяти, она не подчинялась, воспоминание ускользало.

А хозяин говорил и говорил, и я понял, что слушаю его вполуха. Помню, что он толковал про охоту на енотов, и про то, на какую наживку брать сома-усача, и еще много о чем. Все это было очень мило, но я, вне сомнения, упустил множество подробностей.

Я прикончил стакан и, не дожидаясь предложения, протянул его хозяину, чтобы наполнить по новой, и хозяин наполнил, и все шло так хорошо и славно — огонь ворчал в печи, часы на полке у двери, что вела в кладовку, тикали громко и общительно, и комната замкнулась в себе. Утром жизнь возьмет свое, я найду пропавшую развилку и продолжу путь в Пайлот Ноб. А пока что, втолковывал я себе, мне выпало время досуга, время отдыха — можно просто сидеть, и пусть часы тикают себе на здоровье, и можно ни о чем не думать или, по крайней мере, ни о чем особенно не задумываться. От выпитого самогона меня порядком развезло, и я понимал, что развезло, но не имел ничего против. Я по-прежнему сидел и слушал, не вслушиваясь, и думать не думал о завтрашнем дне.

— Между прочим,— спросил я,— а как в этом году динозавры, не досаждают?

— Да бродит тут несколько,— ответил он беззаботно,— только, сдается мне, помельче они пошли нынче, не то что прежде...

И как ни в чем не бывало завел байку о том, как срубил дерево, где было дупло с пчелами, а потом стал вспоминать год, когда кролики нажрались ядовитого астрагала и сделались такими задиристыми, что, сбившись стаями, гоняли медведя гризли по всей округе и чуть не затравили его. Но это, навер-

ное, случилось где-нибудь в другом месте, потому что в этих краях, мне было точно известно, астрагал не рос, да и гризли никогда не водились.

Последнее, что я помню,— как устраивался на кушетке в другой комнате, а хозяин стоял подле меня с фонарем. Я снял пиджак и повесил на спинку стула, стащил ботинки и, старательно выровняв, поставил рядышком на полу. Затем распустил галстук и растянулся на кушетке, и, как хозяин и обещал, мне стало очень удобно.

— Ты хорошо выспишься,— заверил он.— Барни, когда гостил у нас, всегда ночевал здесь. Барни здесь, а Спарки на кухне...

И внезапно, как только эти два имени коснулись меня, я вспомнил! Я предпринял отчаянную попытку приподняться, и мне это почти удалось.

— Знаю! — закричал я.— Теперь я знаю, кто ты! Ты Куряка Смит из того же комикса, что Пучеглаз Барни, и Затычка Спарки, и Веселая Веснушка, и вся ваша компания!..

Я хотел сказать еще что-то и не сумел, да, в общем, это было и неважно — или не слишком важно.

Я рухнул обратно на кушетку и замер в изнеможении, а Куряка ушел, забрав с собой фонарь, а по крыше над моей головой без умолку стучал дождь.

Я заснул под стук дождя...

И проснулся среди гремучих змей.

Глава 2

Меня спас страх — животный, мертвящий страх, вогнавший тело в оцепенение на несколько секунд, которых как раз хватило, чтобы разум осознал ситуацию и принял решение.

Надо мной, нацелившись мне точно в лицо, вздымалась безобразная смертоносная голова. Ничтожная доля секунды, столь быстротечная, что лишь самая скоростная камера могла бы ее запечатлеть,— и выпад! Жуткие изогнутые клыки уже подняты наготове.

Шевельнись я, и они бы ужалили.

Но я не шевелился, потому что не мог шевельнуться, потому что страх, вместо того чтобы толкнуть меня к мгновен-

ному непроизвольному действию, обратил тело в камень, в ледяную статую, завязал мускулы тугим узлом, сковал сухожилия, покрыл руки и спину гусиной кожей.

Нависшая надо мной голова казалась вырезанной из кости, вырезанной небрежно и грубо, глазки сверкали тусклым блеском свежесколотого камня, еще не знавшего полировки, а в промежутке между глазками и ноздрями были ямки, которые, говорят, служат датчиками радиации. Раздвоенный язык выстреливал и исчезал, напоминая, пожалуй, игру молний в небе, пробуя мир на вкус и на ощупь, снабжая крохотный мозг, спрятанный в глубине черепа, первичными фактами: что это за существо, на котором я, змея, очутилась неожиданно для себя? Змеиное тело было мутно-желтым с более темными полосами, переходящими в косые ромбовидные узоры. И змея была большой — может, и не такой большой, как померещилось в первый момент страха, когда я заглянул ей в глаза,— но достаточно большой, чтобы чувствовать ее вес на груди.

Crotalus horridus horridus — гремучая змея!

Она знала, что я тут. Зрение, может быть и слабенькое, все же поставляло ей какую-то информацию. Раздвоенный язык — тем более. А эти радиационные ямки, возможно, измеряли температуру моего тела. Она была в смутном замешательстве — настолько, насколько пресмыкающиеся способны на замешательство. Она была в неуверенности и нерешительности. Друг или враг? Слишком велик для того, чтобы стать пищей, но вполне может оказаться угрозой. И я знал наверняка, что при малейшем признаке угрозы она ужалит.

Мое тело вышло из повиновения, страх сковал его, но сквозь пелену страха пробилась мысль, что еще мгновение, скованность пройдет — и я попробую удрать, попробую в безнадежном броске переместиться так, чтобы эта тварь меня не достала. Однако мой мозг, пусть и затуманенный страхом, работал с холодной логикой отчаяния и приказывал мне не двигаться, оставаться оцепенелой колодой как можно дольше. В этом был мой единственный шанс на спасение. Любое движение может быть истолковано как угроза, и змея решит защищаться.

Я смежил веки, смежил медленно-медленно, чтобы даже не моргать больше, и погрузился во тьму, а в горле вставал жгучий желчный комок, и паника сводила желудок.

Не двигайся, повторял я себе. Не шелохнись, не шевельни пальцем и не вздумай дрожать...

Труднее всего оказалось держать глаза закрытыми, но надо, надо! Даже такая мелочь, как внезапное движение век, может заставить змею ужалить.

Тело мое кричало криком — каждый мускул, каждый нерв, каждый пупырышек на коже требовали, чтобы я удирал. Но я приказывал телу лежать — та часть меня, что была рассудок, разум, сознание. Откуда-то просочилась непрошеная мыслишка, что никогда во всей моей жизни разум и тело не вступали в такой явный конфликт друг с другом.

Мурашки терзали кожу, словно по ней топотали миллионы грязных ног. Кишечник бунтовал, его крутило и переворачивало. Сердце колотилось так, что я, казалось, вот-вот распухну и лопну или просто задохнусь от кровяного давления.

А на грудь по-прежнему давил вес.

Я пытался угадать, как змея ведет себя, по характеру этого веса. Изменила ли она позу? Не стряслось ли чего-нибудь, что могло бы склонить змеиные мозги к агрессии? А вдруг она как раз сию секунду тянется вверх, изгибаясь буквой S, что всегда предшествует атаке? Или, наоборот, опускает голову и готовится уползти, удостоверившись, что я не представляю собой угрозы?

Если бы я мог открыть глаза и узнать все наверняка! Поистине это была задача, непосильная для живой плоти,— знать об опасности, осознавать опасность и не видеть ее, напряжением воли заставлять себя не видеть.

Но я держал веки смеженными — не зажмуренными, не плотно сжатыми, а именно смеженными самым естественным образом, какого только мог добиться: откуда мне было знать, а вдруг даже шевеление лицевых мускулов, нужное для того, чтоб зажмуриться, встревожит змею?

Я даже дышать старался как можно легче: ведь дыхание — тоже движение. Хотя, с другой стороны, я убеждал себя, что за это время змея должна бы уже привыкнуть к ритму дыхания.

И вот змея зашевелилась.

Тело мое тут же напряглось против воли, но раз уж напряглось — я так и оставил его напряженным. Змея сползла вниз по груди, по животу, казалось, движение будет длиться до бесконечности, но конец наступил, змея проползла, и ее не стало.

Ну, вскричало тело, ну же, пора удирать! Но я вновь удержал тело в повиновении и медленно открыл глаза, так медленно, что зрение возвращалось постепенно, мало-помалу, сперва туманные контуры сквозь ресницы, потом контуры чуть пояснее сквозь узкие щелочки и наконец зрение в полном объеме.

Когда глаза открылись в первый раз, я не рассмотрел ничего, кроме безобразной сплющенной змеиной головы, нацеленной мне в лицо. Теперь я увидел футах в четырех над собой скальный свод, снижающийся справа налево. И одновременно ощутил промозглый запах пещеры.

Я лежал вовсе не на кушетке, где засыпал под стук дождя по крыше. Подо мной была такая же, как свод, скальная плита — дно пещеры. Чуть скосив глаза, я разглядел, что пещера неглубока, что она, по сути, всего-навсего горизонтальная расщелина, выбитая непогодой в обнажениях известняка.

Змеиное логово! — понял я. Та змея не единственная здесь, тут их может быть сколько угодно. А значит, я должен попрежнему лежать тихо, по крайней мере пока не приду к убеждению, что больше змей нет.

Утреннее солнце пробивалось в расщелину сбоку, касаясь правой стороны моего тела и чуть пригревая ее. Я глянул в том направлении и обнаружил, что от самого подножия холма к пещерке ведет неширокая ложбина. И там, внизу ложбины, видна дорога, по которой я ехал вчера, и поперек дороги торчит, накренившись, машина. Моя машина. А вот домика, что стоял здесь накануне, нет и в помине. Ни амбара, ни навеса для скота, ни поленницы. И вообще ничего. Между дорогой и тем местом, где я лежу недвижим,— склон холма, пастбище, запятнанное кое-где густым кустарником, зарослями ежевики и отдельными деревцами.

Можно бы заподозрить, что это совсем другое место, если бы не моя собственная машина там, на дороге. Но раз машина торчит на дороге как торчала, значит, место то самое, только с ним, а заодно и с домиком что-то случилось. И уж тут впору было рехнуться — такого просто не бывает. Дома и стога, навесы для скота и поленницы не пропадают ни с того ни с сего. Рыдваны, подпертые доской, не пропадают тоже.

В глубине расщелины послышался какой-то шелест, сухой треск; и что-то быстрое и жесткое, скользнув по моим коле-

ням, шурша скрылось в куче прошлогодних листьев; высохшие за зиму, они скопились на склоне у порога пещерки.

Тело мое взбунтовалось. Слишком долго его продержали в страхе. Им руководил инстинкт, которому разум не мог больше противостоять: рассудок еще протестовал вовсю, а я уже пружиной вылетел из пещерки и поднялся на ноги ни жив ни мертв. Передо мной, чуть правее, вниз по склону стремительно ускользала змея. Достигнув зарослей ежевики, она юркнула в них и уже не выдавала себя ни малейшим шорохом.

Все застыло недвижно и беззвучно, и я замер на склоне, напряженно поджидая хоть какого-нибудь движения, какого-нибудь звука. Осмотрел почву вокруг, затем повторил осмотр медленнее и основательнее. Едва ли не первым, что я увидел, был мой собственный пиджак, лежавший на земле, но не кое-как, а словно я бережно опустил его — словно, подумал я с ужасом, у меня было намерение повесить его на спинку стула, да только стула не оказалось. А на шаг-другой выше стояли мои ботинки, аккуратно, рядышком, пятками к вершине холма. И только увидев эти ботинки, я понял, что стою в одних носках.

Змей видно не было, хотя в глубине пещерки что-то ворочалось, но там была темень — не разглядеть. Какая-то птичка спустилась из поднебесья и устроилась на сухом старом пне, посматривая на меня блестящими глазами-бусинками, а откуда-то издали, из долины, донеслось звяканье коровьего колокольчика.

Я осторожно подступил к пиджаку и потрогал его ногой. Ни под ним, ни в нем как будто не было ничего постороннего, и я рискнул наклониться, поднять его и встряхнуть. Потом подобрал ботинки, но надевать не стал — это значило бы задержаться,— а начал отступать по склону вниз, вниз, подавляя в себе яростное желание броситься бегом, скатиться с холма кубарем, лишь бы покончить с наваждением и добраться до машины. Но нет, я переступал еле-еле, осматривая каждый фут в поисках змей. Склон наверняка кишмя кишит ими: одна была у меня на груди, вторая скользнула по коленям, третья шуршала в глубине пещерки, и бог знает, сколько их тут еще.

Однако больше змей я не встретил. Зато наступил правой ногой на чертополох и до конца пути вынужден был идти на

цыпочках, чтобы колючки, вцепившиеся в носок, не впивались еще больнее. Но змей не было — по крайней мере, они не показывались.

А может, мелькнула мысль, змеи испугались меня не меньше, чем я их?.. Ну нет, они-то не испугались. Я наконец заметил, что весь дрожу, даже зубы стучат. У подножия холма, подле самой дороги, я бессильно опустился на травку, подальше от зарослей и валунов, где могли таиться змеи, и выковырял колючки. Потом попытался надеть ботинки, но руки тряслись и не слушались, и только тут до меня дошло, как я был перепуган, но едва я постиг глубину своего страха, как испугался еще сильнее.

Желудок поднялся к горлу и ударил меня в лицо, но сил хватило лишь на то, чтобы перекатиться на бок. Меня вырвало, и спазмы продолжались еще долго после того, как в желудке совсем ничего не осталось.

И все-таки мне полегчало, и в конце концов я отер подбородок, ухитрился надеть ботинки и даже завязать шнурки, а потом доковылял до машины и прислонился к ней, чуть не обнял ее от счастья. И, обнимаясь с уродливой кучей железа, я понял, что машина отнюдь не застряла. Канава была куда мельче, чем я вообразил накануне.

Я залез в машину и протиснулся за баранку. Ключи обнаружились у меня в кармане, мотор завелся без промедления. Машина тронулась как ни в чем не бывало, и я поехал вниз по дороге — в направлении, обратном вчерашнему.

Было раннее утро, солнце взошло, вероятно, не более часа назад. Паутина, заткавшая придорожную траву, еще блестела от росы, а в небе крутились жаворонки, роняя на землю обрывки своих звонких песен.

Я одолел поворот — и увидел исчезнувший дом! Стоит себе невдалеке от дороги, со своей безумно накрененной трубой, и с поленницей позади, и с рыдваном возле поленницы, и с амбаром, привалившимся к копне сена. Все как вчера вечером, все как запало в память при вспышке молнии.

Увидеть все это вновь было для меня ударом, и разум заработал с бешеной скоростью, пытаясь хоть как-то свести концы с концами. Прежде всего я явно ошибся, решив, что раз машина осталась на дороге, значит, дом исчез. Потому что вот он, дом, в точности такой, как несколько часов назад.

Логика требовала предположить, что дом стоит, как стоял всегда, а машину могли и передвинуть, да и меня перенесли на добрую милю вверх по дороге.

В таком предположении тоже не было смысла, более того, оно казалось неосуществимым. Машина вчера накрепко застряла в кювете. Я же пытался тронуться, колеса крутились, а она ни с места. Может, я и напился допьяна, но все равно не мог представить себе, чтобы меня волокли целую милю и затащили в змеиное логово и чтобы я этого вообще не заметил.

Все это было полным бредом: нападающий трицератопс, испарившийся прежде, чем завершить атаку, машина, застрявшая в кювете, Куряка Смит со своей женой Лаузи и даже кукурузное пойло, которое мы с ним глотали, сидя за кухонным столом. Ведь я не ощущал похмелья — я бы почти обрадовался ему, потому что тогда можно было бы списать любые невероятные события на то обстоятельство, что я напился до чертиков. Ну не может человек выпить столько дрянного самогона, сколько я припоминал, что выпил, и не ощущать никаких последствий. Разумеется, меня вырвало, но слишком поздно для того, чтобы это могло повлиять на мое состояние. К тому времени вся гадость, что была растворена в самогоне, должна бы добраться до каждой клеточки тела.

И тем не менее передо мной красовался, по-видимому, тот самый дом, где я искал приюта вчера вечером. Конечно, я разглядывал его тогда при неверном свете молний, но и сегодня все здесь было так, как запомнилось.

Но при чем тут трицератопс, недоумевал я, и зачем гремучие змеи?.. Динозавр, вероятно, не представлял собой особой опасности (возможно даже, что он мне пригрезился, хоть я по-прежнему не склонен был верить в это), но уж гремучие змеи были самыми настоящими. Они были частью жуткой схемы преднамеренного убийства, а кому на свете могло понадобиться убить меня? И даже если кому-то понадобилось, по неведомым мне причинам, то уж конечно же он предпочел бы более простые, не столь замысловатые способы добиться своего.

Я пялился на дом так неотрывно, что чуть не слетел с дороги. Но в последний момент все-таки успел рвануть руль и совладать с машиной.

Взять хотя бы то, что вечером вокруг дома не было никаких признаков жизни, а сейчас они появились. Со двора вылетела свора сердитых псов и устремилась к дороге, гавкая на машину. Ей-ей, никогда в жизни я не видывал такого множества собак, тем более таких поджарых и тощих: даже на расстоянии нетрудно было различить просвечивающие под шкурами ребра. В большинстве это были охотничьи собаки со свисающими ушами и худосочными хвостами-хлыстиками. Одни с лаем устремились к воротам и стали протискиваться на дорогу в намерении прогнать меня, другие поленились добираться до ворот, а просто перемахнули через забор одним высоким прыжком.

В доме распахнулась дверь, на крыльцо вышел мужчина и заорал на собак. Услышав оклик, вся свора враз притормозила, застыла, а затем стала пятиться назад к дому, точь-в-точь как мальчишки, застигнутые на арбузной делянке. Этим псам было отлично известно, что их держат не за тем, чтоб охотиться на проезжающие машины.

Однако я уже не обращал большого внимания на собак, а во все глаза смотрел на того, кто вышел и окликнул их. Когда он вышел, я, в сущности, не сомневался, что это Куряка Смит. Сам не понимаю почему — вероятно, мне просто нужна была зацепка, чтобы хоть сколько-нибудь логично объяснить происшедшее. Только это оказался не Куряка Смит. Мужчина был заметно выше, чем Куряка, и не носил шляпы, и у него не было трубки. Тогда я сообразил, что мужчина никак не мог оказаться Курякой — ведь у того вечером не было ни одной собаки. Это был сосед, о котором Куряка предупреждал меня, сосед со сворой свирепых псов. Не вздумай пройтись по этой дороге пешком, предупреждал Куряка, если дорожишь жизнью...

А мне чуть не стоило жизни то, что я предпочел остаться с Курякой и сидеть с ним за кухонным столом, распивая самогон.

Но неужто я мог хоть на миг поверить, что вечером действительно гостил у Куряки Смита! Такой человек никогда не существовал, не мог существовать. Он и его туповатая женушка были сумасбродными персонажами, выдуманными для комиксов. Но сколько бы я ни твердил себе это, у меня ничего не получалось, объяснение не клеилось.

Не считая собак и мужчины, вышедшего на двор, чтобы наорать на них, дом оставался точной копией того, что облюбовал Куряка. И эта схожесть была вообще за пределами понимания.

И вдруг я приметил нечто отличное от вечернего воспоминания и мгновенно почувствовал себя куда лучше, куда дальше от помешательства, хотя это был совершенный пустяк, который, казалось бы, не должен влиять на самочувствие. Да, у поленницы стоял рыдван, но зад рыдвана не был поднят на доску поперек козел. Рыдван опирался на все четыре колеса. Правда, козлы и доска оставались рядом, прислоненные к поленнице, будто рыдван недавно чинили, но теперь привели в порядок и подпорки можно отставить.

Я уже почти проехал мимо, и снова машина едва не слетела в кювет, и снова я выправил ее в последний момент. Вывернув шею, я окинул дом прощальным взглядом и заметил, что у ворот на стойке висит почтовый ящик.

Грубыми печатными буквами, дрянной малярной кистью, с которой капала краска, на ящике было выведено имя: Т. УИЛЬЯМС*.

Глава 3

Джордж Дункан постарел, но я все равно узнал его в ту же минуту, как вошел в лавку. Он был теперь седой и по-стариковски изможденный, он нетвердо стоял на ногах — и все-таки это был Дункан, тот самый, кто совал мне бесплатно пакетик мятных леденцов, покуда отец покупал что-нибудь из круп или, допустим, мешок отрубей, который приходилось тащить волоком из задней комнаты, где хранился корм для скота.

Джордж стоял за прилавком и разговаривал с какой-то женщиной. Голос у него был надтреснутый, но слова звучали отчетливо.

— Да они, дети этого Уильямса, всегда были шальные,— дребезжал он.— С самого того дня, как они приперлись сюда,

* Выбор имени, по-видимому, неслучаен: его можно воспринять как намек на знаменитого американского драматурга Теннесси (настоящее имя — Томас) Уильямса, излюбленные мотивы которого — неспособность людей понять друг друга, противостояние личности враждебному окружению. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

от Тома Уильямса и его семейки здесь не видывали ничего, кроме горя. Говорю вам, мисс Адамс, они неисправимы, и будь я на вашем месте, я бы, конечно, учил их на совесть, но уж если набезобразничали, не давал бы им спуску, вот и вся премудрость...

— Но, мистер Дункан,— отвечала женщина,— они вовсе не такие плохие. Конечно, им не дали должного семейного воспитания, и манеры у них отвратительные, но по натуре они не злобные. На них давят нужда и лишения, вы и представить себе не можете, какие лишения на них давят...

Он ухмыльнулся, показав корявые зубы, и ухмылка вышла мрачной, а отнюдь не добродушной.

— Да знаю, знаю! Вы говорили мне это всякий раз, как они влипали в какую-нибудь историю. Они, мол, отверженные. Сдается мне, вы говорили именно так.

— Совершенно верно,— подтвердила она.— Отверженные в ребячьей среде, отверженные в поселке. У них отобрали чувство собственного достоинства. Держу пари, когда они заходят к вам в лавку, вы же с них глаз не спускаете...

— Точно, не спускаю. А то они обчистят меня до нитки.

— С чего вы взяли?

— Ловил их с поличным.

— Это от обиды. Они просто мстят.

— Мне им мстить не за что. Я не делал им ничего дурного.

— Может, в одиночку, мистер Дункан, и не делали. Не делали лично. Но делали и делаете вместе с остальными. Ребята чувствуют, что все вокруг настроены против них. Они знают, что никому не милы. В этой общине им просто нет места, и не потому, что они что-то там натворили, а потому, что здесь решили раз и навсегда считать семью Уильямсов никчемной. Вы ведь, по-моему, сами недавно так и сказали — никчемная семейка?..

Лавка, насколько я мог судить, почти не изменилась. На полках появились какие-то новые товары, а каких-то былых товаров не хватало, но сами полки остались прежними. Старенький круглый стеклянный жбан, где когда-то держали круги сыра, исчез, зато древний резак, которым пользовались, чтобы разделить плитку жевательного табака на квадратики, был все так же привинчен к дальнему концу прилавка. В углу теперь расположился холодильник для молочных продуктов

(что, наверное, и объясняло исчезновение сырного жбана), но это была единственная существенная перемена во всей лавке. Центр ее по-прежнему занимала пузатая печка на подушке из песка, а вокруг по-прежнему стояли стулья с поцарапанными спинками и сиденьями, затертыми до блеска. Ближе к входной двери располагались все та же вереница почтовых ящиков и окошечко, где продавались марки, а открытая поодаль дверь вела в заднюю комнату, откуда шел, как встарь, резкий запах корма — груды джутовых и бумажных мешков поднимались там чуть не до потолка.

Ну словно я заходил сюда только вчера, подумалось мне. А наутро зашел опять и вот слегка удивлен тем, что за ночь кое-что изменилось...

Я выглянул на улицу сквозь пыльную, засиженную мухами витрину. Там, на улице, какие-то перемены произошли, но их оказалось тоже немного. На углу напротив банка был, как мне помнилось, пустующий участок — теперь его заняла автомастерская, наспех сложенная из бетонных блоков, а перед ней бензозаправка, проще сказать, одинокий насос с облупившейся краской. Рядом в крохотном домике была парикмахерская, и она не изменилась, разве что выглядела еще обшарпаннее и требовала ремонта еще настоятельнее, чем прежде. А бок о бок с парикмахерской был магазинчик скобяных товаров, так тот, по-моему, не изменился совсем.

Разговор в лавке, по-видимому, подошел к концу, и я обернулся. Женщина, что спорила с Дунканом, уже направлялась к двери. Она была моложе, чем показалось, когда я смотрел на нее со спины. На ней были серый жакетик и юбка, угольно-черные волосы туго зачесаны назад и завязаны узлом. Она носила очки в светлой пластмассовой оправе, а на лице у нее застыли озабоченность и гнев в странном сочетании друг с другом. Шагала она размашисто, почти по-военному, и вообще напомнила мне секретаршу какого-нибудь большого начальника — деловитую, лаконичную и не намеренную терпеть вольностей ни с чьей стороны. В дверях она задержалась и задала Дункану прощальный вопрос:

— Так вы придете сегодня к нам на вечер? Или нет?

Дункан усмехнулся, показав свои корявые зубы:

— Ни разу не пропускал ваших вечеров. Ни разу за много лет. С чего бы я вдруг изменил своим привычкам?

Она распахнула дверь и удалилась. Краем глаза я видел, как она вышагивает по улице, быстро и целеустремленно. Дункан выбрался из-за прилавка, прошаркал мне навстречу и осведомился:

— Чем могу служить?

— Меня зовут Хортон Смит. Я просил, чтобы...

— Постой, погоди минутку,— перебил он, всматриваясь пристальнее.— Когда на это имя начала поступать почта, я, разумеется, получал ее, но сказал себе, что здесь какая-то ошибка. Я думал, может статься...

— Никакой ошибки нет,— заверил я, протягивая ему руку.— Как поживаете, мистер Дункан?

Он схватил мою руку и вцепился в нее мертвой хваткой.

— Малыш Хортон Смит,— произнес он.— Ты обычно приходил сюда со своим папаней...

— А вы обычно давали мне пакетик леденцов.

Его глаза сверкнули из-под тяжелых бровей, и прежде чем отпустить мою руку, он потряс ее снова как мог сердечнее.

Все будет хорошо, сказал я себе. Старый Пайлот Ноб еще жив, и я здесь не посторонний. Я вернулся домой...

— И ты тот самый,— не то спросил, не то сообщил он,— кто выступает по радио, а иногда и по телевидению.— Я не стал этого отрицать, и он продолжал: — Пайлот Ноб гордится тобой. Сперва нам странновато было слушать нашего местного мальчугана по радио, сидеть с ним лицом к лицу, когда он на экране. Но понемножку мы привыкли и в большинстве стали твоими постоянными слушателями. И взяли за правило потом обсуждать твои передачи и повторять друг другу: Хортон, мол, сказал так или эдак, и твое мнение для нас стало авторитетным. Но,— внезапно спросил он,— а чего ты вернулся? То есть не пойми, что мы не рады тебе...

— Думаю пожить здесь какой-то срок,— ответил я.— Несколько месяцев, а может, и год.

— Что, отпуск?

— Нет, не отпуск. Хочу написать кое-что. А чтобы написать, надо куда-то скрыться. Куда-то, где найдется время писать и думать, перед тем как писать.

— Это будет книга?

— Да, надеюсь, что книга.

— Ну что ж, сдается мне,— он потер ладонью затылок и шею,— у тебя найдется много чего написать. Может, такое,

чего не скажешь в эфире. Все эти заграницы, где ты побывал. Ты же где только не был!..

— Да, довелось кое-где побывать,— согласился я.

— А в России? Что ты думаешь о России?

— Мне понравились русские. Они показались мне во многом похожими на нас.

— Что, на американцев?

— На американцев,— подтвердил я.

— Иди сюда, к печке,— предложил он,— давай посидим, потолкуем. Сегодня я, правда, не разводил огня. По-моему, в нем сегодня нет нужды. Помню, будто это было вчера, как твой папаня усаживался на один из этих стульев и беседовал с нами. Хороший он был человек, твой папаня, только я всегда говорил, что негоже ему быть фермером, это не для него.

Мы уселись, и Дункан спросил:

— А он, твой папаня, живой еще?

— Живой. И он и мама, оба живые. Они в Калифорнии. Ушли на покой, живут в достатке.

— А у тебя есть где остановиться?

Я покачал головой.

— Ниже по реке открыт мотель,— сказал Дункан.— Построен всего год или два назад. Содержит его семья Стритеров, они в здешних краях новички. Дадут хорошую скидку, если задержишься у них дольше чем на пару дней. Я поговорю с ними.

— Право, не беспокойтесь...

— Но ты же не простой постоялец. Ты наш местный, решивший вновь пожить здесь. Они захотят познакомиться с тобой.

— А как там насчет рыбной ловли?

— Лучшее местечко на всей реке. У них есть лодки напрокат и даже каноэ, хотя никак не возьму в толк, кто и зачем станет рисковать головой, плавая тут на каноэ...

— Мечтал найти что-нибудь в этом духе,— признался я.— Боялся, что таких мест уже не осталось.

— По-прежнему помешан на рыбалке?

— Мне нравится рыбачить.

— Помню, когда ты был мальчишкой, то здорово ловил голавлей.

— Голавль — хитрая добыча.

— Тут до сих пор много старожилов, кого ты вспомнишь. И все захотят повидать тебя. Почему бы тебе не заглянуть сегодня в школу на вечер? Там наверняка будет много народу. Ты только что видел в лавке учительницу, ее зовут Кэти Адамс.

— У вас все та же школа с единственной классной комнатой?

— А ты как думал? На нас давили, чтобы мы объединились с другими общинами, но когда дошло до голосования, мы эту затею провалили. В одной комнате можно учить ребятишек ничуть не хуже, чем в новой школе со всеми выкрутасами, а обходится куда дешевле. Если кто из ребят захочет продолжать в средней школе, мы вносим плату за обучение, но, по правде, не многие соглашаются уехать. Все равно выходит дешевле, чем если объединяться с другими. Да и к чему тратиться на среднюю школу для таких недорослей, как сыночки Уильямсов...

— Извините,— сказал я,— войдя сюда в лавку, я невольно подслушал...

— Вот что, Хортон. Эта Кэти Адамс — прекрасная учительница, но больно мягкосердечная. Вечно заступается за младших Уильямсов, а я тебя заверяю, они просто банда головорезов. Ты, наверное, не знаешь Тома Уильямса — его занесло сюда, когда вы уже уехали. Сперва шатался по ближним фермам, подрабатывал чем придется, только толком-то он ничего не умел. Хотя, похоже, каким-то образом подкопил деньжат. Он был уже староват для женитьбы и все-таки спутался с дочкой Злыдня Картера. С одной из дочек Младшего Злыдня, Амелией. Ты помнишь Злыдня?

Я опять покачал головой.

— У него был братец по прозвищу Старший Злыдень. Никто теперь и не помнит, как их звали на самом деле. Вся семейка жила на Ондатровом острове. В общем, когда они с Амелией поженились, он купил на деньги, что припас, клочок земли в Унылой лощине, милях в двух от дороги, и надумал завести собственную ферму. Как уж он с ней управляется, просто не понимаю. И чуть не каждый год по ребятенку, а после он со своей миссис не уделяют потомству никакого внимания. Скажу тебе откровенно, Хортон, вот уж людишки, без которых мы здесь спокойно бы обошлись. От них, что от Тома Уильямса, что от всех, кого он наплодил, только непри-

ятности, и ничего больше. Завели собак столько, что никакой дубиной не разгонишь, и собаки-то никчемные, в точности как сам Том. Знай себе шляются по округе и жрут что попало и ни черта не умеют. Том уверяет, что просто любит собак, вот и все. Ну слышал ли ты что-либо подобное? Никудышный человечишка, со всеми своими собаками и детьми, которые вечно влипают в какие-нибудь истории...

— Мисс Адамс, кажется, считает,— напомнил я,— что это не только их вина.

— Знаю. Она твердит, что они отверженные и неимущие. Еще одно любимое ее словцо. Тебе понятно, что это за неимущие? Это те, кто не сумел ничего нажить. Да никаких неимущих не было бы в помине, если б каждый работал на совесть и имел хоть каплю здравого смысла. Да, конечно, в правительстве обожают болтать о неимущих и о том, что мы все обязаны им помогать. Только если бы правительство пожаловало сюда да полюбовалось на кое-каких неимущих, то сразу смекнуло бы, отчего они такие, какие есть...

— Когда я ехал сюда поутру,— перебил я,— мне стало любопытно, сохранились ли здесь еще гремучие змеи.

— Гремучие змеи? — переспросил он.

— Раньше, в мои мальчишеские годы, их было здесь видимо-невидимо. Любопытно, теперь их не поубавилось?

Он глубокомысленно кивнул:

— Может, и поубавилось. Хотя еще попадаются. А если залезть подальше в холмы, там их сколько угодно. Тебя что, интересуют гремучие змеи?

— Да нет, не особенно.

— Ты непременно должен прийти в школу на вечер,— сказал он.— Там соберется много народу. Познакомишься кое с кем. Сегодня последний день занятий, и ребятишки исполнят что-нибудь, будут читать стихи, а может, споют песенку или сыграют пьеску. А потом будет распродажа корзинок, чтоб собрать деньги на новые книжки для библиотеки. Мы здесь до сих пор придерживаемся прежних обычаев, годы нас не очень-то изменили. И развлекаемся как умеем, на свой манер. Сегодня распродажа, а недельки через две в методистской церкви будет клубничный фестиваль. Вот тебе два прекрасных случая встретить старых знакомых.

— Обязательно приду, если смогу,— пообещал я.— И на вечер, и на фестиваль.

— На твое имя есть почта,— сообщил он.— Начала поступать неделю назад, если не две. Я же местный почтмейстер, как и прежде. Почтовое отделение размещается здесь, в этой лавке, уже без малого сотню лет. Говорят, правда, что его заберут отсюда, объединив с отделением в Ланкастере, чтоб доставлять почту во все поселки по кольцу. Ну никак не желает правительство оставить нас в покое. Все ему неймется, все норовит что-нибудь переделать. И назвать это улучшением обслуживания. Клянусь жизнью, не понимаю, чем плохо было обслуживание, которым население Пайлот Ноба пользовалось целых сто лет...

— Я так и предполагал, что у вас накопится куча почты,— сказал я.— Я просил пересылать ее сюда, но сам слегка задержался. Ехал не спеша, останавливаясь повсюду, где было на что посмотреть.

— Собираешься заглянуть на ферму, где жил прежде?

— Пожалуй, нет. Там, наверное, слишком многое изменилось.

— Там теперь живет семья Боллардов. У них два сына, оба уже почти взрослые. Пьют они сильно, сыновья, временами просто беда.

Я кивнул:

— Так вы говорите, мотель ниже по реке?

— Точно. Проедешь школу и церковь, потом дорога свернет налево. Вскоре за поворотом увидишь вывеску. Мотель называется «У реки». Сейчас я соберу твою почту.

Глава 4

На большом плотном конверте в левом верхнем углу был небрежно написан обратный адрес, и это был адрес Филипа Фримена. Я сидел в кресле у открытого окна и вертел конверт в руках, недоумевая, чего ради Филипу вздумалось мне написать или послать мне что бы то ни было. Да, конечно, мы были с ним знакомы, и он мне даже нравился, но близкой дружбой никогда и не пахло. Единственное, что нас связывало,— мы оба испытывали симпатию и уважение к замеча-

тельному старику, погибшему три недели назад в автокатастрофе.

Из-за окна доносился голос реки, ее приглушенный бормочущий разговор с полями и холмами, мимо которых она скользила. Чем дольше я вслушивался в этот голос, тем яснее припоминал деньки, когда мы с отцом сидели на ее берегу и удили рыбу. На реке я всегда бывал с отцом, ни разу сам по себе — река таила слишком много опасностей для десятилетнего мальчишки. Ручей, разумеется, другое дело, на ручей я мог отправиться и один, пообещав, что буду осторожен.

Ручей был мне другом, искристым летним другом, а река привораживала. И приворaживает по-прежнему, признался я себе, и даже сильнее, чем раньше: мальчишеские грезы обострены временем... И вот я снова здесь, подле нее, и буду жить подле нее, пока не наскучит. Я даже отдавал себе отчет в том, что где-то глубоко внутри прячется страх: а если я проживу здесь так долго, что привыкну к реке? И волшебство утратится, и окажется, что это обыкновенная река, текущая по обыкновенной земле.

Мир и покой, подумал я, такой мир и покой сегодня сохранились в немногих тихих заводях, медвежьих углах планеты... Здесь человеку достанет времени и места сосредоточиться и подумать, и не доберутся до него даже отзвуки грохочущих бед мировой торговли и международной политики. Натиск прогресса не затронул эти края, здесь он почти неощутим.

Почти неощутим, а потому здесь сохранились прежние идеалы. Эти края не ведают, что Бог умер: в поселковой церквушке священник, наверное, и поныне поминает в проповедях козни дьявола и геенну огненную, а паства самозабвенно внимает ему. Эти края не подавлены комплексами социальных сопоставлений, здесь до сих пор полагают, что человек, дабы заработать на жизнь, должен трудиться в поте лица своего. В этих краях избегают трат не по средствам, а норовят обойтись тем, что есть, и не выплачивать лишних налогов. Здесь ценят старые надежные добродетели, когда-то повсеместные, но не выдержавшие состязания с соблазнами века. А еще здесь не погрязли в глупостях, привнесенных извне, спаслись от них — и не только от материальных, но и от глупостей интеллектуальных, моральных, эстетических не в меньшей мере. Здесь все еще способны верить — в эпоху, когда уже не верят

ни во что. Все еще держатся за определенные ценности, пусть даже ложные,— в годы, когда ценностей почти не осталось. Все еще искренне соблюдают основные принципы общежития — в то время как большая часть человечества сорвалась в цинизм.

Я оглядел комнату, совсем простую, маленькую, чистую, светлую, с деревянными панелями по стенам, с минимумом мебели и без ковров на полу. Монашеская келья, подумал я и сразу решил, что так и должно быть; трудно, почти невозможно работать, если тебя окружают избытком удобств.

Мир и покой, повторил я про себя. А как тут насчет гремучих змей?.. Что, если весь этот мир и покой — не более чем обманчивая поверхность, тихая запруда у мельничного створа, под которой скрыт бешеный водоворот? Я будто вновь увидел нависшую надо мной безжалостную плоскую голову — и едва я вспомнил ее, мое тело отозвалось болью, заново ощутив ужас, заморозивший его до полной неподвижности.

Зачем понадобилось задумывать и осуществлять покушение столь причудливым образом? Кто это сделал и как и почему это выпало на мою долю? Почему вечером ферм было две и таких одинаковых, что глаз почти не замечал различий? И при чем тут Куряка Смит, и застрявшая машина, которая на самом деле не застревала, и трицератопс, который через мгновение исчез без следа?

Я сдался. Ответов не было. Единственный возможный ответ заключался в том, что ничего этого не происходило,— а я был убежден, что произошло. Еще допустимо, что я мог вообразить себе любое из происшествий по отдельности, но все вместе — нет, никогда! Безусловно, где-то должно было таиться какое-то объяснение, но я не находил даже намека на него.

Отложив большой конверт, я просмотрел остальную почту и не обнаружил ничего важного. Несколько открыточек от друзей с пожеланиями удачно обосноваться на новом месте, но в большинстве своем открытки несли на себе отпечаток фальшивой сердечности, который мне не слишком понравился. Вероятно, все посчитали, что я слегка помешался, если решил похоронить себя в дикой, по их представлениям, глуши ради того, чтобы сочинить книжку, которая, скорее всего, окажется препаршивой. Кроме открыток в почте были несколь-

ко неоплаченных счетов, парочка журналов и рекламные проспекты.

Я вернулся к большому конверту и вскрыл его. Из конверта выпала пачка отснятых на ксероксе листов с приколотой к ним запиской. Она гласила:

«Дорогой Хортон! Разбирая бумаги, оставшиеся на дядюшкином столе, я наткнулся на эту рукопись. Поскольку вы были одним из его ближайших друзей и он вас очень ценил, я снял для вас копию. Честно говоря, не знаю, что и подумать. Если бы речь шла о ком-нибудь другом, я, наверное, решил бы, что это всего лишь безобидная фантазия, которую автор по какому-то капризу или по иным личным мотивам записал на бумаге,— может, просто для того, чтобы выкинуть ее из головы. Но вы, вероятно, согласитесь со мной, что дядюшка не был склонен к пустым капризам. А вдруг он при каких-то обстоятельствах упоминал в беседах с вами о чем-либо подобном? Если так, вы сумеете разобраться в рукописи гораздо лучше меня. *Филип*».

Я отсоединил записку от ксероксных листов, и передо мной лег документ, нацарапанный мелким неразборчивым почерком — почерком, совершенно не похожим на автора.

Названия у документа не было. Не было ни намека на то, что записано на этих листах и зачем.

Я уселся поудобнее в кресло и начал читать.

Глава 5

«Эволюционные процессы,— так начиналась рукопись,— притягивали и до крайности интересовали меня всю жизнь, хотя в своей узкой области я занимался лишь одной небольшой и, возможно, не самой замечательной их частицей. Как профессора истории меня с годами все более и более занимала эволюция человеческой мысли. Стыдно сказать, сколько часов я потратил, пытаясь вычертить график, схему, диаграмму (назовите как угодно), которая представила бы развитие мышления и перемены в нем на протяжении столетий, и сколько раз я повторял такие попытки. Однако предмет исследования оказался слишком обширным, разнообразным (а подчас, признаюсь, и слишком противоречивым), чтобы можно было уложить

его в какую бы то ни было иллюстративную схему. И тем не менее я уверен, что человеческое мышление эволюционирует, что самая его основа менялась на протяжении всей нашей письменной истории и что сегодня мы думаем совсем не так, как сто лет назад, а за тысячу лет наши суждения изменились неузнаваемо — и не столько потому, что ныне эти суждения подкреплены гораздо большим запасом знаний, сколько потому, что самые точки зрения, присущие человечеству, претерпели изменения, которые смело можно назвать эволюцией.

Кого-то, вероятно, позабавит, что можно так увлеченно размышлять о самом процессе мышления. И этот кто-то будет не прав. Потому что именно способность к абстрактному мышлению и ничто иное отличает человека от любого другого существа, живущего на Земле.

Попробуем бросить взгляд на эволюцию, никоим образом не претендуя на глубокое ее осмысление, а лишь затрагивая главные поворотные пункты из подсказанных нам палеонтологами, отмечая самые важные вехи на пути прогресса с тех отдаленных времен, когда в первобытном океане зародились первые микроскопические формы жизни. Не станем вникать в мелкие изменения, какими было отмечено все развитие жизни, тем более не станем вдаваться в них, а только обрисуем некоторые горизонты, раскрывшиеся в результате накопления этих мелких изменений.

Одной из первых важнейших вех следует, безусловно, признать выход каких-то форм жизни из воды на сушу. Перемена среды обитания была, несомненно, затяжным, болезненным и, вероятно, рискованным процессом. Но для нас сегодняшних время сжалось, и процесс предстает в нашем понимании единым событием в эволюционной схеме. Другая веха — образование хорды, которая в предстоящие миллионы лет постепенно преобразилась в спинной хребет. Еще одна веха — развитие способности к передвижению на двух ногах, хотя я лично не склонен придавать прямохождению особое значение. Человека, каким он стал сегодня, создало не прямохождение, а способность отвлекаться от "здесь" и "сейчас", способность мыслить за пределами сиюминутных решений.

Эволюционные процессы — это длинные цепи событий. Многие эволюционные тенденции были опробованы природой и отброшены как тупиковые, и виды вымирали, поскольку-

ку были жестко привязаны к таким тенденциям. Но неизменно какой-то фактор или группа факторов, выявившиеся в развитии ныне вымерших видов, давали начало новым линиям эволюции. И неизбежно приходишь к выводу, что в запутанном клубке изменений и усовершенствований всего живого прослеживается и единая стержневая эволюционная нить, ведущая к одному главному изменению. Сквозь все миллионы лет это главное изменение, ныне выраженное в человеке, лежало в постепенном наращивании мозга, который с течением времени превратился в разум.

Как мне кажется, особенность эволюционных процессов состоит еще и в том, что как бы замечателен ни был результат тех или иных изменений, он раскрывается лишь потом, когда они произошли, а до того ни один беспристрастный наблюдатель не смог бы его предвидеть и предсказать. Полмиллиарда лет назад никакой наблюдатель не мог бы обосновать догадку, что через два-три миллиона лет некоторые формы жизни выберутся из воды и переселятся на сушу. Подобная догадка показалась бы маловероятной, граничащей с невозможным. Потому что все известные тогда формы жизни нуждались в воде, были приспособлены к жизни в воде, не могли существовать без воды. А суша, голая и бесплодная, наблюдателю представилась бы пустыней, враждебной жизни, примерно такой же, каким нам сегодня видится космическое пространство.

Полмиллиарда лет назад все формы жизни были миниатюрными. Миниатюрность в то время казалась столь же обязательным жизненным требованием, как вода. И никакой наблюдатель тогда не мог бы представить себе чудовищных динозавров последующих эпох или современных китов. Подобные размеры для него лежали бы за пределами воображения. Точно так же наблюдатель той поры вообще не подумал бы о летающих существах; такое просто не пришло бы ему в голову. А если и подумал бы, вопреки всякой вероятности, то уж никак не отыскал бы путей к тому, чтобы жизнь поднялась в воздух, и не понял бы, зачем ей это может понадобиться.

Таким образом, мы осознаем обоснованность и правоту эволюции, когда оглядываемся назад, но предсказать ее дальнейший ход нам, по-видимому, не дано.

Кто придет на смену человеку? Вопрос не нов, иногда его поднимают и обсуждают хотя бы в порядке праздных предпо-

ложений. По-моему, мы инстинктивно сопротивляемся тому, чтобы размышлять на эту тему всерьез. В большинстве своем люди, если думают об этом вообще, считают, что вопрос относится к весьма отдаленному будущему, а значит, его и ставить-то нет резона. Приматы появились восемьдесят миллионов лет назад, может быть, и того меньше, а человеку, по самой щедрой оценке, не более двух-трех миллионов лет. По сравнению с трилобитами и динозаврами это ничтожный срок, и получается, что пройдут еще тысячи тысяч лет, прежде чем приматы исчезнут или утратят свое главенствующее положение на Земле.

В сущности, мы инстинктивно не допускаем самой мысли о том, что род человеческий когда-либо прекратит свое существование. Иные из нас (разумеется, далеко не все) могут кое-как примириться с идеей, что лично они физически умрут. Человек еще в состоянии представить себе мир без себя как личности, однако представить себе Землю, на которой не осталось людей, оказывается, куда труднее. Ведомые странным внутренним испугом, мы прячемся от того, что сам наш род рано или поздно погибнет. Умом, если не сердцем, мы готовы допустить, что каждый из нас как частица человечества однажды исчезнет, однако нам не по силам даже помыслить, что само человечество также смертно и не вечно. Да, мы заявляем подчас, что человек — единственное в истории существо, которое изобрело средства для самоуничтожения. Но даже провозглашая этот тезис, мы внутренне не верим в него.

В немногих серьезных исследованиях, касавшихся этой проблемы, речь шла, в сущности, вовсе не о ней. Словно наш разум воздвиг неодолимую преграду, мешающую нам углубиться в тему. Мы почти не задумывались над вопросом, кто и что может вытеснить человека: все, на что мы способны,— нафантазировать сверхлюдей будущего, может, и отличных от нас во многих отношениях и тем не менее остающихся людьми. Обогнавших нас умственно, интеллектуально, но биологически наших прямых потомков. Даже в фантазиях такого пошиба мы исходим из упрямой веры, что человечество будет существовать вечно.

Естественно, это заблуждение. Если эволюционные процессы, создавшие человека, тем самым не исчерпали себя, то вслед за нами на сцену должно выйти нечто большее, чем человек.

История как будто учит, что эволюция не может себя исчерпать. Минувшие эпохи накопили достаточно свидетельств, что она никогда не затруднялась в создании новых форм жизни, в изыскании новых ценностей, полезных в борьбе за существование. На нынешнем уровне знаний нет оснований предполагать, что с появлением человека эволюционные процессы застопорились, не оставив ничего про запас.

Итак, вслед за человеком будет что-то еще, что-то отличное от нас. Не просто некое продолжение человека, более совершенная его версия, а нечто принципиально иное. Остается спросить с ужасом и недоверием: что же способно вытеснить человека, что способно превзойти разум?

Мне кажется, я знаю ответ.

Мне кажется, наши преемники уже существуют и живут рядом с нами на протяжении многих, многих лет.

Абстрактное мышление — явление для Земли новое. Ни одно существо, кроме человека, не ведает этого благословения (или проклятия). Абстрактное мышление отняло у нас чувство безопасности, свойственное другим существам, которые сознают себя лишь в пределах "здесь" и "сейчас", и то порой довольно смутно. Наше мышление позволяет нам заглянуть в прошлое и, что гораздо хуже, всматриваться в черноту будущего. Наше мышление приводит нас к осознанию своего одиночества, оно вселяет в нас надежду, которая тут же обращается в безнадежное отчаяние, оно доказывает нашу наготу и незащищенность перед лицом безразличного космоса. День, когда первый из человекообразных сопоставил себя с масштабами времени и пространства, должен быть без колебаний назван самым жутким и самым знаменательным днем в истории жизни на Земле.

Мы использовали свой разум в бесчисленных практических целях, а равно для теоретических изысканий, которые, в свою очередь, подсказывали нам ответы на практические вопросы. Но мы не довольствовались этим, а нашли разуму еще одно применение. Мы воспользовались разумом, чтобы заселить загадочный мир вокруг нас бестелесными созданиями — богами, чертями, ангелами, призраками, нимфами, феями, домовыми, гоблинами. Мы создали в своих первобытных мозгах темный, неподвластный нам мир, где у нас есть и враги, и союзники. Были среди наших созданий и иные мифические существа, не темные и не страшные, а просто досужие плоды

нашего воображения — Санта-Клаус, Пасхальный Кролик, Мороз Красный Нос, Дедушка Песочник* и многие, многие другие. И мы не просто создали их в уме, а до известной степени сами поверили в них. Мы видели их, мы беседовали о них, они стали для нас очень реальными. Чем, как не трепетом перед этими созданиями, можно объяснить, что крестьяне средневековой Европы с приходом ночи закрывали свои лачуги на все засовы и наотрез отказывались высунуть нос наружу? Чем, как не боязнью встретить нечто ужасное, объясняется, что кое-кто и сегодня не способен преодолеть страх темноты? Да, сегодня мы редко поминаем вслух призраков ночи, но былые тревоги и страхи не отмерли — тому доказательством широко распространенная вера в летающие тарелки. В наши просвещенные дни показалось бы ребячеством, если бы кто-то заговорил всерьез об оборотнях и упырях, а вот верить в технических духов вроде летающих тарелок допустимо вполне.

Что мы знаем об абстрактном мышлении? Ответ очевиден: мы не знаем о нем ничего. Насколько я понимаю, не исключена возможность, что оно имеет электрическую природу и основано на энергетическом обмене определенного рода — ведь физики заявляют, что любые процессы в конечном счете имеют энергетическую основу. Но что мы, положа руку на сердце, знаем об электричестве и об энергии? Что мы знаем, коли на то пошло, о чем бы то ни было? Знаем ли мы, как действует атом и почему, знаем ли мы, наконец, что такое атом? И может ли кто-нибудь дать объяснение, как возникает самосознание и осознание окружающей среды, отличающее жизнь от неорганической материи?

Мы полагаем, что мышление — результат неких мозговых процессов, и на словах соглашаемся с физиками, что тут, вероятно, замешан энергетический обмен. Но о мыслительных процессах мы знаем не больше, а, наверное, меньше, чем древние греки о строении атома. Честь первого упоминания об атомарном строении вещества обычно приписывается Демокриту, жившему в четвертом веке до Рождества Христова. Готов допустить, что это было достижением человеческой мысли, но в действительности атомы Демокрита не имели ничего общего

* Фольклорный персонаж, подобный андерсеновскому Оле Лукойе и Дреме из русских сказок: он помогает детям засыпать, бросая им в глаза мелкий песок.

с тем, что мы сегодня понимаем под атомом,— и ведь, между прочим, даже сегодня мало что понимаем. И когда мы сегодня говорим о мышлении, мы почти не понимаем, о чем говорим, примерно так же, как во времена Демокрита люди могли говорить об атомах (если говорили, то мимолетно, неуверенно и без подлинного интереса). Назовем вещи своими именами: в разговорах о мышлении мы просто-напросто пустословим.

Правда, мы знаем кое-что о результатах мышления. Все, чем располагает сегодня человечество,— это продукты мысли. Но по большому счету это лишь результат воздействия мышления на человека как животное, воздействия, аналогичного паровой машине: пар давит на механизм, и колеса вращаются.

Можно спросить: что происходит с паром после того, как он воздействовал на механизм и исполнил свое назначение? Не менее правомерен и вопрос: а что происходит с мыслью после того, как она воздействовала на нас самих? Коль скоро нас заверяют, что для возникновения и развития мысли необходим энергетический обмен, что происходит с этим обменом далее?

Мне кажется, я знаю ответ. По моему убеждению, энергия мышления, принимающего порой самые странные формы, изливаясь нескончаемо в течение веков из умов миллиардов мужчин и женщин, дала жизнь созданиям, которые в будущем — и, возможно, не слишком отдаленном — займут место, ныне принадлежащее человечеству.

Выходит, что наши преемники созданы тем самым механизмом, мышлением, которое сделало человечество видом, господствующим ныне. Но все известные мне данные свидетельствуют о том, что это как раз решение, типичное для эволюции.

Человек строит не только руками — он строит и разумом, причем, по-моему, прочнее и не совсем так, как можно было бы предположить.

Если кто-то один измыслил мерзкую злобную тварь, рыскающую во тьме, этого, конечно, не хватит, чтобы пробудить ее к жизни. Но если тот же злобный образ создает мысленно (и с единодушным ужасом) целое племя — это, на мой взгляд, достаточный толчок, чтобы тварь действительно ожила. Разумеется, ее когда-то не было. Потом она возникла в сознании одного человека, испуганно съежившегося перед лицом ночи. Испугавшись неведомо чего, он решил придать своим страхам

какую-то определенную форму и, придумав ее, пересказал другим, что придумал, и они тоже представили себе эту вымышленную тварь. И коллективное воображение работало так долго и плодотворно, люди так поверили в собственный вымысел, что в конце концов воссоздали его в натуре.

Эволюция действует во многих направлениях. Можно сказать, что она действует в любом направлении, какое только находит. Тот факт, что доселе эволюция никогда не выбирала именно такой путь, может объясняться просто: пока не развился человеческий разум, в ее распоряжении не было фактора, способствующего созданию новых существ при помощи силы воображения. И не забудем, что кроме воображения, кроме произвола мысли тут задействованы силы и энергии, которых человек до сих пор не понимает и, возможно, никогда не поймет.

По моему убеждению, люди со своим неуемным воображением, со своей страстью к сочинению небылиц, с присущим им страхом времени и пространства, темноты и смерти за тысячелетия создали иной мир, целый мир существ, живущих ныне на Земле рядом с нами. Этот мир скрыт, невидим, я не знаю, каков он, но уверен, что он вполне реален и настанет день, когда созданные нами существа выйдут из своих укрытий и предъявят нам права на наследство.

Во всей мировой литературе и в каждодневном потоке новостей рассеяны заметки о происшествиях необычных и странных — и в то же время эти происшествия зафиксированы с такой точностью, что их никак не спишешь на обман чувств и миражи...»

Глава 6

Рукопись обрывалась на середине страницы. Далее было еще немало страниц, но когда я перебросил листок, то увидел, что следующий заполнен отрывочными заметками, на первый взгляд, совершенно беспорядочными. И конечно, трудночитаемыми, как все написанное почерком моего друга. И при этом вбитыми в страницу так тесно, словно она была единственной, какая у него оставалась, а стало быть, надлежало использовать каждый ее дюйм, чтобы вместить все собранные

факты, все накопленные наблюдения. Заметки шли плотным строем через центр страницы, а затем поля заполнялись новыми заметками, и буквы порой превращались в такие крохотные узелочки, что сложить из них слова стоило немилосердных трудов.

Я быстро перелистал все до конца, но каждая следующая страница была подобием предыдущей, каждая была заполнена до отказа. Тогда я сложил страницы по порядку, вернулся к началу рукописи и приколол записку Филипа сверху, пообещав себе, что позднее непременно прочту все заметки до единой, прочту и попытаюсь разгадать их смысл. Но на сегодня с меня достаточно и того, что я уже прочел. Более чем достаточно.

Наверное, это шутка, сказал я себе. Но это не могло быть шуткой, потому что мой старый друг никогда не шутил. Он не ощущал нужды в шутках. Он был исполнен доброты, он обладал гигантской эрудицией и если уж говорил, то находил словам лучшее применение, чем расходовать их на глупые шутки.

И я опять вспомнил его в тот вечер, когда мы виделись в последний раз,— сморщенного гнома в огромном кресле, угрожающем поглотить его без остатка, и то, как он заявил мне, что мы в осаде. Я был убежден, что он хотел сказать мне больше, гораздо больше, но не сказал, потому что, когда он собрался с мыслями, явился Филип и мы заговорили о чем-то другом.

Теперь, сидя в мотеле у реки, я чувствовал уверенность в том, что он намеревался пересказать мне рукопись, прочитанную минуту назад. Собирался сказать, что нас взяли в осаду существа, которых люди напридумывали за столетия, и что наш разум, наше воображение послужили целям эволюции.

Разумеется, он заблуждался. Если без обиняков, его теория граничила с помешательством. Но едва подумав об этом, я тут же осознал в глубине души, что человеку такого склада, как он, непросто впасть в заблуждение. Прежде чем доверить свои мысли бумаге, хотя бы ради того, чтобы сформулировать их для себя, он проделал долгую и кропотливую работу, приведшую его к определенным выводам. Страницы, приложенные к рукописи, наверняка не исчерпывают собранных им доказательств. Скорее, они суммируют эти доказательства,

подводят им итог и конспективно передают выводы. Нет, конечно, опять-таки отсюда не следует, что он не впал в заблуждение, все это очень похоже на заблуждение, но даже в таком случае у него должно было скопиться довольно фактов и логических построений, чтобы от его теории нельзя было просто отмахнуться.

Он намеревался рассказать мне обо всем, не исключено, что хотел опробовать на мне свои умозаключения. Но из-за Филипа, явившегося так некстати, отложил это до более удобного случая. А случая уже не представилось, поскольку через два дня он погиб, его машину сплющило в лепешку, а из него вышибло дух в результате столкновения с другой машиной, которой, однако, так нигде и не нашли.

Я задумался и вдруг похолодел от страха — особенного, кошмарного страха, какого я никогда не испытывал прежде. От страха, который выполз из иного, неведомого нам мира, который прятался где-то в дальнем уголке наследственной памяти и, казалось, был многократно забыт. Именно такой страх, леденящий и цепенящий, выворачивающий душу, был уделом тех, кто корчился в пещере, вслушиваясь в звуки, издаваемые дьявольскими созданиями, что скрывались снаружи во мраке.

Я задал себе вопрос: а не может ли статься, что мыслительная мощь этих созданий мрака достигла такого развития, такого совершенства, что они теперь способны принять любую форму, любой облик по своему усмотрению? Способны, например, преобразиться в машину, которая протаранит другую машину, а потом, после тарана, вернуться в иной мир, в родное свое измерение, в невидимость, покинутую временно ради определенной цели?

Может ли быть, что мой старый друг погиб именно потому, что догадался о секретном мире этих исчадий разума?

А как же гремучие змеи? — перебил я себя. Нет, гремучие змеи тут ни при чем, потому что змеи были самыми настоящими. Но разве трицератопс, дом с окружающими постройками, рыдван на козлах у поленницы, Куряка Смит и его женушка не казались мне настоящими? Что, если это ответ, который я искал? Что, если все эти предметы и существа порождены миром исчадий, устроивших маскарад, чтобы заманить меня в засаду, замутивших мне сознание до того, что я готов был поверить в заведомо невероятное, и уложивших меня не на

кушетку в доме Куряки, а на скальное дно расщелины, где полно змей?

Но если даже так, то зачем? Затем, что эти гипотетические исчадия знали о толстом конверте от Филипа, который поджидает меня в лавке Джорджа Дункана?

Это безумие, уговаривал я себя. Ну а пропустить развилку на дороге — не безумие? Трицератопс, и дом, очутившийся там, где никакого дома не было и в помине, и гремучие змеи — не безумие? Нет, нет, повторил я себе, гремучие змеи были реальными. Но что такое реальность? Каким образом можно удостовериться в реальности чего бы то ни было? А если мой старый друг прав в своих догадках, что вообще останется от реальности?

Я был потрясен гораздо глубже, чем признавался себе. Я сидел в кресле и смотрел в стену, а когда пачка листов выскользнула у меня из рук, я даже не шевельнулся, чтобы их подобрать.

Если все это так, подумал я, значит, прежний надежный мир вышибли у нас из-под ног... Значит, гоблины и вампиры существуют теперь не только в сказках у камелька, а во плоти; ну, может, и не совсем во плоти, но каким-то образом существуют, а не просто мерещатся. Мы считали их плодом воображения и даже не представляли себе, насколько же мы правы. И опять-таки, если все это так, Природа в эволюционном развитии совершила очередной гигантский скачок вперед — от живой материи к сознанию, от сознания к абстрактному мышлению, а от абстрактного мышления к новой форме жизни, призрачной и реальной одновременно, а возможно, даже способной выбирать, быть ли ей призрачной или реальной.

Я пытался вообразить, что это за новая жизнь, каковы ее радости и печали, побуждения и принципы. У меня ничего не вышло. Самое мое тело из костей, плоти и крови не позволило мне вообразить эту жизнь. Потому что она должна быть принципиально иной, пропасть между нами слишком велика. С тем же, если не большим успехом можно было бы просить трилобита, чтобы он вообразил себе мир динозавров. И если в своем бесконечном обновлении видов Природа ищет качества, полезные в борьбе за существование, то вот наконец она нашла существа (если позволительно называть их существами) с фантастически высокой способностью к выживанию, ибо в

физическом мире нет ничего, абсолютно ничего, что могло бы угрожать им.

Я сидел, размышляя об этом снова и снова, и мысли грохотали в черепной коробке, как раскаты отдаленного грома, и тем не менее ни к чему не приводили. Я даже не блуждал по кругу. Я просто дергался туда-сюда, как полупомешанный чертик на веревочке.

Мне стоило немалых усилий оборвать чехарду безумных мыслей, и тогда я опять услышал журчание, радостный и смешливый голос реки, бегущей по земле в величии своего волшебства.

Надо распаковать пожитки, вытащить из машины коробки и сумки и приволочь их в комнату. Меня ждут рыбалка, каноэ у причала и крупные окуни, затаившиеся в камышах и среди кувшинок. А потом, как только я обживусь, меня ждет книга, которую надо, обязательно надо написать.

А еще я вспомнил, что сегодня меня ждет школьный вечер и распродажа корзинок. Придется туда пойти.

Глава 7

Линда Бейли приметила меня в ту же секунду, как я переступил школьный порог, и налетела на меня, словно хлопотливая самодовольная курица. Она была одной из немногих, кого я помнил, да, честно говоря, ее просто невозможно было забыть. Вместе с мужем и выводком неопрятных детишек она жила на ферме по соседству с нашей, и за все годы, что мы провели здесь, едва ли выдался десяток дней, чтобы она не притащилась по дороге, а то и прямиком через поля одолжить чашечку сахара, или кусочек масла, или еще какую-нибудь ерунду, которой у нее вдруг не хватило в хозяйстве и которую она, между прочим, потом не удосуживалась отдать. Она была крупная, костлявая женщина с лошадиным телосложением и если постарела, то, по-моему, совсем чуть-чуть.

— Хорас Смит! — взревела она.— Малыш Хорас Смит! Я бы узнала тебя где угодно!..

Она схватила меня в объятия и принялась колошматить по спине. Она осыпала меня звучными тумаками, а я недоуменно припоминал, случилось ли хоть однажды в отношениях между

нашими семьями что-нибудь, что дало бы ей право на такое приветствие.

— Значит, ты вернулся! — грохотала она.— Ты не смог жить вдали от нас! Уж если Пайлот Ноб у тебя в крови, никто его нипочем не забудет. Даром что ты побывал в разных местах. В языческих странах. И в Риме ты тоже был, ведь так?

— Я провел в Риме некоторое время,— ответил я.— Это вовсе не языческая страна.

— У меня возле свинарника растут пурпурные ирисы,— объявила она,— из сада самого Папы. Вообще-то не на что особенно посмотреть. На своем веку я видывала ирисы и получше, куда привлекательнее этих. Будь у меня другие такого сорта, я бы выкопала их и вышвырнула давным-давно. А эти сохранила из-за того, что они оттуда. Уж поверь, не у каждого есть ирисы из сада самого Папы. Не думай, что я поддерживаю Папу и всякие там глупости, но это все-таки особенные ирисы, ты согласен со мной?..

— Конечно согласен,— ответил я.

Она вцепилась в мою руку.

— Да пойдем же, ради бога, сядем! Нам надо о многом поговорить...— Она потащила меня к выстроенным в ряд стульям, и пришлось сесть с ней рядом.— Ты говоришь, Рим не языческая страна, но ведь у язычников ты тоже был. Что ты скажешь о русских? Ты же часто бывал в России...

— Не знаю, что и сказать. Есть русские, которые до сих пор верят в Бога. Правда, правительство у них...

— Вот тебе раз! Никак тебе нравятся русские?

— Некоторые нравятся,— ответил я.

— Я слышала, ты был в Унылой лощине и утром проезжал мимо фермы Уильямсов. За какой надобностью тебя туда занесло?

Интересно, подумал я, а есть что-нибудь, о чем бы она не слышала, о чем не слышал бы весь Пайлот Ноб?.. Отчетливее, чем в перестуке барабанов по джунглям, эффективнее, чем по радио, новости распространяются здесь в мгновение ока — все до мельчайшего слушка, до самой ерундовой догадки.

— Да вот пришло в голову свернуть,— приврал я слегка.— Мальчишкой я, бывало, охотился там на белок...

Она взглянула на меня подозрительно, не уловив логики в моих оправданиях.

— Может, днем там и ничего,— заявила она,— но ни за какие деньги не хотела бы я оказаться там после захода солнца.— Она наклонилась ко мне поближе, и пронзительный ее голос снизился до скрипучего шепота.— Там жуткая свора собак, если это вообще собаки. Носятся по холмам, лают, рычат, заливаются, а как пробегут мимо — будто ветер ледяной пролетел. Душа в пятки уходит...

— Вы сами слышали этих собак?

— Слышала ли? Да чуть не каждую ночь слышу, но, правда, никогда не бывала так близко, чтобы пахнуло этим ветром. Мне Нетти Кэмпбелл рассказывала. Ты помнишь Нетти?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну верно, как ты можешь помнить! Она была Нетти Грэхем, прежде чем вышла за Энди Кэмпбелла. Они жили в самом конце дороги, что ведет вверх по Унылой лощине. Нынче дом нежилой. Просто снялись и ушли. Собаки их выжили. Может, ты видел его — их прежний дом, я имею в виду.

Я кивнул не слишком уверенно: своими глазами я дома не видел, но я же слышал о нем накануне вечером от Лаузи Смит.

— Странные вещи творятся здесь на холмах,— продолжала Линда Бейли.— Такое, чему никто, если в здравом уме, не поверит. Наверное, все потому, что здесь у нас настоящая глухомань. Сколько других поселков разрослись, обустроились, ни деревца не осталось, зато вокруг поля. А здесь глухомань. Наверное, так навсегда и останется...

Комната заполнялась народом. Я заметил Джорджа Дункана, пробирающегося ко мне сквозь толпу, и встал навстречу, протягивая руку.

— Я слышал, ты хорошо устроился,— сказал он.— Я так и знал, что тебе там понравится. Учти, я звонил Стритеру и просил его присматривать за тобой как следует. Он ответил, что ты вышел порыбачить. Поймал что-нибудь стоящее?

— Пару окуньков,— признался я.— Надеюсь, когда попривыкну к реке, дела пойдут лучше...

— По-моему, начинается,— сказал он.— Увидимся позже. Тут много народу, с кем тебе не мешало бы поздороваться.

Вечер и вправду начался. Учительница Кэти Адамс играла на старой расстроенной фисгармонии, ребятишки выходили группа за группой, и одни пели песни, другие читали стихи, а восьмиклассники представили маленькую пьесу, которую, как не преминула сообщить мисс Адамс, сами же и сочинили.

Все было восхитительно на свой нескладный манер, и я сидел, припоминая, как ходил в школу в это самое здание и принимал участие в вечерах, таких же точно, как нынешний. Я даже попытался выудить из памяти, как звали моих учителей, хотя бы некоторых, и только к концу программы вспомнил, что была у меня учительница по имени мисс Стейн, чудаковатая рыжеволосая особа, худая и нервозная, впадающая в расстройство от любой нашей выходки,— а уж выдумывать их мы были горазды. Мельком подумалось: где-то она сейчас, мисс Стейн, и как обошлась с ней судьба? Хотелось бы верить, что благосклоннее, чем иные из нас обходились с ней в наши школьные годы...

Линда Бейли потянула меня за рукав пиджака и завела резким шепотом:

— Хорошие ребятишки, правда? — Я кивнул в знак согласия.— И эта мисс Адамс хорошая учительница, в самом деле хорошая. Только, боюсь, она здесь ненадолго. Нашей маленькой школе не удержать такую хорошую учительницу, как она...

Когда программа завершилась, Джордж Дункан пробрался ко мне сквозь толпу, взял меня на буксир и принялся представлять присутствующим. Кого-то из них я мог припомнить, а кого-то нет, но поскольку все они, казалось, помнили меня, я притворялся, что тоже их помню. Церемониал был в самом разгаре, но тут вмешалась мисс Адамс. Она поднялась на приступочку у дверей и окликнула Джорджа:

— Вы что, забыли свое обещание? Или делаете вид, что забыли, в надежде увернуться? Напоминаю вам, что вы дали согласие выступить сегодня в роли аукциониста.

Джордж стал отнекиваться, но для меня было очевидно, что он польщен. Не составляло труда догадаться, что в Пайлот Нобе Джордж Дункан — человек авторитетный. Еще бы, он был лавочник, и почтмейстер, и член школьного совета, и время от времени ему выпадали разные мелкие общественные поручения, например выступить аукционистом на распродаже корзинок. В пределах Пайлот Ноба он был палочкой-выручалочкой, к которой прибегали всякий раз, когда предстояло что-либо предпринять.

В конце концов он поднялся на возвышение и повернулся к столу, заставленному раскрашенными корзинками и коробками. Выбрав одну корзинку, он поднял ее повыше, чтобы

все могли хорошенько рассмотреть. Но прежде чем приступить к обязанностям аукциониста, он произнес небольшую речь.

— Всем вам известно,— изрек он,— какое у нас сегодня событие. Выручка от продажи корзинок предназначена для приобретения новых книг для школьной библиотеки, так что вы испытаете удовлетворение от сознания, что, сколько бы вы здесь ни оставили, все пойдет на доброе дело. Вы не просто покупаете корзинку, снаряженную для пикника, и право разделить трапезу с леди, чье имя вы обнаружите внутри. Вы способствуете весьма достойному общественному начинанию. Прошу вас, дорогие мои, не стесняйтесь и истратьте хотя бы часть денег из тех, что оттягивают вам карманы!..— Он поднял корзинку еще выше и продолжал: — Ну вот хотя бы эта корзинка. Мне доставляет истинное удовольствие предложить ее вам. Скажу без утайки, она увесистая. Там много славной снеди, а по тому, как она украшена и все такое прочее, можно смекнуть, что леди, снаряжавшая эту корзинку, уделила ее содержимому не меньше внимания, чем внешнему виду. Может, вас заинтересует, что я улавливаю запах жареного цыпленка. Ну и,— закончил он,— сколько же вы даете?..

— Доллар,— произнес кто-то, а кто-то другой незамедлительно поднял сумму до двух долларов, а потом кто-то из задних рядов назвал два с половиной.

— Два с половиной,— повторил Джордж Дункан удивленно и обиженно.— Вы что, в самом деле намерены остановиться на двух с половиной? Ну знаете, если бы корзинка шла на вес, и то это было бы просто даром. Что? Я, кажется, слышу...

Кто-то предложил три доллара. Джордж ухитрился, выбивая из толпы по пятьдесят центов и по четвертаку, поднять торг до четырех семидесяти пяти и наконец стукнул молотком, продав корзинку за эту цену.

Я вглядывался в лица. Они были дружелюбными, люди от души развлекались. Люди проводили вечер в компании соседей, и им было уютно в этой компании. Сейчас они сосредоточены на распродаже корзинок, а позже у них будет время поболтать, и я знал заведомо, что никто не поднимет никаких обременительных тем. Они будут толковать об урожае, о рыбалке, о новой дороге, о которой говорили уже лет двадцать, если не больше, но разговоры так ни к чему и не привели, и самое время было начать их сызнова. Они разберут по косточ-

кам последний скандальчик (уж какой-нибудь скандальчик произошел обязательно, хотя почти наверняка пустяковый), обсудят проповедь, с какой священник выступил в минувшее воскресенье, помянут старичка, который недавно умер и которого все любили. Посудачат обо всем понемногу, а потом разойдутся по домам, разойдутся не спеша, наслаждаясь мягким весенним вечером. Конечно, у любого из них есть свои маленькие тяготы, есть и проблемы, касающиеся округи в целом, но никто из них знать не знает исполинского груза вселенских забот. И как же это здорово, повторил я себе, очутиться в местечке, где нет неотвратимых и жутких вселенских забот...

Кто-то дернул меня за рукав, я волей-неволей обернулся — и, разумеется, это оказалась Линда Бейли.

— Тебе стоило бы вступить в торг,— шепнула она.— Сейчас пойдет корзинка, приготовленная дочкой пастора. Она, скажу тебе, прехорошенькая. Тебе будет приятно с ней познакомиться...

— А откуда вы знаете,— не утерпел я,— что это ее корзинка?

— Знаю, и все,— отрезала она.— Не спорь, торгуйся.

Цену уже подняли до трех долларов, я назвал три с половиной, и тут же с дальнего конца комнаты послышалось: «Четыре». Я бросил взгляд в ту сторону — там, прислонясь к стене, рядком стояли три юнца лет по двадцать с небольшим. Обнаружилось, что все трое, в свою очередь, пялятся на меня и ухмыляются неловко, но, как мне почудилось, очень неприязненно.

Рукав дернули снова.

— Давай торгуйся,— настаивала Линда Бейли.— Это младшие Болларды, а третий из Уильямсов. Хулиганье паршивое. Нэнси просто умрет, если ее корзинка достанется кому-то из них троих.

— Четыре пятьдесят,— произнес я не думая, и Джордж Дункан на возвышении подхватил:

— Четыре пятьдесят! Кто скажет «пять»?..— Он обращался к троим у стенки, и один из них сказал «пять».— Значит, пять,— пропел Джордж.— А может, кто-нибудь даст шесть?

Он смотрел прямо на меня, но я покачал головой, и корзинка ушла за пять.

— Почему ты отступился? — Линда Бейли взъярилась так, что шепот перешел в ржание.— Надо было продолжать, раз начал.

— Еще чего! — заявил я.— Я приехал сюда не для того, чтобы в первый же вечер помешать какому-то юнцу купить корзинку, на которую он позарился. Может, тут замешана его подружка. Может, она намекнула ему заранее, как отличить ее корзинку...

— Да говорю тебе, Нэнси вовсе не его подружка! — Линда Бейли не скрывала негодования.— У Нэнси нет никакого парня. Она будет просто оскорблена.

— Вы сказали, это Болларды. Те самые Болларды, что живут на нашей прежней ферме?

— Они, они самые,— подтвердила она.— Старики вполне приличные люди. Но эти их два сыночка! Вот уж навязли в зубах! Девчонки от них врассыпную. На танцах они завсегдатаи, но то и дело грязно ругаются и постоянно пьют...

Я опять бросил взгляд на троицу в дальнем конце комнаты. Они по-прежнему наблюдали за мной, и к их лицам приклеились ухмылки злобного триумфа. Я только что явился в Пайлот Ноб, я был чужак, а они меня обставили, переплюнули в споре за корзинку. Несусветная глупость, если разобраться, но в крошечных поселках, как этот, маленькие триумфы и маленькие обиды часто вырастают в масштабах.

Боже, подумал я, и угораздило же меня напороться на эту Бейли! От нее всегда были одни неприятности, и в этом смысле она ни капельки не изменилась. Вечно совала нос не в свои дела, и уж сунет — добра не жди...

Корзинки расходились одна за другой, осталось всего несколько штук, Джордж начал уставать, темп торгов снизился. Мне подумалось, что надо бы все-таки купить корзинку. Хотя бы для того, чтоб показать, что я не чужак, а местный, вернувшийся в Пайлот Ноб с намерением пожить здесь сколько получится.

Я огляделся по сторонам — Линда Бейли куда-то делась. Более чем вероятно, обозлилась на меня и отошла прочь. Однако, едва подумав о ней, я ощутил мимолетную вспышку гнева. Какое у нее было право требовать, чтобы я защищал дочку священника от невинных — а если не невинных, то по крайней мере бесперспективных — ухаживаний какого-то деревенского увальня!

На столе оставалось всего три корзинки, и Джордж выбрал одну из них. По размеру она была вполовину меньше многих

проданных ранее и украшена довольно скромно. Подняв ее над головой, он завел очередную арию аукциониста.

В торг включились двое или трое, цена достигла трех с половиной долларов, а я дал четыре. Кто-то от дальней стенки сказал — «пять», и когда я взглянул туда, то снова увидел троицу. Они ухмылялись, как мне показалось, с нарочитой злобой, как мог бы ухмыляться клоун, разыгрывающий злобу.

— Даю шесть,— сказал я.

— Семь,— откликнулся средний из троицы.

— Семь! — повторил Джордж ошарашенно, поскольку это была наивысшая сумма, названная за вечер.— Я услышу семь с половиной, а может, кто-нибудь даст восемь?

Какое-то мгновение я колебался. Нет, положительно первые несколько ставок были предложены другими, а не троицей у стенки. Они вступили в торг только после меня. Я понял, что они намеренно издеваются надо мной, и от меня не укрылось, что все присутствующие также это поняли.

— Восемь? — переспросил Джордж, не спуская с меня глаз.— Слышу ли я цифру восемь?

— Не восемь,— ответил я.— Пусть будет десять.

Джордж поперхнулся.

— Десять! — закричал он.— А может, одиннадцать? — Он перевел глаза на троицу у стены. Те ответили мрачными взглядами.— Одиннадцать,— повторил он.— Теперь одиннадцать. Если уж поднимать, то на доллар, и не меньше. Даете одиннадцать?..

Одиннадцать ему не дали.

Когда я вышел вперед расплатиться и получить свою корзинку, я покосился в направлении дальней стенки. Троицу как ветром сдуло.

Отойдя в сторону, я вскрыл корзинку. Поверх еды лежала полоска бумаги, и на ней я прочел имя Кэти Адамс.

Глава 8

Распускалась первая сирень, и в вечернем воздухе, сыром и прохладном, ощущался слабый намек на аромат, который через неделю-другую нависнет над улицами и тропинками городка тяжким духовитым облаком. Ветер, налетающий от реки,

раскачивал подвесные лампы на перекрестках, и по земле метались полосы света и тени.

— Как я счастлива, что все позади,— сказала Кэти Адамс.— Во-первых, вечер, а во-вторых, и весь учебный год. Но в сентябре я вернусь.

Я присматривался к женщине, идущей рядом, и, ей-же-ей, это была совсем другая женщина, чем та, с которой я столкнулся утром в лавке. Она сделала что-то с волосами и сразу избавилась от облика типичной училки, а кроме того, она сняла очки. Защитная окраска, подумал я. Неужели утром это была мимикрия, сознательная попытка выглядеть именно такой училкой, какую только и может принять здешняя община? Экая жалость, добавил я про себя. Дали б ей хоть малый шанс, она могла бы стать просто привлекательной...

— Вы сказали, что вернетесь,— произнес я.— А куда вы собираетесь летом?

— В Геттисберг.

— В Геттисберг?

— Ну да, в Геттисберг, штат Пенсильвания. Я там родилась, а мои родители и теперь там. Я езжу к ним каждое лето.

— Я ведь был там всего несколько дней назад. Останавливался по дороге сюда. Провел в Геттисберге целых два дня, обошел поле сражения и пытался себе представить, как все это было тогда, более ста лет назад...*

— Вы что, раньше там не бывали?

— Всего раз, и притом очень давно. Когда впервые попал в Вашингтон начинающим репортером. Как-то раз я присоединился к автобусной экскурсии. Получилось не слишком удачно. С тех самых пор мне хотелось побывать там одному, не торопиться, осмотреть все, что выберу, заглянуть в каждый уголок и в каждом провести столько времени, сколько мне будет угодно.

— Значит, на этот раз вы жили там в свое удовольствие?

— Да, провел два дня в прошлом. И старался представить его себе наглядно.

---

* В июле 1863 года под Геттисбергом произошло одно из решающих сражений Гражданской войны. Северяне под командованием Джорджа Мида отразили атаки южан, которыми командовал Роберт Ли, и вынудили их к отступлению. (Подробнее об этом сражении в главах 14–15.) В настоящее время там находится мемориальный комплекс.

— Мы живем там так долго, что свыклись и стали считать все само собой разумеющимся. Естественно, мы гордимся прошлым и проявляем к нему интерес, но туристам достается неизмеримо больше. Они полны энтузиазма и свежести восприятия и, возможно, видят все другими глазами, чем мы, старожилы.

— Может быть, может быть,— согласился я, хоть вовсе так не думал.

— Вот Вашингтон — другое дело. Люблю этот город, особенно Белый дом. Он восхищает меня. Могу стоять часами у его чугунной ограды и просто смотреть на него.

— Как и миллионы других,— подхватил я.— Когда ни подойдешь к Белому дому, там всегда полно людей. Ходят взад-вперед вдоль ограды и смотрят во все глаза.

— А больше всего я обожаю белок. Нахальных белок, что подбираются к самой ограде Белого дома и попрошайничают. А то выпрыгивают на тротуар и крутятся под ногами, принюхиваясь, а потом присядут на задние лапки, подожмут передние и уставятся на вас своими бусинками...

Припомнив белок, я рассмеялся и заметил невзначай:

— Вот уж кто обязательно добьется своего.

— Вы словно завидуете им.

— Почему бы и не позавидовать,— согласился я.— Жизнь у белок, как можно понять, простая и незатейливая, а мы, люди, запутали свою жизнь до того, что она никогда уже не будет простой. Смешали все понятия, устроили из них кавардак. Вообще-то, наверное, не больший, чем раньше, но суть в том, что жизнь никак не становится легче. Скорее даже наоборот.

— И вы намерены вставить рассуждения в этом роде в свою книгу? — Вопрос удивил меня, и я не сумел скрыть удивления.— Бросьте, все знают, что вы вернулись сюда поработать над книгой. Вы говорили об этом кому-нибудь или они догадались сами?

— Кажется, говорил Джорджу Дункану.

— Вот и достаточно. Достаточно сказать о чем-нибудь одному человеку, одному-единственному. Ровно через три часа все, что вы сказали, будет известно в поселке всем и каждому. Завтра еще до полудня все в поселке будут знать, что вы провожали меня домой и выложили за мою корзинку десять долларов. Какая муха вас укусила, что вы предложили такую сумму?

— Поверьте, совсем не ради похвальбы. Понимаю, кто-то подумал именно так, и мне это очень неприятно. Не надо было, наверное, этого делать, но там были эти три увальня у стенки...

Она кивнула:

— Знаю, кого вы имеете в виду. Два Болларда и один Уильямс. Но вам не стоит обижаться на них. Вы показались им подходящей добычей. Новичок да к тому же еще горожанин. Вот им и захотелось показать вам...

— А получилось, что я показал им. Взаимное ребячество, что с их стороны, что с моей. Только меня извинить труднее, мне бы следовало держать себя в руках.

— Как долго вы думаете здесь пробыть? — спросила она.

Я усмехнулся:

— Во всяком случае в сентябре, когда вы вернетесь, я еще буду здесь.

— Я вовсе не в том смысле...

— Знаю, что не в том. Но книга займет немало времени. Я не собираюсь писать ее наспех. Хочу поработать на совесть и показать лучшее, на что я способен. А еще хочу порыбачить. Вознаградить себя за все годы, когда я мог лишь мечтать о рыбалке. Осенью, пожалуй, поохочусь немного. По-моему, тут хорошая утиная охота.

— Наверное, да,— сказала она.— Из местных многие охотятся на уток каждую осень. Неделями только и слышишь о том, когда же наконец начнется настоящий перелет с севера...

Так я и предполагал, так и предчувствовал. Соблазн и притягательность таких поселочков, как Пайлот Ноб, в том и состоит, что живешь в спокойном знании мыслей окружающих и можешь, если хочешь, присоединиться к их уютной беседе, присесть в лавке у заплеванной печки и порассуждать, скоро ли начнется настоящий перелет с севера, или о том, как хорошо нынче клюет у Судейской трясины, или что после недавних дождей кукуруза пошла в рост, или что гроза минувшей ночью положила овес и ячмень. Теперь мне вспомнилось, что у печки был особый стул для моего отца: никто не спорил с тем, что занимать этот стул — его личное право и привилегия. И, шагая по вечерним улицам, напоенным запахом сирени, я задал себе вопрос: а будет ли в лавке особый стул для меня?

— Мы пришли,— объявила Кэти, сворачивая на дорожку, что вела к большому белому двухэтажному особняку, утонув-

шему в кустах и деревьях. Я остановился и стал вглядываться в особняк, силясь узнать его, выцарапать из памяти имя владельца. Кэти пришла мне на помощь: — Дом Форсайта. Банкира Форсайта. Живу здесь с тех самых пор, как начала учительствовать три года назад.

— А что банкир?..

— Увы, его нет. Умер лет десять назад, может, и больше. А его вдова живет здесь до сих пор. Она совсем, совсем старенькая. Почти ослепла, ходит с палочкой. Говорит, что ей стало невмоготу жить одной в таком большом доме. Потому-то она меня и пустила.

— Вы когда уезжаете?

— Через день-другой. Я на своей машине, спешить особенно некуда. И никаких забот на все лето. В прошлом году я подрабатывала на летних курсах, в нынешнем решила обойтись без этого.

— Вы разрешите до отъезда увидеться с вами еще раз?

О причинах я не задумывался, но мне почему-то захотелось увидеться с ней снова.

— Право, не знаю. Я буду занята...

— Может быть, завтра вечером? Пожалуйста, поужинайте со мной. Наверняка есть какое-нибудь заведение, куда можно поехать. Поужинаем и выпьем немного...

— Надеюсь, это будет не скучно,— сказала она.

— Я заеду за вами. В семь не слишком рано?

— Пусть будет в семь. И спасибо, что проводили меня домой.

Это был сигнал к расставанию, но я медлил.

— А как вы попадете домой? — Вопрос прозвучал глуповато.— У вас есть ключ?

Она рассмеялась.

— Ключ у меня есть, но он не понадобится. Она меня ждет и наблюдает сейчас за нами.

— Кто она?

— Миссис Форсайт, кто же еще. Хоть она и полуслепая, а в курсе всего вокруг. А уж меня караулит, как дочку. Никто не причинит мне зла, покуда она жива.

Это меня позабавило, но и рассердило слегка и расстроило. Я забыл, я опять забыл, что тут нельзя никуда пойти, ничего нельзя предпринять без того, чтобы кто-нибудь не наблюдал

за вами и не поделился свежими наблюдениями со всем населением Пайлот Ноба.

— До завтрашнего вечера,— сказал я немного чопорно: мне стало не по себе от глаз, что следят за нами, невидимые, из-за окон.

Я смотрел ей вслед, как она поднимается по ступенькам на веранду, увитую виноградом,— и прежде чем она добралась до двери, та распахнулась ей навстречу и выплеснула поток света. Кэти была права. Миссис Форсайт наблюдала за нами.

Я двинулся восвояси обратно через калитку и вниз по улице. Над утесом к востоку от Пайлот Ноба взошла луна — в давнюю пору колесных пароходов утес служил ориентиром для речных лоцманов, он и дал поселку название*. Лунный свет пробился сквозь листву мощных вязов, росших по обеим сторонам улицы, и испещрил тротуар пятнами, а в воздухе плыл легкий аромат расцветающей по дворам сирени.

Миновав перекресток у школы, я свернул на дорогу, ведущую к реке. Поселок здесь и кончался, а деревья, карабкающиеся по склону утеса, стали еще гуще и поглотили луну.

И не успел я сделать и десяти шагов в этой густой тени, как они набросились на меня. Я говорю как бы от их имени — для меня нападение было полной неожиданностью. Чье-то тело ударило меня по ногам и опрокинуло, как кеглю, и не успел я упасть, как что-то еще лягнуло меня по ребрам. Я шмякнулся наземь, откатился в сторону и тут услышал топот башмаков по дороге. Подтянув колени, я попытался встать, но различил перед собой контур человека и угадал (именно угадал, а не увидел, просто уловил быстрое движение), что сейчас получу новый удар ногой. Я уклонился, и удар пришелся вскользь по предплечью, а не в грудь, куда был, вероятно, нацелен.

Я догадывался, что нападавший не один — я же слышал топот ног на дороге. И сообразил, что, если останусь лежать, они накинутся на меня все разом, лягаясь и пинаясь. Я предпринял героическое усилие, и мне удалось подняться, хотя меня изрядно шатало. Подавшись назад в надежде обрести какую-нибудь опору, я уперся спиной во что-то твердое. Почувствовал шершавость коры и понял, что это древесный ствол.

Теперь я различил, что их трое,— затаились в тени, но оставались все же темнее тени. Неужели те самые трое, что подпи-

* Пайлот Ноб (Pilot Knob) *(англ.)* — в переводе «Лоцманская горка».

рали стенку и старались поднять меня на смех, считая приезжего своей законной добычей? А когда я пошел провожать Кэти, решили устроить на меня засаду...

— Ладно, сопляки,— выговорил я,— подходите поближе и получите что вам причитается.

И они откликнулись на приглашение, все трое. Если бы у меня хватило здравого смысла не раскрывать рта, они бы, может, и воздержались от нового нападения, но насмешку они не снесли.

Разочек я все-таки попал. Мой кулак угодил прямо в лицо тому, кто был в центре. Удар был хорош, да он и сам двигался кулаку навстречу. Раздался звук, словно острый топор врубился в бревно, прихваченное морозом.

Но тут их кулаки обрушились на меня со всех сторон, и я опять потерял равновесие, а когда упал, они забыли про кулаки и принялись обрабатывать меня ногами. Я сжался, вернее, попытался сжаться в комок и защитить все, что можно. Это продолжалось довольно долго, я был совершенно ошеломлен, и не исключено, что на какое-то время потерял сознание.

Следующее, что я помню,— я сижу на земле, а дорога пуста. Я один на один с собой, и мое «я» — сплошная боль, хотя есть места, где болит чуточку сильнее. Кое-как поднявшись, я нетвердыми шагами двинулся дальше. Сперва меня швыряло то вправо, то влево, но помаленьку дело наладилось, и я наловчился прокладывать ровный курс.

В конце концов я доплелся до мотеля, ввалился к себе и сразу отправился в ванную, включив свет. Ну и видочек же был у меня! Один глаз заметно припух, и глазница уже начала темнеть. Лицо было в крови от многочисленных ссадин. Осторожно смыв кровь, я обследовал ссадины — к счастью, они оказались неглубокими. Хотя синяк под глазом продержится, без сомнения, несколько дней.

В общем-то, больше всего пострадало мое чувство собственного достоинства. Вернуться в родной городишко микрознаменитостью, выступавшей по телевидению и по радио, и в первый же вечер ухитриться быть избитым — и кем? Шайкой деревенских подонков из-за того, что я перехватил у них корзинку учительницы! Господи боже, подумал я, если эта история станет известна в Вашингтоне или Нью-Йорке, мне же будут ее поминать до конца дней моих...

Я ощупал все тело — там и тут ушибы и кровоподтеки, но ничего серьезного. Денек-другой поболит и пройдет. Однако завтра-послезавтра, сказал я себе, придется рыбачить с восхода до заката. Торчать на реке и по возможности стараться ни с кем не видеться, пока запухший глаз не откроется... Но я же знал, все равно знал, что нет ни малейшего шанса скрыть происшествие от милых жителей Пайлот Ноба. И завтрашнее свидание с Кэти — что прикажете делать с ним?

Я подобрался к двери и вышел за порог, чтобы в последний раз полюбоваться весенней ночью. Луна поднялась высоко над хмурым утесом, легкий ветерок шевелил деревья и украдкой шуршал в листве. И вдруг я услышал иной звук — отдаленный собачий вой, исступленный визг охотничьей своры.

До меня донесся всего-то обрывок звука, маленький фрагмент, подхваченный ветром и оброненный им для моего слуха,— и снова все было тихо. Я замер, вслушиваясь и вспоминая, что толковала Линда Бейли о псах-оборотнях, завладевших Унылой лощиной.

И вот звук донесся опять — дикий, остервенелый, леденящий кровь клич стаи, настигающей добычу. Потом ветер вновь переменился, и звук пропал.

Глава 9

День выдался замечательный. Замечательный не столько рыбалкой — я поймал всего четырех окуней,— сколько тем, что я был на воле, на реке, и получил щедрую возможность возобновить знакомство с ее миром, освежить в памяти отдельные подробности полузабытого детства. Миссис Стритер дала мне с собой еды, осведомилась о синяке под глазом, я уклонился от ответа, заменив его хилой шуткой. И удрал на реку, где и провел весь день. Не только со спиннингом, но и в разведке, направляя каноэ в заросшие заводи и извилистые протоки, а раз-другой даже высаживаясь на островки. Я уверял себя, что выискиваю самые уловистые местечки, но в действительности я добивался большего. Я обследовал водную гладь, о которой мечтал годами, выяснял ее привычки и настроения, старался приноровиться к загадочному царству текучих вод, лесистых островов, голых изменчивых отмелей и зеленых берегов.

Наконец, когда тени начали сгущаться, я повернул обратно к мотелю, держась ближе к берегу и сражаясь с течением неуклюжими гребками. До причала оставалось всего ярдов двести, когда я услышал собственное имя — чей-то шепот долетел ко мне, отражаясь от воды.

Я поднял весло и взял его наперевес, вглядываясь в линию берега. Течение подхватило каноэ и неторопливо потащило его назад, вниз по реке.

— Сюда,— позвал шепот.

Берег был взрезан крошечной заводью, и в устье ее я заметил цветное пятнышко. Погрузив весло в воду, направил каноэ к пятнышку. На коряге, косо спускающейся с берега и уходящей концом под воду, стояла Кэти Адамс. Я подгонял каноэ, пока лодка не уткнулась в корягу.

— Прыгайте,— предложил я.— Приглашаю вас в плавание.

Она уставилась на меня с ужасом.

— Ничего себе глаз!

— Попал в переделку,— усмехнулся я.

— Да, я слышала, что была драка. Кажется, вы действительно попали в переделку.

— Я всегда попадаю в переделки,— ответил я.— Не в одну, так в другую.

— На этот раз дело серьезное. Подозревают, что вы убили человека.

— Но я легко могу доказать...

— Джастин Боллард,— сказала она.— Его тело нашли час или полтора назад. Вы дрались с ним вчера вечером.

— Наверное, с ним,— подтвердил я.— Было темно. Их было трое, но я не мог толком их рассмотреть. Может, тот, кому я врезал, в самом деле был Боллард. Я сумел врезать только одному. А потом двое других навалились на меня.

— Вы дрались вчера с Джастином Боллардом. И с двумя другими тоже. Сегодня с утра они похвалялись по всему поселку, а у Джастина была расквашенная физиономия.

— Ну что ж, это отводит от меня подозрение. Я провел весь день на реке...— И тут мой язык прилип к гортани. Ведь у меня не было доказательств, что я провел день на реке. Я не видел ни души, и вполне вероятно, что меня тоже никто не видел.— Простите, я ничего не понимаю...

— С утра они носились повсюду, похваляясь, что отделали вас, потом стали добавлять, что разыщут вас и прикончат. А потом Джастина нашли мертвым, а двое других исчезли.

— Надеюсь, в Пайлот Нобе не думают, что я прикончил всех троих?

Она покачала головой:

— Не знаю, что они думают. Весь поселок вверх дном. Собралась компания, чтобы явиться сюда и расправиться с вами, но Джордж Дункан сумел их отговорить. Он сказал, что негоже вершить правосудие собственными руками. Он сказал, что надо, мол, сперва доказать вашу вину. Но в поселке все равно думают, что это вы. Джордж позвонил в мотель и выяснил, что вы на рыбалке. Тогда он повторил всем, чтобы вас не трогали, а сам позвонил шерифу. По его мнению, пусть этим лучше займется шериф.

— Но вы, Кэти?..— Вопрос вырвался сам собой.— Вы пришли предупредить меня...

— Вы купили мою корзинку, и проводили меня домой, и назначили мне свидание. Мне показалось, что я должна быть на вашей стороне. Совершенно не хочу, чтобы они захватили вас врасплох.

— Боюсь, что свидание откладывается. Мне очень жаль. Я ждал его с нетерпением.

— Что вы намерены теперь делать?

— Право, не знаю. Мне надо все обдумать.

— У вас не слишком много времени.

— Догадываюсь, что немного. Пожалуй, единственное, что мне остается,— подгрести к причалу, сесть сложа руки и ждать их...

— Но они могут не дождаться шерифа...

Настала моя очередь покачать головой.

— У меня в комнате есть одна вещь, которую непременно нужно взять. И вообще во всем этом есть что-то странное...

И не что-то, а все стало странным. Гремучие змеи, а теперь убитый сын фермера. Однако был ли он убит? Он ли был убит? И был ли убит вообще кто-нибудь?

— Вам нельзя сейчас возвращаться,— сказала она.— Оставайтесь на реке, по крайней мере пока не приедет шериф. Затем я вас и предупредила. А если у вас в комнате есть что-то важное, я могу забрать и сохранить.

— Ну уж нет!

— Там есть черный ход. Со дворика, что смотрит на реку. Вы не знаете, там не заперто?

— Думаю, что нет.

— Я могла бы проскользнуть внутрь и забрать...

— Кэти,— взмолился я.— Я не вправе...

— Вы не вправе туда возвращаться. По крайней мере не сейчас.

— Вы уверены, что сможете проникнуть в комнату?

— Совершенно уверена.

— Большой плотный конверт,— сказал я.— С вашингтонским почтовым штемпелем и пачкой бумаг внутри. Возьмите конверт и уходите. И как только конверт будет у вас в руках, держитесь от всей этой кутерьмы подальше.

— Что в конверте?

— Ничего криминального. Ничего незаконного. Просто кое-что не для посторонних глаз. Информация, не предназначенная к распространению.

— Важная?

— Полагаю, что важная. Но, право, я не должен бы впутывать вас в это дело. Получается не вполне...

— Я уже впуталась. Я вас предупредила, и это, наверное, не к лицу законопослушным гражданам. Но я не могла допустить, чтобы вы напоролись на них нежданно-негаданно. Возвращайтесь себе на реку и сидите тихо...

— Кэти,— произнес я,— я должен еще добавить кое-что, что вам не понравится. Если вы и вправду хотите взять на себя риск с этим конвертом...

— Да, хочу,— ответила она.— Если вы сами попробуете туда пробраться, вас могут увидеть. А меня если и увидят, то не обратят внимания.

— Хорошо,— согласился я и возненавидел себя за то, что позволяю ей взяться за такое грязное дело.— Но я не просто вернусь на реку. Я убегу, быстро и без оглядки. Не потому, что убил кого-то, есть другая причина. Наверное, честнее всего было бы сдаться, но, к несчастью, я обнаружил, что трусоват. Сдаться никогда не поздно, но лучше все-таки попозже...

Теперь она глядела на меня с испугом, и я не мог ее за это винить. И не только с испугом, но, пожалуй, с гораздо меньшим расположением, чем раньше.

— Раз решили бежать, тогда бегите без промедления.

— Только еще одно...

— Да?

— Если добудете этот конверт, не заглядывайте в него. Не читайте того, что внутри.

— Как хотите, я не понимаю...

— А вот я не понимаю, зачем вы предупредили меня.

— Я уже объяснила. Могли бы по меньшей мере сказать спасибо.

— Конечно спасибо.

Она принялась взбираться на берег.

— Не мешкайте,— сказала она на прощанье.— Я добуду вам ваш конверт.

Глава 10

Упала ночь, и мне уже незачем было прижиматься к берегу — я смог выйти на стремнину, где меня подхватило течение. Мне встретились два городка, оба на противоположной стороне реки: я видел огни, однако от них меня отделяли не только вода, но и широкая болотистая пойма между водой и настоящей сушей.

Меня тревожила мысль о Кэти. Не было у меня никакого права просить ее о помощи. Я поступил как порядочный мерзавец, если позволил ей взяться за поручение, способное обернуться очень скверно. Но ведь она пришла предупредить меня, она выступила со мной заодно — да и, кроме нее, обратиться было не к кому. Больше того, похоже, она была здесь единственной, кому я мог доверять. Я твердил себе, что у нее есть все шансы справиться с задачей, и мне по-прежнему казалось важным, чертовски важным, чтобы плотный конверт ни при каких обстоятельствах не попал в руки тех, кто мог бы разгласить его содержание.

Надо как можно скорее связаться с Филипом и предупредить о том, что происходит. Вместе мы, быть может, придумаем что-нибудь, отыщем приемлемый курс действий. Первым делом отплыву от Пайлот Ноба на какое-то расстояние, затем найду телефон — и чтобы это было достаточно далеко отсюда и звонок не вызвал подозрений.

А пока что я наращивал расстояние. Течение было быстрое, и я еще помогал ему, размеренно, что есть мочи работая веслом.

Гребля не мешала думать — о вчерашнем вечере и о найденном сегодня теле Джастина Болларда. И чем дольше я думал, тем явственнее приходил к убеждению, что Боллард не умирал. Не оставалось сомнений, что троица, напавшая на меня вечером, была той самой, что подпирала стенку в школе. Они похвалялись тем, что задали мне взбучку, и вскоре исчезли — но куда исчезли и как? Каков бы ни был ответ, но, когда они испарились, проще простого было подсунуть мертвое тело, чтобы поссорить меня с законом, а то и линчевать. И если Кэти не ошиблась, компания линчевателей уже собиралась и собралась бы, не вмешайся Джордж Дункан и не разгони ее. Что бы ни представляли собой исчадия, которым пока не было имени, но если им по силам смоделировать себя (или энергию, лежащую в их основе) в виде дома, поленницы, рыдвана на козлах, супружеской пары из комикса, ужина на столе и банки с отменным кукурузным виски — значит, они способны на что угодно. А уж изобразить мертвое застывшее тело для них — детская задача. И уж конечно, сообразил я, они в состоянии использовать свои таланты для того, чтобы удержать пропавшую троицу вдали от людей, пока волнение не схлынет. Вне сомнения, это безумный способ добиваться своего, но не более безумный, чем прикончить человека машиной, которая тут же растворяется в воздухе, и не более причудливый и замысловатый, чем план, к которому они прибегли, дабы заманить потенциальную жертву в змеиное логово.

Где-нибудь вскоре, по крайней мере я так надеялся, найдется прибрежный поселок с телефонной будкой, и я позвоню. Хотя, наверное, уже объявлена тревога и за прибрежными поселками установлено наблюдение, однако шериф не может быть уверенным, что я отправился вниз по реке. Не может, правда, лишь в том случае, если Кэти не арестована. Я силился выкинуть это предположение из головы, но безуспешно — оно возвращалось непрошеным. Впрочем, даже в случае, если за поселками наблюдают, я, вероятно, успею позвонить. А что потом, что делать после звонка? Пожалуй, сдаться, хотя это уж я успею решить впоследствии. До меня дошло, что я мог бы сдаться и все равно связаться с Филипом,— но тогда разговор

придется вести в присутствии полицейских и, кроме того, у меня не останется выбора, что делать после звонка.

Я не был вполне удовлетворен тем, как справился с ситуацией. Меня не покидало чувство вины, но сколько я ни прокручивал события в памяти, я не находил своим решениям приемлемой альтернативы.

Ночь вступила в свои права, однако над рекой еще брезжил слабый свет. Вдалеке на берегу мычала корова, чуть слышно залаял пес. А вокруг струилась вода, напевая шепотом свою вечную песню, порой всплескивала рыба — внезапный шлепок хвостом, и маленький водоворот, и концентрические круги ряби. Мне мерещилось, что я плыву по исполинской равнине,— окаймленные деревьями темные берега и дальние холмы стали просто тенями на крайних ее пределах. Глубокий мир и покой владели этим царством воды и теней. Как ни странно, я ощущал себя на реке в безопасности. В обособленности — более точное слово. Я был центром миниатюрной вселенной, и она простиралась от меня во все стороны, и не было в ней жителей, кроме меня. Достигавшие меня звуки, мычание и лай, несли в себе такой привкус отдаленности, что не разрушали моей самодовольной обособленности, а подчеркивали ее.

И вдруг обособленности пришел конец. Прямо передо мной вода вздулась горбом, и покуда я отчаянными гребками уклонялся от препятствия, из реки поднялась черная масса — ярды и ярды черной массы, с которой потоками сбегала вода.

От черной массы отделилась полоса, отделилась, взвилась в воздух и оказалась исполинской длинной изогнутой шеей с насаженной на нее кошмарной головой. Шея описала в воздухе изящную кривую, и голова нависла прямо надо мной. Взглянув вверх, я в гипнотическом ужасе уставился в красные, почти рубиновые глазки — даже слабенького света, отраженного от поверхности реки, было довольно, чтобы заставить их пылать пламенем. В мою сторону выстрелил раздвоенный язык, а потом раскрылась пасть, и я увидел клыки.

Я схватился за весло и мощным рывком послал каноэ вперед с поворотом. Горячее дыхание зверя обожгло мне шею — голова сделала выпад, но промахнулась буквально на несколько дюймов.

Обернувшись через плечо, я увидел, что голова вновь взвивается в воздух, готовясь к новому броску, и уразумел, что игра складывается явно не в мою пользу. Я одурачил чудовище

один раз, но сомнительно, чтобы тот же трюк удался мне повторно. Берег был слишком далек и недостижим. Все, что я мог,— увертываться и удирать. На мгновение мелькнула мыслишка, не бросить ли каноэ, но пловец я неважный, а чудовище, несомненно, в своей стихии и без труда выудит меня из воды.

Оно не торопилось. Ему не было нужды торопиться. Оно знало наверняка, что мне не уйти, но ему не хотелось больше промахиваться. Оно приближалось ко мне, раздвигая воду аккуратными расходящимися волнами,— длинная шея изогнута наготове, голова поднята, пасть разверста, клыки сверкают при свете звезд.

Я резко дернул каноэ вбок в надежде сбить чудовище с курса и заставить тормознуть и развернуться, прежде чем повторить нападение. И тут, при рывке, что-то стукнуло и покатилось, дребезжа, по дну каноэ. И едва уловив этот звук, я понял, что делать. Решение было безрассудным, противоречащим всякой логике, но жизнь моя висела на волоске, и времени оставалось в обрез. Я даже не рассчитывал, что мой план удастся — да какой там план, скорее инстинктивная реакция,— и уж тем более не имел представления, что будет в случае удачи. Но я не мог не попробовать. Прежде всего потому, что это было единственное действие, пришедшее мне на ум.

Я ударил веслом по воде, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, и оказался с чудовищем лицом к лицу. Затем я наклонился, поднял спиннинг и встал во весь рост. Вообще-то каноэ — посудина, отнюдь не предназначенная для того, чтобы стоять в ней в рост, но эта оказалась довольно устойчивой. К тому же я практиковался, как подниматься в каноэ, еще в дневные часы.

На леске у меня был крючок на окуней, и достаточно тяжелый, возможно даже слишком тяжелый для окуней,— зазубренный крючок-тройник.

Чудовище подплыло совсем близко, пасть у него была по-прежнему разъявлена. Я отвел удилище назад, мысленно прикинул, куда бы всадить крючок, и энергичным взмахом послал его в цель. Как зачарованный, следил я за металлической искоркой, сорвавшейся с удилища и чуть заметной в отсветах от реки. Когда крючок исчез в пасти, я выждал долю секунды, приподнял конец удилища еще выше и рванул его назад изо всех сил, чтобы зубья впились поглубже. Я ощутил пальца-

ми, что это удалось, тройник зацепился плотно,— и вот вам, пожалуйста, я в утлом каноэ с чудовищем на крючке.

Я не строил никаких планов насчет того, что буду делать, если заброшу крючок. Я просто не задумывался о том, что будет дальше. Вероятно, я вообще ни на миг не верил, что действительно поймаю чудовище на спиннинг.

Теперь, когда я его поймал, я сделал единственное, что мне оставалось,— стремительно опустился и сжался в комок, отчаянно вцепившись в удилище. Голова чудовища дернулась и задралась к небу. Катушка запела, выматывая леску.

Я вновь рванул спиннинг, засаживая тройник еще глубже, а передо мной вспучилась высокая, как при приливе, волна. Огромное туловище поднялось из воды, оно поднималось и поднималось, и казалось, этому не будет конца. Голова на длиннущей шее яростно моталась туда и сюда, удилище у меня в руках ходило ходуном, но я вцепился в него мертвой хваткой, хотя сам не могу понять зачем. Одно достоверно: такое рыбацкое счастье мне было не в радость.

Каноэ прыгало на волнах, поднятых ошеломленным чудовищем, зарывалось носом и вставало на дыбы, но я скрючился на дне, слился с лодкой, прижав локти к бортам и норовя расположить центр тяжести как можно ниже, чтоб не перевернуться. И вот лодка двинулась по реке, быстрее и быстрее, на буксире за перепуганным, удирающим зверем.

А я цеплялся за спиннинг, несмотря ни на что. Я мог бы выпустить его или отбросить, но я цеплялся за него и теперь, когда лодка пришла в движение, испустил торжествующий вопль. Мерзкая тварь охотилась на меня, считала своей добычей, но я поймал ее на крючок, и вот она удирает, вне себя от боли и паники, а у меня, кажется, появилась возможность прокатиться на дармовщинку.

Чудовище мчалось вниз по реке, леска звенела от напряжения, каноэ шло так стремительно, что взлетало над водой, а я вопил, как полоумный ковбой, оседлавший непокорную лошадь. На минуту я начисто забыл обо всем, забыл, что привело к этой гонке. Осталась лишь сама ночная гонка по волшебному миру реки. Чудовище брыкалось и корчилось в упряжке, иззубренные плавники на его спине то выгибались в воздухе, то прижимались к воде, то уходили под воду в тщетной борьбе за освобождение.

И вдруг леска ослабла, а чудовище сгинуло. Я был один на реке, распростертый на дне каноэ, которое скакало вверх и вниз по вскипевшей воде. Когда волнение улеглось, я сел и принялся сматывать леску. Сматывать пришлось долго, однако в конце концов крючок брякнул о борт и вскоре замер на своем законном месте на верхушке удилища. По правде сказать, я удивился, что крючок цел, так как предполагал, что леска оборвалась, позволив чудовищу нырнуть и броситься наутек. Теперь для меня стало очевидным, что оно попросту исчезло. Тройник был засажен в глотку чудовища глубоко и прочно, и вернуться ко мне мог только в одном случае — если плоть, куда его всадили, перестала существовать.

Каноэ мягко качалось на воде, и я снова взялся за весло. Взошла луна, небо в ее лучах посветлело, и река засверкала, как дорога из жидкого серебра. Весло было у меня в руках, но я не мог решить, что делать дальше. Инстинктивно хотелось немедля опустить весло в воду и грести к берегу, покинуть реку прежде, чем еще одно чудовище вынырнет из глубин. Но по зрелом размышлении я пришел к выводу, что однотипного чудовища не предвидится, поскольку само его появление можно допустить лишь в рамках той же схемы, что и логово гремучих змей и смерть Джастина Болларда. Иной мир, описанный моим другом, выкинул очередной фокус и опять потерпел неудачу, и, по-моему, не в их привычках было повторять фокус, который не удался. И если мои рассуждения верны, то в ближайшее время река для меня — самое безопасное убежище на свете.

Мои мысли прервал резкий, пронзительный писк, и я поневоле дернул головой в поисках его источника. На борту, в нескольких футах от меня, сидел, как на насесте, уродец-монстренок. Он был карикатурно человекообразен, весь покрыт густой шерстью и цеплялся за борт нижними лапами, похожими на когти совы. Голова заострялась кверху, и с заостренной макушки волосы свисали на манер соломенной шляпы, какие носят туземцы в отдельных странах Азии. По бокам головы торчали остроконечные уши, напоминающие кувшинчики, а из-под спутанных волос светились багровые глазки.

Как только я разглядел монстренка, его писк стал обретать определенный смысл.

— Трижды испытан — заговорен! — пищал он пронзительным голоском, ликуя и надсаживаясь.— Трижды испытан — заговорен! Трижды испытан — заговорен!..

К горлу поднялась тошнота, и я взмахнул веслом. Плоскость весла угодила по монстренку без промаха, сорвала его с борта и взвила высоко в воздух, словно я ударил бейсбольной битой по навесному мячу. Писк перешел в слабый всхлип, а я завороженно следил, как он взлетает над рекой, достигает вершины своей траектории и наконец идет на спуск. Но на полпути вниз монстренок вдруг улетучился, лопнул, как мыльный пузырь; только что был — и не стало.

А я сосредоточился на гребле. Мне необходимо найти поселок, и хватит себя обманывать. Чем скорее я доберусь до телефона и позвоню Филипу, тем лучше для всех.

Мой старый друг в своей рукописи, возможно, в чем-нибудь и ошибся, но, черт меня побери, вокруг творится нечто странное, очень странное.

Глава 11

Поселочек был крохотный, и уличной телефонной будки не нашлось. Я даже не был абсолютно уверен, что это за поселочек,— если память меня не подводила, он назывался Вудмен. Я попытался представить себе карту местности, но все это ушло в прошлое, ушло слишком далеко, и я не мог быть ни в чем уверен. Однако название поселка, внушал я себе, не играет роли. Важно одно — сумею ли я позвонить... Филип в Вашингтоне, и ему лучше знать, что предпринять. А если он и не знает, что предпринять, то по крайней мере имеет право узнать, что происходит. Я в долгу перед ним, хотя бы за то, что он послал мне копию рукописи своего дядюшки. Но очень может быть, что, если бы он не послал мне копию, я не попал бы в эту заваруху.

Во всем деловом квартальчике протяженностью в десяток домов оставалось единственное открытое заведение — бар. Сквозь заляпанные грязью оконца пробивался тусклый желтенький свет. Легкий ветерок раскачивал скрипучую вывеску с кружкой пива, укрепленную на железном кронштейне над тротуаром.

Я стоял на противоположной стороне улицы, силясь набраться смелости, чтобы войти в бар. Разумеется, не было никаких гарантий, что в баре есть телефон, хотя не исключалось, что есть. Но, переступив порог заведения, я подвергнусь определенному риску, поскольку шериф почти наверняка уже объявил тревогу по моему поводу. Опять-таки возможно, что до бара тревога и не докатилась, но риск был вполне отчетливый.

Каноэ осталось на реке, привязанное к какому-то гнилому столбику. Все, что от меня требовалось,— вернуться, забраться в лодку и выгрести на стремнину. Никто не мог бы мне помешать хотя бы потому, что никто меня не видел. Не считая заведения на той стороне улицы, поселок совершенно вымер.

Но я должен позвонить Филипу, просто обязан! Его надо предупредить, если еще не поздно. Предупрежденный, он, может статься, сообразит, что предпринять. Ведь теперь очевидно, что каждый читавший рукопись моего друга тем самым подвергал себя такой же опасности, какую тот навлек на себя, сочиняя ее.

Я стоял, задыхаясь от нерешительности, и наконец, едва ли отдавая себе отчет в своих поступках, начал переходить улицу. Однако, добравшись до тротуара, остановился и поднял глаза на поскрипывающую вывеску. Скрип словно пробудил меня, и я осознал, какую глупость чуть было не сделал. На меня объявлена охота, и нет никакого резона входить и напрашиваться на неприятности, которым я подвержен и без того. Я прошел мимо бара, не заходя в него, но спустя полквартала круто развернулся и зашагал обратно. И тут до меня дошло, что этому не будет конца, что я могу шагать туда-сюда, не зная, на что решиться, всю ночь напролет.

Тогда я поднялся по ступенькам и толкнул дверь. В дальнем конце зала у стойки сгорбился посетитель, а бармен опирался на стойку, стоя к двери лицом, и вид у него был такой, будто он намерен ждать клиентов хоть до утра. Больше в заведении никого не было, стулья были придвинуты к столам вплотную.

Бармен не пошевелился, словно и не заметил меня. Я вошел, закрыл дверь за собой и подобрался к стойке.

— Что прикажете, мистер? — очнулся он.

— Бурбон,— ответил я. Про лед я даже не заикнулся; заведение выглядело так, что попросить здесь льда могло бы пока-

заться неприличным.— И наменяйте мне мелочи — в том случае, если у вас есть телефон.

Бармен ткнул большим пальцем в угол зала:

— Вон там.— Я бросил взгляд в направлении, которое он обозначил, и точно — там в углу была телефонная будка.— Ну и глазик у вас!

— Не спорю,— отозвался я.

Он поставил на стойку стакан и нацедил виски.

— Поздненько же вы путешествуете...

— Да уж так,— отозвался я. И посмотрел на наручные часы: половина двенадцатого.

— Я не слышал машины.

— Поставил на улице, может, далековато. Думал, в поселке все уже закрыто. Потом увидел ваш огонек.

Вышло не очень убедительно, однако он не усомнился ни в чем. Ему было наплевать. Он просто поддерживал разговор.

— Я скоро закрываюсь,— сообщил он.— Не имею права торговать после полуночи. Да сегодня все равно никого. Кроме старины Джо, вот он сидит. Но он здесь завсегдатай. Околачивается каждый вечер до закрытия, пока я не вышвырну его, как паршивую кошку.

Спиртное было не первый сорт, но я нуждался в нем. Оно чуть-чуть согрело меня и помогло избавиться от пленки страха, перекрывшей горло. Я протянул бармену деньги.

— Хотите мелочь на всю сумму?

— Если найдется, то да.

— Найтись-то найдется. Но вы, видно, собрались звонить на тот конец света.

— В Вашингтон.

Я не видел причин темнить. Он снабдил меня мелочью, я вошел в будку и вызвал Вашингтон. Номера Филипа я не знал, пришлось подождать. Потом я услышал зуммер, и мгновение спустя кто-то снял трубку.

— Мистера Филипа Фримена, пожалуйста,— попросила телефонистка.— Междугородный разговор.

На том конце провода послышался удивленный вздох, затем тишина. Наконец женский голос произнес:

— Его нет.

— Вы не знаете, когда он будет? — осведомилась телефонистка.

— Его не будет,— ответил голос придушенно.— Это что, дурная шутка? Филип Фримен умер...

— Вызываемое лицо не может подойти к телефону,— изрекла телефонистка равнодушно, как компьютер.— Мне сообщили...

— Не повторяйте,— перебил я.— Соедините меня с тем, кто подошел к телефону.

— С вас полтора доллара,— сообщил компьютер.

Я полез в карман за мелочью, достал пригоршню, но не совладал с ней и уронил несколько монет на пол. Рука тряслась так, что монеты не попадали в предназначенные для них щели.

Филип Фримен умер!

С грехом пополам я пропихнул в прорезь последнюю монетку.

— Говорите,— разрешила телефонистка.

— Вы меня слышите? — спросил я.

— Слышу,— отозвался призрачный дрожащий голос на том конце провода.

— Простите меня. Я ничего не знал. Меня зовут Хортон Смит, я давний друг Филипа...

— Он упоминал ваше имя при мне. Я его сестра.

— Мардж? — спросил я.

— Да, Мардж.

— Но когда?..

— Сегодня,— сказала она.— Филлис собиралась заехать за ним. Он ждал ее, стоя на тротуаре, и вдруг упал.

— Сердечный приступ?

Наступило долгое молчание, потом она ответила:

— Мы так думаем. Филлис тоже так думает, хотя...

— Как держится Филлис?

— Она спит. Доктор дал ей что-то, чтобы она заснула.

— Не могу передать, как я вам соболезную. Вы сказали — сегодня?

— Несколько часов назад. И, мистер Смит, не знаю, может, и не стоило бы этого говорить. Но вы были другом Филипа...

— В течение многих лет.

— Понимаете, странная штука. Прохожие, видевшие, как он упал, говорят, что он был убит стрелой — стрелой прямо в сердце. Только никакой стрелы не оказалось. Но свидетели

сообщили полиции, и теперь следователь...— Голос ее прервался, я расслышал всхлипывания. Потом она спросила: — Вы знали Филипа, но и дядюшку вы ведь тоже знали?

— Да, знал обоих.

— Это кажется невероятным. Оба, один за другим...

— Это выглядит невероятным,— согласился я.

— У вас какое-то дело? Вы спрашивали Филипа...

— Уже не имеет значения. Я возвращаюсь в Вашингтон.

— Похороны, наверное, в пятницу.

— Благодарю вас. Извините, что ворвался в такой день...

— Вы же не могли знать. Я передам Филлис, что вы звонили.

— Будьте добры,— ответил я вежливо. Хотя в действительности это не играло особой роли. Филлис меня и не вспомнит. Я встречал жену Филипа всего-то раз или два.

Мы попрощались, но я так и остался в кабинке, ошеломленно глядя перед собой. Филип умер — убит стрелой. Не в обычаях наших дней использовать стрелы, чтоб избавляться от людей. Однако, коли на то пошло, морские змеи, а равно змеи гремучие — тоже не из современного репертуара.

Наклонившись, я стал шарить по полу, собирая рассыпанные монеты. В дверь кабинки постучали. Подняв глаза, я увидел бармена, прижавшегося носом к стеклу. Перехватив мой взгляд, он перестал стучать и принялся махать мне рукой. Я выпрямился и открыл дверь.

— Что с вами? — спросил он.— Вам нехорошо?

— Нет, просто растерял монеты.

— Если хотите выпить еще, то как раз успеете. Я закрываюсь.

— Мне надо сделать еще один звонок.

— Тогда в темпе.

Телефонный справочник лежал на полке под аппаратом.

— Я найду здесь номера Пайлот Ноба?

— Найдете. В разделе «Пайлот Ноб — Вудмен».

— Значит, это Вудмен?

— Конечно, Вудмен,— ответил бармен возмущенным тоном.— Вы что, зазевались и не заметили вывеску при въезде?

— Да, должно быть,— ответил я.

Прикрыв дверь кабинки, я раскрыл указанный раздел и стал листать страницы в поисках нужного имени. В конце концов я обнаружил его — миссис Джанет Форсайт. К сча-

стью, в разделе не оказалось других Форсайтов, иначе я не ведал бы, кому звонить. То ли я забыл имя жены старого Форсайта, то ли никогда и не знал его.

Я уже потянулся к трубке и хотел было снять ее, но в последнюю секунду заколебался. До сих пор мне все сходило с рук. Надо ли продолжать искушать судьбу? С другой стороны, возразил я себе, вряд ли в здешних краях есть средства, чтобы установить, откуда пришел звонок.

Я снял трубку, опустил монету и набрал номер. Телефон на том конце провода звонил и звонил, а я ждал. Наконец звонки прекратились и кто-то откликнулся. Мне показалось, что узнаю голос, но хотелось удостовериться.

— Мисс Адамс? — спросил я.

— Она самая. Миссис Форсайт уже спит, и...

— Кэти,— сказал я.

— Кто это?

— Хортон Смит.

— О! — удивленно воскликнула она и замолкла.

— Кэти...

— Очень хорошо, что вы позвонили. Все оказалось сплошной ошибкой. Пропавший Боллард обнаружился. Обнаружились все трое. Теперь все в порядке, и...

— Погодите минутку,— прервал я. Она тараторила так быстро, что слова мешались друг с другом.— Если Боллард обнаружился, то что стало с телом?

— С телом? Вы имеете в виду...

— Да, я имею в виду тело Джастина Болларда.

— Понимаете, Хортон, это самое странное. Тело исчезло.

— Как это исчезло?

Я догадывался как, но следовало убедиться наверняка.

— Ну, если по порядку, труп нашли на опушке у западной околицы и оставили двоих — один был Том Уильямс, не знаю, кто второй,— сторожить его до приезда шерифа. Сторожа отвернулись буквально на мгновение, а когда посмотрели опять, трупа не оказалось. Украсть его никто не мог. Он просто исчез, и все. Пайлот Ноб в ужасном волнении...

— А вы? — вновь перебил я.— Вы достали конверт?

— Да, он у меня. Я как раз добралась домой, когда тело исчезло.

— Так что теперь все в порядке?

— Да, конечно. Вы можете спокойно вернуться.

— Скажите мне только одно, Кэти. Вы смотрели, что лежит в конверте? — Она начала было отвечать, но осеклась.— Послушайте, Кэти, это важно. Вы видели текст?

— Я глянула мельком и...

— Черт возьми,— закричал я,— не увиливайте! Скажите прямо, прочли ли вы текст.

Она разгневалась.

— Ну, допустим, прочла. По-моему, человек, сочинивший это...

— Не будем про автора. Много ли вы прочли? Все до конца?

— Первые несколько страниц. До того места, где начинаются заметки. Уж не хотите ли вы сказать, Хортон, что в этом что-то есть? Да нет, глупо даже спрашивать. Ничего в этом нет и быть не может. Я не разбираюсь в эволюционных процессах, но даже я вижу в его рассуждениях кучу прорех...

— Не тратьте время на поиски прорех. Что заставило вас прочесть рукопись?

— Ну, наверное, то, что вы не велели мне этого делать. Раз вы так сказали, я уже просто не могла не прочесть. Так что это ваша собственная вина. Но что плохого, если я и прочла?

Все сказанное ею было, конечно же, понятно, и жаль, что я не подумал об этом вовремя. Я предупредил ее, оттого что не хотел впутывать ее в неприятности, и тем самым предопределил с гарантией, что она впутается в них хуже некуда, увязнет по самое горло. И самое скверное, что можно было не впутывать ее вовсе, посылать ее за конвертом не было нужды. Тело Джастина Болларда исчезло, и с момента исчезновения я больше не был подозреваемым. Ну а если бы все повернулось по-другому? — спорил я сам с собой, пытаясь оправдаться. Шериф не преминул бы обыскать мою комнату в мотеле, обнаружил бы конверт, и тогда-то уж началось бы черт знает что...

— Плохо только то,— сказал я в трубку,— что вы попали в передрягу. Теперь вы...

— Хортон Смит,— взорвалась она,— не вздумайте угрожать мне!

— Я вам не угрожаю. Я очень сожалею, вот и все. Мне не следовало позволять вам...

— О чем это вы сожалеете? — перебила она.

— Кэти,— взмолился я,— выслушайте меня и не спорьте. Как скоро вы могли бы уехать? Вы собирались домой в Пенсильванию. Вы готовы тронуться в путь немедленно?

— В общем-то да,— сказала она.— У меня все сложено... Но какая тут связь?

— Кэти...— начал я и запнулся. Она испугается, а мне этого совсем не хотелось. Однако как ни крути, а мягких слов тут не отыщешь.— Кэти,— решился я,— человека, написавшего то, что в конверте, убили. Человека, который прислал мне этот конверт, тоже убили буквально пять-шесть часов назад...

Она ахнула:

— И вы полагаете, что я...

— Не валяйте дурака,— сказал я.— Каждому, кто прочтет эту рукопись, грозит опасность.

— А вам? Или эта история с Джастином...

— По-видимому, так.

— Что я должна делать? — спросила она. Без особого испуга, почти обыденным тоном, ну, может, чуть-чуть скептически.

— Вы могли бы сесть в машину и приехать за мной. И заберите конверт, чтобы больше никто не заглянул в него.

— Допустим, я приеду за вами. Что дальше?

— А дальше в Вашингтон. Там есть люди, с которыми надо встретиться.

— Например?

— Хотя бы ФБР для начала.

— Чего же проще, снять трубку...

— Ну уж нет! — Я повысил голос.— Только не по такому поводу. Во-первых, они не верят телефонным звонкам. Им бесконечно звонят всякие психи.

— Но вы, очевидно, верите, что сумеете их убедить.

— Может, и не сумею. Вас ведь я, по-видимому, не убедил.

— Не знаю, что и ответить. Мне надо подумать.

— На раздумья нет времени. Или вы приезжаете за мной, или нет. Думаю, было бы безопаснее путешествовать вместе, хотя полной гарантии дать не могу. Но вы в любом случае едете на восток, и...

— Где вы находитесь? — решительно спросила она.

— В Вудмене. Это поселок вниз по реке.

— Я знаю, где это. Хотите, чтобы я заехала в мотель и забрала какие-то ваши вещи?

— Нет. По-моему, самое важное — выиграть время. Можем вести машину по очереди, останавливаясь, только чтобы заправиться и перекусить.

— Где я вас найду?

— Просто-напросто поезжайте медленно по главной улице. Да тут она единственная, шоссе выведет прямо на нее. Я буду поджидать вас. Сдается мне, большого наплыва машин тут сегодня ночью не ожидается.

— Я чувствую себя довольно нелепо,— призналась она.— Все это как-то...

— Мелодраматично,— подсказал я.

— Можно назвать и так. Но, как вы справедливо заметили, я в любом случае собиралась ехать на восток.

— Значит, я жду вас?

— Буду через полчаса,— сказала она.— Ну, может, на пять-десять минут попозже.

Выбравшись из телефонной будки, я обнаружил, что мышцы ног совсем онемели — я слишком долго пробыл в тесном пространстве не шевелясь,— но кое-как дохромал до стойки.

— Вы не спешили,— заметил бармен кислым тоном.— Я уже вышвырнул Джо, пора закрываться. Вот вам виски, только пейте без канители.

Я взял стакан.

— Буду польщен, если вы составите мне компанию.

— Вы что, предлагаете мне выпить с вами? — Я кивнул, но он покачал головой, заявив: — Я не пью.

Я прикончил бурбон, расплатился и вышел на улицу. В тот же миг огни за моей спиной погасли, а через минуту появился бармен и запер дверь на замок. Спустившись на тротуар, он споткнулся и чуть не упал, однако устоял на ногах и, наклонившись, поднял с земли предмет, чуть не послуживший причиной его падения. Это оказалась бейсбольная бита.

— Чертова ребятня,— заявил он.— Играли допоздна, вот кто-то и позабыл ее.— Он рассерженно бросил биту на скамью, что стояла возле двери, и вдруг добавил: — Я что-то не вижу вашей машины.

— А у меня нет машины.

— Но вы же сказали...

— Сказал. Но если бы я заявил, что у меня нет машины, пришлось бы пускаться в объяснения, а мне надо было успеть сделать эти звонки...— Он взглянул на меня с недоумением: что за чудак — свалился невесть откуда, и еще без машины. Тогда я все-таки пояснил: — Приплыл на каноэ. Привязал его у причала.

— А сейчас что вы намерены делать?

— Подожду прямо здесь. За мной подъедет друг.

— Тот, кому вы звонили?

— Вот именно. Тот, кому я звонил.

— Ну что ж, спокойной ночи. Надеюсь, вам не придется слишком долго ждать.

Он пошел прочь, вероятно домой, но то и дело замедлял шаг и, полуоборачиваясь, поглядывал на меня через плечо.

Глава 12

Где-то в лесу у реки жалобно заухала сова. Ночной ветер стал покусывать, и я поднял воротник рубашки, чтоб сберечь последние крошки тепла. Бродячая кошка крадучись вышла на улицу, замерла, приметив меня, потом свернула, стремглав перелетела на другую сторону и сгинула в темном проулке между домами.

Как только бармен скрылся из виду, Вудмен приобрел облик полностью покинутого поселка. Раньше я не очень-то его разглядывал, зато сейчас, убивая время, я распознал все приметы местечка заброшенного и жалкого, еще одного умирающего городишки, проследовавшего по пути забвения на шаг дальше, чем Пайлот Ноб. Тротуары потрескались, сквозь трещины выбивались травка и какие-то сорняки. Дома давно запамятовали, когда их красили и чинили, а их архитектура, если уж почтить эти строения подобным словом, принадлежала прошлому столетию. А ведь были дни — наверняка были такие дни,— когда поселок поднимался новехонький и полный надежд: была же некая экономическая целесообразность в его появлении и существовании. И не приходилось сомневаться, что причина, вызвавшая его к жизни,— река, в ту пору, когда она еще служила хозяйственной магистралью, когда продукцию ферм и мельниц свозили к пристаням, чтоб погрузить там

на пароходы, и те же самые пароходы доставляли обратным рейсом грузы, нужные на селе. Однако река давно утратила свою хозяйственную роль и вернулась к первобытному состоянию — текучая полоса на пойме, и только. Железные дороги, скоростные автострады, самолеты в заоблачной вышине похитили у реки все ее значение, кроме первичного, исконного значения для окрестной природы.

А Вудмен стоит заброшенный, поистине тихая заводь в общественной системе, подобная мелким заводям, ответвившимся от главного русла реки. Некогда многообещающее и по-своему значимое, а то и преуспевающее местечко, ныне впавшее в нищету, цепляется за жизнь, как малюсенькая точка на карте (отнюдь не на каждой карте), как пристанище для тех, кто потерял связь с действительностью в той же мере, что и сам поселок. Мир ушел вперед, а такие крошечные умирающие городки не ступили и шагу — они задремали и сбились с ноги, и сегодня их, похоже, не слишком волнуют ни весь остальной мир, ни его обитатели. Здесь сохранили, либо создали, либо возродили свой мир, и этот мир принадлежит безраздельно местным жителям — или они ему. И, размышляя на этот счет, я пришел к выводу, что, какова бы ни была подоплека здешних невзгод, доискиваться до нее нет смысла, ибо Вудмен сегодня попросту никому не интересен. И это достойно сожаления, потому что именно в таких городках, дремлющих, забытых и забывчивых, сохранились редкие ныне ценности — забота о ближнем и сочувствие к нему. Ценности, необходимые человечеству. Ценности, которые, несомненно, нашли бы себе применение, если бы не были большей частью утрачены.

В таких городишках люди до сих пор способны услышать, вообразить себе завывания стаи оборотней, тогда как остальной мир вслушивается, не грянет ли звук пострашнее, звук — предвестник громового удара атомной смерти. По моему мнению, если уж выбирать, то завывания оборотней как-то симпатичнее и безопаснее. И если провинциализм таких поселочков — безумие, то безумие тихое, доброе, даже приятное, в то время как безумие большого мира чем-чем, а добротой не отличается.

Скоро должна появиться Кэти — вернее, можно надеяться, что появится. Если не появится, на нее тоже нельзя сердить-

ся. Она сказала, что приедет, но я не обманывался: поразмыслив, она могла и передумать. Я ведь и сам поначалу серьезно усомнился в том, что прочел в рукописи моего друга, а у меня даже тогда было куда больше оснований доверять прочитанному, чем у Кэти.

Ну а если она не появится, что прикажете делать дальше? Самое логичное — вернуться в Пайлот Ноб, собрать свои пожитки и направиться в Вашингтон. Хотя мне не было до конца ясно, получится ли из этого что-нибудь путное. Куда лучше сунуться — в ФБР или в ЦРУ? Или куда-то еще? Надо найти кого-то, кто выслушал бы меня, и выслушал с вниманием, а не пропустил бы мои слова мимо ушей как бред сумасшедшего.

Я стоял, прислонившись к стене дома, где ютился бар, и посматривал в сторону, откуда должна была вот-вот появиться Кэти, когда вместо нее из мрака рысцой выбежал волк.

В волках есть некое качество, не присущее ни одному другому зверю. Какой-то глубинный инстинкт из отдаленного прошлого бросает нас при виде волка в дрожь, поднимает волосы дыбом. Вот перед нами непримиримый враг, убийца столь же жестокий и беспощадный, как и сам человек. В нем нет ни крупицы великодушия, он коварен и изобретателен, жесток и неумолим. Между ним и человеком нет и не может быть перемирия — взаимная вражда тянется слишком долго. Неудивительно, что, завидя волка, вынырнувшего из мрака, я ощутил мгновенный озноб и мурашки по коже.

Волк бежал целеустремленно. Не крался, не таился — у него была определенная цель, и он был не намерен отвлекаться по пустякам. Он был большой и черный или, по крайней мере, ночью казался черным, а кроме того, он был тощий и выглядел проголодавшимся.

Я оторвался от стены и торопливо огляделся вокруг в поисках чего-нибудь, что могло бы служить оружием. Взгляд мой упал на бейсбольную биту — она лежала там, куда бармен швырнул ее, на скамье. Дотянувшись до нее одним движением, я ухватился за рукоять. Бита была увесистой и неплохо пришлась по ладони.

А когда я вновь посмотрел на улицу, там оказался уже не один волк, а три. Они бежали цепочкой друг за другом, одинаковой рысцой и с одинаковой, действующей на нервы самоуверенностью.

Я застыл на тротуаре с зажатой в руке битой. Как только первый волк поравнялся со мной, он остановился и развернулся ко мне мордой.

Наверное, я мог бы заорать и перебудить весь поселок, и уж точно, что мог позвать на помощь. Однако идея такого рода даже не пришла мне в голову. Это дельце следовало решить между нами, между мной и этими тремя волками — нет, уже не тремя, их стало больше, они вереницей выныривали из ночи и трусили по улице в мою сторону.

Я же знал, знал с самого начала, что это не волки, не просто волки, не обыкновенные волки, рожденные и выросшие на обыкновенной земле. Не более подлинные, чем морской змей, объявившийся на реке. Это были те самые, с которыми я уже был знаком, те, про которых рассказывала Линда Бейли, а может, те самые, которых я слышал накануне вечером, когда вышел на минутку вдохнуть свежего воздуха. Линда Бейли говорила — собаки, но какие к черту собаки! Олицетворение древнего ужаса, восходящего к первым дням человечества, и ужас этот не только уцелел в бессчетных столетиях, но, более того, столетия закрепили, отточили и материализовали его.

Словно повторяя маневр, отрепетированный заранее на учениях, волки подбегали к своему лидеру, выстраивались в шеренгу и разворачивались ко мне. Собравшись все вместе, они разом сели, будто по чьему-то приказу, и сидели рядком в одинаковых позах — прямо, но без напряжения, аккуратно подобрав передние лапы под себя. Посидев немного, они вывалили языки набок и принялись дышать — не очень шумно, почти застенчиво. И не спускали с меня глаз, не отводили от меня взглядов ни на секунду.

Я пересчитал волков — их оказалась ровно дюжина.

Тогда я перехватил биту, стиснул ее покрепче, хотя и понимал, что если они накинутся на меня, надеяться не на что. Если накинутся, то, без сомнения, все одновременно, как одновременно исполняли все остальное. Бейсбольная бита, только бы размахнуться хорошенько,— страшное оружие, и я наверняка успею прибить одного, а то и нескольких, но никак не успею прибить всех. Может быть, я сумел бы, подпрыгнув, достать до железного кронштейна, на котором болталась вывеска с кружкой пива, но крайне сомнительно, что кронштейн

выдержит мой вес. Он и без того скособочился и прогнулся. Винты, или болты, или на чем он там крепится, выскочат из трухлявого дерева при малейшем усилии.

Остается одно, внушал я себе, собрать все свое мужество, и будь что будет...

Но на мгновение я отвлекся от волков, чтоб посмотреть на вывеску, а когда взглянул на них снова, перед ними, откуда ни возьмись, вырос уродец-монстренок с заостренной головкой.

— Надо бы позволить им сожрать вас,— пропищал он злобно.— Там, на реке, у вас не имелось такого права огреть меня веслом...

— Если ты не закроешь варежку,— ответил я,— я огрею тебя еще и этой битой.

Он в ярости подпрыгнул вверх-вниз, как мячик.

— Какая неблагодарность! — проверещал он.— Если бы не правила...

— Какие правила? — удивился я.

— Надо бы знать,— завизжал он, вне себя от гнева.— Это же вы, люди, навязали их нам.

И тут до меня дошло.

— Ты имеешь в виду эту белиберду, что трижды испытан — заговорен?

— К несчастью,— взвизгнул он,— это так и есть.

— И теперь, когда вы, недоумки, опростоволосились трижды подряд, с меня взятки гладки?

— Увы,— согласился он.

Я опять поглядел на волков. Они сидели в той же позе, свесив языки, и ухмылялись. Я догадался, что им все равно, броситься ли на меня или удалиться трусцой восвояси.

— Но есть кое-что в дополнение,— заявил монстренок с заостренной головкой.

— Что, припасли уловку про запас?

— Вовсе нет,— откликнулся монстренок.— Дело касается благородного рыцарства.

Я пришел в недоумение, при чем тут рыцарство, но вопроса не задал. Было ясно, что он и сам все скажет. Ему не терпелось, чтобы я спросил. Его, видно, до сих пор корежило от того удара веслом, и ему донельзя хотелось поиздеваться надо мной. Он злобно пялился на меня из-под свисающих с макушки косм и молчал. Молчал и я, крепко сжимая биту.

А волки потешались от души, их просто распирало от беззвучного смеха.

В конце концов он не выдержал.

— Вы свой трехкратный заговор имеете,— заявил он.— Но есть особа, которая не имеет.

Он застиг меня врасплох и смекнул, что застиг врасплох,— его счастье, что я никак не дотянулся бы до него битой.

— Ты говоришь о мисс Адамс,— уточнил я как мог хладнокровнее.

— Вы быстро уловили суть,— одобрил он.— Желаете ли вы, как благородный джентльмен, принять ее искус на свои плечи? Если бы не вы, она не была бы уязвима. Полагаю, вам приличествует вернуть ей долг.

— Согласен,— заявил я.

— Вы серьезно? — выкрикнул он с ликованием.

— Совершенно серьезно.

— Вы принимаете на свои плечи...

Я прервал его:

— Кончай разглагольствовать. Я сказал то, что сказал.

Вероятно, я мог бы потянуть время, но в таком случае, по-моему, потерял бы лицо, а мне почему-то казалось, что терять лицо при данных обстоятельствах никак нельзя.

Волки разом поднялись на ноги и разом прекратили шумно дышать, и усмешку с них как ветром сдуло.

Мысли крутились бешеным водоворотом: что бы такое придумать, что предпринять, чтоб появился хоть какой-то шанс выбраться из этой западни? Но водоворот крутился впустую. Идей не возникало.

Волки неторопливо двинулись вперед, вид у них был целеустремленный и деловой. Они выполняли поставленную задачу и были полны решимости выполнить ее и перейти к очередным делам. Я попятился. Если прижаться спиной к стене, то, может, удастся продержаться чуть подольше. Я замахнулся на волков битой — они приостановились, потом двинулись снова. Что оставалось? Прильнуть к стене и ждать.

И тут в стену напротив ударил сноп света, повернулся как на шарнире и устремился вдоль улицы в нашу сторону. Из ночи вынырнули слепящие фары. Протестующе взвыл мотор — машина резко набрала скорость, вой смешался с истерическим визгом покрышек.

Волки обернулись, присели в испуге, пригвожденные лучом света, потом шевельнулись, но два-три из них шевельнулись недостаточно резво. Машина влетела в стаю, как плуг, послышался тошнотворный хряск металла, раздирающего мясо и крошащего кости. И — волков не стало, они пропали, как пропал монстренок с заостренной головкой, когда я на реке врезал ему веслом.

Машина замедлила ход, и я бросился к ней со всех ног. Не то чтобы я предвидел новую немедленную угрозу, но в салоне я буду точно в большей безопасности.

Едва машина остановилась, я подскочил к ней, взобрался на сиденье, захлопнул дверцу, запер на замок и выдохнул:

— Один искус пройден, два впереди.

— Один искус пройден? — переспросила Кэти дрогнувшим голосом.— Как это понять?

Она старалась держать себя в руках, однако ей это не очень удавалось. Я потянулся к ней в темноте, коснулся ее и понял, что ее бьет дрожь. Видит бог, вполне обоснованно.

Я притянул ее к себе и обнял, а она прильнула ко мне. А вокруг простиралась тьма, проникнутая древним ужасом и тайной.

— Что это были за звери? — спросила она нетвердо.— Они прижали вас к стене и выглядели как волки.

— Это и были волки. Только особенные.

— Особенные?

— Волки-оборотни. По крайней мере, мне так кажется.

— Но, Хортон...

— Вы же читали рукопись. Хотя не должны были этого делать. Теперь вам следовало бы понимать...

Она отшатнулась от меня.

— Но такого не может быть! — заявила она суровым тоном учительницы.— Не может быть ни оборотней, ни гоблинов, ни остальных в этом духе...

Я тихо рассмеялся — я ничуть не упивался собой, просто меня позабавила искренность ее протеста.

— Их и не было,— сказал я,— пока не объявился нахальный щуплый примат и не вообразил их себе.

Она взглянула на меня пристально и произнесла:

— Однако здесь, в Вудмене, они были...

— И сожрали бы меня, не подоспей вы вовремя.

— Я ехала очень быстро. Слишком быстро для такой дороги. Кляла себя за это, но чувствовала, что надо спешить. Я так рада, что не опоздала...

— Я тоже.

— Что будем делать теперь?

— Поедем дальше. Не теряя времени. Не задерживаясь ни на минуту.

— В Геттисберг?

— Вы же собирались именно туда.

— Да, конечно. Но вы упоминали Вашингтон.

— Мне действительно надо попасть в Вашингтон. И как можно скорее. Может, было бы лучше...

— А что, если я поеду с вами прямо в Вашингтон?

— Если бы вы только смогли. Это было бы во сто крат безопаснее.

Я сам удивился своим словам. Как я смею гарантировать ей безопасность?

— Тогда, наверное, нужно трогаться не откладывая. Путь неблизкий. Хортон, вы не согласились бы сесть за руль?

— Разумеется,— ответил я и открыл дверцу.

— Не надо! — воскликнула она.— Не выходите наружу!

— Я же должен обойти машину.

— Поменяемся местами не выходя. Протиснемся как-нибудь...

Я рассмеялся. Я стал ужасно храбрым.

— С этой бейсбольной битой мне ничто не грозит. Да там, снаружи, и нет никого.

Тут я ошибся. Некто или нечто возникло опять. Оно вскарабкалось по борту машины и к моменту, когда я вышел, устроилось на капоте. И повернулось ко мне, приплясывая от негодования. Заостренная головенка тряслась, остроконечные уши хлопали по щекам, шляпа из волос, свисающих с макушки, прыгала вверх и вниз.

— Я рефери,— визгливо объявил монстренок.— Вы берете хитростью. За такую грязную игру полагаются штрафные очки. Я подаю на вас протест за нарушение правил...

Вне себя от ярости, я схватил биту обеими руками и размахнулся. Для одного вечера с меня было достаточно, странный уродец допек меня вконец.

Медлить он не стал. Он усвоил, чего можно ждать,— колыхнулся и исчез, и бита просвистела по воздуху.

Глава 13

Я пытался заснуть, привалившись к спинке сиденья, но сон не шел. Тело остро нуждалось в сне, а мозг бунтовал и не соглашался спать. Я проваливался в сон, блуждал по самой его кромке — и мне никак не удавалось провалиться в него окончательно.

Перед глазами строем проходили картины, и не было им предела, да и повода к ним, прямо скажем, не было. Я даже не думал, я был слишком вымотан для того, чтобы думать. Я слишком долго просидел за баранкой — всю ночь до рассвета, потом мы остановились перекусить где-то возле Чикаго, а потом я снова гнал машину прямо на восходящее солнце, пока меня наконец не сменила Кэти. После этого я сразу попробовал заснуть и ухитрился чуть-чуть подремать, однако отдохнувшим себя не чувствовал. У границ Пенсильвании мы пообедали, и теперь я твердо решил урвать часок-другой на настоящий сон. Только ничего из этого не выходило.

Ко мне опять подкрадывались волки, трусили на мягких лапах с тем же безразличием, с каким трусили по улице в Вудмене. Они окружали меня, я прижимался спиной к стене, я высматривал Кэти, я ждал ее, а она не появлялась. Волки нападали на меня, и я бился с ними, сознавая, что все равно их не одолею, а рефери забрался на кронштейн со скрипучей вывеской и писклявым голоском выкрикивал в мой адрес проклятья. Ноги и руки наливались свинцом, ими было трудно пошевелить, и я отчаянно, до боли, до изнеможения хотел заставить их слушаться. Я наносил удары битой, но удары получались слабые, немощные, хоть я вкладывал в них всю свою силу. И я недоумевал и огорчался, пока меня наконец не осенило, что в руках у меня не бейсбольная бита, а гибкая, извивающаяся гремучая змея.

И едва я осознал это, как змея, и волки, и Вудмен поблекли и стерлись, и оказалось, что я вновь беседую со старым другом, который съежился в кресле, угрожающем поглотить его без остатка. Он показал мне жестом на дверь, ведущую во дворик, и, повинуясь жесту, я поднял глаза к небу и увидел там волшебную страну с древними корявыми дубами и средневековым замком, взметнувшим в вышину белоснежные шпили и башенки, а по дороге, что вела к замку и петляла между

дикими безмолвными скалами, шествовала пестрая толпа разномастных рыцарей и чудищ. «По-моему, мы в осаде»,— сказал мне мой друг, и только он это сказал, как у меня над ухом просвистела стрела и впилась ему в грудь. Где-то за кулисами, словно я очутился на театральных подмостках, сладенький голос начал декламировать: «Кто убил малиновку вместо воробья?..»* — и, присмотревшись внимательно, я понял со всей ясностью, что мой старый друг со стрелой в груди — никакая не малиновка, а самый настоящий воробей, и то ли его подстрелил другой воробей, то ли я недопонял и малиновка сразила воробья, а не наоборот. И я заявил уродцу-монстренку-рефери, который теперь пристроился на каминной полке: «Почему ты не подаешь протест, ведь это грязная игра, самая грязная из всех возможных, если мой друг убит...» Хотя, в сущности, я не был уверен, что он убит: он все так же сидел, утонув в кресле, сидел с улыбкой на губах, и там, куда вошла стрела, не показалось ни капли крови.

Но тут, подобно волкам в Вудмене, мой старый друг и его кабинет исчезли без следа, зеркало моего сознания очистилось, и я обрадовался этому, однако почти мгновенно выяснилось, что я бегу по улице, а впереди маячит здание, знакомое мне и многим, и мне непременно нужно туда попасть, я стремлюсь к нему из последних сил, это очень важно, и в конце концов добираюсь до цели. За столом сразу у входной двери расположился агент ФБР. Я сразу понимаю, что он агент, по квадратным плечам и выпирающей челюсти, а также по черной шляпе пирожком. Я наклоняюсь к самому его уху и передаю ему шепотом страшную тайну, о которой нельзя говорить никому, потому что она грозит смертью каждому, кто проникнет в нее. Агент слушает меня без всякого выражения на лице, ни разу не шевельнув бровью, а когда я заканчиваю рассказ, хватается за телефонную трубку. «Ты гангстер,— кричит он мне,— я узнаю вашего брата за сотню шагов!..» И тут я вижу, что ошибся, что никакой он не агент, а просто Супермен. Без малейшей паузы на его месте оказывается другой человек в другом здании — этот стоит сурово и величественно, седые волосы тщательно расчесаны, седые усы щеточкой тщательно подстрижены. Я сразу понимаю, что он не кто иной, как агент ЦРУ, и привстаю на цыпочки, чтобы поведать ему

* Строка из популярной в Америке детской песенки.

на ухо ту же тайну, что и человеку, ошибочно принятому за фэбээровца, но на сей раз я старательно подбираю выражения, привычные для ЦРУ. Суровый агент стоит и слушает и, выслушав, хватается за телефонную трубку. «Ты шпион,— объявляет он мне,— я распознаю шпионов за сотню шагов!..» И тут я отдаю себе отчет, что и ФБР, и ЦРУ мне привиделись, что я вовсе не в здании, а на угрюмой серой равнине, простирающейся во все стороны до самого горизонта, но горизонт тоже сер, и не разберешь, где кончается равнина и начинается небо.

— Ну постарайтесь заснуть,— сказала Кэти.— Вам необходимо поспать. Хотите таблетку аспирина?

— Зачем мне аспирин,— пробормотал я.— Я маюсь не от головной боли...

Мои мученья были, вне сомнения, куда хуже головной боли. Это не были сны — я же полубодрствовал. И я знал, все время знал, какие бы миражи ни проносились в моем сознании, что нахожусь в машине и что машина движется. Даже пейзажи за окном не утратились полностью: я полузамечал деревья и холмы, поля и отдаленные фермы, встречные и попутные машины и саму дорогу, мерцающую впереди, я полуслышал шум мотора и шелест шин. Но все это виделось и слышалось тускло и глухо, скользило мимо, не задевая разума и не влияя на миражи, порожденные мозгом, который потерял контроль над причинами и следствиями и бредил, обобщая фантастику оживших небылиц.

Я опять очутился на равнине, но теперь уяснил себе, что она лишена всяких примет, пустынна и вечна, ровна как скатерть и на ней нет ни рубчика, ни холмика, ни деревца, что этой безликости нет конца, нет края и что небо над равниной, в точности как она сама, лишено примет — ни облачка, ни солнца, ни звезды, и вообще непонятно, день здесь или ночь: для дня слишком темно, для ночи слишком светло. Короче, глубокие сумерки, и я задал себе вопрос, могут ли сумерки длиться вечно, может ли статься, что здесь и не будет ничего, кроме сумерек, стремящихся к ночи, но не способных перейти в нее. Я торчал на равнине, пока до меня не донесся далекий вой — вой, который не спутать ни с чем, такой же точно, как когда я вышел за глотком свежего воздуха и услышал стаю, беснующуюся в Унылой лощине. Напуганный, я стал медленно озираться, пытаясь определить, откуда пришел звук, и вдруг

различил нечто бредущее у самого горизонта и смутно чернеющее на фоне серого неба. Смутно, и все же как не узнать эту иззубренную спину, эту длиннущую изогнутую шею, увенчанную безобразной, верткой и жадной головой.

Я бросился бежать, хотя бежать было некуда, а уж спрятаться и подавно негде. И на бегу разобрался, что эта равнина — место, которое существовало всегда и будет существовать всегда, где ничего никогда не случалось и ничего никогда не случится. И сразу же я уловил еще один звук, непрерывный и надвигающийся, просто слышен он был лишь в паузах, когда волки смолкали,— не то хлопки, не то шлепки, сопровождаемые шурщанием и время от времени резким, жестким гулом. Я завертелся, шаря взглядом по поверхности равнины, и спустя мгновение увидел их — целый эскадрон стелющихся и извивающихся, устремившихся на меня гремучих змей. Я снова бросился бежать, напрягаясь до хрипоты, до свиста в легких,— и ведь знал, прекрасно знал, что бежать нет смысла, да и резона нет. Потому что здесь, на этой равнине, ничего никогда не случалось и ничего никогда не случится, а следовательно, здесь полностью безопасно. Бежать меня заставляет страх, и только страх. Здесь безопасно, здесь не существует опасности, но именно поэтому — другая сторона медали — здесь все тщетно и нет места надежде. И тем не менее я бежал и не мог остановиться. Волчий вой не приближался и не отдалялся, а доносился с того же расстояния, что и прежде, да и змеи, шлепая и шурша, держались со мной наравне. Силы мои истощились, я задохнулся и упал, потом вскочил, снова бросился бежать и снова упал. Наконец я упал и остался лежать, безразличный ко всему и к тому, что случится со мной,— хотя мне ведь было известно, что здесь ничего не случается. Я даже не пытался встать. Я просто лежал и позволил тщете, безнадежности и тьме сомкнуться надо мной.

Однако неожиданно меня пронзила догадка, что дело дрянь. Не было больше ни шума мотора, ни шелеста шин по бетону, ни ощущения движения. Вместо этого был тихий шорох ветра и запах цветов.

— Проснитесь, Хортон! — Голос Кэти звучал испуганно.— Что-то случилось. Что-то очень, очень странное...

Я разомкнул веки и сделал усилие, чтоб приподняться. Потом обеими руками протер слипшиеся со сна глаза.

Машина стояла как вкопанная, и не на автостраде. И вообще не на проезжей дороге, а на убогом проселке — выбитые повозками глубокие колеи петляли вниз по склону, обходя валуны, деревья и густые кусты, усыпанные яркими цветами. Меж колеями росла трава, и над всем висела первозданная тишина.

Мы находились, по-видимому, на вершине высокого холма или даже горы. Ниже нас склоны были сплошь одеты лесом, а здесь, на вершине, деревья росли реже, зато поражали если не числом, то размерами — в большинстве своем могучие дубы с узловатыми, перекрученными ветвями и со стволами, запятнанными толстыми наростами мха.

— Ехала я себе, ехала,— рассказывала потрясенная Кэти,— не слишком быстро, ниже лимита, скорость была примерно миль пятьдесят. И вдруг никакой дороги, машина прокатилась чуть-чуть и встала, мотор заглох. Но это невозможно! Так просто не бывает...

Я все еще не совсем очухался. Протер глаза снова — и не столько, чтобы снять остатки сна, сколько потому, что местность выглядела как-то неправдоподобно.

— Не было никакого торможения,— продолжала Кэти.— Никакого толчка. И как можно вообще оказаться за пределами автострады? С нее же никак не съедешь...

Я видел где-то такие дубы, видел — и силился припомнить, где и когда. Не эти дубы конкретно, но другие точно такие же.

— Кэти,— обратился я к ней,— где мы?

— Наверное, на гребне гор Саут-Маунтинз. Я только что проехала Чемберсберг.

— Ага,— сказал я, представив себе карту,— значит, мы почти добрались до Геттисберга.

По правде говоря, когда я задавал свой вопрос, я имел в виду нечто совсем иное.

— Вы до сих пор не сознаете, Хортон, что нас обоих могло убить...

Я покачал головой:

— Ну нет, не могло. Только не здесь.

— Как вас понять? — спросила она, раздражаясь.

— Взгляните на эти дубы,— предложил я.— Вы никогда раньше не видели таких дубов?

— Насколько помню...

— Нет, вы их видели. Обязательно видели. В детстве. В книжках про короля Артура, а может, про Робин Гуда.

Она ахнула и схватила меня за руку:

— На старых романтических, пасторальных рисунках!

— Совершенно верно. И все дубы в этом мире, вероятно, именно таковы, все тополя — высоки и величавы, а кроны сосен — треугольные, как на картинках.

Она стиснула мою руку еще крепче:

— Значит, это иной мир? Тот, что в рукописи вашего друга...

— Возможно,— ответил я.— Возможно...

Я понимал, что другого объяснения нет, я вполне верил Кэти, что, не попади мы в этот мир, мы оба, слетев с автострады, погибли бы,— и все равно переварить случившееся было неимоверно трудно.

— Но я думала,— сказала Кэти,— что этот мир населен призраками, гоблинами и прочими страшилищами...

— Страшилища тут водятся, не без того. Но скорее всего, не только страшилища, а наряду с ними и добрые существа.

Ибо, добавил я про себя, если это действительно тот мир, который гипотетически обрисовал мой друг, тогда он вместил в себя все легенды и мифы и все волшебные сказки — при условии, что человек вообразил их так полно и интенсивно, что они стали частью его самого.

Я отворил дверцу и выбрался наружу.

Небо было синее, пожалуй, чуть более синее, чем надо. Трава была капельку зеленее, чем обычная трава, и в ее сверхзелености проступал еще и оттенок счастья — тот, что, наверное, заметен восьмилетнему ребенку, выбежавшему босиком на свежую, мягкую весеннюю мураву.

Осмотревшись, я пришел к заключению, что пейзаж воистину сказочен до мельчайших подробностей. Они-то, подробности, подчеркивали неуловимым образом — не выразишь словами,— что это не земной, не трехмерный пейзаж: он был слишком хорош для какой бы то ни было страны на Земле. Пейзаж выглядел как иллюстрация, раскрашенная от руки.

Кэти, обойдя машину, стала со мной рядом.

— Здесь так покойно,— сказала она.— Так покойно, что не верится...

Откуда-то снизу к нам пришлепал пес — именно пришлепал, а не прибежал. Вид у него был анекдотический. Свои

длинные уши он норовил держать торчком, но верхние их половинки все равно перегибались и свисали вниз. И весь он был большой и нескладный, а хвост, похожий на палку, торчал вертикально вверх, как радиоантенна. Шерсть у него была гладкая, лапы огромные, а в то же время он был невероятно тощ. Голову, несуразно костлявую, он держал высоко, с достоинством, и скалился, демонстрируя превосходные зубы, но самое смешное заключалось в том, что зубы были не собачьи, а человечьи.

Он подошел к нам вплотную, замер, а затем, вытянувшись, положил морду на передние лапы. При этом зад оставался приподнятым, а хвост крутился пропеллером, описывая точные круги. Пес был чертовски рад встрече с нами.

Но тут снизу донесся резкий, нетерпеливый свист. Пес вскочил и повернулся в сторону, откуда свистели. Свист повторился — тогда карикатурный пес глянул на нас еще раз через плечо, словно извиняясь, и припустил под гору. Манера бежать у него оказалась столь же несуразная, как и все остальное: задние лапы на бегу перегоняли передние, а хвост, задранный под углом сорок пять градусов, вращался бешеными кругами от неистовой радости бытия.

— Откуда я знаю этого пса? — произнес я.— Я его определенно где-то видел...

— Ну как же! — ответила Кэти, поражаясь моей несообразительности.— Это же Плуто, пес Микки Мауса!

Я осерчал на себя. Форменная глупость — не узнать пса, которого следовало бы отличить без промедления! Но когда настраиваешься на встречу с гоблинами и феями, никак не лезет в голову, что нарвешься на персонаж из мультфильмов.

А между тем все они, естественно, тоже здесь — вся честная компания. Доктор Як, и скверные мальчишки-кошкодавы, и Гарольд Тинэйджер, и бестолковый Дэгвуд, не говоря уж о причудливых героях, выпущенных в мир Диснеем.

Плуто явился к нам, желая познакомиться, но Микки Маус свистом отозвал его — и мы оба, Кэти и я, не усмотрели в этом ничего необычного. Если бы мы оставались вне этого мира, за его пределами, и смотрели на вещи с обыденной логической точки зрения, то не сумели бы принять подобное происшествие нипочем. Да что там, мы ни при каких обстоятельствах не согласились бы с тем, что этот мир вообще существует и что сюда можно попасть. Но раз уж мы здесь и не

можем отойти в сторону, остается лишь отбросить сомнения и возвести шутовство в ранг истины.

— Хортон,— спросила Кэти,— что нам теперь делать? Как по-вашему, сможет машина пройти по такой дороге?

— Можно ехать медленно. На первой скорости. А может, дальше дорога станет лучше...

Она вновь обошла машину кругом и уселась за руль. Потянулась к зажиганию, повернула ключ — никакого эффекта. Выключила зажигание, попробовала опять — и не раздалось ни звука, не было даже слабого бряканья, какое слышится при заупрямившемся стартере.

Я подобрался к машине спереди, отпер замки капота и открыл его. Сам не понимаю, чего ради я это сделал. Я же не механик и не сумел бы совладать с неисправностью, даже если бы нашел ее. Перегнувшись через радиатор, я осмотрел мотор — вроде бы все нормально. Добрая половина мотора могла бы отсутствовать вовсе — я бы ничегошеньки не заметил.

Вскрик и глухой удар оторвали меня от моего занятия. Подскочив, я грохнулся головой о крышку капота.

— Хортон! — позвала Кэти.

Я стремглав бросился на крик — она сидела на земле с лицом, перекошенным от боли.

— Нога...— выдохнула она. Тут я заметил, что ее левая нога застряла в колее.— Вылезала из машины и ступила наземь не глядя...

Опустившись подле нее на колени, я высвободил ногу из капкана как мог осторожнее. Туфля осталась в колее. Щиколотка у Кэти покраснела, и уже образовался кровоподтек.

— Ну что за дурость! — упрекнула она себя.

— Больно?

— Еще бы нет! Кажется, я ее вывихнула. Или растянула.

Щиколотка выглядела так, что в это нетрудно было поверить. И что, к чертям, прикажете делать с вывихнутой ногой в таком заповеднике? Врачей здесь, разумеется, нет. Вроде бы я когда-то слышал, что рекомендуется затянуть вывих эластичным бинтом, но бинта здесь, конечно, тоже не сыщешь.

— Надо снять чулок,— сказал я.— Если распухнет...

Кэти без возражений подняла юбку и, отстегнув подвязку, приспустила чулок. Я бережно стащил его, и, как только эта деликатная операция завершилась, стало ясно, что щиколотка повреждена, и сильно. Она воспалилась и слегка отекла.

— Кэти,— сказал я,— просто не представляю себе, что полагается делать в таких случаях. Может, вы знаете...

— По всей вероятности, все не так плохо, хоть и болит. Завтра-послезавтра пройдет. Машина послужит нам убежищем. Даже если она не заведется, в ней можно жить.

— А вдруг найдется кто-нибудь, кто сможет помочь? Без помощи мне не справиться. Если бы у нас был бинт! Я мог бы порвать на бинты рубашку, но нужна эластичность...

— Кто-нибудь, кто может помочь? Здесь-то?

— Попытка не пытка. Вы же видели, тут живут не только призраки с гоблинами. Наверное, гоблинов даже не слишком много. Они устарели, вышли из моды. Теперь тут другие...

— Возможно, вы и правы,— кивнула она.— Идея поселиться в машине не такая уж и богатая. Нам нужно есть и пить. Но, быть может, мы рано перепугались. Быть может, я не лишилась способности ходить.

— Кто это перепугался? — подал я голос.

— Меня не проведете,— резко сказала она.— Мы попали в переделку, и вам это прекрасно известно. Мы ничего не знаем об этом мире. Мы тут иностранцы. У нас, если угодно, нет права здесь находиться.

— Мы же сюда не напрашивались...

— Какая разница, Хортон?

Да, наверное, никакой. Очевидно, кому-то понадобилось, чтобы мы очутились здесь. Кто-то перенес нас сюда.

От такой мысли мне стало не по себе. Я не за себя испугался, по крайней мере мне казалось, что не за себя. Черт побери, я-то вытерплю любую гадость. После гремучих змей, морского змея и оборотней меня уже ничем не проймешь. Но вот Кэти, как хотите, а затаскивать сюда и ее было нечестно.

— Послушайте,— обратился я к ней,— что, если я посажу вас в машину, вы замкнетесь изнутри, а я тем временем совершу небольшую разведку?

— Что ж,— согласилась она.— Если вы мне поможете...

Я не стал ей помогать. Я попросту поднял ее и усадил в машину. И, опустив ее на сиденье, дотянулся до противоположной дверцы, чтобы включить замок.

— Поднимите стекло и закройтесь,— повторил я.— И кричите громче, если что-нибудь. Я буду недалеко, я услышу...

Она почти подняла стекло, потом приспустила его снова и, подняв с полу бейсбольную биту, просунула ее мне через окно:

— Возьмите, пригодится.

И я зашагал по тропинке вниз с битой в руке. Чувство было довольно-таки дурацкое, но бита приятно тяжелила ладонь и действительно могла пригодиться.

На повороте, там, где тропинка огибала огромный дуб, я остановился и оглянулся. Кэти смотрела мне вслед сквозь ветровое стекло. Я помахал ей и двинулся дальше.

Склон был крутой. Верхушки деревьев смыкались ниже меня сплошной непролазной чащобой. Не было ни ветерка, лес стоял недвижимый, только зелень листвы посверкивала, отражая предвечернее солнце.

Еще чуть ниже — и тропинка заложила новую петлю, огибая еще один дуб, а за поворотом меня поджидал указатель. Он был сильно побит временем и непогодой, однако надпись читалась отчетливо: «НА ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР» — и рядом стрелка.

Вернувшись к машине, я втолковывал Кэти:

— Не знаю, что это за двор, но не исключено, что там будет все-таки лучше, чем в машине. Может, там сыщется кто-нибудь, кто подлечит вам ногу. И во всяком случае мы добудем холодной воды, а то и горячей. Какая вода помогает при вывихах, холодная или горячая?

— Понятия не имею,— отвечала Кэти,— и постоялый двор меня что-то не привлекает, но не можем же мы сидеть здесь сложа руки. Надо хоть разобраться, что происходит, и представить себе, что нас ждет...

Постоялый двор улыбался мне не больше, чем ей. Мне вообще не улыбалось ничто в этом мире, но в принципе она была права. Невозможно было просто скорчиться там, куда нас забросило, и беспомощно ждать у моря погоды. Я вытащил Кэти из машины и посадил на капот, закрыл дверцы на ключ, а ключ положил в карман. А потом взял Кэти на руки и пошел под гору.

— Вы забыли биту,— напомнила она.

— А куда бы я ее дел?

— Я бы ее подержала.

— Похоже, что она нам не понадобится,— заверил я и продолжал идти, более всего опасаясь споткнуться и тщательно примеряясь к дороге на каждом шагу.

Сразу за указателем тропинка опять вильнула, обходя огромную кучу камней, и как только камни остались позади, на дальнем гребне открылся замок. Я так и застыл, едва увидев его,— уж очень неожиданным оказалось это зрелище, завораживающим до неподвижности.

Возьмите все прекрасные, феерические, романтические, многоцветные изображения замков, какие вы когда-либо видели, и совместите их так, чтобы ни одна привлекательная деталь не пропала. Забудьте все, что читали о реальных замках как о грязных, антисанитарных логовищах, наполненных зловонием и сквозняками, и вспомните взамен замки сказочные, Камелот короля Артура, замки Уолта Диснея. Если преуспеете в этом, то, быть может, получите слабенькое представление о том, что предстало нашему взору. Воплощение мечты, нечто из эпохи романтизма и рыцарства, дожившее до наших дней. Замок высился на гребне в своей блистающей белизне, а на шпилях и башенках развевались флажки и вымпелы всех цветов радуги. Здание было столь совершенным, что каждый понял бы инстинктивно и мгновенно: другого такого не встретить уже никогда.

— Хортон,— попросила Кэти,— опустите меня на землю. Хочу посидеть чуть-чуть, просто полюбоваться. И вы знали, что здесь такое чудо, и ни словечка не сказали!

— Чего не знал, того не знал. Я повернул назад сразу же, как наткнулся на указатель со стрелкой.

— Тогда, может, попробуем попроситься в замок? Ну его, этот постоялый двор...

— Что ж, попробовать можно. Туда должна быть дорога.

Я спустил ее на траву и сам уселся рядом.

— По-моему, нога болит меньше,— сказала она.— Наверное, я сумела бы справиться, даже если пришлось бы пройтись пешком.— Я недоверчиво покачал головой. Нога у Кэти покраснела и опухла так, что лоснилась.— Знаете, когда я была маленькой, я воображала себе замки именно такими, романтически великолепными. Потом я прослушала курс истории средних веков и узнала правду. Но вот перед нами замок во всем величии, и флаги развеваются на ветру...

— Это именно такой замок, какой вы создали в воображении. Вы и миллионы других маленьких девочек в своих маленьких романтических головенках...

И ведь речь не только о замках, напомнил я себе. Здесь, в этом мире, материализовались все фантазии, какие человечество породило на протяжении веков и веков. Где-нибудь здесь Гекльберри Финн плывет на плоту по реке, которой нет конца. Где-нибудь в этом мире Красная Шапочка бежит вприпрыжку по лесной дорожке. А где-нибудь бродит и злополучный мистер Мэгу*, почти на ощупь пробираясь от нелепости к нелепости.

И какова же цель всего этого — и обязательна ли цель? Эволюция сплошь и рядом тоже бредет вслепую, и на первый взгляд кажется, что у нее нет особого плана. И людям, скорее всего, не стоит даже пытаться докопаться до цели этого мира, потому что люди — слишком уж люди в основе своей, чтобы воспринять, не говоря уж о том, чтоб постигнуть, стиль существования, отличный от их собственного. В точности так же, как динозавры были бы неспособны воспринять мысль (если у них вообще были мысли) о человеческом разуме, который придет им на смену.

Но ведь этот мир, напомнил я себе, тоже часть нашего разума... Все предметы и явления, все существа, все идеи это-го мира — или этого измерения, или этого параллельного пространства,— по сути, производные человеческого разума. По-видимому, весь этот мир — продолжение разума. Мысль, рожденная разумом, использована здесь как сырье для строительства нового мира, как основа, на которой зиждутся новые эволюционные процессы.

— Я могла бы просидеть тут весь день,— сказала Кэти,— просто сидеть и смотреть на замок, но, наверное, если мы хотим попасть туда, нам надо двигаться. Идти сама я, кажется, все-таки не смогу. Вам будет очень неприятно?..

— Однажды в Корее, в дни отступления, мой оператор был ранен в бедро, и мне пришлось тащить его на себе. Мы с ним и так слишком отстали от остальных, ну и... — Она рассмеялась радостно.— Он был много больше вас и куда ме-

* Этим словечком (magoo) в Голливуде называют кремовые торты, которыми кидают друг в друга комедийные персонажи, а также исполнителей подобных ролей. В одной из серий рисованных комиксов авторам вздумалось оживить кремовый торт и отправить его странствовать.

нее привлекателен, да еще весь в грязи и сквернословил. И даже не поблагодарил меня...

— Я отблагодарю, обещаю твердо. Это так чудесно...

— Чудесно? С увечной ногой в этом милейшем из миров?..

— Но замок! — воскликнула она.— Вот уж не думала, что увижу своими глазами замок, каким он рисовался в воображении...

— Есть одна загвоздка,— сказал я.— Выскажусь определенно, чтобы больше не повторяться. Я очень сожалею, Кэти...

— О чем? О моей увечной ноге?

— Нет, не об этом. Очень сожалею, что вы вообще попали сюда. Мне не следовало впутывать вас в эту историю. Ни в коем случае не следовало посылать вас за конвертом. И тем более звонить вам из того поселочка — из Вудмена.

Она наморщила лоб.

— Но что еще вам оставалось делать? К моменту вашего звонка я уже прочла рукопись, а значит, впуталась сама. Поэтому вы и позвонили.

— Может, они бы вас не тронули. Но как только мы оказались вместе в машине и взяли курс на Вашингтон...

— Хортон, берите меня на руки и пошли. Если мы явимся в замок слишком поздно, нас могут не впустить.

— Ладно,— сказал я.— В замок так в замок.

Я встал и наклонился, чтобы поднять ее, но в эту секунду кусты возле тропинки затрещали и оттуда вывалился медведь. Он шел на задних лапах, и на нем были красные шорты в белый горошек, которые держались на одной подтяжке, переброшенной наискось через плечо. На другом плече медведь нес дубинку и скалился самым приветливым образом. Кэти, отпрянув, приникла ко мне, но сдержалась и не вскрикнула, хоть имела на то полное право; несмотря на оскал, в медведе этом было что-то не заслуживающее доверия.

Вслед за медведем из кустов выступил волк. Этот был без дубинки и тоже старался выжать из себя улыбку, но у него она получалась совсем неприветливой, а пожалуй, и зловещей. Следом за волком показалась еще и лисица, вернее лис, и они втроем стали в ряд, улыбаясь нам как давним друзьям.

— Мистер Медведь,— произнес я,— мистер Волк, Братец Лис! Как вы живы-здоровы?

Я старался, чтобы голос звучал ровно и буднично, но сомневаюсь, что мои старания увенчались успехом: эти трое мне

ни капельки не понравились. Какая жалость, что я не прихватил с собой бейсбольную биту!

Мистер Медведь отвесил легкий поклон:

— Мы польщены, что вы сразу нас узнали. Очень удачно, что мы встретились. Предполагаю, что вы оба незнакомы со здешней округой?

— Мы только что прибыли,— ответила Кэти.

— Ну что ж,— продолжал мистер Медведь,— тем лучше, что мы встретились по-доброму. Поскольку мы ищем партнера для весьма достойного предприятия.

— Тут есть один курятник,— вставил Братец Лис,— куда не худо бы заглянуть.

— Прошу меня извинить,— сказал я.— Может быть, в другой раз. Мисс Адамс вывихнула ногу, и ее надо доставить куда-нибудь, где ей окажут медицинскую помощь.

— Какая неприятность,— вымолвил мистер Медведь, силясь изобразить сочувствие.— Сдается мне, что вывих — испытание весьма болезненное для всякого, кому оно выпадало. Тем более для миледи, которая столь прекрасна.

— Но как же курятник?! — воскликнул Братец Лис.— Близится вечер...

— Братец Лис,— хрипло зарычал мистер Медведь,— у тебя нет сердца. Один желудок, к тому же вечно пустой. Понимаете,— сообщил он мне,— курятник примыкает к замку и охраняется сворой собак и иными хищниками, так что нам троим не проникнуть туда ни за что. И это вопиющая несправедливость, потому что куры жирненькие и должны быть очень приятны на вкус. Вот мы и подумали: если заручиться поддержкой человека, можно разработать какой-то план, обещающий удачу. Мы обращались к местным жителям, но все они трусы, на которых нельзя положиться. Гарольд Тинэйджер, и Дэгвуд, и множество других, а надеяться не на кого... У нас тут, не слишком далеко, роскошная берлога. Может, посидим и подумаем над планом? Для миледи найдется удобный тюфяк, а один из нас сбегал бы за старухой Мэг и приволок бы ее со снадобьями для вывихнутой ноги...

— Нет, спасибо,— откликнулась Кэти.— Мы идем в замок.

— Если вы еще не опоздали,— вставил Братец Лис.— Они там помешаны на охране ворот и запирают их на ночь.

— Тем более надо спешить,— решила Кэти.

Я вновь вознамерился взять ее на руки, но мистер Медведь лапой остановил меня.

— Не допускаю и мысли,— изрек он,— что вы с такой легкостью отвергаете наше дело с курятником. Вы ведь любите курятину, не правда ли?

— Конечно любит,— заявил Волк, до той поры не вымолвивший ни слова.— Человек — убежденный хищник, как и любой из нас.

— Но привередливый,— добавил Братец Лис.

— Привередливый? — удивился мистер Медведь.— Эти куры — самые упитанные, каких только видели мои старые глаза. Вкус у них должен быть — пальчики оближешь, и кто же, если в здравом уме, пройдет мимо них не обернувшись!

— Как-нибудь в другой раз,— пообещал я,— я взвешу ваше предложение с чрезвычайным интересом, но в данную минуту нам надо идти.

— Как-нибудь в другой раз,— повторил мистер Медведь уныло.

— Вот именно, в другой раз,— сказал я.— Не забудьте связаться со мной снова.

— Когда вы проголодаетесь как следует,— добавил мистер Волк.

— Это может повлиять на мое решение,— согласился я.

Наконец я поднял Кэти. Она устроилась у меня на руках, как в люльке. До поры я отнюдь не был уверен, что они нас отпустят, но все-таки они расступились, и я двинулся дальше. Кэти вздрогнула.

— Какие страшные твари! Стоят и скалятся. И еще рассчитывают, что мы поможем им воровать кур...

Очень хотелось оглянуться и убедиться, что они остались на месте и не крадутся следом. Однако оглядываться я не посмел: еще подумали бы, что я их боюсь. Я их и в самом деле боялся, но тем важнее было, чтобы они этого не заподозрили.

Кэти обняла меня за шею и прильнула ко мне, положив голову мне на плечо. Я вынужден был признать, что нести ее несравнимо приятнее, чем невежу-оператора, сыплющего бранью. Да и весила она гораздо меньше.

Тем временем тропинка сбежала с относительно голого гребня в темный величественный лес. Замок был теперь виден лишь от случая к случаю, с нечаянных лесных прогалинок, и то частями, а не целиком. Солнце склонялось к западному

горизонту, в чащобах накапливался туманный сумрак, и я улавливал, что там в тени кто-то пошевеливается украдкой.

Тропинка раздвоилась, и на развилке обнаружился новый указатель. Стрелок на сей раз было две: одна нацеливала на постоялый двор, другая — на замок. Но дорожка, ведущая к замку, буквально через несколько шагов уперлась в массивные железные ворота, и в обе стороны от ворот тянулась высоченная ограда из толстой стальной сетки с колючей проволокой поверху. Возле ворот стояла будка в веселенькую полоску, а будку подпирал часовой с алебардой, которую он, впрочем, держал кое-как, чуть не выпуская из рук. Чтоб удостоиться его внимания, пришлось не только приблизиться к воротам, но и пнуть их ногой.

— Опоздали,— прорычал он.— Ворота закрыты в час заката, драконы выпущены на волю. Пройди вы дальше хоть фарлонг* — за вашу жизнь я не дал бы и гроша...— Он подошел к воротам вплотную и присмотрелся.— А тут, оказывается, еще и дамочка! С ней что, какая-то беда?

— Вывихнула ногу. Не может ходить.

Он хмыкнул:

— Ну раз такое дело, дамочку можно и пропустить, обеспечив ей охрану.

— Пропустите нас обоих,— решительно потребовала Кэти.

Часовой затряс башкой в притворном унынии:

— Я и так иду на уступку, пропуская дамочку. Я не могу рисковать шеей, пропуская двоих.

— В один прекрасный день,— заявил я,— я вернусь и сверну твою драгоценную шею собственными руками.

— Проваливай! — заорал он, взъярившись.— Проваливай и забирай с собой свою шлюху! Пусть ведьма на постоялом дворе чинит ей ножку заклинаниями!

— Уйдем отсюда,— сказала Кэти испуганно.

— Друг мой,— обратился я к часовому,— клянусь тебе, что, когда буду посвободнее, вернусь сюда и предъявлю тебе счет.

— Пожалуйста,— просила Кэти,— ну пожалуйста, уйдем отсюда!

Я так и сделал, повернулся и пошел прочь. Часовой у меня за спиной изрыгал угрозы, стуча по прутьям ворот алебар-

* Фарлонг — старинная мера длины, равная одной восьмой мили (чуть более 200 метров).

дой. Я свернул на тропинку, ведущую на постоялый двор, а как только ворота скрылись из виду, остановился и опустил Кэти наземь, да и сам присел подле нее. Она плакала, но, по-моему, от гнева более, чем от страха.

— Никто никогда не называл меня шлюхой...

Я не стал уточнять, что дурные манеры да и словечки такого рода в эпоху замков были не в редкость. Она притянула мою голову к самому своему лицу.

— Если б не я, вы могли бы ввязаться в драку...

— А, все это одни разговоры,— сказал я.— Между нами были ворота, а у него в руках этот маскарадный тесак...

— Он упомянул, что на постоялом дворе ведьма,— сказала она.

Я легонько поцеловал ее в щеку.

— Вы пытаетесь меня отвлечь, чтоб я не думала о ведьмах?

— Мне показалось, что это поможет.

— Но ограда! Проволочный забор! Кто когда слышал, чтоб вокруг замков возводились заборы? Да в ту пору и проволоку-то еще не изобрели!..

— Темнеет,— напомнил я.— Лучше бы поскорее добраться до постоялого двора.

— Но там ведьма!..

Я рассмеялся, хоть смеяться мне, в сущности, не хотелось.

— Ведьмами,— сообщил я Кэти,— чаще всего считают чудаковатых старух, которых никто не понимает.

— Может, вы и правы...

Я поднял ее и сам поднялся на ноги. Она повернула ко мне лицо, и я поцеловал ее в губы. Руки ее крепко обвили меня, я обнял ее в ответ, впитывая в себя ее обаяние и искреннюю теплоту. И на долгое-долгое мгновение во всей опустевшей Вселенной не осталось никого, кроме нас двоих. Лишь постепенно я возвратился к реальности сгустившихся теней и вкрадчивых лесных шорохов.

Вскоре я заметил с тропинки, совсем неподалеку, слабо освещенный прямоугольничек и понял, что это и есть постоялый двор: чему же еще тут быть?

— Мы почти пришли,— шепнул я Кэти.

— Я не буду обузой, Хортон,— пообещала она.— И не стану кричать. Что бы мы ни увидели, я не вскрикну.

— Я уверен в этом,— ответил я.— И мы выберемся отсюда. Не знаю как, но выберемся. Выберемся вместе. Вдвоем.

Едва различимый в глубоких сумерках, постоялый двор состоял из единственного строения, дряхлого и обветшалого, притулившегося под сенью могучих искривленных дубов. Из трубы, делившей крышу пополам, вился дымок, тусклый свет еле пробивался сквозь ромбовидные оконные стеклышки. Вокруг не было ни души, что меня, в общем-то, устраивало.

Я уже почти доплелся до строения, когда в дверях показалась согбенная уродливая фигура. Видно было плохо — слабенький свет изнутри едва обводил контуры неказистого тела.

— Входи, входи, парень,— взвизгнуло скрюченное существо.— Что встал, рот разинув? Тут тебя не укусят. Ни тебя, ни миледи.

— Миледи вывихнула щиколотку,— проговорил я.— Мы надеялись...

— Ну конечно! — выкрикнуло существо.— Вы пришли в самое подходящее место, чтоб излечиться. Сейчас старая Мэг намешает целебный отвар...

Как только я сумел приглядеться, у меня не осталось сомнений, что нас встретила та самая ведьма, о которой говорил часовой. С головы у нее спадали жидкие нечесаные пряди волос, нос был длинный, крючковатый, свисающий к мощному подбородку и почти достающий до него. Она тяжело опиралась на деревянную клюку.

Ведьма посторонилась, и я переступил порог. В очаге горел чадный огонь, неспособный разогнать царивший в комнате мрак. Запах горящих поленьев смешивался с множеством других, не поддающихся определению, и, казалось, обострял их. Запахи висели в комнате как сплошной туман.

— Сюда, сюда,— пригласила ведьма Мэг, указывая дорогу клюкой.— Вон кресло у очага. Сработано добротно из настоящего дуба и выточено по форме тела, а на сиденье шерстяная подушечка. Миледи будет очень удобно.

Я перенес Кэти к креслу и, усадив, осведомился:

— Все в порядке?

Она взглянула на меня снизу вверх. Ее глаза мягко сияли в отсветах огня.

— Все в порядке,— заверила она счастливым тоном.

— Можно считать, что мы на полпути домой,— добавил я.

Ведьма проковыляла мимо, стуча клюкой по полу и бормоча что-то себе под нос. Сгорбившись над огнем, она принялась помешивать жидкость в кастрюле, поставленной на угли. От

кастрюли парило. Вспышки пламени высвечивали уродство ведьмы, ее немыслимый нос, почти сомкнувшийся с подбородком, и исполинскую бородавку на щеке. Из бородавки росли волосы, похожие на паучьи лапки.

Мои глаза попривыкли к темноте, и я стал разглядывать обстановку. У стены стояли три грубых дощатых стола, на столах подсвечники, а в подсвечниках вкривь и вкось торчали незажженные свечи. Свечи напоминали бледных, перепившихся призраков. На открытых полках большого буфета в дальнем углу громоздились кружки и бутылки, чуть поблескивающие в неверном, сбивчивом свете от очага.

— Ну вот,— прокаркала ведьма,— еще чуток толченой жабы и щепотку кладбищенской пыли, и отвар готов. А когда подлечим даме щиколотку, будет еда. О да, о да, будет еда!..

Она пронзительно захихикала, довольная собственной шуткой. В чем заключалась шутка, я недопонял — возможно, что-то связанное с едой.

Откуда-то издалека донеслись голоса. Неужели еще путешественники, ищущие ночлега? — подумалось мне. Похоже, целая ватага...

Голоса стали громче, и я, подойдя к дверям, бросил взгляд в направлении, откуда они слышались. Вверх по тропе, ведущей от подошвы холмов, карабкалась толпа людей, некоторые с пылающими факелами.

За толпой следовали два всадника. Чуть позже, наблюдая за процессией, я разобрался, что второй, едущий позади, сидит не на лошади, а на осле, и ноги у него почти волочатся по земле. Однако внимание мое приковал к себе не второй, а первый — и на то были все основания. Первый был высок, изможден и закован в доспехи, в левой руке у него был щит, а на правом плече — длинное копье. Лошадь казалась такой же тощей, как ее хозяин, и брела понуро, спотыкаясь и свесив голову. А когда процессия подошла поближе, стало ясно даже в изменчивых отблесках факелов, что лошадь — форменный мешок с костями.

Процессия остановилась, люди расступились, а лошадь с пугалом в доспехах проковыляла сквозь толпу и выбралась на передний план. Но едва толпы вокруг не стало, она тоже затормозила и понурилась окончательно. Я не удивился, если бы она в любой момент рухнула замертво.

Всадник и лошадь застыли без движения, застыла и толпа, а я, наблюдая за ними исподтишка, терялся в смутных догадках: что дальше? Очевидно, в таком милом местечке может случиться все что угодно. Спектакль был, разумеется, нелепый, но это не утешало, потому что мои оценки базировались на обычаях и нравах людей двадцатого столетия, а здесь просто не имели силы.

Лошадь медленно подняла голову. Толпа выжидательно зашевелилась, факелы закачались из стороны в сторону. Рыцарь с видимым усилием выпрямился в седле и снял копье с плеча. А я по-прежнему торчал у дверей как зритель, заинтригованный и слегка недоумевающий, что бы это могло означать.

Неожиданно рыцарь что-то выкрикнул. Голос его в ночной тишине звучал громко и ясно, но мне потребовалась чуть не минута, чтобы разобрать, что именно он сказал. Копье оторвалось от бедра и легло наперевес, а лошадь бросилась в галоп, прежде чем до меня дошло наконец значение его слов.

— Трус,— кричал он,— негодяй и подлый изменник, защищай свою презренную жизнь!..

И я вдруг сообразил, что он имеет в виду не кого-нибудь, а меня. Лошадь с грохотом надвигалась на меня, копье было нацелено мне в грудь, а у меня, бог свидетель, не оставалось времени даже приготовиться к защите.

Если бы я располагал временем, то, естественно, бросился бы наутек, поскольку мы выступали явно в разных весовых категориях. Но времени не осталось ни на что, да и, по правде говоря, безумие происходящего ввергло меня в оцепенение. Нас разделяли мгновения, которые тем не менее походили на часы, а я недвижно, как зачарованный, смотрел на блестящее острие копья, готовое пронзить меня. Лошадь, может, оставляла желать лучшего, но для таких внезапных бросков годилась вполне, и она громыхала прямо ко мне, как страдающий одышкой локомотив.

Острие было всего-то футах в пяти, когда я опомнился хотя бы настолько, чтоб пошевельнуться. Я отскочил. Казалось, смерть пронеслась мимо, и вдруг то ли рыцарь не совладал со своим оружием, то ли лошадка сдрейфила или споткнулась — не знаю что, но по какой-то причине копье резко вильнуло в мою сторону, и тогда я, выбросив обе руки, стукнул по нему наудачу, лишь бы не попасть на вертел.

Я не промахнулся, отразил копье вниз, и острие ушло глубоко в землю. И вопреки всякому ожиданию копье сработало как катапульта: тупой его конец поддел рыцаря под мышку и выбросил из седла. Лошадь стала как вкопанная, поводья беспризорно провисли, а копье спружинило, выпрямилось и взметнуло незадачливого рыцаря в воздух, как камень из рогатки. Описав высокую дугу, он плюхнулся поодаль с раскинутыми руками и вниз лицом, и грохот раздался такой, будто по пустой железной бочке что есть силы саданули тяжелым молотком.

Толпа, сопровождавшая рыцаря, содрогнулась в общем ликовании. Люди хватались за животы, иные складывались пополам, а кое-кто повалился наземь и катался, задыхаясь от гогота.

К месту происшествия приблизился вислоухий ослик с седоком в лохмотьях. Ноги у седока чуть не волочились по земле, и все равно бедный терпеливый Санчо Панса в который раз спешил на помощь своему господину Дон Кихоту Ламанчскому. А те, что катались в конвульсиях, теперь я понял, следовали за Дон Кихотом просто потехи ради. И факелы они прихватили намеренно, освещали путь пугалу в доспехах по своей воле, усвоив из опыта, что очередная серия нескончаемых его злоключений не заставит себя ждать и даст им повод позабавиться от души.

Я отвернулся и шагнул назад к постоялому двору, но постоялый двор исчез.

— Кэти! — закричал я.— Кэти!..

Ответа не было. Толпа, дождавшаяся вожделенного зрелища, все еще содрогалась от смеха. Поодаль Санчо слез с ослика и мужественно, хоть и без особого успеха, пытался перекатить Дон Кихота на спину. А постоялого двора больше не было. Не было никаких следов ни Кэти, ни ведьмы Мэг.

И вдруг откуда-то из чащи ниже по склону донеслось ведьмино пронзительное хихиканье. Я замер, чуть подождал — хихиканье повторилось, но теперь я распознал направление, откуда оно пришло, и бросился вниз, не разбирая дороги. Мгновенно пересек узкое расчищенное пространство, примыкавшее прежде к постоялому двору, и углубился в лес. Корни хватали меня за ноги, норовили вцепиться и опрокинуть, ветви хлестали по лицу. Но я все равно бежал, выставив вперед руки, чтобы не врезаться в какой-нибудь ствол и не вышибить себе

мозги — если, конечно, они у меня еще были. Полоумное хихиканье впереди не смолкало.

Только бы поймать мерзавку, обещал я себе, уж я буду крутить тощую старушечью шею до тех пор, пока меня не отведут к Кэти или не скажут, куда она делась... И было понятно, что искушение продолжить выкручивание не угаснет даже в этом благоприятном случае. В то же время я, наверное, сразу отдал себе отчет, что шансов действительно поймать ведьму у меня практически нет. Я наткнулся на валун и упал на него, поднялся, обогнул препятствие и опять бросился бежать, а впереди, не приближаясь ни на миг, но и не отдаляясь, будто заманивая, слышались те же полоумные смешки. Я налетел на дерево — вытянутые руки спасли меня и не дали раскроить себе череп, но в первый момент мне померещилось, что я сломал обе кисти. И наконец какой-то злокозненный корень все-таки подстерег меня и поймал врасплох — я покатился кубарем, и мне повезло, что приземление оказалось мягким, на край лесного болота. Приземлился я на спину, головой в болотную жижу, и минуту-другую кашлял и отхаркивался, наглотавшись тухлой воды.

Потом я сидел еще минуту не шевелясь, сознавая, что побежден. Можно гоняться за этими смешками по лесам миллион лет и все равно не догнать старуху. Потому что с этим миром ни мне, ни любому другому человеку не справиться. Человек будет сражаться с фантазиями, которые, правда, сам же и породил, но накопленный им логический опыт ему тут ничем не поможет.

Я сидел в воде и грязи по пояс, а над головой качались камыши. Чуть левее меня по трясине прошлепала какая-то тварь, наверное, лягушка. Зато справа вдали я вроде бы различил тусклый огонек и тогда помаленьку стал на ноги. Комки болотной грязи сваливались с брюк в воду, оповещая об этом легкими шлепками. Но даже поднявшись в рост, я не мог рассмотреть огонек получше: ноги ушли в трясину по колено, камыши так и остались выше меня.

Не без труда я побрел в ту сторону, где заметил свет. Именно побрел. Трясина была глубокая и вязкая, и камыши, перемешанные с какими-то водолюбивыми кустиками, двигаться тоже не помогали. Однако я упорно шел вперед, и никакие заросли сами по себе меня не смущали.

Мало-помалу грязная вода стала мельче, камыши поредели. Теперь огонек виднелся яснее, но, к немалому моему удивлению, переместился вверх. Лишь когда я выбрался из болота на более или менее твердую почву, до меня дошло, что огонек зажгли еще выше на берегу. Я начал карабкаться на откос, но было скользко. Примерно на полпути я забуксовал, меня неудержимо потащило назад — и вдруг, откуда ни возьмись, ко мне протянулась большая мускулистая рука, я вцепился в нее, и сильные пальцы сомкнулись у меня на запястье.

Только тут я увидел того, кому принадлежала рука,— он свесился ко мне с откоса. На лбу у него красовались рога, лицо было тяжелое, грубо скроенное, но, невзирая на грубость, в чертах проступало что-то лисье. Внезапно он осклабился в усмешке, сверкнули белые зубы, и, признаюсь честно, с тех самых пор, как заварилась вся эта каша, я впервые понял, что такое испугаться по-настоящему.

И он был не один. На бережку рядом с ним пристроился мелкорослый уродец-монстренок с заостренной головкой. И едва монстренок понял, что я заметил его, как принялся гневно подпрыгивать и орать:

— Нет! Нет! Не два зачета, только один! Дон Кихот не считается!..

Дьявол рванул меня к себе, втащил на берег и поставил на ноги.

На земле горел керосиновый фонарь. Света он давал немного, но достаточно, чтобы разглядеть, что дьявол коренаст, ростом чуть ниже меня, но сложен крепче и накопил изрядно жирку. Одежды на нем не было никакой, не считая грязной тряпки на бедрах, повязанной так, что могучее брюхо перевешивалось через нее толстой складкой.

А рефери знай себе пищал визгливо:

— Это нечестно! Вы сами понимаете, что нечестно! Дон Кихот — придурок. У него никогда ничего не получается. Победа над Дон Кихотом не связана ни с малейшей опасностью, и...

Дьявол чуть повернулся и взмахнул ногой, в лучах фонаря блеснуло раздвоенное копыто. Удар угодил рефери по туловищу, поднял его в воздух и вышвырнул с глаз долой. Писк перешел в жалостный пронзительный вой и закончился всплеском.

— Ну вóт,— заявил дьявол, обращаясь ко мне,— это даст нам минутку подлинной тишины и покоя. Хотя по настойчивости этому типу нет равных, он непременно выберется и примется докучать нам снова. Мне что-то не кажется,— добавил он, быстро меняя тему,— что вы сильно испуганы.

— Я просто окаменел от ужаса.

— Знаете,— посетовал он, поигрывая щетинистым хвостом в знак недоумения,— для меня каждый раз проблема решить, в каком виде предстать перед смертными. Вы, люди, упорно рисуете меня в сотнях разных обличий, и никогда не знаешь, какое из них окажется наиболее эффективным. В принципе я способен принять любой из множества обликов, какие мне приписывают, так что если у вас есть иные предпочтения... Хотя откровенно скажу, что тот облик, в каком вы застали меня сейчас, носить несравненно удобнее всех остальных.

— У меня нет никаких предпочтений,— ответил я.— Оставайтесь как есть, если вам так больше нравится.

Частичка храбрости, по-видимому, вернулась ко мне, но дрожь в коленках еще ощущалась. Не каждый день беседуешь с дьяволом.

— Вы, видимо, подразумеваете, что до сих пор вспоминали обо мне не слишком часто.

— Вероятно, вы правы,— признался я.

— Так я и думал,— заметил он скорбно.— Такова моя участь в последние полвека или вроде того. Люди почти не вспоминают обо мне, а если вспоминают, то без страха. Ну, может, им при этом чуточку неуютно, но страха они не ведают. И подобное развитие событий принять очень непросто. Некогда, не столь уж давно, весь христианский мир страшился меня до оторопи.

— Наверное, есть и такие, кто страшится по сей день,— сказал я, пытаясь его утешить.— В некоторых отсталых странах такие найдутся наверняка.

И едва я произнес свою тираду, как пожалел о ней. Я не только не утешил его, но, напротив, причинил ему еще худшую боль.

На берег с шумом вскарабкался рефери. Он был весь покрыт грязью. С волос, свисающих наподобие шляпы, капала вода. Но как только уродец добрался до нас, он пустился в дикий воинственный пляс, кипя от ярости.

— Я этого не потерплю! — кричал он на дьявола.— Мне плевать, что ты скажешь! Он должен выдержать еще дважды. Нельзя не принять в зачет оборотней, но можно и нужно не принять Дон Кихота, который просто не годится в противники. Сам подумай, какова цена правилам, если...

Дьявол мрачно вздохнул и схватил меня за руку:

— Отправимся в другое место, где можно сесть и потолковать...

Раздался оглушительный свист и внезапный раскат грома, в ноздри ударил запах серы, и спустя ровно одно мгновение мы действительно очутились в каком-то другом месте — тоже над болотистой низиной, но на склоне плавном и ровненьком. Рядом была рощица, возле нее лежала груда камней. Из низины неслось лягушачье кваканье, безмятежное, как весной. Легкий ветерок шелестел в листве. Так или иначе, место выглядело гостеприимнее, чем тот бережок над трясиной.

Колени подо мной подогнулись, но дьявол удержал меня от падения и подвел к груде камней, где и усадил на один из них, оказавшийся, как ни удивительно, вполне комфортабельным. Затем он и сам опустился рядом, закинув ногу на ногу да еще и обвив ноги хвостом, так, что самый кончик с кисточкой лег на колено.

— Ну вот,— объявил он,— теперь можно и побеседовать без неподобающих помех. Рефери, разумеется, способен выследить нас, однако ему потребуется какое-то время. Горжусь превыше всех своих умений искусством почти мгновенно перемещаться в любую точку.

— Прежде чем мы приступим к сколько-нибудь серьезной беседе, хочу задать вопрос. Со мной была женщина, и она исчезла. Она оставалась на постоялом дворе, и...

— Да знаю я! — ответил он, глянув на меня искоса.— По имени Кэти Адамс. Что касается ее, можете не беспокоиться, потому что ее вернули на Землю — на Землю к людям, я имею в виду. Что и прекрасно, поскольку нам она не нужна. Но пришлось забрать и ее, ибо она была вместе с вами...

— Вам она не нужна?

— Разумеется, нет. Нам нужны вы, и только вы.

— Послушайте, однако...— начал я, но он остановил меня небрежным мановением руки.

— Мы нуждаемся в вас как в посреднике. Полагаю, это самое точное слово. Мы уже долгое время ищем кого-то, кто

мог бы исполнить наше поручение, выступить, если хотите, нашим агентом, а тут как раз подвернулись вы, ну и...

— Если вы нуждались во мне, то взялись вы за дело самым непотребным образом. Ваша банда изо всех сил старалась меня прикончить, и лишь слепая удача...

Он прервал меня со смешком:

— Никакая не слепая удача. Отточенное чувство самосохранения, сработавшее лучше, чем я могу припомнить за долгие-долгие годы. А насчет того, что с вами пытались разделаться,— уверяю вас, виновны конкретные исполнители, и кое-кто уже поплатился за это. Узколобость сочетается в них с излишним воображением, и тут, хочешь не хочешь, придется вносить определенные коррективы. Я был занят множеством других дел, как вы легко можете себе представить, и мне не сразу доложили, что происходит.

— Вы отменяете правило «трижды испытан — заговорен»?

Он опечаленно покачал головой:

— Нет, нет. С прискорбием должен вас уведомить, что это не в моих силах. Понимаете, правила есть правила. В конце концов, это же вы, люди, сами придумали такое правило наряду с кучей других, в равной мере не имеющих смысла. Вроде того, что «преступление не окупается», когда вам прекрасно известно, что окупается, да еще как! Или эта чушь, что кто рано встает, тому бог подает.— Он опять покачал головой.— Вы даже отдаленно не представляете себе, сколько хлопот причиняют нам эти ваши дурацкие правила.

— Но это никакие не правила...

— Знаю. Вы называете их изречениями или пословицами. Но как только достаточное число людей поверит в них хотя бы отчасти, мы связаны ими по рукам и ногам.

— Стало быть, вы по-прежнему намерены испытать меня еще раз? Или вы согласны с рефери, что схватка с Дон Кихотом...

— Дон Кихот засчитан,— рыкнул дьявол.— Я согласен с рефери, что с этим слабоумным испанцем нетрудно справиться любому, кто старше пяти лет от роду. Однако я желаю, чтобы вы освободились от своего долга, и чем скорее и проще я избавлю вас от него, тем лучше. Вас ждет дело, настоящее дело. Но вот чего я не в состоянии уразуметь — это неуместного рыцарского порыва, заставившего вас согласиться на по-

вторный круг. Как только вы избавились от змея, вы были на воле, но почему-то позволили мерзавцу рефери уговорить себя...

— В отношении Кэти я чувствовал себя должником. Ведь я же ее во все это и втравил.

— Знаю. И про это знаю,— ответил он.— Только временами совершенно перестаю вас, людей, понимать. По большей части вы норовите перерезать друг другу глотку, воткнуть нож в спину ближнему и через его труп лезть дальше к тому, что у вас зовется успехом. И вдруг — полный поворот, и вы переполняетесь таким благородством и состраданием, что просто тошнит...

— Но если все-таки начать сначала: почему, если вы предполагали меня использовать — во что я, признаться, не верю,— почему вы пытались меня убить? Почему бы, коль на то пошло, попросту не протянуть лапу и не забрать меня, как я есть?

Моя наивность вызвала у него тяжкий вздох.

— Попытка убийства была обязательна. Это тоже правило, давнее правило. Однако не было никакой нужды так усердствовать. Никакой нужды перехватывать через край. Исполнители сидят себе часами и измышляют фантастические схемы — и на здоровье, если им нравится подобное времяпрепровождение,— но они хмелеют от собственной изобретательности до того, что норовят испытать свои схемы на практике. Хлопоты, на какие они идут ради элементарного убийства, превыше всякого разумения. И опять-таки это ваша человеческая вина. Вы, люди, делаете в точности то же самое. Ваши писатели, художники, сценаристы — в общем, те, кого вы именуете творческими людьми, высиживают, высасывают из пальца этих чокнутых персонажей, эти немыслимые интриги, а мы повязаны их бреднями, нам и отдуваться. И такое положение вещей возвращает нашу беседу к предложению, которое я и собирался с вами обсудить.

— Ну так не тяните,— сказал я.— У меня был трудный день, и мне не повредило бы соснуть часиков двадцать. В том случае, конечно, если найдется место, где приклонить голову.

— Найдется,— заверил он.— Вон меж тех двух валунов есть постель из листьев. Их намело туда минувшей осенью. Очень удобное ложе для столь необходимого вам отдыха.

— В компании гремучих змей?

— За кого вы меня принимаете? — возмутился дьявол.— Или вы полагаете, что у меня нет чести и я подстрою вам ловушку? Даю слово, что никто не посмеет причинить вам вред до тех пор, пока вы не очнетесь от сна.

— А потом? — осведомился я.

— А потом предстоит еще одна угроза, последняя опасность, чтоб исполнилось правило трех. Отдыхайте спокойно и примите мои лучшие пожелания в этом новом испытании, каково бы оно ни оказалось.

— Ладно,— сказал я,— раз уж не судьба выкрутиться иначе. Но может, вы хоть замолвите за меня словечко? А то я, признаться, начал уставать. Не думаю, что мне хотелось бы сейчас свидеться еще с каким-нибудь морским змеем.

— Могу торжественно обещать,— ответил дьявол,— что это будет не змей. А теперь перейдем к делу.

— Ну хорошо,— вяло согласился я.— О чем пойдет разговор?

Дьявол заговорил, все более раздражаясь:

— О чем, как не о вздорных фантазиях, которые вы нам скармливаете! Как, по-вашему, можно создать сколько-нибудь устроенную жизнь на базе эдакой мути и пены? Белогрудые птички расселись на ветке и свиристят: «Казесся, мы видим коску — коску, коску, коску...» А глупый мультипликационный кот сидит внизу под деревом и пялится на них с видом беспомощным, почти виноватым. Ну как, спрашиваю я со всей прямотой, рассчитывать на достойное поведение других, если мы обречены на подобные ситуации? Некогда вы дали нам солидную, прочную базу, основанную на твердых убеждениях и непритворной вере. А нынче вы развлекаетесь и поставляете нам типажи совершенно неправдоподобные и слабовольные, и новички не только не добавляют нам сил, но подтачивают все, что было накоплено в прошлом.

— Вы намекаете, что ситуация складывалась бы для вас гораздо благоприятнее, если бы мы по-прежнему верили в чертей, призраков, гоблинов и тому подобное?

— Да, гораздо благоприятнее,— подтвердил дьявол,— по крайней мере, если бы вера была хоть отчасти искренней. А вы нынче взяли моду выставлять нас на смех...

— Мода тут ни при чем,— возразил я.— Не забывайте: человечество в большинстве своем понятия не имеет, что вы существуете на самом деле. И как может быть иначе, если вы намерены и впредь убивать всякого, кто заподозрит, что ваш мир — реальность?

— А все эта канитель,— заявил дьявол с горечью,— которую вы именуете прогрессом. Вы сегодня можете иметь почти все, что хотите, но вы хотите все больше и больше. Заполняете свои умы вожделениями, не оставляя места самоанализу и не задумываясь о своих недостатках. В вас нет ни страха, ни мрачных предчувствий...

— Страх есть,— сказал я,— и мрачных предчувствий сколько угодно. Вопрос только в том, что мы предчувствуем и чего боимся.

— Точно,— согласился дьявол.— Вы боитесь водородной бомбы и неопознанных летающих объектов. Надо же выдумать такую чушь, как летающие тарелки!

— Ну, пожалуй, тарелки все же получше дьявола. С ними есть хоть какая-то надежда совладать, а с дьяволом — никогда. Ваша порода славится коварством.

— Знак времени,— посетовал он.— Механика вместо метафизики. Вы не поверите, но несчастные наши владения нынче забиты полчищами НЛО самой отвратительной конструкции, где обитают совершенно мерзостные инопланетяне. Они вселяют ужас, только он даже не сродни тому добросовестному ужасу, какой олицетворяю собой я. Они бредовые существа, не имеющие под собой никакой почвы.

— Понятно, что вам это не по нутру. Во всяком случае, я уловил, что именно вас беспокоит. Однако не представляю себе, чем тут можно помочь. Людей, продолжающих верить в вас с ноткой искренности, сегодня можно найти разве что в самых культурно отсталых районах. О да, конечно, вас поминают время от времени. Ссылаются, когда что-то не ладится, на происки дьявола или восклицают: «Ну и дьявол с ним!» — но ведь на самом-то деле о вас при этом вовсе не думают. Вы превратились просто-напросто в бранное слово, к тому же слабенькое. В вас не верят. Та вера, что была, приказала долго жить. И не думаю, что эту тенденцию можно изменить. Прогресс человечества не остановишь. Придется вам набраться

терпения и ждать дальнейшего развития событий. А вдруг какое-нибудь из них ненароком обернется вам на пользу?

— А я полагаю, что кое-что можно предпринять уже сейчас,— заявил дьявол,— и хватит ждать. Мы и так ждали слишком долго.

— Совершенно не представляю себе, что вы можете сделать. Не можете же вы...

— Я не намерен раскрывать вам свои планы,— перебил он.— Вы показали себя чересчур находчивым умником, обладателем того бесчестного, изворотливого, безжалостного ума, который отличает отдельных представителей человечества. И если я поделился с вами немногими соображениями, то исключительно потому, что когда-либо в будущем вы оцените их и, возможно, будете расположены согласиться на роль нашего агента...

И с этими словами он исчез в клубах серного дыма, оставив меня в одиночестве. Налетевший ветер отнес дымок к западу, и я вздрогнул, хотя ветер вовсе не был холодным. Скорее уж холод шел изнутри, как своеобразная память о недавнем моем собеседнике.

Местность была безлюдной, с неба светила бледная луна, подчеркивая это безлюдье и беззвучное ожидание — чего? Опять чего-то дурного?

Он сказал, что меж двух валунов меня ждет ложе из листьев, и я нашел его без большого труда. Покопался в листве, но гремучих змей не обнаружил. Да, пожалуй, и не предполагал обнаружить: дьявол не производил впечатления субъекта, прибегающего к столь откровенной лжи. Я забрался меж камней и взбил листья, устраиваясь поудобнее.

Во тьме надо мной постанывал ветер, и я благодарно подумал о том, что Кэти сейчас в безопасности, у себя дома. Я заверял ее, что мы как-нибудь выберемся отсюда, выберемся вдвоем, но и мечтать не мог тогда, что она окажется дома уже через час-другой. Моей заслуги, разумеется, в том не было никакой, но, по существу, это не играло роли. Так устроил дьявол, и хоть его решение было продиктовано чем угодно, только не состраданием, я поймал себя на том, что думаю о нем с теплым чувством.

Я вспомнил Кэти, вспомнил ее лицо, обращенное ко мне, в отблесках пламени у ведьмина очага и старался восстановить

в памяти ее счастливый тон и выражение глаз. Что-то ускользало, какой-то оттенок никак не вспоминался, и я все старался воссоздать его в точности, пока не заснул.

Чтобы проснуться в день битвы при Геттисберге.

Глава 14

Проснулся я от толчка, проснулся очень резко, стремительно сел и трахнулся затылком о валун. Из глаз посыпались искры, но и сквозь фейерверк я различил человека, который склонился надо мной и пристально меня рассматривал. В руках он держал ружье, и дуло было направлено в мою сторону. Не то чтобы он в меня целился всерьез — скорее он только что использовал ружье, чтобы растолкать меня.

На нем было кепи с большим козырьком, сидевшее коекак, потому как он давненько не стригся. А еще на нем был линялый синий мундир с медными пуговицами.

— Ума не приложу,— сказал он, впрочем, вполне дружелюбно,— как это некоторые ухитряются дрыхнуть где и когда попало.

Он чуть повел головой, и поверхность валуна украсилась метким табачным плевком.

— Случилось что-нибудь? — спросил я.

— Мятежники стягивают пушки. С самого рассвета только этим и занимаются. Там уж, поди, тысяча пушек, вон на взгорке напротив. Развернуты в ряд, колесо к колесу.

— Да нет, какая там тысяча,— откликнулся я.— Цифра двести будет поточнее.

— Может, ты и прав,— согласился он.— Может, у них, у мятежников, тысячи пушек вообще нет.

— Значит, это Геттисберг?

— Конечно Геттисберг,— ответил он недовольно.— И не уверяй меня, что не знаешь. Не мог ты стоять на позиции несколько дней и не иметь понятия, где стоишь. Тут было горячо как в аду, и чтоб мне провалиться, нам скоро опять попробуют задать жару...

Битва при Геттисберге. Ничего другого и ждать не приходилось. Неспроста рощица на склоне показалась мне вечером смутно знакомой. Но какой это был вечер? — задумался я.

Вчерашний вечер или тот, что отгорел здесь сто с лишним лет назад? Или в этом мире точное время имеет не больше смысла, чем все остальное?..

Скорчившись на ложе из листьев, я старался как-нибудь взять себя в руки. Вечером тут была просто рощица и груда камней — а утром оказалось поле битвы!

Я пригнул голову, выкарабкался из щели меж камнями и, сев на корточки, оказался лицом к лицу с тем, кто меня разбудил. Он перекатил жвачку во рту от щеки к щеке, присмотрелся ко мне и спросил подозрительно:

— Ты из какого отряда? Что-то не припомню, чтоб мне встречался здесь кто-нибудь, разряженный как ты...

Если б мозги ворочались попроворнее, я, может, и нашелся бы, что ответить, но рассудок был еще помутнен со сна, и затылок трещал после близкого знакомства с валуном. Да и то, что я очнулся на поле битвы при Геттисберге, ясности мыслям тоже не добавляло. Я понимал, что надо что-то сказать, но никакого членораздельного ответа не придумал и только покачал головой.

На склоне надо мной, на самой его вершине, выстроился строй пушек с канонирами, замершими близ них неподвижно, как на параде, и неотрывно глазеющими по-над низиной на взгорок напротив. Был виден офицер на лошади — она нервно пританцовывала, он выпрямился в седле. А чуть ниже пушек длинной ломаной линией расположилась пехота — кто за наспех сделанными укрытиями всевозможного вида, кто плашмя на земле, а кто сидел, словно отдыхая, но все без исключения таращились в одном направлении.

— Не по душе мне это,— произнес обнаруживший меня солдат.— Не нравится, как все это выглядит и как пахнет. Если ты из города, сматывайся-ка ты отсюда, пока не поздно.

Издали донесся сильный удар, звучный, хоть и не слишком громкий. Я вскочил на ноги и заметил за низиной, над деревьями, венчающими противоположный склон, тающее облачко дыма. Немного ниже среди древесных стволов вдруг сверкнула вспышка, будто кто-то открыл на миг дверцу пылающей печки и тут же ее захлопнул.

— Ложись! — заорал солдат.— Ложись, дуралей безмозглый!..

Он добавил еще что-то, но слова потонули в звенящем грохоте, который раздался совсем близко у меня за спиной.

Сам солдат уже бросился ничком, как и все остальные. Я тяжело распластался рядом. Такой же грохот раздался где-то слева, и тут я увидел, как десятки печных дверец открылись разом по всему противоположному склону. Над низиной и прямо над головой воздух со свистом вспороли стремительно летящие ядра, а затем вершину позади меня и весь мир разнесло на куски.

И снова, и снова, и снова.

Казалось, сама почва подо мной прогибается от канонады. Воздух наполнился оглушительным, непереносимым громом — непереносимым и нескончаемым. Над склоном волнами плыл дым, к грохоту выстрелов и разрывов примешивались жужжание и свист. Ум обострился, как бывает нередко в минуты смертельного страха, и я без подсказки сообразил, что это свистят осколки, разлетающиеся веером с гребня позади меня и осыпающие склон впереди.

Я прижимался лицом к земле и все же чуть-чуть вывернул голову, чтобы вновь окинуть взглядом пушки на гребне. К моему удивлению, я мало что увидел — и уж, конечно, никак не то, чего ждал. Гребень был словно окутан тяжелым туманом, дымное покрывало висело не выше трех футов над почвой. Мне были видны лишь ноги отчаянных артиллеристов, суетящихся у своих батарей,— как бы некие половинки людей стреляли из половинок орудий: ведь из-под покрывала выглядывали только лафеты, и то не целиком, а остальное тонуло в плотном дыму.

Сквозь мутную пелену то и дело прорывались вспышки пламени — пушки, скрытые в дыму, вели ответный огонь по неприятелю по ту сторону низины. При каждой вспышке на меня сверху налетала волна жара, но сверхъестественным образом гром орудий, что палили прямо над моей головой, тонул в грохоте обстрела с противоположной стороны, и казалось, что все пушки стреляют где-то поодаль.

Облака дыма не могли скрыть разрывов неприятельских ядер, однако эти разрывы скрадывались пеленой и не полыхали быстрыми острыми вспышками, как можно было бы ожидать, а мерцали красно-оранжевыми язычками, прыгавшими по гребню, как неоновая реклама. Исключением стал один мощный взрыв, когда в дыму извергнулся ослепительный багровый вулкан и серое покрывало прорезал гигантский столб черного дыма. Какое-то ядро угодило в зарядный ящик.

Я прижался к земле еще плотнее, изо всех сил стараясь зарыться в нее, распластаться по ней листом и в то же время стать тяжелым-тяжелым, чтобы почва подалась под моим весом, укрыла и защитила меня. И в этот самый миг меня осенило, что я нахожусь, пожалуй, в одной из самых безопасных точек на всем Кладбищенском гребне: известно, что в тот день более ста лет назад канониры-конфедераты брали слишком высокий прицел и чаще всего ядра рвались не на гребне, а по ту его сторону.

Вывернув голову в другом направлении, я бросил взгляд по-над низиной на противоположный, Семинарский гребень. Там над деревьями клубилось такое же облако дыма, а по низу облака перебегали искорки, отмечающие жерла конфедератских пушек. Солдату, что заговорил со мной, я сказал — двести пушек, а теперь мне припомнилось, что их было сто восемьдесят против восьмидесяти на гребне за моей спиной. Нет, против восьмидесяти с чем-то, если верить книгам. И время сейчас, по-видимому, шло к половине второго, так как канонада началась сразу после часу дня и длилась около двух часов без перерыва.

Где-то там, на том гребне, генерал Ли наблюдал за сражением, не покидая седла своего верного Странника. Где-то там другой генерал, Лонгстрит, присел на подвернувшуюся железную ограду в мрачном убеждении, что атака, приказ о которой он должен отдать, не принесет успеха. Потому что, по его мнению, атаки такого сорта следовало оставить северянам, а для южан наилучшей тактикой всегда была оборонительная — вынудить северян к атаке и стойко защищаться, вымотывая противника.

Но, поправил я себя, ход моих мыслей неточен. Нет там, на том гребне, никакого генерала Ли, нет и Лонгстрита. Сражение, что было здесь, отгремело более века назад и не повторится. А эта шутейная битва, поставленная сегодня,— отнюдь не воссоздание того сражения, каким оно было в действительности, а пьеса на базе устоявшейся традиции: все происходит так, как отложилось в воображении позднейших поколений.

И тут перед самым моим носом в землю, раздирая дерн, впился осколок железа. Я несмело протянул руку, решив проверить, каков он на ощупь, но отдернул, прежде чем дотронулся до него,— осколок пылал жаром. Не оставалось сомнений: если

бы он попал в меня, смерть была бы не менее достоверной и непоправимой, чем в настоящей битве.

Справа от меня оставалась рощица, где некогда атака конфедератов достигла наивысшей силы и захлебнулась, откатившись вниз по склону. Также справа, но у меня за спиной, должны были выситься кладбищенские ворота, массивные и безобразные,— впрочем, их было не различить за дымом. Несомненно, все здесь выглядело точно так, как в тот день сто с лишним лет назад, и все передвижения полков и более мелких отрядов соответствовали реальному расписанию, насколько оно было известно. Но, разумеется, многое так или иначе утратилось — разные мелкие подробности, о которых сыновья и внуки не знали или предпочли не знать, отлакировав их в памяти. Все, что сохранилось в достоверных свидетельствах о Гражданской войне или традиционно считалось достоверным, например «круглые столы», когда противники якобы раз в месяц встречались за ужином и спорили до хрипоты, безусловно, воспроизводилось и здесь, но в этой пьесе не найдется места событиям, о которых было некому рассказать, потому что никто из участников не пережил их.

Кромешный ад на поле битвы не прекращался и не слабел — лязг, грохот и звон, пыль, дымный туман и пламя. Я цеплялся за почву, которая, казалось, продолжает прогибаться подо мной. Я утратил способность слышать, и мне представилось даже, что такой способности у меня никогда не было и не будет, что ее вообще нет в природе и она мне попросту примерещилась.

По обе стороны от меня и передо мной тела, одетые в синее, стискивали землю в объятиях, прятались за валунами, жались к кучам кое-как наваленных железных прутьев, корчились в мелких, наспех выкопанных ямах, укрывались за каменными кладбищенскими оградами, убирая головы как можно ниже, но крепко сжимая ружья, торчавшие дулами вверх и в направлении, откуда палили неприятельские пушки. Люди ждали того часа, когда канонада прекратится и длинные цепи южан, маршировавших как на параде, начнут перебираться через низину и подниматься по склону.

Как давно началось это представление и сколько продолжалось? Я покрутил рукой, пододвигая запястье к глазам,— часы показывали одиннадцать тридцать. Что, конечно, было неверно, потому что канонада должна была начаться в час дня, а

может, и на несколько минут позже. И ведь я ни разу не догадался взглянуть на часы с тех самых пор, как меня зашвырнули на это дурацкое взгорье, и не в моих силах было судить о том, как течет здесь время в сравнении с нормальным земным и есть ли здесь вообще такое явление, как время.

В конце концов я решил, что с начала канонады прошло всего пятнадцать–двадцать минут, хотя, естественно, казалось, что много больше. В любом случае я был уверен, что, прежде чем пушки смолкнут, придется ждать еще очень долго. И я приготовился ждать, силясь уменьшиться в размерах, чтоб являть собой самую маленькую мишень, какая только возможна. Мне не оставалось ничего другого, кроме как ждать,— а впрочем, я уже начинал беспокоиться о том, что стану делать, когда канонада прекратится и цепь конфедератов попрет вверх по моему склону с боевыми красными стягами, плещущими на ветру, со штыками и саблями, сверкающими на солнце. Что мне делать, если кто-то из них устремится прямо ко мне со штыком наперевес? Безусловно, только бежать — если здесь найдется куда бежать, и ведь наверняка будут и другие бегущие, много бегущих, и наверняка одетые в синее офицеры и солдаты по ту сторону гребня весьма неодобрительно отнесутся к каждому, кто удирает с поля битвы. Однако о том, чтобы защищаться, для меня лично́ не могло быть и речи, даже если бы удалось каким-то образом раздобыть ружье: ружья вокруг были несуразными, каких свет не видывал, а уж как из них стрелять, я просто не догадывался. Вроде бы все они заряжались с дула — опыта обращения с подобным оружием у меня не было, мягко говоря, никакого.

Пелена над полем сражения сгустилась так, что затянула солнце. Дым заполнил низину, и толстый слой его плавал буквально над самыми головами тех, кто припал к склону перед строем рычащих унионистских батарей. Я смотрел вниз из-под этого слоя вместе со всеми, и мне чудилось, что я заглядываю в щелочку под свисающий сверху грязно-серый занавес, очень серый и очень грязный.

Внизу на склоне что-то шевельнулось — нет, не человек, кто-то гораздо мельче человека. Может, собачонка, подумалось мне. Оказалась между позиций и мечется... Нет, пожалуй, не собачонка, что-то более темное и пушистое. Похоже, очень похоже, что сурок. И я даже обратился к нему: «Послушай,

сурок, на твоем месте я бы нырнул обратно в нору и не высовывался оттуда, пока все не кончится...» Не думаю, чтобы я в самом деле произнес что-то вслух, но если бы и произнес, это не имело бы никаких последствий, потому что никто на свете, а тем более чокнутый сурок меня при всем желании не расслышал бы.

Сурок чуть-чуть посидел, а затем потопал по склону вверх ко мне, раздвигая траву.

Тут от дымного слоя отделился клочок и на минуту скрыл сурка. Батарея у меня за спиной продолжала стрельбу, только теперь мне казалось, что пушки не говорят в голос, а немощно пыхтят: их привычный рев совсем потерялся в визге и грохоте металла, в нарастающей лавине разрывов, заполнившей все небо. Из дымного облака, как тяжелые капли дождя, падали кусочки железа, а время от времени в дерн вгрызались и более основательные осколки, выплескивая в воздух фонтанчики земли.

Клочок дыма наконец рассосался. Сурок оказался намного ближе ко мне, и я понял, что это не сурок. Как я не узнал с первого взгляда эту остроконечную шляпу из волос и эти ушикувшинчики, остается для меня загадкой. Даже на расстоянии я обязан был догадаться, что рефери — не сурок и не собачонка.

А теперь я видел его совершенно отчетливо, и он пялился мне прямо в глаза, пялился с дерзким вызовом, как задиристый боевой петух, и как только понял, что я вижу его, поднял кривопалую верхнюю лапку и недвусмысленно показал мне нос.

Мне бы проявить выдержку. Можно бы разрешить ему идти своей дорогой. Можно бы не обратить на него внимания. Но вид этого нахаленка, возникшего ниоткуда, привставшего на кривых нижних лапах и показывающего мне нос, оказался просто непереносим.

Забыв обо всем, я вскочил и бросился к нему. И едва я сделал первый шаг, как меня настиг неотвратимый удар. Я не запомнил толком, что случилось. По черепу чиркнуло раскаленное железо. Внезапное головокружение, а затем падение вниз по склону, падение стремительное, молниеносное,— и все.

Глава 15

Казалось, я бесконечно долго карабкался сквозь пустынное царство тьмы — хоть глаза были плотно сжаты и я, в сущности, не знал, темно ли вокруг. Но вроде бы догадывался, что темно: я словно ощущал темноту кожей, что не мешало, впрочем, задумываться над тем, как же глупо будет открыть глаза и увидеть полуденное солнце. Так или иначе, глаз я не открыл. По какой-то причине — я не мог четко осознать ее, однако и одолеть не мог — мне думалось, что глаза должны быть закрыты, почти как если бы меня поджидало зрелище, запретное для смертных. И это тоже оставалось чистой воды вымыслом. Подкрепить подобное подозрение мне было положительно нечем. Пожалуй, это и было самое страшное: в моем распоряжении не было фактов, я очутился в темном мире без фактов, я карабкался в пустоте и сознавал при этом, что здесь еще недавно была прочность, была материя и жизнь, а ныне не осталось ни того ни другого.

Я карабкался и карабкался, полз вверх по склону, полз мучительно, еле-еле, не зная, куда ползу и зачем. И все же мне казалось, что я должен ползти, не могу не ползти, и не потому, что мне этого хочется, а потому, что нет выбора — все иные решения непредставимо ужасны. Я не помнил, кто я и что я, не догадывался, как попал сюда. Не исключено, что я всегда был здесь и от самого сотворения мира полз сквозь темноту по этому бесконечному склону.

Но постепенно я дополз до минуты, когда осознал кое-что новое,— руки нащупали почву и траву, колено отозвалось болью, когда я наткнулся на камушек и оцарапался о него, щека уловила прикосновение легкого прохладного ветерка, а ухо поймало звук, трепещущий посвист того же самого ветерка, перебирающего листву где-то над головой. Ощущений стало гораздо больше, чем раньше: окружающее меня царство темноты возвращалось к жизни. Я прекратил ползти и разлегся плашмя без движения, чувствуя каждой клеточкой, как земля отдает накопленное за летний день тепло. И понял, что тишину нарушают не только ветерок, играющий в листьях, а еще и неровный топот ног, и отдаленные голоса.

И я рискнул открыть глаза. Да, было темно, как я и предполагал, и все же не так темно, как могло бы быть. Невдалеке

виднелась небольшая рощица, а на гребне за рощицей, силуэтом на фоне звездного неба, торчала пьяная пушка — колесо осело, а жерло задралось к звездам.

Разглядев пушку, я вспомнил Геттисберг и узнал место, где лежу. Выходит, никуда я не полз, а оставался там же или почти там же, где имел глупость вскочить на ноги, когда рефери показал мне нос. Никуда я не полз, это только мерещилось в горячечном помрачении разума.

Я поднял руку к голове. Пальцы нащупали сбоку на черепе выпуклый скользкий рубец, а когда я их отнял, они оказались липкими. С грехом пополам я поднялся на колени, но вставать не спешил, прислушиваясь к своему самочувствию. Голову там, где я коснулся ее, немножко саднило, но ум работал ясно, меня не шатало и в глазах не двоилось. И я вроде бы сохранил достаточно сил. Вероятно, осколок задел меня по касательной, вспорол кожу да вырвал клок волос, только и всего.

Стало ясно, что рефери чуть не добился того, к чему стремился,— от смерти меня спасла ничтожная доля дюйма. Но интересно все-таки: неужто такую битву затеяли ради меня одного, ради того, чтоб поймать меня в ловушку? Или сражение разыгрывается периодически, повторяется снова и снова по расписанию? А может, ему суждено повторяться без конца до тех пор, пока жители моей страны не утратят интереса к эпохе Геттисберга?

Я встал на ноги, и они удержали меня, притом вполне уверенно, хотя где-то под ложечкой засело странное ощущение. Что бы оно значило? — подивился я и внезапно понял, что это самое обыкновенное чувство голода. Последний раз мне довелось поесть вчера днем, когда мы с Кэти обедали в придорожной закусочной у границ Пенсильвании. Вчера — если судить по моим часам, потому что откуда же было мне знать, как течет время на этом разрытом ядрами склоне. Я вспомнил, что обстрел здесь начался на два с лишним часа раньше, чем должно,— опять-таки судя по моим часам. Правда, историки до сих пор спорят, когда же точно раздался первый выстрел, но, безусловно, не раньше чем в час дня. Однако я тут же поправился: в данных обстоятельствах исторические уточнения не играют, в сущности, никакой роли. В этом перекошенном мире занавес может подняться в любую секунду, когда того пожелает режиссер.

Едва я сделал три шага вверх по склону, как споткнулся обо что-то лежащее на земле и полетел кубарем, еле-еле успев выставить руки перед собой, чтоб не расквасить лицо. Руки оказались полны песка и камешков, но это еще не худшее. Худшее наступило, когда я перевалился на бок, решив разобраться, что за препятствие подставило мне ножку. И чуть не задохнулся, когда разобрался,— и сразу заметил, что таких препятствий вокруг рассеяно много, очень много. Здесь на склоне, где две враждующие армии сошлись в рукопашной, кое-кто остался тихо лежать во тьме грудами тряпья, только легкий ветерок шевелил полы мундиров, словно напоминая, что хозяева этих мундиров недавно были живы.

Убитые, сказал я себе и тут же осекся; да нет, какие убитые, горевать не о ком, разве что в память о давних временах, когда здесь все происходило всерьез, а не в натужной постановке для слабоумных...

Мой старый друг размышлял об иной форме жизни. Возможно, более совершенной, чем наша. О том, что продолжающийся эволюционный процесс достиг нового значительного поворотного пункта. Пункт этот, вероятно, можно назвать силой мышления. Физическая составляющая абстрактного мышления обрела здесь, в этом мире, приют и вещественную форму, и форма способна жить и умирать (или притворяться умершей), а затем вновь становиться абстрактной силой, чтобы со временем вновь ожить и вновь обрести форму, ту же самую или совсем иную.

Что за бессмыслица, сказал я себе. Но ведь в таком случае бессмыслицей было все и всегда. Огонь был бессмыслицей, пока неведомый нам предок не приручил его. Колесо было бессмыслицей, пока кто-то его не придумал. Атом был бессмыслицей, пока любознательные умы не представили его себе и не доказали, что он существует (хотя, в сущности, так и не разобрались в нем досконально), и атомная энергия была бессмыслицей, пока однажды в Чикагском университете не возгорелся странный пожар, а чуть позже над пустыней не поднялся исполинский зловещий гриб.

Если эволюция представляет собой, как принято думать, беспрерывный процесс, направленный на то, чтобы привести жизнь в соответствие с изменениями окружающей среды, помочь ей совладать с ними, тогда этот новый гибкий, изменчивый род жизни означает, что эволюция близка к своему высше-

му достижению и окончательной, неоспоримой победе. Потому что жизнь, в основе своей не материальная, но способная, по крайней мере теоретически, принять любую материальную форму, может мгновенно приспособиться к любому окружению, справиться с любой экологической средой.

Какую же цель преследует эта новая жизнь? — задал я себе вопрос, лежа на поле битвы при Геттисберге в окружении мертвецов (можно ли назвать их мертвецами?). Но коли на то пошло, наверное, слишком рано искать в проявлениях этой жизни осознанную цель. Орды голых плотоядных обезьян, шастающие по Африке два с чем-нибудь миллиона лет назад, разумному наблюдателю со стороны показались бы лишенными осознанной цели в еще большей степени, чем диковинные обитатели этого мира.

Я снова поднялся на ноги и побрел вверх, мимо рощицы, мимо разбитой пушки — теперь мне было видно множество таких разбитых пушек,— и в конце концов поднялся на гребень и заглянул на его противоположный склон.

Представление все еще не кончилось. На самом склоне, на юг и на восток от него искрились костры, издали доносились звяканье упряжи и скрип повозок, а может быть, пушек на марше. Где-то на отшибе, в районе Круглых вершин, закричал мул.

А над всей сценой навис полог сверкающих летних звезд, и это, вспомнилось мне, явная ошибка в сценарии, поскольку после последней атаки на злосчастный склон обрушился сильный дождь и кое-кто из раненых, не способных передвигаться, не сумел отползти от вздувшегося ручья и захлебнулся. Это так и окрестили — «пушечная погода». Военные подметили, что вслед за жестоким сражением часто поднимается буря, и уверовали, что можно спровоцировать дождь артиллерийской канонадой.

Весь ближний склон был помечен темными бесформенными контурами мертвых солдат, попадались и мертвые лошади, но, удивительное дело, раненых словно не было совсем. Они не выдавали себя ни звуком, не было ни стонов, ни рыданий, неизбежных после каждой битвы, и уж тем более не было надрывных криков людей, обезумевших от боли. Не приходилось сомневаться, что раненых никак не могли успеть подобрать и вынести с поля битвы всех до одного — слишком мало времени прошло,— и я усомнился, были ли здесь вообще ра-

неные, не был ли исторический сценарий подвергнут цензуре, вычищен таким образом, чтобы раненых не осталось.

Достаточно было чуть вглядеться в смутные фигуры, распростертые на земле, чтобы ощутить исходящие от них безмолвие и покой, величие смерти. Никто не застыл неестественно и конвульсивно, все лежали в достойных позах, будто просто прилегли и заснули. Не было следов агонии и смертных мук. Даже лошади и те были лошадьми, прилегшими отдохнуть. Не было тел, вспухших от газов, не было нелепо вывернутых ног. Поле битвы в целом было учтивым, аккуратным, дисциплинированным и, пожалуй, слегка романтичным. Ясно было, что и здесь вмешались редакторы — и, наверное, не столько редакторы этого мира, сколько моего собственного. Именно такой воображали себе войну те, кто жил в эпоху Геттисберга, именно такой она осталась в памяти поколений, когда годы постепенно содрали с нее наслоения грубости, жестокости, страха, набросили на события плащ благородства и превратили войну в сагу о войне.

Я понимал, что действительность была другой. Я понимал, что на самом деле все происходило не так. И тем не менее когда я стоял на гребне, то почти забыл, что это всего лишь спектакль, ощутил величие бранной славы и предался чувству овеянной величием меланхолии.

Мул покричал и затих, и у одного из костров завели песню. Рощица у меня за спиной зашелестела листьями.

Вот он, Геттисберг, подумал я. Я ведь был здесь в иное время, в ином мире (или теперь попал в иной мир, каков бы он ни был и какие бы чуждые силы им ни управляли), стоял на этом самом месте и старался представить себе, как все это выглядело сто лет назад,— и вот я вижу, вижу своими глазами, по крайней мере какую-то часть минувшего.

Я принялся спускаться с холма, когда услышал голосок, окликнувший меня по имени:

— Хортон Смит!

Я поспешно обернулся на оклик, но в первую секунду не разглядел говорящего. Потом я увидел его — он уселся на сломанное колесо разбитой пушки. Я различил только его силуэт — заостренную головку, накрытую копной волос, и ушикувшинчики. Впервые за все эти дни он не прыгал в кипучей ярости, а сидел смирненько, словно и впрямь на насесте.

— Опять ты,— отметил я вслух.— Чего явился?

— Вы прибегли к помощи дьявола,— заявил рефери.— Вы снова поступили нечестно. Схватку с Дон Кихотом не следовало засчитывать в принципе, и только с помощью дьявола можно было уцелеть под канонадой...

— Допустим. Допустим, мне действительно помогал дьявол. Ну и что из того?

— Вы признаете это? — возбужденно переспросил он.— Признаете, что прибегли к его помощи?

— Ничего я не признаю,— ответил я.— Это ты утверждаешь так, а я просто не в курсе. Дьявол даже не заикался о том, что собирается мне помочь.

Он удрученно сник.

— Тогда, как видно, ничего не попишешь. Трижды испытан — заговорен. Таков закон, и я не вправе подвергнуть его сомнению, хотя,— добавил он зло,— очень хотелось бы. Вы неприятны мне, мистер Смит. Вы мне весьма неприятны.

— Вот уж чувство,— ответил я,— которое я разделяю.

— Шесть раз! — взвыл он горестно.— Это аморально! Это немыслимо! Никто никогда не выдерживал даже трех раз!..

Подойдя поближе к пушке, на которой он восседал, я смерил его откровенно ехидным взглядом.

— Если тебе от этого станет легче,— высказался я наконец,— сообщаю, что я не вступал в сделку с дьяволом. Я просил его замолвить за меня словечко, но он дал мне понять, что не может выполнить мою просьбу. Он сказал, что правила есть правила и не в его власти их изменить.

— Если мне станет легче! — завопил монстренок, пыхтя от негодования.— С чего это вам вдруг заботиться, чтобы мне стало легче! По-моему, это новый трюк. Еще один грязный человеческий трюк!

Я резко развернулся на каблуках и бросил:

— А пошел ты!..

И впрямь, чего ради блюсти вежливость с этим чучелом?

— Мистер Смит! — бросил он мне вдогонку.— Мистер Смит! Ну пожалуйста, мистер Смит!..

Я продолжал решительно спускаться с холма, не обращая на его призывы никакого внимания.

Слева от себя я заметил белеющий силуэт фермы, а вокруг нее ограду из кольев, такую же белую, но частично порушен-

ную. В окнах горел свет, на дворе били копытами привязанные кони. Вероятно, это был штаб генерала Мида, и вполне возможно, что сам генерал сейчас находился в штабе. Подойди я поближе, я бы мог, наверное, мельком увидеть его. Но я не подошел, а продолжал спускаться с холма. Потому что этот Мид не был настоящим Мидом — и ферма не была настоящей фермой, а разбитая пушка пушкой. Все это оставалось грубой подделкой, хотя и очень вещественной, настолько вещественной, что там, на гребне, я на мгновение ощутил дыхание подлинной истории, настоящего поля битвы.

Теперь до меня со всех сторон долетали невидимые голоса, а иной раз и звук шагов. Время от времени я даже смутно различал фигуры людей, перебегавших по склону, то ли с официальными поручениями, то ли, скорее всего, по своим делам.

Почва чуть было не ушла у меня из-под ног — склон круто падал, переходя в овраг. Ближний край оврага густо зарос деревцами, а под ними был разожжен походный костер. Я попытался обойти его, я не испытывал желания встречаться с кем бы то ни было, но упустил момент, и меня заметили. И то сказать, какие-то мелкие камешки сорвались у меня из-под ног и с шумом покатились в глубину оврага. Раздался громкий окрик. Я застыл как вкопанный.

— Кто идет? — повторил тот же голос.

— Друг,— ответил я. Я сознавал, что это глупый ответ, но ничего лучше не придумал.

Пламя костра осветило поднятый ствол мушкета.

— Слушай, Джед,— вмешался другой, протяжный голос,— ну чего ты психуешь? Мятежников поблизости нет, а если б и были, то уж постарались бы вести себя тихо-тихо...

— Хотел проверить, только и всего,— откликнулся Джед.— После нынешнего побоища к чему рисковать?

— Не волнуйтесь,— произнес я, приближаясь к костру.— Никакой я не мятежник.

Попав в круг света, я остановился и позволил им осмотреть себя. Их было трое — двое расположились на земле у костра, третий стоял с мушкетом в руках.

— Но вы, погляжу, и не из наших,— сказал стоявший. Очевидно, он и был Джед.— Кто вы, мистер?

— Меня зовут Хортон Смит. Я газетчик.

— Ну и ну,— заметил солдат с протяжным голосом.— Идите сюда, присаживайтесь к костру. Можем потолковать чуток, если не торопитесь.

— Нет, не очень тороплюсь,— ответил я.

— Мы вам про все расскажем,— сказал тот, кто еще не говорил.— Мы же были в самой гуще. Там, подле рощицы.

— Погоди-ка,— перебил протяжный голос.— Ничего нового мы ему не расскажем. Я видел этого джентльмена. Он сам был там, рядом с нами. По крайней мере был какое-то время, а может, и до конца. Я его видел, пока не припекло так, что стало не до него.

Я подошел к костру вплотную. Джед прислонил мушкет к сливовому деревцу и вернулся на свое прежнее место у огня.

— Мы тут решили поджарить себе бекона,— пояснил он, показывая на сковородку, установленную на углях сбоку от костра.— Если вы голодны, у нас хватит на всех...

— Нужно очень оголодать,— отозвался кто-то из двух других,— чтоб польститься на такую еду.

— Похоже, что я оголодал как следует,— подхватил я, вошел к ним в круг и опустился на корточки. Рядом со сковородкой, где жарилась свинина, дымился кофейник, и я вдохнул дразнящий аромат.— Мне случилось сегодня пропустить обед. Да, по правде говоря, и завтрак тоже.

— Тогда вы, может, и не побрезгуете,— сказал Джед.— У нас есть в запасе парочка галет, я смастерю вам сандвич.

— Только не забудь для начала,— вмешался протяжный,— тюкнуть галетой обо что-нибудь и выбить червяков. А то с непривычки сырое мясо может и не понравиться...

— Слушайте, мистер,— сказал третий,— сдается мне, вас нынче царапнуло...

Я коснулся раны на голове — когда я отнял пальцы, они были по-прежнему липкими.

— Да, меня сегодня выключили,— признался я.— Очнулся совсем недавно. Осколок, наверное.

— Майк,— обратился Джед к протяжному,— почему бы вам с Эйсой не обмыть ему голову и не поглядеть, глубока ли рана? А я нацежу кружку кофе. Может, ему на пользу пойдет.

— Да ладно,— сказал я.— Это и правда царапина.

— Все равно лучше поглядеть,— заявил Майк,— а потом, когда расстанемся, двигайте к дороге на Танитаун. Поверните

по ней на юг — найдете нашего полевого хирурга. Он порядочный мясник, но приложит вам какую-нибудь мазь, чтоб не омертвело.

Джед подал мне кружку кофе, который оказался крепок и горяч. Я едва прихлебнул его и обжег язык. А Майк тем временем мягко, как женщина, обмывал мне рану с помощью носового платка, смоченного водой из фляги.

— В самом деле царапина,— подтвердил он.— Содрало кусочек шкуры, только и всего. Но на вашем месте я бы все равно навестил мясника.

— Хорошо, навещу,— пообещал я.

Самое забавное в том, что не оставалось и тени сомнения: эти трое у костра всерьез верили в свои роли солдат-унионистов. Они не играли. Они жили той жизнью, что была им предложена. Возможно, они могли стать кем и чем угодно, вернее, сформировавшая их сила (если это сила) могла обернуться кем и чем угодно. Но как только сила обрела определенный материальный облик, они стали теми, кем стали, без каких бы то ни было оговорок. Пройдет немного времени, и их нынешний облик утратится, трансформируется в некую изначальную сущность, готовую к новым трансформациям, но пока этого не произошло, они были солдатами армии северян, недавно выдержавшими жестокую схватку на этом иссеченном ядрами гребне.

— Больше я ничего не могу сделать,— произнес Майк, усаживаясь на прежнее место.— Даже чистой тряпки и то нет, перевязать вас нечем. Но ничего, найдете дока, он укутает вас как надо.

— А вот и сандвич,— объявил Джед.— Я постарался выколотить всех ползунов. Думаю, мне это, в общем, удалось.

Галета была покрыта неаппетитным месивом и оказалась несусветно твердой, такой, как я и читал о галетах той поры, но я был голоден, а это была еда, и я ее проглотил. Джед приготовил сандвичи для остальных, и несколько минут мы жевали молча, не обмениваясь ни словом: такого рода пища требует от человека полной сосредоточенности. Тем временем кофе достаточно остыл, его стало можно пить, и галета стала казаться посъедобнее.

Наконец мы справились с едой, и Джед нацедил всем еще по кружке кофе, Майк вытащил старую трубку и долго шарил по карманам, пока не нашел довольно табачных крошек, что-

бы набить ее. Прикурил от головешки, бережно добытой из костра, и сказал:

— Газетчик, надо же! Из Нью-Йорка, наверное?

Я покачал головой. Нью-Йорк был слишком близко. Кто-нибудь из них, чего доброго, уже встречался с газетчиками из Нью-Йорка.

— Из Лондона. Газета «Таймс».

— А говорите, по-моему, не как британец,— заметил Эйса.— Ваши обычно так смешно бормочут...

— Просто я уже много лет как из Англии. Слоняюсь тут среди вас...

Разумеется, это никак не могло объяснить потерю британского акцента, но их это на время устроило.

— Говорят, в армии Ли тоже есть британец,— сказал Джед.— По фамилии Фримантл или что-то похожее. Может, вы его знаете?

— Слышал о нем,— поспешил откреститься я,— но лично не встречал.

Они, пожалуй, становились чересчур любопытными. Держались по-прежнему дружелюбно, но любопытствовали не в меру. К счастью, они не задержались на этой теме: было слишком много других, которые им тоже хотелось бы обсудить.

— Когда будете писать свою статейку,— осведомился Майк,— что вы намерены сказать о Миде?

— Ну, я еще не решил,— промямлил я.— Еще не успел как следует все обдумать. Конечно, здесь он провел прекрасную битву. Заставил южан пойти напролом. В первый раз сыграл их картами. Упорная оборона, и вот...

Джед сплюнул.

— Может, и так. Но нет у него блеска. Вспомните Мака — вот кто действительно воевал блестяще...*

— Блестяще, блестяще,— передразнил Эйса,— почему же нас под его началом всегда лупили? Честно скажу, недурно хоть разок почувствовать себя победителем.— Он взглянул сквозь пламя костра в мою сторону.— Как по-вашему, сегодня мы победили?

---

* Имеется в виду, по-видимому, Джордж Макклеллан, до 1862 года командир Потомакской армии северян, затем замененный генералом Бернсайдом. На президентских выборах 1864 года Макклеллан выступил соперником Авраама Линкольна, но потерпел поражение.

— Уверен, что победили,— ответил я.— Завтра Ли начнет отступление. Может, уже и начал.

— Кое-кто у нас думает иначе,— возразил Майк.— Я тут толковал с ребятами из Миннесоты. Они считают, что эти чокнутые повстанцы завтра начнут все сначала.

— Не думаю,— сказал Джед.— Сегодня мы перешибли повстанцам хребет. Черт побери, они поперли вверх по склону как на параде. Прямо на нас и прямо на пушки. И мы их смели, будто били на стрельбах по мишеням. Нам твердили, что их генерал Ли ловок и умен, но какой же умный генерал пошлет своих людей парадом по ровному склону прямо на пушки!..

— Бернсайд послал нас на пушки при Фредриксберге,— напомнил Эйса.

Джед опять сплюнул.

— Кто сказал, что Бернсайд — умный генерал? Никто никогда этого не утверждал.

Я допил кофе, быстро крутанул кружку, взбалтывая остаток, и выплеснул его в костер. Джед потянулся за кофейником.

— Спасибо, больше не надо,— сказал я.— Мне пора идти.

Идти мне вовсе не хотелось. Хотелось остаться здесь и убить еще час-другой в болтовне с тремя солдатами у костра. Здесь было тепло, удобно и вообще уютно.

Однако меня не покидало глубокое, серьезное подозрение, что мне надо сматываться отсюда как можно скорее. Подальше от этих солдат и от поля битвы, пока не случилось еще чего-нибудь. Железный осколок пролетел достаточно близко. Теоретически, конечно, я был уже вне опасности, но я не доверял этому миру и тем более не доверял рефери. Чем быстрее я выберусь из Геттисберга, тем лучше. Я встал:

— Спасибо за еду и кофе. Честно скажу, это было не лишнее.

— Куда вы теперь?

— Наверное, прежде всего надо бы разыскать вашего доктора.

— На вашем месте,— кивнул Джед,— я бы сделал именно так...

Я побрел прочь, ожидая с секунды на секунду, что они окликнут меня и вернут обратно. Но они не сделали этого, и я, спотыкаясь, стал спускаться в темный овраг.

В голове у меня, пусть вчерне, возникла полузабытая карта местности, и вскоре я принял решение, куда идти. Конечно,

ни о какой дороге на Танитаун не могло быть и речи — я остался бы чересчур близко к полю битвы. Я пересеку эту дорогу и пойду дальше на восток, пока не доберусь до Балтиморского тракта, а потом поверну по тракту на юго-восток. Хотя совершенно непонятно, о чем я размышлял и зачем. В этом таинственном мире одно направление, вероятно, ничуть не лучше другого. Да и, в сущности, куда мне было идти — я двигался без всякой цели. Дьявол заявил, что Кэти в безопасности, снова в мире людей, но и полусловом не намекнул, как человеку попасть отсюда к своим. И не так уж твердо я был убежден, что дьяволу можно верить в отношении Кэти. Он субъект изворотливый и вряд ли достоин доверия.

Добравшись до конца оврага, я вышел к долине. Впереди уже была заметна дорога на Танитаун. Там и тут горели костры, я обходил их стороной. И неожиданно наткнулся в темноте на теплое волосатое тело, приветствовавшее меня легким фырканьем. Я попятился и, прищурившись, разглядел лошадь, привязанную к уцелевшей железной оградке.

Лошадь шевельнула ушами и тихо заржала. Наверное, ее оставили тут давно, она была напугана одиночеством и определенно рада человеку. На ней было седло, и к оградке ее привязали по всем правилам, за повод.

— Привет, лошадка,— произнес я.— Как дела?

Она фыркнула, адресуясь, несомненно, ко мне. Я передвинулся и потрепал ее по шее. Она вывернула морду и попыталась ткнуться в меня носом.

Я отступил на шаг, осмотрелся — поблизости никого. Тогда я освободил поводья, накинул их ей на шею и, выпрямившись, с грехом пополам забрался в седло. Лошадь, по-видимому, была счастлива, что ее отвязали, и послушно шла, куда я ее направлял.

У дороги и на самой дороге стояла куча повозок, но я ухитрился проскочить мимо них незамеченным. Никто меня не окликнул, я пересек дорогу и погнал лошадь на юго-восток. Она пошла легкой рысью.

Нам повстречалось несколько маленьких групп солдат, тяжело бредущих куда-то, потом пришлось объезжать артиллерийскую батарею, но постепенно всякое движение замерло. В конце концов лошадь выбралась на Балтиморский тракт и поскакала по нему прочь от Геттисберга.

Глава 16

Несколько миль от Геттисберга — и дорога внезапно оборвалась. Как и следовало ожидать: ведь в горах Саут-Маунтинз, где мы с Кэти впервые познакомились с этим миром, сыскался один-единственный проселок и ничего похожего на настоящую дорогу. Балтиморский тракт и дорога на Танитаун, а может, и сам Геттисберг в этом мире служили всего-навсего декорациями для битвы, и довольно было отдалиться от поля сражения, чтобы нужда в декорациях отпала.

А как только дорога приказала долго жить, я оставил всякие попытки выбирать маршрут и предоставил лошади брести куда ей заблагорассудится. Если разобраться, не было вообще никакого смысла продолжать движение. Мест, куда я хотел бы попасть, здесь просто не было — но и останавливать лошадь я тоже не стал. По какой-то причине мне казалось, что чем дальше от Геттисберга, тем лучше.

И может, сейчас, мягкой летней ночью в седле под звездами, мне впервые с тех пор, как я попал в этот мир, выпал случай хорошенько подумать. Я перебирал в памяти одно за другим происшествия, что навалились на меня с минуты, когда я свернул на извилистую дорогу в Пайлот Ноб, и задавал себе множество вопросов по поводу каждого из них, а ответов по-прежнему не находил. Осознав это, я одновременно понял, что ищу ответов, которые удовлетворяли бы человеческой логике, а таких ответов нет, искать их — пустая затея. Перед лицом накопившихся у меня фактов не оставалось сомнений, что человеческая логика и происходящее просто не имеют между собой ничего общего. Нравится или не нравится, приходилось признать, хотя бы наедине с собой, что единственно возможные объяснения надо основывать на посылках, изложенных в рукописи моего друга.

Итак, есть некая область — и я угодил в нее,— где физическая составляющая воображения (термин очень неуклюжий, да что поделаешь) становится субстанцией, способной при известных условиях обращаться в материю, или подобие материи, или новую форму материи, не в наименовании суть. Я потратил немало времени, силясь вывести формулировку, которая действительно исчерпывала бы ситуацию и снижала число всяких «возможно» и «если» до разумных пределов,— но и такая

задача на поверку была безнадежной. В конце концов я ограничился тем, что окрестил мир, где нахожусь, Страной воображения — не бог весть что, но на данный момент сойдет, и ладно. Определение неточное и даже малодушное, но, может, кто-нибудь когда-нибудь предложит лучшее.

Страна эта, как ее ни назови, слеплена из всех фантазий, всех маскарадов, всех волшебных сказок и народных поверий, всех выдумок и традиций рода человеческого. По этой стране шествуют и бегают, в этой стране таятся все существа и коллизии, когда-либо порожденные неугомонным мозгом своевольных маленьких приматов. Здесь Санта Клаус (каждую ночь или только в ночь перед Рождеством?) мчится по небу в запряженных северными оленями санях. Здесь Икабод Крейн (каждую ночь или только в канун Дня всех святых?) гонит свою измученную клячу по каменистой дороге в отчаянной надежде достичь заветного моста прежде, чем Всадник без головы сумеет запустить в него притороченной к седлу тыквой*. Здесь Дэниэл Бун пробирается по лугам Кентукки с неизменным длинным ружьем наизготовку**. Здесь бродит славный Дедушка Песочник, а в его отсутствие злобные ухмыляющиеся твари танцуют джигу на заборе. И здесь повторяется битва при Геттисберге (вновь и вновь без остановки или только по специальному заказу?), но не та битва, что была на самом деле, а битва учтивая, облагороженная, почти бескровная, в какую ее превратило общественное мнение в последующие годы. И, вероятно, не только эта битва, но и многие другие — все великие беспощадные битвы, которые не утратили для нас значения, рассказы о которых вошли в традицию. Ватерлоо и Марафон, Шайло, мост Конкорд и Аустерлиц*** — а в грядущие годы, как только воспоминания перейдут в традицию, к ним добавятся безумные, оскорбляющие человеческое достоинство ме-

---

* Имеется в виду новелла Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной лощине», а точнее, ее мультипликационный вариант, включенный Уолтом Диснеем в цикл «Страшные сказки».

** Дэниэл Бун (1734–1820) — реальное историческое лицо, один из тех, кого в Америке называют пионерами. Участвовал в Войне за независимость и в бесчисленных стычках с индейцами, впоследствии стал героем книг, фильмов и комиксов.

*** Перечислены сражения разных стран и эпох, начиная с битвы греков с персами при Марафоне в 490 году до н. э. и кончая Шайло — кровопролитной схваткой северян и южан в Америке в апреле 1862 года.

ханические сражения двух мировых войн, Кореи и Вьетнама. И одновременно частью этой страны станут — может, уже стали — легендарные «громовые двадцатые» с их енотовыми шубами и долгополыми пиджаками, прикрывающими фляжки в заднем кармане брюк, с тупорылыми авто, гангстерами и пулеметами, заботливо уложенными в футляры от виолончелей.

Все это и многое другое, все образы и оттенки воображения, все безрассудство и остроумие, все шутовство и легкомыслие, все пороки и печали собрались здесь, в этом мире, лишь бы люди любой эпохи, от пещер до настоящего времени, обрисовали их в своем сознании с достаточной четкостью.

Разумеется, в холодном свете человеческой логики это выглядело помешательством, но вот оно, помешательство, окружает меня со всех сторон. Я ехал верхом по местности, которую язык не поворачивался назвать земной,— она была сказочной, застывшей под звездами, среди которых при всем желании нельзя было обнаружить ни одного созвездия, известного людям. Страна невозможного, где глупые поговорки обретали силу закона, где просто не оставалось места логике, поскольку сама страна была создана воображением, не признающим никакой логики.

Лошадка несла меня куда-то, переходя на шаг там, где почва была неровной, и пускаясь уверенной рысью, как только дорога позволяла ей это. Голова слегка побаливала, и когда я коснулся раны, пальцы были по-прежнему липкими, однако я нащупал образующийся струп и понял, что все в порядке. И вообще я чувствовал себя гораздо лучше, чем полагалось бы при данных обстоятельствах,— ехал и ехал без приключений по волшебной стране, замершей в сиянии звезд.

Честно признаться, я с секунды на секунду ожидал встречи с кем-либо из обитателей этого фантастического мира, но никто не показывался. Лошадь в конце концов отыскала тропу, утоптанную получше прежних, и опять перешла на рысь. За спиной осталось уже немало миль, в воздухе холодало. Изредка я видел вдалеке поселения, хоть и не мог разобрать, что они такое. Впрочем, одно из них определенно выглядело как форт, обнесенный частоколом, наподобие тех, что ставили пионеры, когда осваивали новые земли Кентукки. Случалось, что сквозь звездную темень пробивались какие-то огоньки, но тут уж и вовсе нельзя было догадаться, что они могли означать.

Внезапно лошадь резко остановилась. Совершеннейшее чудо, что я удержался в седле, а не вылетел по инерции ей через голову. Ведь она шла так ровно и беззаботно, почти как заводная, и вдруг неожиданно замерла, просто уперлась в землю копытами и встала. И навострила уши, затрепетала ноздрями, будто учуяв что-то во мраке впереди.

А потом она пронзительно заржала от ужаса, развернулась на задних ногах и, прыгнув с тропы вбок, бросилась бешеным галопом в лес, не разбирая дороги. Я остался в седле лишь потому, что успел лечь ей на шею и схватиться за гриву, и в этом мне опять повезло — если б я сидел выпрямившись, как прежде, какая-нибудь низко нависшая ветка непременно вышибла бы мне мозги.

Должно быть, лошадиный слух был значительно тоньше моего: только когда мы, забыв о тропе, понеслись по лесу, я различил позади хриплое мяуканье, переходящее в чавканье. Налетевший ветерок приобрел смрадный оттенок, а затем сзади послышался настойчивый треск и хруст — что-то огромное, неуклюжее, кошмарное ломилось сквозь кусты и деревья следом за нами.

Отчаянно цепляясь за гриву, я осмелился бросить взгляд назад и уголком глаза уловил размытый контур тошнотворно зеленой туши, движущейся за нами след в след.

Нежданно-негаданно — так быстро, что я не заподозрил неладного, пока оно не произошло,— и седло и лошадь вырвались из-под меня и испарились. Их не стало, словно никогда и не было; я камнем упал вниз, приземлился на ноги, но не удержался, опрокинулся на спину и проехал по глине добрый десяток футов до крутопадающего откоса, ну а тут уж покатился кубарем до самого низа. Я был ошарашен, но если расшибся, то не сильно — во всяком случае, я сумел подняться на ноги и встретить тошнотворно зеленое нечто, с шумом продирающееся по лесу, лицом к лицу.

В общем-то, я сразу понял, что случилось, понял совершенно ясно — этого следовало ожидать, к этому следовало приготовиться, но верховая езда казалась таким спокойным, таким обыкновенным занятием, что я позволил себе забыть про самый вероятный ее исход. Постановка-реставрация битвы при Геттисберге должна была прийти и пришла к концу. И там, на склонах и округлых холмах, больше не было ни уцелевших солдат, ни усеявших поле бесформенных тел, ни разбитых

пушек, ни расстрелянных ядер, ни боевых знамен и ничего другого — все исчезло в мгновение ока. Представление окончилось, актеров выгнали со сцены, декорации сломали, а поскольку моя лошадка тоже была частью реквизита, ее конфисковали.

И я остался в небольшой лощинке, укрывшейся в лесной чаще, один на один с преследующей меня омерзительной зеленью — она была зеленой, и мне впору было позеленеть от страшного гнилостного смрада, который она распространяла перед собой. Она мяучила яростнее прежнего, а время от времени чавкала и еще жутко взвизгивала, и визг ее проникал до самой глубины души. Я замер, не в силах отвести взгляд от этой зелени, и вдруг опознал ее — тварь, выдуманную Лавкрафтом*, вселенского пожирателя по кличке Древний, вынырнувшего из преданий исчезнувших племен, некогда изгнанного с Земли, но вернувшегося насытить свой мерзкий, чудовищный голод, способного не просто сдирать мясо с костей, а лишать воли к жизни, замораживая душу и разум, сковывая их безграничным ужасом.

Я ощутил этот ужас — волосы поднялись дыбом, внутри все сжалось и перевернулось, по телу разлилась слабость. Во мне не осталось почти ничего человеческого, но я ощутил еще и гнев, и уверен — именно гнев сохранил мне рассудок.

Проклятый рефери, выругался я про себя, грязная маленькая хитренькая вонючка!.. Он, конечно же, возненавидел меня и имел на то полное право, ведь я не только одолел его, притом не один раз, а дважды, я еще и показал ему спину, презрительно ушел, когда он, взгромоздившись на колесо разбитой пушки, умолял меня вернуться. Однако правила есть правила, сказал я себе, и коль скоро я играл в его игру до конца, то теперь по справедливости должен бы быть избавлен от дальнейших опасностей...

Зеленоватый свет накалился, стал тошнотно, смертельно зеленым, но разглядеть преследователя никак не удавалось. Трупный смрад усилился до того, что загустел в горле, заполнил ноздри, я попытался избавиться от него, вызвав рвоту, но ничего не вышло, разве что смрад теперь казался еще гуще, еще отвратительнее.

---

* Говард Филипс Лавкрафт (1890–1937) — американский писатель, питавший пристрастие к жанру «черной фантастики».

А затем я внезапно увидел его — увидел не слишком четко, чернота древесных стволов дробила контур, разбивала его на куски. И все же я увидел достаточно, чтобы ужас преследовал меня до конца моих дней. Вообразите себе чудовищно распухшую жабу, добавьте к ней чуток стреляющей языком ящерицы и что-то гадостное от змеи, и у вас появится отдаленная, слабенькая идея о том, как выглядит Древний. На деле все было хуже, много хуже — эта тварь просто не поддавалась описанию.

На ватных от ужаса ногах, задыхаясь и давясь рвотой, я все-таки попытался бежать — но едва сделал первый шаг, как земля подо мной провалилась и я рухнул лицом вниз. Упал на что-то твердое, ободрал лицо и ладони, да и ударился так, что как минимум расшатал себе зуб. Однако смрад исчез, и зеленоватый отсвет исчез, а когда я с грехом пополам приподнялся, то понял, что исчез и лес.

Поверхность, на которую я свалился, была залита бетоном, и тут меня пронзил новый страх. Что это — взлетно-посадочная полоса? Сверхскоростная автострада?

Длинная бетонная лента уходила от меня вдаль, и я глядел на нее тупо и озадаченно. Да, я очутился на середине автострады, но опасности не было. Не было машин, с ревом мчащихся на меня на сумасшедшей скорости. Вернее, машины были, но ни одна не двигалась. Они просто застыли на бетонном полотне и ни с места.

Глава 17

Потребовалось немало времени, прежде чем я начал что-то соображать. Первым делом я испугался оттого, что стою посередине скоростной автострады. Что это автострада, я понял моментально — широкие бетонные полосы, между ними разделитель, поросший травой, а по бокам вьется прочный стальной забор, ограждающий движение от помех. Потом я отдал себе отчет, что машины, все до одной, замерли без движения, и это был настоящий шок. Одиночная машина, съехавшая с бетона и стоявшая на обочине с поднятым капотом, не представляет собой ничего особенного. Но когда таких машин десятки, это, согласитесь, совсем другое дело. И главное — ни в машинах, ни возле них не было людей, никого не было.

Одни машины, пустые и неподвижные, некоторые с поднятыми капотами, хотя не все, далеко не все. Словно машины в одну секунду вышли из строя и катились по инерции, пока не остановились. И не только те, что поблизости,— точно такая же картина в обе стороны, вверх и вниз по шоссе. Сколько хватает глаз, везде застывшие машины, сжимающиеся в черные точки на отдалении.

И лишь теперь, лишь когда я осознал и кое-как переварил зрелище застывших машин, до меня дошло самое очевидное, то, что следовало бы уразуметь с первого же мгновения. Я снова очутился на моей родной земле! Я больше не был пленником странного мира Дон Кихота и дьявола!

Если бы меня не отвлекли машины, я, наверное, ощутил бы себя счастливейшим из смертных. Но машины озадачили меня так, что все другие чувства на время как бы выключились.

Я подошел к машине, что была ближе всех, и присмотрелся. Дорожная карта и пачка туристских проспектов на переднем сиденье, термос и свитер в углу заднего. В пепельницу воткнута трубка. Ключей зажигания на месте нет.

Вторая машина, третья, четвертая. То тут, то там — брошенный багаж, будто хозяева отлучились за помощью в твердом намерении вернуться.

Солнце уже поднялось довольно высоко над горизонтом, утро становилось по-настоящему теплым.

Вдалеке, ближе к горизонту, над шоссе повисла эстакада — тонкая линия, затуманенная расстоянием. Надо думать, там перекресток, и я смогу сойти с автострады. Я пустился в путь в утренней тишине. За забором меж деревьями вились какие-то птицы, но и они молчали.

Итак, я снова дома, сказал я себе, и Кэти тоже, если позволительно верить дьяволу... Но где она? Скорее всего, в Геттисберге, в безопасности у родителей. Только бы добраться до телефона, пообещал я себе, сразу позвоню и выясню все доподлинно...

Я миновал изрядное число замерших машин, но больше не удостоил вниманием ни одну из них. Важно было единственное — выбраться с автострады и найти кого-нибудь, кто объяснил бы мне, что происходит. Наконец мне попался дорожный знак с обозначением «автострада 70», и я разобрался, где нахожусь,— в штате Мэриленд, где-то между городом Фреде-

рик и Вашингтоном. Выходит, лошадка за ночь одолела солидную дистанцию — естественно, в том случае, если география того мира повторяет географию нашего.

На указателе перед перекрестком я прочел название поселка, о котором никогда и не слышал. Втащился наверх, на узкую поперечную дорогу, обнаружил станцию обслуживания, но двери оказались на запоре и вообще все вокруг вымерло. Еще немного, и я очутился на окраине поселка. У тротуаров стояли машины, однако движение замерло и здесь. Я ввалился в первое же заведение, какое мне встретилось,— маленькое кафе, сложенное из бетонных блоков и выкрашенное в болезненно-желтый цвет.

Центр зала занимал большой обеденный стол. Посетителей не было, хоть откуда-то из-за стены доносился звон кастрюль. Стойку украшал большой кофейник, под ним горел огонь, по залу плыл аромат кофе. Я опустился на стул, и в зал немедля вышла неряшливо одетая тетка.

— Доброе утро, сэр,— произнесла она.— Раненько же вы поднялись...— Достав чашку и наполнив ее из кофейника, она поставила кофе передо мной и осведомилась: — Закажете что-нибудь еще?

— Яичницу с беконом,— ответил я,— а если вы дадите мне мелочи, то, пока вы готовите, хотелось бы позвонить по телефону...

— Мелочь-то я вам дам, только толку не будет. Телефон не работает.

— Что, испортился? Может, где-нибудь поблизости есть другой телефон?

— Вы меня не поняли. Не работает ни один телефон. Вот уже два дня, с той самой минуты, как остановились машины.

— Машины-то я заметил...

— Ничего не работает,— пожаловалась она.— Просто не знаю, что с нами будет. Ни радио, ни телевидения. Ни машин, ни телефона. А что прикажете делать, когда выйдут припасы? Ну, яйца и цыплят можно купить у фермеров. Сынишке придется ездить к ним на велосипеде, да это бы ладно, в школе занятия все равно уже кончились. А когда у меня кончится кофе, сахар, мука и все остальное? Грузовиков-то нет. Остановились так же, как и легковые...

— Вы уверены? — спросил я.— То есть насчет машин. Вы уверены, что они остановились не только здесь, но повсюду?

— Ни в чем я не уверена,— отозвалась тетка.— Кроме того, что не видела ни одной машины на ходу вот уже целых два дня.

— Два дня? Это точно?

— Что уж точно, то точно. Лучше я пойду сготовлю вам завтрак...

И тут меня осенило: а что, если случившееся — именно то, что имел в виду дьявол, заявивший мне, что у него есть определенные планы? Правда, когда мы с ним сидели на Кладбищенском гребне, звучало это так, будто планы еще разрабатываются,— а на деле, выходит, он уже пустил их в ход. Вполне возможно, все началось в тот самый миг, когда машина Кэти слетела с автострады и очутилась в призрачном мире воображения. Все другие машины заглохли и катились по инерции, пока не встали, а ее машину перекинули на тот убогий проселок на взгорье. Мне вспомнилось, что когда Кэти попыталась завести мотор сызнова, он не пожелал заводиться.

Но как можно осуществить такое? Как можно разом вывести из строя все машины до единой, чтобы они прокатились ровно столько, сколько сумеют, и больше не завелись?

Заклятие, ответил я себе, более чем вероятно, это заклятие... Хотя едва я сформулировал эту мысль, сама идея представилась мне немыслимой.

Да, она была немыслимой в моем мире, в том, где я сидел и ждал завтрака, который готовила тетка на кухне. А в мире дьявола такая идея, вероятно, вовсе не была немыслимой: там заклятие могло стать прочным, укоренившимся принципом, столь же веским, как физические и химические законы моего мира. Ведь принцип заклятия множество раз утверждался в волшебных сказках, в древнем фольклоре, да и в бесчисленных фантастических повествованиях, сочиняемых вплоть до наших дней. И люди некогда верили в него всерьез, и потом в течение долгих лет многие отнюдь не сумасброды явно испытывали почтение к давним предрассудкам, никак не желали расстаться с ними, а кое-кто, пожалуй, полуверит в них и сегодня. Разве мало людей предпочтут сделать крюк, лишь бы не пройти под приставной лестницей? Разве мало тех, кто чувствует неприятный холодок, если черная кошка перебежит дорогу? Разве редки те, кто втайне ото всех и сегодня носит с собой кроличью лапку, а если не лапку, то иной

амулет, например монетку или какой-нибудь дурацкий значок? Разве редки те, кто на досуге все еще ищет клевер в четыре лепестка? Может, это делается не вполне серьезно или даже с самоиронией, призванной прикрыть несовременное поведение, однако поступки таких людей сами по себе выдают живущие в них страхи, уцелевшие с пещерных времен, вечное человеческое стремление защититься от невезения, черной магии, дурного глаза — как ни называй подобные вещи, суть не меняется.

Дьявол изволил жаловаться, что простенькие, бездумные пословицы доставляют его миру много хлопот, поскольку трактуются там как законы и принципы. И уж если в мире дьявола руководством к действию стала такая бессмыслица, как «трижды испытан — заговорен», то в потенциальной силе обыкновенного заклятия даже сомневаться не приходится.

Ну хорошо, заклятия действуют там, но каким образом возможно распространить их на наш собственный мир, где физические законы вроде бы должны успешно им противостоять? Хотя, коль на то пошло, идея заклятия рождена не кем-нибудь, а самим человеком. Человек измыслил заклятия, а затем передал их в пользование другому миру, и если теперь другой мир обернул их и использовал против нас, то мы этого по справедливости заслуживаем.

Разумеется, с точки зрения логики, общепринятой среди людей, все мои рассуждения — сущая белиберда, но машины, замершие на автострадах, неработающие телефоны, умолкшее радио и погасшие телевизоры — не белиберда, а беспощадная реальность. Можно сколько угодно отрицать действенность заклятий, но оглянись вокруг и убедишься, что они действуют, еще как действуют.

Вот уж ситуация, сказал я себе, нарочно не придумаешь... Если машины не заводятся, если поезда не движутся, если связи нет и не предвидится, страну буквально через неделю ждет катастрофа. Без транспорта и связи заскрежещет, содрогнется и замрет вся национальная экономика. В городских центрах неизбежно скажется нехватка продуктов, тем более что население примется в спешке скупать их про запас. Многим не хватит, и голодные толпы ринутся из городов в поисках пищи во всех направлениях, где есть надежда ее найти.

Не приходилось сомневаться, что уже сейчас налицо первые признаки паники. Столкнувшись с неизвестностью, при

отсутствии привычного потока информации, люди пускают в ход домыслы и слухи. Через день-другой, подогретая этими слухами, паника достигнет ошеломляющих масштабов.

Похоже, что роду человеческому нанесен удар, от которого, если не принять каких-то ответных мер, он может и не оправиться. Сложное общественное здание в нынешнем его виде во многом опирается на средства быстрого передвижения и мгновенной связи. Уберите эти две опоры — и все хрупкое здание, вероятно, тут же развалится на куски. Через месяц от него, вчера еще горделивого, просто ничего не останется. Человек будет отброшен вспять, к состоянию варварства, и страну наводнят кочующие орды, отчаянно ищущие хоть каких-то средств к существованию.

В моем распоряжении был не слух, а точный ответ — я знал, что произошло, но, конечно же, понятия не имел, что теперь предпринять. Да и тот ответ, которым я располагал, если разобраться, тоже никого не устроит. Мне никто не поверит, а скорее всего, никто даже не наберется терпения, чтобы выслушать меня толком. Подобная ситуация не может не породить кучу полоумных объяснений, и мой рассказ займет место в том же ряду — еще одно полоумное объяснение.

Тетка высунула голову из кухни и спросила:

— Я вас раньше не видела. Вы, наверно, приезжий? — Я кивнул, и она продолжала: — Тут теперь много приезжих. Все с автострады. Кое-кто за тридевять земель от дома, и теперь им никак не попасть обратно.

— Железные-то дороги, должно быть, действуют...

Она покачала головой:

— Не думаю. До ближайшей миль двадцать, и люди говорят — поезда тоже не ходят.

— А где мы сейчас находимся?

Тетка смерила меня подозрительным взглядом:

— Сдается мне, вы с луны свалились, ничего ни о чем не знаете.— Я промолчал, и она в конце концов сообщила то, что мне было нужно: — Вашингтон в тридцати милях отсюда.

— Спасибо,— сказал я.

— Неблизкая прогулочка, особенно в такой денек. Ближе к вечеру будет настоящее пекло. Вы и правда собрались идти пешком до самого Вашингтона?

— Не исключено,— отозвался я, и она вернулась на кухню.

Значит, до Вашингтона тридцать миль. А до Геттисберга сколько получится — шестьдесят или больше? И нет никакой уверенности, напомнил я себе, что Кэти в Геттисберге...

Надо решать — Вашингтон или Геттисберг?

В Вашингтоне, конечно же, есть люди, которым следовало бы узнать, которые вправе узнать то, что я могу рассказать, однако крайне сомнительно, что они пожелают меня слушать. У меня в Вашингтоне есть друзья, в том числе и на высоких постах, и еще больше добрых знакомых, но найдется ли среди них хоть один, кто выслушает меня с вниманием? Я перебрал в уме десяток кандидатов и не обнаружил среди них ни одного, кто отнесся бы ко мне всерьез. Прежде всего они просто не посмеют себе этого позволить, не захотят стать мишенью вежливых насмешек, неизбежных в случае, если кто-то попытается поверить мне хоть отчасти. Приходилось прийти к выводу, что в Вашингтоне я не добьюсь ничего, сколько бы ни колотился головой о каменные стены.

С учетом такого вывода, и все мои чувства кричали об этом в голос, мне следовало со всех ног броситься туда, где Кэти. Раз уж мир готов развалиться ко всем чертям, нам лучше быть вместе, когда это случится. Она единственная знает то же, что и я, она единственная способна понять уготованные мне муки, единственная, кто отнесется ко мне с симпатией, и если будет в силах, то поможет.

Хотя нет, в душе моей было нечто большее, чем надежда на симпатию и помощь. Во мне жило воспоминание о том, как она прильнула ко мне, излучая обаяние и теплоту, каким счастьем засветилось ее лицо, когда она глянула на меня в отсветах ведьминого очага. Вот так, подумалось мне, после всех лет скитаний, после женщин дальних заморских стран оказывается, что мне нужна Кэти. Меня потянуло на землю моего детства, я не был уверен, что поступаю правильно, не знал, что я там найду, а оказывается, там была Кэти...

Тетка поставила передо мной яичницу с беконом, и я принялся за еду. И тут, во время еды, меня посетила нелогичная мыслишка, прокралась исподтишка и завладела мной не спросясь. Я старался отогнать ее — ведь она была безрассудной, ее нельзя было обосновать. Но чем настойчивее я гнал ее, тем упорнее она возвращалась и укреплялась во мне. Я все яснее подозревал, что найду Кэти не в Геттисберге, а в Вашингтоне

у ограды Белого дома, что она ждет меня, подкармливая тамошних белок.

Несомненно, мы толковали с ней о белках в тот вечер, когда я провожал ее домой, но кто из нас завел этот разговор и как вообще это было? Нет, я не мог припомнить ничего, кроме того, что разговор действительно имел место,— и я положительно был уверен, что в том разговоре не было ни словечка, которое могло бы навести меня на нынешнюю мысль. Но вопреки всему я продолжал пребывать в глубоком, неподвластном мне убеждении, что найду Кэти у Белого дома. Хуже того, убеждение это постепенно смешалось с уверенностью в неотложности дела. Я чувствовал, что обязан попасть в Вашингтон как можно скорее, иначе я ее упущу.

— Мистер,— подала голос тетка из-за стойки,— где это вы расцарапали себе лицо?

— Упал,— отозвался я.

— И на голове у вас здоровая ссадина. Смотрите, как бы не воспалилась. Вам бы к врачу наведаться.

— Некогда мне,— огрызнулся я.

— Тут в двух шагах живет старый док Бейтс. Больных у него немного, очереди не будет. Он не бог весть что, старый док, но уж со ссадиной-то управится...

— Да не могу я. Мне правда надо в Вашингтон, не теряя ни минуты. Не могу я задерживаться.

— Знаете, у меня на кухне есть йод. Я могу и сама промыть ссадину и смазать йодом. Наверное, найдется и чистое полотенце для перевязки, чтоб грязь не попадала. Нельзя вам шляться с эдакой ссадиной, занесете инфекцию...— Я знай себе ел, она смотрела на меня, потом добавила: — Не думайте, мистер, мне это нетрудно. И я знаю, как это делается. Я в свое время сестрой работала. Должно быть, мозгами тронулась, когда променяла профессию на такую вот забегаловку...

— Вы говорили, у вашего сынишки есть велосипед,— перебил я.— Слушайте, а он не согласится продать его?

— Ну, не знаю. Штуковина вроде отслужила свой срок и немногого стоит, да и нужна ему, чтоб ездить за яйцами...

— Я дам за велосипед хорошую цену,— настаивал я.

— Спрошу у него,— поколебавшись, сказала она.— Но мы с вами можем ведь продолжить разговор на кухне. Я поищу йод. Ну не могу я позволить вам уйти отсюда с разодранной головой...

Глава 18

Тетка предсказывала, что день превратится в пекло, и была права. Волны жары, отражаясь от бетонного покрытия, катились мне навстречу. Небо сверкало, как латунная чаша, воздух обжигал, и не было ни ветерка, чтобы хоть шевельнуть его.

Поначалу велосипед доставил мне несколько неприятных минут, но уже две-три мили спустя тело начало припоминать навыки, запрограммированные с детства, и я стал управляться с педалями довольно уверенно. Ехать было, может, и нелегко, но, разумеется, легче, чем идти пешком,— и разве у меня оставался выбор?

Я сказал тетке, что дам за велосипед хорошую цену, и она поймала меня на слове. Сто долларов — почти все деньги, какие у меня были. Сто долларов за допотопную железяку, скрепленную на живую нитку проволочками и случайными винтиками! Красная цена ей была — десятка, но тут уж либо плати, либо отправляйся на своих двоих, а я спешил. И если нынешнее положение вещей продержится и дальше, добавил я себе в утешение, я, пожалуй, даже не переплатил. Если б у меня не отобрали лошадку, я оказался бы обладателем ценнейшей собственности. Будущее, как оно складывается, принадлежит лошадям и велосипедам...

Автострада была забита брошенными машинами и грузовиками, кое-где среди них торчали автобусы, а люди не попадались. У тех, кто застрял в отказавшем транспорте, было более чем достаточно времени убраться с дороги. Картина оставляла гнетущее впечатление, словно все эти машины были живыми существами, а теперь их убили и бросили на месте убийства,— да и сама автострада недавно была живой, полной шума и движения, и вот лежит бездыханная.

Я крутил и крутил педали, то и дело отирая рукавом рубашки пот, стекавший в глаза, и мечтая о глотке воды,— и в конце концов понял, что добрался до пригородов.

Тут, конечно, были люди, но движение замерло, как и всюду. На улицах попадалось немало велосипедистов, я встретил и смельчаков, взгромоздившихся на роликовые коньки. Самое потешное на свете зрелище — джентльмен в безупречном костюме, с деловым чемоданчиком в руке, бегущий на роликовых коньках, но старающийся не уронить своего досто-

инства. Выбор у людей был невелик — либо ничего не делать и молчаливо ждать, усевшись на бровке тротуара, на крылечке, на лужайке подле дома, либо пытаться с упорством отчаяния придерживаться прежнего распорядка дня.

Потом я спешился у сквера, типичного вашингтонского сквера со статуей в центре, скамейками в тени деревьев, со старушкой, пришедшей покормить голубей, и фонтанчиком для питья. Надо ли говорить, что меня привлек фонтанчик. Долгие часы я накручивал педали под палящим солнцем, и язык иссох до того, что рот казался наполненным ватой. Однако остановка не затянулась; напившись и чуть отдохнув на скамейке, я вновь уселся на велосипед и тронулся в дальнейший путь.

Приблизившись к Белому дому, я еще издали заметил собравшуюся возле него толпу. Толпа стояла полукругом, не только заполнив тротуары, но и выплеснувшись на мостовую, и все безмолвно пялились в одну точку, похоже, на кого-то, кто держался ближе к ограде.

Кэти! — подумал я. Это же было в точности то место, где я и надеялся ее увидеть. Но что они все на нее уставились? Что еще стряслось?

Нажав на педали, я добрался до края толпы и соскочил с седла. Велосипед повалился набок, а я кинулся в самую гущу, работая плечами и локтями. Люди сердито огрызались, кто-то орал на меня, кто-то толкался в ответ. Не обращая внимания на тычки и окрики, я пробивался в первые ряды и наконец пробился. И увидел.

Нет, это была не Кэти. Это был тот, кого, пораскинь я умом, я и должен был здесь увидеть,— старина Ник, его сатанинское величество, дьявол собственной персоной.

Наряд у него остался без изменений: непристойное его брюхо все так же перевешивалось через грязную тряпку, видимо отвечавшую его понятиям о минимуме приличий. Зажав хвост в правой руке, он ковырялся в грязных зубах, используя кисточку как зубочистку. Небрежно привалился к ограде, упер раздвоенные копыта в пересекшую бетон трещину — и сверлил, сверлил толпу плотоядными глазками, намеренно доводя ее до исступления. А заметив меня, немедля выпустил хвост и, сделав шаг-другой вперед, обратился ко мне как к закадычному приятелю, которого, собственно, и поджидал.

— Привет герою! — протрубил он, быстро двигаясь мне навстречу и раскрывая объятия.— С возвращением домой! С возвращением не откуда-нибудь, а из Геттисберга! Я вижу, вы ранены. Но где, хотел бы я знать, вы раздобыли прелестную повязку, которая вам столь к лицу?

Он и впрямь чуть не обнял меня, но я уклонился. Я был раздражен: как это он посмел оказаться там, где я рассчитывал встретить Кэти?

— Где Кэти? — спросил я без обиняков.— Я думал увидеть ее здесь...

— А, маленькую девицу! — весело откликнулся он.— Оставьте свои опасения. Она в безопасности. В большом белом замке на вершине. Над ведьминым постоялым двором. Вы, надо думать, помните замок?

— Значит, вы мне солгали! — задохнулся я от ярости.— Вы же заверяли меня...

— Ну и солгал,— ответил он, разведя руки в знак того, что это не имеет для него ровно никакого значения.— Лгать — один из моих самых мелких пороков. И что за невидаль маленькая ложь между добрыми друзьями! Кэти в полной безопасности, покуда вы со мной заодно...

— Это я-то с вами заодно! — возмущенно воскликнул я.

— Вы же хотите, чтобы ваши драгоценные машины покатились, как прежде? Хотите, чтобы радио бормотало, а телефоны трезвонили?

Толпа беспокойно зашевелилась и начала смыкаться вокруг нас. Может, они и не понимали, что происходит, но навострили уши, едва дьявол упомянул про машины и радио. Впрочем, он не удостоил толпу вниманием.

— Однако вы и впрямь можете стать героем. Вам посильно осуществить переговоры. Посильно вступить в контакт с важными шишками...

Мне вовсе не хотелось становиться героем. Инстинкт подсказывал, что толпа вот-вот сделается неуправляемой.

— Мы войдем внутрь,— изрек дьявол,— и проведем с ними разговор начистоту.

И, не оборачиваясь, ткнул пальцем через плечо, указывая на Белый дом.

— Не можем мы войти туда,— сказал я.— Нельзя просто так взять и войти туда с улицы...

— Но у вас же есть аккредитационная карточка!

— Конечно есть. Но она вовсе не означает, что я могу войти в Белый дом в любой момент, когда мне заблагорассудится. В особенности с таким компаньоном...

— Вы что, не можете попасть в Белый дом?

— Во всяком случае не так просто, как вы себе представляли.

— Послушайте,— почти взмолился он,— вы должны вступить с ними в переговоры. Вы способны подобрать подобающие выражения, вы владеете протоколом. Я не смогу ничего добиться без вашей помощи. Они не станут меня слушать.

Я покачал головой. От ворот Белого дома отделились двое охранников и двинулись по тротуару в нашу сторону. Дьявол проследил за моим взглядом и осведомился:

— Что, неприятности?

— Вероятно, да,— ответил я.— Охрана, должно быть, уже успела позвонить в полицию. Да нет, конечно, позвонить они не могли, но догадываюсь, что послали кого-нибудь за полицией. Чтоб упредить назревающие беспорядки...

Дьявол приблизился ко мне и произнес уголком рта:

— Только столкновения с полицией мне недоставало...— Он вытянул шею, чтоб получше разглядеть охранников, которые целеустремленно вышагивали, направляясь, несомненно, к нам. Тогда он схватил меня за руку.— Давайте уберемся отсюда...

Удар грома — и мир ушел у меня из-под ног, его скрыл мрак, заполненный ревом ураганных ветров. И вдруг мы очутились в большой комнате. Центр комнаты занимал длинный стол, а вокруг стола сидело много народу во главе с президентом Соединенных Штатов.

В ковре на полу была прожжена дыра, от нее поднимались струйки дыма. Я стоял рядом с дьяволом. Воздух загустел от запаха серы и тлевшей ткани. В комнату вели две двери, и кто-то отчаянно барабанил по ним снаружи.

— Будьте любезны сообщить им,— произнес дьявол,— что сюда все равно не попасть. Боюсь, что двери заклинило.

Человек со звездами на плечах вскочил на ноги, и комната содрогнулась от его разъяренного рыка:

— Это еще что такое?

— Генерал,— ответствовал дьявол,— пожалуйста, сядьте на место и постарайтесь вести себя, как подобает военному и джентльмену. Обещаю, что никто не пострадает.

В подтверждение своих слов он свирепо помахал хвостом.

Я быстро оглядел комнату, проверяя первое свое впечатление, и оно оказалось правильным. Мы угодили прямо на заседание кабинета, а может, и нечто большее, чем заседание кабинета, потому что тут были не только министры, а и директор ФБР, и глава ЦРУ, и несколько высших военных чинов, и еще какие-то сумрачные личности, которых я не узнал. У стены поставили ряд дополнительных кресел, и на них расположилась группа весьма серьезных, по-видимому, ученых гостей.

Кто бы мог подумать, мелькнула мысль, мы таки добились своего!..

— Хортон,— обратился ко мне госсекретарь, не повышая голоса и нисколько не волнуясь (он не умел волноваться),— что вы здесь делаете? Мне говорили совсем недавно, что вы ушли в отпуск...

— Я действительно ушел в отпуск,— ответил я,— только отпуск оказался непродолжительным.

— Вы, конечно, уже слышали про Фила?

— Да, я слышал про Фила.

Генерал опять вскочил на ноги — в отличие от госсекретаря он был взволнован до крайности.

— Тогда,— рявкнул он,— может, государственный секретарь соблаговолит объяснить мне, что происходит?

Снаружи по-прежнему барабанили, и даже громче, чем раньше. Словно ребята из секретной службы старались взломать двери, используя столы и стулья.

— Все это очень необычно,— промолвил президент спокойным тоном,— но поскольку джентльмены уже здесь, можно догадаться, что они явились сюда с определенной целью. Предлагаю выслушать их, а затем вернуться к нашему обсуждению.

Разумеется, ситуация сложилась нелепая, и мной завладело ужасное подозрение, что я так и не выбрался из Страны воображения и что все вокруг, включая президента, и членов его кабинета, и остальных,— не более чем бредовая пародия, годная разве что для комикса.

— Полагаю,— обратился президент ко мне,— что вы Хортон Смит, хотя, признаться, я бы вас не узнал.

— Я был на рыбалке, мистер президент,— ответил я,— и не успел переодеться.

— О, ничего страшного,— заверил президент.— Мы тут не склонны придерживаться формальных церемоний. Но я не знаю вашего друга.

— Не уверен, сэр, что он мой друг. По собственному его заявлению, он дьявол.

Президент глубокомысленно кивнул:

— Так я и подумал, хоть это представляется весьма театральным. Но если он в самом деле дьявол, что он здесь делает?

— Я явился,— сообщил дьявол,— обсудить взаимовыгодное соглашение.

Министр торговли оказался догадливым:

— Относительно наших проблем с машинами?

— Что за безумие! — воскликнул министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения.— Я вижу это собственными глазами и все-таки говорю себе, что этого не может быть! Даже если бы дьявол действительно существовал...— Он запнулся и обратился ко мне: — Мистер Смит, уж вам-то прекрасно известно, что так не делается...

— Конечно известно,— подтвердил я.

— Согласен,— заявил министр торговли,— что процедура отлична от общепринятой, но ведь и ситуация необычна. Если мистер Смит и его приятель располагают какой-то информацией, мы обязаны их выслушать. Мы уже выслушали многих, включая наших ученых гостей,— при этом он обвел широким жестом людей на дополнительных креслах у стены,— и, собственно, ничего не узнали. Нам наперебой втолковывали, что случившееся попросту невозможно. Ученые сообщили нам, что события последних дней противоречат всем физическим законам и что они поставлены в тупик. А инженеры добавили...

— Но при чем тут дьявол? — взревел все тот же человек со звездами на плечах.

— Если,— заметил министр внутренних дел,— он действительно дьявол.

— Друзья,— вмешался глава Белого дома, потеряв терпение,— эти стены видели президента, великого президента военных лет, который, когда его упрекали в сотрудничестве с одним малосимпатичным иностранным правителем, сказал, что согласен воспользоваться помощью дьявола, лишь бы пе-

ребраться через стремнину. Сейчас перед вами еще один президент, который не устыдится вступить в переговоры с дьяволом, если они обещают решение наших проблем...— Он бросил взгляд на меня.— Мистер Смит, можете вы толково объяснить нам, что значит вся эта чертовщина?

— Мистер президент,— запротестовал министр здравоохранения, просвещения и т. д.,— право же, смешно терять время на подобную чепуху. Если пресса когда-нибудь пронюхает о том, что происходит в этой комнате сию минуту...

— А что им проку,— хмыкнул госсекретарь,— если они пронюхают? Как они свяжутся со своими редакциями? Их каналы связи не действуют точно так же, как и все другие. И в любом случае мистер Смит сам представляет прессу и, если захочет, разгласит все до мельчайших подробностей, что бы мы ни предпринимали.

— Напрасная трата времени,— объявил генерал.

— Мы уже потратили напрасно все утро,— напомнил министр торговли.

— Теперь вы потратите время еще и на меня, но, боюсь, с тем же результатом,— сказал я.— Да, я могу рассказать вам, в чем дело, только вы не поверите ни одному моему слову.

— Мистер Смит,— заявил президент,— не заставляйте меня упрашивать вас...

— Сэр,— огрызнулся я,— вам незачем просить...

— Тогда будьте добры сесть и вместе со своим приятелем сообщить нам то, с чем пожаловали.

Я перешел комнату, чтобы взять себе стул из тех, на которые он указал. Дьявол ступал рядом, возбужденно помахивая хвостом. Барабанный стук по дверям наконец прекратился.

Пересекая комнату, я будто физически ощущал взгляды, прожигающие мне спину. Боже правый, куда меня занесло, подумал я, в одну компанию с президентом и членами кабинета, с шишками из Пентагона, знаменитыми учеными и отборными советниками... И самое скверное, что, прежде чем я расстанусь с ними, они растерзают меня в клочья. Помнится, я недоумевал, сумею ли найти хоть кого-нибудь, кто располагал бы властью или был близок к властям и набрался бы терпения меня выслушать. И вот, пожалуйста,— не кто-то один, а целая комната власть имущих, и они, похоже, намерены меня выслушать, а я боюсь до полусмерти. Министр здраво-

охранения, просвещения и социального обеспечения не сдержал себя, генерал тоже, остальные пока что хранили бесстрастность, однако я не сомневался: прежде чем я доведу свою миссию до конца, к тем двоим присоединятся многие другие.

Я пододвинул стул к столу, и президент напутствовал меня:

— Не смущайтесь, просто расскажите все, что знаете. Мне доводилось раз-другой слушать вас по телевидению, и я уверен, что ваш рассказ получится живым и интересным...

С чего начать? Как, не затратив ни одной лишней минуты, поведать им обо всем, что пережито за последние несколько дней? И внезапно до меня дошло, что единственный способ сделать это — представить себя перед микрофоном и телекамерой и говорить так, как я привык годами. Хотя, конечно, нынешняя задача потруднее обычного. В студии я бы выкроил какое-то время, чтобы решить заранее, что именно я хочу сказать, и даже, может, набросал бы сценарий, который служил бы подспорьем в самых каверзных местах. Здесь я был один на один с судьбой, и мне это отнюдь не нравилось, но деваться некуда — надо было перетерпеть и довести дело до конца, надо было показать лучшее, на что я способен.

Все смотрели на меня, только на меня. Многие, я знал заведомо, гневались, решив, что я намеренно оскорбляю их интеллект, а кое-кто просто развлекался — и те и другие были убеждены непоколебимо, что дьявола нет в природе, и ждали подходящего повода, чтобы разнести меня вдребезги. А были и такие, кто перепугался не на шутку,— я не видел тут разницы, поскольку эти, конечно же, начали праздновать труса еще до того, как мы с дьяволом объявились в комнате.

— Отдельные факты, о которых я расскажу,— начал я,— можно проверить. Например, то, что касается смерти Фила.— При этом я посмотрел на госсекретаря, и он явно удивился, но я не дал ему возразить, а повел свою линию: — Однако по большей части мой рассказ проверке не поддается. Я сообщу вам правду или, по крайней мере, то, что я лично воспринимаю как правду. А уж поверите вы мне или нет, частично или полностью — решать вам...

Самое трудное было взять старт, дальше пошло легче. Я внушал себе, что выступаю вовсе не перед членами кабинета, а в студии перед микрофоном, и как только скажу все, что хочу сказать, спокойно встану и уйду. Они сидели до-

вольно тихо и слушали внимательно, хотя время от времени кто-нибудь ерзал, словно намереваясь прервать меня. Но каждый раз президент вскидывал руку и, восстановив порядок, разрешал мне продолжать. Время я не засекал, но, по-моему, говорил я примерно четверть часа, может быть, чуть-чуть дольше. Мне удалось сжать свое выступление до предела, проще говоря, опустить все, кроме самого существенного.

Когда я замолк, никто не решался нарушить тишину. Я обвел собравшихся взглядом. Наконец директор ФБР зашевелился и произнес:

— Весьма интересно...

— Ну уж как же! — желчно отозвался генерал.

— Если я правильно понял,— сказал министр торговли,— ваш приятель возражает против того, что мы засылаем в его мифическую страну множество подрывных элементов и таким образом путаем ему карты, мешая попыткам создать достойное правительство...

— Не правительство,— возразил я, ошеломленный таким поворотом мысли: это же надо умудриться говорить о правительстве в мире, который я описал! — Речь идет о культуре. Может статься, ее лучше назвать образом жизни. Или поисками цели — потому что в этом мире до сих пор, по-видимому, не было общепризнанных целей. Каждый живет в свое удовольствие, и никто никому не дает указаний. Разумеется, надо принять в расчет, что я провел там всего несколько часов, а потому не могу ручаться...

Министр финансов смерил министра торговли взглядом, исполненным ужаса:

— Уж не хотите ли вы сказать, что приняли на веру эту... эту байку, эту сказочку для детей?..

— Не знаю, принял или не принял,— ответил министр торговли.— Но мы выслушали свидетеля, заслуживающего доверия, и, по моему убеждению, он не стал бы сознательно искажать факты...

— Его одурачили! — вскричал министр финансов.

— Или это какой-нибудь новый рекламный трюк,— предположил министр здравоохранения и т. д.

— С вашего разрешения, джентльмены,— взял слово госсекретарь,— хотел бы обратить внимание на одно обстоятельство, поразившее меня чрезвычайно. Сотрудник нашего департамен-

та Филип Фримен умер, по заключению следователя, от сердечного приступа. Но вскоре прошел загадочный слух, что он был сражен стрелой, которую выпустил убийца в одежде средневекового лучника. Никто, конечно, не поверил этой версии, она звучала слишком неправдоподобно. Точно так же и выслушанный нами только что рассказ кажется неправдоподобным, но...

Министр здравоохранения и т. д. чуть не взвился на дыбы.

— Вы что, тоже поверили в эту чепуху?

— Поверить трудно,— ответил госсекретарь,— но я предостерег бы вас от побуждения отбросить этот рассказ, затолкать его под ковер, не удостоив повторным взглядом. По меньшей мере это следовало бы обсудить.

Генерал развернулся на стуле и обратился к приглашенным, сидевшим у стены:

— Не следует ли первым делом спросить, что думают по этому поводу наши выдающиеся ученые?

Один из ученых медленно поднялся с места. Седовласый, нервный и немощный, но по-своему очень величественный, он старательно выбирал слова, подчеркивая их чуть заметными движениями венозных рук:

— Я не считаю себя вправе говорить от имени всех своих коллег, но надеюсь, они поправят меня, если я заблуждаюсь. Мое мнение, и я тщательно взвесил его, сводится к тому, что обрисованная ситуация противоречит всем принципам, известным науке. Я бы сказал, что она не представляется возможной.

И он сел так же аккуратно, как встал, предварительно взявшись за ручки кресла и лишь затем бережно опустившись в него. В комнате вновь воцарилось молчание. В группе ученых двое-трое согласно кивнули, остальные держались непроницаемо.

Дьявол возмущенно обратился ко мне:

— Эти болваны не поверили ни одному слову!

Он не стал снижать голоса, и в окружающей мертвой тишине его слова прозвучали совершенно отчетливо, их нельзя было не услышать. В общем-то, можно предположить с достаточным основанием, что политиков (коль скоро они таковы, каковы есть) непременно обзывают болванами, но чтоб им сказали это без обиняков, в глаза — такого, надо полагать, с

ними еще не случалось. Я покачал головой, отчасти попрекая дьявола его несдержанностью, отчасти подтверждая, что да, увы, не поверили. Просто не посмели: любого, кто рискнул бы поверить, осыпали бы градом насмешек и без промедления лишили бы политического поста.

Вскочив на ноги, дьявол стукнул тяжелым волосатым кулаком по столу. Из ушей у него вырвались струйки дыма.

— Вы создали нас! — заорал он.— Это ваши грязные, мелкие, злобные умишки, ваши бесподобно смутные умишки, ваши неумелые, ненасытные, трусливые умишки создали нас и тот мир, куда вы нас поместили! Вы не предвидели, что получится, и не виновны в том, что натворили. Хотя, раз уж вы так сведущи в физике и химии, могли бы и догадаться — только вы, грамотеи, предпочли талдычить по-прежнему, что этого не может быть. Но теперь-то вы знаете, что может, теперь мы заставили вас понять это! И теперь вы морально обязаны облегчить несносные условия, которые сами нам навязали. Вы обязаны...

Президент, в свою очередь, поднялся на ноги и, подобно дьяволу, стукнул кулаком по столу. Впрочем, эффект оказался намного меньше, поскольку пустить дым из ушей он не сумел.

— Месье дьявол! — крикнул президент.— Я хотел бы, чтобы вы ответили на мои вопросы. Вы заявили, что остановили машины и радио...

— Чертовски верно, остановил! — прорычал дьявол.— Остановил не только здесь, а по всему миру, но это лишь первое предупреждение, легкая демонстрация моих возможностей. И обратите внимание, я проявил гуманность. Машины остановились плавно и спокойно, ни одного пострадавшего. Самолетам, прежде чем я остановил их, было позволено приземлиться. А фабрики и заводы я и вовсе пока не тронул, чтобы не лишить людей работы и не оставить их без денег и потребительских товаров...

— Но ведь без транспорта нам все равно крышка! — завопил министр сельского хозяйства, до той поры молчавший.— Люди, лишенные подвоза продовольствия, начнут голодать. Прекращение перевозок промышленных товаров приведет к остановке бизнеса...

— А интересы армии! — взвизгнул генерал.— Ни самолетов, ни танков, коммуникации перерезаны...

— Вы еще ничегошеньки не видели,— объявил дьявол.— В следующий раз я наложу запрет на колесо. Колеса просто перестанут вращаться. Не останется ни фабрик, ни велосипедов, ни роликовых коньков, ни...

— Месье дьявол! — крикнул президент.— Прошу вас высказываться потише. Прошу всех высказываться потише. От того, что мы орем что есть мочи, нет никакой пользы. Проявим благоразумие. У меня назрел еще один вопрос. Вы сказали, что вы это сделали. Не скажете ли вы нам, как вы это сделали?

— Ну как, как,— начал дьявол и запнулся,— просто сделал, вот и все. Приказал, чтоб это случилось, оно и случилось. Я многое делаю именно таким способом. Вы же сами вложили в меня этот способ, выдумали его, описали его, без конца говорили о нем между собой. Дьявол может все что угодно, при одном-единственном условии — если творит зло. Очень сомневаюсь, что мне удалось бы с таким же успехом творить добро...

— Заклятие, джентльмены! — провозгласил я.— Единственное объяснение случившемуся — заклятие. И не пеняйте на это дьяволу — мы сами придумали заклятие, как и все остальное.

Старичок, выступавший от имени ученых, тоже оказался на ногах. Он сжал кулаки и, пошатнувшись, поднял их над головой.

— Заклятие! — пискнул он.— Не может быть никакого заклятия! Нет таких законов науки...

Он хотел продолжить, но задохнулся, постоял минутку, в надежде вновь обрести дыхание и дар речи, не справился с этим и сдался, бессильно опустившись обратно в кресло.

— Наверное, нет,— согласился дьявол.— Но при чем тут законы науки? Какое мне дело до науки? Мой следующий шаг — колесо, потом электричество, а потом, надо полагать, огонь, хотя так далеко я еще не заглядывал. А когда это будет выполнено, назад к феодализму, к старому доброму средневековью, ко временам простого честного мышления и...

— Теперь, сэр,— вмешался президент,— если вы покончили с угрозами, разрешите еще вопрос.

— Мой превосходный сэр,— ответил дьявол в тон, изо всех сил стараясь быть вежливым,— я отнюдь не угрожаю. Я просто заявляю, что еще может быть сделано и будет сделано, и вы...

— Но зачем вам это нужно? — поинтересовался президент.— Чем вы недовольны? На что жалуетесь?

— Жалуюсь? — заревел дьявол, вспылив и мгновенно забыв о вежливости.— Вы еще спрашиваете, на что я жалуюсь! Хортон Смит, раненный при Геттисберге, сражавшийся голыми руками с Дон Кихотом, гонявшийся за злобной ведьмой по страшным чащобам, уже обрисовал перед вами мои печали.— Тут он одумался и в знак доброй воли снизил голос с рева до обычного рычания.— Некогда наш мир был населен отважным народцем. Одна его часть была честной и искренней в своей добродетели, другая не менее честной и искренней в своей злобности. Не стану скрывать, друзья мои: я был и остаюсь в числе служителей зла. Но по меньшей мере мы сознавали свое назначение и вели достойную жизнь — добрые и злые, феи и бесы в равной мере. А кого нам навязывают сегодня? Я скажу кого. Крошку Эбнера, Чарли Брауна и пеликана Пого. Сиротку Энни, Дэгвуда Бамстеда и двойняшек Боббси. Хорейшо Элджера, мистера Мэгу, Микки Мауса, безмозглого Хауди Дуди...*

Президент попытался жестом остановить его:

— Полагаю, вы очертили проблему с достаточной ясностью.

— Ни у кого из них нет характера,— не унимался дьявол.— Ни в ком из них не чувствуется ни вкуса, ни стиля. Все они пресны, как вата. Ни по-настоящему злобных, ни по-настоящему добрых — от той доброты, что в них якобы заложена, поднимается тошнота. Спрашиваю вас со всей искренностью: мыслимо ли с таким контингентом выстроить толковую цивилизацию?

— По правде сказать,— вклинился министр здравоохранения и т. д.,— этот джентльмен — не единственный, у кого поднимается тошнота. Просто поражаюсь, чего ради мы принимаем участие в этом балагане...

---

* В этом списке, куда вошли преимущественно герои популярных в Америке комиксов, обращает на себя внимание имя Хорейшо Элджера (1832–1899), родоначальника так называемой «скаутской литературы». Элджер многократно использовал один и тот же сюжет о мальчике-рассыльном либо о чистильщике ботинок, который благодаря своему трудолюбию и упорству становится миллионером. С легкой руки Хемингуэя и писателей его поколения имя Элджера стало считаться синонимом литературной пошлости.

— Потерпите еще минуту,— произнес президент.— Я стараюсь разобраться, что к чему. Пожалуйста, проявите терпение.

— Вероятно,— заявил дьявол,— вам хочется выяснить, что вы можете предпринять.

— Совершенно верно,— согласился президент.

— Вы можете положить конец этим глупостям. Можете остановить интервенцию крошек Эбнеров, Хауди Дуди и Микки Маусов. Можете вернуться к прямым и честным фантазиям. Можете придумать существ, исполненных настоящей злобы, и других существ, исполненных подлинной доброты, и можете поверить в них...

— Никогда во всей моей жизни,— вскричал министр сельского хозяйства, поднявшись на ноги,— я не слышал такого позорного предложения! Он предлагает контроль над мыслями! Он предлагает нам диктовать характер развлечений и зрелищ, душить художественную и литературную творческую свободу! Но даже если бы мы согласились на это, каким образом это осуществить? Можно ли представить себе такой закон или президентский указ? Пришлось бы развернуть специальную кампанию, секретную, совершенно секретную,— хотя, на мой взгляд, ее все равно не удалось бы удержать в секрете более трех дней. И даже если бы удалось, потребовались бы миллиарды долларов и годы настойчивых усилий самых хитроумных экспертов Мэдисон-авеню* — а толку, уверен, все равно не вышло бы никакого. Нынче не средние века, которые, по-видимому, приводят этого джентльмена в такой восторг. Мы не можем заставить наш народ или другие народы мира заново поверить в дьяволов и чертей, да и в ангелов тоже. Предлагаю считать дискуссию законченной.

Слово взял министр финансов.

— Мой коллега,— сказал он,— принял данное происшествие чересчур серьезно. Я лично и, подозреваю, многие другие в этой комнате не в силах отнестись к услышанному даже с минимальным доверием. Принять эту смехотворную концепцию, пусть гипотетически, и обсуждать ее, по-моему, унизи-

* На Мэдисон-авеню в Нью-Йорке расположены крупные издательства, зрелищные и рекламные агентства.

тельно и несовместимо с нашим достоинством и общепринятыми правилами.

— Слушайте! Слушайте! — возопил дьявол.

— Мы сыты вашими выходками по горло,— обратился к нему директор ФБР.— Не в духе американских традиций, чтобы государственный совет выслушивал потоки оскорбительной и злобной чепухи, да еще из уст кого-то либо чего-то, кому и чему, в сущности, нет места в действительности.

— Прекрасно! — взъярился дьявол.— Нет места в действительности, говорите вы? Я покажу вам, олухи, что почем. Колесо, затем электричество, а потом я вернусь, и у нас, быть может, появится лучшая база для откровенных переговоров.— С этими словами он потянулся и схватил меня за руку.— Мы удаляемся!..

И мы удалились, не сомневаюсь, в клубах пламени и дурно пахнущего дыма. Так или иначе, мир опять ушел из-под ног, нас накрыл мрак, завыли ветры, а когда мрак рассеялся, мы вновь очутились на тротуаре у ограды Белого дома.

— Ну что ж, парень,— заявил дьявол самодовольно,— похоже, я сказал им все, что о них думаю. Похоже, я содрал фальшивую шкуру с их напыщенных задниц. Обратили вы внимание, какие у них были рожи, когда я назвал их олухами?

— Да, конечно, вы выступили блестяще,— ответил я досадливо.— Прямо-таки с изяществом бегемота.

— Теперь,— он потер руки,— теперь колесо...

— Откажитесь от этого,— предупредил я.— Вы разрушите наш мир, но что произойдет тогда с вашим собственным миром?..

Однако он уже не слушал меня. Он уставился мне через плечо на что-то вдали, видимое только ему, и на его лице застыло странное выражение. Толпа, окружавшая дьявола в момент, когда я увидел его здесь впервые, рассеялась, но в парке на другой стороне улицы было немного народу, и вдруг все как один подняли восторженный крик.

Я резко обернулся, чтобы выяснить, что там такое.

К нам стремительно приближался Дон Кихот, до него оставалось едва ли полквартала. Он мчался верхом на мешке с костями, служившем ему в качестве боевого коня. Дон Кихот был в шлеме, щит поднят, сверкающее на солнце копье взято наперевес. Следом поспешал Санчо Панса, увлеченно насте-

гивая своего ослика, который прыгал на непослушных ногах, как мог бы прыгать вспугнутый кролик. В одной руке Санчо держал кнут, в другой, плотно прижатой к туловищу,— ведро, где была какая-то жидкость. Ослик не хотел отставать от коня, прыгал изо всех сил, и при каждом прыжке она выплескивалась на мостовую. А позади Дон Кихота и Санчо гарцевал единорог, на ярком солнце он казался ослепительно белым, точеный рог отливал колдовским серебром. Единорог бежал грациозно и легко, он был само изящество, и на спине у него, примостившись боком, сидела Кэти Адамс.

Дьявол снова потянулся ко мне, но я оттолкнул его руку и, поднырнув под нее, ухватил его поперек живота. Одновременно, выбросив ногу назад, я пропихнул ее меж чугунных прутьев ограды. По сути, я не отдавал себе отчета в том, что делаю, я не планировал ничего подобного и, скорее всего, вообще не понимал в ту секунду, что делаю и зачем. Но, вероятно, подсознание подсказало мне, что это может сработать. Только бы не позволить дьяволу перебраться за долю секунды в иные края — тогда Дон Кихот доскачет до нас и, если не промажет, нанижет его на копье. Была и еще какая-то мыслишка о том, что мне при этом не помешает надежный якорь, а может, припомнилось и поверье, что дьяволу не по нутру соприкосновение с железом,— по той ли, по другой ли причине моя нога оказалась меж прутьев и там застряла.

Дьявол извивался, пытаясь вырваться, однако я вцепился в него мертвой хваткой, сомкнув руки ему на брюхе. Шкура у него была вонючая. Мое лицо, поскольку я поневоле прижался к ней, взмокло от его жирного пота. Он вырывался, ругался последними словами, молотил по мне кулаками, но краем глаза я все время видел устремленное к нам острие копья. Стук копыт раздавался все громче, надвигался все ближе, и вот копье с хлюпающим звуком вонзилось в цель. Дьявол упал. Я выпустил его и тоже упал на тротуар, а нога так и застряла между прутьями.

Кое-как вывернув шею, я увидел, что копье ударило дьявола в плечо и пришпилило его к ограде. Он извивался и подвывал, взмахивая руками. Изо рта у него текла пена.

Дон Кихот попытался открыть забрало, но петли заело. Тогда рыцарь дернул шлем так, что сорвал его с головы целиком. Старческие пальцы не удержали тяжесть, шлем вывалился из них и гремя покатился по тротуару.

— Мошенник! — вскричал Дон Кихот.— Предлагаю тебе сдаться и дать торжественный обет, что отныне и навсегда ты воздержишься от вмешательства в дела людей...

— Будь ты проклят на веки вечные,— отвечал дьявол.— Уж кому бы я сдался, так только не бестолковому добродею, который дня не может прожить, не затеяв новый крестовый поход. Из всего вашего племени ты, несомненно, самый несносный. Ты способен учуять доброе дело за миллион световых лет и рвешься к нему как одержимый. А я не хочу иметь с тобой ничего общего. Пойми ты наконец — ничего общего!..

Санчо Панса соскочил с ослика и устремился к нам со своим ведром, куда, как выяснилось, был опущен черпак. В двух шагах от нас Санчо остановился, схватил черпак и плеснул на дьявола жидкостью, которая тут же с шипением вскипела. Дьявол скорчился в агонии.

— Вода! — восторженно вскричал Санчо.— Освященная лично святым Патриком и наделенная чудодейственной силой!..

Он выплеснул на дьявола еще черпак. Тот продолжал корчиться и вскрикивать.

— Проси пощады! — потребовал Дон Кихот.

— Сдаюсь! — завопил дьявол.— Сдаюсь, и подавитесь своим обетом!..

— Более того,— заявил неумолимый Дон Кихот,— ты дашь еще обет, что все зло, причиненное тобою людям, отменяется. С настоящей минуты и навсегда.

— Не стану! — взвыл дьявол.— Как же так, разрушить всю мою кропотливую работу!..

Санчо Панса положил черпак на тротуар. Сжав ведро обеими руками, он приподнял его и вознамерился опрокинуть на дьявола целиком.

— Погодите! — истошно заорал дьявол.— Уберите проклятую воду! Сдаюсь безоговорочно и приношу любые обеты, какие хотите!..

— Тогда,— заявил Дон Кихот с известной церемонностью,— наша миссия здесь окончена.

Я даже не заметил, как они исчезли. Не было ни мерцания, ни самой короткой вспышки. Просто их вдруг не стало — ни дьявола, ни Дон Кихота, ни Санчо Пансы, ни единорога. А Кэти осталась и бежала ко мне со всех ног, и я еще

подумал: как же это она может так резво бежать, ведь у нее вывих... Попытался встать ей навстречу, но сперва надо было выдернуть ногу из ограды, а я не мог. Нога застряла плотно, освободиться не удавалось.

Кэти опустилась подле меня на колени.

— Мы снова дома! — воскликнула она.— Хортон, мы дома!..

Она наклонилась и поцеловала меня, а толпа на противоположной стороне отозвалась на поцелуй громкими возгласами и хихиканьем.

— Нога застряла,— пожаловался я.

— Ну так вытащи ее,— улыбнулась Кэти, не сдерживая счастливых слез.

Я попытался еще раз и опять не смог. Ногу, как только я принимался тянуть ее, сводило болью. Кэти, поднявшись, подошла к ограде и попробовала помочь мне — тщетно, ничего не получалось.

— Кажется, щиколотка опухла,— сказала она, вновь села на тротуар и расхохоталась.— Два сапога пара,— смеялась она и плакала,— у обоих одно и то же. Сперва моя щиколотка, теперь твоя...

— Но твоя-то теперь в порядке...

— У них в замке живет волшебник. Чудесный старик с длинной белой бородой, в смешном колпаке и в плаще, усыпанном звездами. И вообще этот замок — такое славное место, лучшее из всех, какие я видела в жизни. Все так благородно и вежливо. Право, я могла бы остаться там навсегда, если б только ты был со мной. А единорог! Такой милый, такой ласковый... Ты же видел единорога?

— Видел, видел,— подтвердил я.

— Послушай, Хортон, а кто эти люди, бегущие к нам по лужайке?

Я так увлеченно смотрел на нее, так радовался тому, что она вернулась в наш мир, что лужайка у Белого дома просто выпала из поля моего зрения. Теперь я их увидел. Они бежали к ограде — впереди президент, а за ним все остальные, кто был на заседании. Добежав и остановившись, президент смерил меня взглядом, который я не назвал бы особо доброжелательным.

— Хортон,— спросил он требовательно,— черт побери, что тут еще происходит?

— Вот, нога застряла,— ответил я.

— Черт с ней, с ногой! — объявил он.— То есть я вовсе не то хотел сказать... Клянусь, я видел здесь рыцаря и единорога...

Участники заседания столпились у самой ограды. И вдруг от ворот донесся крик охранника:

— Эй! Смотрите все! Машина! По улице едет машина!..

И точно, на улице появилась машина. На ходу.

— Но что будет с его ногой? — возмутилась Кэти.— Мы не можем вытащить ее, щиколотка опухла. Боюсь, похоже на вывих.

— Надо бы послать за доктором,— сказал госсекретарь.— Раз машины завелись, то, наверное, и телефоны заработали. Как ваше самочувствие, Хортон?

— Нормально,— откликнулся я.

— И пришлите сюда слесаря с ножовкой,— распорядился президент.— Во имя всего святого, пусть перепилят ограду, но освободят ему ногу...

Так я и остался недвижим, поджидая врача и слесаря, и Кэти рядом со мной. Не обращая внимания на толпу министров у ограды, а может, заинтересовавшись происходящим, несколько белок, обитающих подле Белого дома, выбрались на тротуар. И сели рядком, изящно поджав передние лапки и выпрашивая подачку.

А по улице катились машины, и их становилось все больше и больше.

МАСТОДОНИЯ

Пронзительный вой собаки поднял меня с постели полусонного. Я вскочил, ничего не соображая. Первые лучи рассвета проникли в комнату, высветив призрачные очертания обшарпанного комода, стенного шкафа с приоткрытой створкой, потертого ковра.

— Что случилось, Эйза?

Я повернул голову, увидел Райлу, привставшую в кровати, и удивился, каким образом, о господи, после стольких лет Райла могла оказаться здесь? Но тут у меня в голове прояснилось и я все вспомнил.

Собака снова завизжала, звук раздался уже совсем близко и выражал страдание и испуг.

Я выбрался из-под одеяла, схватил брюки и зашарил ногами по полу в поисках шлепанцев.

— Это Баузер,— объяснил я Райле.— Подлая тварь где-то шлялась всю ночь. Наверное, опять гонялся за сурком.

Баузер был одержим сурками. Учуяв зверька, он никак не мог остановиться. Пес, должно быть, прокопал уже полпути до Китая, охотясь за ними. Обычно, чтобы привести его в чувство, я всегда прослеживаю эти вылазки и приволакиваю его обратно. Но в эту ночь, рядом с Райлой, мне было не до Баузера.

Когда я добрался до кухни, Баузер уже вопил на крыльце. Я открыл дверь, и он, конечно, торчал там, а из него самого торчала деревянная стрела. Я ступил на крыльцо и, обхватив Баузера рукой, положил на бок, чтобы разобраться, в чем дело. Я увидел, что в ляжку моего пса вонзился дротик с каменным наконечником. Баузер жалобно заскулил, глядя на меня с тоской.

— Ну что там, Эйза? — снова спросила Райла, появляясь в дверях.

— Кто-то метнул в Баузера дротик,— ответил я.— И он застрял в его ляжке.

Она спустилась по ступенькам, быстро обошла крыльцо и склонилась над собакой.

— Наконечник вошел лишь наполовину,— заметила она.— Смотри, как провисло древко.

Райла протянула руку, схватила наконечник, резко повернула его и рывком выдернула из раны.

Баузер отчаянно взвизгнул и снова жалобно заскулил. Он мелко дрожал. Я взял его на руки и внес в кухню.

— В спальне на тахте лежит плед,— сказал я Райле.— Принеси его, пожалуйста, устроим ему здесь постель в углу.

— Эйза!

— Да, Райла?

— Но это же фолсомский наконечник! — Она подняла дротик, чтобы я смог его разглядеть.— Кто же мог выстрелить в собаку фолсомским дротиком?

— Да какой-нибудь мальчишка,— предположил я.— Они же просто маленькие чудовища!

Она с сомнением покачала головой:

— Да ты только посмотри, как наконечник прилажен к древку. Откуда мальчишке знать, как это делается?

Я не стал это обсуждать и повторил свою просьбу:

— Пожалуйста, принеси плед!

Она оставила стрелу на столе и пошла в спальню. Вернувшись, Райла сложила покрывало и опустилась на колени, чтобы положить эту подстилку на пол в углу кухни.

Я устроил Баузера на пледе.

— Не горюй, старина, мы тебя вылечим! Не думаю, что рана так уж серьезна.

— Эйза, ведь ты меня не понял? Или не услышал, что я тебе сказала?

— Да услышал, услышал,— пробормотал я.— Фолсомский наконечник. Они делались десять веков назад древними предками индейцев. Их находили в костях доисторических бизонов...

— Но ведь дело не просто в этом,— никак не могла успокоиться Райла.— Он же насажен на древко так, как умели только те первобытные люди!

— Понимаю,— откликнулся я.— Не хотел тебе говорить, да, видно, придется. Судя по всему, мой Баузер — это собака, путешествующая во времени. Он однажды приволок сюда кость динозавра.

— А зачем собаке понадобилась эта окаменелость?

— Ты не поняла меня. Это была не древняя кость. Не ископаемая. Она была свеженькая, с клочками плоти, свисающими с нее. И принадлежала не взрослому динозавру, а детенышу. Размером с собаку или чуть побольше.

Райла и бровью не повела.

— Возьми-ка ножницы и обстриги шерсть вокруг раны. Я обмою ее теплой водой и смажу чем-нибудь. Где у тебя аптечка?

— В ванной. Справа от зеркала.

Когда она повернулась, чтобы выйти, я окликнул ее:

— Райла!

— Чего тебе?

— Как я рад, что ты здесь,— ответил я.

Глава 2

Она и сама вернулась из прошлого, по меньшей мере двадцатилетней давности. И всего лишь накануне вечером. Я сидел в шезлонге под большим кленом, когда с магистрали в сторону моего дома свернула большая черная машина. Я лениво удивился: кто бы это мог быть?

Честно говоря, я вовсе не жаждал увидеть кого бы то ни было, тем более что за последние несколько месяцев я наконец вкусил прелесть одиночества. И уже начинал испытывать легкую досаду при любой попытке вторжения на мою территорию.

Машина подрулила к воротам и остановилась. Женщина вышла из автомобиля, миновала ворота и направилась ко мне. Я встал с кресла и неторопливо двинулся ей навстречу. Она прошла большую часть пути, прежде чем я распознал в этой стройной элегантной особе девушку из своего прошлого. Из юности.

Я остановился, немного ошарашенный.

— Райла...— произнес я не вполне уверенно.— Вы Райла Эллиот?

Она тоже остановилась и вгляделась в меня через двенадцать футов, разделяющих нас. Казалось, она не вполне верила, что видит перед собой Эйзу Стила.

— Эйза,— наконец произнесла она.— Так это же и вправду вы! Теперь я вижу, это вы! Я недавно узнала, что вы обитаете в здешних краях... А мне казалось, вы еще прозябаете в том маленьком колледже где-то на Западе. Я так часто думала о вас...

Она еще и еще что-то говорила, будто стремилась словами замаскировать неуверенность и даже некоторую нервозность...

Я пересек наконец разделяющее нас расстояние, и мы теперь стояли совсем рядом.

— Эйза,— проговорила она.— Мы не виделись чертовски давно!

Она оказалась в моих объятиях, и у меня возникло странное ощущение, что я обнимаю женщину, вышедшую из длинного черного лимузина, как из машины времени, в этот висконсинский вечер. Вышедшую из прошлого, удаленного на добрых два десятка лет.

И все же было не так уж легко отождествить ее со смешливой жизнерадостной девушкой, которая так безропотно вкалывала вместе со мной на тех раскопках в Малой Азии. Мы пытались постичь тайны древних курганов, но то, что нам попадалось, никак нельзя было назвать хоть сколько-нибудь значительным. Я копал, просеивал землю, расчищал найденные предметы, а она снабжала их ярлычками, пытаясь распознать назначение черепков и прочего древнего хлама, разложенного вокруг.

Тот жаркий пыльный сезон пролетел слишком быстро. Работая вместе в течение дня, мы и спали вместе в те ночи, когда удавалось улизнуть от остальных участников экспедиции. Впрочем, припоминаю, что в конце она уже перестала осторожничать, тем более что окружающим, как оказалось, было до нас мало дела.

— Даже не надеялся увидеть вас когда-нибудь еще! — воскликнул я.— Думать-то о вас, конечно, думал, но не рассчитывал, что сумею к вам подступиться. Говорил себе, что вы все забыли и наша встреча вряд ли доставит вам радость. А если она и состоится, вы, разумеется, будете любезны и мы обме-

няемся какими-нибудь расхожими пустяковыми репликами. Мне вовсе не хотелось лишиться своих воспоминаний из-за такой финальной точки... Лет десять назад я услышал, что вы подвизаетесь на ниве экспортно-импортного бизнеса, а потом для меня ваши следы как-то затерялись.

Она плотнее прижалась ко мне, подняв лицо как бы в ожидании поцелуя. И я поцеловал ее. Возможно, без того трепета, который испытывал когда-то, но с глубочайшей радостью, что вновь вижу ее.

— Я и теперь занимаюсь бизнесом,— проговорила она.— Экспортно-импортным, как вы его назвали. Но уже подумываю о выходе из него.

— Да что же мы стоим тут? — спохватился я.— Пойдемте к шезлонгам, под дерево. Там так приятно сидеть по вечерам. Что я и делаю всегда. Если не возражаете, я организую нам какую-нибудь выпивку.

— Чуть попозже,— ответила Райла.— Здесь так славно, так покойно!

— Именно покойно,— согласился я.— Даже, сказал бы, отдохновенно. Правда, в университетском кампусе тоже вполне спокойно, но качественно это совсем другое. Здешним покоем я наслаждаюсь почти уже год.

— Вы что же, оставили свою должность в университете?

— Нет, у меня творческий отпуск, предоставляемый преподавателям каждый седьмой год. Предполагается, что я должен работать над книгой, но я и строчки не написал, да вовсе и не помышлял ни о какой книге. Когда отпуск закончится, я, может быть, подам в отставку.

— И останетесь здесь... Это местечко называется Виллоу-Бенд*?

— Сам Виллоу-Бенд — маленький городишко невдалеке от того шоссе, по которому вы ехали сюда. Я там жил когда-то. Мой отец на окраине содержал лавку сельскохозяйственного инвентаря. А эта вот ферма в сорок акров принадлежала семейству неких Стритеров. Я мальчишкой частенько слонялся здесь со сверстниками, мы охотились, удили рыбу, обследовали окрестности. Сам Стритер никогда этому не препятствовал. Его сын Хьюг — кажется, так его звали — тоже состоял в нашей компании.

---

* «Ивовая излучина». *(Здесь и далее примеч. переводчика.)*

— А где теперь ваши родители?

— Мой отец уехал отсюда давно. Подался к брату в Калифорнию. Да и у матери две сестры обитали на побережье. Они и сейчас там. А я около пяти лет назад вернулся сюда и, узнав, что ферма продается, купил ее. Нельзя сказать, что меня тянуло «к своим корням» или каким-нибудь очень уж приятным воспоминаниям...

— Но если не к корням или воспоминаниям, то почему же вас все же потянуло именно в Виллоу-Бенд и именно на эту ферму?

— Да было, было кое-что, заставившее меня вернуться... А давайте-ка лучше поговорим о вас и вашем бизнесе, ладно?

— О, вас мои дела, наверное, позабавят,— сказала она.— Я ведь занялась продажей древних изделий и окаменелостей. Начала с пустяков, потом дело разрослось. Сперва продавала всякую архаику, но иногда мне попадались геммы и другие более поздние античные поделки. Хоть я и не сумела стать археологом или палеонтологом, но все же нашла применение своим небольшим познаниям. В моем бизнесе наибольшим спросом стали пользоваться маленькие черепа динозавров, трилобиты в хорошей сохранности и каменные пластины с отпечатками рыб или растений. Вы не поверите, сколько усилий требовали поиски по-настоящему приличного товара, впрочем и не вполне приличного тоже! А пару лет назад одна компания по производству консервированных завтраков решила поощрять своих наиболее постоянных покупателей маленькими сувенирами, избрав в этом качестве брелоки-кубики из костей динозавров! Компания обратилась ко мне. И знаете, где я стала добывать эти кости? В Аризоне. Там оказалось большое их кладбище, и его стали раскапывать бульдозерами, сваливая добычу в грузовики-откатчики. Мы распилили сотни тонн костей и изготовили из них эти дурацкие брелоки. И представьте, я бы не сказала, что мне было хоть чуточку стыдно. Этот бизнес не был нелегальным. Я откупила этот участок и никаких законов не нарушила. Но никто и вообразить не может, сколько бесценных окаменелостей мы там погубили!

— Да уж, воображаю,— согласился я.— Сдается мне, что вы не очень-то печетесь об археологии или палеонтологии, да и не слишком жалуете специалистов этого дела?

— Напротив,— ответила она.— Я очень уважаю настоящих специалистов. Мне ведь и самой когда-то страшно хотелось

войти в эту среду, но у меня не оказалось шансов. Я и на тех унылых раскопках в Турции появилась именно из желания приобщиться к археологии. Конечно, можно было бы и дальше посвящать этому каждое лето, что-то раскапывать, классифицировать, заносить в каталоги, а по окончании сезона корпеть над систематизацией чужих находок. В промежутках можно было бы обучать каких-нибудь студентов-второкурсников, большей частью безмозглых кретинов. И что же дальше? Все мои усилия шли бы в актив боссов науки, а мне и не светило быть упомянутой в какой-нибудь самой скромной публикации. Для того чтобы вписаться в этот научный рэкет, вы должны состоять в штате Йейла, Гарварда или Чикаго, да и там, пожалуй, утечет много воды, пока за вас кто-нибудь замолвит словечко! Там, наверху, засело несколько жирных котов, снимающих пенки с ваших трудов, и никому нет дела до того, с какими усилиями вы пытаетесь сами вскарабкаться наверх.

— Я, пожалуй, могу сказать то же и о себе,— ответил я.— Преподавая в маленьком университете, я не имею ни малейших надежд на выполнение настоящих научных исследований. И никаких возможностей и средств для организации серьезных, пусть и краткосрочных, раскопок. А тем более для крупных, если даже имеются интересные идеи и ты готов сам трудиться как осел над их разработкой... И к тому же я всегда привык довольствоваться малым. Мой университетский городок был вполне комфортабелен, и уже ничего другого не хотелось. Но тут Элис меня оставила и я... Вы ведь слышали о нашем разводе?

— Да,— сказала она.— Я слышала.

— Не скажу, что это причинило мне настоящее горе,— заметил я.— И все же моему самолюбию был нанесен удар. И я стал искать, куда бы мне спрятаться от окружения. Потом мне подвернулась эта ферма. А те невзгоды я давно уже преодолел.

— У вас ведь есть сын?

— Да, Роберт. Он с матерью в Вене, кажется. Во всяком случае где-то в Европе. Человек, ради которого она меня бросила, дипломат. Профессиональный дипломат, а не политик...

— А мальчик, Роберт?

— Поначалу он оставался со мной. Но, наверное, ему стало скучно, и он пожелал уехать к матери. Вот я и отпустил его.

— А я так и не вышла замуж,— заметила Райла.— Сперва была слишком увлечена делами, а потом эта проблема как-то потеряла актуальность.

Мы посидели молча, пока вокруг расползались сумерки. Пахло сиренью от лохматых, разросшихся во все стороны кустов.

Знакомая нахальная синичка невозмутимо прыгала с ветки на ветку, время от времени останавливаясь, чтобы поглазеть на нас глазом-бусинкой.

Не знаю, почему я сказал ей то, о чем вроде и думать забыл. Но слова вырвались сами собой.

— Райла,— произнес я,— мы тогда сваляли с вами дурака. У нас же все было не просто так, а мы и не понимали этого! Ведь было же, не так ли?

— Вот потому-то я и здесь,— откликнулась она.

— Ну так вы сможете побыть в Виллоу-Бенде хоть какое-то время? Нам ведь есть о чем потолковать. Я могу позвонить в мотель. Он, правда, не ахти какой, но...

— Нет,— возразила она решительно.— Если вы не против, я бы предпочла остаться здесь, у вас. С вами.

— Вот и чудесно,— обрадовался я.— Я вполне могу устроиться на тахте, перетащу ее на кухню.

— Эйза,— сказала она.— Хватит изображать джентльмена! Мне не нужно твое дурацкое джентльменство. Я же сказала, что хочу *быть с тобой*, ты понял?

Глава 3

Баузер лежал в своем углу, взирая на нас глазами, в которых застыла мировая скорбь. Мы завтракали на кухне.

— Интересно, как он себя чувствует? — спросила Райла.

— Не волнуйся, он скоро будет в полном порядке,— ответил я.— Он оправляется очень быстро.

— Как давно он у тебя?

— Да уже несколько лет. Он был вначале вполне благонравным городским песиком, весьма корректным и послушным. Лишь позволял себе иногда бросаться во время прогулок на птичек. Но стоило нам переехать сюда, его словно подменили. Теперь это большой любитель раскопок да еще фана-

тик погони за сурками. У него к суркам какое-то особое пристрастие. Прямо мания. Почти каждый вечер я сам гоняюсь за ним и буквально вытягиваю его из раскопанных нор, в которых трясутся от ужаса и верещат загнанные им зверьки.

— И вот что случилось, как только ты предоставил его самому себе!

— Но ведь у меня наклевывались гораздо более интересные дела, да мне и подумалось, что в кои-то веки я могу оказать ему услугу, отпустив на всю ночь.

— Эйза, сурки сурками, но ведь он принес нам фолсомский наконечник! Не могу же я ошибиться! Слишком много мне таких пришлось повидать, они же ни на что другое не похожи! И ни один мальчишка не сумел бы насадить такой наконечник на древко. К тому же оно ведь не окаменелое, а вполне свежее... Постой, ты ведь что-то обронил о свежей кости динозавра?

— И еще я сказал тебе, что эта собака, по-видимому, совершает прогулки во времени.

— Эйза Стил, не морочь мне голову. Что ты такое несешь? Собака, путешествующая во времени!

— Ну ладно, перестаю. Но попробуй объяснить мне, где он взял косточку динозавра?

— Но, может быть, это вовсе и не была кость динозавра?

— Леди, поверьте, я уж знаю, какими бывают эти кости! Я же перечитал все публикации о них, преподавая палеонтологию в колледже. Динозавры стали моим любимым хобби. А однажды мы разжились скелетом динозавра для музея. Я сам его монтировал, потратив на это целую зиму. Ухлопал уйму времени, подбирая и подгоняя кости друг к другу, да еще изготовляя недостающие детали, пока весь скелет не был собран, выкрашен белой краской и стал выглядеть так, что никому не пришло бы и в голову упрекнуть нас в недостоверности или подделке!

— Ну хорошо. Но откуда Баузер мог взять новую, свежую кость динозавра?

— На ней оставались хрящи, сухожилия и мясо! Кость дико воняла, и Баузер тоже не благоухал. Видимо, он нашел труп детеныша и отхватил от него кусок. Я три дня эту кость вываривал, чтобы избавиться от зловония...

— Но как же ты мог бы это объяснить?

— Никак. Даже не пытался это сделать. Правда, была у меня мыслишка о том, что, может, и в наше время где-то водятся единичные экземпляры малых динозавров и Баузер наткнулся на труп одного из них. Но эта идея не менее завиральная, чем предположение о «собаке, путешествующей во времени»!

В дверь постучали.

— Кто там? — крикнул я.

— Это Хайрам, мистер Стил. Я пришел в гости к Баузеру.

— Заходи, Хайрам,— сказал я.— Баузер здесь, на кухне. Он попал в переделку.

Хайрам шагнул вперед, но, увидев Райлу, смущенно отступил.

— Зайду попозже, мистер Стил,— пробормотал он.— Я постучался только потому, что не увидел Баузера во дворе.

— Не стесняйся, Хайрам,— успокоил я его.— Вот познакомься, эту леди звать мисс Эллиот. Она мой друг. Мы не виделись много времени.

Он робко приблизился, сдернул с головы шапку и прижал ее обеими руками к груди.

— Рад вас видеть, мисс,— пробормотал он.— Это ваше авто там, снаружи?

— Да, мое,— ответила Райла.

— Большое,— заметил Хайрам.— И так славно блестит, что в него смотреться можно!

Он бросил взгляд на Баузера и торопливо обошел стол, чтобы присесть на корточки около собаки.

— Что это с ним случилось? — с беспокойством спросил он.— У него же на ляжке совсем нет шерсти!

— Это я выстриг,— объяснил я ему.— Так было надо, потому что кто-то ранил его стрелой из лука.

Конечно, мое объяснение грешило некоторой неточностью, но зато было достаточно простым для Хайрама и исключало дополнительные вопросы. Он же наверняка слыхал о луках и стрелах: большинство мальчишек городка и сейчас ими балуется!

— Он что, опасно ранен?

— Да нет, не думаю, просто ему больно.

Хайрам обвил рукой шею Баузера.

— Это нехорошо,— расстроенно объявил он.— Шляться вокруг без дела и подстреливать собак. Никто не имеет права стрелять в собаку!

Баузер, великолепно уловив сочувствие, слабо застучал по полу хвостом и лизнул Хайрама в лицо.

— Особенно в Баузера,— не унимался Хайрам.— Нет лучше собаки, чем Баузер!

— Не выпьешь ли кофе, Хайрам?

— Нет, нет, вы продолжайте завтракать. Я только посижу здесь с Баузером.

— Может, зажарить тебе яичницу?

— Нет, мистер Стил, благодарю вас. Я уже поел. Побывал у преподобного Джекобсона, он накормил меня булочками и колбасой.

— Ну, как знаешь,— сказал я.— Ты оставайся с Баузером, а мы с мисс Эллиот прогуляемся. Покажу ей окрестности.

Когда мы удалились от дома на расстояние ярда и он уже не мог нас услышать, я сказал:

— Хайрам совершенно безобиден, чуточку не в себе, но это ничего. Город его опекает. Куда ни заглянет, везде его прикармливают. Ему живется не так уж и плохо, поверь!

— А жилье у него есть?

— А как же, хижина внизу, у реки. Но он редко там бывает, все больше шатается вокруг, навещает друзей. Например, Баузера. Он с ним в великой дружбе.

— Да уж, это заметно,— ввернула Райла.

— Он уверяет, что они с Баузером «беседуют». Хайрам что-то рассказывает псу, а тот — ему. Но он беседует не только с Баузером. Ведет дружбу со всеми животными и птицами. Хайрам может, сидя во дворе, разговаривать с глупенькой, косящей глазом синичкой, и та никогда не улетает, а словно слушает его, склонив головку набок. Ей-богу, мне иногда верится, что она его понимает! Он еще наведывается в лес к кроликам, белкам, наносит визиты суркам и бурундукам. Он ходатайствует о сурках перед Баузером, убеждает того оставить их в покое. Говорит, что если Баузер не будет их пугать, они вылезут наружу и начнут с ним играть...

— Он немножко с придурью, правда?

— Вне всякого сомнения. Но ведь в мире масса людей, подобных ему. И не только в глухомани...

— Это прозвучало так, словно ты совсем не прочь к ним присоединиться?

— Да нет, просто я их не чураюсь. От них не исходит никакого зла, а скорее наоборот. Это простые души.

— Ты знаешь, Баузер чем-то похож на него.

— Не знаю, похож ли, но Баузер его просто обожает!

— Так ты сказал,— переменила тему Райла,— что у тебя здесь сорок акров? И на что человеку с твоим характером сорок акров?

— О господи, да ты только погляди вокруг! — ответил я.— И ты поймешь. Послушай птиц. Полюбуйся на тот яблоневый сад наверху. Деревья сплошь усыпаны цветами. Правда, надо бы их привить или опылить, а то плоды стали маленькими и кисловатыми. И родится их совсем немного. Следовало бы этим заняться. Ведь у меня тут есть редкие сорта. Одна старая яблоня из породы «снежных», парочка «коричных»... Если ты не попробуешь коричного яблока, ты не будешь знать, что такое вкус яблок вообще!

Она рассмеялась.

— Ну, Эйза, ты меня дурачишь, как всегда это делал раньше. Разыгрываешь в твоей особой, прелестной манере. Неужели ты думаешь, что я поверю: ты окопался здесь из-за пения птиц или забытых сортов яблок, которые тебе и привить-то неохота? Может, эти чудеса и играют свою роль, но тебя сюда привело совсем-совсем другое! Вчера вечером ты мне намекнул на какую-то гораздо более глубокую причину, и я была бы совсем не прочь ее узнать!

Я взял ее за руку.

— Пойдем,— сказал я.— Я покажу тебе кое-что.

Дорога вела мимо обветшавшего сарая с покоробленной провисшей дверью, пересекала угол фруктового сада с тощими деревьями и шла дальше, вдоль давно не возделывавшегося поля, сплошь заросшего сорняками и окаймленного лесом. Она обрывалась у самого края поля довольно крутым уклоном.

— Вот,— сказал я.— Воронка. Или что-то очень похожее.

— Ты, кажется, производил здесь раскопки? — спросила она, разглядывая траншеи, из которых я выгреб грунт.

— Именно,— кивнул я.— Местные жители даже считают меня из-за этого чуть чокнутым. Раньше они думали, что я ищу клад, и это их вполне устраивало, но когда никакого

клада не оказалось, а я все продолжал копать, то иначе как дуростью они это объяснить не могут.

— Да ну, вряд ли их это особенно могло занять,— отмахнулась Райла.— Да и вряд ли это воронка. А ну выкладывай, что это такое?

Я вздохнул:

— Ну, слушай. Мне кажется, что это кратер, возникший на месте аварии звездолета, произошедшей бог знает когда. Здесь попадаются кусочки металла, к сожалению, не такие уж крупные, чтобы внятно поведать о чем-нибудь, но все же расплавленные и спекшиеся. Этот корабль, или аппарат, как хочешь его назови, врезался в землю не как метеорит и не на слишком большой скорости, а, скорее всего, при посадке. Следов плазменной реакции здесь нет, но он был достаточно крупным, чтобы взрыть такую яму и уйти глубоко под землю. Я уверен, что его основная масса лежит на приличной глубине...

— А когда ты бывал здесь раньше, в детстве, эта яма уже существовала?

— В том-то и дело, что да. Правда, здесь кругом все изрыто минеральными карьерами, поскольку больше ста лет назад повсюду шныряли старатели и изыскатели в надежде на какие-то полезные ископаемые. Везде тогда бурились отверстия для определения возможных залежей. А потом все это было заброшено, но любая яма могла сойти за минеральный карьер. Мои приятели и я сам тоже считали эту воронку бывшим карьером и сами из любопытства тут копались. Старый хозяин фермы забавлялся этим и прозвал нас «рудокопами». Вот тогда-то мы и наткнулись на кусочки металла, но поскольку ничего ценного в них не обнаружили, то в конце концов потеряли к этой яме интерес. Зато впоследствии, мысленно возвращаясь к нашим находкам, я пришел к выводу, что это могли быть осколки космического аппарата. Ну вот, так я сгоряча и купил эту ферму. Но, по правде, нисколько об этом не жалею. Мне понравилось торчать здесь целыми месяцами...

— По-моему, это прекрасно! — сказала Райла.

Я удивленно уставился на нее.

— Неужели ты это всерьез?

— Да, всерьез. Мне понравилась твоя идея о звездолете.

— Но ведь ничего категорически утверждать нельзя!

Она встала на цыпочки и поцеловала меня в щеку.

— А это и не важно,— ответила она.— Мне нравится, что ты еще способен мечтать и даже уверить себя в такой возможности!

— А ты-то сама, трезвомыслящая деловая женщина, что об этом можешь сказать?

— Быть деловой женщиной значит суметь выжить, только и всего! В глубине души я остаюсь археологом, а стало быть, таким же романтиком, как ты!

— А знаешь,— сообщил я,— ведь мне очень хотелось поделиться с тобой этим, но я колебался, боясь, что ты в глубине души посчитаешь меня легковесным прожектером...

— Ну а какие у тебя все же аргументы в пользу этой версии?

— Да все те же спекшиеся кусочки металла. Они из какого-то неведомого сплава, я отсылал их в университет на экспертизу. Правда, сказал им, что нашел где-то случайно, и изобразил крайнее удивление, когда они проявили интерес. Мне совершенно не хотелось, чтобы они начали трубить об этой находке. Она пока что только моя. И так как никакой информации они не получили, то и толков никаких не возникло. Так вот, эти кусочки все же свидетельствуют о том, что они когда-то принадлежали некоей конструкции. Это тяжелый и исключительно твердый сплав с ужасающей прочностью на растяжение. Никакого следа ржавчины или царапин. И все же мне необходимы еще какие-то доказательства, иначе меня может занести в заоблачные дали... Я ведь иногда этим грешу.

— Эйза, перестань, никуда тебя не занесет. Твою гипотезу трудно переварить, хотя кое-что и говорит в ее пользу!

— Ну, тогда,— продолжал я,— послушай-ка еще кое о чем. Правда, тут уж вовсе нет научных свидетельств. Если не считать таковыми свидетельство моих собственных глаз и мои ощущения... Я обнаружил здесь некое странное соседство. Лучше было бы его тебе описать, но, по существу, ничего реального я ведь и не видел! Хотя я, несомненно, ощущал на себе чей-то взгляд, замечал какие-то промельки, иногда достаточно выраженные очертания, ясно осознавал чье-то присутствие. И хотя никаких научно обоснованных реалий я привести не могу, я уверен, что оно существует! Иногда нависает над садом, но не остается там подолгу. И похоже, что само за чем-то наблюдает!

— А кто-нибудь еще видел это явление?

— Как будто бы да. Здешние жители периодически говорят о какой-то «пуме», боятся ее, хотя откуда здесь пума, ума не приложу! В здешних сельских общинах всегда излюбленными были байки о медведе и пуме. В них есть что-то атавистическое, но ведь они продолжают занимать людей, эти страхи!

— Но... может, тут и вправду есть какие-либо крупные кошки, рыси например?

— Сомневаюсь. Их уже с полвека никто здесь в лесах не замечал. Но я полагаю, что то существо иногда может принимать очертания крупной кошки. И есть один человек, который знает об этом больше других. Он являет собой нечто среднее между Дэвидом Торо и Дэниелом Буном*. Живет большую часть своих дней в лесу.

— И что же он говорит по этому поводу?

— Мы с ним толковали. Он, как и я, не сомневается в наличии такого существа, но тоже не ведает, что же это такое...

— Но ты полагаешь, что между твоим звездолетом и тем существом имеется связь?

— Искушение так думать очень велико, хотя и может показаться, что версия чуточку притянута за уши. А заключается она в том, что речь идет о внеземном существе, спасшемся при аварии звездолета. Стало быть, оно живет немыслимо долго. Но с другой стороны, если это была авария, то кто смог бы уцелеть?..

— Мне захотелось взглянуть на те металлические кусочки.

— Нет проблем. Они в сарае. Посмотришь, когда вернемся домой.

Глава 4

Хайрам устроился на одном из шезлонгов во дворе, а Баузер растянулся возле него. Знакомая синичка все так же независимо скакала в нескольких шагах, весело и даже вызывающе оглядывая нас, непрошеных гостей, вторгшихся на ее территорию.

* Генри Дэвид Торо — американский писатель и философ XIX века, проповедовавший идеи единения человека с природой. Бун — легендарный отшельник, персонаж преданий.

Хайрам доложил:

— Баузер сказал, что не хочет оставаться в доме, вот я его и вывел сюда.

— Небось использовал тебя в качестве носильщика? Сам-то он вряд ли доковылял бы! — сказал я, глядя на собаку.

Баузер виновато забил хвостом.

— Синичка ему тоже посочувствовала,— сообщил Хайрам.— Вы можете идти по своим делам, мистер Стил. Я присмотрю за Баузером, пока он не выздоровеет. Буду при нем и день и ночь, если понадобится. А если он сам чего захочет, то и скажет мне.

— Ну и прекрасно, выхаживай его,— согласился я.— А у нас есть чем заняться!

...Я не без труда открыл провисшую дверь сарая. Не раз обещал сам себе ее починить, это потребовало бы пары часов работы, но было все как-то недосуг, а вернее всего, лень.

Сарай изнутри весь пропах конским навозом, давним, слежавшимся. В углу был свален всякий случайный хлам, но основное пространство занимали два длинных стола, которые соорудил я сам из досок и козел. На них были разложены все кусочки металла, выуженные мной из той ямы, а еще две полые яркие полусферы из какого-то неведомого металла. Я их нашел в сарае, когда прибирал хлам, брошенный бывшими владельцами фермы.

Райла подошла к одному из столов и взяла в руки зазубренный кусок металла. Она разглядывала его так и эдак, поворачивая в ладонях.

— Да, в точности как ты сказал. Совсем нет ржавчины. Лишь небольшая побежалость и изменение цвета. Но ведь в нем, по-видимому, содержится и железо, не так ли?

— И достаточно много,— ответил я.— По крайней мере, так утверждали сотрудники университета...

— Не всякий железистый сплав должен ржаветь,— задумчиво проговорила она.— Некоторые из них выдерживают довольно долго, но в конце концов хоть немного ржавчины на них появляется, когда с ними соприкасается кислород.

— А ведь прошло более ста лет,— согласился я.— Возможно даже, и намного больше. Виллоу-Бенд отметил свое столетие всего несколько лет назад, а воронка существовала наверняка еще до основания города. Она намного старше его. Ведь на дне ямы лежит слой грунта глубиной в несколько футов.

Для образования такого слоя требуется изрядное время. Много лет должно пройти, пока опавшие листья станут перегноем толщиной хотя бы в один фут!

— А ты не пытался приладить эти кусочки друг к другу?

— Ну как же, пытался, только из этого мало что вышло. Друг к другу более или менее подходят очень немногие из них.

— Так что же ты собираешься предпринять дальше?

— А не знаю, возможно, что и ничего! Знаю лишь, что буду пока держать факт этих раскопок в тайне. Ты единственная душа, которой я поведал обо всем. Скажи я такое кому-нибудь еще, меня бы подняли на смех. Или нашлись бы эксперты, которые всему придумывают весьма прозаическое объяснение...

— Я тоже так считаю,— согласилась Райла.— Но поскольку у тебя появилась такая необыкновенная возможность убедиться в наличии разумной жизни в космосе и в том, что Землю посетили инопланетяне, можно было бы и не обращать внимания на насмешки или превратные толкования!

— Но разве ты не понимаешь,— возразил я,— что любые торопливые умозаключения могут ужасно навредить, если вовсе не погубят дело? У человеческой расы ведь имеется странное инстинктивное предубеждение против идеи, что она не одинока во Вселенной. И вероятно, это прямое следствие нашей боязни заглянуть в глубь собственной сущности. А может, мы боимся, что иной инопланетный разум способен заставить нас почувствовать свою второсортность, неполноценность? Мы частенько сетуем на то, что одиноки в космосе, но это не более чем поза, риторическая фигура...

— И тем не менее,— философски заметила Райла,— рано или поздно люди с этим столкнутся. Так не лучше ли поразмыслить над имеющимися фактами пораньше? Ведь это позволило бы освоиться с мыслью об инопланетном разуме к тому времени, когда встреча станет реальностью...

— Многие с тобой согласились бы,— ответил я,— но только не безликая толпа, именуемая «публикой». Мы поодиночке можем быть мыслящими существами, способными к абстрагированию, но стоит нам оказаться частицею «массы», как мы становимся безмозглыми животными!

Райла прошла вдоль стола и остановилась около ярко блестевших двух полусфер. Она коснулась пальцем одной из них.

— А эти что же, тоже из раскопок?

— Нет, не оттуда. Не знаю, откуда они и взялись. Вместе они составляют совершенный шар. Толщина оболочки — один дюйм. Металл тоже исключительно тверд. Я хотел было отослать одну из них вместе с кусочками металла в университет, но передумал. Я ведь не уверен, что они имеют отношение к моей тайне, ибо нашел их здесь, в сарае, когда расчищал место для установки столов. Они лежали под здоровой кучей мусора, рваными сбруями, деревяшками, тряпьем и прочим хламом...

Райла приложила полусферы друг к другу и провела ладонью по линии их соприкосновения.

— Полностью совпадают,— отметила она,— но странно, нет ни скреп, ни даже следов от крепления. Полый шар, аккуратно разъятый на две половинки... У тебя-то есть на этот счет соображения?

— Вот уж ни малейших!

— А ведь объяснение может быть совершенно простым и вполне земным!

Я посмотрел на часы.

— В самом деле, давай вернемся к земным проблемам. Не пора ли подумать о ленче? — спросил я.— В двадцати милях отсюда вверх по дороге есть не такое уж плохое местечко.

— Но мы могли бы поесть и дома. Я бы приготовила что-нибудь!

— Ни в коем случае,— отрезал я.— Я хочу повести тебя куда-нибудь. Ты отдаешь себе отчет в том, что я никогда не водил тебя ни в один ресторан?

Глава 5

«Манхэттен» был совсем недурен. Я подумал, что это первый цивилизованный напиток, который я употреблял за несколько последних месяцев. Я ведь стал уже совсем забывать, каков вкус у приличных коктейлей. Я поведал об этом Райле.

— Дома я пробавляюсь пивом или тяну помои вроде скотча с двумя кубиками льда.

— Ты и впрямь совсем врос в свою ферму,— заметила она.

— Ты права. Но я совсем об этом не жалею. Должно быть, за всю жизнь я впервые удачно вложил деньги, купив ее. Ферма

дала мне год интересных размышлений и ощущение полного покоя. У меня ни того, ни другого не было раньше никогда. Да и Баузеру это место полюбилось.

— Господи, как трогательно ты заботишься о духовной жизни Баузера!

— Мы же с ним большие друзья. И оба терпеть не можем возвращаться к старой рутине...

— Но, по-моему, ты сказал, что и не вернешься? Что по окончании отпуска подашь в отставку?

— Говорил, говорил... Я ведь всегда жажду подать в отставку. Но, увы, это всего лишь мечты... У меня же нет особого выбора. И как бы мне ни претила мысль о возвращении в университет, я все равно буду вынужден это сделать. Я, конечно, не нищий, но и не настолько обеспечен, чтобы бросаться постоянным гарантированным заработком...

— Ох, но как же ты должен ненавидеть эту работу во имя куска хлеба насущного,— сказала она.— И особенно из-за невозможности продолжить твои раскопки!

— Раскопки могут и подождать. Им ведь не остается ничего другого!..

— Но, Эйза, это же недостойно тебя! Ты не должен так говорить...

— Может, и недостойно, но ведь ждали же они столько веков, могут еще малость потерпеть. И я ведь каждое лето буду сюда приезжать!

— Поразительно,— резюмировала Райла,— каким терпением обладают археологи! Должно быть, это профессиональная особенность. Они имеют дело со столь древними событиями, что время для них теряет всякий смысл.

— Говоришь так, словно сама никогда не была археологом!

— Да ну, я-то, конечно, и не была по-настоящему. Что у меня на счету? То лето с тобой в Турции, потом еще парочка никому не нужных раскопок в Огайо на летней стоянке индейцев. И потом около года в университете Чикаго, целиком убитого на составление каталогов. После такой практики не составило труда прийти к заключению, что это занятие не по мне!

— Вот тогда ты и переключилась на свою торговлю антиквариатом?

— Вначале завела небольшой магазинчик в верхней части Нью-Йорка,— кивнула она.— Но мне повезло, я попала в струю.

Как раз в это время очень оживились коллекционеры, и дело начало крепнуть. Но в связи с ростом интереса к антикварным изделиям такие лавчонки стали появляться как грибы. И тут я сообразила, что гораздо выгоднее быть поставщиком. Пришлось пустить в ход все мои сбережения, влезть в долги, но новое дело запустить все же удалось. Поработать пришлось засучив рукава, зато и удовольствие я от своих трудов получала немалое. Ассортимент моих покупок и продаж заметно расширился, это, наверное, с точки зрения моих бывших коллег, нарушало «чистоту жанра», но было вполне результативным, тем более что мне не терпелось поскорее добиться приличных прибылей!

— А ведь ты вчера тоже мне сказала, что хочешь выйти из бизнеса? Вроде бы продать дело?

— Да, хочу. У меня есть партнер, который мечтает откупить мою долю и готов заплатить за нее больше, чем она даже стоит. Он питает иллюзии насчет перспектив, но я-то знаю, что дело продержится не более трех лет...

— Насколько я понимаю, тебе все же будет остро недоставать активности, ты же так любишь бизнес!

Она пожала плечами.

— Ты прав. В бизнесе есть жестокость и атмосфера игры. Вот что меня в нем привлекает!

— Ну, ну, ну! Уж и жестокость! Это ты, что ли, жестокая?

— Это касается только бизнеса. Он выявляет мои худшие черты...

Мы разделались с напитками, и официант принес нам закуски.

— Еще по одному коктейлю? — спросил я.

Она покачала головой.

— Я себя ограничиваю. За ленчем — только одну порцию спиртного. Установила для себя такое правило много лет назад. На деловых ленчах и разных приемах обычно пьют так много, что невольно можешь и перебрать. Но я-то знаю, что может сделать с человеком лишний коктейль. Ну а ты, если хочешь, возьми себе еще!

— Ну нет, я как ты. А когда мы закончим наш ленч, если не возражаешь, поедем повидать местного Дэниела Буна.

— Что ж, чудесно! Но вдруг мы там задержимся? Как же быть тогда с Баузером?

— О, Хайрам ведь сказал, что позаботится о нем! Ты же сама слышала. Он побудет с Баузером, пока мы вернемся. В холодильнике есть мясо, в курятнике яйца. Он поделит мясо с Баузером, а потом посоветуется с ним, не пора ли идти в курятник за яйцами. Баузер спросит, который час, Хайрам ответит. Баузер заявит, что пора, и Хайрам пойдет собирать яйца...

— О господи, ну и фантазии же насчет этих разговоров с Баузером! Может, ты и сам полагаешь, что они беседуют, или вы оба валяете дурака? Интересно, Хайрам искренне думает, что может разговаривать с животными?

— А кто его знает,— ответил я.— Скорее всего, он именно так и думает. Впрочем, какая разница? Ведь никогда не можешь точно сказать, что понимают животные. Нельзя же отрицать, что они наделены индивидуальностями? И что с ними можно строить отношения? Вот когда Баузер раскапывает сурочьи норки, а я выхожу и вытягиваю его оттуда, облепленного грязью, он ни за что не желает идти домой. Он же совершенно бывает заворожен этим сурком! И тут я хватаю его за хвост и говорю: «Пшли домой, Баузер». Ты не поверишь: он после этого покорно плетется за мной! Но делает это только тогда, когда я его хватаю за хвост и говорю именно эти слова. Иначе он ни за что не пойдет! Ну и суди сама, что же это такое?

Райла расхохоталась:

— Боже! И Хайрам, и твой Баузер, и ты сам — все чокнутые!

— Разумеется чокнутые! К тому же если годами общаешься с собакой...

— А про кур ты забыл? Я их приметила. А может, у тебя есть и свинки, и лошадки, а еще... и пумы?

— Чего нет, того нет! Только куры. Из-за яиц и иногда гриля. Подумывал о покупке коровы, но слишком много возни...

— Эйза, мне хочется поговорить с тобой о деле. Ты сказал, что не желаешь вмешательства университетской публики в твои раскопки. По-моему, ты вполне этого добился. Ну а что, если в это вмешаюсь я?..

Я как раз собирался поднести ко рту вилку с салатом, но мне пришлось вернуть ее на тарелку. В словах Райлы мне почудилась какая-то угроза. Они меня насторожили.

— Вмешаешься? — повторил я.— Что ты подразумеваешь под этим?

— Позволь мне принять участие в твоей работе.

— Стоит ли спрашивать об этом? — ответил я.— Разумеется, ты можешь участвовать. Раз я тебе рассказал, значит, ты уже причастна к моим делам!

— Я говорю не только о твоей тайне и не прошу разделить со мной это открытие в качестве подарка. Я говорю о партнерстве. Тебе нельзя прерывать свои исследования, и я хочу помочь тебе тем, что нужно для их продолжения...

Я довольно резко прервал ее:

— Нет! Не продолжай. Я не могу этого принять! Ты предлагаешь мне финансирование, но я не желаю его!

— Ты говоришь это так, словно я предложила тебе нечто постыдное! — обиженно сказала она.— Не беспокойся, я не посягаю на твою независимость, не мечтаю тебя поработить... Просто я в тебя верю, и мне больно, что ты вынужден...

— Большой бизнес предлагает взять шефство над несостоятельным,— огрызнулся я.— К черту все это, Райла. Я не хочу никакого спонсорства.

— Очень жаль, что ты так это воспринял. А я надеялась на понимание!

— Да господь с ним, этим пониманием. Тебе надо бы знать меня получше. А ведь до сих пор все шло так прекрасно...

— Эйза, ты тоже должен был бы меня знать. Вспомни, как мы расстались. Какую ужасную размолвку перенесли! Она отняла у нас двадцать лет жизни. Не сделай так, чтобы она повторилась...

— Размолвку? Что-то не припоминаю никакой размолвки...

— Ну так, значит, я одна и пережила все, что тогда произошло. Ты смылся с двумя типами на попойку, начисто забыв обо мне. Потом пытался что-то объяснить, попросить прощения, говорил, что сожалеешь. Но я не захотела тебя слушать. Это случилось в день окончания раскопок, и у меня не оставалось времени, чтобы остыть и простить тебе обиду. Но мы не можем себе позволить поссориться сейчас. По крайней мере я этого не хочу. А ты?

— Нет,— отозвался я.— Совсем не хочу. Но я не могу взять у тебя деньги. Мне совершенно не важно, насколько ты состоятельна и как малы будут твои расходы...

— Вовсе не так уж я состоятельна,— отмахнулась она.— Ну хорошо. Давай забудем об этом разговоре, ладно? Я жалею, что завела его. И можно ли мне после этого еще немного побыть у тебя?

— Так долго, как только пожелаешь,— ответил я.— И навсегда, если тебе захочется.

— А как же твои друзья и соседи, что они скажут?

— Боюсь, ты права, здесь начнутся пересуды. В местечке, подобном Виллоу-Бенду, такая тема будет лакомой. Ну и что?

— Не вижу, чтобы тебя это особенно волновало.

— А почему это должно меня волновать? Я для них все тот же подросток-сорвиголова Стил, который вернулся в родной городишко неизвестно зачем. Они совсем не в восторге от меня и судачат даже вовсе без повода. Просто остро ощущают свою провинциальность, вот и все! А уж забивать себе голову их мнением было бы непростительной роскошью...

— Ну уж я-то и не собираюсь ничем таким забивать себе голову. Просто мне подумалось, а вдруг тебе понадобилось бы представлять меня им? Достаточно ли респектабельной я им покажусь?

— Ну вот уж проблема, которая меня никогда не займет! — ответил я.

Глава 6

— Так вы хотите знать про енота, который вовсе не енот? — спросил Райлу Эзра Хопкинс.— Я потратил бог знает сколько времени, чтобы догадаться, что это вовсе не енот!

— Вы уверены, что это не енот?

— Мисс, я уверен в этом. Но беда в том, что я не знаю, что же это такое. Если бы старина Рэнджер только мог говорить, он, наверное, рассказал бы вам побольше моего.

Он потянул за ухо поджарого охотничьего пса, лежащего возле его стула. Рэнджер лениво мигнул. Ему явно нравилось, когда его трепали за уши.

— Мы бы могли как-нибудь зазвать сюда Хайрама,— сказал я.— Он бы поговорил с Рэнджером. Хайрам уверяет, что может толковать с Баузером. Он с ним все время беседует.

— Ну ладно,— отмахнулся Эзра.— Мне неохота спорить об этом. Когда-то я это делал, но перестал.

— Давайте оставим в покое Хайрама и Баузера,— попросила Райла.— Пожалуйста, продолжим разговор о еноте.

— Я обошел эти горы вдоль и поперек и когда был мальчишкой, и когда повзрослел,— сказал Эзра.— Больше пятидесяти лет я тут брожу. Кое-что изменилось, но не так чтобы очень. Эта местность не слишком подходит для фермерского дела. Она вся в рытвинах и обрывах. Когда-то здесь пасли скот, но и он не очень-то любит забредать сюда. Время от времени здесь пытались заняться лесозаготовками, но и это не получалось, так как на вывоз древесины приходилось выбрасывать уйму денег. Прекратился и этот промысел. Поэтому здешние горы остались моими владениями. Со всем, чем они богаты. По закону мне принадлежат лишь несколько акров бросовой земли, на которой стоит моя лачуга, но, по сути дела, я владею всем, что имеется окрест.

— Вы любите горы,— отметила Райла.

— Ну да, это так. Любовь приходит через знание, а я эти горы знаю. Я мог бы показать вам вещи, о которых вы и не помышляли. Я знаю место, где еще есть розовые «дамские башмачки», дикорастущие цветы. Вот желтые — это уже выведенные специально, но розовые в неволе никогда не растут. Попробуйте пустить стадо коров туда, где растут розовые, и через два сезона они исчезнут совсем. Попробуйте нарвать охапку розовых «башмачков», и они больше не вырастут! Люди думают: их больше не найти в горах, но я знаю местечки, мисс, где они еще попадаются. Я никому их не показываю и сам никогда не рву. Я не хожу через эти полянки, а просто останавливаюсь в сторонке, гляжу на цветы, жалею. В общем, даю им жить. А еще я знаю, где логово самки-лисы. Оно в укромном месте. Она вырастила уже шесть выводков. Когда лисята подрастают, они вылезают наружу и резвятся возле норы: играют, борются, валятся наземь, покусывают друг друга. Забавные неуклюжие малыши. У меня есть место, откуда я их могу наблюдать. Я думаю, старая лисица чует, что я там сижу, но не подает вида. За все эти годы она убедилась, что от меня ей вреда не бывает.

Хижина прилепилась к подножию горы прямо над потоком, который несся, рокоча в своем жестком ложе. Деревья теснились вокруг домика, а выше виднелась обнаженная ка-

менистая земля горного склона. У стульев, на которых мы сидели перед хижиной, были подпилены задние ножки. Это позволяло выровнять их сиденья, скомпенсировав покатость почвы. На скамейке возле открытой двери стояли бадья с водой и умывальный таз. У одной из стен высилась поленница. Из трубы домика неторопливо вился дымок.

— Мне удобно здесь жить,— сказал Эзра.— Когда не хочешь многого, жить становится легко. Люди там, в городе, скажут вам, что я мало на что гожусь, да и сам я так думаю, но вопрос в том, чем измерить эту «пригодность»? Они говорят, что я попиваю, и это тоже истинная правда. Раза два в году я напиваюсь, но никогда не причиняю вреда никому. Да вряд ли кому-то пришло бы в голову, что я на это способен. Я ни разу никому не солгал. У меня есть один большой недостаток: я слишком много говорю. Но это потому, что я редко с кем вижусь. Вот людям и кажется, что я не могу молчать. Но довольно об этом. Вы же хотите услышать о дружке Рэнджера?

— Эйза не сказал мне, что это существо — приятель Рэнджера!

— О, они в самом деле приятели.

— Но вы же с Рэнджером охотились за ним?

— Да, когда-то, может, и охотились, но ничего из этого не получилось. Я смолоду был рьяным охотником, да и силки ставил. А теперь уже много лет ничего такого не делаю. Повесил на стену свои ловушки и устыдился, что когда-то их использовал. Иногда еще бью белок, кроликов или тетеревов для еды. Если и охочусь, то только как индеец: чтобы наполнить мясом котелок. Но бывают моменты, когда я даже этого не делаю. Рука не поднимается. Думаю, что как существо плотоядное имею право на охоту. По крайней мере, сам себе так говорю. Но у меня нет права на убийство просто так, без разумного основания. На убийство моих лесных братьев. Из всех видов охоты мне больше всего нравится охота на енота. Вы когда-нибудь испытали это?

— Нет, никогда,— ответила Райла.— Я вообще никогда не охотилась.

— Охотиться на енота надо осенью. Собака травит его до тех пор, пока енот не взберется на дерево, а уж тогда вы

можете его подстрелить. Убивают в основном из-за меха, но бывает — из спортивного интереса. Конечно, если называть убийство спортом! Хотя когда мне удавалось подстрелить енота, то я использовал не только шкуру, но и мясо. Некоторые полагают, что мясо енота не годится в пищу, но я вам скажу — они не правы. Да дело не только в самой охоте. Это еще шорохи осенней ночи, острая свежесть воздуха, запах палой листвы, ощущение единения с природой... Да еще и азарт охоты! Если только такую дрожь можно назвать азартом охоты.— Он помолчал.— Прошло довольно много времени с той ночи, когда я в последний раз убил енота. Рэнджер тогда был еще щенком. Но я бросил не охоту, я бросил убийство. Рэнджер выходил ночью, поднимал енота и загонял его на дерево. И я, охотник, наводил на него ружье, но никогда не нажимал на курок. Это была охота без единого выстрела. Вначале Рэнджер меня не понимал. Я было думал, что нарушу его психику, если не буду стрелять. Но он все понял. Собаки многое могут понять, если вы с ними терпеливы. Так мы и охотились не убивая, Рэнджер и я. Но однажды я вдруг заприметил одного енота, который сам вовлекал нас в погоню, не так, как другие. Он знал все охотничьи уловки, и много ночей Рэнджеру не удавалось загнать его на дерево. Сколько же мы за ним гонялись! Мне уже стало казаться, что погоня нравится еноту так же, как и нам. Этот старый самец был не глупее нас, а может, даже умнее. Он играл с нами так же, как мы с ним, и все время смеялся над нами. Вы не можете не оценить достойного соперника, не так ли? Но в то же время я стал немного злиться на него. Он был слишком хорош и дурачил нас вовсю. Поэтому не в силу какого-то обдуманного решения, а шаг за шагом я вдруг стал ощущать, что в отношении именно этого енота я больше не желаю придерживаться своего правила не убивать. Если бы Рэнджер смог загнать его на дерево, я бы убил его и тем разрешил проблему: кто же умнее, он или мы?.. Понимаете ли, охота на енотов — дело осеннее, но на этого енота правила уже не распространялись. Мы гоняли его по многу раз и в другие месяцы года. Рэнджер носился за ним и один. Эта игра становилась бесконечной. Игра между Рэнджером и енотом, да и мною тоже, когда я включался в погоню, невзирая на сезон.

— Но как вы могли знать, не видя его, что это енот? — спросила Райла.— Рэнджер ведь мог гоняться за кем угодно: за лисой, за волком...

Эзра твердо возразил:

— Рэнджер никогда ни за кем, кроме енота, не гонится. Он — охотник на енотов и происходит из династии таких собак.

Я сказал Райле:

— Эзра прав. Собака для енотов — это собака для енотов. И если она погонится за кроликом или лисой, она потеряет свою выучку.

— Итак, вы никогда не видели того енота,— сказала Райла,— и так и не смогли его убить?

— Да нет же, мне удалось! Я имею в виду — удалось его увидеть. Это случилось однажды ночью несколько лет назад. Рэнджер поднял его до рассвета, часа в четыре или около того, и я наконец различил его очертания на фоне неба. Он распластался на ветке у вершины дерева, стараясь выглядеть плоским и рассчитывая, что я его не замечу. Я поднял ружье, но так запыхался от погони, что не мог толком прицелиться. Дуло ружья все описывало и описывало круги. Тогда я опустил его и подождал, пока дыхание мое выровняется, а он все лежал, распластавшись вдоль ветки. Он должен был меня чуять, хотя я не шевелился. Затем наконец я поднял ружье и точно прицелился. Я положил палец на спусковой крючок, но так и не выстрелил. Прошла, должно быть, минута, пока я держал енота на прицеле. И я готов был нажать на курок, но все не решался. Не знаю, что на меня нашло. Глядя из сегодняшнего дня, я думаю, что вспомнил тогда ночные погони и понял, что они не повторятся никогда, если я сейчас выстрелю. И вместо достойного соперника я получу лишь покрытое мехом тело, и никто из нас более не насладится игрой. Не гарантирую, что именно так подумал, но я бросил свое ружье наземь. И в этот миг енот на дереве повернул голову и посмотрел мне в глаза...— Снова наступила пауза. Эзра продолжил: — И вот что интересно. Дерево-то было высокое, а енот находился у самой вершины. Близился восход, небо начало светлеть. Но енот был достаточно далеко от меня, и все же была еще ночь. Вряд ли я смог бы четко различить морду любого другого енота. Но когда этот повернулся ко мне, я увидел, что у него вовсе не морда енота! Это была скорее кошачья

морда. У него были усы, как у кота, и даже на таком расстоянии я сумел ясно разглядеть эти усы. Морда была крупной, круглой и абсолютно спокойной. Трудно подобрать подходящее определение. Глаза у него были большие, немигающие, похожие на совиные. Я, наверное, должен был со страху выпрыгнуть из собственных штанов. Но я остался стоять на месте, прикованный к этому «кошачьему лику», конечно, пораженный. Я понял наконец, не называя это словами и не додумывая до конца, что тварь, которую мы гоняли, вовсе не была енотом! И когда я это понял, он вдруг усмехнулся. Не спрашивайте меня, как он усмехнулся. Я не увидел его зубов, это точно, но я знал, что он улыбается. У меня просто возникло ощущение этой улыбки. И это была не усмешка торжества надо мной и Рэнджером, нет, это была дружеская улыбка. Он как бы говорил: «Не правда ли, мы так долго и так чудесно развлекались?» Тогда я поднял с земли свое ружье и пошел домой, а Рэнджер потопал за мной.

— Кое-что здесь не совпадает,— сказала Райла.— Ведь, по вашим словам, Рэнджер — охотник на енотов и ни на кого больше, так ведь?

— Это и меня озадачило,— согласился Эзра.— Было время, когда я об этом много размышлял и сомневался. Но после этой самой ночи Рэнджер еще много раз гонялся за ним, и я ради забавы присоединялся к нему. Я еще не раз видел лик старого кота, этот лик, глядящий на меня из кустов или ветвей деревьев. И когда он понимал, что я его вижу, он всегда мне улыбался. Улыбкой доброго друга... Вы ведь встречали его, Эйза?

— Несколько раз,— ответил я.— Он иногда зависает в моем фруктовом саду.

— И всегда это всего лишь лик,— подхватил Эзра.— Улыбающийся лик. Если там и есть туловище, то его невозможно различить. А иногда бывает и так, что это существо смотрит из куста на Рэнджера, а тот как сообщник стоит перед ним. Вы знаете, что я думаю?

— Что вы думаете? — спросила Райла.

— Я думаю, что Кошачий Лик предлагает Рэнджеру побегать. Он говорит: «Как насчет гонок сегодня ночью?» А Рэнджер отвечает: «О'кей!» Тогда Кошачий Лик спрашивает, как Рэнджер думает, пойдет ли Эзра с ними, а тот говорит: «Я с ним потолкую об этом!»

Райла весело рассмеялась.

— Как же это мило! — воскликнула она.— Как это мило и забавно!

Эзра кисло возразил:

— Для вас, может, и забавно. Но мне совсем не смешно. Для меня это реальность. И она кажется вполне логичной.

— Но что же это за явление? Есть ли у вас какие-либо мысли на этот счет?

— Конечно, я думал об этом. Но не знаю. Я говорил себе: может, это нечто, уцелевшее от доисторического прошлого? Или привидение? Из тех же времен? Хотя оно не очень-то похоже на привидение. А вы об этом что скажете, Эйза?

— Иногда он еле виден,— сказал я.— И можно сказать, кажется даже пушистым. Но ведь призрак не может быть пушистым, не так ли? Он совсем не похож на привидение.

— А почему бы вам не поужинать со мною? — предложил Эзра.— Мы могли бы посидеть и проговорить всю ночь напролет. Я не очень-то часто беседую с людьми, а мог бы порассказать целую кучу интересного. У меня на огне стоит большой котел, полный черепашьего жаркого; его в пять раз больше, чем мы с Рэнджером способны съесть. Я поймал двух молодых черепашек в маленькой запруде неподалеку отсюда. У старых мясо жестковатое, но у молодых — так и тает во рту. Вы наверняка пробовали много разносолов, но, отведав моего жаркого, вы ничего другого не захотите!

Райла посмотрела на меня.

— Мы могли бы остаться?

Я покачал головой.

— Очень соблазнительно, но нам надо возвращаться. В двух милях отсюда мы припарковали машину, и мне не хотелось бы добираться до нее в темноте. Нам лучше тронуться сейчас, пока еще светло и можно различить тропу.

Глава 7

Сидя за рулем по дороге домой, Райла спросила:

— Почему ты не сказал мне про этот Кошачий Лик?

— Сам не знаю,— ответил я.— Ведь у меня еще нет ясного ответа на вопрос, что же это такое. Поэтому я боялся, что ты мне не поверишь.

— И ты решил, что я поверю Эзре?

— Ну и как, ты поверила?

— Пока не пойму: и да, и нет. Все это звучит как небылица, легенда из глухомани. А сам Эзра похож на отшельника-философа. Я и не представляла, что на свете есть такие люди.

— Их не так уж и много. Это всего лишь осколки уходящей породы. Когда я был ребенком, таких бы здесь набралось с пяток. А когда-то их было немало. Моя бабушка называла их «старой командой». Эти люди никогда не женились, норовили уйти подальше от общества и жить как им заблагорассудится, полагаясь только на себя. И жили проще простого: готовили себе еду, стирали свою одежду, разводили маленькие огороды, держали для компании собаку или несколько кошек. Они зарабатывали на жизнь, нанимаясь к фермерам в рабочие сезоны, может быть, еще подрабатывая на лесозаготовках. Большинство из них ловили силками скунсов, мускусных крыс и других зверьков. Они старались жить вне долины, охотились, удили рыбу, собирали съедобные растения. Жили, что называется, из руки в рот, но это было им по душе, и они всегда выглядели довольными. И никаких забот, поскольку ни за кого не были в ответе. Они были бесхитростны и нерасчетливы. Когда им удавалось собрать немного деньжат, они все до цента тратили на выпивку, после чего возвращались в свои домишки, и потом, спустя несколько месяцев, им вновь удавалось наскрести денег на следующую выпивку. А когда они старились, слабели и уже были не способны себя обслужить, их либо отправляли в приюты для бедных, либо кто-то из соседей брал их к себе и поручал им нетрудную домашнюю работу. А бывало, они умирали в своих лачугах и оставались там лежать неделями.

— Все это представляется мне малопривлекательным. Какое-то нарочитое одиночество,— отметила Райла.

— По меркам современного общества, да,— согласился я.— Но дело в том, что именно так жили первопроходцы. И сейчас, представь, кое-кто из молодежи вдруг стал увлекаться такими идеями. Они тоже призывают к уходу от общества. И не может же быть, что все они дураки, не правда ли?

— Эйза, ты сказал, что тоже видел то существо, о котором говорил Эзра. А еще ты упомянул о страхах, связанных с «пумой». Выходит, и другие тоже могли его видеть?

— Только этим я и объясняю все эти байки о пумах! Кое-кто наверняка видел нечто, смутно смахивающее на большую кошку.

— Но улыбающаяся пума!

— Когда люди видят пуму или что-либо похожее на нее, они вряд ли успевают различить еще и улыбку. Они просто пугаются. И улыбка в их восприятии становится оскалом, а то и рычанием.

— Не знаю, не знаю,— протянула Райла.— Все это так фантастично! Да еще эти твои раскопки. И Баузер, раненный фолсомским дротиком, и свежие косточки динозавра!

— Ты все ждешь объяснений,— сказал я.— Райла, я ничего не могу объяснить! У меня большое искушение связать все воедино, но я не могу быть уверен, что эти загадки имеют общую причину. Пока что я ни в чем не уверен. И если ты решишь уйти, я не стану тебя осуждать. Вряд ли все эти открытия так уж приятны!

— Может, они не так уж и приятны,— отрезала Райла,— но они очень интригующие и очень важные! И если бы обо всех этих делах мне поведал кто-то еще, я бы подумала об уходе. Но я же знаю тебя, ты всегда был честен во всем, даже если тебе это грозило гибелью! Правда, все это меня немножко пугает. У меня такое ощущение, что я стою на краю неведомого, быть может, такой великой новой реальности, которая откроет нам новый взгляд на Вселенную!

Я рассмеялся, но смех мой вышел немного вымученным.

— А давай-ка не будем так уж всерьез принимать самих себя! — предложил я.— Давай будем двигаться последовательно. Так нам будет легче.

— Давай так и сделаем,— согласилась она, успокаиваясь.— Но я все думаю, как там дела у Баузера?..

Когда мы через несколько минут прибыли домой, выяснилось, что дела у Баузера идут вполне прилично. Хайрам расположился на заднем крыльце, а рядом, прижавшись к нему, растянулся Баузер. При виде нас он радостно завилял хвостом.

— Ну как он? — спросила Райла у Хайрама.

— Баузер о'кей,— ответил тот.— У меня и у него был неплохой денек. Мы сидели и смотрели на синичку да еще о многом говорили. Я ухаживал за тем местом, куда попала стрела.

Теперь, кажется, все в порядке. Кровь больше не течет, а рана начала затягиваться. Баузер — добрый пес. Он лежал тихо, пока я промывал рану. Даже не дергался. Понимал, что я ему помогаю.

— Ты нашел что поесть? — спросил я его.

— В холодильнике лежал кусок говядины, и мы с Баузером его поделили. Там еще немного оставалось, и я дал ему это на ужин, а себе поджарил яичницу. Мы с ним вместе собрали в курятнике яйца. Было всего одиннадцать.— Хайрам медленно поднялся и распрямился.— Раз вы уже здесь,— произнес он,— я, пожалуй, пойду домой. Вернусь утром проведать Баузера.

— Но если у тебя имеются другие дела,— сказал я ему,— то завтра можешь не приходить. Мы больше не отлучимся и сами присмотрим за ним.

— У меня есть чем заняться,— с достоинством ответил Хайрам.— Всегда можно найти, чем заняться, но я обещал Баузеру. Я сказал ему, что буду заботиться о нем, пока он совсем не поправится.— Он спустился по ступеням, дошел до угла дома, но вдруг приостановился.— Я забыл,— сказал он.— Я не запер курятник. Его надо закрыть. Тут много скунсов и лисиц.

— Ты иди,— успокоил я его.— Я сам запру кур.

Глава 8

И вновь шум разбудил меня, заставив вскочить с постели.

— Да что там опять такое? — сонно спросила Райла.

— Что-то происходит в курятнике.

Она протестующе повернулась ко мне.

— А что, бывают здесь спокойные ночи? Вчера вопил Баузер, теперь куры!

— Это, наверное, та проклятая лиса,— предположил я.— Она уже унесла трех кур. Мой курятник хуже решета.

Из ночной мглы доносилось кудахтанье перепуганных птиц.

Я пошарил ступнями под кроватью, нащупал шлепанцы и сунул в них ноги.

Райла села в кровати.

— Что ты собираешься делать?

— На этот раз я ее достану! — ответил я.— Не включай свет, ты ее спугнешь!

— Но ведь сейчас ночь,— сказала Райла.— Ты вряд ли сможешь увидеть лису.

— Сегодня полнолуние. Если она там, я увижу!

В чуланчике при кухне я нащупал двустволку и нашел коробку с патронами. Я загнал два из них в оба ствола. Баузер заскулил в своем углу.

— Ты останешься здесь,— приказал я ему.— И будешь лежать смирно! Не желаю, чтобы ты там болтался и спугнул лису!

— Будь осторожен, Эйза,— предупредила Райла, появившаяся в дверях гостиной.

— Не беспокойся. Все будет в порядке!

— Ты бы надел что-нибудь. Не стоит бегать по двору в шлепанцах и пижамных штанах!

— Сегодня тепло,— ответил я.

— Но там, наверное, выпала роса, и ты можешь промочить ноги.

— Да ладно, все будет в порядке,— возразил я.— Я не собираюсь быть там долго.

Ночь была почти по-дневному светлой. Прямо над моей головой сияла огромная золотая луна. В мягком лунном свете мой двор казался словно сошедшим с японской гравюры. В ночном воздухе густо благоухали гроздья сирени.

Отчаянное кудахтанье все еще не утихало. В углу у курятника рос большой куст махровых роз, и я прямиком направился к нему, стараясь ступать неслышно по мокрой, отяжелевшей от росы траве. Она была холодна, как и предупреждала Райла, но у меня почему-то возникло ощущение того, что лиса находится вовсе не в курятнике, а притаилась именно в розах. Вот я и шел к этому кусту с ружьем наизготовку. Было глупо так думать, убеждал я себя. Лиса либо еще в курятнике, либо уже улизнула, но уж никак не прячется в клумбе! Но неведомое чувство все же гнало меня к розам. И ощущение это, почти превратившееся в уверенность, заставляло меня одновременно удивляться тому, что я знаю, где лиса, и тому, как это возможно знать...

И в тот самый момент, когда я додумал это до конца, все мои мысли и все удивление куда-то улетучились. Из розового куста на меня пристально уставился лик — Кошачий Лик с усами, совиными глазами, усмешкой! Он глядел на меня не

мигая, и я никогда не видел его раньше так ясно и в течение такого продолжительного времени. Все прежние мои впечатления о нем были не более чем о мимолетных промельках. Но теперь лик этот был отчетлив, он завис в розовом кусте, лунный свет до мельчайших подробностей выявлял все его черты, вплоть до каждого волоска усов. И, несомненно, я разглядел его усы впервые. Раньше у меня было лишь общее впечатление, смутное понятие о них, но ничего столь ясного.

Завороженный и напуганный, но более завороженный, чем напуганный, и совершенно позабывший о лисице, я медленно продвигался вперед с ружьем наизготовку, хотя и знал, что не пущу его в ход. Я был теперь совсем близко, и что-то подсказывало мне, что ближе, чем следует. Но я все же сделал еще один шаг и оступился, или мне показалось, что оступился.

Когда я восстановил равновесие, розового куста уже не было и не было никакого курятника.

Я теперь стоял на отлогом склоне, покрытом низкорослой травой и лишайником, а близ вершины холма высилась березовая роща. Ночи больше не было. Светило солнце, но лучи его грели мало. И Кошачьего Лика не было тоже...

Позади себя я услышал глухое тяжелое шарканье и обернулся. То, что шаркало и топало, стояло неподалеку и имело десять футов в высоту. У него были блестящие бивни, а между ними свисал хобот, медленно качающийся из стороны в сторону, подобно маятнику. Существо это находилось всего в каких-нибудь двенадцати футах и двигалось прямехонько на меня.

Я побежал. Я понесся вверх по склону, как затравленный заяц. Если бы я не мчался так рьяно, этот мастодонт просто протопал бы по мне! Он не уделил мне никакого внимания, даже не удостоил взглядом. Он очень спешил, осторожно передвигая в пространстве свою массу и переставляя ноги с какой-то тяжеловесной грацией.

«Это мастодонт,— сказал я себе.— Господи помилуй, это же мастодонт!»

Мои мысли словно зациклились на этом названии. Мастодонт, мастодонт, МАСТОДОНТ — ни для чего больше в голове не оставалось места, только для этого слова. Я стоял спиной к березовой роще, и в голове, словно пронзая ее иглой, снова и снова звучало это слово. Между тем животное топало по ландшафту, заворачивая от холма вниз к реке.

Сперва, подумалось мне наконец, был воющий Баузер с фолсомским дротиком в ноге, а теперь вот я! Каким-то образом я переместился и, как это ни смешно, в том же направлении, что и Баузер!

И вот я здесь торчу, думал я, смешная фигурка, одетая лишь в пижаму и пару стоптанных шлепанцев, да еще с легкой двустволкой!

Временной туннель забросил меня сюда — то ли это широкая дорога, то ли тропинка во времени? Но как бы там она ни называлась, а во всех моих горестях замешан тот чертов Кошачий Лик, так же как он, несомненно, замешан и в шляниях Баузера во времени! Озадачивало то, что ни малейшего намека ни на какую временную тропу не было и в помине, когда я находился на расстоянии всего в один фут от Лика. Но, подумал я, а какие предупреждения об этом хотелось бы тебе иметь — дорожные знаки или хотя бы легкое мерцание в воздухе, что ли? Но никакого мерцания, я был абсолютно уверен, не наблюдалось!

Размышляя обо всех этих вещах, я подумал и еще кое о чем. Оказавшись здесь, я должен был как-то отметить то самое место, где стоял вначале, ибо только тогда у меня был бы хоть какой-нибудь шанс на возврат в мое собственное время. Впрочем, говорил я себе, вряд ли это так уж возможно было бы совершить. Но как бы там ни было, теперь уж никаких надежд на то, чтобы отметить «место прибытия», не осталось. Я так был напуган, когда дал стрекача, завидев мастодонта! И теперь вряд ли отыщу эту исходную точку.

Я пытался успокоить себя тем, что Баузер ведь тоже попутешествовал в прошлое и все же вернулся назад! Значит, возвращение не так уж невозможно, говорил я себе. Раз смог Баузер, смогу и я. И все же я ни в чем не мог быть уверен. У Баузера могло сработать обоняние при поисках временного туннеля, человеку же этого не дано.

Однако просто стоять здесь и сокрушаться вряд ли имело смысл. Это не могло ни решить проблему, ни хотя бы что-нибудь прояснить. А если я не смогу найти дорогу обратно в свое настоящее и мне придется здесь остаться навсегда, то не лучше ли осмотреться? Так я и сделал.

В том направлении, куда двигался мастодонт, в миле отсюда или около того, виднелось стадо, состоящее из четырех

взрослых особей и одного детеныша. Тот мастодонт, который чуть было не прогулялся по мне, спешил присоединиться к ним.

Это плейстоцен*, сказал я сам себе; но насколько я углубился в плейстоцен, определить было трудно.

Хотя сам рельеф местности оставался тем же, но вид ее был существенно отличен от привычного, ибо не было вовсе лесов. Вместо них простирались травянистые пространства, отчасти смахивающие на тундру. На них кое-где виднелись рощи берез и каких-то хвойных деревьев. Лишь вдоль реки глаз мог смутно различить желтоватые очертания ив.

Березы в ближней ко мне рощице были покрыты листочками, маленькими и еще слабыми и бледными. Земля под деревьями являла сплошной ковер первоцвета, чьи нежные венчики самых разных оттенков всегда показываются после того, как растает снег. Эти цветы были мне знакомы и почти тождественны тем, какие я помнил с детства. Тогда на этой самой земле я совершал большие переходы по лесу, чтобы набрать полные охапки первоцвета. Моя мать ставила эти букеты в невысокий коричневый кувшин и помещала его на самую середину кухонного стола. И даже туда, где я стоял, доносился будто из детства изысканный, ни на что другое не похожий незабываемый аромат этих хрупких растений.

Весна, подумал я, но для весны холодновато. Несмотря на то что светило солнце, меня пробирала дрожь. Ледниковый период, сказал я себе. В нескольких милях отсюда к северу наверняка проходит фронт ледника. А я торчу тут, одетый лишь в пижамные штаны и шлепанцы, правда, еще и с ружьем в руке! С двустволкой, заряженной всего двумя патронами. Ничего себе! И это все, чем я располагаю. У меня нет ни ножа, ни спичек, ничего! Я поглядел на солнце и понял, что оно движется к полудню. Если так холодно в полдень, то ночью вполне может ударить и мороз!

Огонь, подумал я. Я знал, как его получить. Кремень, если удастся его найти. Я напряг свою память, пытаясь вспомнить, попадались ли мне здесь кремни. Но если и попадались, что же дальше? Удар кремня о кремень — это искра,

* Плейстоцен — наиболее длительная эпоха четвертичного периода Земли, характеризовавшаяся образованием ледников и общим похолоданием.

но еще не огонь! Можно ударить и по стали, тоже получится искра, но ее также недостаточно, чтобы разжечь щепки или хворост. Ружье-то сделано из стали, но кремня же нет! Я вспомнил, что мне здесь ни разу не попадались кремни. Я бы мог, например, вскрыть патрон, высыпать из него порох на щепки, а потом выстрелить в это оставшимся патроном. Теоретически щепки, посыпанные порохом, должны воспламениться. Ну а если нет? Да и к тому же где эти самые щепки? Они должны быть там же, где есть гнилушки и старые бревна, но если я и найду такое бревно, я должен суметь его расколоть и расщепить так, чтобы извлечь из него сухую внутреннюю древесину. Можно, конечно, выстрелить в ствол березы и расщепить его. Может, это и даст что-нибудь, но я не очень-то хорошо представлял себе, что же это даст.

Я стоял, вконец расстроенный, измученный бесплодными рассуждениями и заползающим в душу страхом...

Вдруг я осознал, что вокруг меня довольно много птиц. Сперва цветы, теперь птицы. Я, конечно же, слышал их голоса с самого начала, но мой мозг, охваченный нахлынувшими на меня проблемами, не воспринимал их. Здесь были голубые сойки, сидевшие на стебельках сухих прошлогодних растений. Наверное, это были стебли коровяка, пытался зачем-то сообразить я. А рос ли в мое время здесь коровяк, был ли он местным растением или его занесли откуда-то? Значит, это вовсе не стебли коровяка... Но как бы там ни было, сойки цеплялись за эти раскачивающиеся стебельки и распевали свои песенки. Луговые жаворонки выскакивали из травы и взмывали в небо, изливая оттуда трели чистой радости. В ветвях берез прыгали какие-то пичуги, должно быть, прародители наших воробьев. Они с писком перескакивали с ветки на ветку. Вся местность буквально кишела птицами.

Очертания ее, когда я немного освоился, становились все более и более мне знакомыми. Это обнаженное место вдоль берега реки было все той же «ивовой излучиной». Река струилась с севера, отклонялась на запад, потом снова поворачивала к востоку. И вся эта петля, эта речная излучина была окаймлена зарослями ивняка.

Мастодонты начали удаляться в глубь долины. Кроме них и птиц, я не заметил других признаков живых существ. Но это вовсе не означало, что их здесь нет. Например, саблезу-

бых тигров, гигантских волков или даже пещерных медведей. У меня была от них временная защита, но, увы, только временная! Когда два моих патрона будут выпущены из ружья, я стану полностью безоружен, а ружье будет не более полезно, чем простая палка.

Внимательно всмотревшись вдаль и не увидев никаких хищников, я спустился по склону и направился к реке, которая, как я обнаружил, была полноводнее и быстрее, чем в мое время. Возможно, это было следствием таяния льда на севере.

Желтый ореол вокруг ив, видневшийся мне издалека, объяснялся тем, что они были покрыты сережками, похожими на крупных пушистых гусениц, обсыпанных золотистой пыльцой. Поток был прозрачен и чист, настолько чист и прозрачен, что я различал голыши, перекатывавшиеся на его дне, и блики света, отражаемые телами играющих рыб, проносящихся по воде быстрыми стайками.

Вот и пища, сказал я себе. Безо всякого крючка и удочки. Я мог бы сплести сеть из гибких ветвей ивняка, закрепляя ее ячейки полосками ивовой коры. Это должна быть нелегкая работа, и сеть может получиться неуклюжей, но ее все же можно сплести. Я должен сделать эту сеть и ловить ею рыбу! Я прикинул, насколько годится в пищу сырая рыба, и слегка засомневался в этом.

Но если мне суждено здесь остаться, сказал я себе, и если нет дороги обратно в мое собственное время, то так или иначе, тем или иным способом, но я должен добыть огонь. Он мне нужен для обогрева и для приготовления пищи.

Стоя там, на берегу реки, я попытался рассортировать все наличные факты. Рассматривая ситуацию реалистично, я должен был примириться с мыслью, что мои шансы на возвращение в Виллоу-Бенд весьма незначительны.

А это означало, что здесь у меня уйма работы. Первым делом надо было определить главные задачи. Найти кров сейчас важнее, чем найти пищу. Если понадобится, могу немного и поголодать. Но до наступления ночи я должен найти место, где смогу укрыться от ветра, а еще надо попытаться хоть както укрыть свое тело от холода. Очень важно было, и я это знал, не поддаться панике! Я вообще не из породы паникеров, а сейчас тем более я не мог себе это позволить.

Убежище, огонь и пища — в этих трех вещах я нуждался в первую очередь. Первым было убежище, потом по степени важности шел огонь, а пища могла бы немного подождать. Рыба, если я сплету сеть, решит проблему еды, но здесь должна быть и другая пища. Возможно, какие-нибудь клубни или корневища, даже листья и кора, хотя я и не знал, насколько это безопасно. Возможно, я бы и узнал, если бы мог увидеть, что едят медведи или другие животные. Тогда это была бы наверняка безопасная пища. Но все же такой еды было бы не вполне достаточно, она не вполне сытна и ее не так уж много, поэтому мне необходимо оружие, хотя бы дубинка. И если мне не удастся разыскать подходящий для этого сук, то сойдет и ружье, хотя оно и тяжеловато и его вряд ли удобно держать за дуло. Палка, конечно же, куда лучше! Наверное, я сумею раздобыть подходящую палку. Она должна быть из выдержанной древесины, такой, которая не разлетится при первом же ударе...

Лук и несколько стрел еще лучше, и со временем я, разумеется, смогу смастерить и такое оружие. Я должен найти острый камень или такой, который можно было бы расколоть для получения режущего края. С его помощью я бы смог отпилить ветку и сделать из нее лук. Мальчиком, помню, я был одержим идеей вольной жизни с луком и стрелами. Правда, здесь мне понадобилась бы тетива, но ее можно было бы смастерить из корней, из прекрасных упругих корней. А что, не корнями ли кедра еще индейцы прошивали свои каноэ? Прошло много лет с тех пор, как я читал «Песнь о Гайавате», но ведь в ней что-то об этом говорилось! Я был уверен, что там упоминались корни кедра, которые используют, когда строят каноэ! Возможно, те хвойные деревья, что растут здесь, и есть кедры, и я мог бы выкопать их корни?

И, раздумывая обо всем этом, я повернул от реки и направился обратно к березовой рощице. Я взял правее и поднялся немного выше по склону, поскольку решил, что мне следует теперь же начать искать убежище для ночлега. Прекрасно бы найти пещеру или что-нибудь в этом роде. Но если ничего такого я не найду или если пещера окажется непригодной, то я на худой конец мог бы укрыться в хвойном леске. Ветви большинства хвойных деревьев низко пригибаются к земле, и

хоть они и не очень защитят от холода, от ветра все же смогут укрыть.

Я добрался до вершины невысокого холма и собрался сойти по другому его склону, высматривая, нет ли там подходящего убежища. Но, еще не начав спускаться, я увидел то, что искал. Это была яма в самой земле. Остановившись на ее краю, я посмотрел вниз. И прошло несколько секунд, пока до меня дошло, что же именно я нашел!..

Меня осенило внезапно. Это была та самая яма, где я производил свои раскопки!

Но она и в эту незапамятную эпоху уже была совсем старой! Ничего не говорило о том, что она возникла недавно. Она просто была чуточку побольше, чем в мое собственное время, но выглядела совершенно такой же древней. Ее стены поросли травой и небольшими березками, имевшими какой-то причудливый уклон. Я присел на корточки на краю своей воронки, рассматривая ее. И тут надо мной пронеслась какая-то странная волна ужаса. У меня возникло невыносимое ощущение материальности времени. Если бы этот кратер хотя бы был новым или сравнительно молодым, то это, наверное, неведомым образом успокоило бы меня. Но почему-то, в силу непонятных мне причин, чудовищная старость этой ямы вызвала у меня чувство глубокой подавленности...

Чей-то холодный нос прикоснулся к моей голой спине, и я, потеряв равновесие, прянул вперед. Я кубарем скатился вниз по склону кратера, до самого дна, обронив по дороге свое ружье. Перевернувшись на спину, я с опаской глянул вверх, чтобы увидеть существо, ткнувшее меня носом.

Но это не был ни саблезубый тигр, ни пещерный волк! Это был Баузер, который смотрел на меня сверху вниз с глуповатой ухмылкой на морде и неистово вилял хвостом!

Пустив в ход локти и колени, я дополз до верхнего края ямы, обвил руками моего пса и сжал его в объятии. А он изо всех сил старался умыть мое лицо мокрым шершавым языком.

Я поднялся на ноги и схватил его за хвост.

— Пшли домой, Баузер! — пронзительно крикнул я.

И мой хромающий Баузер, чья задняя нога еще плохо двигалась из-за «фолсомской» раны, привел меня прямо к дому.

Глава 9

Я сидел за кухонным столом, завернутый в одеяло, и пытался унять холод в костях. Райла хлопотала у плиты.

— Надеюсь,— резюмировала она,— ты не подхватил простуды!

Я дрожал и никак не мог совладать с этим.

— Там было холодновато,— признался я.

— Ну что ж, это же была твоя идея выскочить наружу, не имея на себе ничего, кроме низа пижамы?

— Там были северные льды,— сообщил я.— Я практически ощущал эти льды. Уверен, что находился не далее чем в двадцати милях от переднего края ледника. Эта местность не испытала ледяного дрейфа. Время от времени ледник спускался на юг, обтекая ее с обеих сторон, и ни разу, по-видимому, не прошел по ней. Никто толком объяснить не может, почему так происходило. Но на расстоянии двадцати–тридцати миль к северу вполне мог быть лед.

— У тебя было ружье,— вспомнила она.— Куда ты девал его?

— Ах да, когда Баузер подошел сзади и притронулся ко мне, я обезумел от страха и, падая в яму, выронил его. А когда увидел Баузера и выкарабкался наверх, уже было не до ружья, и я не стал за ним спускаться. Все мои мысли были только о том, что он может меня вернуть домой!

Она поставила на стол блюдо с оладьями и села напротив.

— Смешно,— произнесла она.— Мы здесь сидим и толкуем о твоем возвращении из времени так, будто это что-то вполне обыденное!

— Только не для меня,— ответил я.— Вот для Баузера — пожалуй. Что касается его, то я думаю теперь, что он способен перемещаться во много разных времен. Он же не мог быть ранен фолсомским наконечником в то самое время, когда нашел и приволок сюда кость мертвого динозавра?

— Для того чтобы заполучить фолсомский дротик,— сказала Райла,— он должен был переместиться не более чем на двадцать тысяч лет назад. Может, даже и меньше. А ты уверен, что в том времени, где побывал ты, не было признаков человека?

— Каких именно признаков? Отпечатков стопы? Сломанных стрел, валяющихся вокруг?

— Я думала о дыме.

— Нет, никакого дыма там не было и в помине. Единственным надежным признаком этого времени был чертов мастодонт, который чуть было не прогулялся по мне!

— А ты уверен, что вернулся из прошлого? Ты, часом, не издеваешься ли надо мной? Ты, случайно, не вообразил все это?

— Ну ладно! Я вернулся из ближнего леса, где спрятал ружье, где свистнул Баузеру, схватил его за хвост и...

— Прости меня, Эйза! Я знаю, что все это произошло и ты ничего не придумал. Так ты полагаешь, что это проделки «кошкиной морды»?.. А впрочем, давай-ка есть оладьи, пока они еще не остыли. Глотни-ка кофе, он горячий и должен согреть тебя.

Я подцепил вилкой несколько оладий, положил их на свою тарелку, смазал маслом, полил сиропом.

— А ты знаешь,— вздохнула Райла,— ведь мы с тобой уже кое-что имеем!

— Святая правда. Мы имеем место, куда не следует соваться, гоняясь за лисицей!

— Я говорю серьезно,— возразила она.— Мы можем получить нечто грандиозное. Если ты открыл возможность передвигаться во времени, то тебе надо подумать, что из этого можно извлечь.

— Ни за что на свете! — взорвался я.— Я больше не сваляю такого дурака! С меня хватит! Если я увижу Кошачий Лик снова, я повернусь кругом и постараюсь унести ноги подальше. Нельзя снова попасть в эту ловушку! Я же не могу рассчитывать, что Баузер каждый раз будет меня оттуда вызволять и приводить обратно!

— Но если бы ты научился этим управлять...

— Как же я могу этому научиться?

— Ты бы вполне смог с помощью Лика.

— Какого черта! Я ведь не могу даже с ним поговорить!

— Не ты. Может быть, Хайрам. Он вполне мог бы поговорить с Кошачьим Ликом. Он ведь разговаривает с Баузером, не так ли?

— Он воображает, что разговаривает. Он думает, что и с синичкой тоже ведет беседы!

— Но как знать, может, так оно и есть?

— Ну, Райла, не будь же ты так легковерна!

— Нет, буду. Как ты можешь уверять, что он не общается с Баузером. Как человек науки ты...

— Я всего-навсего узкий специалист!

— Ну что ж, даже как узкий специалист ты прекрасно знаешь, что нельзя занимать позиции, ни отрицательной, ни положительной, пока у тебя нет очевидных фактов. И вспомни, что говорил о Лике Эзра. Он же тоже предположил, что Рэнджер договаривается с ним о погонях!

— Старый Эзра — просто псих. Очень симпатичный, правда. Но псих есть псих!

— А Хайрам, по-твоему, тоже псих?

— Хайрам не псих, он дурачок.

— Но, может быть, именно симпатичные психи, дурачки и собаки могут делать то, что нам не под силу? А что, если у них есть способности, которых мы лишены?..

— Райла, мы не можем рискнуть и навести Хайрама на Лик...

Входная дверь скрипнула, и я обернулся. Хайрам неловко протиснулся в дом.

— Я слышал вас,— заявил он.— Вы говорили обо мне и каком-то лике.

— Мы тут обсуждаем,— объяснила Райла,— не доводилось ли вам когда-либо разговаривать с Кошачьим Ликом так, как вы говорите с Баузером?

— Вы говорите о той штуке, что повисает в вашем саду?

— Значит, вы видели его?

— Много раз. Он выглядит как кот, но никакой это не кот! У него только голова и есть. А тела никакого не видать.

— А вы говорили с ним когда-нибудь?

— Иногда. Но смысла в этом никакого. Он говорит о таких вещах, которые я совсем не понимаю.

— Вы хотите сказать, что он употребляет неизвестные вам слова?

— Можно сказать и так. Есть неизвестные слова. Но больше мысли. Такие, каких я никогда не слышал. Хотя слова-то вроде и знакомые. А еще занятно, что он не открывает рот и

звуков не слышно никаких. А я вроде разбираю слова. Вот совсем как с Баузером. Он ведь тоже вслух ничего не говорит, не издает звуков, не открывает рта, а я понимаю все словами.

Я сказал:

— Хайрам, пододвинь-ка стул и садись завтракать с нами!

Он смущенно затоптался на месте.

— Не знаю, как и быть. Я ведь уже завтракал...

— У меня осталось еще тесто,— сказала Райла.— Я сейчас поджарю еще оладий.

— Ты ведь никогда не отказывался со мной позавтракать,— заметил я.— И не важно, сколько ты раз завтракал до этого. Не менять же наших правил из-за Райлы? Она ведь друг, и она у меня в гостях. И раз она взяла эту заботу на себя, так давай ей поможем!

— Ну ладно,— решил Хайрам.— Коли так, то я составлю вам компанию! Мисс Райла, дайте мне оладий да погуще полейте их сиропом!

Райла подошла к плите и вылила на сковородку изрядную порцию теста.

— По правде говоря,— сообщил Хайрам,— я к этой штуке с кошачьей мордой отношусь по-доброму. Когда-то я немножко ее побаивался. Она ведь смешная и смахивает на чучело. Голова большая, а тела не видать. Похоже, будто эту голову намалевали на большом воздушном шаре. Она ведь никогда не отводит глаз от вас и никогда не мигает!

— Дело в том,— сказал я ему,— что для нас с Райлой очень важно с этой штукой поговорить. Так считает мисс Райла. Но я не умею с ней разговаривать. Это можешь сделать только ты.

— Вы думаете, больше никто не может?

— Но ведь никто, кроме тебя, не может говорить с Баузером!

— И если вы согласитесь поговорить с Кошачьим Ликом,— подключилась Райла,— то знайте, что это должно остаться в тайне. Никто, кроме нас с Эйзой, не должен знать ни о том, что вы с ним разговаривали, ни то, о чем вы говорили.

— А Баузер? — протестующе спросил Хайрам.— Я не могу иметь секретов от Баузера. Он мой лучший друг, и я должен это ему рассказать.

— Ну что ж,— согласилась Райла.— Я думаю, что вреда не будет, если вы расскажете все Баузеру. Но только ему!

— Я вам обещаю,— торжественно сказал Хайрам,— что он тоже ни одной душе ничего не скажет. Если я его попрошу, он не проронит ни звука об этом!

Райла без улыбки взглянула на меня.

— Как ты считаешь, можно ли в это дело посвятить Баузера?

— Баузера можно,— согласился я,— поскольку он, понятное дело, никому не скажет.

— О, он не скажет,— обещал Хайрам.— Я предупрежу его обо всем.

После этого он переключил все свое внимание на блюдо с оладьями, затолкав в рот немалую толику и позволив сиропу спокойно стекать по своему подбородку.

После девятой оладьи он оказался готовым к подведению итогов беседы.

— Вы сказали, что, если я поговорю с Кошкиным Ликом, это будет что-то важное?

— Да, так и будет,— заверила его Райла.— Но вот то, о чем именно надо говорить, немножко трудно вам объяснить...

— Вы хотите, чтобы я поговорил с ним о том, что у вас на уме, и передал вам то, что он скажет? И чтобы об этом знали только мы четверо?

— Мы четверо?

— Баузер,— сказал я.— Ты забыла, что четвертый — это Баузер.

— Ах да,— ответила Райла,— мы не должны забывать о старине Баузере!

Хайрам повторил свой вопрос:

— Это будет только наш секрет, секрет нас четверых?

— Именно так оно и будет,— подтвердила Райла.

— Я люблю секреты,— радостно заявил Хайрам,— они дают мне чувствовать себя важной персоной...

— Хайрам,— приступила к делу Райла,— вы ведь знаете, что такое время, не так ли?

— Время — это то, что вы видите,— ответил он,— когда смотрите на часы. Тогда вы можете сказать, что время полдень, или три часа, или шесть часов.

— Это верно,— сказала Райла,— но слово «время» означает еще кое-что. Вы знаете, что мы живем сейчас в настоящем времени, но потом, когда пройдут годы, о нас скажут как о «прошлом»?

— Как вчера,— подсказал Хайрам.— Вчера — это тоже прошлое.

— Да, правильно. Но прошлое — это и то, что было сто лет назад и миллион лет назад.

— Я не вижу, какая в этом разница,— сказал Хайрам.— Если все это прошлое.

— А вы никогда не думали о том, как славно было бы прогуляться в прошлое? Вернуться в то время, когда здесь еще не появились белые люди, а были лишь индейцы? Или отправиться в то время, когда и людей не было?

— Я никогда об этом не думал,— произнес Хайрам.— Я не думал об этом, потому что вряд ли такое можно сделать.

— Мы полагаем, что Кошачий Лик знает такой способ. Нам бы хотелось поговорить с ним о том, как это делается и не может ли он нам в этом помочь?

Хайрам некоторое время сидел молча, с видимым усилием пытаясь переварить услышанное.

— Вы хотите отправиться в прошлое? — спросил он наконец.— А зачем вы хотите это сделать?

— Вы знаете что-нибудь об истории?

— Конечно знаю. Меня пытались учить истории, когда я ходил в школу, но я не особенно годился для учебы. Я никогда не мог запомнить все ихние даты. Там все говорилось про войны, да про то, кто был президентом, да еще про всякую всячину вроде этого.

— Есть люди,— продолжала Райла,— которых называют историками. Их дело — изучать прошлое. И есть очень много такого, в чем эти историки не уверены, так как люди, писавшие о разных событиях, иногда ошибались. А вот если бы они смогли вернуться назад во времени и увидеть своими глазами, как все это было, и поговорить с людьми, жившими в прошлом, то они все поняли бы гораздо лучше и смогли бы написать историю куда удачнее.

— Вы хотите сказать, что мы можем вернуться в прошлое и увидеть, как все было много-много лет назад? Взаправду отправиться туда и взаправду увидеть?

— Вот это самое я и хотела сказать. Вам бы интересно было это повидать, Хайрам?

— Ну, я бы не сказал,— пробормотал Хайрам.— Сдается мне, вы хотите создать себе много хлопот...

Я прервал их беседу.

— По сути дела,— пояснил я,— ты вовсе никуда не должен отправляться, если только сам этого не захочешь. Все, что нам от тебя нужно,— это чтобы ты выяснил, если сумеешь: знает ли Кошачий Лик что-нибудь о передвижении во времени и может ли он нам рассказать, как такое делается?

Хайрам пожал плечами.

— Я должен буду слоняться ночь напролет где-нибудь поблизости, скорее всего в саду. Он иногда появляется и днем, но больше по ночам.

— Ну так ты собираешься нам помочь? — спросил я.— Ты бы мог отоспаться и днем!

— Почему бы и нет, если Баузер согласится пойти со мной. Ночь — дело одинокое, но если Баузер будет со мной, то ничего.

— Я думаю, с этим все будет в порядке,— заверил я его.— При условии, что ты наденешь на Баузера ошейник и будешь крепко держать за поводок, никуда от себя не отпуская. И еще одно запомни: когда увидишь Кошачий Лик, останься на месте и говори с ним оттуда. Ни за что не приближайся к нему!

— Мистер Стил, а почему я не должен ни за что к нему приближаться?

— Я не могу тебе сказать почему,— ответил я.— Ты просто должен мне поверить. Мы с тобой знаем друг друга порядочно времени, и ты помнишь, что я тебе никогда не говорил ничего неправильного?

— Я знаю, вы и не станете говорить такого. И вы не должны мне объяснять почему. Раз вы так сказали, значит, так тому и быть. Ни я, ни Баузер не приблизимся к нему ни за что.

— Так вы это сделаете?! — воскликнула Райла.— Вы поговорите с Кошачьим Ликом?

— Я сделаю то, что смогу,— ответил Хайрам.— Я не знаю точно, что из этого получится, но я буду стараться изо всех сил.

Глава 10

Виллоу-Бенд — городок невеликий, и его деловая часть занимает не более квартала. На одном углу этого квартала расположился супермаркет, напротив него — аптека. Дальше идет скобяная лавка, парикмахерская, обувной магазин, булочная, магазин готовой одежды, бюро транспортных услуг, объединенное с нотариальной конторой, магазин электротоваров, ремонтная мастерская, почтовая контора, кинотеатр, банк и пивной бар.

Я нашел свободное место перед аптекой и, припарковав машину, вышел, обошел ее, открыл дверцу для Райлы. Навстречу нам с противоположной стороны улицы устремился Бен Пэйдж.

— Эйза,— воскликнул он,— давненько же я тебя не видел! Ты не так уж часто жалуешь нас своим появлением здесь.

Он протянул руку, и я пожал ее.

— Появляюсь по мере надобности,— сказал я и, повернувшись к Райле, добавил: — Мисс Эллиот, познакомьтесь с Беном Пэйджем, нашим мэром и банкиром.

Бен приветственно выбросил руку.

— Добро пожаловать в наш город! — произнес он.— Вы к нам надолго?

— Райла — мой товарищ,— объяснил я.— Мы несколько лет назад производили раскопки в Малой Азии.

— Я не знаю, сколько здесь пробуду,— ответила Райла Бену.

— Вы из Нью-Йорка? — спросил Бен.— Кто-то говорил, что вы оттуда.

— А кто, черт возьми, мог об этом знать? — буркнул я.— Мы тебя первого здесь встретили.

— Да, наверное, Хайрам,— сказал Бен.— Он говорил что-то о машине с нью-йоркскими номерами. А еще он говорил насчет стрелы, ранившей Баузера. Это правда?

— Да, его кто-то ранил,— подтвердила Райла.

— Ну, скажу я вам, мы с этими подростками еще наплачемся,— подхватил Бен.— Они вечно вытворяют какие-то пакости! У них нет ничего святого. Скоро совсем одичают!

— А может, это и не ребенок сделал? — спросил я.

— А кто же еще? Эта выходка как раз в их духе. Прошлой ночью кто-то из них проколол мне шины. Я вышел после киносеанса и увидел, что все четыре покрышки осели.

— Ну а почему они так сделали? — поинтересовалась Райла.

— Понятия не имею. Просто они ненавидят всех, наверное. Эйза, когда мы с тобой были детьми, мы ничего подобного никогда не вытворяли! Мы бегали на рыбалку, помнишь, охотились осенью, а было время, когда ты нас всех увлек раскопками в этой воронке...

— Я и сейчас там копаю,— кивнул я.

— Я знаю, что копаешь. Ну и что, выкопал что-нибудь?

— Не так чтобы очень уж много...

— Ну ладно, я должен идти,— сказал Бен.— Кое-кому назначил встречу. Было приятно познакомиться, мисс Эллиот! Надеюсь, вам у нас понравится.

Мы смотрели ему вслед, пока он удалялся по тротуару.

— Это твой старый приятель? — спросила Райла.— Один из вашей компании?

— Один из компании,— подтвердил я.

Мы перешли улицу и зашли в супермаркет. Я взял тележку и покатил ее по проходу.

— Нам нужны картофель, масло, мыло и масса чего еще.

— А ты не составил списка?

— Я очень неорганизованный хозяин дома,— признался я.— Все пытаюсь запомнить наизусть и вечно что-нибудь упускаю!

— Ты многих знаешь в этом городе?

— Знаю некоторых. Кое-кого еще с детства, тех, кто никогда отсюда не уезжал. А еще с кем-то познакомился после возвращения.

Мы медленно катили тележку. Я, конечно, забыл в нее положить кое-что, но Райла, руководствуясь своим «мысленным списком», напомнила мне обо всем необходимом. Наконец мы подкатили тележку к кассе-контролю. Перед нами у кассы оказался Герб Ливингстон, только что вываливший на стойку охапку покупок.

— Эйза! — заорал он, изображая, как всегда, небывалую радость от встречи.— Я как раз собирался звонить тебе насчет новой заметки. Слышал, ты обзавелся компанией?

— Райла,— сказал я,— познакомься с Гербом Ливингстоном. Он тоже один из старых членов нашей команды. Теперь он владелец местной газеты.

Герб излучал радость.

— Я рад, что вы посетили нас! — объявил он Райле.— Слышал, что вы из Нью-Йорка. Полагаю, из города Нью-Йорка, а не из штата?

Он вытянул из кармана пиджака блокнот, а из кармана рубашки коротенький карандаш.

— Могу я узнать, как ваша фамилия?

— Эллиот,— сообщила Райла.— Два «л» и одно «т».

— Так вы навестили Эйзу? Полагаю, что именно за этим вы и приехали сюда?

— Мы давние друзья,— сухо пояснила Райла.— Работали вместе в Турции в конце пятидесятых...

Герб что-то нацарапал в своем блокноте.

— А теперь чем занимаетесь?

— У меня экспортно-импортный бизнес.

— Понимаю,— кивнул Герб, яростно покрывая каракулями страничку.— И вы остановились на ферме у Эйзы?

— Вот именно,— подтвердила Райла.— Я приехала, чтобы побыть с Эйзой. Я живу у него дома. И с ним!

Когда мы повернулись к своей тележке, она негромко заключила:

— Не сказала бы, что твои друзья вызывают у меня восторг!

— Не обращай внимания на Герба,— ответил я.— Он же газетчик, поэтому с тактом у него плоховато.

— Чего не могу понять, так это его интереса ко мне. Мое пребывание здесь вовсе не годится для газетной хроники!

— Для газеты Виллоу-Бенда годится все. Здесь ведь вообще ничего не происходит! Вот Герб и заполняет все свои колонки информацией о приездах и отъездах. Миссис Пэйдж устраивает вечер бриджа на трех столиках, и здесь это уже общественное событие. Герб опишет его в малейших подробностях. Расскажет, кто там был, в чем был и кто что выиграл.

— Эйза, а тебя это не смущает? Может быть, мне надо уехать?

— Еще чего! — проворчал я.— Почему это должно меня смущать? Ах да, я нарушаю местные условности? Но в местечке, подобном нашему, что бы вы ни сделали, все выйдет за рамки условностей. Мы же затеяли это дело с перемещениями во времени, коли Хайраму удастся поговорить с Ликом. Но я окажусь совсем один, если ты вдруг вздумаешь уехать! Ты просто должна через все это пройти вместе со мной. Я нуждаюсь в тебе!

Я сел за руль, и она устроилась рядом.

— Как я надеялась услышать это от тебя! — проговорила она.— Не знаю, что с этими путешествиями во времени получится, но я хочу здесь остаться. Иногда я верю, что эти перемещения возможны, а иногда говорю самой себе: «Не будь идиоткой, Райла!» Кстати, я думала о Хайраме. Его звать просто Хайрам? У него же должна быть фамилия!

— Его зовут Хайрам Биглоу,— ответил я.— Но большинство здешних жителей забыло вторую половину его имени, ту, что звучит «Биглоу». Он просто Хайрам, и все. Он родился в Виллоу-Бенде, и когда-то у него был старший брат. Но брат этот сбежал из дому, и, насколько я знаю, с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Род Биглоу — старинный род, он восходит к самому основанию города. Отца Хайрама звали Горас, он был единственным потомком одного из основателей Виллоу-Бенда. Семья жила в старом доме их предков, одном из строений с колоннами в викторианском стиле, стоящих в глубине лужайки, засаженной деревьями и обнесенной кованой оградой. Помню, как ребенком я повисал на этой ограде, пялясь на дом и мечтая о том, как хорошо было бы и мне пожить в таком. Моя семья была в то время довольно бедной, и мы жили в обыкновенном домике, а жилище Биглоу казалось мне прямо-таки дворцом!

— Но ты ведь сказал, что Хайрам живет в хижине у реки?

— Да, я расскажу и об этом. Отец Хайрама был банкиром этого города, партнером отца Бена Пэйджа.

— Мне этот Пэйдж понравился не более, чем тот тип Герб!

— Тебе, как и всем, почти всем, здесь,— сказал я.— Он не из тех, кто внушает симпатию и особое доверие, хотя в последние годы он, возможно, и изменился. Теперь тут есть люди, которые к нему постоянно обращаются... Ну так вот, когда Хайраму было около десяти лет, его отца нечаянно подстрелили на утиной охоте. К этому времени его брат, который был старше Хайрама на семь или восемь лет, уже исчез в неизвестном направлении, и Хайрам с матерью после гибели отца остались одни. Старая леди после этого совсем уединилась. Она ни разу не покинула дом и не откликалась на призывы друзей. Хайрам всегда был странным ребенком, он хуже всех учился в школе, отставал в развитии от остальных детей, к тому же никому неохота было им заниматься. Мне кажется,

что его мать со временем поняла, что он не совсем нормален, почему она и закрылась с ним от людей. Гордость и самолюбие — вещи достаточно губительные повсюду, но в маленьких городках они просто смертельны. Они оба убежали от жизни, и хоть люди и знали, что они обитают в том же доме, о них как бы все забыли. Впрочем, именно этого и добивалась миссис Биглоу. Я уже уехал отсюда в то время и все остальное узнал позднее от других. Когда наконец разобрались с наследством, оказалось, что у отца Хайрама была не такая уж большая доля в этом банке. Немного акций да жалованье — вот и все. Кое-кто поговаривал о том, что папаша Бена потихоньку выживал его из банка, хотя это и не доказано. Но как бы там ни было, кое-что еще оставалось, и этого хватило на то время, пока была жива старая леди. Она умерла, когда Хайраму было около двадцати пяти лет. И тут выяснилось, что дом Биглоу давно заложен банку, руководство которого решило, что банк помогал этому семейству столько, сколько мог, и что этого достаточно. Вскоре папаша Бена ушел в отставку, и во главе банка встал Бен. Он выделил некоторую сумму, собрал кое-что и у жителей городка и на эти деньги построил тот самый домик у реки, где и поселился Хайрам. Он и живет там с тех пор.

— Выходит, город усыновил его,— отметила Райла.— Взял на себя заботу о Хайраме. И теперь он надежно защищен, а может, даже является составной частью здешнего общества?

— Думаю, что можно сказать и так,— согласился я.— Город присматривает за ним, конечно, но не все обстоит так уж по-доброму. Некоторые жители искренне заботятся о нем, но для большинства он является чем-то вроде городского сумасшедшего, и они над ним потешаются. Они не думают, что он понимает, он является для них посмешищем. Но Хайрам понимает все. Он знает, кто ему друг, а кто над ним смеется. Он, конечно, с большими странностями, но далеко не так глуп, как думают многие!

— Я надеюсь, он немного поспал,— задумчиво произнесла Райла.— Это ведь будет первая ночь ожидания Кошачьего Лика.

— Таких ночей может оказаться несколько. Лик вовсе не регулярен в своих привычках.

— Я слушаю, как мы с тобой об этом толкуем,— сказала Райла,— и сама себя спрашиваю: во что же мы ввязываемся?

Это же не вполне нормально, Эйза! Все эти странные штуки. Вряд ли кто-нибудь еще мог бы говорить или даже помышлять о таком, как это делаем мы!

— Я понимаю тебя,— ответил я.— Но ведь у меня-то больше очевидных фактов, чем у тебя! Я же побывал в плейстоцене и почти угодил под мастодонта. А Баузер ведь притащил-таки ту самую кость!

— Но если бы мы только ограничились этим,— сказала она.— Мы согласились с тем, что были кости динозавра, и фолсомский наконечник, и мастодонт, но не позволяем себе выходить за пределы этих фактов. Мы не признаемся себе в том, что Кошачий Лик — чужеродное существо, способное на создание временного туннеля. И не произносим вслух того, что он, должно быть, как-то спасся, когда инопланетный корабль много тысяч лет назад потерпел крушение!

— А может, мы к этому и идем? — заключил я.— Давай подождем и посмотрим, что там удастся сделать Хайраму.

Глава 11

Спустя три ночи раздался стук в дверь спальни. Я со сна не мог сообразить, кто бы это мог быть, Райла недовольно пошевелилась возле меня.

— Кто там? — крикнул я.— Что случилось?

Впрочем, стоило мне задать этот вопрос, как я уже и сам знал ответ. Я знал, кто был за дверью.

— Это я, Хайрам...

— Это же Хайрам! — сказал я Райле.

Стук снова повторился.

— Да перестань же ты колотить в дверь! — прикрикнул я на него.— Я уже проснулся. Пройди на кухню и подожди там.

На ощупь, вслепую, я нашарил шлепанцы, всунул в них ноги, попытался найти халат, но не сумел и ввалился на кухню в одних пижамных штанах и тапочках.

— В чем дело, Хайрам? Надеюсь, что-нибудь важное?

— Там Кошкин Лик, мистер Стил. Я поговорил с ним. Он желает говорить с вами.

— Но я же не смогу,— возразил я.— Никак не смогу! Ты один только и можешь говорить с ним!

— Он сказал, что в моих словах нет смысла,— сообщил Хайрам.— Он рад, что мы хотим с ним разговаривать, но он не понимает, о чем я ему толкую.

— Ты думаешь, он еще там?

— Да, мистер Стил. Он сказал, что подождет, пока я схожу за вами. Он сказал, что надеется найти смысл в ваших словах.

— Ты полагаешь, что он подождет, пока я надену что-нибудь на себя?

— Думаю, да, мистер Стил. Он сказал, что будет ждать.

— Ты оставайся здесь,— велел я ему.— Не выходи из дому, пока я не смогу выйти вместе с тобой.

В спальне я наконец нашел, что на себя надеть. Райла села на край постели.

— Это Кошачий Лик,— сказал я ей.— Он хочет поговорить с нами.

— Я буду готова через минуту!

Хайрам ждал нас, сидя за кухонным столом.

— А где же Баузер? — спросила Райла.

— Он там, снаружи, с Кошкиным Ликом,— ответил Хайрам.— Они же старые приятели. Я теперь думаю, они все время дружили, а мы и не знали!

— Скажи мне, Хайрам,— произнес я.— Как это произошло? И трудно ли говорить с Ликом?

— Нет, так же как с Баузером,— ответил он.— Легче, чем с синицей. С этой синичкой иногда и не поговоришь. Она не всегда желает разговаривать. А Кошкин Лик хочет говорить!

— Вот и прекрасно,— сказала Райла.— Пошли говорить с ним!

— Но как же мы сможем это сделать? — спросил я Хайрама.

— Это нетрудно,— пояснил он.— Вы мне точно говорите, что хотите, а я это скажу ему. А потом скажу вам все, что он ответит. Может, я даже и не пойму, что он скажет, но передам слово в слово.

— Пожалуй, это все, что мы можем сделать,— отметила Райла.

— Он завис на той яблоне, что в углу. Баузер сидит и смотрит на него.

Я отворил дверь кухни и подождал, пока они выйдут.

В углу сада было нетрудно различить Кошачий Лик, глядящий на нас из кроны яблони. В лунном свете он был ясно виден. Усы тоже вполне можно было разглядеть. Баузер, кривобоко расположившийся со своей раненой ляжкой под деревом, не сводил глаз с Лика.

— Передай ему, что мы здесь,— попросил я Хайрама,— и что мы готовы начать.

— Он говорит, что тоже готов,— откликнулся Хайрам.

— Погоди-ка минуточку! У тебя ведь не было времени передать ему это?

— А времени и не нужно,— ответил Хайрам.— Он понимает все, что вы говорите, но не может ответить вам, потому что вы не услышите его слов!

— Тогда все в порядке,— заметил я.— Так оно будет проще!

Я обратился к Лику:

— Хайрам передал нам, что вы хотели бы поговорить с нами о перемещениях во времени?

— Его занимает этот вопрос, и он хотел бы поговорить о перемещениях во времени,— сказал Хайрам,— но дело в том, что я не смогу понять многого.

— Тогда,— сказал я Лику,— давайте упростим все это. Будем говорить медленнее, раздельнее и так просто, как вы сможете!

— Он говорит, что согласен,— перевел Хайрам.— Он говорит, что хочет запустить в работу эти перемещения. Говорит, что он конструктор времени. Я правильно вам говорю?

— Думаю, что да.

— Он говорит, это правильно. Но вы эту дорогу во времени увидеть не сможете, заплутаете в ней.

— А он может построить дорогу в любое место и любое время на этой планете?

— Говорит, что может.

— А в Древнюю Грецию? В Трою? — спросила Райла.

— Если вы объясните ему, где именно это место находится, он сможет. Он говорит, это нетрудно. На этой планете — где угодно!

— Но как же мы сможем ему объяснить, где нужное место?

— Он говорит, нужно отметить на карте. Он говорит о линиях на карте. Мистер Стил, о каких это линиях он толкует?

— О долготе и широте, должно быть?

— Он сказал, это верно!

— А он знает, как измеряется наше время? Знает, что такое год? Понимает ли, что значит миллион лет, сто лет?

— Говорит, что понимает.

— Я тоже хочу его спросить,— снова подключилась Райла.— Он что, инопланетянин, житель какого-то другого мира?

— Да, очень далекого отсюда.

— А на каком же это расстоянии?

— Около пятидесяти тысяч лет.

— И он живет так долго?

— Говорит, что не умирает совсем.

— Он может построить дорогу во времени. А сам он по ней может перемещаться?

— Говорит, что может.

— Но, по-видимому, он этого не делает? И остается в нашем времени? Он прибыл сюда очень давно, но потом жил в нормальном течении нашего времени. По обычному его закону. А зачем ему надо оставаться в нашем настоящем?

— Он говорит о надежде на избавление.

— О каком избавлении? Что имеет в виду?

— Если он не будет находиться в одном и том же месте и нормальном времени, те, кто будет его искать, не сумеют определить, где его найти!

— Он еще рассчитывает на спасение?

— Теперь у него осталось совсем мало надежды. Поэтому он хочет делать то, на что способен. Он начинает новую жизнь с нами. Вот почему он так счастлив.

— Но он же должен знать, где его родной мир? Если он способен строить дороги во времени и пространстве, он должен был бы найти дорогу и к себе домой.

— Говорит, что нет. Он не знает, где его дом, если смотреть отсюда. Он не знает, как туда добраться. Если бы кто-нибудь ему объяснил, он смог бы. Это знал тот, другой. Но теперь этот другой мертв. Он умер, когда упал корабль.

— Но Кошачий Лик не умирает, он же бессмертен?

— Он говорит, что и бессмертный может погибнуть, но только от несчастного случая. Это единственный способ. Он говорит, что ему повезло, он счастливчик. Он вышел из корабля, прежде чем тот ударился о землю.

— А как он вышел оттуда?

— На спасательной шлюпке, говорит.

— Спасательной шлюпке? — спросил я.— А это не сфера ли? Круглый полый шар, разделяющийся на две половинки? Так, чтобы из него можно было бы выйти наружу?

— Он говорит, да. Спрашивает, как вы узнали об этом.

— Я нашел спасательную шлюпку,— ответил я.— Она лежит в моем сарае!

— Так он теперь хочет построить дорогу во времени для нас? — перебила Райла.— В любое место Земли? И держать ее открытой столько, сколько нам это понадобится?

— Кошкин Лик говорит «да». Он может ее построить, куда вы скажете, и будет держать ее открытой. А если она вам будет больше не нужна, он ее снова закроет.

— И сколько у него таких дорог? Больше одной?

— Столько, сколько вам будет надо.

— А когда мы сможем это начать?

— Прямо сейчас. Говорит, когда вы хотите и куда хотите!

— Передай ему,— сказала Райла,— что мы еще к этому не готовы. Нам понадобится некоторое время на подготовку, и тогда мы должны будем снова с ним побеседовать. Возможно, мы захотим несколько разных времен.

— Мисс, он говорит, в любое нужное вам время. Он будет висеть здесь поблизости и ждать разговора с вами.

Глава 12

Мы завтракали вместе с Хайрамом, который уже почти расправился со второй порцией яичницы с ветчиной. Баузер дремал на своем покрывале в углу кухни.

— Вопрос вот в чем,— произнесла Райла.— Можем ли мы полностью положиться на Кошачий Лик?

— Вы можете ему довериться, мэм,— сказал Хайрам.— Я долго разговаривал с ним до того, как пришел за вами. Он мировой парень. Такой же, как вы или мистер Стил.

— Ну что ж,— ответила Райла.— Тем лучше. Но мы не должны забывать, что он все же чужак! К тому же весьма специфический.

— А может, и не специфический! — возразил я.— Мы же не знаем, каковы эти чужаки вообще. По сравнению с другими он, может быть, вовсе и не специфичен!

— Ох, да ты же понимаешь, что я имею в виду! Голова — и никакого тела! Или, может быть, он это тело прячет? Все, что ты можешь узреть, это «лик», торчащий из кроны дерева или куста!

— Эзра видел и тело. В ту ночь, когда Рэнджер загнал его на дерево, а он прицелился, но не выстрелил...

— Было же темно,— отмахнулась Райла.— Эзра не мог разглядеть точно. Только увидел обращенное к нему лицо. И вот почему я сомневаюсь, следует ли ему до конца верить. Очень возможно, что его этические нормы и взгляды на вещи вовсе не такие, как у нас. И то, что считается дурным у нас, может оказаться совсем не таким уж плохим с его точки зрения.

— Но он же в этих местах находится с тех самых пор, как здесь поселились люди. Много больше ста лет. Он, возможно, имел даже контакты с индейцами задолго до нас! И он всегда наблюдал за людьми. Знает, что они собой представляют. Он достаточно проницателен и впитал огромное количество информации. Понимает, чего можно ожидать от людей, и уж, наверное, знает, чего могли бы ожидать от него люди!

— Эйза, так ты готов положиться на него полностью?

— Ну, не до конца. Я бы позволил себе оставить некоторый резерв для сомнений!

Хайрам поставил на стол свою чашку и встал.

— Я и Баузер идем гулять,— заявил он.

Баузер поднялся не без некоторого усилия.

— А не хотелось бы тебе немножко поспать? — спросил я.— Ты же был на ногах целую ночь!

— Попозже, мистер Стил.

— Помни, ни слова никому о том, что здесь было!

— Я буду помнить,— заверил Хайрам.— Я обещал и сдержу слово.

Некоторое время после его ухода мы еще сидели за столом, допивая по второй чашке кофе. Наконец Райла произнесла:

— Если все наладится и пойдет как надо, мы это задействуем!

— Ты имеешь в виду наши походы во время?

— Не только наши. Других людей. Тех, кто станет нам платить за то, что мы их отправим во временное путешествие. Служба перемещения во времени. Мы станем торговать такими экскурсиями!

— Это может оказаться опасным...

— Конечно может. Но в наших контрактах будет указано, что мы не отвечаем за возможный риск. Всю эту ответственность возьмут на себя сами путешественники во времени, не мы!

— Нам понадобится хороший адвокат!

— У меня есть подходящая кандидатура. В Вашингтоне. Он сможет помочь нам наладить взаимоотношения с властями.

— Ты думаешь, власти захотят принять в этом участие?

— Можешь быть уверен! Стоит нам лишь начать, каждый захочет в этом поучаствовать. Вспомни, как ты опасался, что университетские деятели полезут в твои дела с раскопками?

— Ну да, я же сам тебе говорил об этом.

— И все же мы не должны позволять каждому совать нос в это дело. Оно должно принадлежать только нам!

— Я думаю, этим заинтересуются некоторые университеты и музеи,— сказал я.— Им наверняка захочется посмотреть собственными глазами на массу событий в прошлом. И они будут готовы платить за это. Впрочем, здесь могут возникнуть и проблемы. Нам надо будет выработать твердые правила и инструкции. Нельзя же отправляться к осаде Трои, нагрузившись кинокамерами. Или разговаривать там на современном языке! Нельзя будет ничем отличаться от них — ни одеждой, ни повадками. Иначе могут возникнуть осложнения, а если еще, не дай бог, кто-нибудь во что-нибудь вмешается, то может измениться даже сам ход истории.

— Да, проблем, очевидно, будет много,— согласилась Райла.— Мы должны составить целый кодекс правил для путешествий во времени. Особенно это касается контактов путешественников с людьми прошлого. Но до начала человеческой эры это не будет иметь такого большого значения!

— Например, как путешествие для большой охоты?

— Эйза, это именно то, где лежат деньги! Университеты не могут достаточно платить за такие вылазки. У них вечная нехватка фондов. Но «большие охотники» — это совсем другое дело! Они так любили отправляться на сафари в Африку и привозить кучу голов убитых животных. Или в Азию. Но теперь же это все ушло. В лицензиях на охоту теперь очень ограничено количество трофеев. Теперь больше поощряется фотоохота, а для любителей шкур убитых зверей это совсем не привлекательно. И ты только представь, сколько такой любитель мог бы отвалить за мастодонта или саблезуба!

— Или за динозавра! — подлил я масла в огонь.

— Вот именно это я и хочу тебе внушить! — подхватила Райла.— Мы должны ухватить свой шанс! И не только организуя охоту. Есть еще масса возможностей. Мы бы могли отправить в путешествие кого-нибудь за аттической керамикой. Ты представляешь, как выгодно это можно продать? Или раздобыть несколько изображений совы богини Афины для собирателей монет. Или, скажем, первые денежные знаки. А еще можно было бы отправиться в Южную Африку и прямо с земли подбирать алмазы. Ведь первые алмазы находили именно так! Просто поднимали их с земли!

— Не слишком много было таких. Всего несколько и в разных местах. Конечно, «Африканская звезда» была найдена именно так. Но это было исключительное везение. А иначе можно провести годы, обшаривая глазами землю.

— А может, туда и следовало бы отправиться, Эйза, до того, как эти алмазы нашли другие? Они же попросту нашли то, что прозевали мы!

Я расхохотался:

— Ты просто одержима жаждой денег, Райла! Ты только о них и говоришь! Как превратить путешествие во времени в экспедицию за товаром, как его продать самому выгодному клиенту... А мне интересно все это с точки зрения научных исследований. Существует ведь так много исторических проблем. Есть и целые геологические периоды, о которых так мало известно!

— *Это потом,— отрезала она.— Мы все это сделаем после.* Сначала мы должны добиться финансового успеха, а потом уже заняться тем, что тебя интересует. Ты говоришь, я одержима жаждой денег? Может, и так. Это составило основу моей жизни. Я ее провела, создавая бизнес, высматривая, что можно продать. И наше с тобой предприятие, прежде чем мы его как следует обоснуем, потребует от нас немалых вложений. Мы должны построить ограду вокруг твоих владений, нанять охрану, чтобы отваживать орды визитеров, если новость распространится. Нам потребуется административное здание и штат. Нам будут нужны агенты и рекламисты.

— Райла, да где же мы возьмем на это денег?

— Я могу их дать.

— Мы это уже обсудили на днях, вспомни!

— Но сейчас дело обстоит по-другому! Тогда я тебе предлагала помощь, чтобы ты мог остаться здесь. А теперь это настоящее дело. Наш общий бизнес. Ты владелец участка, ты основатель дела. А я всего лишь даю некоторый капитал для начала работ.— Она выжидательно смотрела на меня через стол.— Ну так как же, ты это принимаешь? Я «суюсь» в это дело. Может, тебе не нравится? Если так, скажи мне прямо. Это твоя земля, твой Лик, твой Хайрам. А я всего лишь *приблудный толкатель*...

— Может, ты и впрямь приблудный толкатель, но я хочу, чтобы ты была со мной в этом деле. Мы не можем от этого отмахнуться, а я без тебя запутаюсь. Меня просто немного коробит от того, что ты говоришь лишь о том, что можно вывезти или продать. Я не отвергаю твоей позиции, но, чтобы оправдать нашу деятельность, мы должны часть графика путешествий во времени отвести на научные исследования.

— Даже странно, как легко мы согласовали вступительную часть! — рассмеялась Райла.— Путешествия во времени являются тем, что обычно отвергается автоматически как нечто невозможное. А мы с тобой сидим здесь, планируя их на основе нашего доверия к Кошачьему Лику и Хайраму!

— Но у нас ведь имеется несколько больше данных, чем просто доверие,— возразил я.— Я сам уже перемещался во времени. Это вне всяких сомнений. И тут нет никаких заблуждений. Я провел в прошлом час или около того, впрочем, не знаю точно, сколько пробыл в плейстоцене. Но достаточно времени, чтобы пройти отсюда к реке и вернуться назад. Не говоря уже о наличии фолсомского наконечника Баузера и свежей косточки динозавра. Исходя из соображений чистого разума, я должен быть уверен, что это невозможно, но на деле я знаю, что, наоборот, вполне возможно!

— Наше самое слабое звено,— сказала Райла,— это Хайрам. Если он не говорит нам правды или играет с нами в свои игры...

— Думаю, что за Хайрама я могу поручиться. Я знаю его гораздо лучше, чем другие, да к тому же он боготворит Баузера. Еще до всего этого не проходило и дня, чтобы он не пришел его проведать. Кроме того, я думаю, у него просто нет способности врать. Его мозги устроены иначе.

— Но вдруг он проговорится? Раньше, чем мы будем готовы открыть эту информацию?

— Он не станет делать этого умышленно. Его могут просто подвести к этому, попробовать что-то выпытать, или просто он нечаянно сболтнет что-нибудь, но ведь он и сам не слишком ясно понимает, о чем идет речь!

— Я думаю, мы должны эту возможность учесть. Хотя вряд ли кто-нибудь придаст особое значение его словам. — Она встала из-за стола и начала собирать посуду.— Мне надо кое-куда позвонить,— сообщила Райла.— Связаться с несколькими людьми в Нью-Йорке и с тем адвокатом в Вашингтоне. Через день-два я должна буду отправиться туда на несколько дней, и мне бы хотелось, чтобы ты поехал со мной.

Я покачал головой.

— Предоставляю это тебе. Я останусь здесь и буду оборонять нашу крепость. Кто-то же должен быть дома!

Глава 13

Я мыл посуду после ужина, когда Бен Пэйдж постучал в дверь кухни.

— Вижу, ты снова пребываешь в одиночестве? — спросил он.

— Райла отправилась на восток на несколько дней. Скоро вернется.

— Ты говорил, вы вместе когда-то производили раскопки?

— Да, было дело. В Турции. Небольшие развалины, датированные бронзовым веком. Ничего особенного не раскопали. Ничего ценного, ничего волнующего. Спонсоры были разочарованы.

— Думаю, что и в других раскопках ты ничего существенного не находил?

— Верно,— ответил я.

Я поставил на место вымытую посуду, вытер руки полотенцем и сел за кухонный стол напротив Бена.

Баузер в своем углу истово завыл, суча лапами, как если бы он травил зайца во сне.

— А то, что ты здесь копаешь,— продолжил Бен,— дало какие-нибудь результаты?

— Пока нет. А что?

— Но ведь это не простая воронка?

— Нет, не простая. Я не знаю, что это. Может быть, выемка от метеорита. Я нашел несколько обломков металла.

— Эйза,— укоризненно произнес Бен,— ты мне мозги не вкручивай! У тебя же кое-что есть на уме.

— А почему ты так говоришь, Бен?

— Хайрам. У него ужасно таинственный вид. Похоже, ты что-то таишь, а он с тобой заодно. Говорит, что не может ничего рассказывать, потому что дал слово. Очень доволен всем этим. Говорит, можно спросить у Баузера!

— Хайрам считает, что с Баузером можно беседовать...

— Я знаю. Он беседует с любой тварью.

— Хайрам молодчина,— сказал я.— Но ты же не можешь делать выводы из его речей. Он говорит много чепухи.

— Не думаю, что это так, во всяком случае не сейчас. Кое-что мне самому кажется странным. Ты вернулся, купил эту ферму, начал раскапывать ту воронку. Потом появилась Райла, а она ведь археолог, как и ты?

— Если бы было о чем говорить, Бен, я бы тебя посвятил. Пока у меня с этим глухо, а может, ничего никогда и не будет!

— Смотри у меня,— сказал Бен.— Как мэр города, я имею право задавать вопросы. Если ты нашел что-нибудь, могущее повлиять на дела города, я должен узнать об этом в первую очередь. Тогда мы сумеем подготовиться.

— Бен, я даже не понимаю, о чем ты толкуешь!

— Ну ладно. Скажем, у меня на окраине города есть участок в десять акров. Я его откупил и плачу за него налоги. Неплохое местечко для мотеля. Другого такого вокруг не найдется. Но сюда мало заезжает солидной публики. А за мотель надо платить приличные деньги. Но если поблизости появится нечто, привлекающее внимание туристов, то мотель окажется весьма неплохим бизнесом!

— А что же такого наплел Хайрам, что могло тебя навести на мысль о нашествии туристов?

— Да ничего существенного. Просто у него такой чертовски таинственный и важный вид. Будто он наслаждается каким-то великим открытием. И невольно сболтнул что-то, не вполне понимая сам, что говорит. Эйза, скажи мне честно,

может ли на дне этой воронки оказаться потерпевший аварию звездолет?

— Думаю, что может,— признался я.— Именно это я и предполагаю. Но пока никаких доказательств у меня нет. А если было бы так, то корабль, несомненно, внеземного происхождения. Управляемый разумными существами космический корабль из какой-то звездной системы. И если бы удалось найти обломки такого корабля и представить достоверные доказательства, это было бы очень важным открытием. Было бы первым реальным подтверждением тому, что во Вселенной существуют другие цивилизации и что их представители посетили Землю.

Бен тихонько присвистнул.

— И это могло бы привлечь сюда множество народа, не так ли? И людей, желающих это исследовать. И охотников до сенсаций. И они валили бы сюда каждый год. Это могло бы стать приманкой для туристов!

— Могу себе представить! — произнес я.

— У тебя дело продвигается медленно,— сказал Бен.— Ты же ковыряешься тут в одиночку. А что, если я подброшу тебе на помощь каких-нибудь ребят?

— Благодарен тебе за предложение, но из этого не выйдет ничего. Такие раскопки требуют знаний. Тот, кто их производит, должен знать, что именно он ищет. Любую находку надо осторожно извлечь и точно идентифицировать. Даже пыль с нее надо счищать по-особому. Пусти сюда эту свору с заступами и лопатами, и они вмиг тут все порушат. И пойдут насмарку все доказательства того, что мы ищем! Любая мелочь, на которую они и внимания не обратят, может оказаться самой важной для археолога-профессионала.

Бен энергично кивнул.

— Да, я понимаю, как это должно тщательно делаться. Над этим стоит подумать.

— Бен, спасибо тебе,— сказал я.— Но я буду еще более благодарен, если ты об этом не скажешь никому. У меня возникнет очень много трудностей, если просочится наружу хоть слово о раскопках звездолета. Пусть город думает, что я слегка рехнулся, но если слух дойдет до академических кругов, то многие университетские крысы искривят свои физиономии, а некоторые, я уверен, заявятся сюда самолично, чтобы поглумиться надо мной.

— Обещаю,— произнес Бен.— Я не исторгну ни слова. Ни единого. Но ты все-таки думаешь, это реально?

— Я ни в чем не уверен. У меня лишь догадки. Основанные на фактах, которые, быть может, вовсе не факты. Может быть, это всего лишь глупые домыслы... Как насчет пивка? Глотнем?..

После ухода Бена я долго оставался за столом, обдумывая, разумно ли поступил, рассказав ему это. У любого другого такая информация могла бы вызвать негативную реакцию, но только не у Бена. Он очень цепкий тип и, возможно, станет помалкивать хотя бы потому, что втихаря, зная возможные перспективы, начнет строить свой мотель, а может, и еще кое-что, о чем не счел нужным обмолвиться.

Я, правда, сказал ему кое-что, но этим я его увел в сторону от основного. Полное опровержение его никак не удовлетворило бы. Болтовня Хайрама и его намеки все равно вызвали бы у Бена подозрения. И в конце концов, я же не солгал ему! Там, на дне воронки, и в самом деле погребен звездолет!

Я, возможно, просто нейтрализовал его, скорее всего на время. Но это очень важно для того, чтобы избежать сплетен в городке и свести все домыслы на данный момент к минимуму. Но как только мы начнем строить ограду, их, конечно, уже не остановишь! В одном Райла абсолютно права: нам обязательно нужна ограда!

Я подошел к холодильнику и вынул еще одну банку пива.

Господи, подумал я, вот сижу здесь и пью пиво, а все вокруг меня сдвинулось с катушек! Максимум, что я самому себе могу сказать в минуты просветления и благоразумия,— это то, что люди не могут перемещаться во времени! Я знал, что это невозможно! Но в моем мозгу отпечаталось видение того огромного мастодонта-самца! Ничего более потрясающего за всю свою жизнь я не испытал. Тот мастодонт со своей быстрой, почти скользящей поступью, чей хобот подобно маятнику покачивался между его бивнями, он спешил к своему стаду. И я не мог забыть ужас, который охватил меня, когда я понял, где очутился, заброшенный в чужое время и покинутый там!

Снова и снова, сидя за тем же столом, я мысленно пробегал предварительную программу, набросанную Райлой. И, думая об этой программе, я не только говорил себе о ее смутной нереальности, но и с какой-то опаской соглашался с ней.

Могло быть столько всякого, чего мы не предвидели, такие черные пятна, что любой самый великолепный план мог вполне сорваться! Но чего же мы все-таки не учли? Какие неожиданные обстоятельства способны ввергнуть нас в бедствия в грядущем?

Я был очень обеспокоен тем, как мы собирались использовать перемещения во времени. Если бы я решал все это сам, я бы не стал думать о том направлении, каким задалась Райла. Но я понимал, что если использовать эти путешествия только с научной и познавательной целью, то для рыночной стороны дела места не останется совсем.

И все же Райла, несомненно, была права в том, что если бы кто-нибудь другой сделал это открытие и завладел механикой его реализации, то он использовал бы это для получения максимальной выгоды. По ее мнению, было бы недальновидно пренебрегать возможностью поставить путешествия во времени на солидную экономическую основу. И лишь при этом условии было бы реально проведение в дальнейшем содержательных научных исследований.

Дремлющий Баузер протяжно взвизгнул в углу. Очевидно, он нагнал-таки своего кролика. Я допил пиво, швырнул бутылку в помойное ведро и пошел спать.

Райла должна была вернуться завтра, и мне предстояло рано утром отправиться в Миннеаполис, чтобы встретить ее в аэропорту.

Глава 14

Когда я увидел Райлу, поднимающуюся по пандусу, она показалась мне мрачной и недовольной, но, разглядев меня, она улыбнулась и заторопилась навстречу. Я заключил ее в свои объятия и сказал:

— Слава богу, ты вернулась. Мне было так одиноко все три дня!

Она откинула голову в ожидании поцелуя, потом прижалась щекой к моему плечу.

— Как хорошо с тобой, Эйза! — шепнула она.— И как прекрасно возвратиться домой. Эти дни были такими ужасными!

— Почему же, Райла?

Она отодвинулась и внимательно посмотрела на меня.

— Я унижена,— сказала она.— Расстроена. Зла. Ни один из них не поверил мне!

— И кто же эти не поверившие?

— Кортни Маккаллахан, например. Он юрист, я тебе о нем говорила. Мы были когда-то друзьями. И он раньше никогда не проявлял ко мне недоверия. Но теперь он положил локти на стол, закрыл лицо ладонями и стал неудержимо хохотать. Затем поднял голову, снял очки и вытер глаза — так сильно смеялся! Он даже не мог поначалу разговаривать со мной. Потом перевел дух и сказал сдавленным голосом: «Райла, я так давно вас знаю, но не думал, что вы на это способны!» Я спросила, на что же я способна, а он сказал, что на такие шутки. И добавил, что прощает мне, поскольку свои дневные дела уже закончил. Я набросилась на него и сказала, что вовсе не шучу и что мы хотим, чтобы он взял на себя защиту наших интересов и стал нашим поверенным. Мы должны иметь адвоката, который бы вел наши дела, сказала я ему, а он ответил, что если бы то, что я ему рассказала, являлось истиной, то, несомненно, кто-то должен был бы представлять наши интересы. Но он отказался мне поверить. Видимо, решил, что все это лишь розыгрыш, не знаю, что он еще там подумал. Мне он не поверил. Ничему из того, что я сказала. Он повел меня обедать, угостил шампанским, но я не простила ему недоверия!

— Так он взялся представлять наши интересы?

— Бьюсь об заклад, возьмется! Он сказал, что, если я смогу представить ему доказательства, он ни за что в мире не упустит такой возможности. Сказал, что бросит все дела, откажется от всех партнерских работ и посвятит все свое время нам. Еще добавил, что такое дело, насколько он может судить, может потребовать все его время. И все же он продолжал посмеиваться, довезя меня до отеля и пожелав спокойной ночи...

— Но какие доказательства, Райла...

— Подожди немного. Это не все. Я отправилась в Нью-Йорк и поговорила с людьми в фирме «Сафари инкорпорейтед». Они, разумеется, заинтересовались и даже не рассмеялись мне в лицо, хотя и проявили скептицизм. Они были почти уверены, что я вру, играю с ними в какую-то жульническую игру, но их озаботило то, что они не могли раскусить, в чем

же состоит надувательство. Их руководитель, довольно негибкий старый формалист-англичанин, был весьма корректен и сказал мне: «Мисс Эллиот, не знаю, что бы все это могло означать, но если это нечто большее, чем чистая фантазия, то я могу вас уверить, что для нас это было бы весьма заманчиво». Он еще добавил: «Если бы я не знал вас раньше, то вовсе не стал бы этого слушать!»

— Он знал тебя раньше?

— Да, вернее не сам этот старик-англичанин, а его фирма. Несколько лет назад я купила у них множество предметов, накапливавшихся там годами и лежавших без дела. Это были куски слоновой кости, туземные статуэтки, страусовые перья и другой такой же хлам. Я взяла у них все, и они посчитали меня дурочкой. Но я на несколько лет опередила их в понимании рыночного спроса и имела неплохую прибыль от продажи этих вещичек. Эта фирма, занимающаяся организацией сафари, прознала о моей удаче и решила продолжать снабжать меня тем же товаром. Дело в том, что розничная торговля им чужда, поэтому, поскольку я им подвернулась...

— Я полагаю,— перебил я ее,— что они в точности так же, как твой старый дружок Кортни, захотели иметь подтверждение?

— Именно,— ответила она.— И забавнее всего то, что их больше всего заинтересовали динозавры! Их изрядно смутило, когда я спросила, не хотелось бы им посылать клиентов поохотиться на динозавров? Не на мастодонтов, мамонтов или саблезубов, не на пещерных медведей, даже не на титанотериев, но именно на динозавров! Больших и страшных. Я поинтересовалась, какого типа ружья они могли бы использовать для убийства крупного динозавра, и они сказали, что не знают, но полагают, что более мощные, чем существующие модели. Потом я спросила, нет ли у них таких моделей ружей? Они ответили, что есть два ружья, еще не бывших в употреблении. Такие, как оказалось, уже больше не выпускаются. Это оружие для охоты на слонов. Теперь, с усовершенствованием конструкции и увеличением скорости полета пули, производятся модели гораздо менее громоздкие и меньшего калибра. К тому же сейчас нельзя особенно много убивать слонов. Вот я и заявила, что хочу с божьей помощью купить у них эти два громадных ружья. После всевозможных разглагольствований они

все же согласились их продать. Наверное, им показалось, что я не совсем в своем уме. Тысячу раз мне повторили, что теряют на этой сделке, отчаянно торговались, и я думаю, что они действительно продали их дешевле, чем купили. Но ведь, кроме меня, никто и не позарился бы на эти бездействующие образцы! Это ружья-монстры. Каждое весит около двадцати фунтов. А патроны размером с барабан!

— Ты что,— спросил я,— полагаешь, что я отправлюсь туда и подстрелю парочку плотоядных завров для получения нужных тебе доказательств? Ты лучше сразу же передумай! В двадцать два года я, может, еще бы увлекся этой идеей, но теперь все обстоит чуточку по-другому! Для стрельбы из этих устаревших монстров, наверное, нужен великан.

— Ты и сам не такой уж малыш,— сказала она.— Но, скорее всего, стрелять вовсе и не придется! Они лишь для самозащиты. На случай, если какой-нибудь хищник перевозбудится, пока я буду снимать фильм-доказательство — ведь я купила еще и кинокамеру для съемки цветного звукового кино. С телеобъективами и всем, что положено.

— Но почему же два ружья? Я еле смогу понести одно, а ты будешь нагружена камерой...

— Я взяла два ружья,— объяснила она,— потому что не хочу, чтобы ты был там без помощника. Мы еще понятия не имеем, как это все будет выглядеть на деле, но я думаю, что все же это достаточно рискованно. Поэтому лучше пусть там будут два стрелка. Я и подумала, может, стоило уговорить кого-нибудь из твоих прежних приятелей?..

— Райла, но мы же собирались держать пока все это в тайне! А теперь уже информация начала утекать. Бен Пэйдж понаблюдал за Хайрамом, у которого сделался очень важный вид, и заподозрил что-то...

— Мы, конечно, не должны особенно распространяться,— сказала она,— но должны вернуться оттуда невредимыми, иначе любые полученные нами доказательства окажутся бесполезными!

Мне это не слишком понравилось, но я усмотрел все же логику в ее словах.

— А что, если нам взять туда с собой Бена? — предложил я.— Он был бы неплохим спутником. Он считает себя великим охотником, да, впрочем, это не так уж и расходится с истиной.

Каждую осень он отправляется на охотничий сезон в Канаду и на Аляску. Лоси, снежные бараны, гризли — он охотится на всех этих животных. Несколько лет назад он добыл бурого медведя. И еще карибу, северного оленя. Он давно мечтал попасть в Африку, да так и не собрался, а теперь там и охота заглохла...

— А он захочет отправиться с нами и станет ли помалкивать обо всем, что увидит?

— Думаю, да. Я ведь кое-что был вынужден ему рассказать относительно вероятности наличия звездолета в той воронке. Он поклялся соблюдать это в тайне. И он это сделает, поскольку у него есть свой интерес в этом.

— Нам, конечно, нужен второй мужчина,— сказала Райла.— Я не очень ясно представляю, что там будет в стране динозавров, но все же...

— Я тоже не представляю,— согласился я.— Это может оказаться ужасным. И следует позаботиться о безопасности. Там будет много травоядных, вполне мирных животных, как я предполагаю, но ведь будут и какие-то хищники! Я не представляю, как много их там будет и насколько они агрессивны...

— А мне необходимо будет подобраться поближе хотя бы к парочке самых страшных. Это же положит начало делу с фирмой «Сафари»! У меня нет конкретных идей о том, как на них надавить, но то, что мы получим, может оказаться грандиозным! Кроме того, представляешь, сколько может отвалить настоящий неистовый охотник за шкурами только за то, чтобы оказаться первым, кто подстрелит яростного кровожадного динозавра?

Мы подошли к эскалатору, спускающемуся к багажному отделению.

— Давай-ка твой талон, я получу багаж.

Она открыла сумочку и вынула билетный конверт.

— Ты лучше найми подмогу,— посоветовала она, отдавая мне талон.— Эти вещи слишком тяжелы для нас.

— Два ружья,— сказал я.

— И еще кинокамера.

— Возьму носильщика,— согласился я.

— Наиболее трудным было,— сообщила она,— не наплести им что-нибудь о машине времени. Если бы я сказала, что мы

ее построили, они бы скорее мне поверили. У нас же к машинам столько почтения! Они нас просто завораживают! Если бы я сумела придумать какую-либо занятную байку и охмурить их ею, это произвело бы впечатление. Теоретические россказни о машине времени. Но я ничего такого не смогла придумать. А сказать им о Кошачьем Лике — значило все погубить. Я просто обмолвилась, что мы располагаем способом перемещения во времени, надеясь, что они под «способом» станут подразумевать машину. Но не тут-то было. Они, естественно, осведомились о машине и были заметно разочарованы, когда я сказала им, что это *не* машина.

— Ну конечно же,— сказал я,— как можно ожидать от них доверия при отсутствии машины?

— Эйза, а куда мы отправимся делать наш фильм?

— Я уже ломал над этим голову,— ответил я,— и ничего толком не решил. В поздний юрский или ранний меловой период? В каждом из них можно найти огромное разнообразие видов, хотя точно ни в чем нельзя быть уверенными. Отпечатки на камнях, по всей видимости, отражают именно эти два возраста Земли, но окаменелости — это, к сожалению, все, чем мы располагаем. По-видимому, огромное количество информации утеряно. А мы рассуждаем обо всем этом так, словно что-то знаем, между тем располагаем лишь разрозненными кусочками и обломками, а вовсе не ясной картиной. Но все же если мы заглянем в ранний меловой период, то не исключено, что найдем там зверя, который больше других заинтересовал бы наших «белых охотников». Я имею в виду старину королевского тираннозавра, или тираннозавра рекса.

— Да, они его как раз и упоминали! — вспомнила Райла.

— Рекс появился позднее,— сказал я.— Вернее, некоторые так думают. Он мог иметь гораздо большие размеры, чем свидетельствуют отпечатки, и выглядеть еще страшнее. В любом случае охота на него просто безумие! У него рост восемнадцать футов, длина до пятидесяти, вес около восьми тонн, а может, и более. К тому же он наделен неукротимым охотничьим инстинктом. И мы не знаем, как много их там может оказаться. Возможно, что и не слишком. При таких размерах он требует огромной территории обитания и может на многих квадратных милях вокруг себя оставлять совершенно мертвую зону.

— Мы подумаем обо всем этом позже,— заметила она.

Глава 15

После полудня я позвонил Бену.

— Ты собираешься начать строительство своего мотеля?

— Ты что-то имеешь мне сообщить? — оживился Бен.— Он полностью спроектирован. Хотелось бы знать, что там у тебя?

— У меня кое-что имеется,— ответил я.— Есть некоторые подвижки. Я и Райла хотели бы потолковать с тобой. Ты мог бы к нам подъехать? Здесь нам было бы сподручнее поговорить.

— А я как раз закончил все сегодняшние дела. Могу подъехать сейчас же.

Я повесил трубку и сказал Райле:

— Мне этот бизнес все же не по душе! С Беном-то, возможно, будет полный порядок. Он же собирается сделать рывок со своим мотельным бизнесом, а может, и еще с чем-нибудь. Но меня лично слегка мутит от этого. Слишком рано посвящать кого-либо в наши тайны!

— Но ты же все равно не сможешь держать такое вечно под спудом,— ответила она.— И как только мы начнем строить ограду, люди догадаются, что ты что-то затеваешь. Ты же не сможешь построить ограду десятифутовой высоты вокруг участка в сорок акров лишь из-за пустой прихоти! Кроме того, нам нужен Бен или кто-нибудь еще, чтобы хотя бы просто нести второе ружье! Мы же уже решили с тобой, что было бы безумием отправляться на свидание с динозаврами, имея всего одно ружье. И ты сам сказал, что Бен как раз тот, кто нам нужен!

— Он самый лучший из всех, кого я здесь знаю. Бен — охотник. Он знает, как обращаться с ружьем. Он большой, сильный, тренированный и не поддастся панике в трудной ситуации. Но вся эта затея сулит неожиданности, поэтому мы должны держать наши пальцы скрещенными, чтобы не сглазить!

Я открыл дверцу шкафчика, взял бутылку, поставил ее на кухонный стол. Я расставил три стакана и отправился за льдом.

— Ты что, собираешься принять его здесь, на кухне? — удивилась Райла.

— А какого же черта еще, он ведь даже не будет знать, как реагировать, если его усадить в гостиной! Это будет слишком официально и может его спугнуть. Здесь ему будет куда удобнее!

— В таком случае,— заявила она,— и я целиком за это. Мне самой тут больше нравится. Атмосфера кабачка...

По дорожке кто-то затопал, направляясь к кухонной двери.

— Он не заставил себя долго ждать,— заметила Райла.

— Бен наверняка взволнован. Почуял запах денег...

Я открыл дверь, и Бен ввалился внутрь. У него был вид пойнтера, сделавшего стойку над кроликом.

— Ты что, все же нашел это? — спросил он с ходу.

— Бен,— сказал я.— Присядь-ка. Мы должны обсудить с тобой одно дельце. Бизнес.

Спиртное было разлито по стаканам, мы уселись вокруг стола.

— Да говори же, Эйза, что там у тебя на уме? — снова не выдержал Бен.

— Прежде всего,— сказал я,— должен кое в чем тебе признаться. Я вчера немножко приврал. Вернее, сказал половину правды. И притом не самую важную.

— Ты полагаешь, там нет звездолета?

— Да нет же. Как раз он есть. С этим все в порядке!

— Так в чем же заключается твой «полуправдивый бизнес»?

— Дело в том, что звездолет всего лишь часть полного дела, малая его часть. Более важное заключается в том, что мы наткнулись на возможность перемещений во времени. В прошлое, а может быть, даже в будущее. Мы были настолько этим ошарашены, что даже не помышляли вначале просить...

— Кого и о чем просить?

У Бена так отвисла челюсть, словно его стукнули чем-нибудь тяжелым.

— Может, лучше всего начать сначала,— сказала Райла.— Расскажи ему все, как было, а то вопросам и ответам конца не будет!

Бен одним залпом осушил свой стакан и потянулся к бутылке.

— Ну так,— сказал он Райле,— вы сами мне и расскажите!

Он, похоже, еще не врубился ни во что.

Я сказал Райле:

— Давай расскажи ему! А то у меня уйдет на это больше времени. А я пока займусь своей выпивкой!

Она выложила Бену все очень точно и лаконично, без лишних слов и восклицаний, начиная с того момента, как я купил

эту ферму, и кончая своими переговорами в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Пока она говорила, Бен не шелохнулся. Он сидел молча, с остекленевшими глазами. И даже после того как она закончила, он еще некоторое время оцепенело молчал. Наконец он шевельнулся.

— Там есть одна вещь, которая меня доконала,— глухо вымолвил он.— Вы сказали, что Хайрам может разговаривать с этой тварью, Кошачьим Ликом. Выходит, он и с Баузером может вести беседы?

— Мы этого не знаем,— серьезно ответила Райла.

Он покачал головой.

— Все, что вы рассказали, переварить очень трудно. Ну как же можно вернуться в прошлое?

— В том-то и дело, что можно,— кивнула Райла.— И мы докажем это. Мы отправимся в прошлое, в такое, какого никто никогда не видал, и принесем с собой оттуда кинофильм. Есть одна вещь, которую мы вам еще не сказали, Бен. Эйза и я решили отправиться в эпоху динозавров и хотим, чтобы вы составили нам компанию!

— Я? Вы хотите, чтобы я отправился с вами? Назад, к динозаврам? — задохнулся Бен.

Я поднялся из-за стола и направился в гостиную, где мы разместили покупки, сделанные Райлой для исполнения нашего замысла. Я вернулся с одним из тех двух ружей и положил его перед Беном на стол.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил я его.

Он поднял его и покачал в руке, взвешивая. Потом повернулся на своем стуле, наставил ружье на окно кухни, оттянул затвор, посмотрел через прицел.

— Слоновое ружье,— сказал он.— Я о таких слышал, но ни разу не видал. Двуствольное. Вы видели этот прицел? С такой штукой можно сбить слона с ног!

Он пытливо взглянул на меня.

— Но может ли оно сбить и динозавра? Крупного динозавра?

— Этого никто не знает,— ответил я.— При хорошем прицеле его можно хотя бы остановить. А можно ли убить, я не знаю! У нас только два таких ружья. Когда мы с Райлой отправимся в страну динозавров, я понесу одно из них. Она будет

нагружена кинотехникой — камерой и прочим. И мы надеемся, что второе ружье понесешь ты. Мы, конечно, не знаем, что нас там ждет, но в любом случае два ружья лучше, чем одно!

Бен перевел дыхание.

— Динозавры! — тихо произнес он.— Вы даете мне шанс пойти с вами? С таким ружьем?

— Вы не совсем точно выразились,— заметила Райла.— Мы не даем вам шанс пойти с нами. Мы *просим* вас об этом!

— Вы не можете меня просить,— ответил Бен.— Скорее, вам бы надо попросить меня отказаться от этого! Африка! Я ведь всегда мечтал туда попасть. Но это куда похлеще Африки!

— Это может оказаться слишком опасным. Может и нет. Как вам сказал Эйза, ничего нельзя знать заранее.

— Но вы же сами туда пойдете?

Райла ответила надменно:

— Мне же надо поработать камерой!

— Ах да, еще и кино! — задохнулся Бен.— Мой бог, да кинопрокатчики поубивают друг друга, чтобы к этому подступиться! Миллион баксов*! Пять миллионов баксов! Вы можете назначить собственную цену!

— Мы этим займемся попозже,— ответила Райла.— А может, киношники и сами захотят поснимать! Найдется работенка и для кинопрофессионалов!

— А вы будете продавать им права,— подхватил Бен.— Приятная перспектива!

— Но мы не позволим делать дешевку,— заключила Райла.

— А я,— не унимался Бен,— раззвоню всем о маленьком мотеле поблизости с номерами на две и четыре персоны. Хотя, чтобы весь этот бизнес поставить на ноги, потребуется приличный начальный кусок. Как вы собираетесь регистрировать это дело? Есть ли надежда на кредиты? Не надо слишком много акций. И только малый процент дивидендов...

— Мы сможем обсудить это потом,— сказала Райла.— Сперва нам надо подумать, какие мы сможем представить доказательства, когда вернемся от динозавров. Если у нас не окажется доказательств, все наши усилия пойдут прахом. И никакого будущего это дело иметь не сможет.

---

* Жаргонное название доллара.

— И как далеко вы хотите углубиться в прошлое?

— Мы обсуждали разные варианты,— сказал я.— И пришли к выводу, что на семьдесят миллионов лет назад по крайней мере. А может, и значительно дальше!

— Мы рады, что вы согласны пойти с нами,— произнесла Райла.— Нам нужен человек, умеющий обращаться с ружьем, знающий, как надо охотиться, как переносить трудности и как наблюдать за всем вокруг.

Бен покосился на меня.

— А ты когда-нибудь стрелял из такой штуки?

Я покачал головой.

— Если ты не научишься правильно его держать,— сказал он,— оно может снести тебе голову. Отдача здесь может оказаться ужасной. Нам надо попрактиковаться, прежде чем мы отправимся туда!

— Но здесь негде этим заняться,— возразил я.— Мы переполошим всех в этой густонаселенной местности! Нам лучше даже и не пытаться. Слишком много шума и толков будет. Нам вовсе этого не надо. Мы же как-никак решили пока все сохранять в тайне!

— А патроны-то у вас имеются?

— Да есть немного. Думаю, что хватит.

— И ты полагаешь, что один такой патрон способен остановить динозавра?

— Это будет зависеть от того, насколько он будет велик. Некоторые из них столь огромны, что понадобилась бы пушка. Но нас это не должно особенно беспокоить, если мы постараемся держаться от них подальше. Они не должны причинить нам вреда. Единственные, кого нам надо остерегаться,— это динозавры-хищники.

Бен снова посмотрел в дула стволов ружья.

— Они в приличном состоянии,— отметил он.— Слегка затуманены, а может, покрыты пылью. Никаких следов ржавчины. Не повредит их слегка протереть и смазать. В том месте, куда мы направляемся, нам надо иметь гладко работающие ружья.

Он шлепнул ладонью по стволам.

— Добрая сталь,— сказал он.— Никогда не видел ничего подобного! Наверное, стоит целое состояние.

Райла пояснила:

— Я купила их у фирмы, организующей сафари, с учетом будущей сделки. Они готовы иметь с нами дело, если мы покажем им что-нибудь убедительное. Тогда они наконец поймут, что мы располагаем чем-то, что они смогут пустить в ход.

— Но есть еще одна вещь, которую мне бы хотелось подчеркнуть, Бен,— вмешался я.— Это будет вовсе не охотничья вылазка. Мы никак не отправляемся сейчас за динозаврами. Наша задача — сделать достаточно качественный фильм для того, чтобы убедить фирму «Сафари» и адвоката, друга Райлы. Мы не станем затевать никакой кутерьмы. Мы с тобой просто будем стоять на страже и действовать лишь в пределах необходимой обороны. Я хочу, чтобы ты это хорошенько усвоил, Бен!

— О, конечно, я это понимаю! — ответил он.— А позднее, быть может...

— Мы договоримся об этом, когда все устроится,— пообещал я.— Мы тебе обеспечим возможность поохотиться!

— Ну вот и прекрасно,— сказал он.— Но все-таки, раз мы туда отправляемся, нам обязательно следует опробовать эти ружья. Посмотреть, как они стреляют и как мы их держим. Мне надо знать, чего можно ожидать от этой штуковины, раньше, чем придется всерьез пустить ее в дело!

— Мы это обязательно сделаем,— ответила Райла,— но не здесь, а там. Здесь мы не можем из них стрелять.

Он положил ружье обратно на стол.

— Когда по вашему плану намечено отправление? — спросил он.

— Как можно скорее,— ответила Райла,— через день или два.

— Эта вылазка лишь одна из фаз всего дела,— сказал Бен.— Это только начало. Вы должны подумать о массе других вещей. И раз это привлечет людей, то здесь начнется давка. Вы должны обеспечить себе нечто вроде зоны безопасности. Нельзя же допустить, чтобы здесь шныряли все, кому не лень, да еще пролезали во временные туннели, или как вы их там называете! Вам придется купить себе защиту от всего этого.

— Мы намереваемся построить ограду вокруг своих сорока акров,— сообщила Райла.— Как можно более высокую. С ночным освещением и охраной, патрулирующей вокруг.

Бен присвистнул.

— Это недешево обойдется. Забор вокруг участка в сорок акров — дело нешуточное!

— А кроме того, нам потребуется административное здание,— добавила Райла,— да еще обслуживающий персонал. Вначале, возможно, и не слишком большой.

— Ну вот что я вам скажу,— заявил Бен.— А почему бы вам не обратиться за кредитом в мой банк? Для начала, скажем, пятьдесят тысяч, с возможностью его увеличения в случае необходимости. Вы занимаете только ту сумму, которая реально вам нужна. Если она, конечно, вам нужна. Вы выписываете чеки, а мы подтверждаем их платежеспособность.

— Бен,— сказал я.— Это же чертовски благородно с твоей стороны! А где же банкир с каменным сердцем?

— Да будет тебе,— отмахнулся он.— То, о чем я говорил, мы сделаем, если благополучно вернемся после нашей экскурсии. И естественно, я тогда должен буду знать, под какое обеспечение будут даваться деньги.

— У тебя есть какие-то сомнения?

— Не то чтобы сомнения. Когда я уйду отсюда и сяду в машину, я начну сам себе удивляться — какого это я свалял дурака, как дал себя провести. Я целую ночь буду твердить самому себе, что как идиот развесил уши, слушая ваши байки насчет этих перемещений во времени, которые абсолютно противоречат здравому смыслу! Но, сидя здесь и лакая ваше пойло, я нисколько не сомневаюсь ни в чем! Мои руки чешутся от желания принять в этом участие. Если это был бы кто-нибудь другой, а не ты, Эйза, я бы не поверил ни слову. Но я помню, каким ты был в детстве. Я, конечно, состоял в этой шайке, но ведь я был банкирским сынком, а большинство остальных ребят относились к этому враждебно. Они считали, что я ставлю себя выше их, и, хотя этого не было, они были уверены в своей правоте. Поэтому они никогда не упускали возможности высмеять меня. Никто не любит банкира в маленьком городке. Я думаю, никто вообще не любит никаких банкиров. Говоря по правде, у моего старика была не шибко добрая репутация, и это, полагаю, перешло потом на меня. Но ты, Эйза, никогда не издевался надо мной, никогда не поддерживал тех, кто меня дразнил. И всегда за меня заступался. Ты относился ко мне как никто другой.

— Да ну,— сказал я,— вот уж нет в этом никакой заслуги! Ты был для меня точно таким же мальчишкой, как и все остальные. Мы ведь всего лишь составляли банду ребятишек маленького городишки, и каждый был похож на остальных...

— Вы понимаете,— обратился Бен к Райле,— вы понимаете, почему я верю этому чучелу?

— Рада слышать это от вас,— откликнулась Райла,— и мы будем вам благодарны за любую помощь. Это дело будет слишком большим только для нас двоих.

— А почему бы вам не позволить мне слегка обработать публику в связи с этой оградой? Я бы мог то тут, то там в разговорах с людьми создать у них совсем иное впечатление. Я постараюсь внушить им, что этот участок интересует кого-то, кто хотел бы здесь организовать звероферму. Ничего определенного, разумеется, я не скажу, а всего лишь намекну и буду давать уклончивые ответы. Для них это будет вполне в моем стиле — они как раз и подозревают во мне лисьи повадки. И все эти мозги я обработаю как раз к моменту, когда вы мне скажете, что ограду можно начинать строить. И еще я думаю, что смогу набрать достаточную команду работяг, готовых принять участие в этой стройке. Вся штука будет заключаться в том, чтобы ограда была построена как можно быстрее и никто бы не начал ломать голову над тем, что бы это могло означать! И пока еще не созрел урожай, вокруг полно фермеров, которые были бы совсем не прочь подзаработать деньжат. Я думаю, что вы должны четко промерить границы своего участка, прежде чем воткнуть в них эту ограду. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы она хотя бы чуточку выступала на территорию соседних участков. Что касается охранников, то это потруднее, но, думаю, и это можно будет организовать. Управление полиции Миннеаполиса испытывает трудности от сокращения городского бюджета, и у них уже уволено двадцать—тридцать ребят. Кое-кто из них вполне может согласиться перебраться сюда. Я поговорю с шерифом Ланкастера и посмотрю, что он думает по этому поводу. Не беспокойтесь, я не скажу ему больше, чем можно. Кроме того, вам еще понадобятся знаки, запрещающие въезд на эту территорию. Этот вопрос, я думаю, тоже требуется уладить. Эти знаки должны иметь стандартные размеры, и надписи на них должны отвечать принятым правилам. Я присмотрю и за этим!

— Бен, вы подумали обо всем! — сказала Райла.— Вы поистине опережаете нас!

— Когда вы идете на дело,— заметил Бен,— вы должны быть к нему готовы. Небольшое предварительное планирование может помочь избежать многих неприятностей.— Он посмотрел на свои часы.— Боже милосердный! — воскликнул он.— Я же опоздал к ужину! Майра спустит с меня шкуру! У нее какие-то свои правила относительно моей вечерней трапезы. Она считает, что ужинать надо как можно раньше.— Он встал и добавил: — Ну хорошо, будем держать связь. Вы мне дадите знать о всех ваших планах на отбытие. Мне надо будет отменить несколько ранее назначенных дел. Сослаться на отъезд или на что-нибудь еще.

— Нам хватит двух дней на подготовку,— сказала Райла.

— Для меня не составит особого труда быть тоже готовым к этому времени,— обещал Бен.

После того как он уехал, Райла сказала:

— Этот человек похож на вихревой поток!

— Ты поняла, что он задумал? — спросил я.— Он же норовит вступить с нами в дело!

— Мы будем платить его банку пять процентов,— решила Райла.— А у него-то самого деньжата водятся?

— Ну, для начала он кое-что наскребет,— предположил я.— Да еще есть оставленное ему наследство. Оно, может, и не так уж велико, но для начала сгодится.

Глава 16

Хайрам был наготове и поэтому очень важничал.

— Вы видите эти столбики?

Он указал на три колышка, окрашенных красной краской и вбитых в землю в ряд, один за другим.

— Эти колышки помечают вход в туннель. Вы должны будете всего лишь посмотреть на них и сможете туда войти.

Он вручил мне целую связку таких же столбиков.

— Когда вы там выйдете,— сказал он,— не бегите очертя голову, а осмотритесь. Воткните эти колышки вдоль того выхода из туннеля так же, как я воткнул здесь эти три. И тогда вы сможете узнать, где находится этот туннель, когда соберетесь вернуться.

— Но ведь здесь у тебя всего три колышка? — спросил я.

— Я дал вам больше,— важно объяснил Хайрам,— потому что вам надо обозначить место получше. Там ведь по ним могут пробежать разные твари, а здесь этого не случится. Я ваши колья сделал подлиннее и покрепче, чтобы вы могли вогнать их как следует.

— Хайрам,— спросила Райла,— вы думаете, это все, что от нас требуется?

— Конечно, мисс! Тут нет ничего трудного. Вы будьте спокойны. А если вы через несколько дней не вернетесь, я пошлю за вами Баузера. Он приведет вас домой. Помните, мистер Стил, он же вас вывел оттуда?

— Как же,— сказал я.— Спасибо тебе за все, Хайрам!

— Запомни, ты должен оставаться здесь на месте,— сказал Хайраму Бен.— Никуда не отлучайся! Не своди глаз с этого места. Эйза оставил достаточно провианта в холодильнике, и тебе за этим никуда не понадобится ходить.

— Ну а в душевую я могу отлучиться?

— Да, конечно,— ответил Бен.— Но управляйся там как можно быстрее. И не болтай ни с кем о том, что здесь делается. Даже если кто заявится с расспросами. Сюда может припереться Герб. Он унюхал, что мы что-то затеваем, и у него, конечно, появился зуд. Но кто бы что ни спросил, особенно насчет этих колышков, отвечай, что не знаешь!

— Когда мы уйдем,— сказала Райла,— он мог бы даже убрать их!

— Нет, я не могу,— возразил Хайрам твердо,— иначе как же я смогу пойти и спасти вас?

— Мы не нуждаемся ни в каком спасении,— сказал Бен.— Даже если мы немного задержимся, не волнуйся! Не посылай Баузера за нами. И не смей сам туда идти!

— Если я и отправлюсь,— торжественно заявил Хайрам,— то только с отрядом.

— Черт побери, не смей,— рявкнул Бен.— Вообще не предпринимай ничего. Ты просто должен оставаться здесь и ждать!

— Все в порядке, мистер Пэйдж! — ответил Хайрам.

Я посмотрел на двух своих спутников и увидел, что они вполне готовы к старту. Райла была нагружена своей камерой и всем, что к ней прилагалось, у меня и Бена были за спинами рюкзаки, а в руках огромные ружья. Бен еще вдо-

бавок запасся охотничьим ружьем, висевшим на ремне через плечо. Он объяснил, что оно пригодится для обеспечения нам свежего мясного рациона.

— Я никогда не отправляюсь на охоту без того, чтобы не подстрелить какую-нибудь дичь для еды. Живя на воздухе, мы должны иметь и свежее мясцо!

— Но там же будут только ящерицы,— сказал я.— Динозавры-ящеры и другие твари — тоже вроде них.

— А кто тебе сказал, что ящерицы несъедобны? — отпарировал Бен.— И даже динозавры! Я знаю массу людей, которые едят ящериц. И очень много читал об этом. Говорят, у них вкус цыплят...

Мы остановились у «ворот времени» — я впереди, Райла посередине и Бен замыкающим.

— Ну так пошли,— сказал я.— Только запомните одно: за миллионы лет длина суток могла измениться, и там может оказаться ночь. Кроме того, Кошачий Лик мог и не так уж точно все рассчитать. Он нацелился на дистанцию в семьдесят миллионов лет, но могут быть и погрешности в несколько лет. И вы понимаете, что...

— Эйза,— прервал меня Бен,— кончай свою лекцию. Давай двигаться!

Я шагнул вперед, и хотя я не поворачивал головы, но знал, что они следуют за мной. Я прошел вдоль черты, обозначенной колышками, и, когда миновал последний из них, меня словно кто-то толкнул в спину. Но я сразу же сумел восстановить равновесие и увидел, что нахожусь в другом месте!

— Стойте, где стоите! — скомандовал я своим спутникам.— Смотрите в том же направлении. Мы должны установить колышки, и никакого отклонения быть не должно!

Пока я это говорил, я не успел даже толком осмотреться. Все мои мысли были заняты тем, чтобы они в точности выполнили все как надо, ибо я панически боялся отклониться от выхода из туннеля. Я слишком хорошо помнил, в каком пиковом положении оказался в плейстоцене и как не имел понятия, где же выход.

Вокруг нас была вовсе не ночь, как я предположил, а самый разгар дня, и хотя мы и сами не очень точно знали, куда попадем, по-видимому, это все-таки был поздний меловой период.

Нельзя сказать, что местность так уж сильно отличалась от той, которая окружала нас в Виллоу-Бенде. Вокруг, конечно, было намного больше деревьев, но многие из них были хорошо знакомы: клены, березы, дубы, а кое-где и хвойные породы. Но прямо перед нами высилось нечто, похожее на огромный ананас, на вершине которого во все стороны торчало множество папоротникообразных ветвей. Это был древний папоротник — сикад, казавшийся тем более древним, что он рос на этой широте в меловой период среди таких знакомых мне «домашних» деревьев!

— Итак,— сказал Бен,— давайте втыкать колышки!

Я, не оборачиваясь, протянул ему колышек, а сам воткнул в землю на той же оси, где мы стояли, другой. Затем я шагнул вперед и воткнул еще один, а Бен — другой. Мы таким образом воткнули на одной линии шесть столбиков, причем Бен, идя за мной, углублял каждый следующий колышек чуть больше, чем предыдущий.

— Это позволит нам определить направление,— объяснил он.— Более высокие столбики ближе к дому.

— Смотри, сикад! — сказала мне Райла.— Они всегда меня очаровывали! Я купила как-то партию окаменелостей с их отпечатками.

— Чьих? — спросил Бен.

— Таких вот сикадов. Похожих на ненормальный ананас с хохолком.

— Ах, ананас! Ага, вижу! Это что, и вправду ананас?

— Нет, не сказала бы! — ответила Райла.

Мы с Беном сгрузили нашу ношу наземь. Райла подвесила свою кинокамеру на ветку.

— А ну-ка показывайте,— сказал Бен,— где все эти динозавры? Или вы меня одурачили?

— Да везде,— в тон ему ответила Райла.— Взгляните, например, на тот горный кряж. Там их целое стадо!

Бен покосился в ту сторону.

— Да ну, они же совсем маленькие,— сказал он.— Не больше овец!

— Динозавры бывают всех размеров,— пояснила Райла.— Начиная с величины курицы. Эти вот явно травоядные. Но они слишком далеко, чтобы определить их вид.

У нее с Беном, должно быть, зрение было острее моего. Я даже очертаний их почти не видел. И если бы эти твари не передвигались, пасясь, я бы их и вовсе не приметил.

Солнце стояло прямо над головой. Было тепло, но не жарко, и с запада тянул легкий бриз. Мне показалось, что стоит начало июня, когда еще не наступила летняя жара.

Итак, сперва я увидел «домашние» деревья, затем сикад. Теперь я стал присматриваться и к остальному. Земля была покрыта, хоть и не сплошь, карликовыми лавровыми кустами, сассафрасиями* и еще какими-то кустарниковыми растениями. Трава росла редкими участками — грубая, жесткая трава. Ее было немного, совсем не как в плейстоцене, где она сплошь покрывала всю землю, до последнего квадратного дюйма. Меня вообще удивило наличие даже этой травы. В меловом периоде, если верить книгам, травы быть вообще не должно. Она якобы появится много позднее, через несколько миллионов лет! Но она была, и это свидетельствовало о том, как ошибочно мы иногда судим о различных периодах жизни на Земле. Здесь и там, на расстоянии друг от друга, между рощами знакомых деревьев, небольшими участками росли низкорослые пальмы. Мы когда-то учили, я помню, что в переходные моменты между разными геологическими периодами могли встречаться и лиственные породы, и уже вымирающие, более примитивные виды растительности. Здесь как раз они и были перемешаны.

Поскольку растительный покров был не таким густым, каким он станет через миллионы лет, когда разовьются настоящие травы, то почва была неровная, пересеченная множеством трещин, оставленных ручьями от летних ливней. По такой земле было не вполне безопасно передвигаться. В любую минуту можно было оступиться, и мы вынуждены были все время смотреть себе под ноги.

Бен нагнулся и взвалил себе на плечи рюкзак.

— Нам следовало бы найти место для стоянки,— сказал он.— И если удастся, поблизости от воды. Тут недалеко должен быть родник. Дома, когда мы были подростками, здесь их было немало, помнишь, Эйза? Потом много деревьев вырубили, землю превратили в пастбища, и большинство родников пересохло.

* Дерево из семейства лавровых.

Я кивнул:

— Но здесь-то мы без труда найдем хотя бы один. Попробую восстановить в памяти географию местности. Река все еще здесь, к западу и югу, но русло ее не то. Посмотри, оно здесь прямое и излучины нет! Река течет там, где потом образовалась ивовая излучина!

— Вижу,— сказал Бен.— Здесь как-то все размыто, непохоже. Но я надеюсь, хоть горы и болота остались теми же? Давай попробуем восстановить их месторасположение.

— На этой древней земле,— подала голос Райла,— ничего такого нет, что бы сильно повлияло на вид ее ландшафта между этой порой и временем Виллоу-Бенда. Тут нет внутриконтинентального моря, нет ледниковой активности. Канзасское море лежит во многих-многих милях к западу отсюда. И, за исключением возможных озер, здесь вряд ли имеются крупные водные массы. Исходя из этого, мы можем и не найти здесь много травоядных ящеров.

Я поднял свой рюкзак и вдел руки в его лямки. Райла тоже приладила свою ношу поудобнее, и мы во главе с Беном и в арьергарде со мной двинулись в путь. В зарослях кустарника, попадавшихся нам по дороге, кто-то взвизгивал и улепетывал, прячась поглубже под ветками. Должно быть, подумал я, какие-нибудь маленькие млекопитающие. Может, кролики, может, опоссумы, а может, даже белки? Прячась от рыскающих вокруг плотоядных существ, вечно голодных и жестоких, эти маленькие прыгуны ухитрились выстоять и дожить до тех времен, когда на Земле исчезли огромные массы рептилий!

Бен вел нас к реке, держа курс на запад. Идти было трудновато. Ровной почвы не было. Приходилось все время смотреть под ноги, чтобы не упасть. И при этом почти не оставалось возможности наблюдать за тем, что находилось вокруг. А инстинкт подсказывал, что наблюдать не мешало бы!

Ружье начинало казаться все более тяжелым и неуклюжим. Я держал его неловко и уже начал думать, что черта с два я сумею пустить его в ход, если какое-нибудь истекающее слюной кровожадное существо внезапно ринется на нас. Рюкзак тоже не был подарком, но ружье было хуже.

Черепаха — огромная черепаха — высунула голову размером с бочку из березовой рощицы в сотне шагов от нас. Она качнула головой, помедлила, моргнула, затем неторопливо двину-

лась к нам. При виде этой шишковатой массы, выползающей из берез, мы похолодели. Бен наполовину вскинул ружье.

Это выглядело похожим на огромную черепаху, но черепахой не было. У него был панцирь как настоящая броня. И оно продолжало двигаться, все время поглядывая на нас и моргая. Перепончатая мембрана закрывала и открывала его глаза. Существо двигалось вперевалку, лишь слегка отрывая короткие ноги от земли.

Справа от меня зажужжала камера Райлы, но я не повернул к ней головы. Я все время смотрел на эту тварь.

— Все в порядке,— произнес я, надеясь, что и в самом деле все в порядке.— Это анкилозавр. Он не хищник.

Но теперь ящер уже выполз из рощи и был виден во всю свою пятидесятифутовую длину. Его волочащийся по земле хвост был увенчан массивной шипастой булавой на конце.

Камера продолжала работать жужжа, и старина-броненосец остановился. Он громко фыркнул на нас, поднял свою страшную булаву и с силой ударил ею по земле.

— Будь я проклят,— сказал Бен,— он же нам грозит!

— Нам это не страшно,— возразил я.— А вот если на него кинется хищник-динозавр, он даст этой дубинкой ему прямо по зубам!

Анкилозавр решил не связываться с нами и пополз в сторону, явно успокоившись. Райла выключила камеру.

— Ну, давайте искать место для лагеря,— предложил Бен.

Спустя полчаса мы нашли подходящее место около родника, бьющего на склоне горы и скрытого лесом, где росли могучие клены и дубы. Они напомнили мне иллюстрации, изображавшие старые английские леса в ранних изданиях Теннисона.

— Великолепно! — сказал Бен.— Теперь мы защищены. Ни один крупный зверь не проползет с легкостью среди этих деревьев.

— Не исключено, что мы преувеличиваем агрессивность плотоядных ящеров,— предположил я.— Может быть, они и не нападут, если мы им попадемся на глаза. Мы же для них выглядим необычно, не похожи на их привычную добычу. Они могут даже отпрянуть от нас! К тому же здесь их может и не быть так уж много!

— Даже если и так,— констатировал Бен,— мы не должны упускать из виду ничего. И будем держаться все вместе. Никто

не должен отходить в сторону. И мы не можем поступиться ничем из своей программы. Когда мы разобьем палатки, надо будет потренироваться с ружьями.

Мы быстренько распаковали свои рюкзаки и поставили палатки, примитивно натянув два небольших тента под деревьями. Затем оборудовали очаг, выкопав яму и набрав ворох хвороста, щепок и сухих поленьев. Мы сложили их рядом с очагом.

— Ты и я будем поочередно караулить ночью,— сказал Бен.— Нельзя допустить ни малейшего промаха!

Когда наш лагерь был полностью готов, мы с Беном начали опробовать наши ружья.

— Задача в том,— объяснил он мне,— чтобы не слишком плотно его прижимать. Не напрягайся, расслабься. Прижми приклад к плечу, но не слишком усердствуй. В этом ничего особенного нет, просто ты должен постараться, чтобы приклад не отскочил от твоего плеча и не стукнул тебя по подбородку. Ты сам подайся вперед при выстреле. Не очень сильно, но подайся на него.

У самого Бена проблем с этим не было. Он и раньше имел дело с крупнокалиберками, правда не с такими большими, как эти. Что касается меня, то дело обстояло несколько иначе. Я вообще никогда не стрелял из оружия калибром больше двадцати двух, но я хорошо запомнил советы Бена, и дело пошло не так уж плохо. Первый выстрел почти отбил мне плечо и отбросил меня на шаг или два, но я все же не свалился наземь! Второй выстрел оказался удачнее, третий вышел уже вполне приличным. При четвертом, последнем, выстреле я даже не ощутил отдачи.

Огромная одинокая береза, ствол которой мы выбрали в качестве мишени, была вся искорежена нашими пулями.

— Неплохо,— одобрительно заметил Бен.— Ты не поддался и не дал ему навредить тебе. Если бы это случилось, то при каждом выстреле ты бы напрягался и опасался. И тогда тебе не удалось бы попасть даже в широкий сарай на расстоянии тридцати шагов!

— Эйза,— тихо произнесла Райла откуда-то сбоку.

Я обернулся и увидел, что она сидит прямо на земле, скрестив ноги, положив локти на колени, чтобы удержать тяжелый бинокль.

— А ну-ка погляди,— предложила она,— там их довольно много. Небольшими группами и поодиночке. Они сливаются

с фоном, и их трудно различить. Смотри повыше, левее той группы из четырех деревьев, на той гряде, что уходит назад от реки.

Она передала мне бинокль, но я не мог удержать его стоя. Я должен был так же, как и она, сесть на землю и использовать свои колени как подпорку для собственных локтей.

Я не сразу понял, на что она хотела обратить мое внимание, но наконец натолкнулся взглядом на что-то подвижное и стал подкручивать регулировочный винт бинокля, чтобы лучше сфокусировать изображение. То, что я увидел, сидело на корточках, отдыхая, откинувшись назад, изогнув колени и опираясь на огромный хвост. Громадное туловище вытянулось почти вертикально, и безобразная голова раскачивалась из стороны в сторону, как бы обозревая все вокруг.

— Как ты думаешь,— спросила Райла,— это тираннозавр?

— Не знаю,— ответил я,— не могу сказать с уверенностью.

Проблема, конечно, заключалась в том, что никто не мог быть стопроцентно уверен ни в чем. Все, что до нас дошло от всех этих динозавров, было лишь костями да еще в немногих случаях окаменевшими останками с небольшими участками уцелевшей шкуры. Наше зрительное восприятие этих существ базировалось на воображении художников, быть может и превосходном, но отнюдь не претендующем на достоверность в отношении многих деталей.

— Только не рекс,— сказал я.— Передние лапы слишком велики. Может быть, трионихид или другой вид тираннозавра, не дошедший до нас в окаменелостях. Мы же не можем утверждать, что располагаем отпечатками всех видов. Впрочем, кто бы это ни был, это громадный зверь. Он сидит, отдыхает, благодушно озирается вокруг, оценивая, а нет ли еще какой живности, которую можно сожрать.

Я продолжал разглядывать зверя. Если не считать раскачивающейся головы, он был совершенно неподвижен.

— Передние ноги слишком развиты,— повторила Райла.— Это и меня озадачило. Если бы мы попали на несколько миллионов лет назад, я бы рискнула сказать, что это аллозавр. Но теперь-то аллозавров быть не должно? Они же давно вымерли?

— А может, и не вымерли,— предположил я.— Мы ведем себя так, будто постигли всю историю динозавров по найден-

ным окаменелостям. Если мы находим один тип динозавра в старом пласте и не находим его в более позднем, мы объявляем, что он уже вымер! А скорее всего, мы просто впадаем в ошибку лишь потому, что увидели этот тип в более молодых геологических пластах. А аллозавры, может быть, существовали до самого конца!

Я вручил бинокль Бену, показав ему на дальнюю купу деревьев.

— Смотри левее от них.

— Эйза,— сказала Райла.— Я хочу его заснять. Это же первая крупная тварь, которую мы видим!

— Используй телеобъективы,— посоветовал я.— Они сумеют его уловить.

— Я пробую,— ответила она.— Но получается очень нечетко. По крайней мере на глазок. А мне нужно очень ясное изображение! Чтобы убедить ту публику в фирме «Сафари». Они врубятся в это, только если все будет видно отчетливо и с достаточно малого расстояния!

— Мы можем попробовать подобраться поближе,— сказал я.— Он, правда, далековато, но попробовать можно.

— Малый-то смывается! — воскликнул Бен.— Чешет вверх по гряде. Движется быстро. Может, приметил добычу?

— Черт возьми! — огорчилась Райла.— Это все ваша стрельба. Он встревожен.

— А мне он вовсе не показался встревоженным,— возразил я.— Он просто там спокойно сидел. Да и вряд ли стрельба отсюда показалась ему такой уж громкой.

— Но мне же так нужно заснять что-нибудь крупное! — повторила Райла.

— Мы найдем тебе это,— пообещал я, желая ее успокоить.

— Мелких зверей тут довольно много,— отметила она.— Страусовые динозавры и маленькие стада тварей поменьше, размером с индеек. Небольшое количество анкилозавров. Какая-то рогатая мелочь. Все сорта ящериц. Крупные черепахи внизу у реки... Но кого заинтересуют крупные черепахи? Какие-то летающие рептилии, думаю, птерозавры. Несколько видов птиц. Но ничего, абсолютно ничего впечатляющего!

— Не имело смысла гнаться за тем крупным типом,— сказал Бен.— Он передвигался быстро, будто знал, куда спешит. Пока мы достигли бы его исходной позиции, он был бы совер-

шенно вне досягаемости. Мы можем позволить себе небольшую прогулку, если вам угодно. Может, мы кое-кого и поднимем на ноги. Но слишком удаляться мы не должны. Сейчас уже солнце клонится к закату, а мы должны будем вернуться в лагерь до наступления темноты.

— Во тьме мы будем в большей безопасности, чем в любое другое время,— сказал я Бену.— Сомневаюсь, чтобы какая-либо из рептилий стала крутиться вокруг после захода солнца. Они в это время либо спят, либо готовятся ко сну. Они же создания с холодной кровью, и шкала их температурной активности весьма узка. Выползают наружу, лишь когда солнце достаточно греет, и прячутся в свои норы по ночам.

— Возможно, ты и прав,— откликнулся Бен.— Конечно, это так! Ты осведомлен об этом лучше моего. И все же я чувствую себя спокойнее ночью в лагере около доброго костра!

— Мы не можем быть абсолютно уверены в том, что динозавры по ночам не рыщут,— вдруг сказала Райла.— Во-первых, еще не факт, что после захода солнца температура так уж сильно падает. Во-вторых, имеются аргументы, говорящие, что динозавры не обязательно холоднокровны. Существуют довольно убедительные мнения некоторых палеонтологов о том, что кое-кто из них теплокровен!

Она, конечно, была права в том, что такие аргументы и мнения существовали. Я читал об этом, но меня это не слишком убедило. Однако я не стал ей возражать. Ясно, что Райла была с этими суждениями согласна, но сейчас было бы совершенно неуместно ввязываться в научную дискуссию!

Откуда-то с севера вдруг донесся рев. Мы замерли и прислушались. Звуки не приближались, не удалялись, но и не прекращались. Все остальные звуки вокруг исчезли, и в промежутках между воплями неизвестного зверя было абсолютно тихо. До этого мы как-то не очень прислушивались к окружающему нас звуковому фону, но теперь ощутили его отсутствие. А фон этот состоял из пофыркиваний, негромкого птичьего щебета, массы всяких верещаний и писков.

— А может, это наш приятель с горного кряжа? — спросил Бен.

— Может, да, а может, и кто-то другой,— откликнулась Райла.

— Я и не знал, что динозавры издают звуки!

— А никто и не знает. Большинство ученых придерживается мнения, что они существа молчаливые. А вот мы знаем, что они очень даже могут шуметь!

— Если мы вскарабкаемся на вершину нашего холма,— предложил Бен,— то, возможно, и увидим этого крикуна?

Мы так и сделали, но никакого ревуна не обнаружили. Рев прекратился еще до того, как мы добрались до вершины. В бинокль также не удалось увидеть никого достаточно крупного, чтобы быть источником такого звука.

Мы не нашли того крикуна, но вспугнули массу разной живности.

Небольшие стайки страусоподобных динозавров (орнитомимов), похожих на крупных ощипанных птиц, побежали прочь от нас. Маленькие хрюкающие рогатые твари шириной около двух футов в плечах заковыляли в сторону от своих ямок, которые они расковыривали рогами в поисках корневищ и клубней. Под нашими ногами, шурша, проскальзывали змеи. Мы вспугнули стаю гротескных неуклюжих птиц размером с тетеревов или чуточку крупнее. Они возмущенно захлопали крыльями. Выглядели эти птицы очень забавно. Их оперение казалось чем-то ошибочным, случайным и не способствующим нормальному полету.

Немного поодаль мы увидели несколько игуанодонов высотой около шести футов. Судя по известным нам отпечаткам, они должны были быть намного крупнее. Эти выглядели хоть и вялыми, но достаточно страшными существами и, открывая рот, демонстрировали очень приличные клыки. Такие зубы вряд ли предназначались для пережевывания травы или веток. Эти звери, несомненно, были хищниками. Мы довольно близко подошли к ним. Я и Бен держали ружья наготове. Я пытался их расшевелить, но они не проявили никакого интереса. Бросив на нас лишь сонно-подозрительные взгляды, они отвернулись и затопали прочь.

Все послеполуденное время камера Райлы стрекотала почти непрерывно. Полностью использовав одну бобину пленки, Райла перезарядила аппарат. Но, кроме этих игуанодонов, ничего крупного так и не попалось.

Когда мы собирались вернуться в лагерь, Бен посмотрел на небо:

— Поглядите-ка!

Он показал на стаю птиц вдалеке. Их было не меньше сотни, и они темным облаком двигались к востоку.

Я настроил бинокль на фокус, и хотя они были далеко, никаких сомнений быть не могло.

— Птерозавры,— сказал я.— Значит, здесь где-то все же близко большой водоем.

Солнце уже через час должно было скрыться за горизонтом, когда мы вернулись в лагерь. На полпути мы наткнулись на группу из шести страусовых динозавров. При виде нас они стали неохотно удаляться. Бен передал свое большое ружье мне.

— Подержи-ка минутку! — попросил он.

Он снял с плеча свою маленькую винтовку, но пока прицеливался, «страусозавры» начали улепетывать довольно быстро на своих длинных мощных ногах. Бен вскинул ружье и выстрелил, издав звук, похожий на сильный сухой щелчок. Одно из бегущих животных запрокинулось назад. Оно упало на спину, и его ноги рывком взметнулись в воздух.

— Ужин,— ухмыльнувшись, сообщил Бен.

Он снова перекинул ремень винтовки через плечо и потянулся ко мне, чтобы забрать свое большое ружье.

— Вы засекли это? — спросил он Райлу.

— А как же,— мрачно ответила она.— Это уже вошло в фильм. Первое убийство динозавра.

Бен заулыбался еще шире.

— И вы об этом знаете! — отметил он.

Бен двинулся к убитому динозавру. Он положил на землю большое ружье, и из ножен, укрепленных на ремне, вынул нож.

— Возьмись-ка за ногу,— скомандовал он,— и тяни на себя!

Все еще продолжая держать на весу собственное ружье, я схватил свободной рукой ногу динозавра и потянул к себе. Бен быстро и умело отсек ляжку от туловища.

— Порядок,— произнес он.

Он сам взялся за нее обеими руками и повернул ее сильным винтообразным движением. Она отделилась не полностью, и он еще двумя взмахами ножа закончил дело.

— Я понесу ее,— сказал я.— У тебя же два ружья.

Он хмыкнул:

— Можно было бы взять и вторую ляжку, но этого, пожалуй, хватит. Не стоит брать мяса больше, чем можешь съесть. Это баловство.

— Почему ты думаешь, что это годится в пищу? — спросил я.

— Во всяком случае, мы не отравимся,— ответил он.— А не понравится, выбросим и поджарим бекон.

— Вряд ли мы захотим это выбросить,— заявила Райла.— Это будет вполне съедобно.

— А тебе это откуда известно? — поинтересовался я.

— Но едим же мы кур, не так ли?

— Может, я полный дурак,— пробормотал Бен,— но какое имеют к этому отношение куры?

— Куры близки к динозаврам. На сегодня они к ним ближе всего. Прямые наследники, если пренебречь одним или двумя промежуточными звеньями.

Ну да, конечно, если пренебречь одним или двумя звеньями, подумал я, но снова воздержался от того, чтобы открыть рот. По правде говоря, она ведь не была полностью не права! Я воздержался насчет теплокровности динозавров, воздержусь и тут тоже...

Нам не пришлось эту ляжку выбрасывать. Она оказалась весьма вкусной, слегка напоминая телятину; впрочем, она была слаще и сочнее. Мы съели ее всю.

Подбросив дров в огонь, начинавший слабеть после нашей стряпни, мы уселись вокруг. Бен раскупорил бутылку виски и разлил жидкость в кофейные кружки.

— Немножко согревающего,— сказал он.— Охотничья порция. Всего-навсего, чтобы чуточку расслабиться и стать счастливыми. Чтобы продезинфицировать потроха.

Он роздал нам кружки и убрал бутылку. Мы сидели, потягивая виски, и мир был прекрасен. Нам было уютно возле огня, у нас уже имелся фильм, и все шло как надо. Мы не особенно много говорили. После переходов, совершенных нами, мы порядком устали и говорить не хотелось.

В подлеске, окружавшем наш лагерь, слышались непрерывная возня и тихие писки.

— Это млекопитающие,— сказала Райла.— Бедненькие маленькие попрыгунчики, они же должны прятаться день-деньской!

— Не такие уж они несчастные,— возразил Бен.— У них все идет великолепно. Они будут жить здесь и тогда, когда все эти динозавры и их потомки начисто вымрут!

— Можно и так посмотреть на вещи,— ответила Райла.

— Нам надо поспать. Я буду дежурить первым,— сказал мне Бен.— А тебя разбужу в...

Он посмотрел на свои часы.

— Вот черт, они показывают четыре. Правильно. Наше время здесь не годится. Ну так я разбужу тебя примерно через четыре часа!

— Но ведь нас здесь трое! — заметила Райла.

— Вы спите спокойно,— ответил Бен.— Мы с Эйзой управимся сами.

Правда, мы натянули палатки, но было так тепло, что в них влезать не хотелось. Мы развернули спальные мешки и легли в стороне от тентов. Я, хоть и очень устал, долго не мог заснуть. День выдался нелегким. Бен сидел около огня какое-то время, затем, захватив большое ружье, направился к краю рощи.

Вокруг нас в роще по-прежнему что-то шныряло, шуршало и повизгивало. Я подумал, что этих млекопитающих здесь значительно больше, чем можно было предположить.

— Эйза,— позвала Райла.— Ты спишь?

— Почти. И ты усни,— ответил я.— Завтра будет трудный день.

Она больше ничего не сказала, и я тоже лежал молча, как бы отдаваясь медленным наплывам дремоты и уговаривая себя поддаться им. И в конце концов мне удалось заснуть, ибо следующее, что я осознал, было то, что Бен трясет меня за плечо. Я откинул верх мешка и встал.

— Все в порядке?

— Пока ничего не произошло,— ответил он.— Уже не так далеко до восхода.

— Так ты продежурил больше, чем собирался! — сказал я.

— Все равно я не смог бы уснуть,— отмахнулся он.— Слишком возбужден. Впрочем, попытаюсь, может, теперь удастся. Если не возражаешь, я использую твой спальный мешок. Нет смысла разворачивать мой.

Он скинул ботинки и влез в мешок, натянув на себя верх. Я отошел к огню, который ярко пылал. Бен успел подбросить несколько поленьев, прежде чем разбудить меня.

Писки и шорохи стали утихать, и вокруг постепенно воцарилось безмолвие. Было еще темно, но в воздухе уже ощущалось приближение рассвета. Где-то за рощей послышался треск. Я предположил, что это птица, вернее птицы, ибо звук исходил не от одного существа.

Я подхватил ружье и пошел к краю рощи. Все вокруг тонуло во мгле. Бледный лунный серп светил едва-едва. Не было видно никакого движения внизу в речной долине, и все же что-то там передвигалось. Я не мог понять, что же это может быть. То, что двигалось, иногда переставало это делать, затем начинало снова. Я пытался себя убедить, что, если мои глаза привыкнут к темноте, я все же различу, что же там такое.

Минут через десять мне показалось, что я угадываю очертания каких-то темных масс. Я попытался напрячь зрение, чтобы разглядеть их получше. Они оставались темными неясными глыбами, но теперь отбрасывали короткие мимолетные движущиеся отблески, отражая свет луны. Все это время продолжался треск, и мне казалось, что доносится он все же именно со стороны долины и что он издается все большим количеством существ и становится все явственнее. Это был какой-то нереальный обманчивый звук, и трудно было точно определить, откуда же он все-таки исходил. Но я почти мог поклясться, что его издают те самые темные глыбы.

Я присел на корточки и вперил взгляд в ту сторону, но толком все еще не мог ничего разглядеть. Только те смутные массы, которые, казалось, иногда передвигались. Хотя если и передвигались, то все же никуда не направлялись!

Не могу сказать, сколько времени я провел, сидя так на корточках, но явно немало. Что-то держало меня там, заставляя всматриваться в это движение в долине. Небо на востоке начало светлеть, и за моей спиной в роще сонно щебетнула птица. Я невольно повернул голову к роще, и, когда я вновь посмотрел в сторону долины, мне показалось, что эти черные глыбы стали более отчетливыми. Они оказались крупнее, чем я сперва подумал, и просто кружили на месте, но не все сразу. Одна или две из них двигались, потом останавливались, затем передвигались другие, и тоже — одна или две. Мне показалось, что это пасется стадо гигантских коров, и, подумав об этом, я понял, что эти глыбы именно пасутся! Это — пасущееся стадо. Стадо динозавров!

Пока я обдумывал свое открытие, заря от еще не взошедшего солнца стала разгораться все сильнее, и я внезапно разглядел, что же это было. Ящеры-трицератопсы*. Стадо трицератопсов!

Теперь, когда я уже знал, что это такое, я сумел разглядеть костяной гребень и блеск рогов, растущих прямо над глазами и остро направленных вперед.

Я поднялся медленно и очень осторожно, быть может, даже слишком осторожно, учитывая, что на таком приличном расстоянии я вряд ли им виден, и направился к нашему лагерю.

Я опустился на колени и потряс за плечо Райлу. Она пробормотала:

— Ну что там еще?

— Вставай,— сказал я.— Осторожно. Не шуми. Там стадо трицератопсов.

Райла выпросталась из мешка, все еще не вполне проснувшись.

— Трицератопсы,— протянула она.— Рога и все прочее?

— Целое стадо. Внизу в долине. Совсем как стадо бизонов. Я не знаю, сколько их там.

Бен тоже приподнялся и сел в своем мешке, протирая глаза кулаками.

— Что там еще за дьявола принесло?

— Трицератопсов,— ответила Райла.— Эйза их обнаружил.

— Это те, у которых прямо на морде растут рога?

— Именно,— подтвердил я.

— Большие зверюги,— заметил Бен.— Скелет одного из них имеется в Музее науки в Сент-Поле. Я видел его несколько лет назад.

Он встал на ноги и поднял ружье.

— Ну так пошли! — сказал он.

— Еще слишком темно,— заметил я.— Надо бы дождаться рассвета. Давайте сперва позавтракаем.

— Ну, не знаю,— возразила Райла.— Я не хотела бы их тоже проворонить. Ты сказал, стадо? Целое стадо? Нормальные трицератопсы, не такие, как те маленькие твари, что нам попадались вчера?

---

* Крупные травоядные ящеры с носовым рогом, парой рогов на лбу, а также с расширенной в виде воротника задней частью черепа.

— Большие,— ответил я.— Не могу тебе точно сказать, насколько они велики, но вполне подходяще. Вы вдвоем сходите туда, чтобы на них взглянуть, а я пока поджарю яичницу с беконом. Когда вернетесь, еда уже будет готова.

— Ты будь осторожен,— предупредила Райла.— Не шуми. Не звени посудой.

Они ушли, а я вытащил яйца и бекон, поставил на огонь котелок с кофе и начал стряпать. Уже начало светать, когда я отнес им тарелки с едой и котелок. Трицератопсы все еще оставались в речной пойме.

— Ты когда-нибудь в своей жизни,— сказала Райла,— видел что-нибудь прекраснее этого?

На самом деле это стадо было захватывающим зрелищем. На протяжении почти двух миль вдоль течения реки долина была покрыта этими животными. Они методично объедали низкорослый травяной покров поймы. Там имелись детеныши, не намного превышавшие размером свинью, были и экземпляры побольше, по-видимому, годовалые бычки, но большинство все же составляли крупные особи. С того места, где мы сидели, казалось, что в высоту они достигают пяти футов, а в длину вместе с хвостом — около двадцати. Массивный гребень надо лбом делал голову животного огромной. Именно эти гребни и были источником слышавшегося мне ночью треска.

— Что мы с этим предпримем? — поинтересовался я.

— Мы продвинемся в их сторону,— ответил Бен.— Будем идти медленно, без резких движений и звуков. Если они нас заметят, остановимся. Как только отвлекутся, пройдем еще. Надо проявить большое терпение. Райла будет в середине, мы по бокам. Если они проявят признаки агрессивности, Райла отступит, а мы останемся на месте. А дальше видно будет.

Мы доели завтрак и оставили тарелки и котелок на том же месте, не унося их обратно в лагерь. И начали наше шествие, если можно его так назвать.

— Не имеет смысла,— сказал я,— торчать во весь рост на виду у них.

Бен не согласился со мной.

— Если мы пригнемся или поползем к ним, мы их напугаем. А пока они нас видят, мы, может, и не покажемся им слишком опасными.

Это наше продвижение, наверное, заслуживало бы внимания публики! Мы делали всего пару шагов и останавливались, как только животные лениво отрывались от корма и удостаивали нас взглядом. По-видимому, Бен все же был прав. Они не слишком были озабочены нашим присутствием.

Мы переставали двигаться еще и для того, чтобы Райла отсняла это стадо, панорамируя камерой вверх и вниз, для общих и средних планов. Мы приблизились к ним почти на пятьдесят ярдов, когда они наконец по-настоящему обратили на нас внимание. Два больших самца прекратили пастись и повернулись к нам, подняв головы и угрожающе наставив рога прямо в нашу сторону. Их кинжальные острия смотрели прямо на нас.

Мы застыли. Слева от меня стрекотала камера, но я не сводил глаз с этих самцов, держа ружье на весу. Одним движением я вскинул его к плечу. И как это ни забавно, оно показалось теперь мне почти невесомым, хотя так досаждало раньше, когда я тащил его с собой!

Треск, издаваемый гребнями, прекратился. Все гребни животных вдруг одновременно замерли. Все они, все это стадо, подняли головы и уставились на нас. Целое стадо было в состоянии боевой готовности.

Бен тихо проговорил:

— Начинаем тихо отходить. Медленно. По шажку. Следите за тем, куда ставите ногу. Не оступитесь.

Мы начали отступление.

Один из крупных самцов рванулся вперед на несколько шагов. Я снова вскинул ружье. Но после этого внезапного рывка он остановился и яростно повел головой в нашу сторону. Мы продолжали отходить.

Другой самец тоже ринулся вперед и тоже остановился возле первого.

— Это обманные выпады. Они нас пугают, но не надо их раздражать. Отступаем дальше,— негромко произнес Бен.

Камера продолжала жужжать.

Оба самца не сводили с нас глаз. Когда мы были уже на расстоянии ста ярдов или чуть больше, они отвернулись и вновь побрели к стаду, которое уже снова спокойно паслось.

Бен облегченно вздохнул.

— Это было слишком близко,— сказал он.— Мы слегка переборщили.

Райла опустила камеру.

— Зато удалось здорово заснять,— заметила она.— Это то, что нам как раз и нужно!

— Этого тебе достаточно? — спросил я.

— Думаю, что да,— ответила Райла.

— Ну, тогда давайте возвращаться,— предложил я.

— Отступаем по-старому,— сказал Бен.— Не надо поворачиваться к ним спиной!

Мы еще довольно долго так отходили, потом повернулись и пошли к лагерю.

За нами вновь слышалось потрескивание гребней. Стадо продолжало мирно пастись. Все было снова в порядке. Докучливые посягатели отступили, и трицератопсы вновь могли заняться делом.

Я спросил Бена:

— А почему ты решил, что мы можем к ним приблизиться? Откуда ты знаешь, как могут вести себя динозавры?

— Я не знаю,— ответил он,— а просто действую наудачу. Я подумал, что они вряд ли отличаются от всех других животных, которых мы знаем в свое собственное время...

— Но ведь и в наше собственное время не подойдешь так близко к лосям или горным козлам?

— Нет, разумеется, к ним не подойдешь. Наверное, к лосям или горным козлам сейчас и приблизиться-то совсем нельзя. Теперь все животные знают, кто мы такие есть, и не подпускают нас к себе на выстрел. Вот в старые добрые времена, когда люди не встречались им так часто, к стаду можно было и подойти. Раньше в Африке охотники за бивнями приближались к слонам почти вплотную. На старом американском Западе до массовой охоты на бизонов к их стадам тоже можно было подойти поближе. Существовала лишь некая невидимая линия, которую нельзя было переступать. И большинство старых охотников могли на глазок эту линию рассчитать.

— Выходит, мы эту линию переступили?

Бен покачал головой.

— Не думаю, что это было так. Мы подошли прямо к ней, и они дали нам об этом знать. Если бы мы ее переступили, они бы обязательно напали!

Райла предупреждающе зашикала. Мы остановились.

— Треска нет,— сказала она.— Они перестали трещать.

Мы обернулись и увидели, что именно прекратило этот треск!

Двигаясь по низу холма в какой-нибудь полумиле от нас, в сторону стада направлялось чудовище, при виде которого у меня перехватило дыхание. Это был не кто иной, как старина рекс собственной персоной!

Не могло быть никаких сомнений, это был он!

Он выглядел не в точности так, как его изображали художники двадцатого столетия, но все же очень похоже, и ошибиться было невозможно!

Огромные мускулистые задние конечности, заканчивающиеся мощными когтистыми лапами, решительно переступали, буквально пожирая расстояние и приближая к стаду могучую жестокую тварь с неуемной агрессивностью. Но самой страшной была голова. Она поистине внушала ужас. Возвышаясь почти на двадцать футов над землей, она, казалось, состоит из одной только пасти, в которой в свете ранних солнечных лучей сверкали шестидюймовые клыки. Под нижней челюстью свисал не учтенный ни одним из художников нарост, который украшал эту тварь жутким по красоте радужным ошейником. В свете солнца этот ошейник переливался оттенками голубизны, желтизны, ало-красного, малинового и зеленого. Эти оттенки переходили один в другой, напоминая сияние виденных мной витражей в старинных храмах. Но я с неожиданной досадой подумал, что не могу припомнить, в каких именно церквах я видел такие витражи.

Камера Райлы вновь зажужжала, и я шагнул вперед, оказавшись между ней и этим чудовищным зверем. Уголком глаза я увидел, что Бен тоже шагнул вперед.

— Тираннозавр! — шепнула Райла самой себе. Это прозвучало как молитва.— Слава тебе господи, это же тираннозавр!

Внизу, в долине, трицератопсы совсем прекратили свою трапезу. Крупные самцы выстроились перед стадом, почти плечом к плечу, готовясь встретить приближающегося хищника. Они образовали как бы ограду из ярких костяных гребней и наставленных рогов.

Тираннозавр свернул под углом и двинулся в нашем направлении. Он был теперь гораздо ближе, чем на расстоянии полумили, которая нас разделяла, когда мы его впервые заметили. Он выпрямился и помедлил, как бы колеблясь. Ему, по-мо-

ему, должно было быть ясно, что это стадо так легко атаковать не удастся. Хотя крупные самцы были намного меньше его ростом, но их рога вполне могли пропороть ему брюхо. Он, конечно, и сам бы мог своими жуткими челюстями искромсать одного или двух из них, но пока бы он добрался до остальных, они бы выпотрошили его самого!

Он стоял на своих мощных ногах, ударяя массивным хвостом по земле и сметая в местах ударов весь растительный покров. Он поворачивал огромную голову из стороны в сторону, будто размышляя, под каким углом ему безопаснее ринуться в атаку.

И тут он, по-видимому, обнаружил нас, ибо круто повернулся на одной ноге, с силой топнув по земле другой. Он двинулся к нам и с каждым шагом оказывался на двенадцать футов ближе!..

Я прижал ружье к плечу и удивился, что его стволы нисколько не трясутся. Не было и намека на дрожь! Бывает, наверное, что, совершая работу, вы делаете ее лучше, чем сами предполагали. Я глядел туда, где небольшие ручки прикреплялись к туловищу. Слегка приспустив ружье и целясь в место, в котором, по моему разумению, должно было находиться сердце, я спустил курок. Ружье с силой ударило мне в плечо, но я даже не услышал выстрела, а мой палец, соскользнув с одного курка, переместился на другой. Во втором выстреле нужды уже не оказалось. Не добежав до меня, тираннозавр отпрянул и опрокинулся. Краем глаза я увидел Бена и легкое облачко дыма из дула его ружья. Мы, должно быть, выстрелили почти одновременно, и двух таких больших пуль оказалось более, чем смог выдержать гигант-динозавр!

— Посмотрите! — завизжала Райла, и я вместе с ее криком услышал грохот, доносящийся слева.

Я повернулся в ту сторону и увидел второго тираннозавра, несущегося прямо на нас. Он был уже слишком близко, чтобы мне успеть спокойно подумать. Он надвигался на нас очень быстро. Ружье Бена громыхнуло, тварь на мгновение покачнулась, но тут же продолжила свой грозный бег вверх по склону холма. Кто-то рядом сказал, что теперь дело за мной. Ружье Бена было пусто, а у меня в одном стволе еще оставался патрон. Голова тираннозавра приближалась, челюсти его начали широко раздвигаться, и шансов сделать приличный выстрел в

его туловище не оставалось. Я сам не знаю, как мне удалось это сделать. Времени на обдумывание не было совсем. И то, что я сделал, уверен, было простым рефлексом, естественной защитной реакцией. Я нацелил ружье прямо в середину этой разинутой пасти и спустил курок. Почти надо мной взорвалась голова динозавра, и его туловище завалилось на бок. Я отчетливо расслышал гул от его удара о землю и ощутил колебание почвы под моими ногами. Это хлопнулись на землю восемь тонн плоти не более чем в тридцати футах от меня.

Бен, отскочивший в сторону, чтобы не попасть под эту массу, поднялся во весь рост, загоняя патроны в оба своих дула. За мной невозмутимо стрекотала камера.

— Великолепно,— произнес Бен.— Теперь мы кое-что о них знаем. Проклятые твари охотятся вдвоем!

Второй динозавр был мертв, его голова почти оторвалась от тела. Он еще содрогался и грозно поводил одной из когтистых задних лап. Зато первый динозавр пытался подняться на ноги, хотя после каждой попытки снова падал. Бен спустился по склону, направляясь к нему, и послал еще одну пулю ему в грудь. Она легко вошла в эту гору плоти.

Райла тоже медленно спустилась вниз, снимая мертвых тварей под разными углами, потом выключила камеру и наконец опустила ее. Я открыл свое ружье, зарядил его снова и взял под мышку.

Бен поднялся по склону ко мне.

— Приходится признать, что я слегка промахнулся. Та вторая гадина едва не придавила меня. Ты хлопнул ее прямо в голову. И разнес эту глупую башку напрочь!

— Это было единственное, что мне оставалось делать,— ответил я, вовсе не собираясь хвалиться.

Но я не стал объяснять, что это сработал примитивный инстинкт самосохранения, который был сильнее меня самого. Я совсем не планировал стрелять в голову динозавра и сделал это абсолютно инстинктивно. И не мог бы этого объяснить даже самому себе!

— А у другого, однако же, голова цела! — отметил Бен задумчиво.— Мы бы могли ее отрубить и уволочь!.. Всего лишь в качестве доказательства, а?..

— У нас доказательства уже есть,— возразил я.— У Райлы они имеются в избытке!

— Я понимаю,— не унимался Бен,— но мне просто совестно. Если бы ты помог мне унести эту голову, мы бы на ней здорово заработали!

— Но она же весит не меньше нескольких сот фунтов,— напомнил я.

— Но вдвоем-то...

— Нет,— отказался я.— Нам до наших колышков идти не меньше двух миль. И нам лучше поторопиться унести отсюда ноги!

— Не понимаю, почему?

Я жестом указал на двух мертвых динозавров.

— Пятнадцать тонн мяса,— сказал я.— Все пожиратели падали сейчас устремятся сюда, каждый хищник, который чует зловоние за много миль отсюда. И к ночи оба рекса будут обглоданы до чистеньких скелетов. Мне хотелось бы убраться отсюда еще до начала этого пира.

— Но это дало бы прекрасный материал для фильма!

Я спросил Райлу:

— Тебе хватит того, что ты отсняла? Ты удовлетворена?

Она кивнула.

— Я и мечтать не могла о том, чтобы снять такое. Убийство этих двух гадин. Если это не убедит «Сафари инкорпорейтед», то уж и не знаю, что еще их сможет убедить!

— Ну и прекрасно,— сказал я тоном, подтверждающим, что все действительно прекрасно.— Мы отправляемся домой!

— Ты просто цыпленок,— буркнул Бен.

— Да, я цыпленок! Мы получили все, за чем сюда явились. И мы должны уйти, пока можем это сделать!

— Я тоже думаю,— примирительно сказала Райла,— что мы должны уходить. Я совсем сбила себе ногти на ногах.

Глава 17

Мы вернулись из мелового периода ранним утром в понедельник. А теперь была уже пятница. За эти четыре дня было сделано множество дел. Началось строительство ограды вокруг моих сорока акров: были установлены высокие железные столбы на бетонных основаниях, между ними натянута железная сетка, приваренная к каждому из них. По внутреннему периметру ограды протянулась траншея для укладки электрического

кабеля, по которому должен был подводиться ток к прожекторам. Уже был готов фундамент для административного здания и доставлены бревна и доски для его постройки. Мотель Бена тоже начал строиться. Накануне Райла уехала в Нью-Йорк с нашим фильмом, Кортни Маккаллахан, тот юрист из Вашингтона, тоже прилетел в Нью-Йорк, чтобы вместе с «Сафари инкорпорейтед» участвовать в просмотре. Пленка была проявлена в лаборатории «Сафари», чтобы не привлекать внимания посторонних лиц или фирм.

Я задрав хвост носился по делам, причем Бен очень помогал во всем, что делалось. Он наладил массу необходимых контактов, упрашивал и требовал, где было надо, раздобыл бригады рабочих для строек. Большинство рабочих было набрано из сезонных поденщиков, трудившихся обычно на фермах, но Бен нашел и несколько опытных мастеров, под руководством которых дело продвигалось достаточно успешно...

— Вся штука в том,— не раз говорил он мне,— чтобы не медлить и закончить ограду и административное здание как можно скорее, пока люди не начали лезть с расспросами. А как только мы закончим, пусть спрашивают. Мы им покажем нос из-за ограды!

— Но, Бен,— возражал я,— у тебя же полно своих собственных дел! У тебя у самого строительство мотеля и дела твоего банка. Ты же не имеешь прямой заинтересованности в этой стройке!

— Но вы ведь заняли у меня приличную сумму, значит, у банка есть прямой интерес в вашем деле,— отвечал он.— Вы дали мне импульс для начала постройки мотеля и для многих других попутных дел. Я скупил каждый свободный клочок земли вокруг этого участка. Например, ту ферму, что к востоку от вас. Я ее прихватил буквально на днях. Старый Джек Колб думал, что прилично наколол меня, получив за нее больше, чем она, по его разумению, стоит. Я в его глазах выглядел простачком, купившим ее не торгуясь. А чего он уразуметь не мог, так это того, что цена возрастет вдесятеро, если здесь наладится ваш бизнес. Да вы еще взяли меня с собой в ту вылазку к динозаврам. В жизни этого не забуду! Я был бы должен сам заплатить вам за это. А кроме всего, полагаю, что за участие в этой стройке вы выдадите мне какой-нибудь процент из ваших дивидендов?

— Пусть сперва этот бизнес начнется,— говорил я,— а то как бы нам не оказаться погребенными под всеми нынешними хлопотами!..

— Черт возьми,— возражал он,— не вижу, почему такое может приключиться? Это дело — самое грандиозное из всех, которые когда-нибудь предпринимались в мире. Каждый человек, весь белый свет сойдут с ума от ваших замыслов. И у вас с Райлой будет дел больше, чем вы сможете удержать в руках. Но ты не беспокойся, а лучше смотри в оба. Говорю тебе, парень, мы вместе управимся со всем!

...Я сидел на кухне, беседуя с Хайрамом. Мы потягивали пиво. Первый раз с начала работ мне удалось выкроить минутку и вот так посидеть. Я сидел, пил свое пиво и чувствовал себя бездельником, мучительно раздумывая над всем, что еще предстояло сделать.

— Кошкин Лик,— сообщил Хайрам,— очень взволнован всем, что здесь происходит. Он все спрашивает про ограду, а я пытаюсь ему объяснить. Я говорю ему, что когда ее закончат, он сможет сделать много дырок времени. Это его радует. Ему не терпится начать.

— Но он же может делать их, когда захочет? Ведь его-то ничто не может остановить, правда?

— Мне кажется, мистер Стил, он не хочет делать эти дырки просто ради забавы. Их же могут использовать во вред. Сделал несколько штук для Баузера, но они его не очень удовлетворили.

— Да нет, я и не думаю, что он стал бы их делать теперь ради забавы. Впрочем, Баузер неплохо порезвился в этих «дырах»! Из одной он даже приволок домой кость динозавра!

Я направился к холодильнику, чтобы взять еще пива.

— Выпьешь еще? — спросил я Хайрама.

— Нет, благодарю вас, мистер Стил. По правде говоря, я не очень-то люблю эту штуку. Я выпил с вами просто за компанию.

— Я просил тебя узнать у Кошачьего Лика насчет того, как велики могут быть эти «дыры времени»? Люди из «Сафари», возможно, захотят переправить по ним грузовики.

— Он сказал, что с этим проблем не будет. Сказал, что дырки будут так велики, как надо. Можно будет переправить что угодно.

— А он закрыл ту, которую мы использовали? Не хотелось бы, чтобы сюда шастали какие-нибудь динозавры!

— Он закрыл ее,— ответил Хайрам,— сразу после вашего возвращения. И с тех пор она закрыта.

— Ну и прекрасно,— заключил я, вновь принимаясь за пиво.

Было так здорово здесь сидеть, ничего не делая!

По ступенькам крыльца кто-то поднимался. В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул я.

Это был Герб Ливингстон.

— Хватай стул,— предложил я.— Сейчас принесу тебе пива.

Хайрам поднялся.

— Я и Баузер пойдем поглядим, что делается вокруг.

— Ладно,— ответил я,— но не выходите за территорию. Ты мне можешь понадобиться.

Баузер тоже поднялся со своей подстилки и пошел за Хайрамом.

Герб сорвал заклепку с пивной банки и бросил ее в мусорный бачок.

— Эйза,— проговорил он,— ты сторонишься меня!

— Не тебя одного,— ответил я.— Я избегаю встречаться с кем бы то ни было.

— Но ведь что-то происходит,— настойчиво произнес Герб,— и я хочу знать, что именно. «Вестник Виллоу-Бенда», возможно, и не величайшая в мире газета, но мы здесь имеем только ее, и уже пятнадцать лет я рассказываю людям о всех событиях, происходящих в нашем городке!

— Так вот, Герб,— ответил я.— Запомни, я не собираюсь тебе ничего сообщать. Даже если ты будешь кричать на меня и бить кулаком по столу, все равно ничего тебе не скажу!

— Но почему же? — спросил он.— Мы дружили с детства. Мы знаем друг друга так много лет! Ты, и я, и Бен, и Ларри, и все остальные. Бен-то знает, что здесь происходит! Ты ведь рассказал что-то Бену?

— Ну и спроси об этом Бена!

— Но он тоже не желает ничего говорить. Предлагает спросить у тебя. Он говорит, что весь этот бизнес затеян для кого-то, кто задумал основать здесь звероводческую ферму. Но я понимаю, что все это вовсе не так. Значит, дело в другом.

А это другое заключается в том, что ты обнаружил в той старой яме разбившийся космолет! Разбившийся тысячу лет назад. Ну и что же из этого будет следовать?

— Ты пытаешься что-то выудить из меня,— отмахнулся я,— но вряд ли сумеешь узнать что-нибудь путное. У меня, конечно, есть кое-что на уме, это так, но любая публикация может вызвать сейчас совсем нежелательный вой. Когда придет время, я сам тебе все расскажу.

— Когда тебе понадобится реклама, ты это хочешь сказать?

— Возможно, и так.

— Послушай, Эйза, мне не хочется, чтобы газеты больших городов перехватили эту сенсацию. Я не желаю, чтобы они опубликовали ее раньше меня! Чтобы меня обскакали на моем же собственном поле!

— Черт возьми, да ведь тебя обскакивают всю дорогу! — взорвался я.— Во всех важных происшествиях. А чего иного ты можешь ожидать от своей газеты, выходящей раз в неделю? Новости происходят не на недельной основе, а ежедневно. Твоя сила не в освещении крутых событий. Они и не дойдут до тебя вовремя. Люди читают твой «Вестник» потому, что ты пишешь о маленьких новостях, относящихся к городку. И смотри на это именно с такой позиции. Если я потяну то, что затеял, это даст Виллоу-Бенду место на карте. Это поможет каждому его жителю. И расцвет бизнеса, и большие прибыли — все это будет здесь. Если только дело удастся, всем станет лучше. Так что же, ты бы хотел преждевременной публикацией лишить шансов и меня, и себя? Ведь такая поспешная публикация может сгубить все!

— Но мне же надо хоть что-нибудь написать! Я же не могу делать вид, что ничего не замечаю!

— Ну и ладно, напиши свое «что-нибудь»! Об ограде, о мотеле Бена, обо всем, что происходит на поверхности. Поразмышляй, к чему бы все это, если хочешь. Ты имеешь на это полное право. В крайнем случае напиши, что ты говорил со мной и что я не сообщил тебе ничего существенного. Я не могу тебе в этом помешать, но я бы и не хотел препятствовать. Мне жаль, Герб, но больше ничего не могу для тебя сделать!

— Я полагаю,— сказал Герб,— что ты тоже имеешь полное право на умолчание. Но я все же попытался тебя расспросить. Я сделал эту попытку. Ты меня понимаешь, не так ли?

— Конечно понимаю. Как насчет еще одной баночки пива?

— Нет, спасибо. Некогда. Мы сегодня ночью выпускаем номер. Я должен успеть поместить в нем свой репортаж.

После ухода Герба я еще посидел на кухне, сожалея о том, как я с ним обошелся. Но я не мог дать ему никакого материала для рассказа. Я понимал, что он чувствует, что может чувствовать в такой ситуации любой газетчик. Самое для них страшное — это то, что у них могут перехватить сенсацию. Но прежде чем выйдет через неделю следующий номер его газеты, возможно, новость уже просочится наружу. И тем не менее, говорил я себе, в данный момент я ничем не мог бы ему помочь...

Я встал, швырнул пустую банку из-под пива в мусорный бачок и вышел за дверь. Был уже вечер, но все бригады работали, и я удивился, насколько еще продвинулась ограда. Я поглядел вокруг, не видать ли Кошачьего Лика. Меня бы не удивило, если бы я обнаружил, что он пялится на меня с одной из яблонь. В последние дни он там частенько появлялся. Вместо того чтобы прятаться, как он это делал раньше, теперь Лик норовил быть как можно ближе к нам.

Но в данный момент не было видно ни его, ни Хайрама, ни Баузера. Я спустился к ограде и прошел вдоль нее к месту, где трудились рабочие. Я постоял, поглядел на них, потом вернулся в дом.

У входа стоял полицейский автомобиль, и в одном из моих садовых кресел сидел человек в форме шерифа. Когда я приблизился, он встал и протянул мне руку.

— Я шериф Эймос Редман,— представился он.— Вы, наверное, Эйза Стил? Бен сказал, что я найду вас здесь.

— Рад вашему приезду,— сказал я.— Но каковы его причины?

— Бен сообщил мне, что вам могут понадобиться охранники для патрулирования вокруг этой ограды. Могли бы вы мне рассказать, для чего она строится?

— Единственное, что могу вам сообщить, шериф,— ответил я,— все это совершенно законно.

Его слегка передернуло, как от неудачной шутки.

— Никогда и не подумал бы о противоположном,— возразил он.— Насколько я знаю, вы когда-то были одним из мальчишек Виллоу-Бенда. А когда же вы вернулись?

— Меньше года назад.

— Похоже, вы решили тут обосноваться?

— Надеюсь, что так и будет.

— Касательно охранников,— сказал он.— Я разговаривал с полицейской ассоциацией в Миннеаполисе, и они сообщили, что готовы заключить с вами соглашение. Некоторые из членов ассоциации потеряли работу из-за сокращения фондов и могли бы пригодиться вам.

— Рад это слышать. Нам нужен квалифицированный персонал.

— У вас имеются еще какие-нибудь трудности? — поинтересовался шериф.

— Трудности? О, вы, наверное, имеете в виду зевак?

— Вот именно. Тут в ходу довольно забавные толки. В частности, о разбившемся звездолете...

Он внимательно посмотрел, оценивая мою реакцию.

— Да, шериф,— признался я как бы нехотя.— Полагаю, здесь может оказаться инопланетный корабль. Не здесь именно, а в лесу и под тоннами земляных наносов.

— Черт меня подери! — воскликнул он.— Если это так, то на вас нахлынут толпы любопытных. Я теперь понимаю, зачем вам понадобилась ограда. Я велю своим ребятам послоняться здесь и понаблюдать за порядком. И если вам понадобится помощь, вы знаете, где меня найти!

— Благодарю,— сказал я.— Но полагаю, вы понимаете, что эта информация о космолете некоторое время не должна разглашаться?

— Разумеется,— важно заверил он меня.— Это останется сугубо между нами!

Когда я входил в дом, зазвонил телефон. Это была Райла.

— Где ты был? — спросила она.— Не могла к тебе дозвониться!

— Выходил прогуляться. Я не ожидал услышать тебя так скоро. Все ли в порядке?

— Эйза, не то слово! Больше чем в порядке! Мы просмотрели фильм сегодня вечером. Он изумителен! Особенно тот эпизод, где вы с Беном одолеваете тираннозавров. Люди сидели на краешках стульев. Это было так захватывающе! А тот треск, который издавали трицератопсы! Он был таинственным, как предсказание... Господи, даже не знаю, как его охаракте-

ризовать. Он был из другого мира. И от него по спине пробегали мурашки. «Сафари» уже разинула пасть, но мы не пожелали с ними пока разговаривать...

— Как не пожелали разговаривать? Во имя Христа, Райла, в чем дело? Зачем же мы рисковали жизнью?

— У Кортни появилась одна сумасшедшая идея. Он не дал мне вступить в переговоры, сказал, что это потерпит. Мы завтра прилетаем.

— Мы?

— Кортни и я. Он хочет переговорить с нами обоими. Сегодня вечером он улетел в Вашингтон, но утром вернется в Нью-Йорк и захватит меня.

— Захватит тебя?

— Да, у него собственный самолет. Я ведь, кажется, забыла тебе об этом сказать.

— Да, ты забыла. Это так.

— Мы приземлимся в Ланкастере. Это небольшой самолетик, и тамошнего поля вполне для него хватит. Я тебе сообщу точное время попозже.

— Я вас заберу оттуда.

— Возможно, это будет после полудня. Я тебе еще позвоню.

Глава 18

Кортни Маккаллахан был гораздо моложе и крупнее, чем я предполагал. Странно, каким мы рисуем воображаемый портрет человека еще до знакомства с ним. По-моему, этот портрет диктуется звучанием имени. Мне лично носитель имени Маккаллахан представлялся в виде маленького гнома, учтивого, круглолицего, с белоснежными волосами и неторопливой грацией движений.

А на деле он оказался довольно массивным мужчиной, не то чтобы очень уж молодым, но моложе, чем мне представлялось. Его волосы вились и начинали приобретать серо-стальной оттенок, а лицо казалось высеченным из крепкого куска дерева, причем с применением не слишком острого топора. Руки его были толщиной почти с мое бедро. Я почувствовал к нему какую-то безотчетную приязнь.

— Как дела с оградой? — спросил он после первых приветствий.

— Идут вовсю,— сказал я.— Мы закончим ее к следующему уикенду. Во всяком случае, не позднее субботы или воскресенья.

— Движетесь ускоренным маршем, да?

— Темпы стройки не моя заслуга,— ответил я.— Это дело рук Бена.

— А что, этот Бен надежный малый?

— Он был моим другом большую часть моей жизни.

— Если вы позволите мне сказать свое мнение,— сказал Кортни,— то я считаю, что вы с Беном вели себя блистательно в том поединке с тираннозаврами. Так мужественно не дрогнуть перед этими тварями! Боюсь, я бы не смог им противостоять!

— У нас были громадные ружья,— ответил я,— к тому же бежать было просто некуда!

Мы пошли к машине, Райла шла за мной. Она обеими руками схватила мою кисть и сжала ее.

— Я тоже,— ответил я на ее невысказанные слова.

— Я забыла сказать тебе о пленке,— произнесла она.— А ты забыл меня спросить. Она надежно упрятана. В сейфе Нью-Йоркского банка.

— Как только дело потребует внимания публики,— заявил Кортни,— мы объявим аукцион на эту пленку. И продадим права на ее прокат как можно дороже!

— Я не уверен,— откликнулся я,— что нам захочется ею торговать...

— Мы будем торговать чем угодно,— сказала Райла,— если цену дадут подходящую.

Я выехал с территории паркинга при аэродроме. На ней было совсем мало машин. На летном же поле, кроме авиетки Кортни, находился всего один самолет. А в ветхом ангаре стояло еще несколько частных машин.

Проехав милю или две от летного поля, мы оказались вблизи от небольшого торгового центра: супермаркет, скобяная лавка, хозяйственные товары, магазин мужской одежды, несколько других лавчонок...

— Давайте въедем туда и припаркуемся,— предложил Кортни,— только подальше от других машин.

— Конечно, если вам это угодно,— ответил я.— Но зачем?

— Пожалуйста, окажите мне эту любезность,— попросил он.

Я въехал на территорию центра и нашел место для парковки на самом краю автомобильной стоянки. По соседству с нами машин не было. Я включил мотор и пересел на заднее сиденье.

— Для конспирации,— объяснил Кортни.— Меня бросает в дрожь при мысли о возможном подслушивании.

— Ну что ж, давайте! — сказал я.

Я взглянул на Райлу и понял, что она удивлена не меньше моего.

Кортни устроился поудобнее и приступил к изложению дела.

— Я провел бессонную ночь, обдумывая ваше положение,— сказал он.— Оно во многих аспектах показалось мне весьма уязвимым. О, насколько я могу судить, с правовой точки зрения, в вашем проекте все в порядке! Он, разумеется, уникален и вполне законен. А беспокоит меня вот что: вас может догола раздеть Государственная налоговая инспекция. Если все пойдет как надо, в чем я уверен, вы сделаете кучу денег. А если кто-то делает эту кучу денег, то он, с моей точки зрения, должен попытаться оставить себе столько, сколько сможет, конечно, не нарушая при этом законы...

— Кортни,— вмешалась Райла,— но я не совсем понимаю...

— А вы соображаете, сколько может у вас отобрать налоговая инспекция? — спросил Маккаллахан.— С каждого миллиона долларов?

— Лично я имею об этом лишь приблизительное представление, всего лишь приблизительное.

— Вся беда в том,— пояснил он,— что у нас нет тех лазеек, которыми пользуются крупные корпорации. Они изыскивают возможности укрывать часть доходов или создавать параллельные счета, находя способы их защиты от обложения налогами. Конечно, мы бы могли зарегистрировать вас как корпорацию, но это потребовало бы массу времени, да и привело бы к ряду новых трудностей. Однако имеется один выход, который представляется мне блестящим, и я бы хотел знать, как он понравится вам. Если вы обоснуете ваш бизнес вне пределов Соединенных Штатов, у вас этих проблем не возникнет. Налоги на доходы не могут касаться иностранного бизнеса.

— Но мы же должны оставаться в Виллоу-Бенде,— запротестовала Райла.— Ведь наш бизнес осуществим только там!

— Не торопитесь,— ответил Кортни.— Давайте немного помозгуем. А что, если вам использовать ваши возможности перемещений во времени и обосновать свою резиденцию в прошлом? За тысячу лет до наших дней или даже за миллион? Выбрав для этого наиболее подходящее прошлое? Я полагаю, что в любом случае должно быть выбрано время, предшествующее возникновению США, но еще лучше, если это будет время, когда в Европе и не помышляли о существовании Америки... Правда, если в наше время можно было бы отыскать уединенный остров, на который не претендует ни одна сильная страна... А впрочем, не представляю, где такой остров может быть, да есть ли вообще такое место на Земле? Но если бы оно и нашлось, это было бы совсем не близко от Виллоу-Бенда. Совсем другое дело — удаление во времени! Вы бы могли в этом случае оказаться на расстоянии пешего хода от Виллоу-Бенда.

— Не знаю,— пробормотал я.— Ведь мы бы все равно поселились на земле, которая со временем станет частью этого государства!

— Да, я понимаю вас,— ответил Кортни.— И налоговая служба тоже может попытаться привести этот аргумент. Они могут затеять тяжбу, но если это произойдет, мы сумеем доказать, что национальный суверенитет любой страны не распространяется на прошлые эпохи.

— Но ведь ферма в Виллоу-Бенде — это реальное место, где мы можем осуществлять свой бизнес? — спросила Райла.

— Отнюдь нет, если вы поселитесь в другом месте! И все должны быть абсолютно убеждены, что у вас лично в Виллоу-Бенде нет ни бизнеса, ни офиса. Вы могли бы уговорить Хайрама и это существо, Кошачий Лик, переселиться вместе с вами в другое время?

— Не знаю,— ответил я.

— Но ведь Виллоу-Бенд здесь останется, не так ли? — спросила Райла.

— Всего лишь как ваше американское агентство,— возразил Кортни.— У вас должен быть человек, исполняющий обязанности вашего агента. В этом качестве мне представляется наиболее подходящим ваш друг Бен. Временная дорога, или туннель, или канал, как бы вы его ни называли, должен быть

всего лишь входом в вашу резиденцию, где вы и будете осуществлять свой бизнес и расположите все выходы в дальнейшие временные измерения.

— Но налоговая служба попытается наложить лапу и на это! — заметила Райла.

— Конечно, они могут попытаться. Но, оценивая ситуацию трезво, не думаю, чтобы они это затеяли. Особенно если Бен откупит эту ферму у вас за приличную цену еще до того, как вы начнете свой «временной» бизнес. Вот в чем загвоздка всего дела! Даже имея основания для неуплаты налогов, вы не можете осуществлять никакой иной бизнес в США. Вот почему я вчера отказался вести переговоры с фирмой «Сафари». Если они захотят вести эти переговоры, пусть явятся в вашу новую резиденцию!

— Но ведь я с самого начала договаривалась с «Сафари»,— неуверенно произнесла Райла.— Да мы еще и фильм им показали!

— Да, здесь имеются немного щекотливые моменты,— согласился Кортни,— но я думаю, их можно отрегулировать. И я полагаю, что следует еще успокоить власти и доказать им, что никакой бизнес здесь не осуществляется. А что касается вчерашнего отказа от переговоров, то я берусь объяснить фирме, что мы всего лишь отказались оформить это немедленно.

— Но нам все равно придется заключить с ними контракты? — спросила Райла.

— Они могут быть составлены в Нью-Йорке или любом другом месте, где базируется второй участник сделки, но это будет контракт между американской фирмой и неамериканской компанией. Это общепринятая процедура. Но вы должны, вы просто обязаны иметь неамериканский адрес. Так где же вы могли бы расположить свою резиденцию?

— В одном из самых поздних межледниковых периодов,— сказал я.— Возможно, в сангамоне*. Климат хороший, природа близка к родной...

— Какие опасности? Фауна?

— Мастодонты,— ответил я.— Саблезубы. Разные медведи. Пещерные волки. Но приспособиться можно. Это, скорее всего, звучит страшнее, чем выглядит на самом деле.

---

* Третий межледниковый период в Северной Америке.

— Мы бы могли назвать наше новое обиталище Мастодонией,— предложила Райла.

— Превосходно,— согласился Кортни.— Это название несет в себе понятие и иного времени, и иного места!

— Но мы что же, должны оставаться там все время? — забеспокоилась Райла.— Не думаю, что такая перспектива приводит меня в восторг.

— Не все время,— ответил Кортни,— но достаточно много для того, чтобы честно назвать это место домом. Вы сможете часто навещать Виллоу-Бенд и путешествовать, где вам вздумается. Но бизнес ваш целиком должен осуществляться в Мастодонии. Я даже тешу себя идейкой о том, чтобы вы там провозгласили себя государством и пригласили Соединенные Штаты и другие страны для ознакомления и организации представительств. Но этих представительств должно быть не более двух или трех. А впрочем, я не уверен, что это так уж осуществимо. Но если бы это в конце концов удалось, скажите, есть ли шанс уговорить некоторых ваших соседей по Виллоу-Бенду переехать туда?

— Возможно,— сказал я.— Впрочем, уверенности нет.

— Но ведь это очень заманчиво! Свободная земля в полное владение. Никаких налогов. Простор для деятельности. Прекрасные охота и рыбалка...

— Но я же еще ничего не знаю,— повторил я.

— Ну ладно, это мы обсудим потом.

— А как насчет денег и банков? — поинтересовалась Райла.— Куда мы станем девать все те деньги, которые к нам, по вашим словам, поплывут? Естественно, не в американские же банки мы их поместим, где налоговая инспекция может на них покуситься?

— Это легко осуществить,— ответил Кортни.— Откроете счет в Швейцарии. Например, в Цюрихе. Ваши клиенты смогут переводить деньги на ваш швейцарский счет. Они, конечно, могут часть оплачивать наличными, чтобы вы сумели выдавать Бену его проценты и иметь фонд для других срочных платежей. Но если вы надумаете это делать, вам следует открыть счет немедленно, так, чтобы дело выглядело чистым. Если вы откроете счет раньше, чем начнут поступать перечисления по сделкам о перемещениях во времени, то вы сможете послать подальше каждого, кто попытается обвинить вас в сокры-

тии доходов. Первоначальный взнос в банк должен быть достаточно ощутимым, чтобы никто не мог заявить, что это всего лишь символический депозит.

— Я только что продала свою долю в экспортно-импортном бизнесе моему компаньону в Нью-Йорке,— сказала Райла.— Его первый платеж, который составит сто тысяч, поступит через день-два. Но мы не можем ждать. Я выдам чек на банк Бена, и он одолжит нам эти сто тысяч. Мы уже прилично задолжали, но, я полагаю, он пойдет и на это.

— Вот и прекрасно,— одобрил Кортни.— Сто тысяч — это то, что надо, прежде чем вы отбудете в Мастодонию, и при этом в оставленном вами адресе будет указано «Мастодония»! Итак, как я понял, вы одобрили мое предложение?

— Оно кажется мне немного слишком хитроумным,— отметил я.

— Конечно, затея хитроумна. Но в целом она вполне легальна! Возможно, что кому-нибудь захочется это оспорить, но у нас будут достаточно веские аргументы.

— Половина всего мирового бизнеса построена на хитроумии,— сказала Райла.

— Даже если нас вызовут в суд и мы проиграем по нескольким пунктам,— добавил Кортни,— все равно будет не хуже, чем то, что мы имеем сейчас, а скорее всего, намного лучше. У нас должен быть достаточный выбор вариантов бизнеса, если это понадобится. Я никогда не начинаю дела, не имея «хитроумных» идей. И в суд являюсь только для того, чтобы выиграть. Впрочем, насчет суда это всего лишь гипотеза. У человека, имеющего резиденцию вне Америки, совсем другое положение. Он не подвержен никакой государственной регуляции, никакому давлению, не обязан заполнять отчетные формы, на него нельзя завести досье!

— Все говорит в пользу того, что предложение правильное,— сказала Райла.— Честно говоря, я и сама беспокоилась по поводу налоговых обязательств.

— Ну, ты-то встречалась с подобными вещами,— вставил я,— а я — нет...

— Итак, вы почти немедленно отправитесь в Мастодонию,— заключил Кортни,— и обоснуете там резиденцию. Я полагаю, что поначалу это мог бы быть дом на колесах...

— Я позабочусь об этом,— обещала Райла,— пока Эйза съездит в Цюрих.

Она повернулась ко мне:

— Насколько я помню, ты говоришь по-французски?

— Немножко,— ответил я.— Достаточно, чтобы меня поняли. Но ты сама должна была бы...

— Я не говорю по-французски,— отрезала Райла.— Только по-испански и немного по-немецки, но совсем немного. И вот почему в Цюрих следует поехать тебе. Я же останусь здесь и прослежу за всем, что должно осуществляться тут, на месте.

— Похоже, что вы владеете ситуацией,— отметил Кортни.— Поэтому я предоставляю дальнейшие действия вам. Звоните мне по самому малому поводу. Не ждите больших осложнений, обращайтесь сразу, как только возникнет вопрос. И вот что, Райла, необходимо, чтобы Эйза получил нотариально заверенную доверенность от вас, прежде чем он отбудет. И еще — не делайте Бена вашим агентом раньше, чем обоснуете вашу резиденцию в Мастодонии.

— Один вопрос,— сказал я.— Если мы достаточно разозлим власти, не решат ли они объявить нас «персона нон грата», то есть нежелательными личностями, и запретить нам передвижение взад-вперед между Мастодонией и Виллоу-Бендом? Или даже закрыть временной туннель в Мастодонию?

Кортни помедлил.

— Полагаю, они могут попытаться предпринять что-нибудь в таком духе, но тогда мы им объявим сущую войну, вплоть до передачи вопроса в ООН. Впрочем, вряд ли до такого дойдет, да они и сами вряд ли захотят с этим связываться.

— Я думаю, что так оно и будет,— согласился я.— Решение принято! Странно, что мы проворачиваем такие дела в столь короткие сроки...

— Сам план определяет сроки действий,— отметила Райла.— Нельзя же возразить на столь разумные и веские соображения!

— Ну-с, в таком случае,— произнес Кортни,— вы можете отвезти меня обратно на летное поле.

— Вы что, даже не заедете на ферму? — удивилась Райла.— Я думала, вам хотелось познакомиться с Беном?

— В другой раз,— сказал он.— Я изложил вам все, что хотел, и так, чтобы никто другой не смог этого услышать. Теперь начнутся горячие денечки, и времени терять нельзя!

Он радостно потер руки.

— Это начинает становиться чертовски занятным! — воскликнул он.— Занятнее, чем все, что я делал в своей жизни до сих пор!

Глава 19

На обратном пути из Цюриха самолет сделал посадку в Лондоне. Я купил там газету и увидел в ней кричащий заголовок: «ЗАГАДОЧНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ ВО ВРЕМЕНИ!»

Я взял несколько других газет. Рассудительная «Таймс» толковала об этом спокойно, но все остальные вопили об этом буквально взахлеб.

Большинство фактов было перепутано, но суть, в общем, не искажалась. Райла и я выглядели некоей таинственной парой. Местопребывание Райлы установлено не было, но, по слухам, она проживала в каком-то месте, именуемом Мастодонией. Никто точно не знал, где эта Мастодония располагается, но некоторые догадки весьма близко подходили к истине. Муссировалась версия о том, что я нахожусь за пределами США, но никто не мог указать, где именно. Впрочем, газетчиков это не останавливало: они выдвигали, на мой взгляд, довольно фантастические догадки. Был проинтервьюирован Бен, который подтвердил, что он наш американский агент, но ничего больше не сообщил. Герберт Ливингстон, представитель Бена по общественным связям, тоже весьма лаконично сообщил, что любые заявления сейчас были бы преждевременными и что сам он пока ничего больше сказать не может. Я изумился, каким это образом, черт побери, Герб вдруг стал нашим «представителем по общественным связям», или, попросту говоря, рекламным агентом? И вся эта история базировалась на данных неких «авторитетных источников», хотя ни единым словом не упоминалось, каких именно. Между тем «Сафари инкорпорейтед», каким-то образом со всем этим связанная, по словам газетчиков, не отрицала, что существует фильм об охоте на динозавров, состоявшейся в эпоху, удаленную от нашей на семьдесят миллионов лет назад. Цитировалось заявление некоей кинокомпании о том, что она крайне

заинтересована этой лентой. Фирма «Сафари» своего интереса и не думала скрывать. Ни в одной публикации имя Кортни Маккаллахана не было упомянуто, что делало для меня вполне ясным то, откуда пошла «утечка» информации.

Четыре известных физика, один из которых — нобелевский лауреат, также были проинтервьюированы. Каждый из них с разной степенью апломба заявил, что перемещаться во времени никак нельзя.

Но каждая из публикаций опиралась на предположение, что в деле замешана машина времени, ибо о ее отсутствии знали всего пять, вернее, шесть человек! По-видимому, в это количество осведомленных теперь входил и Герб Ливингстон.

В газетах буквально агонизировали так называемые «научные популяризаторы», на все лады варьировавшие предполагаемую форму и принципы действия такой машины. И лишь в одной из статей этого рода автор снизошел до упоминания имени Герберта Уэллса!

Первый же взгляд на буквально орущий заголовок в первой из купленных мной газет заставил меня крайне напрячься, но довольно скоро, пробежав глазами остальные статьи, я почему-то успокоился. Пока о наших возможностях перемещений во времени знало не очень много народу, это представлялось мне тайной немного мальчишеской и отчасти глуповатой. Но ситуация резко изменилась, когда об этой тайне затрубил весь мир. Я поймал себя на том, что озираюсь вокруг, чтобы проверить, *не опознан ли я? Но такое предположение было* довольно наивным, поскольку пока в лондонских газетах не появилось ни моей фотографии, ни снимков Райлы. Но это же не могло продолжаться и впредь: в бульварных газетенках наверняка очень скоро будут опубликованы наши фотографии. Поэтому, хотя в этих предварительных публикациях не говорилось о том, кто мы такие, газетчики, несомненно, докопаются до всего, и тогда уж снимков не избежать!

Я понял, что ужасно хочу снова оказаться в Виллоу-Бенде, где я буду в относительной безопасности от вторжения внешнего мира в мою жизнь. И предстоящие часы полета до дома вдруг ввергли меня в панику, повинуясь которой я совершил нелепый поступок — купил в магазинчике аэропорта темные очки. Я никогда их раньше не носил, даже во время раскопок, и поэтому надеть их сейчас казалось мне глупостью. И все же

я это сделал, так как они давали мне хоть и символическое, но ощущение защищенности.

Первым моим порывом было выбросить все купленные газеты, чтобы ни малейшим намеком не выдать моего интереса ко всей этой истории. Но, подумав о том, как Райла и Бен сумели отбиться от любопытных, я свернул все эти газеты трубкой и взял их под мышку.

Мой сосед по полету, надутый американец средних лет, на мой взгляд, смахивающий на банкира (хотя, возможно, никаким банкиром он и не был!), тоже обзавелся газетой, торчавшей из кармана его куртки. Он не проявил ни малейшего желания к общению со мной, за что я был ему от души признателен. Впрочем, после того как стюард принес нам ужин, он немного оттаял и снизошел до меня, как бы вдруг обнаружив мое присутствие.

— Читали эту галиматью о том, что кто-то перемещается во времени? — спросил он.

— Да, что-то такое заметил,— отозвался я.

— Но вы же знаете сами, что это невозможно? Удивляюсь, как могут газеты опуститься до этого? Ведь журналисты, знаете ли, не такие дураки! Они-то должны знать, что к чему?

— Погоня за сенсацией,— предположил я.— Надо же поместить броский материал, чтобы обеспечить спрос на газеты...

Он не ответил, и я подумал, что беседа исчерпана, но через несколько минут он произнес, обращаясь не столько ко мне, сколько ко всему свету:

— Опасное дело, знаете ли! Шныряние по времени может привести к массе неприятностей. Даже изменить историю. Мы не можем этого допустить! Вполне довольно и того, что есть, безо всякой этакой кутерьмы!

За всю остальную дорогу он не сказал больше ни слова. Поистине мне попался наилучший из всех возможных попутчиков!

Я все время ощущал какую-то тревогу и никак не мог с этим совладать: думал о том, готова ли ограда, работают ли прожектора на ней, набран ли штат охранников. Кортни Маккаллахан, если он и в самом деле запустил всех этих репортеров, конечно, должен был быть полностью уверен, что в Виллоу-Бенде все готово...

Время шло, и я наконец заснул и не просыпался до тех пор, пока мы не приземлились в аэропорту Кеннеди.

Я вопреки логике допускал, что в аэропорту меня могут ожидать репортеры. Но кто же мог знать, что я лечу этим рейсом? Едва добравшись до киоска с газетами, я схватил «Нью-Йорк таймс» и увидел на первой полосе мои с Райлой фотографии. Они были давние, но нас все же можно было узнать.

Я обсудил сам с собой, стоит ли звонить Райле или Бену, либо в Вашингтон Маккаллахану, и решил, что не стоит. Раз тут нет никаких журналистов, стало быть, их может не оказаться и в Миннеаполисе. Райла и Бен знают, каким я рейсом могу прибыть туда, и будут ждать меня в аэропорту.

Но их там не оказалось. Вместо них меня встречал Элрод Андерсон, управляющий супермаркетом в Виллоу-Бенде. Я чуть было не прошел мимо него, поскольку почти не был с ним знаком, но он схватил меня за локоть и сообщил, кто он такой, после чего я его признал.

— Бен не может отлучиться, Райла тоже,— сообщил он.— Там, в Виллоу-Бенде, видимо-невидимо репортеров, и, если бы Бен или Райла выехали, газетчики бы от них не отстали. Бен позвонил мне и попросил вас встретить. Он сказал, что только так вы сможете увернуться от них. Я привез вам старую одежду, чтобы вы переоделись, и даже накладные усы.

— Не уверен, что нацеплю эти усы,— пробормотал я.

— И я подумал, может, не захотите,— сказал Элрод,— но все же захватил их. Они вполне приличные, выглядят как натуральные. Там собралась толпа зевак, и все время прибывают новые. Не понимаю, что они ожидают там увидеть? Некоторые уже выражают разочарование, поскольку и впрямь смотреть не на что. Кое-кто приехал с домиками-фургонами, будто собираясь тут надолго засесть. Бен уже сдает под кемпинг ту ферму, которую недавно купил. Она к востоку от вашей, совсем рядышком. Он еще устроил там же большой паркинг для других машин. Бен нанял рабочих, чтобы оборудовать все это. А сторожит эту стоянку старый Хромой Джонс. Он не имел работы почти тридцать лет, да ведь он и мастер увертываться от нее! Должно быть, сейчас он кое-что сгребает с выручки в свой карман. Но вряд ли сумеет с этим улизнуть. Бен его поймает, как пить дать! Бен же один из самых крутых хозяев, каких я только видел на своем веку!

— Надеюсь, ограда уже готова? — спросил я.

— Ха! — ответил Элрод.— Еще пару дней назад. И здание тоже готово. А над входом висит большой плакат: «Бен Пэйдж,

агент Ассоциации Времени». А что же это все-таки значит? Я думаю, во времени-то расхаживаете вы сами, а не кто другой. Так что же, выходит, и Бен приложил к этому руку тоже?

— Бен — наш агент,— ответил я.— В Штатах, а может, и во всей Северной Америке.

— Но ведь и вы там присутствуете? Во всяком случае, хоть сколько-то еще пробудете? И эта ваша женщина, Райла, тоже там. Почему же не вы этим руководите?

— Дело в том, что мы там больше не живем,— объяснил я.

— Как так не живете? А где же вы живете?

— В Мастодонии.

— О господи! — воскликнул Элрод.— Я же читал об этом! А где же эта самая Мастодония?

— Она в прошлом. Удалена на сто пятьдесят тысяч лет назад. Там живут мастодонты. Отсюда и название.

— А места там приличные?

— Должно быть,— ответил я.— Я их еще не видел.

— Вы же там живете! Как же вы не видели?

— Это место выбирали Райла и Хайрам. Они отбыли туда, когда я улетел в Европу.

— А Хайрам тут при чем? — изумился Элрод.— Он же пустой малый и никогда не был способен ни на что путное.

— Он сделал для всего этого дела исключительно много,— ответил я.

Утреннее солнце уже вовсю обогревало автомобильную стоянку аэропорта. Была прекрасная погода, в небе не виднелось ни облачка.

Элрод сел за руль и откинулся на сиденье.

— Бен велел доставить вас к паркингу возле ограды. Сказал, чтобы вы смешались с толпой туристов и подошли к воротам. Шериф отрядил несколько своих людей для охраны и установил что-то вроде пароля. Но вы просто скажите охраннику свое имя, и он вас пропустит. У меня тут пара изношенных брюк, холщовая куртка и старая фетровая шляпа. Вам лучше переодеться в них, прежде чем мы туда доедем. Если сделать это здесь не мешкая, то никто и не признает вас. Подумают, что вы какой-нибудь чужак и пришли поглазеть, как и другие. По-моему, лучше и усы приклеить!

В пяти милях от города мы свернули на проселочную дорогу и остановились на время, пока я переодевался. Но усы приклеивать я не стал. Не смог себя заставить.

Глава 20

Райла и Бен ждали меня, а Герб Ливингстон маячил на заднем плане. В первой комнате нового офиса, пахнувшего свежими опилками, за столами восседало с полдюжины человек, по-видимому пока не особенно занятых делом.

Райла устремилась мне навстречу, и я сжал ее в объятиях. Я никогда не радовался так встрече с кем бы то ни было. Там, снаружи, увиденное меня устрашило — вдоль всей дороги были припаркованы машины, множество их оккупировало и стоянку Бена, везде торчали палатки с гамбургерами и сувенирами, суетились торговцы воздушными шарами. И люди, люди повсюду, группками и поодиночке, не совсем уверенные в себе, но странно возбужденные. Все вместе напоминало то ли деревенскую ярмарку, то ли карнавал...

— Я волновалась за тебя,— сказала Райла,— и очень ждала твоего возвращения. А где же твоя собственная одежда?

— В машине Элрода,— ответил я.— Эти лохмотья дал мне он.

Бен энергично потряс мне руку.

— Здесь кое-что изменилось после твоего отбытия, а? — отметил он.

Герб приблизился, чтобы тоже пожать мне руку.

— Ну и как идут дела с «общественными связями»? — не удержавшись, съязвил я.— Прочитал об этом в лондонских газетах.

— Да ну, какого черта,— вмешался Бен.— Мы же все равно должны иметь кого-то, кто бы отбивался от «новость-жокеев», роящихся вокруг! Герб как раз тот человек. Он с ними прекрасно управляется.

— Они воют о пресс-конференции,— кротко сообщил Герб,— но у меня пока что кишка тонка, чтобы с ними встретиться! Мы не хотели ничего предпринимать, пока ты не вернешься. Я только слегка подбрасывал им кое-что. Ничего по существу, просто какие-то мелочи. А что мне им сказать о твоем возвращении?

— Скажи им,— сказал Бен,— что он вернулся и сразу же отбыл в Мастодонию. Это то, что мы должны все время подчеркивать. Его и Райлы здесь нет, они живут в Мастодонии.

— Вот подожди, скоро увидишь нашу Мастодонию! — сказала Райла.— Она так прекрасна! Так дика и прекрасна! Мы

позавчера переместили туда передвижной дом и уже все в нем наладили. У нас есть еще два четырехколесных тягача-вездехода.

— А Хайрам где? — спросил я.

— Хайрам с Баузером пребывают в Мастодонии.

— А Кошачий Лик?

— Он тоже туда отправился. Там под горой растут дикие яблони, и он избрал их своей резиденцией. Хайрам говорит, Лику там нравится. Он удивляется, почему тот так долго торчал здесь и никогда не путешествовал сам во времени?

— А пошли-ка в мой кабинет,— предложил Бен.— Там у меня есть удобные кресла и бутылочка, которую необходимо откупорить! Мы же должны обмыть твое прибытие!

Мы расселись по креслам, которые были вполне удобны, и Бен разлил спиртное по стаканам.

— Ты удачно съездил? — спросил Герб.

— Думаю, что да,— отозвался я.— Мой французский норовил мне не подчиниться, но я его укротил. В Цюрихе никаких проблем не возникло. Я не особенно опытен в этих делах, но, полагаю, все сошло хорошо.

— Это же швейцарцы! — заметил Бен.— Они всегда готовы принять ваши денежки!

— А я вот о чем хотел спросить,— сказал я.— Кто все это налил в уши газетчикам? Этот информационный взрыв произошел намного раньше, чем должен был, на мой взгляд...

— Это сделал Кортни,— ответила Райла.— Разумеется, не самолично, а через тех, кого он считает спецами по утечке информации. В основном он сделал это из-за «Сафари». Они давили на Кортни, так как их сильно перевозбудила перспектива охоты на динозавров. Они хотели знать, на что могут рассчитывать, прежде чем выйти на переговоры с нами. Спортсмены, естественно, ухватятся за возможность охоты на динозавров, но фирма хотела бы все же иметь определенные гарантии. Им нужно заполучить несколько перспективных и надежных клиентов еще до начала переговоров с нами насчет продажи им лицензий.

— Но ведь еще слишком рано говорить о лицензиях!

— Мы пару дней не общались с Кортни, но они уже собираются с ним об этом говорить.

— Тут ошиваются один или два «разведчика»,— сообщил Бен.— Сегодня утром какой-то тип интересовался, не можем

ли мы отправить его на территорию государства инков до прихода туда конкистадоров. Он якобы интересуется древней культурой инков, но, скорее всего, его просто манят их сокровища. Я посоветовал считать их навеки утерянными. Еще явился с предложением некий горный инженер. Хочет попасть в Черные горы Северной Дакоты в период до начала «золотой лихорадки». Он абсолютно уверен в приемлемости своих намерений и собирается снять пенки с золотых месторождений. Признался, что денег у него нет, но обещал нам долю в прибылях. Он мне даже понравился, и я его взял на заметку, пообещав переговорить с тобой. Потом пожаловали еще члены комитета от нескольких церковных общин. Эти намереваются обсудить возможности отправки людей в эпоху Иисуса. Я так и не смог узнать, каковы их истинные намерения. Они предпочитают умолчание. Может, расколются потом, когда с ними побеседуешь ты?

Я покачал головой.

— Уволь. Не желаю ничего знать об этом. Все это достаточно щекотливые вопросы, и я предпочитаю ни с чем таким не связываться. Когда кто-то пожелает влезть в любую историческую ситуацию, то вы должны будете предпринять столько мер безопасности, что либо прогорите со своим бизнесом, либо окончательно запутаетесь!

— Но ты должен знать,— сказал Герб,— что такие вопросы неизбежно будут возникать. Каждый, кто сможет себе позволить оплатить это, захочет поприсутствовать при распятии.

— Но дело в том,— откликнулась Райла,— что почти никто не сможет выплатить сумму, которую мы за это установим! Такая цена отобьет всякую охоту к туризму в эти эпохи. Этим «туристам» придется преодолевать слишком большие трудности...

— Я полагаю,— заметил Бен,— что мы должны заключать сделки по мере поступления приемлемых заявок. Будем выпалывать «сорняки» типа вылазок к инкам, но отнесемся с полным пониманием к любым нормальным предложениям.

Мы долго еще говорили о разных разностях, наслаждаясь покоем и воздавая должное напиткам. Мотель Бена был построен и готовился к принятию клиентов. Он по размерам превысил то, что было заложено в проекте, и планировалось построить еще один корпус. Паркинг уже приносил доход. Многие

жители городка выразили желание сдавать комнаты приезжающим. Нас занимал вопрос о том, достаточен ли штат полицейских, охраняющих ограду и ворота. Пока что этим были заняты люди шерифа, но надо было поскорее заменить их постоянным штатом. Герб передал функции редактора газеты своему помощнику и планировал ежедневно издавать информационные буклеты объемом в четыре или шесть страниц для удовлетворения любопытства ожидаемого потока посетителей, первые волны которого были уже налицо. Такой наплыв публики кое-кого в городе и раздражал, ибо, как они полагали, он таил в себе угрозу установившимся традициям. Но уже тут и там различные общественные организации, главным образом женские, начали планировать регулярные ужины с жареными цыплятами, утренники с земляничным мороженым и другие такие же мероприятия, призванные укрепить местный бюджет.

Мы покончили с выпивкой, и Райла сказала мне:

— А теперь — в Мастодонию! Умираю от желания показать ее тебе!

Глава 21

В Мастодонии была весна, все вокруг дышало красотой. Передвижной дом стоял на вершине невысокого холма на расстоянии не более полумили от того места, куда нас вывел временной туннель из Виллоу-Бенда. Прямо под домом у подножия холма виднелась роща диких яблонь, охваченных ярко-розовым пламенем цветения. В длинной ложбине, уходящей от холма, росли отдельными группами и другие цветущие деревья. Лужайки между ними были покрыты морем цветов, и все пространство вокруг оглашалось разноголосым пением множества птиц.

Рядом с домом были припаркованы два вездехода. Над дверью был развернут козырек, а неподалеку врыт в землю большой садовый стол с ярко расцвеченным тентом — зонтом, укрепленным на шесте, воткнутом в середину стола.

Поистине наш новый дом имел весьма праздничный вид!

— Мы купили большой дом,— сказала Райла,— шесть спальных мест, прекрасная гостиная и кухня со всей необходимой утварью.

— Тебе здесь нравится? — спросил я.

— Нравится? Эйза, да разве ты сам не видишь? Это же убежище, о каком можно только мечтать: «хижина у озера, охотничий домик на горе...». Да здесь же намного лучше! Ты ведь здесь обретаешь подлинную свободу. Никого вокруг, ты понимаешь? Абсолютно ни-ко-го! Чтобы добраться до Северной Америки, людям из Азии придется ждать еще тысячу веков. Конечно, на Земле где-то уже есть люди, но еще не на этом континенте. Здесь ты в таком одиночестве, какое только мыслимо!

— Ты уже обследовала окрестности?

— Нет, мне не хотелось без тебя. Да одной было бы и страшновато. Вот я и ждала тебя. Ну а как тебе здесь нравится? И нравится ли?

— Ну конечно, очень нравится! — ответил я.

И это было абсолютной правдой. Мне понравилась Мастодония. Что же касается идеи одиночества и личной независимости, то, по-моему, эти вещи следовало бы проверить на деле. И привычка к ним должна была еще взрасти в нас.

Невдалеке кто-то крикнул, и потребовалось несколько секунд, чтобы я мог сообразить, кто же здесь может кричать. И я увидел их, их двоих, Хайрама и Баузера, огибающих склон холма над рощей цветущих яблонь. Они бежали к нам. Хайрам несся неуклюжим петляющим галопом, а Баузер восторженно подскакивал, сопровождая каждый прыжок отчаянно-приветственным лаем.

Позабыв о всякой чопорности — да ее в этом мире и быть не могло! — мы побежали им навстречу. Баузер, мчавшийся первым, бросился лизать мне лицо в невероятном собачьем ликовании. Хайрам, запыхавшись, поравнялся с нами.

— О, мистер Стил,— сказал он, переводя дух,— мы все время караулили у входа, а тут решили немножко прогуляться и прозевали ваш приход! Мы спустились вниз, чтобы посмотреть на одного из слонов.

— Слонов? Ты имеешь в виду мастодонтов?

— Я думаю, так будет вернее,— ответил Хайрам.— Наверное, эти создания зовутся так. Я пробовал запомнить это слово, но не смог. Но все-таки мы видели настоящего красивого масто... похожего на слона. Он подпустил нас совсем близко. Я думаю, мы ему понравились.

— Смотри у меня, Хайрам,— сказал я строго.— Ты не должен подходить близко к мастодонту! Он может выглядеть достаточно мирным, но если вы подойдете слишком близко, неизвестно, что он выкинет. Это относится и к большим кошкам, особенно тем, у которых длинные острые зубы. Понял?

— Но этот слон... мастодон... так хорош, мистер Стил! Он движется так медленно и кажется таким печальным! Мы назвали его Стиффи*, потому что он так медленно ходит. Он еле плетется...

— Во имя Христа,— сказал я,— запомни, что старый, отбившийся от стада самец только и ищет, над кем бы покуражиться. У него вполне может оказаться премерзкий норов!

— Это правда, Хайрам,— подтвердила Райла.— Вы держитесь поосторожнее с таким животным. И с любым другим животным, которое вам здесь повстречается. Не пытайтесь завязать с ними дружбу.

— Даже с сурками, мисс Райла? — поинтересовался он.

— Ну, я полагаю, с сурками-то можно. Это безопасно,— сказал я.

Мы вчетвером направились к нашему передвижному дому.

— У меня есть комната, совсем моя,— сообщил Хайрам.— Мисс Райла сказала, это моя комната и ничья больше. Она сказала, Баузер может там спать со мной.

— Войдем и посмотрим,— сказала Райла.— Мы вместе все осмотрим, и потом вы можете выйти во двор.

— Во двор?

— Туда, где стол на лужайке. Я называю это двором. Когда ты все осмотришь внутри, выходи и погляди, как там снаружи. А я приготовлю ленч. Достаточно ли будет сандвичей?

— Это прекрасно!

— Мы поедим на воздухе,— сказала Райла.— Мне все время хочется любоваться этой страной. Я никак не могу на нее наглядеться.

Я прошелся по нашему новому дому. Мне впервые доводилось видеть жилище подобного типа, но я знал, что многие люди жили в таких и были очень даже довольны.

Особенно мне понравилась гостиная — просторная, удобно обставленная, с широкими окнами, толстым ковром на полу,

* Тугой, негибкий.

с подставкой для ружей у двери и книжными полками, заставленными книгами, которые Райла перевезла сюда из моей маленькой библиотеки. Все здесь было гораздо респектабельнее, чем в моем доме на ферме. Я должен был это признать.

Выйдя из дома, я спустился вниз по холму, сопровождаемый шаркающим рядом Хайрамом и скачущим впереди Баузером.

Холм был не особенно велик, но достаточен для того, чтобы обеспечить хороший обзор окружающей местности. Внизу справа несся поток, та самая речка, что текла здесь в меловом периоде и делала то же самое в двадцатом веке, пересекая Виллоу-Бенд. В течение миллионов лет местность изменилась лишь слегка. Мне показалось, что этот холм немного выше, чем он был в меловом периоде, и, возможно, выше, чем он будет в двадцатом веке. Но я не мог бы это утверждать с полной уверенностью.

Долина реки ясно просматривалась, ее местами пересекали лишь заросли цветущего кустарника и низкорослых деревьев, но другие холмы почти сплошь заросли лесами. Я поискал глазами, нет ли каких-нибудь пасущихся стад, но ничего не заметил. Никаких признаков живых существ, кроме двух крупных птиц, возможно орлов, парящих в небе...

— Он там,— возбужденно произнес Хайрам.— Там он, Стиффи! Вы видите его, мистер Стил?

Я посмотрел в направлении вытянутого пальца Хайрама и увидел мастодонта прямо над холмом, в долине. Он стоял на опушке рощицы из небольших деревьев, обдирая их листву хоботом и отправляя ее в рот. Даже на таком расстоянии было видно, какой он облезлый. Он, казалось, был совсем один. По крайней мере, в поле зрения не виднелось никаких других мастодонтов.

Райла позвала нас, и мы вернулись к вершине холма. На «дворовом» столе были расставлены блюда с грудами сандвичей и печенья. Еще радовали глаз маринованные огурчики, банка с маслинами и большой кофейник. Баузеру предназначалась изрядная порция мяса, нарезанного кусочками, чтобы ему было легче их прожевывать.

— Я закрыла зонт,— сказала Райла,— чтобы солнышко нам светило. Оно здесь так прекрасно!

Я взглянул на свои часы. Они показывали пять часов пополудни, хотя здесь, судя по солнцу, был всего лишь полдень. Райла рассмеялась.

— Ты забудь о часах,— сказала она.— Здесь никаких часов не требуется. Я свои оставила на ночном столике в первый же день. Но они, наверное, еще идут.

Я кивнул. Эта мысль мне понравилась. Мне это вполне подходило. Ведь на земле не так уж много мест, где бы человек мог избавиться от тирании времени!

Мы ели под лучами солнца, не торопясь и наблюдая, как лениво уходит полдень и удлиняются тени от западных холмов, наползая на реку и речную долину.

Я мотнул головой в сторону реки.

— Там ведь должна быть недурная рыбалка?

— Завтра,— сказала Райла.— Завтра отправимся рыбачить. Возьмем одну из машин и поедем обследовать окрестности. Тут многое можно увидеть!

Ближе к вечеру мы услышали далекий трубный зов. Это могли быть и мастодонты. В полночь меня разбудил новый звук.

Напряженно вытянувшись в постели, я ждал, пока он снова повторится, этот злобный глухой вопль со стороны северного холма. Кошка, вне сомнений, возможно саблезубый тигр, а может, и кто другой из этой же кошачьей породы...

Я сказал себе, что начинаю зацикливаться на мысли о саблезубе, что заворожен им, буквально жажду его появления. Но лучше бы мне изгнать эту навязчивую мысль из головы, ибо в этом мире сангамона могут попадаться самые разные представители отряда кошачьих!

Этот крик сам по себе был достаточно грозен, но меня он почему-то вовсе не напугал. Я чувствовал себя в безопасности. Рядом спала Райла, абсолютно не потревоженная воплями, доносящимися с севера.

Утром, после завтрака, мы запаслись ленчем, захватили два семимиллиметровых ружья и несколько удочек, уложили все это в один из вездеходов и отправились на разведку — я и Райла на переднем сиденье, Хайрам с Баузером на заднем.

Через семь миль мы заметили издали и объехали стадо мастодонтов. Их было около дюжины. Они подняли головы,

чтобы посмотреть на нас, захлопали ушами, попытались принюхаться, подняв хоботы, но совершенно не сдвинулись с места.

В полдень мы остановили машину у реки, и я забросил удочки. Не более чем через пять минут я вынул три крупные форели, которых мы тут же запекли на костре, разожженном из плавника. Пока мы уплетали рыбу, на голый крутой утес, вдающийся в реку с противоположного берега, выскочило шесть волков. Они внимательно всматривались в нас. Мне показалось, что они значительно крупнее обычных волков, и я подумал: не пещерные ли это? Проехав дальше, мы вспугнули оленя, который проскакал мимо нас. Потом мы увидели на каменистой гряде крупного рыжеватого кота. Это был скорее всего кугуар, но никак уж не саблезуб!

Домой мы вернулись перед самым закатом, здорово уставшие, но полные восхищения. Это были самые лучшие каникулы в моей жизни!

В течение следующих двух дней мы совершали и другие поездки, выбирая разные направления. Мы увидели немало мастодонтов, одно немногочисленное стадо бизонов, значительно превышающих размерами своих потомков с исторических равнин Запада. У этих были громадные, разнесенные в стороны рога. Мы нашли болото, с которого при виде нас тучей взмывали вверх утки и гуси. А чуточку поодаль от болота мы сделали свое величайшее открытие, ибо там обосновалась колония бобров, не уступавших размерами медведям. Они трудились над постройкой плотины, которая и послужила причиной образования болота, ставшего прибежищем тех уток и гусей. Мы издали наблюдали за бобрами, замерев в совершенном восторге.

— Один бобер — один меховой жакет,— заметила Райла.

Я потерял всякое представление о времени. Я забыл обо всем, полностью отдавшись щедрой фантастике изумительных открытий, блаженному безделью и созерцанию бесконечных, избавленных от измерения часами дней.

Но идиллии пришел конец на третий день, когда мы вернулись из очередной поездки. Нас поджидал Бен, сидевший за столом во дворе. Перед ним стояли стаканы и бутылка, тоже ожидавшие нас.

— Выпивка подана,— сообщил он.— Начинается бизнес. Кортни завтра вылетает на встречу с «Сафари». Они готовы к переговорам. Кортни говорит, они полны нетерпения. И вовсе не притворяются, а на самом деле полны нетерпения!

Глава 22

Я проснулся на следующее утро со смутным чувством беспокойства, причины которого мне были непонятны. Оснований для него вроде бы не было. Я выбрался из постели, пытаясь не разбудить Райлу. Но мои старания оказались напрасными, и, когда я хотел выскользнуть из спальни, она спросила:

— Что случилось, Эйза?

— Да, наверное, все в порядке,— ответил я.— Пойду-ка посмотрю.

— Но только не в пижаме! — категорично заявила она.— Вернись и оденься. Сегодня должны объявиться люди из «Сафари», причем, может быть, совсем рано. Их время ведь на пять часов опережает наше!

И я был вынужден одеться с очень неприятным ощущением, что теряю время. Потом я вышел наружу, стараясь не подать вида, что страшно спешу.

Но стоило мне открыть входную дверь и бросить взгляд во двор, как я отпрянул назад и схватил одно из семимиллиметровых ружей, стоявших в подставке у двери.

Прямо под холмом, не более чем в пятистах футах от меня, стоял тот самый мастодонт, которого Хайрам называл Стифи. Это, несомненно, был он, и вид у него был еще более облезлый, чем когда я смотрел на него издали.

Он казался каким-то удрученным, с безвольно повисшим между двумя большими бивнями хоботом. Несмотря на то что росту в нем было не менее девяти футов, ничего величественного он собой не являл. Прямо перед ним, в каких-нибудь пятидесяти футах, стоял Хайрам. Рядом с ним вовсю вилял хвостом Баузер, выражая наилучшие в мире намерения.

Хайрам что-то внушал этой громадине, а мастодонт в ответ похлопывал одним ухом, не таким большим, как у вислоухих африканских слонов, но все же немалым.

Я оцепенел, сжимая ружье обеими руками. Мне страшно было окликнуть Хайрама или Баузера, поэтому не оставалось ничего другого, как держать ружье наготове. Где-то на задворках памяти всплыло, что в далеком будущем, в девятнадцатом веке, старый Карамоджо Белл убьет сотни африканских слонов из-за бивней, стреляя из ружья, не превышающего калибром то, что я держу в руках. Но, даже зная это, я все же надеялся, что мне не придется стрелять. К тому же большинство выстрелов Карамоджо было нацелено в мозг, а тут я абсолютно не имел понятия, куда надо целиться, чтобы попасть в мозг.

Стиффи постоял еще, а потом сделал движение. Я подумал, что он собирается пойти на Хайрама, и поднял ружье. Но он не пошел никуда, не сделал ни шага. Он просто поднял одну ногу, потом другую и стал мерно переступать на месте. Он это делал так, словно что-то причиняло ему страдание и он пытался переместить свой вес с одной точки опоры на другую. Эти движения, медленные и довольно осторожные, заставляли его тушу слегка колыхаться, и это было самое нелепое зрелище из всех, какие я видел: этот дурацкий «слон», стоящий перед Хайрамом и мягко покачивающийся взад и вперед.

Я быстро шагнул вперед, но, подумав, не решился сделать еще один шаг. Пока все обстояло мирно, хотя кто мог знать, не разозлит ли его какая-нибудь малость? У меня же было ружье, и при необходимости я мог бы послать в старого Стиффи три или четыре заряда. И все же я продолжал надеяться, что этого не понадобится.

Хайрам потихоньку, шаг за шагом, продвигался вперед, но Баузер уже с места не сдвинулся. Господи, я бы мог поклясться, что у Баузера больше здравого смысла, чем у Хайрама!

Но ведь я мог это предотвратить. Я мог прогнать эту тварь раньше, чем вышел Хайрам! Я же столько раз велел ему оставить этого мастодонта в покое, а он вышмыгнул наружу, пока я валялся в постели да еще потратил столько времени на переодевание. Я опоздал его перехватить! И, коря себя, я все же прекрасно знал, что Хайрам иначе и не мог себя вести. Он же разговаривал дома с сурками и синичками, у него был знакомый медведь-гризли, и с ним он «беседовал» тоже. Пусти его в меловой период — он попытается завязать дружбу с динозаврами!

А теперь Хайрам был уже совсем близко от животного и уже тянул к нему руку. Тот прекратил свое раскачивание. Баузер оставался на месте и хвостом уже совсем не вилял. По-видимому, он был обеспокоен не меньше моего. Я перевел дух и продолжал наблюдать, раздумывая, не следует ли все же окликнуть Хайрама. Впрочем, было слишком поздно звать его назад. Если бы мастодонт сделал малейший выпад, это было бы концом Хайрама.

Мастодонт подогнул хобот и слегка подался вперед, опираясь на носки ступней. Хайрам замер неподвижно. Стиффи фыркнул, вытянул хобот и провел его кончиком сверху вниз, вдоль тела Хайрама, как бы желая обследовать, чем от него пахнет. Движение это было очень мягким и деликатным. И тогда Хайрам погладил этот любознательный хобот, проведя рукой вдоль него, туда и обратно, слегка его почесывая. А этот большой глупый зверь издал звук, похожий на блаженный стон. Ему это понравилось! Тогда Хайрам сделал еще один шаг вперед, потом еще один и оказался прямо под головой Стиффи, которую тот наклонил. Хайрам поднял обе руки и стал почесывать до смешного маленькую нижнюю губу своего могучего нового друга. Мастодонт заурчал от наслаждения.

Этот чертов зверь был таким же ненормальным, как сам Хайрам, да, пожалуй, Хайраму было до него далеко!

Я облегченно вздохнул, надеясь, что это не преждевременно. Не похоже было все же, что дела пойдут хуже. Стиффи все еще торчал там, а Хайрам все еще почесывал его. Баузер, не скрывая некоторого отвращения, повернулся, подошел и уселся около меня.

— Хайрам,— произнес я так тихо, как только мог,— Хайрам, послушай меня!

— Вы не должны волноваться, мистер Стил,— негромко откликнулся он.— Стиффи — мой друг!

С тех пор как я вернулся в Виллоу-Бенд и возобновил знакомство с Хайрамом, я только и слышал это от него. Любая тварь была ему другом. У Хайрама врагов не было!

— Ты все же поостерегись немного,— сказал я.— Он ведь дикое животное и при этом ужасно велик!

— Но он же говорит со мной,— возразил Хайрам.— Мы разговариваем друг с другом. Я знаю, что он мой друг!

— Ну, тогда попроси, чтобы он ушел отсюда. Пусть он держится на расстоянии, подальше от этого холма. А иначе, ты же должен понимать, он может нечаянно наткнуться на наш дом и опрокинуть его. Объясни ему, что, если он это сделает, я выпущу в него четыре заряда из двух стволов.

— Я уведу его в долину,— сказал Хайрам,— и объясню, что он должен там оставаться. Я пообещаю приходить туда, навещать его.

— Ты это сделай,— согласился я,— а потом возвращайся как можно скорее. Ты мне должен кое в чем помочь.

Он протянул руку и приложил ее, подталкивая, к плечу Стиффи, а тот повернулся и пошел вперед, принюхиваясь и фыркая, тяжело переставляя свои огромные ступни. Он спускался по склону холма, и Хайрам шел рядом.

— Эйза,— позвала из двери Райла,— что там происходит?

— Стиффи задумал к нам прийти,— ответил я,— но Хайрам увел его назад, на его собственное место...

— Но ведь Стиффи — это же мастодонт?!

— Вот именно,— подтвердил я.— Но он еще и приятель Хайрама.

— Тебе лучше войти в дом и побриться,— предложила Райла.— И, бога ради, расчеши волосы! К нам идут люди.

Я поглядел вниз. Пять фигур передвигались гуськом, в линию. Предводительствовал ими Бен. Он был в бутсах, брюках хаки и охотничьей куртке. Да еще при ружье. Остальные были в обычных деловых костюмах, и все несли в руках кейсы или портфели.

Я увидел среди них Кортни, остальные трое, должно быть, представляли фирму «Сафари». Они ужасно развеселили меня, эти степенные деловые типы, шествующие с символами своего бизнеса там, где все дышало нетронутой первозданностью.

— Эйза! — строго сказала Райла.

— Слишком поздно,— откликнулся я.— Они же сейчас будут здесь. Считай, что тут у нас новый фронтир*. Пусть примут меня таким, какой я есть.

Я провел ладонью по подбородку, и меня оцарапала щетина. Я сильно зарос, и вид у меня, скорее всего, был не слишком опрятный!

* Форт на границе передвижения первых поселенцев в США.

Бен подошел первым и пожелал доброго утра. Остальные выжидающе оставались стоять, все так же в линейку, как они шли по туннелю. Кортни выступил вперед и произнес:

— Райла, вы знаете этих джентльменов?

— Да, конечно,— отозвалась она.— Но никто из них не встречался с моим компаньоном, Эйзой Стилом. Вы, надеюсь, извините его за вид? У нас тут были небольшие неурядицы с мастодонтом и...

Джентльмен с военной выправкой, стоявший в конце цепочки, воскликнул:

— Простите меня, мадам, но, выходит, я не ошибся? Мне показалось, что вниз по склону шли вместе мастодонт и человек. Мужчина держался за хобот мастодонта, как если бы он вел его за поводок!

— Это был всего лишь Хайрам,— ответила Райла.— У него свои особые отношения с животными. Он уверяет, что может с ними говорить.

— Выходит, Хайрам и здесь уже взялся за свое,— отметил Бен.— Не так уж долго пришлось дожидаться!

— Он ведь здесь уже несколько дней,— сказал я.— Этого вполне достаточно.

— Никто не видел ничего подобного! — продолжал волноваться старый вояка-джентльмен.— Глазам своим не поверишь! Это же совершенно невероятно!

— Эйза,— произнесла Райла,— наш неверующий друг — это майор Хеннесси. Майор, это мой компаньон Эйза Стил.

— Очень рад,— сказал Хеннесси.— Должен заметить, у вас здесь настоящая база!

— Нам она нравится,— ответил я.— Позднее, если у вас найдется время, мы покажем вам окрестности.

— Невероятно! — не унимался майор.— Абсолютно невероятно!

— Мистер Стюарт,— продолжала представлять мне гостей Райла.— Мистер Стюарт — председатель совета «Сафари инкорпорейтед», и мистер Бойл... Если не ошибаюсь, мистер Бойл, вы — генеральный управляющий?

— По вопросам организации экскурсий,— подсказал Бойл.— Я занимаюсь разработкой проблем сафари на динозавров. Это оказалось совсем не просто!

«И окажется гораздо сложнее, чем ты предполагаешь»,— ответил я ему мысленно. Этот субъект почему-то вызвал у меня неприязнь с первого взгляда.

— Теперь, когда мы все познакомились,— произнес Стюарт,— почему бы не перейти сразу к делу? Мне бы хотелось остаться здесь, на воздухе. Это так вдохновляет!

Хеннесси ударил себя в грудь.

— Вы только понюхайте этот воздух! Он абсолютно чист! Никаких вредных выбросов. Я не дышал таким воздухом много лет!

— Прошу вас, присаживайтесь,— сказала Райла.— Я принесу кофе.

— Не беспокойтесь, пожалуйста,— произнес Бойл.— Мы уже имели ленч. Мистер Пэйдж к тому же перед самым нашим выходом к вам напоил нас кофе.

— Но мне самой хочется позавтракать,— немного резко отпарировала Райла.— И я думаю, Эйзе тоже!

— Ну что ж, пожалуй,— сказал майор.— Мы будем рады составить вам компанию. Спасибо большое!

Они расселись вокруг стола и пристроили свои чемоданчики на земле рядом с собой. Лишь один Стюарт поставил свой кейс на стол и начал вынимать из него документы.

— Ты должен внимательнее следить за Хайрамом,— сказал мне Бен.— Возможно, с мастодонтом все обойдется, но ведь здесь есть еще и другие звери?

— Я пытался ему втолковать,— ответил я.— И буду говорить еще и еще, но...

Райла принесла поднос с чашками, а я зашел в дом за кофе. На разделочном столике лежал нарезанный кофейный кекс, и я его тоже прихватил.

Когда я подошел к дворовому столу, все уже сидели вокруг и были готовы к переговорам. Места за столом почти не оставалось, и я пристроил свой стул сбоку.

Майор обратился ко мне:

— Так вот она, Мастодония! Изумительна, должен отметить! А не могли бы вы сказать, как вам удалось выискать такое восхитительное место?

— В основном умозрительно,— ответил я.— Мы предполагали, что так должно быть именно в этом времени. Правда, это предположили не столько мы, сколько геологи. Это эпоха

сангамон, она является промежуточным временем между так называемыми иллинойским и висконсийским ледниковыми периодами. Мы выбрали это время, поскольку чувствовали, что оно наиболее нам подойдет по ландшафту и климат в нем окажется идеальным. Правда, мы еще не вполне в этом уверены, поскольку совсем недавно сюда прибыли.

— Удивительно! — воскликнул майор.

— Мистер Маккаллахан,— прервал его Стюарт,— вы готовы приступить?

— Конечно,— ответил Кортни.— Что бы вы хотели сказать?

— Вы понимаете,— произнес Стюарт,— чего мы от вас ждем. Нам бы хотелось получить права для наших сафари в меловом периоде.

— Только не права,— поправил его Кортни.— Мы не собираемся продавать вам права. Мы предлагаем всего лишь лицензии на ограниченное время.

— Что вы под этим подразумеваете, Кортни? Какое еще «ограниченное время»?

— Я имел в виду, скажем, лицензии на один год,— ответил Кортни.— Разумеется, с возможностью возобновления.

— Но такая система нас не устраивает! Мы же должны привлечь к этому большие средства! Нам понадобится дополнительный штат...

— На год,— отрезал Кортни.— Для начала.

— Вы даете нам всем новую пищу для размышлений...

— А что же тогда вы здесь написали? — Кортни жестом указал на разложенные перед Стюартом бумаги.

— Здесь все указано так, как мы предполагали. Мы же новички в этом бизнесе с меловым периодом! К тому же...

— Все, что мы можем вам предложить,— непреклонно заявил Кортни,— это лицензия. Если вы ее приобретете, то остальное уже ваше дело. Это не значит, что мы не будем вам помогать советами или участием в пределах наших возможностей. Но это уже на основе не контракта, а всего лишь нашей доброй воли!

— Давайте оставим эти придирки,— вмешался майор.— Мы хотим отправлять людей на сафари. И не на одно, а на много разных. Именно на много разных сафари, пока не померкла новизна всей этой затеи. Насколько я знаю спортсменов, а я-то их знаю, для каждого из них важно быть среди первых,

кто отхватит динозавра. Но мы не желаем наваливать одно сафари на другое. Нам надо держать охотничью зону настолько чистой, насколько это удастся. Поэтому нам нужен не один временной канал, а несколько.

Кортни вопросительно посмотрел на меня.

— Это возможно,— подтвердил я.— Столько, сколько вам понадобится, и отстоящих друг от друга, скажем, на тысячу лет. Мы могли бы разделить их еще тщательнее или, наоборот, сделать интервалы несколько меньшими.

— Вы понимаете, конечно,— добавил Кортни, обращаясь к майору,— что каждый временной канал будет стоить вам дополнительной суммы?

— Мы были бы готовы,— произнес Стюарт,— заплатить вам порядка миллиона долларов за три временных туннеля.

Кортни покачал головой.

— Миллион за лицензию на год. И, скажем, по полмиллиона за каждый дополнительный туннель после первого.

— Но ведь мы, о господи, и разориться так можем!

— Не думаю, чтобы это случилось,— ответил Кортни.— Не могли бы вы, к примеру, сообщить, сколько вы запросите за двухнедельное сафари с каждого клиента?

— Мы приехали сюда не для того, чтобы обсуждать это,— кисло заметил Стюарт.

— А зачем тогда вы приехали? У вас же была пара недель для принятия всех вариантов решений. При наличии такого шквала публикаций у вас уже давно готов список очередников на поездки!

— Вы позволяете себе высказывать экономические нонсенсы,— отпарировал Стюарт.

— Не говорите со мною так,— отмахнулся Кортни.— Вы же еле сводите концы с концами и прекрасно знаете, что я тоже это понимаю. К концу двадцатого столетия охота выдохнется совсем. А иначе зачем было бы делать вам тот «шаг в сторону» и придумывать всякие там «фотосафари»? И зачем вам были бы эти игры с запретами? А вот теперь у вас появился шанс вернуться в настоящий бизнес. К тому же шанс неограниченный. Столетия незапрещенной охоты. Новые неведомые звери. Завораживающая игра... Если некоторые из ваших клиентов выразят желание пойти на титанотериев, или мамонтов, или еще на дюжину больших и страшных зверей, вам надо будет лишь сказать нам слово, и мы вас туда отправим!

— Я не вполне уверен,— произнес Стюарт,— что мисс Эллиот и мистер Стил смогут настолько усовершенствовать свою машину времени...

— Мистер Стюарт,— вмешалась Райла,— но я же пыталась вам объяснить, а вы то ли не расслышали, то ли не поверили. Никакой машины нет!

— Нет машины? Но как же тогда...

— А вот так,— мягко ответил Кортни.— Это наш производственный секрет, который не подлежит оглашению!

— Они нас доставят, Стюарт,— сказал Хеннесси.— И это не пустые слова. Они правы. Никто другой не сможет это сделать. Мисс Эллиот действительно говорила нам, что никакой машины у них нет. Она об этом говорила с самого начала. А вот почему мы не точим карандаши и не беремся за расчеты? Возможно, наши друзья хотели бы просто получать отчисления от наших прибылей. Например, двадцать процентов?

— Если вы хотите пойти по такому пути,— ответил Кортни,— тогда пятьдесят процентов от вашего дохода. Не менее. Поэтому вам имеет смысл все же оплатить лицензию. Это будет значительно выгоднее для вас.

Я сидел, слушая все это, и у меня слегка пошла кругом голова. Можно болтать о миллионах долларов, и это ничего особенного не будет означать — просто какие-то цифры. Но, когда речь идет о вашем собственном миллионе баксов, тут дело принимает несколько иной оборот!..

Я встал и пошел к вершине холма. Не уверен, что они заметили мой уход. Баузер выполз из-под дома и пошел за мной. Хайрама нигде не было видно, и я уже волновался за него. Я же велел ему сразу вернуться, а он все еще не показывался. Стиффи медленно брел по долине, направляясь к реке, наверное чтобы попить. Но Хайрама рядом не было. Я с вершины оглядел все вокруг. Никаких признаков Хайрама.

Я услышал сзади себя неприятнейший звук. Это приближался Бен в своих бутсах. Они при ходьбе издавали такой свист, будто он скользил по траве стадиона. Он подошел, встал рядом и тоже поглядел вокруг. Вдалеке, в долине, виднелись какие-то подвижные пятна. Мастодонты. А может, бизоны...

— Бен,— спросил я его,— а миллион долларов — это много?

— Это очень большая наличность,— ответил он.

— У меня в голове это как-то не укладывается,— признался я.— А они там все еще толкуют о миллионе или даже о еще большей сумме?

— У меня это тоже не слишком укладывается,— ответил Бен.

— Но ты же банкир, Бен!

— Да нет, я всего лишь деревенский парень,— сказал он.— И ты тоже. Поэтому мы и не можем осознать.

— Ты деревенский парень,— произнес я.— А ведь мы с тобой отмахали немалый путь с тех пор, как вместе шлялись по этим холмам!

— И всего лишь за последние несколько недель,— подтвердил Бен.— Но ты чем-то еще озабочен, Эйза. Что тебя тревожит?

— Хайрам,— ответил я.— Он же должен был вернуться сразу, как отведет Стиффи.

— Стиффи?

— Это мастодонт.

— Да появится он,— сказал Бен.— Никуда не денется. Просто, наверное, встретился с сурком.

— А ты понимаешь,— спросил я,— что весь наш бизнес пойдет прахом, если с Хайрамом что-нибудь случится?

— Конечно понимаю,— ответил Бен,— но с ним ничего не должно приключиться. Он пока что в полном порядке. Да он сам наполовину дикое животное.

Мы еще постояли и поглядели вокруг и не обнаружили никакого Хайрама.

Наконец Бен проговорил:

— Пойду-ка посмотрю, как там идут дела...

— Ты иди туда,— сказал я,— а я схожу поищу Хайрама.

Я нашел его через час, когда он вышел из яблоневой рощи под домом.

— Где ты был, черт побери? — накинулся я на него.

— Я имел хорошую, долгую беседу с Кошкиным Ликом, мистер Стил,— ответил он.— Со всеми этими разведками, в которые мы ездили в последние дни, я совсем его забросил. Я боялся, что ему стало одиноко!

— Ну, и стало ему одиноко?

— Нет,— сказал Хайрам.— Он говорит, что нет. Но он очень хочет начать работу. Он желает провести несколько дорог времени. И удивляется, почему мы так долго тянем.

— Хайрам,— сказал я серьезно.— Мне надо с тобой поговорить. Может быть, ты не вполне это понимаешь, но во всей нашей затее ты очень важная персона. Ведь только ты один можешь разговаривать с Кошачьим Ликом.

— Баузер тоже может с ним говорить.

— Превосходно! Может, это и так, но мне же это ничего не дает. Я ведь не могу разговаривать с Баузером!

Я обрисовал ему ситуацию. Я объяснил все это как можно понятнее и тщательнее. Можно сказать, я ему прочертил все как на диаграмме. Он обещал вести себя лучше...

Глава 23

Когда мы с Хайрамом подошли к дому, Райла и Кортни сидели за столом. Остальных не было. Не было и одной из наших машин.

— Бен повез их на прогулку,— объяснила Райла.— Мы беспокоились о тебе. Куда ты девался?

— Я искал Хайрама внизу, в долине.

— Я не поехал с ними,— сказал Кортни,— так как хотел кое-что обсудить с вами.

— Налоговая инспекция? — спросил я.

— Нет, не она. Инспектора пока сидят тихо и выжидают, чем обернутся дела с «Сафари»...

— Ну и как закончились переговоры? Я надеюсь, дело сделано?

— Еще нет, но это не займет много времени. Они дрогнули, и мы схватили их за горло.

— Миллион за лицензию,— сообщила Райла,— и по четверти миллиона за каждый временной канал. Они хотят всего четыре канала. Это составляет два миллиона, Эйза,— сообщила Райла.

— И всего за год,— добавил Кортни.— Они пока еще не знают точно, но в следующем году цены могут подскочить. К тому времени «Сафари» уже полностью будет у нас на крючке!

— А сейчас это только начало,— отметила Райла.

— Но вот о чем я хотел с вами поговорить,— сказал Кортни.— Бен, кажется, уже говорил вам о церковной группе?

— Да,— ответил я.— Интересующейся временем Христа.

— Двое из них на днях посетили меня,— продолжил он.— Бен посоветовал им обратиться ко мне, а я ничего об этом и не знал, черт возьми! Я так и не понял, чего они добиваются. Интересоваться-то интересуются, но карты свои не торопятся раскрывать. Сейчас трудно сказать, имеет ли смысл тратить на них время.

— Мне это совсем не по душе,— отметил я.— Дело очень уязвимое. Во всех случаях мы должны ограждать себя от возможности любых неприятностей. Нам нужно строжайше следить за собственной репутацией. Не пускать никого ни в такую эпоху, ни в такую страну, посещение которой может вызвать побочный эффект.

— Я того же мнения,— согласилась Райла.— Эта затея особой прибылью и не пахнет, зато головной боли в ней хоть отбавляй.

— И я так же думаю,— подтвердил Кортни.— Они вернутся для продолжения переговоров, и я попытаюсь их охладить. Но есть и еще кое-что, вызывающее мое беспокойство. Сенатор Эйбл Фримор. Он не то из Небраски, не то из Канзаса, не запомнил. Он пытался договориться о встрече через моего секретаря, и тот пока что его отвадил. Но вы же не можете долго отваживать сенатора Соединенных Штатов, не так ли? И по-видимому, в ближайшие дни мне предстоит узнать, чего ему надо от нас.

— А вы сами ничего не предполагаете? — спросила Райла.

— Ничего конкретного. Знаю, что он подвизается в области сельского хозяйства и одержим идеей помощи бедным, попранным в правах фермерам. Но это не все — у него еще три вида «сердечных ран». И какую из них он собирается с нашей помощью вылечить, понятия не имею. Боюсь, что ничего хорошего у него на уме нет...

— Что-нибудь еще? — поинтересовался я.

— Практически пока больше ничего. Еще слишком рано. Все остальные предпочитают выжидать. Конечно, многие заинтригованы, но, естественно, и скептицизма пока что полно. Ждут, хотят посмотреть, как пойдут дела. А вот когда после первого сафари появятся динозавры-трофеи, тогда начнется обвал. Но до этого максимум, на что мы можем рассчитывать, это искатели приключений и жулики. Вот, к примеру, тот горный инженер, который возжелал направить свои стопы в стра-

ну Черных гор и выскрести оттуда золото. Денег у него, правда, нет, но он готов отдать нам половину своей легкой добычи, а скорее всего, половину того, что он признает добытым... Это одна из разновидностей очаровательных пиратов, и он, пожалуй, мне даже понравился! Крайне беспринципен и в этом не очень-то отличается от многих других. Кстати, как у вас там, Райла, насчет визита в Южную Африку и сбора алмазов, валяющихся прямо на земле?

— Да, я носилась с такой идеей,— засмеялась Райла,— ведь особых усилий это не потребовало бы. Но, может, там никогда алмазы и не валялись на земле? Хотя идея была так заманчива!

— Этот бизнес с «Сафари»,— заметил Кортни,— на сегодняшний день наиболее перспективный и наименее хлопотный из всего, что мы бы могли предпринять. Его нетрудно контролировать, и жульнических лазеек в нем нет. Но вот что меня удивляет — ни один из ваших ученых коллег и интеллектуалов все еще не проявил интереса. Никто не захотел ознакомиться с техникой и мотивами творчества доисторических наскальных и пещерных художников либо понаблюдать, как трудились и играли неандертальцы, как проходили марафонские состязания или битва при Ватерлоо...

— Они желают сперва получить гарантии,— сказала Райла.— Сидят с чванным видом в своих академических берлогах и твердят друг другу, что этого не может быть...

— Ах да,— вспомнил Кортни,— есть еще кое-что, чем уже попахивает. Я совсем упустил это из виду! Это — генеалогисты, те, что за плату могут проследить любые семейные корни. Имеются сведения, что они намереваются расширить свои штаты, а следовательно, и увеличить стоимость услуг. И не с целью тщательнее изучить генеалогические древа по письменным источникам, а чтобы смотаться в прошлое, пообщаться с предками, а может, и разжиться их изображениями. Прапрапрапрадедушка Джейк, болтающийся на веревке за конокрадство, и прочее в этом же роде! Они пока что петляют где-то поодаль, но вскорости заявятся, как пить дать! — Он помолчал и продолжил: — Могут всплыть и другие «клиенты». И вы не способны и вообразить, что им еще придет в голову. Нельзя точно спрогнозировать, какое направление мыслей могут возбудить путешествия во времени у обычной публики и что в

них может оказаться полезным для реализации... Мне представляется, что мы услышим голоса нефтехимиков, угольщиков и металлургов. В прошлом ведь столько природных ресурсов!

— Я думала об этом,— сказала Райла.— И это меня беспокоит. И вот чего я не могу понять: ведь эти ресурсы и сейчас имеются, и ничто не мешает нам их вытаскивать наружу. Я даже не задаю вопроса, а просто рассуждаю. И если мы выгребем их в прошлом, то что же произойдет с девятнадцатым и двадцатым веками? Будут ли все эти минералы на месте, а если нет, то как же без них сможет обходиться промышленность? А может, все эти проблемы временных парадоксов всего лишь та классическая тема, на которую все так любят разглагольствовать?

— Райла,— ответил Кортни,— я ничего этого просто не знаю. Но полагаю, что мы еще не научились правильно думать. А все наши рассуждения на эту тему направлены всего лишь на то, чтобы приспособить все к нашим потребностям. Что же касается настоящего момента, то у меня полно других дел и я не желаю забивать себе голову ничем иным...

Глава 24

Итак, начался период ожидания. «Сафари» нам сказала, что может пройти от десяти дней до двух недель, пока прибудет первая из их партий. Мы совершили несколько поездок по нашим окрестностям и увидели немало мастодонтов и бизонов. Нашли еще одну колонию крупных бобров, повстречали несколько медведей и кошек, но ни одна из них не была саблезубым тигром. Я уже подумывал о том, не начали ли они вырождаться, а может, уже и вымерли? Впрочем, вряд ли такое было возможно.

Однажды Райле показалось, что она приметила глиптодонта, одного из гигантских доисторических броненосцев, но когда мы подъехали к указанному ею месту, никаких следов глиптодонта не нашли. Мы искали диких лошадей, а они все никак нам не попадались. Зато было много волков и лисиц.

Мы хотели выбрать место для разбивки сада. Райла считала, что он должен быть посажен на целине. Но поблизости не оказалось ни одного подходящего участка.

Еще мы попытались провести телефонную линию между офисом Бена и нашим домом, чтобы он мог нас предупреждать о попытках проникновения кого-нибудь в Мастодонию. Кабель-то мы протянули, но связь не заработала: сигналы не сумели преодолеть преграду, разделяющую Мастодонию и двадцатый век.

Я получил от Бена нужное мне количество стальных кольев с выкрашенными в красный цвет верхушками. Я вбил их в землю вдоль тех полос, которые предполагалось использовать для постройки Кошачьим Ликом туннелей в меловой период. Деревянные колышки Хайрама были неплохи для первого раза, но стальные все же казались надежнее и долговечнее. Они не могли быть так легко поломаны, как деревянные. Я сделал четыре такие полосы для четырех временных каналов, и у меня осталось вполне достаточно стержней для разметки дальних концов туннелей.

Хайрам был весь поглощен общением со Стиффи и Кошачьим Ликом. Когда он не навещал одного из них, то, стало быть, был с другим. Баузер его обычно сопровождал. Меня несколько беспокоили эти пешие вылазки Хайрама, и я поначалу воображал всякие непредвиденные неприятности, но поскольку ничего не происходило, то я стал сам себя уговаривать, что волнуюсь понапрасну. И все же я не мог быть вполне спокойным.

Однажды ранним утром я сидел во дворе за столом с банкой пива. Райла в доме была занята приготовлением салата к обеду. Кругом все дышало покоем, впрочем, как и всегда. На склоне холма показался Хайрам, поднявшийся наверх. Я с ленцой наблюдал за ним, ища глазами Баузера. Он шел чуть поодаль и вел себя так, словно вынюхал в траве что-то интересное.

И вдруг Хайрам издал вопль ужаса и наклонился вперед, как бы споткнувшись. Он упал на колени, затем подскочил и заметался, как если бы его нога попала в капкан. Баузер бросился к нему, прижав уши. Я вскочил с места и опрометью кинулся вниз, криком позвав Райлу.

Хайрам начал истошно кричать, издавая вопли один за другим, почти без перерыва. Он сидел на земле, подавшись вперед и держа вытянутую левую ногу обеими руками. Рядом с ним Баузер, накинувшийся на что-то в траве, вздернул голову и дико замотал ею. У него в зубах было что-то зажато,

и он болтал этим из стороны в сторону. Одного взгляда было достаточно, чтобы я понял, что же это такое!

Я подбежал к Хайраму, схватил его за плечи и заставил лечь на спину.

— Оставь ногу в покое! — закричал я.— Лежи смирно!

Хайрам перестал бессмысленно вопить и проговорил сквозь рыдания:

— Оно ударило меня, мистер Стил, оно ударило меня!

— Не двигайся,— снова приказал я ему,— лежи смирно!

Он лежал, но вовсе не смирно. Он ужасно стонал.

Я выхватил из кармана складной нож и разрезал штанину на его левой ноге. Когда я отогнул материю, то увидел темнеющий кровоподтек и две точечные ранки, из которых сочилась алая кровь.

Я углубил ножом надрез на штанине и завернул ее повыше, как можно плотнее.

— Эйза,— с ужасом проговорила за моей спиной Райла,— Эйза, Эйза, Эйза!

— Найди палку,— велел я ей,— любую палку, чтобы затянуть ею жгут.

Я снял ремень, отрезал от него полоску вдоль петель и затянул ею ногу Хайрама повыше раны. Райла склонилась над ним с другой стороны, глядя мне в лицо. Она протянула мне палочку, кусок сухой ветки. Я просунул его в петлю жгута и повернул.

— Держи ее,— бросил я Райле.— Держи покрепче.

— Я знаю,— ответила она и добавила: — Это была гремучая змея. Баузер убил ее!

Я кивнул. Мне еще явственнее об этом поведала сама рана. Никакая другая змея на этой широте Северной Америки не могла бы оставить такой след от укуса.

Хайрам как будто немного успокоился, но все еще стонал.

— Держись,— сказал я ему,— сейчас будет больно.

Я не дал ему возможности возразить, а просто подготовил его. Я должен был это сделать.

Сделав ножом на его ноге глубокий надрез, я соединил им две точечные ранки. Хайрам взвыл и попробовал сесть, Райла свободной рукой толкнула его обратно.

Я приложился ртом к надрезу и стал отсасывать кровь, ощущая ее теплоту и солоноватость. Отсасывал и сплевывал, от-

сасывал и сплевывал и молил Бога, чтобы в рот мне не попали кусочки живой ткани. Об этом не следовало думать, ибо будь даже там эти кусочки, я бы все равно не перестал делать то, что делал...

— Он теряет сознание,— пробормотала Райла.

А я все отсасывал и сплевывал, отсасывал и сплевывал. Подошел Баузер и удрученно уселся рядом.

Хайрам застонал.

— Приходит в себя,— сказала Райла.

Я остановился на мгновение, потом снова продолжал отсасывать кровь, пока наконец не решил, что достаточно. Я наверняка отсосал по меньшей мере порядочную часть яда. Присев на корточки, я дотянулся рукой до палочки, немного ослабив жгут. Но сразу же затянул его снова.

— Сходи и разверни одну из машин в сторону Виллоу-Бенда,— сказал я Райле.— Мы должны отвезти его туда, чтобы там ему оказали помощь. Я подтащу Хайрама вверх.

— А ты сможешь и тащить его, и держать жгут?

— Попробую.

Я обратился к Хайраму:

— Закинь руки мне за шею и держись как можно крепче! Повисни всей тяжестью. Я могу поддерживать тебя лишь одной рукой!

Он сомкнул руки вокруг моей шеи, и я помог ему подняться. Мы начали ковылять вверх по склону. Он оказался тяжелее, чем я мог предположить. Опередив нас, Райла помчалась к одной из машин. Она развернула ее и ждала нас, сидя за рулем. Я втащил Хайрама на заднее сиденье и сел рядом с ним.

— Баузер, ко мне,— скомандовал я.

Баузер впрыгнул внутрь. Машина уже шла вперед.

Когда мы оказались у офиса и Райла просигналила, из дверей стали выскакивать люди. Первым до нас добрался Герб.

— Укус змеи,— сказал я.— Гремучей. Срочно звони в «Скорую помощь»!

— Дай-ка я поддержу его,— произнес Бен,— а ты ступай возьми из нижнего ящика моего стола бутылку виски. Ты еще не дал ему что-нибудь выпить?

— Я не уверен, что это можно...

— Какого черта, а я уверен! Если оно не поможет, то и не повредит. Я думаю, виски всегда полезно!

Я сходил за виски и принес его в комнату, где на диване был распростерт Хайрам. Герб вернулся от телефона.

— «Скорая» уже в пути,— сказал он.— Там с ними специалист по противоядиям. Он им сразу же займется. Но доктор сказал, что виски не надо.

Я поставил бутылку на стол.

— Хайрам, как ты? — спросил я его.

— Болит,— ответил Хайрам.— Все болит. Мне ужасно больно!

— Мы сейчас отвезем тебя в госпиталь,— сказал я.— Там о тебе позаботятся. Я поеду с тобой.

Герб схватил меня за локоть и оттащил в сторону.

— Я не допущу, чтобы ты туда поехал,— сказал он.

— Я должен. Хайрам — мой друг. И он этого хочет!

— Но ведь здесь все кишит газетчиками! Они последуют за каретой «Скорой помощи». А в госпитале ты окажешься для них великолепной мишенью.

— Ну и черт с ними! Хайрам — мой друг!

— Эйза, будь благоразумен,— взмолился Герб.— Я же сделал из тебя и Райлы таинственных личностей. Затворников, избегающих всяческой рекламы. Людей исключительных. Нам необходим такой ваш имидж. И чем дольше он удержится, тем лучше для дела.

— Сейчас важен не имидж, а помощь Хайраму!

— Но чем же ты сможешь ему там помочь? Держать его за руку? Ждать, пока доктора будут орудовать над ним?

— Это тоже помощь,— сказал я.— Просто быть с ним.

К нам подошел Бен.

— С Хайрамом поеду я,— сказал он.— Герб прав.

— Там должен быть кто-то из нас. Я или Райла. Лучше я.

— Райла? — запротестовал Герб.— Но она же будет взвинчена, истерична...

— Райла истерична?!

— Да нет,— сказал Бен.— И газетчики не смогут так надавить на нее, как на Эйзу. Если она скажет, что не желает с ними разговаривать, то сделает это короче и резче, чем он. Уж она-то сумеет это сделать...

— Ты — ублюдок! — заорал я.— Оба вы ублюдки!

Но это не подействовало на них. В конце концов я остался, а Бен с Райлой поехали в карете «Скорой помощи». Мне было ужасно плохо. Я чувствовал, что утратил самоконтроль,

что больше не владею собой, что страшно возбужден и напуган. И ведь я остался. Они таки одолели меня, Бен и Герб...

— Эта история даст им возможность опубликовать свежий аншлаг,— сказал Герб.

Я объяснил ему, куда он может отправиться со своим аншлагом, и обозвал его вурдалаком. Потом схватил бутылку, которую мы не использовали для Хайрама, и ушел с нею в кабинет Бена, где угрюмо к ней приложился. Но спиртное мне не помогло. Я даже не стал допивать виски.

Затем я позвонил Кортни и рассказал ему, что случилось. После того как я кончил говорить, на другом конце линии повисло молчание. Потом он спросил:

— Но ведь сделано все как надо, не так ли?

— Не знаю,— ответил я.— Я жду вестей.

— С Ликом может говорить только один Хайрам, да?

— Вот именно.

— Послушайте, Эйза, на днях «Сафари» уже прибудет к вам для отправки людей в меловой период. Нельзя ли предпринять что-нибудь? Я думаю, временные каналы еще не открыты?

— Попытаюсь поговорить с Ликом сам,— ответил я.— Он может слышать меня, но я-то его не слышу. Я ведь не смогу его понять.

— Но вы ведь попробуете поговорить, да?

— Попытаюсь,— обещал я.

— Я появлюсь у вас в ближайшие дни. Тот сенатор, о котором я вам говорил, пожелал побеседовать с вами. Не со мной, а именно с вами. Я его должен к вам доставить.

Я не стал его спрашивать о том, знает ли он, что этому сенатору надо. Мне это было как-то ни к чему.

— Если Хайрам не поправится,— сказал я,— то никого и привозить не надо. Если это произойдет, мы кончены. Вы ведь осведомлены обо всем и сами, не так ли?

— Я вас понимаю,— ответил он.

В его голосе прозвучала искренняя грусть.

Герб принес мне несколько сандвичей и кофе. От Райлы и Бена пока не было ни звука. Мы с Гербом немного поговорили, потом я вышел в заднюю дверь. Баузер ждал меня там, и мы зашагали через лужайку к моему старому дому. Мы уселись на заднем крыльце, и Баузер прижался ко мне. Он понимал, что случилась беда, и пытался чем-то успокоить меня.

Мой сарай стоял на месте, и его кривобокая дверь все еще покачивалась на своих петлях. Курятник тоже был на месте, и в нем даже продолжали жить куры. Они с кудахтаньем расхаживали по двору, как и раньше. А в углу около курятника по-прежнему высилась клумба с кустом роз, тем самым, из которого пялился на меня Кошачий Лик, когда я вышел ночью поймать лису. А вместо того прогулялся в плейстоцен!

Все это было таким знакомым, но в то же время и чуточку чужим. Непривычность остального окружения накладывала свой отпечаток и на сарай, и на курятник, и даже на розовый куст. Вокруг участка стояла высокая ажурная ограда, и над ней с внутренней стороны странно горбились прожектора. Вдоль ограды расхаживали патрульные, а снаружи вокруг нее кучками толпились люди. Многие еще подходили и глазели внутрь на нас с Баузером. Я удивился, зачем они все прибывают. Поистине здесь не на что было смотреть!

Я погладил Баузера по голове и заговорил с ним:

— Ты помнишь, Баузер, как здесь было хорошо раньше? Как ты пытался выкопать сурка, а я уволакивал тебя домой? Как мы по вечерам выходили, чтобы запереть курятник? Как Хайрам приходил к тебе в гости почти ежедневно? А ту синичку на передней лужайке помнишь?

Я подумал, а вдруг синичка и сейчас еще там, но не пошел это проверить. Побоялся, что не найду ее.

Я поднялся по ступенькам и зашел в дом, придержав дверь, чтобы и Баузер мог войти. Сел на стул около кухонного стола... Мне хотелось походить по дому, но я не сделал этого. Дом был абсолютно безмолвен и пуст. Кухня тоже, но я все продолжал в ней сидеть. В ней будто еще что-то оставалось от старого дома. Она была моим любимым местом, почти гостиной, и я в ней проводил так много времени...

Солнце клонилось к закату, и в дом вползли сумерки. Снаружи зажглись прожектора. Мы с Баузером вышли и снова сели на ступеньки крыльца. В дневном свете это место выглядело странным и чужим. Но с наступлением ночи, когда прожектора осветили все вокруг, оно стало похоже на видение из дурного сна...

...Райла нашла нас все еще сидящими на ступеньках.

— С Хайрамом все обойдется,— сказала она.— Но он еще довольно долго пробудет в госпитале.

Глава 25

На следующее утро я отправился к Кошачьему Лику. На привычном месте его не оказалось, и я обошел всю яблоневую рощу под нашим передвижным домом. Я прошел все тропинки, звал его тихим голосом, силился разглядеть в чаще ветвей. Его не было видно нигде. В течение нескольких часов я точно так же обследовал и другие рощи вокруг холма.

Когда я вернулся домой, Райла сказала:

— Я бы пошла с тобой, но побоялась его спугнуть. Он же тебя знает довольно давно, а я для него всего лишь посетительница.

Мы сидели за дворовым столом совершенно подавленные.

— А вдруг мы его не найдем? — ужаснулась Райла.— Может, он знает, что стряслось с Хайрамом, и прячется, не желая показываться, пока Хайрама нет?

— Не найдем, так не найдем,— махнул я рукой.

— Но ведь «Сафари»...

— Ну и подождет «Сафари»! Ведь даже если Лик и отыщется, я не знаю, как с ним общаться!

— А может, он вернулся в Виллоу-Бенд,— предположила Райла,— в сад около старой фермы? Это же была его излюбленная резиденция, не так ли? Если он знает о Хайраме, так, может, хочет быть к нему поближе?..

И в саду Виллоу-Бенда я его нашел сразу же. Он висел на одной из яблонь у самого дома и таращился на меня своими огромными кошачьими глазами. Он даже улыбался мне!

— Лик,— сказал я,— Хайрам получил травму, но он поправится. Он вернется через несколько дней. Лик, ты можешь мне подать знак, моргнуть, например? Можешь закрыть глаза?

Он закрыл глаза и открыл их вновь, еще раз закрыл и открыл.

— Прекрасно,— сказал я.— Я хочу поговорить с тобой. Ты можешь меня слышать, а я тебя — нет. Но попробуем поговорить по-другому. Я буду задавать вопросы. Если ты захочешь ответить «да», закрой глаза один раз, если «нет» — закрой их дважды. Ты меня понял?

Он закрыл глаза и открыл их.

— Ты понял, что Хайрам вернется через несколько дней?

Он просигналил «да».

— И ты готов вот так пообщаться со мной? Говорить со мной, закрывая глаза?

— Да,— подтвердил Лик.

— Это не слишком удобный способ, не так ли?

Лик моргнул дважды.

— Ну хорошо. Так вот, в Мастодонии... а ты знаешь, какое место мы так назвали?

— Да,— ответил Лик.

— Так вот, там, в Мастодонии, нам надо, чтобы ты проложил четыре временных туннеля. Я уже установил их границы стержнями, выкрашенными в красный цвет. На первом из них в каждом ряду красным флажком отмечено начало вхождения во временной туннель. Ты понимаешь меня?

Лик просигналил, что понимает.

— Лик, ты уже видел эти стержни и флажки?

Лик ответил, что видел.

— Ну тогда, Лик, слушай внимательно. Первый временной туннель должен увести на семьдесят миллионов лет назад. Следующий должен вести во время, ближе к нам от первого на тысячу лет, то есть на семьдесят миллионов минус одна тысяча лет...

Лик не стал дожидаться моего вопроса о том, понял ли он, и сам просигналил «да».

— Третий канал,— продолжил я,— должен вести во время, ближе к нам еще на тысячу лет, а четвертый — на тысячу лет ближе, чем третий. Хорошо?

Лик подтвердил, что понял.

Мы еще раз прошлись по заданию, чтобы я был спокоен, что он все сделает, как надо.

— Так ты построишь эти каналы? — спросил я.

Он моргнул один раз и исчез. Я еще стоял там, идиотски вперившись в место, где он только что был. Я предположил, что он, в соответствии с моим заданием, уже переместился в Мастодонию и уже строит туннели. Во всяком случае, мне очень хотелось так думать.

Я нашел Бена в его кабинете, где он сидел, задрав ноги на стол.

— А знаешь ли, Эйза,— объяснил он мне,— это самая лучшая работа из всех в моей жизни. Мне она по душе!

— Но ведь у тебя полно дел в твоем банке?

— А-а, я скажу тебе то, что говорю не всякому: банк работает сам по себе. Конечно, я еще им руковожу, но это лишь рутинная работа. Я всего лишь беру на себя самые ответственные решения и подписываю наиболее важные бумаги.

— В таком случае, почему бы тебе не прихватить тот большой тяжелый ствол и не прогуляться в меловой период вместе со мной?

— В меловой? Да что ты, Эйза, в самом деле?

— Надеюсь, хотя не вполне уверен. Это следует проверить. Я бы предпочел это сделать в твоей компании. Я ведь еще «цыпленок», и мне одному идти не стоит.

— А те «слоновые» ружья еще на месте?

Я кивнул.

— Но мы идем не на охоту, имей в виду! Еще не время. Мы просто проверим туннели.

Райла отправилась с нами. Мы сперва хотели взять машину, но потом решили, что лучше пойти пешком. Я полностью подготовился к тому, чтобы избежать случайностей. Мы прошли первую полосу, ограниченную стержнями. Но ничего особенного с нами не случилось. Мы попали прямо в меловой период. Там шел дождь, вернее, надолго зарядивший ливень. Мы вбили в землю захваченные с собой стержни, затем прошли немного вперед, чтобы еще раз проверить, где находимся. Стайка глупых «страусозавров» поскакала прочь при виде нас.

Остальные три канала тоже были в полном порядке. Ни в одном из них дождя не оказалось. И, насколько я мог отметить, в каждом из этих каналов местность оставалась почти неизменной. В течение тысячи лет ничего особенно не менялось, во всяком случае на первый взгляд. Возможно, если бы мы пробыли подольше в каждом из этих времен, я бы и заметил изменения. Но мы почти не задержались там. Всего лишь воткнули наши стержни и вернулись.

Правда, в четвертом времени Бен ухитрился подстрелить небольшого анкилозавра длиной в шесть или семь футов. Должно быть, это был первогодок. Большая пуля из Бенова ружья почти напрочь снесла голову животному.

— Имеем жаркое из динозавра,— порадовался Бен.

Чтобы оттащить тушу в Мастодонию, потребовались усилия всех нас троих. Там нам пришлось прибегнуть к помощи топо-

ра, чтобы рассечь броню анкилозавра. Когда мы сделали это по периметру его туловища, оказалось возможным отделить панцирь, хотя и это далось совсем не легко. Бен отрезал «палицу» на конце его хвоста в качестве трофея. Я выволок из-под дома жаровню и развел в ней огонь.

Пока Бен поджаривал толстые ломти мяса, я спустился по холму в яблоневую рощу и обнаружил там Кошачий Лик.

— Я пришел, чтобы поблагодарить тебя,— сказал я.— Твои туннели превосходны!

Он моргнул своими глазищами не то четыре, не то пять раз.

— А не мог бы я сделать для тебя что-нибудь? — спросил я.

Он моргнул дважды, что означало «нет».

Тот страусовый динозавр, которым мы лакомились во время нашей первой разведывательной вылазки в меловой период, был весьма недурен по вкусу, и я полагал, что шашлык из «анки» нас разочарует. Они, эти анкилозавры, ведь такие противные на вид! Но никакого разочарования не последовало. Я накинулся на мясо, как волк, только поражаясь, до чего же много могу съесть!

Потом мы отчистили панцирь от остального мяса, запрятав несколько ломтей в свой холодильник и завернув остальное Бену, чтобы он отнес это домой.

— Завтра устрою прием с деликатесами из динозавров,— сказал он.— Может быть, приглашу кое-кого из этих лихих журналистов, пусть отведают. И напишут об этом в своих репортажах. Это же прекрасный материал!

Мы оттащили панцирь с клочками оставшегося на нем мяса под гору и опалили его на огне. Если бы его оставить так, вся округа провоняла бы на несколько суток. Но через два дня, прогулявшись вниз, я обнаружил, что кто-то, скорее всего волки или лисицы, дочиста обглодал панцирь и поистине совершил работу идеальных уборщиков мусора. От анкилозавра остались лишь разбросанные вокруг пластины панциря.

Когда Бен ушел, Райла и я, умиротворенные, еще не скоро легли спать. Мы долго сидели за столом, взирая на свои владения. Я взял винтовку и пошел с Баузером поискать гремучих змей. Но мы не нашли ни одной.

На холм с визитом явился Стиффи. Он подковылял довольно близко к нам, поднимая хобот, фыркая в нашу сторону и хлопая ушами.

Я уже знал, что надо сделать, чтобы он не попытался любовно усесться нам на колени. Пока Райла держала ружье, прикрывая меня, я пошел к нему медленно, слегка покачиваясь. Он меня обнюхал, и я, вытянув руку, пощекотал ему хобот. Он заурчал и застонал от наслаждения. Я приблизился еще и почесал ему нижнюю губу. Он это особенно оценил. Он сделал все, чтобы показать мне, как ему это нравится. Я отвел его вниз в долину и велел там оставаться и, черт побери, держаться подальше от нас! Он дружелюбно забормотал. Я боялся, что он пойдет меня провожать, но он не стал этого делать.

Мы просидели весь вечер, наблюдая, как на мир спускаются сумерки. Райла спросила:

— А ведь тебя что-то беспокоит, правда, Эйза?

— Хайрам перевернул все во мне,— ответил я.

— Но он же поправляется! Потерпи еще несколько дней, и он к нам вернется.

— Он ясно показал мне, как зыбко наше положение,— объяснил я.— Весь этот временной бизнес основан лишь на Хайраме и Кошачьем Лике. Не дай бог, если что-то случится с одним из них. Мы тогда...

— Но ты же великолепно управился с Ликом! И наши временные туннели в полном порядке. Если что и пойдет не так, то мы все равно их уже имеем, а значит, и имеем бизнес с «Сафари» как основу всего дела. Конечно, со временем могут всплыть еще какие-нибудь трудности, но ведь уже есть возможность большой спортивной охоты...

— Райла, ты удовлетворена всем этим?

— Ну, пожалуй, не вполне, но все же мы владеем сейчас гораздо большим, чем раньше, не так ли?

— Я размышлял над всем этим...— сказал я.

— И что же ты надумал?

— Пожалуйста, постарайся меня понять,— попросил я.— Вникни в то, что я скажу. В тот день, когда ты отвезла Хайрама в госпиталь, я побывал в старом доме на ферме. С Баузером. Мы послонялись там немного и посидели на крыльце, как делали это раньше. Мы и в дом зашли, но дальше кухни я пройти не смог. Я поразмышлял за кухонным столом над тем, что вдруг произошло в моей жизни. И у меня появилось ощущение потерянности. Независимо от того, что я проделал

и как далеко ушел вперед, я все равно чувствовал себя каким-то потерянным. Все так сильно изменилось вокруг...

— И тебе эти перемены не по душе?

— Дело в другом. Попробую тебе объяснить. Теперь все, что мы делаем, превращается в деньги, чего раньше со мною никогда не бывало. Мы можем путешествовать во времени, а это раньше никому не удавалось. И все же... Я думаю, мое уныние вызвано этой историей с Хайрамом и ощущением нашей уязвимости...

Она взяла мою руку своими ладонями.

— Понимаю,— сказала она,— я понимаю...

— Так ты тоже ощущаешь это?

Она покачала головой.

— Нет, Эйза. Я — нет. Вспомни, я же всего-навсего «приблудный толкатель». Но я вполне понимаю, как ты можешь все это воспринимать. И я чувствую себя немного виноватой. Я втравила тебя во все эти дела. Подтолкнула.

— Да я и сам легко «подтолкнулся»,— ответил я.— Не обвиняй себя ни в чем. Ничего нет такого, в чем бы можно было тебя упрекнуть. Просто дело в том, что я любил ту ферму. И когда я вгляделся в нее в тот день, то ощутил потерю...

— Пошли пройдемся,— предложила она.

Мы спустились, держась за руки, по склону холма, и все вокруг нас дышало покоем Мастодонии. Где-то поодаль от холмов послышался жалобный крик козодоя, и мы остановились, завороженные. Я никак не ожидал услышать здесь этот звук, я никак не мог предположить, что здесь водятся козодои! Этот крик для меня был зовом дома, он воскресил давние воспоминания и погрузил меня в те летние дни, когда с лугов неслось свежее благоухание только что скошенного сена и воздух звенел колокольчиками коров, возвращающихся на пастбища после дойки...

Прислушиваясь к крику козодоя, я вдруг почувствовал волну какого-то странного успокоения, овеявшую меня.

Мы вернулись в наш передвижной дом и позвали внутрь Баузера. Он прошествовал в свою с Хайрамом комнату. Было слышно, как он устраивается на покрывале, по-своему расправляя его перед сном. На кухне я вынул графин с «манхэттеном» и отнес его в гостиную. Мы посидели там со стаканами, расслабившись и слегка приобщаясь к цивилизованному миру.

— Ты помнишь тот день, когда я появилась на ферме? — спросила Райла.— После двадцати лет отсутствия вдруг снова возникла перед тобой?

Я кивнул. Еще бы не помнить! Я думаю, что запомнил эту встречу до каждой ее минуты.

— Пока я подъезжала к Виллоу-Бенду,— сказала она,— я спрашивала себя: не пожалею ли об этом впоследствии? И с тех пор я еще не раз спрашивала себя об этом. А вот теперь, Эйза, я могу сказать, что ни разу не пожалела о своем приезде и что я теперь совсем перестала себя об этом спрашивать. И дело не в путешествиях во времени, и не в занятности всего этого, и даже не в деньгах. Дело в тебе. Я совершенно не жалею о том, что вернулась к тебе!

Я отставил свой стакан и подсел к ней на диван. Мы сидели рядком, в обнимку и еще долго оставались так, похожие на пару глупых детей, вдруг обнаруживших, что они любят друг друга.

Я был благодарен ей за услышанное и подумал, что мог бы и сам сказать ей то же самое, но у меня не находилось слов, чтобы связно изложить, что я чувствую. И все же я сказал ей то, что у меня было на сердце:

— Я люблю тебя, Райла. Наверное, я полюбил тебя в тот самый день, когда увидел впервые!

На следующий день сразу после полудня заявился Кортни за рулем одолженного ему Беном автомобиля. Рядом с ним восседал сенатор Эйбл Фримор.

— Я доставил сенатора в ваши руки,— произнес Кортни.— Старина ни за что не захотел говорить со мною. Он желает иметь дело только с вами и решил самолично «посмотреть в зубы коню». Еще должен сообщить, что подали признаки жизни налоговые инспектора. Они пожелали повидать меня, но я решил, что их нельзя совместить с сенатором.

— Ни в коем случае,— подал голос гость.— Как человек со здравым смыслом, я предпочитаю от этой публики держаться как можно дальше!

Он был немного тщедушен для человека, имеющего лицо истинного фермера, красновато-обветренное под редеющей белой шевелюрой. Он стоял рядом с машиной, внимательно разглядывая окружающий ландшафт.

— Так вот она, Мастодония,— констатировал он.— Кортни мне обрисовал ее. Так когда же вы начнете делить ее на участки?

— Мы вовсе не собираемся этого делать,— ответила Райла,— ибо не считаем ее своей собственностью.

— Я должен вам сообщить,— произнес Кортни,— что «Сафари» прибудет завтра. Бен передал мне, что туннели готовы. Рад, что вы с этим справились.

— И без особого напряжения,— ответил я.

— Мне бы хотелось побыть здесь у вас и засвидетельствовать отправку первой партии на сафари. Сенатор тоже выразил такое желание. У вас найдется место, чтобы оставить нас переночевать?

— У нас есть, кроме нашей спальни, еще две,— ответила Райла,— и мы будем вам рады. Но одному из вас придется разделить комнату с Баузером.

— А как по-вашему, я имею шанс отправиться с ними? — спросил сенатор.— Только чтобы окинуть все взглядом. Быстрый обзор местности, и я сразу же возвращаюсь...

— Это может решить только фирма «Сафари»,— ответил я.— Вы должны будете обговорить это с руководителем одной из групп.

Сенатор посмотрел на Кортни.

— А вы как на это смотрите? Если они позволят, вы пойдете туда?

— Не знаю,— ответил Кортни.— Я видел фильм. Там весьма кровожадные твари. Мне следует это обдумать...

Сенатор обошел дом, внимательно изучая его окрестности, затем устремился к дворовому столу. Райла принесла кофе. Он, усаживаясь, принял из ее рук чашку.

— Благодарю вас, дорогая,— произнес он.— Я, старый парень с фермы, получаю эту чашку в награду за труды...

Мы уселись тоже, и Райла налила кофе и нам.

— Я полагаю,— заявил Фримор,— что мог бы немедленно приступить к изложению сути вопроса. Это не предложение, и ничего слишком тяжеловесного я не подразумеваю. Ничего, что следовало бы улаживать с сенатом или правительством. Это всего лишь несколько вопросов, неотступно одолевающих мой мозг...— Сенатор пролил несколько капель кофе на стол и вытер их растопыренной ладонью, немного отвлекшись на

эту процедуру.— Я боюсь,— сказал он,— как бы вы не посчитали меня старым глупцом, бросающимся в атаку на тени. И все же есть проблемы, которые приносят мне много бессонных ночей. Из них особенно важны две. И как бы мне представить их вам в наиболее ясном свете, чтобы вы не сочли их вздорными?

Он сделал паузу, как бы взвешивая аргументы. Но я был уверен, что никакой надобности во взвешивании у него не было. Это был всего-навсего риторический трюк. Слишком часто и в течение слишком многих лет он ораторствовал в сенате!

— Если подойти просто,— продолжал он,— у нас имеются две заброшенные проблемы: это положение сельского хозяйства в мире и наличие огромных масс обнищавшего населения, значительная часть которых проживает в нашей собственной стране. Они неудачники, их не используют, и они пребывают на самом дне социальной среды. Мы, разумеется, способны произвести столько пищи, чтобы накормить население всей Земли. Но когда люди голодают, уже встает проблема не поставок, а распределения в чистом виде. И я боюсь, что недалек и тот день, когда даже возможность поставок продовольствия тоже начнет иссякать. Метеорологи говорят нам, и, скажу вам, весьма убедительно, что по крайней мере все Северное полушарие, если не весь мир, вступает в цикл более холодной и засушливой погоды. Последние шестьдесят лет мы имели самые благоприятные за несколько столетий погодные условия, но уже сейчас тенденция к ухудшению явно ощущается. На огромных площадях посевов выпадает гораздо меньше осадков и становится все холоднее. Если это похолодание будет продолжаться, то времени на созревание урожая может не хватить. А это означает, что продовольствия станет меньше. И сократись оно хотя бы на десять процентов в течение нескольких лет, сразу возникнут области, обреченные на массовый голод. За последние шестьдесят лет беспримерного улучшения погоды мир достиг больших социальных и экономических успехов. Но и население мира тоже росло. На снижение этого роста нет никаких особых надежд. Вот и выходит, что всего несколько избранных областей экономического бума вынуждены будут облегчать участь все нищающего человечества. Вы

понимаете, конечно, к чему я клоню. Ваш разум опережает мои слова. Моя концепция поначалу может вызвать негативную реакцию, но открытая вами возможность перемещений во времени позволит осваивать обширные сельскохозяйственные регионы, которые будут с лихвой компенсировать падение производства продовольствия, о котором я говорил. То падение, что связано с ухудшением метеорологических факторов Земли. Это лишь одна из проблем. Вы помните, я сказал, что их две. Другая заключается в том, что часть нашего населения в течение всей своей жизни терпит нужду. Огромные массы таких несчастных скапливаются в гетто больших городов, да и во множестве мест в сельскохозяйственных районах. Это не считая отдельных людей, которым попросту не везет и которых тоже немало везде. Мне представляется, что всех этих людей можно было бы с помощью вашего открытия переместить в прошлое, где они нашли бы возможность поправить свое положение. И насколько я могу судить, они явились бы новым поколением пионеров, осваивающих новые земли, которые стали бы их собственностью. Это земли с нетронутыми природными богатствами, и там они смогли бы жить гораздо лучше. Я с прискорбием должен признать, что далеко не все из них смогут стать пристойными пионерами. Их бедность и приниженность, их отрицательное отношение к обществу, их повышенная жалость к самим себе могут воспрепятствовать им и не дать встать на собственные ноги. И весьма возможно, что эти люди не сделаются лучше, чем сейчас...

— Хотя, по крайней мере,— вставил я,— вы сможете от них избавиться...

Сенатор бросил на меня негодующий взгляд.

— Молодой человек,— произнес он.— Это несправедливый и даже недостойный выпад с вашей стороны!

Кортни вмешался:

— На словах то, что вы сказали, выглядит значительно проще, чем окажется на деле. Потребуются очень большие вложения. Вы же не сможете просто засунуть этих людей в какое-нибудь другое время и объявить им, что оно, мол, ваше! И правительство, и общество обязаны будут взять на себя ответственность за них. Им должны будут обеспечиваться приличные стартовые условия. И я предполагаю, что мно-

гие из них вовсе не захотят никуда перемещаться, попросту откажутся от этого. Конечно, какие-то преимущества эта идея дать может. Вы уменьшите расходы на пособия бедным, хотя подозреваю, что на реализацию вашей идеи денег понадобится еще больше. Но как бы там ни было, вы не сможете сильно сэкономить на социальных расходах, просто так отправив людей в унылое дикое пространство и объявив им, что умываете руки!

Сенатор мотнул головой.

— Кортни, вы меня рисуете каким-то людоедом! Не можете же вы предполагать, что я эти факторы попросту отмел? Программа, если ее можно будет так назвать, должна весьма тщательно прорабатываться. Первоначальные расходы, возможно, и превысят то, что вы называете «экономией». И превысят, скорее всего, в несколько раз. Но гуманитарный аспект проблемы должен соизмеряться с экономическим... Я еще не говорил об этом ни с кем. Об этом первыми узнали вы трое. И прежде чем я уеду, мне нужно получить от вас несколько ответов. Я полагаю, что, несмотря на все хитроумие вашего изобретения, качество перемещений во времени вы обеспечиваете вполне надежно. И вы, предлагая себя как службу перемещений, делаете на этом бизнес. У меня же твердое личное убеждение, что ваше дело должно стать общественным предприятием, подверженным регулированию и управлению. Но, действуя в своей Мастодонии, вы достаточно удалены от возможности управления. Я даже не предполагаю, что понятие «Мастодония» будет признано как нечто суверенное...

— А мы убеждены, что оно будет признано,— ответил Кортни.— По моим ощущениям, его суверенитет никак нельзя будет опровергнуть!

— Вы просто блефуете,— возразил сенатор,— и все переводите на язык судебных крючкотворов. Возможно, так оно и будет, как вы говорите. Но это понятие не означает ни «здесь», ни «там». И все, чего я от вас сейчас добиваюсь,— это ответа на вопрос: насколько сочувственно вы бы отнеслись к такого рода программе и на какое сотрудничество с вами мы могли бы рассчитывать?

— Мы не можем дать вам никакого ответа,— сказал Кортни наиболее важным и сумрачным адвокатским тоном, на какой он был способен.— Мы можем принять к рассмотрению лишь

конкретные предложения и тщательно их изучить. Вы отдаете себе отчет в том, что, призывая нас к поддержке ваших предложений об использовании обширных временных пространств, вы лишь провоцируете нас на продажу более выгодных лицензий на то же самое другим клиентам?

— Я отдаю себе отчет вот в чем,— отозвался Фримор,— я понимаю, что суть вопроса в том, что кто-то в обществе деградирует. И я спрашиваю вас: можете ли вы подключиться к моей программе социального спасения? Готовы ли вы принести дар обществу? Нелишне отметить, что, если вы потребуете за это нечто вроде гонорара и обратитесь за этим к другим клиентам, моя программа будет обречена. Она не сможет ни на что опереться. Мои предложения достаточно дорогостоящи и без выплаты денег за лицензии Ассоциации Времени. Это не предусмотрено бюджетными ассигнованиями.

— Если вы апеллируете к нашей совести,— ответил Кортни,— то мы очень хотели бы соответствовать вашим ожиданиям. Но на данном этапе никаких обязательств мы на себя взять не можем.

Сенатор обратился ко мне:

— Если такая программа будет принята, то в какой исторической эпохе можно было бы ее осуществить? Прямо здесь? Непосредственно в Мастодонии?

Райла рванулась вперед, не дожидаясь моего ответа.

— Только не в Мастодонии! — выпалила она.— Здесь обосновались мы сами. И мы этого места никому не уступим!

Глава 26

Первая группа приехала сразу после полудня. Они поместились в двух тяжелых грузовиках и трех четырехколесных вездеходах. Их было двадцать пять человек. Оборудование прибыло в Миннеаполис на арендованном грузовом самолете, в котором летели и многие члены экспедиции. Трое клиентов прилетели обычным рейсом, без груза. Из Миннеаполиса группа сафари двинулась к Виллоу-Бенду. Перед входными воротами их облепили репортеры и телевизионщики с камерами.

— Пресс-конференция, или как вы ее там назовете, задержала нас больше чем на час,— сказал мне Перси Эспинволл, руководитель экспедиции.— Однако я не смог им отказать и

постарался быть как можно любезнее. Там, в Нью-Йорке, люди ведь ждут максимальной информации о нас!

— То, через что вы прошли сегодня,— заметил я,— ерунда по сравнению с тем, что ожидает вас по возвращении, особенно если вы принесете с собой несколько приличных голов-трофеев.

— Стил, я рад случаю пообщаться с вами,— сказал он.— Я надеялся, что мы некоторое время там пробудем вместе. Вы можете рассказать мне, каких неожиданностей нам следует остерегаться? Ведь вы один из троих, побывавших в меловом периоде!

— Мы пробыли там чуть больше суток,— ответил я.— И увидели немало представителей фауны того времени. Но местность просто кишит необычными зверями, и далеко не все из них попали в поле зрения наших палеонтологов. Вы видели фильм, снятый Райлой?

— О да! Хорошая работа. Пожалуй, чуточку жутковатая...

— Ну, тогда вы видели почти то же, что и мы. Вы запаслись крупнокалиберными ружьями?

— Шестисотками. Теми же, что были у вас.

— Учтите одно,— посоветовал я.— Не дожидайтесь, пока ваши клиенты будут готовы выстрелить. Если какая-нибудь тварь двинется на вас и вы ни в ком из охотников не будете уверены, бейте по ней сами! А каковы ваши клиенты? Что за публика?

— Публика вполне надежная,— ответил Эспинволл.— Слегка староваты, на мой взгляд, но все имеют приличный опыт охоты. Например, в Африке, до того как охотничьи зоны стали там иссякать... У этих людей есть полевой опыт, они не бахвалы и вполне дисциплинированны. Скажем, Джонатан Фридли и его жена. Он добыл в свое время самые крупные из виданных мною бивней. Фридли — председатель совета стальной компании. Потом еще Горас Бриджес. Он президент химической корпорации. Все трое — весьма респектабельные люди. Другие — не хуже.

— Ну, тогда у вас не будет с ними особых проблем.

— Надеюсь. И если даже я сам кого-то из зверей подстрелю, они не будут в претензии и поймут.

— С вашей группой жаждет пойти сенатор Фримор. Он уже говорил об этом с вами?

— Да, он налетел на меня почти с бегу. Я категорически отказал. Не могу взять на себя ответственность. Я бы рад пойти ему навстречу, но подставлять свою шею под удар мне ни к чему. Ему это очень не понравилось. Он выразил легкое негодование. Но я тоже не имею права брать случайных попутчиков, подобных тем, что голосуют на дорогах... Вот если бы захотели пойти вы...

— Нет, благодарю вас,— ответил я.— Сюда должны прибыть и другие группы от вашей фирмы, и мне надо оставаться на месте. Кроме того, я ведь там уже побывал.

— Я вынужден вас оставить,— сказал он,— мне надо еще раз проверить оснастку. Рад был нашему знакомству!

Я протянул ему руку и произнес:

— Удачи вам, Эспинволл!

Я проследил за тем, как они въезжали в туннель, одна машина за другой в ряд, и как по очереди исчезали из виду, пересекая невидимую границу времен.

Райла отвезла сенатора и Кортни обратно в Виллоу-Бенд. Сенатор был весьма не в духе.

Я спустился в яблоневую рощу поглядеть на Кошачий Лик и нашел его оседлавшим дерево на западном краю рощи. Я рассказал Лику, что первый из туннелей уже использован и что в ближайшие дни будут задействованы и остальные. Я спросил, доволен ли он, и Лик моргнул утвердительно. Было чуточку нелепо беседовать с ним таким вот образом. Ведь единственное, на что я был способен, были наводящие вопросы, в ответ на которые он моргал по системе «да—нет». И все же, несмотря ни на что, это была хоть какая-то беседа, и я, стоя перед ним, явственно ощущал исходящее от него дружелюбие, да и он, наверное, чувствовал мою к нему симпатию! Он смотрел на меня как бы полуулыбаясь и тем выказывал мне свое расположение.

Я пытался представить себе, чем же он являлся по своей сущности, и выстроил для себя некую умозрительную схему, согласно которой он, в нашем понимании слова, не был «существом». Он не имел ни тела, ни плоти вообще, и я не мог понять, из какого же вещества он состоял.

Но я все же обнаружил в своем отношении к нему нечто новое. До сих пор я воспринимал его просто как пришельца, чужака, необъяснимого и не подлежащего пониманию. А те-

перь вот я вдруг понял, что отношусь к нему как к персоне, как к конкретной личности, как к другу! Конечно, все это — в тех пределах, которые определялись возможностями нашего общения.

Я размышлял о тех пятидесяти тысячах лет, которые он здесь провел, и пытался представить себе, чем же они для него были. Я силился вообразить, чем бы они были для меня самого, разумеется, если бы я, вопреки здравому смыслу, мог прожить столько. Но я понял, что эти рассуждения неправильны, ибо отождествлять себя с Кошачьим Ликом я никак не мог хотя бы потому, что мы являли собой совершенно разные формы жизни. Я припоминал то, что узнал о его повадках в последние несколько лет: о неразумных играх в «охотника и дичь» с Эзрой и Рэнджером, о конструировании забавы ради туннелей времени для Баузера (представляю, сколько походов в прошлое совершил мой Баузер!), о случайных беседах Лика с Хайрамом, вернее, о попытках что-то рассказать ему, хотя тот не очень-то мог сообразить, что же ему хотят сообщить. Стало быть, такое общение вряд ли могло принести Лику какое-нибудь удовлетворение! Но ведь все это происходило совсем недавно, в последние лишь годы. А раньше его наверняка могли наблюдать и другие люди (вернее, он им сам являлся), и это, несомненно, их пугало. Я предполагал, что в более далеком прошлом он, должно быть, общался и с индейцами, и с их давними предками. А может, они принимали его за божество или за духа своего племени? Видел ли он мамонтов, мастодонтов и древних предков бизонов?.. Я сперва стоял, потом сел на землю под деревом. Кошачий Лик спустился вниз, и теперь мы были с ним лицом к лицу!

Я услышал, как наверху к дому подъехала Райла, вернувшись из Виллоу-Бенда, поднялся и сказал Лику:

— Я навещу тебя завтра или послезавтра, и мы поговорим подольше.

Райла привезла известие о том, что Бен снова разговаривал с религиозной группой и что они завтра заедут в Виллоу-Бенд. Бен их приведет к нам для собеседования. Он все еще никак не возьмет в толк, чего же им от нас надо.

Из госпиталя, как она узнала, сообщили, что Хайрама пока не выписывают. Бен побывал в Ланкастере, чтобы повидать его, и говорит, что вид у него неважнецкий. Хайрам

справлялся сперва о Баузере, потом о нас двоих и о Кошачьем Лике. Еще интересовался, как идут дела у Стиффи. Но, задав эти вопросы, он больше ни о чем говорить не пожелал...

Бен привел к нам этот самый комитет религиозных общин на следующий день. Их было трое, но говорил с нами лишь один из них. Двое остальных просто сидели рядом, покачивая головами или кивая в знак солидарности со своим говорящим коллегой по фамилии Хотчкисс.

Этот Хотчкисс был не из тех людей, кто склонен попусту терять время. Это был крупный мужчина с лицом, словно сошедшим с фрески о Страшном Суде. Оно было вытянуто острым углом, как волчья морда. На таком лице улыбка была бы чем-то совершенно чужеродным, да он, на мой взгляд, вряд ли позволял себе когда-нибудь улыбнуться!

Он сразу же перешел к изложению сути дела. Обычные вежливые пассы были сведены до минимума. Нисколько не усомнившись в возможности перемещений во времени, он, по-видимому, принял их за абсолютную данность. Не спрашивал он и о принципах их осуществления, его интересовало не это. Он спросил всего-навсего, каких гарантий мы *не даем* при осуществлении этих перемещений...

— Нас интересует,— заявил он,— приобретение прав или лицензий, называйте это как хотите, на тот период, который охватывается житием Иисуса Христа. Это должны быть исключительные права. Для нас и никого более.

— Я говорил вам,— сказал Бен,— когда мы встретились с вами впервые, что мы готовы рассмотреть любое законное предложение, но не способны дать вам никакого ответа, пока не вникнем в истинный смысл вашей заявки. Вы просите исключительное право на довольно большой кусок истории, и мы должны знать, не возникнут ли там по вашей вине какие-нибудь парадоксы.

— Какие еще парадоксы? — осведомился Хотчкисс.

Бен проявил крайнюю предупредительность и терпимость.

— Отрезки истории,— пояснил он,— могут быть использованы для многих целей. И поэтому нам совершенно необходимо знать, в каких целях и каких географических рамках вы собираетесь использовать названное вами время. Внедрение пришельцев из будущего в исторически известное время должно сопровождаться выполнением обязательств, полностью гаран-

тирующих от изменения хода истории, то есть от парадоксов. Ни один из людей, живущих в то время, не должен даже заподозрить в вас пришельцев. Все «посетители» должны быть одеты как те люди, должны знать их обычаи и язык, должны быть осведомлены обо всем, что в то время происходило...

— Можете не продолжать,— прервал его Хотчкисс.— Мы не собираемся заниматься никакими исследованиями и посещениями.

— Но если вы не хотите ни исследовать, ни посетить то время...

— В этом именно и состоит суть нашего подхода,— отрезал Хотчкисс.— Мы вовсе не хотим туда проникнуть, но не желаем, чтобы это сделал и кто-нибудь другой! Вот зачем нам нужны эти исключительные права!

— Не понимаю,— вмешался я.— Это же та временная область, в которой, как мне кажется, для любого богослова столько интересного материала! Ведь едва ли кто-нибудь знает достоверно...

— Именно в этом и заключается суть,— отрубил Хотчкисс.— Вы попали в самую точку наших соображений. Ведь историческая достоверность личности Христа всегда была под вопросом. О Нем лично очень мало известно. Имеется лишь одно или два упоминания историков, да и те могут оказаться поздними вставками в тексты. Мы не знаем ни точной даты, ни места Его рождения. Принято повсеместно считать, что Он родился в Вифлееме, но даже по этому поводу имеются сомнения. То же относится к любому отрезку Его жизни. Некоторые исследователи вообще ставят под вопрос, существовал ли такой человек. Но в течение веков предания, связанные с Ним, были приняты, обрели почву, структуру, стали самим существом христианской веры. И мы желаем сохранить ее в том же виде. Любая попытка заглянуть в это прошлое может разрушить здание Учения, возводившееся в течение веков. И может привести к неподобающим последствиям. Что случится, по-вашему, если обнаружится, что Он родился не в Вифлееме? Что тогда делать с Рождеством? А что, если не найдется доказательств поклонения волхвов?..— Он остановился и оглядел нас.— Вы понимаете меня? — вопросил он.

— Мы можем понять вашу точку зрения,— ответил я.— Но нам хотелось бы над ней поразмышлять...

— Прежде чем вы решите — дать нам просимые права или нет?

— Да, что-то в этом роде,— подтвердил я.— То, что вы просите, может у многих вызвать ощущение захлопнутой перед их носом двери.

— Никоим образом не разделяю вашего мнения,— отпарировал Хотчкисс.— Оно подразумевает лишь то, что наша вера слаба. Но истина заключается в том, что наша вера самодостаточна, и настолько, что мы допускаем безупречность христианства, даже зная, как мало известно о Господе и что даже это малое может оказаться недостоверным. И вот что нас пугает: история, известная нам сейчас, может быть разнесена на кусочки «исследователями». Ведь даже само христианство разорвано на лоскутки. Благодаря своему открытию вы держите в руках устрашающую по мощи возможность. И мы хотим вам хорошо заплатить, чтобы вы ее не использовали.

Райла вдруг спросила:

— А нельзя ли уточнить, кто это «мы»? Вы употребляете это местоимение. Так кто же под ним подразумевается?

— Мы — это комитет,— ответил Хотчкисс,— составленный в срочном порядке. В него вошли те, что раньше других осознали опасность, узнав об открытии возможности перемещений во времени. Мы получили реальную поддержку или обещание поддержки от большого числа христианских общин. Мы также развиваем контакты с теми, от кого ожидаем дополнительной поддержки...

— Вы имеете в виду поддержку финансовую?

— Да, мадам, финансовую поддержку. Это начинание требует денежных вложений. Я полагаю, они понадобятся и для оплаты лицензии.

— И в весьма ощутимом количестве,— заметила Райла.

— Если мы вообще решим продать такую лицензию,— добавил я.

— Обещайте мне лишь одно,— произнес Хотчкисс.— По крайней мере уведомьте нас, если вы получите другие предложения по этой эпохе. А в том, что они поступят, я нисколько не сомневаюсь! Дайте нам возможность узнать о содержании таких предложений.

— Не уверен, что мы могли бы дать вам такое обещание,— ответил Бен.— Скорее, наоборот, я уверен, что мы

не можем вам этого обещать. Но само ваше предложение мы рассмотрим.

Стоя у порога дома и глядя, как они с Беном отбывают в Виллоу-Бенд, я вдруг ощутил какой-то страх. Их позиция, их точка зрения были почему-то неприемлемы для меня, но я не мог бы четко проанализировать или определить, почему у меня возникло чувство отвращения. Ведь я и сам полагал, что определенные области истории должны оставаться «заповедными» и вхождение в них будет запретным. И значит, я, вопреки тому, что испытываю сейчас, должен был бы с симпатией отнестись к этим визитерам. Ведь многое из того, что погребено в прошлом, должно так и оставаться в нем погребенным!

— Эйза, о чем ты задумался? — спросила Райла.

— Не по душе мне все это,— сказал я.— Не знаю сам почему, но они мне антипатичны.

— Я ощущаю то же самое,— подтвердила Райла.— Они говорят о «хорошей оплате». Но я не думаю, чтобы эти люди были горазды на что-нибудь путное. Назовем им миллион, и они падут бездыханными...

— Поглядим,— заключил я.— Мне вообще претит иметь с ними какие бы то ни было дела. Они произвели на меня впечатление нечистых на руку. Хорошо бы узнать, что по этому поводу скажет Кортни.

Еще две группы сафари прибыли и отправились в меловой период. Четвертая заехала через четыре дня после них.

Стиффи неуклюже взобрался на холм с визитом к нам. Райла предложила ему пучок салата-латука и несколько морковок, завалявшихся в холодильнике. Он с удовольствием зачавкал морковью, а салат отверг. Я отвел его обратно в долину, слушая его пыхтение и бурчание всю дорогу.

Я снова пошел к Кошачьему Лику. В Мастодонии его не оказалось, он почему-то расположился почти на земле в саду старой фермы. Мы немного побеседовали, хотя это было и не очень легко. Зато «посидели» вместе, испытывая взаимную симпатию, и это, по всей видимости, его вполне устраивало. Странно, но такое «общение» стало удовлетворять и меня самого. Контакт с ним каким-то образом улучшал мое самочувствие. И у меня возникало довольно занятное чувство, что Лик пытается говорить со мной... Я не знаю, чем именно это

чувство вызывалось, но впечатление, что он пытается наладить мысленную связь, становилось все сильнее...

Мне вспомнилось, как мальчишкой я частенько ходил поплавать в речушке Тоун-Крик*. Это название казалось забавным, ибо никаких форелей там и в помине не было. Возможно, в дни первых поселенцев-пионеров впервые появившиеся здесь белые люди и увидели в этой речке форелей. Она впадала в основную реку Виллоу-Бенда чуть повыше городка и была совсем небольшой, почти струйкой. Но перед впадением в реку Тоун-Крик образовала заводь, в которой нам наши родители, пока мы были слишком малы для плавания в реке, разрешали плескаться. Глубина заводи не превышала трех футов, и течения там почти не ощущалось. И мы, детишки, любили, забавы ради, делать вид, что тонем. Те летние ленивые дни были так прекрасны, хотя еще больше мне запомнилось в них другое: как я один пытался удержаться на плаву в более глубоких участках заводи, а потом заплывал в мелководье у самого ее края и оставался лежать там неподвижно — голова на песчаном берегу, а туловище вытянуто под водой.

Хорошо было лежать так, иногда забывая, что у тебя есть тело! Вода была достаточно глубока, чтобы оно в ней висело как бы в невесомости и чтобы его можно было совсем не ощущать. В той заводи было полно рыбьей мелюзги, мальков длиной всего в два-три дюйма, и когда я там оставался достаточно долго и не двигался, они начинали тыкаться в кончики пальцев на моих ногах, словно целуя их своими крошечными ротиками. Я думаю, их привлекала шелушащаяся кожа, а может, и маленькие струпья. У нас же всегда на ногах были эти струпья, поскольку мы шлялись босиком и вечно саднили ноги, натыкаясь на какие-нибудь колючки. И наверное, рыбешки считали эти запекшиеся корочки и отшелушивающиеся кусочки кожи весьма желанным для себя лакомством! Но как бы то ни было, лежа там, я явственно ощущал их нежные прикосновения к моим ногам, и в особенности к кончикам пальцев. Мне хотелось смеяться, как от щекотки, и все мое нутро бывало охвачено какой-то искристой радостью от столь сокровенной близости к этим крошечным тварям!

И вот теперь в присутствии Кошачьего Лика со мной начинало происходить что-то очень похожее. Я начинал чувствовать, как какие-то мельчайшие создания тычутся в мой мозг,

* Форелевый проток.

нежно прикасаясь к его клеточкам, в точности так, как рыбешки тыкались в кончики пальцев. В этом ощущении содержалось что-то потустороннее, но оно вовсе не было пугающим, и мне, так же как тогда с рыбками, хотелось смеяться, но уже оттого, что Лик и я можем так близко соприкасаться!

Я твердил себе, что у меня всего лишь разыгрывается воображение, и все же теперь всегда при встрече с Ликом ощущение маленьких существ, тычущихся в мой мозг, становилось все явственнее...

Выйдя из сада, я зашел к Бену в офис. Он «висел» на телефоне, что не помешало ему при виде меня расплыться в улыбке.

— Это Кортни,— сообщил он.— Там объявилась кинокомпания с побережья с весьма серьезными намерениями. Они хотят снять видовой фильм об истории Земли, начиная с предкембрийской эры и до наших дней!

— Это всего лишь прожекты,— усомнился я.— Разве они соображают, сколько им на это понадобится времени?

— Сдается мне, что соображают,— ответил Бен.— Похоже, что эта идея их захватила целиком. Они желают сделать добротную вещь и не остановятся ни перед чем.

— И все же вряд ли они понимают, что их ждет. Например, отправляясь в ранние периоды формирования земной суши, они должны запастись изрядным количеством кислорода, ибо до самого силурийского периода в атмосфере Земли свободного кислорода почти не было. Он появился лишь около четырехсот миллионов лет назад. Я уж не говорю о многом другом, что очень трудно учесть!

— И все же я думаю, что они не пренебрегают этими вещами. У них была обстоятельная беседа с Кортни. По-видимому, они достаточно серьезно собираются подготовиться к этим съемкам.

— И Кортни полагает, что этот интерес подлинно научен? Я склонен предположить, что киношники постараются, во-первых, поменьше потратить на всю эту затею, во-вторых, сделать из своего фильма беглый обзор, использовав в качестве фона какой-либо из доисторических периодов. В этом есть что-то крайне амбициозное. Ибо, если это делать всерьез, это обойдется в биллионы. Им же понадобится научный штат, масса специалистов, способных проанализировать и объяснить, что запечатлела их пленка!

Бен сказал:

— Насчет цены ты абсолютно прав. Кортни считает, что затея потребует весьма увесистой бюджетной дотации.

Но как бы там ни было, новость была очень даже приятная, и я искренне ей обрадовался, ибо пока что у нас в активе было всего лишь одно стоящее дело — все тот же бизнес с фирмой «Сафари»!

— Что нового у Кортни с «Комитетом Иисуса»? — спросил я.

— Я спрашивал его. Он пока не очень занимает этим свою голову. И сомневается, что они вообще окажутся платежеспособными. Там замах на широкую поддержку церкви, но вряд ли на деле это осуществимо!

— Они попросту фанатики,— заметил я.— А фанатики никогда особого достатка не имели. Мне кажется, мы должны от них отписаться.

Спустя четыре дня после этого разговора вернулась третья группа сафари. Они появились на несколько дней раньше запланированного срока. У них оказалась очень недурная добыча: с полдюжины крупных трицератопсов, три головы тираннозавров, немало других трофеев. Они бы пробыли до конца обусловленного времени, но один из клиентов-охотников заболел, и группе пришлось вернуться.

— Его одолела медвежья болезнь, лихорадка страха,— объяснил мне их руководитель.— Он уже никак не мог себя сдержать. А стрелок он совсем неплохой, но страх оказался сильнее его. Господи, да на меня это тоже находило. Стоит увидеть, как это чудовище с пастью, полной зубов, надвигается на тебя, как твои кишки сразу начинают течь! Теперь-то, когда мы вернулись целыми, он воспрял духом. Теперь он снова великий охотник, бесстрашный, отважный, с железными нервами. Таким он предстанет перед репортерами, как только выйдет из ворот.

Он ухмыльнулся.

— Так стоит ли его опровергать? Пусть играет свою роль сколько влезет. Это же совсем неплохо для бизнеса!

Райла и я проводили группу к туннелю в Виллоу-Бенд под холмом и дождались, пока они исчезли в его «жерле».

— Эти трофеи поработают сами за себя,— заметила Райла.— Стоит им только появиться на экранах телевизоров и в

газетах, ни у кого не останется и тени сомнения, что путешествия во времени — это реальность! Нам уже не понадобится ничего доказывать.

На следующее утро, еще до того как мы встали, к нам постучался Герб. Я надел халат и домашние туфли.

— Чего там еще, черт возьми? — буркнул я.

Герб помахал номером миннеаполисской «Трибьюн» перед моим носом. Я выхватил газету из его руки. Там на первой полосе был помещен снимок нашего отважного охотника, красующегося рядом с установленной на подпорке головой тираннозавра. Заголовок над шестью колонками текста трубил о возвращении группы, впервые побывавшей на таком сафари.

На расстоянии нескольких дюймов от этой публикации, в нижней части газетной полосы, виднелся другой заголовок над двумя колонками, гласивший:

«РУКОВОДИТЕЛИ ЦЕРКОВНОЙ ГРУППЫ ОБЪЯВЛЯЮТ ДИСКРИМИНАЦИЮ ПУТЕШЕСТВИЯМ ВО ВРЕМЕНИ»

Первый абзац второй статьи был таков:

«Нью-Йорк, Н.-Й. Доктор Элмер Хотчкисс, глава Независимого комитета христианских церквей, обязавшийся наложить запрет на непосредственное изучение времени Христа, сегодня заявил, что Ассоциация Времени отказалась продать комитету права на блокирование указанного отрезка истории...»

Я опустил газету и сказал:

— Но, Герб, ты же знаешь, что это неправда! Мы ведь им не отказывали!

Герб просто трясся от возбуждения.

— А ты что, не понимаешь?! — воскликнул он.— Это же создает видимость полемики. И пока истечет сегодняшний день, все церковные общины и все богословы мира сплотятся в единый фронт. Эйза, мы и не мечтали о такой рекламе!

В гостиную вошла Райла.

— В чем дело? — спросила она.

Я передал ей газету.

У меня внутри все как будто оборвалось и возникло ощущение безнадежности...

Глава 27

Хайрам еще находился в госпитале, и я снова навестил Кошачий Лик в старом саду. Я говорил себе, что делаю это исключительно для того, чтобы он не чувствовал себя одиноко. Ведь Хайрам почти каждый день с ним разговаривал, а поскольку его нет, кто-то же должен это делать!

Но где-то на задворках моего сознания гнездилась мысль о тех «маленьких рыбках», которые поклевывали мой мозг, и я почему-то надеялся, что, как только я увижусь с Ликом, они возобновят этот «клев».

Меня немного коробило от мысли, что, возможно, Лик меня разыгрывает. В то же время я вполне допускал, что он и в самом деле хочет нащупать возможность контакта, и мне очень не хватало уверенности в этом.

Я думал о том, что если это ощущение посещало и Хайрама, то, наверное, существует какой-нибудь странный код, который может стать ключом к восприятию этого языка. Может, этот же код помогал Хайраму разговаривать с Баузером и синичкой, если он и вправду с ними мог говорить?

Увидев Кошачий Лик, я не стал долго тянуть со своим вопросом, тем более что «рыбки» оказались тут как тут и «клев» возобновился.

— Лик,— спросил я,— ты что, пытаешься говорить со мной?

Он моргнул один раз, и это означало «да».

— Скажи мне, ты полагаешь, что это тебе удастся?

Он моргнул три раза, быстро-быстро, удивив меня, ибо я не очень-то врубился, что он хотел этим сказать. Но я все же решил, что он хотел сказать «не знаю».

— Я надеюсь, что ты сможешь этого добиться,— сказал я.— Мне бы так хотелось говорить с тобой по-настоящему!

Он моргнул один раз, что я воспринял как «мне тоже».

Но пока что разговора не получалось. И хотя, на мой взгляд, «рыбки» становились все настойчивее, мы не очень-то сдвигались с места. Я силился открыть свой мозг этим «рыбкам», но это не увенчалось особым успехом. Может быть, от меня ничего и не зависит, а все должно осуществляться одним лишь Ликом? Но я чувствовал, что он рассчитывает на успех, иначе зачем бы ему все это затевать? И мне чем дальше, тем больше этого хотелось самому...

Когда наша встреча подошла к концу, мы остановились почти на том же самом месте, что и в начале попыток Лика. Сдвигов не было.

— Я приду завтра,— сказал я Лику.— Попробуем еще!

Я не стал рассказывать Райле обо всем этом, боясь, что она отнесется к этому скептически, а то и с насмешкой. Слишком уж примитивными казались мне самому собственные рассуждения. И все же я верил в эти попытки. И уж если самому Лику вздумалось их начать, то я, черт возьми, обязан дать ему этот шанс!

Я обещал Лику прийти назавтра, но не сумел этого сделать. Утром вернулась еще одна группа сафари, номер два. Они раздобыли только одного тираннозавра, нескольких трицератопсов, но зато трех гадрозавров* и одного полакантуса, динозавра-броненосца со смешной маленькой конусообразной головой и с крупными, похожими на рога шипами, идущими по всей длине его туловища. Полакантус, подумалось мне,— это что-то необычное для мелового периода. Его же в то время не должно было быть! Он, считалось, вымер в самом начале «мела» и вообще не водился в Северной Америке! И вот он, оказывается, тут, во всем своем гротескном уродстве!

Группа не взяла с собой его туловища, а только очищенный от плоти и разъятый на части панцирь, который и в таком виде казался огромным.

— Будьте уверены,— сказал я добывшему его охотнику,— что этот экземпляр вызовет пристальное внимание палеонтологов. Они из-за него все передерутся!

Он радостно осклабился, сверкнув зубами. Это был довольно тщедушный на вид человек, и я подумал, как он мог поднять огромное ружье, да еще и выстрелить из него? Я не без усилия вспомнил, что мне о нем говорили. Он был потомком довольно аристократического английского рода и одним из тех немногих, кто сумел устоять перед лицом новой британской экономики.

— А что в этом звере особенного? — спросил он меня о своем трофее.— Их было там очень мало. Я подстрелил самого крупного. А как вы полагаете, сэр, его удастся смонтировать? Он ведь очень громоздок.

* Утконосые ящеры.

Я поведал ему, что знал об этом виде ящеров, и он заявил, что непременно свяжется с палеонтологами.

— Хотя некоторые из этих ученых мужей,— заявил он,— слишком уж важничают!

Эта группа тоже исчезла в туннеле на Виллоу-Бенд, и сразу вслед за ними показалась группа номер четыре. У этих оказалось четыре тираннозавра, два трицератопса и масса другого зверья. Они, как оказалось, бросили там один из своих грузовиков, а двое из охотников прибыли, лежа на носилках.

Руководитель группы снял шляпу и отер лоб.

— Это поработали те твари, что с тремя попугайскими клювами на башке. Вы, кажется, зовете их трицератопсами? Их что-то напугало, и они кинулись на нас. Дюжина крупных самцов. Они ударили по грузовику сбоку, и он загорелся. Нам повезло, что никто не погиб. Еле успели выволочь людей из машины. Мы стали от них отстреливаться. Не знаю уж, скольких уложили. Они совсем взбесились: крушили все подряд. Может, нам и следовало вернуться и подобрать еще несколько голов, но, когда они наконец от нас отступились, мы все же решили больше не рисковать...

— Ничего, это всего лишь первый опыт, набросок, так сказать,— сказал я ему в утешение.

— Конечно набросок. Но когда вы отправляетесь в неведомую страну, не зная, чего ожидать, иначе и быть не может. Теперь я знаю, что никогда не следует подходить слишком близко к стаду трицератопсов. Они так легко разъяряются, эти адские твари!

Через день после того, как уехали от нас вторая и четвертая группы, Райла сказала:

— Я беспокоюсь насчет группы номер один. Они что-то задерживаются...

— Всего лишь на день,— заметил я.— Они заключили контракт на две недели, но парой дней позднее или раньше не имеет особого значения!

— Но ведь одна из групп уже имела неприятности!

— Они допустили ошибку, вот и все. Вспомни, как Бен удержал нас, когда мы слишком приблизились к трицератопсам. Он объяснил, что существует невидимая линия, которую не следует пересекать. Эти люди ее переступили. В следующий раз будут умнее.

Я увидел, как по холму взбирается Стиффи.

— Нам бы надо отвадить его от этих визитов сюда,— сказал я.

— Да, но это надо сделать поделикатнее,— ответила Райла.— Он ведь такой миляга, такой славный старый парнишка!

Она вошла в дом и вернулась с двумя пучками моркови. Стиффи фыркнул и очень благожелательно принял подношение. Он что-то бурчал и вовсю чавкал. Потом он дал мне себя увести вниз, в долину.

— Нам надо быть поосторожнее с этими подачками,— предупредил я Райлу.— Если мы не прекратим это, он будет все время у нас появляться.

— Ты знаешь, Эйза,— сказала она, оставив без внимания мои слова,— я уже решила, где мы должны построить дом. Внизу, у той рощи диких яблонь. Мы сможем провести воду из родника, а холм защитит нас от северных ветров.

О доме я услышал впервые, но не стал заострять на этом внимание. Тем более что это была хорошая идея. Не могли же мы все время оставаться в нашем передвижном жилище!

— Я думаю, ты уже решила, какой именно дом ты хочешь построить? — спросил я.

— Да, но не до конца. Нет пока у меня ясности ни с количеством этажей, ни с планировкой комнат. Только общее представление. Единственное, что я твердо знаю,— это то, что у него будет фундамент и он будет построен из камня. Это немного старомодно, но мне кажется, именно такой дом должен стоять здесь. Это обойдется недешево, но мы, наверное, с этим справимся.

— Вода из родника,— проговорил я.— А как же с отоплением? После того как мы не сумели провести телефонную связь, я почти уверен, что и газ сюда не пройдет.

— Я об этом думала. Стены будут толстые и прочные, хорошо сохраняющие тепло. Значит, нужно будет дровяное отопление. Много каминов. Мы должны стать людьми, рубящими лес и заготавливающими дрова. На этих холмах древесины хватит. Но мы станем доставлять ее издалека, а вблизи ничего трогать не будем. Грешно портить леса, которыми любуешься!

Мы проговорили о доме до самого ужина. Чем больше я думал о нем, тем больше меня захватывала эта идея. Я был рад, что такое пришло в голову Райле.

— Я думаю, мне надо завтра съездить в Ланкастер и поговорить с подрядчиком,— сказала она.— Бен подыщет нам подходящего.

— Но ведь репортеры, торчащие у ворот, сожрут тебя! — напомнил я ей.— И Герб все еще ждет, чтобы ты оставалась таинственной женщиной!

— Послушай, Эйза, когда надо, я с ними великолепно управляюсь! Я же отвадила их в ту ночь, когда мы отвезли Хайрама в госпиталь. В крайнем случае я могу спрятаться на заднем сиденье машины, прикрывшись покрывалом или чем-нибудь еще. Бен меня отвезет. А почему бы и тебе не поехать со мной? Мы могли бы заехать в госпиталь, навестить Хайрама.

— Нет,— ответил я,— кто-то из нас должен оставаться дома. Ведь я обещал Лику повидаться с ним и не сдержал обещания. Завтра это непременно надо будет сделать.

— А какая необходимость видеться с ним так часто? — спросила она.

— Он ощущает одиночество,— слукавил я.

На следующее утро Кошачий Лик оказался в яблоневой роще, а не в саду старого дома.

Я присел на корточки и сказал ему полушутя:

— Ну, давай попробуем еще!

Он будто поймал меня на слове. И сразу же рыбешки начали тыкаться в мой мозг, касаться его губами, отсасывать что-то от него, но теперь их было куда больше и размерами они вроде бы были еще меньше, чем раньше. Малюсенькие, нежные как волоски, они ввинчивались и углублялись в мой мозг все больше и больше. Я чувствовал, как они проникали в каждую его расщелину...

Меня охватила непривычная дрема, я пытался ей сопротивляться, но все более погружался в какую-то мягкую серую субстанцию, она обволакивала меня, подобно тому, как тонкие нити паутины окутывают неосторожную мошку, угодившую в ее тенета...

Я делал слабые попытки разорвать эту сеть, подняться на подкашивающиеся ноги, но вдруг меня охватило странное безразличие и я потерял представление о том, где же я нахожусь.

Я смутно помнил, что это Мастодония, что Кошачий Лик здесь со мною, что Райла уехала в Ланкастер повидаться с

подрядчиком и обсудить проект строительства каменного дома. Брезжила даже мысль о том, что мы должны нанять людей для заготовки дров на зиму... Но все это было на далеком заднем плане и совершенно отдельно от того, что происходило в данный момент. И я еще знал, что сейчас все эти мысли не должны меня заботить вовсе...

И тогда я увидел *это*. Город. Ибо это, наверное, был город. Мне показалось, что я наблюдаю его с высокой горы, сидя под царственным деревом. Было тепло и ясно, а небо светилось гораздо более нежным оттенком голубого, чем тот, к которому я привык.

Перед моим взором раскинулся город, и, оглядевшись вокруг, я увидел, что он простирается во все стороны и уходит далеко за горизонт. Гора высилась одиноко в самой середине города. Она была прекрасна, со склонами, покрытыми темно-зеленой травой и дивными цветами, обдуваемыми мягким ветерком. А надо всем этим парила вершина с царственным деревом, под которым сидел я...

У меня не возникло вопроса о том, как я там оказался. И я даже не удивился, почему я там. Мне показалось абсолютно естественным то, что я здесь сижу, и представлялось, что я должен бы узнать это место, но, клянусь жизнью, я его не узнавал! Хотя с первого взгляда стало понятно, что это какой-то город, одновременно я осознавал, что это и нечто совершенно другое, названия которому я пока не знал. И вместе с тем у меня почему-то было убеждение, что я просто позабыл это название и оно само придет ко мне потом!

Этот «город» не был похож ни на один из виденных мной раньше. Здесь были и парки, и площади, и широкие нарядные магистрали, и все это было странно знакомо и вместе с тем сказочно и необычно. Здания как бы не имели массы и, можно сказать, твердой формы, как если бы были созданы из паутины, кружева, тумана, пены — чего-то бесплотного. Но когда я в них всмотрелся повнимательнее, оказалось, что они вовсе не так уж нематериальны, как на первый взгляд. За обманчиво-ажурными фасадами просвечивали вполне материальные структуры, хотя определить, что это, было также невозможно. В этом содержалось нечто, вызвавшее у меня беспокойство.

Я вдруг понял, что это не столько город, сколько *образ города*. Здания не выстраивались в массивные прямоугольные

кварталы, определяющие направления улиц, как это принято в городах. И тут наконец я сообразил: передо мной не земной город! И почему-то эта мысль меня поразила, хотя я с самого начала должен был понять, что это город Кошачьего Лика!

— Это штаб,— сообщил мне Лик,— галактический штаб. Я решил, что ты должен его увидеть, чтобы постичь остальное.

— Спасибо, что ты мне его показал,— сказал я.— Он поможет мне понять остальное...

И вот еще что: для меня не оказалось неожиданностью то, что Лик со мною разговаривает! Я находился в таком состоянии, когда меня уже ничто не могло бы удивить...

К этому моменту маленькие губастые рыбешки больше не тыкались в мой мозг. Я осознал, что они уже завершили свою работу, унеся прочь все, что должно было быть удалено, все лишние чешуйки кожи, все запекшиеся струпья, все лишнее... Они удалили все это и удалились сами.

— Это то место, где ты родился? — спросил я.

— Нет,— ответил Лик.— Не то место, где я *начался*. Я начался на другой планете, очень далекой. Я ее тебе тоже покажу когда-нибудь, если у тебя найдется на это время.

— Но ты был там, где этот штаб? — спросил я.

— Я туда попал как доброволец, и сюда меня послали как добровольца,— объяснил он.

— Послали? Как это «послали»? Кто тебя послал? И если тебя кто-то послал, то какой ты доброволец?

Я пытался сообразить, произносим ли мы с Ликом слова вслух, но мне казалось, что звуков при нашем разговоре не слышно никаких. Впрочем, это ничего не меняло, раз уж мы так хорошо понимали друг друга. Это было так же, как если бы мы произносили слова вслух.

— У тебя есть понятие о Боге? — спросил Лик.— За время существования человеческой расы люди почитали множество богов.

— Я понимаю концепцию Бога,— ответил я,— но не уверен, что сам почитаю какое-нибудь божество. Не в пример большинству людей, утверждающих, что они верят в Бога.

— Я тебя понимаю и сам думаю так же,— сказал Лик,— но если бы ты встретился с теми, кто меня послал (а они отправили и многие другие создания тоже), ты бы решил, что это боги или сверхсущества. Они не являются богами,

хотя многие их и считают таковыми. Просто это какие-то иные формы жизни (может быть, и биологические тоже, я не могу знать точно), которые совершили когда-то первый шаг к разуму и в течение миллионов веков проявили мудрость или оказались настолько удачливы, что избежали всевозможных катастроф и разрушений. Таких разрушений, которые способны были бы вызвать деградацию или распад разума. Конечно, их начальная природа в каких-то случаях могла иметь биологическую основу. Наверное, так могло быть... Но не уверен, что они и теперь ее сохранили: после долгих миллионов лет существования они, несомненно, должны были бы переродиться.

— Так ты видел их? Встречался с ними?

— С ними никто не встречался. Никто не знаком с ними. Я о них когда-то недостойно думал, что они пренебрегают нами и желают держать нас в страхе. Со мною на моей планете никто ни о чем таком никогда не говорил. Но однажды я увидел *нечто*. Оно не было отчетливым, и я даже подумал, что мне это почудилось. Для того чтобы завербовать добровольца, они дают ему возможность иногда видеть эти смутные образы, эти промельки. И это бывает видно всегда как сквозь дымку... или похоже на тень. Я не могу точно определить.

— И тебя это не потрясло?

— В свое время, может быть, и потрясло. Но это было так давно, что я уже не могу точно припомнить. Если перевести на ваше измерение, то около миллиона лет назад. Я потом думал об этом и решил, что если в то время это и потрясло, то совершенно напрасно. Их целью было вовсе не это...

— А это их город? Так называемый «град Божий»?

— Если тебе угодно так его называть, можешь это делать. Они его спланировали, но построили город не сами. И это вовсе никакой не город. Это целая планета, покрытая зданиями и установками. Но если тебе больше нравится, можешь называть ее «городом».

— А что означает понятие «галактический штаб»?

— Да, я употребил это слово. Но какая разница, как это называть — штабом или иначе? Могут быть и другие такие же средоточия, или «штабы», о которых мы не знаем. Вполне вероятно, что существуют и другие аналогичные галактические группы и другие «боги», которых мы не знаем и которые вы-

полняют подобные функции. И у их городов могут быть иные названия, далекие от понятия «центрального штаба». И может быть, система их организации значительно лучше и совершеннее...

— Итак, ты только предполагаешь, но не знаешь точно? Может, у них это тоже носит характер штабов?

— Вселенная велика, и точно не может знать никто...

— А эти существа, эти «боги», они что, захватили все планеты своей галактики и эксплуатируют их?

— «Эксплуатируют»? Я улавливаю смысл слова, но не вполне четко. Ты хочешь сказать, «они владеют»? Используют в своих интересах?

— Да, так.

— Нет, не так,— возразил Лик.— Они «эксплуатируют» только информационно. Только знание о планетах, вот что им требуется!

— Ты хочешь сказать, они просто собирают информацию?

— Да, именно так. Твоя понятливость меня удивляет. Они посылают корабли со многими исследовательскими группами в самые разные места. Потом приходит другой корабль и забирает их — каждую в свой черед. Я был в одной из таких групп, одной из последних. Мы должны были высадиться вчетвером.

— Но этот корабль разбился?

— Да. Я не понимаю, как и почему это случилось. Каждый из нас был специалистом, знающим только свое дело. И ничего больше. Создания, управлявшие кораблем, также были узкими специалистами. Они должны были все знать о корабле, все предвидеть. Аварии не должно было быть.

— Ты ответил Хайраму, а вернее Райле, что не знаешь, где находится твоя планета. Так вот почему ты не знаешь — это же не твоя специальность! Не так ли? Об этом знал только пилот. Или пилоты.

— Моя специальность касается только времени. Я должен был помочь другим изучить и описать прошлое исследуемых планет.

— Ты имеешь в виду, что ваши наблюдения над планетами не только охватывают настоящее время, но распространяются и на прошлое? Вы изучали эволюцию каждой из планет?

— Должно быть, так. Настоящее — только часть целого. Хотя и оно тоже очень важно...

— Когда разбился корабль, все погибли, кроме тебя?

— Мне повезло,— ответил Лик.

— Но ведь, попав сюда, ты не стал изучать прошлое, а оставался всегда в Виллоу-Бенде или в том месте, которое потом стало называться так?

— Я совершил всего несколько вылазок. Наблюдения, сделанные мной самим, в одиночку, не особенно ценны. Мое дело строить дороги для других. И кроме того, я знал, что за мной должен был бы прийти другой корабль. Они же не знали о крушении и гибели экипажа и обязаны были искать нас! И я сказал себе, что мне следует оставаться на месте, чтобы встретить этот корабль. Я никак не мог отсюда удалиться. Если бы я ушел в прошлое, некому было бы отозвать меня оттуда, когда прибыл бы корабль. Ведь они, увидев следы крушения, решили бы, что погибли все, и не стали бы задерживаться! Чтобы меня подобрали или «спасли», как вы это называете, я должен оставаться поблизости от места аварии. Только так меня смогут найти.

— Но ты открывал дороги времени для Баузера, а теперь делаешь это и для нас?

— Если я сам не могу ими пользоваться, то почему бы не позволить это делать другим? Почему бы не дать моим друзьям такую возможность?

— Ты считаешь нас своими друзьями?

— Сперва Баузера, а после и всех вас!

— А теперь ты решил, что корабль за тобой уже больше не придет?

— Долго...— сказал Лик.— Слишком долго. К тому же не исключено, что они следят за мной. Таких, как я, ведь не так уж много. Мы изменчивы. И они, быть может, не собираются забирать меня просто так, в моем нынешнем виде...

— И все-таки ты еще надеешься на приход корабля?

— Очень слабая надежда...

— Так вот почему ты проводишь часть времени в саду у старой фермы? Если они появятся, то смогут забрать тебя оттуда...

— Да, поэтому...

— А ты счастлив здесь, у нас?

— Что значит «счастлив»?.. Впрочем, я полагаю, что счастлив.

Что такое быть счастливым? Он спросил это так, как если бы не понимал, что означает понятие счастья. Но он все же великолепно знал такое состояние! Когда-то он был счастлив по-настоящему, вдохновлен, потрясен. Это, наверное, случилось в тот день, когда его призвали и он попал в тот огромный галактический штаб, присоединившись к группе избранных, ставших легендой в конфедерации звездных систем этой части Вселенной.

Не сомневаясь и не спрашивая, я прошел с ним через тот фантастический город, совершенно не такой, как города на старых «провинциальных» планетах. Я смотрел на него, пораженный, но вместе с тем как бы осознающий, что я и раньше там был. И я отправился с Ликом на другие планеты, лишь успевая бегло запечатлеть их облик и узнать, каковы они были в прошлые века... Я узнавал об их былой славе, о несчастьях, их постигавших, и это повергало меня в печаль и болью отзывалось в моем сердце. Я сожалел о них так, как пес тоскует по старой потерянной кости. И еще я пытался жадно вникать в недоступные моему разуму особенности их культуры и науки.

А потом, совершенно неожиданно, все это исчезло, и я снова очутился в рощице диких яблонь, лицом к лицу с Кошачьим Ликом. Мое сознание все еще бурлило от впечатлений. Я вовсе потерял представление о времени...

— А Хайрам? — спросил я.— Хайрам тоже там побывал?

— Нет,— ответил Лик.— Он бы ничего не понял.

Это было, конечно, справедливо. Хайрам понять бы не смог. Он ведь даже жаловался мне. Я припоминаю, он говорил, что Кошкин Лик рассказывает ему то, что не имеет смысла!

— Никто другой,— вдруг сказал Лик,— никто другой, кроме тебя!

— Ну, ты меня смущаешь,— ответил я.— Ведь и мне многое непонятно.

— Ты понимаешь гораздо больше, чем сам думаешь,— ответил он.

— Я вернусь,— сказал я на прощанье,— и мы поговорим снова!

Я поднялся на холм, и пока шел к передвижному дому, никто не попался мне на глаза. Еще подумал, а не вернулась ли задержавшаяся группа сафари, пока я разговаривал с Ликом?

Когда я пошел к яблоневой роще, я рассчитывал, что услышу, если они появятся. Но теперь я сомневался, что мог бы что-нибудь слышать, пока общался с Ликом...

Я подошел к туннелю номер один и не заметил возле него никаких признаков прибытия. А это означало, что они опаздывают уже на два дня. Если они не появятся завтра, решил я, то нам с Беном, наверное, следует отправиться туда, чтобы выяснить причину их задержки. Я не то чтобы уж очень волновался, нет, ведь Перси Эспинволл показался мне самым компетентным из руководителей групп. И все же мне было немного не по себе.

Подойдя к дому, я сел на ступеньки крыльца. Из-под дома выполз Баузер и тоже поднялся на ступеньки. Он сел, тесно прижимаясь ко мне. Это так напомнило мне прежние времена, когда еще не приехала Райла и не завертелся весь этот «временной бизнес».

Я был основательно ошарашен тем, что мне показал Лик, но теперь начал понемногу это осмысливать. Поначалу все, что происходило перед моими глазами, казалось само собой разумеющимся. В тот момент я вроде бы и не удивлялся ничему. Потом все это меня оглушило, а теперь у меня по спине поползли мурашки озноба, и я ощутил страх и яростное сопротивление своего нутра новому знанию. Старая человеческая игра в спасительное отрицание: «Этого не может быть, так как не может быть никогда!»

Но несмотря на автоматический порыв к отрицанию, я полностью отдавал себе отчет в том, что виденное — абсолютная реальность. И пока я сидел на этих ступеньках, это осознание начинало овладевать мною. И у меня уже не оставалось времени ни на сопротивление этому, ни на приятие, ибо по склону холма стала подниматься машина, за рулем которой сидела Райла, а рядом с нею красовался Хайрам собственной персоной.

Хайрам спрыгнул на землю, как только машина притормозила, и ринулся прямо к Баузеру. Он не стал терять времени на то, чтобы приветствовать меня, и я даже не вполне уверен, что он меня заметил!

Баузер мгновенно соскочил со ступенек, завидев Хайрама, а тот опустился на колени и обхватил руками собаку. Баузер, повизгивая и взлаивая от счастья, старательно умывал лицо Хайрама своим деятельным языком.

Райла же бросилась ко мне и тоже обняла. Мы четверо, должно быть, являли собой комичную картину — Хайрам, сжимающий в объятиях Баузера, и Райла, обнимающая меня.

— А правда здорово, что Хайрам уже дома? — спросила она.— В госпитале сказали, что он может выписаться, но должен беречься и стараться восстанавливать свои силы. Он очень обессилел за время болезни. Ему нельзя много работать и...

— Ну, с этим все будет в порядке,— засмеялся я.— Хайрам никогда и не грешил склонностью к тому, что можно было бы назвать «работой»!

— Он еще должен ежедневно делать кое-какие упражнения,— добавила она.— И ходьба тоже входит в этот комплекс. Кроме того, ему прописали высокопротеиновую диету и некоторые лекарства. Он их, правда, не жалует, говорит, что они невкусные. Но обещал их регулярно принимать, если его отпустят домой.— Она всплеснула руками, вспомнив: — Ах, Эйза, ты же должен знать, какой дом мы с тобой собираемся строить! Я не привезла еще проспект, но набросаю его тебе приблизительно. Он весь будет из камня и стекла. И с большим количеством каминов — почти в каждой комнате. Окна — во всю стену, из термоизолирующего стекла. Мы сможем через них видеть весь окружающий нас мир. Как если бы мы сидели снаружи. Там будет и закрытый дворик-патио, и наружный очаг с дымоходом, и бассейн, где ты сможешь плавать, если захочешь. Мне-то этого всегда хотелось! Мы заполним его водой из источника, она, правда, очень холодная, но подрядчик сказал, что через день-два солнце ее прогреет и тогда...

Я увидел, что Хайрам с Баузером уже вышагивают вниз по склону. Они, занятые друг другом, либо не услышали моего оклика, либо пренебрегли им, и мне пришлось побежать следом. Я схватил Хайрама за плечо и повернул его к себе.

— Ты куда это собрался? — спросил я.— Тебе же велено не переутомляться!

— Но, мистер Стил,— ответил он, стараясь придать своим словам максимальную убедительность,— я всего лишь хочу посмотреть, как поживает Стиффи. И я хочу, чтобы он знал о моем возвращении.

— Не сегодня,— твердо возразил я.— Может быть, завтра. Мы съездим к нему на машине.

Я отконвоировал их обоих обратно, не обращая внимания на энергичные протесты Хайрама.

— Ну, рассказывай, как ты тут провел день,— сказала Райла.— Чем ты занимался?

— Беседовал с Ликом,— ответил я.

Она рассмеялась, как бы услышав шутку.

— И какую вы избрали тему для беседы?

— Тем было довольно много,— ответил я.

Тут она снова вернулась к вопросу о доме, и я уже не мог вставить слова. Она говорила без умолку до самого сна. Я, пожалуй, никогда раньше не видел ее такой радостной и возбужденной.

Хотел было рассказать ей о моем общении с Ликом наутро, но и из этого ничего не вышло. Меня разбудил Бен, стучавший в дверь и громко зовущий меня выйти.

— Ну что там еще? — проворчал я.— Что за неотложное дело, черт возьми?

— Да там публика в «Сафари» совсем с ума посходила. Они очень психуют и требуют, чтобы мы сами отправились и посмотрели, что стряслось с Эспинволлом и его экспедицией.

Глава 28

Но Бена тревожила не только запоздавшая группа. Он сказал мне об этом, когда мы уже были готовы к вылазке.

— Этот треклятый Хотчкисс буквально открыл банку с червями. Все отцы церкви и церковные общины повылазили наружу! Один журналист отметил, что такого не было со времен Реформации. Ватикан готовится через неделю или две выступить с заявлением. Я хотел принести тебе утреннюю газету, но закрутился с делами и забыл ее прихватить. Уже муссируются запросы в конгресс с требованием наложить запрет на посещение раннехристианских времен. Конгресс пытается уйти от этого, не желая иметь дела с вопросами такого рода и ссылаясь на то, что церковь отделена от государства. В силу этого, говорят они, никаких законов по церковным делам конгресс принимать не станет. Двое конгрессменов подчеркнули, что не могут иметь над нами никакой власти, поскольку Мастодония не является частью Соединенных Штатов. Боюсь, как бы этот аргумент не стал предметом спора, если вся эта кутерьма станет разгораться. Я думаю, что все в смятении и не знают, являемся мы частью США или нет!

— Мы с тем же успехом можем заявить, что не являемся, если кто-нибудь скажет, что мы часть страны,— заметил я.

— Да знаю,— ответил Бен.— Но ведь основным доводом этих церковных кликуш является то, что Мастодония непосредственно примыкает к Соединенным Штатам... Не нравится мне все это, Эйза. Совершенно не нравится...

Мне это тоже совершенно не нравилось, но в тот момент меня занимало многое другое, и я не мог полностью разделить тревогу Бена.

Райла вознамерилась идти в меловой период с нами, и нам стоило больших усилий уговорить ее остаться. Она прямо вскипела из-за этого. Она была вне себя и твердила, что имеет право пойти с нами.

— Не имеешь,— отрезал я.— Ты уже однажды рисковала собой, и с тебя вполне хватит. Тогда мы пошли все вместе, так как надо было развеять предубеждение, но сейчас совсем другое дело. Обещаю, что мы постараемся вернуться как можно скорее.

Во время этой перебранки Хайрам сумел улизнуть и, по-видимому, отправился на поиски Стиффи. Райла заикнулась было, чтобы я пошел за ним, но я ответил, что черт с ним со всем. Я еще сказал, что если сейчас пойду за ним, то накричу на него и это прибавит нам проблем...

И мы с Беном тронулись в путь в весьма неважном расположении духа. Когда мы очутились в меловом периоде, погода тоже не подарила нам радости. Было жарко, дул штурмовой ветер, и весь ландшафт как будто несся куда-то. Ветер был горяч, он просто обжигал кожу. Огромные массы рваных облаков бежали по небу и, собираясь в стаи, орошали землю кипящими, жгучими, но всего лишь пятиминутными ливнями. Земля под ногами из-за дождей превратилась в сплошное месиво, однако четырехколесный вездеход Бена справлялся с этой грязью, и мы передвигались вперед без особых трудностей.

Отвратительная погода, по-видимому, заставила всю фауну присмиреть. Большинство животных наверняка попряталось в рощах. А те, которых мы спугивали, старались удрать подобру-поздорову. Так поступил даже один небольшой тираннозавр. Мы объехали стороной стадо трицератопсов, которые стояли, свесив головы и не обращая внимания на грязь, а всего лишь дожидаясь конца ненастья.

Следы, оставленные группой сафари, были видны довольно ясно. Колеса тяжелых грузовиков проложили глубокие колеи в грунте. Кое-где недавние ливни заполнили их или сровняли, но если след и прерывался, не составляло особого труда найти его снова.

Мы обнаружили место первого привала группы в пяти милях от речной долины. По-видимому, она здесь оставалась несколько дней. Очаг был полон золы, и вокруг лагеря виднелось много следов от поездок грузовиков куда-то и возвращений обратно. Поизучав эти следы, мы пришли к выводу, что охотники отъехали к западу от этой стоянки вверх по холму, затем переправились через реку в прерию, простиравшуюся на двести миль.

В конце этих двухсот миль равнина внезапно обрывалась ущельем, в котором текла река Рэкун-Ривер*. След, петляя, привел к утесу. Когда мы объехали его остроугольный выступ, то сразу увидели стоянку. Бен рывком остановил машину, и мы, потеряв на время дар речи, остались в ней сидеть. Тенты палаток, большинство из которых было повалено на землю, трепало ветром. Один из грузовиков опрокинулся набок. Другой провалился в расщелину, которых в земле мелового периода было так много. Обгорелым носом он уперся в стенку оврага, а зад его был свернут на сторону под крутым углом.

Все вокруг, кроме палаточного брезента, было совершенно неподвижно. Не было ни дымка. Очаги давно выгорели. Здесь и там виднелись разбросанные по земле белые предметы.

— Боже милостивый! — хрипло произнес Бен.

Он медленно убрал ногу с тормоза и пустил машину вперед. Мы спустились ниже и подъехали к стоянке. Вся площадь лагеря была усеяна обломками, вокруг пепелищ валялась утварь для приготовления еды. В землю были втоптаны клочья одежды, тут и там валялись ружья. Белые предметы, увиденные нами издали, оказались костями. Человеческими костями. Дочиста обглоданными.

Бен остановил машину, и я вышел, держа ружье наготове в согнутой руке. Я долго стоял там, пытаясь справиться с неописуемым ужасом увиденного. Мой мозг упорно отказывался принять очевидность этого удара. Я услышал, как с другой сто-

* Енотовая река.

роны машины вышел Бен. Его ботинки с хрустом раздавили что-то, и хруст этот повторялся, пока он обходил машину. Он встал рядом со мной и сказал неестественно высоким голосом, словно пытаясь сдержать его звучание:

— Это случилось не меньше недели назад. Наверное, в первый же день их прибытия сюда. Погляди на эти кости. Дочиста отполированы. На это потребовалось время...

Я попытался хоть что-нибудь сказать, но не сумел. Мне надо было держать челюсти крепко сжатыми, чтобы они перестали стучать друг о друга.

— Никто не ушел,— сказал Бен.— Но как же это произошло? И почему никому не удалось спастись?

Я заставил себя ответить:

— Может, все же кто-то сумел? Скрылся за горами?

Бен покачал головой.

— Да нет, если бы кто-то и смог, он бы пошел назад. Мы бы заметили его следы... Один человек, даже если он не был ранен, никаких шансов уйти не имел. Если бы в первый же день его не разорвала какая-нибудь тварь, это случилось бы обязательно на второй или третий день!

Бен прошел к центру стоянки. Через минуту я последовал за ним.

— Эйза,— произнес он в ужасе,— посмотри на это. Посмотри на этот след!

Он наклонился, разглядывая что-то на земле.

Дождь смазал очертания следа. Небольшие лужицы воды виднелись в углублениях, оставленных когтями. То был след гигантской лапы. Размытость его краев могла и увеличивать его размеры, но в ширину лапа имела не менее двух футов. В стороне от этого следа, левее, был виден еще один такой же.

— Это не рекс,— сказал Бен.— Он крупнее рекса. Этот больше всех, кого мы знаем. Но ты только погляди. Таких следов здесь еще много!

И теперь мы увидели, что вся площадь лагеря покрыта такими же следами.

— Трехпалые,— пробормотал Бен.— Ящеры. Двуногие, я думаю...

— И судя по всему,— добавил я,— тут побывала целая стая. Один или два ящера столько следов не оставили бы. Ты помнишь пару тираннозавров? Мы увидели, что они охотятся

попарно. А раньше считалось, что только поодиночке. Но, может, они охотятся и стаями? Рыщут повсюду, как стая волков, и заглатывают все, что попадется живого. Стая может отхватить большую добычу, чем одинокий охотник или даже пара!

— А если это так,— сказал Бен,— если они охотятся стаей, то Эспинволл и другие не успели даже помолиться!

Мы пересекли площадку лагеря, с трудом заставляя себя оглядеть то, что там оставалось. Четырехколесные вездеходы, на удивление, стояли на своих местах. Только у одного из них был пробит верх. Ящики с патронами тускло блестели в неярком свете пасмурного дня. Повсюду валялись ружья. И везде виднелись вмятины от огромных трехпалых лап...

Ветер выл и стонал в ложбинах между холмами, которые сбегали к реке. Небо, покрытое быстрыми рваными облаками, бурлило как котел. Издалека доносились раскаты грома.

Из небольшого нерастоптанного куста мне улыбался череп, покрытый клочками свисающего скальпа и остатками бороды на нижней челюсти. Едва не подавившись от приступа тошноты, я повернул обратно к машине. С меня было довольно...

Меня остановил возглас Бена. Я обернулся и увидел, что он стоит на краю ущелья, окаймляющего северный край стоянки.

— Эйза, иди скорее сюда! — закричал он.

Я, шатаясь, подошел к нему. В ущелье лежала груда огромных костей. На некоторых из них поблескивали остатки чешуи. Грудная клетка была вывороченa, когтистая лапа вытянута вверх, череп с оскаленными челюстями замер, наверное, в тот момент, когда зверь собрался искромсать кого-то.

— Посмотри на лапу,— сказал Бен.— Другая оторвана. Это передняя лапа, сильная, хорошо развитая, не такая, как передние конечности рекса.

— Это аллозавр,— объяснил я.— Должно быть, аллозавр. Они достигали огромных размеров, но их окаменелые кости никому не удалось найти.

— Ладно, мы теперь хоть знаем, что наши охотники уложили одного из них. Может, есть еще подстреленные? Если еще посмотреть вокруг...

— Нет, я уже насмотрелся. Давай-ка уходить отсюда!

Глава 29

Бен позвонил Кортни, а я и Райла слушали по параллельным аппаратам. Мы старались держать себя в руках.

— Корт, у нас плохие новости,— сказал Бен.

— С чем вас и поздравляю,— ответил адвокат.— Это дело с Хотчкиссом выходит из-под контроля. Он может наделать нам хлопот. Вся эта дурацкая страна взбудоражена. Каждый желает принять участие.

— Мне это тоже не нравится,— сказал Бен,— но я звоню вам по другому поводу. Вы знаете, что одна из групп сафари не вернулась вовремя?

— Да, они задержались на день или два. Особых поводов для беспокойства пока нет. Наверное, охота оказалась более удачной, чем они ожидали. Или углубились дальше, чем предполагали. А может, отказала машина?

— Мы тоже так думали,— произнес Бен,— но сегодня утром мне позвонила фирма «Сафари» из Нью-Йорка. Они уже нервничают и попросили нас проверить, в чем дело. Ну, мы с Эйзой и поехали. Эйза с Райлой сейчас на параллельных аппаратах.

В голосе Кортни зазвучала тревога:

— Я надеюсь, вы установили, что все в порядке?

— Нет, не установили,— ответил Бен.— Наоборот. Вся экспедиция уничтожена. Они все мертвы...

— Мертвы? Все мертвы?

— Мы с Эйзой не нашли ни одного живого. И ни одного тела. Тел нет, только скелеты. Это было чудовищно. Мы уехали оттуда...

— Но как? Кто их мог...

— Кортни,— сказал я,— судя по всему, на них напала стая хищных ящеров.

— Я не знал, что они сбиваются в стаи...

— Я тоже не знал. Никто не знал. Но факты говорят, что это так. Следов от лап гораздо больше, чем если бы их оставили два или даже три ящера...

— Следов от лап?

— И не только следов. Мы нашли еще и скелет огромного хищного ящера. Не тираннозавра. Более чем вероятно, что аллозавра. Он гораздо крупнее рекса.

— Вы говорите, скелеты? Не тела, а скелеты?

— Корт, это случилось достаточно давно,— сказал Бен.— Может быть, вскоре после их ухода. Над ними поработали так, как ни один уборщик бы не сумел.

— И нам теперь надо знать,— подключилась к разговору Райла,— каково наше положение с точки зрения закона. И что нам следует предпринять в первую очередь?

На дальнем конце провода настало долгое молчание, потом послышался голос Кортни:

— С точки зрения закона мы чисты. «Сафари» оговаривает все свои права и обязанности по отношению к каждой из групп, отправляющихся на охоту. Но в контракте указывается, что за происшествия на охоте фирма ответственности не несет. Если вас беспокоит, может ли быть возбужден самой фирмой процесс, то я не думаю, что это возможно. Для этого нет никаких оснований.

— А как насчет клиентов, которых они отправляют?

— То же самое. Если кто-то вздумает возбудить процесс, то это будет лишь недоработкой фирмы. Я думаю, что клиенты подписывают такие же контракты, в которых оговаривается невиновность фирмы за случайности на охоте. Я полагаю, что это общепринятая практика. И мы можем лишь беспокоиться за судьбу бизнеса «Сафари». Когда это станет известно, не откажутся ли от своих контрактов потенциальные клиенты? И что это будет означать в глазах широкой публики? Не станут ли какие-нибудь кретины вопить о необходимости прекратить сафари в прошлом? Вы, надеюсь, помните, что «Сафари» пока что оплатила нам лишь половину гонорара по контракту? Остальная половина должна быть покрыта в течение шести месяцев. И они попытаются придержать платежи или вовсе откажутся платить, если только...

— Все зависит от того, как «Сафари» воспримет эту новость,— отметил Бен.

— Они довольно невозмутимые бизнесмены,— ответил Кортни.— Конечно, происшедшее трагично, но ведь и трагедии иногда случаются! Шахтеры погибают в шахтах, но ведь и шахты продолжают функционировать. А вот если фирма потеряет слишком много клиентов, то это их озаботит по-настоящему.

— Некоторые могут и отказаться,— заметил Бен,— но вряд ли многие. Я знаю эту породу! Случившееся только придаст остроту их увлечению. Какие огромные звери, какая ужасная опасность — так дайте нам поехать и поубивать их! А о громадных трофеях каждый из них только и мечтает!

— Будем надеяться, что вы правы,— сказал Кортни.— «Сафари» — пока единственное реальное дело, которое мы имеем. И оно сейчас получило ощутимый удар. Мы надеялись, что к нам в двери постучатся еще и другие крупные дела, но они пока ведь только-только разворачиваются, и притом довольно медленно. Впрочем, то же можно сказать и о тех вещах, которых мы побаиваемся. Мы, например, думали, что налоговая инспекция начнет нас сразу атаковать. Они, правда, принюхиваются к нам, но пока дальше этого дело не идет.

— Они, скорее всего, залегли и притаились,— предположил Бен,— ищут наши уязвимые места...

— Может быть, и так,— согласился Кортни.

— Ну а как насчет киношников? — спросила Райла.— Не напугает ли их это последнее сафари?

— Сомневаюсь,— ответил Кортни.— Ведь все остальные геологические периоды не так страшны, как меловой, не так ли, Эйза?

— Юрский тоже достаточно опасен,— ответил я.— Эти два периода — самые суровые в смысле фауны. В каждом времени есть свои опасности, если не соблюдать достаточную осторожность. Ведь любая из этих областей времени является неизведанной...

— В данный момент для нас самое актуальное,— напомнил Бен,— это решить, как известить о случившемся «Сафари». Я могу им позвонить сам. Но мы подумали, что нам следует посоветоваться с вами, прежде чем что-либо предпринимать.

— Ну а почему бы мне самому не позвонить им, Бен?..— предложил Кортни.— Я ведь знаю их немного лучше, чем вы все. Может быть, за исключением Райлы. Так как же, Райла?

— Давайте,— сказала Райла.— Вы сделаете все как надо. И получше, чем любой из нас.

— Но они могут захотеть связаться и с вами,— предупредил адвокат.— Вы будете на месте?

— Здесь буду я,— ответил Бен.

Глава 30

Ближе к вечеру «Сафари» позвонила Бену. Они решили отрядить, как они выразились, экспедицию для посещения места трагедии и перевозки останков жертв.

Мы с Райлой вернулись в Мастодонию. Никто из нас почти ничего не сказал по дороге. Мы были подавлены.

Хайрам с Баузером ожидали нас, сидя на ступеньках. Хайрама распирало от желания поделиться с нами новостями: он встретился со Стиффи и хорошо поговорил с ним, потом навестил Кошкин Лик и тоже неплохо побеседовал. Оба обрадовались Хайраму, и он им все рассказал о своем пребывании в госпитале. Баузер нашел сурка, и тот юркнул в норку, откуда пес пытался его вытащить. Хайрам вытянул его самого из норки и сделал ему выговор. Баузеру, как утверждал Хайрам, стало стыдно за самого себя. Хайрам поджарил несколько яиц на ленч, но Баузер не очень-то признает яйца. Поэтому, твердо наказал нам Хайрам, мы должны всегда оставлять в холодильнике ростбиф для Баузера!

После обеда я и Райла посидели во дворе. Баузер с Хайрамом, притомившись за день, отправились спать.

— Эйза, мне тревожно,— сказала Райла.— Если «Сафари» не оплатит нам оставшуюся половину гонорара, мы можем сильно погореть. Мы уплатили Бену его комиссионные за дела с «Сафари» целиком, хотя он ничего особенного с фирмой и не организовывал.

— Он вполне заслужил эти деньги,— ответил я.— Быть может, в организации контракта с фирмой он и не принимал участия, но он работает на нас высунув язык!

— Да я и не жалуюсь,— объяснила Райла.— Я вовсе не хотела бы экономить на гонораре Бена! Просто все наши расходы накладываются друг на друга. Ограда влетела нам в изрядную сумму, здание офиса тоже обошлось недешево. Жалованье охранникам составляет несколько сот долларов в день. Деньги пока у нас есть, но они стремительно тают. Если «Сафари» от нас отвернется и если киношники решат повременить, мы окажемся в очень трудном положении.

— «Сафари» не захочет от нас отвернуться,— ответил я.— Они могут слегка переждать, пока эта история уляжется. Но Бен абсолютно прав: чем больше опасность ситуации, тем

больше одержимых охотников возжелают ее испытать. Насчет кинокомпании я точно не скажу, но думаю, что они тоже почуяли запах больших долларов. И вряд ли пройдут мимо!

— И еще одно,— продолжила свои мысли Райла.— Ведь и Кортни не работает задешево! Одному богу известно, какой он нам заломит счет.

— Давай-ка не паниковать раньше времени,— сказал я.— Все как-нибудь утрясется!

— Ты, наверное, думаешь, что я жадина, правда, Эйза?

— Жадина? Ну, не знаю. Ты, скорее всего, деловая женщина. Ты ведь все эти годы не вылезала из бизнеса.

— Дело не в бизнесе,— возразила она.— И не в жадности. Дело в чувстве безопасности. Женщина гораздо больше, чем мужчина, нуждается в ощущении защищенности. Многие из женщин находят защиту в семье, но у меня ее никогда не было. И поэтому я стала искать другую форму безопасности и поняла, что ее обеспечат только деньги. Вот почему у меня такой «хватательный комплекс». И вот почему я так вцепилась в эту идею перемещений во времени. Я в ней увидела великие возможности.

— Но в ней и сейчас остаются великие возможности!

— Но появляются и слишком большие хлопоты... И наш бизнес построен на такой зыбкой основе. Кошачий Лик и Хайрам... Случись с кем-нибудь из них что-либо...

— Но мы же сумели управиться и без Хайрама!

— Да, пожалуй. Но ведь этот твой диалог ужасно неуклюж!

— Он больше не таков,— сказал я.— Райла, я пытался рассказать тебе уже в течение двух дней, но ни разу мне это не удавалось. Сперва мне помешало возвращение Хайрама и твой рассказ о нашем будущем доме, а потом несчастье с людьми «Сафари». А я тебе хотел сказать, что уже могу по-настоящему разговаривать с Ликом!

Она в изумлении уставилась на меня.

— Ты хочешь сказать, что можешь говорить с ним не только с помощью его морганий? Совсем как Хайрам?

— Да нет, гораздо лучше, чем Хайрам,— ответил я.

И тогда я ей все рассказал, а она внимательно слушала, не перебивала и лишь вглядывалась в меня с легким оттенком недоверия.

— Но как же все это призрачно,— заметила она, когда я закончил.— Меня бы это напугало!

— А меня нет. А может, я слишком оцепенел, чтобы испугаться.

— А как ты думаешь, зачем ему было прилагать столько усилий? Всего лишь, чтобы убедиться, что он способен поговорить с тобой?

— Он так стремился с кем-нибудь пообщаться...

— Но ведь общался же он с Хайрамом...

— Во-первых, в последнее время Хайрам отсутствовал, надеюсь, ты не забыла об этом? Его же не было столько дней! И я полагаю, Лик так и не уразумел, что же с ним такое стряслось. Во-вторых, Хайрам вовсе не та персона, общение с которой могло бы удовлетворить Лик полностью. Хайрам едва понимает самую малость из того, что может сообщить ему Лик или даже показать. И дело в том, что у этого существа природа разума весьма близка к человеческой.

— Природа разума? Человеческая?

— Именно. Он, разумеется, инопланетянин. Но ему присущи такие же человеческие черты, каких мы не могли бы и ожидать! Вполне может быть, что иные свои качества, чуждые нам, он прячет, а выставляет только те, которые можно назвать его «человеческой жилкой», но...

— В таком случае,— отметила Райла,— он весьма ловок и искусен. Я бы даже сказала — хитроумен и коварен!

— Любое существо, прожившее миллион лет, должно стать искусным и хитроумным!

— Однажды он заявил нам, что бессмертен...

— Мы об этом с ним не говорили. По сути дела, мы о нем самом говорили очень мало.

— Я вижу, он совсем тебя очаровал,— сказала Райла.

— Пожалуй. Меня исключительно занимает то, что я могу общаться с носителем инопланетного разума. Эта мысль вспыхивает у меня в мозгу как огромный газетный заголовок. Сенсационная история! И впрямь, это была бы такая сенсация! Об этом ведь рассуждают и пишут уже многие годы. Есть ли во Вселенной другие разумные существа? Что сулит человеку встреча с инопланетянами? Всевозможные разглагольствования о гипотетическом первом контакте... А что касается меня, то я

воспринял это вовсе не как сенсацию. Общение было дружеским и вполне ординарным.

— Странный ты человек, Эйза,— заметила Райла.— Ты всегда был таким странным. Думаю, что именно за это я полюбила тебя. Ведь тебя совсем не занимает, что подумают о твоем открытии другие люди. Ты интересуешься им как таковым и только со своей точки зрения!

— Спасибо тебе, дорогая,— сказал я.

И, сидя за тем дворовым столом, я стал думать о Лике и удивляться ему. Он теперь, наверное, был там, в яблоневой роще, в сгущающихся сумерках, или в старом саду около бывшего моего дома. И я вдруг обнаружил, что знаю о нем гораздо больше, чем он сам мне поведал о себе. Я, например, знаю, что его субстанция не биологична, а является странной комбинацией электронно-молекулярных форм жизни, которые умом постичь невозможно. Кто знает, может быть, какой-нибудь инженер-электронщик и мог бы это объяснить, только вряд ли и его объяснение было бы исчерпывающим. Я знал, что Лик считает время не частью пространственно-временного континуума, скрепляющего воедино всю Вселенную, а совершенно независимым фактором, описываемым рядом уравнений, которые я бы ни за что не смог постичь, запомнить или найти в них хоть какой-нибудь смысл (ибо для меня отродясь ни в каком уравнении никогда не было ни малейшего смысла!). Но если эти уравнения кому-то станут так же доступны, как Лику, то он тоже сможет манипулировать временем и регулировать его. А еще я знал, что все сказанное им о бессмертии есть результат его веры в жизнь после жизни. Эта мысль казалась мне очень странной, ибо существу бессмертному нет никакой необходимости надеяться или уповать на такую «послежизнь»!

Но как же так получилось, задавал я себе вопрос, что я знаю о нем такие вещи? Я ведь совершенно точно помнил, что ни о чем таком он со мной не говорил. И я допустил мысль, что из-за тогдашней моей ошарашенности я мог кое о чем и позабыть...

Райла поднялась с места.

— Пошли спать,— сказала она.— Может быть, завтрашний день окажется лучше?

Но следующий день был ни плохим ни хорошим, а просто никаким, ибо ничего нового не произошло.

Перед полуднем мы с Райлой съездили в Виллоу-Бенд. Хайрам куда-то испарился сразу после завтрака, уведя с собой Баузера. Мы и не пытались его разыскать и водворить домой. Не могли же я и Райла все свободное время посвящать опеке над Хайрамом. Ему в госпитале было предписано вести себя смирно, но единственным способом к достижению этого было бы стреножить его или приковать.

Бен получил известие, что люди из «Сафари» прибудут на следующий день. Но ничего не было сказано о том, намечаются ли другие поездки охотничьих групп и если да, то в какие сроки.

Газеты отвели массу места трагедии в меловом периоде. Судя по публикациям, «Сафари инкорпорейтед» почти немедленно сообщила о происшедшем. Сами газеты не пытались смаковать ужас случившегося, а представители «Сафари» ограничились заявлением, что в течение многих лет люди гибли и во время сафари, и в разных экспедициях. Впрочем, подчеркивалось и отличие: такого, чтобы погибла вся группа целиком, еще не бывало.

Поскольку информация об этом несчастье заняла большую часть первых газетных полос, статьи, связанные с Хотчкиссом, были вытеснены на внутренние полосы. Но они все же публиковались и занимали немало колонок. Пререкания о том, насколько правомерны вылазки в прошлое с целью изучения жизни Иисуса, все еще были полны вредоносной силы. У репортеров и заведующих редакциями новостей давненько не было таких лакомых сюжетов, и они выжимали из них максимум возможного.

Райла осталась в офисе, чтобы потолковать с Беном и Гербом, но я вскоре смылся, чтобы проверить, нет ли Лика в саду у фермы. Он как раз там и оказался.

Я не стал рассказывать ему о случившемся. Я не был уверен, что Лика это как-то заинтересует, кроме того, мне гораздо больше хотелось послушать его самого.

Мы устроились под деревом и провели там пару часов. Он не столько говорил, сколько показывал. И так же, как это случилось раньше, я почувствовал, что как бы погружаюсь в него, становлюсь частью Лика и смотрю его глазами.

Он показал мне большую часть города-штаба и некоторых специалистов, работавших в нем. Там были представители насекомоподобной расы, занимавшиеся историей планет. Они уделяли внимание не столько историческим событиям, сколько тенденциям развития, и трактовали историю как целостную науку, а не как простой перечень событий и эпох.

Были там существа шарообразной формы, специализировавшиеся в социологии. Они определяли расовые характеристики и исторические предпосылки, обусловливающие сущность мыслящих созданий. Другие существа, напоминавшие белых змей, занимались как бы предсказаниями, вернее, пытались, научно экстраполируя в будущее тенденции развития цивилизаций, прогнозировать это будущее главным образом с целью отыскать в нем возможные кризисные моменты.

Лик пытался объяснить мне, как при помощи определенной системы уравнений можно найти способ манипулирования силовыми полями и строить разные временные туннели. Я задавал ему массу вопросов, но, по-видимому, они имели настолько общий характер, что только конфузили его. Но он все же пытался отвечать мне на эти вопросы, и ответы приводили меня в еще большее смущение...

Подумав, что Райла, вероятно, обеспокоена моим отсутствием, я завершил беседу и отправился в офис. Райла, Бен и Герб все еще были настолько поглощены своим разговором, что даже не заметили, как я ушел и вернулся.

Рано утром следующего дня показалась экспедиция «Сафари». Бен и я отправились с ними, и Райла на этот раз тоже.

Это было ужасно. Я не принимал участия в работе экспедиции и лишь стоял поблизости. Люди собирали обглоданные человеческие скелеты в пластиковые мешки, прилагая максимум усилий для идентификации костей одного и того же человека. Но поскольку кости были сильно раскиданы, вполне могли быть допущены и ошибки. В немногих случаях, когда на запястьях сохранились опознавательные браслеты или цепочки, еще можно было определить, чьи именно это кости. Но основная масса их осталась неопознанной.

Скелет огромного аллозавра (если это был аллозавр) тоже был погружен на один из грузовиков. Палеонтологи Гарварда попросили доставить его к ним.

За два-три часа удалось собрать все кости, ружья, оснащение, палатки и прочее оборудование, и мы вернулись назад.

Стоит ли говорить о том, как я был рад вернуться к себе в Мастодонию?..

Прошло десять дней. Газеты по-прежнему обыгрывали обе темы, связанные с нами: несчастье в меловом периоде и шумиху вокруг времени Христа. Против «Сафари» были возбуждены две тяжбы. Несколько членов конгресса выступили с речами, призывающими правительство заняться упорядочением перемещений во времени. Министерство юстиции провело пресс-конференцию с целью разъяснить, что такое регулирование весьма нелегко осуществить, поскольку Ассоциация Времени представляет интересы другого государства, хотя статус Мастодонии, с точки зрения международного законодательства, был абсолютно неясен.

Толпа газетчиков и телевизионщиков у ворот офиса Виллоу-Бенда заметно поредела...

Стиффи несколько раз поднимался на холм, нанося нам визиты, и после того, как мы откупались от него морковью, он позволял себя увести. Хайрам очень огорчался, что мы не хотим оставить его поблизости. Баузер затеял потасовку с барсуком и вышел из нее основательно потрепанным. Хайрам два дня ухаживал за его лапой, пока страдания не пошли на убыль.

Поток туристов в Виллоу-Бенд тоже несколько ослаб, хотя стоянка и мотель Бена все еще продолжали приносить неплохой доход.

Бен отвез Райлу в Ланкастер (она спряталась на заднем сиденье его машины, пока они не отъехали от Виллоу-Бенда). Повидавшись с подрядчиком, она привезла пачку проектных чертежей-синек. Несколько вечеров мы провели за изучением проекта, разостлав синьки на кухонном столе и решая, что бы нам хотелось изменить или добавить.

— Это будет стоить уйму денег,— сказала Райла.— Почти вдвое больше, чем я думала сначала. Но я надеюсь, что даже при наихудшем развитии событий у нас денег на постройку дома хватит. Я ужасно хочу его иметь, Эйза! Я мечтаю жить в Мастодонии и иметь здесь хороший дом!

— Я тоже,— ответил я.— И что особенно приятно, мы не должны будем платить за этот дом никаких налогов!

Я несколько раз за это время общался с Ликом. Когда Хайрам обнаружил, что я могу разговаривать с Кошкиным

Ликом, он слегка повесил нос, но уже через день или два снова вполне воспрял духом.

Бен принес несколько неплохих новостей: звонил Кортни и сообщил, что кинокомпания вновь возобновляет переговоры. «Сафари» объявила, что готовит новые группы к поездкам через неделю или десять дней.

...А потом грянул гром, и все внезапно оборвалось.

Кортни позвонил Бену, что вылетает в Ланкастер, и просил его встретить.

— Расскажу все при встрече,— коротко сказал он.

К нам с Райлой заехал с этим известием Герб, и мы в офисе Бена дождались приезда Бена с Кортни.

— Есть идея,— сказал Кортни.— Нам надо слегка выпить, чтобы подкрепиться. Дело в том, что у нас на этот раз, кажется, серьезные неприятности...

Мы уселись и приготовились его выслушать.

— Я еще не в курсе всех подробностей,— начал он,— но то, что мне стало известно, требует обсуждения с вами. Вы оказались в *карантине*. Госдепартамент сегодня утром издал указ, запрещающий американским гражданам въезд в Мастодонию.

— Но они же не имеют на это права! — воскликнула Райла.

— А я не знаю, имеют или нет,— ответил Кортни.— Впрочем, скорее всего, они найдут предлог. Фактически запрет уже существует. Пока безо всяких оснований. Я надеюсь, что они не сумеют найти убедительную формулировку. Но фактически в их власти просто решить в отношении любой страны мира, что американцам туда ездить не следует...

— Но зачем им это понадобилось? — спросил Бен.

— Точно не знаю. Возможно, из-за дела с Иисусом, а может быть, сыграла роль и трагедия в меловом периоде. Мастодония открыла ворота в такие места, где граждане не могут быть гарантированы от опасности. Но я все же подозреваю другую подоплеку. Возникло множество споров, в которые вовлекается весь мир. Эти споры буквально рвут страну на части. В конгрессе раздаются вопли о том, что ситуация еще больше усугубится с увеличением количества поездок. Образуются неприятнейшие оппозиционные группы. Это одна из самых горячих историй, с которыми приходилось справляться Вашингтону. И ответом, конечно, является нанесение удара по

Мастодонии и перемещениям во времени. Если вы не сможете попасть в Мастодонию, то не сможете переместиться и дальше! А если существует запрет на въезд в Мастодонию, то и возня с Иисусом окажется беспредметной!

— Но это означает, что и «Сафари» не сможет использовать наши временные туннели,— подытожил Бен.— И что никто их не сможет использовать. А это убьет и бизнес с кинокомпанией. И вообще мы можем вылететь из всякого бизнеса!

— На какой-то момент, несомненно,— согласился Кортни.— Правда, мы бы могли походатайствовать о временном моратории на этот запрет. Если этот мораторий будет одобрен правительством, мы сможем временно заниматься бизнесом, пока будет рассматриваться наш встречный иск. Власти потом могут сделать этот мораторий постоянно действующим, и тогда у нас будет все в порядке. Но если они этого не сделают или вообще не пойдут даже на временную отмену принятого закона, то мы действительно вылетим в трубу!

— Либо начнем действовать в каких-либо других странах,— добавила Райла.

— Что же, это было бы возможно,— откликнулся Кортни.— Но потребуются переговоры с той страной, куда вы захотите перенести свой бизнес. И учтите, что большинство стран, зная о запрете нашего госдепартамента, вряд ли охотно примет ваши предложения. Стало быть, нам надо будет еще найти страну, которая согласилась бы. И я опасаюсь, что это вряд ли будет страна с приличным режимом, а скорее всего, там будет режим диктаторский... И, оказавшись в такой стране, вы натолкнетесь на кучу бюрократических препон. Что же касается истории с карантином, то она имеет одну неожиданно положительную сторону: этим указом молчаливо признано, что Мастодония — *другая* страна, а следовательно, отведены и все нацеленные на нас дула налоговой инспекции!

— Вам надо поскорее начать хлопотать о моратории,— заметил Бен.

— Немедленно,— отозвался Кортни.— Мне кажется, я сумею привлечь к этому ходатайству и «Сафари», и кинокомпанию. Они могут заявить, что на их бизнес наложен несправедливый запрет. И у них, вероятно, найдется много других аргументов. Я подумаю и об этом.

— Это выглядит так, будто мы собрались в штормовую погоду на соколиную охоту,— сказал Бен.— А насколько вы уверены, что сумеете получить этот мораторий?

— Честно говоря, не знаю. В рядовых случаях получить такое временное решение не составляет особого труда. Но в данной ситуации мы бьем по авторитету госдепартамента. Это может оказаться нелегким делом.— Немного поколебавшись, он прибавил: — Не знаю, насколько это осуществимо, но я хочу попробовать подойти и с другой стороны. Правда, я не вполне уверен... Дело в том, что со мной разговаривало ЦРУ. Наводило на темы сотрудничества и «патриотического долга». Они пытались убедить меня, что все это неофициальные разговоры, но я никаких неофициальных заверений сделать не мог, ибо понимал, что на вашем месте я бы с ними вообще не разговаривал. Но я из этого общения вынес впечатление, что им пришла в голову мыслишка засылать своих агентов в будущее с целью разведать, как им быть сейчас с некоторыми острыми ситуациями. Они прямо этого не говорили, но, пожалуй, от перемещений во времени им может понадобиться именно это... Я притворился непонимающим простачком, но вряд ли мне удалось их провести.

— Вы хотите сказать, что если мы позволим им использовать временные каналы,— спросил Бен,— то госдепартамент отзовет свой указ? Но тогда этот указ может оказаться просто средством давления на нас, спровоцированным ЦРУ!

— Я не могу быть уверенным ни в чем,— сказал Кортни,— но, по-моему, на это не очень похоже. А вот если я дам знать ЦРУ, что мы готовы к сотрудничеству, то эта организация может оказать сильное давление на госдепартамент!

— Ну и прекрасно, почему бы и не попробовать? — спросил Бен.— Не наше дело, в конце концов, совать свой нос и интересоваться, кто и с какой целью использует туннели времени!

— Нет! — сказала Райла.

— Почему же? — удивился Бен.

— А потому, что стоит лишь позволить этой публике сунуть в дверь ботинок, как они окажутся внутри целиком.

— Я, пожалуй, согласен с этим,— сказал Кортни.— Мой совет: любой ценой надо от этого пока воздержаться, хотя на всякий случай эту возможность следует держать в запасе. Мы

будем вынуждены пойти на это, если совсем потеряем надежду на спасение.

— О'кей,— согласился Бен,— я полагаю, в этом есть резон.

— Но вы понимаете, ведь я не знаю точно, зачем мы понадобились ЦРУ, а всего лишь строю догадки!

Кортни встал.

— Бен, не отвезете ли вы меня назад? У меня еще полно работы.

Мы с Райлой поехали домой. Когда мы с Райлой оказались в Мастодонии, то обнаружили, что нас ждет малоприятный сюрприз.

Наш передвижной дом лежал на боку. Рядом стоял Стиффи. Баузер чуть поодаль заливался яростным лаем. Хайрам хлестал Стиффи прутом, но старина-мастодонт оставался абсолютно невозмутим.

Я поспешно направил машину наверх.

— Вот результаты проклятых морковных угощений,— проворчал я.— Мы не должны были его приучать к этому!

И я увидел, когда мы подъехали, что он не только пришел за морковью, но уже и добыл ее. Он опрокинул дом со стороны кухни, и так как холодильник при этом как-то открылся, он, вполне довольный, вовсю уже чавкал.

Я остановил машину, и мы оба выпрыгнули из нее. Я рванулся вперед, но Райла оттянула меня обратно.

— Ты что собираешься делать? — взволнованно спросила она.— Если ты хочешь его увести...

— Какого черта «увести»? — завопил я.— Я сейчас возьму ружье и застрелю этого сукиного сына. Мне давно надо было это сделать!

— Нет! — крикнула она.— Только не Стиффи! Он такой милый старый парнишка!

Хайрам стал кричать на животное, повторяя одно и то же слово:

— Озорник, озорник, озорник!

И, истошно вопя, он продолжал бить его прутом, а Стиффи продолжал жевать одну морковку за другой.

— А ты и не доберешься до ружья,— сказала Райла.

— Если вскарабкаюсь вверх и сумею открыть дверь, то смогу! Ружейная стойка ведь у самой двери в гостиной...

Хайрам визжал и продолжал хлестать Стиффи, а мастодонт помахивал хвостом лениво и благодушно! Он совсем неплохо проводил время в гостях!

И тут я понял, что моя злость совсем испарилась. Я начал безудержно хохотать. Это ведь было так ужасно смешно: визжащий и пытающийся отогнать мастодонта Хайрам — и Стиффи, не обращающий на это ни малейшего внимания!

Райла заплакала. Она отошла от меня, опустив руки.

Она стояла, напрягшись и сотрясаясь от рыданий. Слезы градом катились по ее щекам. И я не сразу понял, что у нее попросту началась истерика.

Я взял ее под руку и повел к машине.

— Эйза,— сказала она сквозь рыдания.— Это ужасно! Сегодня все идет наперекосяк!

Усадив ее в машину, я вернулся за Хайрамом, схватил его за руку, вырвал прут и отбросил в сторону.

Он уставился на меня, моргая и как бы удивляясь, что я тут.

— Но, мистер Стил,— сказал он.— Я ему говорил и так и эдак. Я сказал ему, что так нельзя, а он и слушать меня не захотел!

— Иди в машину! — велел я ему.

Он послушно поплелся к машине.

— Пошли! — крикнул я Баузеру.

Тот, не будь дураком, обрадовался поводу уйти от греха подальше, сразу перестал лаять и побежал за мной.

— В машину! — приказал я.

Он впрыгнул на заднее сиденье, где уже ссутулился Хайрам.

— Что же нам делать, Эйза? — нервно спросила Райла.— Куда же мы теперь денемся?

— Вернемся на старую ферму,— сказал я,— и побудем там какое-то время.

В ту ночь, пытаясь заснуть в моих объятиях, она еще долго плакала.

— Эйза,— говорила она,— мне так полюбилась Мастодония! Я хочу, чтобы у меня там был дом!

— Он у тебя будет,— обещал я ей.— Будет. Большой и крепкий, чтобы Стиффи его не опрокинул.

— И еще, Эйза, я так хотела быть богатой...

Но этого я ей уже не смог пообещать.

Глава 31

Мы вернулись в Мастодонию с Беном и Гербом. Использовав блоки и другие приспособления, мы сумели поставить дом на место. Это вместе с восстановлением и починкой того, что было повреждено, заняло у нас добрую часть дня. Но наконец наше жилище вновь обрело сносный вид. И даже, невзирая на манипуляции Стиффи, остался исправным холодильник!

На следующий день, не обращая внимания на протесты Райлы и Хайрама, мы на двух вездеходах поехали на свидание со Стиффи. Он, как всегда, пребывал в долине и очень разгневался, когда мы попытались его увести подальше. Он даже норовил нам угрожать, и пришлось пустить в ход дробовики, заряды которых слегка пощипали ему кожу, но особого вреда не причинили. Он наконец двинулся. Каждый его шаг сопровождался недовольным ворчанием и вздохами, но мы все же отвели его на расстояние около двадцати миль, после чего сами вернулись обратно.

Спустя несколько дней Стиффи снова появился на своем «застолбленном» участке, но с тех пор, несмотря ни на какие воспоминания о моркови, нас он больше не беспокоил. Я строго наказал Хайраму оставить его в покое, и Хайрам впервые уделил внимание моим словам!

В течение нескольких дней от Кортни никаких известий не поступало. Когда он наконец позвонил, я находился в офисе Бена. Тот знаком предложил мне поднять вторую трубку. Кортни сообщил, что ходатайство об отмене указа госдепартамента, поддержанное фирмой «Сафари» и кинокомпанией, направлено куда следует. Но теперь началась волокита с рассмотрением документов, представленных обеими сторонами. Маккаллахан особенно много внимания уделил голословности того пункта указа, где говорилось, что перемещения во времени опасны для здоровья граждан. Он, Кортни, был бы вполне согласен с мнением, что путешествия в сравнительно недавнее прошлое могут быть связаны с такой опасностью. Но правительство категорично распространило свой запрет и на периоды, удаленные от нашего времени на миллионы лет, утверждая, что бактерии и вирусы тех времен якобы могут оказать губительное воздействие на организм современного человека и даже явиться причиной всеобщих эпидемий.

От ЦРУ, как сообщил наш адвокат, не было слышно больше ни звука. Он даже допустил, что сами власти «отозвали» это учреждение.

Сенатор Фримор навестил Кортни и уведомил, что в обе палаты конгресса будет направлен на рассмотрение законопроект о разрешении перемещения в доисторические эпохи (вполне, впрочем, добровольного) неимущей части населения. В связи с этим Фримор желал бы знать, о каких периодах могла бы идти речь.

— Эйза находится на параллельном телефоне,— сказал адвокату Бен.— На это может ответить только он.

— О'кей,— согласился Кортни.— Так что же, Эйза?

— Миоцен*,— предложил я.

— А как насчет Мастодонии? Она, по-моему, подошла бы идеально!

— Мастодония не подходит,— ответил я.— Если вы собираетесь внедрять человеческую популяцию в какую-либо прошлую эпоху, то должна существовать абсолютная уверенность, что она достаточно далеко отстоит от начала появления человека. Иначе могут возникнуть исторические коллизии.

— Но ведь Мастодония, кажется, тоже достаточно удалена?

— Нет, недостаточно. Она помещается в прошлом, удаленном не более чем на сто пятьдесят тысяч лет от нас. Но даже если удалиться и на триста тысяч лет, будет все еще сангамон, а это недостаточно далеко. На Земле в это время уже где-то появились люди, самые примитивные, но уже люди. И мы не должны рисковать опасностью вмешательства в их развитие!

— А как же вы с Райлой?

— Но нас же всего двое. И мы не собираемся ничего менять в том периоде. Мы всего лишь транзитники, использующие временные туннели... К тому же в Америке в то время людей еще не было.

— Понятно. Ну и что же с миоценом? Как далеко он отодвинут во времени?

— На двадцать пять миллионов лет.

— Вы полагаете, этого будет достаточно?

— Да, потому что люди появятся только через двадцать миллионов лет, и опасности пересечений не будет. Перемеще-

* Ранний период «неогеновой эры», наступивший 25—23 миллиона лет назад.

ние во времени больших масс людей допустимо только на «расстоянии» порядка двадцати миллионов лет — либо вперед, либо назад от нашей эпохи.

— То есть вы хотите сказать, что за двадцать миллионов лет любой процесс развития может полностью сойти на нет?

— Он либо сойдет на нет, либо с ним еще что-нибудь произойдет, и коллизии будут ему не страшны...

— Да...— произнес Кортни,— пожалуй.— Он немного помедлил, затем снова спросил: — Эйза, а почему именно миоцен? Почему не раньше или позднее хоть ненамного?

— Потому что в миоцене уже появилась трава. Довольно похожая на ту, что растет сейчас. А трава необходима для выращивания скота. Благодаря ей существуют и стада диких животных, на которых можно охотиться. Для поселенцев это очень важно, особенно в первое время, ибо охота даст им продовольствие. Кроме того, в миоцене и климат вполне приличный. Он лучше, чем в предыдущую эпоху.

— Почему так?

— В эту эпоху кончается цикл долговременных дождей, климат становится суше, но для сельского хозяйства влаги вполне хватит. Поселенцам не придется вырубать деревья для расчистки площадей под фермы, поскольку в это время появляются луга, а сплошные лесные заросли начинают редеть. И еще одно важно: в миоцене отсутствуют особо опасные хищники, во всяком случае мы о них ничего не знаем. Но во всех случаях ничего похожего на меловой период с его динозаврами. Титанотерии*, гигантские кабаны, первые слоны, но не те звери, для которых предназначены громадные ружья...

— О'кей, вы меня убедили. Я передам это сенатору. Но, Эйза...

— Я вас слушаю.

— Что вы думаете о самой идее? Об отправке всего этого люда в прошлое?

— Я думаю, что это вряд ли реально. Не представляю, чтобы многие захотели туда отбыть. Они же никакие не первопроходцы, и такая перспектива их вряд ли прельстит!

— Вы полагаете, что они скорее предпочтут остаться тут, перебиваясь на пособие до конца своей жизни? Как бы мало

* То же, что бронтотерии, крупные непарнокопытные млекопитающие, похожие на носорогов.

оно ни было? Они же находятся в тисках бедности, из которой им никак не вырваться!

— И все же я думаю, что они предпочтут остаться здесь,— сказал я.— Они здесь хоть знают, на что им можно рассчитывать. А там — полная неизвестность!

— Боюсь, вы правы...— произнес Кортни.— Но я-то надеялся, что если наше ходатайство не будет удовлетворено, то план Фримора может нас спасти. Если его примут, разумеется...

— Не особенно уповайте на это,— охладил его я.

Кортни еще немножко потолковал с Беном. Говорить, собственно, было больше не о чем.

А я, прислушиваясь к тому, что Бен сказал напоследок, все думал: как быстро потускнели наши радужные ожидания! Еще несколько недель назад казалось, что ничто не в состоянии омрачить их: у нас был контракт с «Сафари», начинала разворачиваться инициатива кинокомпании, и мы верили, что нас ожидает еще много других заманчивых предложений. А теперь вот до тех пор, пока Кортни не сможет найти противовеса указу госдепартамента, мы оказываемся не у дел...

Что касается лично меня, то нельзя сказать, что я был этим очень уж озабочен. Да нет, конечно же, я ничего не имел против того, чтобы стать миллионером, но деньги и успех в бизнесе все же не значили для меня слишком много. А вот для Райлы дело обстояло совсем по-другому, да и для Бена тоже было важно, хотя он на эту тему особенно не распространялся. И мое уныние, как я отчетливо понимал, было вызвано не столько тем, что терял я сам, сколько тем, что теряли эти двое.

Уйдя из офиса Бена, я завернул в сад и увидел там Лик. Мы приготовились к беседе. На этот раз он говорил тоже немного, больше показывал свою собственную планету, совершенно не похожую на ту, где располагался штаб. Это была окраинная планета с весьма скудной экономикой. Ее земли были неплодородны, природные ресурсы ограниченны, больших городов вовсе не было. Население влачило унылое существование и выглядело совсем иначе, чем Лик. Эти создания имели явно биологическую природу, хотя и казались довольно бесплотными, чем-то промежуточным между живыми существами и духами.

И вдруг, к величайшему моему удивлению, Лик сообщил:

— Я был среди них уродом... или как вы это называете? Возможно, мутантом. Я совсем не был на них похож. К тому же я постоянно изменялся, они мне удивлялись, наверное, даже немного меня стыдились и, может быть, даже побаивались. Мое начало было несчастливым...

Его начало — не детство, не отрочество... Я был этим озадачен.

— Но ведь штабу ты подошел? — спросил я.— Возможно, именно поэтому они тебя и взяли к себе? Они, должно быть, выискивают именно таких, как ты, способных меняться?

— Я в этом уверен,— ответил Лик.

— Ты сказал, что бессмертен. А другие существа на твоей планете тоже бессмертны?

— Нет, они не бессмертны. И именно этим я от них отличаюсь.

— Скажи мне, Лик, а откуда ты это знаешь? И как ты можешь быть уверен в своем бессмертии?

— Знаю, вот и все,— ответил он.— Это знание идет изнутри.

И этого вполне достаточно, подумалось мне. Если знание идет *изнутри, должно* быть, он прав!

Я ушел от него еще более изумленным, чем раньше. С каждым нашим разговором во мне росла странная убежденность, что я знаю его лучше, чем кого бы то ни было на свете. И чем дальше, тем больше я обнаруживал в нем такие глубины, постичь которые разумом мне было не под силу. И меня поражало то нелогичное ощущение, что я его хорошо знаю... Я ведь встречался и разговаривал с ним по-настоящему всего несколько раз, а меня почему-то не покидало чувство, что он был моим другом всю мою жизнь. Я знал о нем такие вещи, которых он мне, теперь я был уверен, никогда прямо не говорил. И я объясняю это тем, что он заключал мое сознание в себя с целью показать мне то, что не мог выразить понятными мне словами. И может быть, в такие минуты единения я частично сам поглощал его личность, начиная постигать мысли и цели Лика даже помимо его стремления сообщить мне их?

Теперь уже почти все журналисты, фото- и телерепортеры смылись из Виллоу-Бенда. Их то не бывало видно по нескольку дней, то потом вдруг кто-то снова появлялся и околачивался

поблизости, но день или два, не больше. Мы, очевидно, еще фигурировали в каких-то публикациях, но аура магического вокруг нас здорово поблекла, если не улетучилась совсем. Наша история себя исчерпала...

Туристы, конечно, тоже разъехались. Правда, несколько автомобилей на стоянке Бена еще виднелось, но это даже отдаленно не шло в сравнение с тем количеством, какое было здесь раньше! В мотеле теперь были свободные места, а иногда и очень много свободных мест. Независимо от того, что дело повернулось таким образом, Бен продолжал тратить на него большие деньги. Мы еще содержали охранников и включали по ночам прожектора, хотя это начинало слегка отдавать манией. Мы охраняли то, что в охране, вероятно, больше не нуждалось. Кроме того, это съедало кучу средств, и мы то и дело возвращались к обсуждению вопроса о том, не следует ли нам распустить нашу «гвардию» и перестать зажигать фонари? Но мы никак не могли на это решиться — я думаю, из принципа, ибо такая акция выглядела бы как признание нашего поражения. А мы все еще не были готовы к капитуляции...

В конгрессе разгорались дебаты о разрешении эмиграции в прошлое. Одни утверждали, что предложенный проект закона означает отказ от помощи нуждающимся, другие настаивали на том, что, наоборот, им должен быть предоставлен шанс начать новую жизнь в таких местах, где не существует стрессов современной цивилизации. Особенно яростно обсуждалась экономическая сторона такой эмиграции. Многие полагали, что «предоставление шанса» обойдется не меньше, чем стоимость пособий, выплачиваемых в течение года.

Сами получатели этих пособий вдруг стали подавать признаки заинтересованности, впрочем, пока тонувшие во всеобщем гвалте. Никто не думал к ним прислушиваться. Воскресные приложения к газетам и телевидение стали бойко разъяснять и иллюстрировать ситуацию, которая может ожидать людей в миоцене. Капитолий стал осаждаться пикетами, выдвигающими весьма противоречивые требования разных групп граждан.

В Виллоу-Бенде показалось несколько отрядов каких-то сектантов. Они размахивали знаменами и произносили речи, ратуя за то, чтобы аутсайдеры бросили современное общество и удалились в миоцен или любое другое «место», где они были бы избавлены от бессердечия, неравенства и несправед-

ливости современной системы государственного правления. Они продефилировали туда и обратно перед нашими воротами и расположились на стоянке Бена. Герб пошел потолковать с ними.

Но оставались они у нас недолго, ибо некому было их интервьюировать или фотографировать, не было зевак, которые бы над ними насмехались, и полиции, которая бы их разгоняла. Поэтому они и убрались сами.

Законопроект прошел через обе палаты конгресса, но президент наложил на него вето. Он прошел еще раз, невзирая на вето. Но ведь в силе оставался еще и запрет госдепартамента!

И тогда, на следующий день, власти вынесли свое окончательное решение. Оно было направлено против нас и любых перемещений во времени. Ходатайство об отмене указа госдепартамента было отклонено, запрет на путешествия в Мастодонию был введен в действие, а мы оказались «выведенными» из нашего бизнеса...

Глава 32

Днем позже вспыхнули волнения. Словно по сигналу (а может, именно «по сигналу», поскольку мы так и не узнали никогда, как это случилось на деле!) забурлили гетто — в Вашингтоне, Нью-Йорке, Балтиморе, Чикаго, Миннеаполисе, Сент-Луисе, на западном побережье, везде. Бунтующие врывались в нарядные деловые кварталы, и теперь загорались вовсе не гетто, как это было в 1968 году. Огромные зеркальные витрины магазинов и больших универмагов выбиты, сами магазины разграблены и подожжены. Полиция, а в некоторых случаях и Национальная гвардия стреляли по бунтовщикам, те отстреливались. Плакаты, на которых было выведено: «Давайте нам миоцен!», или «Дайте нам уйти!», или «Мы хотим попытать удачи!», валялись на улицах, мокли под дождем, а иногда и пропитывались кровью.

Так продолжалось уже пять дней. Число убитых с обеих сторон исчислялось тысячами, а деловая жизнь в стране начала замирать. Но к исходу пятого дня страсти пошли на убыль, поскольку обе стороны — представители власти и закона и яростно протестующие массы — слегка отступили друг от дру-

га. Медленно, замирая и спотыкаясь, нащупывая возможные точки соприкосновения, стороны приступили к переговорам.

Мы в Виллоу-Бенде оказались отрезанными от событий. Почти все междугородные линии связи были выключены. Телевизионные станции хотя и действовали, но время от времени иногда замолкали. К нам единственный раз дозвонился Кортни, но после этого от него не было ни звука. Попытки пробиться к нему по телефону не увенчались успехом. Во время того единственного разговора с ним мы узнали, что он сотрудничает с властями, но что у него еще много неизученных вопросов, связанных с этим.

Вечер за вечером, а иногда и целыми днями подряд мы собирались в офисе Бена и глазели на экраны телевизора. В любое время дня и ночи, если появлялась хоть малейшая новость о ходе событий, ее тотчас же передавали, и поэтому телевидение превратилось в сплошную программу новостей.

Ужасно тягостно было наблюдать эти волнения. В конце шестидесятых годов люди иногда рассуждали о том, выстоит ли республика, а теперь мы были почти уверены, что не выстоит! Лично я испытывал некоторое чувство вины, думаю, что у остальных оно было тоже, хотя мы никогда вслух об этом не говорили. У меня в голове молоточком стучала мысль: если бы мы не затеяли этого дела с перемещениями во времени, ничего такого бы не случилось!

Мы говорили о другом: как мы были слепы, благодушно предполагая, что закон об эмиграции явится просто пустой политической уловкой и что очень немногие из отверженных, к которым он будет обращен, захотят стать первопроходцами в неведомых землях.

И я чувствовал себя особенно неловко, ибо первым высказал мнение о бессмысленности этого закона. Ярость бунтовщиков показала, что гетто намерены дождаться второго тура утверждения законопроекта. И трудно было прогнозировать, во что выльется этот «второй» тур и сколько еще будет развязано вспышек насилия путем умелого манипулирования застарелыми обидами и подавленной ненавистью. Манипулирования со стороны тех, кто вдохновлял и вел этих повстанцев!

Прошел слух, что армия повстанцев направилась от Твин-Сити к Виллоу-Бенду, возможно, с целью захвата центра

управления временными перемещениями. Шериф быстренько призвал добровольцев для преграждения пути бунтовщикам, но пока он был этим занят, оказалось, что никакого похода нет. Это был всего лишь один из тех мерзких ложных слухов, которые время от времени проникали даже в официальные отчеты о новостях.

Почему повстанцы не подумали о том, чтобы захватить нас, я так никогда и не узнаю. Для их позиции это было бы вполне логичным шагом, независимо от того, что такой шаг совершенно не оправдал бы их ожиданий. Но если они и помышляли об этом, то наверняка в их воображении возникала машина времени, которую бы можно было физически захватить и привести в действие. Но скорее всего, они об этом даже не подумали, ибо главари беспорядков, наверное, больше были заняты конфронтацией с властями и организацией насильственных действий, которые заставили бы власти покориться.

«Пять дней» прошли, и в разбитых затемненных городах воцарилось относительное спокойствие. Переговоры начались, но кто их вел и где они происходили, сохранялось в тайне, так же как и то, о чем на них говорилось. Газеты и телевидение проникнуть за завесу молчания оказались неспособны. Мы все время пытались дозвониться до Кортни, но междугородная связь все еще не работала.

И вдруг однажды перед нашими взорами возник Кортни собственной персоной!

— Не стал вам звонить из Ланкастера,— сказал он,— поскольку быстрее оказалось схватить такси и приехать.

Он взял стакан со спиртным, предложенный ему Беном, и плюхнулся в кресло. Вид у него был усталый и опустошенный.

— День и ночь,— проговорил Кортни,— без перерыва, в течение последних трех суток... Господи, я надеюсь, что мне никогда больше не придется пройти через такое!

— Вы что же, сидели на этих переговорах? — спросил Бен.

— Вот именно. И я думаю, мы их дожали до конца. Я никогда в жизни не видел таких несговорчивых сукиных детей с обеих сторон — что от правительства, что от повстанцев! Я противостоял и тем и другим. Но шаг за шагом я все же сумел вбить им в головы, что Ассоциация Времени имеет свою солидную ставку в этой игре и что мы отстаиваем собственные инте-

ресы. И что без нас никто не сможет переместиться во времени куда бы там ни было!

Он осушил бумажный стаканчик и отставил его. Бен снова его наполнил.

— Зато теперь,— сказал Маккаллахан,— мы это получили! Документы уже подписываются. Если это состоится и никто из тех ублюдков не передумает, мы дадим им туннель в миоцен бесплатно. Я был вынужден сделать эту уступку. Власти упирали на то, что программа эмиграции будет стоить им так много, что еще и выплата нам гонорара заставит их «финансово рухнуть». Думаю, они врут, но тут уж делать нечего. Если бы я отказался, все переговоры зашли бы в тупик, что по некоторым соображениям было бы властям на руку. Мы просто отдадим им этот туннель, вот и все! Мы им скажем: «Вот он тут, берите!», а остальное — их собственная головная боль. В обмен на это госдепартамент отменил и больше не возобновит свой указ. Он обязался больше не претендовать ни на какое регулирование нашей деятельности — ни на государственное, ни на федеральное, ни на какое бы то ни было еще! И еще одно — и это «одно» чуть было не опрокинуло все переговоры! — достигнута договоренность о признании Мастодонии независимой страной!..

Я поглядел через комнату на Райлу, и она улыбнулась. Это была первая ее улыбка за прошедшие несколько дней. И я знал, о чем она сейчас подумала. О том, что теперь мы сможем снова заняться нашим будущим домом в Мастодонии!

— Я думаю,— произнес Бен,— что это оптимально. Вы хорошо поработали, Корт! У нас, наверное, было бы слишком много хлопот с тем, чтобы содрать с правительства гонорар...

Дверь отворилась, и вошел Хайрам. Мы все повернулись к нему. Он проковылял немного вперед.

— Мистер Стил,— сказал он,— Кошкин Лик хотел бы, чтобы вы к нему пришли. Он желает вас видеть. Говорит, это важно...

Я встал.

— И я с тобой,— рванулась Райла.

— Спасибо,— ответил я.— Но лучше не надо. Мне следует самому разобраться, в чем там дело. Может, и ни в чем! Это не займет слишком много времени.

Но у меня было ужасное предчувствие, что в этом вызове кроется что-то действительно важное. Никогда раньше Лик за мной не посылал!

— Вы оставайтесь здесь,— сказал я,— а я сейчас...

Я пересек задний двор, обогнул курятник и увидел Лика на одной из яблонь. Я почувствовал, что он как бы подался вперед, ко мне. И когда он это сделал, мне снова показалось, что мы одни с ним на свете, что все остальные отринуты далеко, совсем отъединены от нас!

— Я рад, что ты пришел,— сказал он.— Я хотел с тобой увидеться перед тем, как уйти. Я хотел тебе сказать...

— Уйти! — вскричал я.— Лик, ты не можешь уйти! Только не сейчас! Зачем тебе понадобилось уходить?

— Я ничего не могу с этим поделать,— сказал Лик.— Я снова перерождаюсь. Я ведь говорил тебе, что и раньше я изменялся, там, на моей собственной планете, после моего начала...

— Но что это за изменение? — спросил я.— Что оно значит? Почему ты должен переродиться?

— Потому что иначе нельзя. Это нисходит на меня. И от меня не зависит...

— Лик, а ты сам хочешь этого?

— Думаю, что хочу. Я еще не спрашивал себя. Но все же я чувствую, что становлюсь от этого счастливым. Потому что я возвращаюсь домой.

— Домой? На ту планету, где ты родился?

— Нет. На планету штаба. Теперь она и есть мой дом. Эйза, ты знаешь, что мне кажется?

Меня била дрожь. Я вдруг ослабел. Я был разбит и ограблен.

— Нет, не знаю,— машинально ответил я ему.

— Мне кажется, что я становлюсь богом. Когда вернусь туда, то буду одним из них. Думаю, они появляются именно так. Развиваются из других форм жизни. Может быть, из моей формы, а может, и из других. Точно не знаю. Но, по-видимому, скоро буду знать. Я закончил свое ученичество. И стал взрослым...

Я провалился в пустоту, в огромную бездонную пропасть, и мою душу ранило не то, что я лишаюсь временных туннелей, которые мог бы построить Лик. Нет, невыносимей была

мысль о том, что я лишаюсь самого Лика, и именно она создавала вокруг меня пустоту!

— Эйза,— произнес Лик.— Я возвращаюсь домой. Я на время потерял дорогу, но теперь я ее знаю и возвращаюсь домой!

Я ничего не ответил. Я не мог ответить ничего. Я сам был затерян в пустоте и не знал дороги домой...

— Мой друг,— сказал Лик.— Пожелай мне добра. Я должен это унести с собой!

И я сказал ему эти слова, они вырвались из меня так, словно это были кусочки моей живой плоти. Я хотел ему добра и должен был это сказать, но как больно мне стало от этого!

— Лик, я желаю тебе добра! От всего сердца, Лик! Мне очень будет тебя недоставать, Лик!

Он исчез. Я не видел, как он уходил, но почувствовал, что это произошло. Это все-таки стряслось. Пронесся холодный ветер ниоткуда, и черная пустота стала сереть, потом исчезла и эта серая муть, и я увидел себя под деревьями старого сада, поблизости от клумбы в углу курятника. Себя, уставившегося на опустевшую яблоню...

На землю опустились сумерки, и с их наступлением сразу же автоматически зажглись прожектора ограды, превратив все вокруг в ярко освещенное кошмарное видение, в котором взад и вперед вышагивали охранники, одетые в униформу. Но через несколько мгновений слепящий свет сменился снова благодатными сумерками, которые мне были так нужны!

Потом фонари вновь в меня вцепились, и я повернулся к административному зданию. Я боялся, что меня будет шатать из стороны в сторону, но этого почему-то не происходило. Я шел напряженно и прямо, как заводная игрушка.

Хайрама видно не было, а Баузер, скорее всего, был занят каким-либо сурком, хотя для сурков время было уже позднее. Они после захода солнца сразу зарываются в свои норы...

Я прошагал в дверь офиса. При виде меня все прекратили разговоры и уставились на мое помертвевшее лицо.

— Ну? — спросила Райла.

— Лик ушел,— сказал я.

Бен рывком вскочил на ноги.

— Как ушел? — заорал он.— Куда ушел?

— Он ушел домой,— ответил я.— К себе домой. Он прислал за мной, чтобы попрощаться. Это было все, что он хотел. Просто попрощаться.

— И ты не смог его остановить?

— Остановить его не было никакой возможности, Бен. Он вырос, понимаешь ли... Он закончил свое ученичество...

— Одну минуточку,— вмешался Кортни, пытавшийся сохранять спокойствие.— Но он же вернется, не так ли?

— Нет, не так,— произнес я.— Он переродился. Он стал чем-то иным...

Бен стукнул кулаком по столу.

— Ну что за низкий, проклятый удар! И в какой момент он нас бросил? Скажу вам, где он нас оставил — у разбитого корыта!

— Не спешите с выводами,— возразил Кортни.— Давайте не делать поспешных заключений. И давайте не опускать рук. Ведь не все же потеряно, ведь наверняка что-то осталось? И мы можем еще кое-что предпринять...

— Что вы там такое болтаете? Вы со своим адвокатским умничаньем...

— Мы можем еще спасти то, что имеем,— невозмутимо ответил Кортни.— Контракт с «Сафари» и кругленькую сумму в миллион баксов в год...

— Но ведь миоцен... Как же быть с миоценом?

— Не с миоценом, Бен. С Мастодонией.

Но тут закричала Райла:

— Только не с Мастодонией! Я не пущу их в Мастодонию! Они вконец ее загадят! Мастодония принадлежит нам с Эйзой!

— С учетом отбытия Кошачьего Лика и отсутствия дополнительных временных туннелей,— резко и холодно заявил Кортни,— вы вынуждены будете пустить их в Мастодонию. Или вы лишитесь всего!

Он обратился ко мне:

— Так вы твердо знаете, что Кошачий Лик отбыл и больше не вернется?

— Уверен в этом.

— И новых временных туннелей не будет?

— Нет,— ответил я.— Не будет. Новых не будет.

— Вы настаиваете на этом?

— Абсолютно. Какого дьявола я бы стал вам врать? Вы что, думаете, что это шутка, розыгрыш? Говорю вам, это не

шутка! Но скажу вам еще кое-что. Вы никого не пошлете в Мастодонию! Я уже вам это объяснял как-то. Во времена Мастодонии человек уже существовал. Он охотился на мастодонтов в Испании, мастерил кремневые орудия во Франции...

— Ты рехнулся, что ли? — завопил Бен.— Собираешься похерить и то малое, что мы имеем?

— Да, ей-богу, собираюсь! — крикнул я в ответ.— Я собираюсь это все похерить! Послать к черту вместе с кругленькими двумя миллионами! Послать к черту вместе с правительством и этими повстанцами!

— И вместе с нами? — спросил Кортни вежливо, даже слишком вежливо.

— Да! — ответил я.— Послать к черту вместе с вами. Пустив эти банды в Мастодонию, мы можем разрушить все, что имеем сейчас, все, что имеет сейчас человечество!..

— А вы знаете, он ведь прав,— мягко вмешалась Райла.— Он прав в исходных соображениях, а я права в последующих. Мастодония принадлежит нам, и никто больше ею владеть не сможет. И к тому же ясно одно: мы-то сами ее не загрязним! И есть еще кое-что...

Я не стал дослушивать, что там есть еще. Повернулся и пошел к двери. Пересек холл, едва понимая, куда несут меня ноги, вышел наружу и оказался у ворот.

— Пропустите меня,— сказал я охраннику, и он дал мне выйти.

Я ничего толком не соображал. Уйти куда-нибудь, вот все, чего мне хотелось.

Потому что я понял — как бы мы с Райлой ни возражали, мы все равно потерпели крах. Под давлением того, что сейчас нам грозило, нас заставят впустить эти орды в нашу Мастодонию!

И больше всего меня убивало то, что Бен и Кортни окажутся на стороне тех, кто станет на нас давить!

Я дошел до автостоянки и огляделся. Там, поодаль, окаймленная яркими пятнами света, высилась ограда. Я ее ни разу не видел снаружи, если не считать дня моего возвращения из Европы. Но тогда было так много отвлекающего вокруг — толпы народа, забитая до отказа стоянка, лотки с сосисками, продавец шаров,— что я почти и не увидел самой ограды.

Но теперь я разглядел ее во всей присущей ей гротескной потусторонности и попытался вспомнить, как же это место

выглядело раньше? До того, как здесь началось все это строительство?

Стоя здесь, я остро ощутил свое одиночество и потерянность. Я был человеком, лишившимся дома. И не только той старой фермы, но и Мастодонии, которая тоже стала мне домом!

И я понимал, что потеря Мастодонии — это лишь дело времени. Она будет потеряна, а с ней и каменный дом, и множество его каминов... Дом, который задумала построить Райла и о котором мы с ней проговорили столько ночей!

Райла. Я подумал о Райле, о моем неповторимом «приблудном толкателе», который так хотел разбогатеть! Но теперь, только что, она сделала свой выбор, ничуть не колеблясь! Выбор между Мастодонией и кругленькой суммой в два миллиона баксов в год...

Ты обманщица, сказал я мысленно, ты просто вруша! И вся эта твоя «деловая хватка» — только поза.

Когда дело подошло к развязке, ты отринула позу и сделала истинный выбор!

И для меня она, Райла, все еще оставалась, несмотря ни на что, несмотря на столько прошедших лет, все той же девчонкой, которую я так любил тогда, во времена раскопок в Малой Азии...

Той девушкой, чье личико было вечно запачкано из-за того, что она постоянно потирала свой облупленный на солнце, свой упрямый вздернутый носик грязной ладошкой...

...Миоцен, подумал я. А почему же мы не получили этот миоцен? Почему я не попросил Лика соорудить дорогу в миоцен много дней назад? Ведь теперь, когда она понадобилась, все уже давно было бы готово... И если бы у нас теперь был миоцен, то даже после ухода Лика мы бы смогли спасти Мастодонию!

А Лик? Он теперь всего лишь воспоминание. Он больше не улыбнется мне из кроны дерева. Он наконец узнал, кто он есть и кем станет...

«Лик,— сказал я ему,— мой давний, мой старый друг! Я желаю тебе добра, и мне будет так не хватать тебя здесь!»

И мне внезапно почудилось, что я снова с ним! Снова становлюсь единым целым с Ликом, как бывало столько раз прежде, когда он заключал меня в собственную личность, чтобы я увидел то, что видел он, и узнал то, что знает он.

...Узнал то, что знает он...

Узнал, даже если я не смогу это понять разумом до конца.

Знать то, о чем он мне никогда прямо не говорил, осознавать даже не вполне понятные мне вещи, те, которые он мне показывал!

Такие, как, например, уравнения времени...

И вдруг, подумав об этих уравнениях, я вновь их увидел. Я увидел эти «уравнения времени» в точности такими, какими он мне их показывал. Я смотрел на них его глазами и знал, как мне надо их свести воедино, как их надо применить!..

Миоцен, подумал я, удаленный от нас на двадцать пять миллионов лет назад... И уравнения сошлись друг с другом, и я сделал еще что-то, необходимое для построения дороги времени в этот самый миоцен...

...Я вышел из оболочки Лика, и он исчез. Я больше не находился внутри него. Я не глядел больше сквозь его глаза. Но эти уравнения... уравнения... они ведь означали, что... И я понял, что уже потерял их и больше не осознаю их смысл, их взаимные сочетания, способы их приложения к силовым полям. Я это потерял, даже если только что и владел им. Я теперь снова был глупым человеческим существом, осмелившимся возмечтать о построении дороги времени с помощью информации, которая была в меня ненадолго вложена без ясного истолкования, просто так, в виде дара от того, кто теперь в далеких звездных мирах числился богом...

Я почувствовал, что меня трясет. Пытаясь распрямить плечи, я тесно сжал ладони, чтобы хоть немного унять дрожь.

Ты, проклятый дурачок, сказал я себе, ты совсем спятил, запсиховал в самом классическом понимании слова. Ну-ка, возьми себя в руки и сообрази, что ты собой на самом деле представляешь!

И все же... и все же... и все же...

Пока я себя так изничтожал, я сделал несколько шагов вперед, пробуя, а не появился ли этот дурацкий временной туннель?

Но ты же сам видишь, сказал я себе. Нет никакого миоцена!

...Я прошел еще пару шагов и увидел, что я в миоцене...

Солнце находилось на полпути к закату, и тугой бриз с севера рябил буйно разросшиеся травы. Под холмом, в четвер-

ти мили от меня, пасся титанотерий, эта неуклюжая тварь со смешным тупым разветвленным рогом, торчащим над его носом. Он перестал жевать и уставился на меня, угрожающе заревев.

Я осторожно повернул назад, ступая по своим же следам, и вернулся на Бенов паркинг.

Не сходя с места, я наклонился, снял туфли и поставил их одну за другой, стараясь точно пометить вход в туннель.

Потом, в одних носках, я обошел стоянку и вытянул несколько стальных стержней из разгородок, разделяющих места парковки машин. По пути я подобрал еще булыжник размером с кулак и с его помощью забил стержни в землю, вдоль дороги в миоцен.

Сделав это, я сел на землю, чтобы обуться.

И вдруг ощутил страшную усталость.

Мне так хотелось найти в себе хоть какое-то чувство торжества или ликования, но ничего такого я не ощутил. Я всего лишь испытывал благодарность и начинал обретать покой.

Теперь я знал, что все будет в порядке. В полном порядке, если мне удалось все же соорудить этот туннель в миоцен. Раз я это сделал, то, значит, сумею построить и любой другой туннель... Конечно, не я сам по себе, такой, как сейчас. Но если я снова войду внутрь Лика...

Я довольно долго провозился с надеванием туфель. Мне в них что-то ужасно мешало! Но наконец я с ними справился, встал и пошел к воротам ограды.

Мне предстояло сделать нечто очень-очень важное.

Я должен был как можно скорее сообщить Райле, что мы с ней сохранили свою Мастодонию!

ЖИВИ ВЫСОЧАЙШЕЙ МИЛОСТЬЮ

Был вечер пятницы. Занятия закончились, аудитория опустела. Собрался уходить и Эдвард Лэнсинг. Предстоял уикенд, причем в кои-то веки совершенно свободный. Как лучше провести время, Лэнсинг пока не решил. Можно бы поехать полюбоваться красками осени, удивительными об эту пору, можно позвонить Энди Сполдингу и предложить прогуляться вдвоем, не спеша и со вкусом, или пригласить пообедать Элис Андерсон (и предоставить последующим событиям идти своим чередом). А то и просто остаться дома, устроиться у пылающего камина, послушать Моцарта, почитать — непрочитанного накопилось так много.

С портфелем под мышкой Лэнсинг вышел в коридор, где у стены стоял игральный автомат. Машинально сунув руку в карман, он нащупал мелочь, достал монету, опустил ее в прорезь автомата и потянул рычаг. Автомат зажужжал, цилиндры его завертелись. Лэнсинг, впрочем, не стал ждать результата — все равно никто никогда не выигрывал у автомата. Правда, время от времени доходили слухи о чьих-то баснословных выигрышах, но Лэнсинг подозревал, что их распускали чиновники Департамента социального обеспечения, бюджет которого пополнялся добычей «одноруких бандитов». Дребезжание позади него смолкло, и автомат со щелчком выключился. Лэнсинг оглянулся. На табло красовалось изображение груши, лимона и апельсина*. Автомат был из числа тех, что, имитируя игральные механизмы далекого прошлого, рассчитывали на непритязательное чувство юмора первокурсников.

---

* Игральным автоматам, впервые появившимся в США, придавалась форма ковбоя; они приводились в действие рычагом, отсюда прозвище — «однорукие бандиты». Картинки в окошках автомата, при совпадении которых играющий выигрывал, изображали фрукты. Более поздние модели обрели другие формы. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Ну конечно, он опять проиграл. В желании попытать счастья некую роль, возможно, играло смутное чувство долга, хотя Лэнсинг не до конца был уверен в этом. Автоматы собирали деньги на социальные программы, и, получалось, боль от злого укуса подоходного налога таким образом смягчалась. Лэнсинг, как бы мимоходом, подумал, одобряет ли он эту затею. С одной стороны, она не вполне безупречна с моральной точки зрения, но с другой — она все же приносит плоды. В конце концов, сказал себе Лэнсинг, ему по карману пожертвовать четвертью доллара в помощь неимущим и уменьшения налога ради.

Табло погасло. Лэнсинг пошел в свой кабинет, чтобы оставить там портфель и запереть дверь. Еще несколько минут, и он отправится домой в предвкушении удовольствий предстоящего уикенда.

Но, свернув за угол, он обнаружил у двери кабинета студента, что стоял, прислонившись к стене, в той возмутительно расхлябанной позе, которую обычно принимают ожидающие студенты.

— Вы меня ждете? — спросил Лэнсинг, на ходу доставая ключи.

— Томас Джексон, сэр,— представился студент.— Вы оставили записку в моем ящике.

— Да, действительно, мистер Джексон,— вспомнил Лэнсинг.

Он открыл дверь, пропустил Джексона и вошел следом за ним. Включив настольную лампу, Лэнсинг указал Джексону на стул.

— Спасибо, сэр,— пробормотал студент.

Лэнсинг обошел стол, сел и придвинул к себе стопку бумаг. Вынув из кипы работу Джексона, Лэнсинг взглянул на студента. Тот явно нервничал.

Лэнсинг отвел взгляд и невольно залюбовался пейзажем в окне — типичная для Новой Англии меланхолическая осень, клонящееся к закату солнце, напоминающее дыню и превращающее листву старой березы в расплавленное золото.

Лэнсинг снова обратился к лежавшим перед ним бумагам.

— Мистер Джексон, вы не возражаете, если мы обсудим вашу работу? Я нахожу ее во многих отношениях весьма интересной.

— Я рад, что вам нравится,— промямлил студент, нервно откашливаясь.

— Это одно из лучших критических исследований, какие мне когда-либо приходилось встречать. Вы, должно быть, вложили в него много сил и времени. Это очевидно. Вы предлагаете совершенно оригинальное истолкование одной из ключевых сцен в «Гамлете» — ваши выводы просто блестящи. Однако кое-что мне непонятно: что за источники, на которые вы ссылаетесь?

Положив работу на стол, Лэнсинг пристально посмотрел на Джексона. Тот попытался ответить ему таким же твердым взглядом, но не выдержал — отвернулся.

— Мне бы очень хотелось знать,— продолжал Лэнсинг,— кто такой Кроуфорд? А Райт? И Форбс? Они должны быть известными шекспироведами, но почему-то я никогда о них не слышал.— Студент ничего не ответил.— Для меня остается загадкой, зачем вообще вы их цитировали. Ваша работа хороша и без этих ссылок. Если бы не они, я бы предположил, хотя и с известным усилием, учитывая вашу прошлую успеваемость, что вы наконец-то взялись за ум и стали честно работать. Судя по вашим прежним успехам, это представляется маловероятным, однако я был бы склонен трактовать свои сомнения в вашу пользу. Если это мистификация, то я не вижу в ней ничего смешного. Может быть, вы проясните ситуацию? Я готов вас выслушать.

Студент выпалил с внезапным взрывом горечи:

— Все дело в этой проклятой машине!

— Я вас не понимаю. Какая машина?

— Видите ли,— начал Джексон,— мне обязательно нужна была хорошая оценка. Я ведь понимаю, что, провали я эту работу, вылечу с курса. А мне не по карману платить еще за год обучения. Я честно взялся за дело, но не осилил, и тогда пришлось идти к машине и...

— Я снова вас спрашиваю: при чем здесь машина?

— Это игральный автомат,— начал объяснять Джексон,— или, по крайней мере, оно выглядит как автомат, хотя, наверное, на самом деле это что-то другое. О нем знают немногие — и хорошо, что немногие.

Он умоляюще взглянул на Лэнсинга, и тот спросил:

— Если существование автомата держится в тайне, зачем вы говорите об этом мне? Почему не блефуете до конца? На

вашем месте я бы покорился неизбежности и не обмолвился ни словом, хотя бы ради тех, кто тоже прибегает к помощи машины.

Лэнсинг, конечно, ни на секунду не поверил выдумке об игральном автомате. Но он подумал, что, может быть, угроза оказаться в роли предающего общие интересы заставит Джексона сказать правду.

— Ну, видите ли, сэр, дело вот в чем. Если бы вы решили, что это глупый розыгрыш или что я нанял кого-то написать работу вместо меня, вы, конечно, поставили бы мне неудовлетворительную оценку; а как я вам уже говорил, я не могу допустить провала. Вот я и подумал: если рассказать вам правду... Ну, в общем, я надеялся выиграть в ваших глазах, если не стану врать.

— Это очень достойно с вашей стороны,— проговорил Лэнсинг.— Но игральный автомат...

— Он находится в здании Студенческого Союза.

— Я знаю, где это.

— Нужно спуститься в подвал. Там, сразу за пивным баром, есть дверь — сбоку от стойки. Ею обычно никто не пользуется. Там что-то вроде заброшенной кладовки. В ней всякое барахло, и в углу стоит этот игральный автомат или что-то, похожее на него. Даже если кто-нибудь и зайдет в кладовку, автомат трудно заметить — он вроде как притаился в углу. Никогда не подумаешь, что он работает и...

— Но, конечно,— вставил Лэнсинг,— это не может ввести в заблуждение тех, кто знает, что там на самом деле.

— Совершенно верно, сэр. Значит, вы верите мне?

— Я этого не сказал. Я просто стремлюсь разобраться. Вы совсем завязли, и я хочу помочь вам снова выбраться на дорогу.

— Благодарю вас, сэр. Это очень любезно с вашей стороны. Я немного запутался. Так вот, нужно подойти к автомату, сэр, и опустить четверть доллара. Монета приводит автомат в действие, и он спрашивает, что вам нужно, и...

— Вы хотите сказать, что автомат разговаривает?

— Совершенно верно, сэр. Он спрашивает, что вам нужно, вы отвечаете. Автомат назначает цену, и, когда вы заплатите, он выдает то, что вы заказали. Он делает письменные работы почти на любую тему. Нужно только сказать, чего вы хотите.

— Значит, именно так вы и поступили. Если не секрет, во сколько же это вам обошлось?

— В два доллара.

— Совсем по дешевке.

— Да, сэр. Это действительно выгодная сделка.

— Слушая вас,— не выдержал Лэнсинг,— я думаю о том, как несправедливо, что лишь немногие избранные знают о такой чудесной машине. Подумайте только: сотни студентов корпят над книгами, выжимают из своих мозгов все возможное, чтобы написать страничку или две. Если бы они знали, что рядом, в здании Союза, можно получить почти даром ответы на все вопросы!

Лицо Джексона окаменело:

— Вы не верите мне, сэр. Вы считаете, что я все выдумал.

— А чего вы ожидали?

— Не знаю. Все казалось так просто — ведь я сказал вам правду. Может, было бы лучше, если бы я соврал вам.

— Да, мистер Джексон. Возможно, это бы лучше вам удалось.

— Что вы собираетесь предпринять, сэр?

— В данный момент ничего. Мне нужно обдумать ситуацию.

Джексон неуклюже поднялся и вышел из кабинета. Лэнсинг еще долго слышал его тяжелые шаги. Он спрятал работу Джексона в ящик стола и запер его. Прихватив портфель, Лэнсинг пошел было к двери, но вернулся и положил его на стол. Сегодня он не станет брать с собой никакой работы. Выходные дни — это выходные дни, и он проведет их в свое удовольствие.

Однако без портфеля он ощутил странную пустоту. Портфель стал частью его существа, подумал Лэнсинг. Без него он чувствовал себя так же, как если бы лишился брюк или башмаков. Портфель входил в его униформу, и появиться без него казалось не вполне приличным.

Спускаясь по широким каменным ступеням здания колледжа, Лэнсинг услышал, что его кто-то окликнул. Повернувшись на голос, он увидел Энди Сполдинга.

Энди был его старым и верным другом. Их дружбе не мешали ни его болтливость, ни некоторая напыщенность. Сполдинг занимался социологией и вечно кипел разнообразными

идеями. Беда была в том, что идеи Сполдинга непременно нуждались в слушателях. Всякий раз, когда ему удавалось загнать кого-нибудь в угол, он вцеплялся в свою беспомощную жертву и начинал развивать очередную сенсационную мысль, крепко держа пойманного за лацканы. Могучий поток его воображения никогда не иссякал. Лэнсинг любил и ценил Энди. Вот и сейчас он был рад встрече.

Лэнсинг подождал, пока Сполдинг поравняется с ним.

— Пойдем в клуб,— предложил Энди,— я угощаю.

Глава 2

Факультетский клуб находился на верхнем этаже здания Студенческого Союза. Вся его внешняя стена представляла собой окно из сплошного стекла: оттуда открывался вид на тихое и ухоженное маленькое озеро, окруженное березами и соснами.

Лэнсинг и Сполдинг заняли столик у самого окна. Сполдинг задумчиво смотрел на приятеля поверх стакана.

— Знаешь,— сказал он,— последние несколько дней я все думаю о том, как было бы здорово, если бы случилось что-нибудь вроде средневековой эпидемии чумы, которая в четырнадцатом веке унесла треть населения Европы. Или еще одна мировая война, или новый библейский потоп — что-нибудь, что заставило бы человечество начать сначала, уничтожило бы ошибки, которые мы наделали за последнее тысячелетие, дало бы возможность развиться новым социальным и экономическим принципам. Шанс избежать серости, шанс создать общество на более разумных началах. Система оплаты труда устарела, она неэффективна, а мы все еще цепляемся за нее...

— Не кажется ли тебе,— заметил Лэнсинг мягко,— что предлагаемые тобой средства чересчур радикальны?

Он совсем не собирался спорить с Энди. Никто никогда не спорил с ним — тот просто отметал все возражения. Голос Энди монотонно рокотал и рокотал, он оформлял свои идеи в некую систему, тасуя их перед слушателем, как колоду карт. Не собираясь спорить с Энди, Лэнсинг, однако, принимал правила игры, которые требовали, чтобы через определенные интервалы жертва Энди бормотала что-либо, более или менее уместное.

— Мы это вот-вот поймем,— продолжал Энди,— хотя я понятия не имею, каким образом. Мы непременно поймем, что все усилия человечества бесполезны, поскольку направлены не туда, куда нужно. Столетиями мы заняты накоплением знаний во имя постижения истины — в той же рациональной манере, в какой алхимики искали способ превращения простых металлов в золото. Может обнаружиться, что все наши знания ведут в тупик, что после определенной точки все становится бессмысленным. В астрофизике мы как будто приближаемся к этой точке. Через несколько лет все старые и надежные теории пространства и времени могут лопнуть, оставив нас с бесполезными обломками и пониманием того, что все теории всегда были бесполезны. Не будет никакого смысла в дальнейшем изучении Вселенной. Может оказаться, что на самом деле не существует никаких универсальных законов природы, а все зависит от чистой случайности, если не хуже. Все лихорадочные научные исследования, все поиски знаний — не только об устройстве Вселенной, но и о других вещах — основаны на стремлении извлечь из них пользу. Но давай зададимся вопросом: а имеем ли мы право стремиться к извлечению пользы для себя? Может быть, Вселенная нам ничего не должна?

В соответствии с правилами игры Лэнсинг откликнулся:

— Мне кажется, что сегодня ты в более пессимистическом настроении, чем обычно.

— Ну тогда я не первый, кто страдает именно этой разновидностью пессимизма. Несколько лет назад существовало научное направление, как раз и развивавшее подобные представления. Было время, когда астрономы утверждали, что Вселенная конечна. Сейчас мнения на сей счет расходятся, и никто точно не знает, живем мы в конечной или бесконечной Вселенной. Все зависит от того, как много в ней содержится материи, а оценки меняются год от года, если не каждый месяц. В те времена, когда преобладало мнение о конечности Вселенной, считалось, что и научное знание, основанное на изучении небеспредельной Вселенной, должно быть ограниченным. Прогресс науки, приводящий, по существующим оценкам, к удвоению объема информации каждые пятнадцать лет, в скором времени — самое большее через несколько столетий — должен исчерпать возможности накопления знаний. Сторонники этого направления философской мысли даже построили кривую для

точного определения того момента, когда всякий научный и технологический прогресс прекратится.

— Но по твоим же собственным словам,— сказал Лэнсинг,— то, что Вселенная конечна, более не является общепринятым мнением, она может быть и бесконечной.

— Ты не понял главного,— пророкотал Энди.— Дело не в том, конечна или бесконечна Вселенная. Я привел этот пример только ради оправдания того, что ты называешь моим пессимизмом. Моя мысль заключается в следующем: было бы благословением для человечества, если бы какое-то катастрофическое событие вынудило нас изменить образ мыслей и начать жизнь заново. Мы на полной скорости мчимся в тупик и, налетев на стенку, разобьем себе лоб. Возвратившись ползком на исходные позиции, мы будем спрашивать себя: а не было ли лучшего пути? Вот я и предлагаю — остановиться до того, как мы набьем шишки на лбу, и задать себе именно этот вопрос...

Энди продолжал говорить, но Лэнсинг отключился, погрузившись в свои мысли и воспринимая рассуждения Энди лишь как шумовой фон.

И этому человеку, думал Лэнсинг, он собирался предложить отправиться на прогулку на целый день. Энди скорее всего согласился бы, ведь его жена уехала на конец недели в Мичиган к родителям. Но и на прогулке Энди будет говорить и говорить, он просто не в состоянии остановиться. Любой нормальный человек, выбравшись на природу, наслаждался бы тишиной и покоем — любой, но не Энди: для него тишина и красоты природы просто не существуют; единственная радость — уводящие все дальше рассуждения. Да и идея пригласить Элис Андерсон на обед, думал Лэнсинг, имеет свои минусы. Когда они виделись в последний раз, в ее глазах появился специфический матримониальный блеск, а это было бы еще хуже, чем бесконечная болтовня Энди. Ну и бог с ними обоими, решил Лэнсинг. Уж лучше он в одиночестве совершит прогулку на холмы или посидит дома у камина. Можно и как-нибудь иначе извлечь максимум удовольствия из уикенда.

Слова Энди опять стали доходить до его сознания.

— Задумывался ли ты когда-нибудь,— спрашивал Энди,— о поворотных моментах истории?

— Пожалуй, нет,— ответил Лэнсинг.

— История кишит ими,— сообщил Энди.— И от них, в сумме, зависит то, в каком мире мы живем. Мне иногда приходит в голову, что может существовать множество альтернативных миров...

— Несомненно,— ответил Лэнсинг, утративший интерес к разговору. Ему не угнаться за полетом фантазии друга.

За окном тени наполовину закрыли озеро, сумерки сгущались. Глядя на озеро, Лэнсинг ощутил некую неправильность: что-то изменилось. Затем до него дошло, чем же вызвано это чувство: Энди перестал говорить.

Глянув на друга, сидевшего напротив, Лэнсинг обнаружил, что Энди с улыбкой смотрит на него.

— У меня есть идея,— сказал тот.

— Да?

— Мейбл навещает свою родню, а посему не провести ли нам завтрашний день вместе? Я мог бы достать два билета на футбол.

— Мне очень жаль,— ответил Лэнсинг,— но я завтра занят.

Глава 3

Лэнсинг вышел из лифта и направился было к двери, ведущей на лужайку перед зданием. Энди задержался — он увидел знакомого и остановился поговорить с ним. Лэнсинг, воспользовавшись моментом, сбежал. Время дорого, сказал он себе. Лучше быстренько оказаться вне пределов досягаемости, иначе Энди, снова завладев инициативой, может затащить еще куда-нибудь.

Однако на полдороге к двери Лэнсинг замер. Пивной бар, о котором ему говорил Джексон, был совсем рядом — всего один марш вниз по лестнице справа, а там в кладовке должен находиться тот самый легендарный игральный автомат. Лэнсинг поспешил к лестнице.

Спускаясь в подвал, он ругал себя на чем свет стоит за собственную глупость. Никакой кладовки там, конечно, не окажется, а если и окажется, в ней не будет никакого игрального автомата. И вообще, невозможно себе представить, зачем Джексон выдумал всю эту историю. Если это просто дерзость, она бессмысленна. Среди студентов были любители

поддеть преподавателя — и некоторые профессора часто оказывались их жертвами (поделом, нужно отметить,— этим надутым дуракам встряска шла только на пользу). Однако Лэнсинг всегда гордился своими добрыми отношениями со студентами. Более того, он подозревал, что те порой считали его легкой добычей. Джексона Лэнсинг считал плохим студентом, но тем не менее относился к нему доброжелательно и старался помочь, хотя понимал, что тот едва ли оценит его доброе отношение. В баре было малолюдно, посетители сгрудились вокруг стола в дальнем конце комнаты. Бармен разговаривал с двумя студентами. На Лэнсинга никто не обратил внимания.

У конца стойки бара действительно обнаружилась дверь — в точности как говорил Джексон. Лэнсинг целеустремленно направился к ней, и ручка легко поддалась нажиму. Войдя, Лэнсинг закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной. С потолка на голом шнуре свисала единственная пыльная лампочка. Комната имела неряшливый вид. У одной стены громоздились коробки из-под бутылок, посередине свалены несколько картотечных ящиков и ободранный стол. Казалось, все это хранится здесь давным-давно и едва ли понадобится кому-нибудь.

В дальнем углу комнаты стоял игральный автомат.

Пока что Джексон не врал. Но он мог сказать правду насчет комнаты, напомнил себе Лэнсинг, и лгать во всем прочем.

Лэнсинг стал осторожно пробираться к дальнему концу комнаты, в полумраке легко было споткнуться и потерять равновесие. Автомат ничем не отличался от сотен автоматов, заполнивших университетские здания в ожидании добычи — денег, которые в конце концов пойдут в помощь неимущим. Лэнсинг сунул руку в карман и бросил четверть доллара в отверстие машины. Автомат проглотил монету с откровенной жадностью, табло осветилось, и стали видны цилиндры с нанесенными на них изображениями. Автомат тихонько хихикнул и компанейски подмигнул Лэнсингу, как бы в ответ на шутку, понятную только им двоим.

Лэнсинг взялся за рычаг и с силой потянул его. Цилиндры бешено завращались, огоньки переливались ярчайшей радугой. Потом наконец цилиндры остановились, но ничего не произошло. Ну вот, подумал Лэнсинг, автомат ничем не от-

личается от всех прочих — съел монету и посмеялся над доверчивым простаком.

Однако машина неожиданно заговорила:

— Чего вы желаете, сэр?

— Ну, я не знаю,— ответил ошеломленный Лэнсинг,— боюсь, я не успел подумать... Я только хотел удостовериться в вашем существовании.

— Очень жаль,— произнес автомат.— Я многое могу предложить. Уверены ли вы, что ни в чем не нуждаетесь?

— Нельзя ли мне немножко подумать?

— Это невозможно. Обратившиеся ко мне должны знать, зачем идут. Им не разрешаются проволочки и нерешительность.

— Извините,— сказал Лэнсинг.

— Как бы то ни было,— продолжал автомат,— моя конструкция не позволяет мне просто присвоить вашу монету. Я обязан дать вам что-нибудь взамен. Я расскажу вам анекдот.

И автомат рассказал Лэнсингу старый и непристойный анекдот о семи мужчинах и одной женщине, оказавшихся на необитаемом острове. Глупый похабный анекдот, без всякой изюминки и смысла. Лэнсинг с отвращением выслушал, но промолчал.

— Вам не понравился анекдот? — спросил автомат.

— Ничуть,— ответил Лэнсинг.

— Значит, я ошибся. Боюсь, я неверно судил о вас. Но все равно — за вашу монету я должен снабдить вас чем-то ценным.

Автомат кашлянул, и из его внутренностей на подносик выпал какой-то металлический предмет.

— Вот,— сказал автомат,— возьмите.

Лэнсинг повиновался. Предмет оказался ключами от комнаты в мотеле — один маленький, другой побольше. К ключам была прикреплена пластиковая табличка с номером и адресом мотеля.

— Не понимаю...— начал Лэнсинг.

— Слушайте внимательно. Хорошо запомните, что я сейчас скажу. Готовы?

Лэнсинг заикаясь пробормотал, что слушает.

— Хорошо. Повторяю, слушайте внимательно. Вы пойдете по указанному адресу. Если вы попадете туда в часы работы, входная дверь будет незаперта. Если же вы придете позже, то

откроете входную дверь большим ключом. Меньший ключ — от комнаты номер сто тридцать шесть. Пока все понятно?

Лэнсинг сглотнул:

— Да.

— Когда вы войдете в комнату сто тридцать шесть, вы обнаружите стоящие вдоль стены игральные автоматы. Подойдите к пятому слева — не забудьте, к пятому — и опустите в него доллар. После этого подойдите к седьмому автомату слева и опустите доллар в него...

— А тянуть за рычаг нужно?

— Конечно нужно. Вы что, никогда не имели дела с игральным автоматом?

— Да нет, играл, конечно.

— Вы запомнили все, что я вам сказал?

— Да, кажется.

— Тогда повторите инструкцию.

Лэнсинг послушно повторил.

— Отлично,— сказал автомат.— Постарайтесь ничего не перепутать. И мой совет — не откладывайте посещение мотеля, пока все детали свежи в вашей памяти. Да, вам понадобятся два серебряных доллара. Они у вас есть?

— Наверняка нет.

— Хорошо, вот, возьмите. Мы не заинтересованы в том, чтобы вы столкнулись с препятствиями при выполнении наших инструкций. Очень желательно, чтобы вы все сделали в точности как надо.

Что-то звякнуло в подносике автомата.

— Ну же, возьмите,— поторопил автомат Лэнсинга.

Лэнсинг протянул руку и взял два серебряных доллара.

— Вы уверены, что все хорошо поняли? — обеспокоенно спросил автомат.— У вас нет ко мне вопросов?

— Я хотел бы узнать одну вещь...— проговорил Лэнсинг.— Что вообще происходит?

— Я не могу вам всего объяснить,— ответил автомат.— Это было бы против правил. Но уверяю вас: что бы ни случилось, это будет в ваших интересах.

— Но что? Что в моих интересах?

— Я больше ничего не могу сказать вам, профессор Лэнсинг.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? Я не называл себя.

— В этом не было нужды. Мне известно, кто вы.

С этими словами автомат отключился.

Лэнсинг размахнулся и стукнул по машине. Издевательски снисходительный вид, с которым все эти автоматы глотали его монеты, вывел Лэнсинга из себя.

Автомат дал Лэнсингу сдачи, ударив его по лодыжке. Лэнсинг не понял, как и чем, но совершенно точно ударил. Лэнсинг попятился. Автомат хранил молчание и был недвижим.

Лэнсинг повернулся и, прихрамывая, вышел из кладовки.

Глава 4

Дома Лэнсинг налил себе виски и уселся у окна; день угасал. Все это, говорил он себе, смешно, такого просто не может быть; и все же он знал, что случившееся вполне реально. Он сунул руку в карман и звякнул двумя серебряными долларами. Уже много лет ему не встречались такие монеты. Оба доллара, обнаружил он, были выпущены недавно. Он знал, что все монеты, содержавшие в себе серебро, быстро изымаются из обращения нумизматами и спекулянтами. Оба ключа, прикрепленные к пластиковой табличке, лежали на столе. Он было протянул к ним руку, но передумал.

Не прикасаясь к виски, Лэнсинг снова перебрал в уме все события и с удивлением обнаружил, что чувствует себя слегка замаранным и пристыженным, как если бы он сделал что-то непорядочное. Он попытался проанализировать свое ощущение, но не обнаружил никакой другой причины, кроме необычности собственных действий. Он посетил комнату рядом с баром. Никогда в жизни он ничего не делал тайком, и этот его поступок тоже не был тайным. Однако, крадучись пробравшись к двери кладовки, он поймал себя на мысли, что совершает действия, не соответствующие его достоинству преподавателя колледжа — колледжа пусть и небольшого, но с отличной репутацией.

Однако дело было, сказал он себе, не только в этом. То, что он действовал украдкой, не исчерпывало всей ненормальности ситуации. Он понял, что пытался кое-что скрыть от себя. Было нечто, от чего он старательно отворачивался: он

подозревал, что его разыграли. Хотя и это было не совсем точно. Будь дело просто в шутке, глупой студенческой проделке, все закончилось бы кладовкой с «одноруким бандитом». Но ведь автомат говорил с ним; хотя, если розыгрыш был хорошо подготовлен, это можно было организовать, записав заранее реплики на магнитофон и подключив его так, чтобы он заработал, когда Лэнсинг потянет за рычаг.

Нет, это тоже невозможно. Ведь автомат не только говорил, он поддерживал разговор с Лэнсингом. Никакой студент не мог придумать подобную запись с такими удачными репликами в разговоре. Ведь ответы машины были логичны: Лэнсинг задавал вопросы, и автомат отвечал ему, и ответы содержали сложные инструкции.

Так что случившееся не было плодом его воображения, как не было и студенческим розыгрышем. Автомат даже дал ему сдачи, когда Лэнсинг стукнул его: щиколотка все еще побаливала, хотя хромать Лэнсинг перестал. Ну а если это не шутка, то чем же, бога ради, все это было?

Лэнсинг залпом выпил виски, чего раньше с ним никогда не случалось. Он всегда прихлебывал виски маленькими глотками, поскольку плохо переносил алкоголь.

Лэнсинг поднялся и принялся ходить по комнате. Но движение не помогло думать; он поставил пустой стакан на столик, вернулся к креслу и снова сел.

Ладно, сказал он себе, хватит притворяться, что это только игра, хватит заботиться о собственном имидже, боясь выглядеть глупо. Нужно начать сначала и додумать все до конца.

Все началось из-за студента Джексона. Ничего бы не случилось, если бы не он. Но даже до разговора с Джексоном была ведь его работа, хорошая работа, необычно хорошая работа, особенно для такого студента, как Джексон, если бы не процитированные источники. Именно они побудили Лэнсинга написать Джексону приглашение на беседу. Впрочем, возможно, он вызвал бы Джексона в любом случае и намекнул, что к сочинению приложил руку специалист. Поразмыслив, Лэнсинг решил, что едва ли стал бы это делать: если Джексон решил смошенничать, какое дело до этого Лэнсингу — ведь этим Джексон вредил только самому себе. Даже если бы Лэнсинг и выдвинул такое обвинение, доказать жульничество невозможно.

Стало быть, можно заключить, подумал Лэнсинг, что все было подстроено, и подстроено весьма умело то ли самим Джексоном, то ли кем-то, кто использовал Джексона. Джексон, казалось Лэнсингу, не был ни достаточно изобретательным, ни достаточно предприимчивым для того, чтобы осуществить подобную затею в одиночку. Хотя кто знает? С таким человеком, как Джексон, ни в чем нельзя быть уверенным.

Если же дело подстроено, не важно кем, то с какой целью?

Ответа не было, по крайней мере осмысленного ответа. Все происшедшее казалось бессмысленным.

Может быть, лучше всего забыть обо всем и, уж во всяком случае, не продолжать приключения. Но в силах ли он так поступить, в силах ли принудить себя к бездействию? До конца жизни Лэнсинг терзал бы себя вопросами: что случилось бы, пойди он по адресу, указанному на табличке, прикрепленной к ключам, к чему привело бы выполнение полученных от автомата указаний?

Он встал, потянулся за бутылкой и стаканом, но так и не налил себе. Он убрал бутылку и поставил стакан в мойку. Открыв холодильник, Лэнсинг вынул упаковку готовых макарон с мясом. Он поморщился при мысли об очередном ужине из макарон с мясом, но что делать. Конечно же, в таких обстоятельствах нельзя ожидать от человека кулинарных изысков.

Лэнсинг вынул из почтового ящика вечернюю газету. Погрузившись в любимое глубокое кресло, он включил лампу и развернул газету. Новостей мало. Конгресс все еще пережевывал проект закона об ограничении продажи оружия, президент предсказывал (снова) тяжелые последствия отклонения конгрессом предложенного им (президентом) увеличения военного бюджета, ассоциация учителей опять издавала вопли по поводу показа насилия на телеэкране. Были обнаружены три новых вещества, могущих вызывать рак. Мистер Дитере вновь уволил Данвуда — и не то чтобы незаслуженно. На странице писем читателей было напечатано послание, с желчью и возмущением уличавшее газету в опечатке в кроссворде.

Макароны с мясом Лэнсинг съел, даже не почувствовав вкуса. Он откопал в буфете черствый бисквит, заварил кофе и за второй чашкой вдруг осознал, что придумывает предлог отложить дело, которое сделает независимо ни от чего, но стремится оттянуть из-за грызущего его сомнения в пра-

вильности собственной линии поведения. И сколько бы он ни колебался, он все равно это сделает. Иначе он никогда не простит себе бездействия, вся его жизнь будет отравлена вопросом: что же именно он упустил?

Лэнсинг поднялся из-за стола и пошел в спальню за ключами от машины.

Глава 5

Здание находилось на окраинной улице, начинавшейся от старого делового района, видавшего лучшие времена. В двух кварталах от мотеля по противоположной стороне улицы шел человек, а в боковом проходе бродячий пес исследовал мусорные баки, решая, содержимое которого окажется наиболее привлекательным, если его опрокинуть.

Лэнсинг вставил большой ключ в замочную скважину, ключ легко открыл входную дверь, и Лэнсинг вошел в длинный, тускло освещенный холл, тянувшийся во всю длину здания. Быстро нашел номер сто тридцать шесть. Меньшим ключом он открыл дверь комнаты так же легко, как большим — входную дверь. Лэнсинг вошел. У стены стояла дюжина игральных автоматов. «Пятый слева», сказала машина, с которой он говорил в кладовке. Лэнсинг отсчитал пятый из «однооруких бандитов» и подошел к нему. Вынув из кармана серебряный доллар, он опустил его в прорезь. Автомат ожил, радостно зажужжав, когда он потянул за рычаг. Цилиндры завертелись как сумасшедшие. Сначала остановился один, затем другой и наконец с резким щелчком — третий. Лэнсинг увидел, что изображения во всех трех окошечках одинаковы. В машине щелкнуло, и из нее хлынул поток золотых монет, каждая размером с доллар. Они заполнили подносик и золотым водопадом посыпались на пол. Некоторые монеты падали на ребро и катились по всей комнате. Цилиндры игрального автомата снова завертелись (завертелись, не дожидаясь нового доллара, опущенного в прорезь!) и снова со щелчком остановились. И на этот раз картинки во всех трех окошечках были одинаковы; машина бесстрастно выдала новый поток монет.

Лэнсинг смотрел на происходящее с изумлением и некоторым трепетом — это была неслыханная вещь. Такого никогда

не случалось, да и не могло случиться: два самых крупных выигрыша подряд.

Когда автомат звякнул в последний раз и затих, обретя обычную немоту и неподвижность, Лэнсинг еще немного подождал, смутно надеясь, что машина снова сама собой выдаст выигрыш. В таких обстоятельствах, сказал он себе, все возможно: нет конца чудесам, на которые способны эти «однорукие бандиты».

Чудо, однако, не повторилось, и, убедившись, что ждать больше нечего, Лэнсинг ссыпал монеты в карман пиджака, а затем, опустившись на четвереньки, собрал и те, что раскатились по полу. Поднеся одну монету к свету, он стал разглядывать ее. Никаких сомнений в том, что это золото: монета была тяжелее, чем серебряный доллар, сделана очень тщательно, блестящая и хорошо отшлифованная, тяжелая и приятная на ощупь. Но никогда прежде Лэнсинг таких денег не встречал. На одной стороне монеты выгравирован куб на заштрихованном фоне, представлявшем, вероятно, землю. На другой стороне изображение чего-то, похожего на веретенообразную башню. Больше ничего — ни надписей, ни обозначения стоимости.

Лэнсинг поднялся и внимательно оглядел комнату. Автомат, с которым он разговаривал, велел ему опустить второй доллар в прорезь седьмой по счету машины. Почему бы и нет, подумал он. С пятым автоматом все вышло не так уж плохо, может быть, ему повезет и с седьмым.

Лэнсинг пошел вдоль ряда. Протянув руку с долларом, он, однако, заколебался. Стоит ли рисковать, спросил он себя. Может быть, номер пятый только заманивал его. Бог знает, что может случиться, если сыграть с седьмым. И все же, подумал Лэнсинг, если он сейчас повернется и уйдет с выигранным золотом, он никогда не узнает, что могло бы произойти, и никогда не перестанет задаваться вопросами. Он будет сгорать от любопытства.

— К черту,— сказал он громко и опустил доллар.

Автомат проглотил монету, звякнул, и табло осветилось. Лэнсинг потянул за рычаг, и цилиндры начали свою безумную карусель. Затем табло погасло, и автомат исчез. Вместе с ним исчезла и комната.

Лэнсинг стоял на тропе через узкую заросшую лесом долину. Высокие толстые деревья окружали его со всех сторон,

где-то недалеко звенел и пел ручеек. Кроме шума потока, ничего не было слышно, ничто вокруг не шелохнулось.

Лучше бы он оставил в покое седьмой автомат, сказал себе Лэнсинг, хотя, кто знает... Может быть, перемещение в лесистую долину окажется еще приятнее, чем выигрыш кучи золота. Однако эта мысль не показалась ему убедительной.

Не двигайся, сказал он себе. Прежде чем тронуться с места, нужно оглядеться. И не следует поддаваться панике — уже в эти первые секунды Лэнсинг почувствовал дуновение панического страха.

Лэнсинг осмотрелся. Впереди тропа шла в гору, и, судя по звуку, где-то рядом был ручей. Лес состоял из дубов и кленов. Их листья начинали обретать багряные цвета осени. Совсем близко от него тропу пересекла белка. Лэнсинг мог проследить ее путь вверх по склону по шелесту опавших листьев. Когда маленький вихрь, поднятый зверьком, улегся, вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь журчанием ручья. Теперь, однако, молчание леса не казалось угнетающим. Лэнсинг слышал мягкие шорохи вокруг: падение листа, возню мелких лесных обитателей, другие звуки, источник которых он не мог определить.

Он сыграл с седьмым автоматом, и нечто (или некто) перенесло его сюда.

— Хорошо,— сказал Лэнсинг.— Но что все это значит? Если вы поразвлеклись, может, уже хватит?

Ничто, однако, не изменилось. Он по-прежнему находился в лесистой долине, и никаких намеков на то, что седьмой автомат — или кто-то, или что-то еще — слышал его.

Это невероятно, подумал Лэнсинг, но вся ситуация была невероятной с самого начала. То, что произошло, не более невероятно, чем говорящий игральный автомат. Если он когда-нибудь вернется, он отыщет студента Джексона, пообещал себе Лэнсинг, и голыми руками разорвет его на части.

Если он когда-нибудь вернется!

До этого момента Лэнсинг думал о своем приключении как о чем-то временном, подсознательно надеясь в любой момент оказаться снова в комнате с игральными автоматами. Но что, если этого не случится? Его прошиб пот от этой мысли, и паника настигла его, словно притаившийся зверь. Лэнсинг побежал. Он бежал, не размышляя, отбросив все доводы рас-

судка, бежал слепо, и во всем его существе не было места ничему, кроме ужаса.

Наконец он споткнулся о камень на тропе, налетел на дерево и растянулся на земле. Он не сделал попытки подняться, скорчившись и ловя воздух ртом.

Страх понемногу отступал. Ему не угрожали никакие чудовища с острыми клыками. Вокруг все было спокойно.

Отдышавшись, Лэнсинг встал. Оглядевшись, он обнаружил, что достиг вершины холма. Лес вокруг все такой же густой, но журчания ручья слышно не было.

Ну, и что теперь? После того как он поддался панике и в какой-то степени одолел ее, каким будет его следующее действие? Не было смысла возвращаться туда, где он оказался после перемещения. Весьма вероятно, подумал Лэнсинг, что он и не сможет найти то место, даже если попытается сделать это.

Что ему нужно, так это информация. Первым делом надо узнать, где он находится, чтобы вернуться в свой колледж. Место, куда он попал, выглядело как Новая Англия. Каким-то образом он оказался перемещенным в пространстве этим проклятым автоматом, хотя, может быть, и не очень далеко. Если ему удастся узнать, где он, и найти телефон, можно позвонить Энди и попросить его приехать. Если идти по тропе, возможно, вскоре он доберется до жилья.

Лэнсинг двинулся по тропе. Идти было легко, похоже, тропой постоянно пользовались. На каждом повороте Лэнсинг с нетерпением озирался, ожидая увидеть дом или встретить кого-нибудь.

Окрестности по-прежнему напоминали Новую Англию. Лес, хотя и густой, выглядел приятно. Никаких троллей или гоблинов или других несимпатичных обитателей. И время года было то же, что и в университетском городке,— осень и там и тут. Было, однако, одно обстоятельство, которое беспокоило Лэнсинга. Когда он отправился на поиски мотеля, уже наступила ночь, а здесь все еще день, хотя и чувствовалось приближение вечера.

И другая мысль смущала Лэнсинга. Если он не найдет пристанища до наступления темноты, ему придется ночевать в лесу, а к этому он не был готов. Одежда не защитит его от ночного холода, да и огонь развести он не сможет. Будучи некурящим, Лэнсинг не носил с собой спичек. Он глянул на

часы и не сразу осознал, что время, которое они показывали, не имело никакого значения в его новом окружении. Он переместился не только в пространстве, но, очевидно, и во времени. Как ни устрашающе это звучало, в настоящий момент данное обстоятельство не слишком взволновало его. У него были другие основания для беспокойства, и главным из них было опасение не найти прибежища на ночь.

Он шел уже около двух часов. Он пожалел, что не вспомнил о часах раньше,— они не показывали здешнее время, но, по крайней мере, он знал бы, как долго идет по тропе.

Мог ли он очутиться в необитаемой местности? До сих пор ему никто не встретился. В обычных обстоятельствах он уже давно вышел бы к какой-нибудь ферме.

Солнце садилось, до наступления темноты оставалось не более часа. Лэнсинг перешел было на бег, но одернул себя. Так не годится: он рисковал снова запаниковать, а этого никак нельзя себе позволить. Прошел еще час, и никаких признаков жилья. Солнце садилось за горизонт, быстро наступала темнота.

Еще полчаса, решил он, поторговавшись с самим собой. Если ничего не появится в ближайшие тридцать минут, необходимо приготовиться к ночлегу — найти какое-нибудь укрытие или соорудить шалаш.

Темнело быстрее, чем Лэнсинг ожидал, и спустя полчаса он решил, что пора выбирать место для ночевки. Но тут впереди он заметил проблеск света. Он остановился, затаив дыхание, чтобы не спугнуть огонек, прошел еще несколько шагов, надеясь лучше рассмотреть источник света,— огонек не исчез.

Лэнсинг двинулся вперед, стараясь не терять из виду свет и не сбиться с тропы. По мере приближения свет делался ярче, и Лэнсинг мысленно поблагодарил судьбу.

Лес расступился; на поляне в густеющих сумерках Лэнсинг увидел очертания дома. Несколько окон светилось, из трубы вился дымок.

Лэнсингу не терпелось поскорее добраться до дома, он сошел с дорожки и в темноте наткнулся на забор. Осторожно нащупал калитку. Она крепилась к высокому столбу, и, взглянув вверх, Лэнсинг увидел перекладину и висящую на цепях вывеску. Он понял, что это вывеска гостиницы, но в сгустившейся темноте не смог прочесть название.

Глава 6

Пять человек, четверо мужчин и одна женщина, сидели за тяжелым дубовым столом перед ярко горящим камином. Когда Лэнсинг вошел и закрыл за собой дверь, все пятеро повернулись в его сторону. Один из сидевших, невероятно толстый человек, поднялся из-за стола и проковылял через всю комнату навстречу Лэнсингу.

— Мы рады, что вы наконец-то прибыли, профессор Лэнсинг,— сказал он.— Мы уже начали беспокоиться. Кроме вас, только одна гостья еще не добралась. Надеюсь, с ней ничего не случилось.

— Еще кто-то? И вы знали, что я появлюсь?

— О да, я знал, когда вы отправились в путь.

— Не понимаю. Никто не мог знать этого.

— Я здешний хозяин,— сказал толстяк.— Я заправляю этой убогой гостиницей ради комфорта и удобства тех, кому случается путешествовать в наших краях. Прошу вас, сэр, располагайтесь у огня и грейтесь. Генерал, я уверен, уступит вам кресло у камина.

— С величайшим удовольствием,— откликнулся генерал,— я уже слегка поджарился, сидя в таком уютном местечке.

Импозантный мужчина с начальственной внешностью поднялся, и на его мундире блеснули медали.

— Благодарю, сэр,— пробормотал Лэнсинг.

Но прежде чем он уселся в кресло, дверь снова отворилась и в комнату вошла женщина. Хозяин заковылял к двери, чтобы приветствовать ее.

— Мэри Оуэн,— сказал он.— Вы ведь Мэри Оуэн? Мы так рады, что вы наконец добрались.

— Да, я Мэри Оуэн,— ответила гостья,— и рада, что добралась, наверняка больше, чем вы. Но не могли бы вы сказать, где я нахожусь?

— Конечно,— сказал хозяин.— Вы в гостинице «Кукареку».

— Что за странное название для гостиницы! — произнесла Мэри Оуэн.

— Ничего не могу сказать на этот счет,— откликнулся хозяин.— Я к этому не имею отношения — гостиница называлась так еще до моего появления. Как вы могли заметить, это достаточно старое заведение. Не один благородный путешественник находил здесь приют.

— Но все-таки что это за место? — спросила Мэри.— Я хочу сказать — что за страна? Кто здесь живет, какая это область, как называется государство?

— Об этом я ничего не знаю. Никогда не слышал никаких названий.

— Но чтобы человек не знал, где он живет...

— Мадам,— вступил в разговор одетый во все черное человек, стоявший рядом с генералом,— поистине все происходящее странно. Хозяин не шутит. Нам он сказал то же.

— Располагайтесь, располагайтесь,— засуетился хозяин.— Проходите поближе к огню. Джентльмены, прибывшие давно и согревшиеся, уступят вам и профессору Лэнсингу свои места. И раз уж все в сборе, я займусь ужином.

Он торопливо засеменил на кухню, а Мэри Оуэн присоединилась к стоявшему у камина Лэнсингу.

— Мне показалось, хозяин называл вас профессором? — обратилась она к нему.

— Да, правильно. Хотя, на мой взгляд, зря. Меня редко так называют. Даже мои студенты...

— Но ведь вы действительно профессор?

— Да. Я преподаю в Лэндморском колледже.

— Я никогда не слышала о таком.

— Это небольшой колледж в Новой Англии.

Генерал обратился к вновь прибывшим:

— Эти два кресла самые удобные. Садитесь. Мы с пастором нежились в них и так слишком долго.

— Спасибо, генерал,— поблагодарила Мэри.

Один из присутствующих, до сих пор не принимавший участия в разговоре, поднялся и мягко коснулся руки Лэнсинга.

— Как вы могли заметить, я не человек. Вы не будете возражать, если я тоже скажу вам «добро пожаловать»?

— Конечно нет,— начал Лэнсинг и остановился, вытаращив глаза на говорившего.— Вы же...

— Я робот, мистер Лэнсинг. Вам не приходилось до сих пор видеть роботов?

— Нет, никогда.

— Это понятно, нас не так уж и много. И мы есть не во всех мирах. Меня зовут Юргенс.

— Извините, что я не заметил вас раньше. Несмотря на огонь в камине, здесь довольно темно, да и столько всего произошло...

— Прошу прощения, мистер Лэнсинг вы, случайно, не сумасшедший?

— Думаю, что нет, Юргенс. Никогда об этом не задумывался. А почему вы спрашиваете?

— У меня есть увлечение,— ответил робот.— Я коллекционирую сумасшедших. В моей коллекции есть один очень занятный экземпляр: он думает, что он Бог, стоит ему только напиться.

— Это на меня не распространяется. Пьяный или трезвый, я никогда не считаю себя Богом.

— Ах, но ведь свихнуться можно по-разному. Существуют и другие виды сумасшествия.

— Не сомневаюсь,— ответил Лэнсинг.

Генерал взял на себя труд представить всех присутствующих друг другу:

— Я Эверетт Дарнли. Командир семнадцатой бригады. Рядом со мной — пастор Эзра Хатфилд, а леди, сидящая за столом, поэтесса Сандра Карвер. Рядом с мистером Лэнсингом — робот Юргенс. Теперь, когда мы познакомились, я предлагаю сесть и отдать должное прекрасному ликеру на столе. Те, кто пришел раньше, уже успели его оценить.

Лэнсинг сел за стол рядом с Мэри Оуэн. Стол, как он заметил, был из дуба, сработанный искусным ремесленником. На столе стояли три свечи и три бутылки, а также поднос с кружками. Только теперь он мог как следует разглядеть собравшихся в комнате. В дальнем углу за небольшим столиком вольготно устроились четверо игроков в карты, полностью поглощенных игрой. Генерал придвинул к себе кружки и разлил ликер.

— Надеюсь, нам не придется долго ждать ужина,— сказал генерал,— и думаю, он окажется не хуже напитков.

Лэнсингу ликер пришелся весьма кстати. Он налил себе еще немного и уселся поудобнее в кресле.

— Пока мы ждали остальных,— начал генерал,— мы гадали, не смогут ли вновь прибывшие, то есть вы, мисс Оуэн и мистер Лэнсинг, объяснить, где мы находимся. Из того, что

вы говорили, мисс Оуэн, ясно, что вы этого не знаете. А вы, мистер Лэнсинг?

— Ни малейшего представления,— ответил Лэнсинг.

— Хозяин утверждает, что и он ничего не знает,— мрачно произнес пастор.— Он говорит, что он всего лишь содержатель гостиницы и что не привык задавать вопросы. Тем более что задавать их здесь некому. Впрочем, я полагаю, что он лжет.

— Не судите слишком поспешно и слишком сурово,— вступила в разговор поэтесса Сандра Карвер.— У него честное и открытое лицо.

— У него лицо свиньи. И он позволяет греховным деяниям совершаться под своей крышей. Эти картежники...

— Что касается греховности,— заметил генерал,— вы все это время пили ликер наравне со мной.

— Это не грех.— Пастор добродетельно поджал губы.— Библия учит нас, что немного вина полезно для организма.

— Ну, приятель, какое же это вино! Такие крепкие напитки не были известны в библейские времена.

— Нам, пожалуй, лучше успокоиться и подумать о том, что нам известно,— сказала Мэри.— Может, тогда мы лучше поймем ситуацию. Нам следует знать, кто мы такие, как попали сюда и что думаем о случившемся.

— Первая разумная мысль,— сообщил собравшимся пастор.— Надеюсь, ни у кого нет возражений?

— У меня нет,— ответила Сандра Карвер так тихо, что остальным пришлось напрячь слух, чтобы уловить ее слова.— Я дипломированная поэтесса из Академии Древнейших Афин. Я владею четырнадцатью языками, хотя пишу и пою только на одном — диалекте Древней Галлии, самом выразительном языке в мире. Я не поняла, как я сюда попала. Я была на концерте и слушала новую симфонию в исполнении оркестра из Заокеанских Земель. Никогда в жизни не слышала более выразительной музыки. Она захватила меня. Мне казалось, что музыка уносит душу из бренного тела в иное пространство. А когда я вернулась, и моя плоть, и мой дух оказались в другом месте — сельской местности небывалой красоты. Там была дорожка, я пошла по ней, и вот...

— А год? — спросил пастор.— В каком году это было?

— Я не понимаю вопроса, пастор.

— В каком году это произошло? Как вы измеряете время?

— В шестьдесят восьмом году Третьего Ренессанса.

— Нет-нет. Я не это имею в виду. В каком году Господа нашего?

— О каком господе вы говорите? В теперешние времена так много господ...

— В каком году от Рождества Христова?

— Христова?

— Да, Иисуса Христа.

— Сэр, я никогда не слышала ни об Иисусе, ни о Христе.

Пастора чуть не хватил удар. Его лицо побагровело, он стал расстегивать воротник, будто ему не хватало воздуха, сделал попытку заговорить, но слова не шли с его уст.

— Мне жаль, если я огорчила вас,— сказала поэтесса.— Я сделала это по незнанию. Простите. Я никогда не обижаю людей по доброй воле.

— Ничего, моя дорогая,— вмешался генерал.— Все дело в том, что наш друг пастор — жертва культурного шока. И он может оказаться не единственным. Ситуация, в которой мы все оказались, совершенно невероятна, но по мере развития событий дело приобретает все же некоторую степень достоверности, хотя боюсь, что большинству из нас принять ее будет трудно.

— Вы хотите сказать,— ответил ему Лэнсинг,— что все мы принадлежим к разным культурам и, может быть, даже к разным мирам?

Удивляясь собственным словам, он вспомнил, как несколько часов назад Энди Сполдинг, играя идеей и явно не веря в ее серьезность, болтал об альтернативных мирах. Теперь Лэнсинг пожалел, что многое пропустил мимо ушей.

— Но мы все говорим по-английски,— сказала Мэри Оуэн,— или, по крайней мере, можем говорить. Сколько языков, Сандра, вы знаете?

— Четырнадцать,— ответила поэтесса.— Правда, некоторые из них не очень хорошо.

— Лэнсинг высказал предположение о том, что все мы из разных культур,— сказал генерал.— Я поздравляю вас, сэр,— очень тонкое наблюдение. Может быть, все и не совсем так, как вы говорите, однако, скорее всего, вы весьма близки к истине. Что же касается языка, на котором мы говорим, то можно сделать даже кое-какие предположения. Мы все при-

надлежим к одной команде и все говорим по-английски. Но ведь возможны и другие команды? Французская команда, итальянская, греческая, испанская — маленькие группы людей, которые могут взаимодействовать, поскольку говорят на одном языке?

— Чистое словоблудие! — вскричал пастор.— Безумие считать и даже предполагать, что то, о чем вы двое говорите, может оказаться правдой. Это противоречит всему, что известно на земле и на небесах!

— Наши знания о земле и небесах,— ответил генерал раздраженно,— всего лишь капля в море. Мы не можем игнорировать факт нашего пребывания здесь, а способ, каким мы сюда доставлены, выходит за пределы всех наших представлений.

— Я думаю, что сказанное мистером Лэнсингом...— начала Мэри.— Лэнсинг, как вас зовут?

— Мое имя Эдвард.

— Спасибо. Я думаю, что предположение Эдварда романтично и даже фантастично. Но если мы хотим понять, где мы и почему мы здесь, нам придется искать совершенно новые пути рассуждений. Я инженер и живу в высшей степени технизированном обществе. Любая теория, выходящая за пределы известного или лишенная солидных научных оснований, действует мне на нервы. У меня нет никаких предположений, с помощью которых можно было бы дать объяснение происходящему. Может быть, кто-то другой имеет необходимую информацию? Как насчет нашего друга робота?

— Я тоже принадлежу к обществу с развитой технологией,— ответил Юргенс,— но и мне не известно...

— Вы обращаетесь к нему? — вскричал пастор.— Вы говорите «робот», и это слово легко срывается с языка, но он всего лишь машина, механическое приспособление.

— Не зарывайтесь,— вмешался генерал.— Я живу в мире, где «механические приспособления» на протяжении многих лет воюют, и воюют профессионально и разумно, а их воображение иногда превосходит человеческое.

— Как ужасно,— прошептала поэтесса.

— Вы, по-моему, хотите сказать,— ответил генерал,— что война ужасна?

— Разве это не так?

— Война — естественная человеческая функция. Человеческой расе присущи агрессивность и тяга к соревнованию. Будь это не так, не было бы стольких войн.

— Но ведь люди страдают. Мучаются. А несбывшиеся надежды?

— К настоящему времени войны по большей части стали игрой,— пояснил генерал.— Именно так смотрели на войну примитивные племена. Индейцы западного континента всегда считали войну игрой. Юноша не считался мужчиной, пока он не убивал своего первого врага. Все, что мужественно и благородно, рождено войной. Да, в прошлом бывало, что чрезмерное рвение приводило к нежелательным последствиям, о которых вы говорите. Теперь же крови проливается немного. Мы играем в войну, как в шахматы.

— Используя роботов,— заметил Юргенс.

— Мы не называем их роботами.

— Может быть, и нет. Механические приспособления. Инструменты, которые, однако, имеют собственное «я» и способность думать.

— Это верно. Они прекрасно сделаны и великолепно обучены. Они помогают нам не только сражаться, но и планировать операции. Мой штаб состоит почти исключительно из них. Во многих случаях даже моя хватка уступает их видению оперативной ситуации.

— И поле боя после сражения усеяно «механическими приспособлениями»?

— Конечно. Мы потом ремонтируем те, которые поддаются восстановлению.

— После ремонта вы снова отправляете их сражаться?

— Ну естественно. Война требует рачительного использования ресурсов.

— Генерал,— сказал Юргенс,— я не думаю, чтобы мне понравилось в вашем мире.

— А что собой представляет ваш мир? Если вам не нравится мой, расскажите нам о своем.

— Наш мир исполнен доброты и покоя. Мы испытываем сострадание к своим людям.

— Это звучит тошнотворно,— сказал генерал.— Своим людям?

— В нашем мире людей осталось мало. Мы заботимся о них.

— Как это ни противно всем моим убеждениям,— заговорил пастор,— я вынужден прийти к заключению, что Эдвард Лэнсинг может быть прав. Похоже, мы все действительно пришли из разных миров. Циничный мир, рассматривающий войну просто как игру...

— Это не простая игра,— прервал его генерал,— иногда она бывает весьма сложной.

— Циничный мир, рассматривающий войну как сложную игру,— продолжал пастор.— Мир поэтов и поэтесс, музыки и академий. Мир, в котором роботы по доброте своей заботятся о людях. И ваш мир, милая леди, в котором женщина может оказаться инженером.

— А что же в этом плохого? — спросила Мэри.

— Женщинам не следует быть инженерами. Они должны быть верными женами, экономными хозяйками и хорошими воспитательницами детей. Это естественная сфера для женщин.

— В моем мире женщины — не только инженеры. Они становятся физиками, врачами, химиками, философами, палеонтологами, геологами, членами правлений корпораций, президентами престижных компаний, юристами и законодателями, главами агентств. Список может быть продолжен без конца.

Из кухни появился деловитый хозяин.

— Освободите стол,— сказал он,— освободите стол для ужина. Надеюсь, он вам понравится.

Глава 7

Весьма вкусный и сытный ужин закончился. Отодвинув стол, собравшиеся расположились у камина, от которого исходило приятное тепло. Позади них, в дальнем углу комнаты, игроки в карты по-прежнему были увлечены игрой.

Лэнсинг кивнул в их сторону:

— А как же они? Они не присоединились к нам, когда мы ужинали.

Хозяин сделал осуждающий жест:

— Они не желают прерывать игру. Я подал им бутерброды, и они съели их, не отрываясь от карт. Они не поднимутся из-за стола до рассвета. Немного прикорнув, они совершают молитву, завтракают и снова садятся за карты.

— Кому же они молятся? — спросила Мэри.— Богам удачи, наверное.

Хозяин помотал головой:

— Не знаю. Я никогда не подслушиваю.

— Вы кажетесь мне удивительно нелюбознательным человеком,— сказал пастор.— О чем бы ни зашла речь, вы обнаруживаете поистине поразительное неведение. Вы не знаете, что это за страна. Вы не знаете, как мы оказались здесь и что нас ожидает.

— Я говорю вам правду,— ответил хозяин — Я действительно не знаю и никогда этим не интересовался.

— И не у кого было спросить?

— Думаю, что так оно и есть.

— Выходит, нас согнали сюда без всякой информации и инструкций,— сказала Мэри.— Но этот кто-то или некая сила должны же были иметь какую-то цель. Неужели ни малейшего представления?..

— Абсолютно никакого, миледи. Я могу сказать вам одно: другие группы, появлявшиеся здесь, отправлялись обычно по древней дороге на поиски того, что лежит за горизонтом.

— Так здесь были и другие группы?

— О да. Очень много. Но проходит много времени, прежде чем одна сменит другую.

— А они возвращаются?

— Редко. Разве что отставшие от группы.

— И что же происходит с теми, кто отстал?

— Этого я не знаю. На зиму я закрываю гостиницу.

— Эта древняя дорога, о которой вы упомянули,— вмешался генерал,— вы не могли бы рассказать о ней побольше? Куда она ведет, куда по ней можно добраться?

— До меня доходили только слухи. Мне приходилось слышать о городе и о кубе.

— Только слухи?

— Да, это все, что я знаю.

— А что такое куб? — спросил Лэнсинг.

— Я рассказал все, что знаю,— упорствовал хозяин.— Мне больше ничего не известно. А теперь я должен коснуться вопроса, который мне неловко задавать, но задать который я должен.

— И какой же? — спросил пастор.

— Это вопрос платежа. Вам следует заплатить и за еду, и за размещение. И еще я держу небольшую лавочку, где вы могли бы купить продовольствие и другие товары, прежде чем отправитесь в путь.

— У меня нет при себе денег,— сказал генерал.— Я их редко ношу с собой. Знай я заранее, что попаду сюда, я бы захватил какую-то сумму.

— У меня всего несколько купюр и пригоршня мелочи,— обратился к хозяину пастор.— Как и все служители церкви в моей стране, я очень беден.

— Я могла бы выписать чек,— вступила в разговор Мэри.

— Мне очень жаль, но я не принимаю чеки. Годится только звонкая монета,— ответил хозяин.

— Ничего не понимаю,— пожаловалась Сандра Карвер.— Монеты и чеки?

— Речь идет о деньгах,— пояснил генерал.— Вы должны знать, что такое деньги.

— Но я ничего об этом не знаю. Умоляю вас, скажите, что такое деньги?

Генерал ответил мягко:

— Это знак, бумажный или металлический, имеющий установленную ценность. Деньги используются для оплаты товаров или услуг. Вам наверняка приходилось использовать их для приобретения пищи и одежды.

— Но мы ничего не покупаем. Мы отдаем. Я отдаю свои поэмы и песни. Другие дают мне пищу и одежду, когда я в них нуждаюсь.

— Совершенно коммунистическое общество,— сказал Лэнсинг.

— Не вижу, почему вы все выглядите такими шокированными и озадаченными,— сказал Юргенс.— То, о чем говорит Сандра, единственный разумный способ организации общества.

— Это означает, как я понимаю,— прокомментировал генерал,— что и у вас обоих тоже нет денег.— Он повернулся к хозяину и произнес: — Очень жаль, приятель. Похоже, вам не повезло.

— Погодите-ка,— вмешался Лэнсинг. У хозяина он спросил: — Не случалось ли, что деньги оказывались только у одно-

го члена группы? Деньги тех, кому принадлежит инициатива во всем этом невероятном действе?

— Иногда бывало,— ответил хозяин.— По правде говоря, почти всегда.

— Что же вы сразу не сказали?

— Ну,— пробормотал хозяин, облизывая губы,— никогда нельзя быть уверенным. И следует соблюдать осторожность.

— Следует ли заключить, мистер Лэнсинг,— сказал пастор,— что вы являетесь нашим казначеем?

— Кажется, да,— ответил Лэнсинг.— Я был озадачен случившимся.— Он вынул из кармана одну из золотых монет и кинул ее хозяину.— Чистое золото,— сказал он, хотя не знал, так ли это.— Хватит на наши расходы?

— Следовало бы заплатить еще две,— сказал хозяин.— За ужин, ночлег и будущий завтрак.

— Я думаю, мистер Лэнсинг, что он бессовестно грабит вас,— сказал пастор.

— Я тоже,— ответил Лэнсинг.— Думаю, за ваши услуги хватило бы и одной монеты. Однако из свойственной мне щедрости я готов заплатить две, но никак не больше.

— Цены так растут, и столько приходится платить слугам...— запричитал хозяин.

— Я плачу две,— повторил Лэнсинг, протягивая вторую монету,— и больше ни гроша.

— Ладно,— вздохнул хозяин,— может быть, следующая группа окажется щедрее.

— И все же это слишком много,— проворчал пастор.

Лэнсинг подкинул монету, и хозяин гостиницы ловко поймал ее пухлой рукой.

— Может быть, и много,— сказал Лэнсинг пастору,— но я не хочу, чтобы он говорил, будто мы обманули его.

Хозяин медленно поднялся.

— Когда пожелаете отойти ко сну,— сказал он,— позовите меня, я провожу вас в ваши комнаты.

После его ухода Мэри сказала:

— Что за странный метод финансировать путешествие. Вы ведь могли ничего не говорить, Эдвард, и остаться при своих деньгах.

— Но хозяин знал, что у кого-то из нас есть деньги.

— Судя по всему, кто-то нас сюда специально направил.

— Или что-то.

— Верно, или что-то. Мы, должно быть, очень нужны кому-то, раз наше пребывание здесь оплачивается.

— Но почему бы не сказать нам, чего от нас хотят?

— Мы имеем дело со странными существами.

— Мистер Лэнсинг, может, это и не наше дело,— сказал генерал,— но не поясните ли вы, как к вам попали деньги?

— Буду только рад,— ответил Лэнсинг,— но, во-первых, знает ли кто-нибудь из вас, что такое игральные автоматы?

Все слышали о них впервые.

— Ну, тогда я расскажу вам длинную историю о студенте, игральных автоматах и моем эксцентричном друге.

Он рассказывал, и все слушали его с неослабным вниманием.

— Должен сказать,— заметил генерал, когда Лэнсинг закончил,— что все это ужасно сложно.

— Все происшедшее,— ответил Лэнсинг,— походило на розыгрыш. Но мое любопытство не давало мне остановиться.

— Может, это и хорошо. Иначе мы бы оказались без гроша за душой.

— Странно,— сказала Сандра,— вы обратили внимание, каким образом нас перенесли сюда: я — благодаря музыке, вы — через посредство этих предметов, которые называете игральными автоматами?

— А меня,— сказала Мэри,— затянул, как ни невероятно это звучит, чертеж. Мой сослуживец принес его мне, попросив объяснить деталь, в которой он не мог разобраться. Он очень настаивал и даже показал пальцем, куда именно я должна смотреть. Действительно, на чертеже был изображен механизм, подобного которому я никогда раньше не видела, и, пока я пыталась в нем разобраться, он как бы поймал меня; потом я увидела лес. Меня поражает, что и Эдвард, и я попали в ловушку при посредстве другого человека: в его случае — студента, в моем — сослуживца-инженера. Не значит ли это, что сила, которая перенесла нас сюда, имеет агентов в наших мирах?

— Поначалу я подумал,— сказал Лэнсинг Мэри,— что вы и я — из одного мира, одной культуры, что наши общества очень похожи друг на друга. Но в разговоре мелькнуло понятие, которое вас озадачило. Похоже, вы не знаете, что такое коммунистическое общество.

— Термин мне известен. Я была удивлена контекстом, в котором он прозвучал, словно бы это что-то реальное, существующее на самом деле.

— В моем мире это так и есть.

— Что касается меня,— вступил в разговор пастор,— то в перенесении сюда никакой человек не принимал участия. Мне было даровано озарение. Я много лет ждал и искал его. Временами мне казалось, что я уже близок к достижению Благодати, но каждый раз она ускользала. И вот, стоя на поле с репой, я узрел видение — ярче и прекраснее, чем я смел надеяться. Я воздел руки, чтобы поклониться ему, и тут озарение стало таким величественным и сияющим, что поглотило меня.

— Мне кажется, мы достигли полной ясности,— сказал генерал.— Все мы из разных миров, разных, но населенных людьми. Пожалуй, хотя бы это не требует дальнейших подтверждений. Рассказы четверых из вас весьма убедительны. Надеюсь, вы извините меня, если я не присоединюсь к рассказчикам — мне не хотелось бы касаться тех странных обстоятельств, благодаря которым я очутился здесь.

— Я осуждаю вашу скрытность,— нахмурился пастор.— Мы с полной откровенностью исповедались...

— Все в порядке,— перебил его Лэнсинг,— если генерал не хочет раскрывать душу, это его право, и я не буду возражать.

— Но среди братьев...

— Мы не братья, пастор. Во-первых, среди нас две женщины — если уж придерживаться буквального смысла слова. Во-вторых, я сомневаюсь, что мы братья в духовном смысле, который вы, по-видимому, имели в виду.

— Если мы и братья,— заговорил робот Юргенс,— нам предстоит доказать это в дороге.

— Только в том случае, если мы действительно тронемся в путь,— ответил пастор.

— Я, по крайней мере, собираюсь это сделать,— сказал генерал.— Я умру от скуки, если придется торчать в этой гостинице. Этот жулик-хозяин говорил о городе, до которого можно добраться по дороге. И, конечно, каким бы ни был этот город, там и удобнее, и веселее, чем в этом свинарнике, и, может, удастся выяснить что-нибудь.

— Он еще говорил о кубе,— сказала Сандра.— Интересно, что бы это могло быть?

Глава 8

Они поздно тронулись в путь. Сначала по неизвестным причинам сильно запоздал завтрак, потом были долгие препирательства по поводу покупки снаряжения: продовольствия, одежды, крепкой обуви, спальных мешков, ножей, топоров, спичек, кастрюль — список был длинным. Генерал настаивал на приобретении ружья и был ужасно возмущен, когда хозяин гостиницы отказался продать оружие.

— Это же смешно! — бушевал генерал.— Кто слышал об экспедиции, отправляющейся в путь безоружной?

Хозяин попытался успокоить его:

— Вам не грозит в пути никакая опасность.

— Откуда вы знаете? До сих пор вы, о чем бы ни заходила речь, проявляли полную неосведомленность. Не зная местности, по которой нам предстоит путешествовать, как можно утверждать, что нам ничего не грозит?

Пришло время платить хозяину за снаряжение, и Лэнсингу пришлось поторговаться. Хозяин явно норовил урвать свое после неудачной попытки получить побольше за жилье. Лэнсинга энергично поддерживал пастор, полагавший, что все кругом алчные лихоимцы.

В конце концов сделка совершилась, хотя стороны остались недовольны друг другом, и путешественники отправились в путь.

Впереди шел генерал, сразу за ним — пастор, затем — Мэри и Сандра. Лэнсинг и Юргенс замыкали колонну. Юргенс нес тяжелый рюкзак, набитый продовольствием. Он почти ни в чем не нуждался — ни в пище, ни в спальном мешке, поскольку он не ел и не спал. В одежде он также не нуждался, но вооружился топором и ножом.

— Меня очень заинтриговали ваши первые сказанные мне слова,— обратился Лэнсинг к роботу.— Вы спросили, не сумасшедший ли я, и сказали, что коллекционируете сумасшедших. Потом вы сказали, что в вашем мире осталось мало людей. Как же тогда...

— Это была неудачная шутка,— ответил робот.— Мне очень жаль, что я так сказал. На самом деле я не коллекционирую людей. Я коллекционирую описания сумасшедших, которые нахожу в литературе.

— Вы составляете список литературных сумасшедших?

— О, не только. Я конструирую миниатюрные подобия, подобия людей, как если бы они существовали в реальной жизни.

— Так вы коллекционируете кукол?

— Более того. Эти фигурки двигаются и говорят, они разыгрывают сценки. Очень занимательно. Я развлекаюсь с ними часами. Благодаря им я, как мне кажется, лучше понимаю людей.

— Это механические игрушки?

— Ну, примерно. Их основа механическая, хотя есть и биологические элементы.

— Поразительно,— сказал Лэнсинг, слегка шокированный.— Вы создаете живых существ?

— Да. Во многих отношениях они живые.

Лэнсинг умолк, продолжать разговор ему расхотелось.

Дорога мало чем отличалась от тропы. Иногда обнаруживались двойные колеи, оставленные колесами, но чаще колеи покрывала трава и ползучие растения.

Поначалу дорога шла лесом, и лишь спустя два часа взору путешественников открылась холмистая степь, поросшая травой и с редкими островками деревьев. День, приятно теплый вначале, становился все жарче по мере того, как солнце поднималось к зениту.

Генерал, вышагивающий впереди, остановился в тени рощицы и предложил сделать привал:

— Наши дамы нуждаются в отдыхе. Жарко.

Он вытащил из кармана мундира большой белый платок и вытер потное лицо. Потом достал фляжку и стал жадно пить.

— Да, нужно отдохнуть,— сказал Лэнсинг.— А чтобы не терять времени, можно и пообедать.

— Замечательная идея,— с энтузиазмом откликнулся генерал.

Юргенс, распаковав свой рюкзак, уже резал холодное мясо и сыр.

— Приготовить чай? — спросил робот.

— Некогда,— ответил пастор.— Мы должны спешить.

— Я принесу дров, чтобы вскипятить чай,— сказал Лэнсинг.— Недалеко отсюда я видел сухое дерево. Чай нам всем пойдет на пользу.

— Незачем ублажать плоть,— возразил пастор.— Можно обойтись и без чая. Мы могли бы на ходу есть сыр с сухарями.

— Сядьте,— сказал ему генерал.— Сядьте и расслабьтесь. Нельзя мчаться сломя голову на марше. В ритм нужно входить медленно и постепенно.

— Я не устал,— огрызнулся пастор.— Мне не нужно входить в ритм.

— Подумайте о дамах, пастор!

— Дамы не такие неженки. Это вы скисли, а не они.

Они все еще препирались, когда Лэнсинг отправился за дровами. Дерево, которое он заметил по дороге, оказалось неподалеку, и Лэнсинг принялся за дело, обрубая сухие сучья. Одной охапки дров хватит, чтобы вскипятить чай.

За его спиной треснула веточка. Лэнсинг обернулся и увидел Мэри.

— Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

— Ничуть, рад компании.

— Неуютно там — те двое все еще ссорятся.

— Они оба одержимые.

— И очень похожи друг на друга.

Лэнсинг засмеялся:

— Они бы задушили вас, скажи вы им это. Каждый из них презирает другого.

— Может быть, именно потому, что они так похожи. Каждый видит в другом свое отражение. Классический случай ненависти к себе, вы не находите?

— Не знаю. Я не силен в психологии.

— А что вы знаете? Я хочу сказать, какой предмет вы преподаете?

— Английскую литературу. В своем колледже я считался специалистом по Шекспиру.

— А знаете, вы и выглядите как профессор. У вас ученый вид.

— Пожалуй, дров хватит,— сказал он, нагибаясь и собирая нарубленные сучья.

— Помочь?

— Да нет, этого довольно, чтобы вскипятить чай.

— Эдвард, как вы думаете, что мы найдем в конце концов? И что мы ищем?

— Не знаю, Мэри. И, наверное, никто не знает. И не знаю, почему мы здесь. Никто из нас не рвался сюда, однако...

— Я все время думаю об этом и не могла уснуть прошлой ночью. Кто-то хотел, чтобы мы попали сюда. Кто-то нас сюда перенес. Мы не добровольно оказались здесь.

Лэнсинг легко поднялся, взвалил охапку сучьев на плечо.

— Не переживайте. Может быть, через день или два все прояснится.

Они направились к месту привала и наткнулись на Юргенса, поднимавшегося из низинки с четырьмя флягами на плече.

— Я нашел родник,— сказал он.— Я мог бы наполнить и ваши фляжки.

Лэнсинг разжигал костер, пока Юргенс наливал воду в чайник и втыкал в землю рогатину, чтобы подвесить его над огнем.

— Известно ли вам,— требовательно спросил пастор, нависая над стоявшим на коленях Лэнсингом,— что этот робот принес флягу и для себя?

— Что же в этом плохого?

— Он же не пьет. Так почему бы...

— Возможно, он заботится о том, чтобы вы или генерал могли утолить жажду, когда ваши фляги опустеют. Об этом вы не думали?

Пастор фыркнул с издевкой.

Лэнсинга окатила горячая волна гнева. Он поднялся и повернулся лицом к пастору.

— Я скажу вам кое-что и больше повторять не стану. Вы смутьян, а нам здесь смутьяны не нужны. Будете продолжать в том же духе — я устрою вам трепку. Понятно?

— Правильно, правильно! — воскликнул генерал,

— А вы,— повернулся к нему Лэнсинг,— заткнитесь. Вы рветесь командовать и пока что не справляетесь с этим.

— Надо полагать, вы считаете, что вам следовало бы быть командиром.

— Нам вообще не нужно начальство, генерал. Если вас снова начнет разбирать спесь, вспомните об этом.

Обедали молча и в молчании снова тронулись в путь. Генерал по-прежнему шел первым, и пастор следовал за ним.

Характер местности не менялся. Идти по равнине с разбросанными тут и там рощицами было приятно, но жара не спадала. Генерал теперь шел медленнее, чем до привала.

Дорога шла в гору, и путешественникам приходилось одолевать холм за холмом, один выше другого. Наконец, поднявшись на очередную вершину, генерал остановился. И закричал.

Склон холма круто обрывался в чашеобразную долину. На дне впадины красовался небесно-голубой куб. Даже издали он поражал массивностью. Простая и правильная форма — прямые грани, плоская верхушка. Никаких украшений, но размер и пронзительная голубизна делали его необыкновенно эффектным.

Дорога, которой они шли, вилась вниз по крутому склону. На дне долины у куба она делала петлю, затем зигзагом поднималась по противоположному склону.

Сандра пискнула:

— Он прекрасен!

Генерал откашлялся.

— Хозяин гостиницы говорил о кубе, но я не ожидал ничего подобного. Вероятнее было бы обнаружить какие-то руины. Правда, должен признаться, я не особенно задумывался о кубе. Меня гораздо больше интересовал город.

Углы губ пастора поползли вниз.

— Мне не нравится, как это выглядит.

— Вам не нравится все на свете,— отпарировал генерал.

— Не лучше ли для начала спуститься вниз и все разглядеть,— предложил Лэнсинг.

Спускались долго. Им пришлось следовать всем извивам дороги, склон был слишком крут, чтобы идти напрямик.

Куб был окружен широкой полосой песчаной почвы, на которой ничто не росло. Песчаный круг с кубом в самом центре был настолько правильной формы, что казался размеченным землеустроителями. Песок был белым и чистым, как в детской песочнице; ветер покрыл его мелкими волнами.

Стены куба подымались на высоту футов в пятьдесят, если не больше. Никаких отверстий, ничего, что походило бы на дверь или окно. И никаких украшений, резьбы или надписей. На близком расстоянии небесная, чистейшей невинности голубизна куба поражала так же, как и издали. Стены представляли собой абсолютно гладкую поверхность. Они определен-

но не из камня, подумал Лэнсинг. Пластик, вероятно, хотя мысль о пластике казалась невозможной в этой безлюдной глуши; или керамика, благородный фарфор.

В безмолвии люди обошли куб, по молчаливому соглашению не ступая на песчаный круг.

— Он прекрасен,— сказала Сандра со вздохом изумления.— Более прекрасен, чем казался издали. Более прекрасен, чем что бы то ни было.

— Поразительно,— откликнулся генерал,— действительно поразительно. Но что это такое?

— Должно быть, он функционален,— задумчиво произнесла Мэри.— Размер и масса... Будь он чисто символическим сооружением, он не был бы так велик. Кроме того, его бы построили на самом высоком месте, чтобы был виден издалека.

— Это место давно никем не посещалось — на песке нет следов,— сказал Лэнсинг.

— Если следы и были,— возразил генерал,— ветер быстро сровнял песок.

— Что это мы стоим и смотрим, словно бы боимся его,— сказал Юргенс.

— Возможно, мы его действительно боимся,— ответил генерал.— Представляется несомненным, что строители куба — представители развитой цивилизации. Это не нагромождение камней, которым суеверные дикари отмечали место поклонения своему божеству. И логично предположить, что сооружение должно иметь защиту, иначе его стены были бы покрыты надписями.

— Надписей нет,— сказала Мэри.— На стенах вообще нет ни единой отметины.

— Может быть, стены сделаны из материала, который не поддается воздействию,— ответила Сандра,— любой инструмент просто соскальзывает, не оставляя следа.

— Я все же думаю, что нужно исследовать куб,— проговорил робот.— Если подойти совсем близко к нему, можно найти ответы на многие вопросы.

С этими словами Юргенс повернулся и пошел к кубу через песчаную полосу. Лэнсинг предостерегающе закричал, но робот притворился, будто не слышит. Лэнсинг кинулся следом — он чувствовал, как, по-видимому, и все остальные, за исключением робота, смутную угрозу, исходящую от этого геометри-

чески правильного песчаного круга. Лэнсинг почти догнал Юргенса, но зацепился за какой-то скрытый песком предмет и упал ничком.

Поднявшись на четвереньки и стряхивая песок с лица, Лэнсинг услышал крики остальных. Голоса покрывал могучий рык генерала:

— Немедленно назад, идиот! Там могут быть ловушки!

Юргенс уже почти достиг стены, он не замедлил шага, как если бы, подумал Лэнсинг, собрался на всем скаку врезаться в нее. В ту же секунду, когда эта мысль пришла в голову Лэнсинга, он увидел, как что-то швырнуло робота высоко в воздух и навзничь бросило на песок. Что-то похожее, как показалось Лэнсингу, на змею (хотя, конечно, змей это быть не могло) внезапно появилось из песка, ударило и исчезло так быстро, что глаз не успел уследить за движением.

Юргенс, упавший на спину, сделал попытку перевернуться, отталкиваясь обеими руками и ногой, чтобы отодвинуться от стены. Другая нога его явно не слушалась.

Лэнсинг бросился к роботу. Он ухватил его за руку и стал тянуть в сторону дороги.

— Ну-ка, позвольте,— услышал он голос и, глянув вверх, увидел наклонившегося пастора.

Пастор обхватил Юргенса поперек туловища, закинул его на плечо, как мешок с зерном, слегка покачнувшись под его тяжестью, дошел до дороги и усадил робота на землю.

Лэнсинг опустился на колени рядом с пострадавшим.

— Где болит? — спросил он.

— У меня ничего не болит,— ответил Юргенс.— Моя конструкция не предусматривает болевых ощущений.

— Одна нога повреждена,— сказала Сандра.— Правая. Он не может ею пользоваться.

— Ну-ка, давайте я подниму,— предложил генерал.— Посмотрим, выдержит ли нога ваш вес.

Могучим рывком он поднял робота, поддерживая его, пока тот не встал на обе ноги. Юргенс попытался удержать равновесие самостоятельно, но правая нога подогнулась. Генерал помог роботу сесть.

— Если это механическая поломка, может быть, ногу удастся починить,— сказала Мэри.— Дело ведь только в механической части, не правда ли, Юргенс?

— Скорее всего,— ответил Юргенс,— хотя возможно, поврежден и какой-то нерв — биологическая составляющая ноги. Я не уверен.

— Если бы у нас были инструменты! — простонала Мэри.— Проклятье, как мы не подумали о том, что в пути нам могут понадобиться инструменты?

— У меня есть набор инструментов,— сказал Юргенс.— Правда, небольшой, но, может быть, этого достаточно.

— Ну, слава богу,— ответила Мэри.— Хорошо бы починить ногу.

— Кто-нибудь видел, как это случилось? — спросила Сандра.

Присутствующие покачали головами. Лэнсинг промолчал.

— Что-то ударило меня,— сказал Юргенс.

— Вы видели, что это было? — продолжала Сандра.

— Я ничего не видел. Я просто почувствовал удар.

— Нам не стоит оставаться на дороге,— сказал генерал.— На ремонт ноги может потребоваться какое-то время. Давайте найдем место для лагеря, тем более что начинает темнеть.

Они выбрали место для ночевки на опушке рощи, примерно в полумиле от дороги. В роще обнаружился родник, так что проблема воды оказалась решена. Топлива было тоже достаточно. Лэнсинг помог Юргенсу дохромать до лагеря и усадил его у дерева. Генерал распорядился:

— Мы все займемся костром, приготовлением ужина и прочим. Мэри, беритесь за ремонт. Лэнсинг поможет вам, если нужно.— Он отошел от них, но тут же вернулся и сказал Лэнсингу: — Мы обсудили наши отношения с пастором. Без большого удовольствия, но обсудили. Оба пришли к выводу, что были не правы в том инциденте на привале. Думаю, вам следует знать об этом.

— Спасибо, что сказали,— ответил Лэнсинг.

Глава 9

— Черт возьми! — воскликнула Мэри.— Вот сломанный храповик, во всяком случае то, что мне представляется таковым. Если бы мы смогли найти замену, сустав был бы как новенький.

— К сожалению,— ответил Юргенс,— такой детали у меня с собой нет. Кое-какие запасные части я ношу с собой, но этой не найдется. Нельзя ведь носить с собой все детали, из коих я смастерен. Я благодарю вас, леди, за то, что вы сделали для меня. Самому мне было бы трудно справиться с такой работой.

— Нога плохо гнется,— заметил Лэнсинг.— Он не может согнуть колено, и даже после ремонта бедро не слишком подвижно.

— Я могу двигаться, но медленно,— констатировал Юргенс.

— Я сделаю костыль,— откликнулся Лэнсинг.— Вам придется поучиться, как им пользоваться, но, когда привыкнете, думаю, он вам поможет.

— Чтобы вместе с вами продолжить путешествие, я готов ползти на четвереньках,— сказал Юргенс.

— Вот ваши инструменты,— вмешалась Мэри.— Я сложила их обратно в ящичек.

— Благодарю вас,— произнес Юргенс. Взяв ящичек с инструментами, он открыл дверцу на своей груди, убрал туда ящичек и закрыл дверцу. Для верности он еще похлопал по груди, чтобы убедиться, что дверца действительно закрыта.

— Мне кажется, кофе готов,— сказала Мэри.— Не знаю, как насчет еды, а запах кофе я чую на расстоянии. Эдвард, вы присоединитесь ко мне?

— Да, сейчас,— ответил Лэнсинг.

Сидя на корточках рядом с Юргенсом, он смотрел, как Мэри подошла к огню.

— Идите и выпейте кофе,— предложил Юргенс,— уже нет необходимости сидеть со мной.

— Кофе может и подождать,— возразил Лэнсинг.— Вы сказали одну вещь... Что готовы ползти за нами на четвереньках. Юргенс, что происходит? Вы знаете что-то, что нам неизвестно?

— Ничего определенного. Но я не хотел бы отстать от вас.

— Почему? Мы все беженцы. Мы были выброшены из наших миров, из наших культур. Мы не знаем, почему мы здесь...

— Лэнсинг, что вы знаете о свободе?

— Боюсь, немного. Пока человек свободен, он не думает о свободе. В мире, откуда я пришел, люди свободны, им не

нужно бороться за свободу. Она нам гарантирована, и мы редко задумывались о ней. Только не говорите мне, что вы...

— Не в той форме, как вы подумали. В моем мире роботов никоим образом не притесняют. В каком-то смысле мы свободны, но в то же время несем бремя ответственности. Позвольте, я попробую объяснить.

— Прошу вас. В гостинице вы сказали, что заботитесь о ваших людях, и выражение показалось мне довольно странным. Вы сказали, что в вашем мире осталось мало людей.

— Прежде скажите мне одну вещь,— попросил Юргенс.— Вы рассказывали о том, что обсуждал с вами ваш приятель; кажется, вы сказали, что просто трепался. Об альтернативных мирах, альтернативных землях, разделяющихся в некоторых критических точках. Я помню, вы сказали, что это может объяснить происходящее.

— Да, все верно. При всей безумности такого предположения...

— И каждый из альтернативных миров имеет свою судьбу. Они существуют одновременно во времени и пространстве. Означает ли это, что, если мы действительно представители альтернативных миров, все наши миры существуют в одних временных рамках?

— Я не думал об этом,— сказал Лэнсинг.— Понимаете, все это только предположения. Однако, если теория об альтернативных мирах верна и мы действительно перенесены сюда из разных миров, я не вижу оснований предполагать, что все мы жили одновременно. Та контора, что транспортировала нас сюда, могла произвольно выбрать время.

— Хорошо. Меня волновал этот вопрос. Должно быть, я прибыл из значительно более позднего времени, чем все вы. Наш мир был оставлен людьми.

— Оставлен?

— Да, все они отправились к другим планетам, далеко в космос. Насколько далеко, я не знаю. Земля, моя родная Земля, превратилась в облезлую старуху. Природа ее была изувечена, ресурсы исчерпаны. Последние ушли на постройку кораблей, унесших людей в космос. Они оставили Землю выпотрошенной и разграбленной.

— Но вы сказали, что на вашей Земле еще остались люди, хотя и немного.

— Да, на Земле остались люди. Те, кто был никому не нужен: неумехи, слабаки и придурки. Те, кого не имело смысла брать с собой в космос. И роботы — безнадежно устаревшие, но чудом избежавшие переплавки. Все, кто ни на что уже не способен — и люди, и роботы,— были брошены. А сильная, сверкающая красками жизнь — нормальные люди, современные роботы — рванулась вперед, к звездам, на поиски новых молодых миров. Нам, артефактам, накопившимся за тысячи лет эволюции, была предоставлена возможность построить свою жизнь так, как сумеем. И мы, роботы, выброшенные представителями человечества как ненужный хлам, на протяжении столетий пытались сделать все, что в наших силах, для оставшихся людей. Увы, наши старания были бесплодными, вековые труды ни к чему не привели. Потомки тех несчастных, что были брошены своими соплеменниками, за истекшие годы не восстановили ни умственных способностей, ни духовности, что были присущи древним людям. Периодически искра надежды вспыхивала в нас, два или три человека из поколения, казалось, подавали надежду, но проблески разума гасли в трясине дурных генов. В конце концов я пришел к убеждению, что человечество вымирает и веры в лучший исход не осталось. С каждым поколением люди становились все отвратительнее, злее, никчемнее.

— Итак, вы оказались в ловушке, связанные обязательствами перед людьми.

— Да, вы попали в точку,— вздохнул Юргенс.— Вы отлично поняли меня. Точно, мы угодили в ловушку. Мы должны были остаться, чтобы опекать этих деградирующих существ, но все наши старания оказались напрасными.

— И теперь, вырвавшись из этого мира, вы ощущаете себя свободным.

— Да. Свободнее, чем когда-либо. Наконец-то я принадлежу самому себе. Разве я не прав?

— Наверное, правы. Всякая, даже самая неприятная, работа когда-нибудь кончается.

— Лэнсинг, как вы справедливо заметили, мы не знаем, где мы и что нам предстоит. Но, по крайней мере, можем начать путь, сбросив груз прежних ошибок.

— И вы среди людей, которым приятно ваше общество.

— Вот в этом я не уверен. Пастор не в восторге от моего присутствия.

— Не обращайте внимания на пастора,— посоветовал Лэнсинг.— Я рад, что вы с нами. Мы все, ну может быть за исключением пастора, рады вам. При этом не забывайте, именно пастор первым пришел вам на помощь и вытащил вас, когда вы упали. Хотя, конечно, никуда не денешься от его религиозного фанатизма.

— Я докажу свою необходимость всем, даже пастору.

— Именно поэтому вы ринулись штурмовать стену? — поинтересовался Лэнсинг.

— В тот момент я не думал об этом. Я видел реальную работу, которая должна быть выполнена, и я постарался сделать ее. Впрочем, может, и в самом деле я пытался что-то доказать.

— Юргенс, ваш поступок был редкостной глупостью. Обещайте мне, что больше этого не повторится.

— Попробую. Останавливайте меня, если я начну делать глупости.

— Хорошо, в следующий раз я сразу стану бить вас тем, что попадется под руку,— заключил Лэнсинг.

Они услышали голос генерала:

— Лэнсинг, идите, ужин готов.

Лэнсинг поднялся.

— Может, и вы присоединитесь к остальным? Я помогу вам дойти.

— Пожалуй, нет, спасибо,— поблагодарил Юргенс.— Мне о многом надо подумать.

Глава 10

Лэнсинг обтесывал срубленное раздвоенное молодое деревце: мастерил костыль для Юргенса.

Пастор поднялся, чтобы подбросить дров в огонь.

— Где генерал? — спросил он.

— Он пошел за Юргенсом,— ответила Мэри.

— Зачем он это делает? Почему не оставит его в покое?

— Это было бы нехорошо. Юргенс должен быть вместе с нами.

Пастор молча вернулся на свое место. Сандра подошла к Мэри.

— Там кто-то возится в темноте,— сказала она тихо.— Я слышу, как оно сопит.

— Это, наверное, генерал. Он пошел за Юргенсом.

— Нет, это не генерал. Это что-то четвероногое. И генерал не сопит.

— Какие-нибудь маленькие зверушки,— вставил Лэнсинг, оторвавшись от работы.— Они всегда шныряют вокруг, где ни разбивай лагерь. Приходят из любопытства — просто посмотреть, что происходит, а может, и ухватить что-нибудь съедобное.

— Они нервируют меня,— сказала Сандра.

— У нас у всех нервы на пределе,— заметила Мэри.— Этот куб...

— Давайте постараемся пока забыть о кубе,— предложил Лэнсинг,— утро вечера мудренее.

— Мое мнение о кубе, по крайней мере, не изменится,— вмешался пастор.— Он — порождение зла.

В круг света, отбрасываемого костром, вошел генерал, поддерживая шатающегося Юргенса.

— Что тут говорят о порождении зла? — прогремел генеральский голос.

Пастор промолчал. Генерал усадил робота между Мэри и пастором.

— Он с трудом двигается.— Генерал кивнул на Юргенса.— И практически не способен пользоваться ногой. Нельзя ли закрепить ее получше?

Мэри покачала головой:

— Сломалась одна из деталей в коленном сочленении, и заменить ее нечем. Что-то погнулось в бедре. Я смогла восстановить некоторые функции ноги, но больше ничего не поделаешь. Костыль Эдварда должен помочь.

Генерал тяжело опустился на землю рядом с Лэнсингом.

— Готов поклясться,— сказал он,— кто-то помянул зло.

— Оставьте, для обсуждения есть темы и поважнее,— попытался предотвратить столкновение Лэнсинг.

— Не нужно, уважаемый учитель,— произнес пастор,— вмешиваться в спор между священнослужителем и воином. Мы можем наконец выяснить наши отношения.

— Ну что ж, если вы настаиваете, пожалуйста,— сказал Лэнсинг.— Но прошу вас оставаться джентльменами.

— Я всегда веду себя как джентльмен,— гордо заявил генерал.— Инстинктивно. Офицер и джентльмен — эти понятия неразделимы. Что же до наших неотесанных друзей...

— Я только сказал, что куб — порождение зла,— перебил его пастор.— Возможно, это мое личное мнение, но служителей церкви, в отличие от военных, учат замечать такие вещи.

— И как же вы выявили зло? — поинтересовался генерал.

— О, достаточно взглянуть на куб. Полоса песка вокруг него предостерегала нас. Люди доброй воли окружили куб этой полосой, и мы должны были внять предупреждению. Тот, кто не внял, заплатил за это достаточно дорого.

— Может, это и было предостережение,— отпарировал генерал,— но полоса полна ловушек, в одну из которых и попал наш металлический друг. Если я не ошибаюсь, ваши люди доброй воли не имели отношения к ловушкам. Добро, их добрая воля обнесла бы всю эту конструкцию ограждением. Вы, пастор, пытаетесь внести панику в наши ряды. Вы называете опасность злом, чтобы оправдать свое бегство от нее. Я считаю, необходимо пересечь полосу, но соблюдая максимальную осторожность: с помощью кола или шеста нам следует обнаружить и обезвредить ловушки. Кто-то явно не хочет, чтобы мы узнали слишком много об этом кубе. Возможно, это информация чрезвычайной важности, и я, например, не собираюсь упускать такой шанс.

— Это в вашем духе,— отозвался пастор,— и я не пошевелю и пальцем, чтобы остановить вас, но моя святая обязанность — предупредить, что злые силы лучше оставить в покое.

— Снова вы про злые силы. Могу я спросить, что такое зло? Как вы его определяете?

— Пытаться объяснить вам такие вещи — пустая трата сил.

— Кто-нибудь видел, что в точности произошло, когда Юргенс упал? — вмешалась Мэри.— Он сам ничего не видел, только сказал, что почувствовал толчок. Что-то ударило его, но он не видел что.

— Я ничего не заметил,— уверенно произнес пастор,— хотя стоял так, что должен был видеть все мелочи. Это утверждает меня в мысли, что здесь не обошлось без вмешательства злых сил.

— Я видел что-то,— вступил в разговор Лэнсинг,— или мне просто показалось. Это звучит несколько странно, но я не уловил движения. Только рябь. Рябь, которая пробежала столь

быстро, что я не могу сказать наверняка, будто я ее видел. Я и сейчас еще полон сомнений.

— Не понимаю, как вы можете говорить о зле! — воскликнула Сандра.— Куб прекрасен. Он заставляет затаить дыхание, любоваться им. Я не ощущаю в нем зла.

— И все-таки он атаковал Юргенса,— возразила Мэри.

— Да, я понимаю. Но, даже зная об этом, я не перестаю восхищаться им. Мое мнение — в нем нет зла.

— Хорошо сказано,— восхищенно произнес генерал.— Сразу видно, что вы поэтесса, дипломированная поэтесса — кажется, так вы себя назвали?

— Да, вы правы,— тихо откликнулась Сандра.— Вы представить себе не можете, что это для меня значит. Только житель моего мира может понять, какая это честь быть дипломированной поэтессой. Поэтов у нас очень много, и многие из них — мастера своего дела, но лишь единицы удостаиваются диплома.

— Право, не могу себе представить такого мира,— сказал пастор.— Должно быть, это волшебное место. Много красивых слов, но, боюсь, мало хороших дел.

— Вы правы, вы не можете представить себе нашего мира,— ответила Сандра.— Вы чувствовали бы себя у нас не в своей тарелке.

Некоторое время все сидели молча.

— Опять,— прошептала Сандра.— Там снова кто-то крадется. Я слышу сопение.

— Я ничего не слышу,— ответил генерал.— Дорогая, это все игра вашего воображения. Там никого нет.

Вновь воцарилось молчание, которое на сей раз нарушил пастор:

— Что мы будем делать завтра утром?

— Мы осмотрим куб,— ответил ему генерал,— мы обследуем его тщательно, но очень осторожно. Если после этого ситуация не прояснится, мы продолжим наш путь. Впереди, если гнусный хозяин гостиницы не врал, должен быть город, и мне кажется, что в городе мы скорее найдем объяснение интересующим нас вещам, нежели здесь. Если мы захотим и если в этом будет смысл, мы всегда сможем вернуться сюда и сделать еще одну попытку подойти к кубу.

Пастор, махнув рукой в сторону Юргенса, спросил Лэнсинга:

— Он в состоянии путешествовать?

Лэнсинг повертел в руках недоделанный костыль.

— Юргенсу понадобится некоторое время, чтобы привыкнуть к нему. Это непростая задача. Я мог бы сделать лучший костыль, если бы под рукой были необходимые материалы. Юргенс сможет идти, но медленно. Нам нужно будет подстроиться под его скорость. Думаю, нам некуда спешить.

— Не уверен,— вновь вступил в разговор генерал.— Мы толком не знаем ничего о нашей экспедиции. Возможно, существуют некие пределы, неизвестные нам.

— Чтобы действовать эффективно, для начала давайте попробуем понять, почему мы здесь. Мы не должны упускать ничего, что может дать нам ключ к разгадке,— высказала свое мнение Мэри.— По-моему, мы должны оставаться у куба, пока не убедимся, что в нем не заключено ничего важного.

— Интуиция подсказывает мне,— ответил на это генерал,— что в городе мы получим значительно больше информации, чем в этой пустыне. Там мы сможем найти людей и поговорить с ними.

— Да, если мы сможем понять их,— заметила Мэри.— И если они станут разговаривать с нами. Если они не прогонят нас или не бросят в тюрьму.

— Пожалуй, все это следует принять во внимание,— согласился генерал.

— Я полагаю, что пора укладываться спать,— сказал пастор.— У нас был длинный и тяжелый день, всем нам необходим отдых.

— Я первым буду стоять на страже,— заявил генерал,— затем вы, Лэнсинг. Пастор, на ваше дежурство приходится остающаяся часть ночи. Возражения есть?

— У вас нет необходимости стоять на часах,— сказал Юргенс,— это моя работа. Я никогда не сплю. Я обещаю быть бдительным. Вы можете положиться на меня.

Глава 11

После завтрака они пересекли дорогу и направились к кубу. Трава была еще влажной от росы. Юргенс поднял их с рассветом, уже приготовив овсянку и кофе.

В косых лучах утреннего солнца куб не казался таким голубым, как при ярком дневном освещении, и мерцал подобно изящному и хрупкому опалу.

— Он как фарфоровый,— сказала Сандра.— В первый раз он лишь слегка напоминал фарфор, но сейчас невозможно ошибиться.

Пастор поднял камень размером с кулак и швырнул его в стену куба. Камень отскочил рикошетом.

— Это не фарфор,— сказал пастор.

— Что за дьявольский способ выяснения,— сказал Лэнсинг.— Куб может запомнить, кто бросил камень.

— Вы говорите так, будто он живой,— заметила Мэри.

— Я не поручился бы в обратном.

— Мы только теряем время, болтая здесь,— проворчал пастор.— Я продолжаю видеть в кубе зло, но если остальные намерены изучать его, что ж — пожалуйста, я не против. Чем скорее мы закончим, тем скорее сможем заняться чем-нибудь другим.

— Правильно,— сказал генерал.— Давайте вернемся в рощу и срубим несколько шестов. Ими можно прощупывать землю, перед тем как ступать на нее.

Лэнсинг не пошел с генералом и пастором. Он последовал за Юргенсом, который пробовал ходить с помощью костыля. Пока получалось не очень успешно, но со временем, сказал себе Лэнсинг, он приспособится. Дважды Юргенс падал и Лэнсинг помогал ему подняться.

— Оставьте,— в конце концов сказал ему Юргенс,— не нужно меня подстраховывать. Я ценю вашу заботу, но должен научиться справляться сам. Если упаду — сумею подняться.

— Ладно, приятель,— ответил Лэнсинг.— Скорее всего, вы правы.

Лэнсинг по-прежнему поглядывал на Юргенса. Тот упорно делал попытку за попыткой. Он упал, но с помощью костыля поднялся и снова возобновил тренировку. Генерал и пастор были в роще, вырубая шесты, и Лэнсинг иногда слышал звук топора. Мэри и Сандра, наверное, находились по другую сторону куба.

Оставив Юргенса, Лэнсинг медленно обошел куб, не ступая при этом на песчаную полосу. Он внимательно разглядывал его стены, надеясь увидеть шов или какую-нибудь щербину

на его поверхности, но не обнаружил ничего. Стены были гладкими, без единой трещины. Материал, из которого они были сделаны, выглядел монолитным.

Лэнсинг, глядя на куб, перебирал в уме вопросы и предположения. Был ли куб жилищем, домом, в котором обитает семья неизвестных существ? Могут ли они сейчас находиться внутри, поглядывая в окна, рассматривая странных неразумных двуногих, окруживших их дом? Или, может быть, это хранилище знаний, библиотека, сокровищница фактов и мыслей, полностью чуждых человеческому разуму: может быть, принадлежащих другой ветви человечества, удаленной на многие миллионы лет от известного ему мира? Вполне возможно, думал он. Только прошлой ночью они с Юргенсом говорили об этом, обсуждая неравномерность течения времени, вполне допустимую в альтернативных мирах. Из слов Юргенса явствовало, что мир роботов на многие тысячи лет опередил Землю Лэнсинга. А не может ли куб быть вневременной структурой, смутно проглядывающей через туманную дымку другого времени и пространства? Но ведь куб отчетливо виден. Он был столь же реален, как и все вокруг.

Лэнсинг медленно обходил куб. Солнце поднялось уже высоко, день был прекрасным. Роса высохла, голубизну неба не нарушало ни единое облачко. Из рощи появились генерал и пастор, каждый из них нес по длинному отесанному шесту, вырезанному из молодого деревца. Они перешли дорогу и приблизились к Лэнсингу.

— Вы обошли куб? — спросил пастор.— Полностью обошли?

— Да,— ответил Лэнсинг,— и он везде одинаков.

— Давайте подойдем поближе,— предложил пастор.— Может, увидим что-то, чего не удается заметить отсюда.

— Правильно,— согласился Лэнсинг.

— Почему бы и вам не пойти в рощу и не вырезать шест? — спросил генерал.— Втроем мы скорее все выясним.

— Я не думаю,— отозвался Лэнсинг.— По-моему, это пустая трата времени.

Оба, генерал и пастор, с минуту смотрели на него, потом отошли. Генерал сказал пастору:

— Давайте сделаем так. Пойдем на расстоянии футов двенадцати друг от друга и будем прощупывать песок вокруг себя,

так чтобы наши территории частично перекрывались. Если там что-то есть, оно атакует шест, а не нас.

Пастор согласно кивнул:

— Это как раз то, что я имел в виду.

Они двинулись. Через некоторое время генерал произнес:

— Пойдем к стене и, дойдя, разделимся: вы пойдете налево, а я направо. Будем осторожно обходить куб, пока не встретимся.

Пастор промолчал; они медленно двинулись к стене, ощупывая почву шестами.

А что, засомневался Лэнсинг, если страж или стражи, находящиеся в песке, запрограммированы или обучены хватать живых существ, вторгающихся в их владения? Но он не стал говорить об этом и медленно пошел по дороге, высматривая Мэри и Сандру. Вскоре он увидел их, обходящих куб на значительном расстоянии от песчаного кольца.

Крик позади него заставил его обернуться. Генерал бежал сломя голову через песчаную полосу к дороге. В руках у него была половина шеста. Шест рассечен пополам, вторая половина лежала на песке у стены.

Пастор застыл у стены, как бы окаменев, повернув голову и глядя через плечо на бегущего генерала. Справа от генерала что-то мелькнуло — настолько быстро, что невозможно было рассмотреть, что же это было, и тут же половина оставшегося в руках генерала шеста взлетела в воздух, аккуратно откушенная. Генерал в ужасе завопил и отшвырнул обломок. Одним рывком он преодолел последние несколько футов песка и рухнул на траву между песчаной полосой и дорогой.

Мэри и Сандра бежали к упавшему генералу, а пастор неподвижно застыл у стены.

Генерал с трудом поднялся и стал отряхиваться от пыли. Словно бы не осознавая происшедшего, он снова принял военную осанку, будто аршин проглотил, смягченную царственной небрежностью.

— Мои дорогие,— обратился он к двум женщинам.— Я сказал бы, что мы столкнулись со скрытым сопротивлением.

Он повернулся и громовым, как на параде, голосом закричал пастору:

— Возвращайтесь! Разверните и идите медленно, проверяя дорогу, и старайтесь точно попадать в свои следы.

— Я заметил,— проронил Лэнсинг,— что вы не так уж точно следовали своему совету. Вы тревожили нетронутые участки песка.

Генерал не обратил внимания на его слова.

Юргенс вернулся к месту происшествия. Он уже лучше управлялся с костылем, но все же двигался медленно.

Генерал спросил Лэнсинга:

— Вы рассмотрели, что ударило в последний раз?

— Нет,— сказал Лэнсинг.— Оно выскочило молниеносно. Слишком быстро, чтобы разглядеть.

Пастор прошел вдоль стены к месту, с которого начал свой путь, и по своему следу повернул к дороге, тщательно проверяя шестом каждый дюйм пути.

— Молодец,— заметил генерал одобрительно.— Он хорошо выполняет приказы.

Они следили за пастором, медленно преодолевавшим последние метры. Юргенс подошел к ним и встал рядом. Добравшись до дороги, пастор с видимым облегчением отбросил шест в сторону.

— Сейчас, когда все закончилось,— сказал генерал,— нам следовало бы вернуться на стоянку и перегруппировать силы.

— Дело не в перегруппировке,— отозвался пастор.— Лучше бы нам убраться отсюда. Это место опасно. Оно хорошо защищено, как вы могли убедиться,— продолжал он, глядя на генерала.— У меня нет ни малейшего желания оставаться здесь. Предлагаю немедленно идти в город. Надеюсь, там нас ждет лучший прием.

— Я тоже не вижу смысла оставаться здесь,— сказал генерал.

— Но сам факт, что куб так хорошо защищен,— возразила Мэри,— может свидетельствовать о том, что здесь есть что охранять. Я не уверена, что мы должны уйти.

— Может быть,— заметил генерал,— мы вернемся, если понадобится. Но сначала познакомимся с городом.

Генерал и пастор двинулись по направлению к стоянке. Сандра последовала за ними.

Мэри подошла к Лэнсингу.

— По-моему, они не правы,— обратилась она к нему.— Мне кажется, здесь что-то есть. Может быть, именно то, что мы должны найти.

— Но мы не знаем, что искать,— ответил Лэнсинг.— И существует ли вообще предмет, который мы должны найти? Ситуация очень беспокоит меня.

— Меня тоже.

Юргенс, прихрамывая, подошел к ним.

— Как дела? — спросил Лэнсинг.

— Более или менее сносно,— ответил робот.— Хотя двигаюсь я медленно, даже с костылем.

— В отличие от генерала я не верю в город, до которого мы хотим добраться,— сказала Мэри.— Если там вообще есть город.

— Поди знай заранее,— сказал Юргенс.— Надо подождать и посмотреть, что будет.

— Давайте вернемся на стоянку,— предложил Лэнсинг,— и сварим кофе. Нужно все подробно обсудить. Я считаю, что возможности исследования куба еще не исчерпаны. Если всерьез заняться им, может быть, обнаружится ключ к разгадке. Куб явно не на месте. Конструкцию такого рода странно встретить в столь пустынной местности. Но почему он здесь? Для чего? Мэри, у меня, как и у вас, стало бы легче на душе, пойми мы его назначение.

— Да,— согласилась она.— Я не люблю бессмысленных ситуаций.

— Пойдем на стоянку и поговорим с остальными,— заключил Лэнсинг.

Между тем их спутники, оказалось, уже приняли решение.

— Мы трое посовещались и решили,— сообщил генерал,— как можно скорее отправиться в город. Робота нам лучше оставить — он доберется, как сумеет, и со временем сможет присоединиться к нам.

— Это подлость,— не сдержалась Мэри.— Вы позволяли ему нести снаряжение, тащить для вас продовольствие, в котором сам он не нуждается. Он выполнял всю работу в лагере. Вы посылали его за водой, которой сам он не пьет. Вы принимали его услуги, как принимали бы их от слуги, а теперь предлагаете бросить его.

— Он всего лишь робот,— возразил пастор.— Не человек, а машина.

— Но он достоин того, чтобы быть вместе с нами. И он избран кем-то так же, как и все мы.

— Как на это смотрите вы, Лэнсинг? — спросил генерал.— Вы не произнесли ни слова. Что вы думаете по этому поводу?

— Я остаюсь с Юргенсом,— ответил Лэнсинг.— Я не брошу его. Будь я не способен идти с вами, он остался бы со мной — в этом я уверен.

— Я тоже остаюсь с ро́ботом,— сказала Мэри.— Вы впали в панику или поглупели. Нам нельзя дробить наши силы. К чему эта спешка, почему надо немедленно отправляться в город?

— Потому что здесь ничего нет,— заявил генерал.— Может быть, обнаружим что-нибудь в городе.

— Отправляйтесь и ищите,— произнесла Мэри.— Эдвард и я останемся с Юргенсом.

— Прекрасная леди,— сказал Юргенс,— я не хотел бы стать причиной вражды...

— Замолчите! — воскликнул Лэнсинг.— Это наше решение. Вы сейчас лишены права голоса!

— То́гда, полагаю, говорить нам больше не о чем,— заключил генерал.— Мы трое уходим, вы двое остаетесь с роботом, чтобы потом последовать за нами.

— А вы, Сандра? — спросила Мэри.

— Мне кажется, нет смысла задерживаться здесь,— ответила Сандра.— Здесь ничего нет. Только дивная красота куба и...

— Напрасно вы уверены, что здесь так-таки ничего нет.

— А мы уверены,— возразил пастор.— Мы все обсудили. И сейчас нам надо бы разделить продовольствие, которое нес робот.

Он сделал шаг к рюкзаку Юргенса, но Лэнсинг встал у него на дороге.

— Не так быстро, милорд. Продовольствие принадлежит Юргенсу и останется здесь.

— Нет, мы разделим его поровну.

Лэнсинг помотал головой:

— Если вы оставляете нас, обходитесь той едой, что у вас есть. Большего вы не получите.

Генерал зарычал и шагнул вперед.

— Чего вы добиваетесь? — крикнул он.

— Уверенности, что вы подождете нас в городе. Что не сбежите. Вам понадобится еда, и вы дождетесь нас.

— Мы имеем право на то, что нам причитается!

— Не уверен,— сказал Лэнсинг.— Я в жизни никого никогда не ударил, но, если вы меня вынудите, я буду драться с вами обоими.

Юргенс, прихрамывая, подошел к Лэнсингу и встал с ним рядом.

— Я тоже никогда не поднимал руку на человека,— произнес он,— но если вы нападете на моего друга, я буду на его стороне.

Мэри обратилась к генералу:

— Полагаю, вам лучше уступить. Робот окажется опасным противником в бою.

Генерал хотел было что-то сказать, но передумал. Он поднял рюкзак, закинул его на спину.

— Пошли,— скомандовал он.— Пора в дорогу.

Пока трое путешественников не скрылись, перевалив за вершину холма, из глаз, оставшиеся глядели им вслед.

Глава 12

Они еще раз обошли вокруг куба, стараясь держаться вместе; оставшись втроем, они острее чувствовали одиночество. Они разглядывали стены куба, надеясь по изменениям цвета и другим еле уловимым признакам понять хоть что-нибудь. Однако то, что казалось линиями, оказывалось лишь тенями, меняющимися или исчезающими при изменении освещения. Затем они обнаружили три каменные плиты, не замеченные раньше камни лежали у внешнего края песчаной полосы. Песок, покрывающий их поверхность, делал их практически невидимыми. Камни были четырех футов в ширину и футов на шесть вдавались в глубь полосы. Очищенные от песка, они оказались обычными каменными глыбами, но очень ровными. На них не было следов обработки; по-видимому, они образовались в результате естественных геологических разломов. Насколько глубоко они уходили в почву, было неясно.

Двое людей и робот не смогли сдвинуть их с места ни на дюйм. Мэри и Лэнсинг обсудили, не попробовать ли раскопать песок у внешнего края одного из камней, чтобы выяснить его толщину, но передумали: сила, охраняющая песчаный круг, была быстрой и мощной, и не стоило подвергать себя опасно-

сти. Промежутки между камнями были абсолютно одинаковыми — они делили песчаный круг на три равные части.

— Они не случайно здесь,— заметила Мэри.— Тут просматривается определенный инженерный замысел. В их расположении заложен некий смысл.

— Возможно, кем-то руководило эстетическое чувство симметрии,— предположил Лэнсинг.

— Может быть, хотя сомнительно.

— Магия,— сказал Юргенс.— Не исключено, что они реагируют на определенный ритуал или заклинание.

— Если это так, у нас нет никаких шансов,— откликнулась Мэри.

Неподалеку от дороги они нашли брошенный пастором шест. Лэнсинг поднял его.

— Не думаете ли вы повторить попытку? — поинтересовалась Мэри.— На вашем месте я не стала бы этого делать.

— Нет-нет,— успокоил ее Лэнсинг.— Но я вспомнил одну вещь. Когда я пытался подбежать к Юргенсу, я споткнулся и упал. Уверен, что-то помешало мне. Не удастся ли нам найти этот предмет?

— Может, вы просто споткнулись?

— Возможно, но мне кажется, я зацепился за что-то.

На песке в нескольких местах остались их следы; следы Юргенса пересекали отпечатки ног пастора; можно было различить и следы Лэнсинга. Они вели к выемке на месте его падения. Балансируя на границе песчаной полосы, Лэнсинг дотянулся до нее шестом и начал поиск. Через несколько секунд шест зацепился за что-то. Осторожно приподняв шест, Лэнсинг попытался достать предмет, которого коснулся. Из песка показался край доски, и после нескольких неудачных попыток Лэнсингу удалось вытащить ее из песка и пододвинуть к внешней границе песчаного кольца. Доска была не более двух футов в ширину, с остатками неширокой деревянной рейки (возможно, столбика), прикрепленной к одной из ее сторон.

Мэри пришла Лэнсингу на помощь: она подхватила доску, вытащила ее из песчаного круга и перевернула. На доске проступали неясно различимые буквы.

Лэнсинг наклонился, внимательно разглядывая их.

— Похоже на кириллицу,— задумчиво произнес он.— Может, это русский?

— Да, определенно,— подтвердила Мэри.— Первая строка, написанная заглавными буквами,— предупреждение об опасности, во всяком случае мне так кажется. Я расшифровала бы надпись именно так.

— Откуда вы знаете? Вы читаете по-русски?

— Немножко. Но это не совсем тот русский язык, который я знаю. Буквы отличаются от известных мне. Большие буквы сообщают об опасности, в этом я уверена, а вот что написано ниже — строчные буквы, я понять не могу.

— Должно быть, она стояла здесь, у дороги.— Лэнсинг махнул рукой в сторону круга.— И каждый проходящий сразу видел ее. Может быть, ее повалило ветром, а может, ее сбили и ее занесло песком. Там бы она и осталась, не споткнись я об нее.

— Жаль, что я не могу понять смысла надписи,— проговорила Мэри.— Моего знания русского довольно, чтобы прочесть технический отчет, но не более того. Почти все наши инженеры, как и я, читают по-русски. Технический уровень русских весьма высок, почему стоит знакомиться с их разработками. Конечно, существует свободный обмен идеями, но...

— Свободный обмен с Россией?

— Конечно, почему бы нет? Как и с другими технически развитыми странами.

— Да, конечно, почему бы и нет?

Лэнсинг поднял доску и, обточив ее ножом, вбил колышек в грунт.

— Ну вот, она будет стоять здесь, пока снова не упадет от ветра или еще от чего-нибудь,— сказал он, оценив результаты своего труда.— Пусть приносит пользу.

Они не торопясь вернулись в лагерь. Солнце уже было на половине пути к западу. Они задержались у куба дольше, чем рассчитывали.

На месте костра осталась только кучка золы, но, поворошив ее, Лэнсинг нашел несколько углей. Подкладывая сухие веточки, он терпеливо разжигал костер. Наконец огонь разгорелся. Мэри молча наблюдала за его работой. Ясно, что дальше оставаться у куба бесполезно; они сделали все, что могли. Впереди

их ждал город, если, как правильно заметила Мэри, он действительно существует.

Теперь его отсутствие в колледже уже замечено, подумал Лэнсинг, наверное, там нашли оставленную им машину. Интересно, привлечет ли внимание его исчезновение? Должно быть, это недолго будет сенсацией — несколько строк в газете, а затем... затем он будет забыт, его исчезновение пополнит коллекцию нераскрытых тайн.

Он протянул руки к огню. День был теплым, но Лэнсинг почувствовал легкий озноб: он и другие, он и многие другие люди, неожиданно исчезнувшие. Интересно, может, некоторые из них прошли тем же путем, что и он?

— Там, у куба,— прервала его мысли Мэри,— вы удивились, что мы сотрудничаем с русскими. Почему вам это показалось странным?

— В мое время,— отозвался Лэнсинг,— Соединенные Штаты и некоторые страны были не в ладах с Россией. Во время Первой мировой войны в России произошла революция, и Россия стала коммунистическим государством.

— Первая мировая война?

— Да, Первая мировая война. Вторая мировая война. Атомная бомба.

— Эдвард, в моем мире нет мировых войн, нет — как вы сказали? — атомных бомб.

Лэнсинг отодвинулся от костра и сел на землю.

— Стало быть, вот критическая точка, где расходятся ваш и мой миры. Скажите, а как у вас с Британской империей?

— Она живет и здравствует. Солнце над ней никогда не заходит. И вы назвали еще одно государство. Кажется, Соединенные Штаты. Соединенные Штаты чего?

— Соединенные Штаты Америки.

— Но Северная Америка — часть Британской империи, так же как и Южная, ну, за исключением того, что принадлежит Испании. Я имею в виду Бразилию.

Лэнсинг удивленно уставился на Мэри.

— Правда,— подтвердила она,— все обстоит именно так, как я сказала.

— Но в американских колониях было восстание.

— Да, в восемнадцатом веке. Оно вскоре было подавлено.

— Значит, расхождения начались задолго до Первой мировой войны.

— Я несколько запуталась, но похоже на то,— согласилась Мэри.— Ваш друг рассуждал на тему об альтернативных мирах и критических точках. Вы тогда решили, что он фантазирует. Возможно, он и сам так думал. По-моему, он просто пытался логически развить идею. Еще тогда, в гостинице, я подумала: эта интересная теория открывает просторы для воображения. Из того, что вы сказали сейчас, следует, что это не только теория.

— Вы, должно быть, живете в хорошем мире. Он лучше моего.

— Да, он спокойный и основательный. Почти без войн. Если они все же случаются, то недолгие. Мировые державы поделили раз и навсегда сферы влияния и успокоились. Конечно, раздаются вопли об империализме — но кто на них обращает внимание?

— В Индии, конечно, голод.

Мэри пожала плечами:

— В Индии всегда голод. Там слишком много народу.

— А африканцев эксплуатируют?

— Эдвард, вы одобряете мой мир или нет? Как вы относитесь к Британской империи?

— Не так уж плохо. Иногда я чувствую, что мы потеряли что-то большое и устойчивое, когда после Второй мировой войны она распалась.

— А она распалась?

— Полностью.— Лэнсинг увидел, как на какой-то момент на лице Мэри отразилось чувство глубокого потрясения, затем черты ее разгладились.— Извините,— проговорил профессор.

Мэри окончательно пришла в себя.

— Я, пожалуй, займусь ужином. Вам поручается костер. Полагаю, вы проголодались?

— Страшно,— улыбнулся Лэнсинг.— Завтрак был ранний, а ленч и вовсе отсутствовал.

— Я помогу вам с дровами,— предложил Юргенс,— хоть я и калека, от меня еще может быть какой-то толк.

— Не сомневаюсь,— кивнул Лэнсинг,— пошли!

После ужина они уселись вокруг костра.

— Итак, мы начинаем узнавать, откуда мы явились.— Мэри вернулась к прерванной беседе.— Но по-прежнему неясно, куда мы направляемся. Я принадлежу к миру, где имперская концепция нашла свое реальное воплощение, а в вашем мире империи исчезли. Или распалась только Британская империя?

— Нет, не только Британская. Все страны в конце концов лишились своих колоний. Хотя осталось еще нечто, напоминающее прежние империи, но не совсем то, что было раньше. Россия и Соединенные Штаты — они, правда, называются сверхдержавами, а не империями.

— Значительно труднее представить мир Сандры,— задумчиво произнесла Мэри.— Это похоже на сказку. Сочетание черт Древней Греции (или того, что сентиментальные люди считают таковыми) и нового Ренессанса. Как она сказала — Третий Ренессанс? Как бы то ни было, звучит нереально. Таинственный и прекрасный мир.

— Мы ничего не знаем о мирах пастора и генерала,— заметил Лэнсинг,— кроме того, что в мире генерала война подобна игре.

— По-моему, у него сложилось впечатление, что нам не понравился его мир,— предположила Мэри,— и он приукрасил реальность, описав то, что у них происходит, как средневековые рыцарские турниры. Боюсь, на самом деле все обстоит серьезнее.

— Пастор тоже был неразговорчив,— продолжал размышлять вслух Лэнсинг.— Он поведал нам об озарении на поле с репой, и, по сути, это все, что мы о нем знаем.

— Его мир представляется мне довольно унылым,— сказала Мэри,— праведным и угрюмым: эти вещи часто сочетаются. Но мы забыли об Юргенсе.

— Извините, я не хотел бы вдаваться в подробности,— ответил робот.

— Да что вы, мы же просто болтаем,— успокоила его Мэри.

— Пытаясь найти у нас что-то общее,— произнес Лэнсинг,— я зашел в тупик. Единственное, что мне пришло в голову,— нашу шестерку подбирали из людей одного типа. Но между нами очень мало сходства.

— Профессор колледжа,— начала перечислять Мэри,— военный, пастор, поэтесса и — как бы вы описали себя, Юргенс?

— Я робот, вот и все. Я даже не человек.

— Прекратите! — Голос Лэнсинга был резким.— Тот, кто прислал нас сюда, не делал различий между людьми и роботами.

— Возможно,— продолжила Мэри,— общий знаменатель станет нам яснее впоследствии. Пока я не могу найти его.

— Мы не единственные,— заметил Лэнсинг.— Пришельцы были здесь до нас, наверное, будут и после нас. Это говорит о наличии некой программы или проекта. Хотелось бы, чтобы нас в них посвятили. Я бы чувствовал себя значительно комфортнее.

— Да и я тоже,— согласилась Мэри.

Юргенс, отчаянно сражаясь с непослушной ногой, балансируя на костылях, подбросил дров в костер.

— Вы слышали? — вскрикнула Мэри.

— Нет, я ничего не слышал,— отозвался Лэнсинг.

— Там что-то в темноте. Я слышала сопение.

Все прислушались — ничего. Темнота безмолвствовала.

Затем Лэнсинг услышал сопение. Он поднял руку, предупреждая остальных.

Сопение смолкло, потом послышалось вновь, немного в стороне. Словно какое-то животное, опустив нос к земле, шло по следу. Оно остановилось, вновь взяло след в другом месте; казалось, животное, принюхиваясь, двигалось вокруг костра.

Юргенс обернулся, стукнув костылем; Лэнсинг покачал головой. Юргенс замер. Они напряженно слушали. Минуты тянулись мучительно долго; сопение больше не возобновилось. Они наконец расслабились.

— Вы слышали? — спросила Мэри.

— Да,— подтвердил Юргенс,— оно появилось у меня за спиной.

— Значит, там кто-то был.

— Теперь оно убежало,— успокоил ее Лэнсинг.— Юргенс спугнул его.

— Сандра слышала его прошлой ночью,— сказала Мэри,— оно бродило здесь.

— Ничего необычного,— заметил Лэнсинг,— этого следовало ожидать. Огонь всегда привлекает диких зверей.

Глава 13

Путь до города занял у них пять дней. Они легко добрались бы и за два, если бы не приходилось приноравливаться к скорости Юргенса.

— Мне следовало вернуться в гостиницу,— посетовал робот,— и там ждать вашего возвращения, чтобы не обременять вас.

— А если бы вы понадобились нам? — возразил Лэнсинг.

— Такой день может никогда не наступить. Необходимость во мне может не возникнуть.

Лэнсинг, обозвав робота дураком, посоветовал ему идти вперед и перестать терзаться. По мере их продвижения характер местности менялся. Они по-прежнему шли по холмистой равнине, но она стала суше. Рощицы попадались реже, и деревьев в них было меньше, да и деревья сделались низкорослыми, больше напоминающими кустарник. Ветер вместо прохлады приносил жару. Находить ручьи, чтобы пополнить запас воды, становилось все труднее, да и сами ручьи кое-где пересохли, превратившись в тоненькие струйки воды.

Каждую ночь неведомый зверь рыскал вокруг лагеря. Однажды, на их второй стоянке, Лэнсинг и Юргенс, вооружившись фонариками, ринулись в темноту на его поиски. Они не нашли ничего, даже следов, что было странно: почва вокруг песчаная, и следы на ней должны быть хорошо заметны.

— Оно преследует нас.— В голосе Мэри послышались истерические нотки.— Оно следует за нами; даже когда мы не слышим сопения, я знаю, что оно где-то здесь.

— Не бойтесь,— попытался успокоить ее Лэнсинг,— оно не причинит нам вреда, иначе оно давно воспользовалось бы такой возможностью.

После первых двух дней путешествия они часто сидели у огня молча. Близкие отношения, сложившиеся между ними за время пути, не нуждались в подкреплении беседой.

Иногда, погрузившись в долгое уютное молчание, Лэнсинг ловил себя на мысли о прошлой жизни. Удивительно, но колледж теперь казался таким чужим, а друзья его прежнего мира существовали словно бы в далеком прошлом. А ведь миновала всего неделя, напомнил он себе. Ему вдруг захотелось все бросить и вернуться в гостиницу. Однако он знал, что все не так

просто. Даже если он вернется, он обнаружит скорее всего только гостиницу или, может быть, ту лесную дорогу, на которой очутился однажды. Пути обратно, в колледж, к Энди, к Элис, к родному для него миру, не было. Между ним и его прежней жизнью лежало нечто неуловимое — хотел бы он знать что.

Вернуться он не мог. Он должен двигаться вперед, ибо только это давало хотя бы надежду на возвращение. Нужно найти некий ключ, и пока он не найден, пути назад нет. Хуже того, даже найди он это неопределенное нечто, никаких гарантий возвращения домой не существовало.

Возможно, продолжать поиски глупо, но у него не оставалось выбора. Он должен бороться. Сдаваться, как это сделали четверо картежников в гостинице, Лэнсинг не собирался.

Он попытался логически рассуждать о том, каков мог быть механизм их перемещения в этот мир. В целом все это отдавало магией, хотя, конечно, не могло быть ею. Наверняка всем управляли обычные физические законы. Магия как таковая, если она существует, рассуждал Лэнсинг, не более чем применение физических законов, еще не открытых в его мире.

Энди в факультетском клубе говорил о конце познания, о границах применения физических законов. Но Энди явно не представлял себе действительного значения тех концепций, о которых говорил, он просто болтал на философские темы.

Существовало ли решение этой проблемы здесь, в этом мире? Не может ли поиск ответа быть целью его, Лэнсинга, перемещения сюда? Если он найдет ответ, сможет ли он понять, то ли он искал? Интересно, как можно убедиться в том, что ты достиг границ возможного познания?

От этих мыслей Лэнсингу стало неуютно, но они не желали уходить.

Путешественники нашли место стоянки своих ушедших вперед спутников: кострище, зола в котором уже успела остыть, коробку из-под крекеров, разбросанные сырные корки, кофейную гущу.

Погода по-прежнему стояла хорошая. Временами с запада набегали облачка, но вскоре рассеивались. Дождей не было. Яркое солнце приятно согревало.

На третью ночь что-то внезапно пробудило Лэнсинга от глубокого сна. Он с трудом сел, будто какая-то сила препятствовала этому.

В мерцающем свете костра он увидел стоящего над ним Юргенса.

— Тсс,— прошептал робот, сжимая плечо Лэнсинга.

— Что случилось?

— Мисс Мэри, сэр. С ней что-то неладно, похоже на припадок.

Лэнсинг повернул голову. Мэри сидела в спальном мешке. Голова ее была запрокинута, будто она смотрела на небо.

Лэнсинг с трудом выбрался из спальника.

— Я пытался говорить с ней,— сказал Юргенс,— она меня не слышит. Я несколько раз спрашивал, что случилось и могу ли я чем-нибудь помочь.

Лэнсинг подошел к Мэри. Она словно окаменела — прямая и недвижимая, она казалась зажатой в невидимые тиски.

Лэнсинг наклонился к ней.

— Мэри,— спросил он,— Мэри, что с вами?

Никакой реакции.

Он шлепнул ее по щеке, потом по другой. Она согнулась и вцепилась в Лэнсинга, ища поддержки,— все равно чьей.

Он обнял ее и прижал к себе. Мэри всю трясло, и Лэнсинг услышал сдавленные всхлипы.

— Я согрею в котелке чаю,— предложил Юргенс,— и разожгу костер пожарче. Ей нужно тепло.

— Где я? — прошептала Мэри.

— Здесь, с нами. Вы в безопасности.

— Эдвард?

— Да, это мы с Юргенсом. Он сейчас вскипятит чай.

— Я проснулась, а они, наклонившись, смотрели на меня.

— Успокойтесь,— мягко проговорил Лэнсинг,— успокойтесь и расслабьтесь. Не обращайте ни на что внимания. Вы потом все расскажете нам. Все в порядке.

— Все в порядке,— повторила Мэри. Она умолкла.

Лэнсинг чувствовал, как слабеет напряжение, владевшее ею. Наконец она выпрямилась, отстранилась от него и посмотрела ему в лицо.

— Это было страшно,— спокойно произнесла она.— Я никогда в жизни не была так перепугана.

— Все позади. Что это было — дурной сон?

— Больше чем сон. Они действительно были здесь: они висели в небе, склонясь надо мной. Пожалуй, я вылезу из

мешка и переберусь к огню. Вы сказали, что Юргенс готовит чай?

— Он уже заварен,— ответил Юргенс,— я даже успел налить его вам. Если я правильно запомнил, вы кладете две ложечки сахара?

— Точно,— подтвердила Мэри,— две ложечки.

— А вы хотите чашечку? — обратился Юргенс к Лэнсингу.

— Будьте так любезны,— откликнулся тот.

Они сели рядом у огня. Юргенс пристроился напротив. Дрова разгорелись, искры улетали высоко в небо.

Мэри и Лэнсинг молча прихлебывали чай. Затем Мэри сказала:

— Я ведь не из пугливых, вы знаете.

— Конечно знаю,— кивнул Лэнсинг.— Вы можете быть стойкой.

— Я проснулась легко и спокойно,— начала рассказывать Мэри.— Я лежала на спине, поэтому смотрела на небо.

Она сделала глоток и замолчала, будто ей требовалось сделать над собой усилие, чтобы продолжить.

Поставив чашку на землю, она повернулась к Лэнсингу.

— Их было трое,— наконец выговорила она,— трое, во всяком случае мне так показалось. Возможно, на самом деле их было четверо. Три лица. Никаких других частей тела. Только лица. Огромные лица. Больше человеческих, я просто уверена, что они были именно человеческими. Три громадных лица, занимающих половину неба. Они висели там, уставившись на меня. Еще я подумала: что за глупость, мне мерещатся лица. Я моргнула, думая, что это разыгравшееся воображение и видения исчезнут,— не тут-то было! Я стала видеть их даже лучше.

— Не волнуйтесь,— повторил Лэнсинг,— с рассказом можно и подождать.

— Я спокойна, черт возьми, и не хочу ждать. Вы думаете, это была галлюцинация?

— Нет, не думаю. Если вы утверждаете, что видели их, значит, так оно и было. Мы же помним о вашей стойкости.

Юргенс снова наполнил чашки.

— Спасибо, Юргенс,— поблагодарила Мэри,— вы сделали изумительный чай.— Затем она продолжила: — Лица были абсолютно нормальными. В них не было ничего, что броса-

лось бы в глаза. Обычные. Одно было с бородой, молодое, два остальных — старческие. Повторяю, в лицах не было ничего примечательного. А потом до меня дошло, что они меня разглядывают. Они смотрели на меня внимательно, с интересом. Так, как мы бы смотрели на отвратительное насекомое или какую-нибудь мерзкую тварь, новую форму жизни, будто я не существо, а неодушевленный предмет. Сначала мне показалось, что они испытывают ко мне жалость, но потом поняла, что это скорее презрение с оттенком сожаления — это сожаление унижало. Казалось, я могла читать их мысли. Бог мой, думали они, вы только посмотрите на них! А потом, потом...

Лэнсинг молчал; он чувствовал, что не должен перебивать.

— А потом они отвернулись. Не ушли, только отвернулись. Я была недостойна их внимания, не заслуживала их жалости. Словно бы я была ничто, более того, все человечество — ничто. Они вынесли нам приговор: вы ничтожны; впрочем, даже не приговор, ибо мы не заслуживали и этого. Мы оказались низшей формой, о которой можно забыть.

Лэнсинг вздохнул.

— Господи! — воскликнул он.— Неудивительно...

— Да. Неудивительно. Это глубоко меня поразило. Эдвард, моя реакция...

— Перестаньте. Я реагировал бы так же или еще хуже.

— Как вы думаете, что это было? Не кто, а что?

— Не представляю. У меня нет никаких предположений.

— Это не было плодом моего воображения.

— У вас нет воображения. Вы разумный инженер. Существуют только гайки и болты. Вы реалист. Дважды два всегда четыре, а не три и не пять.

— Благодарю вас.

— Попозже мы подробно обсудим, что бы это могло быть, но не сейчас. Ваши переживания еще очень свежи. Отложим этот разговор.

— Другой человек на моем месте сказал бы, что это были боги. Сандра, наверное, сказала бы именно так. Дикарь тоже пришел бы к такому выводу. Пастор наверняка бы изрек, что то были дьяволы, покушавшиеся на его душу. Я думаю иначе: они высокомерны, безжалостны, эгоистичны, как боги, но они не боги.

— Раньше мы, роботы, считали людей богами,— заметил Юргенс.— Что ж, в каком-то смысле они и были ими. Они ведь создали нас. Но потом мы поняли, что ошибались. Со временем мы увидели, что люди — всего лишь другая форма жизни.

— Нет нужды меня успокаивать,— ответила Мэри.— Я же сказала: я знаю, они не боги, я вообще не уверена в существовании богов. Пожалуй, я в них не верю.

Лэнсинг и Мэри не стали влезать в свои спальные мешки. Они решили больше не ложиться — до рассвета уже недолго. Сидя у костра, они продолжали разговаривать. Через некоторое время Юргенс занялся завтраком.

— Что вы думаете насчет оладьев и ветчины? — поинтересовался он.

— Звучит весьма аппетитно,— ответил Лэнсинг.

— Пораньше позавтракаем,— предложил робот,— и пораньше выйдем. Сегодня мы сможем добраться до города.

Однако в тот день им не удалось достичь города, они оказались у цели только к концу следующего дня.

Они увидели город, поднявшись на гребень высокого холма, вокруг которого дорога делала широкую петлю.

Мэри затаила дыхание.

— Вот он! — вскричала она.— Но где же люди?

— Похоже, их здесь нет,— сказал Лэнсинг.— Это руины, а не обитаемый город.

«Город» раскинулся на равнине, лежащей у подножия холма. Его стены, серо-коричневые, мало отличались от цвета самой равнины. Безжизненные руины занимали значительную часть долины, разделяющей два соседних холма. Никакое движение не нарушало их спокойствия.

— Никогда в жизни,— задумчиво произнесла Мэри,— я не видела столь удручающего зрелища. И к этому-то так рвался генерал... Он считал, что мы найдем здесь людей.

— Вы могли бы разбогатеть, заключив с генералом пари,— заметил Лэнсинг.

— Кстати, я не вижу следов наших спутников,— встрепенулась Мэри,— ни одной живой души. Логично было бы предположить, что они будут высматривать нас на дороге.

— Может быть, мы скоро их увидим.

— Если они еще здесь.

— Я думаю, они где-то поблизости. Остановимся здесь. Будем всю ночь поддерживать костер. Они должны заметить огонь.

— Так что, не будем сейчас спускаться?

— Нет. Ночь уже близко. Здесь нам будет спокойнее, чем среди руин.

— Благодарю вас,— сказала Мэри.— При дневном свете я еще смогу вынести это зрелище, но в темноте...

— Примерно в миле от нас есть ручей. Я принесу воды,— вызвался Юргенс.

— Нет,— возразил Лэнсинг,— вы останетесь и вместе с Мэри займетесь дровами. Постарайтесь заготовить их как можно больше, а за водой схожу я сам.

— Я рада, что мы здесь, что город у наших ног,— подытожила Мэри.— Хоть и было страшновато, но хорошо, что мы все-таки добрались.

— Я тоже рад,— согласился Лэнсинг.

После ужина, усевшись рядком на вершине холма, они стали рассматривать руины города. Ни единого движения, ни одного проблеска света. Каждую минуту они ждали появления своих спутников, но напрасно.

Ночь уже подходила к концу, и Мэри предложила отправиться спать.

— Вам обоим надо поспать,— подтвердил Юргенс,— дорога была трудной.

— Да, и в самом деле,— зевнула Мэри.

Юргенс разбудил их на заре.

— Нас ждут внизу,— сообщил он.— Наверное, они увидели наш костер.

Лэнсинг выбрался из спальника. В бледном свете зарождающегося дня он разглядел три фигуры, стоящие за обрушившейся городской стеной. В меньшей он узнал Сандру, двух остальных различить не мог. Он поднял обе руки и помахал им. Трое замахали в ответ.

Глава 14

Генерал вышел вперед, чтобы приветствовать их.

— Потерявшиеся ягнятки,— сказал он,— мы вам рады.

Сандра подбежала к Мэри и обняла ее.

— Мы все высматривали вас и наконец прошлой ночью увидели ваш костер. По крайней мере, я решила, что это вы. Пастор не был уверен.

Углы губ пастора, как всегда, были опущены книзу.

— На этой варварской земле,— произнес он,— нельзя быть уверенным ни в чем. Здесь на каждом шагу западни.

— Город выглядит покинутым,— сказал Лэнсинг.— Мы прибыли еще вчера, но побоялись в темноте входить в город и решили подождать до утра.

— Город не только покинут,— ответил пастор,— он мертв. Это случилось очень давно. Здания рушатся от дряхлости.

— И все же пару интересных вещей мы нашли,— удовлетворенно констатировал генерал.— Во-первых, административное здание на площади. Мы разбили в нем лагерь — это хороший командный пункт. А во-вторых, мы нашли что-то похожее на графический преобразователь. Он, конечно, основательно разрушен, но часть...

— А в другой комнате,— вмешалась Сандра,— оказалось несколько статуй. Единственные произведения искусства, которые нам попались. Они из белого-пребелого камня. И какая изумительная работа! Кажется, что статуи нематериальны.

— Но мы так ничего и не нашли,— проворчал пастор,— что проливало бы свет на причину нашего появления здесь. Вы,— указующий перст обратился в сторону генерала,— были уверены, что здесь мы найдем людей...

— Ситуацию нужно принимать такой, какова она есть,— ответил генерал.— Глупо рвать на себе волосы и сучить ножками, когда обстоятельства оказываются иными, чем хотелось бы вам.

— Вы уже завтракали? — спросила Сандра.

— Нет,— ответила Мэри.— Едва мы увидели вас, мы сразу же стали спускаться.

— И мы не завтракали,— сказала Сандра.— Так что пойдемте в лагерь и подкрепимся.

Генерал показывал дорогу, Лэнсинг шел рядом с ним.

— Не торопитесь,— сказала Мэри,— нужно, чтобы Юргенс успевал за нами.

— Да, конечно,— обернулся генерал.— Кстати, как ваши успехи, Юргенс?

— Я осваиваю костыль медленнее, чем хотелось бы, но в остальном все в порядке.

Генерал снова двинулся вперед, но не так быстро.

— Вечно задержки,— проворчал он, обращаясь к Лэнсингу,— не одно, так другое.

— Кроме вас,— ответил ему Лэнсинг,— никто не торопится.

— Человеку трудно изменить свои привычки. Мне всю жизнь приходилось торопиться. Дома нужно было пошевеливаться, чтобы кто-нибудь не воспользовался твоей неповоротливостью.

— Но ведь вам это нравилось.

— Могу сказать одно: по части опережения я всегда выигрывал.

Под предводительством генерала путешественники продвигались по еле заметной тропе, которая раньше была улицей. Большинство каменных плит мостовой были вывороченны, и части рухнувших зданий загромождали проход; приходилось маневрировать. В обнажившейся из-под камней почве густо росли кусты и лианы. В трещинах стен укоренились сорняки.

Дома по обеим сторонам улицы были невысоки — по большей части в четыре-пять этажей. Двери и оконные рамы отсутствовали. Камень, из которого были построены здания, красно-коричневого оттенка.

— Это ржавчина,— сказал генерал.— Даже камень подвержен распаду. Здесь нет разрушений — по крайней мере разрушений, вызванных военными действиями. Нет следов ни пожара, ни разграбления. Это результат времени и непогоды. Правда, все разворовано. Когда-то, наверное, здесь было очень много жителей, теперь этот проклятый город пуст.

— Вы говорили, что нашли нечто. Кажется, вы назвали его графическим преобразователем. Что это такое?

— Не знаю, действительно ли наша находка — графический преобразователь. У себя дома я пользовался похожими. В них нужно ввести данные...

— Данные военного характера?

— Ну, в основном военного. Это вроде игры. Преобразователь обрабатывает информацию и сообщает, что произойдет при данных условиях,— показывает в виде картинок. Так легче понять. Тот, что мы нашли здесь, почти не действует. Что-то показывает только часть экрана. Похоже на окно в другой мир, и в нем иногда различимы какие-то живые существа.

— Может быть, те, что жили здесь.

— Не думаю. Город предназначен для людей или кого-то, похожего на них. Конструкция окон, дверей, лестниц удобна для человека.

Город производил угнетающее впечатление. Кто-то или что-то все еще пряталось в нем, что-то потаенное, выжидающее и наблюдающее. Лэнсинг поймал себя на том, что пристально всматривается в дома, как бы ожидая поймать взглядом это постоянно ускользающее нечто.

— Значит, и вы чувствуете,— сказал генерал,— чувствуете, что, как ни пусто вокруг, кто-то притаился рядом.

— Просто естественная осторожность,— ответил Лэнсинг.— Я боюсь теней.

— Может быть, вас утешит, что и я ощущаю то же. Как положено старому вояке, я всегда высматриваю засаду. Я никогда не иду вслепую. Город вроде бы пуст, но я все равно жду засады. Будь у нас оружие, я чувствовал бы себя более уверенно. Что за экспедиция без всяких средств защиты? Я по-прежнему считаю, что подлец трактирщик нагло соврал, сказав, что у него ничего нет, подобного оружию.

— Может быть, нам оно и не понадобится,— ответил Лэнсинг.— До сих пор мы обходились без него.

— Это ничего не значит,— упорствовал генерал.— Можно тащить его сотни, а то и тысячи миль, чтобы применить один-единственный раз.

Они вышли на площадь.

— Вон в том здании мы расположились,— показал генерал.

Это было самое большое строение из окружающих площадь, и, несмотря на разрушения, оно казалось более сохранным, чем остальные. От просторной площади отходило несколько улиц. Дома того же красно-коричневого оттенка, что и те, мимо которых шли путешественники. Здание, на которое показал генерал, венчали полуразрушенные башни, широкая лестница вела к входу.

— Тут все покрыто пылью,— сказал генерал,— улицы, площадь, внутренние помещения — куда ни сунься. Разрушающийся камень обращается в пыль. Там, где мы разбили лагерь, видны следы тех, кто тут был до нас. Наверное, такие же бедолаги, как и мы. Одна такая группа, должно быть, немного нас опередила — следы совсем свежие. Следы здесь сохраняются недолго — ветром быстро сдувает пыль.

Оглянувшись, Лэнсинг обнаружил, что вся их команда держится сплоченной группой. Даже Юргенс продемонстрировал большую прыть, чем обычно. Мэри и Сандра шли слева и справа от робота, пастор замыкал шествие. Он походил на ворону с низко опущенной головой.

— Должен вас предостеречь,— обратился к Лэнсингу генерал,— за пастором нужно присматривать. Он, без сомнения, безумен. Мне еще не приходилось встречать человека, который бы не слушал никаких доводов рассудка.

Лэнсинг ничего не ответил; они одолели лестницу, ведущую к входу в здание.

Внутри было сумрачно и пахло дымом. Посреди вестибюля теплился маленький огонек почти погасшего костра. Рядом высилась груда дров и были сложены желтые рюкзаки. Отблеск огня играл на начищенном металлическом котелке.

Внутренние помещения здания хранили гулкую пустоту, и шаги отдались гулким эхом. Высоко над головой массивные арки свода уходили во тьму. Повсюду мерещились танцующие в пустоте тени.

Когда все члены группы присоединились к Лэнсингу и генералу, болтовня Мэри и Сандры отдалась таким гулом, что казалось, будто сотни невидимых обитателей переговариваются по всему зданию.

Все сгрудились вокруг костра. Генерал подкинул дров и раздул огонь. Пламя побежало по сухому дереву, огромные тени вытянулись по стенам. Лэнсингу почудилось, что крылатые существа взлетели высоко к скрытому в темноте потолку.

— Я займусь завтраком, но на это нужно время,— сказала Сандра.— Генерал, вы могли бы пока показать графический преобразователь — это не так уж далеко.

— Прекрасная идея,— откликнулся генерал.— Я только возьму фонарик. Чем глубже в здание, тем темнее.

— Я останусь и помогу с завтраком,— сказала Мэри.— Преобразователь я могу посмотреть и потом.

Генерал повел их в глубь здания, освещая дорогу фонариком. Стук костыля Юргенса отдавался бесконечным эхом.

— Этот так называемый преобразователь — дьявольская штука,— пожаловался пастор.— Я предлагаю докончить начатое

кем-то дело — уничтожить его окончательно. Всего несколько ударов топорищем...

— Только попробуйте,— рявкнул генерал,— и я огрею топорищем вас. Преобразователь — часть наследия народа, который был талантлив и цивилизован, хотя невозможно предположить, для какой цели создали этот прибор.

— Но вы же назвали его графическим преобразователем,— напомнил Лэнсинг.

— Правильно, но только потому, что ничего лучшего не пришло в голову. А теперь я уверен, что это нечто большее. Мне кажется, что преобразователь — средство связи с другим миром; и знания, и техника, примененные здесь, неизвестны у нас и, может быть, никогда не станут известны.

— Вот и хорошо, если так,— снова забубнил свое пастор.— Есть вещи, которых лучше не знать. Я уверен, что вся Вселенная должна подчиняться великому моральному закону...

— Чума на ваш моральный закон. Вечно вы бормочете о нем. Неужели нельзя говорить более вразумительно?

Пастор ничего не ответил.

В конце концов они добрались до графического преобразователя. Он находился в дальнем конце совершенно пустого здания. На первый взгляд преобразователь не обещал многого. Он походил на кучу металлолома, явно не работал, не имел никакой структуры и был грязен до невероятности. Тут и там сквозь пыль и мусор проглядывал ржавый металл.

— Не могу понять,— сказал генерал,— как в этой груде хлама хоть что-то работает.

— Может быть, то, что вы нашли,— это визуальный контроль, ничего другого и не существовало,— предположил Лэнсинг.— Остальное — исполнительный механизм, каким-то чудом еще действующий. Посильнее топнуть ногой — и последнее работающее реле отключится и изображение пропадет.

— Я как-то не подумал об этом,— задумчиво произнес генерал.— Хотя сомневаюсь, что вы правы. Мне кажется, эта куча хлама была раньше панорамным экраном, а то, что осталось,— всего лишь часть его.

Генерал обошел груду покореженного металла и выключил фонарик.

— Посмотрите сюда,— сказал он.

То, что предстало их взору, больше всего напоминало полуметровый телевизионный экран с зазубренными краями. На нем мерцало изображение призрачного мира, погруженного в красноватые сумерки. На переднем плане было видно скопление ограненных, как кристаллы, валунов, сверкавших в тусклом свете невидимого солнца.

— Похоже на алмазы, вам не кажется? — спросил генерал.— Куча огромных алмазов!

— Может быть,— ответил Лэнсинг,— но мне не приходилось иметь дела с алмазами.

Алмазные валуны, если они действительно были алмазами, находились на песчаной равнине, покрытой редкой растительностью — пучками похожей на проволоку травы и тощими колючими кустами. Форма кустов создавала иллюзию животной жизни — странной, но несомненно животной, а не растительной. Вдали на горизонте вырисовывались на фоне неба деревья, хотя, глядя на них, Лэнсинг вовсе не был уверен в том, что это именно деревья. Гротескно изогнутые, и корни — если это были корни — извивались по земле, не уходя в почву. В целом создавалось впечатление замерших гусениц-путешественниц. Деревья, подумал Лэнсинг, должны быть огромными, чтобы на таком расстоянии их детали были настолько различимы.

— Вы и раньше видели это? — спросил Лэнсинг.— Все ту же картину?

— Да, она всегда одинакова,— ответил генерал.

Что-то промелькнуло по экрану, слева направо и с огромной скоростью. На мгновение, как при стоп-кадре, Лэнсинг уловил форму этого видения. Это было живое существо, по облику гуманоид — две руки, две ноги, голова, все остальное мало походило на человека. Шея существа, тонкая и длинная, доходила до макушки его крохотной головы, свисавшей вперед, скорость движения существа была так велика, что голова и шея оказались вытянуты почти горизонтально. Выпяченная вперед нижняя челюсть очень массивная, в то время как само лицо казалось маленьким. Все тело устремлено вперед, в направлении движения; конечности мелькали с невероятной скоростью. Руки, длиннее, чем у человека, расширялись на концах, однако вовсе не походили на человеческие кисти, а одна нога — вторая уходила глубоко в песок — имела раздвоенное

копыто. Существо показалось Лэнсингу серым, но, сообразил он, это могло быть результатом скорости — движение смазывало все краски.

— Вы видели его раньше? — спросил Лэнсинг.

— Да, всего один раз,— ответил пастор.— Если сие не исчадие ада, то очень на него похоже.

— И тоже на бегу?

— Да.

Лэнсинг повернулся к генералу:

— Вы упоминали живых существ, которых вы видели на экране. Вы говорили о разных формах жизни?

— Иногда появляется что-то похожее на паука. Оно живет в валунах. Конечно, не паук, но это лучшая аналогия, которая приходит в голову. У него не восемь, как у паука, а гораздо больше ног — сосчитать их невозможно, они всегда спутаны в клубок. Оно часто выглядывает из камней. Цвет его — чисто-белый, и поэтому его трудно разглядеть на фоне блестящих алмазов. А еще иногда там разгуливает трехногое яйцо. У него овальное тело с отверстиями вокруг верхнего конца — я думаю, это органы чувств. Ноги кончаются копытами и не имеют суставов — оно при ходьбе выбрасывает их вперед, не сгибая. Оно ни на что не обращает внимания и ничего не боится, хотя, насколько можно судить, не имеет никаких средств защиты.

— Обитель чудовищ,— вынес приговор пастор.— Нечто, на что ни один богобоязненный человек не станет смотреть.

Они сидели вокруг костра, не торопясь приниматься за дела.

— Мы осмотрели этот этаж и еще четыре над ним,— проговорил генерал.— Единственное, что удалось обнаружить,— это графический преобразователь и статуи. Все помещения пусты, как шкаф матушки Хаббард*. Ни следа мебели. Не осталось абсолютно ничего. Интересно, что произошло? То ли упорядоченное отступление, и жители города перебрались в другое место, забрав с собой все пожитки, то ли город был разграблен, но если так, то кем? Может быть, такие же, как мы, путешественники поневоле пустили мебель на дрова? Вполне возможно. Судя по всему, команды вроде нашей идут этой дорогой уже далеко не в первый раз. Но если мебель пошла

* Матушка Хаббард — персонаж английского детского стихотворения.

на топливо, что случилось со всем остальным: кастрюлями и сковородками, керамикой, одеждой, книгами и прочим,— ведь человеческое жилище всегда полно разной утвари и вещей? Не могли же все растащить на сувениры! Картина, подобная этой, везде, куда ни загляни. Даже дома, что явно были жилыми, совершенно пусты.

— Этот город с самого начала был обречен,— изрек пастор.— Здесь забыли Бога и поплатились за это.

— Город был обречен, потому что не имел сердца,— вмешалась Сандра.— Если не считать тех немногих статуй, что мы нашли, здесь нет искусства. Жители города бездушные и бесчувственные, им не нужна была красота.

— Ну, не знаю,— покачал головой генерал.— Они могли забрать с собой произведения искусства. Или они приглянулись тем, кто проходил этой дорогой до нас.

— А что, если город и не предназначался для постоянного обитания? — предположила Мэри.— Возможно, это всего лишь временный лагерь — люди жили в нем недолго, пока не произошло то, чего они ждали...

— Будь это так,— ответил генерал,— они не строили бы столь основательных сооружений. Никогда не слышал о временном лагере, построенном из камня. Меня удивляет другое — отсутствие каких-либо оборонительных сооружений. В древнем городе обычны крепостные стены, а те, что здесь, не окружают город со всех сторон и потому не могут иметь военного значения.

— Мы гоняемся за привидениями,— снова вступил в разговор пастор.— Нам по-прежнему ничего не известно о цели нашего пребывания в этом мире. Мы ничего не нашли ни у куба, ни здесь.

— Может быть, мы плохо искали,— сказал Юргенс.

— Сомневаюсь, что здесь вообще что-то можно найти.— В голосе пастора зазвучали обвиняющие нотки.— Мы попали сюда по возмутительному капризу...

— Ну, в это я не верю,— отрезал генерал.— Для всякого поступка есть свое основание. Во Вселенной есть причина каждого следствия.

— Вы в этом уверены? — кисло спросил пастор.

— По крайней мере, это не противоречит здравому смыслу. Вы чересчур легко сдаетесь, пастор. Я не собираюсь пре-

кращать поиски до тех пор, пока не прочешу этот город как следует. В этом здании, например, есть подвал, и мы там еще не были. А если и там ничего не окажется, нужно будет разбить город на квадраты и искать планомерно.

— Почему вы так уверены, что мы найдем ответ именно здесь? — спросил Лэнсинг.— Может быть, есть другие места, где стоит искать.

— Потому что город — это логический выбор. Здесь явно центр цивилизации, краеугольный камень всего. Ответ нужно искать там, где было сосредоточение людей и учреждений.

— А это значит,— подытожил Юргенс,— что нам пора взяться за поиски.

— Правильно, Юргенс,— ответил генерал.— Наша задача — осмотреть подвальные помещения, и, если там ничего не окажется — а я почему-то уверен, что там пусто,— нужно будет провести военный совет и решить, что делать дальше.

— Нам всем нужно вооружиться фонариками,— предупредила Сандра,— там наверняка будет темно. В этом здании вообще сумрачно, а уж в подвале наверняка хоть глаз выколи.

Пастор первым спустился по широкой лестнице. Дойдя до нижней площадки, все инстинктивно остановились, всматриваясь в темноту. Лучи фонариков выхватывали из мрака ведущие неизвестно куда проходы и зияющие провалы дверей.

— Нам лучше разделиться,— предложил генерал, как всегда беря на себя руководство,— и разойтись в разные стороны. Так мы сможем обследовать большую площадь. Если найдете что-то интересное, кричите. Вы, Лэнсинг и Юргенс, идите налево, Мэри и пастор — по центральному коридору, а мы с Сандрой пойдем направо. Каждой паре хватит одного фонарика, батарейки нужно экономить. Потом встретимся здесь.

Похоже, генерал не рассчитывал на долгое отсутствие поисковых партий. Никто ему не возразил. Все уже привыкли к тому, что генерал отдает команды. По двое они разошлись по коридорам, на которые указал генерал.

Лэнсинг и Юргенс нашли карты в четвертой из осмотренных ими комнат, хотя вполне могли пройти мимо, ничего не заметив. Подвал производил удручающее впечатление: всюду пыль, взлетавшая из-под ног и долго висевшая в воздухе. Пыль и сухой, затхлый воздух заставляли Лэнсинга непрерывно чихать. Когда Лэнсинг и Юргенс заглянули в четвертую комнату,

она, как и все остальные, показалась пустой. Но прежде чем перейти в соседнее помещение, Юргенс еще раз осветил фонариком пол.

— Секунду,— сказал он.— Там на полу ничего нет?

Лэнсинг присмотрелся. В круге света под толстым слоем пыли проступила выпуклость.

— Да нет,— ответил он,— просто неровность.— Лэнсингу было неуютно в подвале и не хотелось задерживаться.

— Все же нужно удостовериться,— проговорил Юргенс, ковыляя со своим костылем к находке.

Лэнсинг наблюдал за продвижением робота. Тот, неуверенно балансируя на здоровой ноге, подцепил костылем лежавший на полу предмет, перевернув его. Из-под серой пыли мелькнуло что-то белое.

— Мы все-таки что-то нашли,— обрадовался Юргенс.— Похоже на бумагу. Может быть, это книга?

Лэнсинг быстро подошел к роботу, опустился на колени и попытался стереть пыль с находки. Не очень удачная идея — он только размазал грязь. Тогда он поднял предмет и встряхнул его. В воздух взлетело целое облако пыли.

— Пошли отсюда,— прохрипел Лэнсинг.— Можно найти местечко и получше.

— Вы не все забрали,— ответил Юргенс.— Вон еще что-то — футах в двух справа.

Лэнсинг протянул руку и поднял второй предмет.

— Больше нет? — спросил он.

— Как будто нет. Я, по крайней мере, не вижу,— откликнулся робот.

Они поспешно вышли в коридор, где было легче дышать.

— Держите фонарик,— сказал Лэнсинг роботу,— посмотрим, что мы нашли.

При ближайшем рассмотрении находка оказалась четырьмя листами не то бумаги, не то пластика. Плотный слой пыли мешал определить точно. Лэнсинг сунул три листа из четырех в карман и развернул оставшийся. Лист слежался на сгибах и не хотел разворачиваться. Наконец Лэнсингу удалось расправить все складки и разгладить лист. Юргенс осветил его фонариком.

— Это карта,— произнес робот.

— Может быть, план здания, в котором мы находимся?

— Возможно. Нужно рассмотреть получше, при хорошем освещении.

На листе обнаружились линии, странные пометки и сочетания символов, которые могли быть названиями.

— Генерал велел кричать, если мы что-нибудь найдем,— напомнил Юргенс.

— С этим можно и подождать,— ответил Лэнсинг.— Лучше осмотреть остальные помещения.

— Но на карте может оказаться важная информация.

— Она не станет менее важной через час.

Они обошли еще несколько комнат и ничего не нашли. Всюду царило запустение. Уже возвращаясь, на полпути к лестнице Лэнсинг и робот услышали крики.

— Кто-то что-то нашел,— сказал Юргенс.

— Похоже. Только где?

Крики, отдаваясь эхом в просторном пустом подвале, казалось, шли отовсюду. Пробежав остаток коридора, Лэнсинг и Юргенс оказались у подножия лестницы. Отсюда тоже невозможно было определить направление звуков — порой казалось, что крики неслись из того коридора, который они только что покинули. Справа, в глубине прохода, по которому пошли генерал и Сандра, мелькнул далекий свет.

— Идут генерал и Сандра,— сказал робот.— Вероятно, нашли что-то пастор и Мэри.

Прежде чем Лэнсинг и Юргенс успели свернуть в центральный коридор, к лестнице подбежал, тяжело дыша, генерал.

— Вы здесь,— пропыхтел он.— Значит, кричит пастор. Мы никак не могли определить, откуда идет звук.

Вчетвером они ринулись по коридору и оказались в помещении, гораздо более просторном, чем все виденные ранее.

— Прекратите этот кошачий концерт,— рявкнул генерал,— мы уже здесь. Чего ради весь этот шум?

— Мы нашли двери! — возбужденно выкрикнул пастор.

— Черт возьми, вот так новость,— фыркнул генерал,— мы все находили двери.

— Если вы секунду помолчите,— парировал пастор,— мы покажем вам, что нашли. Это совсем другие двери.

Лэнсинг, подойдя к тому месту, где стояла Мэри, увидел на задней стене комнаты ряд круглых окошек, из которых

лился свет — не яркий луч фонаря или пляшущий отблеск костра, а мягкий солнечный свет. Окошки находились примерно на высоте человеческого роста. Мэри обеими руками вцепилась в руку Лэнсинга.

— Эдвард,— проговорила она дрожащим голосом,— мы нашли другие миры.

— Другие миры? — повторил он тупо.

— Там двери,— пояснила Мэри,— и смотровые окошки в дверях. Если смотреть в окошко, виден другой мир.

Она потащила его вперед. Все еще не вполне понимая, что происходит, Лэнсинг последовал за Мэри к одному из светящихся кругов.

— Смотрите,— прошептала Мэри завороженно,— смотрите. Этот мне нравится больше всех.

Лэнсинг подошел поближе и заглянул в окошко.

— Я назвала его миром яблоневого цветения,— продолжала Мэри.— Это мир Синей птицы.

И он увидел. Расстилавшийся перед ним пейзаж был умиротворенным и ласковым. Через широкую поляну, покрытую ярко-зеленой травой, извивался искрящийся ручей. В траве пестрели изящные голубые и желтые цветы. Желтые были похожи на колеблемые ветерком нарциссы, а голубые, пониже и полускрытые травой, смотрели на него как бы с любопытством. За поляной начинался косогор, по которому взбегали миниатюрные деревья, сплошь покрытые розовыми цветами невероятной красоты.

— Дикие яблони,— прошептала Мэри.— У диких яблонь розовые цветы.

Этот мир поражал своей свежестью, словно бы он был создан всего несколько минут назад, омыт весенним ливнем, высушен ласковым ветерком и начищен до блеска веселыми солнечными лучами. Там всего-то и было что лужайка с миллионом цветов, сверкающий ручей и покрытый яблоневыми деревьями холм. Безыскусный и очень простой мир. Но, сказал себе Лэнсинг, там было все, что нужно человеку.

Он повернулся к Мэри.

— Он прекрасен! — с чувством произнес Лэнсинг.

— Я тоже так думаю,— откликнулся пастор. Впервые со времени их встречи, отметил Лэнсинг, углы губ пастора приподнялись и его вечно озабоченное и недовольное лицо раз-

гладилось.— Но другие...— продолжил пастор и содрогнулся.— Другие, в отличие от этого...

Лэнсинг осмотрел дверь, в которой было проделано смотровое окошко. Она была больше обыкновенной двери и выглядела бронированной. Дверь явно открывалась наружу, в другой мир. Массивные металлические задвижки должны были предотвратить случайное открывание двери. Той же цели служили глубоко уходящие в стену болты.

— Если это только один из миров,— сказал Лэнсинг,— то каковы же другие?

— Не такие, как этот,— ответила Мэри.— Смотрите сами.

Лэнсинг заглянул в следующее окошко. Из него открывался вид на арктический пейзаж — необъятное заснеженное поле, временами скрывающееся под пеленой метели. В моменты затишья можно было разглядеть безжизненное сверкание поднимавшегося стеной ледника. Хотя холод этого мира не проникал в подвал, Лэнсинг поежился. Никаких признаков жизни: в том мире ничто не двигалось, за исключением летящего по ветру снега.

В третьем окошке был виден голый пустынный ландшафт. На каменистой почве местами лежали полосы нанесенного ветром песка. Камешки, казалось, жили своей жизнью: они скользили и перекатывались под напором постоянного потока воздуха. Видимость ограничивалась передним планом: все остальное скрывалось в желтом месиве летящего песка.

— Не на что смотреть,— сказала Мэри, двигавшаяся от одной двери к другой вслед за Лэнсингом.

Следующее смотровое окошко открыло картину злобной хищной жизни. Мир болотистых джунглей кишел плавающими, крадущимися, переваливающимися убийцами. Лэнсинг не сразу различил отдельных представителей этой плотоядной компании — у него было только общее ощущение непрерывного судорожного движения. Затем он стал замечать подробности — поедающих и поедаемых, сытость и голод, напор и попытки спрятаться. Никогда раньше он не видел ничего похожего на этих животных: искривленные тела, зияющие пасти, терзающие конечности, сверкающие клыки, раздирающие когти, злобно блестящие глаза.

Лэнсинг с отвращением отвернулся, борясь с подступающей тошнотой. Он вытер лицо, как бы стараясь стереть впечатление ненависти и ужаса.

— Я не могла на это смотреть,— призналась Мэри.— Хватило одного взгляда.

Лэнсинг все еще переживал впечатление от увиденного: ему казалось, он съеживается, чтобы стать маленьким и спрятаться.

— Постарайтесь забыть,— сочувственно сказала Мэри.— Выбросить из памяти. Это моя вина — я должна была вас предупредить.

— А что представляют собой остальные миры? Такой же ужас, как и здесь?

— Нет, этот самый жуткий.

— Вы только гляньте,— окликнул их от соседней двери генерал,— никогда не видел ничего подобного.

Он отступил в сторону, чтобы дать Лэнсингу возможность увидеть мир за окошком. Поверхность почвы оказалась зазубренной, без единой плоской поверхности, и Лэнсингу понадобилось несколько секунд, чтобы понять, в чем дело. Затем он разглядел, что вся местность была покрыта пирамидами метровой высоты с тесно прилегающими друг к другу основаниями. Было непонятно, являются ли эти бесконечно повторяющиеся пирамиды естественной поверхностью планеты или же они — результат чьей-то деятельности. Каждая пирамида заканчивалась острием, и любому пришельцу грозил шанс оказаться проткнутым насквозь.

— Должен заметить,— сказал генерал,— это самая эффективная засека из всех виденных мной. Даже тяжелая техника встретилась бы с трудностями, преодолевая ее.

— Вы думаете, это фортификационное сооружение? — спросила Мэри.

— Похоже,— ответил генерал.— Когда бы не полное отсутствие логики: нет объекта, подходы к которому охранялись бы таким образом.

Действительно, кроме пирамид, в этом мире не было ничего. Они покрывали видимую поверхность до самого горизонта.

— Наверное, мы никогда не узнаем, что же это такое,— задумчиво произнес Лэнсинг.

— Есть один путь выяснить это,— раздался сзади голос пастора.— Достаточно отвинтить болты, отодвинуть задвижки, открыть дверь и войти.

— Нет,— решительно возразил генерал,— именно этого мы не должны делать. Двери могут быть ловушками. Открыв дверь

и сделав хоть один шаг за порог, можно обнаружить, что дверь исчезла и обратного пути нет.

— Вы лишены веры во что бы то ни было. Вы во всем видите ловушку.

— Этому научил меня мой военный опыт, и он не раз выручал меня. Недоверчивость спасла меня от многих глупых поступков.

— Остается еще одна дверь,— сказала Мэри Лэнсингу,— и она ведет в самый печальный мир. Хотя не могу объяснить, что в нем печального.

Мир был действительно печален. Прижавшись лицом к смотровому окошку, Лэнсинг увидел лесистую долину, погруженную в глубокие сумерки. Искривленные деревья на склоне холма напоминали больных стариков. Все было неподвижно: ни малейшее дуновение не колыхало ветвей. Может быть, в этом, подумал Лэнсинг, и заключается источник печали — в навеки несбывшемся стремлении к движению. Между деревьями лежали торчащие из земли замшелые валуны, а в глубоком овраге, несомненно, должен бежать ручей, но и его журчание не могло быть веселым. Тем не менее Лэнсинг не сумел точно определить источник все пронизывающей грусти: все же почему так невыносимо печален этот мир?

Лэнсинг повернул голову и вопросительно взглянул на Мэри.

— Не спрашивайте меня,— ответила она на его безмолвный вопрос,— я не знаю.

Глава 15

Снова разожженный костер принес немного тепла и уюта. В тепле они нуждались в первую очередь: солнце село, и внутри здания сразу стало пронизывающе холодно. Теперь, сидя вокруг огня, можно было обсудить находку.

— Мне кажется,— начал генерал,— двери могут быть тем самым ответом, который мы ищем. И все же я не могу заставить себя поверить в это.

— Совершенно очевидно,— сказал пастор,— что они — путь в другие миры. И если мы в них войдем...

— Я же сказал вам,— раздраженно прервал генерал,— это ловушка. Попробуй мы только войти, и обратной дороги может не оказаться.

— Похоже,— вступила в разговор Мэри,— жители здешнего мира очень интересовались другими мирами. Свидетельством тому не только двери, но и графический преобразователь. То, что видно на его экране, тоже, наверное, какой-то другой мир.

— Чего мы не знаем,— вступила в разговор Сандра,— так это существуют ли другие миры в действительности или все они — лишь плод воображения? У меня возникло чувство, что все увиденное нами — не что иное, как произведение искусства. Может быть, весьма нетрадиционная его форма, по нашим меркам, но мы и не можем претендовать на знание всех возможных воплощений искусства.

— Мне это кажется полной чепухой,— запротестовал генерал.— Ни один художник в здравом уме не станет заставлять зрителя заглядывать в смотровые окошки, чтобы увидеть картину. Он, конечно же, повесил бы ее на стену, на самом видном месте для всеобщего обозрения.

— Ваша концепция искусства чрезмерно узка,— возразила Сандра.— Как знать, к чему стремится художник или какое средство воздействия на зрителя он выберет? Может быть, показать картину через смотровое окошко — значит приблизить зрителя к произведению искусства? Заставить его сконцентрироваться только на картине, полностью отгородившись от внешних впечатлений! А настроение? Вы же заметили, что каждое из смотровых окошек связано с совершенно определенным настроем, отличающимся от всех остальных,— все они вызывают разные оттенки эмоционального восприятия. Уже даже одно это говорит об истинном искусстве!

— Я остаюсь при своем мнении — никакое это не искусство,— повторил генерал, проявляя присущее ему упрямство.— Я по-прежнему уверен, что это — двери в другие миры и нам лучше держаться от них подальше.

— Мне кажется, мы забыли об одной важной вещи,— проговорила Мэри,— о картах, которые нашли Эдвард и Юргенс. Насколько я могу судить, вряд ли это план города. Может быть, на них — изображение чего-то, о чем нам следует знать. А может, это карты тех миров, которые видны в смотровые окошки? Если это так, то должен существовать способ проникнуть туда и вернуться обратно.

— Очень может быть,— ответил генерал,— но чтобы сделать это, нужно знать, как именно, а нам это неизвестно.

— Карты могут представлять и другие части того мира, в котором мы сейчас находимся,— предположил Юргенс.— Мы не знаем их, потому что еще очень мало видели.

— Мне кажется,— проговорил Лэнсинг, доставая карты,— одна из них изображает ту территорию, где мы сейчас находимся. Да, вот она.— Он расправил карту и разложил ее на полу.— Взгляните, здесь что-то похожее на город. Заштрихованный овал может быть обозначением города, а вот это — дорога, по которой мы пришли. Черный квадратик, наверное, гостиница.

Генерал склонился над картой.

— Да, похоже,— сказал он.— Но где же на карте отмечен куб? Его здесь нет. Картограф никак не мог бы пропустить такой важный объект.

— Может быть, карта составлена еще до того, как соорудили куб,— предположил Юргенс.

— Да, наверное,— поддержала его Сандра.— Куб показался мне совсем новым строением.

— Мы должны немного отложить этот разговор,— заключил генерал.— Мы заболтались сверх меры, каждый выпаливает первое, что придет на ум. Будет лучше, если мы хорошенько обдумаем ситуацию и потом снова ее обсудим.

Пастор медленно поднялся на ноги.

— Я пойду прогуляюсь,— сказал он.— Глоток свежего воздуха поможет привести мысли в порядок. Кто-нибудь хочет присоединиться?

— Пожалуй, и я пройдусь,— отозвался Лэнсинг.

На площади сгущались тени. Солнце село, опускалась ночь. На фоне неба, еще освещенного закатом, четко вырисовывался изломанный силуэт темных разрушенных зданий, окружавших площадь. Шагая рядом с пастором, Лэнсинг впервые ощутил атмосферу древнего города.

Очевидно, пастор испытывал то же самое. Он сказал:

— Город почти так же древен, как сама вечность. Это угнетает. Будто ощущаешь тяжесть веков, давящих на плечи. Время источило сами камни, они вросли в землю и стали единым целым с ней. Мистер Лэнсинг, вы чувствуете это?

— Пожалуй,— отозвался Лэнсинг — Странное ощущение.

— Это место,— произнес пастор,— где история завершила свой ход, полностью исчерпала себя и умерла. Город уцелел и стоит как напоминание о быстротечности всего живого,

как свидетельство того, что сама история — не более чем иллюзия. Такие места оставлены для того, чтобы люди могли воочию убедиться в своей несостоятельности, созерцая свой полный крах. Ибо весь этот мир — воплощение такого краха.

— Возможно, вы правы,— пробормотал Лэнсинг, не зная, что сказать.

Пастор замолчал и пошел вперед большими шагами, сцепив руки за спиной и высоко подняв голову. Время от времени он останавливался и оглядывал площадь.

Через несколько минут он снова заговорил:

— Мы должны следить за генералом. У него появляются бредовые идеи, но они кажутся на первый взгляд разумными, присущими здравомыслящему человеку, почему нужна немалая проницательность, чтобы понять, что это безумие. Он чрезмерно самоуверен и упрям. Ему невозможно что-либо доказать. В жизни не встречал человека, который бы так часто впадал в заблуждения, причем по самым разным поводам. И все оттого, что у него образ мыслей, свойственный военному. Вам приходилось замечать, как ограниченны в интеллектуальном отношении все военные?

— Я редко сталкивался с ними,— пробормотал Лэнсинг.

— Ну, они действительно такие,— утвердительно кивнул пастор.— Они прямолинейны, и, если перед ними возникает какая-либо проблема, им видится один-единственный путь для ее решения. У них в голове вместо мозгов воинский устав, в соответствии с которым они и живут. На их глазах — невидимые шоры, не позволяющие им кинуть взгляд ни вправо, ни влево, только прямо и вперед! Я думаю, нам с вами надо хорошенько следить за генералом. Иначе он втянет нас в неприятности. Он постоянно стремится быть командиром, прямотаки страдает манией лидерства. Вы не могли не заметить этого.

— Да, действительно,— ответил Лэнсинг.— Если вы помните, я говорил с ним об этом.

— Конечно помню. Генерал несколько напоминает мне одного моего прежнего соседа,— продолжал пастор.— Он жил напротив, по другую сторону улицы. А немного дальше на той же улице поселился дьявол. На первый взгляд, прекрасный хозяин, и вам бы в голову не пришло, что он дьявол, но это действительно было так. Думаю, очень немногие распознали его, но я знал твердо, что он — дьявол. Подозреваю,

что и мой сосед, который жил через улицу, тоже хорошо знал это, хотя мы с ним никогда не касались этой темы. Главное, на что я хочу обратить внимание: мой сосед, определенно зная, что перед ним дьявол, поддерживал с ним дружелюбные отношения. Если они встречались на улице, мой сосед приветствовал его, даже останавливался поболтать. Я уверен, что в словах, которыми они обменивались, не было ничего зловещего. Они просто проводили вместе несколько минут. Наверняка вы бы подумали, что моему соседу не следовало общаться с ним. Но если бы я сказал об этом соседу — сам я, естественно, не поддерживал с дьяволом никаких отношений,— тот ответил бы мне, что он терпимый человек, не имеющий предубеждений против евреев, негров, папистов, и точно так же он не может относиться с предубеждением к дьяволу, живущему на одной с ним улице. Я считаю, что во Вселенной должен быть нравственный закон, разграничивающий добро и зло, и обязанность каждого из нас — четко различать то и другое. Не говорю об ограниченности религиозных воззрений, которые действительно часто отличаются большой нетерпимостью. Я имею в виду весь спектр поведения человека. Существует мнение, будто человек может быть добродетельным, не исповедуя никакой религии. Не соглашусь с этим потому, что считаю необходимой для каждого человека опору, которую дает вера — его личная твердая вера. С ее помощью можно честно отстаивать правое дело или то, что человек считает правильным.

Пастор остановился, резко повернулся к Лэнсингу.

— Простите, я как бы произношу проповедь, но это просто привычка. Дома, на реповом поле или в своем белом домике, выходящем на зеленую мирную улицу — мирную, невзирая на близкое соседство дьявола,— я всегда был непоколебим в своих взглядах, я мог быть уверенным и настойчивым. В своей маленькой церкви, такой же мирной и белой, как и мой дом, я без колебаний разъяснял прихожанам, что есть добро и что есть зло, в каких бы деяниях — больших или малых — они ни проявлялись. А теперь я ничего не знаю. У меня отнята прежняя твердая вера. Раньше я был уверен в себе, сейчас — нет.— Он умолк, пристально глядя на Лэнсинга. Затем он произнес: — Не знаю, зачем я все это говорю вам — именно вам. Вы это можете объяснить?

— Не могу представить, почему вам это понадобилось,— ответил Лэнсинг.— Но если вам хочется поговорить со мной, я готов внимательно выслушать. И буду рад, если беседа хоть в чем-то поможет вам.

— Одиночество, заброшенность — вы чувствуете то же самое?

— Не сказал бы,— отозвался Лэнсинг.

— Пустота! — выкрикнул пастор.— Небытие! Это ужасное место, сущий ад! Здесь именно то, о чем я всегда говорил, то, что открывал своим прихожанам: ад — это не вместилище пыток и страданий, ад — это конец любви и веры, потеря человеческого самоуважения, сознания своей силы, ощущение *полной потерянности, опустошенности...*

— Возьмите себя в руки! Вы не должны допускать, чтобы этот мир взял верх над вами. Неужели вы думаете, что мы все...

Пастор, не слушая Лэнсинга, вдруг вскинул руки к небу, из его груди вырвался вопль:

— Боже, почему ты покинул меня? О, за что, Создатель?

И на голос его отозвался другой крик — со стороны холмов, окружавших город, голос, полный муки. В нем звучало такое безнадежное одиночество, что кровь стыла в жилах, а сердце, казалось, сжимала ледяная рука. Над городом, покинутым тысячелетия назад, раздавались полные отчаяния мольбы и рыдания. Они поднимались к небу, взиравшему на город с жестоким равнодушием. Казалось, такие звуки могло издавать нечто лишившееся души.

Закрыв лицо руками, рыдая, пастор бросился бежать в сторону лагеря. Он мчался огромными прыжками, временами теряя равновесие, но в последний момент удерживаясь от падения,— безумный бег.

Лэнсинг, не надеясь догнать пастора, все же бросился вслед за ним. В глубине души он был даже благодарен судьбе, не дававшей ему шанса встать на пути пастора; в самом деле, как он смог бы остановить его, если бы и догнал?

А с холмов неслись чудовищные стенания, из чьего-то сердца исторгался ужас. Звуки выражали такую нестерпимую боль, что Лэнсингу казалось, будто какая-то огромная рука опустилась ему на грудь и медленно сжимает ее. Он задыхался, но не от бега, а от леденящей хватки, невидимой гигантской хватки.

Пастор добежал до здания, в котором они остановились, и стал тяжело подниматься по лестнице. Следуя за ним, Лэнсинг остановился у границы освещенного костром круга. Пастор рухнул на пол у самого огня и лежал, притянув колени к подбородку и обхватив плечи руками, в позе младенца во чреве матери, словно бы пытаясь защититься этим от ужасов окружающего мира.

Генерал опустился перед ним на колени, остальные стояли вокруг, со страхом наблюдая за происходящим. Услышав шаги Лэнсинга, генерал резко поднялся.

— Что там случилось? — спросил он повелительно.— Лэнсинг, что вы с ним сделали?

— Вы слышали вой?

— Да, и гадали, что бы это могло быть.

— Пастор испугался воя, зажал уши руками и побежал.

— Простой испуг?

— Думаю, да. Он уже перед этим был не в своей тарелке. Пастор произнес целую речь — бессвязную и нелогичную. Я пытался успокоить его, но он воздел руки и стал кричать, что Бог покинул его.

— Невероятно! — воскликнул генерал.

Сандра, сидевшая рядом с пастором, поднялась, обхватив руками голову.

— Он страшно напряжен, весь будто завязан узлами. Что нам с ним делать?

— Оставьте его в покое,— распорядился генерал,— пусть приходит в себя. Если он не справится сам, мы бессильны.

— Ему бы не повредила хорошая доза спиртного,— предположил Лэнсинг.

— Да, но как его заставить выпить? У него же зубы стиснуты; чтобы рот открыть, нужно сломать челюсть. Может быть, попозже?

— Как ужасно, что это случилось с ним! — воскликнула Сандра.

— С самого начала нашего путешествия он шел к этому,— произнес генерал.

— Как вы думаете, он выпутается? — спросила Мэри.

— Мне приходилось сталкиваться с подобными случаями в военной обстановке,— ответил генерал.— Иногда все кончается благополучно, иногда — нет.

— Надо, чтобы он согрелся,— сказала Мэри.— У кого-нибудь есть одеяло?

— У меня два,— откликнулся Юргенс.— Я захватил их с собой, на всякий случай.

Генерал отозвал Лэнсинга в сторону и спросил:

— Действительно этот вой со стороны холмов был так ужасен? Мы слышали его, но приглушенным.

— Это на самом деле было ужасно,— ответил Лэнсинг.

— Но вы же выдержали?

— Ну да. Но во мне не было того эмоционального напряжения, что владело пастором. Он был в состоянии стресса, и едва он в крике обратил свою жалобу Богу, как с холмов понеслись жуткие тоскливые звуки.

— Испуг,— произнес генерал с отвращением.— Бесстыдная, неприкрытая трусость!

— Пастор ничего не мог поделать, он потерял контроль над собой.

— Надутый праведник,— выговорил генерал презрительно,— показал наконец себя во всей красе.

Мэри вспылила:

— Можно подумать, что вы рады случившемуся.

— Нет,— возразил генерал,— вовсе нет. Все это неприятно. У нас теперь двое калек, которых нам надо тащить с собой.

— Почему бы вам не приставить их к стенке и не расстрелять? — сквозь зубы спросил Лэнсинг.— О, извините, я забыл, что при вас нет оружия.

— Никто из вас не понимает простой вещи,— сказал генерал.— В рискованном предприятии вроде нашего только жесткость может обеспечить успех.

— Вы достаточно жесткий человек,— заметила Сандра,— чтобы восполнить возможный недостаток этого качества у всех остальных.

— Я вам не нравлюсь,— констатировал генерал,— но это меня не задевает. Никому не нравится жесткий командир.

— В том-то и дело,— возразила ему Мэри,— что вы вовсе не наш командир. Мы все прекрасно можем обойтись и без вас.

— Думаю,— сказал Лэнсинг,— настало время покончить с этим. Я высказал против вас, генерал, немало резких обвине-

ний, и каждое сказанное мною слово было обдуманным. Но я готов взять их обратно, если вы их забудете. Если мы будем пускаться в пустые перебранки вроде теперешней, наше рискованное предприятие, как вы его назвали, не кончится добром.

— Замечательно! — воскликнул генерал.— Вы заговорили как мужчина, Лэнсинг. Я рад, что вы на моей стороне.

— Не уверен, что дело обстоит именно так,— возразил Лэнсинг,— но охотно сделаю все от меня зависящее, чтобы ладить с вами.

— Тише,— перебила их Сандра,— замолчите и слушайте! Мне кажется, вой прекратился.

Они притихли и прислушались: вой действительно утих.

Глава 16

Лэнсинг проснулся раньше всех и огляделся. Рядом под грудой одеял лежал пастор, чуть расслабившись, но по-прежнему сохраняя позу зародыша в чреве матери.

Юргенс сидел у костра, присматривая за кипящим котелком с овсянкой. Заботливо собранная кучка углей окружала кофейник, не давая ему остыть.

Лэнсинг вылез из спальника и присел рядом с Юргенсом.

— Как пастор? — спросил Лэнсинг.

— Сейчас вроде ничего.— Юргенс позволил себе отвлечься от овсянки.— Последние несколько часов он чувствует себя неплохо. У него был озноб, его всего трясло. Я не стал никого будить — все равно ему нечем помочь. Я присматривал за ним и следил, чтобы он был хорошо укрыт. В конце концов озноб прекратился, и ему удалось заснуть. Знаете, Лэнсинг, ведь мы могли взять с собой какие-нибудь лекарства. Почему никто из нас об этом не подумал?

— У нас есть бинты, обезболивающие и дезинфицирующие средства,— возразил Лэнсинг,— полагаю, это все, что было нам доступно. Боюсь, пользы от других лекарств мало — ни у кого из нас нет никаких медицинских познаний.

— Мне кажется,— заметил Юргенс,— генерал был ужасно груб с пастором.

— Генерал испугался. У него и у самого проблем довольно.

— Не вижу, с чего бы.

— Он считает, что отвечает за нас. Для людей его типа это вполне естественно. Его беспокоит любой наш шаг, любая мелочь. Это нелегко.

— Лэнсинг, мы в состоянии сами отвечать за свои поступки.

— Я-то знаю это, но он так не думает. Скорее всего, он упрекает себя за то, что произошло с пастором.

— Но он ведь не любит пастора.

— Да. Пастора никто не любит. С ним трудно ужиться.

— Почему же вы пошли с ним гулять?

— Не знаю. Наверное, просто из жалости. Он кажется таким одиноким. Человек не должен быть так одинок.

— На самом деле именно вы заботитесь обо всех нас, хотя и не демонстрируете этого. Вы ведь никому не рассказали обо мне, о том, кто я и откуда прибыл.

— Когда Мэри спросила о мире, из которого вы прибыли, вы предпочли не отвечать. Я сделал вывод: вы не хотите, чтобы о вашей истории знал еще кто-то, помимо меня.

— Но вам я сказал. Вы понимаете, что я имею в виду. Вам я все рассказал. Я доверяю вам. Не знаю почему, но думаю, что поступил правильно. Я хотел, чтобы вы все знали.

— Наверное, я похож на отца-исповедника.

— Я думаю, вы больше чем духовник,— сказал Юргенс с чувством.

Лэнсинг поднялся и пошел к выходу. Остановившись на ступеньках лестницы, он оглядел площадь. Какая мирная картина! Восток уже посветлел, однако солнце еще не взошло. В неярком утреннем свете стены домов, окружающих площадь, казались розовыми, а не красными, как при дневном освещении. В воздухе еще чувствовался ночной холод. Где-то в руинах попискивала одинокая птичка.

Лэнсинг услышал шаги за спиной и обернулся. По ступенькам спускался генерал.

— Кажется, пастору лучше,— произнес он вместо приветствия.

— По словам Юргенса, сначала у него был сильный озноб, но последние несколько часов он спит.

— Он создает нам дополнительные сложности,— нахмурился генерал.

— Каким образом?

— Мы должны продолжать поиски. Нам надо прочесать город. Я убежден, здесь существует нечто, что должно быть обнаружено.

— Давайте потратим несколько минут на анализ ситуации,— предложил Лэнсинг,— мы ни разу не пытались этого сделать. Полагаю, вы уверены, что существует ключ, найдя который мы сможем вернуться в наши миры.

— Нет,— покачал головой генерал,— не думаю. Нам не удастся попасть обратно. Этот путь закрыт для нас. Но должна существовать другая дорога, куда-то еще.

— Вы думаете, мы были доставлены сюда кем-то или чем-то, специализирующимся на головоломках? По замыслу неведомого автора, существует место, куда мы должны добраться, и мы должны найти его самостоятельно. Как крысы в лабиринте?

Генерал бросил на него мрачный взгляд:

— Лэнсинг, вы выступаете в роли адвоката дьявола. С чего бы это?

— Возможно, потому, что я понятия не имею, почему мы здесь и что нам следует делать.

— Вы предлагаете дать событиям развиваться своим чередом?

— Вовсе нет. Мы должны выбраться отсюда, но, право, я не знаю как.

— Я тоже. Тем не менее придется заняться поисками. Мы все должны участвовать в обследовании города — но как оставить пастора одного? Кто-то должен остаться с ним, а это значит, что мы теряем не одного человека, а двух.

— Вы правы,— согласился Лэнсинг,— нельзя оставлять пастора без присмотра. Я думаю, с ним побудет Юргенс. Ему все еще трудно ходить.

— Нет, Юргенс понадобится нам. У него хорошая голова. Он немногословен, но у него бывают здравые мысли. И верный глаз, многое замечающий.

— Прекрасно. Берите его с собой. Останусь я.

— Нет, не вы. Вы тоже нужны. Как вы думаете, Сандра согласится остаться? От нее, пустоголовой, мало проку в разведке.

— Лучше спросить ее саму,— предложил Лэнсинг.

Сандра не возражала. Все прочие после завтрака отправились в город. Генерал подробно разработал план вылазки.

— Лэнсинг, вы с Мэри идите вон по той улице до конца. Пройдете всю и возвращайтесь по соседней. Мы с Юргенсом будем делать то же самое, начав с противоположного угла площади.

— А что мы должны искать? — спросила Мэри.

— Все необычное. Все, что бросается в глаза. Не пренебрегайте интуицией — иногда предчувствия стоят многого. Если бы время и наши силы позволяли, хорошо бы осмотреть дом за домом. К сожалению, это невозможно. Нам придется положиться на волю случая.

— Все это звучит очень неопределенно,— неодобрительно произнесла Мэри,— от вас я ожидала более логичного плана.

Мэри и Лэнсинг пошли вдоль указанной улицы. Ее то и дело перегораживала полуобвалившаяся кладка. Ничего необычного они не обнаружили. Неопрятные облупившиеся каменные здания мало отличались друг от друга. Они походили на жилые дома, но полной уверенности в этом не было.

Лэнсинг и Мэри осмотрели несколько домов, в общем-то ничем не отличавшихся от остальных. Пустые комнаты производили неприятное впечатление. Пыль, покрывавшая все предметы, лежала нетронутой. Лэнсинг попробовал представить эти комнаты населенными веселыми и счастливыми людьми, но у него ничего не вышло. Все мертво: город, дома, комнаты. Они умерли слишком давно, чтобы служить прибежищем хотя бы для призраков. Строения утратили саму память; ничто не напоминало о прошлом.

— По-моему, это бесполезно,— наконец не выдержала Мэри,— поиск вслепую неизвестного фактора. Даже если он и существует, а мы этого достоверно не знаем, пройдут годы, прежде чем мы отыщем нужное нам. Наш генерал просто спятил.

— Он не спятил,— возразил Лэнсинг,— но преследует безумную цель. Он был уверен, что ответ на все наши вопросы мы найдем в городе. Но город представлялся ему несколько иным, он надеялся встретить здесь людей.

— Но коль скоро людей мы не нашли, почему бы не отказаться от навязчивой идеи?

— Мы с вами, вероятно, именно так бы и поступили. Мы готовы признать собственную неправоту и действовать в зависимости от ситуации. Генерал же не может отказаться от раз-

работанного им плана операции. Он ни за что в жизни не изменит своего мнения.

— Ну и что же мы будем делать?

— Пока подыграем ему. Будем считать, что нам по пути. Может быть, скоро он убедится в ошибке.

— Боюсь, нам придется слишком долго ждать.

— Вот тогда и будем решать, что делать.

— Хорошо бы вколотить немножко разума в генеральскую голову.

Лэнсинг усмехнулся, Мэри ответила ему улыбкой.

— Может, и не слишком гуманно, но эта мысль доставляет мне удовольствие,— заключила Мэри.

Они поднялись с каменной плиты и собрались было идти дальше, как вдруг Мэри насторожилась:

— Послушайте! Кажется, кто-то кричит.

Минуту они стояли неподвижно; звук, которого Лэнсинг не услышал в первый раз, повторился. Неотчетливый, ослабленный расстоянием женский визг.

— Сандра! — крикнула Мэри и бросилась к площади.

Она бежала легко, будто у нее выросли крылья, и Лэнсинг с трудом поспевал за ней. Каменные завалы, загромождавшие узкую улицу, затрудняли продвижение. Звук повторился еще несколько раз.

Лэнсинг, добежав до конца улицы, выскочил на площадь. Мэри уже почти пересекла ее. На ступенях, ведущих в вестибюль, Сандра неистово размахивала руками и визжала что есть силы. Лэнсинг попытался прибавить скорости, но ноги его не слушались.

Мэри взбежала по ступенькам и обняла Сандру. Так они и застыли, тесно прижавшись друг к другу. Краешком глаза Лэнсинг заметил генерала, вылетевшего на площадь из-за угла. Лэнсинг наконец достиг лестницы и рывком поднялся по ней.

— Что случилось? — выговорил он задыхаясь.

— Пастор,— ответила Мэри,— он исчез.

— Исчез! Сандра, вы должны были присматривать за ним.

— Я пошла в туалет,— выкрикнула Сандра,— всего на минуту!

— Вы искали его? — спросила Мэри.

— Искала,— всхлипнула Сандра,— искала всюду.

Отдуваясь, по ступеням взобрался генерал. Позади него скакал Юргенс, изо всех сил выбрасывая вперед костыль.

— Что за шум? — потребовал объяснений генерал.

— Пастор пропал,— объяснил Лэнсинг.

— Все-таки сбежал! — вскричал генерал.— Этот трусливый заячий хвост спасся бегством.

— Я всюду искала его! — Сандра была на грани истерики.

— Я уверена, что знаю, где он,— прервала ее Мэри.

— И я тоже,— произнес Лэнсинг, направляясь к входу.

— Фонарик рядом с моим спальником! — крикнула вдогонку Мэри и побежала вслед за ним.— Я держала его под рукой всю ночь.

Лэнсинг схватил фонарик и кинулся к лестнице, ведущей в подвал.

— Глупец,— ругал он себя,— безмозглый болван!

Он достиг подвала и бросился в центральный коридор; луч фонарика заметался по стенам.

Он пытался убедить себя, что в запасе еще есть время, хотя в глубине души был уверен, что все слишком поздно.

Он оказался прав. Большая комната в конце коридора была пуста. Окошки слабо светились в темноте.

Лэнсинг достиг первой из дверей, ведущей в яблоневый сад, и направил на нее луч света. Засовы были сорваны и покачивались на своих болтах.

В тот же момент огромная сила сбила его с ног. Падая, Лэнсинг выронил фонарик, и тот, еще включенный, закрутился на полу. Лэнсинг сильно ударился головой. Свет фонарика и радужные круги от удара смешались в его меркнущем сознании, хотя он продолжал бороться с навалившейся на него тяжестью.

— Вы, идиот! — раздался крик генерала.— Куда вас несет!

— Пастор,— заплетающимся языком выговорил Лэнсинг,— он ушел через дверь.

— И вы за ним?

— Ну конечно. Я найду его...

— Вы круглый дурак! — выкрикнул генерал.— Это дорога в одну сторону. Вы войдете, но не вернетесь. Оттуда нет двери... Вы обещаете вести себя разумно, если я отпущу вас?

Подошла Мэри, подняла фонарик и осветила Лэнсинга.

— Генерал прав,— согласилась она,— дверь может оказаться односторонней. Сандра, не смейте! — вдруг вскрикнула Мэри.

Одновременно с ее криком из темноты выскочил Юргенс и толкнул Сандру костылем. Удар отбросил Сандру в сторону.

Генерал, тяжело поднявшись, привалился спиной к двери, загораживая ее.

— Никто,— прорычал он,— не войдет в эту дверь, понятно? Я запрещаю даже дотрагиваться до нее.

Лэнсинг покачиваясь встал. Юргенс помог подняться Сандре.

— Смотрите,— воскликнула Мэри, осветив фонариком какой-то предмет на полу,— он воспользовался гаечным ключом!

— Я видел его вчера,— вспомнил Юргенс,— он висел на крючке рядом с дверью.

Мэри подняла ключ.

— Ладно,— сказал генерал,— мы все отдали дань безумию, пора успокоиться. Засовы поставим на место, а гаечный ключ выкинем.

— Почему вы решили, что дверь открывается только в одну сторону? — потребовала ответа Сандра.

— Я не знаю этого,— ответил генерал,— но готов биться об заклад, что это так.

Вот и все, подумал Лэнсинг. Никто ничего не знает наверняка, даже генерал. Но пока ни в чем нет полной уверенности, рисковать не стоит.

— Иного способа, кроме как воспользоваться дверью, не существует. Возможно, по ту сторону двери ответ будет найден, но не исключено, что слишком поздно,— рассудил Юргенс.

— Точно,— подтвердил генерал,— но эксперименты я запрещаю.

Он протянул руку, и Мэри отдала ему гаечный ключ.

— Посветите мне,— попросил генерал.

Глава 17

— Сбежал,— констатировал генерал.— Лэнсинг, в вашем ночном разговоре он упоминал о побеге?

— Нет. Уверен, что нет. Но его положение было безнадежным. Он не просто ругал этот мир, он считал, что мы угодили в ад, реально существующий библейский ад.

— Слабый человек,— презрительно сказал генерал.— Он выбрал самый трусливый выход и первым выбыл из наших рядов.

— Вы говорите так,— со слезами в голосе произнесла Сандра,— словно бы ждете, что это не последняя потеря.

— Потери неизбежны,— спокойно ответил генерал,— что необходимо учитывать. И принимать все меры, чтобы процент убыли не превышал приемлемой величины.

Лэнсинг поморщился:

— Ваш юмор отвратителен. Это не смешно.

— И теперь вы намереваетесь сказать нам,— предположила Мэри,— что мы должны продолжать работу.

— Естественно,— невозмутимо ответил генерал.— Это наш единственный шанс. Если мы ничего не найдем...

— А если мы что-то найдем,— перебила его Сандра,— вы объявите, что это ловушка. Вы побоитесь использовать находку. Вы уже запретили пользоваться дверьми, боясь, что они могут оказаться ловушками.

— Я уверен в этом,— кивнул генерал,— и не хочу, чтобы, пытаясь найти пастора, кто-нибудь из вас попался.

— Я заглянул в смотровое окошко,— сказал Юргенс.— Пастора не видно.

— А вы чего ждали? — поинтересовался генерал.— Увидеть пастора, показывающего нам нос? Стоило ему ступить за дверь, как он припустил во всю прыть. Думаю, он решил рискнуть, в надежде, что мы вытащим его обратно.

— Возможно, это и к лучшему,— предположила Мэри.— Может быть, там он будет счастлив. Я помню выражение его лица, когда он заглянул в окошко. Единственный раз я видела его счастливым. Для пастора в том мире было что-то весьма притягательное. Он манил нас всех, но пастора — особенно.

— Да,— согласился Лэнсинг,— он действительно выглядел счастливым.

— Так что же вы двое предлагаете? — спросил генерал.— Выстроиться в шеренгу перед дверью, а затем дружно войти в нее?

— Нет,— ответила Мэри,— нам это не годится. А у пастора не было иного выхода. Я надеюсь, он наконец нашел успокоение.

— Счастье не должно быть высшей целью,— заявил генерал.

— Стремление к смерти — тоже,— возразила Мэри.— Хотя похоже, именно такова ваша цель. Я убеждена, что ваш любимый город истребит нас поодиночке. Эдвард и я не собираемся спокойно дожидаться этого. Завтра утром мы уходим.

Сквозь пляшущее пламя Лэнсинг посмотрел на Мэри и на какое-то мгновение почувствовал желание обнять ее. Однако остался сидеть на прежнем месте.

— Наша сила в единстве,— настойчиво произнес генерал.— А вы пытаетесь посеять раздор между нами...

— Это я во всем виновата! — раздался крик Сандры.— Если бы я не оставила пастора одного!

— Вы тут ни при чем,— попытался успокоить ее Юргенс.— Пастор ждал удобного случая. Это случилось бы если не сегодня, так днем позже. Он бы не успокоился, пока не проник в тот мир.

— Думаю, вы правы,— согласился Лэнсинг.— Он был целеустремленным человеком. Я не понимал, насколько он отдалился от нас, пока не поговорил с ним прошлой ночью. Я убежден, что никто не должен винить себя за то, что произошло.

— А как насчет ухода из города? — вернулся генерал к прежней теме.— Ваше мнение, Лэнсинг?

— По-моему, нам всем надо уйти отсюда. В городе есть что-то зловещее. Полагаю, вы тоже это чувствуете. Город мертв, но даже мертвым он наблюдает за нами. За каждым нашим движением. На время вы можете забыть о слежке, а затем ощущение слежки возникает вновь, неожиданно, как нож в спину.

— А если мы останемся?

— Я ухожу, и вместе со мной идет Мэри.

Он вдруг подумал, что мысль уйти из города ему самому не приходила в голову. Интересно, как Мэри догадалась? На каком подсознательном уровне они общались?

— Еще несколько дней,— взмолился генерал,— несколько дней, вот все, о чем я прошу. Если ничего не прояснится, мы все вместе двинемся дальше.

Ответа не последовало.

— Три дня, всего три дня...

— Я не из тех, кто торгуется за каждый грош,— наконец проговорил Лэнсинг.— Если Мэри не против, я пойду вам навстречу. Два дня. И все. Больше отсрочки не будет.

Генерал бросил на Мэри вопросительный взгляд.

— Хорошо,— согласилась она,— только два дня.

Юргенс неуклюже поднялся:

— Займусь ужином.

— Нет, позвольте мне,— попросила Сандра.— Мне станет легче, если я буду занята делом.

Где-то вдали послышался ужасный вой. Они замерли на месте, боясь шелохнуться. Как и прошлой ночью, одинокое существо на вершине холма выплескивало в рыданиях несказанную боль.

Глава 18

Второй из оговоренных генералом дней подходил к концу, когда Мэри и Лэнсинг сделали открытие.

Между двумя зданиями в конце узкого прохода они обнаружили зияющий пролом. Лэнсинг посветил фонариком. В луче света они увидели узкую лестницу, невероятно массивную.

— Оставайтесь здесь,— велел Лэнсинг,— а я спущусь и посмотрю. Там, наверное, и нет ничего.

— Я пойду с вами,— возразила Мэри.— Не хочу оставаться одна.

Лэнсинг протиснулся в отверстие и стал осторожно спускаться по крутым ступенькам. Стук каблуков и шарканье подсказывали, что Мэри шла за ним, стараясь быть как можно ближе. Лестница оказалась длинной. Лэнсинг добрался до площадки и обнаружил еще один пролет, ведущий вниз. Сделав несколько шагов по ступенькам второго пролета, он услышал бормотание и замер, прислушиваясь; от неожиданности Мэри наткнулась на него.

Бормотание было тихим. Пожалуй, слово «бормотание», первым пришедшее в голову, не совсем подходило к этому звуку. Скорее пение, хотя и без слов; кто-то словно бы тихо напевал себе под нос. Голос низкий, похожий на мужской.

— Кто-то поет,— прошептала Мэри.

— Что ж, пойдем посмотрим,— ответил Лэнсинг.

На самом деле ему вовсе не хотелось идти туда. Будь его воля, он бы развернулся и убежал. Хотя пение (если это пение) походило на человеческое, в воздухе витало нечто такое мрачное и чуждое, что у Лэнсинга разыгрались нервы.

Он спустился на следующую площадку и оказался у третьего пролета. Пение стало слышнее, и внизу Лэнсинг увидел мягко светящиеся пятна, будто сверкающие в темноте кошачьи глаза. Лестница кончилась, еще несколько ступенек — и вместе с Мэри они оказались на металлической дорожке.

— Механизм,— предположила Мэри,— или машина.

— Трудно сказать,— откликнулся Лэнсинг,— по-видимому, какое-то устройство.

— А ведь оно работает,— сказала Мэри.— Заметьте, это первый обнаруженный нами признак жизни.

Машина не была громоздкой. Во всяком случае, ее размеры не подавляли. Множество огоньков, показавшихся Лэнсингу кошачьими глазами, светились на поверхности, позволяя разглядеть механизм, точнее, догадаться о его конфигурации — освещение все же было довольно тусклым. Масса длинных и тонких деталей напоминала скопище пауков. По-видимому, движущихся частей у машины не было, но она напевала про себя.

Переведя луч фонарика, Лэнсинг обнаружил, что металлическая полоса под ними уходила вперед, образуя узкий проход между двумя скоплениями механизмов. Свет фонарика не позволял определить длину дорожки; с обеих сторон тянулись паукообразные механизмы.

Медленно и осторожно Лэнсинг стал продвигаться по дорожке; Мэри не отставала ни на шаг. Дойдя до машины, они остановились. Лэнсинг направил свет фонарика на ближайшую часть устройства.

Механизм оказался не просто похожим на паука; сплетение ажурных нитей, полированный металл, если это, конечно, металл, ярко блестел; ни единого пятнышка грязи, ни пылинки. Не похоже ни на одну из виденных раньше машин, подумал Лэнсинг. Сооружение напоминало творение скульптора-авангардиста, созданное с помощью плоскогубцев в веселую минуту. Несмотря на отсутствие движущихся частей или других признаков работы, механизм, казалось, был полон жизни и имел вполне определенное назначение. И он без устали напевал вполголоса.

— Странно,— растерянно произнесла Мэри,— как инженер я должна бы догадаться, что же это, но я не узнаю ни единой составной части.

— И ни малейшего представления о том, что оно делает?
— *Абсолютно.*
— Ну что ж, мы назвали это машиной.
— За неимением лучшего термина.

Тут Лэнсинг обнаружил, что его тело подсознательно реагирует на ритм машинного пения. Размеренная музыка незаметно проникла в него, стала фоном его существования.

Откуда-то, очень издалека, пришла мысль: нечто подчиняет меня себе. Казалось, это была даже не его собственная мысль, а словно бы кто-то другой подумал об опасности. Лэнсинг хотел предупредить Мэри, но, еще не успев закричать, превратился в другое существо.

Его рост составлял несколько световых лет, и каждый его шаг измерялся триллионами миль. Он высился над Вселенной — полупрозрачный, разреженный, сверкающий и переливающийся блестками в ослепительном сиянии хоровода солнц. Планеты казались всего лишь скрипящим под ногами гравием. Черную дыру, оказавшуюся у него на пути, он отшвырнул как футбольный мяч и, протянув руку, сгреб полдюжины квазаров, нанизал их на звездный свет, повесил ожерельем себе на шею.

Он взбирался на гору из звезд; карабкаясь по крутому склону, он столкнул несколько светил, и те с грохотом полетели вниз, вертясь и подпрыгивая; они, наверное, скатились бы до основания горы, если бы у горы было основание.

Наконец он добрался до вершины и встал там, устойчивости ради расставив ноги. Вся Вселенная, от края до края, лежала перед ним. Лэнсинг погрозил ей кулаком и бросил, выкрикнул вызов Вечности, и дальние закоулки бесконечности эхом отозвались на его крик.

Отсюда ему был виден конец времени и пространства. Он вспомнил, как когда-то хотел узнать, что лежит за их пределами. Ну вот, теперь он узнал, и поделом ему. Потеряв равновесие, он, кувыркаясь, полетел вниз и, достигнув подножия горы (которого на самом деле не существовало), распластался в межзвездной пыли и газе, колеблющихся вокруг подобно волнам бурного моря и безжалостно швырявших его тело. Вспомнив увиденное за пределами времени и пространства, он застонал. Это вернуло его к реальности. Лэнсинг снова стоял

на металлической полосе, а по обеим сторонам от него паукообразные машины что-то тихо напевали.

Мэри тянула его за руку. Еще не вполне понимая, где он и что происходит, Лэнсинг повернулся и тупо посмотрел на валяющийся на полу зажженный фонарик. Он поднял его, едва не упав лицом вниз.

Мэри снова потянула его за рукав.

— Здесь уже можно остановиться. Как вы себя чувствуете?

— Сейчас приду в себя. Мысли, правда, еще несколько путаются. Я видел Вселенную...

— Так вот что вы видели.

— Вы хотите сказать, что тоже что-то видели?

— Да, и когда я вернулась, вы стояли как ледяная статуя. Я боялась тронуть вас — вдруг бы рассыпались на миллион осколков.

— Давайте присядем на минутку.

— Но здесь не на что сесть.

— На пол. Мы можем сесть на пол.

Они опустились на жесткую металлическую поверхность.

— Итак, теперь мы знаем,— сказала Мэри.

— Что знаем?

Лэнсинг потряс головой. Туман в голове постепенно рассеивался, но соображал он еще с трудом.

— Знаем, что делает эта машина. Эдвард, не надо рассказывать обо всем генералу — он рассвирепеет.

— Нам придется это сделать. Заключив сделку, нужно быть честными до конца.

— И снова, как с теми дверями,— вздохнула Мэри.— Мы нашли что-то, но не знаем, как этим управлять.

Лэнсинг бросил взгляд на машины. Теперь он видел их более отчетливо.

— Вы сказали, что видели Вселенную. Что вы имели в виду?

— Мэри, Мэри, Мэри! Умоляю вас, подождите немного.

— Вас сильно скрутило.

— Пожалуй.

— У меня все прошло легче.

— Вы же сильная личность.

— Перестаньте иронизировать. Тут не до шуток — дело весьма серьезное.

— Я знаю. Простите меня. Вы хотите знать, что со мной происходило? Попытаюсь описать. Я посетил Вселенную. Я был огромным. Мое тело было соткано из звездного света, может быть и из хвостов комет. Похоже на сон и в то же время не сон. Я действительно был там. Как это ни странно, но я был там. С вершины звездной горы, на которую я взобрался, я видел Вселенную — всю Вселенную до конца пространства и времени, до тех границ, за которыми пространство и время уже не существуют. Я видел, что за ними. Я смутно помню увиденное. Хаос — можно назвать это так. Беспорядочное бытие, неистовое гневное ничто. Я никогда не представлял себе это ничто таким — как яростный гнев. Оно потрясло меня. Холодная ярость — я имею в виду не температуру, такого понятия там не существовало, но душа стыла от мертвенности и от злобности небытия. Безразличие, нет, хуже чем безразличие — ничто ненавидело все, что существует и существовало. Злобное стремление добраться до всего, что не является ничем, и уничтожить его.

Мэри всплеснула руками:

— Ох, мне не стоило расспрашивать вас! Я не имела права настаивать. Простите, что заставила вас заново все пережить.

— Нет, я хотел рассказать вам обо всем, хотя, может быть, и не сейчас. Но теперь страшное позади и на душе у меня заметно полегчало. Рассказывая, я, пусть отчасти, избавлялся от наваждения. Что эта машина делала со мной — с нами! Ведь и вы что-то видели?

— Да, но не столь мрачное и угнетающее. Я уверена, виной всему машина. Она вырвала наше сознание, эго, жизненную силу, индивидуальность, если хотите. По-вашему, это был сон и все же не совсем сон. Я думаю, все было реально. Машине недоступно понятие сна. Там, где были вы, любой бы увидел то же самое. Правда, некоторые нелепости...

— Я отшвырнул с дороги черную дыру. Я взбирался на гору из звезд. Под моими ногами планеты хрустели, как гравий.

— Вот именно — нелепости, Эдвард. Ваш мозг бунтовал — естественная защитная реакция. Чувство юмора спасло вас от безумия. Человек редко придает большое значение тому, над чем потешается.

— Так вы думаете, я и в самом деле был там? Мое сознание действительно побывало там?

— Смотрите, что получается. Этот город населяли выдающиеся ученые, их техника достигла сверхъестественного уровня. Иначе им бы не создать это устройство, двери, графический преобразователь, как его назвал генерал. Они думали иначе, чем мы, смотрели на жизнь под другим углом. Они искали ответы на вопросы, которые нам никогда бы не пришли в голову. Сколь ни абсурдны двери, они все же доступны нашему пониманию, но эти машины вне наших представлений. Может, это была попытка своего рода научной ереси?

— Еще немного, и вы меня убедите.

— Мы должны смотреть фактам в лицо. Мы столкнулись с миром, которого не понимаем. Точнее, мы имеем дело с его останками. Одному богу известно, что бы мы увидели, попав сюда в эпоху расцвета здешней цивилизации. Машины кажутся мне продуктом человеческой мысли, осуществлением тех безумных идей, которые занимают некоторых представителей расы людей. Но именно факт отдаленной принадлежности человеку усугубляет их чуждость. Нечто созданное жителями далекой звездной системы показалось бы нам, пожалуй, более близким и понятным.

— Но культура их погибла. Они исчезли, несмотря на все, что сумели создать. Они не существуют, а их город мертв.

— Они могли уйти куда угодно, в любой мир.

— А может, они просчитались? В погоне за техническими достижениями они потеряли душу — вспомните слова пастора.

— Да, звучит вполне в его духе,— усмехнулась Мэри.

— А кстати, куда они вас заслали?

— Я успела бросить лишь беглый взгляд — я ведь вернулась раньше вас. Это была другая культура. Я никого не видела, ни с кем не разговаривала. Я чувствовала себя привидением. Тенью, которая вошла куда-то и тут же вышла. Но я ощутила присутствие людей, почувствовала их жизнь, их мысли. Это было прекрасно. Они воистину подобны богам. В этом нет сомнения. Если задержаться там, чтобы ощутить их величие, их превосходство,— наверняка почувствовал бы себя ничтожным червяком. Добрые боги, представители утонченной культуры, высокоцивилизованные существа. У них нет правительства — оно им попросту не нужно, так же как и экономика.

Только на вершине цивилизации нет нужды ни в правительстве, ни в экономике. Ни денег, ни купли-продажи, ни долгов, ни ссуд — соответственно ни грязных банкиров, ни юристов. Даже понятие закона у них отмерло.

— Откуда вы все это знаете?

— Я просто восприняла это. Знание там доступно любому — знание, которого не нужно искать.

— Вместо телескопов,— сказал Лэнсинг.

— Телескопов?

— Я думал вслух. В моем и, вероятно, в вашем мире люди, чтобы познать тайны космоса, использовали телескопы. А создателям этих машин телескопы были не нужны. Зачем пытаться разглядеть что-то, если можно просто узнать? Они, я полагаю, могли свободно перемещаться куда угодно. Создав машину, у которой мы сидим, они наверняка умели обращаться с ней и сами выбирали место назначения. Но теперь машины... не знаю, можно ли их так назвать?..

— Машины — довольно удачное слово.

— А теперь машины одичали и отправляли нас куда вздумается.

— В городе должен быть пульт управления механизмами. Может быть, типа кабины для путешественников. Хотя вряд ли: система такого уровня должна иметь гораздо более сложное устройство.

— Даже если мы и обнаружим эту гипотетическую командную рубку, пройдут годы, прежде чем мы научимся с ее помощью управлять машиной.

— А если бы нам вдруг повезло?

— Может, обитатели города нашли мир, приглянувшийся им больше их собственного, и переправились туда?

— Не только дух, но и тело? Это не так-то просто.

— Да, конечно. Я не подумал об этом. К тому же мое предположение все равно мало что объясняет. Может быть, они взяли с собой и все свое имущество...

— Сомневаюсь. Скорее, с помощью машин они узнавали о новых мирах, а потом строили двери для перехода в них. Вполне может быть, что эти две вещи связаны между собой, хотя я больше склоняюсь к мысли, что машина — исследовательский инструмент для получения знаний с помощью иных миров. Представьте, как здорово: вы можете получить любые

сведения и использовать их для вашей цивилизации. Без особых усилий вы узнаете о разных политических и социальных системах, о новой технологии производства стали, о необычных социологических структурах, да мало ли о чем — вплоть до научных открытий, может быть даже неизвестных в вашем мире наук. Чем не стимул для развития любого общества?

— Вы попали в самую точку,— заметил Лэнсинг,— когда сказали, что здешние жители были разумны. Однако достаточно ли разумны? А наши с вами цивилизации могли бы воспользоваться знаниями, добытыми с помощью этих устройств? Или с привычным консерватизмом мы способны только цепляться за свой образ жизни, извратив или употребив во зло найденное в других мирах, быть может, с катастрофическими последствиями?

— Боюсь, пока задача для нас неразрешима. Мне кажется, сейчас самое верное — попытаться найти предполагаемый командный пункт,— предложила Мэри.

Лэнсинг встал и помог подняться Мэри. Поднявшись, Мэри не отпустила его руки.

— Эдвард,— сказала она,— мы знакомы недавно, но уже успели столько пережить вместе...

— Недавно? — переспросил Лэнсинг.— Разве мы не всегда были вместе?

Он наклонился и поцеловал ее. На мгновение она замерла в его объятиях, потом отстранилась.

Поднявшись по лестнице и снова оказавшись в лабиринте улиц, они стали искать место, откуда управлялся найденный ими механизм, но до наступления темноты ничего не нашли.

Вернувшись в лагерь, они застали Сандру и Юргенса за приготовлением ужина. Генерала не было.

— Он ушел без нашего ведома, и с тех пор мы его не видели,— объяснила Сандра.

— Мы так ничего и не нашли,— пожаловался Юргенс,— а как ваши успехи?

— Поужинаем, тогда и поговорим,— взмолилась Мэри.— К тому времени, наверное, и генерал отыщется.

Генерал действительно появился через полчаса; он тяжело опустился на свернутый спальник.

— Скажем прямо: я сел в лужу.— В голосе генерала чувствовалось раздражение.— Я обыскал добрую половину северо-восточного района. Почему-то мне втемяшилось, что именно

там мы найдем что-нибудь. Целый день поисков, и все без толку.

Сандра протянула ему тарелку.

— Поешьте,— предложила она.

Генерал набросился на еду, не дожидаясь остальных. Он выглядит усталым, подумал Лэнсинг. Усталым и старым. Впервые возраст генерала дает о себе знать.

Ужин подходил к концу; порывшись в своем мешке, генерал достал бутылку и пустил ее по кругу. Когда она вернулась к хозяину, он сделал большой глоток да так и остался сидеть, зажав бутылку в коленях.

— Два дня...— наконец вымолвил он.— Два дня, которые вы мне выделили, прошли. Я человек слова и не буду задерживать вас дольше. Мэри, я знаю, вы с Лэнсингом пойдете дальше. Как решают остальные?

— Я думаю, мы присоединимся к Мэри и Лэнсингу,— пролепетала Сандра,— во всяком случае я. Город приводит меня в ужас.

— А вы как чувствуете себя? — обратился генерал к Юргенсу.

— Принимая во внимание все обстоятельства,— ответил робот,— особых причин оставаться не вижу.

— А я,— заявил генерал,— побуду здесь еще некоторое время. Позже я догоню вас. Я уверен, здесь есть что искать.

— Генерал,— прервал его Лэнсинг,— мы уже нашли. Но я должен предупредить вас...

Генерал вскочил как ужаленный, и бутылка бухнулась на пол, но, как ни странно, не разбилась. Она гулко покатилась по комнате.

— Так вы нашли! — завопил генерал.— Что же это? Что вы нашли?

— Сядьте, генерал,— строго сказал Лэнсинг, как взрослый, урезонивающий расшалившегося ребенка.

Пораженный, вероятно, его тоном, генерал послушно сел. Лэнсинг протянул ему бутылку, генерал с той же покорностью взял ее и опять зажал между коленей.

— Давайте поговорим спокойно,— предложила Мэри.— Нужно все подробно обсудить. Я предлагала Эдварду ничего не говорить о нашем открытии, но он сказал, что раз мы заключили сделку...

— Но почему,— вырвался у генерала крик изумления,— почему не говорить?

— Потому что мы нашли нечто недоступное нашему пониманию. Мы догадываемся, как можно было бы применить нашу находку, но не знаем, как контролировать ее работу. Она опасна. Механизм, с которым нельзя обращаться легкомысленно. Где-то должен быть пульт управления, но нам не удалось его отыскать.

— Вы как инженер больше нас всех сведущи в технике,— сказал Юргенс.— Расскажите нам, что вы там видели?

— Может быть, лучше вы, Лэнсинг,— нерешительно проговорила Мэри.

— Нет,— покачал тот головой,— рассказывайте сами.

Пока Мэри говорила, все напряженно молчали, лишь несколько раз прервав ее вопросами.

Когда Мэри кончила, все долго не произносили ни слова. Наконец Юргенс повернулся к ней:

— Если я правильно понял, здешние жители очень стремились освоить Вселенную. Ведь вы сказали именно «чужие», а не альтернативные миры?

— Они могли и не знать об альтернативных мирах,— заметил Лэнсинг.

— Они хотели вырваться отсюда,— продолжал Юргенс.— Машина и двери, конечно, связаны друг с другом, они — части одной исследовательской программы.

— Похоже на то,— кивнула Мэри.

Генерал непривычно тихо произнес:

— Вы двое — единственные, кто видел механизм. Мы бы тоже хотели взглянуть.

— Я не говорила, что не стоит пытаться исследовать эту штуковину,— сказала Мэри.— Но мы должны быть крайне осторожны. Мы с Эдвардом подверглись воздействию машины, но очень кратковременному. Скорее, это всего лишь пример того, на что способен механизм.

— И вы искали пульт управления?

— Да, до темноты,— подтвердил Лэнсинг.

— Логически рассуждая, приборы управления и контроля должны находиться там же, где и само устройство,— предположил генерал.

— Мы, естественно, так и думали. Но там все пространство занято самой машиной. Тогда мы решили, что, может быть, в домах неподалеку...

— Совсем не обязательно,— вмешалась Мэри.— Я поняла. Пульт управления может быть в любом месте города, где угодно.

— Так вы говорите, что не имеете ни малейшего представления о том, что же это за механизм?

— В нем нет ни единой детали, назначение которой было бы мне понятно. Конечно, если присмотреться поближе и поэкспериментировать, можно попытаться понять, что к чему. Но мне совсем не хочется нарываться на неприятности. Я уверена, мы с Эдвардом не испытали на себе всю мощь машины. Страшно даже представить, что может произойти, если вникнуть в это дело поглубже.

— Больше всего меня пугает однообразие города,— вступила в разговор Сандра.— Даже не самого города, а его культуры. Просто невероятное духовное убожество. Ни единой церкви, ни одного места, предназначенного для поклонения, ничего похожего на библиотеку, выставочную галерею или концертный зал. Абсолютная нечувствительность! Как жить такой серой жизнью?

— Они могли посвятить себя одной-единственной идее, исследованию и достижению одной-единственной цели. Это нелегко понять. Мы не знаем, что ими двигало. Но, вероятно, возможна такая сильная мотивация...

— Этот спор ни к чему не приведет,— проворчал генерал.— Утром пойдем и посмотрим; во всяком случае, я поступлю именно так. Остальные вроде бы собираются отправиться дальше?

— Мы тоже останемся,— ответил Лэнсинг.— По крайней мере на то время, что понадобится для осмотра.

— Только, ради бога, осторожнее,— попросила Мэри.

Глава 19

— Сомневаюсь, что опасность действительно так велика,— сказал генерал.— Машины могут воздействовать на людей чувствительных, но для настоящего мужчины с железными нервами, крепко стоящего на ногах...

— Видимо, вы имеете в виду себя,— ответил Лэнсинг.— Я не собираюсь вас удерживать. Можете испробовать на себе.

— Вы абсолютно не правы,— повернулась Мэри к генералу.— Я ни в коем случае не отношусь к числу сверхчувствительных людей. Лэнсинг — может быть, ну Сандра, конечно. И пастор...

— У пастора были расшатаны нервы,— не дал договорить генерал.— Он все метался, искал чего-то, однако при этом оставался олухом.

Мэри безнадежно вздохнула:

— Поступайте как знаете.

Все пятеро, они стояли на металлической дорожке на безопасном расстоянии от машины. Все так же поблескивали огоньки, напоминающие кошачьи глаза, и слышалось негромкое пение.

— Я полагал,— сказал Юргенс,— что, сам будучи наполовину машиной, скорее смогу понять назначение этого сооружения. Но в моем мире нет механизмов, даже отдаленно напоминающих эти по сложности. Я разочарован.

— Ну вот, машина перед нами,— сказал генерал.— Что мы предпримем дальше?

— Мы обещали только вместе осмотреть механизм,— ответил Лэнсинг.— И ничего другого я делать не собираюсь.

— Тогда какой же толк от этой находки?

— Вы хотели найти что-то, не зная, что именно,— вступила в разговор Мэри.— Вот мы и нашли это непонятное нечто. Прошлой ночью я говорила вам, что город просто убьет нас, если мы будем действовать каждый сам по себе. Пастор считал город олицетворением зла и бежал от него. Если пастор прав, машина может быть частью этого зла.

— Надеюсь, вы так не думаете?

— Я не думаю, чтобы машина сама по себе являлась носительницей зла. Однако я уверена, что город — не место для нас, и я ухожу отсюда, прямо сейчас. Вы идете, Эдвард?

— Скажите куда, и я не отстану от вас ни на шаг.

— Постойте,— закричал генерал,— вы не можете бросить меня! Теперь, когда мы на пороге...

— На пороге чего? — спросил Юргенс.

— На пороге открытия, которое поможет ответить на наши вопросы.

— Все не так просто,— покачал головой Юргенс.— Машина, возможно, способна дать частичный ответ, но решение нашей проблемы — не здесь.

Генерал от ярости лишился дара речи. Побагровев от гнева и разочарования, он только брызгал слюной. Огромным усилием вернув себе способность говорить, он рявкнул:

— Посмотрим! Я вам покажу! Я вам всем покажу! — И рванулся в проход между двумя рядами механизмов.

Юргенс бросился было за ним, скользя костылями по гладкой поверхности металла, но Лэнсинг точно рассчитанным движением выбил костыль, и робот упал.

Генерал продолжал бежать по проходу. Вдруг все его тело засветилось. Сияние вспыхнуло на долю секунды, и генерал исчез.

Ослепленные вспышкой, люди застыли, оцепенев от ужаса. Первым пришел в себя Юргенс. Подобрав костыль, он тяжело поднялся.

— Благодарю вас,— обратился он к Лэнсингу.— Похоже, вы спасли мне жизнь.

— Я уже говорил вам,— ответил Лэнсинг,— что, если вы предпримете еще одну идиотскую попытку самопожертвования, я кину в вас первым, что попадется под руку.

— Я не вижу его! — воскликнула Сандра.— Генерала нет!

Мэри осветила фонариком проход.

— Я тоже его не вижу. Наверное, фонарю не хватает мощности.

— Думаю, дело не в фонаре,— возразил Юргенс,— генерал исчез.

— С нами было не так,— Мэри посмотрела на Лэнсинга,— наша физическая оболочка оставалась на месте.

— Мы не подходили так близко к машине.

— Может быть, дело именно в этом. Помните, вы предположили, что машина в состоянии перемещать не только сознание, но и тело. Я считала, что это невозможно. Может быть, я ошибалась.

— Уже двое покинули нас! — всхлипнула Сандра.— Сначала пастор, а теперь и генерал.

— Генерал еще может вернуться,— предположил Лэнсинг.

— Как-то не верится,— возразила Мэри,— слишком уж высок энергетический потенциал. Боюсь, генерал мертв.

— Надо отдать ему должное,— сказал Юргенс,— он ушел в сиянии славы. О нет, нет! Простите меня, я совсем не это имел в виду. Я не должен был говорить такое.

— Не извиняйтесь,— откликнулся Лэнсинг,— эта фраза была на языке у каждого из нас.

— Что же теперь? — спросила Сандра.— Что мы будем делать?

— Трудный вопрос. Эдвард,— обратилась Мэри к Лэнсингу,— что подсказывает вам ваша интуиция? Он может вернуться? Мы ведь вернулись.

— Не знаю, что и думать. Я считал, что если мы вернулись...

— Тогда все было иначе.

— Дурак несчастный,— с горечью произнес Лэнсинг.— Предводитель любой ценой.

Они стояли, тесно сгрудившись, и смотрели на опустевшую металлическую дорожку. Кошачьи глаза машины по-прежнему мерцали, по-прежнему слышалось негромкое пение.

— Подождем немного, прежде чем уйти из города,— предложила Мэри.

— Мы должны подождать,— согласился Юргенс.

— Если он вернется, ему нужна будет наша помощь,— прошептала Сандра.

— Эдвард, что вы думаете? — спросила Мэри.

— Нужно подождать,— ответил Лэнсинг.— В этой ситуации мы не можем бросить человека одного. Я не верю в его возвращение, но на всякий случай...

Они перенесли лагерь в проход между домами, поближе к лестнице, ведущей вниз к поющим машинам. Как и раньше, одинокий ночной зверь на склоне холма изливал свое горе в пронзительном вое.

Спустя три дня они покинули город и пошли на запад по дороге, что привела их сюда.

Глава 20

Вскоре после полудня путешественники достигли гребня холмистой гряды, окружавшей город. Причудливая картина изъеденных эрозией скал открылась перед ними. Спускаясь с перевала, дорога шла через красочный кошмар глиняных башенок,

замков, зубчатых стен, шпилей и ни на что не похожих нагромождений, расцвеченных множеством оттенков чередующихся геологических слоев.

Спускаться приходилось медленно, да они и не пытались ускорить продвижение. Путь, которым они шли, уже трудно было назвать дорогой. Иногда на их пути встречались небольшие и сравнительно ровные заливные луга, но по большей части их окружало буйство красок истерзанных ветром скал.

Задолго до наступления ночи они выбрали место для стоянки — у излома глинистого утеса. Груды перепутанных ветвей и сучьев, остатки могучих деревьев, когда-то принесенных теми бурными потоками, что изрезали почву, обеспечили их дровами. Им не удалось найти воду; к счастью, день был нежарким, и их фляги оказались почти нетронутыми.

Растительности почти не было. Лишь пятна плотного дерна да изредка встречавшиеся рощицы невысоких хвойных деревьев, жавшихся к земле, нарушали безжизненность ландшафта.

Устроившись поудобнее, после ужина все четверо путешественников наблюдали постепенное угасание красок заката. С наступлением ночи на небосклоне высыпали яркие колючие звезды. Всматриваясь в ночное небо, Лэнсинг узнал знакомые созвездия. Без сомнения, сказал он себе, мы на Земле, но не на той старой привычной Земле, которую я так хорошо знал. Альтернативная Земля, то, о чем говорил Энди, не веря, что такой мир действительно может существовать.

Лэнсинг задумался над проблемой времени. Судя по созвездиям, мало или вовсе не отличающимся от обычных земных, разница во времени между этой и его Землей не превышала нескольких тысячелетий. И в то же время великая цивилизация, достигшая более высокой ступени развития, чем на его, Лэнсинга, Земле, успела расцвести и умереть. Возможно ли, спросил он себя, чтобы этот мир опередил нашу Землю? Могла ли человеческая раса объявиться здесь на миллионы лет раньше? Неужели в точке расхождения альтернативных миров человечество его родной планеты вымерло, а затем возникло вновь? Эта мысль взволновала его. Какова вероятность повторного появления человека после гибели цивилизации, реальна ли вторая попытка? Здравый смысл подсказывал ему, что шансов на это практически нет.

— Эдвард,— окликнула его Мэри,— вы храните гробовое молчание. Что-нибудь случилось?

Он покачал головой:

— Нет, просто мысли одолели. Впрочем, ничего важного.

— У меня на сердце останется камень,— заявила Сандра.— Мы так быстро покинули город, а ведь генерал мог вернуться.

— Что же вы раньше молчали? — поинтересовалась Мэри.— Вы не проронили ни слова, когда мы уходили. Мы бы прислушались к вашему мнению.

— Я, как и вы, страстно желала вырваться из города. Мысль о том, чтобы провести в нем еще хоть день, сводила меня с ума.

— Полагаю,— вмешался Юргенс,— мы и так зря потеряли время, дожидаясь генерала. Он ушел, и ушел навсегда.

— Что же теперь будет с нами? — спросила Сандра.

— Вы про пастора и генерала? — уточнил Юргенс.

— Дело не в том, что пропали два человека, и не в том, кого именно нет. Мы начинали путь вшестером, теперь нас четверо. Когда настанет черед остальных?

— Здесь у нас больше шансов выжить, чем в городе,— попыталась успокоить ее Мэри.— Город был убийцей. Именно там мы потеряли наших спутников.

— Все будет хорошо,— в тон ей сказал Юргенс.— Мы будем соблюдать осторожность, выставлять часовых и не станем рисковать понапрасну.

— Но мы же по-прежнему не знаем, куда идем,— простонала Сандра.

— Мы этого и не знали. С того момента, когда мы оказались в этом мире, мы не знаем, куда идем. Может быть, цель нашего путешествия откроется за следующим поворотом дороги, завтра, послезавтра или несколькими днями позже.

Ночью вновь объявился Вынюхивающий. Он тщательно обследовал все вокруг лагеря, но люди его не видели. Они сидели и прислушивались к звукам. В самом появлении Вынюхивающего было что-то успокаивающее — будто вернулся старый друг или нашлась потерявшаяся собака. Пыхтенье больше не пугало людей. Вынюхивающий не пошел с ними в город; возможно, он разделял неприязнь путешественников к этому месту. Теперь же он вновь был с ними.

На следующий день, задолго до темноты, странники на небольшой террасе, расположенной над дорогой, обнаружили какие-то развалины.

— Подходящее место для ночлега,— заметил Юргенс.

Они вскарабкались на террасу. Бесформенная груда блоков из песчаника являла собой все, что осталось от стены, с четырех сторон окружавшей полуразвалившееся здание.

— Песчаник? — удивился Лэнсинг.— Откуда он здесь?

— Оттуда.— Юргенс ткнул пальцем в сторону утеса, образующего заднюю часть террасы.— Видите слой песчаника в глине? Похоже на следы старых разработок.

— Странно,— задумчиво произнес Лэнсинг.

— И вовсе нет,— возразил робот.— На пути нам не раз попадались выходы песчаника.

— Да? А я и не заметил.

— Они не бросаются в глаза, поскольку песчаник и глина одного цвета.

Площадь, окруженная обломками стены, занимала не более полуакра. В центральном строении, по-видимому, находилась единственная комната. Крыша провалилась, стены частично осыпались. На когда-то хорошо утоптанном земляном полу валялась разбитая посуда, а в углу Юргенс нашел потемневший мятый металлический котелок.

— Место для отдыха путешественников,— констатировала Сандра,— караван-сарай.

— Или форт,— предположил Юргенс.

— Форт для защиты? От кого? Здесь не от кого защищаться,— возразил Лэнсинг.

— Возможно, раньше было иначе,— пожал плечами робот.

Недалеко от каменной постройки они нашли следы костра: кучку золы, окруженную закопченными камнями, по-видимому служившими очагом. Рядом были сложены дрова.

— Наши предшественники запасли дров больше, чем им требовалось,— сказал Юргенс,— нам их хватит до утра.

— А как с водой? — забеспокоился Лэнсинг.

— На сегодня хватит,— успокоила его Мэри,— а завтра придется поискать.

Лэнсинг подошел к остаткам стены и обвел взглядом местность, покрытую невероятным нагромождением выветренных

скал. Бедленды* — после двухдневных поисков он наконец нашел подходящее определение этому ландшафту. На запад от Северной и Южной Дакоты тоже есть такие земли. Первые поселенцы (кажется, это были французы, в точности он не мог вспомнить) назвали их бедлендами — «землей, по которой плохо путешествовать». Давным-давно потоки воды после, должно быть, необыкновенно сильных ливней снесли, смыли, слизали всю почву; там, где бушующая стихия встречала отпор, остались скалы, замысловатые формы которых поражали глаз.

В давно ушедшие времена дорога, которой они шли, могла служить торговым путем. Если Сандра угадала, здесь останавливались караваны, везущие драгоценные грузы в город или из города. Если в город, то откуда? И где заканчивался этот путь?

Сзади тихо подошла Мэри и встала рядом с Лэнсингом.

— Снова мысли ни о чем?

— Я пытался заглянуть в прошлое. Если бы понять, что творилось здесь тысячи лет назад, мы бы лучше поняли и происходящее с нами. Сандра предположила, что раньше здесь останавливались путешественники.

— Это место нашей стоянки.

— А до нас? Я думаю о караванах, проходивших по этой дороге. Для них местность не была белым пятном. А перед нами — неизвестность.

— Мы справимся,— уверенно сказала Мэри.

— Мы уходим все дальше и совершенно не представляем, что нас ожидает. В один не особенно прекрасный день еда кончится. Что делать тогда?

— У нас еще есть продовольствие, которое несли генерал и пастор. Еды хватит надолго. Меня значительно больше беспокоит вода. Обязательно надо найти ее завтра.

— Должны же где-то кончиться эти бесплодные земли, и воду тогда найти станет легче. Но давайте вернемся к костру,— предложил Лэнсинг.

Рано взошедшая полная луна осветила бедленды призрачным неземным светом. Обращенная к путешественникам сто-

* Бедленд («дурная земля») — рельеф пустынных или полупустынных районов, возникший вследствие эрозии и состоящий из сильно ветвящихся оврагов и узких иззубренных водоразделов.

рона скалы, стоящей по другую сторону дороги, была еще в темноте, хотя иззубренная вершина четко выделялась на фоне неба.

Передернув плечами, Сандра подвинулась поближе к огню.

— Волшебная страна, но, похоже, правит ею злой волшебник. Я и не представляла, что сказки бывают такими страшными.

— Ваша оценка,— сказал Лэнсинг,— отражение представлений вашего мира.

Глаза Сандры засверкали.

— При чем здесь мой мир? Я жила в замечательном мире, наполненном чудесными вещами, населенном прекрасными людьми.

— Это я и имел в виду.

Слова Лэнсинга были заглушены страшным воем, раздавшимся прямо над ними.

Сандра с визгом вскочила. Мэри мгновенно оказалась на ногах, схватила ее за плечи и встряхнула.

— Замолчите сейчас же! Успокойтесь!

— Оно преследует нас! — надрывалась Сандра.— Оно нас выслеживает!

— Это там,— Юргенс указал на утес.

Вой стих, воцарилась тишина.

— На самом краю,— спокойно уточнил робот.

Действительно, на вершине скалы они увидели силуэт огромного зверя, четко вырисовывающийся на фоне лунного лика.

Существо напоминало волка, но было гораздо крупнее и массивнее. Подобно волку, оно производило впечатление сильного и ловкого хищника. Огромный зверь, со свалявшейся клоками шерстью; похоже, жилось ему несладко — вой был жалобой на долгие безуспешные скитания в поисках добычи и укромного местечка для отдыха, жалобой на безысходное одиночество.

Закинув назад голову, вытянув морду к луне, он опять завыл. Теперь это был даже не вой — рыдание неслось над бесплодной землей под безучастными звездами.

По спине Лэнсинга пробежали мурашки; неимоверным усилием воли он заставил себя стоять во весь рост. Сандра скорчилась на земле, закрыв голову руками. Мэри склонилась над

ней. Лэнсинг почувствовал на своем плече чью-то руку и обернулся. Рядом с ним стоял Юргенс.

— Со мной все в порядке,— успокоил он робота.

— Конечно.

Волкоподобное существо стенало, хныкало, рыдало, изливая свою боль. Казалось, плач никогда не смолкнет. И вдруг вой оборвался. Остался лишь неясный изломанный контур утеса, освещаемый уплывающей на восток луной.

Позже, той же ночью, когда люди уже забрались в спальники, а недремлющий Юргенс нес свою вахту, пришел Вынюхивающий. Верный своим привычкам, он обошел лагерь кругом. Тепло спальных мешков и знакомое сопение отогнали страхи. После жуткого воя на скале Вынюхивающий был особенно желанным гостем.

На следующий день они миновали бедленды и вышли в узкую поначалу, но постепенно расширяющуюся зеленую долину. Вскоре они наткнулись на ручей. По мере продвижения вдоль его русла скалы отступали все дальше и дальше, превращаясь в дымку на горизонте, пока наконец не растаяли совсем.

Незадолго до заката им встретился другой ручей, больше первого, текущий с запада. Между двумя потоками, в месте их слияния, они обнаружили гостиницу.

Глава 21

Толкнув незапертую дверь, все четверо очутились в просторной комнате с камином в дальнем углу. Перед камином стоял большой стол, окруженный стульями. Два человека сидели в креслах, придвинутых к камину, спиной к вновь прибывшим. Из кухни, вытирая руки о клетчатый фартук, навстречу новым посетителям поспешила маленькая женщина с лицом круглым, как луна.

— О, вы уже здесь, какая неожиданность! — воскликнула она.— Вы добрались быстрее, чем я рассчитывала.

Она остановилась перед вошедшими и, прищурившись, оглядела всех.

— Надо же,— вяло удивилась трактирщица,— вас четверо! Вы потеряли в городе всего двоих. Ваши предшественники ли-

шились четырех спутников, а были отряды, что исчезли полностью.

Негромкий звук привлек внимание Лэнсинга к другой, хуже освещенной части комнаты. Там сгорбились над столом картежники. Поглощенные игрой, они не обратили ни малейшего внимания на появление новой группы. Кто-то ударил картой о стол — этот звук и услышал Лэнсинг.

Он кивнул в сторону игроков:

— Давно они здесь?

— Пришли прошлой ночью. Направились прямо к столу и сразу за карты. С тех пор играют.

Двое сидевших у камина поднялись и подошли к путешественникам. Женщина оказалась высокой стройной блондинкой, мужчина же напомнил Лэнсингу коммивояжера, пытавшегося когда-то продать ему весьма сомнительные акции.

Женщина протянула руку Мэри:

— Меня зовут Мелисса. Я не человек, я марионетка.

Дальнейших объяснений не последовало. Мелисса по очереди пожала всем руки.

— Джоргенсон,— представился ее спутник.— Очень рад вас видеть. Признаюсь вам, мы испуганы. Мы уже несколько дней здесь и никак не можем рискнуть продолжить это бессмысленное путешествие, в которое невольно оказались вовлечены.

— Прекрасно понимаю ваши чувства,— ответил Лэнсинг.— Думаю, не будет слишком смело с моей стороны утверждать, что все мы испытываем нечто подобное.

— Вернемся к огню,— предложил Джоргенсон.— Мы тут никак не справимся с бутылкой, поможете?

— С удовольствием,— откликнулся Лэнсинг.— Спасибо за приглашение.

Женщина в фартуке — хозяйка гостиницы — ушла. Картежники по-прежнему не обращали ни на что внимания.

Когда все расселись у камина и наполнили кружки, Джоргенсон сказал:

— Полагаю, самое время познакомиться друг с другом поближе, обменяться впечатлениями и соображениями. Начнем с меня. Я путешественник во времени. Попав сюда, я решил было, что это просто промежуточный этап, но в таком случае мне полагалось бы быть уже далеко отсюда. Однако это не

так. Почему, и сам не знаю. Я не вполне понимаю, что происходит,— я впервые застрял во времени.

Лэнсинг попробовал вино. Оно оказалось неплохим, и он отхлебнул еще глоток.

— Как я уже сказала,— в свою очередь, заговорила Мелисса,— я марионетка. Мне говорили, что марионетка — имитация человека. Зачем нужны подобные имитации, я не знаю. Нас немного, точнее, было немного,— поправилась она,— когда я жила дома. Мы жили, можно сказать, во Всеобъемлющем городе — месте очень удобном и обеспечивающем наши потребности. Все было прекрасно, за исключением одной неприятной детали: наша жизнь не имела цели, что иногда угнетало. Вполне возможно, все мы были марионетками. Впрочем, это лишь моя догадка — я боялась спрашивать, боялась оказаться единственной марионеткой среди людей, что было бы ужасно.

— Многие годы,— вновь заговорил Джоргенсон,— я ищу некие время и место. Когда-то, очень давно, я попал туда, а потом нечаянно переместился. С тех пор пытаюсь вернуться, но, как ни бьюсь, ничего не получается. Мне почему-то кажется, что по каким-то причинам часть времени и пространства закрыта для меня. Но почему? Вот чего я никак не могу понять.

— Попробуйте ясно представить, куда вы хотите попасть,— предложила Мэри.

— О, я отлично представляю. Двадцатые годы двадцатого века — так называемые Ревущие двадцатые. Хотя, пока я жил там, бурными они мне не казались. Для меня, наоборот, это был нескончаемый летний день, мирный и спокойный. Мир еще не научился циничной изощренности, что появилась спустя несколько десятилетий. Думаю, мне удалось довольно точно определить время и место. Итак, время — тысяча девятьсот двадцать шестой год, август. Место — сонный приморский городок на восточном побережье, может быть Массачусетс, или скорее Делавэр, или Мэриленд.

— Мне эти названия ничего не говорят,— пожаловалась Мелисса.— Вы называете Северную Америку, но я не знаю никакой Северной Америки. Мне известен лишь город, в котором я жила. Прекрасное место. Маленькие шустрые механические слуги поддерживали в нем чистоту и порядок. Они исполняли малейшие наши желания. А названия — их просто не было.

И наш город был безымянным. Мы никогда никуда не хотели попасть, так что в названиях просто не было необходимости. Да и неизвестно, существовали ли какие-то другие места, помимо города.

— Нас было шестеро,— прервал ее Джоргенсон,— шестеро угодивших сюда.

— И нас тоже,— кивнула Мэри.— Может быть, такие группы всегда состоят из шести человек?

— Понятия не имею,— ответил Джоргенсон.— Мне известно о существовании только нашей и вашей групп.

— С нами был один идиот,— стала вспоминать Мелисса.— Не то чтобы умственно отсталый, но чудной какой-то. Он все развлекал нашу компанию дурачествами и каламбурами. А еще был шулер с Миссисипи. Кстати, мне неудобно было спросить, что такое Миссисипи?

— Это река,— объяснил Лэнсинг.

— Мы слышали от хозяйки, что четверо из вашей группы пропали в городе. Расскажите, как это случилось,— попросила Мэри.

— Они просто не вернулись,— ответила Мелисса.— Однажды мы все ушли в город, на поиски. Мы сами толком не знали, что ищем. Мы вдвоем вернулись засветло в наш лагерь на площади. Развели костер, приготовили ужин — ждали, что вот-вот подойдут остальные. Однако ночь прошла, а никто не появился. Как ни страшно нам было, мы отправились на поиски. Искали пять дней... Они исчезли бесследно. И каждую ночь на холме над городом огромный зверь плакался на свою судьбу.

— А потом вы нашли дорогу на запад и в конце концов очутились в этой гостинице,— подытожила Сандра.

— Все именно так и было,— подтвердил Джоргенсон.— С тех пор сидим здесь и боимся нос высунуть.

— Хозяйка уже намекала,— сказала Мелисса,— что нам пора выметаться. У нас ни гроша, и она это знает. У двоих из нашего отряда были деньги, но мы лишились денег вместе со спутниками.

— У нас пока есть деньги. Мы оплатим ваш счет, и вы сможете присоединиться к нам,— предложил Лэнсинг.

— А вы пойдете дальше? — быстро спросила Мелисса.

— Конечно, что же остается,— ответил Юргенс.

— Но это бессмысленно! — вскричал Джоргенсон.— Если бы знать, зачем мы здесь. Вам что-нибудь известно об этом?

— Абсолютно ничего,— покачала головой Мэри.

— Мы как крысы в лабиринте,— сказал Лэнсинг.— Если повезет, найдем выход.

— Дома у нас были столы для игр,— вспомнила Мелисса.— Мы могли играть часами, да что там — целые дни. Правила менялись по ходу игры. А если и были какие-то правила или нам казалось, что были, потом они все равно изменялись.

— Кто-нибудь когда-нибудь выигрывал? — поинтересовалась Мэри.

— Не припоминаю. Скорее нет. Мы не придавали этому особого значения — это была всего лишь игра.

— В нашей игре на карту поставлена жизнь,— хмуро пробормотал Джоргенсон.

— Некоторые скептики полагают,— сказал Лэнсинг,— что во Вселенной нет постоянных законов. Перед тем как я попал сюда, один мой разговорчивый приятель уверял меня, будто в мире все происходит случайно. Я не согласен с ним. Во всем должен быть резон, должны существовать причины и следствия. Должна быть цель — пусть мы не всегда способны понять ее. Даже если некая высшая форма жизни снизойдет до объяснений происходящего, поймем ли мы ее?

— Ваши рассуждения не особенно обнадеживают,— сказал Джоргенсон.

— Конечно. Но мне кажется, не все потеряно. У нас еще есть шанс.

— Существуют тайны,— проговорил Юргенс,— тайны в высоком смысле слова, а не дешевые сенсации, тайны, которые можно разгадать, если сосредоточить на этом все силы.

— Мы пытались узнать у хозяйки, что там дальше,— сказала Мелисса.— Ей почти ничего не известно.

— В точности как тот мошенник в первой гостинице,— кивнул Джоргенсон.— Что-то болтал маловразумительное про куб и про город, и это все, что мы смогли из него выжать.

— Хозяйка,— продолжила Мелисса,— сказала, что неподалеку отсюда находится поющая башня. Еще она предупредила, чтобы мы двигались на запад. Севернее, по ее словам, лежит Хаос. Хаос с большой буквы.

— Что такое Хаос, она не знает,— вставил Джоргенсон.— Ей известно только само слово. Однако она ежится, когда говорит о нем.

— Тогда пойдем именно на север,— предложил Юргенс.— Когда куда-то не советуют идти, возникает ощущение, что именно там можно найти что-то, что от нас хотят скрыть.

Лэнсинг допил вино и поставил кружку на стол. Медленно поднявшись, он пересек комнату и подошел к столу с картежниками.

Довольно долго он стоял рядом с ними. Играющие не обращали на него внимания; казалось, они не заметили его. Наконец один из игроков поднял голову.

Лэнсинг отшатнулся: из двух темных провалов в черепе на него глянули черные кусочки обсидиана. Две прорези между ртом и «глазами» заменяли нос. Еще одна щель зияла на месте рта. Губы отсутствовали. Не было и подбородка — скошенная нижняя часть лица переходила в шею.

Лэнсинг вернулся к своим спутникам. У камина он услышал странно взволнованный голос Сандры:

— Когда же мы попадем к поющей башне!

Глава 22

Они увидели поющую башню на четвертый день после того, как покинули гостиницу.

Собственно, это была не башня, скорее — шпиль. Устремляясь ввысь с вершины холма, он как длинный палец вонзался в небосвод. Основание башни имело добрых шесть футов в поперечнике, а в высоту она уходила не менее чем на сотню футов. Неприглядного розового цвета и из вещества, напоминавшего стены куба. Пластик, сказал себе Лэнсинг. Хотя вряд ли. Приложив руку к поверхности башни, он ощутил легкую вибрацию. Казалось, западный ветер заставляет башню дрожать по всей длине, подобно смычку, извлекающему звук из немыслимой, отдельно существующей скрипичной струны.

Все, за исключением Сандры, были разочарованы пением башни. По словам Джоргенсона, это не музыка, а какой-то шум. Негромкая, иногда чуть усиливавшаяся. Она напоминает, подумал Лэнсинг, камерную музыку, хотя его знакомство

с нею было весьма поверхностным. Он вспомнил, как давным-давно поддался уговорам Элис послушать в воскресенье концерт камерной музыки и мучительно страдал на протяжении двух бесконечных часов, ни словом, впрочем, себя не выдав. Тихое пение башни разносилось, однако, необыкновенно далеко. Ветер принес его еще в середине третьего дня пути.

Заслышав первые звуки, Сандра пришла в восторг. Музыка настолько захватила ее, что она не хотела останавливаться на ночлег.

— Ну еще одно усилие! Мы могли бы добраться до башни к исходу ночи. Никто ведь не устал, к тому же ночью станет прохладнее и идти будет легче.

Лэнсинг довольно резко оборвал Сандру. Тоном, не допускающим возражений, он заявил, что ночью путешествия отменяются.

Сандра не стала спорить. Против обыкновения, она не помогала приготовить ужин; поднявшись на пригорок рядом с лагерем, она вся обратилась в слух. Ее маленькая, хрупкая фигурка казалась игрушкой на ветру. Сандра отказалась от еды; всю ночь она провела на пригорке.

И потом, на вершине холма, увенчанного башней, Сандра словно бы погрузилась в транс. Запрокинув голову, она не отрываясь смотрела на башню, всеми фибрами души впитывая звуки.

— Эта музыка совершенно не производит на меня впечатления,— сказал Джоргенсон.— Не понимаю, что она в ней нашла?

— Музыка не трогает вас,— ответила Мелисса,— потому что у вас нет души. Что бы вы ни говорили, это хоть и странная, но музыка. Мне нравится музыка, под которую можно танцевать, а под эту музыку не потанцуешь.

— Я беспокоюсь за Сандру,— обратилась к Лэнсингу Мэри.— С тех пор как она услышала первые ноты, она не ест и не спит. Что с ней делать?

Лэнсинг пожал плечами:

— Пока ничего. Может, пройдет.

За ужином Мелисса после долгих уговоров все-таки заставила Сандру немного поесть. Сандра почти все время молчала.

Стоя у костра и глядя на ее силуэт, темнеющий на фоне догорающего заката, Лэнсинг вспоминал, с каким волнением

та ждала поющую башню. Еще на первой стоянке Сандра мечтательно произнесла:

— Должно быть, башня прекрасна. Я так надеюсь на это! Этот мир очень беден красотой.

— Вы живете ради красоты? — спросил он тогда.

— Да, конечно. Знаете, я весь день пытаюсь сочинить поэму. Как ни странно, в самой неприглядности этого мира есть своеобразная красота; я хотела запечатлеть ее в стихах, но никак не могла придумать начало. Я знала, что хотела выразить, но мне не удавалось облечь мысли в слова.

Сидя у огня и наблюдая за Сандрой, очарованной музыкой, не очаровывавшей больше никого, Лэнсинг гадал, удалось ли ей начало поэмы.

Джоргенсон повернулся к Юргенсу:

— Вы, вопреки предостережению, предложили идти на север. Вы считаете, что обязательно нужно идти туда, куда не велят, несмотря на попытки сбить с пути того, кто ищет.

— Мне кажется, я рассуждаю здраво,— подтвердил робот.

— Тем не менее мы пошли на запад, а не на север.

— Мы пошли к известной нам цели, а теперь отправимся в неизвестность. Осмотрев башню, свернем на север и познакомимся с Хаосом.

Джоргенсон вопросительно посмотрел на Лэнсинга, тот кивнул.

— Я планировал то же. Вы имеете что-нибудь против?

Джоргенсон, несколько смешавшись, отрицательно покачал головой.

— Любопытно,— произнесла Мелисса,— что же такое на самом деле Хаос?

— Он может оказаться чем угодно,— ответил Лэнсинг.

— Мне не нравится это слово.

— Вы боитесь его?

— Да, пожалуй.

— Люди часто придумывают разные названия одной и той же вещи,— сказала Мэри.— Мы можем воспринимать Хаос поразному, в зависимости от того, в традициях какой культуры мы воспитаны.

— Утопающие, отчаянно и не размышляя хватающиеся за любую соломинку,— задумчиво произнес Джоргенсон.— Сна-

чала ею был куб, потом город, теперь — поющая башня и Хаос.

— Я по-прежнему считаю, что в кубе заключено нечто важное,— возразила Мэри.— Что-то мы там упустили... Генерал искал ответ в городе, но город слишком уж напрашивается на поиски, он явно наводит на ложный след. Искать ответ в городе — естественная потребность, и именно потому неверная. Вы в нем ничего не нашли? — обратилась Мэри к Джоргенсону.

— Только пустые комнаты да пыль повсюду. Может быть, те четверо, что не вернулись, нашли ответ; может, именно поэтому они и не вернулись. Ваши поиски шли успешнее. Вы обнаружили двери и машины, да все одно без толку.

— Ну, не совсем,— не согласилась Мэри.— Кое-что мы узнали о прежних обитателях города. Развитая наука, высокая техническая культура. Может быть, мы верно поняли: они ушли в другие миры.

— Их перенесли так же, как и нас?

— Да,— подтвердил Юргенс,— за одним маленьким исключением: они перемещались по собственной воле.

— А потом решили и нас покатать.

— Как знать,— вставил Лэнсинг.— Некая сила решила, как вы выразились, покатать нас, но что за сила, мы не знаем.

— В этом отношении у вас больше опыта,— повернулась к Джоргенсону Мэри.— Вы ведь много путешествовали, по своему желанию переносясь в другие миры, перемещаясь во времени.

— Все в прошлом,— махнул рукой Джоргенсон.— Я утратил эту способность.

— Попробуйте сосредоточиться на том, как вы перемещались, на механизме переноса. На ваших действиях, на состоянии ума.

— А вы думаете, я не пытался! — вспылил Джоргенсон.— Я пробовал переместиться еще в городе.

— Я была свидетелем этой попытки,— подтвердила Мелисса.

— Если бы я мог,— воскликнул Джоргенсон,— ах, если бы я только мог! Я бы вернулся во время, когда город еще был заселен людьми, реальными живыми людьми, занятыми своими делами.

— Чудная мысль,— заметила Мелисса,— не правда ли?

— Да, это было бы здорово,— согласился Лэнсинг.

— Вы не верите, что я мог путешествовать во времени? — с вызовом спросил Джоргенсон.

— Я этого не говорил.

— Да, не говорили прямо.

— Не будем затевать ссоры,— предложил Лэнсинг.— Нам и без того хватает сложностей. Вы сказали, что путешествовали во времени, я не стал возражать. Давайте оставим это.

— С удовольствием, если вы заткнетесь.

Сделав над собой усилие, Лэнсинг промолчал.

— Все, что мы находили раньше, оказалось бесполезным,— попыталась сменить тему Мэри.— Я надеялась, башня даст нам ключ к разгадке.

— Надежды не сбылись,— констатировал Джоргенсон.

— Может быть, Сандре удастся что-то понять,— предположил Юргенс.— Она настолько погрузилась в музыку, еще немного и...

— Не музыка, а скрежет, звяканье какое-то! — вскричал Джоргенсон.— Что она в ней нашла, не понимаю!

— Сандра пришла из мира искусства,— попыталась вразумить его Мэри.— Она привыкла оперировать эстетическими категориями, о которых жители наших миров имеют слабое представление. Музыка...

— Если это музыка.

— Эта музыка,— Мэри не обратила внимания на замечание Джоргенсона,— может для нее что-то значить. Возможно, она объяснит нам, что именно.

Глава 23

Сандра ничего им не рассказала. Ответы ее были односложными и уклончивыми. Первые два дня, почти сорок восемь часов, она простояла, вслушиваясь в музыку, безразличная к своим спутникам, к самой себе.

— Мы теряем время,— пожаловался Джоргенсон.— Нам надо двигаться на север. Чем бы ни был Хаос, если мы его там найдем, знание о нем нелишне. И мы не можем торчать здесь вечно.

— Я не пойду на север,— взвизгнула Мелисса,— я боюсь Хаоса.

— Женские капризы,— презрительно отозвался Джоргенсон.— Ничего еще толком не выяснив, вы уже впадаете в панику.

— Оскорблениями делу не поможешь,— вмешался Лэнсинг.— Нам надо обсудить наши планы, и не стоит увлекаться взаимными обвинениями.

— Мы не можем бросить Сандру,— обратилась ко всем Мэри.— Она с нами с самого начала. Я не оставлю ее одну.

— Не обязательно идти именно на север,— высказал свое мнение Юргенс.— Нам было сказано, что на севере мы найдем некую субстанцию, называемую Хаосом. Но и на западе мы можем обнаружить что-нибудь интересное. В первой гостинице нам рассказали о кубе и городе, во второй — поведали о башне и Хаосе. Хозяева гостиниц не слишком щедры на информацию. У нас есть карта, но от нее мало пользы; с ее помощью можно найти дорогу из города в бедленды — и все. Ни вторая гостиница, ни башня на ней не обозначены.

— Может быть, они сообщили нам все, что знали,— сказал Лэнсинг.

— Весьма вероятно,— согласился Юргенс.— И все же мы не можем вполне положиться на них.

— Именно,— кивнул Джоргенсон.— Нам следовало бы пойти и на запад, и на север.

— Я не брошу Сандру,— повторила Мэри.

— Попробуем поговорить с ней? — предложил Джоргенсон.

— Я уже пыталась,— ответила Мэри.— Я ей сказала, что мы больше не можем оставаться здесь. Я говорила ей, что мы вернемся и она сможет опять насладиться этой музыкой. По-моему, она просто не слышала меня.

— Вы могли бы остаться с Сандрой,— сказал Джоргенсон.— А остальные разделятся: двое пойдут на запад, двое — на север. Посмотрим, что удастся найти. Давайте вернемся сюда дней через четыре-пять.

— Такой вариант не очень разумен,— запротестовал Лэнсинг.— Во-первых, я не хочу оставлять Мэри; во-вторых, я вообще против того, чтобы разделяться.

— Бросьте, нам ничто не угрожает. Никаких признаков реальной физической опасности,— настаивал на своем Джоргенсон.— Мы оставим Мэри здесь, а сами быстренько оглядим окрестности. Особых надежд я не питаю, но всегда есть какой-то шанс.

— Может, нам удастся увести Сандру,— предположил Юргенс.— Если она освободится от чар музыки и придет в себя.

— Боюсь, она будет сопротивляться,— заметил Лэнсинг.— Она сейчас не в форме. Нам придется тащить ее на себе, что очень замедлит передвижение. Местность здесь негостеприимная, воду найти трудно. Сейчас мы рядом с источником, но предыдущий миновали два дня назад.

— Это не проблема,— отмахнулся Джоргенсон.— Перед выходом наполним фляги и будем экономить воду. Продержимся.

— Мне кажется, Джоргенсон прав,— сказала Мэри.— Мы не можем бросить Сандру. Я останусь с ней. Похоже, нам ничто не угрожает. Мы не встретили здесь ни единого живого существа, кроме Вынюхивающего,— он не в счет, он на нашей стороне.

— Мне не хочется оставлять вас здесь, Мэри,— сказал Лэнсинг.

— Мы можем оставить Юргенса,— предложил Джоргенсон.

— Нет,— запротестовала Мэри,— ко мне Сандра привыкла, ко мне обращалась за помощью.— Она повернулась к Лэнсингу.— Мы не можем остаться все — это пустая трата времени. Нужно выяснить, что там, на западе и на севере. Если ничего существенного не обнаружится, решим, как быть дальше.

— Я не хочу на север,— упорствовала Мелисса,— я не пойду на север.

— В таком случае мы с вами отправляемся на запад,— ответил ей Джоргенсон.— А Лэнсинг и Юргенс — на север. Пойдем налегке, стало быть, быстро. Всего несколько дней, и мы вернемся. Может быть, Сандра тем временем придет в себя.

— Я все еще надеюсь, что Сандра узнает, услышит то, к чему мы, остальные, глухи,— сказала Мэри.— Ответ, или хотя бы часть его, может быть заключен в башне, и только Сандра способна его воспринять.

— Не стоит нам разлучаться,— настаивал Лэнсинг,— останемся вместе.

— Какой вы упрямый,— проворчал Джоргенсон.

— Да, упрямый.

День клонился к закату, когда Сандра, до этого стоявшая неподвижно как бы на посту, упала вдруг на колени. Потом она ползла и ползла все ближе и ближе к башне.

— Я беспокоюсь за нее,— сказал Лэнсинг Мэри.

— Я тоже. Хотя внешне все нормально. Она сказала, что должна остаться, она не может уйти от башни. Попросила оставить ей воды и продуктов — больше ей ничего не нужно. Сегодня вечером она немного поела и попила.

— Она объяснила вам, что происходит?

— Нет. Я пыталась расспросить ее, но бесполезно. Боюсь, она сама до конца не понимает, что происходит.

— Может быть, она просто зачарована музыкой?

— Не могу поручиться, но подозреваю, что все не так просто.

— Странно,— сказал Лэнсинг,— но встреча с башней нам ничего не дала. Абсолютно ничего, как и куб. А ведь их кто-то строил, и строил с определенной целью.

— Джоргенсон тоже обратил на это внимание. Он считает, что куб и башня — ложный след, с целью сбить нас с толку.

— Синдром лабиринта. Крыса, которая ищет выход. Своего рода тест.

— Он говорил несколько иначе, но, пожалуй, вы правы.

Они сидели чуть дальше остальных, почти вплотную к огню. Юргенс стоял поодаль. Еще одна пара, лишь изредка перебрасывавшаяся репликами, устроилась напротив Лэнсинга и Мэри.

Мэри взяла Лэнсинга за руку:

— Нам нужно сдвинуться с мертвой точки. Трактирщик упоминал о надвигающейся зиме, он говорил, что на зиму закрывает гостиницу. Зимой нам придется тяжело. У нас осталось совсем мало времени — сейчас уже осень, скорее всего поздняя.

Лэнсинг обнял Мэри и прижал к себе. Она положила голову ему на плечо.

— Я не могу оставить вас здесь одну,— прошептал он.— У меня внутри все обрывается при одной мысли об этом.

— Вы должны это сделать.

— Я могу пойти на север один. А Юргенс побудет с вами.

— Нет, я хочу, чтобы вы шли вдвоем. Здесь безопасно, а кто знает, что вы встретите на севере? Будьте благоразумны, вам придется подчиниться обстоятельствам.

— Я все понимаю, но черт бы побрал здравый смысл! Я просто не могу бросить вас.

— Эдвард, вы должны. Нам необходимо знать, что находится на севере. То, что мы ищем, может оказаться там.

— А может, и на западе.

— Безусловно. Может, даже и здесь — мы же ни в чем не уверены. На Сандру слабая надежда, шанс, что она нам что-то объяснит, невелик. Не стоит ждать чуда.

— Вы будете осторожны? Никуда не уйдете отсюда? Не будете рисковать?

— Обещаю вам.

Утром, поцеловав Лэнсинга на прощанье, Мэри обратилась к Юргенсу:

— Поручаю его вам. Я рассчитываю на вас — присматривайте за ним.

— Мы не оставим друг друга,— гордо ответил робот.

Глава 24

Местность, по которой они шли от гостиницы к башне, становилась все суше; к северу от башни она превратилась в пустыню. Идти было трудно — ноги увязали в песке. Путешественникам приходилось карабкаться на дюны, северо-западный ветер швырял песок им в глаза.

Лэнсинг и робот не разговаривали. Преодолевая сопротивление ветра, они упорно шли на север; время от времени Юргенс проверял по компасу направление. Он ковылял впереди, за ним, пошатываясь, плелся Лэнсинг. Сначала порядок был обратным, но вскоре Лэнсинг уступил лидерство не знающему усталости роботу.

После нескольких часов пути дюны сменились более твердой, хотя по-прежнему песчаной почвой.

Глядя на энергично шагающего робота, Лэнсинг в который раз сказал себе, что Юргенс остается для него загадкой. Как, впрочем, и все его спутники. Он попытался припомнить все, что знал о каждом из них. В его распоряжении лишь разрозненные факты. Мэри... инженер, жительница устойчивого, но жесткого мира, где все еще властвуют великие империи восемнадцатого века. Он знал о ней совсем немного, но в одном был твердо уверен: он любит ее. И ни малейшего представления ни о ее работе, ни о ее семье — о том, что состав-

ляло ее жизнь. Пожалуй, он знал о ней даже меньше, чем об остальных.

Мир Сандры казался ему странным, его культура непонятной, хотя, говорил он себе, Сандра могла быть всего лишь представительницей одного из не самых значительных направлений. Не исключено, что цивилизация ее мира совсем иная и так же мало знакома ей, как и Лэнсингу. Он подумал, что они были несправедливы к Сандре. По сути, они игнорировали ее. Как знать, если бы Сандра, а не они с Мэри, подверглась действию того механизма, может быть, ей удалось бы извлечь из своего путешествия больше, чем им. И сейчас, когда между Сандрой и поющей башней установилась некая связь, как знать, вдруг она найдет ключ, который они все ищут.

Пастор был больше других понятен Лэнсингу, хотя в своем времени и в своей цивилизации он тоже мог быть представителем субкультуры. Действительно ли тот мир столь ограничен, фанатичен и злобен, как он представлялся пастору? Если бы у них хватило времени познакомиться поближе! Не исключено, что им удалось бы понять друг друга, понять, что лежит в основе мироощущения этого несговорчивого человека, и даже научиться симпатизировать ему.

Генерал, подумал Лэнсинг, представлял собой совсем иной тип. Скрытный, он старался не говорить о своем мире, отказался рассказать, при каких обстоятельствах попал сюда. С неистовой жаждой власти. Не желающий слушать ничьих доводов, кроме собственных; Лэнсинг так и не смог понять его. Уж он-то явно не был представителем субкультуры. Похоже, в милитаристской анархии его мира сотни предводителей небольших отрядов вели войны друг с другом. Генерал говорил — это только игра, не более, но, подумал Лэнсинг, игра со смертью.

А Юргенс? В его мире те, кто был брошен на произвол судьбы устремившимися к звездам представителями цивилизации, вынужденно скатывались в варварство. Свобода! Юргенс сказал, что он и другие роботы наконец-то освободились от бремени ответственности за выродившихся представителей рода человеческого. Свобода?.. Лэнсинг задумался. Интересно, понимает ли Юргенс, что еще не обрел ее? Он так и остался в роли пастуха при человеческом стаде. Вот и теперь, оберегая свою овцу, он встал во главе крошечного отряда,

стремясь побороть пустыню и достичь Хаоса. И в этом неуютном мире робот жил тревогами и надеждами людей, всегда готовый помочь.

Однако почему-то Юргенс не особенно полагался на людей. Лэнсингу, правда, он рассказал о своем мире, о своем увлечении — создании человекоподобных марионеток по образу и подобию героев человеческих преданий (любопытно, его марионетки были похожи на Мелиссу?). В присутствии всех остальных Юргенс ни словом не обмолвился о своем прошлом и отказался ответить даже на прямой вопрос Мэри.

Почему, спрашивал себя Лэнсинг, почему робот открылся только ему? Существовала ли между ним и Юргенсом связь, понятная роботу и не понятая человеком?

Юргенс остановился у подножия небольшой дюны и, когда Лэнсинг догнал его, показал на полузасыпанный песком предмет. Из прозрачного стеклянного или пластикового шара, похожего на шлем космического скафандра, глядел на них человеческий череп. Казалось, он осклабился в усмешке; на солнце блестел золотой зуб. Рядом выглядывала из дюны какая-то закругленная металлическая деталь, а чуть выше и правее виднелся еще кусок металла.

Юргенс достал лопату и принялся разгребать песок. Лэнсинг молча наблюдал за его действиями.

— Еще минута,— сказал Юргенс.

И они увидели.

Металлическая конструкция по форме отдаленно напоминала человека. Правда, вместо двух ног у нее было целых три, в высоту она достигала десяти—двенадцати футов. В верхней части имелась полость, и в ней скелет, некогда, возможно, принадлежавший человеку. Кости его теперь лежали грудой на дне капсулы, череп удерживался в шлеме.

Сидя на корточках рядом с находкой, Юргенс поднял голову и взглянул на Лэнсинга.

— Ваши соображения? — спросил он.

Лэнсинга передернуло.

— А вы что думаете?

— По-моему, это самоход,— ответил робот.

— Самоход?!

— Почему бы и нет? Во всяком случае, это первая мысль, которая приходит в голову.

— Что такое самоход?

— Нечто похожее создали люди моего мира еще до отлета к звездам. Для работы на других планетах в неблагоприятных условиях. Я никогда их не видел, но слышал об их существовании.

— Машина для передвижения по негостеприимной планете?

— Да. Органы управления связаны с нервной системой. Сложное устройство, способное реагировать подобно человеческому телу. Человеку захочется сдвинуться с места, и машина начнет перемещаться. Так же действуют руки — у человека и механизма.

— Юргенс, если вы правы, не исключено, что перед нами местный житель. Люди, подобно нам перенесенные на эту планету, не могли захватить с собой машину.

— Но мы не должны исключить и возможность появления пришельцев,— возразил Юргенс.

— Хорошо,— согласился Лэнсинг.— В таком случае этот человек, если он все-таки пришелец, появился из альтернативного мира, ставшего враждебным человеку. Загрязненного, опасного...

— Из воюющего мира. Со смертоносными излучениями и ядовитыми газами.

— Да, похоже на правду. Но в этом мире он не нуждался в своем механизме. Здесь воздух чистый.

— И при этом он не мог отделить себя от машины, порвать их биологическую связь. Впрочем, возможно, он к этому не стремился. Он привык к самоходу. Да и в этом мире машина давала некоторые преимущества.

— Пожалуй,— кивнул Лэнсинг.

— А здесь он попал в беду. При всем его высокомерии здесь ему пришел конец.

Лэнсинг взглянул на робота:

— Вы считаете всех людей высокомерными и видите в этом отличительную черту нашей расы.

— Нет, не всех. Думаю, вы поймете горечь, которую я ношу в себе. Нас ведь бросили...

— Это мучило вас все эти годы?

— Не то чтобы мучило...— На некоторое время воцарилось молчание, потом робот прервал его.— Вы не высокомерны.

И никогда не были высокомерным. А вот пастор был, и генерал, да и Сандра, хотя и в свойственной ей мягкой манере.

— Надеюсь, вы простите их,— отозвался Лэнсинг.

— Вы и Мэри,— сказал Юргенс,— за вас я готов отдать жизнь.

— Тем не менее вы не рассказали Мэри о себе. И не ответили на ее вопрос.

— Она стала бы жалеть меня, это невыносимо. А вот вы меня никогда не жалели.

— Не жалел,— подтвердил Лэнсинг.

— Эдвард, забудем про высокомерие. Нам пора идти дальше.

— Тогда вперед. Нельзя понапрасну терять время. Мне так не хотелось оставлять Мэри, я едва удерживаюсь от того, чтобы не повернуть назад.

— Три дня, и мы вернемся к ней. С ней ничего не случится. Четыре дня — максимум.

Им не удалось найти дров по дороге. Ночевать пришлось без костра.

Ночь была по-своему прекрасна — подобна холодной миниатюре на эмали. Безжизненный песок, восходящая луна, а по краям небосвода, несмотря на потоки лунного света, ослепительное сияние звезд.

Лэнсинг чувствовал, как ночь заполняет все его существо холодной жесткой красотой. Однажды ему показалось, что он слышит что-то похожее на вой. Звук донесся с юга и напоминал голос того огромного несчастного зверя, который стенал в холмах над городом и на утесе в бедлендах. Лэнсинг прислушался, но звук больше не повторился.

— Вы что-нибудь слышали? — спросил он Юргенса.

Робот ответил отрицательно.

Задолго до рассвета Юргенс разбудил своего спутника. Луна висела на западе низко над горизонтом, звезды на востоке меркли.

— Съешьте что-нибудь,— предложил Юргенс,— и в путь.

— Мне хватит глотка воды. Я поем на ходу.

К полудню вновь появились дюны — маленькие поначалу, постепенно они становились все выше и выше. Их окружал мир движущегося желтого песка; бледно-голубой купол неба нависал над бесконечной песчаной поверхностью. Склоны ста-

новились все круче, казалось, путники карабкались прямо в синее небо. Узкая полоска неба над северным горизонтом приобрела более темный оттенок; по мере того как путешественники преодолевали дюны, борясь с осыпающимся песком, темная полоса захватывала все большую часть неба, синий цвет вверху сменялся черным.

С севера доносилось неясное приглушенное бормотание. Звук становился громче.

Вскарабкавшись на вершину огромной дюны, Юргенс остановился, дожидаясь Лэнсинга. Тяжело дыша после подъема, Лэнсинг встал на гребень рядом с роботом.

— Похоже на гром. Кажется, там, впереди, собирается гроза,— сказал Юргенс.

— Судя по цвету неба, похоже, но это облако не похоже на грозовую тучу. Я никогда не видел тучи с совершенно ровным краем. При грозе облака обычно клубятся.

— Мне показалось, что я видел вспышку, не саму молнию, а скорее отблеск, отсвет зарницы.

— Должно быть, облака отразили далекую молнию,— предположил Лэнсинг.

— Что же, скоро мы выясним, что там происходит. Вы готовы идти дальше или лучше немного отдохнуть?

— Идемте,— решил Лэнсинг.— Я скажу, если мне нужен будет отдых.

К середине дня огромная черная туча занимала уже полнеба. Местами она отливала багрянцем. Зрелище устрашающее. Все неподвижно; не было обычных в грозу рваных, гонимых ветром туч, хотя, когда Лэнсинг останавливался, ему казалось, что он замечает внизу еле уловимое перемещение. Будто тонкая пленка скользила по черноте неба, подобно воде, сбегающей в летний ливень по оконному стеклу. Туча наводила на мысль о неистовом буйстве стихии, грозила бурей. Но никаких реальных проявлений урагана или его предвестий, за исключением молний, разрывающих темноту неба, заметно не было. Раскаты грома гремели непрерывно.

— Никогда не видел ничего подобного! — воскликнул Юргенс.

— Хаос? — предположил Лэнсинг.

Он вспомнил хаос или, скорее, впечатление хаоса (Лэнсинг сомневался в реальности тогдашних ощущений), мелькк-

нувшее перед ним на горе из звезд над Вселенной. Даже того мимолетного взгляда на абсолютный вселенский хаос довольно, чтобы не обнаружить никакого сходства с тем, что сейчас предстало его взору.

— Но вопрос остается прежним,— сказал Юргенс.— Что такое Хаос?

Лэнсинг не пытался ответить на вопрос робота. Склоны дюн, по которым карабкались путники, становились все круче и круче, путь на север все труднее. Горизонт впереди, казалось, слева и справа загибался кверху, будто впереди их ждала полукруглая вершина чудовищной дюны, уходящей в черноту, поглотившую полнеба.

День уже клонился к вечеру, когда они наконец достигли вершины песчаной горы. Лэнсинг в изнеможении рухнул на песок и прислонился к огромному валуну. Валун? — вдруг осознал он. Здесь, где до сих пор им встречались одни пески? Он еле поднялся на ноги: его пошатывало от усталости. Да, действительно камень, и не один — целый ряд чуть ниже гребня дюны. Лежали в песке, будто кто-то, может, много веков назад аккуратно выложил их там.

Юргенс, расставив ноги и опершись для равновесия на костыль, стоял на вершине и смотрел вперед. Слева и справа склоны дюн подковой охватывали все видимое пространство. Прямо перед ними поверхность резко обрывалась вниз, склон дюны круто уходил на головокружительную глубину, к основанию громадной массивной тучи, вздымавшейся, насколько хватал глаз, в стороны и вверх.

Лэнсинг понял, что перед ними вовсе не туча, хотя затруднялся определить, что же это. Стена кромешной тьмы смыкалась внизу с песчаными склонами дюны и уходила высоко в небо. Лэнсингу пришлось задрать голову, чтобы увидеть ее верхний край.

Молнии под аккомпанемент оглушительных ударов грома с прежней яростью прочерчивали черную поверхность. Лэнсинг видел перед собой, или ему казалось, что он видит, исполинскую плотину, поверх которой низвергался чудовищный водопад тьмы. Поверхность его была настолько непроницаемой, что самого движения вниз человеческий глаз не улавливал, но возникало ощущение, подобное гипнотическому, что движение все-таки есть. Неожиданно Лэнсинг понял, что слы-

шит не только раскаты грома, но и страшный рев низвергающейся субстанции — звук, напоминающий грохот Ниагарского водопада, шум падения чего-то с чудовищной высоты, из одной неизвестности в другую. Ему казалось, что от этого рева сама земля содрогается у него под ногами.

Лэнсинг повернулся к Юргенсу. Робот его явно не замечал: тяжело облокотившись на костыль, он впился глазами в черноту, застыл, загипнотизированный ею.

Лэнсинг снова перевел взгляд на черную стену перед ними; теперь она еще больше походила на плотину. Сначала облако, затем плотина — интересно, во что еще оно превратится?

В одном он был уверен: это не ответ, который они искали, даже не ключ к разгадке. Как куб и двери, машина и поющая башня, открывшееся их взгляду явление, может быть, и не полностью лишено смысла, но оно не несет информации для людей, ибо недоступно восприятию человеческого ума.

— Конец мира.

В голосе Юргенса прозвучало странное удовлетворение.

— Конец этого мира? — переспросил Лэнсинг и пожалел о глупом вопросе. Зачем он его задал, он и сам не знал.

— Возможно, не только этого,— ответил робот.— Конец всех миров. Конец всего. Конец Вселенной — ее проглотит тьма.

Робот сделал шаг вперед, нащупывая костылем опору. Костыль выскользнул из рук и полетел вниз. Сломанная нога подогнулась, робот покачнулся, упал и закувыркался по склону. Рюкзак слетел с его плеча и, подпрыгивая, покатился, обгоняя хозяина. Юргенс судорожно пытался уцепиться за неровности склона, но ухватиться было не за что. Песок сыпался сквозь его пальцы, двигался вместе с ним. Руки робота оставляли на песке лишь две глубокие борозды.

Лэнсинг, прилегший было, вскочил на ноги. Если ему удастся сохранить равновесие, подумал он, обрести хоть какую-то точку опоры под обманчивой поверхностью, еще есть надежда добраться до Юргенса, остановить это падение вниз и вытащить в безопасное место.

Он шагнул вперед; нет опоры в сыпучем как пыль песке. Невозможно ни идти, ни стоять. Лэнсинг отчаянно тянулся к гребню дюны в надежде зацепиться за что-нибудь. Как бы не так! Нога быстро тонула в песке, оставляя глубокую борозду. Лэнсинг упал на склон и заскользил по нему, медлен-

но, но неотвратимо — вместе с ним двинулась вниз вся масса песка, подчиняясь безжалостной силе тяготения.

Лэнсинг, стараясь увеличить площадь соприкосновения, распластался на песке. Ему показалось, что скольжение в бездну чуть-чуть замедлилось. Но, честно признался он себе, любая попытка подтянуться вверх только расшевелит новые массы песка.

И все же Лэнсинг был уверен: движение вниз замедлилось, ему даже показалось, что лавина остановилась. Он лежал, всем телом прижавшись к песку и боясь пошевелиться.

Где Юргенс, Лэнсинг не знал. Стоило приподнять голову, чтобы поглядеть вниз, как потревоженный песок тут же пришел в движение. Лэнсинг опустил голову и прижался к сыпучей поверхности; скольжение лавины прекратилось.

Казалось, прошла вечность. Земля по-прежнему дрожала словно от грохота огромного водопада тьмы. Этот звук почти вытеснил из сознания Лэнсинга представление о том, кто он и где находится. Он с трудом различал верхнюю кромку дюны, которую они с Юргенсом так долго штурмовали. По его расчетам, гребень находился в каких-нибудь двухстах футах, но эти двести футов непреодолимы.

Лэнсинг сосредоточился на вершине дюны, как если бы усилие мысли могло помочь достичь ее. Вершина оставалась голой и недвижимой — песчаный вал на фоне голубого неба.

На мгновение Лэнсинг отвел глаза от вожделенного гребня, и его взгляд скользнул вдоль бесконечного песчаного склона. Когда он вновь обратил взгляд на вершину, там кто-то стоял. Четыре фигуры возвышались на фоне неба, четыре глупых пародии на человеческие лица.

Он не сразу понял, кто это. На него уставились картежники, та самая четверка, что неизменно сидела за отдельным столом в гостинице.

Почему они здесь? — подумал Лэнсинг. Что привело их сюда? Что могло их заинтересовать? У него мелькнула было мысль позвать их на помощь, но он решил, что это бесполезно. Они наверняка не обратят на него внимания, и ему станет только хуже. В какой-то момент он усомнился: не плод ли они его воображения? Он отвел взгляд в сторону, потом опять посмотрел на гребень дюны: игроки были там.

Один из четверки что-то держал в руке; Лэнсингу, несмотря на все старания, не удавалось разглядеть, что именно. Только когда игрок поднял предмет над головой и стал крутить им, Лэнсинг понял, что это моток веревки. Картежники бросали ему веревку! Веревка начала раскручиваться в воздухе. Лэнсинг знал: у него есть только одна попытка, максимум две. Малейшее его движение неизбежно вызовет скольжение песка; если он не поймает веревку с первого раза, он скатится так низко, что длины веревки может не хватить для его спасения.

Веревка будто застыла в воздухе; ее кольца разматывались как при медленной съемке. Конец упал прямо на него — отличный бросок! Отчаянно рванувшись вверх, Лэнсинг схватил веревку одной рукой, одновременно перевернувшись так, чтобы можно было перехватить ее другой. От резкого движения песок стремительно поехал вниз, но Лэнсинг уже вцепился в веревку мертвой хваткой. Удалось схватиться и второй рукой; веревка натянулась, и с зубодробительным рывком падение Лэнсинга прекратилось. Отчаянно цепляясь за веревку, он стал медленно подтягиваться вверх. Оторваться от поверхности склона и оглядеться Лэнсинг не рискнул: случайность могла вырвать спасительную веревку из его рук.

Фут за футом он приближался к вершине. Наконец он остановился, переводя дыхание, и взглянул наверх. Гребень был пуст; картежники исчезли. Но кто же держит веревку? Перед глазами Лэнсинга возникла ужасная картина: незакрепленный конец веревки и он сам, катящийся вниз по склону. У него перехватило дыхание, он как сумасшедший стал карабкаться наверх, забыв об осторожности. Им владела одна мысль — во что бы то ни стало добраться до гребня дюны.

Перевалив через вершину дюны, Лэнсинг перевернулся на спину и сел, не выпуская веревку из рук. Только закрепившись на надежной поверхности, он решился отпустить ее. Веревка была привязана к одному из тех валунов, что удивили его, когда они с Юргенсом поднимались на гребень.

— Юргенс,— вспомнил Лэнсинг,— о господи, Юргенс!

В те несколько минут, пока он судорожно карабкался вверх (кто знает, минут или часов?), он начисто забыл о Юргенсе.

Лэнсинг на четвереньках подполз к краю гребня, лег и глянул вниз. Перед ним расстилался длинный ровный песчаный

склон. Борозда — свидетельство его отчаянной борьбы — быстро сглаживалась легким ветерком. Еще несколько минут, и ничто не будет напоминать о случившемся.

Никаких следов Юргенса, ничего, что бы отметило его путь вниз по склону. Лэнсинг понял, что потерял своего спутника: робот исчез в той пограничной области, где стена тьмы соприкасалась с песчаной поверхностью.

Лэнсинг вспомнил, что не слышал криков Юргенса; робот не звал его, не просил о помощи. Он молча принял свою судьбу. Робот шел первым. Лэнсинг был уверен, что в этом проявилась забота о нем, человеческом существе, желание оградить его от опасности, от несчастного случая.

Но был ли это несчастный случай? Лэнсинг снова представил себе Юргенса, завороженно смотревшего на поток тьмы, как Сандра на поющую башню. Потом он вспомнил первый шаг робота вперед. На вершине — он должен был это понимать — он находился в безопасности; но страшная и в то же время завораживающая бездна влекла его столь сильно, что он пожертвовал безопасностью ради возможности стать хоть немного ближе к ней.

Заманили ли Юргенса так же, как Сандру? Было ли нечто в черной завесе, чему он не мог противиться? Сделал ли он этот шаг, не ожидая, что тотчас покатится вниз, но приняв случившееся в бессознательной всепоглощающей тяге к влекущей его неизвестности?

Лэнсинг тряхнул головой. Ему не дано узнать это.

Но, продолжал размышлять Лэнсинг, если верно последнее предположение, если Юргенс действовал по своей воле, он делал это для себя, а не для опекаемых им людей. Он вел себя так, как ему хотелось, а не как требовала того его лояльность по отношению к людям. В тот последний миг Юргенс наконец обрел свободу, которую искал.

Лэнсинг медленно поднялся. Он отвязал веревку от камня и начал методично сматывать ее. В этом не было особой необходимости — он вполне мог бросить ее, но ему надо было что-то делать, и он сматывал веревку. Он положил ее на землю и оглянулся, ища картежников. Ни их самих, ни каких-либо следов он не обнаружил. Что ж, решил Лэнсинг, он займется этой проблемой позже. Сейчас у него нет времени ломать го-

лову над загадками. У него есть дело, и он должен выполнить его как можно скорее.

Ему необходимо вернуться к поющей башне, где Мэри сторожит зачарованную Сандру.

Глава 25

Лэнсинг, спотыкаясь, возвращался по следу, оставленному им и Юргенсом. Местами их отпечатки уже были занесены песком, но Лэнсингу удавалось отыскать невдалеке продолжение следа. Позади он все еще слышал рокот, отголоски Хаоса. Что же все-таки, размышлял он, с трудом передвигая ноги, представляет собой Хаос? Хотя теперь это не имело значения. Теперь важно одно — вернуться к Мэри.

Опустилась ночь, и взошла луна — тусклый шар, выплывший с востока; зажглись первые звезды. Лэнсинг упорно продолжал двигаться вперед. Сейчас идти легче, убеждал он себя, ведь он идет под гору. Но почему-то легче не становилось.

Он упал на песок, не в силах идти дальше, перевернулся на спину и нащупал флягу. Вытащить ее он и не успел: его сморил сон.

Разбудили Лэнсинга яркие лучи солнца; он не сразу понял, где он. Приподнялся на локте, огляделся и ничего не увидел, кроме ослепительно сверкающего песка, отражающего солнечное сияние. Он протер глаза. Первая его мысль — нужно идти вперед.

Лэнсинг вскочил. Он еще не вполне проснулся, его слегка пошатывало. Отхлебнув тепловатой жидкости из фляжки, он двинулся дальше. Попутно негнущимися пальцами Лэнсинг вытащил из мешка первую попавшуюся под руку еду и стал жевать на ходу. Ничто не должно задерживать его продвижения на юг. Онемевшее после сна тело сопротивлялось каждому движению, но Лэнсинг подгонял и подгонял себя, пока не пришел в норму. Горло пересохло, воды осталось совсем немного, приходилось экономить (через несколько часов он вспомнил, что в его рюкзаке есть вторая наполненная фляжка). Впереди него струился песок, переливаясь в палящих лучах солнца. Слишком долго спал, потерял драгоценное время — упрекал себя Лэнсинг.

Время от времени он вспоминал Юргенса, но не часто и мельком. О нем он подумает позже. Важно сосредоточиться на мысли о Мэри, которая ждет его у поющей башни. Но даже эта мысль то и дело ускользала, и в пустоте, затопившей его сознание, Лэнсинг всеми силами удерживал одно стремление — дойти до поющей башни.

Дюны кончились; следы путешественников стали менее отчетливыми, но благодаря песчаной почве все же достаточно заметными. Солнце достигло зенита и стало спускаться на запад. Идти стало легче: местность стала ровнее, дюны реже и ниже. Лэнсинг попытался ускорить шаг, но не смог. Максимум, чего ему удалось достичь,— двигаться равномерно. Ничего удивительного, сказал он себе, подходит к концу третий день утомительного путешествия. И все же он злился, что не может ускорить шаг.

Солнце зашло, на востоке зажглись звезды, небо посветлело — всходила луна. Лэнсинг все подгонял себя. Если не останавливаться, если он будет идти всю ночь, с рассветом он придет к поющей башне.

Но тело его подвело. Ноги отказывались повиноваться, и Лэнсинг вынужден был сделать привал. Он спрятался от ветра за маленькую дюну, развязал мешок, достал вторую фляжку с водой и напился, следя за тем, чтобы не выпить слишком много. Лэнсинг умирал с голоду; найдя в рюкзаке вяленое мясо и сыр, он мигом проглотил их.

Теперь нужно немного посидеть, отдохнуть, решил Лэнсинг, но не спать. Через час или чуть больше он снова отправится в путь. Он задремал, а когда проснулся, звезды на востоке уже бледнели на фоне разгорающегося рассвета.

Проклиная себя за слабость, Лэнсинг с трудом поднялся, вскинул на плечи мешок и снова пошел на юг. Он обещал Мэри вернуться не позже чем через четыре дня; он сдержит свое обещание.

Впереди опять дюны. Лэнсинг уговаривал себя, что должен как можно скорее пройти легкий отрезок пути: в дюнах продвижение неизбежно замедлится.

И чего сходить с ума? — подумал Лэнсинг. Спешить особенно незачем. С Мэри все в порядке. Она ждет меня. Но рассуждения не успокаивали; он по-прежнему старался идти быстрее.

Вскоре после полудня он добрался до места, где они нашли сломанный самоход. Череп, с его сверкающим на солнце золотым зубом, по-идиотски осклабился навстречу. Лэнсинг не стал задерживаться.

Он штурмовал дюны с неистовством берсеркера. Еще несколько часов, убеждал он себя. К закату он доберется до башни и прижмет Мэри к груди.

Через час или около того с вершины одной из самых высоких дюн он мельком увидел башню; она заставила его ускорить шаги.

Все время, пока Лэнсинг боролся с пустыней, его преследовало видение: он подходит к лагерю и навстречу ему, раскрыв объятия, радостно крича, выбегает Мэри.

Однако она не выбежала встречать его. Над кострищем не курился дымок. Не было никого, даже Сандры.

Он вбежал в лагерь и увидел Сандру. Она лежала, прижавшись к основанию поющей башни. Тело ее было неподвижно. Лишь ветер шевелил ее шарф.

Лэнсинг остановился, покачиваясь. Ледяная рука страха сжала сердце, и его охватила паника.

— Мэри! — закричал он.— Мэри, я вернулся! Где вы?

Мэри не отвечала. Никто не отвечал.

Сандра должна знать, сказал себе Лэнсинг. Кажется, она уснула; он разбудит ее, и она ему все расскажет.

Он опустился на колени рядом с Сандрой и осторожно потряс ее за плечо. Что-то было не так — она ничего не весила. Он еще раз потряс ее и опрокинул навзничь, чтобы увидеть лицо. Иссохшее лицо мумии.

Лэнсинг отдернул руку; голова Сандры упала. Мертва, подумал он, будто уже тысячу лет мертва. Безжизненная высохшая оболочка, из которой улетучилось все, что было личностью Сандры.

Лэнсинг поднялся и огляделся. Проковыляв к кострищу, он потрогал пепел. Тот оказался холодным. Порылся в золе — ему не удалось обнаружить углей. Рядом с давно остывшим кострищем лежал вещевой мешок. Скорее всего, он принадлежал Сандре. Рюкзака Мэри не было.

Лэнсинг заставил себя сесть. Шок притупил восприятие, он не чувствовал ни горя, ни ужаса — вообще ничего.

Сандра мертва. Мэри исчезла. Костер, размышлял он, костер полностью прогорает не меньше чем за несколько часов. Значит, Мэри ушла давно.

Его чувства ожили, и тотчас нахлынул страх. Усилием воли Лэнсинг поборол его.

У него нет времени на панику и страх. Спокойно сесть и подумать, собрать вместе отдельные кусочки и попытаться восстановить картину того, что здесь произошло.

Лагерь пуст. Джоргенсона и Мелиссы нет, но это еще ничего не значит. Они могут опоздать. Они договорились вернуться через четыре дня, а четвертый день еще не кончился.

Сандра умерла, причем, похоже, уже давно. Но это невозможно. Четыре дня назад, даже меньше четырех дней назад, она была жива. Это башня высушила ее, подумал Лэнсинг без особой логики и с внезапным ожесточением. Башня высосала ее. Возможно, Сандра добровольно отдала себя башне, заплатив таким образом за открывшееся ей ощущение прекрасного.

Мэри ушла, но не похоже, чтобы это было паническим бегством. Исчез ее мешок. Она взяла его и ушла. Но почему она не оставила ему какого-нибудь знака? Например, записки под камнем?

Лэнсинг тщательно обыскал территорию лагеря и ничего не нашел. Он повторил поиски, и опять безуспешно.

Она могла пойти на север, навстречу ему и Юргенсу, рассуждал он. Или на запад, в надежде найти Джоргенсона и Мелиссу; второй вариант менее вероятен, поскольку она недолюбливала их обоих. Наконец, Мэри могла вернуться в гостиницу и ждать его там.

Начнем с первого предположения, решил Лэнсинг, удивляясь своей способности рассуждать трезво. Первым делом он обследует подходы к дюнам — нет ли там ее следов. Если Мэри пошла на север, не исключено, что она нашла их следы и идет по ним, но в таком случае он встретил бы ее на обратном пути, поскольку след в след повторил свой маршрут.

Тем не менее Лэнсинг осмотрел подходы к дюнам. Никаких следов, кроме оставленных им и Юргенсом. Он придирчиво вглядывался во все отметины на земле — не проходил ли здесь третий человек. Но цепочка следов отмечала их с Юргенсом

путь на север и его одинокое возвращение. Никто другой здесь не проходил.

Приближалась ночь. Лэнсинг вернулся в лагерь. Некоторое время постоял, размышляя и пытаясь принять какое-нибудь решение. Наконец сделал выбор, хотя он дался нелегко. Пытаясь подавить чувство вины, Лэнсинг убеждал себя: это единственное, что можно сделать.

Он дошел до предела. Четыре дня он был в пути, почти не спал. Ему нужно прийти в себя. Он не поможет ни Мэри, ни себе, если ринется вперед, полумертвый от недосыпания, заторможенный, неспособный воспринимать что-либо. До утра должны вернуться Джоргенсон и Мелисса, они подключатся к поиску. Впрочем, последнее соображение не существенно: Лэнсинг, как и Мэри, был об этой паре невысокого мнения, серьезной помощи от них ждать не стоит.

Он нашел дрова и развел костер. Сварил кофе, поджарил бекон, испек оладьи и открыл банку яблочного пюре. Впервые за последние дни Лэнсинг поел как следует.

Мысль о Мэри не покидала его, однако Лэнсинг твердо сказал себе, что с ней все в порядке. Не важно, где именно она сейчас, но она в безопасности. Однако избавиться от страха и беспокойства ему удавалось не вполне.

Что же заставило ее уйти? Какой бы ни была причина, только чрезвычайные обстоятельства могли вынудить Мэри не дожидаться его. Лэнсинг стал перебирать в уме возможные варианты. Бесполезно, только оживали страхи, и Лэнсинг старался отогнать мысли о плохом.

Непонятно было и что делать с Сандрой. Должен ли он похоронить ее, вырыв яму, засыпав тело землей, и произнести над могилой несколько неуклюжих и ненужных слов? По какой-то причине, которой он не мог объяснить себе, ему казалось, что этого не надо делать, что прикасаться к Сандре кощунственно. Пусть она останется там, где есть,— высохшая (священная?) жертва у подножия поющей башни. Он задумался над этим; решение не имело смысла, и все же в нем присутствовала некая безумная, труднопостижимая логика. Чего хотела бы Сандра? — спросил он себя и не нашел ответа. Он недостаточно знал Сандру. Жаль, подумал Лэнсинг. Может быть, о всех своих спутниках он знает слишком мало, меньше, чем

должен бы. А ведь они много дней были рядом. Сколько же нужно быть вместе, гадал Лэнсинг, чтобы понять человека?

Из шестерых, отправившихся в путь, четверо погибли; остались они с Мэри. Теперь исчезла и Мэри, но он найдет ее, сказал себе Лэнсинг, обязательно найдет.

После ужина он залез в спальник и уже стал засыпать, когда его разбудили вдруг стенания Воющего. Зверь был неблизко; звуки неслись со стороны дороги, но в тишине ночи вой казался громким.

Лэнсинг приподнялся на локте и прислушался. Вспомнилась первая ночь их путешествия на север, когда он услышал вой и спросил о нем Юргенса, а тот ответил, что ничего не слышит.

Стенания смолкли. Лэнсинг снова лег, натянув спальный мешок на голову, но объявился Вынюхивающий и начал свой обход лагеря. Лэнсинг тихо заговорил с ним, существо не ответило, хотя продолжало сопеть. Так под это сопение он и заснул.

Глава 26

Лэнсинг второй день шел к гостинице. Рано утром на гребне холма недалеко от дороги появился Воющий. Зверь бежал неторопливой трусцой, не отставая и не обгоняя человека. Когда Лэнсинг случайно замедлил шаги, Воющий уселся и со скучающим видом стал поджидать его. В другой раз Лэнсинг немного обогнал своего попутчика, но тот, легко перейдя на галоп, вскоре нагнал его.

Лэнсингу от этого соседства было немного не по себе, хотя он старался не выказывать беспокойства. Делал вид, будто не замечает Воющего, но искоса поглядывал на зверя, стараясь не выпускать его из поля зрения. Рано или поздно, убеждал себя Лэнсинг, Воющему надоест эта игра и он убежит прочь. Воющий, похоже, не разделял его точки зрения.

Огромный зверь еще больше напоминал волка, чем тогда, ночью. Выглядел он подозрительно. Лэнсинг подумал, что он похож на отъявленного мерзавца. Воющий не проявлял враждебности, но нельзя было поручиться, что так будет и впредь. В любой момент он мог превратиться в свирепого хищника.

Лэнсинг расстегнул ножны, чтобы нож был под рукой, хотя прекрасно понимал, что от оружия толку будет мало.

Мэри, подумал Лэнсинг. Может, громадный хищник выгнал ее из лагеря? Напугал ее? И куда она отправилась? И отправилась ли куда-нибудь? Может, Воющий, поиграв с ней в те же глупые игры, что и с Лэнсингом, в конце концов напал? Лэнсингу стало дурно от одной этой мысли.

Если, испугавшись зверя, Мэри бежала, без сомнения, она должна была направиться в гостиницу: только там она могла надеяться на убежище. Великий боже, взмолился Лэнсинг, помоги ей добраться!

Животное приблизилось; спускаясь по склону, оно завиляло хвостом (Лэнсинг помнил, что волки никогда не виляют хвостом); углы его рта приподнялись в улыбке, обнажив множество зубов. Стараясь держаться на расстоянии, Лэнсинг был вынужден сойти с дороги. Воющий пересек дорогу; он шел не прямо на человека, но, все приближаясь, теснил его на юго-восток.

Игра длилась уже несколько часов. Солнце достигло зенита и стало клониться к западу. Лэнсинг знал, что впереди должна быть река, она текла с запада и впадала в русло, вдоль которого они шли в бедлендах. На месте слияния двух рек стояла гостиница. Зверь не должен заставить его перейти реку, иначе Лэнсинг никогда не попадет в гостиницу; зверь будет теснить его все дальше и дальше, пока человек не упадет от изнеможения.

Ближе к вечеру, поднявшись на вершину невысокого холма, Лэнсинг увидел реку и спустился к ней. Дойдя до воды, он оглянулся. До Воющего не более пятидесяти футов. Лэнсинг вынул нож и остановился в ожидании.

— Ну, и что же дальше? — поинтересовался он у хищника.

Воющий был огромен — в плечах футов десять. Опустив голову и вытянув морду, он медленно приближался к Лэнсингу; один шаг, другой. Косматое существо выглядело неряшливым: как неубранная постель, подумал Лэнсинг. И, бог мой, до чего же огромен! Стоит ему разок щелкнуть челюстями — и конец.

Лэнсинг сжал нож, но не поднимал оружие. Он не сделал ни единого движения, наблюдая за зверем. Воющий подходил все ближе и ближе. Он уже совсем рядом; он поднял морду и зарычал.

Сделав над собой усилие, Лэнсинг остался недвижим. Где-то на границе сознания возникла смутная мысль: а что, если он пошевелится? Как ни странно, ему удалось сохранить неподвижность.

Хищник сделал еще шаг вперед. Теперь его морда всего в футе или около того от человека. Он уже не рычал. Все еще сжимая нож, Лэнсинг положил руку на голову зверя. Лохматое существо расцвело от удовольствия. Оно придвинулось ближе и уткнулось носом в грудь Лэнсинга; от толчка тот чуть отступил назад. Лэнсинг погладил морду и почесал зверя за ухом. Воющий повернул голову, подставляя ухо.

Лэнсинг чесал зверя за ухом, Воющий застыл от удовольствия. Он издал горловой звук и слегка толкнул человека, нежно прижимаясь к нему.

— Ну хватит,— решительно произнес Лэнсинг.— Не могу же я гладить тебя весь день. Мне надо идти.

Словно бы поняв смысл его слов, Воющий заворчал. Лэнсинг вынужденно сделал еще один шаг назад, в воду. Осторожно убрав руку с массивной головы, он повернулся и пошел вброд через реку.

Вода была ледяной, но он шел вперед не оборачиваясь, пока не достиг середины потока; вода доходила ему до колен. Тут он оглянулся: зверь с несчастным видом стоял на берегу и смотрел ему вслед. Потом он подошел к речке, опустил лапу в воду, но тут же отдернул и потряс ею.

Лэнсинг рассмеялся и продолжил переправу. Выбравшись на сухое место, он опять оглянулся. Зверь все еще стоял на другом берегу. Увидев, что Лэнсинг остановился и смотрит на него, Воющий сделал два шага в воду, но отпрыгнул назад и отряхнулся.

— Прощай, друг,— сказал Лэнсинг и быстро пошел вниз по течению.

Обернулся он, пройдя полмили. Зверь так и не перешел реки. По-видимому, холодная вода ему не понравилась.

Лэнсинг торопился. На всякий случай, решил он, будет нелишним увеличить расстояние между ним и Воющим. Зверь не принадлежал к тем, кто вызывает доверие.

Солнце зашло, но Лэнсинг не спешил с ночлегом. Он шел вперед, то и дело переходя на бег. Луна заливала безлюдную местность холодным белым светом. На востоке журчал поток.

На рассвете Лэнсинг остановился, развел костер, сварил кофе и поел немного. Ничто не напоминало о Воющем.

Лэнсинг очень устал и хотел спать, но поднялся и заставил себя продолжить путь. Когда он добрался до гостиницы, солнце поднялось уже высоко. Зал пуст, в нем было темно и промозгло. Огонь в очаге не горел. И картежников за столом не было.

Никто не отозвался на зов Лэнсинга. Он пересек комнату и в изнеможении упал в кресло у потухшего камина.

Спустя некоторое время из кухни появилась круглолицая хозяйка в клетчатом переднике.

— О,— воскликнула она,— это опять вы!

— Сюда приходила молодая женщина? — прохрипел Лэнсинг.— Вчера или позавчера?

— Да, точно, была.

— А где она теперь?

— Она ушла. Сегодня утром. Рано утром.

— А вы не заметили, куда она пошла? В каком направлении?

— О нет, сэр. Я была занята.

— Она что-нибудь просила передать? Может, оставила записку?

— Кажется, да,— кивнула женщина.— Я ее спрятала. Сейчас принесу.

Хозяйка торопливо вышла; Лэнсинг ждал. Через некоторое время женщина вернулась и поставила на стол перед Лэнсингом бутылку и кружку.

— Не знаю, что произошло,— сказала она.— Я не могу найти записки. Должно быть, я засунула куда-то.

Лэнсинг вскочил на ноги.

— Что значит засунули? — закричал он.— Вам ее дали только сегодня утром!

— Право, не знаю, как это получилось, сэр.

— Ну так поищите еще. Посмотрите как следует.

— Я всюду смотрела. Ее нет там, куда я ее положила. Ее нигде нет.

Лэнсинг рухнул в кресло. Хозяйка протянула ему кружку.

— Я разведу огонь, чтобы вы согрелись, и чего-нибудь приготовлю вам. Вы, наверное, голодны.

— Да, голоден,— пробурчал Лэнсинг.

— У леди,— начала хозяйка,— не было денег...

— Черт возьми,— снова перешел на крик Лэнсинг,— я заплачу за нее! Вы уверены насчет записки?

— Вполне, сэр.

Лэнсинг отхлебнул из кружки, с угрюмым видом наблюдая, как хозяйка возится у камина.

— Вы останетесь на ночь? — поинтересовалась она.

— Да,— кивнул он.— Я уйду рано утром.

«Куда могла пойти Мэри? — мучительно размышлял Лэнсинг.— Обратно к поющей башне дожидаться моего возвращения? Или через бедленды назад в город? Нет, не в город, конечно, не в город. Хотя почему бы нет? Маловероятно, но возможно. Ей могло прийти в голову еще раз поискать в городе. Они чего-то не заметили там, и она решила вернуться. Но почему она не подождала здесь, вот вопрос. Она наверняка догадывалась, что я последую за ней».

Лэнсинг сидел, задумчиво перебирая варианты. Когда хозяйка принесла поесть, он уже принял решение. Он пойдет к поющей башне. Если Мэри там нет, он еще раз вернется в гостиницу, а затем отправится в город. Если ее нет и в городе, он пойдет к кубу. Он помнил, Мэри считала, что разгадка заключена в кубе.

Глава 27

До башни оставалось еще несколько часов пути, когда он заметил идущих навстречу ему Джоргенсона и Мелиссу. Воющего видно не было.

— Господи,— воскликнул Джоргенсон,— как я рад, что мы вас нашли! У башни никого.

— Никого, кроме Сандры, а она мертва,— уточнила Мелисса.

— А где двое остальных? — спросил Джоргенсон.

— Юргенс пропал в Хаосе,— ответил Лэнсинг,— а я пытаюсь найти Мэри. Вы уверены, что не видели ее следов?

— Абсолютно,— твердо заявил Джоргенсон.— Где, вы думаете, она может быть?

— Она побывала в гостинице. Я предположил, что она может вернуться к башне. Коль скоро это не так, вероятно, она направилась в город.

— Она должна бы оставить для вас сообщение,— сказала Мелисса,— вы же близкие друзья.

— Да, она оставила записку, но хозяйка не нашла ее. Говорит, что потеряла.

— Странно,— заметил Джоргенсон.

— Да, очень странно. Кажется, здесь все против нас.

— А что случилось с Юргенсом? — спросила Мелисса.— Он мне нравился. Добрая душа.

Лэнсинг коротко рассказал о случившемся.

— А что на западе? — в свою очередь, поинтересовался он.— Вы что-нибудь нашли?

— Нет, ничего,— покачал головой Джоргенсон.— Мы задержались еще на два дня в надежде обнаружить хоть что-то. Засушливая местность, не совсем, но почти пустыня. У нас были проблемы с водой, но мы обошлись.

— Пустая земля,— присоединилась Мелисса,— пусто на протяжении многих миль.

— В конце концов,— продолжал Джоргенсон,— мы достигли края возвышенности, причем только тогда и поняли, что шли по возвышенности. Перед нами оказался крутой обрыв, а за ним, насколько хватал глаз, раскинулась пустыня. Настоящая пустыня — песок, и ничего больше. Она уходила вдаль, за горизонт, и была еще более пустынной, чем та местность, что мы пересекли. Мы вернулись.

— Хаос на севере и ничего на западе,— подытожил Лэнсинг.— Остается юг, но на юг я не пойду. Я возвращаюсь в город — думаю, Мэри там.

— День уже на исходе. Почему бы не разбить лагерь,— предложил Джоргенсон.— Выйдем утром. Решим, что нам делать, и утром выступим.

— Не возражаю,— ответил Лэнсинг.— Нет смысла идти к башне, если вы только что оттуда. Расскажите мне о Сандре. Вы похоронили ее?

Мелисса отрицательно покачала головой:

— Мы не смогли. Нам показалось, что было бы неверно хоронить Сандру. И мы решили не трогать ее. Она как мумия. По-моему, она умерла именно так, как хотела. Мы подумали, что лучше оставить все как есть.

Лэнсинг кивнул:

— Я рассудил так же. Я даже не был уверен, что она умерла. Мне показалось, ее жизнь, ее дух унеслись куда-то, оставив ненужную иссохшую оболочку.

— Думаю, вы правы,— согласилась Мелисса.— Не могу выразить этого словами, но чувствую, что так и было. Сандра была не похожа на нас и держалась особняком. То, что правильно для нас, вполне могло не быть правильным для нее.

Они развели костер, приготовили еду, сварили кофе и, присев на корточки вокруг костра, принялись за ужин. Вышла луна, высыпали звезды; одинокая ночь вступила в свои права.

Лэнсинг держал кружку с кофе обеими руками и время от времени отпивал из нее. Его мысли вернулись к Хаосу и Юргенсу; в первую очередь к Юргенсу. Мог ли он что-нибудь сделать для спасения робота, спрашивал себя Лэнсинг. Если бы он соображал быстрее, сумел бы он перехватить друга, летевшего вниз вместе с песком, вытащить его в безопасное место? Он не видел такой возможности и все же не мог отделаться от чувства вины. Конечно, он пытался помочь роботу, он рискнул ступить на зыбучую поверхность обрыва, и все же этого было мало. Он предпринял попытку, она провалилась, и из-за неудачи он чувствовал себя виноватым, хотя и сам чуть не погиб. А что с Юргенсом? Куда он попал, где он сейчас? Он, Лэнсинг, не оказал другу даже любезности посмотреть, куда тот исчез. Он был занят собственным спасением, хотя должен был каким-то образом узнать, что происходит с Юргенсом. Похоже, угрюмо подумал Лэнсинг, он кругом виноват и никуда не денешься от чувства вины.

Вероятнее всего, Юргенс катился вниз, не в силах остановить скольжение, пока не достиг места, где черный занавес ревущего Хаоса (чем бы ни был Хаос!) соприкасался с песком. Что случилось потом? Что проговорил Юргенс перед тем, как сорвался вниз? Конец всему. Прощай, Вселенная. Все поглощает тьма. Что знал Юргенс? Или это были только слова? Что он мог знать?..

Странным образом, подумал Лэнсинг, исчезали его спутники. Пастор ушел через дверь. Генерал был захвачен (захвачен ли?) двумя рядами напевающих машин. Поющая башня высосала жизнь из Сандры. Юргенс скатился в Хаос. И наконец, Мэри — Мэри ушла. Но Мэри еще не пропала — по крайней

мере он надеялся на это,— она не исчезла подобно остальным. С Мэри еще не все потеряно.

Его размышления прервал Джоргенсон:

— Лэнсинг, вы так глубоко задумались.

— Я размышлял о том, что же нам делать утром,— откликнулся Лэнсинг.

Это было неправдой, но что он мог ответить Джоргенсону?

— Полагаю, нужно идти в город,— сказал Джоргенсон.— Вы ведь сами предложили это.

— Пойдете со мной? — спросил Лэнсинг.

— Я не вернусь в город,— заявила Мелисса,— я была там и...

— Вы не пойдете в город, вы не пойдете на север,— раздраженно прокомментировал Джоргенсон.— Не слишком ли много мест, куда вы отказываетесь идти? Клянусь богом, с меня хватит. Еще немного, и я оставлю вас одну. Мне надоели ваши капризы.

— Думаю, мы сэкономим время, если пойдем напрямик,— сказал Лэнсинг.

— Что значит напрямик?

— Посмотрите.— Лэнсинг поставил кружку и, разровняв песок, стал рисовать пальцем карту.— Покинув город, мы шли по дороге через бедленды. Двигались к западу, а в основном на север. После гостиницы мы пошли прямо на запад, к башне. По-моему, есть более короткий обратный путь.

Лэнсинг провел линию, обозначавшую дорогу через бедленды, а под прямым углом к ней другую — их путь между гостиницей и башней. Затем он начертил прямую, соединяющую башню и город.

— Если идти так, будет короче. Видите, дороги образуют треугольник. Вместо того чтобы идти вдоль двух катетов, можно идти по гипотенузе. Прямо на юго-запад.

— Мы опять попадем в незнакомые нам места,— запротестовал Джоргенсон.— Да и дороги там нет. Мы заблудимся в бедлендах.

— Можно проверять курс по компасу. И не исключено, что бедленды не простираются так далеко на запад. Этот путь короче.

— Ну, не знаю,— пробормотал Джоргенсон.

— Зато я знаю и пойду именно так. Вы присоединитесь ко мне?

Джоргенсон колебался.

— Мы пойдем с вами,— наконец решился он.

Они вышли рано на рассвете. Через час или около того путешественники пересекли текущую на восток реку; в нескольких милях ниже по течению стояла гостиница. Они воспользовались бродом и почти не промокли.

Характер местности стал меняться. Отлогий склон, берущий начало у реки, незаметно переходил в холмы; они поднимались все выше и выше. Пустыня отступала. Песок сменяла трава. Появились деревья; их становилось все больше, а сами они все выше. Между холмами лежали небольшие долины. Крошечные кристально чистые ручьи искрясь бежали среди скал.

К концу дня путешественники поднялись на вершину самого высокого холма. Перед ними лежала широкая долина — значительно больше тех, что они видели раньше. Она была покрыта пышной растительностью, деревья сбегали к большой реке, протекавшей далеко внизу. А ближе, в западном конце долины, в небо спирально поднимались несколько тоненьких струек дыма.

— Люди! — воскликнул Джоргенсон.— Там должны быть люди!

Он рванулся вперед, но Лэнсинг остановил его.

— В чем дело? — спросил Джоргенсон.

— Не надо нестись сломя голову.

— Говорю же вам, там люди!

— Вероятно. Но все равно не стоит спешить, равно как и подкрадываться к ним. Дадим им знать, что мы здесь, пусть у них будет возможность присмотреться к нам.

— Все-то вы знаете,— усмехнулся Джоргенсон.

— Не все,— спокойно ответил Лэнсинг,— но во мне говорит здравый смысл. Нужно дать им возможность рассмотреть нас или без шума обойти их и идти дальше.

— Мы должны пойти к ним,— заявила Мелисса.— Мэри может быть там. Или они что-нибудь знают о ней.

— Маловероятно,— возразил Лэнсинг.— Я уверен, она пошла в город и не могла попасть сюда.

— Мы идем туда! — В голосе Джоргенсона зазвучали воинственные нотки.— Может быть, там кто-нибудь знает, что происходит. Фактически это первая реальная возможность что-то узнать.

— Ну что ж,— уступил Лэнсинг,— пошли.

Они спустились с холма и стали медленно продвигаться по долине в направлении дымов. Их заметили, кто-то закричал, забил тревогу. Трое путешественников остановились и стали ждать. Спустя короткое время они увидели небольшую группу людей — человек десять или около того. Трое мужчин двинулись навстречу пришельцам.

Лэнсинг разглядывал троицу. К ним приближался старик с седыми волосами и бородой. Двое его спутников были моложе — блондин с бородой соломенного цвета и светлыми волосами, спадающими на плечи, и угрюмый смуглолицый темноволосый человек, без бороды, но лицо покрыто густой щетиной. Одеты они были в лохмотья, локти торчали наружу, на коленях дыры, кое-где неумело зашитые. На старшем из мужчин было надето нечто напоминавшее жилет из меха кролика.

Троица остановилась в нескольких шагах от путешественников. Желтоволосый человек заговорил.

— Что за дикарский язык! — воскликнул Джоргенсон.— Почему он не говорит по-английски?

— Иностранный, а не дикарский,— поправил его Лэнсинг.— Немецкий, полагаю... Кто-нибудь из вас знает английский?

— Я знаю,— ответил старик,— я и еще двое в лагере. Ваша догадка верна. Мой юный друг говорит на немецком. Пьер знает французский. Я сносно понимаю и тот и другой. Меня зовут Аллен Корри. Могу предположить, что вы идете от башни. Должно быть, вы заблудились.

— Мы направляемся в город,— ответил Лэнсинг.

— Зачем? — поинтересовался Корри.— Там ничего нет.

— Он разыскивает потерявшуюся подружку,— ответил за Лэнсинга Джоргенсон.— Он решил, что она пошла туда.

— В таком случае,— повернулся Корри к Лэнсингу,— от души желаю вам найти ее. Вы знаете, как туда добраться?

— Думаю, нам нужно идти на юго-запад,— сказал Лэнсинг.

— Да, вы правы,— подтвердил Корри.

— Вам что-нибудь известно о землях, лежащих в том направлении?

— Только о ближайших, в нескольких милях. Мы стремимся держаться поближе к лагерю.

— Вероятно, вы такие же люди, как и мы. Не знаю, как нас назвать, никогда не задумывался. Люди, которые были перенесены сюда.

— Да, часть их,— кивнул Корри.— Может быть, есть и еще. Где они находятся, мы не знаем. Вы понимаете, выжили немногие. Нас, уцелевших, тридцать два человека. Двенадцать мужчин, остальные женщины. Некоторые из нас живут здесь уже несколько лет.

Темноволосый француз что-то сказал Корри, тот повернулся к Лэнсингу:

— Прошу меня извинить. Я забыл о хороших манерах. Не будете ли вы так любезны пройти в лагерь и присоединиться к нам? Скоро стемнеет, и ужин вот-вот будет готов. Нас ждет большой котелок с тушеным кроликом и много жареной рыбы. Наверное, еще и салат. Правда, соус давно кончился и приходится заменять его горячим жиром. Но должен сразу вас предупредить: у нас мало соли, хотя мы давно привыкли к ее отсутствию.

— Ничего страшного,— откликнулась Мелисса.— Мы с радостью принимаем ваше приглашение.

Обогнув группу деревьев, они увидели кукурузное поле с несколькими неубранными скирдами. За полем, на берегу маленькой бухточки, образованной изгибом речного русла, стояло несколько грубых хижин и ветхих, потрепанных палаток. Люди в ожидании столпились у костров.

Корри жестом указал на поле:

— Весьма жалкое зрелище, но мы стараемся ухаживать за посевами, и урожай дает нам возможность пережить холода. Кроме того, у нас довольно большой сад. Миссис Мэйсон обеспечила нас семенами.

— Миссис Мэйсон? — не поняла Мелисса.

— Это хозяйка гостиницы,— пояснил Корри.— Жадное существо, но согласилась сотрудничать с нами. Иногда она присылает к нам новичков — таких же, как мы, бедолаг, которым некуда податься. Хозяйка не хочет держать их в гостинице без денег. Тем не менее наша численность почти не меняется. Смерть посещает нас, особенно в зимние месяцы.

— А обратного пути нет? — спросил Джоргенсон.— Разве нельзя вернуться в те миры, из которых пришли?

— Нам это не удалось,— ответил Корри.— Впрочем, не могу сказать, чтобы мы активно искали дорогу назад. Пытались найти выход немногие, большинство же просто смирилось со своей участью.

Путешественники вошли в лагерь во время вечерней трапезы. Трое прибывших сели вместе с хозяевами вокруг костра. Ужин состоял из тушеного кролика, горячего овощного рагу и хрустящей жареной рыбы. Ни кофе, ни чая, только вода. Салата, который обещал Корри, тоже не оказалось.

Жители лагеря (Лэнсинг пытался пересчитать их, но сбился со счета) подходили пожать руки гостям. Большинство из них говорили на непонятных языках, некоторые на ломаном английском. Для двоих, не считая Корри, английский язык был родным. Ими оказались женщины, и вскоре они сидели рядом с Мелиссой и отводили душу в болтовне.

Еда, хоть и без соли, была вкусной.

— Вы сказали, что у вас мало соли,— обратился Лэнсинг к Корри.— Наверное, вам необходимы и другие вещи. Но миссис Мэйсон снабдила вас семенами. Почему бы не приобретать у нее соль и вообще все необходимое?

— О, это было бы замечательно,— откликнулся Корри,— но у нас нет денег. Наша казна истощилась. Вероятно, вначале мы тратили больше, чем следовало.

— У меня еще остались деньги,— сообщил Лэнсинг.— Что, если я сделаю взнос в общий фонд?

— Мне не хотелось бы просить у вас, но если вы отдаете деньги по доброй воле...

— Я вполне могу расстаться с небольшой суммой.

— Вы не останетесь с нами? Мы рады вам.

— Как я уже говорил, я иду в город.

— Да, я помню.

— С удовольствием переночую у вас,— улыбнулся Лэнсинг,— а утром пойду дальше.

— Может быть, вы еще вернетесь.

— Вы имеете в виду, если не найду Мэри?

— Даже если найдете. В любое время мы будем рады видеть вас обоих.

Лэнсинг окинул взором лагерь, место, где ему вовсе не улыбалось селиться. Жизнь здесь, должно быть, была тяжелой. Бесконечный труд — рубить и приносить дрова, ухаживать за садом и кукурузным полем. Бесконечное добывание пищи. Несомненно, мелкое соперничество вследствие несходства характеров, возможно даже, непрекращающиеся ссоры.

— Наш образ жизни примитивен,— сказал Корри,— но мы недурно справляемся. Можно ловить рыбу, в долинах и холмах полно дичи. Среди нас много искусных охотников — здесь много кроликов. Два года назад случилась засуха, пришлось тяжело — мы очень много работали, носили воду для сада и поля из реки, но выдержали, и урожай был очень хорошим.

— Удивительно,— сказал Лэнсинг,— вы ведь такие все разные. Я думаю, что вы разные.

— Очень разные,— ответил Корри.— В своей прошлой жизни я был дипломатом. Среди нас есть геолог, фермер, которому в его мире принадлежали тысячи акров земли, высококвалифицированный бухгалтер, известная и когда-то очень популярная актриса, выдающийся историк, работник социальной службы, банкир... Я могу долго перечислять.

— Скажите, у вас и у других было время на размышления. Вы поняли, почему мы все оказались здесь?

— Пожалуй, нет. На эту тему много спекуляций, но ничего основательного. Кто-то уверен, что знает, но я уверен в обратном. Есть люди, которым нужно считать себя правыми всегда. Это придает им уверенность, им кажется, что они знают все, в то время как другие бродят в темноте.

— А вы? Вы сами?

— Я один из тех, на ком лежит проклятие — видеть обе стороны, а то и много сторон проблемы. Как дипломат я должен обладать этой способностью. Я считаю необходимым быть честным перед собой, я не позволяю себе обманывать себя.

— И вы не пришли ни к какому заключению?

— Нет, не пришел. Все по-прежнему осталось тайной — как и в день прибытия.

— Что вам известно о местности, что лежит между этой долиной и городом? Там тоже бедленды?

— Там, где мы были, местность пересеченная и холмистая. Холмы в основном покрыты лесом. Но идти там лег-

ко. Про бедленды я не знаю. Наверное, они лежат дальше к востоку.

— Вы удовлетворены тем, что имеете? Вы не стремились обследовать окрестности?

— Ну, не сказать, чтобы вполне удовлетворены. Но что делать? Кое-кто ходил на север, к Хаосу. Вы там не были?

— Я был. Там погиб мой хороший друг.

— Северное направление закрыто для нас. Пройти через Хаос нельзя. Я не знаю, что это, но он перекрывает дорогу. На сотни миль за башней нет ничего, кроме безжизненной пустыни. На юг, сколько нам удалось разведать, тоже идти бесполезно. А вы опять идете в город. Надеетесь найти что-то, что упустили раньше?

— Нет,— ответил Лэнсинг,— я иду искать Мэри. Я должен ее найти. Мы единственные, кто уцелел из нашего отряда, остальные четверо погибли.

— А те двое, что пришли с вами?

— Они были с нами не с самого начала. Они из другой группы. Мы повстречали их в гостинице.

— Они кажутся славными людьми. Вот, кстати, и они.

Лэнсинг поднял глаза и увидел Джоргенсона и Мелиссу. Джоргенсон, подойдя, опустился на корточки перед Лэнсингом. Мелисса осталась стоять.

— Мы с Мелиссой хотим сказать вам кое-что,— сказал Джоргенсон.— Нам очень жаль, но мы не пойдем с вами. Мы решили остаться здесь.

Глава 28

Наверное, это и к лучшему, подумал Лэнсинг. Путешествовать в одиночку проще и быстрее. С утра он уже прошел большое расстояние — гораздо больше, он был уверен, чем если бы те двое шли с ним. К тому же он не испытывал к ним особой симпатии. Мелисса вечно жаловалась и капризничала, Джоргенсон тоже был малоприятен.

Лэнсинг жалел о расставании с Корри. Они провели вместе несколько часов, но старик ему очень понравился. Лэнсинг отдал ему больше половины оставшихся денег и с чувством пожал руку на прощание. Принимая подарок, Корри был тро-

гательно вежлив. Он благодарил не только от своего имени, но и от имени всей колонии.

— Я распоряжусь неожиданно свалившимся сокровищем к общей пользе. Уверен, что каждый бы лично поблагодарил вас, если бы мог.

— Не придавайте деньгам такого значения. Может, мы с Мэри еще присоединимся к вам.

— Для вас всегда найдется место у огня. Но я от всей души надеюсь, что вам не придется возвращаться. Может быть, вам удастся найти выход. Должен же кто-то его найти. Я был бы рад, если бы вам повезло.

Не заговори Корри на эту тему, Лэнсинг вряд ли стал бы думать об этом. Он давно отказался от всякой надежды. Теперь он хотел одного — найти Мэри и вдвоем достойно встретить все, что бы их ни ожидало.

Лэнсинг обдумывал свое положение. Корри, он видел, более оптимистичен на словах, чем в душе, но вопрос оставался открытым: есть ли хоть какая-то надежда? Логика подсказывала, что шанс невелик, и Лэнсинг слегка презирал себя за то, что эта мысль его еще занимает. И все же глубоко в душе он обнаруживал маленький, слабый проблеск надежды.

Идти было сравнительно легко. Крутые холмы покрывал лес, но почти без подлеска. С водой никаких проблем — то и дело попадались небольшие ручьи и родники на склонах холмов.

К вечеру он добрался до бедлендов. Однако это был не тот «красочный» кошмар, что обнаружили путешественники по пути из города. Эрозия только началась, и процесс образования бедлендов остановился. Неукротимые водные потоки еще не завершили здесь свою работу — ливни прекратились и эрозия тоже. Лэнсинг обнаружил небольшие заливные луга, немногочисленные глубокие русла потоков, зародыши тех фантастических форм, что, будучи завершенными, создали бы настоящие бедленды,— казалось, скульптор отбросил резец и молот, разочаровавшись в работе или охладев к ней прежде, чем творение было завершено.

— Завтра,— вслух сказал Лэнсинг,— завтра я дойду до города.

Действительно, на следующий день, когда солнце миновало зенит, он добрался до города. Лэнсинг стоял на вершине холма и смотрел на открывшуюся панораму. Может быть, думал он, внизу его ждет Мэри. Сама мысль об этом заставила его задрожать. Лэнсинг сбежал с холма и разыскал улицу, ведущую к центру. Все вокруг выглядело так же, как и прежде: красные облупившиеся стены, разрушенные каменные блоки, загромождающие улицы, повсюду толстый слой пыли.

На площади он остановился. Слева виден полуразрушенный фасад так называемого административного здания с его единственной уцелевшей башней, а по боковой улице можно было выйти к поющим машинам.

На середине площади Лэнсинг позвал Мэри. Никакого ответа. Он крикнул еще несколько раз и умолк — эхо его голоса, вернувшееся к нему, звучало ужасно.

Он пересек площадь и поднялся по широким каменным ступеням в вестибюль административного здания — там раньше находился их лагерь. Эхо его шагов теперь оборачивалось грозным проклятьем. Лэнсинг обошел зал и нашел следы пребывания их отряда: пустые банки, коробку, забытую кем-то кружку. Следовало бы спуститься в подвал и осмотреть двери, но Лэнсингу стало страшно. «Чего я боюсь? — спрашивал себя Лэнсинг.— Боюсь найти открытой одну из дверей, ту, что ведет в яблоневый мир?» Нет, твердил он себе, нет, Мэри никогда этого не сделает. По крайней мере не теперь; может быть, потом, когда у нее не останется надежды отыскать его, вообще никакой надежды, может быть, тогда, но не теперь. К тому же не исключено, вспомнил Лэнсинг, что открыть дверь нельзя, ведь генерал спрятал гаечный ключ. Никогда больше, поклялся генерал, эта дверь не откроется.

Неподвижно и безмолвно стоя в холле, он, казалось, слышал голоса своих спутников — голоса, взывающие не к нему, а друг к другу. Он зажимал уши, но голоса все звучали.

Лэнсинг хотел было разбить лагерь там же, где и раньше, но не смог. Там слишком много голосов, слишком много воспоминаний. Тогда он вышел на середину площади и стал стаскивать туда куски дерева. Весь остаток дня он напряженно работал, сооружая костер. Затем, когда стемнело, зажег его и подкидывал дрова, чтобы пламя было высоким и ярким.

Если Мэри в городе или где-то в окрестностях, она увидит огонь.

На углях он сварил себе кофе и приготовил ужин. За едой Лэнсинг попытался разработать план действий, но все, что смог придумать, это обыскать город, если понадобится — улицу за улицей. Хотя, сказал он себе, это напрасная трата усилий. Будь Мэри в городе или где-то поблизости от него, она бы пошла на площадь, как и любой другой, кто бы ни появился в городе.

Взошла луна, и на холмах объявился Воющий — опять он изливал одиночество в вое. Лэнсинг сидел у костра, слушал, и его собственное одиночество рыдало в ответ.

— Спускайся, посиди со мной,— обратился Лэнсинг к зверю,— будем горевать вместе.

До этого момента Лэнсинг не осознавал, что может не найти Мэри. Он попытался представить себе, каково это — никогда больше не видеть ее, прожить целую жизнь без Мэри. И каково придется ей? Лэнсинг поежился, придвинулся поближе к огню, но и костер не дал желанного тепла. Он старался уснуть, но сон не шел.

На рассвете Лэнсинг приступил к поискам. Стиснув зубы, чтобы не поддаться страху, он все же осмотрел двери. Ни одну из них больше не открывали. Лэнсинг нашел и проход, что вел к машинам, и спустился к ним по лестнице. Он долго стоял там, слушая пение. Вернувшись на поверхность, принялся обыскивать улицы — наудачу, без энтузиазма, понимая, что напрасно теряет время. Но он не прекращал поиски: надо что-то делать, чтобы отвлечь и занять себя.

Так он провел четыре дня, не обнаружив ничего и никого. Тогда Лэнсинг написал Мэри записку, оставил ее, придавив кружкой, на месте их прежнего лагеря и отправился к кубу и к первой гостинице.

Сколько же времени прошло с тех пор, как он оказался в этом мире, гадал Лэнсинг. Он пробовал считать дни, но память уже подводила его, и он всякий раз сбивался со счета. Месяц, прикинул он. Неужели всего месяц? А казалось, чуть ли не половина жизни.

Лэнсинг старался обнаружить знакомые ориентиры вдоль дороги. Здесь была наша стоянка, говорил он себе, а здесь Мэри увидела лица в небе. А вот там Юргенс нашел родник.

Вот дерево, которое я пилил. Но Лэнсинг не был уверен, что все именно так и было. Все ушло в прошлое — на целый бесконечный месяц.

Наконец Лэнсинг вышел на холм, с вершины которого был виден куб. Здесь ничего не изменилось. Куб, все такой же сверкающий и классически красивый, изумил его. Не то чтобы Лэнсинг не рассчитывал его увидеть, но не слишком бы удивился, если бы тот исчез. Мир за последние дни обрел призрачность, и Лэнсинг шел сквозь него, как сквозь пустоту.

Он спустился по дороге, извивавшейся серпантином по крутому склону холма, в долину. За последним поворотом дороги Лэнсинг обнаружил, что у куба кто-то есть. Вот, пожалуйста,— знакомая четверка сидела на расчищенном им и Мэри камне на краю песчаного круга. Четверо игроков расположились кружком, занятые бесконечной картежной баталией.

Они не обратили никакого внимания на Лэнсинга, и он долго стоял рядом, наблюдая за игрой. Наконец Лэнсинг сказал:

— Я должен поблагодарить вас, джентльмены, за брошенную мне веревку.

При звуке его голоса все четверо обернулись. На Лэнсинга смотрели фарфорово-белые лица с круглыми безбровыми глазными впадинами, черными агатовыми бусинами вместо глаз, двумя прорезями вместо ноздрей и одной на месте рта. Игроки молча и равнодушно таращились на Лэнсинга, хотя ему и померещилось, что он уловил недовольство и укор на их белых гладких лицах, похожих на круглые дверные ручки с нарисованными на них рожицами.

Потом один из игроков сказал:

— Пожалуйста, отойдите. Вы загораживаете нам свет.

Лэнсинг отступил на шаг, остановился и снова отступил, пока не оказался на дороге. Четверо картежников опять были поглощены игрой.

Значит, Мэри нет в городе, подумал Лэнсинг, иначе она бы увидела костер и пришла к нему. Больше искать негде.

Уже наступила ночь, когда он добрался до гостиницы. В окнах не было света, над трубой не вился дымок. Где-то в лесу раздался одинокий крик совы.

Лэнсинг подошел к двери и подергал ручку. Она не поддалась; все заперто. Лэнсинг постучал в дверь и прислушался, не раздастся ли в доме звук шагов. Ничего не услышав, он стал молотить в дверь кулаками. Неожиданно дверь отворилась, и Лэнсинг, размахнувшийся для очередного удара, влетел внутрь. На пороге стоял хозяин гостиницы, держа в руке огарок свечи. Он поднял свечу так, чтобы свет упал на лицо Лэнсинга.

— Это вы,— произнес хозяин угрожающе.— Что вам нужно?

— Я ищу женщину, Мэри. Вы помните ее?

— Ее здесь нет.

— Но она приходила? Приходила и ушла?

— Я не видел ее с того времени, как вы ушли.

Лэнсинг отстранил хозяина, прошел к стоящему у погасшего очага столу и рухнул в кресло. Силы покинули его. Он вдруг почувствовал себя слабым и бесполезным. Это конец. Больше идти некуда.

Хозяин закрыл дверь и тоже подошел к столу, поставив свечу.

— Вы не можете здесь оставаться. Я уезжаю. Гостиница закрыта на зиму.

— Хорошие манеры изменили вам, и вы пренебрегаете гостеприимством. Я остаюсь здесь на ночь, и вы уж, пожалуйста, найдите для меня какую-нибудь еду.

— Постели для вас не найдется. Все убрано. Если желаете, можете спать на полу.

— С удовольствием. А как насчет еды?

— У меня есть котелок супа. Могу налить вам тарелку. Есть также остатки бараньей ноги. Думаю, что смогу найти краюшку хлеба.

— Замечательно!

— Но утром вам придется уйти.

— Да, конечно,— ответил Лэнсинг, слишком усталый, чтобы препираться.

Сидя в кресле, он наблюдал за тем, как хозяин проковылял на кухню. Ужин, думал Лэнсинг, ночевка на полу, и утром нужно уходить. Куда он пойдет? По дороге мимо куба, в город — искать Мэри, хотя надежда найти ее делалась все призрачней. Очень может быть, что в конце концов он присоединится к обитателям лагеря возле реки — к потерянным душам,

ведущим борьбу за скудное существование. Не слишком радостная перспектива, и не хотелось думать о ней, но похоже, другого выхода ему не останется. А если он все-таки найдет Мэри, что тогда? Не придется ли им обоим искать убежища в лагере? Лэнсинг поежился от этой мысли.

Хозяин принес еду, поставил ее перед Лэнсингом и повернулся, чтобы уйти.

— Одну минуту,— остановил его Лэнсинг.— Прежде чем я покину гостиницу, мне нужно купить у вас припасы.

— Продовольствия — сколько угодно,— ответил трактирщик,— а все остальные товары уже убраны.

— Годится, как раз продовольствие мне и нужно.

Суп был вкусным, и хотя хлеб, испеченный несколько дней назад, зачерствел, Лэнсинг, макая его в суп, съел все до последней крошки. Он никогда не любил баранину, особенно холодную, но выбирать не приходилось. Лэнсинг отрезал себе несколько внушительных кусков.

Промаявшись на жестком полу, на следующее утро он получил на завтрак овсянку. Поторговавшись насчет цены, Лэнсинг приобрел некоторый запас продовольствия и отправился в путь.

Погода, теплая и солнечная с момента прибытия Лэнсинга в этот мир, переменилась: небо затянули облака, порывами дул холодный северо-западный ветер, иногда налетали заряды снежной крупы, жалившие лицо.

Спустившись с крутого холма в долину, окружающую тускло-серый под облачным небом куб, Лэнсинг обнаружил, что картежников там нет. Он достиг подножия холма и стал пересекать ровное пространство, отделявшее его от куба, наклонив голову, чтобы защитить лицо от ветра. Услышав крик, Лэнсинг резко поднял голову — и увидел ее, бегущую по дороге.

— Мэри! — закричал Лэнсинг, бросаясь навстречу.

Через секунду она была в его объятиях, приникнув к нему всем телом. Слезы заливали ее лицо.

— Я нашла твою записку. Я спешила изо всех сил!

— Слава богу, ты здесь! Слава богу, ты нашлась!

— Хозяйка гостиницы передала мою записку?

— Она сказала, что записка была, но не смогла ее найти. Мы вместе искали, перерыли всю гостиницу, и все напрасно.

— Я написала, что иду в город и там встречу тебя. А потом я заблудилась в бедлендах. Я отклонилась от дороги, бродила там несколько дней, не зная, где нахожусь. А потом поднялась на холм и увидела город.

— Я начал искать тебя сразу после возвращения к поющей башне. Я нашел мертвую Сандру и...

— Она была уже мертва, когда я ушла. Я бы осталась, но появился Воющий. Он подходил все ближе и ближе, и я испугалась. Боже, как мне было страшно! Я решила искать убежища в гостинице. Воющий шел за мной по пятам. Я знала, что ты будешь искать меня в гостинице, но хозяйка выгнала меня. У меня ведь не было денег, и она не разрешила мне остаться. Я написала тебе записку и ушла. Воющий не появился, и все было хорошо, но тут я заблудилась.

— Теперь все в порядке,— сказал Лэнсинг, целуя ее.— Мы нашли друг друга. Мы вместе!

— А где Юргенс? Он с тобой?

— Он погиб. Он упал в Хаос.

— Хаос? Эдвард, чем же оказался Хаос?

— Я потом расскажу тебе. У нас будет много времени. Джоргенсон и Мелисса вернулись с запада, но потом решили остаться в лагере.

Мэри отступила от него на шаг.

— Эдвард...— сказала она.

— Да, моя дорогая?

— Мне кажется, я знаю ответ. Куб... Ответ был здесь.

— Куб?

— Я только недавно сообразила. Меня просто осенило. Я даже не особенно задумывалась, как вдруг ответ пришел.

— Ответ? Ради бога, Мэри!..

— Конечно, я не уверена, но мне кажется, я права. Помнишь те плоские камни, что мы нашли,— три камня, уходящих в песок? Нам еще пришлось их расчищать, те, что были засыпаны песком?

— Да, помню. Вчера на одном из них сидели картежники.

— Картежники? Но какое отношение они...

— Сейчас это не имеет значения. Что ты хотела сказать о камнях?

— А что, если это не единственные камни? Может быть, плиты образуют дорожку, ведущую к кубу. Точнее, три до-

рожки. Не могли ли они быть помещены туда, чтобы желающий мог безопасно добраться до куба? Расчет был на то, что песок скроет дорожки, их не будет видно.

— Ты хочешь сказать...

— Давай посмотрим,— предложила Мэри.— Можно срезать деревце или куст и использовать его в качестве метлы.

— Я займусь этим,— ответил Лэнсинг.— Тебе лучше оставаться на безопасном расстоянии.

— Хорошо,— кротко согласилась Мэри.— Но я буду рядом.

Они нашли подходящий куст и срезали его. Возвращаясь к песчаной полосе, окружающей куб, Мэри заметила:

— Столб с надписью, с той предупредительной надписью по-русски, упал. Ты ведь вбил его, а теперь он почти совсем засыпан песком.

— Кому-то очень хочется,— ответил Лэнсинг,— чтобы людям приходилось туго. Записки теряются, предупредительные надписи заносит песком, дорожки оказываются скрыты. С какого камня начнем?

— По-моему, это не имеет значения. Не выйдет с одним, возьмемся за другой.

— В том случае, если обнаружатся еще камни и дорожка. А что мы будем делать, когда доберемся до куба?

— Не знаю.

Лэнсинг осторожно подошел к концу каменной плиты и стал разметать песок. Под его импровизированной метлой показался следующий камень. Лэнсинг очистил и его.

— Ты права. Есть следующий камень. Почему раньше нам это не пришло в голову?

— Пробелы в рассуждениях, вызванные мрачными предчувствиями. Юргенс оказался изувечен, и нас напугало происшествие с генералом и пастором.

— Я до сих пор напуган.

Расчистив конец второй плиты, Лэнсинг перебрался на нее и смел песок с остальной ее части. Наклонившись вперед, он принялся разгребать песок в направлении, указанном двумя обнажившимися камнями. Появилась еще одна плита.

— Мощеная дорожка,— сказала Мэри.— Прямо к кубу.

— Что все-таки произойдет, когда мы туда доберемся?

— Тогда и узнаем.

— А если ничего не произойдет?

— Ну, по крайней мере, мы сделаем все, что от нас зависит.

— Правильно. Должен быть еще один камень,— сказал Лэнсинг, гадая, обнаружится ли впереди эта последняя плита. Было бы как раз в духе местных шутников проложить дорожку с недостающим последним звеном. Он продолжал мести. Из песка показалась последняя плита.

Мэри подошла ближе и встала рядом. Лэнсинг протянул руку и приложил ладонь к стене куба.

— Ничего нет. Я надеялся, что здесь может оказаться дверь. Ничего. Была бы дверь — или хотя бы шов. Здесь просто стена, и ничего больше.

— Нажми на нее,— предложила Мэри.

Лэнсинг нажал, и перед ними открылась дверь. Мэри и Лэнсинг быстро вошли; створка с шипением встала на место.

Глава 29

Они оказались в огромной комнате, залитой голубым светом. На стенах висели занавеси, а между ними окна — те части стен куба, что были без штор. Всюду стояла разнообразная мебель, а у двери в корзинке с мягкой обивкой, свернувшись калачиком, спал какой-то зверек. Он напоминал кошку.

— Эдвард,— произнесла Мэри, задыхаясь,— эти окна выходят на ту сторону, с которой мы пришли. Изнутри могли следить за нами — и теперь, и раньше.

— Одностороннее стекло,— ответил Лэнсинг.— Гость не видит ничего, но сам виден из комнаты.

— Это не стекло.

— Конечно, но принцип тот же.

— Они сидели здесь и смеялись над нами, пока мы пытались проникнуть внутрь.

Сначала комната показалась Мэри и Лэнсингу пустой. Потом Лэнсинг увидел их. На скамье в дальнем конце комнаты рядком сидели четверо картежников, сидели и ждали, обратив к пришедшим мертвенно-белые, похожие на черепа лица.

Лэнсинг сжал руку Мэри и показал на картежников. Мэри отшатнулась и прижалась к Лэнсингу.

— Они отвратительны. Неужели нам никуда не деться от них?

— Что-то они регулярно появляются в нашем поле зрения.

Лэнсинг обратил внимание, что занавеси были необычными. Они двигались — точнее, в движении были изображенные на них сцены. На солнце блестел ручей, и мелкие волны и водовороты, отмечавшие его путь по каменистому ложу, были настоящие, живые волны и водовороты, а не их искусное изображение. Ветерок шевелил ветви деревьев на берегу ручья; среди ветвей порхали птицы. Кролик, жевавший кустик клевера, прыгнул и принялся за другой кустик.

На другой занавеси девушки, закутанные в прозрачные покрывала, радостно танцевали на лесной поляне под звуки свирели пляшущего фавна. Тот высоко, но неуклюже прыгал, ударяя копытами по земле. Деревья, окружавшие поляну, огромные сказочные деревья качались в такт музыке, танцуя под звуки свирели.

— А почему бы нам не пересечь комнату и не узнать, чего они от нас хотят? — сказала Мэри.

— Если только они захотят с нами разговаривать.

Мэри и Лэнсинг двинулись через комнату. Трудно оказалось преодолеть этот долгий путь под бесстрастными взглядами картежников. Если они и были людьми, то не умеющими улыбаться, не человечными людьми. Они неподвижно сидели в ряд, сложив руки на коленях, ничем не выдавая, что замечают хоть что-нибудь. Они были совершенно одинаковыми — четыре горошины в стручке, и трудно было представить, что это четыре отдельные личности, а не нечто единое. Лэнсинг не знал, как их зовут. Он никогда не слышал их имен. Интересно, а есть ли у них имена, подумал Лэнсинг. Чтобы различать их, он мысленно снабдил их ярлычками — слева направо: A, B, C и D.

Мэри и Лэнсинг решительно преодолели расстояние, отделявшее их от картежников, и остановились от них футах в шести. Стояли и ждали, а картежникам, похоже, было вообще невдомек, что они здесь.

«Будь я проклят, если заговорю первым,— подумал Лэнсинг.— Буду стоять тут, пока они не заговорят сами. Я заставлю их говорить».

В конце концов молчание нарушил картежник A. Еле шевеля прорезью, служившей ему ртом, он словно бы с усилием выдавливал из себя слова.

— Ну,— произнес он,— вы решили задачу.

— Вы удивляете нас,— ответила Мэри.— Мы и не подозревали, что задача решена.

— Мы могли бы прийти к решению скорее,— вступил в разговор Лэнсинг,— если бы знали, в чем состоит задача. Или хотя бы, что она существует. Теперь, раз вы говорите, что задача решена, что дальше? Мы вернемся домой?

— Никто никогда не решает ее с первой попытки,— сказал В.— Всегда приходится возвращаться.

— Вы не ответили на мой вопрос,— настаивал Лэнсинг.— Что дальше? Вы вернете нас домой?

— О боже мой! Нет! — ответил D.— Нет, вы не возвратитесь домой. Мы не можем вас отпустить.

— Вы должны понять,— вступил в разговор С,— что удается отобрать очень немногих. Редко в группе попадается один, почти никогда — двое, как в вашем случае. Чаще всего — никого.

— Они разбредаются во все стороны,— снова заговорил А,— обращаются в бегство, ищут убежища за дверью в яблоневый сад, или прибегают к помощи переместителя, или...

— Переместителем, как я понимаю, вы называете поющие машины? — спросила Мэри.

— Да, так мы их называем,— ответил В.— Может быть, вы могли бы придумать лучшее название.

— И пытаться не буду,— отрезала Мэри.

— И есть еще Хаос,— сказал Лэнсинг.— Должно быть, там гибнут многие. И все же вы бросили мне веревку...

— Мы бросили вам веревку,— объяснил А,— потому что вы пытались спасти робота. Рискуя собственной жизнью, без колебания вы пытались спасти робота.

— Полагаю, он того заслуживал. Он был моим другом.

— Может быть, и заслуживал,— сказал А,— но он принял неверное решение. Здесь не место для тех, кто принимает неверные решения.

— Не знаю, о чем вы, черт возьми,— гневно ответил Лэнсинг.— И мне не нравится, что вы тут выносите приговоры. Да и вообще вы, четверо, мне не особенно нравитесь.

— Вы можете сколько угодно испытывать к нам неприязнь,— вмешался D,— но нельзя позволить мелкому препи-

рательству отвлечь нас от необходимости говорить друг с другом.

— И вот еще что,— сказал Лэнсинг.— Если разговор имеет шанс затянуться, мы не собираемся стоять перед вами, как просители перед троном. Вы по крайней мере могли бы иметь совесть и предложить нам сесть.

— Конечно, за чем же дело стало,— ответил А.— Берите стулья и располагайтесь поудобнее.

Лэнсинг взял два стула и поставил их перед картежниками. Они с Мэри уселись.

Животное, спавшее в корзинке у двери, с сопением приблизилось к ним. Оно любовно потерлось о ноги Мэри и улеглось рядышком, ласково глядя на нее снизу вверх.

— Это, случайно, не Вынюхивающий? — спросила Мэри.— Он имел привычку бродить вокруг нашего лагеря, но мы так и не увидели его.

— Это ваш личный Вынюхивающий,— ответил С.— Их несколько, а этот закреплен за вашей группой.

— Он наблюдал за нами?

— Да, наблюдал за вами.

— И докладывал?

— Конечно.

— Вы все время за нами наблюдали,— сказал Лэнсинг.— Вам известно все, что мы делали. Будто читали в открытой книге. Может, вы наконец объясните нам, чего ради все это?

— Охотно,— ответил А.— Вы заслужили право знать. Тем, что вы пришли сюда, вы заработали это право.

— Если вы готовы слушать,— заговорил В,— мы готовы все объяснить.

— Мы слушаем,— сказала Мэри.

— Вы знаете, конечно,— начал А,— о множественности миров. Миров, разветвляющихся в кризисных точках, чтобы потом разделиться опять. Как я понимаю, вам известно, что такое эволюционный процесс.

— Мы знаем об эволюции,— ответила Мэри,— о системе отбора наиболее приспособленных.

— Совершенно верно. Если вы подумаете хорошенько, то поймете, что разделение альтернативных миров — тоже эволюционный процесс.

— Вы хотите сказать, что происходит отбор лучших миров? А не возникает ли у вас затруднений с тем, чтобы определить, какой мир лучший?

— Конечно возникают. В этом-то как раз и заключается причина того, почему вы здесь. Так же как и многие другие. Эволюция не происходит сама по себе. Ее действие основывается на развитии доминирующей формы жизни. Во многих случаях факторы выживания, обеспечивающие доминирование, дефектны. Все они имеют недостатки, а многие несут в себе семена собственного разрушения.

— Это правда,— сказал Лэнсинг.— В моем мире созданы механизмы, способные, если мы того захотим или по причине несчастного случая, уничтожить нашу расу.

— Человеческая раса с ее интеллектом,— сказал В,— слишком ценная форма жизни, чтобы позволить ей растратить себя — совершить самоубийство. Несомненно, что когда — и если — разумная раса угасает, на смену ей приходит другая форма жизни с более сильным фактором выживания. Каков окажется этот фактор, трудно предугадать. Совсем не обязательно, что он будет в чем-то превосходить разум. Беда человеческой расы в том, что она никогда не давала имеющемуся в ее распоряжении интеллекту развиться в полной мере.

— Вы полагаете, что у вас есть средство осуществить полное развитие? — спросила Мэри.

— По крайней мере, мы надеемся на это,— ответил D.

— Вы же видели тот мир, в который попали,— сказал А.— Вы имели возможность оценить некоторые из его достижений, понять, в каком направлении развивалась его технология.

— Да, конечно,— ответил Лэнсинг.— Двери, открывающиеся в другие миры. Это лучшее решение проблемы, чем то, которое было найдено в моем мире, мечтающем о межзвездных кораблях. Еще неизвестно, удастся ли реализовать эту мечту. Хотя, если вспомнить, в мире Юргенса Земля опустела после того, как люди отправились к звездам.

— Вы уверены, что они туда добрались? — спросил С.

— Так говорил Юргенс,— ответил Лэнсинг,— но, разумеется, я не могу быть в этом уверен.

— Далее. Существует нечто, что вы называете переместителем,— сказала Мэри.— Это другой способ путешествовать — путешествовать и учиться. Мне кажется, с его помощью мож-

но изучить всю Вселенную, почерпнуть идеи и представления, до которых человечество могло не додуматься. Эдвард и я прикоснулись только к краешку. Генерал кинулся очертя голову и погиб. Что с ним произошло?

— Этого мы не знаем,— ответил А.— Если неумело пользоваться переместителем, последствия могут быть фатальными.

— Тем не менее вы, бесчувственно и безответственно, оставляете вход открытым,— обвиняюще произнес Лэнсинг,— и не препятствуете ничего не подозревающим посетителям попадать в ловушку.

— Тут вы попали в точку,— сказал D.— Неосторожные исключаются из дальнейшего рассмотрения. В нашем плане нет места для глупцов.

— Поэтому вы избавились и от Сандры у поющей башни, и от Юргенса в Хаосе?

— Я чувствую враждебность с вашей стороны,— сказал D.

— В этом, черт бы вас побрал, вы правы. Я испытываю к вам враждебность. Вы «исключили из рассмотрения» четверых из нас.

— Вам еще повезло,— сказал А.— Чаще всего погибает весь отряд. Но мы не прикладываем к этому руку. К гибели их приводят собственные пороки.

— А люди из лагеря? Те, кто живет неподалеку от поющей башни?

— Они неудачники. Они сдались, и их движение закончилось. Вы двое не сдались. Вот почему вы здесь.

— Мы здесь потому, что Мэри всегда считала: ответ заключен в кубе.

— И благодаря ее убежденности вы смогли разгадать загадку,— сказал А.

— Верно,— согласился Лэнсинг.— Но если это так, почему я здесь? Потому, что не отстал от Мэри?

— Вы здесь потому, что принимали правильные решения.

— Но у Хаоса я принял неправильное решение.

— Мы так не считаем,— возразил С.— Способность выжить, как бы она ни была важна, не всегда является правильным решением. Иногда следует пренебречь выживанием.

Вынюхивающий, прижавшись к ногам Мэри, крепко спал.

— Вы выносите моральные оценки,— гневно сказал Лэнсинг,— вы, великие мастера по принятию решений. И с какой

уверенностью! Скажите мне, кто вы такие? Последние представители цивилизации, существовавшей в этом мире?

— Нет, мы ими не являемся,— ответил А.— Нельзя даже сказать, что мы принадлежим к человеческой расе. Наша родная планета находится на другом краю Галактики.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Не уверен, что смогу объяснить так, чтобы вы поняли. В вашем языке не существует слова, вполне точно выражающего нашу роль здесь. За неимением лучшего можете считать нас социальными работниками.

— Социальные работники! — воскликнул Лэнсинг.— Господи ты боже мой! Вот до чего дошло! Человеческая раса нуждается в социальных работниках! Мы на таком низком уровне развития, что место нам в галактическом гетто под присмотром социальных работников!

— Я же сказал вам, что термин неточен,— возразил А.— Но подумайте вот о чем: в Галактике очень немного форм жизни с таким интеллектуальным потенциалом, как у вас, людей. Тем не менее, если меры не будут приняты, вам грозит самоуничтожение. Всем вам. Даже такой великой цивилизации, как та, что существовала когда-то в этом мире. Ее погубило безрассудство — экономическое безрассудство, политическое безрассудство. Вам, Лэнсинг, известно, что одно нажатие кнопки может уничтожить ваш мир. Вы, мисс Оуэн, жили в обществе, которое тоже идет к катастрофе. В один прекрасный день империи падут, и понадобятся тысячелетия, чтобы из обломков поднялась новая цивилизация, если это вообще когда-нибудь случится. И даже если случится, ею может оказаться цивилизация хуже той, что вы знали. Во всех альтернативных мирах неприятности, в той или иной форме, неизбежны. Человеческая раса плохо начала и не исправилась. Она была обречена с самого начала. Лекарство, как нам представляется, в том, чтобы собрать в одном месте лучших представителей разных альтернативных миров и использовать их, чтобы раса могла начать сначала — чтобы она получила шанс на новую попытку.

— Собрать, говорите вы...— сказал Лэнсинг.— Не очень-то это похоже на добровольный сбор. Вы выхватываете нас из наших миров. Вы подавляете нас. Вы переносите нас сюда, ничего не объяснив, отпускаете на все четыре стороны, предо-

ставив нас самим себе на этом вашем чертовом испытательном полигоне. И смотрите, что у нас получится, наблюдаете, а потом выносите приговор.

— А вы согласились бы, если бы мы вас пригласили? Вы вызвались бы добровольцами?

— Нет, не согласился бы,— ответил Лэнсинг.— Думаю, что и Мэри не согласилась бы.

— Во всех многочисленных мирах,— сказал В,— мы имеем агентов и вербовщиков. Мы тщательно отбираем тех, кто нам нужен,— людей, которые, как нам кажется, могут пройти испытания. Мы не берем кого попало. Мы очень разборчивы. За многие годы набралось всего несколько тысяч человек, которые успешно прошли тестирование, тех, кого мы считаем подходящими строителями общества, достойного человечества. Мы считали бы большой потерей для Галактики исчезновение той формы жизни, которую вы представляете. Со временем, в сотрудничестве с другими разумными мирами, вы примете участие в создании галактической цивилизации — общества, которое сейчас невозможно представить. Мы считаем, что разум венчает собой слепую эволюцию, что ничего лучшего не может возникнуть. Но если разум не выдержит собственного веса, как это происходит не только здесь, но и в других мирах, эволюция выберет другой фактор выживания и само представление о разумности может быть утрачено навеки.

— Эдвард,— сказала Мэри,— в том, что они говорят и делают, может быть резон.

— Весьма возможно,— откликнулся Лэнсинг,— но мне не нравится, как они это делают.

— Может быть, это единственный путь. Они правы, добровольно никто не согласится. А те немногие, кто мог согласиться, вряд ли самые подходящие.

— Я рад, что вы приближаетесь к пониманию нашей точки зрения,— сказал А.

— Что же еще нам остается? — хмуро ответил Лэнсинг.

— Не так уж много. Конечно, при желании вы можете свободно выйти из той двери, в которую вошли, и остаться здесь.

— Этого мне не хотелось бы,— ответил Лэнсинг, думая о лагере в речной долине, где им пришлось бы поселиться.— А как насчет нашего собственного...

Он оборвал себя на полуслове. Если они вернутся в собственные миры, предстоит расставание с Мэри. Лэнсинг взял ее руку и крепко сжал в своей.

— Вы хотели спросить, не можете ли вы вернуться в свои собственные миры,— произнес D.— К сожалению, это невозможно.

— Не так уж важно, куда мы отправимся,— сказала Мэри,— если мы отправимся туда вместе.

— Ну что ж, тогда все в порядке,— сказал А.— Мы очень рады, что вы остаетесь с нами. Как только будете готовы, пройдите в дверь слева в углу. Она ведет не в тот мир, что за стеной, а совсем в другой — новенький, с иголочки.

— Еще один альтернативный мир? — спросила Мэри.

— Нет. Вы попадете на планету, очень похожую на Землю. Она далеко отсюда. Глядя на небо ночью, вы будете видеть незнакомые созвездия. Как мы говорили, вторая попытка на другой планете. Там всего один город — даже не город, а университетский городок. Вы будете преподавать то, что хорошо знаете, и учиться всему тому, чего не знаете. О некоторых предметах вы не имеете ни малейшего представления. Это будет длиться много лет — возможно, всю вашу жизнь. Лет через сто группа людей с высочайшей интеллектуальной и образовательной подготовкой, имеющая в своем распоряжении оборудование, более совершенное, чем то, что когда-либо существовало на Земле, эти люди заложат основы будущего мирового сообщества. Еще не все готово. Многому еще нужно научиться, многое вобрать в себя, многие точки зрения рассмотреть, прежде чем это станет возможным. В период подготовки у вас не будет материальных проблем, хотя со временем новому обществу предстоит создать собственную экономическую систему. Однако в настоящее время вы будете всем обеспечены. Все, чего мы ждем от вас,— учиться и дать себе возможность в полной мере развить собственный потенциал.

— Другими словами,— сказал Лэнсинг,— мы будем на вашем попечении.

— Вам это не нравится? — спросил А.

— Думаю, ему действительно не нравится,— ответила за Лэнсинга Мэри,— но со временем это пройдет. Со временем.

Лэнсинг встал со стула. Мэри тоже поднялась.

— В какую дверь, вы сказали? — спросила Мэри.

— Вон туда,— показал А.

— Прежде чем мы отправимся, еще один вопрос,— сказал Лэнсинг.— Скажите мне, пожалуйста, что такое Хаос?

— В вашем мире,— начал D,— существует Великая Китайская стена.

— Да, и думаю, не только в моем, но и в мире Мэри.

— Хаос — это изощренная Китайская стена. Совершенно бессмысленная вещь. Последнее и величайшее безрассудство, совершенное бывшими обитателями этого мира. Оно внесло свою лепту в окончательное падение здешней цивилизации. Это слишком долгая история, чтобы рассказывать ее в подробностях.

— Ясно,— сказал Лэнсинг, поворачиваясь к двери.

— Не поймете ли вы нас превратно,— проговорил А,— если я скажу, что мы благословляем вас?

— Вовсе нет,— ответила Мэри.— Мы благодарны вам за доброту и за возможность второй попытки.

Мэри и Лэнсинг подошли к двери, но, прежде чем переступить порог, обернулись. Четверо по-прежнему сидели на скамье, с белыми, слепыми, похожими на черепа лицами, обращенными к людям.

Затем Лэнсинг открыл дверь, и они вышли.

Они стояли на лужайке. Вдали были видны башни и шпили университета. Они услышали вечерний колокольный звон.

Взявшись за руки, Мэри и Лэнсинг пошли вперед.

МАГИСТРАЛЬ ВЕЧНОСТИ

НЬЮ-ЙОРК

Телеграмма настигла Буна в Сингапуре:

«Нужен умеющий ступить за угол. Коркоран».

Получив телеграмму, Бун улетел первым же самолетом.

Личный шофер Коркорана ждал его у таможенного контроля в аэропорту Кеннеди. Шофер подхватил сумку Буна и подвел его к лимузину.

С утра шел дождь, но сейчас перестал. Бун откинулся поудобнее на подушки богато обитого сиденья, лениво наблюдая за жизнью, проплывающей за окном. «Как же давно,— задал он себе вопрос,— я не бывал в Манхэттене? Лет десять, если не больше...»

К тому моменту, когда они добрались до жилища Коркорана, дождь припустил снова. Шофер, не расставаясь с сумкой Буна, раскрыл над ним зонт, отомкнул лифт-экспресс своим ключом и нажал единственную кнопку — на самый верх, в пентхаус; Коркоран ждал гостя в библиотеке и, дождавшись, поднялся с кресла в углу. Ступая по толстому ковру, он пересек всю комнату с радушно протянутой рукой и с улыбкой облегчения на лице.

— Спасибо, что откликнулся, Том. Долетел хорошо?

— Сносно,— ответил Бун.— На последнем участке спал без просыпу.

— Да, помню, ты же всегда умел спать в самолете. Какие напитки ты нынче предпочитаешь?

— Шотландское виски с каплей содовой.— Бун утонул в указанном ему кресле и молчал, пока бокал не оказался у него в ладонях. Потом сделал неспешный долгий глоток и обвел комнату взглядом, оценивая обстановку.— Похоже, дела у тебя идут неплохо, Джей.

— Даже хорошо. У меня состоятельные клиенты, которые платят за то, что я для них добываю. И агенты по всему земному шару. Какой-нибудь дипломатишка чихнет где-нибудь в Боготе — я буду в курсе через несколько часов. А что ты делал в Сингапуре?

— Да ничего особенного. Просто передышка между заданиями. Нынче я могу позволить себе выбирать, за что взяться. Не то что в прежние времена, когда мы с тобой были накоротке.

— Слушай, сколько лет назад это было? — спросил Коркоран.— Я имею в виду, когда мы встретились впервые?

— Должно быть, лет пятнадцать назад, а может, и шестнадцать. Во время той заварушки на Ближнем Востоке. Ты прибыл вместе с танками.

— Точно. Только мы опоздали. Бойня уже состоялась. Кругом одни груды трупов.— Коркоран поморщился: воспоминание было не из приятных.— И вдруг, неизвестно как, ты преспокойненько появляешься среди мертвецов. На тебе еще была эта твоя куртка с бесчисленными карманами — для блокнотов, диктофона, кассет, камеры и пленок. Столько всякого барахла, что ты казался туго набитым мешком. И заявил не моргнув глазом, что всего-навсего ступил за угол.

Бун ответил кивком.

— От смерти меня отделяло полсекунды. Вот я и ступил за угол. А когда вернулся, там уже был ты. Но не проси меня ничего объяснять. Не мог объяснить тогда, не могу и сейчас. Единственно возможное объяснение — что я не вполне нормален — мне не по нутру.

— Лучше сказать, мутант. А ты пробовал это повторить?

— Сознательно — никогда. Но это случалось со мной еще дважды — в Китае и в Южной Африке. Когда это происходило, все казалось мне совершенно естественным, как нечто доступное каждому. Поговорим лучше о тебе.

— Ты слышал, что со мной стряслось?

— Кое-что слышал,— ответил Бун.— Ты был шпионом ЦРУ и все такое прочее. Тебя заманили в ловушку, но ты умудрился дать о себе знать, и за тобой послали истребитель. Была дьявольски рискованная посадка, прямо как в скверном боевике. Самолет подбили, точнее — превратили в решето, и все-таки он как-то дотянул до дома...

— Все верно,— подтвердил Коркоран.— Дотянул, но сесть уже не сумел. Мне размозжило затылок, и я был, считай, неотличим от трупа. Однако располагал настолько важными сведениями, что хирургам пришлось творить чудеса, лишь бы спасти мне жизнь. Когда мне латали голову, прибегли к каким-то небывалым, диковинным методам. И то ли перепутали у меня в мозгу проводочки, то ли закоротили. В общем, теперь я по временам вижу все иначе — вижу такое, что другие видеть не могут или не умеют. Да и думаю как-то причудливо. Вопреки всякой житейской логике связываю между собой совершенно разные фактики, клочки информации — если это дедукция, то какая-то заковыристая. Я с полной уверенностью знаю вещи, до которых не мог бы докопаться никаким логическим путем. И научился пользоваться этим не без выгоды для себя.

— Превосходно. А имеет это отношение к тому, что ты вызвал меня сюда из Сингапура?

Коркоран задумался, откинувшись в кресле и прихлебывая смесь, какую намешал для себя сам. В конце концов он кивнул утвердительно.

— Вызов имеет отношение к одному из моих клиентов. Этот тип обратился ко мне впервые лет шесть назад. Представился Эндрю Мартином. Может, и не соврал...

Мартин появился нежданно-негаданно и без рекомендаций. Держался отчужденно и холодно, руки не подал. Отвечать на какие бы то ни было вопросы отказался наотрез. Но когда Коркоран был уже готов вежливо указать ему на дверь, он залез в нагрудный карман, вытащил конверт и бросил на стол. В конверте оказалась сотня тысячедолларовых банкнотов. «Это задаток,— сообщил Мартин.— За любую выполненную для меня работу плачу вдвое против ваших обычных расценок...»

А хотел он лишь самую малость: чтобы для него собирали слухи по всему миру. Не обычную политическую ерунду, а слухи странные, из ряда вон выходящие, казалось бы, совершенно бессмысленные. При этом он не оставил ни адреса, ни телефона для связи, а взял за обыкновение звонить ежедневно сам и сообщать, где его найти,— каждый раз в каком-нибудь новом месте.

Слухов, которые привлекали его внимание, было немного, но уж если его что-то заинтересовало, он платил щедро, обыч-

но больше чем вдвое, и всегда тысячедолларовыми купюрами. Так продолжалось долгие годы.

Разумеется, Коркоран попытался навести о нем справки. Только выяснить удалось немногое. Казалось, у Мартина нет вообще никакого прошлого и никакой определенной профессии. Правда, у него была вполне респектабельная контора с приходящей секретаршей, однако чем занимается босс, не ведала и она. Деловых отношений он вроде бы не поддерживал ни с кем.

Мартин снимал угловые апартаменты в отеле «Эверест», но жить там, по-видимому, и не думал. Когда агенту Коркорана удалось в конце концов проникнуть в комнаты, там не оказалось ни одежды, ни каких-либо признаков чьего-либо проживания. Время от времени Мартин встречался с женщиной по имени Стелла, по-своему не менее таинственной, чем ее дружок.

И вот однажды, месяца три назад, и Мартин и Стелла внезапно исчезли, как в воду канули...

Бун резко выпрямился в кресле:

— Что-что?

— А вот то!.. По крайней мере, похоже, что исчезли. Как только мы с ним расстались в последний раз, он кому-то позвонил. Вскоре мой агент в «Эвересте» заметил, что Стелла собралась на улицу, и последовал за ней. Они с Мартином вошли в старый пакгауз в районе доков. Вошли и не вышли. И никто их больше не видел.

Бун приложился к своему виски и, выждав паузу, решил подстегнуть Коркорана:

— А что это был за последний слух, который ты ему передал?

— Слух из Лондона. Что-то вроде того, что какой-то тип буквально с ног сбивается, чтобы найти местечко под названием Гопкинс-Акр.

— Звучит как будто вполне невинно.

— Как будто так. Только одна странность. В Британии нынче нет места под таким названием. А четыре или пять столетий назад было. В графстве Шропшир*. Я проверял.

* Ныне это графство, расположенное на западе Англии и граничащее с Уэльсом, носит название Сэлоп.

В 1615 году, пока владельцы прохлаждались где-то в Европе, поместье словно корова языком слизнула. Еще вчера стояло, а сегодня испарилось без следа. Все поместье целиком — и угодья, и сам ландшафт — вместе с теми, кто возделывал землю и прислуживал по хозяйству. Испарился и дом — там, где он был, не осталось даже ямки.

— Так не бывает,— откликнулся Бун.— Бабушкины сказки...

— Не сказки, а истина,— заявил Коркоран.— Удалось установить с полной достоверностью, что поместье действительно существовало, но испарилось.

— И только-то? — спросил Бун, качая головой.— Но я по-прежнему не понимаю, чего ради ты решил послать за мной. Я не специалист по поискам пропавших без вести и тем более по поместьям, испарившимся четыре века назад.

— Сейчас все поймешь. У меня хватало других дел, Мартин исчез, и я постарался выкинуть его из головы. Но недели две назад я узнал из газет, что «Эверест» собираются взорвать...

Коркоран вопросительно поднял брови, и Бун кивнул: он был знаком с технологией разрушения зданий, предназначенных к сносу, с помощью взрывных зарядов направленного действия. Если правильно разместить заряды вокруг здания, оно просто осядет, распадется по кирпичику, останется лишь расчистить участок экскаваторами и бульдозерами.

— Эта новость напомнила мне о Мартине,— продолжал Коркоран со вздохом.— Я подъехал к отелю, просто чтобы взглянуть на здание в последний раз. До того я полностью перепоручил все, что с ним связано, своим агентам, и это была моя ошибка. Ты не забыл мои слова, что я теперь вижу все иначе?

— Ты заметил что-то особенное? Что-то такое, что твои агенты прошляпили?

— Нечто, чего они никак не могли увидеть. Могу только я, и то если смотрю под строго определенным углом. Я — как бы сказать поточнее — не умею ступить за угол, но иногда я, кажется, вижу то, что за углом. Может, зрение работает в более широком спектре, а может, со сдвигом во времени. Как по-твоему, Том, мыслимо ли, чтобы человек оказался способен ступить на миг в прошлое или в будущее, хотя бы заглянуть в этот миг?

— Понятия не имею. Никогда не задавался таким вопросом.

— Нет так нет. Понимаешь, на стене отеля, возле апартаментов Мартина, висит как бы закрытая лоджия, наподобие тех, какие лепятся к стенам жилых домов. Только нормальное зрение ее не воспринимает: лоджия как бы наполовину в этом мире, наполовину вне его. И раз Мартин не жил у себя в комнатах, то я уверен, что он жил в этой лоджии или, точнее, в этой коробке.

Бун поднял свой бокал и, осушив до дна, аккуратно поставил на стол.

— И ты хочешь, чтоб я ступил за угол и проник в эту коробку? — Коркоран кивнул.— Не знаю, могу ли я тебе помочь. Я никогда не пользовался этим трюком сознательно. Каждый раз это случалось тогда и только тогда, когда мне угрожала смертельная опасность. Какой-то механизм выживания, что ли. Не знаю, смогу ли я включить механизм по заказу. Можно, конечно, попробовать, но...

— Попробуй — вот и все, чего я прошу. Я исчерпал все другие возможности. Отель сегодня пуст и под охраной, но я устроил так, что нас туда пропустят. Сам я угробил там уйму времени, зондируя, выстукивая, протыкая стены и сверля их, все пытался найти дорожку в эту лоджию. Ничего не вышло. Выглянешь из окна, к какому она примыкает,— и видишь улицу, а больше ничего. А выйдешь наружу, посмотришь вверх — эта штуковина снова тут как тут.

— Джей, а что все-таки тебя заботит? — спросил Бун настойчиво.— Что ты надеешься обнаружить в так называемой лоджии?

— Сам не знаю,— покачал головой Коркоран.— Может, и вовсе ничего. Мартин стал для меня чем-то вроде навязчивой идеи. Вполне вероятно, я уже потратил больше, пробуя выяснить что-либо на его счет, чем он выплатил мне за все годы. Хуже всего, Том, что я чувствую: в эту коробку надо проникнуть любой ценой! — Он замолк, рассматривая пустой бокал. Потом вздохнул и снова поднял глаза.— Беда в том, что у нас с тобой мало времени. Сегодня пятница, и уже вечер, а отель планируют взорвать в воскресенье рано утром, когда на улицах ни души...

Бун негромко присвистнул:

— Надо же было дотянуть до последней секунды!

— Это от меня не зависело. Тебя было нелегко найти. Когда удалось наконец выяснить, что ты в Сингапуре, я послал телеграммы в каждую дыру, где ты мог бы остановиться. Теперь, если мы хотим что-нибудь предпринять, надо действовать молниеносно.

— Завтра, в субботу,— согласился Бун.

— Давай наметим завтрашний вечер. Днем там состоится шоу для прессы, посвященное последнему дню старого отеля. Телекамеры и репортеры по всему зданию. Мы приступим к делу, когда все угомонятся.— Коркоран встал и, забрав бокалы, опять отправился к бару с роскошным выбором спиртного.— Ты, конечно, остановишься у меня?

— Во всяком случае, я на это рассчитывал.

— Прекрасно. Тогда выпьем еще по одной и, если не возражаешь, припомним прежние деньки. Потом я покажу тебе твою комнату. А коробку-лоджию выбросим из головы до завтрашнего вечера...

Глава 2

ГОПКИНС-АКР, 1745 ГОД

Дэвид бродил по полям с самого полудня в сопровождении любимого сеттера, тихо наслаждаясь как одиночеством, так и упорядоченной красотой окружающего мира.

Со стерни из-под самых ног с шумом вспорхнул, взвился в небо тетерев. Ружье автоматически взлетело к плечу, щека прилипла к прикладу. Птица попала в перекрестье прицела, и он резко повел дуло влево. «Пли!» — произнес он, зная наверняка, что, если бы дослать патрон в патронник и нажать на спусковой крючок, птица бы кувырком свалилась на землю.

Сеттер бросился было за птицей, но вернулся вприпрыжку, сел у ног Дэвида и с веселым оскалом глянул на человека, как бы спрашивая: «Ну что, развлекаемся?» Потребовалось немало времени, чтобы приучить сеттеров из поместья к новому порядку вещей. Их от века тренировали поднимать дичь, а затем разыскивать добычу и приносить хозяину. Они просто

не понимали, чего от них хотят теперь. Однако через несколько поколений приспособились и уже не ждали ни хлопка выстрела, ни приказа найти подбитую птицу.

Так какого рожна, спросил он себя в тысячный раз, я таскаю с собой ружье? Просто ради того, чтоб ощущать его вес и точное прилегание приклада к плечу? Или чтобы вновь доказать себе, что ныне человек, оставивший за плечами долгую историю жестокостей и зверств, достиг наконец истинной цивилизованности? Но такой ответ — просто позерство. Он, Дэвид, неспособен зарезать овцу, но ест баранину. Он по-прежнему плотояден, а любой плотоядный — убийца.

Пришлось напомнить себе, что денек выдался славный, даже если бы не довелось встретить ни одной птицы. Он постоял на холме, глядя вниз на крытые соломой хижины, где жили те, кто пашет землю и держит скот. На окрестных пастбищах паслись коровы и овцы, иногда сами по себе, иногда под присмотром подростков и собак. Встретил он сегодня и стаи хрюкающих свиней, диких, как олени, рыщущих по лесным чащобам в поисках палых желудей. Но ни к свиньям, ни к людям он близко не подходил — не дерзнул. Как ни старался, не удавалось почувствовать себя сродни простофилям, радостно ковыряющимся в земле. Другое дело — впитывать душой переменчивые краски осенних лесов, вдыхать чистый студеный воздух. Он спускался к ручьям, бегущим под сенью могучих деревьев, и пил прямо из ладоней, следя за стремительными тенями форелей.

Еще раньше он приметил Колючку, который затеял очередную нелепую игру и аккуратно прыгал туда-сюда по какой-то непонятной схеме. Дэвид довольно долго наблюдал за ним, в который раз недоумевая: что за существо этот Колючка, что у него на уме?

Наигравшись, Колючка поскакал прочь, в сторону лесной опушки, и его прыжки стали как бы свободнее и грациознее, чем во время игры, когда его связывали путы неких правил. Яркое послеполуденное солнце отражалось в его шаровидном теле, острые кончики шипов словно нанизывали солнечные лучи и рассыпали их искрами. Дэвид окликнул Колючку, хотя тот, очевидно, не расслышал и вскоре скрылся в лесу.

День выдался что надо, сказал себе Дэвид, но тени становятся длиннее, а ветерок прохладнее. Пора возвращаться

домой. Сегодня на стол подадут седло барашка — так ему сказала старшая сестра Эмма, жена Хораса, и посоветовала к ужину явиться вовремя.

«Не опаздывай,— предупредила она.— Баранина, коль скоро ее приготовили, ждать не может. Баранину надо съесть, пока не простыла... И поосторожнее с этим ружьем. Ума не приложу, зачем ты вообще таскаешь его с собой. Ты же никогда ничего не приносишь. Почему бы тебе, в самом деле, не принести как-нибудь парочку фазанов или куропаток? Вот бы была вкусная еда...»

«Ты же знаешь, я не могу убивать,— ответил он ей.— Никто из нас не может. Воспитание вытравило из нас способность к убийству».

Утверждение, конечно же, не вполне соответствующее истине.

«Хорас смог бы убить,— резко возразила она.— Возникни у нас нужда в пище, Хорас смог бы. А уж я бы запекла птицу и приправила...»

В отношении Хораса она была права. Человек угрюмый и практичный, Хорас не остановился бы перед убийством в случае нужды, но, разумеется, не ради забавы. Хорас просто не умел делать что бы то ни было ради забавы. Какое бы дело он ни затеял, ему непременно необходимо сперва обосновать свои действия.

Что касается сестриных тревог, Дэвид их просто высмеял: «Ружье не причинит мне вреда. Сама знаешь, оно даже не заряжено».

«Но ты заряжаешь его,— не унималась она,— перед тем как поставить обратно на место. Тимоти настаивает, чтоб оружие хранилось заряженным. Если хочешь знать мое мнение, наш братец Тимоти слегка с приветом...»

Да что там говорить, все они, в общем-то, с приветом. Он сам, и Тимоти, и, пожалуй, Хорас и Эмма, только на свой манер. Все, кроме младшей сестренки Инид. Она одна из всех отличалась независимостью духа и склонностью к размышлениям. Нет сомнений: она проводит в размышлениях больше времени, чем все остальные, вместе взятые.

Напомнив себе, что баранина не может ждать и что ее надо съесть, пока не остыла, Дэвид решительно зашагал до-

мой. Сеттер сообразил, что потехе и веселью на сегодня конец, и степенно трусил следом.

Перевалив взгорок, Дэвид сразу увидел дом посреди прямоугольной лужайки, зеленеющей на фоне бурых полей. По периметру участка, в центре которого стояло строение, высились густые деревья в великолепии осенней листвы. По ближнему краю участка бежала пыльная дорога, превратившаяся ныне просто в двойную колею из никуда в никуда. От дороги к дому вела подъездная аллея, обрамленная высокими тополями, которые год от года хирели и вот-вот, осталось недолго ждать, окончательно зачахнут и рухнут.

В сопровождении верного пса Дэвид двинулся под уклон, по рыжеватой наготе осенних полей, и вскоре вышел на аллею. И вот он, дом — приземистое двухэтажное сооружение из необработанного камня, и каждое разделенное надвое окно горит тихим пожаром, отражая заходящее солнце.

Поднявшись по широким каменным ступеням, он, как обычно, повоевал немного с тяжелой неподатливой ручкой, прежде чем половинка двери мягко отошла на свежесмазанных петлях. Вестибюль, потом полумрак просторной гостиной, где зажжена всего-то пара свечек на столе в дальнем углу, и только потом, глубже, яркое зарево столовой, где свечей не жалели. Оттуда, из столовой, доносились приглушенные голоса, и было ясно, что вся семья уже в сборе в предвкушении вечерней трапезы.

Тем не менее он не сразу пошел в столовую, а повернул из гостиной направо, в оружейную комнату. Здесь мерцала единственная свеча на верху стойки, и по комнате метались неясные тени. Подойдя к стойке вплотную, он переломил ружье, выудил из кармана своего охотничьего плаща два патрона, вставил их со щелчком в стволы и одним легким движением замкнул казенник. Поставил ружье на отведенное ему место и обернулся. Посреди оружейной стояла сестренка Инид.

— Хорошо провел день, Дэвид?

— Даже не слышал, как ты вошла,— отозвался он.— Ты двигаешься, как пушинка. Случилось что-нибудь, о чем я должен знать, прежде чем полезу в клетку к льву?

Она легко покачала головой:

— Сегодня лев в отлучке. Хорас стал почти человеком или, по меньшей мере, приблизился к человекоподобию так близ-

ко, как только способен. Получено сообщение, что Гэхен прибывает к нам из Афин...

— Не жалую я этого Гэхена,— сказал Дэвид.— Он такой ученый зануда! Он меня подавляет, в его присутствии я чувствую, что ни на что не гожусь.

— Меня он тоже подавляет,— поддакнула Инид.— Не знаю, право, может, мы с тобой и вправду ни на что не годны. Но даже если так, мне лично моя ни-к-чему-непригодность нравится.

— А мне моя,— весело согласился Дэвид.

— Зато Хорас от Гэхена в восторге, и, если его приезд сделает Хораса поуживчивее, мы с тобой только выиграем. Тимоти — тот и вовсе вне себя от счастья. Гэхен сообщил Хорасу, что везет для Тимоти книгу или даже, кажется, свиток, написанный автором по имени Гекатей.

— Гек... ладно, как бы его там ни звали, я никогда о нем не слышал. Не уверен даже, он это или она.

— Это он,— заверила Инид.— Древний грек Гекатей Милетский. Пятый или шестой век*. Есть мнение, что Гекатей был первым серьезным автором, попытавшимся с помощью критического анализа очистить историю от мифических напластований. Гэхен полагает, что свиток, попавший ему в руки,— неизвестная книга, считавшаяся утраченной.

— Если это правда,— подхватил Дэвид,— тогда нам с тобой Тимоти долго не видать. Запрется в библиотеке, даже еду придется туда подавать. Чтоб обсосать это сокровище, ему понадобится год, не меньше. А до той поры он полностью выйдет из повиновения.

— По-моему, его куда-то не туда занесло,— сказала Инид.— Он по уши увяз в истории, да и в философии тоже. Все надеется отыскать фундаментальные ошибки человечества и уверил себя, что их корни — в первых тысячелетиях письменной истории. Какие-то ошибки он нашел, но, право, не надо лазить по источникам, чтобы осознать их: проблема перепроизводства, погоня за прибылью, мания военных решений, просыпающаяся всякий раз, когда один человек, или племя, добивается большего достатка, чем соседи; наконец, нужда

* Гекатей Милетский жил в V–VI вв. до н. э. Его работы дошли до нас в отрывках, главные из них — «Землеописание», труд страноведческого характера, и «Генеалогия», содержащая греческие мифы и предания.

в убежище, желание спрятать свое «я» под защиту племени, нации, империи — видимо, такое назойливое желание отражает ужасную неуверенность в себе, ставшую неотъемлемым свойством человеческой психики. Можно продолжить перечисление, но Тимоти попросту обманывает себя. Он ищет чего-то более глубокого, а искомое лежит где угодно, только не в истории...

Дэвид не удержался и спросил вполне серьезно:

— Инид, у тебя есть своя догадка на этот счет? Хотя бы смутная?

— Пока еще нет. Может, и никогда не появится. Все, что я знаю,— Тимоти ищет не там, где можно что-то найти.

— Наверное, нам пора выйти к ужину,— предложил он.

— Да, пора. Нельзя заставлять других ждать нас. Эмма и так испереживалась, что ты опоздаешь. Тимоти наточил разделочный нож. А кухарка Нора — та и вовсе разнервничалась. Баранина была уже почти готова.

Он предложил сестре руку, и они пересекли гостиную, осторожно петляя среди затененной, еле различимой мебели.

— А, вот и вы! — воскликнул Хорас, едва они показались на пороге столовой.— Я уж гадал, где вы запропастились. Сами знаете, баранина ждать не может. Теперь извольте каждый взять по стаканчику портвейна. Самый лучший портвейн, какой мне доводилось пробовать за многие годы. Просто превосходный портвейн...

Наполнив стаканы, Хорас обошел вокруг стола и вручил каждому его порцию лично. Это был коренастый человек, низкорослый, но крепко сбитый и, по-видимому, чрезвычайно волосатый. Шевелюра и борода Хораса поражали столь интенсивной чернотой, что она казалась переходящей в синеву.

— Кажется, ты в прекрасном настроении,— обратился к нему Дэвид.

— Точно,— ответил Хорас.— Завтра к нам пожалует Гэхен. Неужели Инид не говорила тебе об этом?

— Говорила. Он будет один или кто-нибудь составит ему компанию?

— Он не уточнял. Слышимость была неважной. Какие-то помехи. С проблемой помех никто так и не справился. Тедди со станции в плейстоцене считает, что это сказываются на-

пряжения при настройке на разрыв во времени. Может, что-то связанное с аномалиями в пеленгации...

Дэвид отметил про себя, что Хорас не понимает в том, о чем толкует, ровнехонько ничего. Возможно, он и владеет какими-то поверхностными знаниями относительно путешествий во времени, но в теории не смыслит ни черта. Тем не менее, о чем бы ни зашла речь, Хорас мнил себя экспертом и высказывался в безапелляционной манере.

Он, наверное, разглагольствовал бы на ту же тему и дальше, но его прервала Нора, триумфально вынырнувшая из кухни с блюдом баранины. Поставив блюдо перед Тимоти, она суетливо заспешила назад к плите. Остальные поторопились занять свои места за столом, а Тимоти принялся нарезать седло барашка ломтями, орудуя ножом и вилкой в своем обычном стиле, то есть священнодействуя.

Дэвид пригубил портвейн. Вино было действительно превосходным, тут Хорас оказался прав. Что ж, в бытовых мелочах, например в том, чтобы выбрать бутылку портвейна, Хорас мог оказаться прав — закон средних чисел подразумевает, что изредка прав бывает любой глупец.

Довольно долго они ели в молчании. Затем Хорас благопристойно вытер губы салфеткой, кинул ее обратно себе на колени и заявил:

— Меня порядком беспокоит наш аванпост в Нью-Йорке двадцатого века. Не доверяю я этому Мартину. Вот уже который месяц пытаюсь вызвать его на связь, а прохвост не отвечает.

— Может, он куда-нибудь временно отлучился,— предположила Эмма.

— Если он уехал,— не унимался Хорас,— то как наш доверенный обязан был известить нас. С ним там эта женщина, Стелла. В его отсутствие могла бы ответить она.

— А может, она уехала вместе с ним,— сказала Эмма.

— Не имела права. Пост нельзя оставлять без присмотра ни на минуту.

— По-моему,— вмешался Дэвид,— это не лучший для нас выход — пытаться связаться с ним во что бы то ни стало. Сеансы связи надо бы свести к минимуму просто ради предосторожности.

— В этом отрезке времени, кроме нас, нет никого, кто владеет межвременной техникой,— заявил Хорас.— Подслушивать некому.

— Я бы за это не поручился,— сказал Дэвид.

— Подслушивают нас или нет, какая разница! — воскликнула Эмма, как всегда выступая в роли робкого миротворца.— Нет никакого смысла портить ужин спорами на эту тему.

— Этот Мартин избегает общения с нами,— посетовал Хорас.— От него не дождешься никаких сообщений...

Тимоти положил нож и вилку на тарелку, намеренно звякнув сильнее обычного. И провозгласил:

— Допустим, мы не знаем этого человека и не вполне ему доверяем, и все же он, наверное, соображает, как ему поступать. Ты, Хорас, делаешь из мухи слона.

— Я встречался с ним и со Стеллой несколько лет назад,— сказал Дэвид,— когда ездил в Нью-Йорк двадцатого века за книгами для Тимоти. Помнишь,— обернулся он к самому Тимоти,— именно тогда я привез винтовку и дробовик для твоей коллекции...

— Прекрасные экземпляры,— похвалил Тимоти.

— Но я никак в толк не возьму,— резко заметила Эмма,— зачем держать их постоянно заряженными? Добро бы только эти два ружья, а то все без исключения. Заряженное ружье рано или поздно выстрелит...

— Все должно быть в полном комплекте,— объявил Тимоти.— Думаю, даже ты способна оценить принцип комплектности. Патроны — неотъемлемая часть любого оружия. Без патронов ружье — не ружье.

— Не понимаю я подобного объяснения,— высказался Хорас.— И никогда не понимал.

— Но я-то вовсе не о ружьях собирался сказать! — внес поправку Дэвид.— Извините, что вообще упомянул о них. Я только хотел рассказать вам о Мартине и Стелле. Я же останавливался у них и провел с ними несколько дней...

— И как они тебе показались? — поинтересовалась Инид.

— Мартин — угрюмый тип. Крайне неприветливый. Говорил очень мало, а когда говорил, старался ничего не сказать. Да я и видел его нечасто и то мельком. У меня сложилось впечатление, что мой визит ему не по нутру.

— А Стелла?

— Тоже неприветлива, но на свой стервозный манер. Все разглядывала меня исподтишка, притворяясь при этом, что я ее ни капельки не интересую.

— Кто-нибудь из них двоих опасен? Я имею в виду — опасен для нас?

— Нет, не думаю. Просто с ними неуютно.

— Мы стали слишком самодовольными,— произнесла Эмма робким голоском.— Все у нас шло гладко столько лет, что мы поневоле впали в заблуждение, что так будет всегда. Хорас среди нас единственный, кто по-прежнему начеку. И постоянно чем-нибудь занят. Сдается мне, что и остальные, чем критиковать его, лучше бы нашли себе какое-нибудь полезное занятие.

— Тимоти занят не меньше Хораса,— возразила Инид.— Не бывает и дня, чтоб он не копался в книгах или не разбирался в том, что собрали для него другие. А кто собрал? Дэвид, выезжавший в Лондон, Париж и Нью-Йорк, не побоявшийся покидать Гопкинс-Акр ради сбора информации...

— Что ж, дорогая, это, может, и так,— откликнулась Эмма,— а ты сама чем занята, скажи на милость?

— Милые родственники,— взял слово Тимоти,— не стоит придираться друг к другу. Инид делает никак не меньше, чем остальные, а то и больше.

Дэвид бросил взгляд на Тимоти, восседавшего во главе стола, спокойного и красноречивого, и в который раз поразился тому, как удается брату ладить с Эммой и ее хамоватым мужем. Сколько бы его ни провоцировали, Тимоти никогда не повышал голоса. Лицо, окаймленное жидкой седенькой бородкой, напоминало святого, а главное — он неизменно являл собой голос разума перед лицом любых бурь, налетавших на семейный корабль.

— Чем препираться, кто вкладывает больше стараний в преодоление мелких трудностей,— произнес Дэвид,— лучше бы признаться, что никто из нас не сделал ничего серьезного для решения проблемы по существу. Почему бы не сказать себе прямо и честно: мы беженцы, мы забились сюда и прячемся в надежде, что нас не найдут? Но нет, мы не хотим в этом сознаться, хоть и не смогли бы придумать ничего другого даже перед лицом собственной гибели...

— А может, кто-то из нас уже нащупывает путь к решению? — заявил Хорас.— И даже если нет, есть же и другие, кто ищет верный ответ. В Афинах, в плейстоцене...

— Вот именно,— подхватил Дэвид.— Мы, Афины, плейстоцен и Нью-Йорк, если Мартин со Стеллой все еще там. И сколько же нас наберется вместе взятых?

— Не стоит забывать,— ответил Хорас,— что нами счет не исчерпывается, должны существовать и другие группы. Три наши общины — по сути, четыре — осведомлены друг о друге. Но должны быть и другие, связанные между собой так же тесно, как наша четверка, но тем не менее не знающие ни о нас, ни о большинстве других. Это же логично! Революционеры — а мы в известном смысле революционеры — испокон веков разделялись на конспиративные ячейки, и одна ячейка знала о других не больше, чем было совершенно необходимо.

— Со своей стороны,— повторил Дэвид упрямо,— я продолжаю считать, что мы просто-напросто беженцы, улизнувшие из своей эпохи.

К этому моменту с бараниной было покончено. Нора забрала пустое блюдо, а затем вернулась и водрузила на центр стола дымящийся сливовый пудинг. Эмма не замедлила придвинуть пудинг к себе.

— Оказывается, он уже нарезан,— сообщила она.— Передавайте мне свои десертные тарелки. Для желающих найдется и подливка.

— Сегодня я, когда бродил по полям, повстречал Колючку,— сказал Дэвид.— Он, как обычно, играл в свою глупую игру-попрыгушку.

— Бедный Колючка,— высказался Тимоти.— И угораздило же его забраться сюда вместе с нами! Он же тогда просто заглянул в гости, но оказался с нами в минуту отправления. Хоть он и не член семьи, но бросить его было бы негоже. Надеюсь, ему с нами хорошо...

— По всем признакам он чувствует себя неплохо,— заметила Инид.

— Вряд ли мы выясним, хорошо ему или нет,— объявил Хорас.— Ему же не дано говорить с нами.

— Он понимает больше, чем мы подозреваем,— сказал Дэвид.— Не надо заблуждаться, воображая, что он глуп.

— Колючка — инопланетянин,— констатировал Тимоти.— Жил в соседнем семействе на правах домашнего любимца — нет, это не вполне точно, но состоял с ними в каких-то отношениях. В те дни многие земляне вступали в отношения с пришельцами, и характер таких отношений было не всегда легко понять. По крайней мере, для меня они так и остались загадкой.

— С Генри все было иначе,— заметила Инид.— Он из нашей собственной семьи. Может, родство и дальнее, но он все равно из наших. И отправился с нами, в сущности, добровольно.

— Подчас я испытываю за него тревогу,— заявил Тимоти.— Не слишком-то часто он показывается нам на глаза.

— Занят,— пояснил Дэвид.— Развлекается. Бродит по стране за пределами поместья, наводя ужас на простых селян, да и на помещиков — эти тоже невежественны, как крестьяне, и верят в призраков. Зато нам он приносит уйму местной информации. Благодаря ему, и только благодаря ему, мы довольно широко осведомлены о том, что творится за пределами Гопкинс-Акра.

— Но Генри вовсе не призрак! — воскликнула Эмма так, словно объявила официальный протест.— Не следовало бы толковать о нем в подобном тоне...

— Разумеется, он не призрак,— согласился с сестрой Дэвид,— но достаточно похож на призрака, чтоб одурачить любого, кто не знает, в чем дело.

Прервав с общего согласия разговор, они приступили к пудингу, который оказался вязок, но исключительно вкусен. И вдруг прозвучала мысль — не голос, а мысль, но настолько сильная и ясная, что ее восприняли все за столом:

«Я слышал, вы тут говорили обо мне...»

— Генри! — взвизгнула Эмма, а остальные сконфузились.

— Конечно, он, кто же еще,— отозвался Хорас, хотя почему-то охрип.— Обожает пугать нас в самую неподходящую минуту. То удерет на много дней, а то объявится рядышком и заорет в самое ухо...

— Соберись в одно целое, Генри,— распорядился Тимоти,— и садись спокойно на стул. Неприятно говорить с собеседником, который невидим.

Генри собрался, или почти собрался, в целое так, чтоб его можно было хотя бы смутно видеть, и уселся в торце стола, прямо напротив Тимоти. Он был созданием дымчатым, в целом похожим на человека, но слепленным как бы очень небрежно. И даже то, что он собрал воедино, не желало твердо держаться вместе, а колыхалось взад-вперед — спинка стула, видная сквозь разреженное тело, словно подрагивала в такт этим колыханиям.

«Вы с восторгом поглощаете безобразно тяжелую пищу,— заявил Генри.— Все тяжелое. Тяжелая баранина. Тяжелый пудинг. Именно пристрастие к тяжелой пище делает вас столь неповоротливыми, как вы есть».

— Разве я неповоротливый? — не согласился Тимоти.— Я такой тощий и легкий, что того и гляди пошатнусь на ветру...

«Да не бываешь ты на ветру,— отпарировал Генри.— Ты же из дому не выходишь. Сколько лет минуло с тех пор, как ты ощущал обыкновенное солнечное тепло?»

— Зато тебя почти никогда нет дома,— поспешил Хорас на помощь Тимоти.— Уж тебе солнечного тепла и света достается больше, чем положено...

«Я жив солнечным светом,— ответил Генри.— Всем вам это, разумеется, известно. Именно энергия, которую я черпаю от солнца, поддерживает мое существование. Но дело не только в солнце, важно и многое другое. Сладкий аромат диких роз, пение птиц, дыхание открытых пространств, шелест или завывание ветра, гигантская вогнутая чаша неба, непотревоженное величие лесов...»

— Впечатляющий список,— сухо отозвался Дэвид.

«Твой в той же мере, что и мой».

— Отчасти,— согласился Дэвид.— Я, по крайней мере, понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты не встречал Колючку? — поинтересовался Хорас.

«Бывает, он попадается мне на пути. Он, как и вы, ограничен куполом, окружающим Гопкинс-Акр. Я единственный, кто способен пройти сквозь купол без помощи времялета. Вот я и странствую в свое удовольствие».

— Странствуй на здоровье, раз тебе это нравится,— сказал Хорас.— Но прошу тебя больше не докучать туземцам. Они

принимают тебя за призрака. Ты держишь всех окрестных поселян в постоянном волнении.

«А они не против,— заявил Генри.— Их жизнь уныла и скучна. Испугаться чего-либо для них почти удовольствие. Забьются в угол у печки и рассказывают друг другу сказки. Если бы не я, и рассказывать было бы не о чем. Но сегодня я прибыл отнюдь не ради этого».

— Зачем же ты прибыл?

«Появились любопытствующие насчет купола,— ответил Генри.— Они не знают, что это такое, они не уверены в точном его местоположении, но они ощущают наличие купола, и им любопытно. Рыскают вокруг и вынюхивают».

— Тогда это, безусловно, не туземцы. Туземцам ощутить купол просто не дано. Он стоит здесь почти полтора столетия, и...

«Это не туземцы. Это некто другой или нечто другое. Некто или нечто извне».

В комнате воцарилась глубокая, мертвая тишина. Все сидели, будто приклеенные к стульям, и лишь обменивались взглядами. Древние страхи выбрались из мрачных закоулков поместья и расположились здесь, в самой освещенной комнате.

Наконец Хорас шевельнулся, прочистил горло и произнес:

— Значит, свершилось. По-моему, каждый из нас знал с самого начала, что рано или поздно это произойдет. Честно говоря, этого стоило ожидать — нас выследили.

Глава 3

НЬЮ-ЙОРК

В воздухе было разлито некое искажение. Возникало ощущение аберрации, какой-то привычный фактор был не на своем месте, и это однозначно свидетельствовало, что поблизости угол. Но поймать это странное ощущение за хвост не удавалось, дотянуться до угла не представлялось возможным.

Коркоран знай себе бродил вдоль внешней стены апартаментов с фонариком, держа его в двух-трех дюймах от стены и сам подавшись вперед в тщетных попытках уловить хоть какую-

нибудь неровность, какой-нибудь намек на разрыв в кладке. Наконец он остановился и, выключив фонарик, повернулся к Буну лицом. Свет, проникающий с улицы, не давал комнате погрузиться во тьму и все-таки был слишком слабым, чтобы прочитать выражение лица Коркорана.

— Безнадежно,— произнес тот.— Ни черта нет. И все равно я уверен, что там за окнами к стене прилепилась какая-то конструкция. Ошибаться я не могу. Я видел ее своими глазами.

— Я верю тебе, Джей,— отозвался Бун.— Тут присутствует явное пространственное искажение, я его чувствую.

— Но не можешь ткнуть в него пальцем?

— Пока не могу.

Подойдя к окну, Бун выглянул на улицу и удивился, увидев, что она совершенно пуста. Ни машин на мостовой, ни пешеходов на тротуарах. Но, приглядевшись пристальнее, он заметил шевеление в затемненном подъезде через дорогу, потом там же наметилась какая-то более темная масса и от нее отразилась мгновенная светлая искорка.

— Джей,— позвал Бун,— когда, ты говоришь, намечен взрыв этого здания?

— В воскресенье утром. Рано-рано утром.

— Можно ведь считать, что уже воскресное утро. На той стороне — наряд полиции. Я приметил, как свет отразился от полицейской бляхи.

— Взрыв будет в четыре или пять утра. Когда займется рассвет. Я наводил справки о других операциях такого рода. Всегда при первых лучах рассвета, прежде чем могла бы собраться толпа. А сейчас чуть больше полуночи. У нас в запасе еще несколько часов.

— Не уверен,— откликнулся Бун.— Может, они решили обмануть самых бдительных и произвести взрыв раньше, чем ожидают? Ведь это старинное, общественно значимое сооружение. И если взорвать его пораньше, пока взрыва никто не ждет...

— Не станут они этого делать,— возразил Коркоран, придвинувшись к Буну на шаг-другой.— Просто не посмеют...

Раздался глухой гром, ударивший их по коленям. Штукатурка пошла трещинами, которые зазмеились по потолку вкось,

к середине. Пол под ногами резко осел, Бун еле успел дотянуться до Коркорана и плотно обхватить его обеими руками...

И они очутились в ином месте, в иной комнате, где штукатурка не трескалась, а пол не проседал. Коркоран гневно оттолкнул Буна с криком:

— Что это значит, черт побери? Зачем понадобилось меня хватать?

— «Эверест» разваливается. Выгляни в окно. Видишь тучи пыли?

— Не может быть! Мы же с тобой в «Эвересте»...

— Уже нет. Мы в коробке, которую ты заметил с улицы. Мы ступили за угол.

— Какого дьявола! — продолжал кричать Коркоран.— Уж не хочешь ли ты сказать...

— Требовался кризис, Джей. Мне следовало знать это заранее. Я могу ступить за угол лишь в самый последний момент, в критическую секунду, когда другой надежды не остается.

Коркоран глянул на Буна осуждающе.

— Ты сыграл со мной скверную шутку. И даже не предупредил...

— Я и сам этого не предвидел. Моя аномальность — особый путь к выживанию. Она не включается, пока нет смертельной угрозы. Так это было и в прошлом. Это инстинктивная реакция на опасность.

— Но до сих пор ты ступал за угол лишь на самый короткий срок. А потом возвращался. Мы тоже вот-вот вернемся?

Бун покачал головой.

— Не думаю. Я возвращался, только когда это становилось безопасным. А здесь мы зависли бы в воздухе на месте здания, распавшегося на куски. Если бы мы ступили за угол в обратном направлении, то рухнули бы с высоты вслед за «Эверестом». А кроме того, раньше за углом не оказывалось никакой реальности. В предыдущих случаях я попадал в какую-то мглистую неясность, в серый плоский мир без определенных очертаний. А на сей раз мы угодили в реальное помещение — в твою коробку. Не могу ни за что ручаться, но думаю, что не ошибаюсь.

— Выходит,— сказал Коркоран,— мы в убежище Мартина. Ну и что нам теперь делать?

— А уж это решать тебе,— ответил Бун.— Тебе хотелось, чтоб я ступил за угол. Я так и сделал да еще прихватил тебя с собой. У тебя были вопросы к этому Мартину. Вот и давай поищи ответы...

Сказав так, он обвел взглядом комнату, где они очутились. Мебель была странной — форма и назначение каждой вещи понятны, а вот конструкция более чем диковинная. У дальней стены расположилось нечто похожее на камин, однако, сразу поправился он, скорее всего не камин. Над «камином» висел довольно массивный прямоугольник, возможно картина. Но если так, то в своей необузданной заумности она настолько превосходила даже самые сумасшедшие изыски модных художников, что разум отказывался признать ее произведением искусства.

Комната казалась вполне устойчивой, ничто не качалось и не провисало. Как это может быть? Ведь комната была каким-то образом прикреплена к зданию, ныне осевшему, обратившемуся в неаппетитную груду обломков. И тем не менее она, по всем признакам, держалась на месте. Без поддержки взорванных стен она сама по себе парила в двухстах, если не более, футах над мостовой.

Бун подскочил к окну и выглянул наружу. В тусклом уличном освещении над тротуаром клубилась плотная туча кирпичной и известковой пыли, а из-под нее во все стороны разлетались куски камня и мрамора, доски и щепки. Не оставалось и тени сомнения, что старый отель обваливается или уже обвалился.

Комната, где они обрели пристанище, внезапно дрогнула, дала крен, потом снова выровнялась, но по стенам как бы пробежала дрожь. Бун, затаив дыхание, отшатнулся от окна.

Крен сдвинул картину или нечто похожее на картину, и она-оно отошло вбок, открыв утопленную в стене черную панель. Панель от края до края была забита сверкающими приборами. А в самом центре то вспыхивала, то гасла красная лампочка. Коркоран сохранил равновесие, широко раздвинув ноги, и уставился на панель — а лампочка все мигала.

И вдруг из недр панели послышался голос. Он звучал громко и сердито, но нес совершеннейшую тарабарщину.

— Говорите по-английски,— зарычал Коркоран.— По-английски! Или вы не знаете этого языка?

Лампочка прекратила мигать, и голос перешел на английский. В речи слышался странный акцент, и все-таки это был английский.

— Разумеется, язык мы знаем. Но зачем по-английски? Ведь это Мартин, не так ли? Где вы пропадали? Почему не отвечали на вызовы?

— Это не Мартин,— ответил Коркоран.— Мартина здесь нет.

— Но если вы не Мартин, тогда кто? Чего ради отвечаете? И как вы оказались в жилище Мартина?

— Друг,— сказал Коркоран,— это довольно долгая история, а на рассказ нет времени. Отель снесли, сровняли с землей, и мы остались в жилище Мартина, которое висит в воздухе без опоры и в любую секунду может рухнуть...

Говорящий с акцентом издал резкий непроизвольный вздох, потом произнес:

— Не паникуйте. Мы приведем все в порядок.

— Вовсе я не паникую,— ответил Коркоран,— но мне кажется, нам бы следовало немного помочь.

— Мы поможем. Слушайте меня внимательно.

— Я весь внимание.

— Вы видите приборный щиток? Вы должны его видеть. Он приводится в действие, когда защитная покрышка сдвинута. Она должна быть сдвинута.

— Да сдвинута она, черт возьми, сдвинута! Кончайте говорить с нами, как с малыми детьми, и скажите мне прямо, что предпринять. Панель передо мной. Для чего она служит? Как действует?

— В нижнем левом углу панели вы видите много... мм... вы, вероятно, назвали бы их кнопками. В самом нижнем ряду кнопок отсчитайте третью справа и нажмите ее.

— Нажал.

— Теперь отсчитайте от этой кнопки вторую вверх и нажмите ее тоже.

— Тоже нажал.

— Теперь... Нет, не делайте ничего, пока я вам не скажу. Возьмите еще дальше вверх, под углом вправо, на расстояние трех кнопок. Вы меня понимаете?

— Понимаю. Держу палец на указанной кнопке.

— Не нажимайте ее пока. Я дам вам знать, когда будет можно. Как только вы нажмете эту кнопку, вы тем самым передадите контроль мне, и я вытащу вас оттуда.

— Вы имеете в виду, что возьмете на себя управление этой штуковиной, где мы находимся, и передвинете ее куда-то?

— Именно так. Вы возражаете против такого решения?

— Мне это не нравится,— ответил Коркоран,— но мы не в той ситуации, чтобы позволить себе препираться.

— Вы настойчиво повторяете «мы». Вы не один?

— Нас тут двое.

— Вы вооружены? У вас есть оружие?

— Конечно нет. Зачем нам оружие?

— Откуда мне знать! Быть может, например...

— Вы теряете время! — взорвался Коркоран.— Мы можем свалиться в любой момент!..

— Вы нашли нужную кнопку?

— Да, нашел.

— Тогда нажмите ее.

Что Коркоран и сделал. На них навалилась тьма, сопровождаемая мгновенной потерей ориентации, словно их полностью вырвали из контакта с действительностью. Движения не ощущалось, точнее, не ощущалось вообще ничего.

А затем легкий толчок. Тьма отступила, в окна хлынул солнечный свет. И не только в окна, но и через дверь или, возможно, через люк, который сам собой открывался в полу, поворачиваясь на петлях.

— По-моему,— произнес Бун,— нас приглашают на выход.

И первым двинулся к порогу. За люком и отходящим от него наклонным пандусом виднелась лужайка. За лужайкой стоял дом, внушительный старинный дом из необработанного камня, кое-где тронутого наростами мха.

По лужайке им навстречу шагал человек в охотничьем плаще. На руке, согнутой в локте, лежало ружье наизготовку. Справа от него трусил веселый пес, великолепный золотисторыжий сеттер, а слева двигалось шаровидное чудище диаметром почти в человеческий рост. Чудище катилось размеренно, приноравливая свою скорость к шагу охотника. По всей своей поверхности оно было усыпано острыми шипами, посверкивающими, а то и вспыхивающими на солнце. Но, несмотря на остроту, шипы не оставляли на почве даже царапин. На мгнове-

ние Буна обуяла странная догадка, что чудище идет на цыпочках, но уже в следующий миг он понял, что оно просто-напросто плывет над почвой, медленно вращаясь на лету.

Бун, спустившись по пандусу, ступил на лужайку. Коркоран замешкался, поводя головой из стороны в сторону, будто это давало ему возможность разом охватить открывшуюся перед ним сцену. Из дома показались еще несколько человек и замерли на широких каменных ступенях, наблюдая за происходящим.

Человек с ружьем, по-прежнему сопровождаемый веселым сеттером и шипастым чудищем, остановился в дюжине шагах от Буна и сказал:

— Добро пожаловать в Гопкинс-Акр.

— Так это Гопкинс-Акр?

— Вы что, слышали про такое местечко?

— Услышал недавно,— ответил Бун.— Вчера или позавчера.

— И что же вы услышали?

— Ничего существенного,— пожал Бун плечами.— Точнее, вообще ничего. Что кто-то вдруг проявляет к вашему местечку немалый интерес.

— Меня зовут Дэвид,— сказал человек с ружьем.— Диковинного пришельца рядом со мной кличут Колючкой. Я очень рад, что вам удалось справиться с машиной. Хорас — отнюдь не тот техник, кому я доверил бы свою жизнь в минуту опасности. Он у нас достаточно неуклюж.

— Хорас — это тот, с кем мы разговаривали?

Дэвид кивнул:

— Он уже многие месяцы пытался связаться с Мартином. Когда наша панель сегодня утром вдруг ожила, мы решили, что Мартин наконец решил выйти на связь.

Коркоран в свой черед спустился по пандусу и встал рядом с Буном.

— Меня зовут Коркоран. Имя моего спутника — Бун. Мы оба сгораем от нетерпения узнать, что же с нами произошло. Быть может, вы не откажетесь объяснить нам все по порядку?

— Наше любопытство насчет вас ни на йоту не меньше,— откликнулся Дэвид.— Давайте пройдем в дом, там и поговорим. Думаю, что Нора вскоре позовет нас обедать. А может, стоит перед трапезой пропустить рюмочку-другую...

— Это было бы замечательно,— сказал Бун.

Глава 4

ШРОПШИР, 1745 ГОД

— Важно, чтобы вы осознали одно,— сказал им Хорас,— границы поместья вы не покинете никогда. Если бы такое было физически возможно, нам пришлось бы умертвить вас.

— Хорас у нас такой непреклонный,— вставила Инид.— Чувство такта у него попросту отсутствует. Он как молот — лупит по чему ни попадя. Право, он мог бы выразить то же самое иначе: нам очень жаль, что вы не можете покинуть поместье, но мы тем не менее рады, что вы с нами.

— А я не уверен, что рад их появлению,— заявил Хорас.— Это лишь очередное свидетельство, что положение выходит из-под контроля. Мартин со Стеллой исчезли без следа, да и то, что поведал нам Призрак...

— Генри! — перебила Инид.— Генри, а никакой не Призрак!..

— То, что вчера поведал Генри: некто или нечто рыщет вокруг Гопкинс-Акра, чувствует необычность и старается выведать, что тут такое. Ручаюсь, они вот-вот нас достанут. И вот теперь эти двое из Нью-Йорка, не способные дать удовлетворительное объяснение, как им удалось проникнуть во времялет Мартина, и к тому же слышавшие заранее про Гопкинс-Акр!

— Мы просидели здесь чересчур долго,— посетовала Инид.— Мы могли бы сбить всех со следа, если бы перебрались куда-нибудь еще. Никто не вправе сидеть на одном месте целых полтора столетия.

— Перемещение навлекло бы на нас опасность само по себе,— заявил Хорас.— Для подготовки такой операции нам пришлось бы затребовать бригаду техников. А прежде всего пришлось бы разведать новый адрес, куда перемещаться. Это, положим, мы могли бы сделать собственными силами, но переезд без посторонней помощи совершенно исключается. У нас самих нет и половины необходимых навыков.

— А я-то пребывал в уверенности,— произнес Дэвид не без яда,— что ты способен в одиночку справиться с любой задачей...

Хорас сгорбился, как разъяренный бык.

— Ну-ка прекратите,— вмешался Тимоти в обычной своей мягкой манере.— Оба, и тот и другой. Чем ссориться, лучше

объясним гостям, в меру нашего разумения, ситуацию, в которую они угодили.

— Мне бы этого очень хотелось,— сказал Коркоран.— Вы заявили, что выбраться отсюда мы не сможем, а в то же время Дэвид... Я верно запомнил имя, не правда ли?

— Да,— подтвердил Дэвид.— Меня зовут Дэвид, и я несколько раз покидал поместье. Чаще всего посещал Лондон и Париж. Однажды был в Нью-Йорке.

— Вы упомянули также, что кто-то вот-вот прибудет сюда из Афин. Стало быть, у вас случаются и вылеты и прилеты?

— Вылеты и прилеты, как вы их назвали,— ответил Тимоти,— осуществляются при помощи устройств, именуемых ковчегами, или времялетами. Ковчег, служивший жилищем Мартину, перенес вас сюда из Нью-Йорка, но это отнюдь не так просто.

— Я нажимал на кнопки,— пробормотал Коркоран.

— Вы могли бы нажимать на кнопки целую вечность и не сдвинуться с места. Однако вы нажали на строго определенные кнопки и тем самым подключили ковчег к контрольной панели в этом здании. После чего управление ковчегом Мартина перешло к Хорасу.

— Вы хотите сказать, что управлять этими ковчегами способен не каждый?

— Суть в том,— изрек Хорас,— что вы сейчас находитесь внутри временного купола. Термин, разумеется, упрощенный. Сквозь подобный купол не может проникнуть никто, не можем и мы. Есть единственный способ преодолеть эту преграду — на времялете.— На миг в комнате воцарилось молчание, затем Хорас добавил: — Ах да, я забыл про Призрака. Он, и только он, может преодолеть купол без посторонней помощи, но это особый случай.

— Генри,— напомнила Инид.— Генри, а никакой не Призрак!

— Сдается мне,— взял слово Бун,— что нам остается лишь принять ваши слова на веру со всей вежливостью, на какую мы только способны. Мы здесь, и вы заявляете, что отсюда нет возврата. Многого я, правда, не понял, и у меня возникла уйма вопросов, но с ними можно и подождать. У нас наверняка будет сколько угодно времени поставить эти вопросы один за другим.

— Меня радует, что вы отнеслись к услышанному столь достойно,— сказал Тимоти.— Мы и сами связаны рядом ограничений, пренебречь которыми невозможно. Выражаю надежду, что жизнь в нашей общине покажется вам приятной.

— Есть только один вопрос,— продолжил Бун,— слишком важный, чтоб его откладывать. Кто вы такие?

— Мы беженцы,— ответил Дэвид.— Беженцы, укрывшиеся в глубинах времени.

— Никоим образом! — вскричал Хорас.— Ты упрямо твердишь, что мы беженцы, а я утверждаю, что мы революционеры! Настанет день, и мы вернемся!..

— Не слушайте их обоих,— обратилась Инид к Буну.— Они всегда норовят вцепиться друг другу в глотку. Вас, вероятно, интересовало другое: откуда мы прибыли? Мы люди, родившиеся за миллион лет от этой эпохи. Люди из вашего отдаленного будущего.

Из столовой выглянула Нора и возвестила:

— Обедать подано...

Обед прошел вполне цивилизованно и спокойно, без дальнейших препирательств; Дэвид вспоминал деньки, проведенные в Нью-Йорке двадцатого века, и расспрашивал Буна и Коркорана о городе. Тимоти пересказывал книги, которые недавно прочел. Инид почти не раскрывала рта, да и Эмма благожелательно молчала. Хорас горбился, поглощенный своими мыслями, но в конце концов решил заговорить:

— Не понимаю, что стряслось с Гэхеном. Ему давно пора бы быть здесь.

— Гэхен из Афин,— пояснила Эмма.— Он везет для Тимоти новую книгу.

— Мы говорим «Афины» для простоты,— заявил Тимоти.— На самом деле их база не в Афинах, хоть и неподалеку.

— Еще одна небольшая группа наших живет в плейстоцене,— добавил Дэвид.— Южная Франция. Самое начало последнего оледенения.

— Вместе с неандертальцами? — полюбопытствовал Бун.

— Да, рядом с первыми неандертальцами. Правда, их там немного.

— И совсем уж непонятно,— вновь заговорил Хорас, не в состоянии освободиться от тревог,— что заставило Мартина бежать в такой спешке. Притом вместе со Стеллой. По-види-

мому, там был еще малый времялет, припрятанный в пакгаузе, и Мартин использовал его для бегства, а Стелла была предупреждена и успела присоединиться. Но почему он не пустил в ход основной ковчег? Почему впал в панику? У меня нет сомнений, что он запаниковал. Перепугался до смерти и сбежал...

— Он боялся, что отель превратится в ловушку,— предположила Инид.— Мне, например, это совершенно ясно. Может, он не вполне доверял мистеру Коркорану.

— А почему Мартин должен был ему доверять? — откликнулся Дэвид.— Мистер Коркоран сам признал, что приставил к Мартину со Стеллой соглядатаев, следивших за каждым их шагом...

— Он покупал мои услуги и очень хорошо платил,— сказал Коркоран.— Я стану работать с полной отдачей для кого угодно, лишь бы платили. За всю свою жизнь я ни разу не надул клиента, если он платежеспособен.

— Но в данном случае клиент не вызывал у вас доверия,— заметил Дэвид.

— Пожалуй, действительно не вызывал. Я не видел почвы для доверия. И установил за ним наблюдение не для того, чтобы причинить ему зло, а чтоб убедиться, что он не причинит зла мне самому. Ваш Мартин был скрытен до смешного. Что называется, скользкий тип.

— Он должен был знать, что отель будет взорван,— гнул свою линию Хорас.— Постояльцев, конечно же, предупреждали заранее. Бросить основной времялет в таких обстоятельствах, подвергая его риску обнаружения,— как хотите, но подобный поступок совершенно непростителен.

— Про предстоящий взрыв он мог и не слышать,— вступился за бывшего клиента Коркоран.— Постояльцам ничего не говорили до последнего момента. Да и потом не делалось никаких публичных заявлений. Понимаете, все готовилось шитокрыто. Даже мне и то довелось услышать о предстоящем взрыве гораздо позже, чем Мартин исчез. А ведь от меня не ускользает почти ни один слушок...

— Тогда, значит, он отъехал по какому-то срочному делу, предполагая вскоре вернуться,— сделал вывод Дэвид.— В этом случае трогать основной времялет с места просто не было необходимости.

Оставив прежнюю тему, Хорас напустился на Буна:

— Вы так и не объяснили до конца, как вам удалось проникнуть во времялет. Как вы его обнаружили, я еще могу понять. Но как вы сумели проникнуть внутрь?

— Я уже сказал вам все, что мог,— ответил Бун терпеливо.— Я ступил за угол. И при всем желании я не в силах ничего прибавить. Потому что сам не понимаю, как это у меня получается. Мне известно одно: я становлюсь способен на это только под влиянием большого нервного напряжения.

— Это не объяснение,— отрубил Хорас.— Уж если человек что-то делает, то, естественно, знает как!..

— Извините,— сказал Бун.— Больше ничего не могу объяснить.

— Раз уж мы скатываемся на мелочи,— ввернул Коркоран, не скрывая известного раздражения,— скажите, пожалуйста, что за тарабарщину вы несли вначале, когда я вышел с вами на связь?

— На это отвечу я,— заявил Тимоти.— Как вы уже должны были заметить, мы предпочитаем держаться скрытно. Иногда, возможно, даже впадаем в шпиономанию. По нашим данным, система связи, какой мы пользуемся, застрахована от перехвата. Однако против нас действуют силы могущественные и в высшей степени изобретательные. Мы не уверены в своей безопасности, не имеем на это права. И если разговариваем друг с другом по каналам связи, используем древний язык, известный когда-то лишь маленькому, забытому ныне племени. Мы надеемся, что этот прием поможет избежать дешифровки даже в том случае, если разговор удастся перехватить.

— Ей-ей,— не сдержался Бун,— это самая полоумная уловка из всех, с какими я когда-либо сталкивался!..

— Вы еще мало что знаете,— продолжил Тимоти.— Вы еще не слышали о бесконечниках. Если бы вы, не дай бог, столкнулись с бесконечниками...

Из кухни донесся пронзительный крик, Тимоти и Эмма вскочили с места. В дверях появилась Нора, не прекращая кричать. Ее поварской колпак сбился набок, руки безостановочно теребили передник, повязанный вокруг талии.

— Гости! — визжала она.— К нам гости! И с ними что-то неладно! Времялет приземлился на клумбу и сразу перевернулся...

Стулья дружно скрежетнули по полу — все бросились в кухню и к черному ходу. Коркоран смерил Буна взглядом.

— Может, пожаловал тот самый посланец из Афин?

— Может, и он,— отозвался Бун.— Пойдем-ка посмотрим сами...

С кухонного крылечка им открылась картина весьма примечательная. Клумбу рассекала огромная борозда, оставленная прямоугольным предметом примерно двенадцати футов в длину и шести в ширину. Предмет торчал под углом, зарывшись носом в почву. Дэвид, Хорас, Инид и Тимоти толкали этот предмет и тянули в разные стороны, а Эмма стояла поодаль, причитая в голос.

— Надо бы помочь,— предложил Коркоран, и они в два прыжка очутились рядом.

— Что вы хотите сделать с этой штуковиной? — осведомился Бун у вспотевшего Хораса.

— Вытащить из земли,— прохрипел тот.— И поставить как полагается...

С помощью вновь прибывшего подкрепления это удалось. Хорас и Дэвид немедля набросились на различимую теперь отдельную панель в одной из боковых стенок. Мало-помалу панель поддалась их усилиям, потом с хлопком отогнулась. Дэвид прополз в отверстие и вскоре начал пятиться.

— Подсоби,— позвал он.— Я, кажется, дотянулся до Гэхена.

Хорас, с грехом пополам втиснувшись рядом с Дэвидом, тоже сумел нащупать, за что ухватиться. Пятясь вдвоем, они выволокли на свет обмякшее тело и, протащив по всей клумбе, положили на траву. Гэхен запрокинулся на спину. Изо рта у него стекала алая струйка. Одна рука бессильно болталась, одежда на груди пропиталась кровью. Хорас опустился на колени рядом с раненым, приподнял ему голову, погладил. Глаза раскрылись, окровавленные губы шевельнулись, но слов было не разобрать, одно бульканье. Инид поспешила к Гэхену, тоже стала на колени и произнесла:

— Все хорошо, Гэхен. Вы в безопасности. В Гопкинс-Акре...

— Что случилось? — взвизгнула Эмма.

Ответом стали два слова вперемешку с кровью.

— Все погибло,— выдохнул Гэхен и захлебнулся.

— Что «все», Гэхен? Что погибло?

Раненый силился выдохнуть кровь и наконец произнес:

— Афины...

Но больше ничего не сказал.

— Лучше перенесем его в дом,— предложил Тимоти.— Ранение тяжелое.

— Как это могло случиться? — продолжала верещать Эмма.

— Разбился он, сама не видишь? — воскликнул Дэвид.— Получил травму, потерял управление...

Раненый мучительно старался заговорить. Хорас приподнял ему голову повыше. Инид попыталась вытереть кровь с губ тоненьким платочком, но только испачкала платок, а толку не добилась.

— Афины...— послышался хриплый шепот сквозь кровь.— База в Афинах погибла. Разрушена...

Бун приблизился к Хорасу и положил пальцы на горло Гэхена, нащупывая пульс. Не нащупал, отнял руку и объявил:

— Он мертв.

Хорас, в свою очередь, разжал руки, позволив Гэхену упасть на траву, и медленно встал. Над поместьем повисло тяжкое молчание. Люди лишь обменивались взглядами, не в силах полностью осознать случившееся. Наконец Тимоти обратился к Буну:

— Негоже оставлять его здесь. Вы поможете перенести тело?

— Его надо будет похоронить,— сообразила Эмма.— Надо выкопать могилу...

— Сначала надо поговорить,— перебил Хорас.— Первым делом, прежде чем предпринимать что бы то ни было, надо все обсудить.

— Куда ты хотела бы его поместить? — спросил у Эммы Тимоти.

— В спальню наверху. Самую дальнюю направо. Оставить его в гостиной никак нельзя: кровь испортит мебель.

— А как насчет оружейной комнаты? Это ближе, и по лестнице тащить не придется. В оружейной есть кожаная кушетка. Кожу потом можно просто обтереть...

— Согласна. Пусть полежит в оружейной.

Бун взял умершего под мышки, Тимоти за ноги. Вдвоем они пронесли его через кухню и столовую, а Дэвид расчищал путь, отпихивая стулья. Чтобы добраться до оружейной, при-

шлось еще пересечь всю гостиную, пока Тимоти не скомандовал:

— Вон туда, к стене...— Опустив тело на кушетку, он задержался рядом, глядя на Гэхена сверху вниз, и сказал: — Не представляю себе, как быть дальше. Понятия не имею, что полагается делать в таких случаях. В этом доме не бывало смертей с самого нашего здесь появления. Совершенно новая для нас ситуация, и мы к ней не готовы. Мы ведь, знаете ли, почти бессмертны. Самая механика времени охраняет нас...

— Нет, я не догадывался об этом,— отозвался Бун.

— Внутри временного купола люди не подвержены старению. Мы стареем, только когда покидаем его пределы.— Бун не нашел подходящего ответа. А Тимоти продолжил, меняя тему: — Скверно все это. Настал критический момент, какие случаются в истории. Нам предстоит решить, что делать дальше. Решить без ошибки. Самое главное — без ошибки. Пойдемте со мной. Остальные, наверное, уже начали беседу...

Назвать это беседой было трудно. Собравшись в столовой, остальные наперебой орали друг на друга.

— Я так и предвидела! — кричала Эмма.— Так и предвидела, чувствовала нутром! Нам слишком хорошо жилось. Вот мы и решили, что так будет продолжаться вечно. Мы не заглядывали вперед, не строили никаких планов...

— Планов чего? — выкрикнул в ответ Дэвид, перебивая сестру.— Откуда нам было знать, какие именно планы строить? Каким образом можно было угадать, что произойдет?

— Не кричи на мою жену! — зарычал Хорас.— Никогда впредь не смей обращаться к ней в подобном тоне! Она права. Нам следовало предусмотреть все возможные неприятности и разработать типовые реакции на любую из них. Тогда мы не стояли бы разинув рты, как сейчас, захваченные врасплох и не ведающие, куда податься...

— А по-моему,— вмешался Тимоти, включаясь в перебранку,— лучше бы нам чуть-чуть успокоиться и хорошенько все обдумать...

— Нет у нас больше времени на спокойные размышления! — не мог угомониться Хорас.— Во всяком случае, на ленивые неспешные размышления, какие ты имеешь в виду. Я тебя раскусил, Тимоти. Ты попросту отмахиваешься от неприятностей.

Не хочешь смотреть правде в глаза, и все тут! Впрочем, то же самое было и раньше. Помню, когда-то...

— Согласен, надо что-нибудь предпринять,— присоединился к общему крику Дэвид.— Думаю, что Тимоти не прав. Не тот нынче момент, чтоб откинуться на подушки и ждать развития событий. Мы, безусловно, должны принять какие-то меры. Но не может же каждый орать вразброд, что бы ему или ей ни взбрело в голову! Так уж мы точно...

— Нам надо уехать! — взвизгнула Эмма.— Надо убраться отсюда любой ценой!

— Какой же смысл,— выкрикнул Дэвид,— бежать, куда глаза глядят? Бежать — да, конечно, если придется, но надо же сперва иметь определенный план...

— Никуда я не побегу! — взвился Хорас.— Не намерен бежать и не побегу! Бегство — это для трусов, и я не потерплю...

— Но мы должны бежать! — визжала Эмма.— Должны уехать отсюда! Нельзя сидеть здесь и ждать новых напастей! Мы должны найти укромное место...

— Ничего ты не найдешь, если побежишь сломя голову,— проревел Хорас.— Надо же хоть немного соображать...

— А я тем не менее полагаю,— заявил Тимоти,— что мы слишком торопимся. Два-три дня больше или меньше — не составит особой разницы...

— Через два-три дня нас может не быть в живых,— заорал Хорас.

— По крайней мере, похороним Гэхена достойно,— возразил Тимоти.

— Гэхен не в счет! — надрывался Хорас.— Гэхен мертв, и с ним уже ничего не случится! А мы еще живы, и нам не все равно, какая участь нас ждет завтра...

Бун влез на стул и перешагнул со стула на стол, отшвырнув ногой тарелки и приборы.

— Заткнитесь все! — загремел он.— Заткнитесь и сядьте по своим местам!

Крик как ножом обрезало — все повернулись к Буну и уставились на него.

— Ваше вмешательство ни к чему,— резко произнесла Эмма.— Вы не член семьи.

— Вы сами вовлекли нас с Коркораном в свою общину,— ответил Бун,— когда объявили, что поместья нам не покинуть.

Тем самым вы дали нам право голоса. Мы с вами в одной лодке. Так что заткнитесь и сидите спокойно...— Все были настолько поражены, что послушались. Тогда Бун добавил, обращаясь к Коркорану, оставшемуся стоять у стены: — Джей, если кто-нибудь снова начнет орать или вскочит с места, ты его утихомирь.

— С удовольствием,— откликнулся Коркоран.

— Я вполне понимаю,— продолжил Бун,— что это милая семейная свара и что большую часть сказанного не стоит принимать всерьез. Но таким манером вы никогда ни до чего не договоритесь, а принять какой-то курс действий совершенно необходимо. Нравится вам или нет, я выступлю судьей на ринге.

Хорас мгновенно встал — Коркоран оттолкнулся от стены и двинулся в его сторону. Хорас опять сел.

— У вас есть что сказать? — обратился к Хорасу Бун.

— Могу сказать только одно: вы просто ни черта не смыслите в происходящем. У вас нет даже зачаточных знаний, необходимых для роли судьи.

— В таком случае,— ответил Бун,— быть может, вы не откажетесь просветить меня?

— Только не Хорас! — вмешалась Инид.— Он опишет события, как ему видится. И затуманит смысл...

Хорас снова вскочил — Коркоран снова оттолкнулся от стены, и Хорас сел на место.

— Прекрасно, мисс Инид,— заявил Бун.— Изложите свою непредвзятую версию событий. А вы,— обратился он к Хорасу,— получите слово позже. Но соблюдайте правила — говорить поодиночке, не кричать и тем более не толкаться.

— Мы группа беженцев,— начала Инид.— Мы...

— Мы не беженцы! — завопил Хорас.

— Заткнитесь! — осадил его Бун.— Инид, продолжайте, пожалуйста.

— Как я уже говорила вам, мы из эпохи, отстоящей от вашего времени на миллион лет. За этот миллион лет человечество изменилось...

— Его принудили измениться! — вмешался Хорас.— По своей воле оно и не подумало бы...

— Как ты можешь быть в этом уверен? — в свою очередь, перебил Дэвид.— К примеру, существует Генри...

— Я вполне уверен,— заявил Хорас.— Бесконечники...

Бун поднял руку, призывая к молчанию. Хорас замолчал.

— Вы уже поминали это слово,— обратился Бун к Тимоти.— Я хотел попросить у вас разъяснений, но в ту минуту прибыл времялет из Афин. Скажите мне наконец, кто такие бесконечники?

— Бесконечники — это иная разумная раса,— ответил Тимоти.— Откуда-то из центра Галактики. Они не биологические существа. Может, некогда и были биологическими, но изменили свою природу и стали тем, что есть.

— В сущности,— добавил Дэвид,— мы знаем о них очень мало.

— Я бы так не сказал,— возразил Хорас.— Мы знаем, хотя бы приблизительно, на что они способны.

— Ладно,— сказал Бун.— Мы отвлеклись от темы. Инид собиралась сообщить, как именно изменилось человечество за миллион лет.

— Из телесных созданий,— ответила Инид,— из существ биологических люди превратились в существа бестелесные, нематериальные, в чистый разум. В наше время люди гнездятся огромными роями на кристаллических решетках. Они...

Вмешался Хорас:

— Это непристойно! Бессмертие...

— Заткнитесь! — загремел Бун. И вновь повернулся к Инид.— Но вы-то люди, самые настоящие люди. И те, что жили на базе в Афинах, тоже люди — биологические и...

— Были несогласные,— пояснила Инид.— Были такие, кто решил спастись бегством, лишь бы избегнуть бестелесности.

— Для значительной части человечества,— сообщил Тимоти,— бестелесность оказалась чем-то сродни новой увлекательной религии. Были, однако, и несогласные, притом протестующие весьма бурно. Мы причисляем себя к этим несогласным. Помимо нас есть и другие, кто предпочел скрыться в различных временных зонах. Мы живем малыми группами, и каждая держится обособленно. Так нас труднее обнаружить. После бегства несогласных бесконечники либо их ставленники стараются нас выследить. По-моему, вера в религиозную сущность бестелесности — выдумка чисто человеческая. Для самих бесконечников это, по моему убеждению, отнюдь не религия, а четкий план, охватывающий всю Вселенную. Бесконечники

уверены, что есть лишь одно-единственное явление, способное пережить гибель Вселенной,— это разум. И они поставили перед собой задачу создать сообщество разумов. Конечно, такое сообщество охватывает не только человечество, но и множество других разумных рас Галактики, не исключено, что и всей Вселенной. Возможно, бесконечники в нашей Галактике — всего-навсего небольшая миссия, одна из множества миссий, раскиданных по Вселенной и просвещающих невежественных язычников со всем усердием...

— Безумие! — завопил Хорас.— Говорю тебе, твои рассуждения — полное безумие!..

— Понимаете,— вмешалась Эмма,— мы ведь никогда не видели бесконечников. Другие, может, и видели, а мы нет.

— Эмма имеет в виду,— счел за благо пояснить Хорас,— что никто из нас, здесь присутствующих, не видел бесконечников собственными глазами. А другие видели и пришли к убеждению, что все человечество обязано согласиться на жизнь в виде фантомов чистого разума. Это их убеждение превратилось в безумную, абсурдную веру. Несогласные были поставлены вне закона.

— Стоит принять во внимание,— добавил Тимоти тихо,— что человечество созрело для подобных перемен. Оно изменилось задолго до появления бесконечников. К тому периоду, из которого мы сбежали, преобразились и жизненные ценности, и философские воззрения. Человечество устало, ему все наскучило. Оно достигло слишком высокого развития, добилось слишком многого. Дальнейший прогресс перестал кого-либо интересовать. Если говорить в целом, нормой существования стало всеобщее дилетантство.

— А как же вы? — спросил Бун.

— Нас это не коснулось,— заявил Тимоти.— Нас и некоторых других. Мы были отселенцами, отсталыми и неотесанными, живущими вне пределов ослепительного совершенства, в каком погрязло все остальное человечество. Мы пожелали остаться людьми. Мы не доверяли новым идеям. И потому стали изгнанниками.

— Но ваши времялеты...

— Мы просто-напросто украли их у бесконечников,— сообщил Хорас.— Мы остались людьми в достаточной мере, чтобы защищать себя любыми средствами, если это необхо-

димо. Бесконечники не лгут и не крадут. Они чересчур величественны и благородны.

— И глупы,— добавил Дэвид.

— Верно,— согласился Хорас.— И глупы. Но теперь они выследили нас, и нам придется снова бежать.

— Я не могу уехать отсюда,— заявил Тимоти.— Твердо решил, что никуда больше не поеду. Я не в силах бросить свои книги и записи, не в силах пожертвовать всей проделанной работой.

— Тимоти пытается,— сообщила Инид Буну,— найти хотя бы примерный ответ, где и как человечество сбилось с пути, как довело себя до ситуации, в которой люди через миллион лет согласятся с идеями бесконечников. По мнению Тимоти, где-то здесь, невдалеке от истоков нашей цивилизации, лежит ключ к ответу, и его можно найти при тщательном изучении истории и философии.

— Я уже близок к ответу,— заявил Тимоти.— Уверен, что близок. Но никак не сумею продолжить работу, лишившись книг и записей.

— У нас просто не будет места,— вклинился Хорас,— на все твои бесчисленные листы, не говоря уже о книгах. Вместимость ковчегов крайне ограниченна. Правда, у нас появился жилой ковчег Мартина, и это очень кстати. Есть еще наш собственный малый времялет и машина Гэхена, если она не вышла из строя...

— Думаю, что с ней ничего или почти ничего не случилось,— сказал Дэвид.— Гэхен потерял управление, только и всего. Тем не менее она села на клумбу относительно мягко.

— Надо ее осмотреть,— предложил Хорас.

— Наконец-то мы, кажется, сдвинулись с мертвой точки,— произнес Бун.— Но хочется или нет, предстоит принять еще несколько конкретных решений. Если вы убеждены, что надо сниматься отсюда, то может ли кто-нибудь предложить — куда?

— Можно присоединиться к общине в плейстоцене,— обронила Эмма.

Хорас отрицательно покачал головой:

— Не годится. База в Афинах разрушена, и Генри сообщил нам, что кто-то или что-то рыщет и здесь. С таким же успехом недруги могли обнаружить и базу в плейстоцене. А если еще

не обнаружили, то наше переселение в ту эпоху поможет им в этом. Я предлагаю отправиться глубже в прошлое, во времена до плейстоцена.

— А по-моему, надо вернуться в будущее,— высказался Дэвид,— и выяснить, что там творится.

— Обратно в осиное гнездо? — возмутилась Эмма.

— Что ж, пусть так, если этого не избежать,— ответил Дэвид.— Вполне вероятно, что там остались наши единомышленники, которые предпочли не сбежать, а скрываться и терпеть лишения. Может, они даже нашли какой-то иной выход из положения.

— Допускаю, что Мартин знал о происходящем больше нашего,— подосадовал Хорас,— но куда он к черту запропастился?

— И все же нужно какое-то время, чтобы все обдумать,— сказал Дэвид.— Негоже принимать важнейшие решения второпях.

— Два дня,— отрезал Хорас.— Два дня, и мы улетаем.

— Надеюсь, вы поняли,— заявил Тимоти тихо, но непреклонно,— что я не намерен улетать куда бы то ни было. Что бы ни случилось, я остаюсь здесь.

Глава 5

СТРАШИЛИЩЕ

Бун присел на низкую каменную оградку, отделяющую выгон от пашни. Там, на пашне, беззаботно резвились два сеттера, гоняясь друг за другом, а то и за птицами, когда собачья возня поднимала пернатых со стерни. Предвечернее солнце ласкало теплом, безоблачное небо простиралось над равниной голубым покрывалом.

Часа два подряд он рыскал по территории поместья в компании веселых сеттеров. Первоначально он вышел с твердым намерением обнаружить охранный купол, найти разделительную временную стену, которая — близко ли, далеко ли — должна была непременно доходить до самой земли. Он старался шагать строго по прямой, регулярно сверяясь с ориентирами, намеченными заранее. Но через час или чуть больше, двигаясь по прямой, он, к огромному своему удивлению, достиг почти той же точки, откуда начал движение.

Прогулку, однако, нельзя было назвать полностью бессмысленной и неудачной. За этот час сельский пейзаж проник ему в душу, наполнил ее покоем. Сколько же лет миновало с тех пор, как ему выпало в последний раз гулять на природе? Теперь на память пришли и другие прогулки, пусть они были в иные годы и в иных странах. Он столкнулся со стадом самодовольных овец, которые воззрились на пришельца с умеренным интересом, потом отбежали немного в сторонку и вновь застыли, пялясь на него, пока он не прошел мимо. Он переступал через быстрые крошечные ручейки с кристально чистой водой, проходил сквозь славные маленькие рощицы и с подлинным удовольствием любовался осенними цветами, склоняющимися над зеркальными заводями и прячущимися в тени живых изгородей.

Теперь он присел на каменную оградку неподалеку от того места, где перебрался через нее в начале прогулки. За его спиной лежала дорога, взбегающая меж усохших тополей к самому дому, а перед глазами расстилался простор сжатых полей. О чем он думал? Пожалуй, более всего — о тех чудесах, изумляющих до немоты, о которых ему с Коркораном рассказали живущие в доме люди. Но все это было столь фантастично, настолько превосходило всякое воображение, что додуматься ни до чего не удавалось, трудно было даже ухватиться за что-нибудь. И для каких-либо логических рассуждений отправной точки не находилось.

Далеко за полем, на опушке рощицы, мелькнула искорка. Там что-то шевелилось. Всмотревшись пристальнее, он в конце концов понял, что это человек, а еще чуть позже узнал Коркорана. Тот широким шагом поднимался по склону как раз в направлении оградки, где сидел Бун. Дождавшись приятеля, Бун похлопал ладонью по теплому камню и пригласил:

— Присаживайся, Джей. Поделись, где был, что видел.

Ибо Коркоран, яснее ясного, не отправился бы гулять без определенной цели — он что-то искал.

— Нашел край купола,— сообщил Коркоран.— Убежден, что не ошибаюсь, хотя виден край смутно, и поклясться, что это *именно* купол, *не* смогу.

— Я и сам искал этот край,— откликнулся Бун.— Шел строго по прямой, а пришел туда, откуда начал. И ничего не обнаружил. Хотя у тебя глаза устроены по-другому...

— Наверное, в этом все дело. Глаза у меня действительно устроены по-другому. Но у меня есть еще и свидетель. Генри, не тушуйся, подтверди ему...

— Генри? Какой еще Генри? Джей, ты сбрендил. Ты поднимался по склону один, совершенно один.

— Я нечаянно нашел друга. Просто выпало из памяти, что ты не способен заметить его при солнечном свете. Генри, будь добр, переберись в тень вон того дерева, чтобы Том тоже видел тебя.— Коркоран указал большим пальцем на деревце, приютившееся у самой оградки, и добавил: — Вглядись, Том, повнимательнее...

Бун уставился на деревце. Там ничего не было — но мгновением позже он подметил туманное мерцание, пляшущее в воздухе, как пляшут пылинки в узком солнечном луче, проникшем сквозь планки жалюзи. И из тени деревца к нему обратился беззвучный голос — непроизнесенные слова проникали прямо в мозг:

«Рад познакомиться с вами, сэр. Я Генри, хотя Хорас иногда называет меня Призраком, к беспокойству и негодованию других членов семьи. Я лично ничего не имею против — призрак так призрак. Может статься, это даже более подходящее имя для такого, как я. Ибо, в конечном счете, никто не в силах сказать, что есть призрак. Только если я в самом деле призрак, то отнюдь не из прошлого, как, подозреваю, большинство других призраков, а из будущего».

— Чтоб мне провалиться,— ответил Бун.— И все же, в сравнении с другими штуками, вы кажетесь мне почти заурядным явлением. Сегодня в вашей семье упоминали про вас. Да, кстати, меня зовут Том Бун, Джей и я — давние друзья.

«Все, что ваш друг сообщил вам про временную стену,— сущая правда,— отозвалось в голове Буна.— Мне известно, что он видел ее, хоть и нечетко. Ваш друг — человек необычный. Насколько мне известно, никто другой не в состоянии заметить стену, хоть люди уже научились засекать время. Пытался я показать вашему другу и какого-нибудь проныру. Я называю их пронырами, их тут много, они норовят нащупать купол. Чувствуют какую-то необычность, только не понимают, что это такое».

— Ну и как? — справился Бун у Коркорана.— Видел ты этих проныр?

— Что-то видел. Что-то небольшое, не крупнее обычной собаки. А вот разглядеть толком не сумел. Знаю, что возле купола вертелось что-то странное, и все.

«Я и сам не знаю, что они такое,— произнес Генри.— Но в данной ситуации не следует пренебрегать ничем, что выходит за рамки обыденности».

— Что новенького в доме? — осведомился Коркоран у Буна.

— Когда я уходил, они разговаривали. Никто больше не орал, разговаривали спокойно. Хорас с Инид отошли в сторонку и спорили о том, где похоронить Гэхена. А остальные разговаривали, обсуждали последние события...

— Наверное, мы с тобой поступили разумно, что удалились,— сказал Коркоран.— Дали им шанс договориться между собой без посторонней помощи.

Бун согласился:

— В сущности, это действительно их дело. Решение принимать им и никому другому.

— Когда ты вскочил на стол, ты вроде бы взял инициативу на себя.

— Ничего подобного. У меня и в мыслях не было соваться в чужой монастырь со своим уставом. Но они так разорались, что ни до чего не договорились бы. Крик мог бы продолжаться до ночи. Должен же был кто-то вернуть их к здравому смыслу!

«Вы судите их строго исходя из их поведения,— вмешался Генри.— Вполне допускаю, что они вели себя скверно, но вы не можете не понимать, что для них поставлено на карту. Они покинули свою эпоху, по вашему исчислению, полтора века назад. Разумеется, они спасали свою шкуру, но цель их бегства еще и в том, чтобы мужчины и женщины не стали бестелесными абстракциями, чтобы от человечества остались не только отвлеченные мыслительные процессы. Взгляните на меня. Я на полдороге к тому, что станется со всем человечеством, если бесконечники настоят на своем. В моем случае у них произошел сбой. Что-то разладилось, и меня выплюнуло на свободу, притом в нынешнем моем состоянии им меня больше не поймать. Я теперь за пределами любых воздействий, кроме, может быть, каких-нибудь чрезвычайных мер, о которых я и сам не имею представления. И раз уж мне по-

везло спастись, я вернулся к семье и пустился в путь вместе с ними. Благодаря моей неортодоксальной форме я оказался способен оказывать остальным кое-какие услуги. Меня признают полноправным членом семьи, и все дружно встают на мою защиту, как только Хорас — а он связан с семьей лишь постольку, поскольку правдами и неправдами склонил сестру Эмму выйти за него замуж,— не оказывает мне должного уважения».

— Захватывающая история! — воскликнул Коркоран.— Поистине она помогла нам лучше понять нынешнее положение вещей. Тебе, Генри, должно быть ясно, что нам нелегко безошибочно разбираться в событиях, какие произойдут через миллион лет после нас...

«Конечно нелегко,— отозвался Генри.— Должен честно признать, меня приятно поразило, насколько хладнокровно и четко вы восприняли все, что свалилось на вас за последние несколько часов. Наши откровения нисколько не выбили вас из колеи».

— Вероятно, мы слишком тупы, чтобы нас можно было выбить из колеи,— съязвил Бун.

«Ничего подобного. Вы не выказали ни малейшей тупости. Ваши реакции позволяют мне сделать вывод, что в основе своей человечество куда более рационально, чем можно было бы ожидать в такой близости к нашим изначальным корням».

— Мне все-таки любопытно,— сказал Коркоран,— каким это образом ты сумел оказать серьезные услуги семье во время бегства?

«Я был разведчиком,— ответил Генри.— Я идеально подхожу для этой роли. Кто заподозрит в чем-либо порхающий лунный луч или легкое мерцание при солнечном свете? Даже если меня заметят, любой здравомыслящий человек сочтет это кратковременным обманом зрения. Вот я и отправился в прошлое в одиночку. Во времялете я не нуждаюсь, пространство и время открыты мне в равной мере. Я выступал как доверенный лазутчик. Остальные готовились в путь, поджидая моего донесения. Но не успел я вернуться, как им пришлось бежать скоропалительно, наугад, не имея определенных планов. В конце концов я разыскал их в дебрях так называемого раннего средневековья, когда обширная часть Европы обезлюдела, заболотилась и лежала в развалинах. Найти там убежище было, может, и нетрудно, но жить неприятно».

— Так значит, это ты присмотрел для вашей базы поместье Гопкинс-Акр?

«Совершенно верно. Были и другие возможности устроиться не хуже, а то и лучше, были места, которые мне лично нравились больше. Но здесь обстоятельства сложились как по заказу. Владелец со всем семейством был в отсутствии, отправился на континент. Так что я, даже прежде чем пускаться на поиски остальных, выявил в нашем собственном времени техников, способных в интересах семьи вычленить это имение из его естественного окружения. Когда я вновь нашел своих близких среди зловонных топей, именуемых средневековой Европой, имение поджидало их точно таким, как сегодня».

— Интересно бы узнать, что случилось с самими Гопкинсами,— произнес Коркоран.— Вернулись они из своей поездки, а дома как не бывало! И все, что по соседству, исчезло за одну ночь: поля и фермы, усадьба со всей челядью. Что могли подумать в округе?

«Понятия не имею,— ответил Генри.— Никто из нас этого не знает, никто не интересовался. Это не наша забота. Мы взяли ровно столько, сколько нам было нужно. Собственность вовсе не священна, как вы полагаете».

Внезапно сзади послышался голос Дэвида:

— Я высмотрел вас здесь и пришел сообщить, что похороны решено провести на закате.

— Можем мы чем-либо помочь вам? — осведомился Бун.— Например, выкопать могилу?

Дэвид отрицательно покачал головой:

— Помощи не требуется. Хорас — мужик здоровый и может один перевернуть горы земли. Да и Тимоти не повредит немного поработать физически, хоть он этого и не любит. Нажить парочку мозолей на нежных ненатруженных ручках для нашего братца Тимоти будет очень поучительно. Да и Эмма подсобит, если нужно.

Поднявшись к двум друзьям, Дэвид уселся на оградку рядом с ними.

— С нами Генри,— сообщил Коркоран.— Мы тут с ним беседовали. Приятная и весьма познавательная беседа.

— Я так и думал,— сказал Дэвид.— У меня возникло ощущение, что он здесь. Генри, я рад твоему появлению. Значит, на похоронах вся семья будет в сборе. Все, за исключением

Колючки. Кстати, ты часом не знаешь, где он шляется? Может, пойдешь поищешь его?

«Не имею понятия, где он. Никто не в состоянии за ним уследить. Он может забрести куда угодно. В конце концов, это не столь важно. Он же не член семьи в полном смысле слова».

— Пожалуй, уже стал им,— ответил Дэвид.

— Один вопрос не дает мне покоя,— снова заговорил Коркоран.— Вы установили, отчего умер Гэхен?

— Хорас осмотрел тело. Грудь распахана словно ударом гигантской когтистой лапы. Диву даешься, как он ухитрился прожить достаточно, чтобы успеть предупредить нас. Он был почти мертв уже к моменту приземления времялета.

— А сколько времени занимает перелет из Афин?

— Перемещение должно было произойти практически мгновенно.

— Звучит логично. Когда мы летели из Нью-Йорка, на миг наступила тьма, и сразу же толчок при посадке.

— По-моему, из всех нас,— сказал Дэвид,— Хорас единственный, кто мог догадаться осмотреть Гэхена. Хорас готов вывернуть себе мозги, добираясь до сути вещей, рассчитывая все наперед. Но на долгий срок его предвидения не хватает. Сейчас он поставил все три времялета рядышком на лужайке. Тот, на котором прибыл Гэхен, в полном порядке. Аварийная посадка на клумбу ему нисколько не повредила. Хорас под завязку набил времялеты продуктами питания и оружием из коллекции Тимоти.

— Из чего я делаю вывод, что вы все-таки решили перебазироваться.

— Ну что ж, наверное, хоть и неизвестно в точности когда и куда. Зато Хорас прикрепил каждого к определенному времялету.

— И когда вы отправитесь, мы должны лететь с вами?

— Вне всякого сомнения. Нас совсем немного. Вполне возможно, что вы нам понадобитесь.

— Видимо, вы полагаете, что мы должны быть вам благодарны?

— Добровольно или нет, но вы отправитесь с нами. Оба.

— Не думаю,— сказал Коркоран,— что мне хотелось бы остаться здесь, на пространстве нескольких акров в пределах замкнутого сегмента времени.

— Удивительно, как все обернулось,— произнес Дэвид задумчиво, будто беседуя сам с собой.— Я имею в виду состав нашей семейки. Хорас, твердолобый, практичный хам, организатор и интриган. Эмма, наша плакальщица, наша совесть. Тимоти, книжный червь. Инид, мыслитель. И я, бездельник, паршивая овца, в сравнении с которой все прочие могут считать себя образцом добродетели...

— Постойте, постойте,— сказал Бун.— Инид — мыслитель?! Мне даже почудилось, что вы как бы подчеркнули это слово, придавая ему особое значение...

— В эпоху, откуда мы родом,— ответил Дэвид,— у людей наконец-то появился досуг, чтобы думать. Исчезла нужда надрываться ради хлеба насущного или продвижения по службе. Человечество добилось такого прогресса, что перестало его ценить. И многие, располагая временем в избытке, обратились к размышлению.

— К философии?

— Нет, к размышлению ради размышления. Ради того, чтоб убить время. Притом такое занятие стало пользоваться высоким уважением. Бывало, что размышление приводило к рождению новых больших идей, и тогда их обсуждали подробнейшим, предельно вежливым образом, но применять идеи на практике — нет, ни под каким видом. Мы устали от отсутствия реализации собственных идей. А размышлять можно бесконечно. Можно провести в размышлениях всю жизнь — так нередко и случалось. Не исключаю, что именно тут и кроется причина, отчего многие склонились к принятию концепции бесконечников и с готовностью согласились на превращение в ячейки бестелесного разума, в мыслящие единицы, не стесненные путами биологических тел...

— Сейчас это у вас прозвучало почти одобрительно, словно вам по душе программа, предложенная бесконечниками.

— Отнюдь нет,— заявил Дэвид.— Я просто пытаюсь обрисовать ситуацию, как она сложилась для большинства.

— Ну а Инид?

— С ней, пожалуй, дело обстоит иначе. Скажу так. Тимоти — аналитик, изучающий прошлое человечества в поисках изначальных, основополагающих ошибок нашей культуры и в надежде, что будущие остатки биологической расы сумеют с помощью этого анализа создать новую культуру, которая даст им лучшие шансы на выживание. А Инид намерена путем

дедукции наметить для этой культуры независимый сценарий развития, дать ей своего рода путеводную нить. Конечно, все это имеет смысл лишь в том случае, если хоть какая-то часть человечества сохранит прежнюю биологическую природу. Оба они, и Тимоти и Инид, выступают в роли первопроходцев, открывающих нам новые пути. Со временем им, быть может, действительно удастся создать новую модель человека и человечества.

«А вот и Инид, легка на помине»,— сообщил Генри.

Трое мужчин слезли с оградки и уже стоя поджидали ее.

— Церемония скоро начнется,— сказала она, подходя.

— Генри тоже здесь, с нами,— сообщил Дэвид.

— Прекрасно,— откликнулась она.— Значит, присутствуют все без исключения. Даже Колючка, и тот только что прикатился...

Они зашагали к дому — Коркоран с Дэвидом впереди, Бун рядом с Инид. Взяв его под руку, она заговорила тихо и доверительно:

— У нас не было времени сколотить гроб. Просто завернули тело в тонкую белую ткань, а Тимоти нашел кусок парусины, и мы с Эммой смастерили из нее саван. Больше мы ничего не придумали. Хорас по-прежнему в смятении. Он считает, что надо убираться отсюда, и чем скорее, тем лучше.

— А как по-вашему?

— Он, наверное, прав. Вероятно, действительно надо. Но как же не хочется покидать этот дом! Он служил нам пристанищем так долго... Да, а похоронить Гэхена решили за домом, у подножия старого дуба.

— Вы, видно, любите деревья?

— Да, люблю. И что тут необычного? Многие разделяют эту мою любовь. Вас удивит, если я скажу вам, что деревья придут нам на смену? Они переживут нас и займут наше место.

Бун рассмеялся:

— Утонченная гипотеза! Самая изысканная из всех, какие мне доводилось слышать...

Инид не ответила, и путь продолжался в молчании. Только у самого дома она показала рукой направо:

— Вот и времялеты. Уже на старте и ждут седоков...

И впрямь на лужайке перед домом выстроились все три аппарата — два малых на ближних позициях, а чуть подальше большой ковчег, служивший жильем пропавшему Мартину.

— Вы, как и ваш друг, отправитесь вместе с нами,— продолжала она.— Интересно, кто-нибудь догадался уведомить вас об этом? Надеюсь, вы не против. Жаль, конечно, что вас угораздило впутаться в наши передряги...

Бун ответил угрюмой шуткой:

— Не отказался бы от таких приключений ни за что на свете...

— Вы это серьезно?

— Сам не знаю. Вернее, знаю одно. Если вы улетаете, то лучше уж я полечу с вами, куда бы вы ни отправились, чем останусь здесь, под куполом, на веки вечные...

Коркоран с Дэвидом повернули налево в обход дома.

— Сразу после похорон,— сказала Инид,— мы соберемся все вместе и окончательно определим курс действий...

Откуда-то из-за дома донесся пронзительный скрежещущий визг. На мгновение визг прервался и сразу же возобновился — терзающий слух, леденящий душу вопль, с каждой секундой поднимающийся выше и выше, почти за пределы слышимости.

Бун бросился на вопль и сам неожиданно всхлипнул на бегу: этот звук стискивал горло, подавляя все чувства, кроме ужаса. И все-таки он бежал и почти завернул за угол, когда что-то тяжелое и стремительное налетело на него и опрокинуло. Он покатился кубарем по траве и остановился, лишь уткнувшись в заросли шиповника. Выбираясь из колючих кустов на ровное место, он опять упал, теперь уже носом в грязь. Грязь была липкая — одной рукой он счищал ее с лица, другой пытался освободиться от кустов, что оказалось тоже не так-то легко: острые, твердые шипы впились в одежду и отцепляться никак не желали.

Как только удалось снять грязь хотя бы частично, он увидел Эмму, которая мчалась во весь дух к времялету Мартина. Вслед за ней бежали другие — сколько, было не сосчитать, может и все,— и бежали стремглав, будто сам дьявол гнался за ними по пятам. «Не иначе как Эмма,— мелькнула мысль,— сбила меня с ног...» Он рванулся, выдираясь из кустов, но не тут-то было: упрямый цепкий отросток держал за штанину мертвой хваткой, и осталось лишь сесть на землю лицом к дому.

Из-за дома выдвигалось нечто непредставимое. Расскажи ему кто-то другой, он не поверил бы, что такое возможно;

будто ожила паутина поперечником футов в двенадцать, если не больше. Паутина беспрерывно пульсировала, и по каждой из составляющих ее тончайших нитей проносились, мерцая и искрясь, вспышки энергии — Буну подумалось, что это энергия, хотя поручиться было нельзя. За переплетением нитей виднелось зеркало или какой-то диск, а может быть, глаз. Удалось различить, хоть и смутно из-за ярких вспышек энергии, механические придатки, уже устремившиеся наружу и вниз, прямо к сидящему на земле человеку. По паутине были разбросаны и какие-то другие детали, но об их форме и назначении нечего было и гадать.

— Бун! — раздался крик.— Бун, дуралей, бегите, спасайтесь! Я подожду вас...

Он вскочил как ужаленный, отодрав наконец штанину от куста. Повернулся к времялетам — на лужайке осталась лишь одна из малых машин. Люк был открыт, рядом с люком стояла Инид.

— Бегите, бегите! — повторяла она.— Бегите!

И он побежал, как не бегал никогда в жизни. Инид уже забралась во времялет и подавала ему изнутри отчаянные знаки. Достигнув люка, он прыгнул туда с разбегу, но зацепился ногой за край и упал неловко, навалившись на Инид.

— Пустите, олух! — прошипела она.

Он кое-как скатился на бок. Люк с лязгом закрылся. В последнюю секунду Бун сквозь щель еще раз увидел паутину, почти накрывшую времялет. Инид старалась дотянуться до мерцающей в носовой части аппарата панели управления. Бун тоже пополз вперед — но внезапный толчок пришпилил его к полу, а вслед за толчком навалилась тьма. Такая же полная тьма, лишающая сил, какую он уже пережил в тот миг, когда ковчег Мартина покидал Нью-Йорк.

Глава 6
ИНИД + БУН

Свет вернулся вновь — перемигивание огоньков на панели и слабое солнечное сияние с экранчика наружного наблюдения. Бун приподнялся на колени, попытался встать в рост, но больно стукнулся головой о потолок.

— В этих малых машинах тесновато,— произнесла Инид легко и непринужденно, будто поспешное бегство ее нисколько не взволновало.— Тут надо ходить на четвереньках...

— Где мы?

— Трудно сказать. Мне было некогда устанавливать координаты в пространстве или во времени. Я просто скомандовала «старт».

— Это был изрядный риск, не так ли?

— Риск был. Но вы предпочли бы, чтоб я замешкалась и позволила тому страшилищу раздавить времялет?

— Разумеется, нет. Я и не думал критиковать вас.

— Разберемся по приборам,— сказала Инид, склоняясь над панелью.— Тут есть счетчик времени. Что касается нашего положения в пространстве, тут я ничего определенного узнать не смогу.

— И что показывает ваш счетчик?

— Считая от точки старта, мы передвинулись в прошлое более чем на пятьдесят тысяч лет. Если точно, на пятьдесят четыре тысячи сто.

— За пятьдесят тысяч лет до Рождества Христова?

— Именно,— подтвердила она.— Вокруг открытая местность. Равнина. Вдалеке холмы. Какие-то странные холмы...

Бун пополз вперед, втиснулся рядом с Инид и вгляделся в пейзаж на носовом экране. Равнина, покрытая скудной травой, убегала к лысым невысоким холмам. В отдалении просматривались пятнышки, похожие на пасущихся стадных животных.

— По-моему, Америка,— сказал он.— Прерии Среднего Запада. По всей вероятности, юго-западная часть нынешних Соединенных Штатов. Откуда я это знаю? Право, не могу объяснить, просто чувствую. В мое время здесь образовалась пустыня, но за пятьдесят тысяч лет до того вполне могли быть хорошие луга и пастбища...

— А люди?

— Людей здесь, видимо, нет. Считается, что люди пришли на этот континент за сорок тысяч лет до моего времени. Не раньше. Хотя ученые, конечно, могут и ошибаться. Так или иначе, это Америка ледникового периода. К северу отсюда должны быть ледники.

— Тогда здесь относительно безопасно. Ни кровожадных дикарей, ни прожорливых хищников...

— Хищники есть, но и добычи у них вдосталь. Они нас не потревожат. Вы представляете себе, где все остальные?

Она пожала плечами.

— Была такая минута, когда каждый сам за себя.

— А Тимоти? Он же заявил, что не тронется с места...

— И все-таки он, по-моему, улетел вместе со всеми. Только ваш друг Коркоран замешкался, стал препираться, хотел выяснить, что с вами. Но Дэвид схватил его и втолкнул во вторую малую машину. Оба времялета снялись раньше нас.

— А вы дождались меня.

— Не могла же я бросить вас на растерзание этому монстру!

— Как вы думаете, этот самый монстр и разрушил базу в Афинах?

— Не исключено. Точнее не скажешь. Выходит, вам знакомо это место, где мы сейчас?

— Если это действительно юго-западная часть Штатов, я здесь бывал. Раза два проводил здесь отпуск. Очень похоже на те самые места, если только на Земле нет других районов с такими же холмами. Но я никогда не встречал ничего подобного в других частях света.

— Еда и все прочее, что Хорасу заблагорассудилось швырнуть в наш времялет, должны быть где-то ближе к корме. Он загрузил припасы во все три ковчега, но очень спешил и, боюсь, не уделял должного внимания тому, что именно грузит. Кажется, то ружье, которое Дэвид привез для Тимоти из Нью-Йорка, попало как раз в нашу машину.

— Вы хотите выйти наружу?

— Думаю, рано или поздно придется. Тут слишком тесно. Надо выйти, размять ноги, слегка оглядеться и посображать не спеша, что делать дальше.

— У вас есть хоть какая-то идея, что делать дальше?

— Ни малейшего проблеска. Однако и выследить нас в таком местечке, как это, будет нелегко, если вообще возможно.

Пробравшись в кормовую часть времялета, Бун нашел ружье, рюкзак, связку одеял и еще с десяток узлов и пакетов, сваленных вслепую. Он кое-как собрал их все в кучу, а Инид тем временем открыла люк.

На пороге Бун задержался и осмотрел ружье. Один патрон был в патроннике, в обойме еще пять. И можно было надеяться, что в одном из пакетов найдутся запасные боеприпасы.

— Задержитесь на секунду,— бросил он Инид.— Дайте мне выяснить, что вокруг...

Спрыгнув на землю, он стремительно выпрямился, ружье взял наизготовку. Ну что за чушь, упрекнул он себя, тут же никого и ничего нет. Если это юго-запад Северной Америки пятьдесят тысячелетий назад, тут одни стада травоядных да рыскающие хищники, и хищники эти заняты чем угодно, только не тем, что лежат в засаде в ожидании, не забредет ли сюда случайно заблудившийся во времени человек,— к тому же человек для них не слишком лакомая добыча...

Разумеется, вокруг никого и ничего не было. Земля была необитаемой, если не считать отдаленных пятнышек, которые он приметил раньше и признал за стадо на выпасе.

Времялет лежал у подножия крутого холма, одного из разбросанных там и сям по равнине. Чуть ниже середины склона приютилась рощица тощих деревец, скорее всего можжевеловых. За исключением этой рощицы и отдельных клочков травы, склон был совершенно голым. Однообразную его наготу нарушали лишь редкие выросты окаменевшего песчаника.

Инид подошла поближе и молча встала рядом.

— Мы здесь полные хозяева,— произнес Бун.— Времялет не ошибся. Мало того что выбрал пустынную территорию, еще и в ней определил для посадки самый глухой уголок, какой только мог найти.

— Времялет ни при чем,— возразила она.— Это получилось по чистой случайности.

Солнце прошло уже полпути к закату — Бун решил, что оно стоит на западе, хоть и сам не мог бы сказать почему.

В вышине плыла одинокая птица, не шевеля крыльями, дрейфуя на тепловых потоках. Стервятник, подумалось Буну, высматривает, чем поживиться. Вблизи и вдали торчали небольшие валуны. Из-за недалекого валуна показалось что-то ползучее и устремилось извиваясь прочь от людей.

— Вот кого надо остерегаться,— заметил Бун.

— Змей? Как они называются?

— Это гремучка. Гремучая змея.

— Никогда о таких не слышала. Мое знакомство со змеями вообще ограничено. Кажется, я видела змей всего-то раз или два в жизни.

— Некоторые змеи опасны. Не обязательно смертельно опасны, но ядовиты.

— А гремучие змеи?

— Укус их опасен, иногда смертелен. Но они, как правило, предупреждают о нападении, гремя трещоткой на хвосте.

— Вы спрашивали, что нам делать. Я ответила, что у меня нет никаких идей. А у вас?

— Для идей еще слишком рано,— ответил Бун.— Мы едва-едва приземлились. Вашими усилиями у нас появился запас времени. Давайте используем его наилучшим образом.

— Вы хотите остаться здесь?

— Ненадолго. Здесь нас ничто не держит, просто нечему держать. Но здесь можно передохнуть, собраться с мыслями и все спланировать. А пока давайте чуть-чуть осмотримся...

С этими словами Бун тронулся вдоль подножия холма. Инид семенила рядом, стараясь не отставать.

— Что вы ищете?

— В сущности, ничего. Хочу познакомиться с рельефом, получить представление о том, где мы очутились и чего ждать. Может статься, где-нибудь на склоне обнаружится родник. Склоны сложены из песчаника. Песчаник хорошо впитывает воду, она просачивается вниз. А если наткнется на менее пористую породу, вытекает наружу.

— Вам известны поразительные вещи...

— Просто опыт жизни в лесу. Он дает знания о том, как что устроено в природе.

— Вы дикарь, Бун.

Он хмыкнул:

— Конечно дикарь. А чего вы от меня ждали?

— Иные люди остались дикарями вплоть до нашей поры. Но дикарями, не похожими на вас. Мы потеряли контакт с тем, что вы именуете природой. Да в наше время природы почти и не осталось. То есть дикой, нетронутой природы...

Склон впереди прерывался иззубренным обнажением песчаника. Едва они принялись огибать преграду, из-за нее выпрыгнул серый зверь, отбежал футов на пятьдесят и обернулся, разглядывая непрошеных гостей.

— Волк,— сказал Бун со смехом.— Точнее, гигантский койот — разновидность степных волков. Наше появление его порядком озадачило.

Волк вовсе не выглядел озадаченным. Он осторожно попятился бочком, смешно пританцовывая, потом, очевидно убедившись, что прямой угрозы нет, неспешно уселся, обвив лапы хвостом. Всмотревшись еще пристальнее, приподнял верхнюю губу, собирался зарычать, но передумал и позволил губе опуститься, прикрыв обнаженные было клыки.

— Где-нибудь поблизости есть и другие его сородичи,— сказал Бун.— Волки обычно не бродят поодиночке.

— Они опасны?

— Если достаточно проголодаются, то могут быть и опасны. Этот волк, по-моему, уже пообедал.

— Волки и гремучие змеи,— заметила Инид.— Не уверена, что мне здесь нравится...

Как только они обогнули выступ песчаника, Бун замер на полушаге так неожиданно, что Инид, следовавшая за ним по пятам, ткнулась ему в спину. Выступ изгибался вовнутрь, а затем вновь устремлялся наружу, образуя каменный карман. И там, вжавшись в карман, стоял уже не волк, а другой, еще более крупный зверь. Огромная черная, шерстистая голова с мощными, разнесенными не менее чем на шесть футов рогами была грозно опущена вниз. Густая борода, свисающая с нижней челюсти, волочилась по земле.

Бун, схватив Инид за руку, медленно попятился назад. Глаза зверя, словно обведенные красным ободком, свирепо сверкали из-под спутанной шерсти.

— Тихо,— предупредил Бун.— Никаких резких движений, иначе он может броситься на нас. Видимо, его донимают волки. Он стар и доведен до отчаяния.— Только отступив за край выпуклости перед карманом, Бун позволил себе остановиться. Отпустив руку женщины, поднял ружье к плечу и пояснил: — Это бизон. В Америке их называют степными быками.

— Какой же он огромный!

— Старый бык. Потянет на тонну, если не больше. Не то что бизоны двадцатого века. А может, это какой-то вымерший вид, например латифрон. Точно не знаю.

— Вы сказали, его донимают волки. Но где волкам с ним тягаться!

— Он стар и, вероятно, болен. Рано или поздно они его докопают. Терпения волкам не занимать. Неспроста он прижался к скале — стоит насмерть на последнем рубеже.

— Я заметила там вблизи пару волков. И еще одного выше по склону.

— Я же говорил вам — они охотятся стаями.

— Бедный бык,— сказала Инид.— Мы не можем как-то помочь ему?

— Самым добрым делом было бы пристрелить его, но на это я пока не способен. А вдруг ему еще выпадет шанс удрать? Хотя, честно говоря, сомневаюсь. Видите птицу там наверху?

— Я ее заметила еще раньше. Парит кругами.

— Выжидает. Предчувствует, чем все кончится. Когда волки загрызут бизона, стервятнику тоже кое-что останется. Пойдемте дальше. Мы ведь собирались поискать воду...

Вскоре они и впрямь нашли крошечный ручеек, просачивающийся из-под пласта песчаника. Собственно, ручейка как такового не было, он сразу впитывался в пересохшую почву, напоминая о себе лишь нешироким влажным пятном. Бун с усилием выкопал ямку, где могла бы собираться вода. Потом они вернулись к времялету взять какую-нибудь посудину, которую можно было бы использовать как ведро. Нашли только скромную кастрюльку. Когда снова добрались до источника, воды в ямке набралось как раз на кастрюльку.

Тем временем Бун убедился, что определил положение солнца без ошибки. Солнце действительно было на западе и успело скатиться гораздо ближе к горизонту.

— В тех можжевеловых зарослях найдутся дрова,— сказал он.— Нам понадобится костер.

— Если бы у нас был топор! — откликнулась Инид.— Я перебрала все, что Хорас напихал в нашу машину. Пища, одеяла, эта кастрюлька, сковородка, зажигалка — вот и все. Топора нет.

— Ничего, обойдемся,— утешил ее Бун.

Они дважды поднимались к зарослям и приволокли древесины больше, чем требовалось на ночь. Солнце уже свалилось за горизонт. Бун запалил костер, предоставив Инид рыться в рюкзаке, выбирая еду.

— По-моему, лучше всего остановиться на ветчине,— предложила она.— Тут есть и буханка хлеба. Как вам это покажется?

— На мой взгляд, замечательно,— поддержал Бун.

Сидя у костра, они жевали сандвичи с ветчиной, а вокруг сгущалась ночь. Где-то поблизости жалобно скулил волк, издалека доносились и другие звуки, которые Бун был не в силах распознать. Тьма становилась все непрогляднее, высыпали звезды, и Бун принялся вглядываться в них, прикидывая, есть ли изменения в рисунке созвездий. Минуту-другую чудилось, что да, есть, однако он и в своем-то столетии не был знатоком звездного неба и не мог судить об этом с точностью. На земле, за пределами светового круга, тоже загорелись как бы слабые звездочки — парами, одна подле другой.

— Волки? — догадалась Инид.

— Очень похоже. Скорее всего, они никогда прежде не видели костра. И никогда не видели человека, да и запах его был им незнаком. Им любопытно, а может, и страшновато. Во всяком случае, они настороже. Будут наблюдать за нами исподтишка, на большее не осмелятся.

— Вы в этом уверены?

— Более или менее. Они уже нацелились на того бизона. Когда проголодаются, пойдут на него в атаку. Возможно, два-три из них погибнут, зато остальные насытятся до отвала. Сейчас они просто-напросто ждут, чтобы бизон еще немного ослабел, и уж тогда попробуют его добить.

— Но это ужасно! — воскликнула Инид.— Поедать друг друга...

— А мы чем лучше? Наша ветчина...

— Да знаю я! Знаю! И все-таки ветчина — это не совсем то же самое. Свинью растили специально на убой.

— А по существу, никакой разницы: одни существа лишаются жизни, чтобы другие жили.

— По существу,— заявила она,— никто из нас еще не достиг подлинной цивилизованности. Меня, признаться, занимает другое. Когда вы там, в Гопкинс-Акре, высвободились из куста шиповника и бросились сломя голову к времялету, а страшилище за вами по пятам, я ожидала, что вы вот-вот исчезнете...

— Исчезну? Как — исчезну? С чего вдруг?

— Вспомните, вы же сами нам рассказывали. Что вы можете в миг опасности взять и ступить за угол.

— Ах вот что! Наверное, страшилище не представляло особой опасности. Вы дожидались меня, люк был открыт. По-видимому, моя способность ступить за угол проявляется лишь как последнее средство к спасению.

— И еще одно. В Нью-Йорке вы ступили за угол, прихватив с собой Коркорана, и очутились в ковчеге Мартина. А куда вы попадали в предыдущих случаях?

— Странная вещь,— ответил он,— но я толком не помню. По всей вероятности, в тех случаях я проводил за углом, где бы это ни было, самый короткий срок. Спустя мгновение я возвращался обратно в свой привычный мир.

— Как хотите, но это не могло длиться всего мгновение. Вам надо было пробыть там достаточно долго, чтоб опасность миновала.

— Да, конечно, вы правы, но я как-то не пробовал выяснять это даже для себя. Наверное, просто избегал смотреть фактам в лицо. Правда, черт ее побери, казалась слишком неправдоподобной. Однажды, помнится, я сказал себе, что дело в каком-то сдвиге во времени, но не посмел довести мысль до конца. Испугался.

— Но где же вы все-таки были? У вас должны были сохраниться хоть какие-то впечатления!

— Каждый раз все казалось ужасно расплывчатым, я словно окунался в густой туман. В тумане были какие-то предметы, но я их четко не видел. Ощущал, что там что-то есть, и замирал от страха. Но почему это вас интересует?

— Время — вот что меня интересует. Мне пришло в голову, что вы могли передвигаться во времени.

— Не испытываю уверенности, что дело обстоит именно так. Я лишь подумал однажды, что это не исключается. Это было бы простейшим объяснением явления, иначе совершенно непостижимого. А мы всегда ищем самых легких, простых ответов. Даже когда самый легкий ответ все равно невозможно понять.

— Вот мы умеем путешествовать во времени,— сказала она,— но я убеждена, что никто из нас по-настоящему не понимает, как это происходит. Мы стащили аппаратуру у бесконечников, и все. Кража стала нашим ответным ударом, у нас не было другого способа бежать от них. Давно, задолго до знакомства с бесконечниками, человечество овладело сверх-

дальними путешествиями в пространстве. Допускаю интерес к нам. Я даже задавала себе вопрос, не связаны ли межзвездные полеты на скорости, многократно превышающей скорость света, с использованием базовых элементов теории времени. Ведь известно, что пространство и время как-то взаимосвязаны, хоть я никогда не могла этого до конца постичь, что именно наши дальние путешествия привлекли внимание бесконечников, пробудили у них интерес к нам. Я даже задавала себе вопрос, не связаны ли межзвездные полеты на скорости, многократно превышающей скорость света, с использованием базовых элементов теории времени. Ведь известно, что пространство и время как-то взаимосвязаны, хоть я никогда не могла этого до конца постичь.

— Значит, вы заимствовали технику путешествий во времени у бесконечников. И вы еще называете себя дикарями. Да какие же вы дикари! Уж если кто-то способен не только заимствовать такую идею, но и запрячь ее в работу...

— Там, в будущем, остались другие, кто наверняка сумел бы использовать путешествия во времени получше нашего. Только они не проявили к тому никакой охоты. Машины, даже самые хитроумные, какие нужны для путешествий во времени, их теперь не волнуют. Они перешли на иной, высший, уровень...

— На уровень упадка — вот куда они перешли,— выпалил Бун.— Они отказались от своей человечности.

— А что такое человечность? — спросила она.

— Вы мне не поверите. Но вы здесь со мной, а не там, за миллион лет в будущем.

— Прекрасно понимаю. И тем не менее как может кто бы то ни было знать точный ответ? Разумеется, Хорас всегда уверен в собственной правоте, но Хорас — фарисей. Эмма также уверена в правоте Хораса, но с ее стороны это слепое, глупое поклонение мужу. А вот про Дэвида не могу сказать ничего определенного. Дэвид — шалопай, ему, по-моему, просто наплевать на других...

— А по-моему, нет,— возразил Бун.— Когда доходит до кризиса, ему вовсе не наплевать.

— Есть так много целей, которых человечество могло бы достичь,— продолжала Инид.— Оно могло бы сделать еще очень, очень многое. И вдруг, если историки не врут, люди

потеряли интерес к чему бы то ни было. Неужели в наше сознание встроен врожденный тормозной механизм, принуждающий нас замедлить ход? Думаю об этом, думаю — и ни до чего не додумываюсь. Хожу и хожу кругами. Таково уж мое проклятие — ум не в силах успокоиться, пока не переберет все-все возможности, пока не уяснит все тонкости вопроса.

— Ну-ка сбавьте обороты,— сказал Бун.— Вы никак не решите все загадки мироздания за один вечер. Вам надо поспать. Ступайте во времялет, а я останусь здесь и буду поддерживать огонь.

— Не боитесь, что вас растерзают волки?

— Я сплю неглубоко. Буду регулярно вставать и подбрасывать дрова. Пока горит костер, волки предпочтут держаться в отдалении.

— Лучше я тоже останусь здесь, рядом с вами. Так мне будет спокойнее.

— Вам решать. Но во времялете безопаснее.

— Я там задохнусь. Пойду принесу одеяла. Вы ведь тоже не откажетесь от одеяла, не так ли?

Он кивнул:

— Ночью может похолодать...

Взошла луна. Огромная, желтая, будто распухшая, она плыла вверх над нагими холмами, которые стали теперь пепельно-серыми. Земля казалась вымершей — ни шевеления, ни шороха. Даже любопытствующие волки куда-то пропали — за световым кругом больше не было горящих глаз. Потом Бун заметил в лунном сиянии тихо скользнувшую тень и понял: нет, они не ушли, а как бы растворились в ночи, сделались бесплотными. На него повеяло пустотой и одиночеством.

Вернулась Инид, протянула ему одеяло и осведомилась:

— Одного довольно?

— Вполне. Я наброшу одеяло на плечи.

— Вы что, собираетесь спать сидя?

— Мне не привыкать. Это помогает не терять бдительности. Если задремлешь, клюнешь носом и сразу проснешься.

— Никогда не слышала ничего более нелепого,— заявила она.— Вы все-таки удивительный тип.

Бун ответил ей смешком. Через полчаса, когда он встал подбросить дров в огонь, она уже крепко спала, завернувшись

в одеяло с головой. Поддержав костер, он снова уселся, натянул одеяло на плечи и, укутавшись поплотнее, положил ружье на колени.

Когда он очнулся в следующий раз, луна стояла высоко в небе. Пламя костра чуть поникло, но топлива пока хватало. Он позволил голове упасть на грудь и почти задремал опять, как вдруг, резко придя в себя, увидел: по ту сторону костра тоже кто-то сидит. На сидящем было какое-то смутно видимое одеяние и нечто наподобие конической шляпы, съехавшей вперед и полностью закрывшей лицо. Бун не шелохнулся. Сознание еще не прояснилось со сна, и, чуть приоткрыв глаза, глядя на нежданного посетителя сквозь ресницы, он поневоле недоумевал: действительно там кто-то сидит или это пустая, навеянная сном галлюцинация? Тот другой также не шевелился. Может, это волк, деформированный сном в сидящего человека? Ну уж нет, сказал себе Бун. Волк, по-дружески расположившийся у костра,— чепуха, это не волк.

Стряхнув летаргию, Бун с трудом поднялся. При первом же его движении видение за костром исчезло. Вот видишь, сказал он себе, там и не было никого, просто-напросто ночной мираж... Переворошив угли подвернувшимся под руку поленом, он сгреб в кучу все, что не догорело, подбавил еще дров и, завернувшись в одеяло, снова задремал.

Наконец он очнулся еще раз, теперь постепенно, как пробуждался бы в собственной постели, однако в подсознании по мере пробуждения нарастал и сигнал опасности. Сигнал заставил его напрячься, он чуточку приоткрыл глаза — прямо перед ним, почти нос к носу, сидел волк. Довольно было приподнять веки повыше, и волчьи глаза, желтые, зловещие, уставились на него в упор не мигая.

Мозг, переполошившись, взывал к каким-то немедленным действиям, но Бун усилием воли удержал тело в повиновении. Не было сомнения: сделай он любое резкое движение, и тяжелые волчьи челюсти снесут ему пол-лица.

Волк, со своей стороны, приподнял верхнюю губу, предуведомляя о рычании, но не зарычал, а позволил губе опуститься. За исключением этого волк оставался недвижим.

Невероятно, но Бун чувствовал безумное желание расхохотаться. Ну не абсурдно ли: задолго до начала истории, в центре небытия, волк и человек сидят недвижно нос к носу.

Абсурд разрешился тем, что человек прошептал, едва шевеля губами: «Здорово, щен!» При звуке голоса волк немного отполз не вставая, но расстояние между ним и человеком увеличилось на какой-нибудь фут, не более.

Только тут Бун заметил, что костер почти погас. Внутренний будильник подвел своего хозяина, и он проспал.

Волк опять дернул губой, намереваясь зарычать, и опять передумал. Уши, до того прижатые к голове, вдруг выставились вперед, как у любопытного пса. Захотелось протянуть руку и потрепать этого, видимо, дружелюбного зверя по холке. Здравый смысл подавил неуместный импульс. Волк, не отрывая зада от земли, отполз еще немного назад.

Поодаль, за костром, собрались и другие волки, напружинив уши и неотступно следя за происходящим.

Через минуту волк неторопливо встал и попятился. Бун остался сидеть. Пальцы сомкнулись на прикладе ружья, хоть он сразу понял: стрелять уже нет нужды, инцидент исчерпан. Оба, и человек и волк, проявили должное хладнокровие, и опасность миновала, а может, ее и не было. Более чем вероятно, что волк и не собирался причинить человеку зло. Просто костер потух, и волк подобрался поближе, обуреваемый чисто собачьим любопытством: что за новый зверь ни с того ни с сего объявился в его охотничьих угодьях и на что этот зверь, собственно, похож?

Поначалу волк отступал чуть боком, медленно и осмотрительно. Потом совершенно непочтительно повернулся к Буну задом и поскакал длинными прыжками к своим собратьям.

Сбросив с себя одеяло, Бун встал. Костер, как выяснилось, все-таки не совсем догорел. Под верхним слоем золы тлел крошечный огонек. Как только Бун подложил сухих можжевеловых веточек, пламя вспыхнуло вновь, и стало возможно добавить настоящего топлива. Когда он возродил костер и огляделся, волков и след простыл.

Покопавшись в рюкзаке, Бун обнаружил пакет овсяных хлопьев. Воды в кастрюльке еще хватало, так что оставалось лишь отлить сколько надо, засыпать хлопья, найти ложку и хорошенько перемешать. Когда Инид проснулась и села в своем одеяле, Бун, присев у костра, был поглощен приготовлением завтрака. Небо на востоке начало светлеть, в воздухе была разлита прохлада.

Подойдя к костру, Инид присела рядом. Согревая руки, вытянула их над огнем и осведомилась:

— Что там у вас в кастрюльке?

— Овсянка. Надеюсь, вы ее любите.

— В общем, да. Только, боюсь, у нас нет ни сахара, ни молока. О чем, о чем, а об этом Хорас не позаботился.

— Там есть остаток ветчины. Да и что-нибудь еще найдется. Когда мне попалась овсянка, я уже не искал ничего другого.

— Как-нибудь проглочу. По крайней мере, овсянка теплая.

Когда каша сварилась, они дружно вычистили кастрюльку до дна, хоть Инид догадалась верно: ни сахара, ни молока среди припасов не оказалось. После завтрака Бун предложил:

— Пойду к ручейку вымою посуду. Заодно принесу еще воды.

— А я тем временем упакую вещи и перенесу обратно во времялет. Незачем им валяться здесь как попало.

— Хотите, оставлю вам ружье?

Она скорчила гримаску.

— Я же не умею с ним обращаться. Да и сомнительно, чтоб меня здесь подстерегла какая-либо опасность.

Он согласился, хоть и не без колебаний:

— Вероятно, так. Если вдруг что-нибудь, прыгайте во времялет и закройтесь.

У источника он встретил двух волков, увлеченно лакающих из выкопанной им ямки. Вежливо отступив, волки позволили Буну наполнить кастрюльки водой и вымыть посуду. Но когда он на обратном пути обернулся, они уже вновь подобрались к ямке и лакали так же сосредоточенно.

Инид по-прежнему сидела у костра и, приветствуя его возвращение, помахала рукой. Подойдя поближе, он задал вопрос:

— Появилась у вас хоть какая-нибудь идея, что предпринять?

Она помотала головой:

— Даже не думала об этом. Если б я могла догадаться, куда улетели остальные, можно бы присоединиться к ним. Но они, наверное, поступили точно как мы — стартовали в мгновение ока и куда попало, лишь бы унести ноги...

— Если неизвестно, куда лететь, значит, в нашем распоряжении уйма времени. Сдается мне, нет большого смысла

сниматься отсюда, пока не появится какой-то определенный план.

— Рано или поздно Генри сумеет взять наш след. Сейчас он, как я понимаю, в одной из двух других машин.

— «Рано или поздно»,— откликнулся Бун,— это звучит, пожалуй, как «очень долго». А мне что-то не хочется провести остаток моих дней на континенте, где, кроме нас, нет ни одного человека. Уверен, вам тоже не хочется. Можно бы поискать местечко, которое придется нам больше по вкусу.

— Действительно можно,— согласилась она.— Но не сейчас, позже. Если мы оставили след, который можно заметить, неразумно обрывать его. Останемся пока здесь и будем надеяться, что Генри сумеет нас найти.

Он сел на противоположной от нее стороне костра и проговорил:

— В общем-то, легко представить себе места и похуже. Здесь нам, по крайней мере, ничто не угрожает. Хотя, боюсь, спустя какой-то срок нам здесь порядком наскучит. Равнины да холмы, птицы в небе, а на земле волки да бизон собственной персоной. И никаких событий.

— У нас кончится еда,— встревожилась она.

— Еды здесь сколько угодно. Бизоны и другие животные, годные в пищу.— Он похлопал по прикладу ружья.— Пока оно не откажет, прокормимся. А когда кончится последний патрон, сделаем себе копья, а может, луки и стрелы.

— До этого не дойдет,— заверила она.— Мы снимемся отсюда гораздо раньше.

Потянувшись к кучке веток, он выбрал три-четыре нетолстых и, подбросив в огонь, заметил:

— Придется еще раз сходить за дровишками. А то скоро иссякнут.

— Давайте сегодня заготовим их целую гору,— отозвалась Инид.— Не лазать же, в самом деле, наверх в ту рощицу каждый день...

Низкий рев, раздавшийся где-то невдалеке, заставил их обоих вскочить. Рев оборвался, потом повторился, перейдя в низкое мычание.

— Это бык,— догадался Бун.— С ним что-то неладно.

Инид вздрогнула.

— Наверное, волки решились напасть.

— Пойду погляжу,— сказал Бун и сделал несколько шагов. Инид засеменила рядом.

— Нет,— осадил он ее.— Вы останетесь здесь. Я не знаю, что там...

Размашистым шагом Бун дошел до уступа песчаника, обогнул его и заглянул в каменный карман, где укрылся бизон. Тот, казалось, отступил еще дальше, совершенно вжавшись крестцом в крутую скалу. Вокруг танцевали полдюжины волков, то нападая мелкими скачками, то крутясь на одном месте и отпрыгивая, чтоб избежать рогов. Бизон гневно ревел, но в гневе уже как бы сквозило отчаяние. Голова склонилась к самой земле, рев вырывался короткими хриплыми вскриками. При этом бык мотал головой из стороны в сторону, чтобы держать рога наготове против волчьей атаки. Вместе с головой из стороны в сторону ходила и борода, подметая землю. Бока дрожали крупной дрожью, и было яснее ясного, что держаться в безвыходном положении, отгоняя волков, ему осталось недолго.

Бун поднял ружье — и все-таки, прежде чем прижать к плечу, помедлил еще немного. Бизон повел головой и уставился на человека, красные его глазки посверкивали из-под спутанной шерсти. Бун подумал и опустил ружье.

— Нет, старик, еще не сейчас,— произнес Бун.— Не сейчас! Когда они совсем приблизятся, ты успеешь уложить одного или двух. Уж в этом-то я не вправе тебе отказать.

Бизон не сводил глаз с человека. Рев притих до чуть слышного мычания. А волки, потревоженные вторжением Буна, отошли назад.

Тогда Бун, в свою очередь, попятился — а волки, как и бизон, не сводили с него глаз. Я здесь самозванец, сказал он себе. Я — неожиданный и неучтенный фактор, вторгшийся в местную среду. Мне не отведено здесь никакой роли, не дано мне и права на вмешательство. В течение бессчетных столетий старые бизоны, утратившие с годами силу и прыть, становились волчьей добычей. Волки в этой эпохе — дипломированные хищники, состарившиеся бизоны — заведомые их жертвы. Такова логика жизни, так повелось, и не нужен волкам судья на ринге, чтобы вынести приговор...

— Бун!!!

При крике Инид Бун стремительно обернулся и стремглав обежал уступ. Она стояла у костра и показывала куда-то вверх

по склону холма. Оттуда, быстро спускаясь вниз и направляясь прямо к их бивуаку, спускалось неправдоподобное страшилище, выжившее их из Гопкинс-Акра. Паутина поблескивала на утреннем солнце. Поверх паутины сиял огромный блестящий глаз, а из-под паутины выныривал какой-то темнеющий механизм.

Бун понял сразу и наверняка, что не успевает выйти на рубеж эффективного огня. Остановить монстра не было вообще никаких шансов.

— Бегите! — заорал он.— Во времялет! Немедленно!

— Послушайте, Бун...

— Спасайте времялет! — прокричал он.— Спасайте времялет!

Она бегом метнулась к машине, прыжком одолела входной люк. А монстр уже почти настиг ее, до времялета ему оставалось немногим меньше ста ярдов.

Бун, едва не рыдая, поднял ружье. В глаз, мелькнула мысль, целься в этот огромный, круглый, сверкающий глаз! Может, и не лучший способ расправиться с монстром, но единственный пришедший на ум. Палец напрягся на спусковом крючке, но едва Бун начал прижимать спуск, времялет исчез. Пространство, где только что стояла машина, опустело.

Не дожав спусковой крючок, он отвел ружье вниз. Монстр пронесся по пустому месту, где только что стоял времялет, и круто повернул к Буну. Прямо на него воззрился огромный глаз, вознесенный над паутиной, сама паутина нестерпимо сверкала на солнце, а вот механизм неожиданно втянулся внутрь и скрылся в переплетении нитей.

— Ладно,— произнес Бун.— Сейчас я тобой займусь...

У него было шесть патронов, и, прежде чем монстр приблизится, он наверняка успеет сделать четыре выстрела. Сначала в глаз, потом по паутине...

Однако монстр и не думал приближаться, а застыл как вкопанный. И в то же время Бун не сомневался, что противник знает о его существовании. Просто физически ощущалось, что страшилище прекрасно видит его.

И тем не менее... Он ждал минуту, две, а оно ни с места. Оно заметило его, оно, несомненно, опознало в нем человека, и ни с места. Неужто, мелькнула мысль, оно способно отли-

чить его от тех, за кем надо охотиться? А почему бы и нет: если это робот-преследователь, а по всем признакам именно так, его могли узко запрограммировать на строго определенные цели. Но с учетом всех фактов такое предположение не слишком вероятно. Логичнее допустить, что робот включил бы в число целей любого человека, связанного с беглецами из будущего.

Бун сделал шаг вперед и опять выждал. Страшилище не шелохнулось. Уж не решило ли оно поиграть с ним в кошки-мышки и теперь дожидается, чтобы он придвинулся достаточно близко и можно было достать его одним броском, не дав ему ни секунды на защиту?

Тут он вспомнил, что подходить к костру ему, в сущности, незачем. У костра не осталось ничего полезного, разве что кастрюлька. Еще когда он отлучался к родничку, Инид снесла снаряжение обратно во времялет — пищу, одеяла, рюкзак и вообще все их небогатые пожитки. Ему остались только ружье да патроны, что были в обойме.

Едва он осознал это обстоятельство, на него навалилось ужасное чувство наготы и незащищенности: воистину теперь он предоставлен самому себе. Допустим даже, что Инид постарается вернуться и выручить его — но сумеет ли, вот вопрос. Ему же просто невдомек, каковы возможности времялета и легко ли им управлять, и тем более — искусна ли Инид в технике управления...

Наконец страшилище тронулось с места, но вовсе не в сторону Буна. Медленно и как-то нерешительно оно двинулось на равнину, словно в неуверенности, что предпринять. А может, спросил себя Бун, оно в тревоге? Ведь оно провалило свое задание, это вне всякого сомнения. Провалило дважды — в Гопкинс-Акре, а теперь и здесь.

Миновав костер, монстр уходил все дальше в глубь равнины, превращаясь в мерцающее пятнышко, в искру отраженного солнечного света на фоне тусклых однообразных просторов и серо-коричневых холмов.

Опасливо поглядывая на это пятнышко, Бун все же рискнул подойти к костру и подбросить топлива. Хочешь не хочешь, а чуть позже придется вскарабкаться на склон и принести из можжевеловой рощицы еще дров. Конечно, можно бы разбить новый лагерь и даже приискать более удобную стоянку, но негоже уходить слишком далеко. Когда Инид вернется — если

вернется,— то именно сюда. Времялет может вновь возникнуть из небытия в любую секунду, и надо поджидать здесь, именно здесь.

Став на колени подле костра, он положил ружье наземь и принялся шарить по карманам, инвентаризируя свое имущество. Достал носовой платок, расстелил тряпицу на земле и аккуратно выложил на нее все обнаруженное в других карманах. Зажигалка, трубка, початая пачка табаку, складной нож, с которым он не расставался много лет по смутно сентиментальным причинам, тоненькая записная книжка, шариковая ручка, огрызок карандаша, пригоршня монет, бумажник с оплаченными и неоплаченными счетами, кредитными карточками и водительским удостоверением — вот и все. Обычно он таскал с собой гораздо больше барахла, но в «Эверест» с Коркораном отправился как на грех налегке, сложив серьезный груз в верхний ящик ночного столика у постели. Однако, к счастью, два предмета первой необходимости оказались под рукой: зажигалка, которой надо теперь пользоваться как можно реже, и нож. Скверный дешевенький нож — и все-таки нож, режущий инструмент.

Разложив все обратно по карманам, он встал, бережно счистил с брюк налипшую пыль.

И заметил, что страшилище изменило направление движения. Описав круг, оно теперь двигалось обратно к Буну. Он поднял ружье, втайне надеясь, что до выстрела не дойдет. Патронов было всего шесть, и ни один нельзя израсходовать попусту. Но куда, скажите на милость, целиться, чтоб уложить робота одной пулей?

Из-за уступа песчаника, закрывавшего скальный карман, где укрылся бизон, время от времени слышался рев. Скорее всего, волки наседали на бедного быка снова.

Это же нереально, подумал Бун, совершенно нереально! Даже если принять, что все происходит на самом деле, поверить в это на сто процентов, как хотите, затруднительно. Ну еще минута, две — и дурман испарится, он очутится в привычном мире среди друзей, и не останется даже намека на робота-убийцу, на изготовившегося к бою бизона или на волка, что рискнул присесть нос к носу с человеком у затухающего костра.

А монстр подбирался все ближе и двигался точно на Буна. Монстр был крупнее, чем представлялось прежде, и еще не-

правдоподобнее, чем казалось. Монстр вроде бы не спешил. А рев, доносящийся из-за уступа, вдруг стал громоподобным, исполненным ярости и подлинного отчаяния.

Бун переступил с ноги на ногу, приняв надежную стойку. Приподнял ружье, однако прилаживать его к плечу по-прежнему воздержался. Я готов, сказал он себе, готов к любому повороту событий. Сначала в огромный глаз, а затем, если потребуется, в центр паутины...

Неожиданно в поле зрения ворвался бык, выскочивший из-за уступа бешеным галопом. Ни рева, ни мычания больше не слышалось. Бизон высоко поднял голову, солнце играло на широко расставленных рогах. Волки скакали следом, не пытаясь прижать добычу, выжидая подходящей минуты. Они понимали, что жертва не уйдет,— здесь, на открытом пространстве, можно напасть сразу со всех сторон и свалить любую добычу, даже бизона.

Однако бизон вдруг изменил направление, и рога опустились к земле. Монстр попробовал уклониться, но запоздал. Удар тяжеленной туши пришелся по низу паутины и поднял монстра в воздух. Смертоносный поворот головы, и страшилище опустилось прямо на подставленный рог. Попыталось извернуться, но бизон тут же повел головой в другую сторону. Рог освободился, зато второй рог подхватил противника на лету. Блистающий глаз рассыпался на осколки, паутина провисла и свернулась в кокон. Страшилище пало наземь, и бык промчался по нему с разгона, дробя копытами на еще более мелкие части и частицы.

Потом бизон, споткнувшись, упал на колени. С огромным трудом опять поднялся и замотал головой, возобновляя яростный рев. Поверженный монстр валялся на земле грудой хлама. Массивная рогатая голова крутилась из стороны в сторону — бык хотел, не сходя с места, разглядеть своих мучителей. А волки, отпрянувшие в момент столкновения со страшилищем, не торопились нападать снова, а выжидательно присели, вывалив языки набок и слегка пританцовывая в предвкушении победы. Было что предвкушать: бизон ослаб, весь сотрясался от крупной дрожи и с минуты на минуту, вне всякого сомнения, должен был рухнуть окончательно. Вот подогнулась одна из задних ног, бизон почти упал, но нет — поднатужился, напряг силы и остался стоять.

Тогда Бун поднял ружье, прицелился в сердце и нажал на спуск. Туша грохнулась оземь с такой силой, что даже подпрыгнула. Дослав в патронник новый патрон, Бун обратился к мертвому бизону:

— Один выстрел, старина, я был обязан тебе пожертвовать. Теперь они, по крайней мере, не сожрут тебя заживо...

Волки, напуганные грохотом, бросились врассыпную. Ничего, сказал себе Бун, не пройдет и часа — осмелеют и подберутся снова, а ночью у них будет пир горой, и совсем неподалеку от моего костра...

Он не торопясь подошел к монстру, отпихивая лежащие на пути обломки. Былая конструкция превратилась в такую путаницу, что, сколько ни вглядывайся, не восстановишь в памяти, какой она была прежде. Сокрушительный удар бизоньей туши, резкие выпады рогов, увесистые тычки копыт разнесли робота вдребезги. Там и сям валялись искореженные куски металла, возможно остатки устрашающих рабочих придатков.

И вдруг робот обратился к Буну — слова проникали прямо в мозг:

«Прошу милосердия!..»

— Пошел ты к черту! — ответил Бун раньше, чем от удивления потерял дар речи.

«Не бросайте меня здесь,— умолял монстр.— Где угодно, только не в этой дикой глуши. Я всего-навсего выполнял задание. Я же обыкновенный робот. По природе своей я ни капельки не зол...»

Бун повернулся и, волоча ноги, поплелся назад к костру. Он внезапно почувствовал себя опустошенным. Напряжение оборвалось, и он сразу обессилел. Как же это возможно, что страшилище, уничтоженное, воззвало к нему из бездны небытия? Постояв немного у костра в нерешительности, он полез на склон к можжевеловой роще. Сделал три ходки, приволок целую гору веток. Разломал их на куски подходящей длины, сложил аккуратной поленницей. А уж потом, и только потом, опустился наземь у огня и позволил себе погрузиться в невеселые размышления.

В хорошенький же он угодил переплет! Замурован в доисторической Северной Америке, и ни одного человеческого существа ближе, чем в Азии, по другую сторону перемычки, которой суждено со временем стать Беринговым проливом...

Если выяснится, что он обречен провести остаток своих дней в этой эпохе, то не лучше ли пройти пешком несколько тысяч миль и отыскать других людей? Но к чему приведет такая затея? Вероятнее всего, аборигены либо убьют его не раздумывая, либо обратят в рабство.

Конечно же, предпочтительнее дождаться кого-либо из обитателей Гопкинс-Акра, если те надумают вернуться за ним. Он был уверен, что Инид вернулась бы, если бы только смогла. А уж Джей, никаких сомнений, перевернул бы небо и землю, лишь бы спасти его. Но Джей один ничего не сделает, Джею понадобится помощь других.

Приходилось признать, что ситуация в лучшем случае не внушает особых надежд. Взгляни правде в глаза, Бун: разве ты так уж важен для людей будущего? Ты же для них просто-напросто пришелец, да еще и незваный,— свалился на них без спросу и еще чего-то от них хочешь...

Монстр обратился к нему опять, издали и чуть слышно:

«Бун! Бун, пожалуйста, смилуйтесь надо мной!»

— Да провались ты в тартарары! — откликнулся Бун, адресуясь скорее не к монстру, а к самому себе. Ему не очень-то верилось в призрачный голос монстра; скорее всего, никакой это не голос, а лишь фокусы извращенного воображения.

Волки подобрались к бизону сызнова — теперь их было семь, хотя раньше Бун ни разу не замечал больше шести,— и принялись терзать тушу.

— Приятного аппетита,— пожелал он волкам вслух.

Вероятно, шкура у древнего зверя крепкая, а мясо жесткое. И нужна недюжинная сила, чтобы прорвать шкуру и добраться до мяса, притом далеко не первосортного. Но с точки зрения волка, любая добыча лучше, чем голодное брюхо. И прежде чем день подойдет к закату, Буну и самому понадобится толика бизоньего мяса — больше-то есть нечего.

Подойти к туше прямо сейчас и отрезать свою долю, отпугнув волков? Слишком опасно. Да и много ли наорудуешь складным ножом, сделанным так небрежно, что нажать посильнее — развалится? Нет, надо повременить: пусть волки немного насытятся и их хищнические инстинкты хотя бы чуть-чуть поутихнут. Может статься, они заодно и шкуру раздерут основательно, обнажат мышцы, а тогда и складным ножом удастся откромсать ломоть для себя. Ну и ладно, решил Бун, буду доедать за волками.

Поднявшись, он принялся ходить туда-сюда по одной и той же тропке — к уступу песчаника и обратно к костру, пробуя разработать какой-то план выживания. Способность ступить за угол могла проявиться только перед лицом чрезвычайной опасности. И к тому же позже, спустя неопределенный срок, его вернуло бы в точности туда, где он был. Если, ступив за угол вместе с Джеем, он очутился в жилом ковчеге Мартина, то лишь по счастливому стечению обстоятельств. Рассчитывать повторно на столь исключительное везение никак не приходится.

У него оставалось еще пять патронов, и каждый патрон был способен обеспечить его более чем солидной порцией мяса. Однако что делать с этим мясом потом? Как защищать его от хищников? Прятать? Так или иначе, мясо обладает свойством быстро портиться, и тогда о его использовании не может быть и речи. Разумеется, мясо можно бы закоптить, только Бун не владел техникой копчения. Или можно бы засолить, но нет соли. И вообще не хватает навыков, нужных для борьбы за существование в условиях дикой природы. Скажем, можно бы поискать фрукты или корешки, и это было бы доброе подспорье, но как прикажете отличать съедобные от ядовитых? Так что проблема, по сути, сводилась к вопросу: как день за днем обеспечить себя белками хотя бы в той мере, чтобы тело не забастовало?

Ответ напрашивался сам собой: необходимо оружие, которое он мог бы смастерить своими силами. И если другого не дано, к осуществлению этого плана надо приступать, не теряя ни минуты. Надо набраться опыта в изготовлении и применении самодельного оружия, прежде чем будет израсходован последний патрон. Первый шаг — найти камень, пригодный для обработки. В выступах песчаника, испещривших склоны ближнего холма, подходящих пород не встречалось. Но на одном холме свет клином не сошелся — нужный камень сыщется в каком-нибудь другом месте.

Находившись, Бун опять уселся у огня. Волки пировали, отнюдь не брезгуя залезать внутрь разорванной туши. То один, то другой из них задирал измазанную кровью морду и посматривал на человека, потом возвращался к трапезе. Часа через два, решил Бун, можно будет без особой опаски приблизиться и предъявить свои права на часть добычи. Судя по солнцу,

было около полудня или чуть за полдень. Вверху кружили грифы. Их набралось уже с дюжину, если не больше, и с каждым кругом они спускались ниже и ниже.

Монстр-робот сделал новую попытку заговорить:

«Бун, будьте благоразумны! Выслушайте меня...»

— Я и так слушаю,— отозвался Бун.

«Я лишился всех органов чувств. Не могу ни видеть, ни слышать. Единственное, что я могу,— воспринимать то, что вы говорите, но до сих пор все сказанное вами было крайне недоброжелательным. Я теперь ничто. Ничто, укутанное в пустоту. Тем не менее я сохраняю самосознание. И могу сохранять его в течение несчетных тысячелетий, зная, что я ничто, не в состоянии совершить что бы то ни было. Вы — моя единственная надежда. Если вы не сжалитесь надо мной, я останусь в таком состоянии навеки, погребенный в песке и пыли, и никто никогда не узнает, что я здесь. Я буду словно живой труп...»

— Однако ты красноречив,— заметил Бун.

«Это все, что вы хотите мне сказать?»

— Право, не могу больше ничего придумать.

«Выкопайте меня,— взмолился монстр.— Извлеките меня из обломков, в которые меня превратили, и держите при себе. Возьмите меня с собой, когда уйдете или уедете отсюда. Все, что угодно, только не бросайте меня одного».

— Так ты хочешь, чтобы я тебя спас?

«Да, пожалуйста, спасите меня».

— Но ведь и такое решение для тебя стало бы только временным,— сказал Бун.— По твоей милости я, не исключено, приговорен к пожизненному заключению в этой, как ты выразился, дикой глуши. Я, возможно, здесь и умру, и ты опять останешься наедине с той же судьбой, что и сейчас...

«Даже в подобном случае мы все-таки проведем какое-то время вместе. Мы избежим одиночества».

— Сдается мне,— сказал Бун,— что в подобном случае я предпочту одиночество.

«Нельзя терять надежды. Может произойти какое-либо событие, которое спасет нас обоих». Бун не ответил. «Вы не отвечаете»,— упрекнул его монстр.

— Мне больше нечего сказать. Даже слышать тебя не желаю! Способен ты это понять? Не желаю тебя слышать!

Оказать милосердие обычному врагу — да, это был бы жест гуманный и благородный. Однако монстр-робот не был обычным врагом. Пытаясь сформулировать, хотя бы ради собственного спокойствия, что за враг перед ним, Бун понял, что имени для такого врага не придумано.

А что, если это была ловушка? — подумал Бун, и мысль сразу принесла ему облегчение. Где-то там, в путанице обломков, оставшейся от грозного монстра, лежит небольшой ящичек, служивший страшилищу мозгом, компьютер фантастической сложности — сокровенная сущность робота. Копаться среди обломков, искать и извлекать эту сущность, чтобы, вполне возможно, какой-нибудь уцелевший механизм тут же схватил тебя и прикончил? Нет уж, благодарю покорно, сказал себе Бун. Решение было правильным, негодяя не стоило даже слушать...

Тем временем волки, видимо, отчасти насытились. Двати три из них растянулись на траве с необычайно довольным видом, другие продолжали терзать тушу, но шевелились гораздо ленивее. Грифы опустились еще ниже. Солнце проделало значительную часть своего пути на запад.

Подняв ружье, Бун двинулся к добыче. Волки поначалу наблюдали за ним с любопытством, но, когда он подошел совсем близко, отпрянули и застыли, негромко порыкивая. Он легонько погрозил им ружьем — они отскочили чуть дальше, а иные присели в позе напряженного внимания.

Дошагав до бизона и прислонив ружье к туше, он раскрыл нож. Ну до чего же хлипкий инструмент! Брюшная полость быка была раскрыта настежь, приоткрывая один из окороков. Бун догадывался, что бизоний окорок окажется жестковат,— только складным ножичком никак не прорежешь грубую шкуру и не доберешься до более нежных частей. Приходилось брать, что сумеешь.

Ухватившись за разодранную шкуру обеими руками, Бун рванул ее изо всех сил. Шкура отходила очень неохотно. Упершись ногами, он рванул еще. На сей раз шкура подалась чуть легче, разодралась чуть дальше. А нож, к великому его изумлению, резал намного лучше, чем можно было предполагать. Отделив солидный ломоть мяса, Бун не откладывая откромсал и второй — разумеется, в один присест столько не съесть, но другого случая может и не представиться. Набегут другие вол-

ки, привлеченные запахом крови, да и стервятники не заставят себя ждать. К рассвету от бизона мало что останется.

К добыче, сердито ворча, приблизился один из волков — гигантский волк, много крупнее всех остальных. Стая тут же поднялась, готовая следовать за вожаком. Бун схватил ружье и замахнулся на волков, испустив свирепый вопль. Гигантский волк приостановился, по его примеру остановились и остальные. Бун положил ружье и отрезал третий ломоть.

Не спуская глаз с волков, он подобрал три куска мяса и начал отступление. Отступал он нарочито медленно. Не торопись, внушал себе Бун, любое резкое движение может спровоцировать зверюг на атаку...

Волки наблюдали за ним не шевелясь, выжидая, что будет дальше. А он просто пятился к костру. Когда половина пути осталась позади, стая внезапно бросилась вперед, но не к нему, а к бизоньей туше, и навалилась на нее сызнова, лязгая зубами и рыча. На Буна волки больше не обращали внимания.

Неподалеку от костра он выбрал чистенькую травяную площадку и выложил на нее все, что принес. Раз в десять больше, чем удастся съесть за один вечер. Задумчиво разглядывая мясо, он опять задался вопросом: что с ним делать?

Долго оно не сохранится, от силы дня два — и протухнет. Надо, решил он, зажарить все сразу. Зажарить, съесть сколько влезет, остаток завернуть в нижнюю рубашку и закопать, а самому усесться на тайник сверху. Без этой меры предосторожности волки, как только покончат с тушей, унюхают спрятанное мясо и отроют. Но если он усядется сверху, не посмеют. По крайней мере, можно надеяться, что не посмеют.

Бун принялся за работу: выбрал из заготовленных можжевеловых веток самые прочные, поделил их на палочки подходящей длины и каждую заточил с обоих концов. Порезал мясо на кусочки и нанизал на заостренные палочки, по четыре-пять кусочков на вертел. Костер прогорел до углей, однако несколько крупных деревяшек еще держали пламя. Их он сгреб в сторонку и запалил новый костерок, а над углями воткнул наклонно палочки-вертелы с мясом. Потом сел рядом, наблюдая за таинством жарки, время от времени поправляя палочки и глотая слюну. Пахло жаркое ошеломляюще, хоть он и знал заведомо, что вкусным оно не получится — не было даже соли, а о приправах нечего было и мечтать.

Волки по-прежнему ссорились над убитым быком. Два-три грифа дерзнули спуститься вниз, но волки их не подпустили. Тогда птицы отлетели на почтительное расстояние и сели нахохлившись в ожидании своей очереди. Солнце спустилось к самому горизонту. Близилась ночь.

Там, на равнине, лежала туша бизона, который во времена Буна стал ископаемым. А где-нибудь подальше бродили другие ископаемые — живые мастодонты, мамонты, дикие лошади, а может быть, и верблюды. Даже волки, пирующие над тушей, для людей двадцатого века — всего-навсего ископаемые.

Скорчившись подле самодельной жаровни, Бун не отрывал глаз от поспевающего ужина. Его терзали муки голода. Не считая утренней овсянки, комковатой, почти несъедобной, он за весь день не держал во рту и крошки. Воистину для него настали суровые времена.

Поневоле припомнилось: когда он прыгнул во времялет вслед за Инид, то был под впечатлением, что они отправятся в будущее, а уж никак не в эпоху вымершего зверья и оживших ископаемых. Правда, драматизм последних секунд в Гопкинс-Акре вышиб из головы вообще всякие мысли.

Возможно, в будущем и нашлось бы что-нибудь, что могло бы его заинтересовать, но здесь не было абсолютно ничего примечательного. Что там, в Гопкинс-Акре, довелось узнать о будущем? Мир, где почти не осталось людей во плоти,— человечество сохранилось лишь как сумма бестелесных существ, единиц чистого разума. Естественный отбор некогда сделал людей хозяевами планеты — зачем? Чтоб они в конце концов свели себя к какому-то квантовому существованию в виде пылинок, а может, и того мельче?

Еще одна радикальная перемена, подумал он. Без малого за пять миллиардов лет своей истории Земля претерпевала множество перемен. Сперва возникали какие-то пустячные на первый взгляд факторы, но в дальнейшем они приобретали значение, какого ни один сторонний интеллект не смог бы предвидеть, а когда осознал бы, оказался бы уже не в силах что-либо предпринять.

Даже если бы гигантские рептилии обладали разумом, им ни за что не догадаться бы, как и почему они вымерли шестьдесят пять миллионов лет назад. И многие другие формы жизни пришли к вымиранию, которое при всем желании нельзя было предсказать. Буну доводилось читать, например, что пер-

вое из великих вымираний случилось еще два миллиарда лет назад, когда первые зеленые растения принялись поглощать углекислый газ, насыщая атмосферу кислородом и неся тем самым гибель более ранним, более примитивным созданиям, для которых кислород был смертельным ядом.

Земля пережила множество эпох вымирания. Видов, погибших в прошлом, в сотни раз больше, чем выживших. И вот наконец в будущем — и не столь уж отдаленном — пришел, по-видимому, смертный час и для человечества. Нет, не совсем точно: человечество может и выжить, но в такой форме, которая исключает его дальнейшее влияние на развитие планеты.

А потом? Инид уверяла, что нашими наследниками выступят деревья, что они займут место людей, коль скоро с человечеством будет покончено. Идея, конечно же, смехотворная. Каким образом, благодаря каким качествам деревья смогут заменить людей? И тем не менее если уж искать наследников, то более подходящих, более достойных не найти. На протяжении всей истории деревья были друзьями людей, хоть сам человек был им и другом и врагом. Люди безответственно вырубали исполинские леса, однако другие люди в свой черед растили деревья, души в них не чаяли, а то и боготворили.

Одна из палочек, на которых держалось мясо, внезапно покачнулась, опрокинулась и упала на угли. Ругаясь на чем свет стоит, Бун выхватил ее из огня и очистил мясо от золы. Похоже, оно уже почти прожарилось, можно было приступать к еде. Аккуратно сняв одну дольку, Бун стал подбрасывать ее на руке, как мячик, и как только кусочек достаточно остыл, запустил в него зубы. Вкусом мясо не отличалось, но было приятно теплым, а еще приятнее было ощущать пищу во рту. Жевалось с трудом, однако желудок радостно соглашался даже на полупрожеванное. Бун наелся досыта, отложил пустую палочку, стащил с себя куртку, рубашку и нижнее белье. Нижнюю рубаху он, как и собирался, расстелил на траве и стряхнул на нее жаркое со всех остальных палочек. Затем вновь нанизал на вертелы сырое мясо, пристроил их над углями, надел рубашку с курткой и расположился поудобнее — нужно подождать примерно полчаса, и мясо зажарится все до кусочка, тогда можно и на покой.

Надвигалась темнота. Он уже еле различал волков, сгрудившихся над тушей. Небо на востоке зарумянилось — всхо-

дила луна. Когда мясо поспело, он все сложил горкой на рубаху и плотно завернул, выкопал ножом яму, спустил туда узелок с едой, заровнял, утрамбовал землю и уселся сверху. Теперь, сказал он себе, всякий, кто захочет отведать этого мяса, сначала должен будет иметь дело со мной...

Настроение приподнялось, он даже слегка гордился собой. Что бы ни готовил ему завтрашний день, сегодняшний завершился неплохо: пищи теперь хватит на несколько суток. Может, и не стоило тратить пулю, но сожалений по этому поводу он не испытывал. Выстрел даровал бизону быструю и достойную смерть. Не нажми Бун на спуск, волки одолели бы старого быка и принялись бы заживо рвать его на части.

А может, выпущенная пуля и не столь уж важна. С минуты на минуту вернется Инид и заберет его во времялет. Бун старался сосредоточиться на этой мысли, заставить себя поверить в нее, но, в общем, без успеха. Было вполне вероятно, что Инид вскоре вернется, и не менее вероятно, что никогда.

Защищаясь от подступающей ночной прохлады, он поднял воротник. Прошлой ночью у него было хотя бы одеяло, а теперь лишь то, что на теле. Задремав, он клюнул носом — и очнулся встревоженный. Да нет, тревожиться нет причин, вокруг все как прежде, все вроде бы в порядке. Он опять погрузился в сон, придерживая ружье на коленях.

А когда пошевелился снова — уже не спал, но и не вполне проснулся,— то обнаружил, что не один. По другую сторону костра сидел — а если не сидел, то казался сидящим — некто, целиком укутанный в одеяние наподобие плаща и накрывший голову конической шляпой, съехавшей так низко, что она скрывала лицо. А рядом сидел волк, тот самый волк. Бун узнал сразу и без колебаний: это волк, с которым он оказался нос к носу прошлой ночью. Сейчас волк улыбался — право, никогда и слышать не доводилось, что волк способен на улыбку.

Уставясь на коническую шляпу, Бун спросил:

«Кто вы такой? Что это значит?»

Вопросы не прозвучали вслух. Бун обращался к себе, а вовсе не к этой шляпе. Да и нельзя было говорить в голос, чтобы не испугать волка. Но Шляпа ответил:

«Это значит, что все живые — братья. Кто я — в принципе не имеет значения. Здесь я присутствую в роли переводчика».

— Переводчика? Но кому тут переводить?

«Тебе и волку».

— Волку? Он же не говорит!

«Да, не говорит. Но думает. Он очень доволен и озадачен».

— Озадачен — это я понимаю. Но чем он может быть доволен?

«Он чувствует родство душ. Он ощущает в тебе нечто сходное с собой. Он гадает, что ты за зверь».

— В грядущие времена,— заявил Бун,— он будет с нами заодно. Он станет собакой.

«Даже догадайся он об этом,— ответил Шляпа,— это не произвело бы на него впечатления. Он полагает себя таким же, как ты. Равным тебе. Собака служит человеку, она не равноправна с ним».

— Подчас собаки очень близки нам.

«И все равно не равноправны. До этого был один шаг, но вы на этот шаг не решились. Это следовало бы сделать давным-давно. А теперь слишком поздно».

— Послушай,— возразил Бун,— но он вовсе не похож на меня. Между волком и мной — огромная разница.

«Разница, Бун, отнюдь не так велика, как тебе кажется».

— Мне он нравится,— сообщил Бун.— Я восхищаюсь им и, пожалуй, понимаю его.

«А он тебя. Он сидел с тобой нос к носу, когда мог бы перегрызть тебе глотку. А ведь это было до того, как ты убил быка. Он был тогда голоден. Твоя плоть могла бы насытить его».

— Передай ему, пожалуйста: за то, что он не перегрыз мне глотку, я ему весьма благодарен.

«Думаю, он и сам это знает. Таким способом он сообщил тебе, что хочет стать твоим другом».

— Скажи ему, что я принимаю его дружбу и хочу, в свою очередь, стать его другом...

Однако Бун обращался в никуда. Шляпа исчез. Место, где только что сидел переводчик, опустело.

«Разумеется,— сказал себе Бун,— его там нет, потому что никогда и не было. Все это иллюзия, мираж. Там не было никого, кроме волка».

Но когда он вновь глянул на другую сторону костра, исчез и волк.

Закоченев от холода, он еле-еле поднялся. Подбросил дров в огонь и задержался у самого костра, впитывая живительное тепло,— а оно все нарастало по мере того, как мощные языки пламени вспыхивали заново и пожирали древесину.

Спал он, оказывается, долго. Луна сползла к западу. Лунный свет играл на осколках растерзанного страшилища. И ведь прошло уже изрядное время с тех пор, как оно заговаривало с ним, Буном. Если заговаривало в действительности, если мольба монстра не была чистой фантазией, как Шляпа.

«Как же я изменился,— мелькнула мысль.— Всего несколько часов назад я был закаленным репортером, признававшим факты, только факты и ничего, кроме фактов. А теперь вот принялся фантазировать. Вел беседу со Шляпой, препирался с погибшим монстром, был готов принять волчью дружбу...»

Надо полагать, одиночество способно шутить с человеком странные шутки — но неужто так скоро? Впрочем, здешнее одиночество отлично от одиночества простого, обыкновенного: оно усугублено сознанием, что, по всей вероятности, он единственный человек на просторе двух континентов. В XX веке многие ученые считали, что нога человека не ступала в Западном полушарии не только в эту эпоху, но еще, по меньшей мере, десять тысяч лет после нее. Правда, по просторам Азии уже шастали варварские племена, и еще дальше на запад обитали другие, которые спустя тысячелетий двадцать примутся малевать грубые изображения фауны своего времени на стенах европейских пещер. Что же до него, Буна, то он здесь попросту неуместен, один-одинешенек среди диких зверей.

Немного согревшись, он отодвинулся от огня и начал ходить вокруг костра. Хотелось додуматься до чего-нибудь, но мысли рвались, у них не было ни начала ни конца. Они кружились бесцельно, как он сам вокруг костра.

Волки по-прежнему ссорились над тушей бизона, но както вяло и не слишком искренне. Вдалеке какая-то тварь вздумала выть нескончаемо, монотонно и жалобно. Наверху, в можжевеловых зарослях, грустно щебетнула птичка. Луна зависла над самым западным горизонтом, а на востоке начало светлеть. Занимался новый день.

Как только рассвело, Бун откопал нижнюю рубашку и достал себе мяса. Сидя на корточках у костра, он жевал и жевал, стараясь перетереть жесткие волокна хотя бы настолько,

чтоб их можно было проглотить без опаски. После завтрака он опять побрел к родничку за водой, а потом вскарабкивался на склон за дровами.

До него дошло, что убить время, заполнить дни хоть каким-то делом будет задачей не из легких. Какие такие занятия изобрести, чтобы не погибнуть от безделья? Он думал, думал — и не придумал ничего, что имело бы смысл. Конечно, можно бы отправиться на разведку местности, но сейчас это представлялось неразумным. Позже, быть может, и придется побродить по окрестностям, но сейчас надо сидеть на месте и ждать возвращения Инид или появления кого-нибудь еще.

Сходив несколько раз к уступу, за которым бизон держал последнюю оборону, Бун приволок к бивуаку самые тяжелые каменные плиты, с какими только мог совладать, и нагромоздил их поверх тайника с мясом. Вероятно, очень голодные хищники, унюхавшие мясо, сумели бы сдвинуть каменную преграду. Но волки из этой стаи, которых он уже начал считать своими, слишком сыты для того, чтоб отважиться на подобный труд.

Затем он решил залезть на самую вершину холма и, не щадя себя, одолел крутой предвершинный склон, достиг гребня и осмотрелся. Смотреть оказалось, в общем-то, не на что. В двух-трех милях от него паслось стадо травоядных, скорее всего бизонов. Тенями проносились легконогие стайки иных животных, предположительно вилорогих антилоп. По сухому руслу ручья прошествовал вперевалку кто-то внушительный, похожий на медведя. А в остальном вокруг расстилалась пустошь, прорезанная кое-где овражками, где по весне текла вода, и усеянная скучными однообразными холмами. Там и сям к овражкам теснились тополиные рощи, да на склонах холмов изредка проступали темные пятнышки — то ли кусты, то ли семейки деревьев.

Когда Бун спустился вниз к костру, волки наконец оставили тушу бизона в покое. В сущности, от нее и не осталось почти ничего — кости да клочья шкуры, хлопающие на ветру. Вокруг суетилась добрая дюжина грифов, они злобно наскакивали друг на друга, защищая участки, которые каждый из них определил для себя, и склевывая скудные крохи мяса, еще уцелевшие на скелете.

Бун приготовился ждать, собрав все свое терпение. Прошло четыре дня — времялета не было. Он ретиво исполнял свои каждодневные дела и несколько раз осматривал поверженного монстра, но не приближаясь, а кружа на безопасном расстоянии. За неимением лучшего развлечения он пробовал воссоздать монстра мысленно, как-то соединив обломки в единое целое. Наверное, задача облегчилась бы, если б он разрешил себе подойти поближе, взять обломки в руки и хорошенько изучить их. Но он почему-то робел. Новых попыток заговорить монстр не делал, и Бун убедил себя, что разговора и не было никогда, что воспоминание о разговоре — всего-навсего аберрация памяти.

К концу четвертого дня произошло предвиденное и все же неприятное происшествие: жареного мяса в яме хватило бы еще на два-три раза, однако оно начало портиться. А он все же оставался пока слишком цивилизованным, чтоб его желудок согласился на тухлятину.

На утро пятого дня он вырвал листок из книжки, которую носил в нагрудном кармане, и огрызком карандаша нацарапал записку:

«Ушел на охоту. Вернусь без промедления».

И, положив записку на каменную пирамиду, охранявшую яму, придавил ее одним из камней сверху.

Отправляясь на охоту с ружьем, Бун был в приподнятом настроении. Наконец-то для него нашлось настоящее дело, которое надо сделать непременно, а не просто ради того, чтоб убить время. Не прошел он и мили, как из-за холма выскочил волк явно с целью составить ему компанию. Правда, догонять не стал, а выбрал позицию примерно в ста ярдах позади и чуть справа. При этом волк держался по-дружески и всем своим видом показывал, что рад новой встрече. Бун попробовал заговорить с волком, но тот пренебрег разговором и лишь продолжал трусить следом, не приближаясь и не отставая.

Примерно через час Бун заметил на расстоянии небольшое стадо пасущихся антилоп. Слева лежало сухое русло — он соскользнул туда и двинулся дальше по дну абсолютно бесшумно. Овражек понемногу сворачивал вправо, как раз туда, где паслась намеченная добыча. Волк по примеру Буна также спустился в овражек и теперь трусил позади. Дважды Бун опасли-

во взбирался на склон и выглядывал, как там антилопы,— все было в порядке, они оставались на том же месте, пощипывая полынь, а если попадалась трава, то и траву. Казалось, они не чуют угрозы, но дистанция была все еще великовата, надо было подобраться поближе. Он опять спустился на дно и продолжал уже не идти, а красться, примеряясь, куда поставить ногу; один хрустнувший под ногой камешек — и антилопы пустились бы наутек. Словно предчувствуя скорый конец охоты, волк крался следом совершенно беззвучно.

Минут через десять Бун рискнул выглянуть из овражка снова. Антилопы оказались даже ближе, чем он предполагал. Осталось лишь поднять ружье, прицелиться и нажать курок. Подстреленная антилопа взвилась в воздух и тяжело рухнула наземь, а остальные сорвались с места и унеслись прочь паническим галопом, в первый раз притормозив и оглянувшись лишь через триста—четыреста ярдов. Но как только Бун вылез из овражка наверх, антилопы пустились вскачь с новой силой.

Волк, не вмешиваясь, уселся в сторонке. А когда Бун взвалил добычу на плечо и двинулся назад к бивуаку, волк побежал рядом, всем своим видом выражая удовлетворение: потрудились, мол, на славу.

У костра Бун старательно освежевал антилопу. Сняв шкуру, расстелил ее и расправил, чтобы рассортировать на ней мясо. Выпотрошив добычу, отложил печень, а прочие внутренности отволок прочь, к останкам бизона. Волк не заставил себя просить и принялся пожирать, что предложено. Печень Бун разрезал на ломтики и, как уже повелось, нанизав на палочки, стал жарить над углями. Потом разделал тушу, оставил себе филейную часть и один из окороков, а остальное выбросил подальше. Волк тут же забыл про внутренности и принялся за более приятную пищу.

Бун, со своей стороны, от души угостился свежатинкой, а затем, не откладывая, стал готовить запас на следующие дни. Готовил и сознавал, что так продолжаться не может. Долго ли продержишься на том, что удалось подстрелить? Да и такая жизнь была ограничена четырьмя патронами, что остались в обойме. Прежде чем будет израсходован последний патрон, необходимо найти другой способ, чтобы кормиться. Нужна древесина для лука, нужны жилы для тети-

вы, прямые сучки для стрел, камни для наконечников и еще камни, чтобы вытесать нож, потому что дешевая игрушка под названием «нож» при тех нагрузках, какие ей выпали, вскоре сломается.

О том, как изготовить лук, он не знал практически ничего. Но, по крайней мере, ему был известен принцип, и как-нибудь он справится. Даже если первый лук получится плохоньким, все равно это будет оружие, которое, пусть с грехом пополам, продержится до тех пор, пока он методом проб и ошибок не наловчится делать настоящие луки.

Завтра, решил он, завтра и не позже, надо выйти на поиски нужной древесины и подходящих камней. Можжевеловую рощу, снабжавшую его дровами для костра, после непродолжительного раздумья он отверг в принципе. Можжевельник — дерево, мягко говоря, никудышное, и вряд ли во всей роще сыщется хоть одно растение, пригодное по прочности для лука.

Откуда ни возьмись возле выброшенного Буном мяса объявились еще два волка. Он всматривался во все глаза, пытаясь опознать среди них знакомого, и потерпел фиаско: все три выглядели одинаковыми. К закату от мяса, предложенного волкам, не осталось и воспоминания, и они как сквозь землю провалились — все трое.

Однако вечером, после наступления темноты, его знакомец явился снова и уселся по ту сторону костра. И Бун объявил:

— Завтра я собираюсь в поход за древесиной и камнями. Буду рад, если ты присоединишься ко мне. Учти, поход обещает быть трудным. Взять с собой воду я не смогу, не в чем. Хотя мяса возьму достаточно и обязуюсь поделиться с тобой...

«Смех, да и только,— подумал он.— Зверь же ни черта не понял из того, что я сказал...» И тем не менее разговаривать с волком казалось безопаснее, чем молчать. И вообще приятно, что есть к кому обратиться,— лучше к зверю, чем в пустоту. Волк — существо тоже живое, и места у огня хватит на двоих.

Когда Бун очнулся среди ночи, волк по-прежнему сидел рядом и следил пристально и приветливо, как человек подкладывает дров в костер. Потом он опять заснул, а волк сторожил его.

Утром Бун нацарапал новую записку, на сей раз более длинную:

«Ушел в поход, который может продлиться несколько дней. Но я обязательно вернусь. Пожалуйста, дождитесь меня. Со мной может быть волк. Если он явится сюда, не причиняйте ему зла. Он мой друг».

Бун прижал записку камнем и отправился в путь вместе с волком. Они шли на запад, к дальнему холму, на котором Бун приметил неровные пятна — предположительно древесные заросли. Если идти ходко, до холма казалось не более дня пути.

Однако на деле выяснилось, что гораздо больше. Перед вечером Бун понял, что засветло до цели не добраться. Он устал, очень хотелось пить. По дороге им не попалось ни одного источника. Он утешал себя тем, что вода, наверное, найдется на холме — а уж до утра он худо-бедно перебьется. Спустившись в очередное сухое русло, он прошел по оврагу до крутого поворота, где высокие откосы образовали как бы естественную нишу, и, подобрав опавшие с тополей ветки, разложил костер.

Выбрав три куска мяса, он кинул их волку, который немедля все проглотил, и сам поужинал, расположившись у костра. Мясо было нежным, не чета бизоньему, и жевалось без труда. Волк откровенно ждал добавки — Бун кинул еще кусок.

— Больше не проси,— сказал он.— Надо делиться поровну. Ты и так получил большую порцию.

Усталость взяла свое: он заснул сразу после наступления темноты. Волк вытянулся по другую сторону костра. Проснулся Бун лишь перед самым рассветом. Костер погас, но он не потрудился разжигать огонь сызнова. Покормил волка, поел сам. Солнце еще не взошло, а они уже тронулись дальше. Намеченного холма удалось достичь еще до полудня, и они начали подъем. Холм оказался много выше того, близ которого приземлился времялет Инид. Подъем был долгим и утомительным.

Где-то на середине склона волк нашел воду и воротился к Буну с влажной мордой, с нее даже капало.

— Вода? — спросил Бун.— Покажи где! — Волк замер в недоумении.— Вода!..— повторил Бун и, высунув язык, попробовал показать, что лакает.

Тогда волк потрусил направо, время от времени останавливаясь и оглядываясь на человека. «Неужели,— спрашивал себя Бун,— волк мог сообразить, чего я хочу? Безумие надеяться, что да, и все же: я поделился с ним мясом — так, может, ему захотелось поделиться водой?..»

Жажда терзала Буна долгие часы, он заставлял себя не думать о ней, но теперь, когда вода была заведомо где-то близко, желание пить стало невыносимым. Рот и горло пересохли до одеревенения, глотательные движения причиняли боль.

Впереди склон выгнулся огромным каменным выступом. Бун торопился изо всех сил, но подъем был крутым, а высушенная солнцем трава — предательски скользкой. Он опустился на четвереньки, впиваясь в грунт ногтями, едва не рыдая от нестерпимой жажды.

А холм, как он отметил, был известняковым, а не песчаным. Наверное, известняк лежит поверх пласта песчаника, простирающегося на многие мили вплоть до того стартового холма. Для изготовления инструмента известняк тоже не годится, но могут встретиться сланцевые и даже кварцевые прослойки.

Над ним нависала почти отвесная скала, за которую кое-где цеплялись чахлые низкорослые кедры. Он карабкался по крутому желобу, ведущему к самому скальному подножию. Из-под ног срывались и катились вниз шалые камушки. Волк куда-то запропастился, зато явственно чудился плеск бегущей воды.

Он сорвался, покатился кубарем, оступился снова и вдруг застопорился. Что-то схватило его за правую ногу, ее пронизала жгучая боль, такая острая, что Бун задохнулся и покрылся потом. Боль пронзила все тело, он содрогнулся от подступающей рвоты, но горло было слишком сухим, и рвота не состоялась.

Он лежал не шевелясь, лежал долго, пока боль не начала угасать, потом попытался сесть. Ничего не вышло: что бы ни зажало ему ногу, он был накрепко пришпилен к земле, распластан на склоне. Тогда он попробовал извернуться и хотя

бы рассмотреть, что с ногой, но при первом же движении сердце захолонуло от боли, и он, обессилев, опять рухнул навзничь. Собрав силы буквально по капельке, он проделал то же самое снова — предельно медленно и осторожно. На этот раз ему удалось наклонить голову так, чтоб увидеть собственное тело. Нога застряла в узкой расщелине. По-видимому, в известняке была трещина, едва прикрытая слетевшими со скалы камешками, и он наступил на эту ловушку и провалился почти до колена.

Ну что за глупость, выругал он себя. На него накатила было паника, однако он сумел отогнать ее. Все, что от меня требуется, внушал он себе,— это бережно-бережно высвободить ногу из каменных клещей. Он чуть-чуть напряг мышцы — они работали. Нога отзывалась на команды, хоть и протестовала. Скорее всего растяжение или вывих, на перелом не похоже. Может, еще кожу ссадил, не более того.

Появился волк, дюйм за дюймом сполз по откосу откуда-то сверху, уперся всеми четырьмя лапами и уставился на человека поскуливая.

— Все в порядке,— обращаясь к волку, прохрипел Бун.— Через минутку я отсюда выберусь. Только соображу как...

Но выбраться не получилось ни через минутку, ни через час. Что бы он ни предпринимал, нога оставалась стиснутой в расщелине. Задача осложнялась неловкой позой, в какой его распластало на склоне. А едва он пробовал изменить позу на более удобную, тело отзывалось такой агонией, что результатом всех усилий оказывались только немощь и холодный пот. В конце концов он сдался, совершенно измученный, и решил немного передохнуть.

Отдохнув, он принялся снова тащить ногу. Наступили сумерки, сгустились до почти полной тьмы. Волк опять сгинул куда-то. В полном одиночестве Бун сперва пытался осторожно высвободить ногу, сдвигая по доле дюйма, а когда это не помогло, рванулся изо всех сил. Боль обожгла его сабельным ударом, но он, стиснув зубы, рванулся еще раз. Нога не высвободилась. Пробовать в третий раз он не стал. Окончательно изнуренный, он расслышал, теперь вполне отчетливо, звук бегущей воды. Пронзительная боль в ноге доводила до отчаяния, сухость в горле переходила в удушье.

Успокоиться, урезонить себя — но как? Придумать какой-то план — но какой? Он потянулся к узелку с мясом, который прежде нес на плече. Узелка не было. Не было и ружья.

Бун решительно сжал челюсти. Ему доводилось бывать в худших переделках, и он выкарабкивался живым и здоровым. Не говоря уж обо всем остальном, он всегда вовремя ступал за угол и выбирался на свободу. Вот и сейчас, наверное, настала пора ступить за угол. Он плотно сжал веки, весь напружинился, напряг мозг.

— Угол! — воззвал он в крик.— Угол! Куда же задевался этот чертов угол?!

Угол не объявлялся. Бун оставался в точности там, где и был. И как только волевое напряжение спало, забылся прямо на голом склоне.

Очнулся он спустя часы. На небе сверкали звезды. Холодный ветер безжалостно задувал снизу от подножия холма, и Бун почти окоченел. Он не сразу сообразил, где находится, потом понемногу пришел в себя. Его угораздило попасться в ловушку, и из нее не выбраться. Здесь он и умрет. Бун лежал, изнывая от холода и боли, жажда сводила горло судорогой. Может статься, попозже придется сделать с собой что-нибудь — но еще не сейчас, не сейчас...

В отсветах звезд шевельнулась серая тень. Волк вернулся. Посмотрел на человека и заскулил.

— Обещай мне одно,— обратился Бун к волку.— Большего не прошу. Пожалуйста, убедись, что я мертв, прежде чем жрать меня...

Глава 7
ИНИД

И все пошло наперекосяк, неотступно думала Инид. Ей и не следовало браться за управление ковчегом. Она же прекрасно знала, что не имеет должной подготовки. А в то же время — что оставалось делать? В Гопкинс-Акре ее бросили в одиночестве, она единственная подумала о Буне, и задать машине курс не было никакой возможности. Она только и успела дать команду на старт, да больше ничего и не оставалось. А потом ситуация повторилась. Бун крикнул ей, чтоб она спасала вре-

мялет, и она бросилась наутек. И перепрыгнула почти на миллион лет в будущее, на миллион лет от эпохи, где застрял Бун,— и у нее нет ни малейшего представления, как вернуться за ним и выручить его.

А все Хорас виноват, подумала она с гневом, Хорас, который без конца настаивал на том, чтобы рассчитать все заранее, а рассчитал так скверно. В каждом ковчеге должен был быть квалифицированный пилот — хотя, вообще-то говоря, трех квалифицированных среди них просто не было. Дэвид, вне сомнения, на времялетах собаку съел. И сам Хорас тоже мог бы справиться, хотя в лучшем случае кое-как. Эмма с Тимоти к контрольным панелям и близко не подходили. Во всей семье, если разобраться, было два пилота, всего-навсего два.

Если бы страшилище не нарушило все планы и дало им шанс подготовиться досконально, все, вероятно, прошло бы гладко. Они бы обсудили, куда держать путь, и Дэвид — скорее всего Дэвид — настроил бы все три ковчега на одно и то же время и место. Они решили бы заранее, где и когда высадятся, и стартовали бы все вместе. Будь ее времялет запрограммирован, она б и горя не знала. Но пришлось стартовать наугад, да еще дважды, и это, конечно же, погубило ее.

Инид в который раз бросила взгляд на приборы. Обозначения времени были достаточно четкими, зато пространственные координаты казались ей китайской грамотой. Таким образом, ей было известно, в каком она тысячелетии и в каком году, но совершенно неясно, в какой точке. После первой посадки она поняла, где они, лишь благодаря Буну, да и то приблизительно. Разумеется, приборы указывали точные координаты, только она не умела их прочесть. Теперь-то до нее дошло, что там, в прошлом, следовало бы записать показания всех приборов подряд, но что не сделано, того уже не поправишь. Досаднее всего, что координаты той первой посадки вместе с Буном и ныне хранятся в памяти записывающего устройства, и она могла бы вывести их на дисплей — если бы хоть отдаленно представляла себе, как это сделать.

С тяжелым чувством она откинулась на спинку пилотского кресла, не в силах оторвать взгляд от приборов. Ну почему, почему за все годы, прожитые в Гопкинс-Акре, она не удосужилась попросить Дэвида обучить ее управлению времялетом? Дэвид был бы счастлив оказать ей эту услугу — тут сомневать-

ся не приходилось,— а она не попросила его, ей даже в голову ни разу не пришло, что такое умение ей когда-нибудь может понадобиться.

Она перевела взгляд на обзорный экран, однако поле зрения было суженным, и вообще за бортом не было вроде бы ничего интересного. Времялет, по-видимому, сел на возвышенности, потому что на экране открывался вид поверх иззубренных скал, а среди скал поблескивала река.

Вот я и допрыгалась, подумала Инид. Эмма с Хорасом подчас называли меня безответственной, и ведь они, наверное, правы. Я бросила достойного человека на произвол судьбы, бросила в далеком прошлом и только потом поняла, что вернуться за ним и спасти его при всем желании не смогу. Мало того, боюсь даже пробовать. Я совершила два прыжка вслепую — сначала глубоко в прошлое, затем еще глубже в будущее. На кого мне теперь надеяться — на Генри? Да, он выследил нас в Европе в средних веках, но по сравнению с нынешней то была пустяковая задача. Допустим, за мной остался еле заметный след, и он, если повезет, мог бы разыскать меня. Но следов-то уже не один, а два — совладает ли Генри с двумя? Теперь мне, хочешь не хочешь, придется оставаться на месте. Если я вздумаю скакнуть еще раз, то потеряюсь окончательно и навсегда. И сейчас-то, после двух прыжков, я, может быть, уже потерялась безнадежно и навсегда...

Поднявшись с кресла, Инид подошла к люку. И как только приоткрыла его, услышала странный шум, напоминающий гудение пчелиного роя. Десяток шагов от люка — и она поняла, что это за шум и что он значит.

Времялет приземлился на склоне чуть ниже вершины высокого горного кряжа. По верху кряжа двигалась толпа, и именно от толпы исходил шум — невнятный шелест многих голосов, звучащих одновременно.

Налево и направо, насколько хватал глаз, по кряжу двигались люди. Плотность движения была неравномерной: толпа то сгущалась в сплошную массу, то распадалась на небольшие группы, встречались и путники, бредущие поодиночке. Но все двигались, двигались в одном направлении, целеустремленно и не спеша.

И рядом с ними — именно рядом, а не вместе, словно составляя почетный эскорт процессии,— двигались разные ди-

ковинные фигуры. Одни были внешне человекоподобными, другие вовсе не напоминали людей, но все были живыми и все перемещались — ползли, извиваясь как змеи или выгибаясь как гусеницы, катились, сновали бешеными зигзагами, шагали как на ходулях, плыли над землей, а иные летели в полном смысле слова.

У Инид перехватило дыхание: она уяснила себе, из кого состоит этот эскорт. Человекоподобные были роботами, да и среди других, не похожих на людей, роботы, несомненно, составляли добрую половину. Остальные были инопланетяне. Во времена, которые она должна бы считать родными, на планете развелось множество инопланетян, поддерживающих с землянами странные, зачастую непостижимо странные отношения,— но собственное ее племя, отселенцы, старалось иметь с пришельцами как можно меньше общего.

Она не испытывала желания отходить далеко от времялета и все же сделала несколько шагов вверх по склону, поближе к процессии, бредущей своим неспешным, несуразным маршем. Почва здесь, близ вершины кряжа, отличалась упругой сухостью, и сам кряж был по-своему величав — земля, казалось, привстала на цыпочки в попытке дотянуться до самого неба. А небо было бездонно синим — более синего ей не доводилось видеть за всю жизнь, и ни единое облачко не осмелилось запятнать его. Сильный, устойчивый ветер трепал полы ее плаща. Ветер дышал резкой свежестью, словно вобрал в себя холод и пустоту необозримых просторов, зато солнце, стоящее почти в зените, радовало теплом. Под ногами шелестела трава, отнюдь не дикая, а ухоженная и подстриженная. Вдоль гребня кое-где росли деревья, и каждое кренилось, каждое было обточено ветром, который дул здесь, наверное, из века в век, пока не подчинил деревья своей воле.

Никто не обращал на Инид ни малейшего внимания. Какое бы действо ни происходило здесь, ее появление на происходящее никак не повлияло. Что же это за действо? — поневоле спросила себя Инид. Какое-то ритуальное шествие, или религиозное паломничество, или, возможно, иной обряд древнего мифологического происхождения? Все ее догадки, конечно же, одинаково бездоказательны. Вмешиваться ни к чему, а быть может, и опасно — хотя со стороны процессия казалась невосприимчивой к любому вмешательству. В движении чув-

ствовалась целеустремленность, оно имело какой-то смысл и назначение.

Над самым ее ухом вдруг прозвучал голос:

— Вы хотите присоединиться к нам, леди?

Она дернулась в испуге и круто обернулась. Рядом стоял робот. Очевидно, его приближения не было слышно из-за ветра. Он был человекоподобным и в высшей степени цивилизованным, без следа механической вульгарности. Разумеется, он оставался машиной, это было заметно с первого взгляда. Но в то же время в нем странным образом ощущались человечность и, более того, благородство. Его лицо и тело были классически человечными, и он был украшен со вкусом, каждая металлическая деталь несла на себе неглубокий спокойный орнамент, заставивший Инид вспомнить изящную насечку на дорогих ружьях из коллекции Тимоти. На плече робот нес цельную ободранную свиную тушу, а под мышкой — большой, туго набитый мешок, по-видимому с зерном.

— Прошу извинить меня, леди,— продолжал робот.— Я никоим образом не хотел вас испугать. Приблизившись к вам сзади, я хотел издать какой-нибудь звук, дабы оповестить о себе, но, понимаете ли, ветер... На ветру просто ничего не слышно.

— Спасибо тебе за предупредительность,— ответила Инид.— Ты действительно испугал меня, но хорошо что не очень сильно. Нет, я не намерена присоединяться к вам. По правде говоря, я даже не представляю себе, что тут происходит.

— Массовая галлюцинация,— заявил робот довольно резко.— То, что вы видите,— это новый поход Дудочника Пайдпайпера. А вы, леди, не ровен час, знакомы с древней легендой про Дудочника*?

— Ну конечно знакома,— отозвалась Инид.— Я читала про Дудочника в одной из книг, которые мой брат откопал в прошлом. Этот Дудочник выманил своей музыкой из деревни всех детей...

---

* Имеется в виду стихотворение Роберта Браунинга (1812—1889), по сюжету сходное с известным немецким сказанием о гаммельнском крысолове. В современном английском языке выражение «пайдпайпер» (pied piper) употребляется как нарицательное для характеристики людей, и в особенности политиков, падких на несбыточные обещания.

— Здесь в точности то же самое,— подхватил робот.— Все идут в поход, как за Дудочником, с той только разницей, что Дудочника нет и в помине. А все эти инопланетяне виноваты...

— Но если Дудочника нет, за кем же они идут?

— Подверженные обману чувств, что навеян, по моему убеждению, инопланетянами, они следуют за собственными мечтами. Каждый за своей, исключительно за своей. Я уж втолковывал им, втолковывал, и все другие роботы тоже, но они игнорируют нас и слушают только мерзких пришельцев...

— Но если так, зачем ты здесь? И не ты один, тут множество других роботов...

— Кто-то же должен позаботиться о людях. Кто-то должен защитить их от самих себя. Они снялись и пошли без всякого пропитания, без еды, и без воды, и без одежды, потребной для защиты от холода и от сырости. Вы видите поросенка у меня на спине? Видите мешок с провизией, который я прижимаю к боку? Я попрошайничаю у сельских жителей, добываю где и сколько могу. Уверяю вас, леди, это отнюдь не та миссия, за которую робот моего класса с присущей ему честностью и восприимчивостью возьмется с искренней охотой. И тем не менее таков мой долг, потому что мои дурные хозяева заворожены своими нелепыми мечтаниями и пренебрегают даже первоочередными жизненными потребностями. Кто-то должен быть с ними рядом и опекать их...

— Где же завершится этот поход? Что будет с людьми дальше? Чем все это кончится?

— Поистине не ведаю,— ответил робот.— Могу лишь уповать на лучшее. Возможно, такое уже случалось где-либо и когда-либо, но у нас на Земле ничего подобного ранее не бывало. Как бы я ни любил своих хозяев, но, прошу у вас прощения, люди подчас представляются мне самой беспечной и безрассудной формой всего живого. Знаете, леди, мне от роду много столетий, а прочитанные мной книги охватывают период неисчислимой длительности. Согласно историкам былых эпох, человечество отличалось беспечностью и безрассудством всегда, но мне кажется, что раньше безрассудство шло от глупости и упрямства, а ныне оно стало для людей источником радости. И если безрассудство радует и

приносит счастье, то это, по-моему, высшая извращенность, какую только можно себе представить.

— Мне надо над этим подумать,— сказала Инид.— Не исключено, что ты прав.

Извращенность, повторила Инид про себя. Неужели человечество действительно пало жертвой собственной извращенности и добровольно свело к нулю все ценности, завоеванные столь тяжко и на протяжении более чем миллиона лет выстроенные в логическую систему? Неужели ни с того ни с сего, без какой бы то ни было причины можно было отвернуться от всего, что составляло самую основу человечества? Или, быть может, люди впали во второе детство, сбросили со своих плеч возраст как опостылевшую ношу и вернулись вспять к эгоизму детей, которые играют и резвятся, не задумываясь ни о последствиях, ни об ответственности?

— Если у вас есть настроение подняться туда и посмотреть на них поближе,— заявил робот,— можете сделать это без опасения. Примите мои уверения, что опасаться совершенно нечего. Они совсем безобидные люди, только, увы, глупые.

— Возможно, я последую твоему совету.

— Или еще лучше — если вы располагаете временем, пожалуйте к нам вечером, когда мы обратимся к трапезе. Кроме моих хозяев, ради такого случая мы пригласим несколько избранных, наименее омерзительных инопланетян. Будет жареная свинина и свежеиспеченный хлеб, а может, и иная снедь, какую раздобудут мои коллеги. Не бойтесь оказаться незваным гостем — приглашаю вас от имени моей семьи. Когда наступает вечер, все семьи собираются в своем кругу и поглощают пищу, какую им предложат их роботы. Вам, наверное, понравится моя семья. Не считая этого дурацкого представления, во всем остальном они прекрасные люди. Питаю надежду, что их безумие скоро закончится.

— С удовольствием приму участие в трапезе,— сказала Инид.— Рада, что ты пригласил меня.

— Тогда последуйте за мной. Попробую их разыскать. Они где-то среди идущих и не слишком далеко отсюда. Затем я выберу площадку для ночлега и приготовлю все для ужина. Наверное, лучше поискать место чуть впереди, чтоб они очутились неподалеку, когда безумие приостановится перед лицом ночи.

— Значит, по ночам поход прерывается?

— Ну конечно же! Они все-таки еще не полностью выжили из ума.

— Ладно, пойду с тобой,— решила Инид.— Не хочу присоединяться к процессии. Там я буду белой вороной. Лучше я составлю тебе компанию и помогу разбить лагерь.

— В помощи нет нужды,— заверил робот.— Там будут другие мои коллеги, и все мы истовые работники. Однако ваша компания доставит мне удовольствие. И поскольку мы проведем какое-то время вместе, можете называть меня Джонс.

— Счастлива узнать твое имя. Называй меня Инид.

— Я буду обращаться к вам «мисс Инид». Молодых особ женского пола обычно именуют «мисс».

— Спасибо тебе, Джонс...

На протяжении разговора они понемногу поднимались в гору и теперь оказались совсем близко от процессии. Инид увидела, что люди следуют по бегущей вдоль гребня едва заметной тропе, вероятно используемой нечасто,— разве что одинокие странники хаживали по ней иногда, торопясь найти укрытие до наступления ночи. Ныне тропа стала торной дорогой, забитой людьми в обе стороны до самого горизонта. Кое-где строй разрывался, но разрывы не были очень броскими, и создавалось ощущение, что это единая грандиозная процессия.

И каждый участник процессии шел сам по себе, будто в полном одиночестве, обращая на идущих рядом в лучшем случае формальное внимание. Головы подняты высоко и уверенно, глаза уставлены в одну точку — скорее вперед, чем вверх,— словно им вот-вот, в любую минуту может открыться некое зрелище, заведомо прекрасное, которое ни при каких обстоятельствах не вызовет разочарования. Люди были исполнены тихого ожидания, сдержанного экстаза, хотя, уточнила для себя Инид, это не имело ничего общего с молитвенным, религиозным экстазом. Первая ее догадка, что это религиозная церемония, была, вне сомнения, ошибочной.

Детей в процессии не было. Были подростки, были люди среднего возраста, были пожилые и совсем старые, опирающиеся на трости и посохи и даже ковыляющие на костылях. И вместе с ними бежала, прыгала, вышагивала, семенила, ползла вереница инопланетян — их было меньше, чем лю-

дей, но вполне достаточно, чтобы произвести впечатление на стороннего наблюдателя.

Одно из созданий, смахивающее на привидение, то плыло на уровне процессии, покачиваясь вверх-вниз, то взмывало высоко над нею и непрерывно меняло облик. Другое, трехногое, вышагивало как на ходулях, при этом тело его не имело никаких характерных черт и если напоминало что-то, то простую коробку. Было существо, совмещающее в себе ползуна и катуна, оно то скользило под ногами идущих, извиваясь змеей, то скручивалось в шар, движущийся спокойно и мягко. Была, наконец, голова без туловища — голова, а на ней рот и единственный глаз, и голова беспрерывно сновала туда-сюда, будто не ведала, куда путь держать. Были и всякие другие чудища, всех не перечислить.

Люди не обращали на инопланетян ни малейшего внимания, словно те ничем не отличались от обычных людей. И инопланетяне, в свою очередь, как бы не замечали людей — казалось, они знают этих людей давным-давно и давно поняли, что в них нет ничего интересного. У Инид создалось впечатление, что все они, и люди и инопланетяне, чего-то ждут, но не какого-то единого для всех знамения, а каждый своего персонального откровения.

Она вспомнила про робота Джонса и принялась озираться, но Джонс как сквозь землю провалился. Роботов вокруг было множество, причем почти все они предпочитали не вклиниваться в процессию, не смешиваться с людьми и пришельцами, а держаться особняком. Их было много, а вот Джонса она, как ни высматривала, не видела. Мелькнула мысль, что он собирался пройти вперед, и, если поспешить, его еще можно догнать. Инид была голодна, и перспектива горячей свинины со свежим хлебом, обещанная Джонсом, звучала очень заманчиво. Какой же глупостью с ее стороны было позволить ему потеряться!..

Она пустилась бегом вдоль процессии, но буквально через несколько шагов остановилась. Она же не заметила, в каком направлении он пошел, и, бросившись вдогонку, может на деле не приближаться к нему, а отдаляться. И тут над самым ее ухом раздался голос — гнусавый, явно не человеческий, хоть и употребляющий человеческие слова:

— Добрая гуманоидная особь, ты не откажешься оказать мне небольшую услугу?

Инид невольно дернулась, отпрыгнула вбок и только потом обернулась.

Разумеется, это оказался пришелец — она знала заранее, что пришелец,— но, пожалуй, чуть более человекоподобный, чем большинство других. Выгнутую вперед длинную тощую шею венчала голова с удлиненной мордой, напоминающей одновременно исхудавшего за зиму коня и удрученного гончего пса. Безобразно кривые ноги, числом две, поддерживали туловище — раздутый бородавчатый мешок. Длинные гибкие руки, тоже две, извивались, как кобры под музыку факира. Уши торчали в стороны и смахивали на мегафоны. На лбу расположились две кучки глаз всех цветов радуги. Широкий рот обрамляли слюнявые губы. В довершение всего по бокам тощей шеи шевелились жабры, шумно вздымаясь и опадая в ритме дыхания.

— Вне сомнения,— объявил пришелец,— для тебя я есть мерзкое зрелище. Как человеческие особи представлялись мне мерзкими, пока я не привык к их виду. Но сердце во мне доброе, а честность превыше всего.

— Нисколько не сомневаюсь,— произнесла Инид.

— Я осмелился подойти к тебе,— продолжал он,— поскольку из всех присутствующих здесь особей ты одна, если не ошибаюсь, не вовлечена в происходящее. Сие внушает мне веру, что ты согласишься пожертвовать мне малую долю своего времени.

— Не представляю себе, чем могу быть тебе полезной.

— Однако можешь. Вне сомнения, можешь,— повторил он настойчиво.— Весьма необременительная задача, которую вследствие запутанных причин я тем не менее не в состоянии выполнить лично. Мне, увы, недостает...— На удрученной конепесьей морде появилось выражение нерешительности, пришелец словно не находил нужного слова.— Допустим, некто вяжет пакет бечевкой, но, когда необходимо завязать узел, он не может этого сделать, в силу отсутствия собственных рук. И этот некто просит тебя подержать палец на перекрестье нитей, дабы узел все-таки завязался. Что-то подобное, хоть и в несколько ином плане, я прошу тебя осуществить за меня.

— В силу отсутствия собственных рук?

— Нет, не рук, а иного свойства, сущность которого я не способен передать тебе терминами, понятными для тебя. Сие есть моя вина, а ни в малой мере не твоя.

Инид, совершенно сбитая с толку, бросила на пришельца недоуменный взгляд.

— Ты все еще страдаешь недопониманием?

— Боюсь, что да. Придется тебе рассказать подробнее.

— Ты зришь здесь многих особей, шествующих со всей серьезностью, и все стараются, все ищут, но каждый ищет свое, присущее только ему. Возможно, искусную картину, какую бы желал изобразить на холсте. Или музыкальное сочинение, каким бы восторгались все другие ценители. Или архитектурную идею, какую некто в той процессии тщился отразить на бумаге в течение долгих лет.

— Так вот оно что! — воскликнула Инид.— Вот что они высматривают...

— Именно и точно. Я полагал, что тебе сие известно.

— Я понимала, что они ищут что-то. Но не догадывалась что.

— Поиск некоей цели характерен не только для земных обитателей.

— Ты намекаешь, что тоже ищешь что-то? И тебе нужна моя помощь? Сэр, я положительно не могу взять в толк, каким образом я способна помочь.

— Я занят поиском идеи и многократно старался вызвать ее к жизни, однако идея каждый раз недовоплощалась. И когда я прознал про эту процессию и ее поисковый смысл, я сказал себе: ежели процессия плодотворна для земных особей, то нет ли самой малой надежды, что ей суждено стать плодотворной и для меня?

— И оправдалась твоя надежда?

— Уповаю, что оправдалась. Идея полностью определилась умственно, но воздержусь утверждать это бесповоротно, пока не отыщу особь, согласную подержать палец на перекрестье нитей.

— Только речь, конечно, не о пальце и не о нитях.

— Совершенно верно, прекрасная леди. Ты разумеешь быстро и внимаешь пристально. Будешь ли внимать далее?

Инид огляделась. Робота Джонса по-прежнему нигде не было видно.

— Ладно, буду внимать. Постараюсь внимать пристально.

— Прежде всего,— провозгласил пришелец-конепес,— я обязан явить тебе свою честность. С прискорбием извещаю

тебя, что прибегнул к обману. Все прочие инопланетные, участвующие в процессии, составляют особо отобранную группу. Их допустили к участию, ибо они обладают даром поднимать восприимчивость земных особей на высший галлюцинаторный уровень. Воспаряя в галлюцинациях, соучастники данной процессии сумеют воспринять модель высокого искусства, к коему направлены их помыслы. Более того, среди различных инопланетных есть такие, кто способен руководить материализацией видений, дабы картина возникала из разума без посредства кистей и красок. Или музыка, настоящий звук, без посредства инструментов и партитур. Допустимо выразиться так: дабы произошло короткое замыкание между концепцией и ее воплощением.

— Но это немыслимо! — вскричала Инид, внезапно вообразив себе ливень живописных полотен, который падает с неба под музыку, идущую ниоткуда.

— В определенных случаях отнюдь не немыслимо,— заявил Конепес.

— Пока что ты говоришь прямо и откровенно,— отметила Инид.— Но ты упомянул, что прибег к обману. С какой стати?

— Обман в том, что я присоединился к процессии с целью трудиться отнюдь не на благо земных особей, а на благо себя самого. Я питал надежду, что рвение соучастников пополнит и подстегнет мои прежние умения.

— Ты хочешь сказать, что идешь с процессией, преследуя собственную цель? Цель, очевидно, была в том, чтобы войти в состояние, нужное для разработки твоей идеи. Этого ты добился — и все же не можешь осуществить свою идею, пока не найдешь кого-то, кто согласился бы подержать палец на перекрестье?

— Ты обрисовала ситуацию с восхитительной точностью. И ежели тебе теперь все понятно, ты соглашаешься помочь?

— Сперва скажи мне, что за штуковину ты изобретаешь.

— Этого, увы, я сделать не в состоянии, поскольку объяснение неизбежно вовлекает понятия, недоступные земным особям без основательной специальной подготовки.

— Твое изобретение не будет пагубным? Оно никому не причинит зла?

— Посмотри на меня,— предложил Конепес.— Разве я похожу на злонамеренное существо?

— Право, если честно, не знаю.

— Тогда умоляю поверить мне на слово. Объект не причинит никакого зла и никому.

— Хорошо, но мне-то от этого что за выгода?

— Мы станем партнерами. Ты будешь владеть половиной объекта и иметь на него права, равные с моими.

— Весьма великодушно.

— Ни в коей мере,— возразил Конепес.— Без твоей помощи объект просто не вызовется к жизни. Однако ты, возможно, разрешишь мне объяснить, что тебе следует делать?

— Да, пожалуй, разрешаю.

— Тогда закрой глаза и думай на меня.

— Думать на тебя?

— Именно и точно — думай на меня. А я в ответ стану думать на тебя.

— Но я никогда в жизни этого не делала!

— Это несложно,— заверил Конепес.— Ты закрываешь глаза и, сосредоточив все силы, думаешь обо мне.

— Звучит до ужаса нелепо,— сказала Инид,— но, наверное, стоит попробовать...

Плотно зажмурившись, она принялась сосредоточенно думать «на пришельца», но не могла совладать с подспудной мыслью, что портит все дело: у нее же нет никакого представления, как думают «на других».

И тем не менее она ощущала, что пришелец целеустремленно думает «на нее». Было страшновато, хоть и напоминало манеру братца Генри посылать слова прямо в мозг. Она упорно пробовала ответить пришельцу тем же и уж во всяком случае не отгонять его. Терять ей, в конце концов, совершенно нечего. Впрочем, в высшей степени сомнительно, что удастся что-нибудь приобрести: все это самая настоящая белиберда.

Но мало-помалу в ее сознании сформировалась картина, до какой она никак не сумела бы додуматься самостоятельно. Картина сложнейшей конструкции из красочных нитей, связывающих ее воедино. Нити были тоненькими и казались очень хилыми, и тем не менее конструкция ощущалась как вполне материальная. Казалось, Инид стоит в самом центре, но разглядеть подробности не удавалось — конструкция была слишком велика и простиралась во все стороны без конца и края.

«Однако,— заявил невидимый Конепес, посылая слова прямо ей в мозг,— вот куда ты должна возложить свой палец».

— Куда? — не поняла Инид.

«Прямо сюда»,— сообщил Конепес, и внезапно она увидела нужную точку и, положив на нее палец, плотно прижала, как прижала бы скрещенную бечевку, перевязывая пакет.

Ничего не случилось — ничего, что можно было бы заметить с первого взгляда. Но окружающая Инид конструкция как бы стала более прочной, и ветер, дующий на взгорье, неожиданно прекратился. А она не отрывала глаз от пальца, прижимающего бечевку: теперь ей захотелось увериться, что бечевка прижата крепко, хоть никакой бечевки на самом деле и не было.

Конепес обратился к ней уже вслух:

— Все в порядке, работа завершена. Необходимости держать палец больше нет.

Она перевела взгляд и увидела пришельца неподалеку: он вцепился в материализованную конструкцию, а затем стал взбираться по голым прутьям как по лестнице. Снизу донесся крик. Оказывается, вся процессия теперь оказалась ниже Инид, и все пялились на нее, все орали, махали руками, все пришли в неистовое возбуждение.

Немного напуганная, она дотянулась до ближайшего из прутьев конструкции и вцепилась в него. Подвернувшийся ей под руку прут был бледно-лиловым и соединялся с двумя другими — лимонно-желтым и ярким, словно горящим изнутри, цвета спелой сливы. Прут ощущался как нечто прочное. А на чем же она стоит? Посмотрев себе под ноги, Инид поняла, что опирается на такой же прут, но красного цвета, и этот нижний прут так же веществен, как желтый, за который она ухватилась. И вокруг, куда ни взгляни, были прутья, прутья и прутья — конструкция окружала ее со всех сторон. Сквозь решетку из прутьев были видны горы и долины — Инид впервые увидела гребень со змеевидной процессией как малую часть оставшегося внизу ландшафта.

Конструкция плавно накренилась, и Инид распростерлась над этим ландшафтом вниз лицом. Она задохнулась, сердце охватила жуть, но отступила, лишь только Инид сообразила, что в новом положении ей так же удобно, как и в прежнем. Должно быть, чувство ориентации было теперь замкнуто на самую эту конструкцию, а не на землю, оставшуюся внизу. Вспомнив про времялет, Инид быстро обвела взглядом ближние склоны, попыталась его обнаружить, но тщетно.

Тем временем конструкция вернулась в исходное положение, и по всему ее объему стали появляться отростки и завитушки — хаотично, без какой-то различимой схемы. Конепес решил наконец подобраться поближе к Инид, переползая по прутьям, как неуклюжий паук. Когда ему удалось поравняться с ней, он вытаращил на нее все свои глаза и осведомился:

— Как тебе данное произведение? Прекрасно, не правда ли?

Она поперхнулась.

— Это та самая штука, какую ты хотел сотворить?

— Конечно и разумеется. Я полагал, ты сама уже догадалась.

— Но что это такое? Пожалуйста, растолкуй мне, что это такое?

— Сие есть невод,— ответил Конепес.— Невод, незаменимый при ловле мироздания.

Инид вновь вгляделась в конструкцию, которую пришелец окрестил неводом. Но как она ни напрягалась, как ни морщила лоб, эта штуковина была все-таки слишком хлипкой и не имела определенной формы.

— Слушай,— не стерпела она,— как же ловить мироздание столь легкой сетью?

— Для данного невода время не имеет значения,— продолжал Конепес.— Ни время, ни пространство. Невод не зависим от времени и от пространства, не считая тех моментов, когда использует их.

— Но откуда ты все это знаешь? — осведомилась Инид. Пришелец никак не выглядел существом, напичканным знаниями.— Ты учился где-нибудь? Конечно, не у нас на Земле, и все же...

— Знания мои от сказителей племени,— отвечал Конепес.— Рассказы, передаваемые из поколения в поколение, древние-предревние легенды...

— Нельзя же, затевая такое, опираться исключительно на легенды! Нужны твердые знания, теоретические посылки, достоверные научные факты...

— Я добился цели, не правда ли? Я подсказал тебе, где держать палец, или не подсказал?

Инид согласилась, вынужденно и вяло:

— Верно, подсказал...

А конструкция преображалась прямо у нее на глазах, теряя хлипкость, набирая мощь и обретая форму, хотя нельзя ска-

зать, что эта форма и эта мощь производили сильное впечатление. Рассыпанные там и сям выросты изменялись, превращаясь из поблескивающих завитушек в объекты, явно имеющие прямое отношение к этому худосочному — нет, уже не слишком худосочному — сооружению. Конепес назвал сооружение неводом, но Инид, хоть режь, не могла понять почему. Это даже раздражало — конструкция напоминала что угодно, только не невод. Впрочем, попытка припомнить что-нибудь, что имело бы хоть отдаленное сходство с этой штуковиной, тоже не привела ни к чему.

— Мы выступим седоками,— объявил Конепес,— полетим от планеты к планете, не затрачивая времени и не затрагивая пространства.

— Но эта штука не может выйти в космос! — всполошилась Инид.— Тут мы никак не защищены и умрем от холода или от отсутствия воздуха. И даже если она долетит, мы очутимся на неизвестной планете, в атмосфере, способной задушить нас или изжарить заживо...

— Мы решим заранее, куда именно полетим. Никаких неизвестных. Мы последуем согласно точным картам.

— Откуда могут взяться такие карты?

— Они есть издавна и издалека.

— Ты их видел? А может, они у тебя в кармане?

— Нет необходимости физически обладать ими или всматриваться в них глазами. Они есть часть моего сознания, генетическая составляющая, переданная мне предками.

— Ты говоришь о наследственной памяти?

— Именно и конечно. Я полагал, ты сумеешь догадаться. Память предков, разум и знания предков, включая знание, как соорудить невод и что для него требуется.

— И ты утверждаешь, что этот твой невод способен творить чудеса?

— Всех доступных чудес даже я не в силах исчислить. Он без труда преодолевает время, а равно...

— Время,— перебила Инид.— К этому я и веду. Я потеряла друга во времени. Правда, я знаю временные координаты, но не знаю пространственных.

— Ничего особенного,— заверил Конепес.— Задача совершенно простая.

— Но я же говорю тебе, что не знаю...

— Ты полагаешь — не знаешь. Однако вероятно, что знаешь. Все, что тебе надлежит,— переговорить с неводом. Дозволь ему заглянуть в тебя. Он способен преодолеть забывчивость.

— Как же я обращусь к нему?

— Ты с ним говорить не можешь. Зато он может говорить с тобой.

— Как я дам ему знать, что хочу, чтоб он поговорил со мной? Откуда мне знать, что я вообще способна общаться с твоим неводом?

— Ты думала на меня, хотя уверяла, что не способна, и ты думала на узел на перекрестье...

— Теперь, когда все позади, когда ты получил свой драгоценный невод, может, ты хоть скажешь, что я, в сущности, сделала? Там же не было никакого узла, да и пальца не было...

— Дорогая моя,— сказал Конепес,— у меня нет средств объяснить тебе. Не то чтоб я не хотел, однако слов нет. Ты пустила в ход способность, о коей не догадывалась и в наличии коей я сам не был уверен ничуть. Даже когда уговаривал тебя положить палец, не был уверен полностью, что получится. Мог лишь надеяться, но не более.

— Ну ладно, давай кончать тарабарщину. Толкового ответа от тебя все равно не дождешься. Мне очень хочется вернуться к другу, о котором я говорила, а ты ответил, что надо потолковать с этим дурацким неводом. Пожалуйста, подскажи в таком случае, с чего начать.

— Обязательно и непременно. Подскажу в надлежащий срок. Сначала, однако, есть миссия, какую следует исполнить, а уж когда миссия будет завершена...— Вытянув руку, он ухватился за одну из завитушек, рассыпанных по всему неводу, и приказал: — Пригни голову и держись крепче...

И ничего не произошло. Инид подняла голову и открыла глаза. Планета была розово-пурпурной, а небо золотисто-зеленым.

— Вот видишь! — торжествующе воскликнул Конепес.— Мы прибыли и никаким неприятностям не подверглись.

Инид сделала осторожный вдох — сперва совсем легкий, пробный, потом другой, поглубже. Воздух казался нормальным — она не поперхнулась, не было ни удушья, ни дурного запаха.

— Что с тобой? — осведомился Конепес.— Тебе нездоровится?

— Ничего подобного,— ответила Инид,— просто небо не бывает такого цвета. Откуда на небе возьмется сочная зелень? Земля окрашена неприятно, но, наверное, она все-таки может быть розовой и даже багровой, а вот зеленого неба, извини, не бывает...

Но, нравится или нет, небо действительно было зеленым. И она сама была живехонька. И даже, не исключается, все вообще было в порядке, хоть судить об этом с уверенностью она не могла, потому что до сих пор так ни в чем и не разобралась.

Конепес стал спускаться по прутьям вниз. Нижний угол невода висел над самой почвой.

— Я не задержусь,— пообещал пришелец.— Вернусь без промедления. Жди меня прямо здесь и не отдаляйся, пребывай вблизи...

Земля по-прежнему оставалась розово-пурпурной — розовая трава, деревья с фиолетовым отливом. И, невзирая на сочную окраску, земля казалась скучной, плоской до монотонности — самый неинтересный кусок суши, какой только доводилось видеть. Земля стелилась как полотно во всех направлениях до туманного горизонта, где присущие планете цвета — розовый, зеленый, золотистый и фиолетово-багровый — смешивались в муторный коктейль. Монотонность нарушали лишь отдельные деревья да изредка небольшие курганчики. И ничто нигде не шевелилось — ни парящей птицы, ни порхающей бабочки, пустота и уныние в самом прямом смысле.

— Что это за планета? — спросила Инид.

— Единственное ее обозначение,— ответил Конепес,— есть символ на карте. Как произнести этот символ, при всем желании не имею понятия. Возможно, для произнесения вслух символ вовсе и не предназначен.

— Как же мы попали сюда так быстро и без каких бы то ни было...

— Нас сюда транслировало,— объявил Конепес и, достигнув почвы, без колебаний молча двинулся прочь от Инид. Он шел размашисто и вприпрыжку, а рядом прыгала и скакала исполинская тень, размытая по краям,— блеклое красное солнце тонуло в мареве зеленого неба и давало слишком мало света даже для образования приличной тени.

Вся планета, подумалось невольно, бездарна и аляповата, будто слеплена напоказ кем-то, кто и не слыхивал о хорошем вкусе. Инид принялась спускаться вниз, задержалась, вгляделась пристальнее. Конепес растворился в мутном мареве, она была предоставлена самой себе. Ни внизу, ни вокруг не было заметно никаких признаков жизни, кроме травы и деревьев. Гладкий равнинный простор да отдельные курганчики.

Она соскользнула наземь и слегка удивилась, ощутив под ногами твердь: почему-то у нее сложилось впечатление, что грунт губчатый или даже топкий. Решившись наконец расстаться с неводом, она направилась к ближайшему курганчику, совсем маленькому, напоминающему кучку камней. Такие кучки ей доводилось видеть в средних веках — землепашцы, расчищая посевные участки, выкапывали камни и складывали их на меже. Но там в одну бурую кучку попадали камни любых размеров, от форменной мелочи до увесистых валунов. Здесь все камушки казались одинаково мелкими, и многие посверкивали на солнце.

Достигнув курганчика, Инид опустилась на колени, собрала пригоршню камней и поднесла их к глазам на раскрытой ладони. Даже в хилом свете красного солнца камни полыхнули огнем. У нее захватило дух, мышцы непроизвольно напряглись, хотя вскоре расслабились. Ты же ничего не знаешь о драгоценностях, внушала она себе, ты не отличишь осколок кварца от бриллианта... Но нет, никак не верилось, что весь этот блеск и огонь исходят от обыкновенной гальки. На красноватом камне размером чуть меньше куриного яйца был скол, полыхающий ослепительным багрянцем. Камушек, расколовшийся пополам, казалось, трепещет, испуская потоки сини. А другие камушки светились оттенками роз и фиалок, яркой зеленью и теплой желтизной.

Перевернув ладонь, она позволила им всем упасть искристым дождем. Если это и впрямь драгоценные камни, то в отдельные периоды истории человечества они могли бы нашедшему их принести целое состояние. Правда, не в ту эпоху, откуда Инид и ее семья бежали без оглядки. В ту эпоху все драгоценности, антикварные вещи и раритеты утратили всякую ценность. Тот мир не признавал ни денег, ни драгоценностей.

Интересно, знал ли Конепес об этих кучках драгоценных камней, которые неведомый народ свалил здесь столь небреж-

но и без счета? Вряд ли, ответила себе Инид, Конепес ищет здесь что-то, но это не драгоценности...

Она направилась к следующей кучке, но, добравшись до цели, даже не замедлила шага. Кучек таких на этой планете полным-полно, вон еще и еще, и все одинаковые, разве что некоторые чуть побольше. Она теперь знала наверняка, что это за кучки и что она в них найдет. Не настала ли пора пройти немного дальше и посмотреть, не отыщется ли там чего-то более интересного?

По-видимому, сама не догадываясь, она все время поднималась по пологому склону, поскольку внезапно равнина кончилась, и перед ней открылся обрыв, а за ним путаница причудливых формаций, нагота крутых утесов, глубокие промоины пересохших потоков — и пирамиды, целая группа пирамид, царство прямых линий, сходящихся к вершине.

Замерев на краю обрыва, Инид пожирала пирамиды глазами, припоминая однажды читанное: в природе нет прямых линий, прямолинейность неизбежно подразумевает искусственность. У пирамид определенно был вид архитектурных сооружений. Края граней были отчетливыми, а сами грани, сужающиеся к вершине,— совершенно ровными.

И тут она заметила, что грани посверкивают точно так же, как курганчики на равнине. Не может быть! Возводить пирамиды с подобной точностью из драгоценных камней или самоцветов — это же просто нелепо, если вообще возможно.

Она подошла ближе, и сомнению не осталось места: пирамиды были сложены из самоцветов, вернее из тех самых камней, что представились ей самоцветными. При близком рассмотрении сооружение буквально переливалось мириадами радужных искр. Инид даже прищурилась — настолько яркими были красные, зеленые, пурпурные блестки. Пурпурные ее не привлекли — пурпура, гвоздичной красноты и неестественной зелени она насмотрелась на этой планете уже более чем достаточно. Но одна желтая искра — бледно-желтая, несравненно чистая и ясная — заворожила ее, заставила сердце замереть, а дыхание прерваться. Искра исходила от камня размером побольше яйца, поразительно гладкого, будто отполированного протекавшими над ним древними водами.

Рука бездумно потянулась к этой манящей искре, пальцы ухватились за камень и сомкнулись. Но довольно было выта-

щить его, как целая грань пирамиды стекла вниз, будто в мгновение ока растаяла. Инид еле-еле увернулась от каскада хлынувших на нее камней.

Что-то истошно пискнуло. Инид встрепенулась, вскинула глаза на писк — и увидела их. Они скучились у осевшего угла пирамиды и, в свою очередь, уставились на нее вытаращенными глазами. Испуганные участью пирамиды, они даже привстали на цыпочки, а круглые пушистые уши затрепетали мелкой дрожью.

Глаза навыкате, мышиные ушки, кроткие треугольные личики — а тела угловатые, резко очерченные, смутно напоминающие выточенных из дерева пауков. Нет, не просто из дерева, поправила себя Инид, а из выдержанного, поседевшего плавника, какой находят иногда по берегам рек: все древесные узлы и неровности сточены до блеска, словно некий умелец специально шлифовал их долгими-долгими часами.

Она попыталась заговорить с ними и постаралась, чтобы голос звучал ласково. Тела из седоватого плавника путали и отталкивали, зато пушистые личики, большие ясные глаза и трепещущие ушки привлекали беззащитной добротой. При звуках человеческого голоса они отпрянули и пустились в бегство, высоко подбрасывая суставчатые ноги, затем остановились и уставились на Инид сызнова. Их была ровно дюжина. Размером они были со взрослую овцу.

Она заговорила снова, так же ласково, как и прежде, и протянула к ним руку. Движение, естественное для человека, доконало их — они вновь отпрянули и бросились наутек, на сей раз во всю прыть, не останавливаясь и не оглядываясь. Одолели исковерканный склон и исчезли, скрывшись в одном из глубоких провалов. А Инид осталась у пирамиды, которая больше не отличалась прямизной и четкостью линий. Над головой сомкнулось зеленое небо, будто спустившееся еще ниже, а рука тупо сжимала булыжник, сияющий желтизной первоцвета...

Опять я все испортила, упрекнула себя Инид, как портила все, к чему ни прикасалась за последние дни. Она обошла осыпавшуюся пирамиду и застыла в крайнем изумлении: на бордовой траве были расстелены прямоугольники белой ткани, а между ними возвышались красочные корзины с крышками, сделанные, видимо, из металла. Осталось лишь дополнить упре-

ки в собственный адрес догадкой: бедняги выбрались сюда на пикник, а я прервала его грубо и бесцеремонно...

Подойдя вплотную, она подцепила край прямоугольника ногой. Ткань легко отделилась от земли и упала обратно складками. Нет, ошибки быть не могло: это именно ткань. Скатерть, расстеленная на траве. Чистая поверхность, на которую удобно выложить пищу. Ну не странно ли, подумала Инид, что идея пикника, казалось бы чисто земная, появилась независимо и у обитателей этой безрадостной планеты! Хотя здесь, вполне вероятно, это действие несло совершенно иной смысл, а может, и не имело ничего общего с трапезой на природе.

Упрятав желтый камень в карман, она наклонилась и заглянула в корзины. Не оставалось и тени сомнения, что пикник, если его можно так назвать, все-таки был связан с едой. В корзинах, тут не возникало вопросов, была пища. Фрукты, очевидно, недавно сорванные с деревьев или кустов. Пища, прошедшая приготовление: кубики, брикеты, буханки,— а в одной из корзин обнаружилась огромная чаша с каким-то подобием салата — месиво из листьев пополам с колышущейся слизистой массой. От чаши поднималась едкая вонь.

Почти подавившись гнусным запахом, Инид выпрямилась и отступила на два-три шага, а потом сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, прочищая нос. И тогда, оглядевшись заново, заметила ящик.

Ящик был небольшой, черненький, что-нибудь около фута в ширину и в высоту и дюймов пять-шесть в толщину. Он лежал на земле подле матерчатых прямоугольников, которые Инид успела окрестить скатертями. В основном ящик был металлическим, однако сторона, обращенная к ней, казалась сделанной из серого матового стекла или сходного минерала. Открыть ящик и заглянуть в его нутро не удалось, да и времени на эксперименты не оставалось: Конепес вот-вот вернется, и ей вовсе не хотелось, чтоб он счел ее пропавшей без вести.

Она все еще пялилась на ящик, когда его лицевая сторона вдруг осветилась и она увидела того, о ком думала. Конепес брел по траве, сгибаясь под тяжестью взваленного на плечи огромного сундука.

Элементарное телевидение! — ахнула Инид. Какие параллели с Землей — пикник и телевизионный приемник! На экране

Конепес спустил сундук со спины и поставил боком на грунт, вытирая вспотевшую морду. Очевидно, тащить сундучок было ой как нелегко.

Выходит, овцепауки с точеными из дерева телами наблюдали за пришельцем? А может статься, и за ней тоже? Нет, вряд ли — их удивление и испуг, когда они выскочили из-за пирамиды, выглядели искренними и неподдельными.

И как только она вспомнила об овцепауках, они явились ей на экране. Конепес колыхнулся и исчез, а вместо него показались эти твари, бредущие по узкому дну сухого каньона. Вид у них был мрачно целеустремленный — они брели не наугад, они знали дорогу.

Убраться бы нам отсюда, подумала Инид. Что-то подсказывало ей: чем скорее, тем лучше, надо только самой вернуться к неводу и дождаться возвращения его изобретателя. И опять изображение дернулось и сменилось: едва она помянула пришельца про себя, телевизор показал его, вновь согнувшегося под неподъемной ношей.

Удивительно — довольно было подумать о ком-то, и этот кто-то возникал на экране. Настройка под воздействием мысли? Ответа она не знала, но было ясно, что это не простой телевизор, а устройство слежения, для которого, наверное, нет недоступных мест и неведомых ситуаций.

Она подняла ящик — он оказался нетяжелым — и быстро двинулась под уклон. Внезапно осознала, что не оправдала доверия, бросив невод без присмотра, и когда разглядела наконец, что невод никуда не делся, испытала огромное облегчение. Последний отрезок пути преодолела бегом.

Взгляд направо — и она увидела пришельца воочию, все так же ковыляющего в сторону невода с сундуком на плече. Без всяких на то причин она ощущала потребность покинуть планету незамедлительно и полагала, что Конепес испытывает сходное чувство, и даже с большими основаниями. Сундук не мог принадлежать ему по праву. Он, вероятно, украл сундук.

Достигнув невода, она первым делом взметнула вверх телевизионный ящик. К счастью, ящик был достаточно велик, чтобы надежно улечься на стыке двух прутьев. Конепес в свой черед пустился бегом, задыхаясь и шумно пыхтя, еле-еле удерживая скачущую на плече ношу.

Вспрыгнув на прутья, Инид нашла устойчивую равновесную позу и немедля потянулась помочь пришельцу справиться с сундуком. Конепес, напрягая все силы, поднял ношу с плеча и кое-как втолкнул ее на невод. Инид ухватилась за кожаную ручку на боку сундука и, упершись попрочнее, потащила-поволокла кладь на себя. Сундук стукнулся о прутья, спружинил и стал соскальзывать наружу. Инид воткнула каблуки в какие-то углубления и потянула его в сторону, пытаясь застопорить.

И тут уголком глаза она заметила, как от пурпура травы отделяется нечто багровое, извивается, тянет щупальца. Конепес взвыл от страха и, уклонившись от щупалец, прыгнул вверх. Руки сумели достать до прутьев, он подтянулся, однако ноги болтались в воздухе. Инид схватила пришельца за руку и поволокла на себя, как прежде сундук. Багровость устремилась к ним обоим — пораженная ужасом Инид успела различить распахнутую пасть с блестящими острыми зубами, извивы щупалец, злобный посверк какого-то органа, смахивающего на глаз. Одно из щупалец вцепилось в нижние прутья, и невод основательно тряхнуло.

Наконец Конепес влез на невод целиком и сразу же взвился по прутьям куда-то выше. Невод стал подниматься, вцепившаяся в него багровость оторвалась от почвы и повисла, болтаясь в воздухе. На фоне травы ее было почти не различить, но щупальце, несомненно, продолжало цепляться за нижний прут. Инид вслепую нащупала у себя в кармане желтый камень и, размахнувшись, саданула им по багровому пятну. Багровость издала пронзительный крик боли, щупальце отпало. Инид смотрела во все глаза, но так и не уловила момента, когда багровый ужас шмякнулся на землю. Багровость растворилась в пурпуре, и больше ничего было не разглядеть.

Конепес стремглав карабкался по прутьям вверх, волоча за собой с таким риском добытый сундук. Невод все поднимался, и Инид тоже поползла по прутьям, перемещаясь подальше от края. Телевизор сорвался с уготованного ему места, но она сумела подхватить его на лету. Он замерцал, и когда она опустила взгляд на экран, там был Бун. Бун находился в каком-то сером пространстве, и сам казался серым, а рядом с ним был совершенно серый волк.

— Бун! — закричала она.— Оставайся на месте, Бун! Я сейчас прилечу к тебе!

Глава 8

КОРКОРАН

Джей Коркоран высадился из времялета в чудесное весеннее утро. Видимо, был конец апреля. Машина села на небольшой горный лужок. Внизу лежала неширокая долина с серебряной полосой воды, сверху нависали иззубренные вершины. Деревья уже оделись юной бледно-зеленой листвой, а лужок был застлан ковром нежно окрашенных диких цветов.

Дэвид подошел, встал рядом и произнес:

— Мы залетели несколько дальше, чем я намеревался. Не было времени задать точный курс. Надо было убраться оттуда подобру-поздорову.

— И куда же нас занесло? — спросил Коркоран.— Не то чтоб это имело особое значение...

— Наверное, это действительно не так уж важно,— ответил Дэвид,— но мы оказались ближе к моей собственной эпохе, чем мне хотелось бы. Если грубо, плюс-минус несколько веков, то мы сейчас находимся за девятьсот семьдесят пять тысяч лет от начала вашего летосчисления. А наше вероятное географическое положение — где-нибудь в районе, который у вас назывался колонией Пенсильвания. Возможно, вы про нее слышали.

— В мое время Пенсильвания уже не была колонией.

— Дайте мне небольшой срок на расчеты, и я укажу вам место посадки с точностью до двух миль, а время — с точностью до года или даже месяца. Если, конечно, вам это интересно.

Коркоран, покачав головой, указал на гребень горы прямо над приютившим их лужком:

— Там что-то не совсем обычное. Какая-то асимметричность. Может быть, руины?

— Может быть. В эти, для вас далекие, тысячелетия вся Земля захламлена древними заброшенными постройками. Умершими городами, захиревшими дорогами, храмами и культовыми сооружениями, покинутыми, когда верования изменились. Хотите взобраться туда и взглянуть поближе?

— Можно,— согласился Коркоран.— Сверху, по крайней мере, вся местность будет как на ладони.

Что гребень в самом деле увенчан руинами, стало ясно, пожалуй, еще на полпути.

— Не много же здесь сохранилось,— заметил Дэвид.— Еще век или два, и останется только бугор, могильный курган. Сколько таких рассыпано по планете! И никто никогда не дознается, что тут было. Эта эпоха давно забыла об археологии. Раса утратила интерес к своему прошлому. Ноша истории стала слишком тяжела. Вполне вероятно, что где-нибудь хранятся письменные источники, излагающие происхождение этих руин и развернутую их историю. Только ни одна душа в эти источники уже не заглянет. Историков нынче тоже нет...

Почти у самой вершины они натолкнулись на стену, вернее, на остатки стены. Кладка обрушилась и нигде не поднималась выше чем футов на десять над землей. Чтобы добраться до стены, пришлось искать проход меж каменных глыб, полузасыпанных землей.

— Должны же где-нибудь быть ворота! — воскликнул Коркоран.

— Должны быть,— согласился Дэвид.— Однако руины обширнее, чем казалось снизу, с лужка...

Следуя вдоль стены, они в конце концов вышли к воротам. У ворот на голой земле, прислонясь спиной к стене, сидел старик. Ветерок, играющий на гребне, шевелил прикрывающие его лохмотья. Ботинок на нем не было вовсе. Белая борода ниспадала на грудь. Волосы, такие же белые, как борода, лежали на плечах. На всем лице видимыми оставались лишь лоб, нос и глаза.

Заметив старика, они замерли как вкопанные. В свою очередь, он посмотрел на них без всякого интереса и не двинулся с места, только слегка пошевелил пальцами ног. А потом сказал:

— Давно уже слышу, как вы идете. Ходоки вы, надо признать, никудышные...

— Извините, что потревожили вас,— откликнулся Коркоран.— Но мы же не знали, что вы тут сидите...

— Ничего вы меня не потревожили. Я просто не позволяю себе тревожиться ни по какому поводу. Вот уже много лет не было ничего, что меня встревожило бы. Прежде я был изыскателем, бродил по этим горкам с котомкой и заступом в поисках каких-нибудь завалящих сокровищ. Кое-что нашел, хоть

и немного, а в конце концов понял, что все сокровища — суета сует. Нынче я беседую с деревьями и с камнями — с лучшими друзьями, каких может пожелать человек. В этом мире развелось слишком много никчемных людишек. Занятых только тем, что разглагольствуют друг с другом, а зачем? Только затем, чтоб упиваться звуками собственного голоса. Любое дело они перепоручают роботам. А вот у меня нет робота, я не удостоен подобной чести. Беседую себе помаленьку с деревьями и камнями. Сам много не говорю. Я не влюблен в собственный голос, как многие другие. Чем говорить, я предпочитаю внимать деревьям и камням...

В течение монолога тело старика соскальзывало по стене, на которую он опирался спиной, все ниже и ниже. Теперь он спохватился, сел прямее и переключился на новую тему:

— Когда-то мне привелось странствовать среди звезд и беседовать с разными инопланетянами, и могу доложить вам: что бы инопланетяне ни говорили, все сплошь тарабарщина. Вместе со своим экипажем я занимался оценкой новых планет и сочинял увесистые доклады, набивая их фактами, добытыми потом и кровью, в надежде порадовать этими фактами родную планету. Но когда мы вернулись на Землю, считанные единицы проявили к нашим открытиям хоть какой-нибудь интерес. Человечество повернулось к нам спиной. Ну а я в ответ повернулся спиной к человечеству. Там, в космосе, я встречал инопланетян. Много разных инопланетян, слишком много. Есть болтуны, заявляющие, что, если заглянуть им в душу, инопланетяне нам братья. А я говорю вам честь по чести, что в большинстве своем инопланетяне мерзки и отвратительны...

— За годы, проведенные в космосе,— прервал старика Дэвид,— а может статься, и не в космосе, а прямо здесь, на Земле, слышали ли вы что-нибудь об инопланетянах, называемых бесконечниками?

— Нет. Кажется, нет, хоть я ни с кем не встречался толком уже многие годы. Я не тот, кого можно назвать общительным...

— А есть тут, не слишком далеко, кто-нибудь, кто мог бы слышать о бесконечниках?

— За это,— отвечал старик,— поручиться не могу. Но если вы о том, есть ли тут в округе более разговорчивые, чем я, то в долине под горой живет кучка престарелых бездельников. До них всего-то миля или около того. Задайте им любой во-

прос, и они осчастливят вас ответом. Только и делают, что болтают день-деньской. А уж если им подвернется новый вопрос или кто-то сунется к ним с предложением, то уж будьте уверены — они не упустят такой возможности, пока не обсосут ее со всех сторон.

— Вы, как погляжу, тоже не слишком застенчивы,— съязвил Коркоран и обратился к Дэвиду: — Раз уж мы здесь, может, осмотрим руины, прежде чем спуститься в долину?

— Нечего там осматривать,— рассердился старик.— Груды кирпича да кое-где остатки мостовой. Идите, если хочется, но все равно ничего стоящего не высмотрите. А я останусь здесь, на солнышке. Деревья и камни мне друзья, и солнышко тоже. С ним, правда, не поговоришь, зато оно дает вам тепло, поднимает настроение, а это дружеские поступки.

— Благодарим вас,— подвел черту Дэвид,— за то, что вы уделили нам столько времени...

С этими словами он круто повернулся и вошел в ворота. За воротами не было ни дороги, ни хотя бы тропинки, но в каменных завалах были кое-где заметны проплешины. Старик оказался прав: осматривать тут было, в общем, нечего. Отдельные стены еще держались, скелеты древних построек еще сохраняли подобие формы, но не подсказывали, что тут было прежде, даже намеком.

— Мы попусту теряем время,— заявил Дэвид.— Ничего интересного для нас тут нет.

— Но если не терять время попусту,— съехидничал Коркоран,— куда прикажете его девать?

— Тоже верно,— согласился Дэвид.

— Мне не дает покоя одна мысль,— признался Коркоран.— Вот мы попали почти за миллион лет от моего времени. Между вами и мной — тысяча тысячелетий. Вам я должен бы казаться дикарем, неуклюжим и невежественным, а вы мне — изощренным до зауми. Но ни вы, ни я не видим друг в друге особых странностей. В чем тут дело? Неужели человечество за миллион лет совсем не развивалось?

— Примите в расчет, что я из провинциалов. Мы в своей эпохе оставались дикими горцами, отчаянно цепляющимися за прежние ценности и прежний образ жизни. Возможно, мы даже перестарались, нами двигало чувство протеста, и мы как бы выпали за борт. Но в нашей эпохе нет недостатка в умных

и утонченных. Люди построили великую техническую цивилизацию, исследовали космос. Люди сумели утихомирить политиков и извести национальные распри. Люди достигли уровня высочайшего общественного сознания. В мире, где мы живем, никто не может остаться без крыши над головой, без пищи на столе и медицинской помощи. По правде говоря, медикам теперь делать почти нечего. Болезни, убивавшие вас миллионами, искоренены без следа. Продолжительность жизни по сравнению с вашей выросла более чем вдвое. Присмотритесь к нашей эпохе, и у вас появится искушение назвать ее утопией.

Коркоран хмыкнул:

— Много же толку дала вам эта утопия! Эпоха, вы говорите, достигла утопии, а сами-то вы вылетели в трубу. Что же, спрашивается, довело вас до жизни такой, уж не вера ли в утопию?

— Что ж, может быть,— тихо произнес Дэвид.— Дело, наверное, не в самой утопии, а в отношении к ней...

— Вы имеете в виду пришедшее к вашим современникам ощущение, что все достигнуто и стремиться больше не к чему?

— Может быть, может быть. Точно не знаю...

Они углубились в руины еще немного, потом Коркоран спросил:

— А что с остальными? Вы можете с ними связаться?

— Мы с вами не в силах сделать почти ничего, а вот ковчег Мартина, где сейчас Хорас, оборудован системой связи. Хорас мог бы провести круговой опрос, хоть и очень осторожно. По разным эпохам наверняка раскидано немало таких же групп, как наша. И положение у них, может статься, не лучше нашего. Кто бы ни наслал на нас страшилище, роботу-убийцу, вполне допустимо, что подобных роботов натравили и на них. Если какая-то группа и уцелела, то к любым вызовам она будет теперь относиться с большой опаской.

— Вы думаете, убийц подослали бесконечники?

— Скорее всего, да. Просто не представляю себе, кому еще это могло бы понадобиться.

— А бесконечникам-то это зачем? Так или иначе, они обратили вас в беспорядочное бегство во времени, и вы не можете казаться им теперь серьезной угрозой.

— А может быть,— ответил Дэвид,— мы сумеем объединиться, перегруппировать свои силы, а потом вернемся и создадим

новое общество? Или отложим возвращение до отлета бесконечников к себе домой — так в этом случае мы можем казаться им еще опаснее! Пока хоть один из нас остается в живых, сохраняется и возможность, по крайней мере с их точки зрения, что, едва они отбудут, мы постараемся свести на нет всю проделанную ими работу.

— Но работа-то уже завершена!

— Не завершена, пока все люди до одного не будут либо мертвы, либо переведены в бестелесное состояние.

В течение всего разговора они шли вверх и вверх, приближаясь к гребню. Вокруг по-прежнему не было ничего интересного — каменные обломки да прижившиеся среди них кустики и деревца. На отдельных клочках земли, свободных от завалов, цвели цветы, по большей части лесные и луговые, но попадались и выжившие наследники и наследницы некогда культурных садов — анютины глазки, семейка тюльпанов, нашедшая приют в укромном углу меж двух уцелевших стен, и корявые кусты сирени, усыпанные сладко пахнущими бутонами.

Коркоран замешкался у этой буйной сирени, пригнул ветку к себе, вдохнул пьянящий аромат и подумал: а ведь все то же самое! Целый миллион лет — а как мало перемен! Земля все та же, цветы и деревья те же, никаких незнакомцев. И люди почти не изменились, если изменились вообще. Миллион лет — это на первый взгляд очень долгий срок и все же недостаточный для заметных физических перемен. А вот перемены интеллектуальные должны были произойти и, вероятно, произошли. Но не рано ли судить, не слишком ли мало людей будущего он видел — старика у ворот да Дэвида с его семейством?..

Нехотя оторвавшись от сирени, он прошел вдоль частично обвалившейся стены и вдруг увидел, что гребень совсем близко. И там, на гребне, что-то странное — иззубренный контур руин словно впечатан в небо, но над резким контуром нависает какая-то туманная смутность. Он замедлил шаг, потом остановился совсем и стал вглядываться в эту смутность, и из нее мало-помалу проступила исполинская, ничем и никем не поддерживаемая винтовая лестница, устремившаяся ввысь, к небу.

Потом он пригляделся еще внимательнее и понял, что ошибся. Лестница отнюдь не висела в воздухе, а вилась вокруг мощ-

ного древесного ствола. Вот уж дерево так дерево! Боже милостивый, что за дерево! Смутность рассеивалась, и с каждой минутой оно открывалось все яснее. Вырастая из гребня и взмывая в небо, оно не истончалось к вершине, а поднималось вверх и вверх — и обвившая его лестница вместе с ним,— пока ствол и лестница не превращались в волосяную линию и не пропадали в синеве.

Послышался голос Дэвида:

— Что вас приворожило? Что там такое?

Коркоран рывком вернулся к действительности. Он совсем забыл про Дэвида.

— Что вы сказали? Извините, не расслышал...

— Я спросил, что вы увидели там над гребнем. Вы стоите, вперившись в чистое небо.

— Ничего особенного,— ответил Коркоран.— Показалось, что вижу ястреба. Теперь птица ушла в сторону солнца и пропала.

Он снова бросил взгляд на гребень. Там по-прежнему стояло дерево, и вокруг него вилась лестница.

— Пожалуй, пора возвращаться,— сказал Дэвид.— Осматривать тут и впрямь нечего.

— Да, наверное,— отозвался Коркоран.— Пустая была затея, напрасная трата времени...

Дэвид, очевидно, не замечал дерева с лестницей, как бы ни всматривался. А я, попенял себе Коркоран, ничего ему не сказал. Какого черта я промолчал? Из боязни, что он мне не поверит? Или потому, что знать о дереве ему просто незачем? Старое-старое правило — ни с кем ничем не делись, храни свои открытия про себя на случай, что в один прекрасный день они тебе пригодятся...

Еще одно проявление удивительной способности видеть то, чего не видят другие. Точно таким же образом был замечен ковчег Мартина, невидимый для других. Ковчег обернулся реальностью, и дерево в свой черед обернется реальностью — но это его личная вотчина, знание, не доступное никому, кроме него, и он сбережет это знание для себя.

Дэвид уже шел под гору. Коркоран в последний раз удостоверился, что дерево на месте, и устремился за Дэвидом. Старик у ворот куда-то делся, но времялет неподвижно ждал их на том же лужке.

— Ну и что теперь? — спросил Дэвид.— Пойдем поищем поселение ненавистных старику бездельников?

— Я бы не против,— сказал Коркоран.— Надо же каким-то образом прояснить ситуацию. Пока что мы здесь словно в вакууме...

— Мне бы особенно интересно узнать,— поддержал Дэвид,— как обстоит дело с бесконечниками, объявились они или еще нет. Вроде бы они впервые высадились на Земле именно в эту эпоху, но точная дата мне неизвестна.

— Неужели вы думаете, что жители захолустной деревни смогут вас просветить? Честно говоря, район выглядит отрезанным от мира.

— Какие-то слухи доходят сюда все равно. А нам всего-то и нужно что узнать, прилетели бесконечники или нет. Самый неопределенный слушок — вот вам уже и ответ.

На краю лужка обнаружилась тропинка, ведущая в долину, где бежала весело бормочущая река. Дэвид без долгих раздумий повернул вниз по течению. Идти было легко — долина не обещала препятствий, да и тропа-то над берегом становилась все более хоженой.

— Слушайте, может, вы хоть чуть-чуть подготовите меня к тому, что я увижу? — попросил Коркоран.— Каков, например, экономический уклад?

Дэвид усмехнулся:

— Это потрясет вас до глубины души, но в принципе никакого уклада на Земле не осталось. Всю работу выполняют роботы, денег нет и в помине. Можно, наверное, сказать, что остаточная экономика передана в руки роботов. Они распоряжаются имуществом, они заботятся обо всех и обо всем. Никому из людей не надо думать о том, как свести концы с концами.

— Но в таком случае,— недопонял Коркоран,— что прикажете делать людям? Чем заниматься?

— Люди думают. Сидят и думают в свое удовольствие, а если выпадает возможность поговорить, упражняются в красноречии.

— В мое время,— сообщил Коркоран,— фермеры, когда выбирались в город, любили посидеть в каком-нибудь заведении за чашечкой кофе. Бывало, к ним подсаживались ремесленники и мелкие бизнесмены, и все хором принимались

решать судьбы мира, причем каждый не сомневался, что знает, о чем толкует. Разумеется, ни черта он не знал, но какая разница! В своем кругу он казался себе мыслителем мирового масштаба. Но в ваше-то время такого не может быть. А вы уверяете, что все поголовно...

— Нет, не все, бывают исключения. Мы как раз составляли меньшинство. Несмышленые простофили, мы не понимали, что происходит, и не желали подстраиваться. Нас считали смутьянами и крикунами, занозой в теле здорового общества...

— Насколько я понимаю, никакими смутьянами вы не были.

— Не были. Но подразумевалось, что мы подаем дурной пример.— Они миновали небольшой взгорок, и Дэвид остановился.— А вот и наша деревня...

Деревня была маленькая и аккуратненькая — два-три относительно просторных дома, остальные просто домики, да и тех не более двух десятков. А улица вообще единственная, и не улица даже, а узкая дорога. Через речку был перекинут мост, и на другом берегу ровная пойма была исчерчена квадратами полей и садов. По-за поймой опять поднимались холмы.

— Автономная община,— догадался Коркоран.— Изолированная. Роботы пасут скот, роботы возделывают поля...

— Совершенно верно. И тем не менее местные жители имеют все, чего только пожелают. Правда, и потребности у них ограниченные.

Они спустились со взгорка на дорогу-улицу. На ней не было ни души, кроме одинокого старика, бредущего неспешно и осмотрительно по своим стариковским делам. Потом из крайнего домика показался робот и направился навстречу Дэвиду и Коркорану целеустремленным шагом. Подойдя вплотную, робот замер по стойке «смирно». Это был самый обычный робот, деловитый, лишенный всякого изыска, и обратился он к ним без околичностей и светских условностей:

— Добро пожаловать к нам в деревню. Рады вашему прибытию. Не будет ли угодно последовать за мной и отведать нашего деревенского супа? У нас сегодня только суп и домашний хлеб, зато вдосталь. Кофе у нас, к сожалению, весь вышел, зато можем предложить кружку нашего лучшего эля.

— Принимаем ваше гостеприимство с глубокой благодарностью,— чопорно ответил Дэвид.— Мы изголодались по об-

ществу. Совершаем протяженный пеший марш и за последнее время почти ни с кем не встречались. Но один из встречных упомянул ваше поселение, и мы специально сделали крюк, чтобы посетить вас.

— У нас найдутся джентльмены,— продолжал робот,— которые будут рады побеседовать с вами. Мы самодостаточны и обособлены от мира, и у нас довольно времени на углубленные умственные занятия. В этой скромной деревне есть мыслители, готовые потягаться с кем угодно на всей планете.

Развернувшись, робот повел путников в тот самый домик, откуда и появился, и услужливо отворил им дверь.

Вдоль стены шла стойка, перед ней выстроились в ряд высокие табуреты. Центр комнаты занимал большой круглый стол, на котором горели свечи, а вокруг стола сидели шесть мужчин. Пустые суповые миски были сдвинуты в сторону, перед каждым из шестерых стояла глиняная пивная кружка. В комнате было душно и темно: два крошечных оконца давали слишком мало света, и свечи тоже почти не помогали.

— Джентльмены,— торжественно оповестил робот,— у нас гости. Будьте добры, подвиньтесь и дайте им место.

Мужчины за столом сдвинули стулья, гости сели, и на несколько минут воцарилась тишина: Дэвида с Коркораном изучали внимательно, чтобы не сказать — подозрительно. В свою очередь, Коркоран рассматривал лица собравшихся. Все они были пожилые, если не старики, некоторые отпустили бороды, но оставляли впечатление людей опрятных и респектабельных. Ему показалось, что он уловил запах банного мыла, да и скромная одежда была стираной и глаженой, хотя кое у кого изрядно поношенной.

Первым, кто нарушил молчание, оказался старик с копной белоснежных волос и поразительной серебряной бородой.

— Мы только что беседовали о том,— объявил он,— что человечество избавилось наконец от нужды крутиться в беличьем колесе, куда его загнало предшествующее экономическое и социальное развитие. Все мы убеждены, что спасение пришло буквально в последнюю минуту, но придерживаемся разных точек зрения на то, почему и как люди дошли до жизни такой. Правда, мы все согласились для начала, что прежний мир стал чересчур искусственным, чересчур кондиционированным и стерилизованным, слишком комфортабельным и чело-

век превратился в балованного зверька под компьютерным колпаком. А вы, часом, не задумывались над этим?

Вот те на, воскликнул про себя Коркоран. С места в карьер, и ни взаимных представлений, ни расспросов, кто мы и чем занимаемся, ни уверений типа: «Как мы рады, что вы заглянули к нам». Вообще никаких разговоров о погоде, никаких предисловий. Эти люди — фанатики, решил он. Но где же признаки фанатизма, где дикий блеск в глазах, где напряженность в каждом движении? Напротив, они кажутся людьми спокойными, приятными и покладистыми...

— Само собой разумеется,— молвил Дэвид так же негромко, как старик с серебряной бородой,— время от времени нам доводилось думать на эту тему. Но наши мысли шли по другому направлению: почему человечество загнало себя в капкан? Мы доискиваемся причин, но тут столько факторов и они так перепутаны между собой, что прийти к определенному выводу весьма затруднительно. А недавно до нас донеслись отрывочные слухи о новой философской школе, которая учит, что окончательное решение всех человеческих проблем — в переходе к иному состоянию, к бестелесности. Это для нас совершеннейшая новость. Видно, мы так долго оставались вне пределов досягаемости, что только сейчас натолкнулись на идею, обсуждаемую довольно давно. Нам бы очень хотелось разобраться в ней по существу.

Все за столом шевельнулись заинтересованно.

— Расскажите-ка,— произнес Серебряная Борода,— расскажите все, что вы об этом слышали. Что точно вам говорили?

— Да почти ничего,— ответил Дэвид.— Одни шепоточки и никаких объяснений. Никаких подробностей — это-то нас больше всего и озадачивает. Да, однажды мы слышали странное определение — бесконечники. Но что это слово значит, не имеем представления.

Слово взял человек с совершенно лысой головой и большими черными усами, отвислыми, как у моржа:

— Мы тоже слышали про бесконечников, но знаем не намного больше вашего. Словечко занесли к нам такие же случайные путники, как вы. Один, помнится, придерживался мнения, что бестелесность наконец-то принесет нам бессмертие, которого мы жаждали от века...

Робот внес и поставил перед Коркораном и Дэвидом огромные миски с супом. Коркоран поднес ложку ко рту — суп был теплый и вкусный. Кусочки мяса, вероятно говяжьего, вермишель, морковка, картошка, лук. Вторая ложка отправилась вслед за первой без всякой натуги.

Заговорил третий мужчина. У этого тоже была бородка, но жиденькая.

— Нетрудно понять, почему новая идея способна привлечь очень и очень многих. Смерть всегда казалась несправедливой. Борьба за долголетие — это же попытка протеста против неизбежности, против жестокого конца...

— Насколько я понимаю,— вмешался мужчина несколько помоложе,— бестелесность означает или по меньшей мере может означать потерю индивидуальности.

— Что ты имеешь против общности с другими? — спросил Жиденькая Бородка.

— По сути, мы обсуждаем пути развития разума,— веско заявил Серебряная Борода.— Если бестелесное существование возможно в принципе, разум станет бессмертным и телом можно пренебречь. Если вдуматься в подобную перспективу, то, пожалуй, разум, интеллект важнее всего остального.

— Но что такое разум без тела? — не унимался тот, что помоложе.— Как ни говори, а интеллекту нужно какое-то вместилище.

— Не уверен, не уверен,— заявил Серебряная Борода.— Не исключаю, что разум есть нечто, лежащее вообще вне параметров физической Вселенной. Сдается мне, мы в силах найти объяснение чему угодно, кроме времени и интеллекта. Перед этими двумя загадками пасуют мыслители всех эпох.

Робот принес кружки с элем и шлепнул на разделочную доску буханку ржаного хлеба.

— Ешьте,— потребовал он.— Это добротная здоровая пища. Если хотите, супа можно добавить. Эля тоже можно долить.

Коркоран отрезал толстый ломоть Дэвиду, а потом себе. Обмакнул хлеб в суп, отведал. Хлеб был отменный, эль тоже. Еда доставляла подлинное наслаждение.

Однако Дэвид вновь предпочел не есть, а говорить.

— Но как же насчет бесконечников? — вопросил он.— Мы слышали голый термин без всяких разъяснений, кто или что это такое.

Старик с серебряной бородой ответил:

— Как и вы, мы питаемся слухами, только слухами. Вроде бы это культ, но предположительно не чисто человеческий. Есть молва о каких-то инопланетных миссионерах...

— У нас слишком мало данных для плодотворной дискуссии на эту тему,— вставил Жиденькая Бородка.— Может, это из тех идеек, что являются время от времени, вспыхивают ярким пламенем, а потом прогорают и гаснут как свечки. Вы говорите — бестелесность, но как ее добиться?

— Полагаю,— вклинился Моржовый Ус,— что уж если человечество действительно загорелось идеей бестелесности, то и путь отыщется. Сколько раз бывало, что человек осуществлял проекты, за которые ему бы лучше вообще не браться!

— А все восходит,— заявил Серебряная Борода безапелляционным тоном,— к одной нашей особенности, о которой мы с вами не раз толковали долгими вечерами. К ненасытной человеческой погоне за счастьем...

Коркоран в разговор не вмешивался — пусть себе болтают что хотят. Подобрал последние капли супа хлебным мякишем, вдумчиво осушил кружку и потянулся. Наелся он на славу, казалось, желудок вот-вот лопнет.

Потом он обвел комнату взглядом и в первый раз заметил, что это жалкая лачуга. Тесная, унылая, лишенная каких бы то ни было украшений — укрытие от непогоды и ничего больше, обиталище, способное удовлетворить разве что роботов. Притом качество постройки было безупречным, да другого от роботов и ждать не приходится. Стол и стулья были сделаны из добротного прочного дерева, продержатся века и века. Но, кроме добросовестного труда и прочного дерева, отметить было просто нечего. Миски и кружки — самая незатейливая керамика, свечи самодельные, и даже столовые ложки вырезаны из дерева, правда, отполированы.

И все же эти деревенские жители, собравшись за грубым столом в примитивной лачуге, устраивают дискуссии по вопросам, которые ни по положению своему, ни по знаниям не в силах решить, радостно пережевывают суждения, ни на чем, по сути, не основанные. Хотя, осадил себя Коркоран, какой я им судья, да и за что их судить? Это древняя почтенная традиция, ведущая отсчет от самой зари истории. Еще в древних Афинах горожане завели манеру встречаться на рыночной пло-

щади ради высокопарных бесед — и столетиями позже досужие американские обыватели присаживались на крылечке сельской лавчонки и толковали столь же напыщенно, как древние афиняне, о материях, начисто им не доступных. А английские клубы, где праздные джентльмены, шамкая, изрекали прописные истины над стаканчиком виски?

Праздность, сказал себе Коркоран,— вот в чем горе. Праздность и гипнотическое ослепление от блеска собственных мыслей. Шестеро, что собрались здесь,— праздные люди, избавленные от любых хлопот попечением роботов и компьютеров.

Дэвид поднялся с места со словами:

— Боюсь, нам пора идти. С удовольствием задержались бы подольше, но надо продолжать путь. Спасибо за еду, выпивку и беседу...

Ни один из шестерых и не подумал подняться, предложить рукопожатие или хотя бы попрощаться вслух. Они ограничились тем, что подняли на мгновение глаза, кивнули в знак согласия и тут же продолжили нескончаемый диспут между собой.

Коркоран встал вслед за Дэвидом и направился к двери, которую опередивший их робот успел отворить.

— Спасибо за суп и за эль,— повторил Дэвид.

Робот в отличие от хозяев хотя бы откликнулся:

— Всегда рад услужить. Заходите в любое время.

Как только они оказались на улице, робот скрылся за дверью. Улица была пуста.

— Ну вот мы и выяснили то, за чем пришли,— заметил Дэвид.— Мы знаем, что бесконечники уже прилетели, обосновались на Земле и приступили к выполнению своей миссии.

— Мне жаль этих местных,— произнес Коркоран.— Несчастные ублюдки, возомнившие о себе бог весть что. Им просто нечего делать, кроме как восседать и пустословить.

— Жалеть их незачем,— возразил Дэвид.— Может, они и сами не понимают этого, но они нашли свое счастье. Сейчас они на седьмом небе...

— Может, и так, но не ужасно ли, что человечество мельчает подобным образом!

— Пожалуй, оно именно к тому и стремилось. На протяжении всей истории люди искали, кто бы выполнил за них их

работу. Сперва собаки, быки, лошади. Затем машины и, наконец, компьютеры и роботы...

Когда они достигли посадочной площадки на лужке, внизу, в долине, уже начали сгущаться ранние сумерки. Отделившись от времялета, им навстречу выплыло неясное скопление искристых точек. Коркоран, первым обративший внимание на искры, так и замер оторопев. Волосы на голове чуть было не встали дыбом в атавистическом страхе, но через секунду он сообразил, в чем дело, и тихо сказал:

— Дэвид, взгляните, кто к нам пожаловал...

Дэвид шумно обрадовался:

— Генри, как хорошо, что ты нас нашел! Я уже почти не надеялся...

Генри, двигаясь над самой травой, подплыл поближе.

«След оказался долгим,— сообщил Генри.— Пришлось проделать дальний путь».

— Что с остальными? Ты-то сам был в каком времялете?

«Ни в каком. Я остался в Гопкинс-Акре. Мне было известно, что три машины взяли старт поодиночке и придется отслеживать каждую в отдельности».

— Выходит, ты заранее планировал начать с нуля?

«Именно так. И хорошо, что так. Возникли осложнения».

— Что ж, нас ты нашел. Но почему ты решил начать с нас? Ясно же, что мы-то способны сами о себе позаботиться. Следовало сначала отследить Инид. У нее опыта меньше, чем у других, и она подвергается наибольшему риску.

«Я так и поступил,— ответил Генри.— Но она исчезла».

— То есть как исчезла? Она должна была подождать тебя. Не могла же она не подумать, что ты будешь ее искать!

«Может, и должна была, но не дождалась. Первую посадку она совершила благополучно, но не осталась на месте, а улетела снова. А рядом с местом первой посадки лежит мертвое страшилище».

— Мертвое? Кто же мог убить его?

— Наверное, Бун,— предположил Коркоран.— Бун был вместе с Инид. Он бежал к ее машине, а страшилище за ним по пятам. Я хотел прийти к нему на помощь, но вы же сами, Дэвид, схватили меня и пихнули в свой времялет.

«Вы не даете мне дорассказать,— посетовал Генри.— Обязательно вам надо всунуться с какой-нибудь чепухой. А я ведь еще не договорил».

— Ну так не мямли, говори дальше,— бросил Дэвид, не скрывая раздражения.

«Вторично Инид вылетела одна. Уверен, что одна. Буна она не взяла».

— Этого просто не может быть! Ей никак не следовало покидать его.

«Я почти ни в чем не уверен,— ответил Генри.— Только дедуктивные выводы. Сначала я побывал на месте первой посадки Инид. От Гопкинс-Акра на пятьдесят тысячелетий в прошлое, на юго-западе Северной Америки. Времялет оттуда ушел, но оставил отчетливый запах. Хотя от повторного старта меня отделяло не меньше недели».

— Он сказал — запах? — переспросил Коркоран.— Он что, выслеживает времялеты по запаху?

— Не знаю,— ответил Дэвид.— Да он и сам, наверное, не знает, так что даже спрашивать нет смысла. Он обладает чутьем, какого нет ни у меня, ни у вас, а о деталях не стоит и гадать.

«Я могу то, что могу. Как это у меня получается, сам не знаю и не допытываюсь. Однако позволите вы мне продолжать или нет?»

— Сделай одолжение,— произнес Дэвид.

«Я осмотрел все вокруг. Там разводили костер — сравнительно недавно, два-три дня назад, быть может четыре, но никак не больше. Рядом с кострищем сложена пирамида из камней. На пирамиде — листок бумаги, прижатый верхним камнем. К сожалению, мне не удалось ни поднять камень, ни сконцентрировать себя в достаточной мере, чтоб я мог разобрать, написано ли на листке что-нибудь и что именно. Но, вероятно, это записка, оставленная на случай появления кого-нибудь из нас. А неподалеку валяются останки страшилища, а также скелет огромного зверя, судя по рогам, какого-то доисторического быка».

— И никаких следов Буна? — не выдержал Коркоран.

«Никаких. Я искал, хотя, честно признаюсь, не очень длительно. Меня слишком заботила судьба Инид. След был долог, не сбиться было тяжко, однако я нашел место, где времялет приземлился повторно».

— И Инид там тоже не оказалось,— докончил Дэвид за Генри.

«Ни ее, ни времялета. И машина больше не взлетала, ее куда-то утащили. На почве остались метки от полозьев и колес. Сперва машину тащили волоком, потом погрузили в экипаж. Я пытался узнать куда, но след потерялся».

— Надеюсь, ты искал не только времялет, но и Инид?

«Я проверил все варианты. Двигался кругами, забирался в укромные уголки, заглядывал в каждую щель. И нигде ни разу не ощутил ее. Останься она в этом районе, я почувствовал бы наверняка».

— Итак, Инид пропала без вести. А времялет достался кому-то, кому не должен был доставаться...

— Но ведь очень может быть,— сказал Коркоран,— что похитители даже не догадываются, что у них в руках. Нашли непонятную машину, заинтересовались и утащили, пока не объявился владелец. Утащили в надежде позже разобраться, что это такое...— Дэвид скорчил кислую мину и с сомнением покачал головой, но Коркоран продолжал: — Послушайте, много ли времялетов на всем белом свете? Многие ли до наступления вашей эпохи верили в самую возможность путешествий во времени?

«А ведь не исключено, что Коркоран прав,— вмешался Генри.— Тебе бы почаще прислушиваться к нему, Дэвид. У него есть голова на плечах. И он умеет смотреть фактам в лицо».

— В настоящий момент не вижу большого смысла углубляться в обсуждение этой проблемы,— парировал Дэвид.— Инид вне досягаемости, ее времялет пропал. Где теперь ее искать, как искать?

«Лучше всего вернуться на ее первую, доисторическую стоянку,— предложил Генри.— Найдем Буна, расспросим его. Возможно, он даст нам какой-то ключ к дальнейшим поискам. Инид вполне могла сказать ему что-то по поводу своих намерений».

— А ты можешь указать нам путь? У тебя есть координаты?

«И очень точные. Что касается пространственных координат, я замерил их самым тщательным образом. И во временных координатах сильно не ошибусь».

— Вероятно, ты прав,— заявил Дэвид.— Вдруг там и впрямь найдется что-нибудь, от чего можно оттолкнуться? Иначе мы, чего доброго, будем гадать о судьбе Инид до скончания веков.

— Всегда предпочтительно делать что-то, чем ничего не делать,— согласился Коркоран.

Сказано — сделано. Дэвид нырнул в люк времялета и, протянув руку, втащил Коркорана за собой.

— Замкните дверь,— приказал он,— и устраивайтесь поудобнее. Стартуем, как только Генри даст мне координаты.

Пока Коркоран справлялся с засовами, Дэвид занес координаты в бортовой журнал и потянулся к рычагам управления.

— Держитесь крепче!..

Толчок — и тьма, полная, беспощадная тьма. И почти мгновенно — по крайней мере, так показалось — еще одно, победное восклицание Дэвида:

— Прибыли!..

Найдя люк на ощупь и вновь повозившись с засовами, Коркоран вывалился наружу. Солнце палило безжалостно, небо казалось расплавленным. На фоне бледной синевы вздымались крутые лысые холмы. В воздухе танцевал песок, переливчато колыхалась полынь. На равнине лежал побелевший скелет исполинского зверя.

— Ты уверен, что это нужное место? — справился Дэвид у Генри.

«Оно самое. Ступай прямо, и увидишь золу от костра».

— Но тут нет никакой пирамиды,— усомнился Коркоран.— Ты же говорил, что подле костра сложена пирамида из камней, а наверху записка...

«Верно, пирамиды нет. Но камни, из которых она была сложена, валяются на земле. Кто-то их разбросал».

Подойдя к камням вплотную, Коркоран убедился, что камни действительно разбросаны, а в середине между ними выкопана яма. Зола, оставшаяся от выгоревшего костра, по сравнению с песком казалась молочно-белой.

— Волки или лисицы,— определил Коркоран.— Расшвыряли камни, специально чтобы подобраться под них. Под пирамидой было зарыто что-то для них привлекательное.

— Наверное, мясо,— догадался Дэвид.— Вероятно, Бун отложил кое-что про запас и пирамиду возвел, чтобы хищникам было сложнее до него добраться.— Коркоран кивнул: догадка представлялась вполне обоснованной.— Но тут должна была быть записка. Все сходится. Зола от костра. Скелет большого зверя. А вон та куча железок — видимо, все, что осталось от

насланного на нас страшилища. Ну-ка поглядим внимательнее...— Они обошли все вокруг, но записки как не бывало. Дэвид подвел черту: — Бесполезно. Записку унес ветер. Теперь ее не сыщешь...

Коркоран осмотрелся заново. Равнине не было ни конца ни края. Вдали, как дрессированная змея, извивался пылевой смерч. На самой границе видимости в восходящих потоках теплого воздуха плясали какие-то темные точки. Бизоны, сказал себе Коркоран, хотя невооруженным глазом определить это с точностью было никак нельзя. Но, по крайней мере, выбеленный скелет принадлежал доисторическому бизону. Череп лежал наклонно, один рог в земле, другой задран к небу. Таких мощных рогов на американском континенте не было больше ни у кого, кроме бизонов.

Кто же убил этого бизона? Бун? Значит, у него было крупнокалиберное ружье, из другого такого зверя не свалишь. А если ему досталась крупнокалиберка, то, может, он уложил и страшилище? Бесполезно гадать, докопаться до истины все равно не получится.

— Ну и что нам теперь делать? — осведомился Дэвид.

— Побродим вокруг,— предложил Коркоран.— Может, встретим Буна, куда бы он ни отправился. А может, найдем его тело. Хотя трудно допустить, что кому-то по силам его прикончить. Он, дуралей, бросался в такие рискованные предприятия, бывал в таких передрягах, что должен был погибнуть давным-давно. Но всегда выживал словно заговоренный...

— Слажу-ка я на вершину,— решил Дэвид.— Надо полагать, оттуда широкий вид, есть шанс заметить что-нибудь, что наведет на след.

— Хорошо бы прихватить бинокль...

— Сомневаюсь, что у нас есть бинокль. Впрочем, пойду поищу.

Дэвид полез обратно во времялет, а Коркоран приблизился к монстру, превращенному в груду металлолома. Вплотную подходить не рискнул, обогнул обломки по кругу — хотя, если разобраться, какой угрозы можно ждать от искореженных железок? Но осторожность, обычно ему не присущая, шептала: будь начеку, держись подальше!

— Бинокля у нас нет,— сообщил вернувшийся Дэвид.— Хорас в спешке свалил в машину что попало, толком ни о чем не подумав...

— На вершину, пожалуй, лучше подняться мне,— сказал Коркоран.

— Нет, нет. Я умею лазить по горам.

— Ну хорошо, а я тем временем обойду холм у подножия. Ни на что особенное я, впрочем, не рассчитываю. Во всей этой истории есть что-то странное. Я даже задаюсь вопросом: не улетел ли Бун вместе с Инид?

— Генри думает, что не улетал.

Коркорану захотелось отпустить в адрес искристого Генри не особо лестное замечание, но он сдержался и просто спросил:

— А, кстати, где он, ваш Генри? Он уже давненько не произносил ни слова, да и искорок я что-то не замечаю.

— Коль на то пошло, я тоже не ощущаю его присутствия. Но это ровно ничего не значит. Никуда он не денется, пожалует снова. Наверняка шляется где-нибудь по окрестностям, вынюхивает, что может.

Вместо бинокля Дэвид принес из времялета дробовик. Он поднял ружье вертикально за ложе и протянул Коркорану.

— Возьмите. В ваших руках от него будет больше проку.

Коркоран отказался:

— Не думаю, что нарвусь на серьезные неприятности. Уж постараюсь не нарваться. Только вы не вздумайте палить по кому попало. Тут могут попасться такие твари, для которых дробовик — не более чем хлопушка.

Дэвид пристроил ружье поудобнее под мышкой. Отказ Коркорана доставил ему очевидную радость.

— За всю свою жизнь я не сделал ни одного выстрела — ни из этого ружья, ни из любого другого. Хотя на прогулках в Гопкинс-Акре я привык носить его с собой. Это самое ружье стало как бы частью моего тела. Я просто чувствую себя лучше, самостоятельнее, когда со мной ружье. Правда, я всегда носил его незаряженным.

— Примите мой совет,— сказал Коркоран с известной неприязнью,— и на сей раз зарядите его. Патроны у вас есть?

Дэвид похлопал по карману куртки.

— Патроны здесь. Две полных пригоршни. Даже в Гопкинс-Акре у меня с собой всегда было два патрона, вынутых из патронника. Когда я возвращался домой, то вставлял их обратно. Тимоти настаивал на том, чтобы на стойке все оружие хранилось заряженным.

— Ну не бессмыслица ли таскать ружье, если не собираешься им пользоваться! — воскликнул Коркоран.— Зачем было грузить во времялет незаряженное ружье? Мой папаша когда-то учил меня, когда подарил мне первое мое ружье: даже не наводи его ни на что, если не хочешь стрелять. Я принял совет к сведению и никогда не целился ни по какой добыче, если не был готов убить ее.

— А я целился,— ответил Дэвид.— Целился, но не убивал. Сотни раз целился по птицам, когда их поднимали собаки, а спусковой крючок не нажал ни разу.

— И что вы стремились этим доказать — что стали наконец-то цивилизованным человеком?

— Сам теряюсь в догадках,— признался Дэвид.

Обходя холм вокруг, Коркоран обнаружил родничок, из которого сочилась вода, и ямку под родничком, куда она стекала. Неожиданно столкнулся с барсуком, яростно зашипевшим на человека и тут же удравшим вперевалку. Потом приметил волка, бегущего следом, но волк держал дистанцию, не приближался, хоть и не отдалялся, и Коркоран решил не обращать на него внимания.

Больше ничего не произошло, ничего интересного не попалось. Спустя час-полтора Коркоран, обогнув холм, вернулся к месту посадки времялета. Незадолго до этого волк отказался от преследования и скрылся.

Солнце склонялось к западу и висело уже довольно низко над горизонтом. Подле старого кострища оставались заготовленные дрова, разжечь огонь было минутным делом. Сходив к родничку, Коркоран принес ведерко воды. Когда Дэвид покончил со своим восхождением, на огне стояли две сковородки — на одной шкворчал бекон, на второй жарились оладьи.

Дэвид шлепнулся наземь, водрузил ружье на колени и объявил:

— Нигде ничего. Вдали на равнине пасутся какие-то стада, а больше ничего. Самое унылое местечко, какое я когда-либо видел.

— Налейте себе кофе,— предложил Коркоран.— Оладьи готовы, можно начинать. И не забудьте про бекон. Тарелки и чашки — вон там на одеяле.

Немного насытившись, Дэвид поинтересовался:

— Что, Генри так и не объявился?

— Ни слуху ни духу.

— Странно. Он обычно не исчезал без предупреждения. Да и пропадать так надолго тоже не в его правилах...

— А может, его осенила внезапная идея и он ее проверяет?

— Будем надеяться, что так. Должен сказать,— признался Дэвид,— временами я перестаю его понимать. Да, конечно, он мне брат, но как ни силюсь, не могу воспринимать его, как воспринимал бы кровного родственника во плоти. Брат-то брат, но в высшей степени необычный. Наслушался елейных посулов, позволил бесконечникам заманить себя, а процесс не пошел. Или он сам оказался такой причудливой, извращенной личностью, что процесс на него и не был рассчитан...

Коркоран попытался найти утешительные слова:

— Не волнуйтесь за него. Что с ним может статься? До него, что называется, никакой боксерской перчатке не дотянуться.

Дэвид помолчал и спросил:

— Ну и что, по-вашему, нам теперь делать? Какой смысл торчать здесь?

— Отчаиваться рано. Мы провели тут всего несколько часов,— резонно заметил Коркоран.— Подождем хотя бы до утра. Может, новый день подскажет новые мысли...

И вдруг к ним воззвал безмолвный голос:

«Вы ищете человека по имени Бун?»

Коркоран дернулся от неожиданности, потом повернулся к Дэвиду:

— Вы слышали?

— Слышал. Но это не Генри. Это кто-то другой.

«Я мозг того,— произнес голос,— кого вы называли монстром-убийцей. В отношении Буна я могу вам помочь».

— Ты знаешь, где он? — спросил Коркоран.

«Я знаю, куда он пошел. Но сначала мы должны заключить сделку».

— Какую еще сделку, монстр?

«Перестаньте называть меня монстром. Достаточно неприятно, что вы думаете обо мне подобным образом, но обращаться ко мне так в прямом разговоре — сущая грубость».

— Но если ты не монстр, тогда кто же ты?

«Я преданный слуга, действующий в соответствии с волей моих хозяев. Не мое дело подвергать сомнению справедливость и мудрость их заданий».

— Можешь не извиняться,— заявил Дэвид.— Мы поняли, кто ты. Сейчас ты валяешься в куче хлама, который прежде был монстром-убийцей.

«Ну вот, вы опять ругаетесь. А я, между прочим, даже не думал извиняться».

— Мне тоже почудилось, что тебе хотелось бы извиниться,— сказал Коркоран.— Но о какой такой сделке ты говорил?

«Сделка простая. Без выкрутасов и лишних украшений. Я скажу вам, где искать Буна, но сначала вы должны извлечь меня из обломков моего прежнего "я" и взять на себя обязательство забрать меня куда угодно, лишь бы подальше от этого ужаса, от этой дикой глуши».

— Ну это вроде бы действительно простая сделка,— обрадовался Дэвид.

— Легче на поворотах,— предостерег Коркоран.— Спросите себя по совести: заслуживает ли доверия этот голос со свалки?

— Но дело-то, кажется, действительно простое. Он знает, где Бун, и выражает желание...

— В том-то и штука. Он не утверждает, что знает, где Бун. Он лишь обещает подсказать, в каком направлении искать Буна. Это большая разница.

— Разница и впрямь немалая. Что скажете на это, сэр? Насколько точной будет ваша информация?

«Я помогу вам, чем только смогу. Причем содействие с моей стороны отнюдь не будет ограничено поисками Буна».

— А что ты можешь еще? В каком еще смысле ты способен оказать нам содействие?

— Да не верьте вы ему! — зарычал Коркоран.— Не обращайте внимания на его посулы! Он попал в переплет и рад пообещать что угодно, лишь бы выкарабкаться...

«Во имя всего святого,— взмолился монстр,— сжальтесь надо мной! Не обрекайте меня на вечное заключение с лишением всяких внешних импульсов! Не считая телепатической связи, я полностью ослеп и оглох. Я не чувствую ни жары ни холода. Чувство времени и то размыто — я больше не понимаю, прошла секунда или целый год...»

— Да, вид у тебя сейчас — не позавидуешь,— съехидничал Коркоран.

«Воистину не позавидуешь. Добрый сэр, явите мне сострадание!»

— Руки не протяну, чтобы тебе помочь. Пальцем не шевельну.

— Вы поступаете с ним жестоко,— произнес Дэвид с упреком.

— Не так жестоко, как он с вашими афинянами. Не так жестоко, как он поступил бы и с нами, выпади ему случай. Только он напортачил и провалился...

«Я не портачил! Я эффективный механизм. Мне изменила удача».

— Что правда, то правда. Изменила, и навсегда. А теперь заткнись. Даже слушать тебя не желаем!

Монстр приниженно замолк и больше не произнес ни слова. Прошло какое-то время, и Дэвид сказал:

— Генри не вернулся. Мы с вами остались здесь одни. Монстр, вернее, мозг монстра располагает какой-то информацией. Склоняюсь к мысли, что он не соврал. Он был здесь рядом с Буном, а может, и говорил с ним.

Коркоран усмехнулся:

— Вы стараетесь убедить себя, что по отношению к поверженному врагу подобает проявить великодушие, что это было бы благородно и по-джентльменски. Хотите рискнуть своей шеей — ваше дело. Я умываю руки. Можете поступать, черт побери, как вам заблагорассудится...

Солнце село, к костру подступили густые сумерки. Где-то в пустынной дали завыл волк, другой ответил ему. Коркоран покончил с едой и предложил:

— Давайте сюда свою тарелку и свое, с позволения сказать, столовое серебро. Схожу к родничку помою...

— Хотите, я пойду с вами постою на страже?

— Ничего со мной не случится. Это в двух шагах.

Над восточным горизонтом всплыла луна. К волчьему хору вдали присоединилось не менее полудюжины голосов, сетующих на свою тяжкую, несчастную долю. Коркоран, скрючившись в три погибели у ямки с водой, быстренько ополоснул посуду. За время его отсутствия Дэвид вытащил из времялета еще одно одеяло.

— День был долгий,— изрек он,— надо хоть немного соснуть. Я возьму на себя первую вахту. Один из нас должен стоять в карауле, не так ли?

— Да, пожалуй,— нехотя согласился Коркоран.

— Беспокоюсь я о Генри,— продолжал Дэвид.— Должен же он понимать, что нас осталось мало и дробить наши силы негоже.

— Его что-то задержало, вот и все. К утру вернется, и все войдет в свою колею...

Коркоран свернул свою куртку, положил под голову как подушку, натянул на себя одеяло и мгновением позже заснул.

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на спине, а небо уже светлеет. Значит, скоро рассвет, а Дэвид так и не разбудил его, чтобы передать вахту. Вот проклятие, подумал Коркоран, уж Дэвид-то мог бы соображать получше. К чему это мальчишество, зачем ему понадобилось доказывать, что он выносливее и мужественнее меня?

— Дэвид! — закричал он.— Черт вас возьми, вы что, свихнулись?..

Где-то на холме, внимая первым лучам рассвета, запели птицы. Но кроме пения, ниоткуда не донеслось ни звука, и ничто нигде не шевельнулось, если не считать слабого мерцания догорающего костра. На равнине все так же белели кости бизона, а чуть правее, если напрячь зрение, можно было различить груду хлама — надгробие уничтоженного монстра.

Коркоран встал, стряхнув с плеч одеяло. Подошел к костру, первой подвернувшейся палкой помешал и сгреб в кучу угли. Тогда-то, нагнувшись над костром, он и услышал мощное, устрашающее чавканье. Ему никогда не доводилось слышать ничего подобного, он не имел представления, что бы это могло быть, но чавканье внушало ужас, заставляло выпрямиться и оцепенеть. Вот оно донеслось опять, и на этот раз Коркоран сумел определить направление на источник звука и повернулся в нужную сторону.

Сперва он заметил лишь расплывчатое бледное пятно, склоненное над другим, более темным пятном на земле. Он всматривался изо всех сил, но так ничего и не понял, пока бледное пятно не оторвалось от темного и не повернулось к костру. У пятна оказалась голова, и ее нельзя было не узнать — плоская кошачья морда, уши с кисточками и поблескивающие

шестидюймовые клыки. Саблезубый тигр, склонившийся над добычей и пожирающий ее с чудовищным чавканьем — добыча лакомая, и об этом надо оповестить всю округу.

Что за добыча, Коркоран не усомнился ни на секунду. На земле, под когтями и клыками саблезубого, был распростерт Дэвид!

Коркоран поднялся в полный рост, сжал палку, которой ворошил угли, перехватил ее поудобнее. Конечно, палка — жалкое оружие, но где взять другое? Саблезубый тоже поднялся на все четыре лапы. Он был больше, чем казалось поначалу,— кошка, выросшая до чудовищных размеров. Переступив через темное пятно, бывшее недавно Дэвидом, саблезубый сделал два-три шага вперед. Приостановился, зарычал, демонстрируя изогнутые книзу клыки во всей красе. Передние лапы огромной кошки были длиннее задних, спина приняла наклонное положение. Зверь как будто присел перед прыжком. Предрассветная мгла таяла достаточно быстро, чтобы Коркоран разглядел пятна на шкуре, темно-коричневые на рыжеватом фоне.

Человек застыл на месте. Зверь тоже раздумал прыгать и замер. А затем медленно, подчеркнуто медленно, словно еще не решив, что предпринять, повернулся и отступил к своей добыче. Склонился над ней, потыкал мордой, а затем, сжав в зубах, поднял и неторопливо двинулся прочь. Человек у костра его больше не интересовал.

Коркоран смотрел ему вслед, не в силах пошевелиться. Саблезубый перешел на легкую рысь, норовя держать голову повыше, чтобы свисающее из пасти тело не волочилось по земле. И все равно одна нога скребла почву, и кошка даже споткнулась раз-другой, цепляясь за вислую ногу передней лапой. Но добычи не бросила, обогнула холм с выступающими отрогами и пропала из виду.

Только тогда Коркоран встрепенулся и первым делом подбросил в костер дров. Сухое дерево легко занялось, пламя взвилось высоко в воздух. Он обернулся сторону времялета — тот был на месте. А на полпути к времялету, футах в тридцати от костра, лежал дробовик. И как это он не заметил ружья раньше? Наверное, было слишком темно, а главное, он был так ошарашен появлением исполинской кошки, что не видел ничего вокруг. Но Коркоран и сейчас не сразу кинулся за ружьем — паралич страха ослабевал, но еще не хотел отпустить.

И тут разум начал мало-помалу осознавать чудовищность того, что случилось. Дэвид убит саблезубым тигром! Убит и съеден! Убит не в припадке ярости и не при самообороне, а ради скудных клочков мяса на хлипких костях...

Дэвид мертв. Дэвид — а как фамилия? Коркоран испытал шок, поняв, что фамилия семьи так и осталась ему неизвестна. В ГопкинсуАкре ее ни разу не упоминали, а он не спросил. Дэвид, Инид, Тимоти, Эмма, Хорас. Хотя список распадается надвое: Эмма с Хорасом должны носить другую фамилию.

Дэвид не разбудил его, позволил ему спать до утра. А если бы разбудил? Если бы разбудил и поменялся со мной ролями, ответил себе Коркоран, то в пасти саблезубого сейчас, возможно, болтался бы я, а не он.

Какова воображаемая картина происшедшего? В предрассветной тьме Дэвид мог услышать что-то за пределами освещенного костром круга и отправиться на разведку. Он мог заметить кошку, а мог и не заметить, и она захватила его врасплох. Так или иначе, он не стрелял. Не успел или не захотел?

А что сделал бы я, окажись на его месте? — спросил себя Коркоран. Несомненно, выстрелил бы. Если бы, отойдя от костра, нарвался на саблезубого, то без колебаний схватился бы за ружье. Разумеется, дробовик — не то оружие, с каким стоит охотиться на саблезубую кошку. Надо думать, дробь даже на близком расстоянии не убила бы ее, но по меньшей мере обескуражила бы, охладила бы ее атакующий пыл. Почему же Дэвид не выстрелил? То ли потому, что вообще не умел стрелять, то ли, даже если у него оставалось время на выстрел, посчитал себя слишком цивилизованным для стрельбы? В сущности, Дэвид относился к дробовику не как к оружию, а как к прогулочной тросточке.

Бедный дуралей, завершил эпитафию Коркоран. В конце концов он оторвался от костра и отправился за ружьем. Оба патрона были в патроннике — из ружья не стреляли.

Уложив ружье на локтевой изгиб, он прошел немного дальше. На земле лежал ботинок, а в ботинке — стопа и часть ноги по щиколотку. Кости были раздроблены. Еще дальше Коркоран нашел порванную куртку, а вокруг — высыпавшиеся из нее патроны. Патроны он подобрал и рассовал по карманам. Больше от Дэвида ничего не осталось, только ботинок и куртка. Вернувшись к ботинку с торчащей из него ногой,

Коркоран постоял над этой бренной реликвией, но наклоняться и тем более трогать ее не стал — это было бы слишком неприятно.

Добравшись до костра, он уселся на корточки спиной к огню. Пора бы чего-нибудь поесть, но у него пропал всякий аппетит. Во рту было кисло и гадко.

Ну и что прикажете теперь делать?

Управлять времялетом он сумеет — в чем, в чем, а в этом не было сомнений. Он видел, куда Дэвид положил бортовой журнал, и следил за действиями пилота, когда тот программировал машину перед вылетом в эту злополучную эпоху. Но куда направиться отсюда? В свой родной двадцатый век и поскорее выбросить все происшедшее из головы? Такая идея была в известной мере привлекательна, но спокойствия не приносила. Более того, взвешивая ее, он почувствовал себя дезертиром. Где-то здесь, в круговерти времен, затерялся Бун, и у него, Коркорана, просто нет права на вылет, пока он не убедится окончательно и бесповоротно, что другу уже не поможешь.

Потом он вспомнил про саблезубого и про то, что остался в этой забытой богом дыре совершенно один. И подобная перспектива тоже отнюдь не радовала. Но много ли значат несколько дней одиночества по сравнению с судьбой Буна? Где бы ни носило старину Тома, он вернется сюда, именно сюда. А может, сюда же вернется и Генри, хотя уж Генри-то в состоянии шнырять по пространству-времени без помощи технических средств. Кто-кто, а Генри в Коркоране вообще не нуждается.

Что же до саблезубого, то это проблема случайная, ее вообще не следует принимать во внимание. Кошка может и не вернуться, а если вернется, то себе на беду: ружье теперь в руках человека, умеющего спустить курок. С ружьем, заверил себя Коркоран, я окажусь гораздо менее уязвим, чем Дэвид. По ночам я буду спать во времялете, запершись от бродячих хищников на все засовы. Запасов пищи хватит надолго, родничок снабдит меня свежей водой. Продержусь столько, сколько потребуется...

На равнину пришло настоящее утро, побудив Коркорана к действию. Сбегав к родничку за водой и слазив во времялет за продуктами, он сварил себе на костре кофе, нажарил беко-

на и кукурузных лепешек. Ну и что особенного, заявил он себе, считай, что живешь в походном лагере без удобств...

Ему подумалось, что надо бы если не оплакать Дэвида, то хотя бы ощутить утрату,— но намерение оказалось трудноосуществимым. Ужас внезапной смерти, вернее, ужасные обстоятельства смерти внушали трепет и только. А зацикливаться на кошмарных подробностях никак не стоило — чем скорее удастся выбросить их из головы, тем лучше.

Откуда-то извне донеслись, проникая прямо в мозг, тихие злорадные смешки:

«Хе-хе... Хе-хе-хе...»

Коркоран узнал монстра и вскипел от ярости:

— Пошел вон!..

«Хе-хе,— не унимался монстр.— Твой друг умер, а я по-прежнему жив...»

— Ты еще миллион раз пожалеешь, что уцелел! Будешь мечтать о смерти, скотина!

«Ты умрешь гораздо раньше меня,— фыркнул монстр.— От тебя останутся кости да пыль...»

Коркоран не ответил. В душе прошуршало сомнение: уж не монстр ли натравил хищную кошку на Дэвида? Да нет, нелепое предположение. Обсуждать такую чушь даже наедине с собой — чистая паранойя.

Он позавтракал, вымыл и вытер посуду, использовав для этого край рубашки. Поразмыслив, снова слазил во времялет, нашел лопату и, выкопав яму, похоронил ботинок с ногой. Похоронил, как он объяснял себе, по санитарным соображениям, а потому никаких церемоний не проводил.

Затем он отломил от последней лепешки большой кусок, завернул в носовой платок и сунул в карман. Еще раз посетил времялет и перерыл все набросанное внутри барахло в поисках какой-нибудь фляги. Фляги не обнаружилось — тогда он набрал полведерка свежей воды. Таскаться с ведерком не слишком удобно, но другого выхода не было.

С ружьем и ведерком он отправился на равнину и через две-три мили, повернув налево, пошел по кругу. Роль центра окружности играл холм. Пристально вглядываясь в почву, Коркоран пытался выяснить, не проходил ли здесь Бун. Дважды ему мерещилось, что на траве заметен человеческий след, и он цеплялся за эту ниточку, двигаясь чуть не полз-

ком,— но следы все равно терялись что в первый раз, что во второй.

Бесполезно, сказал он себе. И было ясно заранее, что бесполезно,— но пусть поиски сто крат обречены на провал, попытать счастья следовало все равно. Сколько разных авантюр они с Буном пережили вместе, а случалось, один рисковал своей головой ради другого. За всю жизнь у Коркорана не было товарища ближе, чем Бун,— можно бы даже сказать «друга», но друзей, пожалуй, не бывало вообще.

Время от времени Коркоран натыкался на волков, которые нехотя уступали ему дорогу и присаживались неподалеку понаблюдать, как человек проходит мимо. Из кустов выпрыгнуло животное, похожее на оленя, и стремглав ускакало прочь. В какой-нибудь миле, не дальше, пробрело небольшое стадо бизонов. А на более внушительном расстоянии он мельком заметил зверей, смахивающих на мастодонтов, хотя дистанция была все же слишком велика и опознать их с полной уверенностью было нельзя. Но почему бы не считать этих зверей мастодонтами? Во всяком случае, эпоха для мастодонтов вполне подходящая.

Когда солнце оказалось прямо над головой, Коркоран присел в тени под деревом, пожевал лепешку и запил ее тепловатой водой из ведерка. Наверное, пора возвращаться к холму. Правда, в его намерения входило описать полный круг, но западную дугу он уже обследовал полностью, а на востоке просто не было ничего, кроме безбрежной, плоской и голой равнины, уходившей вдаль и сливавшейся с небом. Если Бун и отправился куда-то, то не на восток, а только на запад, где за равниной маячили другие холмы. Взвесив все за и против, Коркоран решил пройти назад по своим следам: пусть он повторит практически тот же путь, зато, может статься, всматриваясь еще внимательнее, углядит что-нибудь, прежде пропущенное.

Он прикончил лепешку, позволил себе еще глоток воды и уже собирался встать, когда уловил чье-то присутствие. Он замер, напрягая слух. Расслышать не удалось ровным счетом ничего, но ощущение присутствия не исчезало, и он нерешительно осведомился:

— Генри?..

«Да, я самый».

— Тебе уже известно про Дэвида?

«Известно. Узнал сразу же, как вернулся. Тебя тоже не оказалось. Я отправился тебя искать».

— Мне очень жаль...

«Мне тем более. Он был мне братом, и его не заменишь. Кроме того, он был благородным человеком».

— Твоя правда. Он был очень благороден.

«Его унесла кошка,— констатировал Генри.— Я выследил ее и нашел терзающей его труп. От него уже почти ничего не осталось. Расскажи мне, как это произошло».

— Он стоял на часах. Когда я проснулся, это уже случилось. Я ничего не слышал. Кошка схватила его и унесла.

«Там есть могила. Совсем маленькая».

— В могиле его ботинок. Вместе с ногой.

«Благодарю тебя за этот поступок. Ты совершил то, что должна была сделать семья».

— Ты знаешь, где тело. Я мог бы взять лопату, отпугнуть кошку...

«Бессмысленно. Пустой жест. Я вижу у тебя ружье. Он что, не пытался стрелять?»

— Видимо, она застала его врасплох.

«Нет,— заявил Генри,— он не стал бы стрелять ни в каком случае. Он был слишком добрым для этой эпохи. Скверно обернулось для нас нынешнее предприятие. Для всех. Сначала потерялась Инид, потом Бун...»

— Ты знаешь что-нибудь о Буне? У тебя есть новости?

«Я проследил, куда он пошел, но там его нет. Лежит винтовка и рядом котомка, что была у него с собой, а его самого нет. С ним, кажется, был волк. Мне очень жаль, Коркоран».

— Догадываюсь, что с ним могло случиться,— сказал Коркоран.— Он снова ступил за угол. Тогда уж пусть лучше задержится там, куда попал, и не вздумает выскочить обратно сюда, как чертик из табакерки.

«Что ты намерен делать теперь? Торчать здесь бесцельно».

Коркоран в ответ лишь покачал головой. Вчера он уже задавал себе этот вопрос и задумывался, не вернуться ли в Нью-Йорк, но отверг такую идею в зародыше: Бун потерялся, и прежде всего надо найти Буна. Сегодня ситуация иная: Бун по-прежнему не нашелся, но стало ясно, что и шансов найти его почти нет.

И все-таки — вернуться отсюда в двадцатый век? Нет и нет. Никогда еще Джей Коркоран не отказывался от приключений, не выходил из игры, пока пьеса не завершится сама собой. А это приключение еще отнюдь не кончилось, пьеса далеко не доиграна.

Куда же податься — в Гопкинс-Акр? Координаты наверняка сыщутся в бортовом журнале. Жизнь в усадьбе была бы комфортабельной — ведь ни прислуга, ни окрестные крестьяне никуда не делись. Гопкинс-Акр — то место, где можно в безопасности обмозговать сложившуюся ситуацию и, не исключено, наметить стройный план дальнейших действий. К тому же вполне вероятно, что в поместье рано или поздно объявится и кто-нибудь из других.

Однако, однако... Есть где-то в будущем гора, и руины на гребне, и над ними исполинское, подпирающее небо дерево, и винтовая лестница, вьющаяся вокруг ствола. За всем этим кроется несомненная тайна. Может, он не все тогда разглядел и не так запомнил, но тайна налицо, и надо бы в ней разобраться.

Генри ждал ответа. Коркоран различал его мерцающий контур, облачко искорок, поблескивающих на солнце. Но чем отвечать искристому собеседнику, он предпочел задать ему свой вопрос:

— Насколько я понял, ты почти достиг бестелесности, но в последний момент остановился. Ты не мог бы рассказать мне об этом подробнее?

«Это было не самое умное мое решение,— ответил Генри.— Я позволил бесконечникам уговорить себя. Я постоянно вертелся около них, наверное, из любопытства — хотелось понять, что они за создания. Существа они необычные, сами понимаете. Отдаленно похожие на людей — по крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. Их же толком не видно, только время от времени. Показываются и исчезают, как призраки. Зато слышно их постоянно. Они взывают, приводят довод за доводом, просят, умоляют. Они зовут вас к бессмертию, расписывают бесчисленные преимущества и удобства бессмертия — то есть бессмертия интеллектуального, а другого, по их убеждению, не дано. Телесная жизнь, внушают они, груба, неопрятна, постыдна. А кому же хочется быть постыдным?»

— Короче, они морочили тебе голову?

«Меня они, нельзя не признать, заморочили. Заморочили в минуту слабости. Когда слабость миновала, я начал с ними бороться. Они были просто потрясены тем, что я имею наглость противиться, и уж тогда взялись за меня по-настоящему. Но чем сильнее они нажимали, тем упорнее я отбивался. В конце концов мне удалось вырваться. Или я внушил им такое отвращение, что они сами отступились. А может, я съел у них столько времени, что они решили: овчинка выделки не стоит. Однако к тому моменту процесс зашел слишком далеко, я был уже почти бестелесным. Так я и застрял на полдороге, став таким, каким ты меня видишь».

— Но тебя это, кажется, не особенно огорчает?

«В моем положении есть свои достоинства и свои недостатки, и я придерживаюсь мнения, что достоинства перевешивают. По крайней мере, так я внушаю самому себе. Есть обычные простые вещи, ставшие для меня недоступными, но появились и качества, неведомые никому другому, и я стараюсь использовать их с максимальной пользой, игнорируя то, что потерял».

— Каковы же твои намерения теперь?

«Остается еще одна часть семьи, о которой я ничего не знаю. Эмма с Хорасом и Тимоти, которого этот буйвол Хорас затащил во времялет буквально силком».

— У тебя есть какая-нибудь догадка, где они?

«Ни малейшей. Мне придется их проследить».

— Твои поиски не облегчатся, если использовать времялет? Я мог бы вести его по твоим указаниям.

«Нет, я должен действовать самостоятельно. Вернусь в Гопкинс-Акр и прослежу их оттуда. След остыл и ослаб, но я его все равно обнаружу. Ты говоришь, что научился управлять времялетом?»

— Да. Я знаю, где лежит бортовой журнал, и я следил, как Дэвид вводит координаты, когда мы вылетали сюда.

«Самое лучшее для тебя — пожить в Гопкинс-Акре. Полагаю, что там теперь вполне безопасно. Потом кто-то из нас прилетел бы за тобой. Конечно же, мы не бросим тебя в одиночестве. Координаты Гопкинс-Акра должны быть в журнале. Ты уверен, что справишься с управлением?»

— Вполне уверен,— самонадеянно ответил Коркоран.— Только в Гопкинс-Акр я, скорее всего, не полечу. Может,

когда-нибудь потом, но не сию минуту. Я хочу вернуться туда, где ты нашел нас с Дэвидом. Там осталось кое-что, в чем следует разобраться.

Генри удержался от вопроса, который Коркоран на его месте задал бы непременно. Сложилось впечатление, что Генри как бы пожал плечами. А затем заявил:

«Ну что ж, я решил, куда держу путь, и ты тоже решил. Значит, можно и отправляться».

И искорки потухли, их не стало.

Коркоран встал. Если Буна в этой части пространства-времени больше нет, то и задерживаться здесь нет резона. Генри прав: если твердо решено, куда держишь путь, надо стартовать не откладывая.

Когда Коркоран добрался до места своей ночевки, там было пусто — ни саблезубой кошки, ни даже волков. Собрав кастрюльки и сковородки, он швырнул их на одеяло, свернул одеяло узлом и перебросил через плечо. И услышал, ощутил голос:

«Хе-хе-хе...»

Не узнать это хихиканье было нельзя. Коркоран резко повернулся к куче металлолома. Хихиканье продолжалось. Тогда он шагнул в сторону кучи и крикнул:

— Ну-ка прекрати свои дурацкие смешки! Прекрати немедленно, слышишь?..

Смешки оборвались, их сменили мольбы:

«Дорогой сэр, вы собрались уезжать. Вы уже сложили вещи для отъезда. Пожалуйста, возьмите меня с собой. Вы никогда об этом не пожалеете. Я могу сделать для вас многое, очень многое. За вашу доброту я отплачу вам стократ. Я буду вашим вечным спутником. Это ни в коей мере вас не задержит. Вес у меня небольшой, я не займу много места. Искать меня долго не надо. Я лежу позади останков моего тела. Я черепная коробка в форме полированного шара. Я буду хорошо смотреться на каминной полке. Я буду разговорным устройством. Вы найдете мне множество применений. В одинокие ваши часы, когда у вас возникнет такая потребность, мы вдвоем будем вести поучительные и развлекательные беседы. У меня мощный мозг, и я сведущ в логике. По временам я охотно выступлю вашим советчиком. И навсегда останусь вам другом, исполненным верности и признательности...»

— Нет уж, спасибо,— бросил Коркоран, поворачиваясь на каблуках и направляясь к вертолету.

За его спиной монстр-убийца продолжал плакаться, упрашивать, заклинать, сулить златые горы. Затем мольбы оборвались, и на Коркорана обрушились волны ненависти:

«Ты грязный, слизистый сукин сын! Я тебе этого не забуду! Рано или поздно я до тебя доберусь! Я еще попляшу на твоих костях!..»

Коркоран, нимало не испугавшись, знай себе шагал к машине.

Глава 9

БУН

Проснулся Бун от прикосновения холодного носа. Попытался сесть прямо, но нога завопила благим матом, и вырвавшийся из глотки ответный вопль едва не удушил его. Волк, подвывая, отпрянул в сторону. Вся южная половина неба была усыпана яркими равнодушными звездами. Одежда пропиталась тяжелой ледяной росой.

Со склона, где он лежал, была видна посеребренная луной прерия, которую он пересек только вчера,— вернее, полупустыня, хотя на ней попадались участки травы и иной подножный корм, достаточный для мелких стад. Где-то за горизонтом, наверное, на востоке стелются настоящие травяные прерии с неисчислимыми стадами — но здесь стада небольшие, а значит, и хищников мало.

— Тут для тебя плохие угодья,— обратился Бун к волку.— Перебрался бы в другие места, прокормился бы легче.— Волк глянул на человека и зарычал.— Нет,— добавил Бун,— так разговор не пойдет. Я рычать не умею. Вспомни, я на тебя ни разу не рыкнул. Мы с тобой проделали вместе долгий путь, мы делили с тобой еду. Мы, кажется, подружились...

Все это он произносил, приподнявшись на руках,— теперь он расслабился и лег ничком, но голову повернул так, чтобы не упускать волка из виду. Не то чтобы он боялся волка, просто не хотел терять связь с единственным своим компаньоном.

Стало быть, он спал. Уму непостижимо, как же он ухитрился заснуть в такой ситуации: с ногой, застрявшей в скальной

трещине, и под надзором волка, который только и ждет его смерти, чтобы насытиться. Хотя, мелькнула мысль, может, это по отношению к волку клевета — ведь они подружились...

Боль в ноге слегка притупилась, но тупая боль казалась не легче острой, заставляла скрежетать зубами. Самочувствие было кошмарным — нога болит, в желудке пусто, глотка саднит, во рту все пересохло. Пить! Отчаянно хотелось пить. И ведь неподалеку — он был уверен, что неподалеку,— отчетливо слышался плеск бегущей воды...

Волк присел, укутав лапы пушистым хвостом, склонил голову набок, поставил уши торчком. Бун закрыл глаза и уложил собственную голову плотнее на грунт. Как хотелось бы выключить боль! А вокруг тишина, полная тишина, не считая плеска бегущей воды. Как хотелось бы заткнуть уши и не слышать этого плеска! Ну что за конец, подумалось поневоле, что за жуткий конец...

Бун коротко вздремнул. И очнулся — резко, рывком.

Он стоял на коленях. Беззащитный — никакого оружия ни в руках, ни поблизости. А на него мчался всадник, образ которого вынырнул из глубин памяти,— гигант, оседлавший маленькую, но прыткую лошадку. Лошадка шла галопом и скалилась. Лошадка была столь же зловещей, исполненной такой же мрачной решимости, как всадник.

Рот всадника раскрылся, он испустил торжествующий вопль, зубы его блеснули в луче, прилетевшем невесть откуда. Ветер трепал его длинные усищи, закидывал ему за спину, и они развевались там, как вымпелы. А над головой всадник занес тяжелый сверкающий меч, и меч уже начал опускаться...

Откуда ни возьмись появился волк и взвился в прыжке, разомкнув челюсти и нацелившись в горло всаднику. Но поздно, слишком поздно. Меч опускался, и никакая сила в мире не смогла бы остановить этот меч...

Бун приземлился с тяжелым стуком и растянулся плашмя. Перед глазами поплыла какая-то серость. Поверхность под ним была гладкой, он пополз — и обнаружил, что может двигаться свободно. Он уже вовсе не там, где был, уже не распластан на крутом склоне с застрявшей в расщелине ногой, и нет ни отвесной скалы за спиной, ни дразнящего плеска воды.

Нет, вода журчала по-прежнему, и он пополз на звук. Добрался до воды, плюхнулся на живот и потянулся к воде губа-

ми. В нем осталось довольно мужества, чтобы на первый раз ограничиться несколькими глотками и откатиться прочь.

Теперь он лежал на спине, уставясь в тускло-серое небо. Сперва ему почудилось, что это туман. Только это был не туман, а естественный цвет неба. И все вокруг было серым, под стать небу. Он ощупал себя, вслушался в собственные ощущения. Нога, угодившая в каменный капкан, побаливала, но переломов не было. Яростная жажда чуть-чуть отступила. Правда, желудок был пуст, но все остальное было в порядке.

Немыслимое свершилось снова. Он опять ступил за угол.

Но что за нелепица с кровожадным всадником, распустившим усищи и навострившим меч? Не было там, в мире давнего прошлого, подобного всадника, просто не могло быть! Наверное, сработало подсознание — таинственное, хитрое, изворотливое подсознание. Раз в реальном окружении не возникало внезапной опасности того порядка, чтобы включить механизм отступления за угол, подсознание ради спасения жизни хозяина изобрело жестокого всадника-варвара, и механизм включился автоматически. Объяснение, Бун прекрасно понимал, не слишком ясное и логичное — но в конце-то концов какая разница, логичное или нет! Он оказался здесь, где бы это «здесь» ни находилось, а остальное не играет роли. Правда, неизвестно, задержится ли он здесь или спустя минуту-другую будет ввергнут обратно в доисторическую эпоху. Ведь до сих пор его неизменно возвращало в отправную точку — за исключением последнего случая, когда он в сопровождении Коркорана ступил в ковчег Мартина и не вернулся в обрушенный «Эверест». Так, может статься, прежний шаблон нарушен? Как ни кинь, а здесь он тоже провел не меньше десяти минут...

Он опять подполз к воде и попил еще. Вода была что надо — прохладная, чистая, проточная вода. Потом он решил, что попробует встать, и это удалось. На ногу, побывавшую в капкане, можно было опереться. Она ныла и саднила, но в принципе осталась здоровой. Ему в который раз крупно повезло.

Бун осмотрелся — ландшафт казался вполне реальным. За исключением «Эвереста» (но «Эверест» — как-никак особый случай), за углом его подстерегал призрачный, смутный мир, где все черты местности скрыты или смазаны туманом. Здесь тумана не было, а если вначале и был, то успел рассосаться.

Вокруг все было по-прежнему серо, но эту серость отличала полная отчетливость и вещественность.

Он стоял посреди открытого ровного пространства. Вне сомнения, оно убегало к горизонту, но высмотреть горизонт было никак нельзя: серость неба переходила в серость равнины, и провести между ними разделительную линию не представлялось возможным. По равнине текла извилистая речка, утолившая его жажду, текла неизвестно откуда и неизвестно куда. А чуть подальше виднелась дорога — совсем не извилистая, а прямая как стрела. Дорога была серой, как все в этом мире, но ее отличали две более темные полоски, похожие на колею. Колея была четкой и геометричной, пожалуй, даже более геометричной, чем положено нормальной колее.

— Куда к черту меня занесло? — спросил Бун. Спросил вслух, не ожидая и, естественно, не получив ответа.

Дорога бежала и направо и налево. Наверное, стоило бы пойти вдоль дороги — но в каком направлении? В общем, положение по-прежнему незавидное: теперь неизвестно, ни где он находится, ни куда идти. Вода теперь есть, но еды нет. И нет ни малейшей надежды понять, как долго он здесь пробыл и как долго пробудет.

Отдалившись от речки, он вышел на дорогу, опустился на колени и ощупал колею пальцами. Глаза не могли различить выпуклости, но пальцы засвидетельствовали, что темные полоски приподняты над почвой примерно на дюйм. На ощупь казалось, что колея и почва — из одного и того же вещества, но колея приподнята — зачем? Неужели рельсы? Может, если подождать, появится какое-то транспортное средство и удастся вскочить на ходу и куда-нибудь подъехать? Но уповать на такую удачу, конечно, не приходится.

Наконец пришло решение. Он пойдет по дороге в ту сторону, куда течет речка. Он доверит свою судьбу проточной воде. Припомнилось читанное когда-то, многие годы назад: вода выводит к цивилизации, следуй за потоком — и рано или поздно найдешь людей. На Земле это, наверное, так, но применима ли земная логика в этом мире? Здесь что в одном направлении, что в другом легко прибыть прямиком в никуда. Не исключено, что здесь просто некуда прибывать.

Некоторое время Бун брел по дороге, считая шаги. Двести шагов, пятьсот — ничто не менялось: прямая дорога и петляю-

щая речка, то чуть поближе к колее, то чуть подальше. Потом за спиной послышалось клацанье когтей, он обернулся — за ним по пятам бежал волк. Тот же самый? Сразу и не разберешь: тот волк был серый и этот серый, но это ничего не доказывает, здесь все серое. Вот и рукава куртки серые, а ведь пока он не попал сюда, куртка была бежевой.

Волк остановился и присел всего-то футах в шести от Буна. Обвил лапы хвостом, склонил голову набок и оскалился.

— Хорошо, что ты в добром настроении,— сказал Бун.— Может, хоть ты знаешь, куда это нас занесло? — Волк не ответил, а все так же сидел и скалился.— Надо думать, ты тот самый волк, которого я знал. Если действительно тот, тогда зарычи на меня...— Волк приподнял губу, коротко рявкнул, показав отменные зубы, и вновь оскалился, а может, и улыбнулся.— Выходит, ты мой старый приятель? Ну что ж, давай путешествовать вместе...

Бун пустился дальше широким шагом, а волк пододвинулся вплотную и побежал у ноги. Хорошо, что волк тоже ухитрился сюда попасть, решил Бун. Как бы то ни было, а в компании всегда веселее...

Других происшествий не было, перемен тоже. Бун шагал, волк трусил рядышком, но с тем же успехом они могли бы стоять на месте — ландшафт, если его можно было так назвать, оставался неизменным. Интересно бы узнать: куда запропастилась Инид, отчего не вернулась? А вдруг с ней что-то стряслось?

— Ты помнишь Инид? — обратился Бун к волку.

Волк не ответил.

Далеко-далеко на дороге показалась точка. Показалась и начала расти.

— Слушай, а ведь что-то едет! — сказал Бун волку. Отступил с колеи, подождал. Да, по рельсам двигалась какая-то повозка.— Но она же едет не в ту сторону!..— Волк зевнул, словно говоря: «А какая, собственно, разница, куда? С чего ты взял, что нам надо в другую сторону?» И Бун согласился: — Вероятно, ты прав...

Точка превратилась в вагонетку, неказистую вагонетку, открытую всем ветрам, хотя над сиденьями и был натянут полосатый тент. Сидений было два — одно смотрело вперед, другое назад. Водитель отсутствовал, вагонетка катилась сама по се-

бе. Подъезжая к Буну, она замедлила ход, и он скомандовал волку:

— На борт!

Волк понял, подпрыгнул и уселся на одно из сидений. Бун вскочил следом и сел рядом с волком, лицом по ходу движения. И вагонетка сразу же стала снова набирать скорость.

Разумеется, вагонетка тоже была серая. Тент был полосатым только в том смысле, что светло-серые ленточки чередовались с темно-серыми. Серая вагонетка мчалась по серой равнине, и под хлопающим на ветру серым тентом сидел серый человек в обнимку с серым волком.

Наконец далеко впереди и немного левее обозначился кубик. Кубик начал вырастать в размерах, а вагонетка — тормозить, и стало ясно, что это не просто кубик, а дом. Подле дома на вольном воздухе стояли три стола и вокруг них стулья. За одним из столов кто-то сидел, и как только вагонетка остановилась, Бун узнал в сидящем Шляпу, того самого, что являлся ночью к костру и толковал о родстве душ человека и волка. Шляпа был тем же самым, и огромный конический клобук — тем же самым, спускающимся на плечи и закрывающим лицо целиком.

Волк соскочил наземь, подбежал к столу и уселся, не сводя глаз с давешнего своего переводчика. Бун спустился чуть степеннее и, приблизившись, выбрал себе стул напротив Шляпы.

«Я ждал тебя,— заявил Шляпа.— Мне сообщили, что ты прибудешь».

— Кто сообщил?

«Неважно. Важно одно — что ты действительно прибыл и привел с собой своего друга».

— Я его не приводил. Он сам за мной увязался. Это он домогается моего общества, а не наоборот.

«Вы созданы друг для друга. Я говорил тебе, что вам суждено стать друзьями».

— По первому впечатлению, тут что-то вроде столовой. Как насчет того, чтобы поесть?

«Ваши потребности известны. Пищу скоро подадут».

— Для нас обоих?

«Разумеется, для обоих».

Из дома выкатился приземистый робот. Сверху голова у робота была стесана горизонтальной площадкой, и на пло-

щадке покоился поднос. Подкатившись, робот поднял руки и переместил поднос на стол.

— Вот эта тарелка для хищника,— пояснил робот.— Как я должен ее подать?

— Поставь на землю,— посоветовал Бун.— Так ему будет привычнее.

— Я не готовил мясо, не варил и не жарил.

— И правильно сделал. Он любит мясо сырым, с кровью.

— Однако я нарезал мясо кусочками для удобства поглощения.

— Очень предусмотрительно,— ответил Бун.— Благодарю тебя от имени нас обоих.

Как только робот опустил миску с сырым мясом на землю, волк жадно набросился на еду. Он был голоден и глотал куски, не утруждая себя жеванием.

— Он проголодался,— заметил робот.

— Я тоже,— откликнулся Бун.

Робот поспешно разгрузил поднос на стол. Перед Буном, как в сказке, возникли большой поджаристый бифштекс, печеная картошка, судок со сметаной, салат, заправленный сыром, блюдо зеленой фасоли, кусок яблочного пирога и в довершение всего целый кофейник кофе. Бун, не веря своим глазам, воскликнул:

— Первая цивилизованная еда, предложенная мне за неделю, если не больше! Но я, признаться, удивлен, что в местечке, подобном этому, понимают толк в настоящей американской кухне двадцатого века...

«Мы знаем вкусы наших клиентов,— ответил Шляпа,— и стараемся приспособиться к их запросам. И раз мы узнали, что вы с волком будете нашими гостями...»

Бун пренебрег салатом и с места в карьер принялся за бифштекс. Зачерпнул ложку сметаны, выпростал ее в картошку и спросил с полным ртом:

— Можете вы сообщить мне, где мы находимся? Или какие-нибудь дурацкие правила секретности обязывают вас к молчанию?

«Никакой секретности,— ответил Шляпа.— Если тебе от этого легче, сообщаю, что ты вышел на Магистраль Вечности».

— Никогда о такой не слышал.

«Конечно не слышал. Тебе и не полагалось слышать. Ни тебе, ни кому бы то ни было из землян».

— Но мы же здесь. Не только я, но и волк.

Шляпа объяснил опечаленно:

«Были основания полагать, что этого не произойдет никогда. Мы считали, что низшим видам доступ сюда закрыт. Что эволюция выкинет такой фокус и наделит тебя несвойственным человеку даром — шансы на это были не выше, чем один на много миллионов. Некогда Вселенная была стабильной. Можно было вычислить, что произойдет и когда. Можно было планировать. Увы, сегодня это отошло в прошлое. С тобой, например, ничего заранее не предскажешь. Случайные биологические процессы посмеялись над логикой».

Бун продолжал жевать — он был слишком голоден для того, чтобы блюсти хотя бы формальную вежливость. Волк расправился с миской мяса и улегся рядом с тем расчетом, чтоб остаться в готовности на случай, если кому-нибудь вздумается принести еще еды. Конечно, он утолил голод, но не бесповоротно. Волк не принадлежал к числу неженок, которые, едва насытившись, не в силах больше проглотить ни кусочка.

Дожевав, Бун переспросил:

— Вы сказали — это дорога к вечности?

«Не вполне так. Я сказал — Магистраль Вечности».

— Небольшая разница.

«Разница больше, чем ты думаешь».

— Ладно, не стану спорить. Значит, если следовать по этой дороге, можно достигнуть Вечности? Но что такое Вечность? Что я там найду? И кто, позвольте спросить, захочет стремиться к этой самой Вечности?

«Ты уже находишься в Вечности,— ответил Шляпа.— Где же еще, по-твоему?»

— Я и понятия не имел где. Но в Вечности!..

«А Вечность — вовсе неплохое местечко,— заверил Шляпа.— Вечность — это конец всему. Попавший в Вечность может считать, что прибыл к месту назначения. Следовать куда-то дальше бессмысленно».

— Стало быть, я должен, по-вашему, устроиться здесь и остаться навсегда?

«Можешь и остаться. Двигаться больше некуда».

А ведь что-то тут не так, подумал Бун. Шляпа лжет, он просто издевается надо мной. Вечность — вовсе не конкретное

место, а категория, выдуманная каким-нибудь древним философом. Во всяком случае, это отнюдь не точка в пространстве-времени. Да и колея вовсе не обрывается у этой забегаловки, а бежит себе дальше в серое безбрежье. Значит, нет никаких сомнений: по ней можно добраться куда-нибудь еще.

Расправившись с бифштексом и картошкой, он придвинул к себе тарелку с салатом. Традиционная последовательность блюд была нарушена — ну и черт с ним, в обычных обстоятельствах он вообще не жаловал салаты, но раз уж голоден, а голод и сейчас давал о себе знать, можно согласиться и на салат.

Шляпа вот уже минут пять не обмолвился и словом. Бун поднял глаза и увидел: собеседник рухнул лицом, упрятанным под клобук, прямо на стол. Руки, до того возложенные на столешницу, соскользнули и болтались по бокам, как тряпичные. Испугавшись, Бун вскочил и окатил Шляпу потоком бессмысленных вопросов:

— С вами все в порядке? Что случилось? Вы нездоровы?..

Шляпа не отвечал и не шевелился. Обежав вокруг стола, Бун тряхнул его за плечо и даже приподнял — Шляпа безвольно обвис в руках. Помер, с ужасом подумал Бун. Взял да и помер. А может, никогда и не жил?

Едва Бун ослабил хватку, Шляпа рухнул обратно на стол. Бун подбежал к дому, распахнул дверь. Робот-слуга стоял к нему спиной, ковыряясь у какого-то устройства, похожего на очаг.

— Скорее на помощь! — крикнул Бун.— С нашим Шляпой что-то неладное...

— Он свалился,— равнодушно ответил робот.— Из него выпустили воздух.

— Выглядит именно так. Я решил, он умер. Но откуда ты знаешь?

— С ним это бывает,— ответил робот.— Нет-нет да и свалится.

— И что ты в таких случаях делаешь? Чем ему можно помочь?

— Я? — удивился робот.— Я ничего не делаю. Это не моя забота. Я простой обслуживающий робот. Моя обязанность — ждать клиентов, прибывающих по дороге. Их почти нет, а я продолжаю ждать кого-то, кто может вообще не приехать. Но

мне все равно. Когда — и если — клиенты прибывают, я должен их обслужить. Такова моя задача. Да я больше ничего и не умею.

— А Шляпа? Как насчет Шляпы?

— Он появляется время от времени, но его не надо обслуживать. Он ничего не ест. Сядет за стол, всегда за один и тот же, и со мной не разговаривает. Сидит и смотрит на дорогу, а потом валится.

— И ты ничего не делаешь?

— А что я могу сделать? Оставляю его лежать там, где упал, а спустя несколько минут, или часов, или дней смотрю — он исчез.

— Исчез? Куда исчез?

Робот ответил пожатием плеч. Движение вышло заученным и сильно преувеличенным.

Бун вернулся к двери и вышел. И что же? Волк сбросил Шляпу со стула и принялся играть с ним, как щенок с тряпичной куклой. Таскал его туда-сюда, подбрасывал высоко вверх, но не давал упасть, а ловил на лету и яростно встряхивал. А ведь волк прав, подумал Бун, Шляпа — просто кукла, грубая тряпичная кукла. Марионетка, наделенная свойством мотаться по пространству-времени и служащая рупором для неведомого чревовещателя.

Не представляя себе, что предпринять, Бун вернулся к столу и продолжал следить за волком, увлеченно играющим с куклой, которая десять минут назад была Шляпой. И вдруг содрогнулся от озноба, возникшего глубоко в душе, и понял, что, если откровенно, испуган до смерти.

Когда он впервые попал в этот мир, то недоуменно спросил себя, в какие же диковинные дали его зашвырнуло. Теперь недоумение вернулось с удесятеренной силой — мертвящее, дистиллированное недоумение. Эта земля, это место, это состояние — неважно, какое определение точнее,— были стылыми и абсолютно чуждыми. Непонятно, как он не ощутил с первой же минуты, что он здесь гол и беззащитен против угрозы, суть которой не передашь словами. Не догадаешься, что это за угроза, пока она не проявится открыто,— и как же хорошо, что он не один, что с ним волк...

А тот прекратил валандаться со Шляпой и, глядя поверх поверженной куклы, улыбнулся Буну, подтверждая, что рад-

радешенек игрушке, а еще более — общению с другом. Бун потрепал зверя по ляжке, и волк воспринял это как приглашение подойти на мягких лапах вплотную и усесться у ноги. Бун погладил компаньона по голове — волк не отстранился. И охвативший душу холод, к удивлению самого Буна, стал таять. Серый ландшафт вновь сделался серой равниной и ничем более.

И вдруг волк завыл и прижался к ноге так тесно, что Бун ощутил охватившую зверя сильную дрожь.

— Что с тобой, приятель? Что тебе не нравится? — Волк перешел с воя на скулеж, и тогда Бун обратил внимание, что голова зверя запрокинута вверх, к небу, которое и не небо вовсе, а серость, наваливающаяся на равнину и смыкающаяся с серостью земли.— Но там же ничего нет, ровным счетом ничего...

И еще не договорив, Бун понял, что ошибается: в серости наверху возникло что-то постороннее, медленно обретающее форму. Какой-то нечеткий и неустойчивый образ, более всего напоминающий плохо сотканный, неровно спускающийся ковер. Ковер падал, раздвигая серость, и в конце концов Бун разглядел, что это и не ковер даже, а очень крупная, разреженная сеть — и на ней две скрюченные фигурки.

Сеть приземлилась, покачнулась, и в тот же миг с нее соскочила женщина и, протягивая руки, бросилась к Буну. И он кинулся ей навстречу с криком:

— Инид!..

Они раскрыли друг другу объятия, она прижалась к нему и зарылась лицом ему в грудь, бормоча что-то беспрерывно и невнятно. Он не сразу сумел разделить ее лепет на отдельные слова, но наконец разобрал:

— ...как я рада, что нашла тебя. Я же не хотела улетать без тебя, а ты заорал, чтоб я спасала времялет. Я собиралась вернуться за тобой и совсем уже было собралась, но вмешались непредвиденные обстоятельства.

— Все хорошо,— произнес он в ответ.— Теперь ты здесь, а все остальное неважно...

— Я увидела тебя,— продолжала она, поднимая к нему глаза,— увидела среди серости, и ты сам был серый, а рядом серый волк...

— А волк и сейчас здесь,— ответил Бун.— Он мой друг.

Она отступила на шаг и осмотрела его внимательно с ног до головы.

— С тобой все в порядке?

— Лучше быть не может.

— А что это за место?

— Мы на Магистрали Вечности.

— На какой планете?

— Не знаю. Я так толком и не понял.

— Какое-то странное место. И это не Земля.

— Вероятно, не Земля. Но что это и где это, не знаю.

— Ты опять ступил за угол?

— По-видимому, да. Бог свидетель, на этот раз я стремился попасть за угол изо всех сил.

Второй пассажир сети тоже слез довольно неуклюже на почву и направился к ним. У него были две ноги и две руки, и вообще он казался в общем и целом гуманоидом. Но лицо его напоминало лошадиную морду, к тому же худую и чрезвычайно унылую. По бокам удлиненной морды раструбами торчали уши. Лоб был усыпан глазами, разделенными на две кучки. Шея поражала длиной и худобой, а ноги были искривлены настолько, что гуманоид при ходьбе переваливался, как утка. На руках не было локтей, и они походили на резиновые шланги. По бокам шеи пульсировали жабры, а бочкообразное тело было сплошь усыпано бородавками.

— Познакомься,— объявила Инид, обращаясь к Буну,— это Конепес. Я не знаю его настоящего имени, вот и дала ему такую кличку, а он как будто не возражает. Конепес, познакомься, это Бун. Тот самый, о котором я рассказывала. Тот, кого мы и хотели найти.

— Рад и счастлив, что мы тебя нашли,— высказался Конепес.

— А я, со своей стороны, рад видеть здесь вас обоих,— ответил Бун. Из дома вывалился робот, балансируя подносом на голове.— Вы голодны? Видите, нам предлагают поесть...

— Я умираю от голода,— призналась Инид.

Они расположились за столом, и Бун осведомился у гуманоида:

— Это земная еда. Может статься, она тебе не по вкусу?

— В своих скитаниях,— ответствовал Конепес,— я приспособился поглощать любую еду, лишь бы она содержала питательные вещества.

— Вам я ничего не принес,— сообщил робот Буну,— поскольку вы недавно насытились. А вот волку я нарезал еще тарелку мяса. У него такой вид, словно его опять корчит от голода.

Робот опустил миску наземь, и волк немедля зарылся в нее.

— Вот обжора! — воскликнул Бун.— Волк способен слопать разом полбизона.

— Это один из тех, что слонялись подле нашего лагеря? — спросила Инид.— Один из тех, что донимали бедного старого быка?

— Ни то ни другое. Этот привязался ко мне после того, как ты улетела. Нет, даже до того — в самую первую ночь я задремал и очнулся, а он тут как тут, уселся напротив, буквально нос к носу. Я тогда не стал тебе ничего говорить, потому что думал, что мне пригрезилось.

— Расскажи мне все-все. Что случилось с монстром-убийцей и с отважным старым быком?

— Тебе самой есть что рассказать, и я хотел бы послушать.

— Сначала ты. Я еще слишком голодна, чтобы много говорить.— Тем временем волк, расправившись со своей миской, вспомнил про Шляпу и с новым азартом взялся трепать его. Инид заметила это и спросила: — Слушай, что там затеял твой волк? Забавляется с чем-то вроде самодельной куклы...

— Это Шляпа. Про него я тоже тебе расскажу. Он сыграл в моей истории немаловажную роль.

— Ну так рассказывай, не мешкай.

— Сию минуту. Ты упомянула, что видела меня. Видела среди серости меня и волка рядом со мной. Не можешь ли пояснить, каким же образом ты ухитрилась меня увидеть? Как сумела узнать, где я?

— Очень просто. Я нашла телевизор. Потом объясню подробнее. Этот телевизор показывает то, что тебе хочется увидеть. Он воспринимает твои мысли. Я подумала о тебе и увидела тебя на экране.

— Допустим, он показал меня среди серости. Но он не мог сообщить тебе, где именно я нахожусь и как меня отыскать.

— Это совершил невод,— вмешался Конепес.— Невод при всей своей внешней хрупкости есть механизм поистине чудотворный. Нет, отнюдь не механизм. Отнюдь не столь грубое и неуклюжее творение, как механизм.

— Невод соорудил Конепес,— пояснила Инид.— Сначала он создал его мысленно, а потом...

— Только и исключительно с твоей помощью,— опять перебил Конепес.— Не будь тебя, не было бы и невода. Ты держала палец на перекрестье, с тем чтоб я мог завязать последний, решающий узел.

— Звучит очень загадочно,— откликнулся Бун.— Умоляю, Инид, расскажи мне все, ничего не опуская.

— Повремени,— сказала Инид.— Сперва покончим с едой. А ты пока расскажи нам, что случилось с тобой после того, как ты скомандовал мне улетать, а на нас стремглав неслось страшилище...

Бун приступил к повествованию, стараясь излагать события как можно короче. Когда он подходил к концу, Конепес отодвинул тарелку и отер губы тыльной стороной руки. А волк, пресытившись игрой, придумал Шляпе новое применение, скомкал его и использовал как подушку, но желтых глаз не закрыл, а смотрел на сидящих за столом, изредка помаргивая.

— Если я правильно тебя поняла, Шляпа был живой? — спросила Инид.

— Его сейчас выключили,— ответил Бун.— Не знаю, как выразиться точнее. Он ведь, в сущности, марионетка. Говорящий манекен, орудие неведомого чревовещателя.

— И ты не представляешь себе, кто этот чревовещатель?

— Совершенно не представляю. Но не теряй времени, рассказывай о своих приключениях...

Когда Инид завершила изложение своей эпопеи, Бун в растерянности покачал головой.

— Многое звучит форменной бессмыслицей. Должна же существовать какая-то общая схема событий, какая-то закономерность. Но я ее при всем желании не вижу.

— О, закономерность имеется,— возгласил Конепес.— Имеется закономерность, а равно причинно-следственная связь. Судьба свела нас троих вместе с сундуком, каковой я нашел на розово-багровой планете...

— Ты украл сундук,— поправила Инид сурово.— Не нашел, а украл. Я-то прекрасно знаю, что украл.

— Хорошо, пусть украл,— согласился Конепес.— А возможно, позаимствовал. Сие есть более мягкий термин, во всех отношениях более приемлемый.

Он спрыгнул со стула и заковылял обратно к неводу. Пока он лазал там по прутьям и возился с сундуком, Бун успел задать давно напрашивавшийся вопрос:

— Ты хоть догадываешься, кто он такой?

— Создание в высшей степени удивительное,— ответила Инид.— Не имею понятия, кто он и откуда взялся. Но у него есть грандиозные идеи и даже, пожалуй, кое-какие знания, правда абсолютно нечеловеческие.

— Но можно ли ему доверять?

— Ничего определенного сказать не могу. Побудем с ним рядом, понаблюдаем и решим.

— Волк вроде бы не испытывает к нему неприязни. Не уверен, что он нравится волку, но, по крайней мере, неприязни не видно.

— А волку ты доверяешь?

— Когда я застрял в той расщелине, он мог бы запросто сожрать меня. Я был не в силах ему помешать. С припасами у нас было туго, и он был голоден. Но ему, по-моему, даже в голову не приходило, что я съедобен...

Конепес приплелся обратно к столу, согнувшись под тяжестью сундука, с грохотом сбросил его на землю и объявил:

— Однако теперь увидим, что и как.

— Уж не хочешь ли ты сказать,— спросила Инид,— что сам не ведаешь о том, какие сокровища в сундуке?

— О, ведать я ведаю. Однако неизвестны мне ни форма содержимого, ни облик его, ни как именно его применять.

Склонившись над сундуком, Конепес отстегнул запоры. Крышка отскочила как на пружине, и изнутри полезло какое-то пористое тесто. Тесто вздулось и поперло через край, сползая по стенкам и растекаясь вокруг,— пористая масса все лезла и лезла из сундука, будто ее впихнули туда под давлением, а теперь выпустили на волю и позволили тем самым раздаться до прежнего объема.

Продолжая всходить, тесто затопило площадку-столовую и начало окутывать дом. Из двери опрометью выскочил робот, спасаясь от вторжения непонятной каши. Бун схватил Инид за руку и поволок ее прочь по колее. К ним присоединился волк. Конепес пропал из виду. А невод приподнялся сам по себе и поплыл в сторону, держась совсем низко, в нескольких футах над почвой. Отлетев на триста-четыреста ярдов, он, по-

видимому, решил, что достаточно, и вновь приземлился. Волна теста докатилась до вагонетки, и та попятилась, погромыхивая и мало-помалу набирая скорость.

При этом тесто постепенно меняло вид и характер. Оно потеряло всякое сходство с цельной массой, стало еще более пористым, а точнее, ячеистым — но вспухало неукоснительно, расползаясь по грунту и выпучиваясь вверх. Занимаемая им площадь увеличилась в сотни раз, в нем зажглись многочисленные искристые точечки, образовались участки грязноватого мрака и туманные завихрения, простреливаемые какими-то светлячками. Одни точечки возгорались ярче, другие отдалялись и тускнели. Вся масса была наполнена ощущением беспрерывного движения, изменчивости, непостоянства.

— Тебе понятно, что это такое? — спросила Инид. Бун, конечно же, ответил отрицательно.— А куда делся Конепес? Ты его не видишь? Он что, до сих пор в этом хаосе?

— Подозреваю, что да. Он оказался таким дуралеем, что позволил хаосу поглотить себя.

Сундук стал неразличимым — его скрыла масса, ставшая теперь туманной, полупрозрачной и по-прежнему разбухающая, хотя, пожалуй, с меньшей скоростью. Теперь это был искрящийся, переливающийся мыльный пузырь.

— Вот он, Конепес, легок на помине! — глухо воскликнула Инид, указывая в глубь пузыря. И Бун тоже различил контур пришельца — контур был слабый, расплывчатый, но Конепес упорно пробивался к людям и наконец вырвался наружу, словно из паутины.

— Это Галактика! — крикнул он, приближаясь своей ковыляющей походкой.— Объемная схема Галактики! Доводилось мне слышать о подобных схемах, однако такого размаха я не ожидал...— Он уставился на них, выпучив многочисленные глаза, а затем отвернулся и принялся тыкать своим резиновым пальцем в разные точки пузыря.— Взгляните на звезды. Одни сияют с яркостью поистине свирепой, другие столь тусклы, что их почти не видно. Обратите внимание на пылевые облака, на дымчатые туманности. А вот эта белая прямая, устремленная к центру Галактики, есть ваша Магистраль Вечности.

— Быть того не может,— отозвалась Инид.

— Однако непременно ты видишь все это своими глазами и все же объявляешь невозможным. Неужто не ощущаешь беспредельность нашей Галактики, ее упоительную мощь и славу!..

— Ладно, допустим, это Галактика,— высказался Бун.— И белую прямую вижу, но нипочем не догадался бы, что она — та самая магистраль, на которой мы находимся...

— Заверяю вас, она и есть,— настаивал Конепес.— В легендах моего народа упоминается о магистрали, бегущей среди звезд. Хотя легенды, все до одной, умалчивают о том, зачем проложена магистраль и куда она ведет. Но мы последуем ее курсом и разберемся самолично.

Бун долго вглядывался в исполинский пузырь — и чем дольше вглядывался, тем прочнее убеждался, что да, Конепес прав, схема воспроизводит спиральную галактику. По форме схема напоминала грубый овал, отнюдь не столь четкий и аккуратный, как на картинках в пособиях по астрономии. Тем не менее не оставалось сомнений, что это расширяющаяся галактика с довольно плотным ядром и отходящими от него более разреженными рукавами. Один из таких рукавов раскручивался как раз в том направлении, где стояли столики со стульями, и удивительное дело — столики были видны и сейчас, хоть и довольно смутно.

Конепес немного отодвинулся, бочком подобрался к схеме и даже ссутулился, внимательно ее изучая. А волк, напротив, вернулся к людям, подошел совсем близко, и было заметно, что его пробирает дрожь. И неудивительно, решил Бун про себя, такие переживания испугают кого угодно. Наклонившись, он потрепал зверя по холке и произнес ласково:

— Спокойнее, дружище! Все будет хорошо. Да и сейчас все в полном порядке...— Волк прижался к Буну еще теснее, и тот вынужденно задал себе вопросы: а правду ли я говорю? могу ли я ручаться, что все в порядке? Никак не могу... И обратился к Инид: — Слушай, твой Конепес говорил тебе раньше о каких-либо схемах или картах?

— Он много о чем говорил и часто невразумительно. По крайней мере, мне казалось, что невразумительно. Всего не упомню, но, пожалуй, он говорил о генетических картах, которые вживлены ему в мозг или в подсознание.

Конепес неуклюже приковылял обратно и спросил:

— Так мы намерены обследовать Галактику или нет?

— Ты имеешь в виду — полезть в эту кашу? — переполошилась Инид.— Взять и шагнуть в это месиво?

— Конечно и безусловно,— заявил Конепес.— Как же иначе сумеем мы докопаться до истины? Белая прямая ведет куда-то, и мы непременно выясним куда. Она не может быть проложена бесцельно.

— Но мы там заблудимся! — продолжала протестовать Инид.— И будем барахтаться в этой каше до Второго Пришествия...

— Зачем барахтаться, если мы станем придерживаться белой линии? Она укажет нам путь туда, а затем обратно.

— Ладно,— смирилась Инид.— Но уж если мы лезем туда, я хотела бы прихватить с собой одну вещицу...

И бросилась бегом к упорхнувшему в сторонку неводу.

По доброй воле лезть в эту туманную круговерть да еще и блуждать в ее недрах? Уж чего-чего пожелал бы себе Бун, только не такой авантюры. На первый взгляд задача казалась достаточно простой: как бы ни была обширна схема, это всего лишь изображение, пусть исполненное с искусством и техническим совершенством, немыслимыми в его родную эпоху. Но в самой идее объемной схемы из сундука чувствовалась чужеродность, которую Бун никак не мог переварить. Что, если человек, угодивший в круговерть, завязнет в ней и не сможет выкарабкаться? Придерживайтесь белой линии, советовал Конепес, и совет был бы правильным, если бы — если бы была уверенность, что линия останется на том же месте. Разве исключено, что линия — не более чем уловка, призванная заманить добычу в неведомый капкан?

Инид вернулась и предъявила Буну черненький ящичек.

— Это телевизор, оставленный на месте пикника. Мне подумалось, что раз уж мы собираемся невесть куда, неплохо бы иметь его при себе.

— Отъявленная глупость,— заявил Конепес.

— Нет, не глупость. Телевизор показал мне, где Бун, и подсказал, как сюда попасть. Это дополнительная пара глаз, а там в месиве нам понадобятся все глаза, какие можно заполучить. Он же показывает не что попало, а то, что хочешь увидеть...

А ведь намек на дополнительную пару глаз, подумал Бун, не слишком удачен: с чисто земных позиций все именно так,

как сказала Инид, но Конепес-то располагает целой кучей глаз, даже двумя кучами, и его многоглазие, вероятно, гораздо богаче человеческого зрения.

У ноги тихо заскулил волк. Напуган ты, братишка, до полусмерти, подумал Бун. И будь у меня хоть капля здравого смысла, я был бы напуган не меньше твоего...

— Ну что, ты идешь? — спросила Инид.

— А что мы там забыли? Конепес утверждает, что Магистраль Вечности ведет туда, где нам надо побывать. Так чего же проще: сядем на вагонетку и покатим, не пропуская ни одной станции...

— Не смеши меня,— отрезала она.— Вагонеткой и за тысячу лет никуда не доедешь. Нет уж, когда надумаем двинуться отсюда, то используем невод, для которого ни время, ни расстояние ничего не значат.

— Это все прекрасно,— заметил он, по мере сил оттягивая момент, когда придется лезть в безумную круговерть,— но знаем ли мы, куда лететь?

— Ну разумеется, к бесконечникам,— объявила она.— На их родную планету. Не будем забывать, с чего все началось...

Право же, не произнеси Инид этого слова, Бун о бесконечниках, наверное, и не вспомнил бы. С тех пор как он в последний раз слышал о них, для него миновало столько эпох и событий! Но уж конечно, если кому-то держать их в памяти, то Инид, а не ему — она же веками пряталась от олицетворяемой ими угрозы.

— Устремиться на поиски бесконечников? — переспросил он.— В первый раз об этом слышу. До сих пор мне казалось, что ваша семья скрывается от них, как только может, да и мы с тобой еле унесли ноги от подосланного ими робота-убийцы...

— Хорошенько подумав,— сказала она,— я пришла к выводу, что нельзя всю жизнь прятаться. Гораздо правильнее самим разыскать их. У нас теперь есть невод, и с нами Конепес. Вероятно, найдутся и другие, кто поможет нам помериться с ними силами.

— Вот уж не догадывался,— заметил он не без иронии,— что ты такая воинственная...

— Следуете вы за мной или нет? — осведомился Конепес довольно резко.— Если мы вновь оседлаем невод, надо хотя

бы знать, к чему надо готовиться. Схема способна сделать нам наводящие указания.

— А ты уверен в точности этой схемы? — спросил Бун.— Откуда тебе знать, что она безошибочна?

Действительно, разве земные составители карт не грешили в древности вопиющей беспечностью и не наносили на них сведения мифические, а то и подсказанные своим разыгравшимся воображением?

— Ручаюсь честью,— провозгласил Конепес.— Конструкция схемы осуществлена информированной расой, которая знала безупречно то, о чем берется судить.

— Ты встречался с этой расой?

— Я наслышан о ней. О ней мне поведал дедушка, когда я сиживал у него на коленях, и сказания моего племени поминают ее многократно.

Бун бросил взгляд на волка — тот больше не жался к ногам. Пришлось поискать зверя глазами, и оказалось, что волк опять подобрал Шляпу и уселся поодаль на колее, ухватив куклу зубами. Волк явно не собирался сопровождать их в странствиях по схеме, а тащить его в туманный хаос силком не было никакого резона.

— Ладно, волк,— произнес Бун,— жди меня здесь, никуда не отлучайся...

Двое других уже направились к схеме — Конепес впереди, Инид следом. Бун поспешил догнать их.

Внутри схема выглядела словно забитая паутиной, с той оговоркой, что паутины в ней как раз и не было. И вообще ничего материального не было. Как только Бун вступил в пределы тумана, он перестал ощущать почву под ногами. Словно он шел по пустоте — или, вернее, словно его ноги внезапно омертвели и больше не чувствовали, куда их ставят.

Совсем рядом вспыхнул большой красный шар, и Бун нырнул, уклоняясь от столкновения, но тут же налетел на другой ослепительный шар, блистающий как голубой алмаз. И прежде чем он смог увернуться еще раз, угодил прямиком в центр алмаза. И... не испытал ничего — ни жары, ни хотя бы соприкосновения с каким-то телом. Он нервно хохотнул. Звезды оказались зримыми, но неопасными. Неужели эта схема отображает каждую звездочку, каждое облачко газа, каждый завиток пыли во всей Галактике? Как хотите, такого не может

быть. Помнится, он читал давным-давно, что Млечный Путь насчитывает более ста миллиардов звезд. Ну как они бы вместились все в какую бы то ни было схему? Вот и верь всяким заверениям, что схема безошибочна.

— Следи за белой линией,— напомнил Конепес, легок на помине.— Она на высоте твоих бедер, справа от тебя.

Бун опустил глаза — и правда, неподалеку тянулась белая ниточка, спасительный тросик, ведущий обратно в мир серости, где его ждет верный волк с обмякшим, изжеванным Шляпой в зубах. Где стоит домик с очагом, а вблизи него робот, который не откажется накормить их снова, если, конечно, им суждено выбраться из этой звездной трясины.

Нет, не верю, сказал себе Бун. Не верю ни единому слову хитрой конепесьей морды. Не принимаю его объяснений, не могу и не хочу принимать! А вокруг просто-напросто мираж, галлюцинация...

Но вокруг был не просто мираж. Бун шел, не понимая, на что ставит ногу, по пространству не только иллюзорному, но и воображаемому, заполненному блистающими звездами, потоками пыли и газа,— все это можно было рассматривать, но нельзя ощутить, нельзя пощупать. И было здесь еще кое-что — звук. Звезды пели — он слышал музыку сфер, шипение водорода, чечетку радиации, хоралы времени, гимны пространства, глухой шум пыли, торжественную песнь бесконечной пустоты. Ужаснее всего было сознавать, что ни звуков, ни образов в действительности нет, а есть в лучшем случае колдовская подделка под реальность, воспроизведение инопланетных отвлеченных концепций.

Тут он заметил, что опять отстал. В дымке впереди он еле различал Инид, а Конепес скрылся из виду вообще. Как долго мы уже торчим здесь? — спросил он себя. Несколько часов? Но это же смешно — схема, в которую их затащили, в диаметре не превышала шестисот—семисот футов.

Он ринулся вдогонку за Инид, не пытаясь больше уклоняться ни от звезд, ни от паутинных завихрений газа, поскольку удостоверился в конце концов, что их можно не опасаться. Однако, невзирая на полное отсутствие реальных препятствий, что-то все же мешало, тормозило движение, будто он предпринял отчаянную попытку идти вброд против бурного потока.

Над головой мрачной стеной нависло облако особенно густой пыли, и Бун, прекрасно понимая, что никакой пыли на самом деле нет, все же пригнулся, норовя поднырнуть под нее. И как выяснилось, недаром: облако было неощутимым, но спускалось ниже, чем казалось поначалу, и он внезапно ослеп. Звезды разом выключились, он нырнул в непроглядную стену мрака — а ноги по-прежнему несли его вперед, ни на что не опираясь и преодолевая сопротивление неведомого встречного потока.

Но когда он вырвался из мрака, вокруг разлилось море света, много более интенсивного, чем прежде. Источником света была ослепительно яркая звезда справа, затуманенная по краям. Инид, оказавшись где-то рядом, произнесла:

— Новая звезда. Или даже сверхновая. Только она совершенно скрыта за пылью и с Земли ее не заметить.

В ту же минуту Бун приметил еще одну звезду, настолько близкую, что протяни руку — дотронешься. Небольшая слабенькая желтая звездочка, она не привлекала бы внимания, если бы кто-то — но кто же? — не обозначил ее аккуратным крестом. Словно этот кто-то взял маркер и начертал опознавательный знак, отличающий данную звездочку от всех остальных в Галактике, с тем чтобы каждый ее увидевший сразу распознал в ней нечто особенное.

— Бун, что с тобой? — осведомилась Инид.— Что на тебя нашло?

Он не ответил, но медленно обошел звезду по кругу, глядя на нее под разными углами. И по мере его движения крест перемещался вслед за ним. Довольно было изменить позицию, и крест менял позицию соответственно. Крест метил звезду, с какого направления ни взгляни,— совершенно немыслимая иллюзия...

— Конепес умчался вперед,— продолжала Инид, ухватив Буна за руку.— А главное, где белая линия? Мы потеряли линию! Ее нигде не видно...— В голосе женщины звучала паническая нотка, и он среагировал, повернулся: она озиралась по сторонам, но белая нить действительно пропала и не появлялась.— Нет ее, и все тут! Мы слишком торопились, и вокруг столько чудес... Что теперь делать?

Бун пожал плечами:

— Пойдем назад по своим следам, поищем и наверняка найдем.

Но в душе он был в этом далеко не уверен. Линия была такая тонкая, такая малоприметная — удастся ли отыскать ее без конепесьих глаз?

Невдалеке повисла огромная белая звезда, бешено вращающаяся вокруг своей оси, а вокруг крутилась звездочка помельче, тоже белая и яркая, но не идущая ни в какое сравнение с переменчивым величием своей повелительницы. Меньшая звездочка бежала по орбите с такой скоростью, что казалась смазанной, и меж двумя светилами сверкающей лентой перетекала энергия — от большей звезды к меньшей. Звезда типа В, решил Бун, в компании белого карлика.

— Нельзя нам назад,— посетовала Инид.— Сейчас поворачивать никак нельзя. Надо идти вперед, туда, где Конепес. Он поможет нам вновь обнаружить линию...

Женщина устремилась вперед, он за ней. Впечатление было такое, что они карабкаются вверх по крутому склону. Ну что за чепуха, попрекнул себя Бун, какие могут быть склоны в Галактике? Под ногами, на уровне щиколоток, кружились завитки пыли, звездная россыпь вокруг стала еще гуще, и в ней попадалось много надменных багровых чудищ.

Положительно, не оставалось сомнений, что они лезут на крутую высокую гору. Склон был нескончаемым, но наконец они достигли вершины, и сразу за вершиной нашелся Конепес. Тощий и сутулый, он стоял недвижно, вперившись всеми своими глазами в пространство перед собой. А там лежала тьма, и не просто тьма, а тьма взвихренная, опоясанная прерывистыми вспышками.

— Водоворот! — выдохнула Инид.— Оно вращается! Ни дать ни взять — водоворот!..

— Перед нами ядро Галактики,— объявил Конепес.— Сие есть центр всего сущего. Огромная черная дыра, пожирающая Вселенную. Конечная фаза мироздания.

Дул сильный ветер — хотя откуда бы здесь быть ветру? Ветер нес с собой безучастный озноб пустоты, ледяной поцелуй смерти. Буна поразила мысль, что так ощущается черная изморозь Времени, ощущающего свой крах, но пытающегося удрать от всеобщей гибели в центре «водоворота».

— Но погоди,— осмелилась возразить Инид,— допустим, конечная фаза, но чего? Ты сказал — мироздания. Как это понимать? Может, ты хотел сказать — конец данной Галактики? Но она не единственная, галактикам несть числа...

— Вероятно, есть истинно осведомленные, однако я лично к ним не принадлежу,— объявил Конепес.— В составе моего племени не было личностей, способных дать тебе исчерпывающий ответ.

— А те, кто придумал всю эту музыку? Те, кто сконструировал эту схему?

— Возможно, им был известен ответ, а возможно, и нет. Не исключаю, что точный ответ леденит душу. Или точного ответа не существует в принципе.

— Ну и черт с ним,— вмешался Бун.— Я возвращаюсь назад.

— Не получится,— напомнила Инид.— Мы же потеряли линию. Помнишь белую путеводную линию? Мы ее потеряли!..

— Линию? — пробормотал Конепес, всполошившись.— Ты сказала — мы потеряли линию? Я совсем и совершенно забыл о ней...

— Мы тоже,— только и ответила Инид.

— Да не такая уж это серьезная проблема! — воскликнул Бун.— Схема, как бы обширна она ни была, занимает в поперечнике не более двух, от силы трех миль. Там на колее, которую почему-то называют Магистралью Вечности, у меня сложилось впечатление, что диаметр схемы — в пределах нескольких сот футов. Пойдем по прямой в любом направлении и вскоре выберемся наружу...

Конепес неожиданно повысил голос:

— Однако тут никаких прямых не имеется! Имеются скрученные витки, чреватые обманом чувств.

— Ты сам шел к центру по прямой,— не сдавался Бун.— Ты убежал от нас, мы следовали за тобой. И ты попал туда, куда стремился, безо всяких витков...

— Верно и правильно,— подтвердил Конепес.— Я прибыл к центру. Доводилось мне слышать легенды. Центр представляет великий интерес, и интуиция подсказала мне путь. Давным-давно я слышал про черное ничто в центре, и вот...

— В этом нет ничего нового,— сказал Бун.— Даже в мое время люди уже знали о центрах галактик и о том, что в

большинстве из них наблюдаются значительные завихрения. Была и гипотеза, что центрами галактик являются черные дыры, так что...

— Препирательства ни к чему не приведут,— вмешалась Инид.— Нам надо найти белую линию.

— Обойдемся,— заявил Бун.— Выберемся и без линии. Все, что требуется,— идти по прямой, и в конце концов мы неизбежно достигнем края схемы.

— Ты не внимал моим словам,— упрекнул Буна Конепес.— Я уже подчеркивал, что прямых, на которые ты возлагаешь надежды, здесь не имеется. Все перекручено, переплетено в лабиринт величайшей сложности...

— Ты что, считаешь, что нам отсюда не выбраться?

— Отнюдь не считаю. Если блуждать достаточно долго, то мы окажемся вовне. Однако сие не есть простая задача.

Чушь какая-то, рассердился Бун про себя. Что бы ни толковал длинномордый про лабиринты и обманы чувств, задача простенькая. Но довольно было оглянуться, чтобы осознать хотя бы отчасти, что имел в виду Конепес. По каким приметам держать курс? Вокруг слишком много примет — и ни одной звезды, ни одного туманного светлячка, ни одного вихревого затемнения, отличимых от других точно таких же. И на всем вокруг печать мглистости, печать искаженности.

Будто подслушав его мысли, Инид спросила:

— Неужели нет ничего, что тебе запомнилось четко?

— Почему нет? Есть. Звезда, помеченная крестом.

— Крестом?

— Вот именно, крестом. Будто кто-то нарисовал на ней крест специально. А в любом другом смысле звезда — самая что ни на есть обыкновенная. Звезда главной последовательности. Желтая. Вероятно, типа С, как наше Солнце.

— Почему же ты мне о ней ничего не сказал?

— Просто вылетело из головы, когда ты объявила, что мы потеряли белую линию.

— А ты сама звезды с крестом не видела? — осведомился у Инид Конепес.

— Нет, не видела. Кому это взбрело в голову метить звезды крестами?

Конепес повернулся к Буну:

— Больше ничего особенного не припоминаешь?

— Нет. В сущности, нет.

— Позволю себе упростить нашу задачу. Я пребывал здесь с тех самых пор, как добрался сюда. Пребывал, не трогаясь с места, вглядываясь в черную дыру. Когда вы двое вышли ко мне, стоял ли я к вам спиной?

— Совершенно верно, спиной,— подтвердила Инид.

— Тогда все поистине элементарно. Я развернусь на сто восемьдесят градусов, и мы двинемся отсюда под уклон.

Буну оставалось только пожать плечами. Это было действительно элементарно, слишком элементарно. А привходящие факторы, о которых сам же Конепес и твердил? Но никаких других предложений у Буна не было, и он согласился:

— Можно и так, хуже не будет...

Они двинулись под гору все втроем. Идти стало легче, встречное течение больше не мешало. Бун по-прежнему не чувствовал тверди под ногами, и звезды по-прежнему вели свою заунывную песнь, но теперь он не обращал на это внимания. Он не снизил скорости и тогда, когда склон остался позади. Ему хотелось одного — как можно скорее выбраться из этой путаницы иллюзий. И вдруг Инид, шедшая следом, воскликнула:

— Вот она, наша линия! Я вижу ее снова!..

Бун обернулся. Двое других замерли недвижно, завороженно глядя на линию. Он тоже видел белую нить совершенно ясно, но оказался по другую сторону от нее, и не оставалось сомнений, что он пересек ее не заметив. Переступив назад, он присоединился к созерцающим спасительную линию. А Инид все не могла успокоиться:

— Она выведет нас в точности туда, где мы были! Как здорово, что мы нашли ее!..

— Вполне логично, что нашли,— попробовал перебить ее Бун.— Мы двигались по прямой...

— Прекрати настаивать на прямых,— вмешался Конепес.— Я втолковывал тебе и втолковывал...

Бун не стал вслушиваться в очередную отвлеченную тираду. Бросив взгляд на склон, оставшийся позади, он внезапно увидел и узнал блистательную новую или сверхновую, которой они с Инид любовались на пути к центру, а рядом маленькую желтую звездочку. Не сводя с нее глаз, он устремился в том направлении.

— Ты куда? — окликнула его Инид.

— Пойдемте со мной,— бросил он, не оборачиваясь.— Пойдемте, и я покажу вам звезду с крестом.

В общем-то, столь решительно приглашать их следовать за собой было глупо: может, это была вовсе не та звезда. Желтых звезд в Галактике видимо-невидимо, они попадаются на каждом шагу. Но тревога оказалась необоснованной: звезда была та самая, помеченная крестом.

— Звезда особого значения,— изрек подоспевший Конепес.— Иначе зачем бы ее метить?

— А по виду ничем не отличается от миллиона звезд ее класса,— сказал Бун.— То-то и странно. Я, признаться, побаивался, что мои глаза подвели меня. Все желтые звезды так похожи друг на друга...

— Возможно и вероятно, что значима вовсе не звезда,— предположил Конепес.— Возможно, что у звезды есть планета и именно планета обладает значимостью. Однако усмотреть планету мы не можем.

— Одну минутку. А что, если можем?..— Инид подняла свой заветный черный ящичек и навела его на меченую звезду. И в тот же миг ахнула: — Ты угадал, Конепес. Там есть планета.

Встав у нее за плечом, Бун уставился на экран. Да, на экране была планета, она росла, приближаясь с каждой секундой, и вскоре стала видна поверхность — и то, что на поверхности.

— Город! Планета есть город! — возгласил Конепес. С экрана к ним тянулись огромные высоченные здания. Конепес понизил голос, но не скрыл ликования: — Вот куда проляжет наш путь! Вот на что указывает белая линия!..

— А что потом? — поинтересовалась Инид.

Конепес ответил вопросом на вопрос:

— Однако откуда мне знать?

Инид опустила телевизор, экран погас.

— Поспешим же,— пригласил Конепес.— Поспешим, придерживаясь линии. А затем оседлаем невод...

— Погоди-ка,— осадил инопланетянина Бун.— Это следовало бы обсудить не торопясь. Обмозговать все толком...

Но Конепес, не дослушав, уже бросился вдоль белой линии неуклюжим галопом. Бун взглянул на Инид, и она отозвалась:

— Ты, конечно, прав. Это надо обмозговать.

— А сперва надо вырваться отсюда,— поставил точку Бун.

Они шли медленнее, чем Конепес, хоть им и не терпелось избавиться от миражей галактической схемы. И вот впереди слабо забрезжила серость, потом наметились очертания домика, проступили контуры столовой на вольном воздухе. А чуть позади столов и стульев — силуэты волка и замершего рядом с ним плоскоголового робота.

Наконец Бун ощутил под ногами твердую почву и понял, что схема осталась позади. Подойдя к волку, он спросил:

— Ну, как поживаешь, старина? Что тут новенького?

Волк сидел степенно, не шевелясь, а перед ним на земле валялся недвижный, истерзанный Шляпа. Инопланетянина нигде не было видно. Впрочем, присмотревшись, Бун заметил вагонетку, бегущую по колее прочь от домика, и в вагонетке сидел пассажир.

Глава 10

ТИМОТИ

Люк откинулся наружу и превратился в трап. Хорас направился было к выходу, но задержался, едва перенеся ногу через порог. Эмма, следующая за ним по пятам, пронзительно взвизгнула:

— Куда мы попали?

— Не знаю,— бросил Хорас.— Спросить тут не у кого.

Сам-то он поставил бы первый вопрос иначе: не «куда», а «в какую эпоху». Кори себя — не кори, а такому опытному пилоту полагалось бы справиться с задачей получше. Конечно, ситуация сложилась кризисная, и все же он мог бы успеть проложить курс. Допустим, на то, чтобы тщательно продумать все до мелочи, как он привык, времени действительно не оставалось. Но бросаться куда попало, лишь бы удрать от кровожадного страшилища, наседающего на пятки,— нет, это все равно непростительно.

Не то чтоб я и впрямь перепугался, разъяснял он себе. Я всего лишь уступил здравому смыслу, требующему уносить ноги как можно скорее. Знаю, что обо мне говорят разное. Что я самодоволен, а подчас, может быть, и напыщен. Что я упрям, но в большинстве случаев упрямство — добродетель,

а не порок. Что я консервативен, а вернее, осмотрителен и нерасточителен. Одного обо мне никак нельзя сказать — что я трус.

В конце концов, продолжал он рассуждать сам с собой, все шло как по маслу до того злополучного дня, когда на сцене объявились эти двое из двадцатого столетия. Впрочем, более чем вероятно, что виновны тут не они, а Мартин. Мартину следовало бы знать, что происходит. А он, очевидно, не знал, даже не догадывался ни о чем до тех самых пор, пока Коркоран не предупредил его, что кто-то рыщет по Лондону, расспрашивая о поместье Гопкинс-Акр. И как этот Мартин поступил тогда? Не придумал ничего лучшего, чем удрать вместе со Стеллой. Стало быть, это Мартин спраздновал труса. Придя к такому выводу, Хорас вмиг почувствовал себя лучше. Он нашел, на кого возложить вину, а следовательно, он лично ни в чем не виноват.

Он спустился еще на два-три шага, но предпочел оставаться на трапе на случай вынужденного поспешного отступления.

Ковчег лежал на склоне холма близ самой вершины. Внизу виднелась долина, где раскинулось черным пятном приземистое одноэтажное сооружение с множеством несуразных угловатых пристроек, будто оно многократно переходило из рук в руки и каждый новый хозяин считал своим долгом присобачить к нему что-нибудь как заблагорассудится. Хорас довольно долго рассматривал нелепый многоугольник, прежде чем его осенило: это же один из монастырей, возведенных бесконечниками! В сущности, они не были монастырями в прямом смысле слова, но люди прозвали их так потому, что сами бесконечники внешне напоминали низкорослых и к тому же прихрамывающих монашков.

В долине ничто не шевелилось, там не было ни души. Отдельные пятна травы, убогие кустики, но ни единого деревца, хотя сохранившиеся трухлявые пни свидетельствовали, что некогда деревья здесь были. Солнце пряталось за тяжелыми тучами, но вот тучи на мгновение разошлись, и тогда по вершинам окрестных холмов и над ними в небе вспыхнули мириады искр, словно кто-то завесил весь небосвод сверкающей мишурой.

За спиной Хораса послышался голос Тимоти.

— Вот видишь,— произнес Тимоти тихо, почти обыденно,— что осталось от миллионов, составлявших человечество.

Каждая из этих искорок — бестелесное существо. Каждой указано определенное место, где она и пребудет теперь во веки вечные...

— Откуда тебе это известно? — взъярился Хорас, ужасаясь жуткому зрелищу, но и любуясь им.— Разве ты видел хоть одно бестелесное существо?

— Я видел нашего братца Генри. Генри представляет собой рой таких искр, но ведь он не достиг полной бестелесности. Достигни он этой стадии, он тоже стал бы одной-единственной искрой, а не скопищем искр, как сейчас.

А Тимоти, наверное, прав, невольно подумал Хорас. Тимоти часто бывает прав, до отвращения часто...

— Если я правильно читаю показания приборов,— сказал Тимоти,— мы очутились в будущем, примерно через пятьдесят тысяч лет после времени, из которого бежали.

— Значит, бесконечники победили,— отозвался Хорас.— Таков уготованный нам конец. Мы, люди, не сумели остановить их.

Эмма, стоящая позади у шлюза, крикнула:

— Эй, вы двое, посторонитесь! Колючка хочет выйти. Трап слишком узок, вы с ним не разминетесь.

Хорас быстро обернулся через плечо. Колючка, удивительно похожий на запущенного волчком дикобраза, уже катился по трапу. Хорас поспешно спрыгнул на землю, Тимоти за ним. А Колючка весело понесся вниз по склону.

— Помяни мое слово, он прикатит куда не надо и затеет какую-нибудь канитель,— заявил Хорас.— От него всегда одни неприятности. Бесконечники из монастыря нас пока еще не заметили...

— Может, и заметили,— возразил Тимоти.— А может, бесконечников там уже и нет. Судя по зрелищу над холмами, они завершили свою миссию и отбыли восвояси. Это же, вероятно, лишь один отряд бестелесных, а по миру таких отрядов — великое множество.

— Мы слишком долго оттягивали отъезд,— посетовала Эмма, подходя к ним поближе.— Нам следовало бы улететь давным-давно. Тогда бы мы спокойно выбрали время и место назначения, а не стартовали наобум, не ведая, куда нас занесет.

— Лично я,— объявил Тимоти,— возвращаюсь назад при первой возможности. Я сделал ошибку, что улетел вместе с вами, оставив все свои книги и записи...

— Что-то ты не слишком мешкал при отъезде,— холодно заметил Хорас.— Бежал так, что чуть не сшиб меня с ног. Перепугался до полусмерти.

— Не перепугался, а разве что встревожился. Инстинктивная защитная реакция, не более того.

— Мы не успели похоронить Гэхена,— напомнила Эмма.— Просто стыд, но мы его так и бросили на носилках у открытой могилы.

Колючка скатился с холма и безбоязненно, не снижая скорости, устремился к стенам монастыря. На солнце набежали новые пушистые облака, и алмазная россыпь искр, венчающая холмы и взмывающая в небо, слегка потускнела. Тимоти произнес задумчиво:

— Песчинки разума. Философы размером с пылинку. Теоретики в миниатюре, погрязшие в мечтах о величии. И никаких тебе забот, никаких физических отправлений, лишь отточенная работа мысли...

— Да заткнись ты! — завопил Хорас.

На холме над ними что-то хрустнуло. Сверху сорвался, подпрыгивая, некрупный камешек. Все трое разом повернулись на шум, и что же? С холма спускался робот. Его металлический корпус тускло поблескивал в слабом солнечном свете. Одна рука у робота была занята — он нес на плече топор с длинной рукоятью, а другая поднялась в церемонном приветствии.

— Добро пожаловать, люди,— произнес робот глубоким басом.— Давненько мы не встречали никого из вас.

— Мы? — переспросил Хорас.— Ты здесь не один?

Робот спустился еще немного, с тем чтоб оказаться ниже людей, а тогда уже позволил себе встать к ним лицом и ответил:

— Нас много. Весть о вашем прибытии распространяется быстро, и другие спешат следом за мной, благодарные людям за появление.

— Разве здесь нет других людей?

— Есть, но мало, очень мало. Люди рассеяны, люди прячутся. Одна группа здесь, другая там. И даже маленьких групп немного. Нас, роботов, тоже становится меньше. И мало кому из нас выпадает теперь честь служить человеку.

— Чем же вы занимаетесь?

— Рубим деревья,— ответил робот.— Валим, сколько можем. Но деревьев много, срубить их все мы не в силах.

— Не понимаю,— заявил Тимоти.— Хорошо, вы валите деревья, а дальше что?

— Складываем их в кучи, а когда высохнут, поджигаем. Уничтожаем бесследно.

Сверху тяжелой поступью спустился еще один робот и встал плечом к плечу рядом с первым. Опустив свой топор наземь, он оперся на рукоять и заговорил, словно это он, а не первый робот, беседовал с людьми и теперь продолжает:

— Работа изнурительна, ибо мы лишены чудесных трудосберегающих механизмов, некогда изобретенных людьми. В прошлом среди нас были роботы с технической подготовкой, но их не осталось. Когда люди решили свести свою жизнь к умственному самоусовершенствованию, такие роботы стали не нужны. Люди сохранили лишь самых простых роботов — садовников, поваров и прочих в том же роде. Только такие и были на Земле к тому дню, когда сами люди принялись исчезать.

С холма потоком посыпались новые и новые роботы, каждый с каким-либо инструментом на плече. Они появлялись поодиночке, парами и тройками — и дисциплинированно выстраивались позади тех двух, что беседовали с людьми.

— Но объясните мне,— настаивал Тимоти,— что плохого сделали вам деревья? Зачем вам понадобилось уничтожать их да еще с таким самоотверженным упорством? Древесину вы не используете, да и причин ссориться с деревьями у вас не было и нет.

— Они наши враги,— объявил первый робот.— Мы воюем с ними за свои права.

— Ты мелешь чепуху! — не сдержавшись, заорал Хорас.— Какие они вам враги? Скромные, непритязательные деревья...

— Вы наверняка осведомлены,— вновь вмешался второй робот,— что, как только люди исчезнут — а они уже почти исчезли,— деревья хотят унаследовать главенство на Земле.

— Слышал я что-то в этом роде,— сказал Тимоти.— Досужие разговоры, чисто умозрительные. Я, признаться, не обращал на них особого внимания, хотя наша сестренка Инид находила идею очень привлекательной. По ее мнению, деревья, добившись господства, не будут агрессивными и не станут притеснять другие формы жизни.

— Все это вздор! — не снижая голоса, вопил Хорас.— У вашей Инид, всем известно, в голове полная каша. Деревья неразумны, у них нет даже зачатков разума. Деревья ровным счетом ничего не могут. Стоят себе и растут потихоньку. Растут, а потом падают и гниют, только и всего.

— Есть волшебные сказки,— вставила Эмма донельзя застенчиво.

— Сказки — тоже чушь! — не унимался Хорас.— Все это сплошная чушь, в которую может поверить разве что глупый робот...

— Мы отнюдь не глупы, сэр,— обиженно произнес второй робот.

— Вероятно,— догадался Тимоти,— ваша враждебность по отношению к деревьям связана с убеждением, что наследниками людей должны выступить вы, роботы.

— Ну конечно же так! — воскликнул первый робот.— Вы поняли и сформулировали совершенно точно! Это же логично, что именно нам суждено занять место, покинутое людьми. Мы приложение к человечеству. Мы созданы по образу и подобию человека. Мы думаем как люди, и наше поведение копирует человеческие образцы. Стало быть, мы и есть законные преемники людей, а у нас обманом вымогают наше наследство...

Эмма сказала:

— Колючка возвращается. И не один, с ним еще кто-то.

— Не вижу,— огрызнулся Хорас.

— Они у дальнего угла монастыря. Тот, что с ним, размером больше его. Сам он кувыркается рядом. И они направляются к нам сюда...

Прищурив глаза, Хорас в конце концов разглядел дуэт, о котором говорила Эмма. Колючку он опознал немедля по его хаотичным прыжкам, а вот спутника его определил не вдруг. Потом в слабых лучах солнца что-то блеснуло, и сомнениям пришел конец. Паутина и единственный горящий глаз были узнаваемы даже издали.

— Монстр-убийца! — вскричала Эмма.— Колючка играет с монстром-убийцей! Он готов играть с кем угодно...

— Да вовсе он не играет,— прошипел Хорас, задохнувшись от возмущения.— Он пасет монстра, направляет страшилище в нашу сторону!

Внезапно он заметил, что число роботов на склоне уменьшилось. И продолжало уменьшаться. Строй роботов рассыпался прямо на глазах: они не суетились и не спешили, а просто уходили поодиночке, парами и тройками, как пришли,— вверх, за вершину холма. Он обернулся к Тимоти и спросил:

— Какие ружья ты клал в наш ковчег?

— Я? Никаких. Ты позаботился об этом лично. Разграбил всю коллекцию, не сказав мне ни слова. Просто цапнул ружья в охапку и утащил, словно они твои.

— Роботы покидают нас! — взвизгнула Эмма.— Они удирают и не окажут нам помощи!

— А я на них и не надеялся,— хмыкнул Хорас.— Малодушные твари. На них ни в чем нельзя положиться.— Он решительно шагнул вверх по трапу.— Мне кажется, у нас есть винтовка типа «тридцать-ноль шесть». Хотелось бы что-нибудь еще более крупнокалиберное, но патроны с мощным зарядом, так что уложат кого угодно.

— Самое лучшее,— всхлипнула Эмма,— залезть обратно в ковчег и улететь...

Тимоти ответил резко:

— Нельзя улетать без Колючки. Он один из нас.

— Из-за него,— кисло возразила Эмма,— мы опять угодили в передрягу. Из-за него одни неприятности.

Склон ниже ковчега совсем опустел, роботов как не бывало. Ну и ладно, сказал себе Хорас, быстро оглядываясь по сторонам. Что от них проку, даже если б остались! Пугливая куча железок...

А монстр, ведомый Колючкой, все приближался. Странная парочка уже покрыла, пожалуй, половину расстояния от монастыря до подножия холма.

Хорас взбежал по трапу внутрь ковчега. Оружие оказалось там, где он и рассчитывал его найти,— ружейные дула торчали из-под кучи одеял. Дробовик и винтовка «тридцать-ноль шесть». Он схватил винтовку, передернул затвор. Патрон был в патроннике, да и магазин полон.

Тут до него донесся какой-то невнятный шум, мягкий топот бегущих ног, перестук потревоженных камешков, прыгающих по склону. Хорас продолжал осматривать винтовку, но шум нарастал, усиливался. По корпусу времялета с громким ляз-

гом саданyло что-то увесистое. Снаружи донесся истошный крик Эммы, однако слов было не разобрать.

Тяжело развернувшись, Хорас метнулся к люку. Теперь снаружи доносились не только завывания Эммы, но и грузная поступь множества ног, глухой гул тяжелых предметов, брошенных на землю с размаху. Монстр? Нет, это никак не монстр: когда Хорас нырял в кабину, монстр вкупе с ослушником Колючкой находился еще слишком далеко на равнине.

Как только Хорас выпрямился на трапе, перед ним раскрылась картина, на первый взгляд полностью бессмысленная. Роботы вернулись, сотни роботов толклись на склоне, и не с пустыми руками. Одни тащили бревна, сбрасывали их в определенных местах и без промедления опять бросались вверх за новой ношей. Другие были вооружены лопатами, ломами, кувалдами и топорами и яростно трудились, разбрасывая грязь на многие ярды вокруг.

На холме появилась вереница глубоких ям, и самые длинные бревна вколачивались в ямы под острым углом к склону. Бревна покороче отесывались сверкающими плотницкими топорами и превращались в квадратные брусья. Коловороты впивались в древесину, высверливая дыры для массивных деревянных же крючьев, а затем бригады роботов с натугой поднимали брусья с крючьями и пригоняли друг к другу, собирая из них нечто совершенно несуразное.

Тимоти тихо прокомментировал:

— Понимаете ли вы, что видите? Мы стали свидетелями возведения оборонительной линии в древнеримском стиле. Низкие фланговые укрепления и рвы перед каждым фортом, причем сами форты размещены так, чтоб обороняющиеся могли поддерживать друг друга. Конструкции с крючьями — это катапульты, предназначенные для отражения вражеских атак. Вся система защиты будто скопирована с классической римской модели. Хотя, на мой взгляд, роботы даже перестарались.

По всей цепочке холмов, опоясывающих долину с монастырем в центре, были видны такие же бригады, работающие не на страх, а на совесть. Там и сям к небу поднимались струйки дыма — роботы разводили костры. Судя по внешним признакам, легион роботов решил окопаться здесь всерьез и надолго.

— Не верится, что роботы изучали древнюю историю,— произнес Тимоти.— История Римской империи в нынешние

времена — не более чем щепотка праха в рассеянных ветром горах исторической пыли. Но те же идеи, те же фортификационные принципы действительны ныне так же, как в отдаленные тысячелетия...

— Но зачем? — вопросила Эмма, как всегда визгливо.— Зачем они затевают такое против нас?

— Не против нас, дура! — закричал Хорас в ответ.— Они выступают за нас. Думают нас защитить. Хотя мы в этом не нуждаемся.— Подняв винтовку над головой, он потряс ею в воздухе.— Мы в состоянии сами защитить себя без их вмешательства.

Внизу у подножия холма образовался маленький смерч, шныряющий зигзагами то туда, то сюда.

— Смотрите-ка,— сказал Тимоти,— это монстр и Колючка. Монстр понял, что происходит, и пытается улизнуть, наверное, обратно под защиту монастыря. А Колючка не дает, хочет затащить его сюда, на холм.

— Опять какая-то ахинея,— зарычал Хорас.— Зачем Колючке понадобилось тащить монстра сюда к нам? Он же прекрасно знает, что это за фрукт!

— А Колючка всегда был не в себе,— заявила Эмма.— Дэвид брал его под защиту, и Генри находил для него доброе слово. А для меня Колючка всегда был дрянь дрянью. Большой круглой дрянью.

Один из роботов вскарабкался на склон к людям и замер у подножия трапа, щелкнув железными каблуками и отдавая правой рукой четкий салют. И, глядя на Хораса снизу вверх, доложил:

— Меры безопасности приняты, сэр. Ситуация под контролем.

— О какой ситуации ты говоришь?

— Ну как же! О бесконечниках. О подлых бесконечниках.

— Мы пока не уверены,— вмешался Тимоти,— что в округе есть хоть один бесконечник. Монстр-убийца, правда, есть, но это не одно и то же.

— Внизу монастырь, сэр,— сухо ответил робот, как бы обидевшись, что кто-то подверг его слово сомнению.— А где монастырь, там и бесконечники. Мы следим за этим монастырем много лет. Можно сказать, взяли его под наблюдение.

— И много ли бесконечников вы здесь видели? — поинтересовался Хорас.

— Ни одного, сэр. До нынешнего дня ни одного.

— А давно вы установили это свое наблюдение?

— Сами понимаете, сэр, оно не круглосуточное. Наблюдение ведется лишь время от времени. В общей сложности около двух столетий.

— И за целых два столетия вы не видели ни одного бесконечника?

— Так точно, сэр. Но если бы наблюдение велось круглосуточно...

— Ну и будет,— брякнула Эмма.— Кончайте свои дурацкие игры.

Робот весь напрягся от возмущения.

— Мое имя Конрад,— заявил он,— я командую данной операцией. Обращаю ваше внимание, что мы действуем в соответствии с нашей исходной функцией — заботиться о людях и защищать их. Смею вас заверить, что мы исполняем свой долг со всей доступной нам сноровкой и быстротой.

— Хорошо, Конрад,— подбодрил робота Хорас.— Продолжайте в том же духе.

Монстр с Колючкой прекратили свой пыльный вальс и застыли не шевелясь. А роботы все прибывали, ближние и дальние склоны теперь буквально кишели ими. Не отвлекаясь ни на секунду, они возводили оборонительные сооружения, охватывающие долину с монастырем прочным кольцом.

— С ними, наверное, ничего не поделаешь,— высказалась Эмма примирительно.— Пойду-ка поищу еду. Вы голодны?

— Я — да,— откликнулся Хорас. Другого ответа от него и не ждали: он был голоден постоянно. В ожидании обеда он приблизился к Тимоти и спросил: — Ну и как тебе это нравится?

— Мне их жаль,— молвил Тимоти.— На протяжении веков вокруг не было никого, о ком они могли бы позаботиться...

— И вдруг, откуда ни возьмись, мы сваливаемся на них как снег на голову.

— Вроде того. Не было ни души — и сразу трое. Учти, мы кажемся им совершенно беззащитными, и притом нам, по их разумению, угрожает опасность. Опасность во многом воображаемая, поскольку можно ручаться, что бесконечников

поблизости нет. Но монстр-убийца налицо, и он, несомненно, опасен.

— В общем, они в телячьем восторге.

— Вполне естественно, что в восторге. Они же не ведали настоящей работы много-много лет!

— Они не бездельничали. Валили деревья, выкорчевывали пни, разводили костры, на которых жгли бревна.

— Искусственно придуманная работа,— заявил Тимоти.— Чтоб удариться в нее с пылом, им пришлось внушить себе веру, что деревья претендуют на роль наследников человечества.

— Ты-то сам в это веришь или не веришь?

— Ну, говоря по правде, не знаю. Идея, что деревья будут на планете господствующей формой жизни, представляется мне достаточно привлекательной. Может, они используют свое положение удачнее, чем люди, а до нас динозавры и трилобиты — ни у тех, ни у других, ни у третьих ничего путного не вышло...

— Бредовая идея! — вознегодовал Хорас.— Деревья просто стоят себе на месте и ни к чему не стремятся.

— Не забывай, что у них в распоряжении были миллиарды лет. Они могли позволить себе роскошь стоять на месте и надеяться, что рано или поздно эволюция возьмет свое. В том-то и беда человечества, что нам не терпелось и мы подстегивали эволюцию. А ведь это нелепо ругать эволюцию за неспешность. Посмотри, что она натворила менее чем за миллиард лет — преодолела дистанцию от первой слабой искорки жизни до разумного существа. Которому, правда, разум не пошел во благо...

— Опять ты за свое! — возмутился Хорас.— Хлебом тебя не корми, только дай принизить себе подобных!

Тимоти в ответ только пожал плечами и спросил себя: а что, если Хорас прав? Не принижает ли он людей понапрасну? Но, видит бог, люди вполне успешно принизили себя сами. На поверку они оказались не более чем безответственной стаей приматов. Спору нет, на протяжении истории у человечества были славные достижения, но сколько же роковых ошибок! Человек с редким постоянством делал едва ли не все ложные шаги, какие только были возможны.

Солнце собиралось вот-вот закатиться за западные холмы. Оставив Хораса дожидаться еды, Тимоти не спеша спустился по склону. Едва он приблизился к первому из фортов, роботы дружно побросали свои инструменты и замерли по стойке «смирно».

— Все в порядке,— заверил их Тимоти.— Работайте, не обращайте на меня внимания. Вы заслуживаете похвалы. У вас все очень здорово получается.

Роботы послушно вернулись к прежним занятиям. Зато Конрад, приметив Тимоти издали, поспешил подойти к нему.

— Сэр,— доложил он,— мы окружили их со всех сторон. Без преувеличения, взяли их за горло. Пусть только шевельнутся, и мы их задавим.

— Отличная работа, капитан,— одобрил Тимоти.

— Сэр,— поправил Конрад,— я не капитан, а полковник. Скоро стану генералом, сэр.

— Прости, не знал. Приношу свои извинения. Отнюдь не хотел тебя обидеть.

— И никоим образом не обидели,— ответствовал полковник.

Эмма, высунувшись из ковчега, крикнула, что кушать подано. Тимоти не заставил себя упрашивать и поспешил на зов. Хоть он и был намного терпеливее Хораса, а тоже давно ничего не ел и ощущал голод.

Эмма выставила на стол блюдо с сыром, блюдо с ветчиной, большую банку джема и хлеб.

— Ешьте сколько влезет,— пригласила она.— К сожалению, все холодное. То ли плита не работает, то ли я не сумела ее включить. Я уж пробовала и так и сяк, а она ни в какую.

— Ладно, обойдемся,— буркнул Хорас.

— И запивать придется водой,— посетовала Эмма.— У нас есть чай и кофе, но раз плита не действует...

— Не волнуйся,— молвил Тимоти ей в утешение.— И не расстраивайся по пустякам.

— Я искала пиво, но не нашла...

— Согласен на воду,— перебил Хорас.

В сущности, обед, а вернее, ужин оказался не так уж плох. Сыр был выдержанный, ноздреватый, тающий во рту, ветчина — тугая и сочная. Ежевичный джем отличался не-

которым избытком семян, но в других отношениях был превосходен, и хлеб с хрустящей корочкой не оставлял желать лучшего.

Эмма отщипнула сыру, пожевала ломтик хлеба с толстым слоем джема и осведомилась:

— Что дальше?

— Пока что останемся здесь,— объявил Хорас.— Ковчег вполне комфортабелен по любым меркам, он послужит нам укрытием и штаб-квартирой.

— И как долго это будет продолжаться? — спросила Эмма плаксиво.— Мне здесь совсем не нравится.

— Пока мы не разберемся что к чему. Сейчас ситуация кажется невнятной, но через день-другой она разрешится так или иначе, тогда и будет ясно, как поступить.

— Со своей стороны,— сказал Тимоти,— объявляю еще раз, что при первой возможности возвращаюсь обратно.

— Обратно? Куда? — не поняла Эмма.

— Обратно в Гопкинс-Акр. Я и не хотел уезжать. И будь у меня время на размышление, ни за что не уехал бы.

— Но страшилище! — ужаснулась Эмма.

— К тому моменту, как я вернусь, от него там и следа не останется.

— Но зачем тебе возвращаться? — не унималась Эмма.— Не понимаю тебя. Там опасно!

— Там мои книги. И записи, которые я составлял годами. И работа еще далеко не окончена.

— Нет, окончена,— возразил Хорас неожиданно и грубо.

— А я считаю, что не окончена. Осталось много недоделанного.

— Ты же работал, уповая на лучшее будущее! Надеялся указать людям, каким путем идти, какие уроки извлечь из прежних ошибок и как начать все сначала. Ты что, не понимаешь, что все твои старания насмарку? Вот оно, будущее,— Хорас указал на окрестные холмы,— и вот твое человечество, по крайней мере большая его часть. Вон они, люди,— превратились в искорки света в небе. А бесконечники выполнили свою миссию и улетели.

— Но есть и люди, оставшиеся людьми! Можно начать с них.

— Их слишком мало. Горсточка тут, горсточка там, и все прячутся. Кто-то в прошлом, кто-то в настоящем. Начать все сначала? Не выйдет — генетический фонд слишком беден.

— Что толку его убеждать,— заметила Эмма.— Он упрямец. Если уж ему что-то втемяшится, то хоть кол на голове теши. Сколько ни говори, к каким аргументам ни прибегай, будет держаться своего, хоть тресни.

— Ладно, договорим завтра,— сказал Хорас.— Когда как следует выспимся.

Тимоти поднялся с места.

— Дайте мне парочку одеял. Я хотел бы переночевать на свежем воздухе. Погода сносная, холодов не ожидается. Я уж лучше посплю под звездами.

Эмма без возражений подала ему одеяла.

— Не забредай далеко,— попросила она.

— У меня нет такой привычки,— отрезал Тимоти.

Настала ночь. Черное пятно монастыря растворилось в окружающей тьме. По холмам светились зажженные роботами костры, а над ними в небе мерцали мыслящие пылинки. Меж ними различались и звезды, но только самые яркие,— остальные были стерты назойливым мерцанием.

После недолгих поисков Тимоти нашел на склоне ровную терраску, как бы скамеечку, которая могла служить пристойным ложем. Перегнув одно одеяло пополам, уложил его на терраску, прикрылся другим. Вытянулся на спине и уставился в небо, на россыпь посверкивающих пылинок.

Наблюдать было удовольствием, потому что наблюдение вело к раздумьям. Шутка ли — он видел над собой финальную фазу развития человечества! В таком облике, как частички чистой мысли, люди способны пережить конец Вселенной, пережить исчезновение времени и пространства. Разум человечества останется в неприкосновенности в великом ничто, которое продлится вовеки. Останется — во имя чего? Тимоти попробовал вообразить себе, что произойдет, когда не станет ни времени, ни пространства — и может ли произойти вообще что-нибудь? Ответа не было, воображения не хватало.

Час назад он заявил Хорасу, что человечество не проявило должного терпения, не пожелало ждать естественного хода эволюции. Полно, не ошибся ли он сам? А если творения рук человеческих, дерзновенные человеческие мечты — такие же

проявления эволюции, как медленное развитие от первого крохотного биения жизни к разумному существу? А если вмешательство бесконечников всего-навсего подтолкнуло людей в их направлении, предопределенном изначально? Что, если первое шевеление жизни на древнем мелководье со всей неизбежностью вело к этой россыпи искр над головой? Что, если Вселенная со всем своим величием и чудесами — не более чем оранжерея, где выращивается разум?

Если так, тогда человечество поистине является избранным народом. Хотя вполне может статься, что избранный народ не один, что их много. Чем возлагать все надежды на одну-единственную расу, разве не лучше создать разумные расы во множестве? Одна-единственная может и не выжить, более того, часть рас обязательно сойдет с дистанции на полдороге. Разум склонен совершать нелепые, а может, и неминуемые ошибки, способен и свернуть в такую скверную сторону, что останется разве что истребить его без следа. Иные птицы, и не только птицы, откладывают тысячи яиц в расчете, что хоть отдельные их потомки дорастут до зрелости. Так и эволюция должна была породить целое сонмище разумных рас во имя уверенности, что хотя бы некоторые достигнут полного совершенства.

Ерунда, перебил себя Тимоти. Безумная идея, не стоящая обдумывания даже ради развлечения на досуге.

Но почему, почему человечество предприняло такой шаг как раз тогда, когда освоило межзвездные путешествия, когда могло пожинать плоды долгого технического прогресса? Почему человек вдруг запнулся? От усталости, уклоняясь от потенциальной ответственности, которую он, в свете прежних достижений, вроде был готов и способен принять? Неужели, оказавшись лицом к лицу с необозримым космосом и с открывающимися впереди возможностями, человек отступил из боязни, что не справится? Или из страха, что столкнется с другими, еще более разумными существами?

Тимоти попытался положить конец раздумьям, очистить мозг — ведь прийти к каким бы то ни было выводам все равно не удастся, удастся разве что внести в душу полное смятение и разлад. Закрыв глаза, он вступил в борьбу со своим напряженным состоянием, и мало-помалу буря под черепом начала

стихать. На него навалился сон, нет, прерывистая дремота: он то и дело, полупроснувшись, спрашивал себя, где находится. Потом вслушивался в шарканье роботов, по-прежнему копошащихся на своих укреплениях, вглядывался в мерцающие сполохи на небе, припоминал события последних часов и отключался опять.

Внезапно кто-то ухватил его за плечо и стал трясти, приговаривая жалобно:

— Тимоти, проснись! Проснись, Тимоти! Колючка исчез...

Он сел, отшвырнув одеяло и недоумевая, что же тут особенного и неотложного. Разумеется, только Эмма могла разбудить его из-за того, что Колючка исчез, и все-таки недоумение не проходило. Колючка давно взял за правило исчезать. В Гопкинс-Акре он исчезал постоянно, не показываясь иногда по нескольку дней подряд,— и никто не волновался: в свой срок объявится, игривый как обычно и ничуть не пострадавший от длительного отсутствия.

Земля была посеребрена первыми лучами рассвета, но на дне долины еще лежала полутьма. От костров, разложенных среди укреплений, к небу сочился дымок. Интересно, спросил себя Тимоти, откуда у роботов такая страсть разводить костры? Понятно, что это делается не для приготовления пищи, пища роботам не нужна. Скорее всего, костры — лишнее свидетельство неутолимого их желания подражать своему создателю, человеку.

Футах в ста от себя Тимоти увидел Хораса в окружении Конрада и своры роботов ниже рангом, Хорас надсаживался в грубом крике, но это ровно ничего не значило: Хорас всегда кричал и почти всегда грубо, вполне сознательно подчеркивая свой крутой нрав. А Эмма продолжала причитать:

— Колючка опять влип в какую-то пакость. От него всегда одни неприятности. Ума не приложу, чего мы валандались с ним все эти годы...

Тимоти кое-как поднялся на ноги, протер глаза, отгоняя сон, затем направился к Хорасу и компании. Заслышав шаги, Хорас обернулся, но кричать не перестал:

— Опять этот Колючка! Спрятался где-то забавы ради. Воображает, что мы отправимся его искать. Решил поиграть с нами в прятки, недоумок...

Конрад заговорил много тише Хораса, но и много отчетливее:

— Ему просто негде быть, кроме как в монастыре. Обращаю ваше внимание: исчез не только он, но и монстр. Значит, они оба в монастыре.

— Тогда зачем было нас беспокоить? — заорал Хорас.— Пошли бы сами в монастырь и поискали их...

— Только не я,— ответил руководящий робот.— Монастырь — это не для нас, это задача для людей. Если вы отправитесь туда, мы последуем за вами, но сами — никогда.

— Ты уверен,— осведомился Тимоти, подходя к группе,— что они не просочились сквозь ваши ряды?

— Совершенно исключено. Мы стояли на вахте всю ночь. И не спускали глаз с них двоих, пока они вдруг не исчезли.

— Если вы не спускали с них глаз, то чем они занимались?

— Похоже, что играли в пятнашки. Носились друг за другом — один убегает, другой догоняет, и наоборот. Всю ночь по очереди.

— Колючка обожает догонялки,— заявил Хорас.— Самое любимое его развлечение. Но я не стану тратить время на поиски этого урода. Наскучит прятаться — сам притащится.

— Он дурачил нас много лет,— поддержала мужа подоспевшая Эмма.— Не позволим ему дурачить себя снова. Не станем его искать.

Тимоти решил возразить:

— Положение вещей отличается от того, что было прежде. Думаю, надо попытаться найти его. А то он чего доброго и впрямь попадет в беду.

— Нет! — взвыл Хорас.— Не сделаю ни шага!

— Слушай, а может, Тимоти прав? — робко сказала Эмма, явно не уверенная в своем праве на личное мнение.— Как-никак он тоже член семьи. Мы же позволили ему оставаться с нами...

— Если ты не хочешь идти,— обратился Тимоти к Хорасу,— тогда я пойду один. Вы оставайтесь здесь. Только дай мне винтовку.

Хорас отпрянул далеко назад.

— Не дам! Ты ее и в руках никогда не держал. Еще отстрелишь себе ногу...

— Это моя винтовка, Хорас.

— Ты ее владелец, не спорю. Но из этого не следует, что ты умеешь стрелять.

— Тогда я пойду безоружным.

— Нет, не пойдешь! — завопил Хорас.— Я не позволю тебе идти в одиночку. Попадешь в какую-нибудь переделку — кто тебя выручит?

— Если вы идете вдвоем,— решила Эмма,— тогда я с вами. Ни за что не останусь одна в этом жутком безлюдье!

— Очень буду тебе признателен, если ты составишь мне компанию,— произнес Тимоти, адресуясь к Хорасу.— И охотно приму твою помощь.

— А я организую роту поддержки,— объявил Конрад.

— В этом нет нужды,— холодно ответил Хорас.

— Я настаиваю,— провозгласил Конрад.— Мы осуществляем функцию вашей защиты. И продолжим осуществление своей функции во что бы то ни стало.

Резко повернувшись, Конрад принялся отдавать приказания. Роботы выстроились в шеренгу и замерли по стойке «смирно», подняв на плечо инструменты — лопаты, ломы, топоры, тяжелые кувалды, копалки для рытья ям...

— Раз уж тебе не терпится выставить нас на посмешище,— прорычал Хорас в адрес Тимоти,— давай покончим с этим как можно быстрее!

Тимоти не заставил себя упрашивать и зашагал вниз по склону. Рядом выступал Хорас с винтовкой, держа ее вкось поперек живота. Эмма ковыляла сзади, а замыкал шествие лязгающий легион роботов под присмотром сержантов или каких-то младших начальников. Сержанты выкликали ритм, заставляя подчиненных двигаться в ногу.

Склон был крутой, приходилось упираться каблуками, чтобы не поскользнуться. А из-под ног марширующих легионеров беспрестанно летели камешки и камни, катились мимо, подпрыгивали, обгоняя людей, и падали, взметая фонтанчики пыли.

Любопытно, куда подевался Генри? — подумал Тимоти. Будь он здесь, ему ничего не стоило бы проникнуть в монастырь и выведать всю подноготную. Тогда, если бы необходимость входить в монастырь не отпала, то, по крайней мере, они действовали бы не вслепую.

У подножия холма роботы разделились на две колонны, охватившие людей с флангов. Вышедший вперед Конрад подал отрывистую команду. Колонны остановились, и он разъяснил:

— Людям оставаться здесь. Я высылаю разведчиков.— Еще одна команда, и из строя выбежала четверка роботов.— Где-нибудь есть дверь, вероятно, и не одна дверь. Надлежит выбрать способ проникнуть внутрь монастыря.

— Что за глупости! — возмутился Хорас.— Не вижу ни малейшей опасности.

— Видимой опасности нет,— согласился Конрад,— однако любая новая ситуация чревата потенциальной опасностью. Враг может предпринять сознательную коварную попытку затаиться и усыпить нашу бдительность. Во всяком случае, небольшие меры предосторожности никому еще не вредили.

Обернувшись, Тимоти увидел не без удивления, что все остальные роботы тоже решили присоединиться к передовой роте. Одни только еще вылезали из раскиданных по холмам укреплений, другие бежали со всех ног, третьи уже успели выбраться на равнину и почти поравнялись с группой Конрада.

— Смотри-ка,— сказал он Хорасу,— они надумали сопровождать нас всей бандой...

Хорас раздраженно хмыкнул. Что бы ни делали роботы, он их действия не одобрял.

Над долиной повисла тишина ожидания. Ни ветерка, ни стрекота насекомых. Наконец из-за угловатых пристроек выскочил один из разведчиков, вытянулся перед Конрадом и отрапортовал:

— Сэр, мы обнаружили вход. Открытую дверь. Есть и другие двери, но все они заперты. Мы не стали их взламывать, сочли это неразумным. А потом обнаружили открытую дверь.

— Вы входили внутрь?

— Опять-таки решили лучше не входить. Остановились у входа до прибытия основных сил.

— Благодарю за сообщение, Тоби,— изрек Конрад.— Вы поступили мудро.— И обратился к Хорасу: — Вы готовы следовать дальше?

— Давным-давно готовы,— буркнул Хорас.— Это не мы решили торчать здесь и бить баклуши...

Колонны пришли в движение, по-прежнему прикрывая людей со всех сторон. Вслед за разведчиком, отдававшим рапорт, они подступили к монастырю вплотную и стали огибать его у самых стен. С близкого расстояния монастырь казался каким-то обшарпанным. Внешние стены, по-видимому металлические, были тронуты ржавчиной. Окон не было совсем. Двери попадались достаточно регулярно, и все на запоре. Но минут через пять обнаружилась и дверь, о которой докладывала разведка. Дверь вела в главное монастырское здание.

— Подождите здесь,— распорядился Конрад.— Высылаю отряд на рекогносцировку.— Пришлось задержаться снова, пока один из роботов не выглянул и не поманил остальных. Конрад смилостивился: — Теперь можете войти, но, пожалуйста, без лишней спешки.

Люди и не собирались спешить. Роботы рассредоточились, обследуя каждый уголок впереди. Внутри здание было залито зеленоватым свечением, но как Тимоти ни старался, обнаружить источник света не удалось. Вероятно, свет испускали стены и куполообразный потолок.

На первый взгляд, осматривать в монастыре было просто нечего. Обширный зал, куда они попали, казался пустым. Там и сям в стенах были двери, ведущие в многочисленные пристройки. Все двери стояли настежь — роботы ныряли в каждую и незамедлительно возвращались в зал, оповещая тем самым, что за дверью тоже нет ничего интересного.

Как только глаза привыкли к необычному освещению, Тимоти заметил, что часть пола покрыта крупными оспинами — то ли неровными кругами, то ли выемками. Мебели не было и в помине — ни столов со стульями, ни каких-либо ларей или сундуков, ни картотечных шкафов; не было и машин.

Ну конечно, подавай нам машины! — посмеялся над собой Тимоти. Я оперирую человеческими понятиями, иначе не умею, а здание инопланетное, возведенное для инопланетных, неизвестных нам целей. Какие уж тут столы, стулья, картотечные шкафчики! Но можно бы рассчитывать на какие-то иные вещи, пусть чуждые, пусть непонятные, но вещи, а таких тоже нет... Неожиданно Эмма подтолкнула его локтем и сказала:

— Не туда смотришь. Посмотри вверх.

Действительно, с потолка свисали какие-то странные предметы. Их были сотни, каждый на своем канатике, или верев-

ке, или тесьме, и все чуть колыхались в слабых потоках восходящего воздуха.

— По-моему, это бесконечники,— предположила Эмма.

— Если бесконечники,— откликнулся Конрад, который держался неподалеку,— то в них нет жизни. Я не улавливаю признаков жизни. Сохранись в них хотя бы капелька жизни, мои сенсоры это уловили бы. Если они бесконечники, то мертвые. Их повесили на просушку.

С тех пор как люди вслед за роботами вступили в здание и сделали несколько шагов по залу, они, в сущности, не двигались с места. Но тут из глубины монастыря вдруг донесся возбужденный шум.

— Ребята что-то нашли,— догадался Конрад.— Пошли посмотрим.

Вчетвером они двинулись на шум и вскоре натолкнулись на роботов, развернувшихся кольцом и возбужденно взирающих на нечто внутри кольца.

— Пропустите! — жестко скомандовал Конрад.— Что происходит? Дайте нам пройти!

Роботы расступились, и взору открылась небывалая картина. В центре круга Колючка и монстр-убийца исполняли диковинный танец. А может, и не танец вовсе, а кружили побойцовски один подле другого, выжидая удобный момент для атаки. Все равно это напоминало танец: партнеры-противники то приплясывали на месте, то скользили вбок, то делали стремительные пробные выпады и тут же отступали.

— Всем отойти! — завопил Хорас.— Я сейчас положу конец этому безобразию!

Он уже почти донес приклад до плеча, когда здание содрогнулось так сильно, что и люди и многие из роботов не устояли на ногах. Тимоти тоже упал, проехался ничком по вздыбившемуся полу и услышал треск — нет, не выстрел, просто захлопнулась дверь.

И угодил куда-то. Попробовал выбраться, но окружающие поверхности оказались такими гладкими, что, как ни барахтайся, опереться было не на что. Затем тряска прекратилась так же резко, как и началась, и Тимоти понял, что его зашвырнуло в одну из воронок в полу. Он заполнил ее своим телом почти до краев, и подумалось, что, если б удалось свернуться калачиком, в такой воронке было бы очень удобно спать.

А если воронки для того и предназначены, если они заменяют бесконечникам кровати? Размером и ростом бесконечники меньше людей, а значит, могут устроиться в воронках с комфортом.

— Вас там заклинило? — осведомился Конрад, склоняясь над Тимоти.

— Не заклинило, но выбраться трудно. Будь любезен, подай мне руку.

Конрад протянул руку, вытащил Тимоти и поставил на ноги.

— Сдается мне,— заявил робот,— что мы все-таки влипли. Сильно подозреваю, что нас переместили.

— Переместили?

— Здание переместилось.

— Вот почему меня сбило с ног...

— Если бы только это! Боюсь, все гораздо хуже.

Кто-то распахнул дверь, ту самую, через которую они вошли в зал, и роботы хлынули в нее потоком, торопясь выскочить из здания. Хорас, напротив, уже успел каким-то образом побывать снаружи и теперь протискивался внутрь, с трудом преодолевая этот неудержимый поток. Подступив к Тимоти, он поднял над головой винтовку, помахал ею в воздухе и взревел:

— Я был прав! Монастырь оказался ловушкой! Он всосал нас, как мошкару, и перебросил куда-то. Ты хоть догадываешься, куда нас занесло?

Вопрос был адресован Конраду, однако тот лишь покачал головой:

— Не имею ни малейшего представления.

Тимоти, совершенно сбитый с толку, попытался разобраться что к чему и переспросил:

— Монастырь передвинулся? Но это вряд ли серьезная проблема. Он мог самое большее передвинуться на несколько миль...

— Идиот! — заорал Хорас ожесточаясь.— Ты ни черта не понял! Какое там на несколько миль! Похоже, что на многие световые годы. Это не наша планета. Мы больше не на Земле. Выгляни наружу.— Схватив Тимоти за руку, он грубо дернул его к выходу.— Иди полюбуйся сам!..

И чтобы придать своим словам больший вес, подтолкнул Тимоти широкой ладонью в спину промеж лопаток.

За порогом монастыря не то темнело, не то светало. Воздух был бодрящий и свежий, хотя небо выглядело как-то необычно. Земля убегала вдаль складками, округлые холмы переходили в другие холмы, тоже округлые, но повыше, потом еще повыше и еще, пока их контуры не сливались с далеким горизонтом. Над горизонтом висела пухлая желтая луна.

Что же такого усмотрел здесь Хорас, если решил, что это иная планета? В глаза не бросалось ничего особенного. Дышалось без труда, притяжение было подобно земному.

— Все вышли? — громко спросил какой-то робот.— В монастыре никого не осталось?

Другой робот ответил:

— Вышли все до последнего.

— А где пост управления? — завопил Хорас.— Кто-нибудь видел пост управления?

— Пост управления?

— Да, пост управления. Должен же где-то быть пост управления монастырем! Чтобы контролировать перемещения, задавать курс...

— Никто не видел никакого поста,— ответил Конрад.— Это же не корабль. Пост управления тут не нужен.

— Но монастырь передвинулся с места на место! — не прекращал орать Хорас.— Иначе как бы мы сюда попали?..

— Он разваливается,— подметил один из роботов.— Расходится по швам. Вслушайтесь! Слышите?..

Даже человеческого слуха хватало, чтобы различить стоны и скрежет рассыпающегося от старости металла.

— Он едва-едва сумел доставить нас сюда,— объявил Конрад.— Это было его последнее путешествие. Еще год-другой, и он стал бы неподвижен.

— Проклятие! — рычал Хорас.— Проклятие! Проклятие! Проклятие!..

— Согласен с вами,— произнес Конрад как можно спокойнее.— Бывают времена, когда за что ни возьмись, все идет не так, как надо...

Тимоти выбрался из толпы, взирающей на агонию монастыря. Все хорошо, что хорошо кончается, мелькнула мысль. Знай Хорас заранее, что монастырь — огромный времялет, еще способный передвигаться, один бог знает, какие безрассудные планы взбрели бы ему в голову. Сейчас они, по крайней ме-

ре, в относительной безопасности — в обстановке, которую не назовешь враждебной. Здесь можно дышать и ходить, температура вполне терпимая, и скорее всего на планете отыщется какая-нибудь пригодная для них пища.

На склоне у него под ногами был дерн, но что за дерн, разглядеть не удавалось, хотя небо справа явно светлело. Хорас объявил, что они на другой планете, но его утверждение оставалось пока голословным и ничем не подкрепленным. Холмы вроде бы не отличались от земных холмов. Правда, для определенных выводов было еще слишком темно.

Кто-то шел по склону в его сторону. Тимоти узнал Эмму, двинулся ей навстречу и спросил:

— С тобой все в порядке?

— Все в порядке, но я боюсь. Хорас говорит, что мы не на Земле. И правда, здесь две луны, а на Земле только одна. Но я никак не пойму, как это могло случиться.

— Две луны? Я вижу только одну, вон на западе. Вернее, в той части неба, которая кажется мне западной...

— Вторая луна прямо у нас над головами. Она меньше той, что на горизонте.

Пришлось вывернуть шею и убедиться, что Эмма права: прямо в зените висит вторая луна. Права была Эмма и в том, что эта луна заметно меньше — примерно в половину земной. Вот что подсказало Хорасу, казалось бы, не свойственную ему догадку...

Монастырь по-прежнему постанывал. Небо на востоке светлело с каждой минутой. Вот-вот из-за горизонта покажется солнце.

— Ты не видел Колючку? — спросила Эмма.

— После той встряски в монастыре — нет.

— Удрал куда-то продолжать свои дурацкие игры с этим гнусным монстром.

— Пожалуй, я не вполне уверен, что это игры,— сказал Тимоти.

— А что еще, по-твоему? Колючка всегда затевал какие-нибудь нелепые игры...

— Может быть, ты и права,— не стал спорить Тимоти.

Толпа роботов, мельтешившая возле монастыря, отхлынула и в четком порядке спустилась вниз, на ровное дно ближай-

шей долины. Прозвучала отрывистая команда, и роботы приступили к военным перестроениям.

Рассвет занимался все ярче, видимость становилась лучше и лучше. Череда округлых холмов утратила ночную окостенелость, их контуры смягчились и обрели цвет. В темноте Тимоти вообразил их зелеными, теперь осознал, что зелень ему померещилась. Холмы оказались цвета львиной шкуры, рыжевато-коричневыми под фиолетовым небом. Небо приводило в недоумение: ну как оно может быть фиолетовым, не какая-то его часть, а все небо целиком?

Подошел Хорас, тяжело ступая и неся винтовку на локте.

— Нас одурачили,— сообщил он сердито.— Похитили и зашвырнули куда-то к черту на рога.

— Хорошо, что мы не одни,— отозвалась Эмма,— что с нами роботы...

— Свора полудурков,— ругнулся Хорас.— Сборище неумех...

— Так или иначе, они будут нам в помощь,— высказался Тимоти.— Конрад кажется мне толковым начальником, он умеет настоять на своем.

— Мы утратили все наше имущество,— всхлипнула Эмма.— Все, что было в ковчеге. Одеяла! И все прочее! У нас ни одной кастрюльки!..

Хорас обнял ее за плечи.

— Роботы прихватили одеяла и кое-что еще,— сказал он.— Как-нибудь выживем...

Она плача приникла к Хорасу, он неуклюже обнял ее, поглаживая по спине. Тимоти почувствовал себя неловко: впервые на его памяти Хорас проявил открыто хоть какое-то расположение к его сестре.

Заря на востоке разгоралась все ярче. Обнаружилось, что по долине течет река, а по ее берегам и по низу окрестных холмов кое-где растут рощицами деревья. Странные, впрочем, деревья — то ли гигантские папоротники, то ли камыши-переростки. На холмах над долиной колыхалась под ветром рыжеватая поросль, похожая на траву. Наверное, хорошее пастбище, подумал Тимоти, но, насколько хватал глаз, нигде не было видно не только стада, а даже какой-нибудь одиночной твари на выпасе.

От погибающего монастыря оторвалась металлическая плита и, лязгая, соскользнула вниз по склону. Да и весь монастырь

уже завалился окончательно, превратившись в малопривлекательную груду лома.

Внизу, в долине, строй роботов внезапно распался, от него осталась лишь малая часть, образующая полый квадрат. Фаланга! — воскликнул Тимоти про себя. Классическая фаланга, прошедшая путь от Александра Македонского до последней битвы Наполеона при Ватерлоо. И вот, пожалуйста... Роботы, не вошедшие в фалангу, бросились врассыпную, но не панически, а вполне деловито, как муравьи. Наверное, их послали на разведку местности.

Три робота отделились группой, целеустремленно поднялись по склону к людям и, приблизившись, взяли их в полукольцо. Один заговорил:

— Уважаемые сэры и мадам, мы прибыли по приказанию Конрада, дабы сопроводить вас в безопасные пределы лагеря.

— Ты называешь лагерем этот пустой квадрат? — ворчливо спросил Хорас.

— Мы проводим поиски топлива для костра,— продолжал робот, не отвечая прямо.— Другие доставят воду и все, что потребуется впоследствии.

— Ладно,— согласился Хорас все так же ворчливо.— Не знаю, как вы, а я голоден.

И зашагал под уклон. Эмма засеменила рядом с мужем, Тимоти замкнул шествие.

Солнце наконец-то выкатилось из-за горизонта. Тимоти не мог не отметить его сходство с земным солнцем — разве что здешнее было чуть больше и светило чуть ярче, хотя ручаться за это он все-таки не стал бы. Вообще планета во многих отношениях была двойником Земли. Под ногами стелилась мелкая нежная травка вперемежку с вьюнами вроде молодой виноградной лозы.

Из центра полого квадрата поднялась легкая струйка дыма.

— Они нашли топливо! — возликовал Хорас.— Что-то загорелось! У нас будет горячий завтрак!..

Когда их пропустили внутрь квадрата, Конрад счел за благо дать разъяснения:

— Древесина от папоротниковых деревьев. Не совсем такая, как хотелось бы, но горит, дает тепло и свет. Деревья трубчатые, однако дыра окружена мякотью, и довольно плотной. Мы также обнаружили уголь.— Тут Конрад, вытянув ру-

ки, продемонстрировал блестящие черные пластинки.— Залежь выходит прямо к реке. Уголь не самого высшего сорта, больше похож на бурый, но все равно уголь! В пути будем продолжать поиски, возможно, найдем топливо лучшего качества. Так или иначе, пусть древесина вялая, а уголь бурый, но огонь есть. На Земле, если вам неизвестно, почти весь уголь давно выкопали и сожгли...

— Ты сказал — в пути? — встрепенулась Эмма.— Куда это ты собираешься?

— Это диктуется необходимостью,— ответил Конрад.— Здесь оставаться нецелесообразно. Надо найти место, где для вас нашлось бы укрытие. И пища.

— Пища?

— Разумеется, пища, мадам. Тех малых запасов, какие у нас при себе, надолго не хватит.

— Но местная пища может оказаться отравой!

— Будем ее проверять,— заявил Хорас.

— Как же ее проверишь? У нас для этого ничего нет.

— Согласен,— сказал Хорас.— У нас нет лаборатории, нет реактивов. Да что толку, если б и были, ведь химиков среди нас тоже нет. Единственный выход — превратиться в подопытных кроликов и экспериментировать на себе.

— К сожалению, это всецело ваша забота,— объявил Конрад.— Роботы вам тут не помощники.

— Будем пробовать по капельке,— развивал Хорас свою программу.— Прежде всего на вкус. Если вкус скверный, если что-то жжется или сводит скулы, тогда сразу выплевываем. Если на вкус все в порядке, тогда глотаем самую малость и смотрим, какова реакция...

Вдруг один из роботов бросил взгляд вверх, на вершины холмов, и издал предупредительный крик. Сверкая металлическим блеском, к ним спускался какой-то экипаж, нет, летательный аппарат, плывущий над самой землей. Аппарат ястребом скользнул к лагерю, промчался над людьми и роботами, заложил крутой вираж, уклоняясь от холмов по ту сторону реки, пересек реку выше по течению, развернулся еще раз, понесся в обратном направлении на высоте не более десяти футов, чуть не задел фалангу, пройдя прямо над ней, удалился вниз по течению, затем лениво взлетел над склонами дальней гряды, набрал высоту и скрылся.

— За нами наблюдают.— Конрад обожал констатировать очевидное.— Прилетали произвести осмотр наших сил.

— Ну и что мы можем с этим поделать? — пробурчал Хорас.— Как нам защитить себя?

— Повысим бдительность,— отвечал Конрад.— Установим повышенную готовность. Будем настороже.

Ближе к вечеру разведчики, посланные вниз по течению, прибыли с докладом, что река иссякает, увязнув в грандиозном болоте. Ночью вернулись и разведчики с другой стороны. По их словам, через несколько миль холмы переходят в обширное сухое плато, а за ним виднеются высокие горы.

— Это нам и надо было узнать,— заявил Конрад.— Выступаем не вниз, а вверх.

Поход начался утром. Холмы подступали к самой реке, сжимали ее теснинами, идти было трудно. По прибрежным обрывам выступали мощные угольные пласты. Характер растительности постепенно менялся — камышей и папоротников становилось меньше, им на смену приходили деревья обычного земного типа. Нескончаемые вереницы холмов были разделены узенькими долинками, и каждая последующая гряда поднималась все выше. Конрад не подстегивал идущих, не требовал непосильного темпа. Время от времени они с Хорасом вступали в перебранки, но дальше перебранок дело не заходило.

Они нашли плоды и коренья, пригодные для еды,— два вида клубней, желтые фрукты, встречающиеся почти на каждом шагу, бобы в толстых стручках, растущие на ползучей наземной лозе. Пробу с каждого нового растения снимали самым осторожным образом. Некоторые плоды отвергались без спора — у них был скверный запах или мерзкий вкус. Правда, Хорас попробовал каких-то ягод и заработал быстротечный гастрит, но от других инцидентов бог миловал. Роботы наловили мелких зверьков, и мясо оказалось вполне съедобным. В реке и многочисленных ручьях водилась рыба, но пахла она так, что ее и пробовать не стали.

Роботы попробовали изготовить охотничье оружие, но луки у них получились нескладными, а стрелы сплошь и рядом отказывались лететь по прямой. Попробовали снабдить стрелы наконечниками, но то ли камня подходящего не нашлось, то ли умения не хватило — большая часть стрел все равно летела

вкривь и вкось. И все-таки роботы-охотники подчас ухитрялись вернуться с добычей.

Погода держалась ясная. На фиолетовом небе не показывалось ни облачка. Днем было жарко, ночью ненамного прохладнее.

Наконец холмы кончились, и путники вышли на необозримое сухое плато, совершенно плоское, если не считать одиночных крутых курганов. На горизонте проступали бело-голубые горы. Начался марш по пустыне. Воду захватили с собой в бочонках, которые роботам удалось смастерить из пустотелых деревьев, но на настроение пустыня влияла не лучшим образом.

Аппарат, прошедший над группой на бреющем полете, больше не появлялся. Тем не менее временами возникало странное чувство, что за ними наблюдают, и весьма пристально. Три-четыре раза вдалеке мелькали силуэты Колючки в паре с монстром. Ручаться за что-либо было трудно, и все же у Тимоти создалось впечатление, что верховодит в этой паре Колючка, не дает монстру передышки, гоняет его куда вздумается.

Плато казалось нескончаемым. День за днем они брели вперед и вперед, а пейзаж не менялся, горы не приближались, до них было все так же далеко. И не было ничего, кроме ощущения бесконечной дали. Правда, под одним из крутых курганов обнаружился упрямый родничок, который дал возможность пополнить пустеющие бочонки, но отходящий от родника ручеек через четверть мили бесследно исчезал в томимой жаждой пустыне. Хорас беспрерывно брюзжал, Эмма заламывала руки, Конрад не удостаивал их вниманием, он вел и вел свое войско вперед, все глубже в бесплодную сушь.

И упорство было вознаграждено. Однажды опаляюще знойным днем монотонность плато нарушил глубокий каньон. С несказанным облегчением люди увидели на дне каньона ленту реки, опоясанную по берегам полосками растительности. Слева вздымался огромный курган, и древняя река, впоследствии ушедшая в каньон, сточила курган с одной стороны, превратив склон в отвесную скалу. А под скалой, на полочке между нею и нынешним каньоном, лежали руины — некогда здесь, по всей вероятности, было небольшое поселение.

Тратить время на осмотр руин они не стали. Суетливые роботы нашли узкую тропку, ведущую на дно каньона, и путники двинулись по ее петлям, выверяя каждый шаг. Внизу тропа вывела на ровную скальную площадку. Розово-красный обрыв нависал над площадкой, укрывая ее от солнца. С реки тянуло прохладным ветерком, и после беспощадного зноя пустыни это было очень приятно.

Сюда, на эту площадку, и повел Конрад троих подопечных людей. И объявил им свое решение:

— На какое-то время остановимся здесь. Не совсем то, на что я надеялся, но тут защищенное место, годное для обдумывания дальнейших действий. Речная вода недалеко. А по берегам мы, наверное, отыщем пригодную для вас пищу.

Эмма опустилась прямо на голый камень и сказала:

— Хорошо. По крайней мере, мы в тени, солнце заглядывает сюда разве что перед закатом. И больше не надо экономить воду. Может быть, мне даже разрешат принять ванну...

— Это лучше, чем ничего,— нехотя согласился Хорас.— Во всяком случае лучше, чем пустыня.

На следующий день робот-разведчик обнаружил свалку. Расположенная под обрывом, она поражала своей обширностью, а в высоту поднималась едва ли не до половины утеса. Робот ничего не трогал, а сразу побежал назад, оповещая во весь голос о своем открытии, и к месту находки отправились все, кто только мог.

Свалка состояла в основном из металла. Наверное, даже несомненно, раньше тут хватало и другого мусора, но с веками менее прочный хлам распался, развеялся и исчез, остались только металл, каменные изделия странной формы да несколько массивных деревяшек. Самым поразительным было то, что металл не разрушился совершенно, ржавчина его не тронула, даже до сих пор блестит.

— Сплав, неизвестный на Земле,— объявил Конрад.— Многие вещи, если не все, выглядят так же, как в день, когда их выбросили.

Металлический хлам был всех сортов и фасонов — заведомый лом, разрозненные детали машин, неисправные инструменты и приборы, какие-то витые статуэтки и, наконец, цельные тяжелые бруски. Назначение отдельных предметов было более или менее понятно, но в большинстве своем они каза-

лись непостижимыми. Роботы вытащили из общей кучи то, до чего сумели дотянуться, разложили на земле поштучно и принялись бродить по этой своеобразной выставке, строя всякие гипотезы и предположения как логичные, так и нелепые.

— Инопланетная технология,— возвестил Конрад.— Теперь в ней во веки веков не разберешься.

Было очевидно, что хлам сбрасывали с обрыва над каньоном. Быть может, этим занимались обитатели поселения, обратившегося ныне в руины.

— Не многовато ли мусора для такого невзрачного городишка? — высказался Хорас.

— А может, свалка обслуживала большой район,— ответил Тимоти.— На плато, которое мы пересекали, когда-то могли стоять села и города. Там мог быть густонаселенный сельскохозяйственный пояс. А потом дожди прекратились, началась засуха, экономика оказалась подорвана...

— Металл можно использовать,— перебил Конрад.— Из него можно изготовить необходимые нам машины.

— По-твоему, мы будем сидеть здесь, пока вы не найдете применение этим железкам? О каких, собственно, машинах ты говоришь?

— Во-первых, нам нужны инструменты.

— У вас же есть инструменты! Лопаты и ломы, топоры и пилы, коловороты и копалки...

— Во-вторых, оружие. Лучшее, чем до сих пор. Нужны более удобные луки. Стрелы, которые летели бы прямо. Этот металл прочен и упруг. Может быть, изготовим арбалеты. Копья и пики. Катапульты.

— Гляжу, ты нашел себе хобби! — зарычал Хорас.— И воображаешь, что эта свалка для тебя — клад...

— Точно так же,— невозмутимо продолжал Конрад,— можно сконструировать тележку для транспортировки воды и припасов, какие удастся собрать. Роботы смогут тащить целый поезд из тележек. А можно построить и двигатель, например паровой...

— Да ты просто рехнулся! — вскричал Хорас.

— Мы все обдумаем,— закончил Конрад свой монолог.— Соединим наши умственные усилия...

Что роботы и сделали. В последующие дни они то и дело, собравшись стайками, чертили на песке какие-то схемы. На

расстоянии около мили был найден уголь, и они соорудили кузницу. Хорас раздражался, а то и кипел от злости. Эмма, напротив, была довольнешенька: она никак не могла забыть дней на плато и радовалась тому, что здесь вдоволь воды и тени. А Тимоти обследовал окрестности.

Особенно понравилось ему, выкарабкавшись по тропке из каньона, проводить целые дни среди руин. Просеивая песок и пыль, он иной раз наталкивался на предметы материальной культуры — примитивное оружие, какие-то стержни длиной по три фута из иного, чем на свалке, металла с пятнышками ржавчины. Попадались и керамические изделия своеобразной формы — не исключено, что идолы. Скрючившись в три погибели, он вглядывался в свои находки до рези в глазах, но, по сути, так ничего и не высмотрел. Тем не менее руины привораживали его до странности, и он возвращался сюда снова и снова.

Здесь, невесть сколько веков назад, обитали разумные существа, несомненно развитые социально и экономически. Что это были за существа, руины помалкивали. Двери, ведущие внутрь построек, были круглыми и такими маленькими, что протиснуться в них удавалось с большим трудом. Потолки нависали так низко, что передвигаться по комнатам приходилось на четвереньках. Если здание насчитывало более одного этажа, то этажи были связаны между собой не лестницами, а металлическими шестами, за которые Тимоти не мог ухватиться.

В конце концов он решился влезть на вершину того самого, сточенного с одной стороны кургана. Склоны кургана были усеяны шаткими валунами — довольно легкого толчка, и валун кувыркнется вниз. А меж валунами стелились предательские осыпи, которые удавалось преодолеть только ползком и то медленно-медленно, чтобы не потревожить шаткие камни.

В общем-то, говорил он себе, здешние обитатели поступили здраво, если установили наблюдательный пост на вершине кургана, чтобы не допустить приближения незнакомцев, следить за стадами скота,— да мало ли какие могли быть у поста цели, всех не угадаешь. Однако, достигнув вершины, Тимоти не обнаружил никакого поста. Вершина была плоская, словно срезанная,— камень, песок да глина. Ни на песке, ни на глине не прижилось ни одного растеньица, камнем побрезговали

даже лишайники. Завывал ветер. Более унылого местечка он не видел, пожалуй, за всю свою жизнь.

Зато вокруг и ниже земля представала в удивительном богатстве красок — желто-коричневая пустыня, которую они преодолели вместе с роботами в марш-броске, и на ней другие курганы, пятнающие желтизну более темными кляксами. На западе глубокий разрез розово-красного каньона, а дальше на горизонте — рваные голубые контуры гор. Подобравшись к самому обрыву, Тимоти попробовал заглянуть в каньон. Подумалось, что удастся заметить какие-нибудь признаки бурной деятельности роботов, но нет, в каньоне ничто не шевелилось. По дну вилась синяя лента реки в обрамлении зелени, а на противоположной стороне красная стенка каньона вновь переходила в желтую плоскость плато.

Теперь, хочешь не хочешь, надо было спускаться, и это была задачка из разряда рискованных: спуск сплошь и рядом труднее подъема.

У него за спиной щелкнуло, словно камнем о камень. Он стремительно обернулся, сердце прыгнуло и застряло в горле: на него надвигался невесть откуда взявшийся монстр-убийца, а позади сновал Колючка, беспорядочно катаясь туда-сюда. Тимоти отпрянул в сторону, уклоняясь от атакующего врага. Монстр, очевидно, только что заметил перед собой зияющий обрыв и тоже вильнул, продолжая охоту на человека. Но на пути страшилища вдруг возник Колючка и, яростно прыгая, заставил вновь изменить курс. Тимоти споткнулся и упал. Уголком глаза он увидел, как монстр отчаянно пытается удержаться на краю пропасти и все-таки не может затормозить, переваливается через край, на миг зависает в пустоте и исчезает за обрывом.

Тимоти, вскочив, подоспел к обрыву как раз вовремя, чтобы стать свидетелем гибели страшилища. Монстр грохнулся на валуны, отскочил вверх, покачался в воздухе и начал разваливаться. Осколки разлетелись во всех направлениях, осыпались дождем на склон и заскользили дальше вниз, кувыркаясь и дробясь на еще более мелкие осколки, пока не упокоились где-то на дне каньона.

Пришло время взглянуть на Колючку. Тот, держась совсем близко к человеку, танцевал джигу победы, неистово вращаясь

и кружась, то взвиваясь в прыжках, то ерзая по песку и камню вершины.

— Доигрался в свои чертовы игры! — закричал Тимоти, но сам понял, что несправедлив: если это была игра, то смертельно опасная.— Значит, ты в конце концов одолел его. В тот первый день ты хотел загнать его к нам наверх, потому что знал: Хорас пустит в ход винтовку. А когда из этого ничего не вышло, ты продолжал гонять его как зайца...

Колючка прекратил танцевать свою джигу и почти застыл на месте, лишь слегка покачиваясь взад-вперед.

— Колючка,— объявил Тимоти торжественно,— мы недооценивали тебя. Все эти годы мы считали тебя клоуном и только клоуном, а ты герой. Пойдем. Пора спуститься вниз и присоединиться к остальным. Они будут рады новой встрече с тобой.

Но едва Тимоти шагнул к краю, Колючка выкатился ему наперерез. Он сделал новую попытку — Колючка опять отогнал его.

— Черт тебя побери,— крикнул Тимоти.— Теперь ты, кажется, намереваешься пасти меня. Учти, я этого не потерплю!..

Послышался слабый гул. Тимоти поднял глаза. С неба спускался летательный аппарат, в точности такой же, как тот, что прошел на бреющем полете над фалангой в первый день на этой планете. Мягко коснувшись вершины кургана, аппарат замер без движения. Верх откинулся. В пилотской кабине сидело чудище. На широченных плечах ютилась относительно небольшая головка. Что поражало больше всего, так это перевернутый нос, раздваивающийся от ноздрей на антенны. Задняя часть черепа сходила на конус, а с конуса свисали огненно-красные перья, как бы бородка, по ошибке попавшая на затылок. Посередине между носом с антеннами и верхушкой конуса торчал единственный, сложно устроенный глаз.

Головка повернулась к Тимоти и что-то прочирикала. Пробы ради Тимоти сделал шаг, один осмотрительный шаг к диковинному аппарату и еще более диковинному пилоту. Его заело любопытство: что ни говори, а это мыслящее существо, явно более развитое, чем былые обитатели руин. Колючка подобрался к самым ногам Тимоти, выкатился сбоку, потом быстро обогнул его сзади и перекатился на другую сторону.

— Прекрати меня пасти! — огрызнулся Тимоти.

Колючка не прекратил, а продолжал перекатываться сзади тем же манером. Тимоти сделал еще шаг и еще. Меня никто не принуждает, повторял он себе, я иду по собственной доброй воле. Мне просто хочется взглянуть на эту инопланетную штуку поближе... А Колючка знай себе подталкивал его вперед.

— Ну ладно, ладно,— произнес Тимоти, подошел к хвостовому отсеку аппарата и коснулся рукой отшлифованного металла.

Металл был теплый, его хотелось погладить. Внутри находился, по-видимому, пассажирский салон. Сидений не было, однако пол и стены были обиты чем-то, и на небольшом удалении над полом виднелись рейки, вероятно поручни для ездоков.

Хорошенького понемножку, он не собирается влезать в эту леталку. Тимоти обернулся к Колючке, и нате вам — Колючка прекратил перекатываться и бросился в атаку. Тимоти поневоле отступил, порог леталки ударил его под колени, и он упал в пассажирский салон навзничь. Колючка молнией метнулся следом. Дверь салона, до того поднятая, с треском опустилась, и леталка взмыла в воздух.

Одурачили! — воскликнул Тимоти про себя. Одурачили и похитили! И теперь похитители, Колючка и уродина-пилот, тащат его куда-то по своему усмотрению. Куда? Зачем? Он испугался, хотя и не слишком,— охватившая его ярость была сильнее страха.

Перевернувшись на колени, он выглянул сквозь прозрачный фонарь наружу. Земля уходила вниз, розово-красная стенка каньона сверкнула на солнце и пропала из виду.

Семья и так раздроблена, а теперь дробится дальше и дальше. Смутно подумалось: а удастся ли им когда-нибудь собраться всем вместе снова? Судя по всему, вряд ли. Их передвигают, как фигуры на шахматной доске. Кто-то или что-то использует их даже не как фигуры, а как пешки.

В памяти возник Гопкинс-Акр. Как он любил это место — роскошную старую усадьбу, свой кабинет с книгами по стенам, письменный стол, заваленный всевозможными материалами, просторную лужайку, тенистые рощицы, говорливый ручей! В Гопкинс-Акре хорошо жилось и хорошо работалось, но, если разобраться беспристрастно, кому была нужна его

работа? Кому предназначена? Тогда ему казалось, что он занят важным делом — но было ли оно важным? Суммируя все сделанное, можно ли сказать, что достигнуты какие-то реальные результаты?

Каньон пропал за горизонтом. Леталка шла на небольшой высоте над бесконечным пустынным плато. Но постепенно сухой серо-коричневый тон посветлел, внизу вновь заколыхалась желтая степная трава, стали попадаться ручьи, речки и купы деревьев. Безводная пустыня осталась позади.

Впереди поднялись горы, еще более высокие, чем чудилось издали. Пики пронзали небо, скальные стены угрожающе надвигались со всех сторон. Померещилось, что леталка вот-вот врежется в такую стену, но скалы чуть-чуть расступились, образуя ущелье. Захватило дух, когда аппарат повис меж двух отвесных стен, готовых в любую минуту сплющить его и раздавить. Однако стены смилостивились и разошлись, и машина устремилась носом вниз в широкую зеленую долину, укрытую в сердце гор. Мелькнул пересекающий долину горный кряж, а по склону его — стена иного рода, прихотливо извитая, жемчужно-белая. И за стеной на гребне — череда белых многоэтажных зданий, а вокруг них, среди деревьев, по-видимому, жилые постройки. Постройки были самые разные, то одно- или двухэтажные бараки, то целая группа хижин, обнесенная собственным забором, то совершенные, на человеческий взгляд, трущобы, а то нечто, совсем ни на что не похожее.

Леталка вспорхнула на гребень и плавно опустилась на настоящую зеленую лужайку. Рядом виднелся дом. Фонарь пассажирского салона поднялся, пилот чирикнул, и Колючка выкатился наружу. Тимоти в некотором замешательстве последовал за ним. Встал рядом, вгляделся в дом за лужайкой и ахнул: это была почти точная копия усадьбы в Гопкинс-Акре.

От дома по лужайке к ним метнулось долговязое существо, узкогрудое, кривоногое, с вихляющими руками. Подрулив прямо к Тимоти, существо замерло и сказало по-английски:

— Я ваш переводчик, советчик и, смею надеяться, искренний друг. Можете называть меня Хьюго. Конечно, это не мое подлинное имя, зато для вас произносимое без труда.

Когда Тимоти обрел дар речи, он спросил:

— Может, вы хоть объясните мне, что происходит?

— Всенепременно все объясню,— ответил Хьюго.— В свое время. Первым делом последуйте за мной в вашу резиденцию. Вас ожидает обед.

Он пустился назад по лужайке, Тимоти поплелся следом, а Колючка резво скакал рядом. Не успели они перейти лужайку, как леталка оторвалась от земли.

Если не придираться к мелочам, дом и усадьба во всех отношениях были повторением Гопкинс-Акра. Лужайка была хорошо ухожена, деревья высажены именно там, где надо, и вся планировка участка напоминала утраченное поместье. С одним-единственным несоответствием — здесь горизонт был со всех сторон замкнут горами, а настоящий Гопкинс-Акр от ближайших гор отделяли многие сотни миль.

Поднявшись по широким каменным ступеням, они подошли к тяжелой двустворчатой двери. Колючка предпочел отстать и радостно скакал по лужайке. Хьюго потянул одну из створок на себя. Может статься, в обстановке были какие-нибудь отличия, но незаметные на первый взгляд. Перед ними лежала темная гостиная с притаившейся в тени мебелью, а дальше столовая. Стол был накрыт и ждал гостей.

— Сегодня седло барашка,— возвестил Хьюго.— Насколько нам известно, это любимое ваше блюдо. Барашек небольшой, но ведь мы обедаем только вдвоем...

— Баранина? Здесь?

— Когда мы здесь решаем что-либо сделать, то делаем тщательно и так близко к подлиннику, как возможно. Мы испытываем безграничное уважение к многообразию культур, приглашенных сюда на жительство.

Тимоти преодолел гостиную, почти не споткнувшись, и несмело вошел в столовую. Переводчик не соврал — стол был накрыт на двоих, а из кухни доносился звон посуды.

— Разумеется,— продолжал Хьюго,— здесь вы не найдете ружей Хораса, хотя оружейная в доме есть. Есть и кабинет для вас, но, к сожалению, пустой. Мы не могли сдублировать ваши книги и записи, о чем весьма сожалеем, но и нашим возможностям есть определенный предел, которого не превзойти. Однако я уверен, что материалы, которые мы в состоянии предоставить, заменят вам книги.

— Погодите, погодите,— остановил его Тимоти.— Откуда вам известно про Хораса и его ружья, про мой кабинет и кни-

ги, да и про седло барашка, коль на то пошло? Откуда вы все это знаете?

— Подумайте сами,— предложил Хьюго.— Неужели не догадываетесь?

— Колючка! Выходит, мы столько лет давали приют вероломному шпиону?

— Не шпиону, а усердному наблюдателю. Если бы не он, вас бы здесь не было.

— А как с другими? С Хорасом и Эммой? Вы накинулись на меня одного, а что будет с другими? Вы можете вернуться и забрать их?

— Наверное, можем. Однако не станем. Вы единственный, кто нам нужен.

— Почему я? Зачем я вам понадобился?

— В должное время узнаете. Заверяю вас, что мы не хотим ничего плохого.

— Но двое других — тоже люди. Если вам нужны люди...

— Не просто люди. Люди определенного склада. Подумайте и ответьте мне честно. Нравится ли вам Хорас? Приводят ли вас в восторг его замыслы и поступки?

— Ну, в общем, нет. Но Эмма...

— Без Хораса она не будет счастлива. Она стала во многом весьма похожей на Хораса.

С этим спорить не приходилось, тут переводчик прав. Эмма любит Хораса и с годами стала думать по его образу и подобию. И все равно, несправедливо бросить их посреди пустыни, в то время как ему предстоит, по-видимому, жить здесь в комфорте...

— Будьте добры занять место за столом,— предложил Хьюго.— Ваше место во главе стола, поскольку вы хозяин поместья и должны вести себя соответственно. Я сяду по вашу правую руку, поскольку я и есть ваша правая рука. Вы уже постигли, возможно, что я гуманоид. Мое тело устроено почти так же, как ваше, и я перевариваю пищу, как вы, хотя должен признаться, что мне стоило известных трудов приучить себя к пище, какую вы потребляете. Однако ныне ваша кухня стала по большей части доставлять мне удовольствие. Баранина — мое любимое блюдо.

Тимоти натянуто улыбнулся:

— Мы едим не только баранину, но и многое другое.

— О, мне это хорошо известно. Должен вас уведомить, что Колючка весьма внимателен к мелочам и не упустил почти ничего. Однако давайте сядем, и я дам знать на кухню, что мы явились и готовы приступить...

Тимоти отодвинул стул во главе стола и уселся, отметив про себя, что скатерть безукоризненно белая, а салфетки свернуты по всем правилам. Почему-то эти детали дали ему ощущение уюта. Хьюго звякнул колокольчиком, сел по правую руку Тимоти и потянулся к бутылке.

— У нас имеется превосходный портвейн. Желаете отведать?

Тимоти кивнул. Из кухни появились три гуманоида, неотличимые от Хьюго. Один внес баранину, и Тимоти не преминул отметить, что мясо частично порезано на порции. Наконец-то Колючка хоть что-то прохлопал, подумал он, ликуя почти до неприличия: никто не режет жаркое или птицу на кухне, разделка мяса — важный застольный ритуал. Другой гуманоид притащил супницу и, не спрашивая согласия, разлил суп половником по тарелкам. Третий поставил на стол большое блюдо с овощами, придвинув его к жаркому.

Суп оказался отменным — густая похлебка из овощей с ломтиками ветчины и вермишелью. Как только Тимоти поднес ложку ко рту, он почувствовал волчий голод и, забыв о правилах поведения, принялся хлебать варево с неприличной скоростью.

— Хорош, не правда ли? — осведомился Хьюго, имея в виду суп.— Наш Бекки становится неплохим поваром, хоть ему и пришлось немало потренироваться... К сожалению,— продолжал болтать переводчик,— прислуга не владеет языком в той же мере, как я. Они понимают простые слова и могут ответить с грехом пополам, но настоящего разговора с ними не получится. Жаль, что вы не владеете телепатией, но в противном случае мне не выпало бы удовольствия находиться у вас на службе.

Тимоти не удержался от вопроса:

— А что, другие, кто попал сюда, общаются телепатически?

— Нет, но многие способны на это, а кроме того, имеется базовый язык. Вы покамест не знаете базового, и обучение займет некоторое время...

— Базовый язык?

— Общий для всех культур. Искусственно созданный язык, включающий самые легко произносимые слова из многих языков. Разумеется, лишенный грамматики и не слишком элегантный, но всякий владеющий базовым может быть понят. Правда, здесь есть и такие, кто не использует в общении ни звук, ни телепатию, однако выработаны способы понять любого без исключения...

Они покончили с едой и дружно отодвинулись от стола.

— Ну а теперь,— сказал Тимоти,— вы соблаговолите наконец объяснить мне, где мы находимся? Что это за город?

— Полное объяснение было бы очень пространным,— ответил Хьюго.— Временно ограничимся тем, что здесь размещается галактический центр — детище множества культур из разных концов Галактики. Мы мыслители и исследователи. Мы пытаемся постигнуть смысл мироздания. Здесь, в центре, мы встречаемся и тем или иным образом общаемся друг с другом. Общаемся как равные, сводим воедино наши размышления, теории и открытия. Вопросы ставятся, точно формулируются, а затем мы ищем ответы.

— Если так, то в моем случае вы промахнулись. Вытащили пустышку. Не могу причислить себя к великим мыслителям. Я медлителен и несообразителен. Я подолгу пережевываю любую мысль, прежде чем записать ее или огласить. Математика для меня — тайна за семью печатями, да и в других науках я не силен. То немногое, в чем я разобрался, я постиг сам. У меня нет образования, а тем более академических степеней. Да, я увлекался историей и философией, можно сказать, они приворожили меня. И я потратил многие годы на то, чтобы прийти к пониманию, как и почему человечество решило следовать именно таким, а не другим курсом. Только я почти ничего путного не придумал. Уму непостижимо, с чего это Колючка взял...

— Он оценивает вас гораздо выше, чем вы сами.

— Мне трудно в это поверить. Колючка всегда казался глупеньким, знай себе играл в свои дурацкие игры. Была у него игра, когда он прыгал с квадрата на квадрат, а квадратов-то и в помине не было. Они существовали только в его воображении.

— Многое из того, что мы постигаем во Вселенной, проясняется сперва в нашем воображении. Зачастую надо вообразить себе что-то, чтобы впоследствии понять.

— Мы толчем воду в ступе,— рассердился Тимоти.— Так мы ни до чего не договоримся. Я принимаю ваше объяснение насчет центра и вижу, что я вам вовсе не подхожу. Тогда зачем я здесь?

— Чтобы предоставить нам факты.

— Какие факты? Чего вы от меня ждете?

— Более ничего не могу сообщить. Полученные мной инструкции ограничивают меня тем, что я сказал. Завтра я доставлю вас туда, где вам надлежит быть. Однако уже поздно, и нам, по-моему, следует отдохнуть.

Тимоти долго ворочался без сна. Мысли крутились бешеным хороводом, память вновь и вновь листала то немногое, что удалось выяснить у переводчика. Разумеется, вполне логично, что разумные расы Галактики создали центр, где могут соединить свои знания и трудиться совместно во имя общего блага. Но что за проблемы стоят перед ними, какие вопросы их волнуют? Размышлять об этом можно было бесконечно, вопросов вспыхивало множество, но по зрелом размышлении одни оказывались неглубокими, другие просто смешными. Слишком узок был присущий человеку угол зрения, человеческая культура, в принципе, формировалась как зашоренная. Хотя, поправил себя Тимоти, не исключено, что зашоренность — свойство, неизбежное в изоляции, а потому изначально присущее любой из представленных здесь культур.

Только-только он погрузился в сон, как его растолкали.

— Прошу прощения, сэр,— произнес склонившийся над ним Хьюго.— Вы спали так крепко, что будить вас было грешно. Однако завтрак на столе, и нам пора в путь. У меня имеется наземный экипаж, и дорога весьма живописна.

Морщась от неудовольствия, Тимоти стряхнул с себя дремоту и сел в постели. Потянулся за одеждой, висящей на спинке стула, и буркнул:

— Сейчас иду...

На завтрак была яичница с беконом — и то и другое в точности по его вкусу. Кофе оказался тоже вполне терпимым, и он не сдержал удивления:

— Вы что, выращиваете здесь кофе?

— Нет,— ответил Хьюго.— Пришлось похлопотать, прежде чем мы достали кофе на одной из планет, колонизованных вашей расой много тысячелетий назад.

— Значит, некоторые колонии уцелели и существуют до сих пор?

— Некоторые даже преуспевают. После трудностей начального периода, само собой разумеется.

— И вы завезли все эти продукты из земных колоний?

— Завезли достаточно на первое время. А также рогатый скот, кур, свиней, семенное зерно и семена разнообразных овощных культур. В нашем распоряжении были необходимые средства и обширная информация. Нам было приказано не жалеть усилий, и мы их не пожалели.

— Ради того, чтобы кормить одного человека? Или здесь есть и другие люди?

— Вы единственный,— ответил Хьюго.

Наземный экипаж ожидал у входа, переводчик сел за рычаги управления. Дорога шла среди жилых кварталов. Строения по большей части прятались за густыми посадками, а на одном участке, где к дороге выбегала веселая лужайка, жилье, по-видимому, скрывалось под землей. На лужайке резвились, перекатываясь, полдюжины шерстистых созданий, игривых, как дети,— может, это и были дети.

— Вы встретите здесь существ всевозможного облика,— сообщил Хьюго.— Сами удивитесь тому, как быстро привыкаешь к подобному многообразию.

— Из ваших слов можно сделать вывод, что вы здесь старожил. У меня, признаться, было ощущение, что меня отсюда вышвырнут, как только во мне отпадет нужда.

— Ни при каких условиях! Когда собеседование будет закончено, мы предоставим вам информационные материалы, и вы продолжите вашу работу. Вполне вероятно, что она имеет отношение к обдумыванию и решению интересующих нас проблем или, по меньшей мере, будет способствовать поискам подходов к нужным решениям.

Тимоти только хмыкнул в ответ.

— Вам не нравится предложенная перспектива?

— Вы похитили меня не спрашивая. Вы и этот непотребный Колючка, который столько лет шпионил за нами.

— Вы не единственный, кого мы привлекаем. Мы ищем информацию и таланты во многих мирах. Информацию можно получить почти на любой планете, однако таланты редки.

— Вы думаете, что я талант?

— Не исключено.

— Но и таланты развиваются подчас отнюдь не так, как вы от них ожидаете. Что вы делаете в таких случаях?

— Продолжаем содержать их. Мы считаем себя в долгу у таких существ. Мы всегда выплачиваем свои долги.

Они миновали миниатюрный розовый замок на холме, весь в зубчатых стенах и башнях с развевающимися яркими вымпелами.

— Волшебный замок,— произнес Хьюго.— Полагаю, что вспомнил точное определение. В этом замке обитают просвещенные, способные видеть Вселенную как сложнейшее математическое построение и работающие в этом направлении. Мы питаем надежду, что со временем их труды подскажут нам верный путь.

Дорога вывела на магистраль с твердым покрытием. Здесь попадались и другие экипажи, хотя не слишком многочисленные,— во всяком случае, о пробках не было и речи. В отдалении возникли контуры высотных зданий, резко вычерченные на фоне неба. Контуры были ясные, без всяких украшений.

— Туда мы и едем?

— Вы назвали бы это административными корпусами,— ответил Хьюго.— Именно в этих корпусах ведется основная работа, хотя многие сотрудники работают у себя дома или в уединенных хижинах, укрытых среди холмов. Однако здесь результаты сводятся воедино. Здесь расположены лаборатории, обсерватории, библиотеки, мастерские, конференц-залы. И иные необходимые помещения, для которых я не подберу слов на вашем языке.

Они покатили по широким бульварам. Экипажи на обочинах поджидали седоков. Здания были разделены парковыми зонами. По тротуарам передвигались — шагали, катились, скользили, ползли выгибаясь, ползли извиваясь — всяческие чудища, кто в вызывающе цветастых одеждах, кто нагишом. У многих были сумки и чемоданчики, а один ползун тащил за собой целую тележку с пожитками.

— С виду здесь почти как на Земле,— заметил Тимоти,— улицы, парки, здания...

— Задача организации рабочих пространств, в сущности, проста,— заявил Хьюго.— Надо взять столько-то сот или тысяч кубических футов и одеть стенами. При возведении зданий руководствовались одним принципом — добиться максимально возможной простоты и функциональности. Любое отступление от простоты могло бы вызвать отрицательную реакцию у какой-либо из представленных здесь культур. Если нельзя эстетически угодить всем, мы приложили все усилия, чтобы не угодить никому, используя наиболее невыразительную архитектуру совершенно прямых линий.

Подъехав к одному из зданий, Хьюго съехал на бровку и притормозил.

— Вам сюда. Я провожу вас до места назначения, но я не вправе войти туда вместе с вами. Войдете вы самостоятельно и окажетесь в маленькой комнате с единственным стулом. Садитесь и ждите. И ни о чем не тревожьтесь: через несколько минут вы вполне освоитесь с обстановкой...

Идти было недалеко. Навстречу никого не попалось. Переводчик довел Тимоти до двери и повернул обратно. Тимоти легко толкнул дверь — она открылась без труда.

Хьюго предупредил, что комната будет маленькой. Такой она и была — маленькой, но привлекательной. Пол был застлан ковром, стены украшены орнаментами, а та стена, к которой был обращен стул, была орнаментирована целиком. Усевшись, Тимоти принялся изучать орнамент. Он представлял собой хитросплетение узоров в мягких красках. Узоры были мелкими, один переходил в другой, и глаз отказывался уловить четкие их границы.

Послышался голос, исходящий прямо из стены:

— Добро пожаловать в центр. Вас зовут Тимоти. Есть ли у вас иные имена?

— У меня есть фамилия, но в семейном кругу мы ею никогда не пользуемся. Для повседневного общения вполне достаточно имен. Но если угодно, моя фамилия — Эванс.

— Превосходно, мистер Эванс,— подхватил голос,— мы проводим расследование ситуации, относительно которой вы располагаете определенными сведениями. Мы выслушали многих свидетелей, однако ни одно свидетельство не являет-

ся более весомым, чем ваше. Пожалуйста, отвечайте честно и откровенно.

— Постараюсь, насколько это возможно.

— Прекрасно, тогда идем дальше. Для протокола — вы Тимоти Эванс, человек с планеты, которая у вас именуется Землей. До недавних пор вы жили на этой планете безотлучно.

— Правильно. Но почему вы не показываетесь? Мне не нравится беседовать со стеной.

— То, что я избегаю встречи лицом к лицу, диктуется вежливостью, мистер Эванс. Вы провели здесь совсем мало времени и видели близко только Хьюго. Через несколько дней, после встреч с другими, вы, надеюсь, поймете меня лучше. Уверяю вас, я вполне дружелюбная личность, способная к сопереживанию, однако мой облик представится вам чудовищным. Я не один, рядом со мной другие. Вас слушает целая группа существ, хотя говорю я один. Большую часть нашей группы также составляют, с вашей точки зрения, совершеннейшие чудовища. Вообразите себя в кругу чудовищ. Теперь вы понимаете, почему мы избрали форму заочной беседы?

— Пожалуй, понимаю,— ответил Тимоти.— Очень тактично с вашей стороны.

— Продолжим вопросы. Вы знакомы с деятельностью миссионеров, которых ваши сограждане назвали бесконечниками. Что проповедовали эти миссионеры, чего именно добивались?

— Старались убедить человечество в преимуществах бестелесного бытия. Убеждали людей отказаться от своих биологических тел в пользу бестелесности.

— А если им удавалось внушить желаемое, располагали ли они возможностями для такой трансформации?

— Да, располагали.

— Ваш ответ звучит очень определенно. Откуда вы это знаете?

— Совсем недавно я побывал в эпохе, где множество бестелесных существ прикреплены — кажется, что прикреплены,— к каким-то решеткам в небе. Добавлю, что мой родной брат согласился на процесс трансформации, только процесс не был завершен...

— То есть в случае вашего брата бесконечники потерпели неудачу?

— Может быть. Или он сам вышел из процесса до его завершения. Я так и не понял до конца, что произошло. Он рассказывал каждый раз по-разному.

— Какое влияние оказал процесс на вашего брата?

— Он стал призрачным существом, как бы состоящим из сверкающих искр. По моим представлениям, если бы трансформация продолжилась, он сконденсировался бы в одну-единственную искру.

— Бестелесные существа на решетке, о которых вы упоминали, представляли собой одиночные искры?

— Да, там было множество одиночных искр. Они располагались над одним из прежних обиталищ бесконечников. Мы прозвали эти обиталища монастырями.

— Монастырями? Поясните, пожалуйста.

— Монастыри — это здания, где жили служители церкви, именуемые монахами. Монахи носили характерные одеяния, и бесконечники походили на маленьких монахов, вот мы и окрестили места их обитания монастырями.

— Возможно, к деталям мы еще вернемся впоследствии,— возвестил голос.— Сейчас хотелось бы перейти к самой сути дела. Из ваших показаний следует, что большинство населения Земли перешло в бестелесное состояние. Ваша семья сохранила прежний облик. Как вам это удалось?

— Мы бежали от бесконечников. Бежали в прошлое. Моя семья — не единственная в своем роде. Были и другие беглецы. Сколько именно, я не знаю.

— Вы переместились во времени. Значит, у вас были машины времени?

— Мы украли их у бесконечников. Сами мы путешествовать во времени не умели. Просто слепо следовали чужим чертежам, почти не разбираясь в принципах конструкции.

— Однако почему вы решили бежать? Абсолютное большинство жителей Земли не сочло это необходимым.

— Мы отличались от большинства, у нас было другое мировоззрение. Нас считали неотесанной деревенщиной — отселенцами, если вам знакомо такое слово.

— Полагаю, что понимаю смысл. Это те, кто по географическим и культурным причинам оказался в неблагоприятных условиях и отстал. Отставание могло быть и сознательным.

— Оно и было сознательным. Мы придерживались прежних ценностей, отринутых остальным человечеством.

— И потому вы не могли принять философию бесконечников?

— Нас тошнило от их философии. Она вставала нам поперек горла.

— Почему же она была принята большинством?

— Большинство начисто забыло прежние ценности. Отказалось от технического развития, хотя техника во многих отношениях служила человечеству верой и правдой и послужила бы еще лучше, если б оно удосужилось разработать более строгий этический кодекс. Но люди отвернулись от прогресса. Говоря по совести, не могу не признать, что в отдельные исторические периоды прогресс оказывался пагубным. Тем не менее он привел нас, в прошлом бессловесных тварей, к относительно благополучному, достойному обществу. Мы одолели национализм, победили почти все болезни и даже достигли, хоть и с трудом, экономической справедливости.

— И все-таки остальные люди отвернулись от всего, что вы именуете прежними ценностями, в момент, когда общество вплотную подошло к совершенству. Что случилось? Ваша раса состарилась и устала?

— Мне случалось задавать себе этот вопрос. Данных, на базе которых можно было бы дать точный ответ, вероятно, просто не существует. Самое странное, что, если не ошибаюсь, не было никаких кампаний против прогресса, не было активных проповедников перемен. К новому образу жизни никто не подталкивал. Идея как бы просачивалась по капле, но прошло не так много времени, и люди вообще перестали делать что бы то ни было, кроме как разговаривать. При этом они уверяли себя, что ведут глубокие философские дискуссии, а на самом деле все сводилось к праздной болтовне. За свою историю люди пережили много культовых увлечений — культы появлялись, расцветали пышным цветом, а затем неизменно гасли. Но в том-то и соль, что забвение прогресса — не культ. Вроде как каждый решил своим умом, что прогресс не имеет смысла, а техническое развитие себя не оправдывает. Словно людей поголовно поразила какая-то заразная болезнь...

— А это не могла быть действительно болезнь?

— Непохоже. В сущности, такая возможность даже не обсуждалась. Человечество приняло новые жизненные установки, и точка.

— Таким образом, ваша раса была морально готова к появлению бесконечников.

— Видимо, да. Сначала на них не обращали особого внимания. Потом их философия мало-помалу вошла в моду. Шума вокруг бесконечников вообще никогда не было. Они действовали не спеша, но с годами набирали силу. Это была, можно сказать, тихая катастрофа. Отнюдь не первая в истории человечества. В свое время мы почти отравили окружающую среду химикатами, но в последний момент опомнились. Не раз мы стояли на пороге гибели в войнах — и все же, опять в последний момент, находили пути к миру. А в этом случае мы послушно выстроились в очередь и безропотно приняли уготованную нам судьбу.

— Но вы же сами сказали, что приняли ее не все.

— Своевольных оказалось немного. Даже совсем мало. Несколько тысяч отправились в космос искать для себя другие планеты. Кое-кто сбежал в прошлое. Ко времени бегства нашей семьи бесконечники изменили тактику и стали прибегать к грубому нажиму. Видимо, не хотели упустить случай обратить в свою веру целую расу без исключений. В годы моего детства с такими, как мы, стали поступать круто. То, что я рассказал вам ранее, я знаю из уроков истории.

— История могла быть искажена предвзятостью.

— До известной степени — да, не спорю. На нас нападали, мы оборонялись.

— Какие аргументы выдвигали бесконечники, чтобы убедить ваших сограждан согласиться на трансформацию?

— Предлагали им своего рода бессмертие. Бестелесное существо умереть не может. Оно может даже пережить смерть Вселенной. Оно застраховано от любых физических бед. Избавьте интеллект от тела — и он воспарит. Таково, внушали бесконечники, истинное призвание каждого разумного существа. Интеллект — единственное, что стоит принимать в расчет. Зачем, спрашивали они, бесконечно бороться с физическим миром, с его опасностями и разочарованиями? Отбросьте его, повторяли они, и обретете подлинную свободу.

— И вероятно, для многих эта логика была неотразимой.

— Для большинства,— подтвердил Тимоти.

— Но вас и вашу семью она не убедила. Вы и ныне считаете эти аргументы ошибочными?

— Трудно точно описать, какие чувства мы испытывали в свое время. Обобщенно могу сказать лишь одно: действия бесконечников внушали нам величайшее отвращение.

— Вы боялись их, ненавидели их? Считали их врагами?

— Да.

— А теперь, когда все кончено, когда бесконечники, судя по всему, добились своей цели? Что вы думаете теперь?

— Борьба не закончена,— ответил Тимоти.— Человечество все еще существует. Есть колонии на других планетах, и, как мне сказали, дела там идут неплохо. Есть и диссиденты, укрывшиеся в прошлом.

— Что вы думаете о тех, кто выбрал путь, предложенный бесконечниками?

После долгих колебаний Тимоти ответил:

— Наверное, они заслуживают своей участи. Они же сами напросились на нее, когда отвернулись от всех свершений человечества...

Голос молчал. Тимоти ждал продолжения, но, не дождавшись, спросил сам:

— Это все, о чем вы хотели побеседовать со мной? Могу я узнать, чем вызван ваш интерес к моей особе?

— Данное расследование,— отозвался голос,— имеет целью выяснить смысл поведения бесконечников, их побудительные мотивы. Мы уже опросили многих других.

— А что, другие расы тоже стали жертвами бесконечников?

— Некоторые — да.

— И бесконечники продолжают свои проповеди поныне?

— Проповеди на время приостановлены. Мы изолировали бесконечников на их планете. Пусть побудут в карантине вплоть до завершения расследования. Мы здесь, в центре, уважаем свободную волю всех рас, однако нельзя оставлять без внимания случаи, когда свободная воля становится слишком агрессивной.

— А те, кого мы назвали монстрами-убийцами? С ними что будет?

— Это просто наемники. Машины насилия, которые бесконечники в своей непомерной самонадеянности привлекли

себе в помощь, чтобы навязывать свою волю другим. Монстры-убийцы подлежат не изоляции, а уничтожению. Такой фактор не может быть терпим. Несколько монстров еще бродят по планетам, но мы их выслеживаем и выследим. Ваш друг Колючка уничтожил одного из последних остававшихся на свободе.

— Это случилось у меня на глазах,— сказал Тимоти.

— Именно самонадеянность бесконечников привлекла к ним наше внимание. Галактика велика, но для самонадеянности в ней места нет. Можно понять и принять почти все, но не самонадеянность.

Снова воцарилось молчание.

— Беседа окончена? — спросил Тимоти.

— На сегодня — да,— ответил голос.— Позже мы обязательно ее продолжим. Вы теперь один из нас. Давно пора привлечь в наш центр человека. В своей резиденции вы найдете информационные материалы, из которых узнаете подробнее, кто мы и как организуем свою работу. Время от времени мы будем вызывать вас для обсуждения назревших вопросов...

Тимоти выждал еще немного, затем медленно поднялся и вышел. Хьюго бездельничал, прислонясь к экипажу.

Тимоти Эванс, новый сотрудник Галактического центра, неторопливо спустился по ступенькам к своей машине.

Глава 11

ГЕНРИ

След был долгим, его было нелегко распутать, но вот и финиш — и никого. На краю чашеобразной долины стоит пустой времялет. В центре долины углубление, как от фундамента, а над углублением — купол сверкающих искр. Инстинкт подсказывает, что каждая искорка в этом куполе — бестелесное человеческое существо.

Ситуация сложилась загадочная. Те, кого он выслеживал, были здесь, и совсем недавно, но исчезли, оборвав след. *И Инид также пропала, не оставив следа.*

Характерно, что в ковчеге не оказалось ничего из наваленных туда Хорасом припасов. Значит, исчезновение всех троих не было внезапным, оно планировалось заранее. Во всяком

случае, у них хватило времени на то, чтобы собрать пожитки и взять их с собой, куда бы там они ни улетучились.

Все склоны над долиной были странным образом изрыты, а рядом размещены какие-то грубые конструкции. Очень похоже на линию обороны, построенную на скорую руку, но спрашивается: от кого или от чего им пришлось обороняться?

Он распознал следы Эммы, Хораса и Тимоти, а также запах Колючки. Кроме того, он различил следы множества иных существ. В пыли сохранились отчетливые отпечатки ступней, похожих на человеческие. Но, приглядевшись пристальнее, он понял со стопроцентной уверенностью, что отпечатки оставлены не человеком.

Прямоугольное углубление в центре долины тоже казалось свежим — недавно здесь стояло здание. Со зданием был каким-то образом связан тусклый запашок, памятный ему с давних времен и присущий только и исключительно бесконечникам.

Семья распалась. Инид исчезла, Дэвид погиб, а теперь и остальные пропали без вести. И он один, совершенно один в этом далеком и бесприютном будущем.

Если бы только он мог пройти по временным линиям обратно в точку, когда Эмма, Хорас и Тимоти впервые попали сюда,— если б это было выполнимо, тогда все сразу стало бы на свои места. Но он знал, что невозможное невозможно. Путешествовать во времени — не проблема, задавай себе любую цель, кроме участков, где твое появление может воздействовать на ход уже состоявшихся событий. Вне сомнения, подобное ограничение вполне логично — но каким именно образом оно осуществляется? Как ни старайся, какие физические законы ни припоминай, ни один не подходит. А что, если, спросил он себя, законы Вселенной все-таки основаны на элементарной этике?

Он плыл над долиной, и в сознании вновь и вновь складывались все те же неотвратимые выводы. Он один-одинешенек, без семьи и друзей, в мире, который ему неизвестен и чужд. Он мог бы вернуться в Гопкинс-Акр, но там тоже будет грустно и одиноко, он будет чувствовать себя затерянным в огромном поместье, населенном призраками прошлого. Мог бы он, конечно, и вернуться по собственным следам к Коркорану, который теперь остался единственным уцелевшим. Но Коркоран

не заменит семьи да и не принадлежит к ней: он чужак, заброшенный в Гопкинс-Акр по воле случая.

Мне следовало бы быть там, подумал Генри, среди этих переливчатых точек света. Радостно им или горько, я должен был стать одним из них. Но — поздно. Давным-давно, из упрямства и гордости, я сам все испортил, провалил трансформацию, и теперь мне нет места под куполом. Может, по сравнению с ними я и выгадал. Когда-то я именно так и думал — но не ошибся ли я?

Он принялся сызнова рыскать туда-сюда, как охотничий пес, в слабой надежде уловить исчезнувший след. Нет, бесполезно. След обрывался здесь, в этой чашеобразной долине.

Глава 12

КОРКОРАН

Коркоран почти бежал — той же памятной тропинкой от лужка, где приземлился времялет, к обрушенной стене вокруг давно забытого города. Вполне возможно, что он гонится за химерой. Возможно, его ждет горькое разочарование. Едва сойдя с трапа, он первым делом бросил пристальный взгляд на гребень с руинами и не обнаружил там никакого дерева. В то же время он был убежден, что в прошлый раз оно ему не померещилось.

Скорее всего, дерево можно увидеть далеко не с любой позиции. Как в случае с ковчегом у стен «Эвереста», который становился видимым лишь под определенным углом. Здесь, вероятно, то же самое: надо встать на определенное место и выбрать строго определенный угол зрения, прежде чем дерево проявится в синеве.

Перебрасывая ружье из одной руки в другую, он карабкался и карабкался по тропе. Достиг ворот, предполагая вновь встретить старика в рубище, но у ворот никого не оказалось. Надо думать, старый астронавт странствует где-нибудь по горам, беседуя со своими возлюбленными деревьями и камнями.

Коркоран протиснулся через завалы, углубился в развалины и повторил маршрут, по какому следовал вместе с Дэвидом. Дерева по-прежнему не было. Преодолевая руины, он судорожно лез вверх, к самому гребню,— и наконец-то в небе

наметилась туманная дрожь. Еще шаг — и вот оно, дерево, немыслимое исполинское дерево, взмывающее в зенит. Еще один шаг — дерево стало совершенно отчетливым, а вместе с ним и винтовая лестница, закрученная вокруг ствола.

Всхлипывая от напряжения, он преодолел последний подъем бегом. Не исчезай, заклинал он дерево. Пожалуйста, стой где стоишь, не исчезай...

Оно не исчезло, напротив, с каждым шагом приобретало все большую реальность. Совершенно задохнувшись от бега в гору, он рухнул у подножия ствола и, протянув руку, коснулся коры ладонью. Кора была грубая, шероховатая, как у всякого нормального дерева, и само дерево вблизи было нормальным, не считая колоссального обхвата и несусветной высоты. А винтовая лестница была сделана из прочного металла и к тому же имела перила с внешней стороны.

Поднявшись, он шагнул к лестнице, но передумал и снова сел. Нет-нет, не торопись, сказал он себе, сперва восстанови дыхание и вообще подготовься. Положил ружье на землю, снял с плеч рюкзак. Проверил его содержимое — еда, фляга с водой, теплая куртка, одеяло, а еще веревка на случай, если восхождение затянется и придется привязать себя к лестнице на ночевку. Перепаковав рюкзак, он прислонился к стволу спиной. Не спеши, внушал он себе, не спеши, подготовься... Внизу лежали руины, а дальше виднелась долина, куда они с Дэвидом спускались, когда ходили в деревню бездельников.

Прошло четверть часа, и Коркоран все-таки взбросил рюкзак на спину, взял ружье и начал восхождение по лестнице. Подниматься оказалось совсем нетрудно: ступеньки располагались с удобными интервалами, перила были крепкие и надежные, дающие опору и ощущение безопасности.

Вниз он не глядел до той самой минуты, когда пришлось остановиться на отдых. Тогда он рискнул осмотреться и ахнул от удивления: как же высоко он, оказывается, забрался! Увидеть руины у подножия дерева можно было, только если просунуть голову меж стоек перил. С высоты руины выглядели невзрачной кучкой серых камешков, а стена вокруг города представала тонкой ломаной линией. За пределами руин лежала зеленая морщинистая мешанина холмов и нагорий — сплошная, без разрывов, если не считать редких проблесков рек и речек. Задрав голову вверх, он не видел конца пути — ствол тянулся прямо в небо, пока не пропадал в голубизне.

Коркоран полез выше. Во время следующей передышки, к еще большему своему удивлению, он выяснил, что руин не видно совсем. Окрестные холмы словно сгладились, потеряв всякие признаки склонов и обрывов. Древесный ствол стал, пожалуй, немного тоньше, хотя по-прежнему превышал в обхвате любое самое крупное дерево, известное на Земле.

Глаз свидетельствовал, что он находится на высоте не менее трех миль. Но это же невозможно — ни один атлет не одолеет такого подъема всего с двумя остановками! И не было заметно ни падения температуры, ни изменения плотности воздуха. Что — как, впрочем, и размеры дерева — не укладывалось в известные ему законы природы.

Может, стоит прекратить восхождение? Что он, в сущности, хочет доказать и что надеется найти? Однако именно связанные с деревом необъяснимые эффекты решили дело. Надо продолжать. Где-то там, наверху, кроется ответ на загадку. И вообще, если уж зашел так далеко, то поворачивать никак нельзя: потом до конца дней своих будешь терзаться вопросом, не упустил ли, отказавшись от начатого, единственный в жизни шанс.

Когда Коркоран прекратил спорить с собой и возобновил подъем, до заката оставалось не больше часа. Землю внизу, за исключением одного самого высокого гребня, уже накрыла мгла. Чуть позже он сообразил, что забыл ружье на ступеньке последнего привала. Но возвращаться за ним не стал, да в ружье и не было необходимости. Говоря по правде, без ружья стало гораздо легче. И он поднимался, пока солнце не село и вокруг не сгустились сумерки — не привычные голубые, а почему-то серые. Еще несколько минут, и надо останавливаться на ночлег, привязаться к лестнице веревкой, перекусить и постараться заснуть. Хотя было заведомо ясно, что заснуть как следует вряд ли удастся.

Взбираясь вверх и вверх, он настойчиво и безуспешно пытался разгадать загадку дерева, лестницы и таинственных сил, избавляющих восходителя от естественной усталости и поддерживающих атмосферное давление вокруг него неизменным. Холодная логика твердила, что ничего подобного — ни дерева, ни вьющейся вокруг него многомильной лестницы, ведущей неизвестно куда,— просто не может быть. Но дерево — было и лестница — была, хотя, кроме Коркорана, их никто не видел. Странные все-таки метаморфозы приключились с его зре-

нием после аварии, когда ему следовало бы сто раз погибнуть. Дэвид не увидел дерева в упор, и старик при всей своей любви к деревьям не упомянул о нем. А уж не приходится сомневаться, что откройся это деревце хоть кому-нибудь, его существование стало бы притчей во языцех, о нем судачили бы все кому не лень, его рекламировали бы в туристских проспектах по всему миру...

Погруженный в размышления, Коркоран на миг ослабил внимание, споткнулся об очередную ступеньку и поскользнулся. Падая, в отчаянии вытянул руку, попытался ухватиться за спасительные перила, и...

Что-то мелькнуло в его сознании, как вспышка молнии. В глазах потемнело. Потом темная завеса приподнялась, но перила исчезли. Он сделал попытку зацепиться если не за перила, то за ступеньку, лишь бы не рухнуть вниз с сумасшедшей высоты. Ступенек не было. Лестницы не было. Он лежал на плоской поверхности.

В недоумении и испуге он оторвал свой торс от плоскости. Но вокруг не было ничего, кроме серой глади. Ни дерева, ни обвившей дерево лестницы как не бывало.

Он поднялся на колени и осмотрелся, но вновь увидел лишь сплошную серость — серый туман клубился над серой почвой. Нет, клубов не было, тумана тоже не было. Зрение работало четко, ничто не мешало смотреть вдаль, только смотреть оказывалось не на что.

Но когда он медленно встал в полный рост, то заметил, что невдалеке серая почва рассечена какой-то линией. Он подошел поближе. Это была дорога, прямая как стрела и лишь чуть более темно-серая, чем окружающее пространство. Дорога состояла из двух параллельных полосок, отдаленно похожих на трамвайные пути, какими они помнились с детских лет. Словно подтверждая эту догадку, из серой дали вынырнул трамвайчик самой примитивной конструкции и устремился к Коркорану. Крышу у трамвайчика заменял полосатый тент. Несмотря на свой неказистый вид, катился трамвайчик совершенно бесшумно. Коркоран отступил с колеи, трамвайчик проскочил мимо, но вскоре плавно затормозил, дал задний ход и, поравнявшись с человеком, остановился. И Коркоран залез в вагончик и сел на сиденье, даже не задавая себе вопроса, стоит ли это делать. Конечно, его повезут неизвестно ку-

да, но лучше ехать в неизвестность, чем торчать на одном месте, где при всем желании не увидишь ничего, кроме нескончаемой серости.

Впрочем, из вагончика тоже ничего не просматривалось, серость не прекращалась. Однако некоторое время спустя он различил впереди какую-то постройку, а вокруг нее людей. Между постройкой и колеей, по которой бежал трамвайчик, были расставлены столы и стулья, хотя частично их загораживало странное туманное облако, усыпанное мириадами искорок.

Ход у трамвайчика был ровным, скорость — умеренной. Людей у постройки было двое, они заметили приближение вагончика и не спускали с него глаз. Один из людей сразу показался Коркорану знакомым, но прошла минута, прежде чем истина взорвалась в душе бешеной радостью. Не дожидаясь остановки, Коркоран соскочил на землю и метнулся к встречающему с криком:

— Том!.. Слава богу, это ты, живой! Но что ты тут делаешь?..— Подбежав к Буну, он схватил его за плечи.— Я тебя искал-искал, а потом мне сказали...

— Сбавь обороты,— сказал Бун.— Все в порядке. Ты ведь помнишь Инид, не правда ли?

Только тут Коркоран присмотрелся к женщине рядом с Буном.

— Ну конечно помню.

Инид протянула руку.

— Рада встрече с вами, мистер Коркоран. С тех пор как мы виделись в Гопкинс-Акре, много воды утекло...

— Да уж, не спорю.

— А это волк,— сказал Бун.— Ты с ним пока незнаком.

Коркоран скосил глаза и увидел волка. Тот скалился.

— С этим, может, и незнаком. Но в том краю, где ты убил монстра, бродили его сородичи.

— Монстра убил не я,— внес поправку Бун.— Монстра убил бизон. А я застрелил бизона.

— Выходит,— признал Коркоран, покачав головой,— я мало что понимаю...

— Мы тоже мало что понимаем,— сказала Инид.— До сих пор толком не разобрались.

— Ну-ка присядем за стол,— предложил Бун.— По лязгу и грохоту из кухни догадываюсь, что робот, заправляющий этой придорожной забегаловкой, решил приготовить нам поесть.

Не успели они занять места за столом, как из хаоса галактической схемы вывалился Конепес и косолапо побрел в их сторону.

— Однако схема,— объявил он, обращаясь к Буну,— залезает обратно в сундук без малейшей помощи с моей стороны. Что есть весьма удачно, ибо, предприми я сие по своей инициативе, я мог бы непременно все испортить. А кто, смею спросить, данная персона, присоединившаяся к нашей компании?

— Познакомься, это наш друг Конепес,— пояснил Бун Коркорану.

— Счастлив свести знакомство, сэр,— проговорил Конепес.

Коркорану ничего не оставалось, как представиться самому:

— Мое имя Джей Коркоран. Я давний приятель Буна.

— Итак,— объявил Конепес,— мы все вместе снова и благополучно находимся на исходной базе. Не могу не сказать, что весьма рад усилению наших рядов приятелем Буна. А также волком и Шляпой.

Шляпа больше не падал, а сидел за столом выпрямившись. Клобук был все так же опущен на лицо — если у него было лицо. Присмотревшись, Бун обратил внимание, что Шляпа выглядит изрядно помятым. Волк наигрался с ним вдосталь, оставив на память отметины от зубов.

К столу явился робот с подносом на голове.

— В данный момент мне нечего вам предложить, кроме свинины с кислой капустой. Надеюсь, вас это удовлетворит. Для хищника имеется миска свинины без капусты. Он не кажется мне большим любителем овощей.

— Он ест любую пищу животного происхождения,— откликнулся Бун.— Но насчет овощей ты, несомненно, прав.

Инид, сидящая рядом с Буном, легко коснулась его руки и осведомилась:

— А ты любишь кислую капусту?

— Более или менее. Я не привередлив, научился есть практически все подряд.

— У нас в семье был один охотник до свинины с капустой — Хорас. Когда ее подавали, он сам становился свинья свиньей. Бывало, вывозится в жиру по самые локти...

Коркоран счел за лучшее сменить тему:

— Кто-нибудь может сказать мне, где мы находимся? Что это за место?

— По словам Шляпы,— ответил Бун,— это Магистраль Вечности.

— А он тебя не разыграл?

— Думаю, что нет. Он вроде бы знает, что говорит. Если он утверждает, что это Магистраль Вечности, я склонен ему поверить.

— Ты-то сам попал сюда, ступив за угол?

— Именно. Когда мое подсознание сфабриковало сон, испугавший меня насмерть. Волк увязался за мной. А ты как здесь очутился? Неужели тоже выучился заворачивать за угол?

— Нет. Я полез на дерево. На огромное дерево с винтовой лестницей вокруг ствола. Что случилось дальше, сам не пойму.

— Какая-то чепуха! — воскликнул Бун.

— Не бóльшая, чем твое попадание за угол...

Они доели в молчании, отодвинули от себя тарелки. Волк расправился со своей порцией раньше всех и уютно свернулся у ног Буна. Наконец Инид обратилась к Коркорану с вопросом:

— А где Дэвид? Он прибудет следом? Он же улетел с вами вместе в одном времялете, не так ли?

Коркоран съежился от неловкости.

— У меня для вас печальная новость, мисс Инид, Дэвид погиб. Очень вам сочувствую. Я... Примите мои соболезнования.

Минуту-другую она сидела как громом пораженная. Потом всхлипнула, но сумела овладеть собой.

— Как это случилось?

— Нас разыскал Генри. Он рассказал, что сначала нашел место, где приземлились вы с Буном, и не обнаружил там ни вас, ни его. Затем он выследил ваш времялет в будущем и понял, что вы совершили вторую посадку, но опять исчезли.

Тогда мы, уже втроем, отправились вновь в доисторическую эпоху в надежде...

— Но как он погиб? Как?

— Саблезубый тигр. Тигр напал на нас. У Дэвида было ружье, он прикончил тигра, но тот в последний момент успел...

— Дэвида убил саблезубый тигр? — Коркоран молча кивнул.— Но он же никогда не стрелял! Да, он ходил на охоту, но с незаряженным ружьем. Он обязательно вынимал из ружья патроны...

— Там, в прошлом,— сказал Коркоран,— я настоял, чтобы ружье было заряжено. Когда тигр напал на нас, Дэвид защищал лагерь. Если бы не он, тигр расправился бы с нами обоими.

— Вы были с ним, когда он умер?

— Я подоспел в последнюю секунду. Когда я подбежал к нему, он был уже почти мертв.

— Он что-нибудь сказал?

— Не успел. Я похоронил его, как сумел. Могила в окружении скал, прикрыта сверху камнями. Я сказал над могилой несколько слов. Правда, не уверен, что вспомнил те самые слова, какие полагается. В таких делах я не силен...

— А Генри?

— Генри отбыл до того, как это случилось. Отправился выслеживать третий времялет.

Инид, встав из-за стола, предложила Буну:

— Пойдем погуляем?

— Конечно,— отозвался Бун.— Все, что пожелаешь...

Они отошли на порядочное расстояние. Инид крепко держала Буна под руку, волк трусил рядом. Как только они очутились за пределами слышимости, Конепес заявил Коркорану:

— Испытываю подозрение, что ты уклонился от чистой правды. Ты ее приукрасил.

— Разумеется, приукрасил. А что бы ты сделал на моем месте? Когда эта саблезубая кошка загрызла Дэвида, я спал. Она утащила его и сожрала. Стал бы ты рассказывать такое его сестре?

— Полагаю, не стал бы. У тебя добрая душа.

— Я глупый трус,— отрезал Коркоран.

Инид с Буном шли вдоль колеи, и женщина сказала:

— Не хочу плакать! Дэвид не одобрил бы, если б я расплакалась...

— Лучше поплачь,— ответил Бун.— Иногда помогает. Я бы и сам поплакал. Дэвид мне нравился. За то короткое время, что я провел в Гопкинс-Акре, он мне определенно очень понравился.

— Из всей семьи,— сказала она,— я жаловала его больше всех. Мы могли разговаривать с ним часами. Были шутки, понятные только нам двоим. Дэвид вел себя бесшабашно, но был далеко не глуп. Времялетом он управлял лучше всех и брался выполнять наши поручения в других временах. Привозил книги и ружья для Тимоти, спиртное для Хораса, безделушки для Эммы. Я его ни о чем не просила, но он и мне привозил подарки: то ювелирные изделия, то поэтический сборник, то духи... И вот он умер. Похоронен в доисторическом прошлом. И надо же, он стрелял! Никогда не думала, что он способен на это. Для этого он был слишком цивилизованным, чересчур джентльменом. Но когда настал действительно роковой момент, он все-таки выстрелил... А теперь я, кажется, плачу. Не хочу плакать, не должна, а плачу. Пожалуйста, Том, обними меня, пока я не выревусь...— Рыдания душили ее минут пять, но в конце концов стихли и сошли на нет. Инид подняла к Буну заплаканное лицо, и он нежно поцеловал ее.— Пошли назад,— сказала она.

Конепес и Коркоран все так же сидели за столом, оживленно беседуя.

— Мы тут строили дальнейшие планы,— сообщил Коркоран Буну и Инид, вовлекая их в разговор.— Что делать дальше? Должен признать, что здравых идей у нас двоих не возникло.

— Улететь не составляет проблемы,— повторил Конепес свой излюбленный тезис.— Невод доставит нас в любую точку, куда бы мы его ни направили.

— Может, вернемся в Гопкинс-Акр? — высказался Бун. И уточнил, обращаясь лично к Инид: — Тебе хотелось бы туда вернуться?

Она решительно покачала головой.

— Там больше нечего делать.

— Тогда остается та звезда, что заинтересовала нас,— продолжил Бун.— Звезда с крестом. Телевизор показал, что у звезды есть населенная планета.

— Ты считаешь звезду достойной вследствие креста? — громыхнул Конепес.— Мне тоже поначалу представилось так, а ныне я исполнен сомнений. Крест может быть поставлен в предупреждение, дабы все держались подальше.

— А ведь может быть,— согласился Бун.— Об этом я как-то не подумал. В средние века крестом метили двери домов, пораженных чумой...

— Лично мне жаждалось бы посетить ядро Галактики,— возвестил Конепес.— Если отправиться при посредстве невода...

Бун нервно вскочил. Ни Конепес, ни Коркоран этого не видели, потому что сидели спиной, но в воздухе что-то затрепетало. Потом раздался глухой удар, и буквально в двух шагах от стола упал времялет.

Теперь вскочили и все остальные. Кроме Шляпы, который продолжал сидеть и молчать.

— Это же мой времялет! — воскликнула Инид.— Тот самый, который я утратила. Вернее, бросила...

— Тот, который у вас украли,— уточнил Коркоран.— Генри упоминал, что кто-то уволок времялет с места посадки.

— Но если его украли, как он попал сюда?

Открылся люк, и из кабины выбрался человек. Постоял, растерянно озираясь, оглядел всех по очереди. Коркоран узнал его.

— Мартин! Вот уж нежданная встреча! И Стелла с вами?

— Нет. У нее теперь другие интересы,— ответил Мартин. Ответ прозвучал неуверенно, Мартину было не по себе — то ли вследствие необычной обстановки, то ли почему-либо еще.

Инид спросила, не повышая голоса:

— Это тот самый Мартин, что был нашим представителем в Нью-Йорке?

— И никто другой,— подтвердил Коркоран.— Мартин, который удрал, едва я сообщил ему, что кто-то наводит справки о поместье Гопкинс-Акр.

— Удрал, а теперь украл мою машину.

— Вы Инид? — догадался Мартин.— Да, видимо, вы Инид. Только я не крал ваш времялет. Я купил его у того, кто украл. Темный человек. Украл и сам перепугался до смерти. Ключ был в замке, а он так и не отважился его повернуть. Не представлял себе, что это за штуковина, для чего она служит, и

был рад-радешенек продать ее за бесценок. И поскольку у меня оказалось две машины, я взял эту, а другую оставил Стелле...

— Ладно, поверим,— сказал Бун.— Допустим, вы тем или иным способом завладели времялетом Инид и теперь пожаловали к нам. Как вы нас нашли?

Мартин еще раз оглянулся, пожал плечами и ответил уклончиво:

— Есть способы...

— Ясно, что есть! — взъярился Коркоран.— И уж кому-кому, а вам они известны! На кого вы сейчас работаете?

— Ни на кого. На себя самого. Сам себе хозяин.

— И дела у вас, надо понимать, идут неплохо?

— Не жалуюсь. Коркоран, я не понимаю вашей враждебности. Я всегда платил вам щедро, поддерживал ваш бизнес...

— Вы обманывали меня! Как и всех остальных...

Из кабины времялета высунулось личико.

— Бесконечник! — вскрикнула Инид.— На борту бесконечник!..

Мартин, обернувшись, заорал на бесконечника благим матом:

— Ну конечно! Я же просил не показываться, пока я не позову! Так нет, вы не могли дождаться, вам надо было поглазеть! Теперь можете с тем же успехом выйти из машины...

Из люка вывалились не один, а целых три бесконечника и встали несуразным строем один подле другого. Это были плюгавые создания не более четырех футов ростом, выряженные в платья до пят наподобие черных сутан с капюшонами. Из-под капюшонов выглядывали худые костлявые мордочки.

— Значит, теперь вы работаете на них,— констатировал Бун.

— Только в данный момент. Они изгнанники. Какая-то самозваная группа, именующая себя Галактическим центром, без всяких на то оснований наложила на планету бесконечников карантин и заперла их там, как в тюрьме. Этим троим удалось ускользнуть. Узнав об их затруднительном положении, я согласился им помочь.

Один из бесконечников, выступив вперед, заговорил тоненьким голоском:

— Мы молим о сострадании. Вы принадлежите к расе, которой мы предлагали свои услуги. Большинству ваших сограждан мы дали бессмертие, обезопасив их от любых угроз.

Мы высокоморальные существа, несущие добро другим и не требующие ничего взамен. Теперь мы пали жертвами несправедливости и остро нуждаемся в друзьях, которые выступили бы на нашей стороне и добивались бы от нашего имени отмены жестокого и незаслуженного карантина...

— Вы считаете, что с вами обошлись жестоко? — осведомилась Инид слишком уж вежливо.

— Совершенно верно, миледи.

— И вы просите у нас помощи?

— Таково наше сокровенное желание.

— Сначала вы вынуждаете нас к бегству,— сказала Инид гораздо жестче,— а когда мы устраиваемся в другой эпохе, насылаете на нас монстров-убийц...

— Мы трое, как и абсолютное большинство на нашей планете, не имеем к монстрам никакого отношения. Но, увы, возникла секта, погрязшая в самодовольстве...

— Эти, погрязшие в самодовольстве, существуют до сих пор?

— Вероятно, да. Но мы не имеем с ними ничего общего. Сектанты — это отдельный вопрос. Мы трое — посланцы-изгнанники, ищущие сострадания и помощи...

— Ну и много ли они вам заплатили? — поинтересовался Бун у Мартина.

— Почти ничего,— ответил тот.— Я всего-навсего наемный перевозчик...

«Хватит болтовни»,— прозвучал голос, проникающий прямо в мозг. Голос услышали все.

— Кто это? — испуганно спросил Мартин.

— Это Шляпа,— ответил Бун.— Такая уж у него манера — обращаться прямо к вам, не утруждая себя устной речью.

— Минутку,— вмешалась Инид.— Прежде чем мы продолжим разговор, пусть этот Мартин вернет мне ключи от времялета.

— По-моему, законное требование,— произнес Коркоран, пристально глядя на Мартина.

Мартин поерзал в нерешительности, но делать нечего — полез в карман, достал ключи и отдал Коркорану. А тот, в свою очередь, передал ключи Инид. Мартин, сохраняя самообладание, бросил полушутя:

— Я бы никуда не убежал...

— Конечно нет. Просто не получилось бы,— осадил его Бун и обратился к Шляпе: — Простите, что перебили вас. Что вы хотели сказать?

«Я хотел сказать,— заявил Шляпа,— что для нас с вами есть только один логичный маршрут. Не ядро Галактики и не звезда с крестом, что бы этот крест ни означал. И кто когда-либо слышал о звездах, разрисованных крестами?»

— Подобная звезда действительно и непременно есть на схеме,— заявил Конепес.— Звезда, а на ней крест.

— Какой же маршрут вы предлагаете? — спросил Бун.

— Куда бы вы ни отправлялись,— возвестил робот, вылезая из домика-кухни,— я последую за вами. Слишком долго я оставался здесь, и никто не являлся сюда, помимо этого Шляпы, которому и не нужно ничего, кроме как посидеть со мной в безделье. Я забираю с собой плиту и механизм, откуда я черпаю пищу, прежде чем ее приготовить. Я вам пригожусь, без меня вам угрожает голод. Кто ведает, в какие дебри заведет вас этот безумный Шляпа. Он ничего не ест и не разбирается в удобствах и потребностях. Он вообще...

— Довольно,— перебил робота Бун.— Побереги красноречие, ты нас убедил. Надеюсь, невод выдержит нас всех?

Последний вопрос был обращен уже не к роботу, но Конепес уловил это и отозвался:

— Точно и обязательно. Невод увезет нас всех и даже более.

— А как же с времялетом? — спохватилась Инид.

— Здесь на него никто не посягнет,— объявил Конепес.— Невод несравненно лучше.

— Но куда мы все-таки направляемся? — не выдержал Коркоран.— Лично меня заинтересовало прозвучавшее здесь упоминание о Галактическом центре. Если бы только кто-нибудь знал, как туда попасть...

«Мы направляемся на планету людей-радуг,— сообщил Шляпа.— Бесконечники требуют правосудия и обретут его там».

— Мне наплевать, чего требуют бесконечники,— вспылил Бун.— Нам бы получить ответы на наши собственные вопросы. Слишком много жутких перемещений и сумасшедших событий. Эта самая Магистраль, да и дерево Джея...

«Ты в замешательстве?» — поинтересовался Шляпа.

— И притом в нешуточном.

«Тем более отправимся к людям-радугам. Они обеспечат тебя ответами».

— Так и быть,— громогласно возвестил Конепес.— Пусть будет планета радуг. Загружайте все, что берете в дорогу, и на борт!..

Что-то ткнулось Буну в щиколотку. Это оказался волк.

— Ты с нами,— сказал Бун.— Тебя мы не бросим, но держись поближе ко мне. Как бы эта поездочка не вышла нам боком...

Глава 13

ХОРАС

Взмахнув топором, робот перерубил канат, удерживающий на месте чашу баллисты. Освобожденный длинный рычаг взметнулся вверх, и камень, выброшенный из чаши, стукнулся в стену. Опять в стену, не перелетев через нее. Стена ответила на удар могучим колокольным звоном, а камень, отскочив, закувыркался вниз: стена стояла на склоне. Роботы бросились врассыпную, удирая от беспорядочно скачущего увесистого снаряда. Прежде чем успокоиться, камень едва не сшиб баллисту.

Два примитивных паровых двигателя, помогавшие оттянуть метательный рычаг, стояли чуть в сторонке, попыхивая и испуская белые клубы. Конрад, тяжело ступая, направился к Хорасу и доложил:

— Ничего не выйдет. Что бы мы ни предприняли, перекинуть камень через стену мы не сумеем. Она не только высока, но и наклонена наружу в верхней своей части, и, чтобы послать снаряд по необходимой траектории, мы вынуждены отводить машину слишком далеко назад. А кроме того, если говорить откровенно, что я делал уже не раз и делаю снова, я не улавливаю смысла данного предприятия.

— Смысл в том,— заявил Хорас,— чтобы любым способом привлечь внимание тех, кто живет за стеной. Нечестно, если они и дальше будут сидеть себе там и игнорировать нас так же, как до сих пор. Надо добиться, чтобы они признали нас за людей и вышли к нам поговорить.

— Не вполне понимаю, отчего вы настаиваете на этом,— произнес Конрад рассудительно.— На вашем месте я был бы

удовлетворен гораздо более, если б они продолжали нас игнорировать. Мы ведь не знаем, кто они и что они. Привлечем их внимание, а потом еще станем укорять себя, зачем нам это понадобилось...

Задрав голову, Хорас окинул стену сердитым взглядом. Исполинское сооружение тянулось на много миль молочно-белым барьером, надежно охватывающим весь горный гребень и расположенный на нем город.

— Ну почему бы, Хорас, в самом деле не оставить все как есть? — вмешалась Эмма, хотя довольно нерешительно и жалостно.— Ты совсем помешался на своей идее. Целыми днями только и строишь планы, как бы дотянуться до тех, кто за стенкой...

— Если б они не знали, что мы здесь! — прохрипел Хорас раздраженно.— А то ведь знают! Посылают к нам на разведку свои леталки, те все осмотрят и возвращаются. Мы стучимся к ним в двери и не получаем ответа. Это нечестно, говорю я вам! Это просто нечестно! Впервые во всей моей жизни меня злостно игнорируют, и я не намерен терпеть такое обхождение!..

— Не представляю, что еще можно предпринять,— гнул свое Конрад.— Даже после усовершенствований метательные машины не в состоянии ничего перебросить на другую сторону.

— Но если бы нам удалось перебросить хоть несколько камней, они обратили бы на нас внимание. Несколько камней через стену, и они просто не смогут больше нас игнорировать...

— Слушай, зашел бы ты в палатку,— предложила Эмма.— Посидел бы минутку, съел бы что-нибудь. Ты же давно ничего не ел. Ты, должно быть, голоден...

Хорас не удостоил ее ответом. Он продолжал пожирать глазами белую непокорную стену.

— И чего мы только ни делали! — рычал он, обращаясь неизвестно к кому.— Обошли ее по кругу в поисках ворот или хоть калитки. Зажигали костры, посылали дымовые сигналы. Кто-то же должен был их заметить! Но на все сигналы — ноль внимания. Пытались, наконец, перелезть через стену, но на нее нельзя залезть. Слишком гладко, не за что ухватиться. И ведь не камень и не металл, а что-то вроде керамики. И кто это ухитрился смастерить керамику, которую даже камнем из баллисты не прошибешь?

— Не знаю кто,— заметил робот.— И уж тем более не спрашивайте меня как.

— Мы говорили с тобой о башне, которая поднялась бы вровень со стеной,— напомнил роботу Хорас с ноткой надежды в голосе.

— Не получится,— отрезал Конрад.— Башня нужна высокая, и мы не располагаем древесиной, достаточно прочной для возведения башни такой высоты. Возникает также вопрос о том, возможно ли заложить достаточно крепкий фундамент.

— Мы говорили и о наклонной насыпи. Что, насыпь тоже отпадает?

— В нашем распоряжении нет возможностей для перемещения такой массы грунта.

— Тут ты, наверное, прав,— вынужденно согласился Хорас.— Вот если бы сконструировать летательный аппарат!..

— Послушайте,— ответил Конрад,— роботы под моим началом делают все, что в наших силах. Мы сконструировали паровые двигатели, и они работоспособны. Мы можем сконструировать почти любую машину, чтобы ездить по земле. Но воздухоплавание выходит за рамки наших умений. Мы не знаем теории, у нас нет станков для изготовления нужных деталей. А энергия? Откуда взять энергию? На дровах и угле аппарат не полетит...— Он, видимо, поколебался, стоит ли продолжать, но все же решился: — И баллиста тоже продержится недолго. У нас не осталось канатов. При каждом применении баллисты мы теряем десять футов каната.

— Канаты можно срастить.

— Мы так и делаем. Но сращенный канат неизбежно укорачивается на несколько футов.

— А если сплести новые канаты?

— Можно попробовать. Однако ни один из опробованных нами местных материалов удовлетворительных результатов не дал.

— Вот видишь,— сказала Эмма.— Все без толку. Стену тебе не одолеть.

— Это мы еще посмотрим! — взъярился Хорас.— Рано или поздно я найду какой-нибудь способ! В лепешку расшибусь, но эти твари за стеной обратят на меня внимание!..

Гневную тираду перебил один из стоящих поблизости роботов:

— К нам кто-то летит...

И действительно, из города прибыла леталка. И не просто прибыла, а пошла на посадку. Хорас так и взвился от восторга, размахивая руками и крича:

— Наконец-то! Наконец-то нас удостоили визитом! Мы же ничего большего и не хотели — только чтобы кто-нибудь вылез к нам поговорить...

Леталка приземлилась. Из нее вышел пассажир, и не какой-нибудь жалкий инопланетянин, а настоящий человек. Впрочем, инопланетянин там тоже был, но он остался в кабине. Похоже, решил Хорас, что инопланетянин был всего-навсего пилотом.

Эмма сделала нерешительный шаг вперед и замерла, не веря своим глазам. Потом встрепенулась и бросилась бегом.

— Тимоти! — пробурчал Хорас себе под нос.— Уж конечно, кто же станет якшаться с тварями за стеной, как не Тимоти...— Но все-таки поспешил навстречу родственнику. Конрад, не теряя бдительности, тащился рядом.— Стало быть, это ты. Но что ты здесь, собственно, делаешь? Мы уж думали, что больше тебя не увидим...

Последние слова Хорас произнес, подходя к Тимоти вплотную, в полный голос. Правда, мина у него была при этом довольно кислая. А Эмма просто таяла от восторга.

— Ну не чудо ли это! Он вернулся! Тимоти вернулся к нам!..

Тимоти протянул руку. Хорасу волей-неволей пришлось ответить на рукопожатие.

— Ты, Хорас, и дальше намерен продолжать в том же духе? — спросил Тимоти.— Остался таким же неотесанным, как и был?

— Непохоже,— отозвался Хорас,— что тебя прислали передать нам приглашение.

— Меня прислали сказать, чтобы ты прекратил свои бессмысленные выходки. Мы будем тебе признательны, если ты перестанешь колотить по стене.

— Кто это мы?

— Мы — это жители города. Включая меня самого. Всю жизнь ты мне досаждал — как на Земле повелось, так и здесь не кончилось.

— В городе есть жители? — переспросила Эмма.— Такие же люди, как мы?

— Нет, не такие, как мы. Иные из них внешне выглядят ужасно. Но они все равно разумные существа, и не надо их беспокоить, швыряясь в них камнями.

— Значит, им это не понравилось? — злорадно осведомился Хорас.

— Некоторые вне себя от возмущения.

— Кто такие эти чудища? И что тут, собственно, за стеной?

— Это,— ответил Тимоти,— Галактический центр.

— А ты-то что там делаешь?

— Я сотрудник центра. Единственный на весь центр человек.

— Выходит, ты самозванно объявил, что представляешь человечество?

— Никого я не представляю. Вернее, представляю человеческую точку зрения. А большего им и не нужно.

— Ну ладно, раз уж ты стал одним из них, то почему бы тебе не пригласить нас войти? Мы ведь только того и хотим, чтобы нам уделили какое-то внимание. А вы игнорировали нас, будто мы и не существуем. Мы стучались у дверей — вот и все, что мы делали.

— Не стучались, а колошматили во всю мочь. Ты не умеешь стучаться, Хорас. Ты сразу начинаешь колошматить.

— Значит, ты ничего для нас не сделаешь?

— Могу взять на себя смелость пригласить Эмму. Ей будет много удобнее в городе, чем здесь в палатке.

Эмма покачала головой:

— Я останусь с Хорасом. Спасибо, Тимоти, но я остаюсь с мужем.

— Тогда я, вероятно, действительно ничего не могу сделать.

— По-твоему, на этом можно поставить точку? — взвинтился Хорас.— Ты явился сюда с угрозами?

— Не собирался и не собираюсь вам угрожать, а всего лишь прошу утихомириться.

— А если мы не захотим?

— Тогда в следующий раз прилечу уже не я, а кто-то другой. И он, вероятно, не будет пытаться соблюсти вежливость, как я.

— Ты не очень-то походил на воплощение вежливости.

— Может, и не походил,— согласился Тимоти.— Временами с тобой чертовски трудно сохранять вежливость.

— Прекратите! — взвизгнула Эмма.— Прекратите оба! Опять вы вцепились друг другу в глотку, как всегда...— Она повернулась к Хорасу.— Слушай, ты! Ты заявляешь, что стучался у дверей. А по-моему, ты кидался камнями в окна. Вот именно, кидался камнями в окна, как хулиган...

— И однажды,— подхватил Хорас,— я расшибу какое-нибудь окно вдребезги. Тогда уж городу, хочешь не хочешь, придется обратить на меня внимание...

— Вот что,— сказал Тимоти.— Так и быть, скажу вам, как я намерен поступить. Я намерен вновь обратиться к совету центра с ходатайством по вашему делу. Еще сохраняется какой-то шанс, что вам разрешат поселиться в городе вдвоем, но уж, конечно, без роботов.

— А нас это вполне устроит,— заявил Конрад.— Мы вовсе не рвемся в город. Мы делали то, что делали, ради Хораса. А нам самим и здесь хорошо. В нашем распоряжении вся планета, и мы попробуем построить общество роботов. Попробуем чего-нибудь добиться самостоятельно. Здесь много хорошей пахотной земли. Можем растить для города пищевые культуры. Да и другая работа найдется.

— Как тебе такой поворот? — спросил Тимоти у Хораса.

— Ну что ж,— согласился Хорас без особой охоты.— Раз уж они так хотят...

— На Земле мы воевали с деревьями.— Конрад, оказывается, еще не считал свою речь оконченной.— Останься мы там, мы бы продолжали войну. Однако здесь нет смысла воевать с кем бы и с чем бы то ни было. Предоставленные сами себе, мы добьемся процветания. Мы начнем строить принципиально новую жизнь. И нет конца открывающимся перед нами новым возможностям...

Тимоти присмотрелся к Хорасу, который елозил ногами, но молчал. Вид у Хораса был такой, словно у него кончился завод, вернее, словно ему сломали заводную пружину.

— Я возвращаюсь в город и сделаю все, что смогу,— сказал Тимоти.— Но если вас согласятся впустить, будь любезен, Хорас, вести себя как подобает и держать рот на замке. Никакого хулиганства. У меня дом, очень похожий на усадьбу в Гопкинс-Акре. Добро пожаловать, места хватит, и жить там будет приятно. Но если совершишь что-либо предосудительное, тебе будет от дома отказано. Согласен?

Эмма дерзнула ответить за мужа:

— Он согласен. Уж я присмотрю, чтобы все было в порядке. Я устала от жизни в дикости. Возвращайся в город, Тимоти, и похлопочи за нас, как сможешь.

Глава 14

ПЛАНЕТА РАДУГ

Рядом с местом посадки невода громоздились исполинские белоснежные кристаллы, поставленные на попа будто специально для того, чтобы линия горизонта стала не ровной, а иззубренной. Под ногами стелились такие же кристаллы, но уложенные встык, как брусчатка мостовой. Синева неба была густой почти до черноты. Горизонт казался слишком близким — возможно, потому, что его подчеркивала пурпурная полоска. Безжалостный космос подходил к поверхности близко-близко, атмосферный слой был тонюсеньким, однако затруднений с дыханием не возникало. Белизна создавала ощущение холода, но на деле температура была вполне сносной, хоть в безрукавке ходи.

Все молчали. Бун осматривался скорее по привычке, чем из интереса: кроме кристаллов, смотреть было совершенно не на что. Недоумение вызывало то, что в небе не было солнца,— откуда же тогда здесь тепло и свет?

Над горизонтом мелькнула цветная вспышка и тут же пропала.

— Что это? — спросила Инид. Естественно, ей никто не ответил.— Смотрите, вот опять!..

На этот раз вспышка не угасла, а взмыла над ломаным горизонтом по кривой — плавно вверх, а затем вниз. И над планетой повисла, разгораясь нежными красками, высокая переливчатая арка.

— Радуга! — воскликнул Коркоран.— Попали, куда хотели..

— Не просто радуга,— громыхнул Конепес.— Не исключено, что сие есть образчик людей-радуг.

Прямо у них на глазах появлялись новые и новые радуги. Вспыхивали на пустом месте, взвивались в небо, изгибались арками. Арки, пересекая одна другую, собрались в витражи, и кристаллы вокруг тоже зажглись отраженными мягкими крас-

ками. Держались радуги устойчиво и все же не производили впечатления стабильности, в них ощущалась какая-то хрупкость и эфемерность, словно они еще не решили, задерживаться в небе или нет, и в любую секунду могли исчезнуть.

Робот, не обращая внимания ни на какие радуги, вытащил из недр невода свое оборудование и принялся возиться у плиты. Инид и Коркоран, задрав головы, завороженно смотрели вверх. Шляпа, напротив, распростерся, почти разлегся на кристаллической брусчатке, и Конепес склонился над ним.

— Кого-то не хватает,— заметил Бун не без удивления.— Мартина, вот кого! Куда он делся?

— Выпал,— ответил Конепес.— Невод мог бы его удержать, однако не пожелал.

— И ты никому не сказал? Даже не заикнулся о таком происшествии?

— Мартин не соответствовал данному рейсу. Неводу сие было ясно и небезызвестно.

— А бесконечники здесь,— проронил Коркоран.

Троица в сутанах сбилась в кучку, но держалась особняком от всех остальных.

— И все-таки это ужасно! — подала голос Инид.— Ты говоришь, Мартин выпал. А ты случаем его не столкнул?

— Я находился далеко от него. Мне бы не дотянуться.

— Что касается меня,— заявил Коркоран,— я о нем плакать не собираюсь.

— Ты хоть имеешь представление, где он теперь?

Вопрос задал Бун, Конепес подчеркнуто безразлично пожал плечами. Но тут заговорил Шляпа:

«Я выступаю не от себя, а от имени людей-радуг. Они будут общаться с вами через меня».

— А где они сами? — спросил Бун.

«Вы их видите,— отозвался Шляпа.— Вашему зрению они представляются в форме радуг. Они приветствуют вас и позже будут беседовать с вами».

— Что же получается,— не поверила Инид,— радуги, явления природы, и есть те мудрецы, к которым ты звал нас?

— Мне они не кажутся похожими на мудрецов,— буркнул Коркоран.

Волк прижался к Буну, и тот сказал тихо и успокоительно:

— Все в порядке, старина. Держись поближе. Мы по-прежнему вместе, ты и я...

— И это все, что твои люди-радуги сообщили нам? — продолжала Инид.— Что они приветствуют нас и позже, так и быть, побеседуют?

«Да, это все,— ответил Шляпа.— Чего еще можно желать?»

Робот возвестил:

— *В такой спешке я не мог приготовить ничего, кроме* гамбургеров. Вас это удовлетворит?

— Если это пища,— откликнулся Конепес,— то меня удовлетворит вполне.

Радуги, столпившиеся над горизонтом, потеряли резкость, начали блекнуть, а потом угасли совсем. Буну почудилось, что, угаснув, они унесли с собой частицу тепла. Он даже вздрогнул в ознобе, хотя заведомо знал, что для такой реакции нет причин: температура не понизилась ни на градус.

А все этот негодяй Шляпа, раздраженно подумал Бун. Втравил нас в какую-то ерунду, не позволив даже обсудить и другие предложения. Может, мелькнула мысль, Шляпа всегда был агентом радуг? Иначе откуда бы ему знать об их существовании, где их найти и на что они способны? А теперь он взялся еще и вещать от их имени...

— Голосую за то,— произнес Бун вслух,— чтобы мы немедленно улетели отсюда. Какого черта мы здесь, собственно, делаем?

— Ты задаешь себе тот же вопрос, что и я,— сказал Коркоран.

«Мы прибыли сюда,— вмешался Шляпа,— за правосудием для бесконечников. Это единственный во Вселенной суд, где их выслушают беспристрастно, единственная инстанция, способная на действительно справедливый приговор».

— Ну так пусть их судят поскорее, и мы отчалим,— выпалил Коркоран.— А еще лучше — оставим их здесь, и пусть себе ждут своего суда сколько влезет. Меня лично приговор, какой им вынесут, совершенно не интересует.

— А меня интересует,— возразила Инид, и достаточно резко.— Они сгубили человечество. И я хочу знать, что им за это будет.

«К правосудию дело не сводится,— опять вмешался Шляпа.— Здесь можно установить кое-что, представляющее интерес для всех».

— *Не представляю себе, что именно,— бросил Коркоран.*

«Радуги — древняя раса,— пояснил Шляпа.— Одна из древнейших во Вселенной, если не древнейшая. У радуг было время развить свое мышление до совершенства, какого вы себе не можете и вообразить. Их знания и мудрость превосходят возможности вашего восприятия. И раз вы уже здесь, неразумно не выслушать то, что они хотят сказать. Тем более что от вас требуется лишь немного терпения».

— Древнейшая раса во Вселенной! — повторил Бун и больше ничего не сказал. И как облечь такое в слова: если они древнейшие, тогда судьба действительно дала им время пройти эволюционный путь до самого его завершения, до окончательного предела.

Самая мысль о подобном пределе граничила с помешательством. Это фантастика, самая настоящая фантастика — и все же не большая, чем свершения человечества за какие-то два-три миллиона лет. В начале этого срока люди были хитренькими, но беззащитными зверушками — в конце его стали владыками планеты. Обострившийся ум и ловкие руки дали им средства противостоять любым неблагоприятным изменениям природной среды, даже самым крутым и внезапным.

Ну а бесконечники? Боже милостивый, если только они не заблуждаются и бестелесность, которую они предлагают, действительно дает полную независимость от физических условий — что тогда? Разумные радуги приняли энергетическую форму существования, но и они, если не откажутся от нее, рано или поздно погибнут от энтропии. Когда Вселенная иссякнет, когда не станет ни пространства, ни времени, ни энергии, исчезнут и силы, поддерживающие жизнь радуг. Значит, конец Вселенной окажется концом и для них.

И тем не менее Шляпа провозглашает, что радуги имеют право судить бесконечников и воспользуются этим правом!

А что, если — новая мысль — бесконечники предлагают совершенную систему выживания другим расам, но по какой-то причине не могут или не хотят использовать ее для себя? Троица на Магистрали Вечности была готова раболепствовать, лишь бы добиться помощи и милосердия. Почему?

Они, эти трое, и теперь выглядят не лучше — собрались кружком, отвернувшись от всех и соприкоснувшись сутанами, как бы слившись в единый организм. И завели монотонную песнь, исполненную скорби и одиночества. Песнь смерти?

Нет, если бы так, в пении непременно слышался бы вызов судьбе, а в заунывном вое бесконечников не было ни вызова, ни надежды на воскрешение, это была панихида по всем и всему.

Из тишины, окружившей бесконечников с их панихидой, возник голос, беззвучный, лишенный интонаций:

«Вы впали в заблуждение и тем совершили грех. Хуже того, вы, бесконечники, стали грешниками из-за непомерной гордыни. Не вызывает сомнений, что ваша техника перевоплощения безупречна, но вы поспешили ее применить. И обрекли целую расу на то, что ее интеллект увековечен на более низком уровне, чем ей предначертано. Жители планеты Земля отнюдь не достигли финальной стадии своего развития, как вам, судя по всему, показалось. Они всего лишь приостановились и решили передохнуть. Со временем они возобновили бы поступательное движение и поднялись бы на новую интеллектуальную высоту. Но вы не дали им необходимого времени, вы поторопились и тем обрекли их во Вселенной на статус более низкого разряда. За что вам выносится порицание и проклятие. Вы трое будете возвращены к своим соплеменникам, с тем чтобы сообщить им об этом приговоре. Да послужит наказанием им и вам то, что вы осознаете содеянное и до конца отпущенного вам как расе срока будете обвинять себя в злонамеренной и непоправимой ошибке».

Голос умолк. Бесконечники больше не пели и не стояли, как маленькая палатка. Их просто не стало на планете. Коркоран шумно перевел дух и произнес всего два слова:

— Черт побери!..

— Как бы то ни было,— заявил Конепес,— мы с ними более не связаны. Приговор вынесен, следовательно, мы можем улетать...

И, не дожидаясь какого-либо ответа, полез на невод.

Нас семеро, сказал себе Бун и на всякий случай пересчитал по пальцам: Инид, Коркоран, волк, Конепес, робот, Шляпа и, наконец, я сам. Нас семеро, а было одиннадцать, но Мартин выпал, а три осужденных бесконечника сгинули без следа...

— Ряды все редеют,— сказал он, ни к кому не обращаясь.— Кто следующий?

«Вы никак не можете улететь,— сообщил Шляпа.— Грядет следующее действие».

— Слушай, Шляпа, с нас хватит,— проговорил Коркоран.— Мы сыты по горло тобой и твоими радугами, приговорами и отсрочками. Мы и так разрешили тебе играть свою игру куда дольше, чем следовало.

Волк бочком подобрался к Буну, тот присел и обнял зверя за шею. Инид подошла к ним, наклонилась, хотела что-то сказать. И исчезла.

А следом исчезла и угловатая белизна кристаллического мира. Бун не изменил позы, волк все так же находился в кольце его рук, но теперь они очутились на краю мрачной глубокой пропасти, среди крутых холмов, взмывающих в бледно-голубое небо. По холмам корчились дряхлые деревья, склоны скалились вросшими в грунт валунами, серыми и лысыми, как черепа. Из пропасти дул неистовый ветер, а вдали, за дикими теснинами, можно было различить отблеск солнца на водной глади.

Бун молниеносно вскочил. От кристаллического мира не осталось даже самого малого следа. Они с волком попали в какой-то новый мир. И попали вдвоем, без остальных.

Неужели он снова ступил за угол? Для этого вроде бы не было причин. Ему не угрожала никакая опасность, во всяком случае, он не сознавал опасности. И уж совершенно точно, не делал ничего, ровным счетом ничего, чтобы перенестись вместе с волком в новый мир.

— Ну и что ты об этом думаешь? — обратился он к волку.— У тебя есть что сказать?

Волк воздержался от ответа. И вдруг послышалось:

— Бун! Бун, ты здесь? Где ты?

— Инид! — обрадованно закричал он и сразу же увидел ее: она появилась над ними на холме и побежала вниз по склону, который был слишком крут для бега.

Бун бросился по склону вверх, ей наперерез. Она начала падать — он прыгнул, чтобы подхватить, поддержать ее, но грунт оказался слишком рыхлым, пополз от толчка, и он упал сам. Они покатились кубарем, докатились почти до самых лап волка и расхохотались. Смех был, пожалуй, отчасти смущенным: уж очень нелепо все получилось. Бун попытался поправить прядь волос, упавшую ей на лицо, но рука после падения оказалась в грязи, и он измазал ей нос.

— Слушай, что произошло? — спросила она.— Как это мы очутились здесь? Ты нырнул за какой-нибудь очередной угол?

— Ни за какой угол я не нырял. Там не было угрозы, которая могла бы послать меня за угол.

— Тогда что?

— Не знаю.— Он пододвинулся ближе к Инид, протянул руку.— У тебя нос в грязи. Разреши, я вытру.

— А где остальные?

— Наверное, там же, где и были.

— Бун, я боюсь. Ты можешь хоть приблизительно сказать, где мы?

— Не знаю,— повторил он.— Сказать по совести, я сам боюсь не меньше твоего...

Оставалось держаться рядышком, поглядывая на зловещую, вытертую ветрами пропасть. Волк сидел прямо перед ними как изваяние, всем своим видом показывая, что намерен их защищать. Но тут прямо в мозг вонзился голос, возникший неведомо как, пришедший отовсюду и ниоткуда,— голос радуг. В голосе не было ни самоуверенности, ни угрозы, ни поддержки — тусклый, мертвенный голос.

«Слушайте с вниманием,— призвал голос.— Поговорим о Вселенной».

— Соглашаться на это с моей стороны было бы явным нахальством,— ответил Бун.— Я в этом ничего не смыслю.

«Однако один из вас обдумывал этот вопрос»,— возразил голос.

— Разве это называется обдумывать? — усмехнулась Инид.— Так, разрозненные, праздные мыслишки. Меня занимало, что такое Вселенная и зачем она.

«Тогда вникайте. Слушайте с полным вниманием»,— предложил голос.

И на них обрушился яростный, ошеломляющий поток мысли. Вернее, смесь полупроизнесенных слов и безмолвных мыслей, несущая в себе глубочайшую информацию. Бун буквально физически ощутил, как подгибаются колени,— словно он пошел против ветра убийственной силы, налетевшего на мозг и на тело, и не смог устоять. Он еще успел выговорить:

— О мой бог!..

И рухнул. Смутно, как сквозь туман, различил Инид, недвижно сидящую всего в нескольких футах, и попытался под-

ползти к ней, обрести в женщине какую-то теплоту и единство с собой. А ураган не стихал, бил и бил с неземным упорством — и когда наконец прекратился, Бун оказался простертым в грязи. Волк распластался на склоне рядом, подвывая от страха.

Наконец Буну удалось добраться ползком до Инид и сесть. А Инид будто окаменела, она не замечала его и не помнила себя. Но когда он притянул ее к себе и сжал в объятиях, она прильнула к нему. Сомкнув объятия еще крепче, он спросил:

— Ты что-нибудь поняла? Помнишь хоть что-нибудь из того, что нам рассказали?

Она ответила шепотом:

— Нет. Я чувствую, что в меня впихнули целую библиотеку, но ничего не понимаю. Мозг переполнен так, что того и гляди взорвется...

Внезапно на них обрушился еще один голос, ясно слышимый, громкий, хриплый, произносящий обыкновенные слова. Вскочив, Бун увидел над головой нечто зыбкое. Нечто колыхалось, полоскалось в воздухе, спускалось. Невод! И на нем Конепес — стоит себе к рост, расставив ноги, как матрос в лодчонке, пляшущей по штормовому морю.

— Времени не терять! — зарычал Конепес.— Лезьте на борт! Мы отлетаем, как только вы пополните наш состав!..

Невод спустился еще ниже, и Бун, подняв Инид, буквально зашвырнул ее на прутья. Волка и приглашать не пришлось: он одолел расстояние до невода одним прыжком. Конепес, бесстрашно придвинувшись к самому краю, протянул Буну руку.

— Вверх, сюда! — скомандовал Конепес и сильным рывком перебросил Буна к себе.

Кто еще был на борту? Коркоран скрючился поодаль, вцепившись в прутья изо всех сил. А робот плакался:

— Все мое оборудование пропало! Все утрачено! Без оборудования как мне вас кормить?..

— Нам пришлось стартовать в великой спешке,— проворчал Конепес.— Кристаллы оказались фальшивыми и стали таять у нас под ногами.

— Как же ты нас нашел? — спросила Инид.

— По телевизору, украденному тобой в розово-пурпурном мире. Телевизор лежал на неводе экраном ко мне. Я обратил к нему взгляд и одновременно подумал о том, куда же

вы подевались. Когда экран показал вас, невод узнал ваше местонахождение и прибыл за вами.

— А теперь мы куда? — прокричал Коркоран из своего закутка.

— Туда, куда следовало бы отправиться с самого начала,— объявил Конепес,— не послушай мы Шляпу. На звезду, что явилась нам на галактической схеме. На звезду с крестом.

— Кстати, где Шляпа? — поинтересовался Бун.— Что-то его не видно...

— К большому несчастью,— ответил Конепес не своим, странно приторным голосом,— он не явил способности достичь невода в столь краткий срок.

Глава 15

ГЕНРИ

Красный солнечный шар, болезненно распухший, висел над опустевшим миром. Не осталось ни травы, ни другой растительности, кроме одинокого, очень старого дерева, из последних сил цепляющегося за склон. Генри плыл над этим неприветливым миром, и ему казалось, что искры, составляющие его естество, сгрудились, сбились теснее, словно перепугались. В действительности, конечно, такого быть не могло: за годы странствий он перевидал слишком многое, чтобы пугаться.

Небо выглядело мрачным, налитым темнотой, как перед бурей, хотя не было и намека на бурю, ее ничто не предвещало. Выходит, подумал он, я подобрался вплотную к концу света и вижу умирающее, уже нестабильное солнце на первой стадии превращения в красного гиганта.

Дерево на склоне не отбрасывало тени. И наверное, впервые в своей жизни Генри ощутил абсолютную тишину. Ни птичьего щебета, ни стрекота насекомых, ни вздоха ветерка. Полный, всеохватывающий покой.

И вдруг — голос, проникший извне:

«Ты здесь впервые?»

Обладай Генри телом, он мог бы от неожиданности взвиться или задохнуться. Теперь это было исключено. Он ответил спокойно и ясно:

«Да, я здесь впервые. Только что прибыл. Кто со мной говорит?»

«Я дерево,— сообщил голос извне.— Почему бы тебе не приблизиться ко мне и не отдохнуть в моей тени?»

«Но у тебя нет тени,— ответил Генри.— Нынешнее распухшее солнце светит слишком вяло».

«Извини, мне забылось,— откликнулось дерево.— Память вернула меня к временам, когда у меня была тень, чтобы предложить путнику. Да и разговоров не было у меня ни с кем так давно, что мне все забылось. Иногда я устаю от одиночества настолько, что испытываю бессмысленную склонность к заявлениям вслух. В сущности, я просто разговариваю с собой, потому что больше не с кем».

«Я не нуждаюсь в тени,— сообщил Генри,— и это к лучшему, потому что тени у тебя все равно нет. Но я с удовольствием разделю твою компанию и выслушаю информацию, если ты окажешь мне честь поделиться ею».

С этими словами он подплыл поближе к одинокому дереву. Оно осведомилось:

«Какая информация тебе нужна? Мои знания могут оказаться слишком скудными для удовлетворения твоих потребностей, но я охотно поделюсь теми крохами, что знаю».

«Ты разумное дерево,— заявил Генри,— и тем самым подтверждаешь мнение, какого придерживался кое-кто из древних людей. Например, моя сестра, которую я, к несчастью, утратил, свято верила — а другие считали ее фантазеркой — в то, что деревья станут преемниками людей. Теперь, после нашей встречи с тобой, мне приходит на ум, что она была права. Она была весьма проницательным человеком».

«А ты сам случайно не человек?» — спросило дерево.

«Частично человек. Человек дезинтегрированный или, в лучшем случае, не цельный. И это наводит меня на вопрос: не скажешь ли, что стало со скоплениями искр, застывших в небе? Некоторое время назад их было так много...»

«Смутно припоминаю,— отозвалось дерево.— Порывшись в памяти, могу восстановить их облик. Некогда в небе было много огней. Одни были звездами, а другие — тем, что ты называешь искрами. Звезды есть и сейчас, вскоре мы их увидим. Когда солнце спустится к горизонту на западе, они начнут появляться на востоке. А искры больше не видны, их не

стало уже давно. Они уплыли. Уплывали они постепенно, их становилось меньше и меньше. Испытываю уверенность, что они не умерли, просто уплыли куда-то в другое место. Можешь ты мне объяснить, какими были настоящие люди? Такими же, как ты?»

«Совсем не такими,— ответил Генри.— Тебе надлежит понять, что я аномалия. Я начал превращаться в искру, да не получилось. Это долгая история. Если хватит времени, я расскажу».

«Времени у нас сколько угодно»,— заявило дерево.

«А солнце?»

«Прежде чем оно станет опасным по-настоящему, я иссохну и умру, от меня не останется и следа. Настанет день, когда солнце погубит планету, которая, правда, и сегодня уже почти мертва. Но этот день придет еще не очень скоро».

«Приятно слышать,— заметил Генри.— Ты спрашиваешь, какими были настоящие люди. Значит, сегодня на Земле нет людей?»

«Когда-то, давным-давно, здесь жили существа из металла. Считалось, что это не люди, а копии людей».

«Роботы»,— догадался Генри.

«Они не были известны под этим именем. И не могу поручиться, что они вообще существовали. Рассказывали всякое. К примеру, что металлические существа старались уничтожить деревья, вырубая их. Объяснения, почему они взялись за топоры, у меня нет. Достоверных свидетельств, что они действительно делали то, что им приписывается, тоже нет».

«Роботы ныне тоже исчезли?»

«Даже металл не вечен,— ответило дерево.— Однако мы с тобой живы и разговариваем. Возможно, мы могли бы стать друзьями».

«Если ты этого хочешь. У меня не было друга уже очень, очень давно».

«Да будет так,— провозгласило дерево.— Устраивайся вблизи, и продолжим беседу. Ты упомянул, что некоторые люди верили в деревья как в своих преемников. Означало ли это, что деревьям уготовано занять на Земле место человека?»

«Именно так. Уже несчетные века назад люди предвидели, и с достаточным на то основанием, что человечество рано или поздно придет к последней черте, а освободившееся место займет кто-то другой».

«Почему? Почему освободившееся место должен кто-то занять?»

«Не могу дать точного ответа. Твердого логического обоснования не было и нет, но все, вероятно, верили, что на планете должен быть какой-то господствующий вид. В такой роли до человека выступали динозавры, а еще раньше трилобиты».

«Мне не приходилось слышать ни о тех ни о других».

«Ни те ни другие не добились успеха,— продолжил Генри.— Динозавры были огромными, и их было, вероятно, не так уж много. Трилобиты были крошечными, и их была тьма-тьмущая. Но главное в том, что и трилобиты, и динозавры вымерли».

«И человек занял место динозавров?»

«Не сразу. Не мгновенно. Это заняло определенное время».

«А теперь моя очередь? Я, дерево, теперь господствующий вид?»

«Похоже, что да».

«Странно,— объявило дерево,— но мне никогда не случалось думать о себе как о ком-то господствующем. Может быть, ныне вообще слишком поздно, и господство утратило свое значение. А что, в эпоху трилобитов, динозавров и людей это было не так?»

«Не могу судить о трилобитах, они были глупенькие,— ответил Генри.— Динозавры тоже умом не отличались, но ими руководил голод. Они пожирали все, что подвернется. А люди руководствовались уже не голодом, а жаждой — жаждой подчинить себе всю планету».

«Мы не ведаем ни голода, ни жажды,— отозвалось дерево.— Необходимое нам пропитание мы добываем из почвы и из воздуха. Мы никому не мешаем, у нас нет врагов, и мы сами не враждуем ни с кем. Ты, должно быть, заблуждаешься: если господствующему виду нужны голод и жажда, мы никогда им не были и не могли быть».

«Тем не менее ты думаешь, ты разговариваешь».

«О да, этому мы научились в избытке. Когда нас было много, Земля то и дело содрогалась от взрывов нашей болтовни. Мы были самыми мудрыми на Земле, только не сумели использовать свою мудрость. У нас не нашлось способа ее использовать».

«Быть может, ты поделишься со мной каплей этой мудрости?» — попросил Генри.

«Ты опоздал,— ответило дерево опечаленно.— Меня одолевает старость. Старость, а вместе с ней глупость и забывчивость. Не исключено, что для поддержания мудрости требуются общество, совместные усилия, совместная мысль, общие разговоры. У меня здесь нет общества. Ты явился слишком поздно, мой новообретенный друг. Мне нечего тебе предложить».

«Очень жаль»,— отозвался Генри.

Вот и еще один провал, добавил он про себя. Трилобиты, динозавры, люди — все потерпели провал, по крайней мере здесь, на Земле. А теперь и деревья. Мудрость сама по себе бесполезна. Если ее нельзя применить, она попросту не нужна.

«Ты встревожен»,— заметило дерево.

«Да, встревожен,— согласился Генри.— Хотя мне самому непонятно почему. Мне ли было не знать, чем все кончится...»

Глава 16

СЕМЬЯ СНОВА В СБОРЕ

Тимоти откинулся на спинку кресла, вытянув ноги перед собой во всю длину, и сказал:

— Наконец-то, прожив в центре почти полгода, я начинаю понимать, что тут происходит. Учу базовый галактический язык. Конечно, я многим обязан Хьюго. Он помогал мне с самого начала, был гидом и советчиком, знакомил в первую очередь с теми, кто тоже мог мне помочь...

— Да не верь ты его разглагольствованиям! — воскликнула Эмма, обращаясь к Инид.— Своих привычек он не изменил ни на йоту. Сидит себе в кабинете целые дни напролет и даже к столу не выходит, так что ребята из команды Хьюго принялись таскать ему еду наверх. А теперь робот, что прилетел вместе с вами, по дурости взял этот труд на себя...

— Робот,— вставил Хьюго,— помощник поистине неоценимый. Ребята с ног сбивались, чтобы и с кухней совладать, и по дому управиться, а робот немедленно взял самое трудное на себя. Он волшебник по поварской части, а уж его сноровке можно только позавидовать...

— Какой он волшебник,— проворчал Хорас с дальнего конца комнаты,— если готовить седло барашка до сих пор толком не научился!

— Ты когда-нибудь прекратишь жаловаться? — едко спросила Эмма.— То кухня тебе не нравится, то что-нибудь еще. Или забыл, что тебе говорил Тимоти, когда согласился взять нас сюда? Веди себя как следует, не причиняй неприятностей другим — вот и все, что он просил. Неужели тебе это трудно?

— А еще он потребовал,— завопил Хорас,— чтобы я держал рот на замке. Все, что нужно, мол, это держать язык за зубами...

— Не могу сказать,— заметил Тимоти,— что ты справляешься с этой задачей.

— Брось, Тимоти! — воззвала Эмма.— Не считая жалоб, он ведет себя не так уж плохо. Не сделал и шага за границу участка, не поссорился ни с кем из соседей, даже с самыми отъявленными уродами. Право, не понимаю, почему бы вам не ужиться.

— Что до меня,— подала голос Инид,— я согласна вообще не выходить с участка. Усадьба просто великолепная. Не считая гор вокруг, не вижу почти никакой разницы с Гопкинс-Акром.

— Вы правы, Инид,— сказал Коркоран.— Одно из самых уютных домовладений, какие я когда-либо видел. И очень напоминает Гопкинс-Акр. Конечно, мы с Буном пробыли там недолго, и все же...

Бун не поддержал эту тему. Его интересовал Конепес.

— Не представляю себе,— обратился он к инопланетянину,— как ты догадался, что звезда с крестом приведет нас сюда.

— Однако я объяснял,— грохотнул Конепес.— Крест внушил мне идею, что место сие особенное, и я задал неводу данное направление.

— Не ты ли предполагал,— напомнил Коркоран,— что крест означает предостережение, совет держаться подальше?

— Однако могло быть и так,— не стал спорить Конепес.— Иногда я питаю склонность к рискованным предприятиям.

— Могу лишь радоваться, что вы пошли на риск,— произнес Тимоти.— Мне было одиноко. Представители иных рас заботливы, тактичны, но семью они заменить не могут. А теперь семья, вернее то, что от нее осталось, снова в сборе.

— О Генри так ничего и не слышно? — поинтересовалась Инид.

Ответил не Тимоти, а Хорас:

— Ни ползвука. С вашим Генри никогда ничего не поймешь. Что бы вы ни твердили, он просто-напросто призрак. Да еще и шныряющий туда-сюда.

— Опять ты распускаешь язык! — упрекнула Эмма мужа.— Никогда ты Генри не жаловал, говорил о нем всякие гадости. Я-то надеялась, что ты хоть теперь изменишь этой привычке. Может, его и в живых уже нет...

— Это Генри-то нет в живых? — зарычал Хорас.— Кто-кто, а он умереть не может! Нет такой напасти на свете, чтобы до него дотянулась.

— При нашей последней встрече,— напомнил Коркоран,— он говорил, что намерен отправиться на поиски тех, кто улетел с ковчегом Мартина.

— Искал он нас или не искал,— объявил Хорас кислым тоном,— только не нашел. Наверное, предпочел другое, более привлекательное занятие.

Они сидели в гостиной, отдыхая после роскошного обеда. Из столовой доносился приглушенный звон посуды: прислуга убирала со стола фарфор и серебро. Тимоти приглашающе махнул рукой в сторону бара.

— Если кто-нибудь хочет подлить себе бренди, не стесняйтесь...

Хорас, тяжело поднявшись, поплелся к бару со своим стаканчиком. Желающих последовать его примеру не обнаружилось. Коркоран повернулся к Тимоти с вопросом:

— Вы как будто удовлетворены своим нынешним положением?

— Вполне,— ответил тот.— И в доме, и вокруг него все кажется давно знакомым. И у меня опять есть работа. А почему бы и вам не остаться с нами? Уверен, что центр без труда подберет вам какое-нибудь занятие.

Коркоран отрицательно покачал головой:

— Мой дом — в двадцатом веке. У меня там хороший бизнес, и я жду не дождусь, когда займусь им снова.

— Значит, ты для себя все решил? — спросил Бун.

— Конепес согласился отвезти меня. А ты что, разве не собираешься составить нам компанию?

— Нет. Я, видимо, останусь здесь.

— А ты, Конепес? — спросила Инид.— Ты потом вернешься к нам?

— Возможно и вероятно, стану наезжать в гости, если вам будет угодно меня пригласить. Однако многое еще не видано, световые годы не пройдены, и во Вселенной есть дальние уголки, куда хочется сунуть мой длинный нос.

— Прежде чем ты улетишь, дай мне ответ на один вопрос.

— Пожалуйста, спрашивай.

— Что все-таки случилось с Мартином? Ты сказал, что он выпал из невода. А мне сдается, что ты его столкнул.

— Рука моя не касалась его! — возмутился Конепес.— Я лишь подал команду неводу.

— Команду, чтобы невод его сбросил?

— В твоих устах сие звучит столь жестоко.

— А разве не было жестоко вышвырнуть его в космос?

— Однако никоим образом не в космос. Я дал команду неводу забросить его в иное место и время. На Землю, в двадцать третье столетие.

— Почему именно туда?

— Я не желал причинить ему зло. От него лишь надлежало избавиться, переместив туда, откуда не сбежать и не затеять новые интриги. Времялета у него не имеется, и, высаженный в том веке, он вынужден там и пребывать.

— Одно для меня так и осталось загадкой,— вклинился Коркоран.— Кто был этот чертов Мартин на самом деле? У меня вроде бы сложилось впечатление, что он был связан с Гопкинс-Акром и другими подобными группами. Что-то вроде агента-осведомителя в иной эпохе. И вдруг, как только до него дошло, что кто-то затеял наводить справки о поместье Гопкинс-Акр, давно не существующем, он бросается в бега. А затем мы видим его работающим на бесконечников, разъезжающим с ними по Вселенной на краденом времялете...

— Возможно, что не на краденом,— уточнил Конепес.— Он же уверял, что заплатил за него.

— Все равно времялет был краденым,— возразил Бун.— Краденым у Инид. Если Мартин его не крал, значит, это сделал кто-то другой.

— Насколько помню,— желчно высказался Хорас,— это вы, Коркоран, сообщили Мартину, что кто-то наводит справки о нашем поместье?

— Он меня нанял, я выполнял его поручения, только и всего. И он прекрасно платил. С тех пор я, правда, начал задавать себе вопрос, откуда у него брались деньги. Ясно, что не от вас. Если я не заблуждаюсь на ваш счет, вы таких денег никогда и в руках не держали.

— А вы уверены, что это были не фальшивые деньги? — не успокаивался Хорас.

— Деньги могли быть и не фальшивыми,— заявила Инид.— У него ведь было два времялета — большой ковчег и малый, тот, что достался Стелле. Когда путешествуешь во времени, несложно добыть любую сумму, находя клады, выигрывая в лотерею, еще что-нибудь в таком же духе. Дэвиду в его поездках тоже требовались кое-какие деньги на товары, которые он закупал для нас. И он пополнял свои финансы именно такими способами.

Тимоти глубокомысленно кивнул и сказал:

— Сомневаюсь, что мы когда-нибудь разберемся в этом до конца. Несомненно одно: Мартин был человек с двойным дном. Должен, увы, признать, что мы всецело доверяли ему, хоть он нам и не нравился. Дэвид встретил его в Нью-Йорке и невзлюбил с первого взгляда. Непорядочный человек. Весьма, весьма далекий от порядочности.

— Он изменник,— провозгласил Хорас.— Как заподозрил, что у нас неприятности, так и бросил нас на произвол судьбы.

— Повторяю,— заявил Тимоти,— до конца нам в этом никогда не разобраться. Вы совершенно уверены, что избавили нас от Мартина? Он не явится снова и не станет нам докучать?

Конепес не сразу понял, что вопрос обращен к нему, но когда разобрался, заверил:

— Он в ловушке. Без времялета ему оттуда дороги нет.

— Теперь, когда мы узнали о том, что с ним сталось, мы будем чувствовать себя спокойнее,— сказала Инид.— Спасибо, Конепес, что сообщил нам правду. И пожалуй, есть еще одна услуга, которую ты мог бы нам оказать.

— Назови ее,— отозвался Конепес.— Я твой вечный должник, мой долг непомерен, и радостно вернуть хоть малую его часть.

— Ты не мог бы забрать времялет, оставшийся на Магистрали Вечности, и доставить его сюда? Времялет — большое удобство, и неплохо бы иметь его под рукой.

— Да и центр не прочь взглянуть на него,— добавил Тимоти.

Волк выполз из угла, где спал в обнимку с миской мяса, вперевалку пересек комнату и плюхнулся на пол у ног Буна.

— Он просится погулять,— догадалась Инид.

— Нет еще,— ответил Бун.— Подумывает о прогулке — это так. Принимает решение, но еще не принял. Когда примет, попросится по-настоящему.

Хорас опять поднялся и направился к бару за новым стаканом бренди.

— Забыл рассказать вам об одной занимательной находке,— объявил Тимоти.— Просматривая предоставленные мне центром записи, я наткнулся на копию одного документа двадцать четвертого, а может, двадцать пятого века. Это первое упоминание о Земле, попавшееся мне на глаза за все время пребывания здесь. Вернее, Земля не названа, но вся внутренняя логика документа подсказывает, что речь идет именно о Земле. Повествуется о том, что там родилась и расцвела новая религия, связанная с каким-то таинственным объектом искусственного происхождения. Что это за объект, не вполне ясно, однако его почитатели относятся к нему как к мессии, выступающему против технического развития, проповедующему отказ от материального прогресса ради поисков своего истинного «я». Не слышится ли вам в подобной проповеди кое-что знакомое?

— Конечно слышится,— откликнулась Инид.— Такие поучения подорвали человечество изнутри, морально подготовили его к пришествию бесконечников.

— Да нет, разрыв во времени слишком велик,— осмелился возразить Бун.— Идеи не живут по миллиону лет. Они устаревают гораздо быстрее. Выходят из моды и теряют свою привлекательность...

— Не уверен, что это всегда так,— высказался Тимоти.— Данный культ первоначально получил широкое распространение, а значит, мог и выжить в среде ярых приверженцев, особенно если объект поклонения сам по себе долговечен. И в эпоху социальных потрясений — а такие эпохи повторяются с завидной регулярностью — фанатики культа могли возродить его в планетарном масштабе. За примерами не надо далеко ходить — взять хотя бы веру в магию, которая то отступала под натиском здравого смысла, то вдруг опять выныривала в измененном обличье, и так продолжалось почти до наших дней.

— Насчет магии все точно,— поддержал Коркоран.— Как раз в мою эпоху культы, связанные с магией, множились, как грибы после дождя.

— В наше время никаких культов не осталось,— объявила Эмма.— Если б они были, мы бы о них непременно слышали.

— А установки, порожденные культовым сознанием, сохранились,— выдвинул Тимоти встречный тезис.— Культ как таковой, возможно, и умер — но не потому ли, что достиг своей цели? Люди приняли главные стороны учения, оно постепенно вросло в общественное сознание. И все забыли, откуда оно взялось. Решили, что философия, культовая по существу, рождена логикой исторического развития и напряженной работой мысли.

— Все это глупости,— объявила Эмма.— Древние легенды.

— Не исключено, что легенды.— Тимоти решил уступить сестре.— Но весьма и весьма любопытные...

— Кажется, вы, Тимоти, наконец-то напали на жилу, будто специально вас поджидавшую,— заметил Коркоран.

— Сперва я опасался, что деятельность центра представится мне непостижимо странной и я просто не сумею найти в ней лазейку для себя. Однако мои поверхностные знания земной истории, оказывается, имеют определенную ценность при изучении закономерностей возвышения и гибели культур. Центр глубоко обеспокоен тенденциями, которые помогли бесконечникам добиваться успеха. Интересует нас и секрет путешествий во времени. Были слухи, что бесконечники владеют этим секретом, но они не делились им решительно ни с кем. А теперь, когда радуги вынесли им приговор, всякая связь с бесконечниками утрачена. Но если бы заполучить времялет, оставленный на Магистрали Вечности...

— Обязуюсь и клянусь,— провозгласил Конепес,— доставить его вам в собственные руки.

— Еще бы лучше разобраться в устройстве вашего невода. Дайте нам его хоть на самое короткое время для осмотра...

Но тут Конепес был непреклонен.

— Сожалею, однако не могу лишиться невода даже на мгновение. Он есть наследие моего народа. Сказания из глубочайшего прошлого поднялись в моей памяти и помогли мне обрести невод, но я не могу предоставить ту же помощь другим.

— Понимаю,— сказал Тимоти.— На вашем месте я, наверное, поступил бы так же.

— А трудно работать с инопланетянами? — спросила Инид.

— Поначалу было трудно,— ответил Тимоти,— теперь уже нет. Я привык к ним, а они ко мне. При первом прямом разговоре с ними мне не позволили даже видеть собеседников из опасения, что я сочту их чудовищами.— Он пожал плечами.— Многие из них и в самом деле чудовища, как были ими, так и остались. Но при личных встречах с ними я больше не содрогаюсь, как и они не содрогаются при встречах со мной. Когда я работаю с ними, то сохраняю душевный комфорт и даже испытываю удовольствие.

Волк встал с пола и, подобравшись к Буну вплотную, положил морду ему на колени.

— Он все-таки просится,— сказала Инид.

— Кажется, да. Пойду открою ему дверь.

— Не надо. Я его выведу. Заодно и сама хлебну глоток свежего воздуха. Здесь душновато.— Она шепнула что-то волку на ухо, и тот с готовностью последовал за ней.— Я скоро вернусь. Глоточек воздуха, и обратно.

Бун прочел волку наставление:

— Будь сознательным зверем. Ни на кого не нападай. Веди себя прилично. И не поднимай гама.

Как только Инид с волком вышли из гостиной, Хорас вновь прошествовал к бару за бренди.

— А не хватит тебе? — попытался остановить его Тимоти.— *День еще далеко не кончился...*

Эмма вспылила и накинулась на брата:

— Тебе непременно нужно унижать его? Мало тебе было унизить его, когда ты забирал нас сюда, так ты и теперь не можешь остановиться! Ты говоришь с ХорасомЧ в точности как Бун с волком. «Веди себя прилично», сказал Бун. Но одно дело зверь, а другое — человек!

— Я действительно говорил Хорасу то же самое,— согласился Тимоти.— Это входит в условия соглашения. Не мог же я бросить тебя там в бесприютной глуши, а переселяться без него ты не пожелала. Только после переговоров с советом центра...

— Хорас беспокоится о Конраде и других роботах,— сказала Эмма невпопад.— Он очень к ним привязался.

— Пустить сюда еще и банду роботов? На это совет категорически не пошел. Да они и сами не согласились бы на переселение. Здесь им было бы не по себе. А там, на воле, они чувствуют себя прекрасно. Выбрали большой участок девственной прерии, поднимают целину, думают выращивать продовольствие для нужд центра...

Хорас, не обращая внимания ни на что, подливал себе в стакан бренди. Эмма приблизилась к нему и, взяв под локоть, предложила:

— Слушай, зачем нам оставаться с теми, кто нас оскорбляет? Пойдем наверх. Может, сумеешь вздремнуть?

Хорас без возражений двинулся к лестнице. Бутылку бренди он прихватил с собой.

Когда они удалились, Тимоти произнес смущенно:

— Приношу присутствующим извинения за неподобающую семейную склоку. В том ли, в другом ли варианте она повторяется почти ежедневно. Но ведь я сказал Эмме чистую правду. Я не мог оставить ее за стеной. Пришлось изрядно попотеть, чтобы совет смилостивился и пустил сюда не только ее, но и Хораса. Тот досаждал городу своими выходками месяца три, если не больше.

— Если вас беспокоит, что подумали мы с Буном,— отозвался Коркоран,— то смело выкиньте это из головы. Хорас демонстрировал нам себя во всем блеске еще в Гопкинс-Акре, так что ничего для нас неожиданного не произошло.

— Центру очень повезло с этими роботами,— сменил тему Тимоти.— Они помогут снять всякие продовольственные трудности. Обзавелись двумя паровыми двигателями, смастерили многокорпусные плуги. Вспахали и взборонили несколько тысяч акров земли. Через год будут получать со своих полей тонны продукции...

Коркоран сменил тему еще раз:

— Вы рассказывали, что, вылетев из Гопкинс-Акра, сделали посадку на Земле близ монастыря и решили осмотреть его. Но я никак не пойму: кто переместил монастырь вместе с вами на эту планету?

— Должно быть, бесконечники оставили его, так сказать, с включенным зажиганием. Любой, кто входит в их отсутствие, тем самым дает команду на старт. Вошли мы, и ловушка сработала.

— Но если это они, тогда странно, что местом назначения была избрана эта планета. Вам не приходило в голову, что ловушку могли подготовить здесь, в Галактическом центре?

— Я спрашивал, и меня заверили, что не имеют к ней никакого отношения. Истинного виновника мы, наверное, никогда не узнаем.— Он помолчал, пожал плечами и опять сменил тему.— Когда Конепес приведет сюда времялет Инид, появится возможность разыскать и две другие машины. Правда, Хорас клянется, что не помнит координат посадки у монастыря, хоть и смотрел на приборы. А как обстоит дело с тем времялетом, где были вы с Дэвидом?

— К сожалению, не могу вам помочь. Дэвид заносил координаты в бортжурнал, и я воспользовался ими, но оставил журнал в кабине.

— Ладно, не горюйте. Может, Конепес или кто-нибудь другой изыщет способ установить местонахождение нашей или вашей машины.

— А что решено насчет планеты радуг? — поинтересовался Коркоран.— Вы говорите, до нашего появления центр про нее и не слышал?

— Мы были совершенно не осведомлены о ней,— подтвердил Тимоти.— Полагаю, будут предприняты попытки вступить в контакт с радугами, если это не окажется слишком сложно.

— Да, вероятно, это будет нелегко. Но овчинка стоит выделки. По словам Шляпы, радуги — древнейшая разумная раса во Вселенной...

Бун оттолкнулся от стула и встал.

— С вашего разрешения, схожу посмотрю, как там волк, не вздумал ли озорничать. За ним нужен глаз да глаз...

Он немного помедлил, но никто из остальных, видимо, не горел желанием составить ему компанию. Всем хотелось оставаться на своих местах, а больше ничего не хотелось.

С порога он сразу же увидел Инид, сидящую на одном из расставленных по лужайке плетеных кресел. Подойдя к ней, он наклонился и легко поцеловал ее. Она обвила его руками, прижала к себе. Поцелуй повторился — настоящий, затяжной поцелуй.

— Я ждала тебя,— шепнула Инид.— Что ты так задержался?

— Мы увлеклись беседой.

— Когда ты с Тимоти, то всегда увлекаешься беседой, а вокруг и не смотришь.

— Мне нравится Тимоти. С ним приятно разговаривать.

— Возьми себе кресло и подсаживайся ко мне. У нас с тобой тоже есть о чем поговорить.

Волк возился в дальнем конце лужайки, увлеченно вынюхивая что-то в кустах над дорогой, проходящей по границе усадьбы.

— Том, скажи мне, много ли ты помнишь из того, что эти радуги силком впихнули нам в головы?

— Нет, пожалуй, немного,— ответил Бун.— Вспоминается как-то отрывочно, по частям. Они вывалили все это на нас неудобоваримой массой, но мало-помалу что-то начинает выплывать.

— Они дали нам фундаментальные знания, впитать которые — задача не на один день. Мы избегали говорить об этом, но, может быть, пора?

— Может, и пора. Хотя я до сих пор не понимаю, почему они выбрали именно нас.

— Каким-то образом уловили, что мне случалось размышлять о смысле мироздания. А тебя, наверное, посчитали квалифицированным сборщиком информации. Так что ты все-таки помнишь?

— Я уже сказал — немногое. Яснее всего помню, что для возникновения жизни во Вселенной требуются специфические условия. Физические и химические подробности ускользают от моего понимания, но говорилось что-то об особой роли нестабильных звезд. В придачу к стабильным звездам с планетными системами нужно, чтобы нестабильные вспыхивали сверхновыми и выбрасывали в космос тяжелые элементы. Без таких вспышек жизнь невозможна.

Инид наморщила лоб.

— Я тоже вспоминаю что-то в таком роде, но вдуматься не могу — голова раскалывается. Но главное, кажется, в том, что Вселенная сформировалась как своего рода фабрика по производству жизни, с тем чтобы жизнь хотя бы в отдельных случаях порождала разум. Радуги смотрят на Вселенную как на агрегат, вырабатывающий жизнь и сознание. По их убеждению, без сознания и высшей его формы — интеллекта — Вселенная просто-напросто лишена смысла.

— Они толковали также о происхождении Вселенной, причем не теоретически, а словно бы оперируя точными факта-

ми. Все это мне совершенно недоступно, хотя уже в мои времена астрофизики знали, как развивалась Вселенная, начиная буквально со второй микросекунды после ее начала. А к твоей эпохе они, наверное, одолели и эту последнюю, вернее, первую непознанную микросекунду?

— Чего не знаю, того не знаю. Не забывай, Том, в своей эпохе мы были неотесанными невеждами.— Инид помолчала, потом добавила: — Радуги говорили еще о том, что интеллект высшего порядка уже не нуждается в логике, а познает истину инстинктивно. И говорили они это так, словно сами уже достигли подобного уровня. Будет неудивительно, если кое-что ими сказанное мы не поймем вообще никогда.

— Не поймем, так не поймем. Но вероятнее, по-моему, что с каждым днем будем понимать все больше и больше. Надо набраться терпения и подождать...

А может, человеку и не дано понять, добавил он про себя. Может, и радугам не дано полностью постичь смысл жизни и цель мироздания. Важно, что они стремятся к этому. Здесь, в Галактическом центре, другие существа другими методами ищут ответы на те же вопросы. Ответы даются нелегко, но тяга к познанию не угасает. И это важнее всего: пока существует тяга к познанию, сохраняется и надежда, что загадки Вселенной рано или поздно будут раскрыты.

Они сидели рядом, взявшись за руки, купаясь в солнечном тепле, вдыхая аромат цветов, распустившихся на клумбах. Привольный вид, изящный изгиб лужайки внушали довольство и покой.

— А Коркоран и Конепес вот-вот нас покинут,— сказала Инид печально.— Как не хочется их отпускать! Тимоти уверен, что центр нашел бы им применение, и уговаривал их не спешить. Вообще-то я думала, что ты тоже уедешь с ними, несмотря на свое обещание остаться. Но сегодня ты дал центру обязательство приступить к учебным занятиям...

— Должен же я был найти какой-то предлог для своего пребывания здесь,— ответил Бун.— Надо было что-то сказать, а ничего другого в голову не пришло. Не стану же я исповедоваться перед ними, что остаюсь из-за женщины, которую встретил в странствиях по эпохам и которую незаметно для себя полюбил...

— Ты мне раньше этого не говорил! — воскликнула она.— Я-то знала, что люблю тебя, с того дня, когда оплакивала

Дэвида, а ты меня обнял. Мне нужно было опереться на сильное плечо, и ты дал мне опору, силу и сочувствие...

— Не мог я сказать тебе этого раньше,— заявил он.— Я легко нахожу точные слова, когда речь идет о фактах. А с другими словами, ласковыми, мне гораздо труднее...

В дальнем конце лужайки началась шумная возня. Бун, подскочив, крикнул во весь голос:

— Волк!..

— Не ругай его,— попросила Инид.— Он там что-то нашел. Или поймал...

Волк выбрался из кустов. Подбросил в воздух какой-то предмет, снова схватил зубами и весело поскакал к Буну. В волчьей пасти безвольно болтался Шляпа. Приплясывая от счастья, зверь положил добычу к ногам хозяина.

— Он вернул себе любимую игрушку! — порадовалась Инид.— Нашел потерянную куклу!

Шляпа очнулся, сел, высказался:

«Ничего вы не поняли!»

И опять повалился наземь. Волк с готовностью подобрал дряблую куклу и безмятежно потрусил к дому.

Глава 17

МАРТИН

Мартин скатил потрепанную, дребезжащую колымагу на обочину и осторожными поворотами руля спустил ее под уклон на дно сухого оврага. Аккумулятор опять сел — теперь потребуется несколько часов подзарядки от солнечных батарей, прежде чем она сумеет набрать хотя бы минимальную скорость. Когда колеса покатились по плоскому дну оврага и пришла пора тормозить, Мартин с удовлетворением отметил, что с дороги машину не видно. Движения в этой обнищавшей стороне осталось кот наплакал, и все-таки колымагу лучше не выставлять напоказ: какая она ни потрепанная, в ней сохранились ценные части, которые не преминут стибрить, едва владелец отвернется или окажется не в состоянии защитить свою собственность.

Что за жалкий мир, сказал себе Мартин,— ни денег, ни кредита нет и в помине, деловых перспектив почти нет, а

может, и нет вовсе. И самые смутные воспоминания о законности: каждый сам себе закон, если, конечно, хватает мускулов настоять на своем.

По-видимому, на Земле разразился экономический кризис всепланетного масштаба. Впрочем, полной уверенности в этом тоже не было; точными данными никто не располагал, да, пожалуй, никто и не интересовался тем, что творится на свете. Говорили, что еще существует радио, но в пропеченной солнцем убогой деревушке, близ которой его высадили, не оказалось ни одного приемника, не говоря уж о телевизорах, да и работает ли еще телевидение? А когда он спросил газету, на него посмотрели пустыми глазами: о газетах здесь просто не слыхивали.

Он притащился в деревушку месяца два назад. Жители шарахались от него, собирались кучками и разглядывали пугливо, будто дикого зверя, сбежавшего из своего логовища в дальних холмах. Прошло с полчаса, прежде чем один из самых старших рискнул подойти и заговорить. Видимо, старик пользовался в деревушке авторитетом, а главное, хоть и трясся не то от возраста, не то от страха, но изъяснялся на языке, который можно было понять, невзирая на множество незнакомых слов и интонаций. Выслушав Мартина и не поверив ему, старик покрутил пальцем у виска, обозначив тем самым, что незнакомец слаб рассудком.

После этого Мартину по доброте сердечной дали поесть и выделили место для ночлега. В последующие дни удалось с грехом пополам выяснить, что он попал в двадцать третий век, хотя назвать точный год собеседники затруднялись. Что оставалось делать? Разве что осыпать бессильными проклятиями длинномордого инопланетного урода: Мартин не сомневался, что именно Конепес ссадил его с невода посреди многообещающего рейса.

В деревушке он сумел кое-как протянуть несколько недель — сам не мог бы сказать сколько: тут было до смешного легко потерять счет чему угодно. Помогал полоть кукурузу — это занятие ему, пожалуй, даже понравилось. Чтобы напоить посевы, носил за полмили воду из упрямого ручейка, бурливого и извилистого: в самой деревушке воды не было. Научился ставить силки на кроликов, пробовал поднатореть в стрельбе из лука, правда без особого успеха.

Жители постепенно перестали дичиться, и из разговоров удалось узнать, что к северу есть дорога чуть лучшего качества, чем ведущая в деревушку тропа, и что эта дорога выводит на другую, широкую и прямую, идущую с востока на запад; ну а уж по широкой дороге можно в конце концов попасть в города. Мартин сильно подозревал, что города на поверку будут мало чем отличаться от деревень, разве что домов и людей там побольше и жить чуть полегче. Ему говорили, что повсюду безработица, что торговля чахнет, а деньги исчезли совсем. Выходит, негодяй Конепес засадил его в страну и эпоху, погрязшие в глубочайшей депрессии.

По чистой случайности, рыская по деревушке, он натолкнулся на брошенную под навесом полуразбитую колымагу на солнечных батареях и, осмотрев ее, пришел к выводу, что она еще способна двигаться. Разыскал хозяина колымаги и убедился, что тому она вовсе не нужна: ездить некуда, да и неизвестно, как ездить. Торговались до седьмого пота, и Мартину удалось выменять колымагу на наручные часы. Хотя, по правде говоря, собственные часы были нужны мужику не больше, чем собственное средство передвижения; точное время дня в деревне имело не большее значение, чем год или день недели.

И вот он наконец сидит в овраге, выжидая, пока колымага не соберется с духом и не подзарядит аккумулятор. Накануне он добрался до широкой дороги, той самой, о которой ему рассказывали, и опознал в ней остаток одной из трансконтинентальных автострад, пересекавших некогда страну от побережья до побережья. Поскольку высадили его, по его представлениям, где-то на юго-западе Соединенных Штатов, он повернул на запад. До Тихоокеанского побережья не должно быть очень далеко, а там, наверное, сохранились большие города. Пусть даже они пришли в оскудение, но самый убогий город лучше деревушки, откуда он унес ноги.

За целый день, проведенный на автостраде, ему встретились только три машины — одна на солнечных батареях, поновее и покрасивее его колымаги, и две совсем допотопные, с двигателями внутреннего сгорания. Судя по сладковатому запаху выхлопных газов, эти две работали на спирту.

Запарковавшись на дне оврага, Мартин выкарабкался из ковшика единственного сохранившегося сиденья. Он изрядно

устал: даже на относительно гладком покрытии автострады езда в таком ковшике превращалась в сущее наказание. Колымагу трясло, бросало из стороны в сторону, и за сутки каждая мышца тела налилась протестующей болью.

Отойдя от машины на пять шагов, он потянулся. В овраге царило безмолвие. Ветер сюда не проникал, и даже насекомые не залетали. В высоком бледно-голубом небе парила одинокая птица, может быть степной орел, а скорее стервятник. Склоны оврага были размыты давними дождями, обезображены выветриванием, торчащие там и сям валуны и каменные пласты растрескались под свирепым солнцем и частично осыпались, выстлав дно хрусткой, острой крошкой.

Неподалеку овраг делал крутой поворот. Мартин дошел до поворота и замер, уставясь на левый от себя склон: из осыпи высовывались мертвенно-белые кости, поблескивал отполированный временем рог. Эрозия почвы потревожила чью-то могилу.

Череп был бычий, но слишком массивный даже для племенного быка, а уж мощный и длинный рог превосходил своими размерами всякое воображение. Очевидно, бизон. Только не тот бизон, который дожил в прериях Среднего Запада до двадцатого века, а бизон доисторический, один из могучих зверей, на каких охотились первые племена, поселившиеся на американской земле. Приглядевшись, Мартин заметил на дне оврага, как раз под черепом, беленькие осколки других костей. Сколько же лет прошло с тех пор, как эта ископаемая ныне тварь бродила по прериям, пощипывая травку? Тысячелетий двадцать, не меньше — ведь нынешняя пустыня тогда, несомненно, была прерией... В прежние времена подобная находка сулила бы нашедшему определенную прибыль. Однако сейчас, если мир действительно впал в состояние столь плачевное, как рисовалось Мартину, о прибыли от древних костей нечего и мечтать.

Сразу за черепом склон вспучивался, выдаваясь в овраг на четыре-пять футов,— маленький каменный форт устоял перед силами разрушения. Обогнув форт, Мартин зажмурился и остановился в недоумении: по глазам ударил отраженный солнечный луч. Так ярко солнце не могло отразиться ни от песка, ни от камня — от чего же тогда? Еще шаг — нестерпимый блеск погас, но отразившая луч точка все равно посверкивала.

Он медленно приблизился к ней и встал. Точка оказалась не точкой, а выступающим из почвы шлифованным шаром, очень похожим на те хрустальные шары, какие применяют ярмарочные гадальщики. Шар был размером с баскетбольный мяч и отличался удивительно гладкой поверхностью: Мартин даже увидел в ней самого себя, хоть и искаженного, как в кривом зеркале. Он поднял руки, хотел вытащить шар из почвы — и тут шар заговорил:

«Добрый сэр, возьмите меня, заберите меня. Подарите мне тепло иной жизни, подарите мне свое участие. Я так давно в одиночестве!»

Мартин окаменел, руки остались вытянутыми, но шара так и не коснулись. Зубы в ужасе лязгнули друг о друга. Что-то обратилось к нему, проникнув прямо в мозг, поскольку никаких слышимых звуков не было,— та же манера общения, какую предпочитало куклообразное создание по имени Шляпа.

«Освободите меня,— умолял голос.— Заберите меня и держите при себе. Я буду вам другом и преданным слугой. Я ничего не прошу, кроме права остаться с вами. Я не вынесу новых страданий в случае, если вы отвергнете меня, уйдете прочь от меня».

Мартин попробовал ответить. Слова застряли в горле.

«Не надо меня бояться,— продолжал голос.— В нынешнем моем состоянии у меня нет средств причинить вам вред, а если б и были, я не захотел бы их применить. Я ждал вас так долго, целую вечность. Пожалуйста, добрый сэр, смилуйтесь надо мной. Вы моя последняя и единственная надежда. Другого шанса мне уже не представится. Я не в силах остаться один навсегда».

Мартин наконец-то обрел дар речи, хотя слова у него вышли торопливыми и невнятными. Он словно боялся, что они присохнут к языку и не выговорятся.

— Кто вы? Вы действительно обратились ко мне?

«Я действительно обращаюсь к вам,— ответил шар.— Я слышу вас своим мозгом и обращаюсь напрямую к вашему мозгу. Ваш изустный язык для меня невосприним*аем. Я не слышу* ни звука. Некогда у меня было чувство слуха, однако оно давно утрачено».

— Но кто вы?

«Это долгая история. Сейчас довольно сказать, что я древний искусственный интеллект, созданный расой, о которой не осталось достоверных сведений».

А ведь чертова штука врет, отметил Мартин про себя.

Шар выразил протест:

«Я не вру вам. Зачем бы я стал вам врать, мой спаситель?»

— Я же не говорил, что вы врете. Слова вам не сказал.

«Мысль ясно сформировалась в вашем мозгу. Я решил, что она адресована мне».

— Мой бог,— изумился Мартин,— вы прочли мои мысли! Вы что, можете прочесть мысли любого и каждого?

«Таков мой способ общаться,— ответил шар.— И в общем, да, я могу уловить мысли любого существа, если оно подойдет достаточно близко».

— Ладно,— сказал Мартин.— Ладно, так и быть...

Сделав шаг вперед, он отделил шар от склона. В почве осталась круглая выемка. Шар приятно тяжелил руки, ощущался как нечто прочное, но неподъемным отнюдь не был. Мартин подержал его минуту, затем мягко опустил на дно оврага, а сам присел рядом на корточки.

«Добрый сэр,— воззвал шар,— можно ли понять ваши действия так, что вы меня забираете?»

— Да, наверное, я вас заберу.

«Вы никогда об этом не пожалеете. Я буду вам лучшим другом из всех, какие у вас когда-либо были. Я буду вашим...»

— Не надо сейчас об этом,— сказал Мартин.— Позже мы все обсудим.

И, подняв шар с земли, направился к колымаге.

«Куда мы идем, сэр?»

— Я помещу вас в свою машину,— ответил Мартин.— Потом мне надо еще кое-что сделать. Вы останетесь в машине, но позже я присоединюсь к вам.

«Но вы вернетесь? Добрый друг, вы вернетесь ко мне?»

— Даю обещание, что вернусь.

Устроив шар в машине, он двинулся по оврагу обратно, далеко за тот поворот с каменным фортом, где произошло открытие. Наконец он решил, что отошел на достаточное расстояние и шар уже не сумеет уловить его мысли. По крайней мере, можно было надеяться, что не сумеет. Кажется,

он ухватил идею за хвост, и надо не торопясь обмозговать ее наедине с собой.

Шар — это что-то новенькое, сказал себе Мартин, и, пожалуй, может принести прибыль. Если подойти к делу с умом, то даже в этой забытой богом эпохе шар может стать ключом к лучшей жизни. Он поворачивал идею так и этак, мысли шмыгали то туда, то сюда. Для изобретательного человека в шаре были заложены возможности, много возможностей, и ни одну из них нельзя упустить.

Спрашивается: что в этом мире, заскорузлом, вновь скатившемся к невежеству, сохранило для людей свою притягательность? Мир исполнен безысходного отчаяния — вот где зарыта собака! Людям нельзя посулить сокровища, нельзя обещать богатство — на Земле не сохранилось сокровищ, в которые можно поверить. Самый отпетый болван воспримет ныне надежду на обогащение как совершенно пустую. Ну а если вести речь не о надежде на что-то, а о надежде в чистом виде, о надежде как таковой? Пожалуй, это меняет дело. Только бы найти способ торговать надеждой — люди ухватятся за такой товар руками и ногами. Самый слабенький проблеск надежды — и к нему стекутся тысячные толпы. Но нет, годится далеко не всякая надежда, слюнявая болтовня мало кого устроит. Надежда должна быть мощной, на грани фанатизма. И ясно, что добиться от людей фанатизма будет очень, очень непросто.

Мартин ходил по оврагу, как тигр по клетке. Допустим, ему удастся добиться цели, предложить на продажу надежду нужного калибра — что это ему сулит? Жить станет полегче, хотя денег не прибавится — какие сейчас деньги! Что можно завоевать, так это общественное положение и власть. А имея власть, ловкий человек сумеет употребить ее себе во благо.

Он ломал голову над возникающими возможностями, а попутно и над загадкой древнего интеллекта, созданного неведомой расой. Хотя, честно говоря, он так и не поверил до конца в то, что шар — древний искусственный интеллект.

Всплеск новой религии — вот что нужно! Вот он, искомый ответ — религия! Новый мессия, древний интеллект, вещающий в возвышенно-мистической обстановке...

Присев на корточки, Мартин напряженно думал. Поначалу придется действовать осторожно — никакой рекламы, никаких массовых зрелищ. Маленькие шажки, скромные шажки —

пусть слава мессии передается из уст в уста, и паломничество начнется само собой. А слава возникнет, если люди услышат от шара то, что хотят услышать. Это уж его, Мартина, забота — выяснить, чего хотят люди, и передать шару, что именно изрекать.

Правда, остается нерешенным вопрос, что же такое шар. Конечно же, никакой не древний интеллект, созданный неведомой расой, но что? Впрочем, неважно, правда это или ложь,— ему, Мартину, подобное объяснение на руку. Он попробовал найти иные объяснения и отверг их одно за другим. И сердито сказал себе: я попусту теряю время. В данный момент не имеет значения, что такое шар и откуда он взялся. Использовать его можно и не разбираясь в его истории.

Просмотрев свой план пункт за пунктом в поисках промашек, на которых можно поскользнуться, Мартин не нашел ни одной непреодолимой. Когда люди утратили всякую надежду, они не станут слишком пристально вглядываться в того, кто предложит им ее заново. Они созрели для этого, они жадно ухватятся за обещанное спасение, будут просить и даже требовать, чтобы такие посулы повторяли им каждый день. Идея, в принципе, безупречная, разумеется, если разыграть все как следует. Потребуются еще часы и часы на обдумывание мелочей и последовательности действий — ну что ж, придется пойти на это. Уж он-то, Мартин, готов не пожалеть ни времени, ни усилий, не упустить ни одной детали. План у него крепкий, реальный план, и он не простит себе, если не доведет дело до конца.

Он поднялся и вернулся к машине широким шагом. Видимо, незаметно для себя он провел в овраге несколько часов: солнце уже садилось.

«Вы вернулись! — радостно вскрикнул шар.— Мне было подумалось, что вы можете и не вернуться. Я пребывал в мучительной агонии, что вы не вернетесь».

— Незачем было мучиться,— сказал Мартин.— Я здесь.

Первым долгом он бросил взгляд на приборы. Выяснилось, что аккумулятор набрал полный заряд, настолько полный, насколько это вообще возможно для старого аккумулятора. Мартин влез на сиденье, уложив шар рядом с собой.

— Один вопрос,— обратился он к шару.— Каковы ваши этические принципы? У вас есть этика?

«Что такое этика? — отозвался шар.— Прошу объяснить».

— Это уже неважно. Вы мне подходите. Мы с вами составим дружную команду.

И Мартин, лихо развернувшись, вывел колымагу на шоссе.

Глава 18

КОНЕПЕС

Конепес, отдыхая, присел за столик у придорожного кафе, где ныне не осталось ни робота, ни его снаряжения. В воздухе неподалеку плавал невод. Сундук с упрятанной в него галактической схемой уже был на борту. А телевизор, который Инид якобы украла у овцепауков, лежал на столе под рукой. Вагонетка по-прежнему стояла на путях, поджидая новых пассажиров, которые могут не пожаловать вообще никогда. И все вокруг было укутано в туманную серость, неизменно царящую на Магистрали Вечности.

От нечего делать он пустился размышлять, далеко не в первый раз, что же это за Магистраль. До сих пор его размышления не привели ни к чему, да и вряд ли когда-нибудь приведут. Кто создал или что создало эту бесконечную дорогу, идущую вкось по отношению к обычному пространству-времени и тем самым исключенную из него? Впервые он услышал о ней очень давно и далеко отсюда от совершенно ни с чем не сообразного существа, живущего словно в насмешку над нормальными представлениями о жизни. Именно оно, несообразное существо, назвало дорогу Магистралью Вечности, но уклонилось от ответа на вопрос, как понимать подобное название. «Не ищи ее,— предупредило несообразное.— Ее нельзя найти путем поиска, на нее можно лишь натолкнуться случайно...»

И однажды, тысячи лет назад, Конепес натолкнулся на Магистраль. А затем, к своему удивлению, убедился, что она нанесена на древнюю галактическую схему. При этом он был уверен, что его собственный народ не прокладывал Магистраль, хотя и знал о ней.

Натолкнувшись на Магистраль, он решил, что это место как нельзя лучше подходит для того, чтобы сидеть и строить разные планы. Он возвел хижину со столами и стульями вокруг и поставил робота присматривать за заведением. Посколь-

ку рельсы уже были, он водрузил на них вагонетку и оснастил ближайший участок сигнализацией, чтобы не прозевать тот исключительный случай, если на Магистрали появится еще кто-нибудь.

Многие века сигнализация молчала — и вдруг, лет пятнадцать назад, сработала: ее потревожил Бун, впервые ступивший «за угол». Конепес расценил это странное происшествие как возможный ключ к решению проблемы, которую поставили перед ним не менее странные люди, поселившиеся в усадьбе Гопкинс-Акр.

Он уповал на лучшее и все же не испытывал полной уверенности в своих выводах, пока Бун не появился вторично. Тогда стало ясно: на его глазах зародился новый талант, и у кого? У представителя расы, в которой он таких талантов никак не заподозрил бы. Сам по себе талант был менее значим, чем тот факт, что данная раса не исчерпала своих эволюционных задатков и способна развить в себе скрытые доселе возможности. И этот факт, в свою очередь, означал, что Бун становится центральной фигурой всего проекта.

Теперь, после всех проволочек, проект наконец-то движется полным ходом и даже успешнее, чем он смел надеяться. Осталось лишь наблюдать, наблюдать неусыпно, чтобы не возникло каких-то нежелательных помех, но у него появились надежные помощники. Колючка и Шляпа вошли в семью, стали для нее своими, в особенности Колючка, которому удалось втереться в доверие к Эвансам еще годы назад.

Конепес не сдержал довольного смешка. Простаки из Галактического центра числили Колючку своим подпольным агентом и внедрили его в семью в момент, когда та, спасаясь от бесконечников, собралась искать спасения в прошлом. На деле доклады Колючки получал в первую очередь Конепес, и они укрепили его интуитивную догадку, что Эвансы заслуживают самого пристального внимания.

Разумеется, нет и не может быть гарантий, что проект по той или иной причине не потерпит краха, как терпели крах его предшествующие проекты. По-видимому, у разума ничтожно мало шансов развиться до своего потенциального потолка. На протяжении столетий были другие расы, которым он пытался помочь, не щадя усилий,— и все попытки потерпели провал. Впрочем, терпели банкротство и расы, которым он

помогать не пытался. Радуги, например, в конце концов потерпели провал потому, что подавляли свои эмоции вплоть до полного их исчезновения, но вместе с эмоциями утратили все жизненные ценности. Бесконечники сбились с пути, когда бросили всю свою энергию на фанатический межзвездный крестовый поход. И даже раса, к которой принадлежал Конепес, потерпела фиаско: в погоне за бессмертием, закончившейся вроде бы вполне успешно, раса принесла в жертву способность к воспроизведению потомства, и в конце концов он остался последним и единственным ее представителем.

От размышлений его отвлек мягкий хлопок. Прямо перед ним стоял Шляпа, отряхиваясь, как собака после дождя. Отряхивался визитер до тех пор, пока каждая из его одежек, порядком помятых, не села на свое место,— а затем аккуратно уселся сам.

«Не думай, что я оставил свой пост,— объявил Шляпа.— Я вернусь обратно и честно исполню все, что мне поручено. Я просто сбежал от волка. Он взял за правило подкидывать меня и трясти. А то отойдет, внушая мне ложную надежду, что я ему наскучил, но потом передумает и вновь набросится на меня. Он меня совсем изжевал и истрепал...»

— Придется тебе с этим смириться,— сказал Конепес.— Такова роль, которую ты должен играть. Пока в тебе видят всего-навсего куклу, никто не заподозрит, что ты ловкий шпион. Думаешь, мне приятна роль, выпавшая на мою долю? Я должен выступать клоуном, разговаривать нескладно, как положено недотепе-инопланетянину, нести всякую небывальщину, прибегать к затрепанным трюкам...

Вроде трюка, какой он придумал для девочки Инид, внушив ей, что она должна подержать палец на перекрестье нитей, чтобы дать ему возможность завязать узел. Он завоевал ее доверие, заставив ее ощутить себя соучастницей создания невода,— а на самом деле невод давно висел поблизости, ожидая лишь мысленной команды, чтобы сделаться видимым.

А чтоб она не усомнилась, что играет на борту невода важную роль, он подсунул ей визуальное устройство, которое сам же оставил на розово-пурпурной планете, как и сундук с галактической схемой. Побуждение отправиться к пирамидам было внушено ей, когда она воображала, что они оба «думают друг на друга». А потом он внушил ей заблуждение, что

она спасает его от багрового хищника, в то время как багровость всего-то хотела прокатиться на неводе вместе с ними.

«И ни в чем этом не было бы нужды,— объявил Шляпа,— если бы ты не лез не в свое дело. Но тебе непременно надо вмешиваться в чужую жизнь. Никто не просил ни твоего совета, ни твоей помощи. Ты просто-напросто навязываешь себя самым назойливым образом».

— Может, и навязываю,— согласился Конепес.— Но как же не навязывать, когда крошечный толчок может направить расу на путь к полному воплощению своего интеллектуального потенциала!

«А я еще и помогал тебе,— посетовал Шляпа.— И настолько увлекся, что порой предпринимал действия по собственной инициативе. Именно так я вовлек себя в переделку с волком. Твой драгоценный Бун глупейшим образом задремал у костра, а волк подобрался к нему уже совсем вплотную. Еще минута, и волк перегрыз бы Буну горло, не проникни я в глупую волчью башку и не наполни ее братским чувством по отношению к человеку и собачьей преданностью ему».

— Я уже говорил тебе, что ты поступил правильно. Хорошо ты справлялся и с программированием времялетов всякий раз, когда семья ими пользовалась. Даже когда ты запрограммировал времялет Инид так, чтобы доставить Мартина с бесконечниками сюда, ты поступил умно, хоть в первый момент, когда я глянул на этого Мартина, мне так не показалось.

«А еще я спас Коркорана, пока ты лазил по своей галактической схеме. Я наблюдал за ним. И как увидел, что он вот-вот сверзится, выключил ему сознание и перенес сюда, на Магистраль. А теперь, для того чтобы мне было сподручнее шпионить за твоими любимчиками, ты обрекаешь меня на участь игрушки для волка. Разве это надлежащая награда за...»

Конепес перебил нетерпеливо:

— Скажи мне, видишь ли ты какие-то признаки того, что эти двое намерены спариться?

«Это уже произошло,— ответствовал Шляпа.— По-моему, Инид корит себя за то, что это случилось до ритуала, который именуется свадьбой. Признаюсь, смысл ритуала совершенно непостижим для меня».

— И не пытайся в этом разобраться,— заявил Конепес.— Сексуальная этика иных рас всегда кажется лишенной смыс-

ла. А уж синдром, который люди называют любовью, и вовсе невозможно понять.

Однако Шляпа уже не слушал. Он вошел в фазу тряпичной куклы и безжизненно свалился на стол.

Бедная скотинка, подумал Конепес с внезапной симпатией. Может, я и впрямь эксплуатировал его слишком жестоко, и ему надо отдохнуть...

Ему припомнился день, когда он нашел это изделие-существо в укромной нише одного из древних музеев своего собственного народа. Возможно, Шляпу спрятали там сознательно в предвидении, что раса его создателей обречена на исчезновение. Взглянув на куклу мельком, он в первый раз прошел мимо, не желая обременять себя реликтами прошлого. Однако впоследствии он все-таки вернулся за ней и не уставал благословлять судьбу за этот поступок, потому что Шляпа обладал качествами, которые не удавалось осмыслить. Например, он мог перемещаться в пространстве-времени один и с грузом без помощи невода или каких-либо других устройств.

Итак, Бун и Инид спарились. Жребий брошен. Конепес понимал, что возникает неизбежный генетический риск, но это была азартная игра поинтереснее любой из игранных им прежде. В чем, в чем, а в генетике он разбирался. Не исключено, что этот союз даст начало новой расе — ответвлению человечества, сочетающему в себе эволюционный скачок, олицетворением которого стал Бун, и силу духа маленькой ячейки, которая в одиночку осмелилась противиться угрозе со стороны бесконечников.

Он восхищался упорством Эвансов и помогал им, сразу распознав в их упорстве многообещающую перспективу. Именно он предоставил им простейшие из изобретенных его соплеменниками машины времени — ковчеги, ранние предшественники невода. Да, у бесконечников тоже была техника для путешествий во времени, но очень сложная, с ней мятежникам никогда бы не справиться. Вновь прибегнув ко лжи, Конепес заставил Эвансов поверить, что они украли времялеты у бесконечников.

Все это было до того, как он по счастливой случайности вышел на Буна. Когда Бун явил свои чрезвычайные способности, возникла проблема, как свести человека двадцатого века с семьей из Гопкинс-Акра. Потребовались новые хитрые улов-

ки — словечко Мартину, чтобы тот отправился к Коркорану, а потом словечко Коркорану для передачи Мартину, такое словечко, чтоб авантюрист перетрусил и сбежал, бросив большой ковчег. Собственно, Коркоран возник на сцене благодаря своей дружбе с Буном, а также благодаря странным свойствам своего зрения. Еще одно небольшое подстрекательство — и Коркоран отправился к «Эвересту» осмотреть апартаменты Мартина и заметил невидимый ковчег.

Приходилось признать, что с Коркораном чуть было не произошла ошибка. Конепес ожидал, что Бун «ступит за угол» и проникнет во времялет один, тем самым бросив Коркорана на произвол судьбы. Но талант Буна оказался еще мощнее, чем можно было предполагать. Большая удача, что обошлось без осложнений. Опасность возникла лишь в тот момент, когда Коркоран обнаружил диковинное дерево, но все хорошо, что хорошо кончается.

Однажды, сказал себе Конепес, надо будет уделить время чудо-дереву и попробовать разобраться, что оно такое. Хотя вряд ли удастся выяснить, какая раса или какой народ ответственны за это чудо и что побудило их высадить дерево на Земле и именно в ту эпоху, не раньше и не позже...

А все же двух мнений быть не может; так или иначе, все обернулось лучше, чем он рисовал себе в самых смелых мечтах. Конечно, предстоит дальнейшая работа. Предстоит, например, найти жен и мужей для еще не родившихся детей Буна и Инид. Вероятно, подходящих кандидатов и кандидаток надо поискать на планетах, колонизованных землянами. Но главное уже сделано.

Конепес ленивым движением пододвинул к себе визуальное устройство — взглянуть, что поделывает Мартин. Странно, но желание следить за этим проходимцем не исчезало: ведь не вырваться Мартину оттуда, ни за что не вырваться! А все равно скользкий тип...

На экране возникло помещение храма, заполненное обалдевшими приверженцами. Мартин в красно-золотом одеянии стоял перед вычурным алтарем. А напротив алтаря, на пьедестале, покоилась мозговая коробка робота-убийцы. Было очевидно, что Мартин держит горячую духоподъемную речь. Вот он простер руки, и толпа подпрыгнула как один человек в неистовом восторженном вопле. Значит, он таки добился сво-

его, добился вожделенной власти, и никто не смеет ему противостоять. Капкан самовосхваления будет держать его прочнее любого другого. И тем не менее Конепес знал заранее: нравится или нет, противно или нет, а за Мартином придется послеживать и впредь.

Теперь надо выполнить еще одну обязанность. Не то чтобы она была абсолютно необходимой, но надо пойти на это хотя бы вежливости ради. На экране, в далеком будущем, виднелось скопление искр в чуть заметной тени старого-престарого дерева, последнего дерева Земли, медленно оборачивающейся вокруг кроваво-красного, распухшего и умирающего Солнца.

Когда Конепес уже полез на невод, Шляпа вновь очнулся и сел покачиваясь. И спросил:

«Ну а теперь ты куда?»

— Собираюсь вернуть Генри к семье. Уж не знаю, как он сам, а семья будет рада увидеться с ним снова. Хочешь составить мне компанию?

Шляпа отверг предложение, покачав своим клобуком:

«Опять ты за свое. Опять вмешиваешься. Опять навязываешь себя другим...»

Невод растаял в серости, а Шляпа свалился на стол безжизненной, неуклюжей, всеми брошенной куклой.

Содержание

ИСЧАДИЯ РАЗУМА 5

Перевод с английского О. Битова

МАСТОДОНИЯ 173

Перевод с английского К. Кафиевой

ЖИВИ ВЫСОЧАЙШЕЙ МИЛОСТЬЮ 399

Перевод с английского А. Александровой

МАГИСТРАЛЬ ВЕЧНОСТИ 581

Перевод с английского О. Битова